

Сергей Вахрин

ТАЙНЫ КАМЧАТСКИХ ИМЁН

Том II

История камчатских фамилий
(Т-Я)

Имя на карте
Покорители Великого океана
Встречь солнцу
Хроника неоконченной войны
Потомки остроклювого бога
Забывтая экспедиция
Камчатские ссыльные
«Ты меня никогда не забудешь»
Просветительница из Малок

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания

«Новая книга»

2014

УДК 882
ББК 84(2Рос–рус)6
В22

Вахрин С. И.

В22 Тайны камчатских имен : в 2-х томах, том II / С. И. Вахрин. – Петропавловск-Камчатский, 2014. 1000 стр.

Книга Сергея Вахрина открывает многовековые тайны происхождения фамилий, которые носят коренные жители Камчатки. Во втором томе завершается описание этих фамилий в алфавитном порядке от Т до Я, а затем даются очерки, продолжающие тему. Часть очерков была издана ранее отдельными книгами, но, собранные вместе, они дают цельную картину происходящих на Камчатке исторических событий, с которыми связаны все без исключения фамилии живущих нынче камчадалов и других коренных жителей полуострова.

ISBN 987–5–87750–268–0

© С. И. Вахрин, 2014
© Холдинговая компания
«Новая книга», 2014

Предисловие редактора

Второй том книги Сергея Вахрина «Тайны камчатских имён» открывается продолжением его большой работы «История камчатских фамилий», где очерки о фамилиях даны по алфавиту, начиная с буквы «т» и заканчивая «я». В предыдущем томе, соответственно, были очерки от «а» до «с». Практически все русские фамилии коренных камчадалов собраны в двухтомнике, с той или иной степенью детальности описана история их возникновения, приводятся родословные связи, которые зачастую протягиваются до наших дней.

Огромная работа проделана писателем и краеведом Сергеем Вахриным по сбору информации о фамилиях коренных камчадалов. Как говорится во вступлении к первому тому, книга писалась целую жизнь. Идея родилась в 1960-х годах, ещё в его детстве, а в 1980-х начали появляться в прессе публикации Сергея Вахрина из цикла «Камчатские фамилии». В 1990-х пошли книги: «Покорители великого океана», «Потомки остроклювого бога (Камчадалы)», «Встречь солнцу», очерк «Камчатские ссыльные» напечатан в Антологии современной камчатской литературы «Земля над океаном», том I (П.-Камчатский, «Новая книга», 2012 г.), очерк «Иван Козыревский» опубликован в сборнике «На суше и на море» (М., Мысль, 1991 г.), а очерк «Экипаж мятежного галиота» был опубликован сначала в журнале «Вокруг света» (№ 2–30, 1990 г.), а потом вошел в сборник «100 великих авантюристов», глава «Август Мориц Бенъевский», в журнале «Дальний Восток» (№ 10, 1990 г.) опубликован очерк «Камчатский декабрист» о династии камчатских просветителей Логиновых – Лонгиновых и их санкт-петербургский ветви Анжу – Штейнгель.

Здесь все эти книги, после добавлений и доработки, собраны вместе, что делает историю более цельной. Читатель найдёт и казаков, и моряков, и солдат, крестьян, мещан, промышленников и купцов, охотников и рыбаков и т. д. Не очень искушенный в истории читатель удивится: да эти же фамилии все на слуху, неужели их история тянется аж в глубину трёх и более веков, в

самое начало открытия и освоения Камчатки русскими? И это действительно так. А искушенный, знающий читатель порадует: столько в двухтомнике нового, многим доселе неизвестного!

Автор размашисто рисует историю – большим, красочным полотном, не ограничиваясь одной лишь информацией о фамилиях, о их первоначальных носителях и их восприемниках, родственниках. Это одновременно и справочник, и историческая работа, вообще, на одной этой книге можно изучить историю Камчатки.

Во вступлении к I-му тому автор благодарит тех, кто помогал ему собирать материал к книге, поэтому читателя отсылаем туда. Здесь лишь отметим, используя слова автора, что «история камчатских династий – это наша общая история, проходящая через судьбы отдельных родов, семей и конкретных людей... это детализированная история Камчатки». Более того – очень многие подробности в этой книге о представителях камчатских династий являются семейным достоянием, сохраненным для потомков в очень тяжелое время, когда дети «врагов народа» несли всю полноту ответственности за деяния (хотя и мнимые) своих родителей. Тем не менее представители камчатских династий и краеведы сохранили очень важные подробности и исторические детали, которые очень важны для сохранения памяти, сохранения истории.

Как нам кажется, тайны камчатских имен только еще начинают раскрываться с выходом этого большого исторического исследования, которое вдохновит и других представителей камчатских династий поделиться своими воспоминаниями, для этого у вас есть целый портал – «Камчадалы.ру». С тем и открываем второй том книги.

*Александр Смышляев,
редактор*

ИСТОРИЯ КАМЧАТСКИХ ФАМИЛИЙ (окончание)

ТАБАРИНЫ

Обнаружена только эта информация: Табарин Иван Никитич, камчадал селения Коряки, 1893 г., 62 года. Происхождение фамилии неизвестно.

ТАНСКИЕ

Также обнаружена всего одна запись: Танский Михаил Иванович, служащий казачьего ведомства, 1893 г., 30 лет. Жена – Наталья Федоровна – 25 лет. (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

ТАРАБЫКИНЫ

Самые первые сведения о камчатских Тарабыкиных (Тарабукиных), Тарабукин, приказчик Камчатки, пятидесятник: «В 1726 г. за ясачным сбором в камчатку был послан дворянин Яков Мохначевский, которому поручались Верхне и Нижнекамчатские остроги, но который так и не доехал до Камчатки и, вместо него, в августе 1726 г. назначен пятидесятник Тарабукин, а С. Трифонов оставлен в Большерецком остроге. Тарабукин прибыл на Камчатку только в 1727 г., прождав в Охотске прихода судна больше года. («Правители Камчатки». <http://www.kamlib.ru/resources/praviteli.htm>).

Камчатским служилым в первой половине 18-го столетия был Алексей Тарабыкин («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 88, 89).

Камчатские казаки участвовали во многих всемирно известных морских экспедициях: Тарабыкин Василий, участник экспедиции Креницына-Левашева к берегам Америки, член экипажа бота «Святой Гавриил» (Алексеев А. И. «Судьба Русской Америки», Магадан, 1975 г.).

Казачи Тарабыкины (Теребякины) участвовали и в крещении камчадалов: в 1749 году фамилия Теребякиных зафиксирована в селениях Харчино и Камаки. Но есть и одно трагическое событие на Камчатке, связанное с именем казаков Тарабыкиных, ставшее причиной гибели тысяч коренных и местных жителей полуострова: *«В сентябре 1768 г. из Охотска было отправлено в Большерецке казенное судно “Св. Павел”, на котором находился казак Тарабукин, не совсем выздоровевший от бывшей у него оспы. От Тарабукина оспа перешла на команду судна и жителей Большерецка, а потом распространилась по всему полуострову и на Курильских островах, и с такою быстротою и силою, что не успевали даже погребать умерших. В то время во всей Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала по полуострову приказания, чтобы больных содержали в теплых избах, кормили свежей рыбою и не позволяли пить холодного – вот все меры, которые были приняты противу этой ужасной болезни! Оспа свирепствовала в Камчатке до конца июля 1769 г. и произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека, и трупы умерших гнили, не преданные земле»* (Сгибнев А. «Очерк...»).

В 1893 г. в Нижнекамчатске по Исповедальной росписи проходит, помимо крестьян Тарабыкиных, некий поселанин Тарабикин (Тарабыкин) Гавриил Александрович (73). Жена Дарья Захаровна (53). Сын Андрей Гаврилович Тарабыкин (35), жена его Мавра Полиектовна (25). Воспитанник их Платон (1). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

В 1904–1905 гг. Платон Гаврилович Тарабыкин в составе Усть-Камчатской дружины защищает от японцев восточное побережье полуострова.

М. А. Кириченко в «Воспоминания камчадалов и старожиллов Камчатки» (Петропавловск-Камчатский, 2007 г., стр. 57) сообщает о Николае Тарабыкине, который погиб в финскую войну...

ТАТАРИНОВЫ

Эта фамилия интересна для исследователей в том плане, что она на разных исторических этапах и для разных камчатских сословий

может принадлежать к одному камчатскому корню, идущему, возможно, от камчатского приказчика якутского казака Петра Татарина, родственники (братья, дети, внуки) которого служили на Камчатке и были казаками. В начале XIX века казаки Татариновы могли быть переведены в военнотружущие и причислены к Камчатскому гарнизонному батальону (Сомовскому полку), а затем, после расформирования полка, причислены к крестьянскому сословию, а из крестьян переведены в камчадалов селения Шапино.

По крайней мере, фактов того, что камчатские Татариновы представляли все камчатские сословия, достаточно.

О приказчике Петре Татаринове мы уже сказали.

Татариновы – военные:

Татаринов Иван Осипович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 32 года.

Татаринов Владимир Николаевич. Воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 15 лет.

Татаринова Евдокия Лаврентьевна, девица, дочь отставного солдата, 28 лет.

Дочь Дарья (8). Племянницы: Фекла Осиповна Воробьева (9), Ксения Афанасьевна Берескина (15) (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

Татариновы – крестьяне:

Татаринов Константин Илларионович, с. Николаевское, крестьянин, 1893 г., 33 года.

Жена Мария Васильевна (43). Сын ее от 1-го брака Прокопий Андреевич Ерофеев. (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Татариновы – камчадалы:

Согласно «Ревизской сказки» о 13-й народной переписи камчадалов Шапинского селения Петропавловского округа Приморской области 1890 г. февраля 4 дня (ГА ДВ, ф. 87, оп. 5, д. 169) Степан Кириаков Татаринов и Харитон Иванов Коркин с семействами причислены в Шапинское сел. из Николаевского указом Приморского областного правления от 17 августа 1884 г. за № 6583. О судьбе семьи Татариновых нам больше ничего неиз-

вестно, но вот Харитон Иванович Коркин по последующим переписям числится уже камчадалом.

ТЕЗКИНЫ (ТЕСКИНЫ)

По происхождению это одна и та же фамилия камчадалов из Ичи, но по имеющимся документам периода обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Тезкиными писались ичинские камчадалы, осевшие в Апаче, а Тескиными – их родственники из Ичи (иногда в архивах эту фамилию прочитывают как Гешкины или Тешкины).

Тескин Осип. Староста с. Ича, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Отражение японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г. (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Или другой участник обороны Камчатки: Тескин Федор Митрофанович, впоследствии репрессированный: 1885 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Ича; русский; был членом рыболовецкого колхоза «Ленинский путь»; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Ича. Арест: 05.06.1941. Осужд. 23.06.1941, КОУ НКВД. Обв. по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 02.01.1990. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

А из Апачи в дружине состояли Тезкин Кузьма и Тезкин Илья.

В годы Второй мировой войны на фронте отдали свою жизнь за Родину:

Тескин Владимир Семенович, красноармеец. Призван Усть-Большерецким РВК. Убит 12.03.44 г. Захоронен: 500 м юго-западнее д. Симоново Пустошкинского района Калининской области.

Тескин Леонид Семенович, рядовой. 1924 г. р. Призван Усть-Большерецким РВК. Погиб 12 августа 1945 г. Захоронен: 15 км южнее г. Мулина, высота «Маршальская», братская могила.

ТОЛМАН

Вот информационное сообщение, которое появилось несколько лет назад на информационных сайтах: *«В селе Мильково Камчатского края состоится сход представителей одной из ста-*

рейших камчатских фамилий – Толман. По данным краевого агентства по делам архивов, представители фамилии связаны родством с жителями 26 стран мира. Основатель рода приехал на Камчатку во время Русско-Американской кампании из США и осел здесь, обзаведясь семьей.

Сейчас его потомки проживают по всей территории региона.

На сходе, который пройдет 21 мая 2009 г. в 18.00 в клубе села Мильково, соберутся около 500 представителей фамилии, передает пресс-служба камчатского правительства. Агентством по делам архивов Камчатки специально к сходу подготовлено генеалогическое древо семьи Толман, размер которого составил 3 на 3 метра».

Более подробно о происхождении своей фамилии сообщают сами представители этого рода:

Толман Василий, 1836 г. Вильям, в православии Василий. Петропавловский мещанин. С 1799 по 1867 г. существовала Русско-Американская компания. В это время на Камчатку возил рыболовные снасти и охотничье снаряжение капитан торгового судна американец Вильям Толман. Груз он возил из Сан-Франциско. В 1813 г. он обосновался в Петропавловске, женившись на Дарье, дочери морского офицера Егора Кекенова (Кикенова) из Санкт-Петербурга, здесь Вильям стал работать снабженцем при власти и переводчиком. Вскоре он с женой переехал в Тигиль. На Камчатке Вильям принял православную веру, крестился и его нарекли Василием. У Василия с Дарьей в общей сложности было 10 детей: Авдотья, Фаня, Александр, Анна, Николай, Софья, Лариса, Елена, Мария, Иван. Иван потом переехал в Мильково, и от него пошел очень большой род мильковских Толманов. Николай дал тигильскую ветку потомков Вильяма-Василия Толмана. Он женился на Матрене (девичью фамилию мы пока не знаем). В этой семье в Тигиле родились: Александр, Николай, Федор, Степан. Дальше тигильскую династию Толманов продолжили дети Федора, который женился на Анастасии Баженовой. Как мне рассказывала Надежда Прокопьевна Сычева, дед Федор прожил очень долгую жизнь, он умер в возрасте за 90 лет. В Тигиле его знали как псаломщика (псаломщик – православный церковнослужитель, который по-

могает священнику во время богослужения). У Федора Толмана были мастерские руки, он изготовлял сани и нарты для собачьих упряжек. Он работал в сарае, где было много стружек, к нему часто прибегали дети, играли среди стружек. Федор и Анастасия дали жизнь Николаю, Юлиану (домашние его называли Иулиакой), Ксении, Пантелею, Федору, Парасковье. Тигильскую родословную продолжали потомки Иулиаки, Пантелея, Ксении. Я, Нина Юрьевна Толман, уроженка с. Седанка, внучка Иулиаки Толман. Женой Иулиаки является Любовь Николаевна Юшина, их первенец – Надежда – моя мама. Она родилась в 1923 г., имела брата Николая, который в детстве умер от менингита, сестру Матрену и второго младшего брата Николая. Мама, Надежда Иульяновна Толман закончила Тигильское педучилище и до пенсии работала учителем начальных классов в селах Морошечное, Белоголовое, детском доме, в Воямполке, Лесной, Седанке. Имела орден Трудового Красного Знамени. Мария, дочь Вильяма – Василия Толман, в 17 лет была отправлена отцом в Санкт-Петербург погостить у родственников. По приезду назад, на Камчатку, Мария отправилась на китобойном судне на родину отца в Америку, где она вышла замуж за Ким Дана, у них родилась дочь Катрин. Катрин стала матерью Роберта и Вильяма. Она всегда говорила своим сыновьям: «У вас на Камчатке сестры и братья. Найдите их». Роберт в 1991 г., очень больным написал в Государственный Камчатский архив письмо, откуда стало известно, что его старший брат Вильям умер, так и не дождавшись желанного: найти близких родных на Камчатке, долго между Советским Союзом и Америкой продолжалась «холодная война». Из-за «холодной войны» сыновья Катрин не могли исполнить просьбу матери о поиске родственников на Камчатке. Роберт написал в письме, что в их доме очень долго хранилась медвежья шкура, присланная родными Толман с Камчатки. Еще в семье бережно хранилась реликвия: книга Георга Кеннана «Кочевая жизнь в Сибири. Странствия между коряками и другими племенами Камчатки и Северной Азии», которая была издана в 1870 г. В этой книге остались на полях записи бабушки Вильяма и Роберта – Марии Толман. (Георг Кеннан был телеграфистом. В то

время американцы планировали провести телеграфную связь в Сибирь на Амур, в том числе на Камчатку, кабель решили протянуть по дну Берингова пролива. Были созданы изыскательские экспедиции. Одной стал руководить Георг Кеннан). Роберт просил опубликовать его письмо в средствах массовой информации, дал свой адрес в надежде, что откликнутся камчатские Толман. В 1992 г. Роберт умер. Работу по дальнейшему исследованию родословного древа Толман стали продолжать старший сын Крис и жена Йома. В 1993 г. Йома приезжала в Петропавловск-Камчатский и гостила у архивиста Елены Павловны Абрамовой. По воле случая Абрамова оказалась родственницей: ее муж Евгений Юрьевич из рода Чуркиных – Толман. Йома встречалась и с его родными сестрами Ниной Юрьевной и Валерией Юрьевной. В 1996 г. я была в Америке и встречалась с Йомой. Она дала мне документ о брате Марии Толман (Дан) – Александре. В 1833 г. он был отправлен с Камчатки в Америку к американцу Персу, который должен был, по договоренности со старшим Толман обучить Александра коммерческим наукам. Когда Александру исполнилось 21 год, он закончил учебу и должен был вернуться к отцу. Он двинулся в путь, но неизвестные опасности заставили его долго быть на Гаваях (тогда они назывались Сандвичевы острова), т. к. в 1854 г. на Камчатке развернулась война с англичанами и французами. Мария встречалась с Александром на Гаваях. Александр умер в Китае, так и не попав на Камчатку в свою семью. Поступил еще один документ: в 1850 г. Василий Михайлович Толман (мещанин) был в возрасте 57 лет, его жена Дарья Кекенова (Кикенова) – 52. Дети: Александр – 29 лет, Николай – 25 лет, Иван – 10 лет, Елена – 19 лет (она в этом же году умерла) и Мария – 16 лет. (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 27. Краевед Н. Ю. Толман.)

Встреча в Мильково 17 марта 1993 г. «Панорама Тигильского района», № 22. В конце февраля – начале марта в Мильково проводились дни камчадало-ительменской культуры, посвященные 1993 г. – году малочисленных народов и этнических групп. (Этнос – этническая общность (от греческого – племя, народ), исторически сложившаяся группа людей, обладающих общим самосознанием и самоназванием (этнонимом), общностью про-

исхождения и культуры (чаще всего языка). При своем возникновении этнос связан с определенной территорией, в ходе дальнейшей миграции на одной территории живут представители разных этнических групп.) Программа этих мероприятий была достаточно обширной. Фольклорные ансамбли: ковранский «Эльвель», анавгайский «Нургэнэк», паланский «Эчгатгынын» побывали с концертами в школах Мильково. Выезжали в села Таежное, Пушино. Прошла научно-практическая конференция «История культуры ительменов» с участием историка Сергея Вахрина, работника Госкомсевера В. И. Успенской (Беккеровой), работника областного краеведческого музея И. В. Витер. Ими были даны исторические справки об ительменах – камчадалах, о которых в свое время писал С. П. Крашенинников, описывая подробно их культуру и быт. Сейчас идет серьезный спор насчет того, кто же такие камчадалы? А ведь они имеют глубокие этнические корни, жили и живут на Камчатке, имея традиционный уклад и образ жизни. Все они – потомственные рыбаки и охотники. Многие считали, что камчадалы – это метисы. Сейчас учеными-краеведами ведется глубокое исследование по этому вопросу в архивах нашей страны. В частности, в Томске имеется архив, в котором приводятся данные обо всех именах камчадалов по крещению: Плотниковых, Беккеровых, Машихиных, Бобряковых... их родословные имеют корни коренных жителей Камчатки. При крещении они приобрели русские фамилии. Мне же было интересно встретиться, познакомиться и подружиться с семьями, имеющими фамилию Толман. В первые же минуты по приезду в Мильково мне указали на высокого черноглазого мужчину. Это был Владимир Иванович Толман. Он встречал гостей. В краеведческом музее, просматривая фотоальбом, посвященный жителям Мильково, отметил, что носящим фамилию Толман отведено несколько страниц. Например, Иван Иванович Толман рассказывал своим сыновьям, что прадед его был торговым человеком, прибыл в Тигиль из Сан-Франциско. Оттуда его сын перебрался в Мильково. Фотография. 8 мая 1933 г., Михаил Толман. В 40-х гг. получил Михаил Иванович письмо из Америки. Умерла тетка, оставившая очень солидное наследство – большой дом и деньги. В России – время смутное. Но не захотел старик пускаться в

опасный дальний путь. Отдал документы и письмо товарищу. Тот по дороге в Америку или обратно был ограблен и пропал. Еще две фотографии. Мужчина и женщина. В возрасте 18 лет любила Мария 23-летнего Родиона Толмана. Весельчак. Мастер на все руки, он привел ее в свою большую семью. Хозяйство было крепкое, одних коров с десяток. Все было создано своим трудом. В 1931 г. их раскулачили. Слово такое появилось: «лишенные». Мужчин повезли в Петропавловск, а Марии пригрозили: разводишь с кулацким сыном, а то и саму всего лишим, из комсомола выгоним. Что делать? Ушла Мария к матери. А через год вернулся Родион, да не простил, видно, – на другой женился. В колхоз записался, сел на первый маленький трактор «Сталинец». У колхоза «Безбожник» путь был долией, а о начале его местный сочинитель Лазарь Потапов сочинил поговорку: В 31-м г. приехало ГПУ. Все народы испугались. И в колхозы записались. Лесничий Спиридон Иванович Толман. За 30 лет работа столько леса посадил, что хватит и сыновьям и внукам. Жена директора этнокультурного центра М. И. Утрина в девичестве была Толман. Она ведет переписку с Робертом Остеном Холлом из Америки, который написал письмо на Камчатку. Письмо было опубликовано в газете «Камчатская правда» 12 января 1991 г. Долгое время Роберт пытался найти родственников на Камчатке. Но время для этого было неблагоприятное. Теперь ему 80 лет. В теперешней переписке я читала его письма Угриным в оригинале. Оно полностью опубликовано в «Камчатской правде» 26 февраля 1993 г. и там дан адрес американца.

Н. Толман, краевед, с. Седанка

Толманы (версия Михаила Утрина – «Вести»), 23 февраля 1991 г.: «... шотландец Иоганн Толман – родоначальник рода камчатских Толманов, который сегодня насчитывает более 400 человек. Иоганн Толман был капитаном американского судна, отсидел год с небольшим за контрабанду в Петропавловске, остался на Камчатке, женился. Прожил 102 года, был репрессирован как кулак (имел 4 коровы и 2 собачьи упряжки на 27 домочадцев). Его дочь вернулась в Америку и там умерла, завещав камчатским родственникам 1 млн долларов и дом в Фила-

дельфии. Родственники от родства отказались, дабы их не расстрелял как американских шпионов».

АМЕРИКАНСКИЕ КАМЧАДАЛЫ (газета «Камчатская правда»)

В «Камчатской правде» в рубрике «Что, где, когда» было опубликовано письмо американского камчадала Хилла Остина. Он обратился в архив Камчатской области с целью узнать живы ли его родственники Толманы.

Наш этнокультурный центр камчадалов собрал материалы по родословной Толманов. Основатель этого рода Михаил прожил на Камчатке 102 года, дважды был раскулачен. Его дочь с китобойным судном уехала в Америку и там тоже продолжила род Толманов. Сын камчадалки Марии Толман Остин Хилл написал Ольге Толман (Угриной) и мне уже второе письмо. Предлагаем текст читателям «Камчатской правды».

Надеюсь, что Толманы, Никеновы узнают о своем роде новые интересные сведения.

*М. Угрин, директор этнокультурного
центра камчадалов*

«Шлем вам американский привет!

Извините за промедление с ответом на ваше хорошее письмо. Теперь у нас есть друг, который переводит ваши письма (может быть, не всегда точно), потому что мы не говорим по-русски.

Расскажу о нас. Я, Роберт, работал в Нью-Йорке и в Бостоне, после отставки – на полуострове Капе Код. Моя жена, Йома, была учителем и актрисой. Наши дети все взрослые и имеют свои семьи. Самая старшая дочь, Йома, работает учителем, но теперь издает школьные книги. У нее два сына. Наш старший сын, Христофер, имеет степень математики. Другой сын, Вилльям, служил в военно-морском флоте. У него степень психологии. Младший, Тимоти, работает в научно-исследовательской компании. Мне, Роберту, 80 лет. Здоровье мое не очень хорошее и слишком хрупкое. Я только путешествую в письмах и в мыслях.

Посмотрели фильм о Камчатке и увидели вас. Роберт Престон

и Давид Коновер, которые сделали этот фильм, сказали нам, что другие ваши фотографии находятся в Бостоне. Нужно ехать туда. Бостон находится недалеко, полтора часа езды на автомобиле. У нас была копия фильма, и мы показывали его родным, чтобы они ипосмотрели на своих русских родственников. Если бы мы знали, что вы будете в Бар-Харборе, мы бы посетили вас там. Говорили бы с помощью рук, потому что не знаем русский язык.

Три человека, которые сделали фильм о Камчатке, отметили ваши познания и достижения. Они и сказали, что вы очень благородный, добрый и мужественный. То же сказали и люди, которые вернулись с Камчатки. Благодарим небо, что мы можем свободно говорить. В этом мире все люди – братья, но мы и вы – братья по крови.

Мы уже давно пытались найти вас, но политический климат был не очень благоприятным. Рады, что теперь все изменилось.

Ваша мать сказала: я, Роберт, похож на дедушку Михаила. Мы тоже нашли сходство между вашими красивыми дочерьми и моей мамой Катериной. Она – самая молодая дочь Марии Толман. В 1847 г. Мария пришла в Америку на китобойном судне. Вышла замуж. Мы желаем знать о русской матери Марии. Ее имя было Дарья или Евдокия. Вы знаете что-нибудь о семье Никенова? В письме молодой Марии мы прочли, что у нее есть разрешение посещать родственников в Нью-Йорке. Может быть, семья Никенова пришла из Петербурга?

В сентябре 1930 г. три брата: Михаил, Иван и Владимир – через торговцев шкурами в Канаде спрашивали о своих американских двоюродном брате и сестре. Мы знаем, что три брата были хорошими охотниками и рыбаками.

В доме моих родителей была шкура медведя с Камчатки. Помню, что мои родители отправляли на Камчатку винтовки и амуницию, подарки (может быть, для дедушки Михаила, которому было 102 года).

Мое письмо длинное, но хотелось многое рассказать после долгого молчания.

Желаем здоровья и счастья. Мы надеемся встретиться с вами лично. Бог благословляет вас.

Любовь и уважение!
Роберт Аустин Хилл, Йома Елизабет Хилл».

История этой семьи, казалось бы, изучена уже детально, но, тем не менее, открываются все новые и новые страницы. К сожалению, не указано имя, но один из представителей этого камчатского рода Толман (Тольман) был учеником Петропавловского штурманского училища в 1854 г., о дальнейшей судьбе которого мы до сих пор ничего не знаем: покинул ли он Камчатку, как Александр и Мария, или остался служить в здешних местах.

Фамилию Толман мы встречаем и среди камчатских дружинников, защищавших западное побережье Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.: Толман Михаил (Ичинская дружина), с. Мильково; Толман Петр Степанович, мещанин (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Судя по всему, это Михаил Иванович Толман, внук Вильяма-Василия, сын основоположника мильковской ветви камчатского древа Толман, а Петр Степанович – внук Николая Васильевича, основоположника тигильской ветви, то есть правнук Вильяма-Василия.

Из Мильковского района был призван в ряды Красной Армии рядовой Владимир Васильевич Толман, погибший на фронте в марте 1944 г.

В числе тех, кто подвергся политическим репрессиям, оказался Толман Анатолий Михайлович (сын Михаила Иоанновича), 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково; русский; образование: церковно-приходская школа и 3 класса высшего начального училища; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково. Арест: 19.02.1930. Осужд. 10.07.1930, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: на срок предварительного заключения. Реаб. 20.07.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

ТОЛСТИХИНЫ

Место постоянной дислокации этой казачьей камчатской фамилии там, где определила служба: Петропавловск, Тигиль, Колпаково.

За верную службу царю-батюшке и поплатились в годы сталинских репрессий:

Толстихин Петр Петрович. 1902 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: высшее городское училище; б/п; был помощником начальника отделения связи; место проживания: Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 07.10.1937. Осужд. 17.03.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 25.05.1938. Реаб. 22.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Толстихин Василий Иннокентьевич. 1875 г. р. Место рождения: Камчатская обл., с. Тигиль Тигильского; образование: низшее; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., с. Тигиль. Арест: 09.10.1937. Осужд. 17.03.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 25.05.1938. Реаб. 22.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Толстихин Иннокентий Афанасьевич. 1902 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: незаконченное среднее; б/п; был помощником начальника отделения связи; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 07.11.1937. Осужд. 14.12.1937, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. по ст. 58-14 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 19.05.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Толстихин Нестер Афанасьевич. 1894 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; камчадал; образование: низшее; б/п; был членом рыболовецкой артели; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 03.03.1934. Осужд. 02.02.1935, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. как «социально вредный элемент» (без ссылки на закон). Приговор: лишен права проживания в 39 режимных местностях бессрочно. Умер в ссылке (Красноярский край). Дата смерти неизвестна. Реаб. 15.09.1959. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Толстихин Петр Иннокентьевич. 1858 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; камчадал; образо-

вание: церковно-приходская школа; б/п; был охотником-промысловиком. Арест: 30.07.1931. Осужд. август 1932 ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-11 УК РСФСР. Приговор: освобожден из Хабаровской тюрьмы ввиду «преклонного возраста, тяжелой болезни и малозначительности и отсутствия вредных последствий от совершенного преступления». На Камчатку вернуться не смог. Дата смерти неизвестна. Реаб. 05.03.2002. Реабилитирован заключением помощника Генпрокурора РФ.

Толстихин Николай Михайлович. 1888 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Колпаково; русский; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Колпаково. Арест: 09.04.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Казачи Толстихины принимали участие в обороне Петропавловского порта в 1854 г.: Толстихин Василий Яковлевич. Казак – участник обороны Петропавловской крепости в 1854 г. С 1832 г. в Гижигинской сотне, с 1852 г. переведен в Камчатскую казачью команду.

Приняли участие казаки Толстихины и в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.

Толстихин Петр, казачий урядник. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. за защиту бобровых лежбищ на мысе Лопатка от японцев в 1904–1905 гг. Урядник Камчатской казачьей команды Петр Толстихин, казаки Павел Крупенин, Николай Селиванов, Николай Пинизин, Николай Волынкин, Чудинов, Помазкин отразили попытки высадки японцев на бобровые лежбища м. Лопатка. 18 мая 1904 г. принимал участие в боевых действиях на реке Большой. (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

В составе Тигильской дружины участвовали в боевых действиях Григорий (Отражение японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г., ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129), Афа-

насий, Василий Толстихины. В составе Облуковинской дружины – Константин Толстихин из селения Колпаково.

Казаки Толстихины принимали участие и в боевых действиях русской армии в первую мировую войну.

«Камчатский листок», 1917 г.

22 сентября. Господин редактор! Обращаемся с великой просьбой к Вам и в Вашем лице ко всем нашим землякам-камчадалам высылать нашу родную газету «Камчатский листок», нам так страстно хочется знать, что делается в настоящее время на нашей Камчатке в дни переустройства всей нашей жизни. Письма мы получаем очень редко, которые идут до нас 3–4 месяца. Если найдете возможным удовлетворить нашу просьбу, то вышлите, начиная с начала текущего года. Будем надеяться, что земляки не откажут нам. Адрес: действующая армия, 44 пехотный Камчатский полк, штабная команда, Нестору Толстихину.

С почтением: камчатские казаки Нестор Толстихин, Феодосий Павлов, Михаил Помазкин.

От редакции. Газета «Камчатский листок» была отправлена до получения этого письма с пароходом «Эривань».

Тигильский род Толстихиных:

Толстихин Иннокентий Васильевич, отставной казак, 48 лет. Дети – Василий (19), Николай (17). (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Толстихин Афанасий Иннокентьевич, кантонист, 30 лет, еще один сын Иннокентия Васильевича Толстихина. Дети: Мария (3), Нестор (1). (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК.)

В списке жертв политических репрессий мы найдем имена двух его сыновей – Нестора и Иннокентия (1902 г. р.) и двух братьев – Петра (старшего, 1858 г. р.) и Василия Иннокентьевичей Толстихиных.

Колпаковские Толстихины:

В 1893 г. – отставной казак Григорий Васильевич Толстихин (29 лет) и его жена Татьяна Иоанновна с сыновьями Николаем (9) и

Василием (2). (Исповедальная роспись Облуковинской церкви за 1893 г., ГАКК.) Вероятно, позже к нему присоединится и брат Михаил Васильевич, от которого и пойдут колпаковские Михайловичи.

Толстихин Василий Михайлович, кантонист казачьего ведомства, 1907 г., законная жена его Ираида Михайловна. Имя родившейся – Татьяна. Дата рождения – 9 февраля 1907 г. Дата крещения – 27 февраля 1907 г. Восприемники – того же казачьего ведомства Михаила Васильевича Толстихина дочь девица Анна Михайловна. Таинство крещения совершал священник Зинов Иванов. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1907 год, ГАКК.)

Михаил Васильевич был, вероятно, отцом как Анны Михайловны, так и Василия Михайловича Толстихиных. Возможно, и Николая Михайловича (1888 г. р.), приговоренного к 3-м годам лишения свободы в период политических репрессий.

Толстихина (Генкичи) Анна Михайловна, жительница села Колпаково.

Японец Генкичи во время проживания в сел. Колпаковском женился на Анне Михайловне Толстихиной, принял православие, а в 1912 г. был отозван в Японию (ЦГА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 44).

А это уже другая ветвь колпаковских Толстихиных.

Толстихин Давид Васильевич. Дата рождения – 08.09.1910 г. Родители – кантонист Тигильской казачьей команды Василий Григорьевич Толстихин и законная жена его Анна Федоровна. Таинство крещения совершал священник Николай Корякин. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1910 год, ГАКК.)

Толстихин Алексей Васильевич. Дата рождения – 15 марта 1912 г. Дата крещения – 16 марта 1912 г. Родители – кантонист казачьего ведомства Василий Григорьевич Толстихин и законная жена его Анна Федоровна. Восприемники – камчадал Колпаковского селения Михаил Петрович Вагин. Таинство крещения совершал священник Николай Корякин. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1912 год.)

Толстихин Юрий Феокистович, капитан МРС-150 из колхоза «Октябрь» (с. Устьево). Родился в с. Колпаково. Отец –

Феоктист Григорьевич, потомственный камчадал, охотник и рыбак, записался в рыболовецкую артель. Было семь детей, мать – доярка и полевод. Старший брат – Анатолий Феоктистович со школьной скамьи ушел на фронт – брал Курилы. Другой брат – Петр, как и Юрий, окончил Петропавловскую мореходку. Брат Александр – матрос на катере. Сестры закончили медучилище. Юрий начал работать после восьмилетки (с 1958 г.) – ловцом на закидном неводе. Потом был матросом на МРС. Затем колхоз отправил его на двухгодичные курсы судоводителей. Когда вернулся – его колхоз соединили с «Октябрем». Был старшим помощником капитана на МРС-80. В 1964 г. ушел служить в строительные войска. Вернулся с женой Тamarой Григорьевной. Родились двое сыновей. В 1970 г. перегонял с Амура первый в колхозе МРС-225 (капитаном был Василий Андреевич Соколов). А через десять лет перегнал сюда свой знаменитый «021». Первым в колхозе дал рекордный вылов – тысячу тонн на сейнер. Потом его повторили Б. В. Лукманов (его ученик) и Пак Хан Дюн.

Есть такое расхожее выражение: «Годы ценятся не за то, что они прошли, а за то, что в них сделано». Пожалуй, каждый год капитанского стажа Юрия Феоктистовича Толстихина был по своему знаменателен. Об этом говорят награды и добрая слава, которая сопровождает старейшего капитана колхоза почти постоянно. Младший сын как-то попытался подсчитать почетные грамоты, дипломы, свидетельства отличий и сбился со счета. Добрую славу заслужить нелегко и поддерживать трудно. Были у капитана годы поражений и пятилетки побед, были и безрыбье, и полные кутки. А самое основное, чему капитан Толстихин посвятил большую часть его рыбацкого времени и труда, – работа с молодежью. Постоянно экипажи малых рыболовных сейнеров, которыми руководит капитан, носят звание комсомольско-молодежных.

«С молодежью трудно, но интересно, – скажет как-то седой капитан. – С ними сам становишься моложе и лет своих совсем не чувствуешь». Улыбка у него открытая, доброжелательная и... молодая.

Принарядился как-то на праздник, надел все свои награды.

А когда пришел в сельский Дом культуры, все до единого значка снял и сложил в карман: «Люди и так знают, каков ты есть, зачем еще награды выставлять?»

Бороздит морские просторы рыбацкий сейнер. Грохочет лебедка, опуская в море трал. Замет за заметом, подъем за подъемом скручивают рыбацкие будни в тугой узел путинную страду. Где с шуткой, где с улыбкой, где словом добрым, а где и суровой отповедью руководит экипажем седоголовый капитан Юрий Толстихин, в глазах которого навечно поселились юношеский энтузиазм и далекие горизонты соленых просторов.

Газета «Рассвет», август 1985 г.

Петропавловские Толстихины:

Толстихина Матрена Петровна. Дата рождения – 26 февраля 1907 г. Родители – урядник Камчатской команды Петр Иннокентьевич Толстихин и законная жена его Синклитика Митрофановна. Восприемники – жена дьякона Петропавловского собора Павла Ворошилова – Зинаида Ивановна. Таинство крещения совершал священник Иван Гуляев. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1907 год, ГАКК.)

Они же и Тигильские Толстихины:

Толстихина Надежда Петровна. Родилась 11 сентября 1916 г. Родители – пятидесятник Тигильского казачьего отряда Петр Иннокентьевич Толстихин и законная жена его Синклитика Митрофановна. Восприемники – кантонист Тигильского казачьего отряда Иван Николаевич Юшин и кантониста Тигильского казачьего отряда Афанасия Толстихина жена Агафья Васильевна. Свящ. Николай Мирошкин. (Выписка из метрической книги Тигильской церкви за 1916 год, ГАКК.)

Петропавловский урядник, а впоследствии тигильский пятидесятник **Петр Иннокентьевич Толстихин**, судя по всему, это как раз и есть герой обороны Камчатки в период русско-японской войны, брат Василия, Николая и Афанасия Толстихиных, сын отставного казака Иннокентия Васильевича, внук героя обороны Петропавловского порта Василия Яковлевича Толстихина, племянник отставного казака Ивана Васильевича, кото-

рому в 1893 г. было 42 года (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви, 1893 г., ГАКК), и казака Михаила Васильевича Толстихина, родоначальника колпаковского рода Толстихиных (кстати, вторая ветвь колпаковских Толстихиных тоже из Тигиля – по линии другого героя обороны Камчатки в русско-японскую войну – казака-кантониста Григория).

Героями Толстихины были и на фронтах Второй мировой войны: рядовой **Толстихин Андрей Александрович** (1912 г. р.) погиб в бою 6 июля 1944 г., похоронен в Ленинградской области, кв. 3735, 500 м севернее от дороги.

Красноармеец 23-го отдельного мостостроительного батальона **Толстихин Иван Васильевич** (1918 г. р.) погиб 12 октября 1942 г., захоронен в д. Урыв Воронежской области.

Младший сержант **Толстихин Михаил Васильевич** погиб 8 февраля 1945 г. и захоронен 20 км севернее г. Кенигсберга (Калининград).

Гвардии младший сержант **Толстихин Модест Васильевич** (1921 г. р.) служил в 62-м гвардейском артиллерийском полку 20-й гвардейской стрелковой дивизии, погиб 6 апреля 1944 г., захоронен в д. Алушково Тверской области.

На полях сражений погибли также Николай Петрович и Павел Петрович Толстихины.

ТОМСКИЕ

Происхождение этой фамилии явно говорит о том, что ее первые представители имели самое непосредственное отношение к Томску и томскому казачеству, оставившему значительный след в истории покорения Сибирского царства.

И на Камчатке они оставили о себе добрую славу. Например, Томский Александр Никифорович, пятидесятник Гижигинской казачьей сотни, переселившийся в Сероглазку. Представлен к Георгию 4-й степени за оборону Петропавловского порта.

Из унтер-офицерских детей, с 10.01.1843 г. – казак, с 01.03.1848 г. – урядник, с 05.10.1854 г. – пятидесятник. «С 18-го по 25 августа (1854 г.) находился в сражении против десантных войск соединенной англ.-фр. эскадры, бомбардировавшей Петропавловский

порт. Был легко ранен, но не отошел от пушки. В. С. Завойко: «Пятидесятник Томский, будучи легко ранен, при гряде пуль не отошел от пушки, и когда фитиль потух, то он, как говорят, угольем выпалил в придувку». В 1882 г. внесен в «Список оставшимся нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры»». (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128; Смышляев А. А. «Участие казаков в Петропавловской обороне 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010 г., стр. 205; Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

Казаки Томские – Иван из Сероглазки и Николай из Усть-Камчатска принимали участие в обороне Камчатки в 1904–1905 гг.

Мы обнаружили некоторые подробности о семье одного из них: Томский Иван Иванович, льготный казак Петропавловской казачьей команды, 26 лет, сочетался 21 мая 1893 г. первым браком. Невеста – крестьянская девка Мелания Якимовна Петухова, 20 лет, первый брак. Поручители: по жениху – Петропавловский мещанин Зотик Ворошилов и фельдшер Иннокентий Георгиевич Григорьев; по невесте – Петропавловские мещане Николай Константинович Гарднер и Василий Давидович Варрен. (Метрическая книга Петропавловской церкви за 1893 год, ГАКК.)

В 1898 г. у него родилась дочь Варвара:

Дата рождения – 1 декабря 1898 г. Дата крещения – 2 декабря 1898 г. Восприемники – кантонист казачьего ведомства Иоанн Давидович Савинский и жена крестьянина Андриана Портнягина Анна Николаевна. Таинство крещения совершал протоиерей Петр Донской.

И далее: Томская (Попова) Варвара Иоанновна. Дочь жителя Халактырки, вышла замуж 6 октября 1919 г. за жителя Сероглазки Савву Никодимовича Попова (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1919 г., ГАКК).

Под 1906 г. есть упоминание о Томской Агриппине Ивановне.

А эта информация, вероятно, о сыне Ивана Ивановича:

Томский Гавриил Иванович. 1901 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: грамотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 06.06.1938. Осужд. 15.08.1938. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-6 УК РСФСР. Расстр. 26.08.1938. Реаб. 06.11.1957. Реабилитирован определением Главного военного прокурора ДВО.

Николай Селиверстович Томский, рядовой, 1909 г. р., призванный Петропавловск-Камчатским ГВК, погиб на одном из фронтов Великой Отечественной войны в октябре 1943 г.

ТРАПЕЗНИКОВЫ

На форуме сайта «Камчадалы.ру» страницу об истории этой фамилии мы назвали «Знаменитые и неизвестные Трапезниковы», которая стала одной из самых популярных.

Почему?

Потому что история происхождения этой фамилии связана с историей династии богатейших и удачливейших сибирских купцов, проторивших дорогу в Русскую Америку (см. очерк «Русская Америка»).

На Камчатке представителем этой династии был камчатский купец Никифор Акинфиевич Трапезников (по некоторым данным, дедушка жены Григория Ивановича Шелихова. Может быть, связь Натальи Шелиховой и Трапезникова – художественный вымысел, но вот, что сообщают краеведы Великого Устюга <http://www.v-ustug.ru/books/ZP/43.html>.

«Внезапная смерть Григория Ивановича Шелихова 20 июля 1795 года внесла значительные перемены и в жизнь Михаила Матвеевича Булдакова. Управление компанией перешло к вдове Шелихова Наталье Алексеевне, женщине волевой, много путешествовавшей со своим мужем, внучке богатого иркутского купца Никифора Акинфиевича Трапезникова, выходца с Северной Двины, из деревни Ульяновской Ракульской волости Великоустюгского уезда. Надо сказать, что управление велось успешно. В этом деле Наталья Шелихова опиралась на помощь людей, работавших при жизни мужа, а также на помощь зятя

– мужа старшей дочери Анны Николая Петровича Резанова, дворянина, человека блестяще образованного, работавшего обер-секретарем сената, состоявшего в должности корреспондента торговой компании и имевшего доступ к царскому двору».

А вот и подробности о купце Трапезникове из книги «Григорий Шелихов» В. С. Григорьева: «С 1745 принимал участие в организации и финансировании плаваний более 10 судов. В 1749–1750 передовщиком на шитике “Св. Борис и Глеб” ходил на промысел из Нижнекамчатска к острову Беринга с зимовкой. Посетил острова Ближние. В 1751–1752 снова отправился на восток. Побывал на нескольких островах в центральной части Алеутской гряды и вывез с острова Агтау артель потерпевших крушение промышленников во главе с Д. Наквасиным. В 1762–1764 снарядил и отправил три судна для обследования Алеутских Островов и определения лучшего места для промысла: “Св. Троица” (мореход И. Коровин), “Св. Николай” (мореход Л. Наседкин), “Св. Петр и Павел” (мореход В. Софьин). В 1763–1764 на Лисьих островах произошло одно из крупнейших восстаний алеутов. Русские промышленники понесли самые тяжелые потери за всю историю колонизации Алеутских островов и Аляски. Особенно пострадал Трапезников. Крушение в 1768 судна “Св. Петр и Павел” и банкротство некоторых его должников “превратили Трапезникова в бедняка, чья старость прошла почти в полной нищете”. Награжден императрицей Екатериной II золотой медалью. Передовик сибирских землепроходцев середины восемнадцатого века, не единожды добиравшихся уже до Алеутских островов и даже матерой земли Нового Света, Никифор Акинфиевич Трапезников, живя на покое в Охотске, заметил Шелихова, этого смекалистого и удачливого приказчика Лебедевых. Старик Трапезников жаждал иметь преемника своим исканиям и готов был бы благословить выйти за него любимую внучку Наталью, ходившую молодой вдовой и во вдовстве сведавшуюся с синеглазым, густобровым плясуном и песельником Гришатай Шелиховым, – мешало их разноверие: она – староверка, а он – православный. Восточная красота вдовы Гуляевой, – ходили слухи, что мать ее жила у курильских айнов пленницей из земли Чосен, Страны Утренней Свежести –

Кореи, и от них вывезена Никифором Трапезниковым, – безоглядно полонила Григория Шелихова. Да и кто бы устоял перед ее, как уголья, горящими глазами в нежном овале лица, окрашенном постоянным янтарно-смуглым румянцем! “Судьба!” – подумал Григорий Шелихов и решил жениться. Но без дедова благословения Наталья Алексеевна выходить замуж не хотела и знала, что дед ее, суровый беспоповец Никифор Акинфиевич, никогда не согласится отдать свою внучку за табашника-никонианина. Однако Григорий Шелихов не задумывался над догматами православия. Наталья Алексеевна по красоте и капиталу, оставленному ей покойным мужем, стоила православной поповской обедни, и Гришата улестил старого Трапезникова стоянием в моленной, истовым слушанием октоихов кержацкого распева и двуперстным знаменованием. О приданом же он и не заикнулся и этим окончательно расположил к себе разоренного “честностью” гордого старика морехода Трапезникова. Перед смертью, заповедав внучке и зятю долгую согласную жизнь, старый Трапезников, в обход детей своего давно умершего сына Алексея Никифоровича, которые тянулись в сидельцы к первогильдейским сухоземным купцам-торгашам, передал Григорию Ивановичу заветное наследие: рукодельную на полотняном убрусе карту плавания на Алеуты и к американской земле, компас с буссолью – то и другое служило старику в океанских походах – и небольшую кубышку золотых монет, удержанную в подполье. Все это наследие, помноженное на собственную отвагу, разум и твердое решение без удачи не возвращаться, новоявленный купец и мореход Григорий Шелихов и внес как свой пай в компанию, состоящую из сибирских тузов-богатеев Лебедевых-Ласточкиных и торгового дома Голиковых, договариваясь с ними о почине в завоевании Нового Света». (Григорьев В. С. «Григорий Шелихов»).

Возможно, родственники купца Трапезниковы жили и в Нижнекамчатске, по крайней мере, у нас имеется информация о нижнекамчатских крестьянах Трапезниковых: Трапезникова Ефимия, вдова крестьянина в Нижнекамчатске, 1812 г., 54 года. Сын Василий (25). Внук Василий (11).

Как, оказывается, были родственники у Трапезниковых и

среди знаменитых Сибиряковых (один из которых служил на Камчатке и возглавлял заговор против генерал-майора Кошелева, см. роман-исследование «Встречь солнцу»):

Трапезниковы – Сибиряковы

Схимонах Иннокентий (Сибиряков) по материнской линии принадлежал к знаменитому купеческому иркутскому роду Трапезниковых. Дядя Сергей Константинович Трапезников был ему крестным отцом. Иннокентий Михайлович Сибиряков следовал в своих деяниях лучшим традициям рода Трапезниковых. Приводим краткие сведения о представителях рода Трапезниковых.

ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ

ТРАПЕЗНИКОВ Иван – новониколаевский предприниматель, владелец торговой лавки на Старой базарной площади (1898–1910). – Л. В.

ТРАПЕЗНИКОВЫ – фамилия видных иркутских купцов XVIII – нач. XX вв., внесших большой вклад в развитие экономики и культуры Сибири. Трофим (1679–1745) – основатель династии, из поморских крестьян Устюга Двинской трети Рановской волости. Приехал в Сибирь и здесь женился на крестьянке д. Верхнеангарской Февронье Степановне Власовой (р. 1695). В иркутские посадские записался в 1723, сибиряками стали шестеро его детей: Матрена, Ирина, Дмитрий, Парасковья, Пелагея, Максим. Трофим был «крепким» хозяином, так как двух дочерей выдал замуж за местных купцов: Матрену – за П. П. Велослудцева, Пелагею – за В. Балакшина. Незадолго до смерти Трофим перешел в купечество (1745).

Дмитрий Трофимович – стал главой семьи после смерти отца. Состоял в нераздельном капитале с семьей младшего брата Максима. Братья занимались мелочной торговлей, но к 1780-му перешли в мещанство.

Состав семьи Дмитрия: жена – дочь местного казака Анна Максимовна Володаева (у. 1798); их дети: Петр, Иван, Марфа. У Максима – сын Максим. – Е. З.

Петр Дмитриевич (1747–1815) – один из самых ярких пред-

ставителей рода Трапезниковых. Благодаря его стараниям и активной торговой деятельности, помещению капитала в промышленность, семья вошла в первогильдейское купечество. Капитал составился на торговле пушниной, которую привозил с Камчатки, а продавал в Кяхте. Владел несколькими лавками в каменном гостином дворе и 6 лавками в Мещанском ряду, выстроил большой каменный дом. Каждый год размеры объявленного капитала увеличивались: сначала в 3-й г. более 1 тыс. руб. (1790-е), затем – более 2 тыс. руб.; потом во 2-й г. с капиталом 8 тыс. руб. (1803–1806) и, наконец в 1-й г. с капиталом 50 тыс. руб. (с 1807). Был известен как «мощная духовная сила, человек, отличавшийся непреклонностью и очень серьезным отношением к явлениям жизни». Выделялся неутомимостью в работе, умением вести со сноровкой торговые дела. Семья Петра: жена – Анастасия Ивановна (1752–1792), дети: Николай (1771–1849), Филипп (1772–1845), Андрей (1776–1860), Никанор, Константин, предположительно Петр (1776–3830) и две дочери – Федосья (замужем за купцом Опрелковым), Екатерина (замужем за купцом Саватеевым). По 6 ревизии семья Петра насчитывала 21 человек, вместе с ним жили пятеро его женатых сыновей со своими семьями (1811).

После смерти отца братья повели все торговые дела сообща, единым, семейством записывались в 1-ю гильдию и значились самыми богатыми горожанами, получили звание потомственного почетного гражданина – Н. Г., Е. З.

Николай Петрович (1771–1849) – иркутский купец 1-й гильдии. Глава семьи, которая «торг производит разными российскими, китайскими и немецкими товарами оптом и подробно». Источником их доходов были откупа, подряды, привилегии и беспроцентные ссуды, даваемые правительством, промышленные заведения, торговля на Кяхте. Чтобы быть поближе к делу, они даже записались в кяхтинские купцы 1-й гильдии с капиталом 50 тыс. руб. (1816), но потом вернулись в Иркутск, а на Кяхте стали пользоваться услугами приказчиков и доверенных лиц из числа кяхтинских купцов. С 1830-х стали заниматься золотопромышленностью. Семьи пяти женатых братьев Трапезниковых насчитывали 11 детей мужского пола и 21 детей женского пола (1834).

Семья: жена – Тлунцева Мария Михайловна (у. 1840), дети: Петр (1793–1857); Иван (умер в 15-летнем возрасте); Екатерина (1797–1829), замужем за якутским купцом С. Г. Никулиным; Анна (1801–1805).

Петр Николаевич (1793–1857) – купец 1-й гильдии, почетный гражданин. Пошел по стопам отца, его имя постоянно мелькало в списках купцов-первогильдейцев, торгующих на Кяхте. Н. Бестужевым был выполнен его портрет (1829).

Филипп Петрович (1772–1845) – иркутский купец 1-й гильдии. В 1830-х проживал в Кяхте. Указом Сената был возведен с семейством в потомственные почетные горожане (1833).

Филипп Петрович был женат на Анне Федоровне (1794), которая после смерти мужа взяла дела в свои руки и писалась купчихой 1-й гильдии. Супруги имели 9 детей: Анисья (1795–1842), Афанасий (у. 1850), Константин, Марья, Анна (1805–1833), Иннокентий, Агния, Олимпиада, Елена (замужем за колл. советником губернского казначейства М.Г. Краснокутским).

Афанасий Филиппович (у. 1860) – почетный гражданин иркутский, 1-й гильдии купеческий сын, также занимался коммерцией.

Трижды женат. В первом браке его женой была купеческая дочь Александра Ивановна Куклина (1809–1833), и от этого брака было трое детей: Александра (р. 1828, замужем за иркутским купцом П. С. Перетолчиным с приданным в 16 864 руб.), Елизавета (р. 1831), Митрофан (1833–1834). Второй раз Афанасий Филиппович женился на 19-летней купеческой дочери Евгении Семеновне Прянишниковой (1813–1838). Из трех дочерей в младенчестве умерло двое, выжила только последняя – Мария (р. 1838), вышедшая замуж за И. С. Гаевского. Третий раз Афанасий Филиппович женился на купеческой дочери Парасковье Гавриловне Векшиной. Сын Иннокентий, родившийся от этого брака, оказался «нестойким» и умер через три месяца после рождения, и наследников по мужской линии не стало. Поэтому капиталы Афанасия Филипповича перешли к иркутскому купцу П. С. Перетолчину, который был женат на старшей дочери Афанасия Филипповича – Александре. – Н. Г., Е. З.

Андрей Петрович (1776–1830) – иркутский купец 1-й гиль-

дии. На его средства была построена каменная богадельня при Харлампиевской церкви (1814). Был женат на Елизавете Ермолаевне. Дети – Аграфена и Татьяна (1806–1821). – Я. Г.

Гермоген (Ермоген) Андреевич – надворный советник, горный исправник золотых приисков северной части Енисейского округа. Баллотировался в члены Попечительного совета Сиропитательного дома Е. Медведниковой (1873), являлся гласным иркутской городской думы (1873–1875). Имел двух дочерей: Юлия вышла замуж за Холмовского и владела в Иркутске недвижимой собственностью.

Иннокентий Никанорович (1832–1865) – комм. советник, потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии. Был одним из самых удачливых предпринимателей в роду Трапезниковых. Вместе с Базановым, Сибиряковым и Немчиновым он учредил «Прибрежно-Витимскую компанию», преобразованную затем в «КО Промышленности», от которой акционеры получали прибыль в размере 43 млн руб. Различные предприятия и конторы Иннокентия Никаноровича находились во многих городах России, и его состояние оценивалось в 7 млн руб. Один из самых известных иркутских меценатов: на его средства при Михайло-Архангельской церкви открыли богадельню для 30 чел. (1839), вместе с Сибиряковым финансировал богадельню для бедных жителей города (1879). После его смерти (1865), согласно завещанию, 2 500 руб. выделялось для раздачи по 150 руб.: 14 церквям и 2 монастырям Иркутска; 10 тыс. руб. завещалось на строительство новой церкви; 600 руб. – за уплату податей за неимущих, на погребение бедных, на пособия больным; 50 девушкам и 50 парням из бедных семей выделялось пособие по 100 руб. каждому; 5 тыс. руб. было завещано сестре Александре Портновой и 3 тыс. руб. – его племяннику В. Сукачеву, а остальные передавались на строительство ремесленно-воспитательного заведения. Однако из завещания не было ясно видно, какая конкретная сумма выделялась на это заведение, что и послужило основанием для иска наследников. Возникла тяжба, которая длилась 17 лет и закончилась мировым в 1881: городу, за вычетом налогов, досталось 2 860 655, а Н. Портновой – 1 466 042, В. П. Сукачеву – 1 354 523 рублей.

Кроме того, наследники обязались пожертвовать Иркутскому техническому училищу, которое открылось в 1873, еще 100 тыс. руб. В приюте имелись своя церковь, лазарет, 2 библиотеки, музей, мастерские, контора и магазин для продажи изделий, сделанных в мастерских. Всего в приюте обучалось 175 детей из беднейших семей. Деньги, пожертвованные Иннокентием Никаноровичем, позволили финансировать всю систему образования города вплоть до 1917. – Г. Н.

Константин Петрович (1790–1860) – иркутский купеческий сын (1830), купец 1-й гильдии. (1849), потомственный почетный гражданин. Входил в высший эшелон купеческой элиты, успешно торговал на Кяхте. Он «не только усердно продолжил дело отца, но занялся добыванием золота и, имея от двух браков детей, старался внушить им убеждение, что для сохранения своей финансовой силы надлежит вести дела так, чтобы пользоваться доходами с нераздельного капитала». Одним из первых начинает осваивать золотоносные районы Олекминского округа. Согласно легенде, этот район ему был открыт тунгусом, встретившимся на ярмарке в Жигалово со слитком золота в руках. Уже летом 1846 был заявлен прииск «Воскресенский», а в целом на р. Хомолхо из 143 разработанных им приисков 10 принадлежало Константину Петровичу на правах частной собственности и 3 прииска были арендованы у других владельцев. Затем совместно с Басниными и Катышевцевыми захватывает Ныгринское месторождение. Добыча золота началась с 1863 и уже в первый год дала высокую прибыль. Впоследствии, перейдя во владение его детей, прииски в связи с объявленной несостоятельностью фирмы «Братья Трапезниковы» были проданы Ратькову-Рожнову, «КО Промышленности» и «Прибрежно-Витимской Ко», в казну.

Являлся иркутским гор. головою (1847–1850). «Был известен своими пожертвованиями». Среди наиболее крупных: пожертвования на постройку и поправку тротуаров (1858); на украшения золотыми ризами неон Кафедрального собора и ремонт самого собора (1859); на украшение ризою в 25 ф. из чистого золота иконы Знамения Божией Матери, подаренной Иркутску из Абалацкого монастыря Тобольским митрополи-

том; передано на благотворительные нужды 10 тыс. руб. сер. (1859). Его именем была названа Сиропитательно-ремесленная школа (1866). «Из всех коренных местных жителей ближе всех был знаком с М. М. Сперанским» в бытность его в Иркутске. В доме купца бережно хранили письма генерал-губернатора. Он даже подал прошение (1848) о занесении его семейства в Бархатную книгу для записи знатнейших родов российского купечества. Переписка шла несколько лет, и, в конце концов, Константин Петрович получил ответ, что «удовлетворить его ходатайство не представляется возможным», так как не было еще прецедента. Был дважды женат. От первого брака с Екатериной Лаврентьевной (1796–1830) имел детей: Александра (р. 1821); Варвару, вышедшую замуж за М. А. Сибирякова; Ольгу, вышедшую замуж за Сумкина. От второго брака с Зинаидой Ивановной (у. 1877) имел детей: Сергея (1842–1893); Петра (1845–1846); Федора (р. 1846), который поступил в университет и начал изучать медицину, а после окончания учебы стал лектором медико-хирургической академии; Максима (у. 1892), который стал офицером-кавалергардом, но прожигал жизнь, сорил деньгами, «расстроил здоровье до психической ненормальности»; Андрея (1854 – после 1916), занявшегося живописью и уехавшего в Крым, где купил себе дом; Марию (1856–1859); Анну, вышедшую замуж за полковника Рейна; Екатерину, вышедшую замуж за генерала Тимрата. Дело отца продолжили лишь Александр и Сергей. – Н. Г., Е. З.

Александр Константинович (1821–1895) – иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, комм. советник. В начале 1860-х переехал на постоянное местожительство в Москву, где развернул обширную коммерческую деятельность. Владелец крупного торгово-промышленного капитала, значительная часть которого вкладывалась в золотопромышленность. Был в числе соучредителей «Прибрежно-Витимского товарищества» (1865), владел приисками по рр. Вах, Горбыли и в Олекминского окр. По завещанию своей умершей тетки А. Н. Портновой получил 50 тыс. руб. (1890). Учредитель и глава т/д «А. Трапезников и К^о», который купил участие П. Т. Ширкова в пароходстве Обь-Иртышского бассейна за 150 тыс. руб. (1894). Двумя годами

позже выступил вместе с И. Н. Игнатовым инициатором создания единого «Западно-Сибирского товарищества пароходства и торговли». Соглашение было подписано на Ирбитской ярмарке (1896), устав утвержден в 1898, и на следующий год товарищество начало свою деятельность. Правление находилось в Тюмени. Александр Константинович принадлежал 951 пай на сумму 433 129 руб. Крупный владелец недвижимости в Иркутске; обладатель многомиллионного состояния.

«Готовый всегда, по мере средств своих, участвовать в удовлетворении нужд родного мне города», был гласным городской думы (1885–1897), был доверенным думы в Москве; член общества для оказания помощи учащимся в Восточной Сибири; член иркутского благотворительного общества. Решением иркутской городской думы удостоен звания почета гражданина (1886).

Был известен как щедрый благотворитель и меценат: жертвует деньги на строительство часовни Спасителя в память о чудесном избавлении императора 4 апреля 1866; на развитие Знаменского женского и Вознесенской монастырей – 3 тыс. руб. (1866) и детского сада (1871); на строительство Томского университета – 110 тыс. руб. (1880); Казанской церкви в Рабочей слободе Иркутска – 3 тыс. руб. (1886); пострадавшим иркутским погорельцам – 10 тыс. руб. (1879); жертвует городу на развитие сети народных училищ 80 тыс. руб. (1888); переводит 3 тыс. руб. на строительство каменного здания театра. Был награжден орденом Анны 2-й степени (1885).

Проявлял значительный интерес к своей родословной, издав на свои средства составленную И. Н. Николаевым книгу «Иркутск. Материалы по истории города 17 и 18 вв.» (М., 1873). – Н. Г.

14) Сергей Константинович (1842–1893) – иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин. После окончания иркутской мужской гимназии «предпочел заняться практическими делами своих родителей»: продолжил разработку золотых приисков в Олекминском округе; приобретает казенный Николаевский железодобывательный завод за 212 800 руб. (1864) и совместно с братом Федором Константиновичем проводит капитальную его реконструкцию, затратив на это более 1 млн руб. Однако отсутствие опытного механика и незначитель-

ность продукции заставили его продать завод купцу Лаврентьеву за 100 тыс. руб. (1870). Совместно с Федором Константиновичем приобрел у купца И. С. Хаминова пароход (1870), затем лодку у купца Пермикина (1875), перестроив ее в один из первых пассажирских пароходов на Лене – «Константин». Занимался разведением лошадей и на выставке в Иркутске получил за них золотую медаль (1869). Приобрел у купца П. П. Басни на 17 паев золотопромышленного «Ленского товарищества» (1874) и получил 24 пуда золота (1877). Однако неправильная организация приискового дела, незаконные действия приисковой администрации, а также пожар 1879 нанесли непоправимый удар по благосостоянию. Кризис довершился привлечением вместе с Федором Константиновичем к судебному разбирательству (1893) по обвинению в присвоении и растрате имущества и капитала по опеке брата Михаила Константиновича в сумме 611 244 руб. В результате разорился и умер почти в нищете в Москве. Его наследником был определен его младший брат – Андрей.

Современники отзывались о нем как «веселом и общительном человеке, располагающем к себе горожан... Вспыльчивый, но добрый, Сергей Константинович проявлял полнейшую гуманность ко всем, кто от него зависел... Он не любил выслушивать, что не согласовывалось с его взглядами или привычками и раздражался, если кто-нибудь решался высказать ему что-то вроде критики».

Был известен своей общественной деятельностью и «отзывчивостью к нуждам города», член губернского комитета попечительства о тюрьмах (с 1865); член общества попечения о больных и раненых войнах (с 1869); член комитета по устройству в Иркутске часовни во имя Спасителя (1866); член епархиального комитета миссионерского общества (с 1871); член общества подаяния помощи при кораблекрушении (с 1873); выступил одним из организаторов пожарного общества. По выбору городского общества служил церковным старостой при Никольской церкви железодельного завода (1865–1871); почетным блюстителем при Иркутском училище девиц духовного звания; директором иркутского отделения Попечительства о тюрьмах (с

1874); церковным старостой Кафедрального собора (1871–1875); баллотировался в попечители Технического училища (1873, 1885) и в попечители Сиропитательного дома Е. Медведниковой (1878). Исполнял обязанности гор. головы (1871–1873), но был вынужден уйти с поста после обнаружения крупной денежной растраты, совершенной одним из его сослуживцев; бессменный гласный думы (с 1885).

Отличился при тушении пожара в Иркутске летом 1879, когда он вместе со своим братом Федором Константиновичем, бросив охранять свои дома от пожара, устремились со своей пожарной машиной и людьми на спасение города. Широко жертвовал, в среднем тратил в год на различные благотворительные нужды около 7 тыс. руб. Среди наиболее крупных пожертвований: открытие при железоделательном заводе школы для обучения грамоте и ремеслу рабочих; отчисления на реальную прогимназию; на развитие Знаменского и Воскресенского монастырей; пострадавшим от наводнения; на строительство здания театра и т. д. Был награжден орденом Станислава 3-й степени (1870); за пожертвования в пользу общества подачи помощи при кораблекрушениях получил в знак признательности портрет цесаревича (1873).

Женат на Елизавете Константиновне (у. после 1893), бывшей классной даме Иркутского Девичьего института, «женщине всеми уважаемой за ее солидные взгляды на жизнь и основательное образование, полученное ею чуть ли ни в иностранном семействе (была из рода Михельсон)». Разделяла с мужем интерес к общественной жизни: значилась в числе членов Попечительного совета женской прогимназии, жертвовала в женское отделение губернского тюремного комитета. Предположительно, дети: Николай (у. 1913) и Константин (р. 1893).

Федор Константинович (1846 – после 1907) – иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, колл. ас. (1882). Окончил иркутскую мужскую гимназию, а уже «в зрелом возрасте поступил в университет изучать медицину, а затем стал лектором в медико-хирургической академии зимой, а летом практиковал на Кавказских минеральных водах».

Владелец городской недвижимости: ему принадлежал дом по

ул. Большой, сдававшийся в аренду т/д «Пономарева, Кулаева и Ко» (1876). Крупный золотопромышленник: имел прииски в Олекминском округе, приобрел совместно с Сергеем Константиновичем у П. П. Баснина 17 паев золотопромышленного «Ленского товарищества» (1874). По завещанию тетки А. Н. Портновой получил 5 тыс. руб. (1891). Один из учредителей и совладельцев фирмы «Братья Трапезниковы», стоящей в конце 1880-х на грани банкротства и объявленной несостоятельной в 1893. Распродал основную часть принадлежащих ему приисков. Назначен в 1877 вместе с Сергеем Константиновичем опекуном над имуществом и капиталами Михаила Константиновича и привлечен в 1893 к суду за присвоение и растрату 611 244 руб. из опекунского капитала.

Являлся бессменным попечителем Реальной прогимназии (с 1865), позже – Технического училища (с 1874), пожертвовав на него более 50 тыс. руб.; член-распорядитель комитета благотворительного общества (1865); почетный член общества для оказания пособия учащимся в Восточной Сибири (1898); баллотировался в члены попечительного совета Сиропитательного дома Е. Медведниковой; выступил организатором создания пожарного общества (1881) и передал в дар городу свою пожарную машину.

Состоял по выбору гласным городской думы (1875–1877, 1885–1889); баллотировался на должность гор. головы (1876); вошел в состав депутатий иркутян для возложения венков ко гробу Александра II (1883); для возложения венков на гроб Александра III (1894); избран ассистентом городского головы В. П. Сукачева на время присутствия на коронационных торжествах в Москве (1896). Особо отличился при тушении пожара в Иркутске в 1879.

Андрей Константинович (1854 – после 1916) – иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин. Представитель и совладелец фирмы «Братья Трапезниковы», вкладывал значительные капиталы в золотопромышленность. Во время объявления банкротства т/д активно отстаивал его права в судебных инстанциях и перед губернской администрацией. Получил по завещанию тетки А. П. Портновой 60 тыс. руб. (1891).

В кон. XIX – нач. XX вв. отходит от коммерции и уезжает в

Сочи, где владел городской недвижимостью. Проживал также в Петербурге, периодически навещаясь в Иркутск. Долгое время состоял членом Общества для оказания пособия учащимся в Восточной Сибири.

Меценат. Активно приобретал полотна русских и зарубежных художников (этюды Иванова, картины Корзухина, Горавского, акварели Примаццу и т. д.). Долгие годы был в дружеских отношениях с художником А. Г. Горавским, у которого брал уроки живописи и помогал ему материально. В одном из писем к П. М. Третьякову художник отозвался об Андрее Константиновиче как о «высшей степени нравственно примерном человеке» (1877). В связи с крахом фирмы «Братья Трапезниковы» часть коллекции, возможно, была куплена Третьяковым.

А. П. – петербургский банкир, покончивший жизнь самоубийством, прогорев на спекуляциях с акциями «Лензото» (нач. XX в.).

Иаков – один из возможных родоначальников именитых богатых иркутских купцов. Прибыл в Иркутск из Вологды во второй половине XVII в.

Илья – иркутский купец, получил благословение Синода «За усердие по храмам Божиим» (1866). – Н. Г.

Иннокентий Григорьевич – иркутский купец 2-й гильдии. Владелец магазина церковной утвари, скобяных и галантерейных товаров по ул. Пестеревской, 5 (1908); имел жилой дом на Харлампиевской ул. (1897–1916).

В течение двух сроков избирался церковным старостой Спасской церкви. За годы службы истратил на нее более 4 тыс. руб. Пожертвовал 5 тыс. руб. на строительство новой ограды вокруг нее (1880-е). – В. З., Н. Г.

И. К. – иркутский предприниматель, являлся гласным городской думы (1894–1897). – Н. Г.

Иннокентий Филиппович – иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин. Женат. Дочь – Варвара (р. 1846).

Иоанн Дмитриевич (1751–1798) – иркутский мещанин.

Константин Петрович – владелец городской недвижимости в Иркутске – ему принадлежал дом по ул. Лагерной (1904).

Константин Сергеевич (р. 1873) – иркутский купец 1-й гиль-

дии, потомственный почетный гражданин. По завещанию двоюродной тетки А.П. Портновой получил 5 тыс. руб. (1891).

Константин Филиппович – иркутский купец 1-й гильдии. (1849), потомственный почетный гражданин. Избран кандидатом по городской голове (1847–1850).

Женат. Имел дочерей: Марию (1832–1845), Анастасию (р. 1846) и, предположительно, Евдокию (1813–1828).

Никанор Петрович (1786–1847) – иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, комм. советник. Вел обширные коммерческие дела на севере Якутского края и на Кяхте.

Служил иркутским гор. головою (1835–1838). Был известен как щедрый благотворитель. Его именем было названо Ремесленное училище, построенное на средства его сына Иннокентия Никаноровича.

Любитель живописи, владелец небольшой коллекции картин, среди которых полотно французского живописца XVII в. Н. Пуссена «Избрание апостолов», копии акварелей Н. Бестужева и др. Желая сохранить облик предков и последующих поколений, Никанор Петрович содержал в доме эконома Н. А. Климова, который исполнял не только общий надзор за хозяйством, но и был еще домашним живописцем.

Был женат на Парасковье Степановне (1791–1891), имел детей: Александру (1813–1891), в замужестве Портнову; Аграфену (1820–1850), вышедшую замуж за потомственного дворянина, надворного советника П.П. Сукачева (1857) и др.

Никифор – иркутский купец сер. XVIII в., «торговец и мореход предприимчивый». С 1745 участвовал в морских промыслах на Тихом океане. Совместно с Е. Басовым, сержантом команды Охотского порта, и др., снарядил ряд экспедиций, радиус действия которых был ограничен Командорскими и Ближними Алеутскими островами. Впервые высадился на о. Атха (1749): именно его судно привезло ценные сведения об открытых им островах Умнак и Уналашка и их жителях (1762). Последние плавания в 1764–1768 были для него неудачными, и после гибели трех судов он не смог расплатиться с кредиторами, разорился и умер.

Н. С. – предприниматель, проживавший в Усть-Куте; член иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных

приютов (1898). – Н. Г. (Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4, кн. 2. Новосибирск, 1998, С. 6–13).

Иркутский посадский человек Никифор Трапезников появился на Камчатке еще в 1730-х гг. Рядом с Большерецким острогом стояла его заимка. Как торговый человек он много путешествовал по Камчатке, поэтому у него было так много крестников-камчадалов.

Наиболее прославился участник Большерецкого бунта 1771 г. камчадал Ефрем Трапезников, который бежал с Камчатки вместе с Августом Бенъевским, и добрался вместе с ним до Франции. «Умер в Лурианском госпитале 9 июля 772 г.». (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

Фамилия камчадалов Трапезниковых встречалась по всей Камчатке.

Трапезников, 1836 г., тойон с. Начики (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 27).

Трапезников Алексей Миронович. Камчадал селения Коловское, 1893 г., 44 года. Жена Наталья Аполлоновна (43). Брат его Николай (40). Мать их вдова Параскева Венедиктовна (61). Внук ее Иона (15). (Исповедальная роспись Большерецкой церкви, 1893 г., ГАКК.)

Трапезников Григорий Александрович. Родился в 1905 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Хайрюзово; камчадал; малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Ича. Арестован 4 марта 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 8 июля 1932 г., обв.: по ст. 58–10 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Трапезников Петр Федосеевич, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг., с. Хайрюзово, награжден серебряной медалью на станицлавской ленте: «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов». (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Трапезников Семен Петрович, староста с. Крутогорovo, уча-

стник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (отражение японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г.) (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129). Подробности по базе данных о жертвах политических репрессий на Камчатке: родился в 1878 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово; русский; неграмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Ударник». Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово. Арестован 29 октября 1938 г. Приговорен: Камчатский облсуд 15 февраля 1939 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 7 лет. Реабилитирован 6 июня 1990 г. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Трапезников Никандр Васильевич. Родился в 1900 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Соболево; русский; образование низшее; член ВКП(б); являлся народным судьей Усть-Большерецкого р-на по Соболевскому участку. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Соболево. Арестован 6 сентября 1938 г. Приговорен: КОУ НКВД 16 июля 1939 г., обв.: по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 9 января 1990 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Трапезников Никифор Иннокентьевич. Родился в 1909 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Соболево; русский; б/п; был членом рыболовецкого колхоза.. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Колпаково. Родился в 1909 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Соболево; русский; б/п; был членом рыболовецкого колхоза. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Колпаково. Арестован 22 января 1940 г. Приговорен: военный прокурор войск НКВД по Камчаткой обл. 4 октября 1941 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 2 января 1990 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Трапезников Каллист Иннокентьевич. Представитель рода камчадалов-аборигенов Трапезниковых из с. Воровское, участник обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг.,

был ранен в схватке с японскими браконьерами на реке Унушка в 1906 г., когда погиб первый рыбинспектор Камчатки М. И. Сотников (см. очерк «Хроника неоконченной войны»).

Георгий Калистович Трапезников родился в 1900 г. в Соболево, которое тогда носило название Воровское. С родным селом кровно была связана вся его жизнь, вместившая в себя годы больших перемен на камчатской земле.

Гоше шел шестой год, когда с русско-японской войны вернулся отец. Он был весь израненный и испытывал адские муки. Пришлось отправлять его в Петропавловск на лечение. Домой отец окончательно вернулся с георгиевским крестом на груди. Через год маленького Георгия отправили в церковно-приходскую школу. Учение давалось мальчику легко, но было недолгим. Семья была простая, трудовая. С окончанием школы кончились все детские забавы, наравне со всеми Георгий впрягся в семейную повозку. В 16 лет пошел к дяде напарником на охоту. Стал первоклассным стрелком, не одного медведя уложил. Иногда сталкивался с медведями на расстоянии вытянутой руки, и ни разу не дрогнул.

Вершителями судеб в Соболево (с 1914 до 1922 г. село называлось Мономахово) в те времена были староста и приказчик. Приказчику за гроши сдавали охотники пушнину. Хлеба не видели, а что такое сахар и конфеты, местные жители даже понятия не имели.

Вести о победе Октябрьской революции долетели и до далекой Камчатки. Хотя Георгий не был в рядах тех, кто воевал с белогвардейцами, но и в стороне от событий не оказался. Когда красноармейскому отряду под предводительством Чубарова понадобилось совершить марш-бросок в Колпаково, Георгий на своей собачьей упряжке перевозил людей и снаряжение, показывал дорогу.

С приходом советской власти в жизни соболевчан произошло много перемен. В частности, был образован кооператив. В него вошел Георгий Калистович. Он принимал пушнину, заведовал складом.

В 1925 г. односельчане избрали его председателем сельского Совета. Он стал одним из первых полпредов советской власти в

Соболево. Заботы навалились со всех сторон. Самой главной было – строительство новой начальной школы. Леса и гвоздей не было. Но выход все же нашли. На заседании исполкома было принято решение: семьям, имеющим собачьи упряжки, привезти по 47 бревен. Таких семей набралось 19. В числе первых это решение выполнил Георгий Калистович. Строительством школы занимались три плотника из Петропавловска, а столяра пришлось пригласить аж из Владивостока. Несмотря на все трудности, через 2 года школа была построена. Открытие ее в 1927 году стало большим праздником в Соболево. Здание было построено на совесть, добротнo. Оно и сейчас сохранилось, хотя и требует большого ремонта. В нем располагается Соболевский краеведческий музей.

Ровно год Трапезников Г. К. был председателем сельского Совета. А потом возглавил товарищество по обработке рыбы со звучным названием «Интегралсоюз».

Коллективизация в конце 20-х годов пришла на Камчатку. Из четырех селений, включая Соболево, образовали рыбо-вецкую артель. Она же и пушнину добывала. Георгий месяцами пропадал в тайге, добывал зверя и строил избушки для охотников.

В 1930 году был создан колхоз «Пионер Запада», руководство которым доверили Трапезникову Г. К. в 1933 году. Руководил колхозом Георгий Калистович четыре года. Это было время развития материальной базы колхоза. Сельхозартель заготавливала рыбу и отправляла икру на материк. За год вылавливали до 25 тысяч центнеров рыбы и заготавливали до 200–300 центнеров лососевой икры. В самом Соболево было в ту пору около 30 дворов. Лишь спустя 2–3 года после организации колхоза начали прибывать переселенцы. Село стало разрастаться, появились перспективы на лучшую жизнь.

Все планы нарушила война. Два сына Георгия Калистовича ушли на фронт. А его самого оставили, чтобы вести заготовку мяса. Всю войну Георгий бригадирствовал. Сам лично за сезон до 45 медведей заваливал, медвежатина была для колхозников вместо хлеба. С фронта вести приходили одна страшнее дру-

гой, односельчане стали получать похоронки. К счастью, семью Трапезниковых беда миновала, оба сына вернулись живыми. Однако жить им довелось недолго, сказались ранения, тяготы военных лет.

В 1947 г. Трапезникова вновь избрали председателем сельского Совета, на этом посту он пробыл 11 лет.

Время было очень тяжелое, послевоенное, не хватало рабочих рук, особенно мужских. Вся тяжесть легла на плечи женщин и подростков. Нужно было строить совхоз: жилье, животноводческие помещения. А из чего? Проблему стройматериалов решили с помощью местного леса. Для питания рабочих привезли четырех свиней из города. На следующий год вырастили уже 150 свиней, каждая семья взяла для откорма 2–3 поросенка.

Жизнь в послевоенном Соболево шла своим чередом. Основной тягловой силой были собаки. Это уже потом появились лошади и трактора. Председательский кабинет не закрывался целыми днями, люди шли к председателю с просьбами, с жалобами, и никто не был обделен вниманием.

При активнейшем участии Трапезникова Г. К. в Соболево были построены клуб, больница, магазин. А сколько хлопот было с аэродромом! Первый поступивший с материка автомобиль «Студебеккер» использовали как трактор. Подцепили к нему плуг, и пошло дело! Вскоре над Соболево закружил первый самолет.

Постоянные нервные перегрузки привели к тому, что пришлось Георгию Калистовичу оставить свой пост. Позже он работал еще охотником в госпромхозе «Соболевский». С выходом на пенсию персональный пенсионер Георгий Калистович еще долго жил заботами села, следил за происходящими переменаами.

Прожив большую интересную жизнь, он всегда был на гребне политических, социальных, экономических преобразований в обществе. Ровесник XX века – Трапезников Г. К. был свидетелем и участником установления советской власти, развития кооперации, коллективизации, образования и укрепления Соболевского района. Был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Умер Георгий Калистович в 1988 году. В Соболево в настоящее время проживают его внуки и правнуки.

Использованы материалы газеты «Рассвет» (очерк И. Подрезного «Ровесник октябрьского века», «Рассвет», 1987 г., № 135)

Воспоминания Георгия Калистовича Трапезникова, жителя с. Соболево – о преобразованиях, произошедших на территории Соболевского района – в годы перед и сразу после установления советской власти. Георгий Калистович – активный участник строительства новой жизни на Камчатке: избирался председателем Соболевского сельского Совета, председателем правления кооперации «Интегралсоюз» в Соболево, председателем колхоза «Пионер Запада».

НАЧАЛО

Я житель села Соболево. Родился в 1900 году в семье простых тружеников. Родители мои были неграмотны. Сам я получил начальное образование. Много позже в зрелые годы, прошел трехгодичный курс политшколы в Соболево. Мой отец круглый год занимался охотой и рыболовством.

Помню, он рассказывал, как под началом офицеров Сотникова и Кузьмина охранял западное побережье Камчатки от японцев. Прежде, до русско-японских событий 1906 года, охрана была слабая, и японцы свободно заходили в Унушку на шхунах и ловили рыбу. С тех пор, как побережье стала охранять дружина, японские рыбаки поутихли, реже стали заходить в наши реки. За то, что ведут рыбную ловлю, они давали дружине муку. Однажды японцы вероломно напали на охрану. Убили Сотникова, еще несколько человек, многих ранили. Некоторые утонули в Унушке. Несколько дней спустя пришел пароход «Адмирал Завойко» и отвез раненых в город на лечение. Среди них был и мой отец.

Насколько я помню, в 1910 году стали у нас строить телеграфную линию. Руководил работами Гутман. Следом за специалистами приехала в Соболево из Владивостока партия рабочих прорубать просеку для проведения телеграфной линии, связывающей с Петропавловском.

В 1913 году приехали на побережье два частных предпринимателя – рыбопромышленника. Они стали принимать от населения рыбу. За одну горбушу платили по деньгам того времени одну копейку. У предпринимателей жители покупали муку, чай, сахар, и даже строительные материалы – железо, тес. Прежде за всем этим ездили в город.

Рыбу ловили бригадами по 10 человек. Заработок выходил 200–250 рублей теми деньгами на человека. У рыбаков резиновых и прорезиненных сапог не было. Ловили в оленьих торбасах-броднях. Шили их наши жены. Торбаса в воде набухали, сырели. Подметки изнашивались, а шили подметки из коровьей шкуры.

Жили рыбаки в маленьких шалашах. Очень было неудобно. Через год рыбопромышленники обеспечили рыбакам бараки, кухню. Одновременно повысили цену на горбушу. Стали платить за одну штуку полторы копейки. Заработок заметно прибавился. Где-то в 1914 году в Соболево из Явино приехал охотник и мелкий торговец Северин Карлович Карлсон. Через год пришел американский торговый пароход с продуктами и мануфактурой. С тех пор местные жители могли купить чай, сахар, муку, оружие, капканы в лавке.

Когда на побережье установилась Советская власть, мы организовали в селе Соболево кооперацию. Инициатором в этом деле выступил Савва Макарович Самборко. Было это, как я помню, в 1923 году. Сельчане собрались на общее собрание, установили пай 25 рублей. Пять рублей был вступительный взнос. Избрали правление из пяти человек: Владимира Семеновича Спешнева, Диомида Васильевича Трапезникова, Петра Васильевича Спешнева, Савву Макаровича Самборко и меня. Председателем избрали В. С. Спешнева, меня заместителем. С. М. Самборко руководил торговым отделом.

Все старались работать хорошо. Купили под магазинчик небольшой домик. Кооперация скупала у населения пушнину, мясо, коров. Первые год-два все это обменивали на продукты и мануфактуру, которые привозили американские торговые пароходы. Когда в городе была создана кооперация «Интегралсоюз», к нам стали приходиться наши, советские пароходы. Соболевская

кооперация стала подчиняться «Интегралсоюзу». Проработав года три председателем правления кооперации, Владимир Семенович умер. Председателем в 1925 году избрали меня, почти пять лет проработал я в этой должности. Первое время крупные денежные суммы, бывшие в обороте нашей кооперации, проходили через мои руки. Честно признаться, было очень боязно иметь дело с такими деньгами. Грамоты не хватало. Мне помогал в расчетах секретарь партийной организации Александр Гаврилович Носырев.

– Не бойся, – ободрял он меня, – и не с такими делами справишься.

Вскоре появился счетовод и бухгалтер. Открыли отделение на Пымте и в Иче.

Позднее на побережье была создана рыболовецкая артель. Рыбоартель, как и кооперация, подчинялась «Интегралсоюзу». В ней состояли села Соболево, Русь, Воровское, Брюмка. У артели также было свое правление. В него вошло семь человек. Петр Иванович Панчу заведовал рыбным отделом, он был уполномоченным по отправке рыбной продукции – сдавал рыбу в городе, закупал продукты и мануфактуру.

Мастером по приготовлению икры был Алексей Васильевич Лупандин, секретарем – Александр Петрович Колов – грамотный мужик. Рядовыми членами правления работали С. М. Самборко, П. В. Спешнев, Н. В. Трапезников и я.

Артель имела морской невод, лебедку, один катер, одну моторную лодку, два больших грузовых кунгаса и маленькие кунгасы, поднимающие до 100 центнеров рыбы. Были построены для нормальной работы рыбаков три больших барака и три столовые. Во всем обходились своими силами: ловили рыбу, обрабатывали катер и кунгасы, делали икру, заготавливали рыбу сухого посола и в бочках. Артель сдавала до 25–30 тысяч центнеров рыбы.

В путину работали семьями. Позже вышестоящая организация ДИОС, что находится во Владивостоке, дала распоряжение кооперации открыть рыбный промысел. Рыболовецкая артель передала все свое имущество и технику кооперации. Один сезон кооперация занималась развозным торгом и рыбным про-

мыслом. Затем кооперация получила указание передать промысловое имущество акционерному обществу.

Многое не сохранила моя память, но мне и сейчас не забывается, как крепко работали мои земляки, радовались переменам, учились коллективно трудиться. Советская власть изменила нашу жизнь. Мы стали хозяевами на камчатской земле.

Использована публикация в газете Соболевского района «Рассвет», 1981 г., 24 февраля

Воспоминания старейшего жителя с. Соболево Трапезникова Георгия Калистовича о событиях 1923 года, связанных с изгнанием банды Бочкарева с западного побережья Камчатки красноармейцами-чубаровцами.

НА ГРЕБНЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Это было зимой, в январе, когда охотники съезжались сдавать пушнину. Год я точно не помню (*1923 год. – Прим. ред.*). Всех нас, соболевских охотников, мобилизовали, чтобы мы привезли на своих собачках (*собачьих упряжках с нартами. – Прим. ред.*) красноармейцев из отряда Чубарова до села Колпаково. Был такой закон, если требуется, без слов доставляли людей или грузы на собачках от своего села до соседнего.

Когда отряд прибыл к нам в Соболево, красноармейский командир вызвал нас и дал указание, как надо продвигаться. Каждая нарта должна была двигаться на расстоянии 300 метров одна от другой. Уложили мы на нарты оружие, пулеметы, покрыли все брезентом. Красноармейцев везли в кукулях.

Немного позже, уже по весне, я еще раз столкнулся с чубаровским отрядом.

Насколько помню, в 1922 году наше правительство заключило с американскими фирмами (например, Свенсон и К^о. – Прим. ред.) договор по снабжению Камчатки продовольственными товарами. Весной следующего года пришла на побережье американская шхуна с продовольственным запасом. На шхуне матросов не хватало, вот и взяли матросом меня, Александра Северьяновича Карлсона и Петра Ивановича Панчу. Шхуна выгру-

жала продукты по факториям, назывались они тогда кооперативами – в Соболево, Воровском (нынешнем Кировском), Хайрюзово, Тигиле, Палане, Наяхане.

В Наяхане сидели бандиты с командиром Бочкаревым. Банда грабила население, брала все, что было хорошего. Банда перебралась по сухопутке в Тигиль (видимо, по долине реки Камчатки). Начали грабить торговые лавки с пушниной. Но в Тигиле действовали партизаны, они преследовали бочкаревских бандитов.

В ту пору из Петропавловска шел американский пароход. Бочкарев узнал про это и сумел попасть на пароход, там были его сообщники из города. Пароходом Бочкарев вместе с белобандитом Поляковым попал в Наяхан. Об этом нам рассказывали партизаны.

Когда в Тигиль прибыл Чубаров, тигильские партизаны соединились с его отрядом и пошли на Пенжино. Там они встретились с другим отрядом. – Григорьева, который проходил по восточному берегу Камчатки (Григорьев – командир красноармейского отряда). Дальше двинулись все вместе – отряды Чубарова, Григорьева и тигильских партизан.

Партизаны рассказывали нам, что в пути до Гижиги на дороге встречали отряды бочкаревцев по 20–30 человек. Бандиты грабили по селам и юртам оленеводов. Партизанам и красноармейцам было приказано при встречах с бандитами всех виновных расстреливать на месте, а кто не виновный – того не расстреливать. Когда отряд Чубарова подошел к Гижиге, белобандит князь Хайруллин со своими подчиненными пьянствовали. Красноармейцы подсчитали сколько всего бандитов, а Чубаров сам зашел в дом, подошел к князю Хайруллину, предложил ему выйти из дома и расстрелял бандита. С Хайруллиным был поп, он залез под кровать, когда его стали вытаскивать, он отстреливался, ранил красноармейца, пона убили.

К Наяхану отряд Чубарова подошел ночью. В первую очередь бойцы стали бросать в окна гранаты, а после обстреливать казармы, особенно окна, за которыми находился Поляков. Это я видел сам лично. Оказался я рядом с красноармейцами и парти-

занами потому, что шхуна, на которой я служил матросом, стояла в ту пору на разгрузке в Наяхане.

Так я стал очевидцем наяханской операции. Когда к Полякову забросили гранаты, он выбежал на крыльцо в одном нижнем белье. Его расстреляли как ярого бандита и врага. Из всех белогвардейцев остался один офицер, тоже, кажется, генерал. Он жил в отдельном доме с попом Николаем (его называли все попкой), заведующим факторией. Этот офицер был вооружен.

Красноармейцы договорились с Чубаровым пойти на хитрость, вызвали попку и предложили ему вместе с переодетым в рабочего командиром Григорьевым зайти в ту квартиру, где жил попка с офицером. Попу пообещали жизнь, поверили, что попка не обманет, ведь его самого до ниточки обчистили белобандиты.

Когда поп с переодетым Григорьевым, оба вооруженные, вошли в комнату, где был офицер, Григорьев скомандовал «Руки вверх», но его наган дал осечку и поп Николай застрелил красного командира.

Когда американская шхуна разгрузилась в Наяхане, пошли в Гижигу. На обратном пути забрали Чубарова с красноармейцами и отвезли в город. Вместо Чубарова на побережье приехал другой командир – Плеханов.

О том, как и что происходило я передал в основном со слов партизан, которых мы встречали на пути от Тигиля в Наяхан.

Использована публикация в газете Соболевского района «Рассвет», 1980 г., 13 декабря. Материал подготовлен к публикации сотрудниками Соболевской библиотеки

31 января 1907 г. род Трапезниковых пополнился новой, хорошо сегодня известной в Соболево ветвью: запасной нижний чин, крестьянин Приморской области Южно-Уссурийского уезда Раздельной волости деревни Таврической, лютеранин, 34-летний года Анс Адамович Бенкис женился на дочери камчадала селения Воровского Константина Семеновича Трапезникова Елене.

В годы Великой Отечественной войны на полях сражений погибли:

15 июля 1943 года Трапезников Данил Алексеевич, младший

лейтенант, 1923 г. р., похоронен д. Кр. Лог Шебекинского района Курской области.

20 января 1944 г. Трапезников Петр Иванович, рядовой, 1915 г. р., похоронен в д. Малые Кобози Ленинградской области.

ТРЕТЬЯКОВЫ

Имя посадского (то есть представителя торгово-ремесленного сословия) человека Захара Третьякова встречается в документах о Харчинском бунте – восставшие камчадалы убили тогда его людей.

Позже или наследники Захара Третьякова перешли в казачье сословие (что вполне возможно) или на Камчатке появляется новая родовая ветвь казаков Третьяковых, обосновавшихся в Сероглазке. По крайней мере, в архивах о казаках Третьяковых имеется сообщение: Третьяков, казак, г. Петропавловск, 1865 г. (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

В 1771 г. матрос из казаков Дмитрий Третьяков, служивший на «Святом Петре», не примкнул к участникам Большерецкого бунта.

Среди коренного населения эта фамилия встречается и у камчадалов (с. Толбачик), и у коряков – первое упоминание мы встречаем об ясачном коряке Теневье Третьякове, датированное примерно 1747 г., а в Исповедальной росписи Дранкинской Иннокентьевской церкви за 1893 г., ГАКК находим следующие сведения: Третьяков Семен Павлович, камчадал селения Кичигинского, 42 года. Сыновья: Фома (18), Тарас (14). Позже, уже при Советской власти, кичигинские камчадалы были записаны коряками.

Камчадалы Третьяковы проживали в Толбачике.

Третьяков Петр Георгиевич. Род. 26 июня 1893 г. Родители – камчадал Толбачинского селения Георгий Георгиевич Третьяков и жена его Лукия Васильевна. Восприемники – камчадал того же селения Архип Алексеевич Карандашев и жена крестьянина Ключевского селения Никандра Фокиевича Ушакова Екатерина Георгиевна. Свящ. Никандр Шергин (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1893 г., ГАКК).

Одновременно встречаются в записи две действующие каза-

чи фамилии – Третьяков и Карандашев, которые прославились в боях за Камчатку.

Третьяковы участвовали в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. Особенно прославился казак Илья Третьяков, состоявший в Петропавловской дружине.

Он был награжден Георгиевским крестом 4-й ст. за участие в боевых действиях на р. Жупаново (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

И трагическая судьба выпала сыну героя (что очень типично для того времени):

Третьяков Николай Ильич. Родился в 1901 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; малограмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза им. Ленина. Проживал: г. Петропавловск-Камчатский. Арестован 28 мая 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Гвардии сержант Александр Яковлевич Третьяков, уроженец Камчатки, призванный Усть-Большерецким РВК, погиб на одном из фронтов Великой Отечественной войны.

ТУВАГИНЫ (ТУВАЛИНЫ)

У нас очень скудные сведения о представителях этой фамилии, точнее, мы имеем сведения об одном только человеке, который прославил камчатский род казаков Тувагиных (Тувалиных).

В исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 год мы находим сведения о Тувагине Дмитрие Ивановиче, отставном казаке из Сероглазки, 55 лет.

Уверены, что этот тот же самый человек, что и Тувалин Дмитрий Степанович, отставной казак, 72-х лет, который «участвовал в сражении, находился в составе патрулей, охранявших мыс Сероглазку» в 1854 г., который в числе 9 стариков был внесен в «именной «Список ветеранов Петропавловского боя, происшедшего 17»24 августа 1854 г., составленный в 1902 г.», или

Тувалин Дмитрий, казак, который в 1882 г. внесен в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры». (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

ТУРНАЕВЫ

На Камчатке эта фамилия известна была только в селе Еловка: Николай Турнаев был участником обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Усть-Камчатская дружина).

И вот еще одна архивная запись:

Дочь камчадала селения Еловского Апалона (так в документе) Петровича Турнаева, замужем (с 8 апреля 1909 г.) за камчадалом селения Еловского Афанасием Васильевичем Чуриным.

Поиск русских корней этой фамилии оказался весьма затруднительным, но мы нашли ссылку на фамилию Турнаева, которая могла кое-что подсказать: «Безрезультатно закончился и поход И. П. Козыревского на небольшом одномачтовом судне типа эверс, построенном им за свой счет в Якутске. Козыревский с матросом Турнаевым, назначенным мореходом на эверс, и матросами А. Ф. Шестакова отправился 6 августа 1728 г. для поиска земель против устья р. Лены, к зиме судно было выгнано на берег, однако 28 мая 1729 г. было изломано льдом. И. П. Козыревский с командой возвратился в Якутск».

Осталось выяснить, был ли матрос Турнаев на Камчатке. Оказывается, да – в начале 1730-х гг. в составе экспедиции Афанасия Шестакова.

Но загадка остается и заключается она в том, что эта фамилия появляется на Еловке в 1750 г., когда об экспедиции Шестакова уже забыли в России.

ТЮМЕНЦЕВЫ

Фамилия очень распространенная на Камчатке, но пока не удается разгадать причину этого явления.

Понятно, что происхождение самой фамилии напрямую свя-

зано с Тюменью, то есть с Тобольским краем и первой столицей всей Сибири от Урала и до Камчатки – Тобольском.

Тюменцевы одинаково могли быть и тюменскими казаками, и крестьянами из-под Тюмени.

Самая простая версия: Тюменцевы – это крестьяне, которые поселились в середине XVII века в селении на реке Ключевке, основав село Ключи. Затем часть Тюменцевых переселилась в ключевские выселки – село Кресты, или Крестовское, а потом какая-то семья (вероятно, наиболее успешная в сельском хозяйстве) была переселена на Паратунские ключи, где в начале – середине XIX века камчатские командиры хотят возродить сельское хозяйство. Тогда становится понятным и появление фамилии Тюменцев среди камчадалов в селении Ушки (были случаи, когда ключевских крестьян переселяли и в селения аборигенов с последующей записью в камчадалы – сначала, наверное, по привычке, а потом в силу уже сложившейся традиции).

Тогда все камчатские Тюменцевы изначально крестьяне.

Но как тогда быть с появлением этой фамилии на северо-восточном побережье Камчатки? Мы пока не зафиксировали ни одного случая получения аборигенами русской фамилии от крестьян: Тюманцев Никифор Иванович, камчадал Кичигинского селения, 49 лет, 1893 г.

И при любом раскладе теперь (даже ежели ушковские камчадалы в действительности ключевские крестьяне и не получили эту свою фамилию при крещении) нужно искать фамилию Тюменцевых и среди служилого камчатского люда (казаков, солдат, матросов), промышленников или священников, которые, как утверждают исторические источники и архивы, могли быть восприемниками (в буквальном или в переносном, символическом, смысле этого слова) при крещении. И вполне возможно тогда, что самый первый из Тюменцевых был на Камчатке казаком, а потом уже от казаков Тюменцевых появились Тюменцевы-крестьяне, сначала ключевские, а потом и паратунские. Но таких фактов пока не выявлено.

Но вот, что нам известно.

Имя Аграфены Никитовны Тюменцевой, вдовы крестьянина, 68 лет, было внесено в именной «Список ветеранов Петропав-

ловского боя, происходившего 17»24 августа 1854 г., составленный в 1902 г.», за то, что она «в дни боев мыла раненым белье в помещении, обстреливаемом неприятельскими снарядами» и ей была назначена ежемесячная пожизненная пенсия» (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 106). То есть крестьяне Тюменцевы жили в окрестностях Петропавловска до 1854 г.

Участниками обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. в составе Усть-Камчатской дружины были Василий и Степан Тюменцевы из с. Ключи и Матвей Тюменцев из с. Кресты. Это говорит о том, что ключевская семья Тюменцевых была настолько большой, что часть семьи переселилась в ключевские выселки – село Кресты.

Кое-какую информацию о Степане Тюменцеве, дружиннике из Ключей, мы находим в этом документе:

Тюменцев (Тюменцев) Михаил Степанович. Родился 19 февраля 1900 г. Родители – отец крестьянин Ключевского селения Стефан Михайлович Тюменцев и жена его Вера Тимофеевна. Восприемники – крестьянин Ключевского селения Алексей Николаевич Ушаков и жена крестьянина того же селения Василия Андриановича Ушакова – Надежда Тимофеевна. Священник Феодор Апеллесов с псаломщиком Ксенофонтом Михайловым. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1911 г., ГАКК.)

В 1893 г. в районе Паратунки (селения Озерновское и на Паратунских ключах) проживали братья Тюменцевы:

Тюменцев Прокопий Савватеевич. Крестьянин из селения Озерновского, 1893 г., 55 лет. Жена Агриппина (Аграфена?) Никитична (55). Брат его Иван Тюменцев (58). Дети его: Фекла (29), Георгий (27), Иван (24), Илья (21), Константин (15).

Возможно, и третий их брат (отчество в документе не было указано, отсюда и сомнения):

Тюменцев Матвей Савватеевич (?). Крестьянин селения на Паратунских ключах, 1893 г., 48 лет. Дети его от 1-го брака: Василий (23), Агриппина (19), Семен (16), Федор (12). От 2-го

брака: Евдокия (7), Анна (4), Екатерина (3). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Следы потомков деда Савватая повели нас в Петропавловск:

Тюменцева (Сметанина) Александра Ивановна. Дочь крестьянина Озерновского селения Ивана Савватеевича Тюменцева вышла замуж апреля 1885 года за Петропавловского мещанина Петра Михайловича Сметанина. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1885 год, ГАКК.)

В числе тех камчадалов, которых только обдало жаром политического костра, но не обожгло, был Тюменцев Степан Иванович. 1897 г. р., русский, уроженец с. Паратунка, Петропавловского района Камчатской обл., из крестьян, образование – высшее начальное училище, педагогические курсы и правовая школа, член ВКП(б). Проживал в г. Петропавловске-Камчатском, был надзирателем морпорта. Арестован 14 июня 1938 г. Обвинялся по ст. 58-1а -7-8-11 УК РСФСР. Постановлением КОУ НКВД от 19 августа 1939 г. на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован прокуратурой Камчатской обл. 14 декабря 1989 г.

Красноармейцы Василий Васильевич и Николай Николаевич Тюменцевы погибли в один день – 18 августа 1945 года – и захоронены на острове Шумшу.

Потомок паратунских Тюменцевых – Виктор Леонидович Тюменцев – многие годы возглавляет Министерство образования и науки Правительства Камчатского края.

ТЮРСУКОВЫ (ТЮРИКОВЫ, ТЮРУКОВЫ, ТЮРЮНОВЫ)

Это все варианты одной и той же (по нашему мнению) фамилии, искаженной при написании. По крайней мере, в случае с Ильей Степановичем (при трех совпадениях) мы вряд ли ошибаемся:

Тюруков Илья Степанович, 1887 г., Петропавловск, мещанин.

Тюриков Илья Степанович, петропавловский мещанин, 1903 г. (ЦГА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 8).

Тюрюнов (Тюрюков) Илья Степанович, Сероглазка, мещанин, 1893 г., 48 лет. Жена Феодосия Филипповна (48). Дети:

Анна (19), Евдокия (17), Пелагия (11), Евгения (7). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

А это, судя по всему, его родня: Тюрюнова (Тюрюкова) Надежда Никифоровна, вдова Петропавловского мещанина, 1893 г., 57 лет, сын Константин (17) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

А это, возможно, как раз и есть сын Надежды Никифоровны – Константин:

Тюрсукон Константин, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Петропавловская дружина).

А какая же фамилия была на самом деле? Возможно, кто-то из потомков знает ответ на этот вопрос...

УВАРОВСКИЕ

Вот информация о самых первых камчатских Уваровских:

Уваровский Иван, казачий сотник: в 1718 г. казачий сотник Иван Уваровский принял под свое начало Нижнекамчатский острог. В 1720 г. арестовал, пытал и отправил в Якутск Ивана Козыревского. «В 1718 г. из Якутска прибыли три приказчика: Иван Уваровский (в Нижний), Иван Поротов (в Верхний) и Василий Кочанов (в Большерецкий) остроги. Сей последний свержен был казаками и на полгода посажен в тюрьму. Он бежал. Мятужники взяты в Тобольск и наказаны». (Пушкин А. С. «Материалы для заметок о книге С. П. Крашенинникова “Описание земли Камчатки”»).

Уваровский, приказчик Камчатки, капрал: «В июне 1742 г. прибыл в Камчатку, на смену Колесову, сын боярский Пётр Борисов. Но управлял он недолго, ему на смену прислали писаря Михаила Попова, который и управлял Камчаткою с июня 1743 г. по день своей смерти 5 февраля 1744 г. Управление принял капрал Уваровский, который в свою очередь сдал должность в 1744, в октябре новому командиру капитану Лебедеву» («Правители Камчатки». <http://www.kamlib.ru/resources/praviteli.htm>).

Казачья (военная) линия Уваровских прослеживается до 1812 г.:

Уваровская Мария, вдова рядового Камчатского гарнизон-

ного батальона, 32 года. Дети: Семен (6), Иоанн (3), Мария (5) (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

Уваровский (Уваровской) Илья Семенович, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 8 лет. Это, скорее всего, старший сын Марии, который поступил на обучение.

Видимо, именно с нижнекамчатскими казаками Уваровскими связано появление фамилии Уваровских после крещения как в землях камчадалов (Апача, Начики, Ича), так и в корякском селе Карага.

Самая известная в истории Камчатки ветвь камчадалов Уваровских была из Ичи: Уваровский Иоанн, сын тойона с реки Ича Агишкина, первый камчатский священник из камчадалов. В 1747 г. назначен учителем в открытый архимандритом Камчатским И. Хотунцевским молитвенный дом на реке Ича. Рукоположен в сан священника в 1758 г. епископом Иркутским Софронием и назначен первым настоятелем Ичинской Вознесенской церкви, построенной в начале 1750-х гг. Умер от оспы в 1768 г.

Остались в памяти потомков и Уваровские – участники обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Уваровский Егор (Морошечная дружина), с. Ича.

Уваровский Захар (Большереецкая дружина), с. Апача (Захар Захарович Уваровский, 1880 г. р.).

Уваровский Петр (о нем мы пока не нашли никаких дополнительных сведений). Награжден серебряной медалью за участие в боевых действиях (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Сохранились подлинные материалы об участии в боевых действиях против японцев Николая Уваровского (см. очерк «Хроника неоконченной войны») из Большереецкой дружины (по нашим данным, жителя с. Апача, 1879 г. р., брата Захара Захаровича Уваровского).

Серебряной медалью на станицлавской ленте: «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» был награжден в 1905 г. староста селения Начики Уваров-

ский Дмитрий Кузьмич (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129). Мы обнаружили также сведения о его семье за 1893 год: Уваровский Дмитрий, камчадал селения Начики, 37 лет. Жена Софья Тимофеевна (32). Дети: Иван (14), Пелагея (2) (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК).

А вот Христофор Михайлович Уваровский (1887 г. р.), наоборот, подвергся за мнимую «связь с японцами» в 1930-х годах политическим репрессиям по так называемому «Тигильскому делу»: Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Ича; камчадал; образование: малограмотный; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Ича. Арест: 12.08.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Когда мы подняли архивные материалы, то оказалось, что в числе ичинских ополченцев был его родной брат Егор (Георгий) Михайлович Уваровский (1879 г. р.).

УДАЧИНЫ

Историю появления этой фамилии на Камчатке поведал нам Карл фон Дитмар (Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.), записав ее со слов одного из потомков вологодского зверопромышленника Удачина, решившего поселиться навсегда на окраинной русской земле (см. очерк «Удачины»), записавшись в крестьяне: *«Особенно интересно было для меня знакомство с одним очень старым жителем Ключей, более чем 90-летним крестьянином Удачиным, воспоминания которого уходили в очень давнее время. Отец его родился в Вологде и уже лет через 25 после Атласова поселился в Камчатке, где умер от оспы в 1768 [г.], именно в ту страшно опустошительную эпидемию, которая и теперь еще играет очень важную роль в летоисчислении камчадалов. Сам Удачин родился около 1760 г. в Нижнекамчатске. К сожалению, его воспоминания были очень сбивчивы и, главным образом, вертелись около второстепенных мелочей, так что, в сущности, почерпнуть из них можно*

было лишь очень мало. Но общий характер старины, все страшные неистовства казаков по отношению к камчадалам старик передавал очень живо и вполне согласно с историческими памятниками. Сущность его рассказов сводится к следующему. Удачин подтвердил известия Миллера и Крашенинникова о большом восстании камчадалов в 1731 г. Он рассказывал, как многочисленные толпы камчадалов, особенно же ключевские и еловские, под предводительством своего героя Харчина напали на русских вечером Ильина дня и перерезали их, как те же камчадалы хитростью захватили и сожгли поселение казаков пониже Ключей, тогда населенных исключительно камчадалами и составлявших старинную, пользовавшуюся большой славой деревню их, как далее они подвергли той же участи Нижнекамчатский острог. Спасся только один русский, доставивший печальную весть на суда, собравшиеся у устья реки Камчатки для похода против чукчей. Команда с судов поспешно направилась в Ключи, и после ряда кровавых битв русские взяли верх. Спустя несколько лет из Якутска прибыл полковник Василий Мерлин с множеством солдат и произвел страшно строгий суд над камчадалами и казаками, предав смертной казни множество тех и других. Дед Удачина по материнской линии, приобретший печальную известность казак Никифор Кольгов (см. очерк «Колеговы – Коллеговы». – С. В.), также был приговорен к смертной казни, но откупился несколькими соболями.

После подавления бунта все камчадалы были прогнаны из Ключей и переселены в Козыревск, находящийся выше по реке. В Ключах же водворились русские, частью из Нижнекамчатска, а еще более с берегов Лены, так что с 1740 г. это чисто русская деревня».

По нашей версии старик Удачин был сыном промышленника Алексея Удачина, который в 1768 г. умер не от эпидемии оспы на Камчатке, а от цинги на Алеутских островах, и с той поры род Удачиных обосновался в селении (потом рабочем поселке, городе) Ключи, освоившись с нехитрым ремеслом местных охотников и рыбаков.

Когда же наступили лихие времена, и Камчатка оказалась на

арене военных действий, в Усть-Камчатскую дружину, оборонявшую от японских «хищников» восточное побережье Камчатки, записались вместе с другими односельчанами, четыре ключевских ополченца из рода Удачных – Алексей, Илья, Никифор, Григорий.

Григорий Удачин за участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке в 1904–1905 гг. награжден Георгиевским крестом 4-й степени (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

В Исповедальной росписи Ключевской церкви за 1893 г. мы нашли информацию только о двух народных ополченцах Удачных: о Григории Михайловиче, 36 лет, у которого были дети: Иван (13), Михаил (11), Анна (15), Фекла (6), Елена (4), Степанида (1). А также о Никифоре Александровиче Удачине (в 1893 г. 14 лет).

Известны некоторые подробности и о внуках Георгиевского кавалера, потомки которого (судя по их запросам в архив) продолжают жить и трудиться на камчатской земле:

Удачина Анисия Иоанновна. Родилась 30 декабря 1903 г. Родители – крестьянин селения Ключевского Иоанн Григорьевич Удачин и законная жена его Агафья Григорьевна. Восприемники – исправляющий должность псаломщика Ключевской Троицкой церкви Иоанн Иоаннович Иванов и жена крестьянина селения Ключевского Иннокентия Павловича Юрьева Александра Михайловна. Свящ. Геронтий Коллегов с и. д. псаломщика Иоанном Ивановым (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1903 г., ГАКК).

Удачин Григорий Иоаннович. Родилась 28 февраля 1909 г. Родители – крестьянин селения Ключевского Иоанн Григорьевич Удачин и жена его Агафья Григорьевна. Восприемники – московский мещанин Петр Владимирович Проскураков и дочь фельдшера селения Ключевского Георгия Михайловича Григорьева девица Евстолия. Свящ. Михаил Ерохин (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1909 г., ГАКК).

Удачина Анна Михайловна. Родилась 17 августа 1910 г. Родители – крестьянин селения Ключевского Михаил Григорьевич Удачин и законная жена его Анисия Иосифовна. Свящ.

Михаил Ерохин (Выписка из метрической книги Ключевской за 1910 год, ГАКК).

УКСУСНИКОВЫ

Первое упоминание о камчатских Уксусниковых: «Из Верхнего Камчатского острога поехали генваря 2 дня 1739 года. (рядом с Верхнекамчатским острогом. – Ред.) ...Немного пониже устья означенной речки (*Шачалмынки*. – Ред.) над протокою, Сингачь называемою, есть летовье служивого Уксусникова, строения в нем анбар да сушило, а ниже его летовье служивого Лосева. Строения в нем 2 анбара, 4 сушила, 3 балагана, 4 барабары, огород, где репу сеют и редьку садят, а близ его над тою же протокою и пашня, где ячмень сеют» (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 655). Позже, по всей видимости, казачий род Уксусниковых угас. Но сохранились династии его крестников – камчадалов Уксусниковых из Кихчика, Утхолока и села Белоголовая. При крещении в 1748 г. фамилия зафиксирована в селениях Оглукомина, Колпаково, в 1749 г. – Оглуковина, Хайрюзово, но не сохранилась.

Уксусников Семен, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Большерецкая дружина), с. Кихчик. Сведения о нем мы находим в Исповедальной росписи Большерецкой церкви за 1893 год:

Семен Иакинфович Уксусников (17 лет) жил в семье своего старшего брата Павла Иакинфовича (31). С ними жил и третий брат – Федор (19). Семейным был только старший брат – у него рос сын Константин (11) и дочери Ульяна (3) и Мария (2 годика).

Уксусников Иннокентий Иванович. Родился в 1901 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Утхолок; ительмен; образование низшее; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Утхолок. Арестован 8 октября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г., обв.: по обвинению в «антисоветской агитации» (без ссылки на закон). Приговор: ВМН. Расстрелян 8 марта 1938 г. Реабилитирован 24 июня 1959 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО (по материалам Испове-

дальной росписи Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК, мы находим его вероятного отца – Уксусников Иван Дмитриевич, 28 лет, тогда еще не женатый).

УЛАНОВЫ

Сведений об этой фамилии у нас мало, но, тем не менее, такая камчатская фамилия была и, возможно, существует по сей день:

Уланов Павел, Петропавловский мещанин, 1893 г., 26 лет.

Уланова Агафья Тимофеевна, вдова, мать Занина Петра Алексеевича (с. Авача), 1893 г., 70 лет.

УСОВЫ

Одна из старинных казачьих камчатских фамилий. Первым в камчатской истории отмечен Савва Усов – он был бит кнутом в Большерецком остроге, как один из виновников Харчинского бунта вместе со многими другими большерецкими казаками, оставившими Камчатке свои фамилии – Новограбленными, Келтякиными, Вальынкиными, Асламовыми, Лукашевскими, Вагиными, Сургуцкими, Чупровыми...

В 1741 г. часть большерецких казаков была направлена в Петропавловскую гавань для охраны казенных вещей Второй Камчатской экспедиции. Через двадцать с лишним лет петропавловский казак Василий Усов совершенно случайно, будучи на рыбалке, на отдыхе, попадает в историю – в Авачинскую бухту заходит одно из судов экспедиции Креницына-Левашова, и первого встреченного экипажем жителя будущей камчатской столицы заносят в вахтенный журнал. Было это в 1768 г.

И снова годы забвений. И снова историческая случайность: 19 августа 1854 г. боцман Василий Усов ведет в Петропавловский порт бот, груженный кирпичом. К боцману прибыла погостить из далекого села Озерная на восточном побережье жена с двумя сыновьями, и они тоже находятся на боте с мужем и отцом. С ними юный брат жены – матрос Киселев (см. очерк «Киселевы»). С ними же – и будущий герой России матрос Семен Удалов. Никто из экипажа и знать не знает и духом не ведает о том, какая беда нависла над Петропавловским портом

и его жителями, на глазах у которых бот с экипажем был захвачен в плен англо-французами (см. очерк «Ополченцы»).

Усовым, по которым по материнской линии идет род моих собственных детей, повезло – старенький адмирал де Пуант отпустил семью камчадалов (в том числе и кузена Киселева).

Далее мы цитируем материалы форума сайта «Камчадалы.-ру»:

«Во время погони противника за ботом Удалов напомнил товарищам о воинском долге: “Помни – матрос не должен живой отдавать ружья своего неприятелю”. Но ружей у матросов с собою не было, были только кирпичи. “Если кирпичами станем кидать в неприятеля, даром жизнь погубишь и ни одного не зашибешь до смерти; не замай, пусть нас заберут, а вы, смотри, не зевай, не можем ли мы какого случая найти на судне на гибель врагам”. Боцман Усов со своей стороны предупреждал товарищей: “Смотри, не разговаривать; что будет неприятель выпрашивать, знай, отвечай на все вопросы: “Не могу знать”, – а там, что бог даст”.

Англо-французы действительно пытались всячески воздействовать на пленных. Сначала они уговаривали матросов перейти к ним на службу, суля им разные блага. После резкого отказа русских матросов их сковали по рукам и по ногам и посадили в трюм на хлеб и на воду. Затем, еще во время пребывания неприятеля в Авачинской губе, у пленных стали выпытывать о военных силах Петропавловска, расположении батарей и пр., но и на этот раз ничего не добились. Позднее матросы рассказывали, что слышали артиллерийскую пальбу, раздававшуюся во время боев за Петропавловск, и жалели, что “сидят закованные, когда товарищи проливают кровь”. После разгрома и ухода англо-французов с Камчатки пленных увезли на остров Таити, где сооружалась крепость. Матросов пытались заставить работать, но они отказались и снова были закованы в кандалы.

“На следующий год пленных привезли на одном из военных судов в Авачинскую губу и хотели принудить их участвовать в военных действиях против своих соотечественников. Удалов был поставлен к пушке, остальные должны были подносить ядра и картузы. Когда корабль подходил к порту и по

боевой тревоге все начали становиться по местам, Удалов категорически отказался идти к орудиям. Он стал у грот-мачты и крикнул товарищам: “Ребята! Грех на своих руки поднимать. Уж лучше смерть! Помните слова адмирала: “Победить или умереть”. Скрестив руки на груди, выбранил неприятеля и вскричал: “Слышь вы – у русских руки не поднимаются на своих, я к пушке не иду!” Слова Удалова были переведены лейтенанту. Тот пригрозил немедленно повесить матроса за слушание и приказал готовить гордень. Удалов снова закричал: “Врешь, ты меня не повесишь, и я к пушке не пойду!” Затем он быстро по снастям взобрался на мачту, перепрыгнул на ванты и, крикнув товарищам: “Прощайте, ребята, да помните слова: на своих рук не накладывайте, сраму не наживайте! А я смерть принимаю...”, – бросился в воду.

Адмирал Де Пуант хотя и не окончил свою жизнь самоубийством, как его товарищ Прайс, но через несколько месяцев умер ужасной и медленной смертью от истощения физических и душевных сил, порицаемый всеми за неудачу у берегов Камчатки. “...черное пятно, которое никогда не может быть смыто никакими водами океана”; “Борт одного русского фрегата и несколько береговых батарей оказались непобедимыми перед соединенными силами Англии и Франции, и две величайшие державы мира были разбиты и осмеяны небольшим русским поселением”, – так оценивали события на Камчатке в английской и французской печати.

Но точка в этой истории еще не была поставлена. Отбитое нападение англо-французов на Петропавловский порт общественное мнение Англии и Франции расценивало как оскорбление и требовало, чтобы обе эти державы приняли энергичные меры для уничтожения города. Как ни блестящи были подвиги защитников Петропавловска, но их положение в случае серьезной войны на Камчатке было безвыходным. Город решено было эвакуировать, что и было сделано в кратчайшие сроки.

В мае 1855 г. англо-французский флот вновь вошел в Авачинскую бухту. Теперь это была объединенная эскадра из 12

кораблей с пятью тысячами матросов и солдат. Но они опоздали, город был пуст. Тогда в отместку за недавнее позорное поражение было приказано стрелять по безлюдному городу, чтобы стереть его с лица земли. А для того, чтобы месть была более изощренной, огонь по Петропавловску должны были вести русские пленные, захваченные вместе с семьей Усовых на боте с кирпичами в августе 1854 г. Комендором был назначен матрос Семен Удалов, остальные – орудийной прислугой.

Из воспоминаний В. С. Завойко:

Позже матрос Ехланов и Зыбин расскажут Василию Степановичу Завойко этот новый эпизод в обороне Петропавловска: “Семен... не пошел к своей пушке, а стал у грот-мачты и сказал нам:

– Ребята! Грех на своих руки поднимать. Уж лучше смерть.

Сказав эти слова, скрестил руки на груди и во весь голос закричал:

– Слышите?! У русских руки не поднимаются на своих. Я к вашей пушке не иду!

Старшему лейтенанту слово в слово перевели, и он затопал ногами:

– Если не пойдешь к пушке, то сейчас же повешу!

И приказал гордень готовить. А Удалов на него сердито:

– Врешь, такой-сякой француз! Ты меня не повесишь, а к пушке я не пойду!

Бросился он по снастям вверх на мачту и, поднявшись, перепрыгнул с них на ванты и оттуда нам говорит:

– Ребята! Не поднимайте руки на своих, не делайте сраму. Я принимаю смерть. Прощайте!

И с этими словами – бултых в воду. Утонул, а на своих руку не поднял”.

Этот эпизод поверг англичан и французов в уныние. После непродолжительной бомбардировки пустого города неприятель так и не решился ступить на берег Камчатки, и корабли объединенной эскадры один за другим покидали Авачинскую бухту, взирая на струйки черного дыма от разгорающихся пожаров».

В период существования на Камчатке печально известного Сомовского полка (Камчатского гарнизонного батальона) каза-

ки Усовы стали солдатами. В 1847 г. в списках Камчатской экипажной роты значится Усов Павел Васильевич, с припиской: «Из солдатских детей, уроженец Камчатской области, с 1843 г. на боте «Алеут». (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 1, д. 299.)

Судя по всему, имя Василий было родовым именем казаков, солдат, матросов Усовых.

В 1891 г. сын баталера 27-го флотского экипажа (Амурского флотского экипажа, куда был переведен в 1855 г. Камчатский 47-й флотский экипаж), Василий Васильевич Усов, возвратившись на Камчатку из Николаевска-на-Амуре, где, вероятно, осталась вся остальная семья, выбирает себе невесту-камчадалку.

В архивных документах фонда Р-220 «Отдел записей гражданского состояния Камчатского облисполкома» за 1891 г. имеется актовая запись № 1 о бракосочетании Усова Василия Васильевича с Агриппиной Ивановной Спешневой. Дата бракосочетания – 3 февраля 1891 г. Жених – Петропавловского порта сын Баталера 27-го флотского экипажа Василий Васильев Усов; православного вероисповедания, первым браком. Лет жениху – 26. Невеста – девица камчадалка Агриппина Иоанновна Спешнева, православного вероисповедания, дочь умершего камчадала Воровского села Иоанна Александрова Спешнева, первым браком. Лет невесте – 21. Поручители по жениху – камчадалы Воровского села Григорий Стефан Заев и Акиндин Михайлов Спешнев. По невесте – камчадалы того же села Прокопий Иоаннов Спешнев и Стефан Михайлов Спешнев. Таинство бракосочетания совершал Священник Андрей Владимиров Серебренников. (КГУ ГАКК, ф. Р-220, оп. 1, д. 10, л. 271.)

Лет Василию Васильевичу в это время 26, то есть он 1865 г. р. и, скорее всего, приходится не сыном, а внуком боцмана Василия Усова, у которого во время англо-французского плена было двое пацанят, а сам он, по свидетельству Юлии Завойко «на вид невзрачный, черненький, хиленький старичок».

Анна Васильевна Усова, дочь Василия Васильевича и Агриппины Ивановны, вероятно, была первым и единственным ребенком в этой семье. Она рано осталась без родителей и воспитывалась в семье своего родственника Спешнева Анкудина Михай-

ловича, погибшего в 1906 г. на реке Унушке в схватке с японцами. То есть осиротела дважды. Со слов ее дочери – Любови Степановны Копьевой родственниками Анны Васильевны были также двоюродные братья Трапезниковы: Константин Васильевич, Никандр, Диомид, Тимофей, двоюродная сестра Трапезникова Евдокия Васильевна. Родственницей приходилась и Татьяна Николаевна Спешнева (в замужестве Кайдалова).

Анна Васильевна Усова вышла замуж за Степана Матвеевича Копьева, с которым они поселились на одном из увалов в нескольких верстах от села Воровское, где вскоре образовалось новое русское поселение, которому по просьбе его жителей в начале 1920-х гг. дали наименование РУСЬ, а его жителей стали с той поры звать русинскими.

Степан Матвеевич – первоначально рабочий на строительстве телеграфной линии, а затем охотник и рыбак – пользовался большим авторитетом у односельчан и стал первым председателем русинского колхоза «Октябрь», который существует на Камчатке до сих пор (центральная база в свое время была переведена из села Русь в село Устьево).

Но сам Степан Матвеевич, отец Александра, Василия, Таисии, Любови, Валентина, Зои, Евгения Копьевых прожил недолгую жизнь.

Копьев Степан Матвеевич. 1872 г. р. Место рождения: Уральская обл. (ныне Башкирия), Белорецкий р-н, завода Тирлянк(ий); русский; образование: сельская школа; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Октябрь»; место проживания: Усть-Большереецкий р-н, с. Русь. Арест: 24.06.1934. Осужд. 23.11.1935, спецколлегия Дальневосточного крайсуда по Камчатской обл. Обв. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 6 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 30.05.1990. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Но это неточные данные. В семье помнят о том, что в первый раз его отпустили и он вернулся домой. Взяли позже, уже в 1937 г. вместе с двоюродным братом Копьевым Виктором Петровичем, и расстреляли.

Камчатский историк В. Пустовит установит причину: в период гражданской войны «священник о. Петр (Денисов), направля-

ющийся на север к полковнику Бочкареву, прибыл в Соболево. Отслужив молебен, он собрал жителей села (Н. А. Ворошилова, Петра и Степана Спешневых, Александра, Диомида и Константина Трапезниковых, Степана Копьева и др.), хвалил Приамурское правительство, объяснял необходимость созыва Учредительного Собрания – оно установит на Камчатке твердую власть – и призывал всех присоединиться к его мнению. Присоединились».

Вот и вся вина Степана Матвеевича перед Советской властью.

В материалах о жертвах политических репрессий имеются сведения еще об одном человеке, который напрямую не был связан с семьей Копьевых – семьи породнились позже, уже после его смерти:

Гедз Николай Иванович. Родился в 1913 г., Украина, Винницкая обл., Калиновский р-н, с. Сальники; украинец; малограмотный; б/п; был бригадиром плотников комхоза (колхоза «Октябрь?»). Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Русь. Арестован 2 апреля 1938 г. Приговорен: Усть-Большерецким РО НКВД 3 июня 1939 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 19 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

В боях подо Ржевом погиб носитель родового имени казаков и солдат Усовых – сержант, артиллерист (как и его далекий предок – баталер из 27-го Амурского флотского экипажа Василий Усов) Василий Степанович Копьев.

А этот материал пришел из далекой северной Ижмы (Республика Коми) о Таисии Степановне, дочери Степана Матвеевича, и ее муже Андрее Ильиче Филипповых.

СПЕШАТ ДЕЛАТЬ ДОБРО

Н. Хатанзейский, председатель районного совета ветеранов комсомола, войны и труда.

Встречаясь с ними на улице, всегда стараешься сказать пер-

вым слово «здравствуйте», подчеркивая большое уважение к этим авторитетным пожилым людям. Ценность общественная у людей неодинакова потому, думаю, что по-разному трудом в этой жизни заняты: кто в полдуши, кто в четверть, а кто-то весь без остатка. А они, Таисия Степановна и Андрей Ильич Филипповы, всегда умели вставать с зарей, а ложиться затемно, умели забываться в работе, умели держать свое слово, умели быть строгими и нежными к своим детям, умели уважать друг друга.

Поженились они пятьдесят лет назад на далекой Камчатке, куда Андрей Ильич был направлен на работу после окончания Ижемского зооветтехникума. Таисия Степановна тогда учила ребятишек в местной школе. Молодожены радость и горе делили пополам. И сейчас еще они не могут забыть своего первенца, скончавшегося в пути из Камчатки в родные края. Только начала налаживаться жизнь, молодые и полные задора Андрей и Таисия входили в ее вкус, как грянула война. Таисия Степановна проводила своего мужа на фронт. Нелегко ей было с маленьким сыном на руках. Вдоволь досталось молодой женщине и голода и холода. Много было и бессонных ночей. Такова была участь почти всех женщин, мужья которых были на фронте. А тут еще постоянная боль сердца за мужа, находившегося в самом пекле войны.

Не раз командир пехотного взвода Филиппов водил людей в атаку, не раз смотрел смерти в лицо. В одном бою его тяжело ранило, в госпитале отняли руку. Вернулся с фронта инвалидом. Солдат защитил все самое дорогое – свою Родину, отчий дом, любимую жену, своего сына. Вернулся, чтобы снова стать работником, мужем, отцом. Зажили душа в душу.

Перебираю еще и еще раз в памяти все известное мне об Андрее Ильиче, о верной спутнице его жизни Таисии Степановне, знаю которых больше двадцати лет. Переступив порог их дома, вдруг попадаешь в особый простой, как хлеб, и вместе с тем возвышенный мир, свободный от суетности, чванства, зависти, погони за материальными благами. Лица у всех ясные, души распахнуты настежь, помыслы не о хрусталях и модной мебели – о здоровье близких, о том, чтобы кто-то часом не оступился,

не запятнал честь семьи. И еще живо они интересуются делами района, страны.

За их плечами богатая жизнь. Оба они – живое олицетворение связи поколений. Велик их вклад в дело развития экономики и культуры района. Андрей Ильич работал в аппарате райкома КПСС, тринадцать лет возглавлял коллектив редакции районной газеты; многие годы работал председателем сельского Совета, а затем и председателем районной плановой комиссии. Не раз избирался членом райкома КПСС, депутатом райсовета. Таисия Степановна учила детей в школе, была воспитательницей детсада, возглавляла коллектив детского учреждения. Оба они делу отдавали полностью себя. Свидетельство этому – награды, добрые слова и большое уважение со стороны односельчан. И сейчас поле их деятельности не только воспоминания о прошлом, встречи и выступления перед школьниками, молодыми работниками. Их нынешняя жизнь также наполнена энергией активного действия, остается образцом для подражания. После выхода на пенсию Таисия Степановна многие годы возглавляла женсовет села. Недавно жители райцентра и гости тепло аплодировали выступлению фольклорного коллектива, в котором самое активное участие принимает эта женщина. У нее хорошо сохранился голос.

Меня поражает терпеливость ее. Жизнь была трудная. Но она никогда не отчаивалась. Много у нее жизненной стойкости, что в конечном счете передалось и детям.

Не видел ни разу, чтоб супружеская чета повышала голос на своих детей. Узнают о проступке, расстроятся, но не на шумят, не станут кричать, а скажут только: «Смотри, сынок, тебе жить».

И далеко не случайность, что четверо из одной семьи – коммунисты. Это Андрей Ильич, ныне пенсионер, сын Эдуард, инженер Ижемского леспромхоза, дочери: Вера, секретарь райкомитета профсоюза работников сельского хозяйства, и Люба, зоотехник райсельхозуправления. Авторитетом в своих трудовых коллективах пользуются дочери: Надя, инженер Сыктывкарского ЛПК, Валентина, бухгалтер объединения «Комизнерго». По-житейски, применительно к семье Филипповых, объяснением такого может служить лишь только одно: сложившаяся

у них система воспитания, где царит уважение к старшим и честность. Каждому ясно: для того, чтобы исповедовать в многотрудном воспитательном деле принцип «делай как я», нужно ох как много иметь за плечами.

Немало выпало на долю супругов различных невзгод. Но крепкая дружба, сердечная привязанность к друг другу, стремление больше тяжести взять на себя помогли им выстоять, победить, окрепнуть духом.

С чего же начинается человек? Думаю, проследив за жизнью семьи Филипповых, человек, личность, начинается с духовного климата в семье, с ее традиций, морально-этических принципов. Ведь в конечном счете жизнь все оценивает справедливо. Доброта и уважение к людям, что особенно свойственны Таисии Степановне и Андрею Ильичу, не падают в цене, потому что воспитанность, стремление сделать хорошее людям были высоко ценимы всегда.

Послезавтра супруги Андрей Ильич Филиппов и Таисия Степановна Копьева будут отмечать свою золотую свадьбу. Так пусть и впредь жизнь у них будет безоблачной, счастливой.

Сегодня в живых из детей Степана Матвеевича только Зоя Степановна Березина, которая живет в городе Красноармейске, в Подмоскowie. Здесь же живут ее дети Лида (Сальникова) и Виктор Березин со своими детьми и внуками.

На Камчатке живут потомки Александра Степановича, Любови Степановны (в том числе и наши с Татьяной Петровной, ее дочерью, дети и внуки) и Евгения Степановича Копьевых.

УСТЮЖАНИНЫ

Знаем мы об этой фамилии совсем немного: Устюжанин, Петропавловская дружина (1904–1905 гг.).

Более известен в истории Камчатки сын камчатского священника Иване Устюжанине (Устюжанинове – см. роман-исследование «Встречь солнцу»), участник Большерецкого бунта 1771 г., соратник Августа Бенъевского, вернувшийся в Россию и живший долгие годы в Нерчинске.

Вот, что сообщают о нем на форуме сайта «Камчадалы.ру»:

В ПОИСКАХ ОСТРОВА СВОБОДЫ

Звенья одной цепи

В феврале 1830 г. из ворот иркутской тюрьмы вывезли необычного арестанта – бывшего подпрапорщика Московского полка Александра Луцкого. После восстания декабристов его приговорили к 12 годам каторжных работ, он два года провел в Петропавловской крепости и был сослан в Сибирь. В Тобольске Луцкий пытался бежать, за деньги поменявшись именами с бродягой Агафоном, не помнящим родства, но его разоблачили и приговорили к вечной каторге. До Иркутска он дошел по этапу и отсюда отправился в Новозерентуйский рудник Нерчинского завода. В Зерентуе он поселился у семидесятилетнего старика Ивана Устюжанинова. Странный то был старик! Обитатели рудника считали его то ли выдумщиком и вралем, то ли выжившим из ума, а дворянина Луцкого поразил круг чтения хозяина. В избе Устюжанинова он нашел сочинения французского математика Блеза Паскаля, римского философа Луция Сенеки, немецкого мыслителя Лессинга, стихи португальского поэта Камоэнса и даже труды отцов американской демократии Томаса Пэйна и Томаса Джефферсона. В библиотеке был и немецкий двухтомник «Приключения и путешествия графа Морица Августа Беневского», изданный в 1791 г. в Лейпциге. В беседах старик упоминал Сен-Симона, Лафайета, Тадеуша Костюшко так, будто лично знал этих людей. Рассказывал про остров Формоза и порт Макао, королевство мальгашей на Мадагаскаре и Париж настолько подробно, словно сам там бывал. Вскоре Луцкий узнал, что старик был сыном камчатского священника и сорок лет прожил на Нерчинских заводах. В середине апреля 1830 г. отставной канцелярист Иван Алексеев Устюжанинов скончался, но успел передать своему постояльцу тетрадь, в которой описал свою жизнь. Этот дневник чудом сохранился, он попал к потомкам декабриста, одним из которых был выдающийся русский разведчик Алексей Луцкий, погибший в 1920 г. вместе с Сергеем Лазо.

Сливки арестантского общества

Осенью 1770 г. в Большерецком остроге на Камчатке собралась интересная компания политических преступников. Все они

были «бывшие»: помещик Ипполит Степанов, гвардейские офицеры Иоасаф Батурин, Петр Хрущов и Василий Панов, камер-лакей Александр Турчанинов, швед Адольф Винбланд и поляк Мауриций или Мориц Беневский. О каждом стоит сказать несколько слов. За три года до описываемых событий Екатерина II создала комиссию для создания нового «Уложения законов Российской империи». Императрица не помышляла, что кто-то из членов этого «парламента» покусится на ее абсолютную власть, но ошиблась. Отставной ротмистр Степанов потребовал всенародного обсуждения будущего законодательства и оказался на Камчатке. По одному делу с ним шел гвардии поручик Панов, который, ко всему прочему, имел столкновение с фаворитом царицы графом Григорием Орловым. Подпоручик Луцкого драгунского полка Батурин еще в 1748 г. решил свергнуть с престола императрицу Елизавету Петровну и посадить на ее место великого князя Петра Федоровича – будущего Петра III. Для этого он пытался поднять в Москве бунт мастеровых суконной фабрики купца Болотина, которые в то время как раз забастовали, и привлечь к этому делу лейб-гвардию. За это Батурин 20 лет отсидел в Шлиссельбурге, но не угомонился, а написал новой царице Екатерине II письмо, в котором напомнил ей об убийстве ее мужа. Камер-лакей Турчанинов осмелился открыто заявить, что Елизавета Петровна не имеет права на престол, так как является внебрачной дочерью Петра I от Марты Скавронской. За это ему отрезали язык, вырвали ноздри и сослали в Охотск, а после на Камчатку. Поручик Измайловского полка Хрущов тоже хотел свергнуть Екатерину II и возвести на престол великого князя Иоанна Антоновича, навечно заточенного в Шлиссельбург своими венценосными родственниками. Современники характеризовали Хрущова как «человека отличного ума, с большими познаниями». К прибытию в Большерецк будущего лидера повстанцев Беневского он прожил на Камчатке уже восемь лет, сразу подружился с поляком и стал при нем чем-то вроде замполита. Кроме арестантов, в остроге оказалась большая группа «вольняшек» – штурман Максим Чурин и 33 зверобоя с промыслового бота «Святой Михаил». Чурин совершал рейсы по маршруту Охотск-Большерецк и стал командиром галиота «Святой Петр», на котором

острожники совершили знаменитый побег. Зверобои же оказались в Большерецке после того, как их судно разбилось о скалы, а хозяин вновь приказал им выходить в море. «Тридцать три богатыря» так припугнули своего хозяина, купца Холодилова, что того хватил удар, и они решили примкнуть к заговору ссыльных. Начальник Камчатки Признанным вожаком всех этих колоритных людей стал 24-летний Мориц Август Беневский. По отцу он был поляк, по матери – мадьяр. В своих рассказах, а позже в мемуарах он здорово приукрасил свою жизнь, но для того времени это было нормой. Без сомнения, Беневский был яркой личностью, сыном своего века, современником великих авантюристов. Он представлялся генералом армии Барской конфедерации, сражавшейся против войск Екатерины и ее ставленника польского короля Понятовского. На самом деле Мориц был всего лишь капитаном польских гусар, хотя сражался храбро, попал в плен и был сослан в Казань. Оттуда он бежал вместе с товарищем по восстанию майором Винбландом и добрался до Санкт-Петербурга в надежде уплыть в Европу. В столице беглецов схватили и навечно отправили в Охотск, где они встретились со Степановым, Батуриным и Пановым. Беневский не собирался кончать свою жизнь на краю света, и еще по дороге в Большерецк приятели замыслили побег. В Большерецке тогда жило 90 ссыльных и 70 солдат, казаков и промысловиков. В течение зимы костяк бунтарей объединил вокруг себя больше полусотни человек, включая местных жителей-камчадалов, командира галиота «Святой Петр» Максима Чурина, командира галиота «Святая Екатерина» Дмитрия Бочарова и даже местного священника Алексея Устюжанинова. Среди камчадалов выделялся бывший участник восстания, поднятого братьями Лазуковыми в 1746 г., Яков Кузнецов. 27 апреля 1771 г. ссыльные восстали. Комендант Нилов пытался убить вождя повстанцев Беневского, но был застрелен бывшим поручиком Пановым. Через два дня галиот «Святой Петр» вышел в море. Перед этим Ипполит Степанов написал «Объявление» в Сенат, в котором говорилось: «В России начальники единое только право имеют делать людям несчастье, а помочь бедному человеку никакого уже права не имеют. Народ российский терпит единое тиранство». «Объявление» являлось

политической декларацией, обвинявшей Екатерину и ее фаворитов в бедах, которые они причиняли стране. Оно было оглашено для всех и подписано большинством участников бунта. С новым «начальником Камчатки» Беневским ушли более семидесяти человек, в том числе 14-летний сын священника Иван Устюжанинов. Штурман Чуринов провел корабль до острова Формоза – ныне Тайвань. Этот моряк был единственным в русском флоте, кто совершил три похода от Камчатки до Америки и Китая. На Формозе произошло первое несчастье. Когда Беневский отправил на остров лодку, чтобы заготовить питьевую воду, на нее напали туземцы. Несколько человек было ранено, а Василий Панов погиб. Разъяренный командор приказал спалить туземное селение и утопить находившиеся поблизости лодки пушечными ядрами. В сентябре 1771 г. «Святой Петр» пришел в португальский порт Макао в Китае. Там Беневский продал корабль и зафрахтовал два французских судна для путешествия в Европу. Продажа корабля вызвала возмущение экипажа, и Беневский добился у губернатора заключения бунтовщиков в тюрьму. Он был авантюристом до мозга костей и для достижения цели ни перед чем не останавливался. В тюрьме за полтора месяца умерли 17 человек, включая Максима Чурина и Александра Турчанинова. Ипполит Степанов был оставлен Беневским в Макао и позже добрался до Англии, где и умер. Оставшиеся в живых признали власть предводителя и летом 1772 г. прибыли во Францию. В дороге скончался старый бунтарь Иоасаф Батуринов. Таким образом, из 70 человек, бежавших с Камчатки, в Европу прибыли 37 мужчин и 3 женщины. Это был первый случай перехода русскими экватора и Индийского океана и первый зарегистрированный случай русского пиратства.

Король Мадагаскара

В Париже Беневский стал романтическим героем, и правительство предложило ему завоевать Мадагаскар. Двенадцать человек решили не расставаться со своим командиром, остальные или вернулись в Россию, или поступили на французскую службу. Штурманские ученики Дмитрий Бочаров и Герасим Измайлов жили в Иркутске, а после водили на Алеутские острова корабли, принадлежавшие Григорию Шелихову. Петр

Хрущов стал капитаном французской армии и отправился с Беневским на Мадагаскар. Там же оказался и самый молодой «бунтовщик» Ваня Устюжанинов. На острове Беневский основал поселение Луисбург и полтора года правил здесь от имени французского короля. Вскоре ему это надоело, и он отплыл в Англию, где прожил восемь лет и писал мемуары. В 1784 г. Беневский оказался в Америке, где подружился с Вашингтоном и получил деньги на покорение Мадагаскара, куда вернулся в 1785 г. Во всех скитаниях его сопровождал верный Устюжанинов, которому Беневский заменил отца. В последний период жизни этот не совсем обычный «джентльмен удачи» возглавил восстание племен аборигенов-мальгашей против французов. Возможно, он хотел изгнать с острова всех колонизаторов и стать правителем вольного Мадагаскара. По крайней мере мальгашаши объявили его своим королем, а Ивана Устюжанинова – наследным принцем. Туземцы под руководством европейца нанесли французам несколько поражений, но 23 мая 1786 г. Беневский, раненный в грудь, умер на поле боя. Так сорока лет отроду погиб на Мадагаскаре бывший узник Большерецкого острога. И хотя его планы не осуществились, сама попытка создать на юге Африки что-то вроде осколка американской демократии вызывает восхищение. Иван Устюжанинов после гибели своего учителя вернулся в Англию и попросился на Камчатку. Но решением Сената его отправили в Иркутск, где скиталец узнал, что его отец-священник давно умер, но в Нерчинске живет одна из сестер. Так Иван Устюжанинов и оказался в Зерентуе, где декабрист Луцкий принял его последний вздох.

Игорь Подшивалов

(<http://sam-plantator.narod.ru/arch4.htm>)

УХОВЫ

Пока мы обладаем только этими сведениями:

Ухов Иван Федорович, камчадал селения Начики, 1893 г., 40 лет. Жена Ксения Ивановна (32). Дети: Иван (11), Иосиф (2), Илья (1). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

О происхождении этой фамилии нам пока ничего не известно.

УШАКОВЫ

Мы уже сообщали (см. ст. «Бушуевы») о письме внука ключевского крестьянина Алексея Николаевича Ушакова (1875–1932 г.) и Феодосии Иннокентьевны Бушуевой Павла Ефимовича Старосельцева из Курска. Он ищет своих ключевских родственников.

Но фамилия Ушаковых в Ключах встречалась и встречается довольно часто. Мы подняли список участников обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг., состоящих в сводной Усть-Камчатской дружине народного ополчения, и вот сколько ключевских Ушаковых оказалось в том списке: Александр, Василий, Дей, Иван, Иван П., Иннокентий, Николай, Павел, Петр, Петр Евг., Платон, Тарас, Трифон, Христофор, Яков, а кроме них еще Иван и Леонтий Ушаковы из селения Кресты (ключевских «выселок»).

Алексея Николаевича Ушакова в том списке мы почему-то не нашли, но зато отыскивали в архиве о нем еще более интересные сведения: Ушаков Алексей Николаевич (с. Ключи) за участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке награжден серебряной медалью. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

По исповедальной росписи Ключевской церкви за 1893 г. мы отыскивали и другую камчатскую родню курянина Павла Ефимовича Старосельцева:

Георгий Николаевич Ушаков (26 лет). Жена его Екатерина Петровна (28), дети: Николай (3), Петр (9 месяцев). Братья Георгия Николаевича: Алексей (18), Василий (13), сестра Агафья (15).

В Книге памяти жертв политических репрессий Камчатской области «Из тьмы забвенья...» мы нашли сведения об Ушакове Ксенофонте Алексеевиче, который мог бы быть дядей Павла Ефимовича Старосельцева.

Родился в 1890 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; камчадал; малограмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Труженик». Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 6 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: без

предъявления обвинения. Приговор: 10 лет. Умер в заключении 19 июля 1939 г. Реабилитирован 19 сентября 1960 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Правда, смущает год рождения – у Алексея Николаевича не только в 1890, но и в 1893 г. еще не было своих детей. Возможно, год написан ошибочно. Мы нашли в Исповедальной росписи Ксенофонта Ушакова, 1890 г. р., но его отцом был Гурий Александрович. То есть тут явно какая-то ошибка – либо в дате, либо в отчестве.

Мы попытались также восстановить полные имена и других Ушаковых – ключевских и крестовских героев обороны Камчатки, но поняли, что сделать это не просто – так много встречается тезок, что запутываешься в предположениях, поэтому остановились только на редких, неповторяющихся сочетаниях: Дей Иосифович (9 лет в 1893 г.), Платон Герасимович (34), Яков Васильевич (17), Трифон Спиридонович (11), Христофор Семенович (15)...

Мы нашли нескольких Василиев. Но остановились, конечно, на Василии Филипповиче Ушакове, который наиболее подходил по возрасту для боевых действий. Судьба его оказалась типичной для многих камчатских ополченцев:

Родился в 1873 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; камчадал; образование церковно-приходская школа; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 6 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., статья обвинения в деле не указана. Приговор: ВМН. Умер под стражей во время следствия 09.06.1938. Реабилитирован 29 декабря 1960 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Иван Петр. Ушаков – это, вероятно, – Ушаков Иван Петрович, который родился 15 сентября 1887 г. Родители – Ключевского селения крестьянин Петр Андрианович Ушаков и законная жена его Анна Васильевна. Восприемники – Ключевского селения крестьянин Василий Андрианович Ушаков и Петропавловского мещанина Константина Николаевича Косыгина дочь девица Агафия. Свящ. Иаков Крахмалов (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1887 г., ГАКК).

А Иван Ушаков из Крестов – это, вероятно, Иван Федорович, отец известного далеко за пределами Камчатки Степана Ивановича Ушакова, который родился 26 декабря 1906 года. Родители – крестьянин селения Крестовского Иван Федорович Ушаков и законная жена его Екатерина Дмитриевна. Восприемники – крестьянин селения Крестовского Киприан Владимирович Ушаков и жена умершего крестьянина того же селения Василия Тимофеевича Кречетова вдова Мария Герасимовна (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1906 год, ГАКК).

Ушаков Степан Иванович впоследствии жил в Ключах, был известным охотником. В 1954 г. «Комсомольская правда» сообщила, что он убил за свою жизнь 789 медведей. А в 1957 г. счет этот перевалил за 800 (газета «Ленинский путь», 12 января 1958 г. «По следу»).

Поиски возможных родственников Павла Ефимовича Старосельцева могут завести очень и очень далеко, настолько была многочисленной эта фамилия, к тому же ее представители породнились со многими камчатскими семьями, влившись в них на правах жен и матерей. Вот только небольшой экскурс в историю:

Ушакова Варвара Емельяновна, дочь крестьянина Ключевского селения Емельяна Ушакова 17 января 1893 г. сочеталась законным браком с крестьянином Козыревского селения Кречетовым Владимиром Петровичем.

Ушакова Елена Аксентиевна, дочь умершего крестьянина селения Крестовского Аксентия Сергеевича Ушакова, вышла замуж 11 июня 1907 г. за камчадала селения Козыревского Рыкова Александра Львовича.

Ушакова Агафья Николаевна, дочь крестьянина селения Ключевского Николая Фокова Ушакова, 22 лет, вступила в брак 11 сентября 1900 г. с камчадалом селения Козыревского Константином Яковлевичем Чуркиным, 22 лет.

Ушакова Акилина Спиридоновна, дочь крестьянина Ключевского селения Спиридона Стефанова Ушакова, 18 лет, сочеталась браком 6 октября 1904 г. с камчадалом селения Козыревского Георгием Яковлевичем Чуркиным.

Ушакова Анна Васильевна, дочь крестьянина Ключевского селения Василия Андреевича Ушакова, 20 лет, вышла замуж 8 января 1906 г. за камчадала селения Козыревского Петра Иаковича Чуркина.

Ушакова Мария Ильинична, дочь крестьянина Ключевского селения Ильи Федотовича Ушакова, Мария вышла замуж 1 апреля 1912 года за крестьянина селения Мильковского Ивана Федоровича Садовникова.

Ушакова Надежда Лукиановна, дочь крестьянина Ключевского селения Лукина Герасимовича Ушакова вышла замуж 18 октября 1915 г. за крестьянина Казанской губернии Мамадышского уезда Староказанской волости с. Верхней Ошмы Василия Валентиновича Кострова.

Пожелаем удачи Павлу Ефимовичу в его поисках своей камчатской родни!

А мы продолжим свой поиск по истории происхождения этой камчатской фамилии.

Хотя мы приводили уже много примеров о том, что в долине реки Камчатки совпадение русских и камчадалских фамилий могло произойти в результате переселения русских крестьян в селения аборигенов и причислению их к камчадалам, но в случае с Ушаковыми, вполне вероятно, что могла существовать и самостоятельная казачья линия этой камчатской фамилии. И мы находим этому подтверждения. Так в 1745 г. в острожке Каменном (долина реки Камчатки) эта фамилия появляется именно при крещении и, скорее всего, прежде принадлежала именно казакам Ушаковым, о которых нам пока не удалось найти каких-либо сведений. Только косвенные: кое-какие следы военной камчатской фамилии Ушаковых (возможно, как раз потомков казаков Ушаковых) обнаруживаются в 1812 г. в Нижнекамчатске:

Ушаков Козма Герасимович, рядовой штатной городской команды, 1812 г., 64 года, Нижнекамчатск (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4).

И этот процесс крещения в Каменном продолжался не один год: в 1745 г. зафиксирован новокрещеный Ушаков, в 1750 – Иконников, Ушаков, в 1754 – Чебаевский, Климов, Санников,

Ушаков. И, возможно, именно эта фамилия сохранилась в долине реки Камчатка среди камчадалов, а не фамилия ключевских крестьян-переселенцев:

Ушаков Андриан Андреевич, Машурский, камчадал, 1885 г.

Ушаков Хрисанф Иванович, камчадал Щапинского селения, 1892 г.

В годы Второй мировой войны сложили свои головы на полях сражений камчадалы и камчатцы Ушаковы из разных мест призыва, но все они были уроженцами Камчатки:

Ушаков Владимир Викентьевич, младший сержант. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Убит 27.09.43 г. Захоронен: х. Великий Букрин Киевской области.

Ушаков Григорий Константинович. Призван Усть-Больше-рецким РВК. Погиб.

Ушаков Иннокентий Алексеевич, лейтенант. 1920 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Погиб 22.01.45 г. Захоронен: д. Дейг-Айлау, Восточная Пруссия.

Ушаков Семен Истопович, красноармеец. 1924 г. р. Призван Усть-Камчатским РВК, в/ч п/п 74520. Погиб в декабре 1942 г.

УШЕНИНЫ

Обнаружена только эта информация: Ушенин Марк Михайлович. Мещанин в Нижнекамчатске, 1812 г., 13 лет. Вероятно, сирота.

ФЕДОРОВЫ

В 1748 г. при массовом крещении камчадалов эта фамилия появляется на западном побережье Камчатки в селении Колпаково. Но она не сохранилась. Происхождение тоже пока не ясно. Одна из версий – эту фамилию камчадалы получили в честь Ивана Федорова (?–1733) – подштурмана, исследователя Берингова пролива, одного из руководителей экспедиции 1732, результатом которой было неизвестное для многих в России открытие Аляски (см. очерк «Забывтая экспедиция»). Происходил из людей боярских. В 1707 «послан был за море в практику». В 1710 поступил учеником в Навигационную школу, окончил 29 апреля 1713 г.

Материалы с форума сайта «Камчадалы.ру»:

Русский мореплаватель. Весной 1731 г. подштурман Фёдоров в составе экспедиции, имевшей целью обложение ясаком жителей «Большой Земли», расположенной по сообщениям чукчей к востоку от устья р. Анадырь, на боте «Св. Гавриил» перешел из Большерецка (на Камчатке) в Нижнекамчатск. В июле 1732 г. этот корабль (под командой М. С. Гвоздева) получил предписание идти к Анадырскому устью и от Анадырского Носа на обследование «Большой Земли». Тяжело больного цингой Фёдорова насильно перенесли на корабль, на котором находилось 39 человек. 15 августа 1732 г. «Св. Гавриил» достиг Берингова пролива. Он останавливался у берегов Чукотского полуострова, посетил острова Диомида и другие. Попытки убедить чукчей платить ясак оказались безуспешными, те на уговоры отвечали стрелами из луков. 21 августа бот подошел к «Большой Земле» – мысу Принца Уэльского, северо-западной оконечности Аляски. Точных сведений о плавании у ее берегов не сохранилось. По совместному путевому журналу Гвоздева и Фёдорова была составлена первая карта Берингова пролива. На карте были обозначены его берега, в том числе впервые – американский берег. В июне 1732 г. «Св. Гавриил» вернулся на Камчатку. В феврале следующего года Фёдоров умер.

Летом 1732 г. из Большерецкого острога на поиски «Большой земли», находящейся, как предполагали, к востоку от устья Анадыря, был отправлен бот «Святой Гавриил», переданный охотским властям экспедицией Беринга. Временным командиром бота был назначен тяжело больной цингой подштурман Иван Федоров. Из числа людей, знакомых с морским путем от Камчатки к Чукотскому полуострову, в состав команды «Святого Гавриила» был включен спутник Беринга Кондратий Мошков. Для руководства картографией берегов был назначен геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев.

23 июля 1732 г. «Святой Гавриил», имея на борту тридцать девять человек, вышел из устья реки Большой и 3 августа оказался у «Анадырского Носа» (теперь мыс Чукотский). Оттуда Федоров, руководясь указаниями Мошкова, отправился в первую очередь к тому из островов Диомида, который был открыт

экспедицией Беринга в 1728 г. После многодневных поисков моряки 17 августа подошли, наконец, к небольшому острову из группы Дионида, – вероятно, к ближайшему (теперь остров Ратманова), где вели переговоры с «зубатыми чукчами», то есть с местными эскимосами. С северной оконечности острова мореплаватели видели на востоке «Большую землю» – несомненно, возвышенности северо-западного побережья Америки. Судя по карте, составленной в 1743 г. М. П. Шпанбергом по журналу Федорова и по материалам, представленным Гвоздевым, «Святой Гавриил» подошел сначала к северному берегу американского полуострова, а затем обогнул его западную оконечность (теперь мыс Принца Уэльского, крайняя западная точка американского материка, 65°35' северной широты, 168°05' западной долготы). На воспроизведенной в книге А. В. Ефимова детали карты Федорова – Гвоздева – Шпанберга отчетливо видна западная часть полуострова Сьюард, кончающаяся мысом Принца Уэльского, и американскому берегу приданы очертания, очень сходные с истинными. Только островов Дионида (в русской литературе их часто называют островами Гвоздева), показано не два, а три – вероятно, по ошибке Шпанберга. Возвращаясь на юг, Федоров и Гвоздев открыли недалеко от американского берега, у 65-й параллели, еще один маленький остров (теперь Кинг, 164°59' северной широты, 168°01' западной долготы). Экспедиция Дежнева – Попова, таким образом, первая прошла из Северного Ледовитого в Тихий океан, не зная, что идет проливом; не знал этого и Беринг, когда дважды проходил проливом – с юга на север и в обратном направлении: обе экспедиции видели только азиатский берег. «...Первым, открывшим пролив между Азией и Америкой, был не Дежнев и не Беринг, а Федоров, который не только видел острова Гвоздева и противолежащие берега Азии и Америки, но и первый положил их на карту» (Л. С. Берг).

В истории Камчатки были люди с такой фамилией, но к камчадалам они не имели никакого отношения. Впрочем, нам неизвестно кем были по национальности мать и дочь Федоровы – Степанида и Настасья, работницы штурмана Максима Чурина, участника Большерецкого бунта 1771 года, которые были вы-

везены с Камчатки на захваченном судне. Обе не выдержали тягот этого плавания и «умре в Макао». Мать – 22 сентября, дочь – 16 октября 1771 г.

Прославил наш полуостров уроженец Камчатки Федоров (Омулевский) Иннокентий Васильевич (1836–1884).

Омулевский – псевдоним поэта; его настоящая фамилия Федоров. Родился в Петропавловске-на-Камчатке в семье исправника. В 1856–58 был вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета. Первая книга – «Мицкевич в переводе Омулевского. Сонеты» – опубликована в 1857 году. Стихи 60–80-х годов вошли в сборник «Песни жизни» (1883). Поэтическое наследие Омулевского характеризует его как поэта некрасовского направления. Преобладание яркой и географически разнообразной сибирской тематики вывело его в число наиболее известных поэтов-сибиряков XIX века.

Федоров (Иннокентий Васильевич, 1836–1883) – поэт и беллетрист, писавший под псевдонимом Омулевского. Родился в Камчатке, учился в иркутской гимназии; выйдя из 6 класса, определился на службу, а в конце 50-х годов приехал в Петербург и поступил вольнослушателем на юридический факультет университета, где оставался около двух лет. В это время он и начал свою литературную деятельность – оригинальными переводными (преимущественно из Сырокомли) стихотворениями, которые печатались в «Искре», «Современнике» (1861), «Русском Слове», «Веке», «Женском Вестнике», особенно же в «Деле», а в позднейшие годы – в «Живописном Обзрении» и «Наблюдателе». Стихотворения Федорова, довольно изящные по технике, большей частью проникнуты той «гражданской скорбью», которая была одним из господствующих мотивов в нашей поэзии 60-х годов. Незадолго до его смерти они были собраны в довольно объемистый том, под заглавием: «Песни жизни» (СПб., 1883). Кроме стихотворений, Федорову, принадлежит несколько мелких рассказов и юмористически обличительных очерков, напечатанных преимущественно в «Искре», и большой роман «Шаг за шагом», напечатанный сначала в «Деле» (1870), а за-

тем изданный особо, под заглавием: «Светлов, его взгляды, его жизнь и деятельность» (СПб., 1871). Этот роман, пользовавшийся одно время большой популярностью среди нашей молодежи, но скоро забытый, был одним из тех «программных» произведений беллетристики 60-х годов, которые посвящались идеальному изображению «новых людей» в их борьбе с старыми предрассудками и стремлении установить «разумный» строй жизни. Художественных достоинств в нем нет никаких: повествование растянуто и нередко прерывается утомительными рассуждениями теоретического характера; большая часть эпизодов искусственно подогнана под заранее надуманную программу. Несмотря на эти недостатки, роман находил восторженных читателей, которых подкупала несомненная искренность автора и благородство убеждений его идеального героя. Другой роман Федорова «Попытка – не шутка», остался неоконченным (напечатано только 3 главы в «Деле», 1873, № 1). Литературная деятельность не давала Федорову достаточных средств к жизни, а искать каких-нибудь других занятий, ради куска хлеба, он, по своим убеждениям, не мог и не хотел, почему вместе с семьей вынужден был терпеть постоянные лишения. Сборник его стихотворений не имел успеха, а второе издание «Светлова» не было дозволено цензурой. Случайные мелкие литературные работы едва спасали его от полной нищеты. Он умер от разрыва сердца 47 лет и похоронен на Волковском кладбище, в Санкт-Петербурге. См. А. М. Скабичевский. «История новой русской литературы»; Д. Языков. «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей» (выпуск III); «Русские Ведомости» (1883, № 358); «Современные Известия» (1884, № 7); «Дело» (1884, № 2); «Исторический Вестник» (1884, XV, 457).

ОМУЛЕВСКИЙ (псевдоним Иннокентия Васильевича Федорова) [1836–1883] – русский писатель. Р. в Петропавловске на Камчатке, в семье исправника. Детство и юность провел в Иркутске, откуда, не кончив курса в местной гимназии, уехал в Петербург. Подобно значительной части сибирской интеллигенции, О. вырос под влиянием политических ссыльных, в данном случае – декабристов и поляков. При помощи последних еще в Иркутске О. изучил польский яз., и первым его лит-ым

дебютом была книжка переводов «сонетов» Мицкевича. В Петербурге О. сблизился с кружком Н. М. Ядринцева, вокруг которого группировалась сибирская молодежь, проникнутая идеями тогда еще не четко оформленного областничества, и принимал участие в главнейших демократических журналах той поры – «Современнике», «Искре», «Деле» и др. В 1870 в «Деле» появился его роман «Шаг за шагом» («Светлов, его взгляды, характер, деятельность») – яркий памятник просветительства революционно-демократической интеллигенции, борющейся за «американский» путь развития капитализма. Идея романа – «итти шаг за шагом – не значит плестись, напротив, это значит решительно и неуклонно итти к своей цели без скачков...» О. дал в своем романе развернутую программу этой подготовительной деятельности, заставляя своего героя на практике разрешать основные проблемы современности: семейный вопрос, проблему воспитания, женский вопрос, проблему культурной работы в народе, роль интеллигенции. Его герой принимает участие и в рабочем движении, противопоставляя стихийным проявлениям протеста рабочей массы спокойную продуманность действий вождя-интеллигента; последний эпизод является центральным в романе и представляет собой первую и очень смелую попытку изображения в лит-ре рабочего восстания и стачки. О. свойственна идеализация «мира», крый руководит всем в жизни рабочих, и стоящих во главе его «дедов», являющихся по существу крепкими хозяйственными мужичками.

Особую остроту придадо роману введение в качестве действующих лиц двух фигур старых революционеров: один – поляк-декабрист, в другом своеобразно отложились реальные черты Бакунина и Петрашевского. Связь с ними главного героя и их участие в рабочем восстании должны были подчеркнуть революционную традицию и преемственность, причем автор заставил этих старых деятелей подчиниться авторитету своего чрезмерно идеализированного героя. Ярко выражены в романе материалистические, антирелигиозные тенденции. Все это обусловило огромную популярность «Светлова» в кругах демократически настроенной интеллигенции 70-х гг. и вызвало сильней-

шие цензурные преследования книги, к-рая смогла снова появиться перед читателем только после 1905.

Просветителем-шестидесятником является О. и в своей лирике. Ее главнейшим мотивом является апофеоз «честного труда». Как разночинцу О. свойственна проповедь женской эмансипации («Битва»), которая обычно сочетается с издевкой над буржуазной семейной моралью («Задушевная беседа»). О. принадлежит помимо лирических и юмористических стихотворений множество переводов, гл. обр. из А. Мицкевича и Виктора Гюго.

Лирика О. пользовалась огромной популярностью в Сибири и создала там многочисленных подражателей.

Библиография:

I. Мицкевич в переводе Омупевского, Сонеты, СПб, 1857; Шаг за шагом, Роман, «Дело», 1870, № 1, 2, 3, 4, 6, 12 [отд. изд., СПб, 1871; изд. Трапезникова, СПб, 1874; изд. О. Н. Поповой, СПб, 1896 (оба последних издания цензурой конфискованы и уничтожены); с предисловием И. Р., Гиз, М., 1923]; Песни жизни, Стихотворения Омупевского (И. В. Федорова), изд. библиотеки Иванова, СПб, 1883; Деревенские песни, изд. то же, СПб, 1884; Земной рай и тайны карьеры, Юмористические стихотворения Омупевского, СПб, 1884; Полное собр. сочин. Омупевского (И. В. Федорова), под ред. П. В. Быкова, в 2-х тт., изд. А. Ф. Маркса, СПб, 1906 (с библиографией его сочинений).

II. Щедрин Н., Неизвестные страницы, «Academia», 1932, ст. «Светлов, его взгляды»; Петухов М. В., И. В. Омупевский, Томск, 1900; Азадовский М., Из литературы об областном искусстве, «Известия Института народного образования в Чите», вып. I, 1923; Его же, Сибирская литература, «Сибирская советская энциклопедия», т. III.

III. Мезиер А. В., Русская словесность с XI по XIX ст. включительно, ч. 2, СПб, 1902; Владиславлев И. В., Русские писатели, изд. 4-е, Гиз, Л., 1924.

М. Азадовский

Есть старая мудрость: «Пусть меньше почитают, но больше читают».

Но читаем ли мы, жители Камчатки, роман «Шаг за шагом» нашего земляка писателя Федорова-Омулевского? Роман, который в XIX в. был известен всей читающей России. Перелистаем страницы романа... Нам, живущим на Камчатке, особенно интересна глава «Ранние годы Светлова», потому что детство главного героя Саши Светлова, проведенное на Камчатке, и есть детство самого Иннокентия Федорова: «В те блаженной памяти блаженные времена, когда у камчатского исправника Светлова родился его первенец, Петропавловский порт, удаленный почти на двенадцать тысяч верст от Петербурга, представлял и должен был представлять весьма характерное местечко» (1, с. 159).

Иннокентий Васильевич Федоров родился 7 декабря (26 ноября ст. ст.) 1836 г. в Петропавловском порту: «И вот видит он опять, как у себя на ладони, это прекраснейший и просторнейший в мире залив, именуемый Авачинской губой, вдали устье и при нем одиноко торчащие из воды, точно сторожа, Три брата – большие колоннообразные скалы. А ближе перерезывает залив, отделяя большую губу от малой, Кошка – песчаная отмель, словно мост, перекинута с одного берега на другой и оставившая направо только узкий, но глубокий проход, как раз для ввода судов на зимнюю стоянку. Вдоль всей Кошки тянутся деревянные сваи, а на сваях выстроены такие же деревянные амбары для просушки юколы – вяленой рыбы, составляющей постоянную пищу камчатских собак... немного далее Кошки круто выступает из воды Сигнальный мыс, с мачтой на вершине и с русским, несколько раз перекрещенным флагом на мачте. Ближе виден Перешеек, с убогим доморощенным памятником в честь Лаперуза (памятник мореплавателю Лаперузу был установлен в 1843 г. и представлял собой деревянную лиственничную колонну, обитую листовым железом и выкрашенную черной краской. – О. Е.), а еще ближе, по берегу малой губы, тянутся далеко в гору беспорядочно разбросанные здесь и там приземистые деревянные домики с соломенными крышами. Это и есть собственно порт» (1, с. 159–169).

Из романа мы узнаем, как выглядел Петропавловский порт еще до обороны 1854 г.: «Да и улиц-то, собственно, нет, за исключением одной, громко именуемой петропавловцами то при-

шпехтом, то проспектом, смотря по лицу; все же остальное представляет только какие-то узенькие извилистые переходы с множеством перекинутых через них импровизированных мостиков, чаще всего в виде простой доски. Зато при столкновении на этих переходах и мостиках каждый обыватель порта может безошибочно назвать любое встреченное лицо по чину, имени, отчеству и фамилии» (1, с. 160).

В этой же главе Федоров упоминает и реальное лицо: «А боялся Саша вот кого и вот чего: во-первых, немца-агронома Кегеля, у которого нос был такой необыкновенной длины и кривизны, что мальчику всегда казалось, будто немец собирается клонуть его этим носом, как вон ворона юколу клюет у собак» (1, с. 171). Действительно, осенью 1841 г. по ходатайству начальника Камчатки Н. В. Страннолюбского в Петропавловский порт прибывает агроном К. Кегель, который занимался исследованиями до 1847 г.

В различных источниках по-разному называют должность, которую занимал отец будущего писателя. В одних – уездный исправник, в других служащий Окружного казначейства. Вероятно, должность отца была представлена одновременно совмещением двух должностей: «земской исправник» и «уездный казначей». Такое совмещение было обусловлено традиционной, особой ролью земских исправников в работе отдаленных казначейств. Причем, должность «уездный казначей» отец Федорова, вероятно, занимал исходя из штатного расписания Иркутской казенной палаты, представленного тремя уровнями: губернским, областным и уездным. Также разнятся сведения о возрасте мальчика, в котором он с семьей переехал в Иркутск, куда был переведен глава семьи. Называются 7 и 12 лет.

В Иркутске Федоров поступил в гимназию, которую оставил, окончив 6 классов. В эти годы он впервые пробует свои силы в литературе, уже первые его стихи носили сатирический характер, а эпиграммы вызвали неудовольствие директора гимназии, который, по воспоминаниям друзей писателя, «много раз отбирал в квартире у Федорова различные мелкие произведения его молодой музы».

Большое влияние на формирование мировоззрения будуще-

го писателя оказало его сближение с кружком политических ссыльных – декабристов и участников польского освободительного восстания 1830–1831 гг. Здесь он знакомится с творчеством прогрессивных писателей, изучает польский язык. «...Я помню блестящую плеяду европейски образованных людей, дававших тон твоему обществу и вносивших в его жизнь осмысленное уважение к личности, нравственную чистоплотность и благопристойность», – так спустя много лет напишет Федоров-Омулевский о своей юности, проведенной в Иркутске, в незаконченном очерке «Наброски сибирского поэта» (2, с. 158).

В 1856 г. с тетрадкой переводов сонетов знаменитого польского поэта Адама Мицкевича Иннокентий Федоров приезжает в Петербург и поступает вольнослушателем на юридический факультет Петербургского университета. В 1857 г. он издает свои переводы сонетов А. Мицкевича.

«Ты знаешь, – писал Федоров земляку-иркутянину П. Н. Басину, – как я люблю Мицкевича. В памяти твоей, конечно, сохранились те вечера, когда, бывало, приходил я к тебе и, развернув заветную книжечку его стихов, увлекал ими твое жадное юное внимание. Тогда я чувствовал в себе какое-то еще неясное, не высказывавшееся еще осознание красот великого польского поэта – но позже изучение их пришло ко мне само собою. С тех пор Мицкевич стал моей настольной книгой... дождался я, друг, наконец, и того, как ты знаешь, что большую часть их почти знал наизусть...» (2, с. 159). В качестве предисловия это письмо другу было помещено в книге «Мицкевич в переводе Омулевского». (Литературный псевдоним Омулевский – дань годам отрочества и юности близ Байкала, в Иркутске, омуль – сибирская рыба из породы сигов, любимая сибиряками. – О. Е.).

Переводы были несовершенными в художественном отношении, это были, скорее, не переводы, а вольные («даже очень» вольные, как признавался сам автор) переложения мотивов, свободные вариации на темы иноязычных материалов.

Переводы получили суровую оценку критики. Отрицательно отозвался о них в своей рецензии, опубликованной в журнале «Современник», Добролюбов, указывая на то, что стихи автора более подходят на прозу. Позднее сам Омулевский в собрание

стихов «Песни жизни» (1883 г.) не включил ни одного из переведенных сонетов. Дебютант, обескураженный своей неудачей, в течение четырех лет не делал попыток печататься.

Спустя несколько лет Мицкевича сменит Людвиг Кондратович (Владислав Сырокомля), в чьем творчестве были воплощены идеи и идеалы польской революционной демократии. В конце 70-х гг. из-под пера Омуревского выйдет перевод популярной в то время драмы Казимежа Залевского «Марко Фоскарини», опубликованной в Петербурге в 1877 г. А в личном его архиве останутся рукописи неопубликованных переводов повести Юзефа Игнация Крашевского «Пан Твардовский» и легенд из народной жизни Польши и Германии, которые предваряет предисловие Ю. Крашевского, вероятно, и оно предназначалось для перевода.

Пробыв в университете всего два года, он оставляет его. «Метода университетского преподавания слишком суха», – пишет он родным в Иркутск.

В конце 1858 г. Федоров уезжает в Витебск, где служит чиновником особых поручений при губернаторе. Не ужившись на этом месте, он возвращается в столицу.

В Петербурге Федоров становится членом сибирского землячества, организованного в 1859 г. Николаем Щукиным, уроженцем Иркутска и студентом Главного педагогического института, одноклассником Добролюбова. Студенты-сибиряки, входившие в землячество, ставили своей задачей служение Сибири и возвращение на родину после получения высшего образования.

В 1862 г. по настоянию отца писатель возвращается в Иркутск. Здесь он входит в кружок местной интеллигенции, которым руководит его давний друг Николай Щукин. Часть сибирской интеллигенции имела свой взгляд на прошлое, настоящее и будущее региона как специфической области в составе Российского государства. Областники, как их называли, оказали существенное влияние на внутреннюю жизнь Сибири второй половины XIX – начала XX вв.

Кружковцы собирались в библиотеке М. П. Шестунова. Для пропаганды своих идей они использовали страницы газеты «Амур». Именно в ней появляется рассказ Омуревского «Мед-

ные образки» и ряд небольших статей. Свои произведения Омуплевкий посвящает родине – Сибири, «стране кандалов и скорби» и людям, что «там терпят муки за муки». Особый интерес представляет его повесть «Сибирячка», опубликованная в то же время в сборнике Н. Щукина «Сибирские рассказы». В ней идет речь о трагической истории крепостной крестьянки, убившей барина-насилльника и сосланной за это в Сибирь. Писатель с сочувствием говорит о поступке своей героини, признавая право народа на решительную борьбу со своими обидчиками.

В 1865 г. Омуплевский снова в Петербурге. Тематика и пафос его новых произведений не меняется. Он бичует взяточничество, казнокрадство, карьеризм чиновников («Канцелярская философия», 1886), обличает либералов («Когда я тружусь, попивая лафит...», 1867), аристократическую спесь дворян («Самодур», 1867), сочувственно и проникновенно пишет о доле бедняков-разночинцев («У гроба», 1867). Поэт горячо звал интеллигенцию отдать все силы борьбе за народное счастье, за свободу («Дело святое за правду стоять», 1867).

Стихотворение «Светает, товарищ!» (1857) стало на многие десятилетия одним из наиболее любимых у прогрессивной молодежи.

Светает, товарищ!..
Работать давай!
Работы усиленной
Требует край...
Работай руками,
Работай умом,
Работай без устали
Ночью и днем.
Не думай, что труд наш
Бесследно пройдет:
Не бойся, что дум твоих
Мир не поймет...

Это стихотворение было положено на музыку и стало популярной песней, как и «Что тебе, дитя, не спится», «Думу ль

горькую я задумаю», «Когда в душе моей шумит глухая буря», «Сибирь», «Счастье».

Более двух десятилетий трудился Омуревский на литературном поприще. С 1865 по 1879 г. он сотрудничает с такими периодическими изданиями, как «Современник», «Русское слово», «Дело», «Будильник», «Женский вестник», «Живописное обозрение», «Искра», «Наблюдатель», «Модные выкройки», «Восточное обозрение». Газета «Восточное обозрение» представляла собой одно из общесибирских периодических изданий, призванных пропагандировать идеи областничества, его редактором был Н. М. Ядринцев, знакомый Омуревскому еще по петербургскому сибирскому землячеству.

«Дело» – ежемесячный «учено-литературный» журнал, выходивший в Петербурге в 1866–1888 гг.; с 1868 г. – «литературно-политический». «Дело» явилось продолжением закрытого правительством в 1866 г. журнала «Русское слово» и до 1884 г. сохраняло демократическое направление.

Журнал имел два основных отдела: в первом помещались научные статьи и беллетристика, во втором – публицистика и литературная критика. Ведущее место в беллетристическом отделе занимали А. К. Шеллер-Михайлов, Н. Ф. Бажин, И. В. Федоров-Омуревский. Характерной особенностью беллетристики «Дела» было то, что в центре ее внимания стоял не крестьянин, а разночинец-интеллигент. Авторы журнала стремились создать тип положительного героя своего времени. В августе 1866 г. начальник Главного управления по делам печати в секретном письме начальнику Третьего отделения сообщил о необходимости поставить «Дело» в разряд подцензурных органов вопреки выданному Н. И. Шульгину (официальному редактору, фактический редактор Г. Е. Благосветлов – бывший редактор «Русского слова») на основании Временных правил о печати 1865 г. разрешению на издание без цензуры.

Еще до выхода первого номера цензуре было предложено усилить наблюдение за новым журналом, чтобы вынудить Благосветлова к «добровольному закрытию». В «Деле» запрещались такие материалы, которые беспрепятственно проходили в других периодических изданиях, даже в «Искре». Нередко боль-

ше половины подготовленных редакцией материалов попадало под запрет. Долгое время для цензурования «Дела» существовал особый, не предусмотренный законами о печати порядок: все материалы, предназначенные для очередного номера, рассматривались не отдельными цензорами, а цензорным комитетом в полном составе.

У «Дела» сложился определенный круг читателей. Журнал был распространен в обеих столицах, в провинции, в армии. Тираж его в 1870 г. доходил до 4 000 экземпляров.

В 1870 г. в журнале был опубликован роман Оммулевского «Шаг за шагом», действие которого разворачивалось в Восточной Сибири, в городе Ушаковске. Бунт рабочих, который описывается в романе, происходит на Ельцинской фабрике. Река Ушаковка пересекает Иркутск и впадает в Ангару. Известно, что недалеко от Ушаковки стоял дом, где жил Оммулевский. Отсюда достоверно, что Ушаковск – Иркутск, Ельцинская фабрика – Тельминская фабрика, одна из старейших в Иркутской губернии.

В своей практической работе главный герой романа Светлов и его друзья заняты как будто «малыми делами»: они открывают школу для рабочих, бесплатно лечат бедняков и т. д., но они – не рыцари «малых дел». «Школа – только средство... – говорит Светлов. – Идти шаг за шагом не значит, по-моему, плестись; напротив, это значит идти решительно и неуклонно к своей цели, без скачков... Самая суть-то ведь не в скорости шагов, а в их твердости и осмысленности, мне кажется. Войско так же идет» (2, с. 165).

Роман Оммулевского, в котором отразился новый подъем революционно-демократического движения в начале 70-х, был восторженно встречен демократической молодежью и высоко оценен прогрессивной критикой. Салтыков-Щедрин в своей рецензии отмечал «полную добросовестность» отношения автора к насущным вопросам современности. Несмотря на определенную идеализацию автором главного героя Светлова критик писал, что недостаток объективности восполняется лиризмом. В самом деле – молодой, симпатичный, изящный Светлов лишен необыкновенных, титанических черт, как нет и тривиальной нигилистской «косматости».

Роман «Шаг за шагом», впервые опубликованный в журнале «Дело» в 1870 г., вышел в 1871 г. отдельным бесцензурным изданием в полной авторской версии под названием «Светлов. Его взгляды и деятельность» (журнальный вариант подвергся цензуре, но по существующим тогда правилам, повторное издание издавалось без предварительного цензурирования). Несмотря на то, что по выходе романа было обнаружено несоответствие, Цензурный Комитет не решился возбудить судебное преследование автора за роман, который, цитирую, был «весь пропитан неприязненным чувством к современному общественному порядку и строю», не рассчитывая на благоприятное для цензуры решение суда.

Последующие издания романа в 1874 (2 200 экз.) и 1896 (3 200 экз.) годах были запрещены и уничтожены. Имеются фотокопии документов, присланные из Российского исторического архива, касающиеся запрещения издания 1874 г. (издатель Трапезников). Назову только некоторые из них:

– Выписка из журнала Заседания Санкт-Петербургского Цензурного комитета, докладывал цензор «Лебедев».

– «Прошение издателя Николая Николаевича Трапезникова «о дозволении романа к выпуску».

Приведу выдержку из этого документа: «...по нравственным принципам, вложенным в него (роман. – О. Е.) автором и по своему искреннему взгляду, нахожу это произведение одним из лучших противовесов так называемым нигилистическим теориям. Так, например, благообразный тип Светлова является у автора совершенной противоположностью нечесанным типам нигилистического пошиба, какими изображены они в романах Тургенева и у многих других писателей. Наконец уже самое название романа явно указывает на консервативное направление автора, сочувствующего правильному и постепенному прогрессу, а не проповедывающему нелепые скачки» (4, л. 17–17 об.).

– Протокол полицмейстера III отделения Санкт-Петербургской полиции полковника Одынец-Добровольского, в котором говорится о том, что роман Омурлевского в количестве 2 200 экз. «доставлен таковыя на картонажную фабрику Крылова... где означенные книги уничтожены посредством обращения в массу...» (4, л. 1).

Из этих документов видно, что роман был разрешен к печати в виде приложения к журналу «Нива» в 1906 г., цитирую: «в виду ВЫСОЧАЙШАГО Манифеста 17 Октября минувшего года и изменившихся вследствие того коренным образом цензурных условий» (5, л. 4).

В 1873 г. в журнале «Дело» Оммулевский начинает печатать свой новый роман «Попытка – не шутка». Годы спустя писатель в беседе с историком и литературоведом П. В. Быковым говорил, что он хотел в этом произведении показать роль русской женщины в общественной жизни 60-х гг. XIX в. Однако цензура запретила его печатание уже после третьей главы. Одновременно были запрещены и некоторые стихи Оммулевского.

В конце 1873 г. писателя заключили в Петропавловскую крепость, обвиняя его в антиправительственных высказываниях. Спустя несколько месяцев его перевели в другую тюрьму – Литовский замок. При выходе на свободу Оммулевский тяжело заболел, временно ослеп. Обратившись за помощью к Некрасову, Иннокентий Васильевич получил от него как моральную, так и материальную поддержку. Несмотря на то, что писатель старался выбраться из нищеты, зарабатывая на жизнь литературной поденщиной, средств не хватало. К ослабленному зрению прибавилась чахотка. С горя Оммулевский запил...

Его бедственное положение в те годы описано в письме, адресованном Шеллеру-Михайлову, дружба с которым началась еще в годы их совместной работы в журнале «Дело», где Шеллер был редактором беллетрического отдела. Шеллер не раз помогал нуждающимся собратьям по перу, к его помощи, как явствует из письма, не один раз прибегал и Оммулевский.

«Многоуважаемый Александр Константинович! Прости, Бога ради, что весь поглощенный одной мыслью, начинаю прямо с нее. Три месяца тому назад я потерял место в редакции “Модных выкроек” (иллюстрированный дамский семейный журнал, издаваемый в Петербурге в 1872–1883 гг. – О. Е.), пять лет дававших мне хлеб. Какая-то барыня, за более дешевую цену, перебила мне дорогу. Отставка эта постигла меня внезапно и ex abrupto (внезапно, лат. – О. Е.), так что я сразу остался без ничего. Пробовал сперва искать работы, но убедился, что ее

легче отыскать любому поденщику, чем литературному пролетарию. Написал Суворину (издатель газеты “Новое время”; у Оммулевского была эпиграмма на него: “Он первый на Руси создал литературную клоаку и первый пятиться в ней стал, подобно раку”. – О. Е.), прося дать мне хоть чтение корректур, но этот гуманный человек не счел даже нужным отвечать на мое письмо. Чтобы есть и не остаться на улице, мне пришлось в эти три месяца заложить все мое платье, продать книги... словом, нужда окунула меня своим мертвящим оловянным глазом с головы до ног. Теперь не могу даже искать занятий, ибо не в чем выйти на улицу, и вот уже два месяца, как я не дышу свежим воздухом. Положение мое ужасно, безвыходно. Крепился до последней крайности, совестью обратил к тебе, так как я и без того многим обязан твоему благородному сердцу. Но горе и безвыходность взяли свое: хватаюсь теперь за твою дружбу, как утопающий за соломинку, иной надежды, иного исхода не вижу... совсем потерялся. Ради Бога, ссуди мне хоть 20 рублей, даже хоть 15, чтобы я мог выкупить платье и похлопотать о работе. Выдача этой суммы, быть может, лишит тебя трех-четырех < нрзб >, а меня спасет. Твое одолжение будет истинным “яйцом ко Христову дню”. Если не можешь сам, то похлопочи хоть у Благовосветлова. Через несколько месяцев у меня продадут дом в Иркутске и, получив свою часть, я, конечно, твой первый и глубоко благодарный плательщик. Если можешь помочь, то, ради Бога, не медли: каждый день уносит мои силы и надламывает энергию; каждый час я переживаю смертельную тоску бездействия и одиночества, ибо даже газета составляет для меня теперь неслыханную роскошь раз в неделю. Живу я по 5 роте Измайловского полка, д. № 8, кв. № 1, вход с булочной. Если ты занят, в чем я не сомневаюсь, отошли деньги с посыльным, это всего вернее. Будь уверен, что я никогда не забуду этой услуги, как живо помню все прежнее. Но теперь дело идет чуть ли не о жизни, так мне хорошо. Если бы не уважение к себе, я, кажется, подвел бы итоги ей. Помни, что ответ твой будет или лучом солнца для меня, или же... но ты по лихорадочному тону этого письма поймешь сам, чем он будет в другом случае.

Всегда тебе преданный и благодарный.

Приветствуй от меня твоих милых стариков (Омулевский говорит о родителях Шеллера. – О. Е.). Если найдется у тебя или у кого-нибудь хоть какая-нибудь работа для меня – не забудь обо мне. Может быть, случайно имеешь в виду какое ни на есть постоянное занятие, еще было бы лучше. Я не откажусь ни от чего. 21 марта 1877 г. Омулевский» (6, с. 161–162).

Спустя некоторое время после написания этого письма Шеллер нашел для него работу в иллюстрированном журнале «Живописное обозрение».

В 1879 г., получив известие о смерти отца, Омулевский снова едет в Сибирь. Незадолго перед этим он женился на Е. И. Ивановой, сестре владельца библиотеки для чтения в Петербурге. В Иркутск поэт приехал в страшный для сибиряков день – 24 июня 1879 г., когда город был охвачен пожаром и чуть ли не дотла выгорел. Родной дом сгорел на его глазах. Потрясение от пожара было настолько сильным, что Омулевский попадает в больницу.

Вскоре родственники продают место сгоревшего дома и часть денег выделяют Иннокентию Васильевичу. На эти средства он с женой и грудным ребенком возвращается в начале 1880 г. в Петербург. Снова потянулась ожесточенная борьба с нищетой, продлившаяся до самой смерти поэта.

РАЗЛАД (отрывок)

В душе темно, как ночью в бурном море,
И там, во тьме, как за волной волна,
Без устали идет за горем горе,
Вновь поднимая прошлое со дна.
В душе темно, как ночью в бурном море,
Находит скорбь волною за волной...
Но, может быть, ты смоешь это горе,
Девятый вал, когда-нибудь собой! (2, с. 160).

1881 г.

И все же он не ослабляет своей творческой деятельности, в этот период появляется особенно много произведений сатирического жанра («Столица», «На городском мосту», «Счастливец», «Земной рай» и др.). Воспоминания детства и юности легли в основу написанного им в те годы цикла стихотворений «Сибирские мотивы»: «Ангарские грезы», «Барабинская степь», «На берегу Енисея», «Бирюсинский лес», вошедшие в книгу «Песни жизни». Этот сборник, объединивший стихи, написанные Омупевским за четверть века, был издан его шурином А. А. Ивановым в 1883 г. Критика отнеслась к появлению сборника «Песни жизни» очень жестко, обвиняя автора в отсутствии важнейшего признака истинного поэта и в отсутствии оригинальности.

Два небольших сборника вышли в 1884 г. после смерти поэта. Это «Земной рай и тайна карьеры», объединивший юмористические и сатирические стихотворения, и «Деревенские песни», эпиграфом к которому стали его слова, обращенные к своим детям: «Я оставляю вас бедными, но последняя мысль будет о вас». В 1886 г. был издан сборник стихов «Сибирские мотивы», в 1906 г. увидело свет «Полное собрание сочинений» в 2-х томах, при подготовке к печати которого большую работу по сбору литературного наследия Федорова-Омупевского проделал П. В. Быков.

Именно он незадолго до кончины навестил писателя в его убогой квартирке, где тот ютился с женой и тремя малолетними детьми. Никакого мало-мальски ценного имущества у Омупевского не было. Когда он умер, в квартире не было даже белья, в которое его можно было бы одеть.

Приведу письмо, написанное Омупевским буквально за неделю до смерти:

«Милостивый Государь Петр Васильевич, Вы меня крайне заинтриговали, так что я решаюсь, хотя бы даже опять бесплодно, потратить третью почтовую марку, чтобы только убедиться, в состоянии ли заведомый Вами литературный отдел «Иллюстрированного мира» оплатить стихотворение в 12 строк? Ответа жду три дня, с посылным, а затем стихи должны считаться в моем распоряжении и благоволите вернуть их по почте.

Еще раз к Вашим услугам Омупевский

19 декабря 1883 г.»

Стихи приложены на второй странице этого письма (на данном документе, полученном из РГИА, отсутствует номер дела и описи. – О. Е.).

Он говорил накануне своей смерти: «Мне не хочется умирать, не потому, что мне жизнь мила, а потому, что все-таки я не довел до конца моего курса... Вот один критик... в глаза похвалил меня за то, что я – певец обездоленных, угнетенных, что у меня нет ни шатаний, ни колебаний... что я стоек в своей пропаганде свободы и света... Мне приятна была эта похвала... но мне не того хотелось бы. Наравне с этой проповедью... я хотел бы отразить веяние эпохи шестидесятых годов, которую я видел, пережил, почувствовал, перестрадал...» (7, с. 11).

Иннокентий Васильевич Федоров-Омулевский скончался от разрыва сердца 6 января 1884 г. (26 декабря 1883 г. ст. ст.) и был похоронен на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге. Похороны были очень скромными – простой деревянный гроб, пара лошадей в колеснице.

На гробе лежало два венка от знакомых покойного, впереди несли «лавровый венок из иммортелей» от редакции газеты «Восточное обозрение» с надписью «Земляку-товарищу». В числе провожавшей публики было несколько дам и учащаяся сибирская молодежь, знавшая и любившая своего поэта.

А ведь некогда появился он в Петербурге, по словам знавшего его тогда писателя-сибиряка Ядринцева, «веселым, розовым юношей с золотистыми кудрями до плеч, всеобщим любимцем; живым, восторженным, необыкновенно подвижным» (8, с. 4).

В даль прошлого смотрю я смелыми глазами,
Гляжу бестрепетно и в будущего даль:
Шла жизнь моя укромными стезями,
Подобно дню с случайными тенями,
И не сулит закат мне горькую печаль.
Я чужд раскаянья, несродно мне смиренье,
Без лицемерия свершается мой путь;
Меня ведет одно лишь вдохновенье,
И никогда позорное сомненье
О правоте моей – мою не мучит грудь (2, с. 160).

Близко знавшие Оммулевского вспоминали, что более всего Иннокентий Васильевич дорожил старой, порванной и клеенной картинкой – видом Петропавловского порта, нарисованного им самим.

На протяжении всей жизни не рвалась нить, связывающая писателя с местом своего рождения, с Камчаткой.

КАМЧАТКА

Дорожный набросок

Мне стоит забытья мечтой –
И силе ее уступая,
Живьем восстают предо мной
Картинь родимого края.

За видом проносится вид.
Я слышу: на вольном просторе
Немолчно шумит и гудит
Камчатское бурное море (7, с. 16).

Под стихами, посвященными Камчатке, он подписывался «Камчадал» или «Камчаткин». В 1866 г. под стихотворением «Нахал», напечатанном в журнале «Будильник», поэт впервые подписался «Камчаткин». В 1883 г. он опубликовал свои «Камчатские мелодии» – цикл сатирических стихов за подписью «Камчадал». Главная цель, которую ставил поэт, – критика полицейских порядков в России.

Оммулевский горячо интересовался судьбой коренного населения Камчатки, решительно выступая в защиту камчадалов. В этом отношении характерна его статья «Искусство у камчадалов». «Воображаю, – пишет Оммулевский, – какой вопросительный или восклицательный знак изобразит из себя читатель, когда он увидит заглавие настоящей заметки. Искусство у камчадалов?! А между тем... у камчадалов действительно существует искусство; мало того, его можно назвать даже замечательным...

Нам лично, хотя и не часто, приходилось встречать скульптурные вещи, выставленные в Академии художеств, которые

относительно характеристичности изображаемого стояли далеко ниже самородных камчатских произведений» (7, с. 10).

И еще одна выдержка из этой статьи:

«В моем семействе, например, хранится лисица из китового зуба, не более двух вершков длины, выполненная с таким художественным мастерством, что... вы уловите самый характер этого лукавого и хитрого зверька... В более населенных местах... вы встретите замечательных художников по этой части. Они вырезают... всю сцену камчатской езды на собаках. Заправский камчадал-художник изобразит... и седока: будьте уверены, что по подобной фигурке вы сразу узнаете камчадала» (9, с. 4).

ИЗ КАМЧАТСКИХ МЕЛОДИЙ

На крайнем востоке, далеко-далеко,
Вдоль бурного моря, меж тундр и у скал,
Где бродят оленей стада одиноко,
Где в мрачном безлюдье теряется око –
Ютится родной мне дикарь-камчадал.

Везде окруженный суровой природой,
Бессильный сознанием, чтоб дать ей отпор,
Повитый с пеленок одной непогодой,
Несет безответно судьбы приговор.

Но божия искра таится всецело
В душе его детской, и видится в нем,
Как в зеркале грубом, то мощь без предела,
Что сыскони века боролася смело
Что сыскони века боролася смело
Не только с природой – с самим божеством.

Стремленье бороться и в нем проступало:
Хоть пасынок мира, он все же сумел
Следов энергичных оставить немало,
И громко бы имя Камчатки звучало,
Не будь ей младенческий создан удел (7, с. 14).

Именно на Камчатке, на земле, «...где, как лучи в оптическом фокусе, сосредоточиваются все первоначальные условия, по направлению которых развивался впоследствии характер нашего главного действующего лица» (1, с. 159), характер самого Иннокентия Васильевича Федорова-Омулевского.

Глава «Ранние годы Светлова» по достоинству и без всякой скидки может войти в антологию русской литературы о «золотой дали детства»:

«А весной? И весной было много работы Саше, даже больше, чем во всякую остальную пору года. Благодаря многому множеству ключей, вряд ли в целом мире найдется другая весна, подобная петропавловской. Такой резвый шум поднимут ключи, такое веселое журчанье пойдет повсюду, что слушаешь, заслушиваешься и не наслушаешься. И вот, вместе с этой закипевшей в природе изумительной деятельностью, проснется и в ребенке неодолимое желание двигаться, двигаться и двигаться: то надо Саше пленки на жаворонках ставить на приталинках, то кораблики приходится строить к лету... начнется рыбная ловля, пойдут пироги из свежей чавычи (лососины), окажется множество перламутровых ракушек по берегам залива, морских звезд, репок, – и со всем этим надо справиться почти в одно и то же время!» (1, с. 180).

После писателя остаются его книги и память...

Я властвую миром и так же могуч,
Как всепроникающий солнечный луч.
На полках стоят легионы мои,
Видавшие славу и черные дни, –
И эта отважная книжная рать
Готова всегда за меня постоять... (10, с. 78).

Именем писателя И. В. Федорова-Омулевского названы Центральная городская библиотека г. Петропавловска-Камчатского и одна из улиц Иркутска.

Автор благодарит сотрудников Центральной городской библиотеки за предоставленные архивные документы.

1. Федоров-Омулевский И. В. Шаг за шагом : роман / И. В. Федоров-Омулевский [Подготовка текста А. И. Кучминой. Вступит. статья Т. А. Войтик]. М. : Гослитиздат, 1957. 431 с.

2. Оскоцкий В. Стою я за правое честное дело... [Творческий путь И. В. Омулевского] // Сибирские огни. 1982. № 10.

3. Русская поэзия XIX века: сборник / Вступит. ст. Е. Винокурова. Примеч. В. Коровина. Т. 2. М. : Худож. лит., 1974. 734 с.

4. РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 70.

5. Так же. Д. 4.

6. Якушин Н. Новые факты жизни и творчества И. В. Омулевского // Сибирские огни. 1996. № 11.

7. Красноштанов С. И. Идите в мир и послужите миру [Из истории культуры. К 170-летию И. В. Федорова-Омулевского] // Зап. Гродековского музея. Хабаровск, 2006. Вып. 14.

8. Сергеев В. Омулевский // Вести. 1994. № 141.

9. Бондарева Н. Тоска по участи людей [К 135-летию И. В. Федорова-Омулевского] // Камчатская правда. № 292.

10. Слово о книге: афоризмы, изречения, лит. цитаты / [сост., авт. предисл. и введ. к главам Е. С. Лихтенштейн]. М. : Книга, 1984. 559 с.

11. Островская Е. Р. Место рождения – Петропавловский порт (Иннокентий Васильевич Федоров-Омулевский) // «Камчатка разными народами обитаема»: Материалы XXIV Крашенинник. чтений: / Упр. Культуры Администрации Камч. обл., Камч. обл. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. – Петропавловск-Камчатский: Камч. обл. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова, 2007. – С. 136 – 144.

ФЕДОТОВЫ

Камчадалы из Седанки. Происхождение фамилии пока не установлено.

Мы встречаем камчадала Федотова среди участников обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. – это Стратилат Гаврилович Федотов, последующие данные о судьбе которого мы находим в базе данных о жертвах политических репрессий на Камчатке:

Родился в 1878 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Седанка; ительмен; образование низшее; б/п; был членом колхоза им. «1-го Мая». Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Седанка. Арестован 28 февраля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 23 мая 1938 г., обв.: по ст. 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Реабилитирован 19 мая 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

В той же базе мы находим сведения и о его младшем брате:

Федотов Елисей Гаврилович. Родился в 1894 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Седанка; ительмен; образование низшее; б/п; работал в личном хозяйстве.. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Седанка. Арестован 1 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 23 мая 1938 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Реабилитирован 7 мая 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Всего же у Гавриила Андреевича Федотова, тридцатишестилетнего камчадала из с. Седанка по данным Исповедальной росписи Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г. было пять детей: Агриппина (15), Стратилат (12), Феофонт (7), Григорий (3), Николай (1). Елисей родился годом позже. Один из Федотовых участвовал в походе красноармейского отряда Чубарова в Гижигу и Наяхан для разгрома остатков белогвардейцев, засевших в тех местах. Погиб в бою (см. очерк «Маршрут бессмертия»). Усть-Большеречским районным военным комиссариатом была призвана на фронт Надежда Михайловна Федотова, сержант. Погибла в бою в марте 1943 г.

ФИЛИППОВЫ

Это фамилия крестьян из селения Авача, которые по нашей версии могут быть потомками солдат Камчатского гарнизонного полка, оставшихся служить на Камчатке.

Самые ранние обнаруженные нами сведения об авачинских Филипповых относятся к 1865 г. (ЦГА ДВ ф. 1011, оп. 4, д.1).

По данным Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 год:

Филиппова Агриппина Семеновна, Сероглазка, воспитанница (15 лет) отставного казака Дормидонта Трифионовича Черных.

Филиппова Анна Степановна Авача, крестьянка, девка, 40 лет. Дети ее незаконнор. Иннокентий (11), Евдокия (4). Сестра ее, девка Евфимия Степановна (17).

Эта фамилия встречается и у аборигенов – например, камчадалы Филипповы проживали в 1893 г. в селении Белоголовая.

Наша версия такова – в крещении камчадалов принимали участие казаки Филипповы, которые во время расположения на Камчатке Сомовского полка (Камчатского гарнизонного батальона) были зачислены в солдаты и потому в 1812 году в Нижнекамчатске служат:

Филиппов Кирилл Афанасьевич, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 34 года.

Филиппов Иван Иванович, барабанщик Камчатского гарнизонного батальона, 17 лет.

Филиппов Андрей Иванович, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 17 лет.

Но это только одна из версий – ведь в селе Авача жили и ссыльные.

ФЛЕТЧЕР

Известный камчатский архивариус Елена Павловна Абрамова получила из Америки документ, который с точностью до дня сообщает нам о времени и причинах появления на Камчатке подданного Великобритании Вильяма Флетчера:

«Август 1836 год. Сказки.

На основании Указа Святейшего Правительственного Синода 1734 года марта 4 дня отправил в Камчатском Духовном Правлении при департаменте с Гражданской стороны, Г. Коллежским Секретарю – в духовности Исправника – Ильи Шипицына и при переводчике Камчатском Мещанин Иосиф Гарднер – от иноземцев Вилиаме Флетчере и Девида Варрен, по случаю объявления ими желания принять Греко-Российское исповедание.

Вилиам Флетчер, английский подданный, ныне просящийся в подданство России. Рожден в Лондоне; в 1810 году 1 числа мая. Отец мой Лондонский Мещанин Эдуард Флетчер, Английского Епископского Исповедания. Сам я Вилиам Флетчер –

того же исповедания, знаю, что я был крещен чрез обливание в 30-й день по рождению в предместьи Лондона в Церкви называемой Панрес / Panras / имени крестившего служащим Церкви не знаю. Восприемником был служащий в Лондонском Казначействе Джон Блек. Восприемница Мещанская жена Мария Парсон исповедование свое никогда не изменял. В Камчатку прибыл 28-го августа 1835 года на китобойном судне Фибен (?) с гражданином соединенных Американских Штатов Виниамином Чи, у которого по найму служил матросом нанявшемся в Новой Зеландии, в которую из Англии прибыл на судне двухмачтовом Гайде тоже матросом».

Новые сведения об этой камчатской фамилии были обнаружены в Томском архиве – точнее Центральном государственном архиве Дальнего Востока РСФСР – и датированы они 1865 г. Просто под этой датой помечено Флетчер (Фледчер) 1865 г., купеческий сын.

Позже по разным данным выясняется, что Флетчер – охотский купец, позже охотский мещанин, то есть иностранец, принявший российское подданство и записавшийся в купеческое сословие.

В 1905 г. Флетчер, или один из них – Николай Васильевич, все еще считался охотским мещанином (и только временно – камчатским купцом 2-й гильдии), но в Петропавловске жили и их родственники, петропавловские мещане Флетчер – Флетчер Василий Васильевич, 1885 г., Петропавловский порт, мещанин, умер 9 сентября в возрасте 45 лет от воспаления легких. Сам Николай Васильевич в 1907 году уже числится петропавловским мещанином (умер под стражей в 1933 г.).

И еще две семьи камчатских Флетчеров: Флетчер Елена Михайловна, вдова петропавловского мещанина Ивана Флетчера, 1893 г., 39 лет. Дети: Вириная (16), Василий (13), Алексей (6).

Флетчер Ольга Федоровна, вдова Петропавловского мещанина Василия Флетчера, 1893 г., 51 год. Дети: Мария (23), Николай (18). Марии незаконнорожденный сын Василий (5). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Василий (Иванович – ?) Флетчер в период русско-японской войны 1904–1905 гг. был участником обороны в составе Петропавловской дружины. Позже, в 1933 г., будет уничтожен по делу «Автономная Камчатка» как японский шпион, а его брат (?) Иван Иванович, осужденный в 1939 году по ст. 58-2-11, умрет в заключении в 1942 г. Сын Ольги Федоровны Николай Васильевич Флетчер умрет под стражей во время следствия по делу «Автономная Камчатка» в 1933 г.

Род Флетчеров очень серьезно пострадал в период репрессий 1930-х гг. Я приведу этот список полностью, чтобы можно было впоследствии проследить следы тех потомков, кто остался в живых и продолжил свой род, тщательно скрывая свою связь с «врагами народа».

Вот что нам известно из открытых источников:

Флетчер Пантелеймон Николаевич, 1888 г. р. Место рождения: Охотский окр. (ныне Маганской обл.), Ольский р-н, с. Ямское; русский; образование: 4 класса гимназии; б/п; был председателем отделением кооператива «Интегралсоюз»; место проживания: Пенжинский р-н, с. Каменское. Арест: 10.03.1932. Осужд. 31.10.1932, тройкой при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-6 УК РСФСР. Расстр. 03.11.1932. Реаб. 22.06.1964. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Флетчер Николай Васильевич, 1875 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 08.03.1933. Осужд. 03.11.1933, тройкой при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено на основании ст. 4 п. 1 УПК. Умер под стражей во время следствия. Дата смерти не указана. Реаб. 25.04.1958. Реабилитирован постановлением УКГБ по Камчатской обл.

Флетчер Мария Ильинична, 1895 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русская; образование: 6 классов городского училища и педагогические курсы; б/п; была учителем школы; место проживания: Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 21.02.1938. Осужд. 23.05.1938 тройкой при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Сведений о

дальнейшей судьбе нет. Реаб. 15.05.1989. Реабилитирована заключением прокурора Камчатской обл.

Флетчер Иван Иванович, 1892 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; б/п; без определенных занятий; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 04.07.1938. Осужд. 08.07.1939 Камчатским облсудом. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет. Умер в заключении 21 февраля 1942 г. Реаб. 27.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Флетчер Василий Николаевич, 1903 г. р. Место рождения: г. Владивосток; русский; образование: низшее; б/п; заведовал газетным отделом «Союзпечати» конторы связи; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 08.03.1933. Осужд. 01.01.1934 тройкой при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-7-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстрелян. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Флетчер Василий Иванович, 1870 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 18.02.1933. Осужд. 01.01.1934 тройкой при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-8-9-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстрелян. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Флетчер Алексей Николаевич, 1891 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; камчадал; образование: 4 класса высшего начального училища; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 02.07.1931. Осужд. 07.09.1932 тройкой при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: 3 года к ссылке в Западную Сибирь. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

После публикации этих материалов на форуме сайта «Камчадалы.ру» мы получили письмо из Израиля от Марины Флет-

чер, муж которой имеет к камчатской династии Флетчеров самое непосредственное отношение, и она готова рассказать о своих далеких родственниках с Камчатки.

Вот ее письмо:

«Здравствуйте, какое отношение вы имеете к Флетчерам? Я много про них знаю. Мой муж из них, мы интересовались его бабушкой и дедом и нам пришли письма с Петропавловска о них. В Тигиле живет правнучка их. Бабушку звали Мария Ильинична она последнее время жила в Магадане, там живет ее внучка-Люба, так как ее родители оставили маленькой. Я не знаю, поменяла она имя или нет, я пыталась с ней связаться, но не нашла. По словам мужа, она не хотела никого знать. Про всех остальных я знаю. Только старший брат Алексей где-то потерялся, жив или нет, тоже не знаю. У них много двоюродных, но они на Камчатке. Вам будет легче про них узнать. Про остальных, если надо, напишу. Нам очень хотелось про них узнать. Муж часто вспоминает своих, но чем могла тем, помогла. С Израиля тяжело много узнать. За это вам огромное спасибо, жду ответа».

Но переписка по неизвестной нам причине после этого письма прервалась.

Затем мы получили письмо от Игоря Анатольевича Никитина из Петропавловска-Камчатского:

«Вероятно по причине репрессий, прокатившихся тяжелым катком по Флетчерам, их потомки мало знают о своих предках и родственниках. Старшие скрывали и не распространялись на этот счет, дабы не омрачать их светлое комсомольское будущее, дорога к которому лежала через подробные анкеты до “седьмого колена”.

К этой фамилии имеет отношение моя жена. Её мать (моя теща) Изабелла Алексеевна носила до замужества фамилию Флетчер. Столь редкое имя она получила в честь героини французского романа, очень понравившегося отцу. Именно по ее скудным рассказам, основанных на детских воспоминаниях, собраны известные нам сведения. Порой противоречивые. Моя жена Ирина вспоминает, что ее мать Изабелла Алексеевна иногда

упоминала о своих давних британских корнях. Весьма может быть, т.к. характер имела своенравный.

Родители моей тещи – Мария Степановна (1892–1961) и Алексей Флетчер жили во Владивостоке. Были людьми образованными. Дед работал бухгалтером. В семье было 6 (?) детей – Валентина (?), Леонид (? – погиб на фронте в ВОВ), Владимир (1921–1974), Изабелла (1928–1994), Виталий (?–1950), Майя (1931–1978).

После смерти деда Алексея в 1936 (?) году бабушка с тремя младшими детьми уехала на Камчатку, рассчитывая на поддержку брата мужа, который был женат, но своих детей не имел. Жил в Петропавловске не просто в достатке, а богато. Занимал какой-то высокий пост. Поэтому еще раньше он забрал к себе на воспитание племянника Владимира.

Социальное и материальное положение дядьки позволяли надеяться на лучшее, но «каток» был рядом. В 36 или 37 его арестовали и о его дальнейшей судьбе ничего не известно. Нам не известно.

Мария с детьми жила в Елизово на 30-м километре. Дочь Изабеллу забрала в Петропавловск жена арестованного дядьки, якобы дать ей образование. Однако вместо этого моя, тогда еще совсем юная, теща фактически исполняла роль домработницы, проводя массу времени не в учебном заведении, а на барахолке, распродавая сервизы и прочие предметы роскоши. Мать, узнав об этом, забрала дочь домой. Оттого Изабелла Алексеевна никогда не упоминала тетку по имени.

У Владимира Флетчера был сын Юрий (1950–2005). Работал водителем в автобусном парке Петропавловска. Дети Юрия – дочь Юлия и сын Дмитрий, который является в настоящее время единственным носителем фамилии этой ветви Флетчеров.

Надеюсь, что скоро мы заберем оставшиеся после смерти тещи фотографии, среди которых есть снимок Марии и Алексея Флетчер. Возможно, это поможет разобраться в родственных отношениях с теми людьми, что были упомянуты на сайте в первом сообщении. Если понадобится, напишу и об остальных потомках Флетчеров, что носят сейчас другие фамилии».

Затем последовал анонимный запрос: «Кто родители Елены

Флетчер? Это моя бабушка. Бабушку звали Елена Алексеевна. Год ее рождения 1910 г., место рождения – Елизово.

Она вышла замуж за военного (вероятно, казака. – С. В.) Миронова Николая Ивановича! Он ее взял с маленьким ребенком. Ребенка звали Олег.

Потом она родила Игоря, Юрия, Владимира! Владимир – мой отец. По его рассказам, он родился в Тиличиках».

Пока это все, что мы знаем о потомках Вильяма Флетчера.

ФОКИНЫ

Нам встретилось всего одно упоминание этой фамилии: Фокина Вера Яковлевна, вдова крестьянина с Николаевского Афанасия Фокина, 1893 г., 43 года. Пасынок Роман Афанасьевич Фокин (17) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

Вероятно, Фокины из числа крестьян-переселенцев, осевших в Николаевке при губернаторе В. С. Завойко.

ХАБАРОВЫ

Мы не знаем существует ли какая-то связь между камчатскими Хабаровыми и их знаменитым тезкой Ерофеем Хабаровым. Будем считать, что они однофамильцы.

Один из камчатских Хабаровых был последним, кто встречался со знаменитым французским мореплавателем: *«6 сентября 1787 года “Буссоль” и “Астролябия” бросили якорь в Петропавловске, где Лаперуз и его люди встретили самый радужный приём со стороны гарнизона порта под командованием прапорщика Хабарова. “Я не мог бы в собственной стране, у моих лучших друзей, встретить более теплый приём, чем здесь, на Камчатке”, – писал Лаперуз в письме французскому послу в Петербурге. В Петропавловске экспедицию покинул Бартоломэ де Лессепс – дядя будущего строителя Суэцкого канала, – через всю Сибирь отправившийся в Петербург и далее во Францию с почтой и документами».*

Этот же прапорщик, «частный командир, из сибирских казаков» повседневно отравлял жизнь семьи камчатского полицмейстера Штейнгеля, о чем будущий декабрист Владимир Ивано-

вич Штейнгель позже писал в своих воспоминаниях (см. роман-исследование «Встречь солнцу»). В конце концов, он выселил семью из их же собственного дома. Мы приведем отрывок из этих воспоминаний, чтобы представить себе царящие на Камчатке порядки тех «славных» лет, связанных с путешествием Лессеписа и его камчатского собутыльника Козлова-Угренина.

«Хабаров ...сам переселился жить в сей дом. Этим наглый сей человек не удовольствовался; он после, пьяный, с ватагою казаков хаживал мимо наших окошек и, проходя, вслух говаривал: “Вот конура немецкой собаки” (Штейнгели поселились в избушке камчадала на косе (кошке). – С. В.). Сами судите, сколько надобно благородному человеку духа, чтобы выносить подобные поношения от подлого и самого низкого бездельника, которого после и карьер свой тем кончил, что с каторжными обрабатывал Алданскую дорогу и, тех обокрав, попался под суд».

В 1887 г. в Петропавловском порту служит псаломщиком Трифон Хабаров, который потом служил и. д. псаломщика на о. Беринга (1890 г.) а затем (с 1892 г.) псаломщиком Медновской Преображенской церкви. Женился 06.10.1893 г. на дочери умершего Петропавловского мещанина Прокопия Николаевича Коршунова Агафии (17 лет), сын которого и родной брат Агафии был священником Преображенской церкви. (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер.)

Мы не знаем, из семьи командорских креолов или алеутов происходит Трифон Хабаров, но будем считать, что его однофамилец (хотя все они в то время на островах Беринга и Медном состояли в родстве) алеут Поликарп Хабаров был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за отличие и заслуги по обороне Командорских островов в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

ХАРИТОНОВЫ

В свое время камчатские Харитоновы представляли собой большой казачий клан, но фамилии впоследствии не сохранилась.

О первом из известных камчатских служилых Харитоновых

мы узнаем из «Заметок...» А. С. Пушкина: «§ 36. Чириков, прибыв на Камчатку, принял начальство; он отрядил на Большую реку пятидесятника Ивана Харитонову с сорока казаками для усмирения дикарей. Но оные собрались в великом множестве, напали на казаков, восемь человек убили, почти всех остальных переранили, четыре недели держали их в осаде, от которой спаслись они бегством».

Иван Харитонов был камчатским приказчиком. Правда, не долго. Но в те времена и назначали приказчиков на год, не больше. И трудностей на их пути «в Камчатку» встречалось немало: «§ 63. Приказчиков сменил в 1719 году дворянин Иван Харитонов. Он ходил на сидячих коряков, на Паллан-реку, и там убит изменнически. Казаки его успели спастись и сожгли убийц в их юрте.

§ 64. Приказчики приезжали ежегодно; возмущений от дикарей важных не было, били по два, по три человека сборщиков в Курилах и на Аваче».

Об Иване Харитонове, как завоевателе Камчатки, Степан Петрович Крашенинников упоминал довольно часто: см. «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 149, 481, 490, 609, 741, 747, 753,754, 760.

Но в эти же годы на Камчатке служили казак Кузьма Харитонов, боярский сын Семен Харитонов.

Были среди казаков Харитоновых и мореплаватели:

Харитонов Никита, камчатский служилый – казак, участник 2-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга на пакетботе «Святой Петр». Умер на острове Командорском (Беринга) «октября 20 числа 741 году» (Алексеев А. И. «Судьба Русской Америки», Магадан, 1975 г.).

ХАРЧИНЫ

Самая, наверное, знаменитая фамилия камчатских аборигенов, которая сохраняется и по сей день во многих географических названиях.

Только вот знаменитой эту фамилию сделал Федор Харчин. А лаврами его славы в результате предательства попользовался Степан Харчин, родной брат Федора, тойон острога, который с

той поры стал называться Харчинским, или Харчино, а уже по острогу были названы Харчинский хребет и Харчинское озеро.

Тойон (вождь) Федор Харчин в 1731 г. поднял Харчинский бунт, за что впоследствии был казнен через повешение (см. очерк «Забытая экспедиция»).

Степан Харчин (по одной из версий: за «доношение» на брата) был прощен и назначен тойоном вместо Федора.

Братья были из новокрещеных камчадалов. Это был период, когда при крещении камчадалам давали не русские фамилии, а использовали родовые, языческие имена (как, например, сын тойона Тареи после крещения стал Тареиным). Родовое имя Харчиных было Аяхаруч (Зуев А. С. «Восполняя белые пятна», «Вопросы истории Камчатки», вып. 3, 2007, стр. 135–136).

ХЛЫНОВСКИЕ

В нашей картотеке есть только одно упоминание этой фамилии камчатских аборигенов, которое относится к началу XX века: Хлыновский Иоанн, камчадал, жена – Ольга Михайловна (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1901 г., ГАКК). История происхождения пока не ясна – возможно, первоначально эта фамилия звучала, как Хмылевские (см. очерк «Хмылевы»).

ХМЫЛЕВЫ

В 1750 г. при крещении камчадалов эта фамилия появляется в с. Ича. Скорее всего, крестным отцом новокрещеных камчадалов Хмылевых был казак Антон Хмылевский, имя которого осталось в истории в связи с тем, что он в числе многих казаков, виновных в причинах Харчинского бунта 1731 г., был бит кнутом в Большерецком остроге.

В 1893 г. отголосок этой фамилии мы обнаруживаем в селеении Утхолок: Хмылев Гавриил Николаевич, камчадал, 19 лет. Других сведений пока нет.

ХОЛЩЕВНИКОВЫ

Фамилия эта распространена довольно широко. Были Холщевниковы среди казаков и крещеных ими камчадалов (напри-

мер, камчадал Тенива – новокрещеный Петр Холщевников, позже эта фамилия появляется в 1749 г. в с. Харчино, в 1750 г. – в Козыревске).

Но были и доморожденные камчатские купцы Холщевниковы, которые оставили значительный след в истории не только Камчатки, но и Русской Америки. Скорее всего, они тоже происходили из камчатских казаков или посадских, хотя есть сведения, что они были крестьянами: «Первая экспедиция Емельяна Басова – компаньон московский купец Евгений Серебренников, посадские люди Паншин и Даниила Соснин, крестьяне Попов и Холщевников».

В 1773 г. при снаряжении бота «Святой Евпл» бывший крестьянин (посадский или казак) Холщевников именуется полным именем: «Камчатский купец Егор Иванович Холщевников (за него пошел на промысел брат Семен) (Макарова Р. В. «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века», М., 1968 г.)

Ветви этого купеческого рода мы прослеживаем в Нижнекамчатске в 1812 г.: Холщевников Висар(ион) Семенович, 21 год. Брат его Георгий (14). Сестра Ксения (17). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

И позже:

Холщевников Егор (Георгий) Семенович, государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 53 года. Жена Мария Леонтьевна (31). Дети: Анна (7), Екатерина (4). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Холщевников Иван Виссарионович, государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 22 года (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

Это, как мы понимаем, потомки Семена Ивановича, брата камчатского купца Егора Ивановича Холщевникова.

Но вот что интересно – в Нижнекамчатске мы встречаем в это же самое время и многочисленных Холщевниковых Егоровичей.

1812 год:

Михаил Егорович – учитель отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 38 лет. Жена Мария Харитоновна. Дети: Захар (7), Иван (3), Акилина (2).

Григорий Егорович – рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 33 года. Жена Параскева Ивановна (29 лет). Воспитанница Анна (4).

Василий Егорович – рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 24 года.

Ефрем Егорович – отставной солдат, 21 год.

Это, конечно же, не может быть случайностью и совпадением. Как и то, что среди воспитанников отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона был одиннадцатилетний Степан Михайлович Холщевников, внук, по нашей версии, Егора Ивановича и сын Михаила Георгиевича.

Впрочем, воспитанниками этого отделения были и дети казаков. Казак из села Усть-Приморского (будущего Усть-Камчатска), которому в 1852 г. исполнилось 30 лет, тоже был Михайловичем – Петр Михайлович Холщевников. В 1852 г. здесь же проживала вдова отставного сотника Холщевникова – 77-летняя Мария Харитоновна с дочерьми и внучкой. Возможно, наш устьприморский казак и был сыном покойного сотника, у которого, судя по возрасту его жены, могли в 1812 г. быть и более старшие дети. А могло быть и по-другому: в казаки (на убылое место) записали кого-то из «солдатских детей» Холщевниковых.

В 1893 г. мы встречаем Шелковниковых только в выселках города Петропавловска.

Селение Николаевское. Крестьяне.

Никифор Илларионович Шелковников, 51 год. Жена Феодосья Васильевна (36). Дети: Елена (18), Феофан (16), Устин (13), Василий (11), Евсей (7). Племянник Матвей Ермолаевич Шелковников (18).

У нас нет никаких фактов, подтверждающих родственные связи нижекамчатских и николаевских Шелковниковых, но

мы хорошо знаем тот факт, что многие военнослужащие Камчатского гарнизонного батальона, пожелавшие остаться на Камчатке, были записаны или в петропавловские мещане, или в крестьяне. Сведений о том, что кто-то из Шелковниковых проживал после 1812 г. в Нижнекамчатске, у нас нет, хотя мы прекрасно понимаем, что нижнекамчатские Шелковниковы – это коренные жители, которые вряд ли покинули Камчатку при расформировании батальона. Поэтому, как нам кажется, стоит еще поработать над нижнекамчатской версией и найти недостающие звенья родства нижнекамчатских и николаевских Шелковниковых.

ХОМЯКОВЫ

Хомяков Павел Петрович. Родился в Петропавловске 24 августа 1888 г., сын петропавловского окружного начальника, надворного советника Петра Прокопьевича Хомякова. Восприемники: Вице-адмирал Тихоокеанской эскадры Павел Николаевич Назимов и жена купца Константина Павловича Русанова Александра Павловна. (ГАКК, ф. 220, оп.1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер.)

Семья Хомяковых, по данным Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 год: Хомяков Петр Прокопьевич, Начальник Петропавловского округа, (42 года), надворный советник, жена – Екатерина Илиодоровна (32), дети – Антонида (10), Зинаида (7), Павел (4).

Других сведений пока не обнаружено.

ХОТУНЦЕВСКИЕ

Мы уже писали в очерке «Протунцевские» о крестном отце Хотунцевских – Протунцевских архимандрите Камчатском Иоасафе Хотунцевском.

Его крестником был и участник Второй Камчатской экспедиции Иоганн Мальцган. («оставленный по болезни» на Камчатке) и примкнувший к «складственной артели» сержанта Емельяна Басова, организовавшего первую тихоокеанскую промысловую экспедицию россиян: «Курлянд, крещенный 16 февраля 1746 г. в Нижнекамчатской Успенской церкви», который перейдя в пра-

вославие, стал Иоанном Иоасафовичем Хотунцевским. Но фамилия Мальцгана-Хотунцевского не сохранилась.

А вот в Напане в 1893 г. зафиксирована семья Хотунцевских: Хотунцевский Николай Петрович, камчадал с. Напанского, 37 лет, жена Анна Николаевна, дети: Параскева (3), Екатерина (1) (Исповедальная роспись Тигильской Христорожественской церкви за 1893 г., ГАКК).

На форуме сайта «Камчадалы.ру» мы обнаруживаем интересный материал о руководителе Камчатской миссии архимандрите Иоасафе Хотунцевском.

Иоасаф (Хотунцевский / Хотуневич) Сан: епископ. Церковная принадлежность Русская Православная Церковь.

Биография Иоасаф (Хотунцевский, или Хотуневич), епископ Кексгольмский и Ладожский. Родился в Малороссии. Окончил Киевскую духовную семинарию и был пострижен в монашество. С 1739 г. в сане иеродиакона, а затем в сане иеромонаха был проповедником в Московской Славяно-греко-латинской академии. С 1741 г. – экзаменатор Крутицкой епархии. В 1742 г. возведен в сан архимандрита и назначен начальником духовной миссии, отправлявшейся на Камчатку, куда прибыл 30 июня 1744 г. 7 июня 1748 г. вызван в Петербург для хиротонии во епископа Иркутского, но хиротонисан не был по болезни. С 18 февраля 1754 г. – ректор Московской Славяно-греко-латинской академии и архимандрит Заиконоспасского монастыря. 12 мая 1757 г. перемещен в Московский Высокопетровский монастырь. 24 мая 1758 г. хиротонисан во епископа Кексгольмского и Ладожского, викария Новгородской епархии. Скончался 29 апреля 1759 г. Погребен в Юрьеве монастыре. Еп. Иоасаф приобрел известность еще в сане архимандрита своей миссионерской деятельностью на Камчатке, где оставил о себе добрую память. Даже главный зачинщик бунта говорил о нем: «Архимандрит добр до нас был». Он лично окрестил 1 719 человек туземцев, а всего за 3 года пребывания его на Камчатке миссией было обращено в Православие до 5 000 человек. Благодаря заботливости преосвящ. Иоасафа на полуострове было сооружено несколько церквей, до того времени их было всего три. Затем были основаны три школы: в Большерецке, Верхнекамчатске и Нижнекамчатске.

КЕКСГОЛЬМСКАЯ И ЛАДОЖСКАЯ ЕПАРХИЯ (1758–1764)

Новый этап в бытии новгородского викариатства

В царствование Елизаветы Петровны значительно улучшилось положение православия на прибалтийских окраинах страны, в том числе и на Карельском перешейке. Императрица много помогала восстанавливавшимся Валаамскому и Коневскому монастырям. Так, на первую из названных обителей она пожертвовала в общей сложности 8 тысяч рублей серебром [1].

Многие подданные следовали благому примеру своей правительницы, возрождая церкви и монастыри на отвоеванных у Швеции территориях. Таких присоединенных земель стало значительно больше после окончания русско-шведской войны 1741–1743 гг. По Абоскому мирному договору, подписанному 18 августа 1743 г., России досталась немалая часть Финляндии – вплоть до реки Кюмене. Новый край с тремя городами: Фридрихсгамом (Хамина), Вильманстрандом (Лаппеенранта), Нейшлотом (Савонлинна) – и множеством деревень назвали Кюменегорской провинцией. В ее состав вошел также и Кексгольм с окрестностями.

В то же самое время, 1 сентября 1742 г., в границах Синодальной области была, наконец, учреждена Санкт-Петербургская и Шлиссельбургская епархия со своим архиереем, епископом Никодимом (Сребницким). Поэтому церковная область, традиционно бывшая в ведении Корельской и Ладожской епархии, видоизменилась, включив значительные территории к северо-западу. (Либелицкий Николаевский приход, находившийся еще в шведских владениях, был приписан к Выборгскому «заказу» С.-Петербургской епархии [2].)

В присоединенном крае проживало немало православных обывателей (главным образом это были купцы и крестьяне), еще больше их стало с приходом русских войск и притоком сюда мещан-торговцев и сельского населения внутренних губерний России. Судя по всему, это и сыграло свою роль при очередном возобновлении новгородского викариатства после перерыва в пятнадцать с половиной лет.

В 1710 г. Петр I, заняв Кексгольм, из пристрастия к немецким топонимам не стал восстанавливать древнерусское имя города – Корела. Поэтому название епархии к середине XVIII в. выглядело каким-то анахронизмом. Так что при назначении очередного архиерея в помощь новгородскому владыке в апреле 1758 г. викариатство стало официально именоваться Кексгольмским и Ладожским. Успехи православного просвещения здесь были столь значительны, что возникло даже, – правда, не слишком массовое – движение: финны-лютеране присоединялись к Греко-кафолической Церкви (через миропомазание, а не новое крещение). Росла численность приходов и за счет смешанных браков: детей, как правило, крестили в православную веру [3]. Известно, что вскоре, «уже при государыне императрице Екатерине II, финские бургомистры Выборгской губернии писали свои донесения по-русски; еще позднее с русским языком можно было пускаться в путешествие по Финляндии до самой шведской границы» [4].

Еще более показательна такая статистика: к концу XVIII в. всё православное население Финляндии было разделено на 16 приходов, причем до завоевания края существовали только 6 из них, в том числе Кексгольмский. В XVIII в. он насчитывал около тысячи человек, общее же число православных во всех 16 приходах достигало 25 тысяч человек, не считая военных [5]. В самом епархиальном центре Кексгольме было в XVIII в. по меньшей мере три или даже четыре православных храма. Помимо упоминавшегося каменного собора Рождества Пресвятой Богородицы в Новой крепости (Спасский остров древнерусского периода), на ее фортштадте находились довольно большая деревянная церковь и кладбище при ней – на восточной окраине города (ныне здесь располагается Приозерская средняя школа № 4). Фундамент этого храма был обнаружен финскими исследователями во главе с директором лицея Кякисалми, историком Антти Комоненом осенью 1929 г. и ошибочно принят за одно из сооружений древнего Георгиевского девичьего монастыря [6]. Вторично это место обследовали российские археологи летом 1973 г. Руководитель раскопок А. Н. Кирпичников уверенно интерпретировал постройку как церковь XVIII в., так как обна-

ружил два потревоженных каменных склепа «с человеческими костями в сопровождении находок XVIII–XIX вв.» [7].

Другой современный исследователь, историк и искусствовед М. И. Мильчик, изучая по хранящимся в различных архивах фиксационным планам градостроительную историю Приозерска, сделал вывод о том, что к 1740 г. в Кексгольме, в так называемой Солдатской (Разночинной) слободе, что на Нейшлотской дороге (видимо, в географическом центре северного форштадта), «находился квартал с деревянными шведской кирхой и православной церковью, ставший новым религиозным и архитектурно-планировочным центром пригорода» [8].

На плане 1780-х гг. тот же исследователь отмечает два новых храма. «На главной продольной улице, – пишет он, – появилась полковая деревянная церковь. По одну сторону от нее находилась канцелярия Архангелогородского полка, по другую – Присутственные места, в которых расположился новый военно-административный центр форштадта. Западнее него, через два квартала на небольшом холме, стояла церковь (в конце XVIII в. заменена часовней), вокруг которой образовалась площадь с “политическим домом” и лавками. Это второй гражданский центр» [9]. Речь идет о нынешней центральной площади города, которая начиная с середины XIX в. называлась Соборной. К сожалению, пока не удалось выяснить, каким именно святым или церковным праздникам были посвящены алтари и приделы трех вышеупомянутых храмов. Не исключено, что два из них построены были еще до упразднения Кексгольмской и Ладожской епархии, между 1740 и 1764 гг., а третий, как уже говорилось, возвели до 1740 г.

Близ городской пристани при впадении реки Вуоксы в Ладожское озеро, на месте древнего Иоанно-Предтеченского монастыря, разоренного в свое время шведами, в 1740 г. обыватели Кексгольма возвели еще одну часовню. Поначалу в ней находился только большой сосновый крест, изготовленный на Валааме. Однако незадолго до возобновления новгородского викариатства, в 1757 г., часовня украсилась четырьмя образами, созданными иконописцами на том же Валааме. Самый почитаемый из этих образов – Похвалы Пресвятой Богородицы – впоследствии прославился чудесным избавлением Кексгольма от

эпидемии холеры в 1831 г. [10] (Ныне он, как и большинство других икон и богослужебной утвари прихода, находится в г. Куопио, в музее Православной Церкви Финляндии [11].

Высококачественную копию этой местночтимой иконы уроженка Кякисалми, магистр гуманитарных наук Паула Кохо подарила несколько лет назад Рождество-Богородичному собору, где образ находится ныне под стеклом в самом углу на северном клиросе.) Но, конечно, начиная с 1710 г. православная жизнь Кексгольма во многом отличалась от того периода, когда город еще назывался Корелой и по праву считался религиозным центром северо-западного порубежья Руси. Свообразие придавало непосредственное соседство инославного прихода с его уже устоявшимися за столетие традициями.

В отличие от ряда других населенных пунктов Старой Финляндии, имевших одновременно и православные храмы, и лютеранские кирхи, в Кексгольме не наблюдалось враждебности между двумя приходами: более того, их взаимоотношения довольно скоро стали показательно миролюбивыми и добрососедскими. Пожалуй, чувствовалась в этом и близость столичного Санкт-Петербурга с его изначально гармонически-цивилизованным устроением многоконфессиональной жизни. Немаловажное значение имели также мудрость и нравственное влияние настоятелей обоих кексгольмских приходов.

Назовем здесь имена лютеранских пробстов и пасторов, деятельность которых приходится на период существования Корельского (Кексгольмского) викариатства: 1653–1688 гг. – Хенрик Бойсман; 1689–1710 гг. – Йохан Серлакиус, – известно, что он оставил все свои книги и иное имущество в городе, преданном огню русскими войсками; 1710–1720 гг. – Йоханнес Урсиниус – первый официально утвержденный лютеранский священник российского периода; 1721–1735 гг. – Андреас Страндман; 1735–1765 гг. – вышеупомянутый Андреас Вирениус, при котором в 1759 г. была построена деревянная кирха (сожженная в августе 1941 г.), с 1735 г. он начал вести метрические книги; у него в 1740-х гг. был помощник – пастор Якоб Пасселберг.

В заключение следует сказать, что вплоть до 1735 г. Кексгольмский лютеранский приход включал и жителей Ряйсяля

(ныне Мельникове), Каукола (Севастьянове) и Пюхярви (Отрадное)... Возвращаясь же к обозрению истории новгородского викариатства, отметим, что все четыре епископа, носившие титул Кексгольмских и Ладожских, оставили заметный след в жизни Русской Церкви второй половины XVIII в. и в этом смысле явились достойными продолжателями первого корельского владыки – Сильвестра. Служили они все под началом архиепископа (с 1762 г. – митрополита) Димитрия (Сеченова; 1709–1767), известного ревнителя духовного просвещения, правившего в Новгороде с 1757 г. до своей кончины. Он был постоянным советником Екатерины II в церковных делах и, как член Св. Синода, часто отлучался в Санкт-Петербург. Потому и окружал себя достойными архимандритами и викарными епископами, которым мог доверить епархию в свое отсутствие [12].

Епископ Иоасаф (Хотунцевский; 1758–1759) Преосвященный Иоасаф (Хотунцевский или Хотунцевич) был родом малороссиянин и образование получил в Киевской Духовной академии. По ее окончании принял постриг и вскоре, в 1739 г., в сане иеродиакона, был перемещен в Московскую Славяно-греко-латинскую академию проповедником. С 1741 г., став иеромонахом, исправлял должность экзаменатора Крутицкой епархии. Известно опубликованное в Москве в 1742 г. «Слово в день Вознесения Господня», говоренное им 27 мая того же года [13]. Но главное дело жизни о. Иоасафа было связано с его миссионерской экспедицией на Камчатку. Она была отправлена Св. Синодом на 7 лет в конце 1742 г. Иоасафа, назначенного ее начальником, посветили в архимандриты. Кроме него в состав миссии входили два иеромонаха, два иеродиакона и несколько студентов Академии [14].

Отец Иоасаф написал катехизис под названием «Сила Божественного учения, вкратце начертанная». Он лично окрестил 1 719 туземцев, а всего за 5 лет это таинство приняли до 5 тысяч камчадалов.

Студенты обучали детей русской грамоте и Закону Божию. Были возведены новые церкви и открылись три школы, где преподавалось даже рисование (в 1748 г. число учеников доходило до 200 человек) [15].

В этот период (с 1746 по 1753 г.) пустовала Иркутская и Нерчинская кафедра, и 7 июня 1748 г. отец Иоасаф был вызван в Петербург для хиротонии, которая, вероятно из-за его болезни, тогда не состоялась. 18 февраля 1754 г. он назначается ректором и наставником богословия Московской Славяно-греко-латинской академии и архимандритом Заиконоспасского монастыря, откуда 12 мая 1757 г. был перемещен в Московский же Высокопетровский монастырь [16]. Уже на последнем месте служения о. Иоасаф «пользовался некоторыми епископскими преимуществами» [17]. 17 апреля 1758 г. он был пожалован, а 24 мая хиротонисан во епископа Кексгольмского и Ладожского; через 6 дней вступил в управление и Новгородским Юрьевым монастырем. За отсутствием документальных подтверждений трудно сказать, ездил ли он обозревать приходы подведомственной ему Приладожской Карелии. Через год, 29 апреля 1759 г., он уже почил о Господе и был погребен в паперти соборного храма Юрьева монастыря, на правой стороне [18].

Отметим, что иеромонах Амвросий (Орнатский) приводит другую дату кончины преосвященного Иоасафа – 6 июня 1758 г., но И. А. Чистович отрицает ее достоверность [19].

[1] См.: Петров Л. П., прот. Указ. соч. – С. 39, примеч. 91. [2] Там же. – С. 39, 262. [3] Там же. – С. 40–41. [4] Карела (Кексгольм) // Карельские известия. – 1916. – № 32 (1 нояб.). – С. 4. – Подпись: Старый учитель (К. М.). [5] См.: Из истории Православной Церкви в Финляндии в конце XVIII-го и в начале XIX-го века: (По архивным данным) // Финляндская газета. – 1907. – 10 июня (№ 85). – С. 2; 19 июня (№ 89). – С. 2. – Без подписи. [6] Komonen A. Muutama sana Kdkisalmessa olleista kreikkalaistatolisista luostareista // Aamun Koitto. – 1933. – № 19. – S. 152–154; см. также: Шаскольский И. П. Памятники русской архитектуры XIV–XVI вв. в городе Кореле // Культура и искусство Древней Руси: Сб. ст. в честь проф. М. К. Каргера. – Л.: Изд-во ДОЛГУ, 1967. – С. 127–130. [7] Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках в г. Приозерске Ленинградской области в 1973 г. / Ленингр. отд-ние Ин-та археологии АН СССР. “Л., 1974 // Музей «Крепость Корела». – Науч.-вспомогат. фонд. – № 1302. – Л. 6. – (Машинопись). [8] Миль-

чик М. И. Основные этапы градостроительной истории Приозерска (Корелы-Кексгольма) // Архитектурное наследие и реставрация: Реставрация памятников истории и культуры России / Рос. респ. специализ. науч.-реставрац. об-ние «Росреставрация». – М., 1990. – С. 86. [9] Там же. – С. 86–87. [10] См.: Ильтонов В. Я., свящ. Рождественский собор в Кексгольме // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. – Вып. IV. – С. 99, 101–102. [11] Коно Р. Op. cit. – 8. 9. [12] См.: Здравомыслов К. Я. Димитрий (в миру – Даниил Андреевич Сеченов), митрополит Великоновгородский и Великолуцкий // Русский био-графический словарь. – СПб., 1906. – [Т. 6]: Дабелов – Дядьковский. – С. 394–395. – Подпись: Здр. [13] См.: Попов Н. А. Придворные проповеди в царствование Елисаветы Петровны // Летопись русской литературы и древности. – М., 1859. – Т. II, кн. 3, отд. III.” С. 17. [14] См.: Инструкция архимандриту Хотунцевскому; Выезд архимандрита Хотунцевского из Москвы // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1868. – № 50 (14 дек.). – С. 582–586; № 51 (21 дек.). – С. 589–593. – Без подписи. [15] См.: Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. – 4-е изд. – Чернигов, 1862. – Период V: Синодальное управление (1721–1826 гг.). – С. 27–28; Громов П. В., прот. Назначение в Камчатку духовной миссии в 1742 году // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1874. – № 30, 32, 41, 43, 49; 1875. – № 1, 2, 7, 8, 10, 15, 21, 24–26, 40–42, 44. [16] См.: Смирнов С. К., прот. История Московской Славяно-греко-латинской академии. – М., 1855. – С. 261. [17] Никольский А. И. Иоасаф (Хотунцевский, или Хотунцевич), епископ Кексгольмский и Ладожский // Русский биографический словарь. – [Т. 8]: Ибак – Ключарёв. – С. 293. – Подпись: А. Н. [18] Макарий (Миролюбив), архим. Указ. соч. – С. 98. [19] См.: Амвросий (Орнатский), иером. Указ. соч. – Ч. I. – С. 86; Толстой Ю. В. Указ. соч. – С. 14; ср.: Чистович И. А. История Православной Церкви...” С. 81.

Иоасаф (Хотунцевич, или Хотунцевский) – распространитель христианства в Сибири. В 1742 г. избран начальником миссии, отправлявшейся в Камчатку; крестил там около 2 000

туземцев, построил несколько церквей, завел школы и сочинил краткий катехизис под названием «Сила Божественного учения». В 1750 г. выехал из Сибири; был ректором московской академии. Умер в 1758 г. и погребен в Юрьевском монастыре. Иоасаф Хотунцевский (Хотунцевич) – епископ кексгольмский и ладожский, из малороссиян, умер 29 апреля 1759 г. По окончании образования в Киевской духовной академии постригся в монахи и в сане иеродиакона в 1739 г. был отправлен в Московскую Славяно-греко-латинскую академию проповедником. С 1741 г. был экзаменатором крутицкой епархии, а в конце 1742 г. назначен начальником духовной миссии, отправлявшейся в Камчатку, и возведен в сан архимандрита. В Камчатке он оставил по себе добрую память. Он лично окрестил 1 719 человек туземцев; благодаря его заботливости на полуострове было сооружено несколько новых церквей, до того времени их было всего три; затем устроены были три школы в Большерецке, Верхнекамчатске и Нижнекамчатске; число обучающихся в них мальчиков достигло 200. 7 июня 1748 г. он был вызван в Петербург для хиротонии во епископа иркутского, но по приезде хиротонисан не был, кажется, по болезни. 18 февраля 1754 г. был назначен ректором Московской славяно-греко-латинской академии и архимандритом Заиконоспасского монастыря, откуда в 1757 г. перемещен был в московский Высоко-Петровский монастырь, в котором пользовался некоторыми епископскими преимуществами. 17 апреля 1758 г. назначен епископом Кексгольма и Ладоги, викарием новгородской епархии; хиротонисан 24 мая того же года. Ему принадлежит «Слово» в день Вознесения, говоренное в 1742 г.

Архив св. Синода, дела за 1752 № 79, 1754 г., № 355, 1757 г. № 176; Толстой, Ю; «Списки архиереев»; Строев, «Списки иерархов»; Смирнов, «История Моск. славяно-греко-лат. акад.», 201, 233; Филарет, «Обзор», II, 62; его же «История рус. церкви», V, 39–40; Макарий, «Описание Юрьева мон.», 98; Геннади, «Словарь», статья Попова в «Летопис. рус. литер.», 1859 г., т. II; Словцов, «Историческое. обозрение Сибири», II, 20; «Сибирский Вестник», 1822 г., ч. XVII, стр. 88; «Иркут. епар. ведом.», 1874 и 1875. А. Н. {Половцов}.

ХОХЛОВЫ

Николай Хохлов был ополченцем и состоял в Петропавловской дружине в период обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.

Мы нашли о нем совсем немного информации: по данным Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г., восемнадцатилетний Николай Семенович Хохлов был кантонистом морского ведомства. Есть еще одна любопытная запись – мы полагаем о родной сестре Николая Семеновича: Хохлова Параскева Семеновна, сирота по морскому ведомству, 1893 г., 23 года.

В 1888 г. в Петропавловске жила морского ведомства унтер-офицерская вдова (мать Николая?) Хохлова Параскева Варфоломеевна (52 года).

Вполне вероятно, что камчатские моряки Хохловы должны иметь военные корни, происходить или из солдатских, или из казачьих детей.

И, действительно, мы обнаруживаем в Нижнекамчатске в 1812 г. солдатскую семью Хохловых: Хохлов Степан Васильевич, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 33 года, жена Евдокия Харитоновна (30), дети: Иван (6), Феодосия (2). (РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

ХРОМОВСКИЕ

Хромовский Матвей, кантонист, участник Петропавловской обороны, тяжело ранен в бою. «По случаю малочисленности Петропавловского гарнизона, Завойко был вынужден употреблять на должности кокорщиков кантонистов с десятилетнего возраста. Из числа этих кантонистов один был убит, а другому по имени Матвея Хромовских, одну руку оторвало, а другую ранило. Кантонист Хромовских с удивительной твердостью духа переносил операцию, состоявшую в отнятии правой руки у плеча и мизинца левой руки. Во время тяжелой операции он, как свидетельствует Завойко, молчал и даже не стонал. Все детикокорщики исполняли свои обязанности во время сражения с превосходною расторопностью и были так веселы, что нередко по окончании сражений, тотчас после боя, начинали пускать

кораблики. Завойко просил Муравьева довести о таком мужестве мальчиков до сведения Государя и для сохранения в памяти защитников Петропавловска подвигов детей исходатайствовать у Государя какое-нибудь пособие Хромовскому. Десятилетним еще ребенком Хромовсий сослужил службу Царю, остался калекой и не мог не только снискать себе пропитания своими трудами, но даже не мог обходиться без посторонней помощи» (Сильницкий А. П. «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива», «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009 г, стр. 52).

Подробности о судьбе героя обороны нам не известны. Фамилия больше не встречается.

ХУНТЕР

Эдуард Александрович Хунтер – проживающий в Петропавловске купец 1-й гильдии, гражданин САСШ, умер в 1887 г. в возрасте 59 лет

Дочь – Хунтер Екатерина Эдуардовна в 1888 г. в Петропавловске вышла замуж за гражданина САСШ Николай Николаевича Грея, православного. (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер.)

В Петропавловске в 1893 г. проживала вдова купца Хунтер Екатерина Ивановна с сыном Владимиром Эдуардовичем (9 лет).

Других сведений о судьбе представителей этой фамилии у нас нет.

ЧАБАЕВЫ

Первоначально, наверное, – Чабаевские. Был такой купец на Камчатке: в 1745 г. компания купцов (Яков Чупров, Афанасий Чабаевский и Никифор Трапезников) отправляет на Алеутские (тогда еще «незнаемые») острова корабль под командой тобольского крестьянина Михаила Неводчикова, который открыл остров Атту и зазимовал там (см. очерк «Михаил Неводчиков»).

Но в историю России Афанасий Чабаевский «со товарищи» вошел позднее, снарядив в промысловый вояж бот «Святой

Иулиан» (см очерк «Степан Глотов»): «Золотой медалью «За полезные = обществу труды = 1762. Году = августа. 31. Дня» императрицей Екатериной Второй «была награждена целая компания купцов-пайщиков численностью 12 человек: Тобольский (купец) Илья Снегирев, вологодские Иван Буренин и Иван Кульков, яренские Иван Томилов и Афанасий Суханов, тотемские Андрей Титов и Григорий и Петр Пановы, московский Егор Сабинин, тульские Семен Красильников и Афанасий Орехов и лальский купец Афанасий Чабаевский “за предпринятую экспедицию на дальние Алеутские острова на судне “Св. Иулиан” для “сыскания новых земель и для приводу тамошнего... народа в (российское) подданство”».

В 1893 г. фамилия камчадалов Чабаевых зафиксирована в селении Харчино.

ЧЕБОТНЯГИНЫ

О представителях этой камчатской фамилии нам известно немного. В 1812 г. в Нижнекамчатске существовало отделение императорского военно-сиротского дома при Камчатском гарнизонном батальоне (бывший Сомовский полк), где воспитывались, начиная с 8-летнего возраста дети (не обязательно сироты) камчатских военных и казаков. Среди воспитанников были Зинович Никитич (16 лет) и Василий Никитич (14 лет) Чеботнягины. Многие из воспитанников этого военно-сиротского дома продолжили свою службу (или жительство, перейдя в другие сословия) на Камчатке.

В 1893 г. в Исповедальной росписи Петропавловского собора мы находим среди жителей города дочерей казака, сирот Екатерину Афанасьевну Чеботнягину и ее сестру Агришину, у которой был незаконнорожденный восьмилетний сын Павел.

Мы думали, что камчатский род Чеботнягиных утрачен, но недавно получили письмо:

Добрый день!

Я изучаю историю рода Чеботнягиных. Одна из ветвей рода оказалась на Камчатке. Я запрашивала Камчатский архив, пытаясь узнать, кто именно из Чеботнягиных оказался на Камчат-

ке, чем они занимались и т. п., но, к сожалению, архив ответил, что такой информацией не обладает.

...у меня есть информация о других Чеботнягиных – уроженцах и жителях Камчатки (у одного из них в графе национальность значится «камчадал»). Если Вы пополняете базу камчатских имён, готова ею поделиться.

С уважением, Савина Наталья Геннадьевна.

А вот и подробности:

Чоботнягин (так в документе) Иван Ефимович родился 5 января 1872 г. в семье пономаря Гижигинской Спасской церкви на Камчатке. 28 августа 1892 г. закончил Благовещенскую духовную семинарию и был определен к Михайло-Архангельской церкви (ст. Екатерининская Амурской области) на должность псаломщика. В 1893–1894 гг. служил псаломщиком в противосектантской миссии, Свято-Троицкой церкви ст. Албазинской, Михайло-Архангельской церкви села Черемховского Амурской области. В 1894 г. рукоположен в сан диакона и определен на штатное диаконское место к Благовещенской кладбищенской церкви. 14 апреля 1895 г. Преосвященнейшим Макарием, епископом Камчатским ему объявлена архипастырская благодарность за ревностное и усердное исполнение обязанностей учителя церковной школы при кладбищенской церкви. 12 мая 1895 г. рукоположен в сан священника к Гижигинской Спасской церкви на Камчатке.

В 1895 г. Чоботнягин И. Е. женился на Александре Ивановне. У них родились дети: Александр, Николай (см. предыдущее сообщение), Василий, Татьяна, Пантелеймон, Анна.

В 1897 г. за участие во всеобщей народной переписи Иван Ефимович награжден темно-бронзовой медалью. В 1899 г. уволен в шестимесячный отпуск в Благовещенск для поправления здоровья, но вследствие дорожных распутиц не явился в срок к месту службы и был уволен за штаты.

В 1900 г., согласно прошению, вновь принят на службу во Владивостокскую епархию и назначен на священническое место в село Монастырище Черниговской волости Никольск-Уссурийского уезда Приморской области. 20 ноября 1901 г. Пре-

освященным Евсевием, епископом Владивостокским и Камчатским награжден набедренником за усердное исполнение пасторских обязанностей и за заботы «о благоуукрашении» Монастырищенского храма. В 1906 г. направлен в Григорьевскую церковь (с. Григорьевка Григорьевской волости Никольск-Уссурийского уезда Приморской области), а в 1908 г. обратно переведен в Монастырищенскую Михайло-Архангельскую церковь. В 1910–1916 гг. служил в Комаровской Казанской иконы Божией Матери церкви, занимал должность заведующего и законоучителя церковноприходской Комаровской школы. На содержание Чоботнягину Ивану Ефимовичу «из казны положено жалованья 500 руб. Провиантское содержание из казны – 50 руб., пенсии Амурской – 183 руб. За законоучительство в Комаровской церковной школе – 99 руб. 96 коп.».

В 1915 г. сын Александр был призван на военную службу, Николай в 1916 г. обучался в церковно-учительской семинарии при доме архиепископа на Седанке (пригород Владивостока). Василий поступил на службу в почтово-телеграфное отделение, сын Пантелеймон обучался в Комаровской приходской школе.

(РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 421)

Чеботнягин Николай Иванович. Родился в 1897 г., Камчатская обл., Гижигинский р-н, с. Гижига; образование учительская семинария (г. Владивосток); б/п; был членом рыболовецкой артели. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Немтик. Арестован 2 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 17 сентября 1933 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 28 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

ЧЕБЫКИНЫ

Такая фамилия была зафиксирована в селении Камаки в 1812 г. Позже она исчезла. Происхождение ее пока не ясно.

ЧЕГЛИКОВЫ

По данным Исповедальной росписи, обладателями этой фамилии в 1893 г. были камчадалы из селения Малка.

Глава рода Иосиф Иакимович Чегликов (60 лет), дети Иоанн (31), Матрена (29), Стефан (25). Старший сын Семен Иосифович (34) имел свою семью: жена Евдокия Ивановна (28), дети: Петр (11), Ирина (9), Василий (5), Парфений (2).

Других сведений об этой семье у нас нет.

ЧЕЛПАНОВЫ

Крестьяне Челпановы, по всей видимости, переселились на Камчатку во времена губернатора В. С. Завойко и в 1893 г. только-только еще (во втором поколении) начали пускать свои корни в камчатской земле.

Челпанов Василий Григорьевич. Крестьянин из селения Озерновского, 1893 г., 34 года. Жена Агрипина Ивановна (41). Дети: Татьяна (12), Алексей (8), Анна (2). Брат его Никита Челпанов (31). Жена его Дарья Кондратьевна (31), дети: Яков (11), Фекла (9), Екатерина (6), Елена (2), Мария (4 м.) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г.).

Челпанова Евдокия Никитична. Дата рождения – 2 июля 1899 г. Родители – крестьянин Озерновского селения Никита Григорьевич Челпанов и законная жена его Дарья Кондратьевна. Восприемники – петропавловский мещанин Федор Александрович Калмаков и матросская дочь Агрипина Федоровна Калинта. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1899 год, ГАКК.)

Челпанова Анна Васильевна 25 января 1909 г. сочеталась браком с Корниловым Харитоном Николаевичем, мещанином г. Петропавловска (Метрическая книга Петропавловской церкви за 1909 г., ГАКК). Челпанов Алексей Васильевич. Крестьянин селения Паратунка, 11 октября 1915 г. сочетался браком (вторым). Невеста – крестьянская девица селения Паратунки Евдокия Павловна Яковлева (первым браком) Свящ. Евгений Яхонтов (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1915 г., ГАКК). А эта информация, по всей видимости, об однофамильцах камчатских Челпановых, переселенцах эпохи Столыпинских реформ, новой ветви фамилии: Челпанова Ирина Григорьевна. Род. 5 мая 1909 г. Родители – крестьянин Шадринского общества деревни Титовской Григорий Николаевич Челпанов и жена его Варвара

Клеоникивна. Восприемники – крестьянин селения Ключевского Николай Емельянович Ушаков и жена крестьянина того же селения Алексея Николаевича Ушакова Александра Михайловна. Свящ. Михаил Ерохин. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1909 г., ГАКК.)

ЧЕРЕПАНОВЫ

Мы рассматриваем две версии происхождения этой фамилии – от казаков Черепановых и от купцов Черепановых. На Камчатке были представлены оба эти сословия. У писателя Сергея Маркова есть интересные сведения о тобольском ямщике-энциклопедисте (который, скорее всего, прежде служил на Камчатке): «В самом Тобольске тогда жил и трудился самородок, необыкновенный ямщик Иван Черепанов. Он сетовал, что писатели его времени скупы на сведения “в рассуждении границ, которыми Азия взаимно отделяется от Америки; одни пишут, что между ними есть канал, который соединяет Ледяное море с Тихим; другие говорят, что никакого пролива морского нет, но из Азии перейти можно в Америку твердой землею”».

Ямщик-летописец следил за всеми трудами о Камчатке, Алеутских островах, включая и журнальные статьи Миллера, в том числе за «Описанием морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с Российской стороны учиненных» (1758).

Черепанов знал о деятельности Владимира Атласова. Тобольский ямщик писал о походах сына боярского Тимофея Кобелева по Камчатке в 1700 г., приводил списки начальников камчатских острогов. Знал он о буйном проводывателе Японского царства И. Козыревском и о трудах экспедиции Чирикова и Беринга...»

А вот информация о купце с форума сайта «Камчадалы.ру»: «Наиболее удачливым из мореходов-вологоджан был Степан Яковлевич Черепанов, тотемский посадский, ставший позднее известным купцом. В 1759 г. компания вологодских купцов Василия и Федора Кульковых пригласила Степана Черепанова мореходом на судно “Захарий и Елизавета”. В плавание вышли из Нижнекамчатска 29 сентября, достигли острова Беринга и там

остались на зимовку. Здесь компанейщики организовали промысел и заготовку продовольствия для продолжения плавания в будущем году. В 1750 г. Степан Черепанов привел судно к Ближним островам. И на них промысел был удачным. В этой экспедиции наиболее полно проявились его способности как опытного морехода и пытливого исследователя, о чем свидетельствует составленная им “сказка”. Из документа видно, что во время плавания и промысла Черепанов систематически занимался изучением островов Беринга, а затем Атту и Агатту. В “сказке” дается подробное описание этих островов: природы, мест обитания морского зверя и условий промыслов. С. Я. Черепанов приводит много интересных этнографических сведений об алеуках: описывает их жилища и быт, одежду, приемы охоты, верования. Многие данные, сообщенные мореходом, представляют интерес и в наши дни. Например, описание морской коровы, вымершей еще в XIX веке, дано им так, что животное видится как живое. Животное было описано мореходом не случайно. Он сообщает, что каждая корова давала до 150 пудов мяса, по вкусу не уступающего говядине, и более 50 пудов жира. Во время зимовки на острове Беринга С. Я. Черепанов организовал заготовку сушеного мяса и жира этих животных. Они и стали главными продуктами питания компанейщиков в плавании к Ближним островам и во время промыслов. Из плавания экипаж “Захария и Елизаветы” возвратился в 1762 г. Из дошедших до наших дней источников известно еще об одном плавании тотемского морехода. В 1768 г. купцы И. Мухин и И. Засыпкин с компанейщиками снарядили к Алеутским островам судно “Св. Николай”. Мореходом избрали Степана Черепанова, ставшего к этому времени тотемским купцом. Летом 1769 г. мореход привел судно к острову Атха. Здесь зазимовали, занимаясь охотой, а летом перешли на остров Медный, чтобы обеспечить компанейщиков продовольствием, обувью и одеждой. Летом 1771 г. Степан Черепанов вновь пошел на “Св. Николае” от Командорских к Алеутским островам. Снова стали у острова Атха. В Петропавловскую гавань на Камчатке экипаж “Св. Николая” вернулся в 1773 г. “Мягкой рухляди”, принадлежавшей компанейщикам, привезли на 140 670 рублей и на 6 630 рублей –

“ясашной рухляди” в государственную казну. Это было последнее плавание Степана Яковлевича Черепанова. Возвратившись в Тотьму, он, по обычаям тех времен, “своим иждивением” построил церковь Св. Троицы в Зеленой рыбацкой слободе. Сейчас это – историко-архитектурный памятник, а для тотмичей – своеобразная память о земляке, отважном мореходе».

В книге «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.» (Л., 1935 г., стр. 100) мы узнаем о первом из новокрещеных Черепановых – Черепанов Иван, убит восставшими коряками в 1746 г.

Из Книги памяти о камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, мы узнаем о представителях этой фамилии, отдавших свою жизнь 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу: о Виталии Семеновиче (1925 г. р.) и Георгии Алексеевиче (1917 г. р.) Черепановых.

ЧЕРКАШЕНИНЫ (ЧЕРКАШИНЫ)

Черкашенин Онофрий – казак, бит кнутом в Большерецком остроге как один из виновников Харчинского бунта 1731 г.

Но это не самые ранние сведения о камчатских Черкашениных, и мы подробно говорили об этом в очерке «Зиновьевы», так как камчатский приказчик Михаил Зиновьев (Многогрешный), племянник гетмана Многогрешного, сосланного в Сибирь, был известен в истории Камчатки и под другим своим именем-прозвищем Михаил Черкашенин, потомки которого также могли служить на Камчатке и нести ответственность за все происходящее на полуострове, в том числе и за Харчинский бунт.

Потомки казаков Черкашениных впоследствии служили в Сомовском полку, мы находим представителей этой фамилии в Нижнекамчатске:

Черкашенин (Чоркашенин) Антип Иванович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 39 лет (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

А затем материалы архивов связывают эту фамилию с селением Николаевка: Черкашенин, житель с. Николаевка, 1865 г. (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

Но по материалам Исповедальной росписи Петропавловского собора 1893 года мы не находим там этой фамилии. Есть:

Черкашин Митрофан Петрович, с. Николаевское, крестьянин, 49 лет. Жена Евфимия Григорьевна (51). Дети: Иван (27), Иннокентий (18), Яков (16), Григорий (12), Акилина (2). Жена Ивана Евдокия Андреевна (18).

И есть:

Черкашин Корнилий Афиногенович, крестьянин селения на Паратунских ключах, 1893 г., 51 год. Сестра его девка Наталия (39).

Мы уже не раз говорили о том, что часть солдат Камчатского гарнизонного батальона осталась на полуострове после его расформирования и бывшие солдаты (если они не продолжили службу в казаках или в Камчатской экипажной роте) были записаны либо в мещане, либо в крестьяне.

Вполне возможно, что и Черкашины – Черкашенины также имеют общие камчатские корни.

Понятно, что это только версия, но как бы то ни было мы знаем главное – и потомки камчатских крестьян Черкашиных, как и потомки казаков Черкашениных, верно служили Родине:

Черкашин Валентин Григорьевич, рядовой. 1920 г. р. Призван Усть-Большерецким РВК, 120 отд. СБр. Погиб 08.09.42 г. Захоронен: Темкинский р-н Смоленской обл.

ЧЕРНЫХ

Казаки Черной Иван, Черной Данила и Черной Леонтий упоминаются у Степана Петровича Крашенинникова в «Описании земли Камчатки» в числе первых русских поселенцев, жителей Большерецкого острога. Возможно, это были братья. Возможно, нет. Но именно они заложили основу большой камчатской династии Черных – династии казаков и священнослужителей.

Иван Черных. Самым известным из них остался в мировой истории сотник Иван Черных (Черной, Черный), который возглавлял курильский казачий «десант» по приведению под высокую царскую руку мохнатых курильцев – айну – и основал на Курильских островах в 1766–1768 гг. первые русские поселения, где казаки зимовали и собирали ясак с новых подданных российского императора. Вот, что пишут о том походе И. В. Витер и

Е. М. Верещага в статье «Первые сведения об островах Курильской гряды. XVIII в.»:

«Продвижение России с севера на Курильскую гряду, Японии – с юга было естественным процессом освоения островов. Россия объясняла население северных островов, как не имевших над собой прямого правления какого-либо государства. Япония – постепенно вытесняла айнов с Хонсю на Хоккайдо, а затем на Курилы и Сахалин, расширяя торговые связи и контроль над территориями.

По японским источникам, где используется довольно резкая оценка продвижения России на южные острова, русские в 1766 г. прошли до Утурупа. “Раньше этого... Россия постепенно пожрала все острова к северу от Расёва, и затем разграбила южную часть этой группы островов”. В 1767 г. и в 1798 г “для объезда Эзосских земель” для их осмотра были командированы японские чиновники.

В инструкции, данной Ф. И. Саймоновым главному командиру Анадырского острога Ф. Х. Плениснеру, в феврале 1761 г. относительно Курильских островов, сказано: “...разведать... о всех Курильских островах, и жителях, и промыслах их и каким бы способом всех привести в подданство”.

Выполняя поручение Саймонова тойон второго острова (Парамушир) Чикин, взяв в помощь сотника Ивана Черного, Петра Чупрова, получив из Большерецкой канцелярии инструкцию: “...В бытность на дальних Курильских островах, живущих там мохнатых стараться призывать и склонять их в подданство.. Разведывать секретно – ведут ли с кем торговлю и не состоят ли где в подданстве и платят ли подати; какое у них строение, обряды, обычай... какую веру содержат, есть ли у них начальники и в каком они у них послушании; особенно же есть ли у них огненное и другое оружие и небывают ли у них японцы, в каком месте, судами и в многолюдстве ли и чем торгуются...”

В сентябре 1769 г. Черный представил в Большерецкую канцелярию журнал своего плавания до 19 острова. Не будем подробно останавливаться на методах общения экспедиции с жителями островов, которые оставила после себя недобрую память. Но инструкция, данная Черному, была выполнена, и в журнале

мы находим подробное описание всех посещенных островов. “16-й остров Симусыр в длину до 130 верст... На нем 4 сопки... Озер и речек, кроме малых источин, не имеется; коренья, травы, сланец, березник и камыш, как и на прочих островах, из зверей лисицы бурья, сиводущатья и красныя, весьма недобротия, есть морские бобры, сивучи и нерпы, только мало... 17-й остров Чирпой разстоянием в длину до 15 верст, разделяется на два проливом версты 4, в котором близ берега кекуры, где плодятся ары и топорки... На первом острове, по тамошнему названию Репунки-Чирпой (на курильской стороне), сопка горелая, с которой камня по всему острову; мыс того острова высокий, кругом его утес вытянулся к проливу 16-го острова, по тамошнему называется Тонукарасы, а по переводу значит “что смотрят с него чрез пролив”; там на высоком месте, в память моего (Чернаго) там бытия, поставлен деревянный крест с надписанием года месяца и числа... На острове лисиц красных, бобров и нерп весьма мало черемша и коренья, что на прочих, а леса, кроме прутника рябиноваго не имеется... 18-й остров по курильскому названию Уруп, по переводу значит, что, в состоящем посредине острова на северной стороне озера, называемом Топо, имеется рыба красная... На острове имеются лисицы бурья, сиводущатья и красныя, добротою плохия, а по восточной стороне – бобры и нерпы, и для ловли их в летнее время приходят сюда с 19-го острова мохнатые курильцы. Лесу березоваго и таловаго, годнаго для строения тамошних юрт, довольно, а прочий лес, как и на других островах; для пищи кореньев, трав и пучек, в том числе на лопатке морковных, довольно; только ягод кроме почти одной рябины, нет... 19-й остров Эторпу в длину, например, верст 300 с прибавою потому, что, по объявлению тамошних мохнатых главных курильцов, тот остров (с места, до котораго доходил Черный) будет еще разстоянием дальше того, как отстоит от того 19-й остров.... На северной стороне острова имеется пристань байдарная, называемая по-курильски Камуи-вамкуин потому, что в ней имеется ключ кислой и вонючей воды, которую и пить невозможно, но курильцы употребляют ее в питье вместо вина, и жертву по своему обычаю ей приносят. От той пристани вперед, разстоянием верст

10, речка по курильскому званию Нинепет, потому что тут бухта дресвяная, где и жительство мохнатых, да другая речка, павшая из озера Кимуято, и при ней бухта же песчаная, а живет тут лучший князец Цета окайку камуини амии с родниками... А по объявлению князцов, по острову по разным местам, и к лопатке к 20-му острову, и вокруг острова по восточной стороне живут мохнатые только не многолюдно;... Лучшие князцы, о коих выше объявлено... объявляли: имеют-де они на 18-м острове ловлю морских бобров в летнее время гоньбою, и с промысленными бобрами в другое лето перегребают в байдарах на 20-й остров Кунасыр и даже до 22, Аткаса, куда приходят два судна японския: а ныне, в недавних годах, и на 20-й остров стало одно судно японское ходить. Суда против российских промысленных, кои они видали, не весьма велики; Живут японцы на тех островах судами месяца по два и ожидают мохнатых курильцов с разных островов, и когда по приходе их поторгуются, тогда и отходят обратно; а покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп черных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азамы, тумикамеи серебрянные и зеленой меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры; а из других зверей никаких не покупают, и для того курильцы, кроме бобров и хвостов Орловых, никаких больше зверей и не промышляют».

А вот подробности того похода из популярного журнала «Вокруг света»: «В 1766 году по указанию сибирского губернатора к южным Курильским островам были отправлены тойон (вождь) с острова Парамушир Никита Чикин и сотник с Камчатки Иван Черный. Им надлежало “уговаривать курильцев в подданство, не оказывая при том, не только делом, но и знаком грубых поступков и озлобления, но привет и ласку”. Чикин сам был из “мохнатых” и легко находил общий язык с соплеменниками, но, к несчастью, на Симушире он скоропостижно умер и во главе партии встал Черный. Сотник прошел до 19-го острова (Итурупа), попутно силой приводя в подданство “мохнатых”. От них он узнал, что на 20-м (Кунашире) у японцев имеется крепость. Во время зимовки на 18-м острове (Урупe) Черный

пил, браконьерствовал и издевался как над своими спутниками – как над казаками, так и над “мохнатыми”. В обратный путь сотник забрал с собой “сошлых” (беглых) курильцев, причем держал их на судне связанными, отчего многие погибли. “Подвиги” Черного не остались незамеченными, он попал под следствие, но умер в Иркутске от оспы. Озлобленные действиями Черного и других купцов, “мохнатые” в 1771 году взбунтовались и перебили многих русских на островах Чирпой и Уруп» (2008 г., № 1).

Но у нас имеются совсем другие сведения о судьбе отставного сотника Ивана Черных.

В 1771 г. он вновь попадает на страницы мировой истории, но уже не по воле службы, а в силу своего характера – будучи уже в отставке он попытался в единственном числе, взявшись за оружие, противостоять тем, кто устроил знаменитый Большерецкий бунт (подробнее об этом в романе-исследовании «Встречь солнцу», здесь же мы даем цитату из очерка А. С. Сгибнева «Ссылные на Камчатке в 1760–1770 гг.»: стр. 536–539): «Покончив с Ниловым бунтовщики пошли в Большерецкую канцелярию, где собрались все остальные приверженцы Бенъевского и откуда он делал все распоряжения. Главным его помощником был швед Винблан, который с пьяною ватагою рабочих отобрал у казенного цейхгауза и амбаров порох, артиллерийские припасы и снаряды, ясачную казну, провиант и другие припасы, которые им были пригодны для предстоящего плавания. На разсвете подошли к дому отставного сотника Черных, в котором находились лавки купца Казаринова с ружьями, свинцом, разными железными изделиями и продовольственными припасами, присылные: немец Август (Винблан), Степанов, Панов, Батурин, Хрущов и штурман Чурин с 20-ю злоумышленниками, вооруженные пистолетами и обнаженными саблями. Сперва они стучали в дверь и окна дома, требуя, чтоб их пустили, но когда им было в этом отказано, взяли большое бревно и выломали им дверь. Хозяин дома, Черных, чтобы напугать их, выстрелил из ружья холостым зарядом. Пьяный Винблан, разсерженный этим поступком, приказал зажечь дом со всех сторон и стрелять в

него из пушки, поставленной в 10 сажнях от дома. Но Панов и Хрущов остановили это распоряжение, и тогда Винблан и рабочие Холодилова стали стрелять в окна, не причинив, впрочем, никому из жителей дома вреда. Одному только купцу Казаринову опалило лицо. Казаринов вышел в сени для переговоров с бунтовщиками, но они встретили его неприязненно и присыльный Лапин с другим рабочим бросились на него с намерением застрелить. Панов и на этот раз успел отклонить убийство и распорядился только связать Казаринова и отправить под арест в Большерецкую канцелярию, при которой и находилась гауптвахта. Приказание это исполнил Чулошников со своими рабочими. Когда Казаринова вели под арест, то он заметил, что между канцелярией и домом Черных было поставлено две пушки, мортира и несколько ружей в козлах, кроме той пушки, которая стояла на лафете у самого дома Черных. На гауптвахте Казаринов нашел своего однофамильца, тотемца Василия Казаринова, штурмана Софьина, штурманских учеников Измайлова и Зябликова, канцеляриста Спиридона Судейкина, сержанта Лемзякова и пятидесятника Потапова. У всех у них были связаны руки назад ремнями. После Казаринова привели на гауптвахту казаков Черных и купца Шапкина. Караул состоял из рабочих Холодилова, а начальником караула, по прибытии туда Казаринова, вступил Панов; часовые у дверей стояли с примкнутыми штыками и с заряженными ружьями. К вечеру того же дня Казаринова заковали в ножные кандалы, а казака Черных, кроме того, приковали к стене.

На другой день утром привели под арестом солдата Матвея Самойлова, который объявил всем арестованным, что бунтовщики приказали ему сделать гроб убитому Нилову, но он, израненный во многих местах труп покойника, а на полу лужи крови, отказался от работы, за что его и арестовали. Вслед за ним пришел на гауптвахту Винблан и прибил Самойлова прикладом ружья за ослушание, а находившийся с Винбланом промышленник Шибаев, кроме того, ударил Самойлова несколько раз по лицу. Весь день 27-го апреля рабочие ходили по обывательским домам и обирали все, что было им пригодно, а защищавших свою собственность били нещадно. К вечеру около гаупт-

вахты по распоряжению Виблана было поставлено шесть пушек, заряженных ядрами и картечью. Две из них стояли против окон, а остальные в простенках. До 29-го апреля, по распоряжению Бенъевского, на р. Большой изготовлялись паромы на батах, отобранных у обывателей города, и шла погрузка на них разных судовых и продовольственных припасов. На одиннадцати паромах было погружено: 3 пушки, мортира, порох, ядра, свинец, ружья и другое оружие, топоры, железо, кузнечные, столярные и слесарные инструменты, холст, разные шелковые и шерстяные материи, серебряная и медная монета, 848 сыромятных сумок муки, вино и вообще полное двухгодичное укомплектование судна и разграбленное имущество частных лиц. 29 апреля бунтовщики перебрались на паромы, взяв с собою всех арестованных на гаутвахте, кроме штурмана Софьина, и оказавшихся в наличности большерецких казаков, для сплава паромов и предстоящих работ по снаряжению судна к плаванию. Того же числа во втором часу пополудни, паромы отвалили от берега и пустились по р. Большой к ее устью, где в гавани Чекавка обыкновенно зимовали казенные суда. При отплытии своем из Большерецка, Бенъевский поручил заведывание делами Большерецкой канцелярии штурману Софьину, тому самому, которому были поручены эти дела и выбором народным. К ночи плоты остановились на ночлег около Камчадальского – Катиновского острожка, а в 5-м часу 30-го апреля прибыли на Чекавку. Здесь в это время находились два амбара для хранения судовых запасов и сторожевская изба, где сгрузя все с паромов на берег, разставили палатки, в которых жили до изготовления судна. В гавани стояли в это время два гальота: “Св. Петр” и “Св. Екатерина”. Первый, как более благонадежный, был назначен к вооружению. Судно было еще во льду, а потому пришлось его окалывать. Но работа эта, как и само вооружение, шла так быстро, что ко 2-му маю его вывели уже из гавани к самому устью р. Большой, совсем готовым к отплытию. Другой же гальот служил тюрьмою для арестованных лиц, которые и здесь находились под строгим караулом. Но когда судно “Св. Петр” было вооружено, то их переместили на это судно.

Главные зачинщики бунта нисколько не стеснялись в своих разговорах присутствием лиц, не участвовавших в заговоре. Купец Казаринов, боцман Серогородский, сержант Данилов и казак Черных на следствии показали, что Винблан, Батулин, Степанов и Панов разсуждали на палубе о том, каким бы образом освободить жителей Камчатки от грабительства и жестокостей местного начальства. Винблан говорил, что в испанских колониях встречается крайний недостаток в рабочих руках и что им следует озаботиться присылкою оттуда в Камчатку одного большого фрегата с ботом, могущим входить во все камчатские гавани, затем забрать всех жителей и доставить на принадлежащие Испании острова, где они будут пользоваться полною свободою и всеми удобствами в жизни. По его же словам, фрегат мог бы остановиться, в ожидании переселенцев, в Петропавловской гавани и получить с судна “Св. Петр” самые подробные карты заливов и бухт камчатского побережья. Рассказы эти, как мы увидим ниже, сильно встревожили сибирское начальство. (12 мая судно вышло в море) ...14 мая возвратились из Чекавки в Большерецк все находившиеся у Бенъевского под арестом жители Большерецка».

Вполне возможно, что сведения о содержании Черных под стражей в Иркутске связаны с его сыном – Никитой Ивановичем Черных. Именно он стрелял по бунтовщикам и был арестован Бенъевским вместе с отцом. Никита был ларешным казаком – то есть торговым казаком и заведовал лавкой купца Казаринова в Большерецком остроге. Вот и подробности у А. С. Сгибнева: «Был арестован вместе с отцом, но его не увозили в Чекавинскую гавань. Бунтовщики забрали 217 рублей из лавки... он был в числе 27 арестованных “за неисполнение долга”, которые были доставлены по делу о бунте в Иркутск и два года провели в тюрьме. По итогу расследования “не соблюдившим долга своего вменить в наказание двухлетнее их заключение и снова привести к присяге”».

Леонтий Черных. Первым священником из рода казаков Черных стал Георгий Леонтьевич Черных.

«Священник Георгий Черных, сын отставного Большерецкого казачьего пятидесятника Леонтия Черных. Обучался в большерецкой школе до июня 1757 года. С сего времени начальником миссии Пахомием принят в клир, а 20-го января 1771 года в Иркутске рукоположен во священника епископом Софронием за 10 дней до кончины сего святителя, и потому был последним из рукоположенных им. Определен к большерецкой церкви на место умершего Логинова, где скончался 18 мая 1786 года» («Труды Киевской духовной академии», Киев, 1861 г. Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей»).

И так же, как Логиновы-Лонгиновы, на место патриарха рода которых заступил будущий патриарх рода камчатских священнослужителей Черных, потомки Георгия Леонтьевича также оставили большой след в своей просветительской деятельности на северо-востоке России.

Кстати, некая преемственность или предопределенность связей этих фамилий сохранялась долгое время и в Большерецке: Черных Порфирий, староста с. Большерецка.

В 1837 году избран старостой с. Большерецка вместо смещенного за поведение Николая Логинова (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 103). Черных Георгий Алексеевич Пономарь, 1812 г., 18 лет, Нижнекамчатск (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4).

Самым же известным на Севере представителем рода Черных был тауйский протоиерей Илларион Черных. Об этом пишет Вадим Силантьев в газете «Регион» (<http://www.kolyma.ru/magadan/history/xpam.shtml>):

«Земли Колымской территории, где в 1939 г. вырос г. Магадан, долгое время оставались не заселены русскими. Хотя есть гипотеза, что еще в 1639 г. здесь побывал исследовательский отряд казаков Москвина... Однако в ближайших окрестностях, это по меркам нашего северо-востока 150–300 км и больше, периодически возникали русские поселения либо казачьи крепости. В те далекие годы семнадцатого столетия служилые казаки-землепроходцы возводили свои крепости-остроги как форпосты Российского государства во вновь осваиваемых землях. Остро-

ги те также являлись и местом сбора ясака с аборигенного населения. Строя крепости, казаки наряду с жилыми казармами, арсеналами и складами сразу возводили часовни. История сохранила немало имен казаков-воинов, впоследствии ставших православными священниками или монахами (один из них – Иван Козыревский, открыватель Курильских островов). Первые часовенки в окрестностях Магадана возводились в форпостах Мотыклей, Тауйск, Ямск (XVII–XVIII вв.). Впоследствии в Тауйске и Ямске были сооружены здания православных церквей. Упомянем о том, что очень часто на Земле Колымской церкви перестраивались из уже существующих часовен. Нужно добавить, что нередко, в 18–19 столетии в некоторых Магаданских храмах не было постоянных священников, а службы совершались от случая к случаю, когда эти края посещали миссионеры либо соседние иереи. Доподлинно известно, что в XVIII в. ближайшая к еще не возникшему Магадану православная церковь находилась в городке Гижига. Однако в XIX веке в окрестностях Магадана построены четыре новые церкви: тауйская (1839 г.), ольская (1895 г.), арманская и ямская (конец 19 столетия). До этого в Тауйске постоянно стояла православная часовня – последний раз она возводилась в 1820 г. (северные церкви и часовни частенько горели). В Оле и Армани первые часовни построены только в пятидесятые годы XIX в., так как селения долгое время оставались сугубо туземными и русские в них проживали непостоянно (купцы или полицейские чины, иногда – ссыльные). Правда, те часовни были весьма крупных размеров, со святыми престолами, то есть здесь можно было совершать православные службы. Поэтому в народе первые ольская и арманская часовни величались церквями. О существовании же часовенки в Ямске еще в 1743 г. упоминает в своих записках российский ученый исследователь Я. И. Линденау.

Самая первая православная церковь магаданских окрестностей, о которой хорошо известно из сохранившихся архивных документов, построена в селе Тауйск. В 19 столетии этот населенный пункт еще именовался “крепосца”. По преданию, на месте будущего храма была найдена икона Покрова Божией Матери, которую обрели каюры, проезжавшие по Гербейс-

кой дороге. Тауйская Покровская церковь, выстроенная местными жителями, освящена в 1839 г. Ее первым священником стал отец Степан (Попов), прибывший из города-порта Охотск. Первые тауйские причетники – дьяк Михаил Протопопов, также прибывший из Охотска, и дьяк Петр Винокуров, присланный из якутского Богородского храма. Церковным же старостой избран местный колымский казак Логгин Максимович Крымский. Однако то здание Покровской церкви переоборудовали из уже упомянутой нами часовни. Поэтому в 1843 г. тауйцы всем миром взялись за возведение нового храма. И вновь руководит строительством казак Логгин Крымский, на протяжении 19 лет – бессменный церковный староста. Освящал новый храм 5 (17) марта 1847 г. во время своего второго путешествия по Охотскому побережью легендарный святитель Иннокентий (Вениаминов), апостол Сибири и Америки.

Второй тауйский иерей о. Илларион (Черных) прибыл в селение в 1846 г. из Русской Америки.

В 1889 году и жители села Ола взялись за сооружение православного храма. К тому времени они все были крещеными и твердо держали знамя Православной Веры. Строительство то для бедного национального поселка было весьма нелегкой задачей – не было ни толковых мастеров, ни хороших строительных материалов. Но северяне – народ дружный. Весьма обрусевшим ольским инородцам помогали в меру сил тауйцы... К 1895 г. возведение Ольской церкви Богоявления Господня практически завершено. И первый местный священник о. Владимир (Михальчук) просит у епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского Макария (Дарского) освятить новый православный храм, не дожидаясь окончательного завершения строительства.

Практически сразу в доме священника открывается и школа, где юные эвены, якуты и коряки обучались русской грамоте, арифметике, рукоделию, рисованию и обязательному православному хоровому пению, чтобы правильно петь на клиросе. Подобное практиковалось и в Тауйске, и в Армани, и в Ямске. Уже в 1909 г. в Оле, согласно церковным документам, насчитывается шесть лиц духовного звания – это при населении поселка

в 122 человека. А в здании самой церкви красуется полотняный иконостас, привезенный из Москвы. Он был приобретен на деньги крещеных туземцев-кочевников, братьев Иннокентия и Михаила Хабаровых, весьма состоятельных людей.

Кстати, чуть раньше Ольского храма построена в окрестностях Магадана (дальних окрестностях), близ урочища Сеймчан, большая часовня со святым престолом, при которой постоянно проживал и совершал православные службы иеромонах Парфений... Дошли до наших времен имена некоторых священнослужителей XIX – начала XX века, беззаветно трудившихся на суровой земле Колымской: Тауйские церковнослужители – священник о. Николай (Черных), дьяк Леонтий Черных, пономарь Исай Черных. Все они – дети второго тауйского иерея о. Иллариона. Ольские церковнослужители – священник о. Иоанн (Поваренов) – родом из Пензенской губернии, иерей о. Иннокентий (Машин) и еще один священник о. Иннокентий (Попов). Марковские церковнослужители – священник о. Митрофан (Шипицин) и церковный учитель Афанасий Дьячков, чуванец по национальности.

Есть у тауйских старожилов и местное народное предание о тауйской чудотворной иконе Покрова Божией Матери. Святой лик Покрова Божией Матери вынесло к селению море (начало XIX в.). Он постоянно украшал местный храм, а в скором времени жители заметили, что икона творит чудеса. Тогда-то у тауйцев и сложился обычай в день обретения иконы выходить с ней крестным ходом, совершая обход вокруг селения, и обязательно выходить на берег моря. Тауйская Богородица надежно оберегала сельчан от наводнения и всевозможных эпидемий.

В начале XX века во времена Камчатского епископа Нестора (Анисимова) и, скорее всего, при его курировании возили икону на реставрацию в Петербург, где к изображению Богородицы добавили несколько ликов святых и сделали золотой оклад... Когда же к власти в России пришли большевики, а Тауйская Покровская церковь была закрыта (коммунисты сначала устроили в здании церкви клуб, а потом склад), чудотворную икону укрывают родственники одного из местных иереев... И ныне, в 2002 году, спасенная чудотворная икона Покрова Божией Ма-

тери находится в частных руках... Православные церкви на освобожденной от атеистического безбожия земле Колымской строятся вновь. Это уже не простенькие бревенчатые строения, а каменные монументальные храмы».

Есть сведения, что Черных Алексей, дьячок Петропавловского собора, был награжден за участие в обороне Петропавловского порта в 1854 г. (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105). Вполне возможно, что Петр Алексеевич Черных, который в 1880-х гг. служил в Ольской Благовещенской церкви, а с 1895 по 1907 гг. – в Гижиге, в Корякской походной миссионерской церкви, родственники. Петр Алексеевич был потомком Иллариона Леонтьевича Черных, протоиерея, прослужившего в Тауйской церкви 23 года. Вполне возможно, что это династические ветви, как и у камчатских священнослужителей Логиновых-Лонгиновых, являющихся представителями одной камчатской династии священнослужителей.

С 1893 по 1917 г. – священником Ямской Благовещенской церкви был Черных Петр Ксенофонович.

Данила Черных.Его судьба неизвестна. Как судьба многих других казаков. Фамилии Черных нет в списке казаков Большерецкого острога, которые были наказаны по результатам следствия о причинах Харчинского бунта, хотя в том списке фамилии патриархов многих камчатских родов. Возможно, Иван, Леонтий и Данила Черных прибыли служить на камчатскую землю после трагических событий 1731 г., но многие из их потомков продолжали служить Отечеству вплоть до 1917 г. Часть из казаков Черных была переведена в мещанское сословие (те, кто проживал в Петропавловске), кто-то, как мы уже знаем, стал миссионером. Много представителей этой фамилии было и в числе людей, служивших в Камчатском гарнизонном батальоне, часть из которых могла остаться потом в Петропавловске и его окрестностях, как петропавловские мещане (например, селениях Халактырка, Николаевское, где мы встречаем эти фамилии в «Исповедальных росписях» камчатских церквей за 1893 г.).

Некоторые из отставных казаков Черных, наоборот, поселились в селениях аборигенов – например, в селении Апача и, будучи уже гражданскими лицами, добивались новых успехов, например: Черных Ефремей Прокопьевич был награжден серебряной медалью «за заботы об Апачинской школе и за прекрасное ее состояние. (1905 г.)» (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129). Добавим к этому, что один из камчатских казаков Черных стал не только «ларешным казаком», как Никита Иванович Черных, но даже профессиональным агрономом, получив соответствующее образование (см. очерк «Земля камчатская»).

Фамилия Черных при крещении по духовному наследству перешла и к аборигенам – например, из Седанкинского острожка камчадал Черных Алексей Петрович в 1773 г., будучи в числе промышленников на судне «Св. Евпл», осваивал Русскую Америку, ведя зверобойный промысел на Алеутских островах (Макарова Р. В. «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века», М., 1968 г.). Камчадалы Черных проживали и в селении Козыревск.

Многие из них – и камчадалов, и русских – приняли участие в обороне Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Черных Иван и Александр (Петропавловская дружина). Об Иване нам известно следующее: Черных Иван Васильевич, петропавловский мещанин, 33 года, сочетался первым браком 15 июля 1907 г. со вдовой камчадала Воровского селения Евдокией Ивановной Спешневой (34 года). Что же касается Александра, то мы тоже находим некоторые данные о нем: у Николая Павловича Черных был в 1893 г. семилетний сын Александр, который в 1904 г. достиг совершеннолетия и вполне мог быть участником военных событий. Правда, в Петропавловске в тот период был еще один Александр Черных. Но о втором мы расскажем чуть ниже.

Еще один Черных – Алексей – принимал участие в захвате в плен командира японского десанта Сечи Гундзи, представлен к награде, но почему-то ее не получил. (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129.) Место жительства в документах не было указано, но,

скорее всего, это Алексей Алексеевич Черных – тоже казак из Петропавловска. Сохранились некоторые архивные данные о нем: Черных Алексей Алексеевич, казак Петропавловской казачьей команды, 25 лет. Вступил в брак 7 января 1904 г. Невеста – дочь льготного казака Петра Ивановича Киренского – девица Варвара, первым браком, 20 лет. Поручители: по жениху – Петропавловский мещанин Михаил Петрович Корякин и кантонист Петропавловской казачьей команды Василий Александрович Крупенин. по невесте – урядник Петропавловской казачьей команды Петр Иннокентьевич Толстихин и Петропавловский мещанин Николай Николаевич Мутовин. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1904 г., ГАКК.) Есть еще одна дополнительная информация: у вдовы канцелярского служителя Ирины Константиновны Черных был сын Алексей, 1881 г. р., судя по возрасту, это один и тот же человек, судя по запросам в ГАКК, род Алексея Черных был продолжен: Черных Мария Алексеевна. Род. 22 января 1909 г. Родители – казак Петропавловской казачьей команды Алексей Алексеевич Черных и законная жена его Варвара Петровна. Восприемники – псаломщик Петропавловского собора Владимир Гулианович Закряневский и жена льготного казака Федора Трифионовича Черных Домника Дмитриевна. Особенно обращаем внимание на фамилию крестной матери, как правило, крестными становились или родственники, или друзья. А с Федором Трифионовичем мы еще встретимся.

Впрочем, у Ирины Константиновны был еще один сын – Александр, 1883 г. р., который также мог принимать участие в боевых действиях.

Есть еще одна версия – у вдовы казака Улиты Александровны Черных, проживавшей в селении Халактырка (и являвшегося пригородом Петропавловска), тоже в 1893 г. было два сына – Алексей (15 лет) и Александр (13). Вполне вероятно, что именно дети покойного казака должны были стать не мещанами (как потомки канцелярского служащего), а казаками. Поэтому вполне возможно, что Алексей Алексеевич Черных выходец из этой семьи. Что же касается Александра, то пока слишком мало материала, чтобы делать какие-то определенные выводы. При этом

мы также не можем сказать определенно, кто же конкретно из Алексеев и Александров Черных принимал участие в боях с японцами.

Первоначально мы вообще предполагали, что Алексей – житель селения Апача, как и его возможный односельчанин Степан Черных, принимавший 6 июня 1905 г. участие в захвате японской шхуны на Западной Камчатке в районе реки Озерной, где отличился в 1904 г. и Алексей (см. очерк «Хроника неоконченной войны»). Но сохранились сведения о том, что в этом селении Апача, по данным на 1893 г., проживала только одна семья отставного казака Черных – Ефима Трифоновича, 47 лет. Дети: Илья – 14 лет, Стефан (Степан) – 12, Евфим – 8, Трифон – 1, Евдокия – 3 (Исповедальная книга Большерецкой церкви, 1893 г., ГАКК).

Участниками обороны Камчатки были также Петр и Николай Черных (Сероглазка). Петр – из семьи отставного казака Евграфа Трифоновича Черных, в 1893 г. которому было 46 лет. Дети: Надежда (15 лет), Екатерина (9), Петр (6), Параскева (2) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК). Более того, скорее всего, Степан и Петр Черных – двоюродные братья, а их отцы – Ефим Трифонович и Евграф Трифонович – родные (плюс Дормидонт Трифонович, самый старший из них, который также жил со своей семьей в одном доме с Евграфом Трифоновичем в Сероглазке, а судя по истории с крещением Марии Алексеевны Черных, был и четвертый, самый младший, брат – льготный казак Федор Трифонович, который также жил в Сероглазке с женой Доминикой Дмитриевной). Об этом говорит не только общее отчество, но и возраст с характерной разницей для старших, средних и младших братьев, а также и то, что все четверо – казаки. Позже нам удалось отыскать в селении Николаевском и пятого брата – Черных Гавриила Трифоновича, кантониста казачьего ведомства, 43 года (в 1893 г.). Жена: Параскева Ивановна (32). Дети: Степан (14), Варвара (11), Агриппина (8), Александр (3), Петр (полмесяца). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

Что же касается Николая (Алексеевича?) Черных то сведений о его происхождении нам по тем же источникам найти не

удалось. Но удалось найти эти сведения по совершенно другим, но тоже общим для Петра и Николая, источникам. Вот как сложилась дальнейшая судьба двух героев обороны Камчатки из казачьего селения Сероглазка:

Черных Николай Алексеевич. 1887 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка. Арест: 04.05.1934. Осужд. 22.12.1934, тройка при НКВД по ДВК. Обв. по ст. 58-2-13 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 22.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Черных Петр Евграфович. 1887 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: 3 класса городской школы; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Усть-Большерецкий р-н (неверно – Усть-Камчатский. – С. В.), с. Камаки. Арест: 19.06.1934. Осужд. 02.01.1935. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 27.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Политические репрессии коснулись судьбы и некоторых других представителей этой камчатской фамилий:

Черных Максим Степанович (сын участника обороны Камчатки Степана Черных, из семьи отставных казаков Черных, проживавших в с. Апача). 1911 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Апача; русский; образование: неграмотный; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза им. Рябикова; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Апача. Арест: 27.02.1938. Осужд. 15.04.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения Расстр. 30.05.1938. Реаб. 27.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Остальные из этого списка, вероятно, были из семей камчатских и колымских священнослужителей:

Черных Иван Петрович. 1882 г. р. Место рождения: ДВК; камчадал. Арест: 1934. Осужд. 13.03.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв. 58. Расстр. 27.03.1938. Реаб. 11.05.1989.

Черных Александр Леонтьевич. 1886 г. р. Место рождения: ДВК; камчадал. Арест: 1935. Осужд. 13.03.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв. 58. Расстр. 27.03.1938. Реабилитирован в апреле 1989 г.

Черных Никита Алексеевич. 1893 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана; русский; образование: низшее; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 14.07.1938. Осужд. 07.09.1940, Корякский окрсуд. Обв. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 6 лет с поражением в правах на 3 года. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 21.02.1990. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Черных Алексей Никитович (видимо, сын). 1918 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: низшее; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза им. Рябикова; место проживания: Усть-Больше-рецкий р-н, с. Апача. Арест: 14.07.1938. Осужд. 07.09.1940, Корякский окрсуд. Обв. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: к 2 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 21.02.1990. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Есть еще один представитель этой фамилии, который ценой собственной жизни заплатил за уголовное преступление, которое квалифицируется как непредумышленное убийство – Павел Дмитриевич Черных, потомок петропавловского мещанина Дмитрия Николаевича Черных и ключевской крестьянки Варвары Павловны Юрьевой. Нам пока неизвестно, почему и когда появились петропавловские мещане Черных. Вот, что писала по этому поводу о фамилии Черных в Петропавловске в начале XX века одна из исследовательниц: «Среди Черных подавляющее большинство – казаки, за исключением трех редких случаев, где они указаны мещанами». (Сесицкая А. С. «Население Петропавловска в начале XX века», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 189).

Мы нашли по данным на 1893 г. только двух представителей этого рода: семья Николая Павловича Черных, 38 лет, жена Параскева Константиновна, дети: Павел (13), Александр (7), Параскева (4), Феоктиста (1). Но Дмитрия Николаевича среди них не было. Среди петропавловских мещан числился и Николай Осипович Черных (38 лет), но он был без семьи. Вполне возможно, что семья Дмитрия Николаевича Черных в это время проживала в Нижнекамчатске, на малой своей родине, куда они периодически выезжали. Об этом имеются свидетельства. Если первая дочь – Евстолия – родилась в Петропавловске, и у нее не было ни одного местного восприемника. Род. 9 ноября 1905 г. Родители – Петропавловский мещанин Дмитрий Николаевич и законная жена его Варвара Павловна. Восприемники – псаломщик Петропавловского собора Николай Константинович Логинов и жена крестьянина Тимофея Вигиркина – Анастасия Яковлевна. Св. Иван Гуляев (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1905 год, ГАКК), то сын Александр родился уже в Нижнекамчатске. Черных Александр Дмитриевич, род. 5 августа 1914 г. Родители – проживающий Петропавловский мещанин в Нижнекамчатском селении Дмитрий Николаевич Черных, законная жена его Варвара Павловна. Восприемники – крестьянин Нижнекамчатского селения Кирсанф Васильевич Петров, вдова Анна Павловна Портнягина. Св. Гер. Коллегов. (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1914 год, ГАКК.)

Отсюда возникает вопрос – не являются ли петропавловские мещане Черных потомками тех военных, что служили в Нижнекамчатске в Камчатском гарнизонном батальоне (Сомовском полку) и остались на Камчатке после расформирования этого полка? Батальон формировался, в том числе и из уроженцев Камчатки (тех же казаков). А среди нижнекамчатских военных фамилия Черных встречается не менее часто, чем, например, фамилия петропавловских мещан Расторгуевых, Белокопытовых или Мутовиных.

Данные на 1812 год:

Черных Гавриил Егорович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 36 лет.

Черных Прокопий Васильевич, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 37 лет.

Черных Семен Михайлович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 32 года.

Черных Кузьма Николаевич, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 13 лет (воспитанниками становились и дети камчатских казаков, которые после достижения 18 лет записывались в солдаты).

Черных Семен Николаевич, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома, 17 лет.

Последние, явно, братья. И, возможно, именно они и были после расформирования полка записаны сначала в нижнекамчатские мещане (до той поры пока Нижнекамчатск был городом), а потом – в петропавловские? И, наверное, не случайно, что петропавловский мещанин Дмитрий Николаевич Черных выбирает себе жену из ключевских крестьянок, как это традиционно делали нижнекамчатцы, живет в Нижнекамчатске, и крестных для своих детей выбирает из местного, родного себе, окружения.

Но вернемся к той трагедии на охоте, которая привела в конечном итоге к гибели Павла Дмитриевича Черных.

«Брата Ксенофонта убили в 1937 г., 4 декабря. Двоюродный брат Черных Павел в него сзади из винтовки выстрелил. Тот приподнялся с колена, и Павел ему в голову попал. Павел получил за неосторожность три года тюрьмы. А потом кирпич с завода взял, его поймали и на фронт, на передовую отправили, где он и погиб», – вспоминала Полина Ксенофонтова Михайлова («Воспоминания старожилов долины реки Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 2001 г.).

Павел Дмитриевич Черных, рядовой, 1912 г. р., призванный Усть-Камчатским райвоенкоматом, прошедший через штрафбат, погиб в феврале 1943 г.

Брат Павла – Георгий Дмитриевич, тоже уроженец Нижнекамчатска, многие годы проработал поваром в рыболовецкой бригаде на Втором (Усть-Камчатском) заводе. Его сын – Петр Георгиевич, некогда главный технолог крупнейшего на Камчат-

ке рыбопромышленного предприятия – УТРФ, посвятил отцу свои стихи:

На косе у Устья,
Где течет река,
Разложили невод,
Словно два крыла.

Рыбаки чинили
Невод допоздна.
А отец готовил
Ужин у костра.

Он рубил дровишки,
Шурудил костер,
Первое, второе
Подавал на стол.

Рыбаки гордились
Поваром своим
И весь день трудились,
Не жалея сил.

У Георгия Дмитриевича пятеро детей, из них двое сыновей, которые сохраняют родовую свою фамилию – Петр и Валерий Черных, а также сын Валерия Георгиевича Павел и внук Антон.

И огромное количество родни. Практически по всей Камчатке, по всей России и далеко за ее пределами. Близкой и далекой. Известной и неизвестной. Кровной и духовной.

Этот род – корень земли камчатской. Надежный и крепкий. И я могу это подтвердить лично – мы дружим с Валерием Георгиевичем уже более пятидесяти лет.

ЧЕРТОВСКИЕ

Камчатские казаки. Макар Чертовский, кантонист, был участником обороны Камчатки в 1904–1905 гг. в составе Тигильской дружины.

Вот некоторые подробности о его семье.

Чертовский Макар Пр. Кантонист, 22. Дети: Валериан (1), Леонтий (1) (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК).

ЧЕТКИНЫ (ТЕСКИНЫ)

Мы узнали о существовании этой фамилии из одного случайного документа. Но других сведений пока не имеем.

Уваровская Домника Феодотовна. Род. 5 января 1910 г. Родители – камчадал Ичинского селения Феодот Михайлович Уваровский и законная жена его Евгения Стефановна.

Восприемники – камчадал Ичинского селения Федор Митрофанович Четкин и камчадальская девица того же селения Анастасия Алексеевна Четкина. Свящ. Николай Корякин (Метрическая книга Облуковинской церкви за 1910 год, ГАКК).

Вероятно, это искаженное написание фамилии Тескин, Тезкин (вариант Гешкин).

ЧЕЧУЛИНЫ

Сведения о посадском человеке Чечулине мы нашли в «Описании земли Камчатки» (М-Л, 1949 г., стр. 665) С. П. Крашенинникова: «Букрач речка (Букрич, в районе бывшего села Камаки. – Ред.) от острожка верстах в 2, вышла с левой стороны верстах в 25 из болот и впала в Камчатку против, против сей речки на правом берегу Камчатки есть (летовье) посацкого человека Чечюлина; немного ниже Чечюлина летовья впала в Камчатку с правой стороны Холелюажчь речка, верстах в 20 из болот».

Посадский человек – это мелкий торговец, который занимался меновой торговлей с аборигенами, промышляя пушниной, и в этих целях передвигался по Камчатке вместе с отрядами сборщиков ясака или представителями партии миссионеров, участвуя вместе с ними в крещении «иностранцев» в качестве крестного родителя и распространяя свою фамилию по всему северо-восточному побережью полуострова (Карага, Ивашка, Дранка, Ука, Кичига, «оленокочующие аlyторцы»).

ЧИРИКОВЫ

Мы находим это камчатское имя в «Записках...» А. С. Пушкина:

«§ 27. Казаки были в малолетстве и принуждены были быть осторожны. Они до времени оставили изменников в покое. Они дали знать о том, однако ж, в Якутск (?). Печальные сии известия заставили правительство вспомнить об Атласове; он был освобожден и отправлен на Камчатку; ему возвратили преимущества, данные ему в Москве от сибирского приказа в 1701 году. Ему дана полная власть над казаками (кнут и батожье). Велено прежние вины заслуживать, обид никому не чинить и противу иноземцев строгости не употреблять, коли можно обойтись ласкою. За преступление наказов объявлена ему смертная казнь. У Атласова было 2 пушки.

§ 28. Но Атласов не доехал еще и до Анадырска, как уже все почти казаки послали на него челобитные, выведенные из терпения его самовластием и жестокостию. Однако ж он благополучно прибыл на Камчатку в июле 1707 году и от заказчиков вместе с ясачною казною принял и начальство над острогами.

§ 29. Немедленно (в августе того ж году) Атласов отправил на Бобровое море семьдесят человек казаков под начальством Ивана Таратина для наказания убийц ясачных сборщиков. Поход их продолжался до 27-го ноября. От Верхнего Острогу до Авачи они шли без сопротивления; но близ Авачинской губы на ночлеге впервые встретили их камчадалы. Врагов было до 800. Произошло сражение. Камчадалы были рассеяны – у казаков убито шесть человек. Камчадалов в плен взято три человека; чрез них собран ясак (IV, 200). После того Таратин возвратился в Верхний Острог с ясаком и с заложниками.

§ 30. Избалованные потворством своих начальников, казаки не могли вынести сурового управления Атласова. В декабре 1707 года они взбунтовались, отрешили его от начальства, а в оправдание свое написали в Якутск длинные жалобы на обиды и преступления, учиненные Атласовым (см. IV, 201).

§ 31. Бунтовщики на место Атласова выбрали Верхнего Острога приказчика Семена Ломаева (см. выше). Атласов посажен в казенку (в тюрьму), и пожитки его взяты ими в казну (сколько? – см. 203).

§ 32. Атласов бежал из тюрьмы и явился в Нижний Камчатский Острог. Он потребовал от заказчика Федора Ярыгина сдачи начальства; тот не согласился, но оставил Атласова на воле.

§ 33. Якутская канцелярия (?) между тем, получая еще с дороги посланные челобитные, отправила обо всем донесение в Москву; а на место Атласова послала в Камчатку приказчиком сына боярского Петра Чирикова с пятьюдесятью человеками рядовых при пятидесятнике и с четырьмя десятниками. Снаряду дано ему две пушки медные, сто ядер, пять пуд свинцу, восемь пуд пороху. Между тем в январе 1709-го г. в канцелярии получено известие о самовольном отрешении Атласова от начальства. Из Якутска, вслед за Чириковым, отправлена указанная память, чтоб он по делу сему учинил следствие и прислал оное на рассмотрение в Якутск с выборным Семеном Ломаевым; также и сборную казну за 1707, 08 и 09 год.

§ 34. Оная указная память в Анадырске Чирикова уже не застала и за малолюдством к нему оттуда не отправлена.

§ 35. Дорога была небезопасна. По Олюторскому и Пенжинскому морю пути были заняты. 20-го июля 1709 г. олюторы дерзнули днем напасть на Чирикова; убили десять человек служивых и бывшего при казне сына боярского Ивана Панютина, казну и военные запасы разграбили, а остальных держали три дня в осаде на пустом месте. Наконец, 24-го июля, Чириков пробился и рассеял дикарей, потеряв двух человек.

§ 36. Чириков, прибыв на Камчатку, принял начальство; он отрядил на Большую реку пятидесятника Ивана Харитонову с сорока казаками для усмирения дикарей. Но оные собрались в великом множестве, напали на казаков, восемь человек убили, почти всех остальных переранили, четыре недели держали их в осаде, от которой спаслись они бегством.

§ 37. Чириков сам с 50 казаками ходил по Бобровому морю, к Японской Бусе (?). Японцы полонены были мирными камчадалами, жившими близ той Бусы. Дикари, увидев казаков, разбежались по лесу, оставя японцев, которые им и выручены. В том походе усмирил он дикарей от Жупановой реки до Островной и наложил снова на них ясак.

§ 38. В августе (?) прибыл на смену Чирикова пятидесятник

Осип Миронов, отправленный по выбору из Якутска в 40 человек. Таким образом, собрались на Камчатке три приказчика: Атласов, законно не отрешенный, Чириков и Миронов (он же и Липин).

§ 39. Чириков сдал Миронову Верхний Камчатский Острог, а сам в октябре поплыл в Нижний Камчатский – батами со своими служивыми. Он намеревался там перезимовать и оттоле отправиться с казною Пенжинским морем. Миронов 6-го декабря отправился из Верхнего Острога в Нижний для наряду казаков к судовому строению и препровождению ясачной казны.

§ 40. Исправя свое дело, Миронов обратно ехал в Верхний Острог вместе с Чириковым. 23-го января 1711-го году на дороге был зарезан от казаков. Злодеи думали убить и Чирикова, но по просьбе его дали ему время покаяться, а сами, в числе 31 человека, поехали обратно в Нижний Камчатский Острог, дабы убить Атласова. Не доехав за полверсты, отправили они трех казаков к нему с письмом, предписав им убить его, когда станет он его читать. Но они застали его спящим и зарезали. Так погиб камчатский Ермак!»

О камчадалах Чириковых известно очень мало: только то, что в 1747 г. эта фамилия появляется в острожке Сопочная, а в 1754 г. – в острожке Утхолок.

Скорее всего, эту фамилию давали камчадалам в память о приказчике сыне боярском Петре Чирикове, хотя возможна и другая версия – фамилию могли дать и в память о последнем руководителе Второй Камчатской экспедиции – Алексее Ильиче Чирикове, тем более, что на Камчатке в это время служили в Петропавловске священник и дьякон Волковы, участники Второй Камчатской экспедиции (была ведь фамилия Шпанберхов в честь Мартына Шпанберга, или Спешневы в честь Ивана Спешнева).

Материалы с форума сайта «Камчадалы.ру»:

Чириков Алексей Ильич. 13 (24) декабря 1703, Тульская губерния – 24 мая (4 июня) 1748, Москва. Родился в небогатой дворянской семье. В 1715 поступил в Московскую навигационную школу и в следующем же году был переведен в Петербур-

гскую Морскую академию, которую окончил в 1721, произведен в унтер-лейтенанты и назначен на Балтийский флот. Мореплаватель, капитан-командор (1746). В 1725–1730 и 1733–1741 помощник В. Беринга в 1-й и 2-й Камчатских экспедициях. В 1741 на «Св. Павле» открыл часть северо-западного побережья Сев. Америки, открыл ряд островов в Алеутской гряде. Почти одновременно (25 января 1715 г.) с П. А. Чаплиным и П. Н. Скобельцыным поступили в школу Алексей Ильич Чириков и его двоюродный брат Иван Иванович Чириков. Как всегда, писарь взял у юношей «скаску» и Алексей Чириков «сказал от роду себе двенадцать лет», отец же его служит в Киевской губернии комендантом, имеет в Московской губернии двадцать крестьянских дворов, а сам он живет в Москве у своего родного дяди, стольника Земского приказа Ивана Родионова Чирикова. Происходил будущий великий русский мореплаватель из старинного дворянского рода, славного своими ратными делами. Но к началу XVIII века Чириковы обеднели и полагались не столько на доходы с поместий, сколько на «государево жалованье». Видимо, Алексей Ильич имел неплохую домашнюю подготовку, ибо сразу начал изучение предметов, относящихся к «высшим степеням наук», минуя арифметику, геометрию и тригонометрию. Таких учеников школа еще не знала, и поэтому, когда потребовалось направить в Морскую академию наиболее способных юношей, он выехал в Петербург. Произошло это в начале лета 1716 г. Алексей Ильич Чириков родился 13 декабря 1703 г. в селе Аверкиевском Тульского уезда, в семье мелкопоместного дворянина. В 1715 г. он поступил в Навигацкую школу, находившуюся в Москве, а через год, вместе с двадцатью лучшими учениками, его перевели в Санкт-Петербург, в Морскую академию. Товарищами Алексея по Академии были братья Лаптевы, В. Прончищев, С. Малыгин, С. Челюскин. Выпущенный из Академии в год окончания Северной войны унтер-лейтенантом, за отличие, минуя чин мичмана, Чириков был назначен на корабль Балтийского флота «Пётр». И вот, в 22 года, новое назначение и новый чин. В апреле 1762 года Дмитрий Лаптев «за старость и болезнью» был уволен в отставку с чином вице-адми-

рала и жил в небольшом поместье вблизи Великих Лук. Часто ездил в Псков, Великие Луки, Петербург, Москву, встречался там с товарищами по экспедиции. Многим помогал материально, просил Сенат о денежной помощи неимущим бывшим участникам экспедиции, но чаще всего безуспешно. В один из приездов в Псков Дмитрий Яковлевич встретился с подпоручиком Василием Чириковым, сыном покойного друга Алексея Ильича Чирикова, и от него узнал о тяжелом положении семьи Чириковых, за которыми еще с тех пор, когда был жив отец, числился по дворянскому банку долг в сумме 4 000 рублей. Этот долг, как говорилось в прошении на имя императрицы, «они не только по бедности своей не в состоянии заплатить, но и дневной пищи почти не имеют». По приезде в Великие Луки Д. Лаптев немедленно подал на имя директора банка и в провинциальную канцелярию прошение о том, чтобы его адмиральская пенсия перечислялась в счет погашения долга Чириковых. Он обращался за содействием по этому вопросу в Адмиралтейств-коллегию, но ответа оттуда не поступило.

Алексей Ильич Чириков [13 (24) декабря 1703, Тульская губерния – 24 мая (4 июня) 1748, Москва], российский мореплаватель, исследователь Северо-Западной Америки, северной части Тихого океана и северо-восточного побережья Азии, навигатор, капитан-командор (1746). Годы учебы и участие в Первой Камчатской экспедиции. Родился в небогатой дворянской семье. В 1715 г. поступил в Московскую навигационную школу и в следующем же году был переведен в Петербургскую Морскую академию, которую успешно закончил в 1721 г., произведен в унтер-лейтенанты и назначен на Балтийский флот. В 1722 г. по приказу Адмиралтейств-коллегии определен преподавателем навигации той же академии, а в 1725–1730 гг. в чине лейтенанта принимал участие в Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга. На всем пути от Петербурга до Охотска Чириков определил 28 астрономических пунктов, что позволило впервые выявить истинную широтную протяженность Сибири, а следовательно, и северной части Евразии. На судне «Св. Гавриил» вместе с мичманом Петром Чаплиным Чириков вел судовой журнал, представляющий собой ценный документ

по истории первой в России морской научной экспедиции. Совместно с Берингом и Чаплиным Чириков составил итоговую карту плавания, значительно превосходившую все существующие до тех пор карты по точности и достоверности изображения тихоокеанского побережья Северо-Восточной Азии. Открытие Северо-Западной Америки. В 1733–1941 гг. Чириков командовал пакетботом «Св. Павел» во Второй Камчатской экспедиции Беринга в должности его заместителя. По причине тумана у 49° северной широты 20 июня 1741 г., потеряв из виду пакетбот Беринга «Св. Петр», направился на восток-северо-восток и в ночь с 15 на 16 июля под 55°21' северной широты первым увидел тихоокеанский берег Северо-Западной Америки – горы, местами покрытые снегом и лесом (остров Принца Уэльского или остров Бейкер). В поисках удобной гавани мореходы повернули на северо-запад и прошли немногим более 400 км вдоль архипелага Александра, принятого ими за материк. У 58-й параллели пропали без вести посланные на берег (к островам Чичанова или Якоби) за водой две шлюпки. На 25 июля открыв неизвестные горы (хребет Святого Ильи), «Св. Павел» повернул на запад; 1–3 августа обнаружил часть полуострова Кенай и острова Афогнак и Кадьяк, то есть Чириков одновременно с Берингом плавал в водах залива Аляска; 5–22 сентября открыл несколько островов из Алеутской цепи, где встречался с алеутами. На судне не хватало продовольствия и пресной воды, многие болели цингой, из 75 человек были живы чуть больше 50; «весьма от цинги изнемог» и сам Чириков, не вышедший из каюты с 21 сентября. Штурман Иван Елагин 10 октября благополучно привел пакетбот «Св. Павел» в Петропавловск. Рапорт Чирикова в Адмиралтейств-коллегию от 7 декабря 1741 г. о результатах экспедиции стал первым в истории описания северо-западного побережья Америки. Летом 1742 г. на «Св. Павле» Чириков совершил плавание на восток от Камчатки, но дошел лишь до острова Атту и из-за непогоды повернул назад. На обратном пути видел остров Беринга, открыл остров Медный (позже весь архипелаг получил название Командорских островов, в честь Беринга). Последние годы жизни. По возвращении Чири-

ков просил отозвать его из Сибири, в марте 1746 г. прибыл в Петербург, участвовал в составлении итоговой карты русских открытий в северной части Тихого океана и около года возглавлял Морскую академию. В сентябре 1746 г. произведен в капитан-командоры с переводом в Москву, где и скончался от туберкулеза и последствий цинги. Он был женат и имел двоих сыновей и трех дочерей. Его именем названы остров, подводная гряда, море, мели и четыре мыса. В Петропавловске-Камчатском ему установлен памятник.

В. И. Магидович

Воспитанник Морской Академии, лучший ученик ее первого выпуска, Алексей Ильич Чириков при выпуске, по распоряжению Петра I, присутствовавшего на экзаменах, был произведен сразу в унтер-лейтенанты (второй офицерский чин тогдашнего флота).

После трех лет практического плавания на кораблях Балтийского флота он вернулся обратно в Морскую Академию, но уже в качестве преподавателя – таково было решение Адмиралтейств-коллегий. «Сентября 18, 1742 года, по доношению лейб-гвардии капитана Казанского, в Кронштадт к командующему флагману послать указ, которым велеть морского флота унтер-лейтенантов Алексея Чирикова и Алексея Нагаева для определения в Академию, к обучению гардемарин, прислать в Коллегию без умедления».

Об успехах Чирикова на педагогическом поприще говорит постановление Адмиралтейств-коллегий о производстве, которое утвердил Петр I незадолго до назначения Чирикова в Первую Камчатскую экспедицию. Представляя Петру свое решение о внеочередном присвоении Чирикову звания лейтенанта, Адмиралтейств-коллегия указывала на педагогические способности Чирикова и отличное знание им теории военно-морского дела. В частности, в постановлении Адмиралтейств-коллегий были приведены отзывы авторитетных на флоте офицеров – контр-адмирала Сандерса и гвардии капитана Козинского. Оба офицера считали Чирикова лучшим воспитателем будущих коман-

диров флота. Эти отзывы и постановление Адмиралтейств-коллегии снова обратили внимание Петра I на талантливого моряка и сыграли немаловажную роль при обсуждении кандидатур офицеров, намечавшихся в Первую Камчатскую экспедицию.

Отвечая Петру на его вопросы в связи с организацией исторического похода, Адмиралтейств-коллегия рекомендовала назначить Чирикова помощником начальника экспедиции. Всецелой своей жизнью Алексей Ильич Чириков доказал, что Адмиралтейств-коллегия не ошиблась, направив его на тернистую дорожку моряка-исследователя.

С 1725 г. почти до самой смерти деятельность Чирикова была посвящена решению государственной проблемы отыскания и освоения морских путей у дальневосточных границ нашей страны. Назначенный с одобрения Петра в Первую Камчатскую экспедицию вторым помощником капитана-командора Витуса Беринга (первым считался Шпанберг – человек в русском флоте случайный и ничем, кроме жестокого обращения с подчиненными, не выделявшийся), Чириков в самый решительный момент экспедиции проявил себя как истинный исследователь и верный долгу исполнительный морской офицер. На долю моряков «Св. апостола Павла» выпали такие же трудности, как и на долю экипажа «Св. апостола Петра», которым командовал Беринг. Но Чириков не поколебался ни разу. В точности исполняя инструкцию Адмиралтейств-коллегии, он вел пакетбот на восток. И одержал победу.

Вполне закономерно, что уверенность Чирикова в правильности курса, отстаиваемого им на совещании и взятого после прекращения поисков флагманского корабля, гарантировала успех плавания пакетбота «Св. апостол Павел» сквозь те самые непогоды, которые принесли гибель Берингу. Найденный в секретных архивах и впервые полностью опубликованный в 1941 г. в сборнике документов «Экспедиция Беринга» подлинный рапорт Чирикова подтвердил первенство моряков пакетбота «Св. апостол Павел» в открытии северо-западных берегов Америки и объяснил, почему Чирикову удалось достигнуть американского материка раньше Беринга на одиннадцать градусов севернее и провести возле материкового побережья не десять часов, как

Беринг, а десять суток. Дело было не в благоприятных обстоятельствах или в счастливом случае, на что обычно ссылались историографы, сопоставляя результаты Похода обоих кораблей.

Впервые о рапорте Чирикова упомянуто в «Морском Сборнике» № 5 за 1893 г. Железная воля исследователя, сознание долга и превосходное знание навигации позволили А. И. Чирикову и его спутникам выполнить в самых тяжелых условиях все, что поручила морякам Адмиралтейств-коллегия «не без надежды в той экспедиции доброго плода». Осмотрев побережье американского материка и пройдя вдоль него 400 километров к северу, Чириков был вынужден значительно раньше, чем предполагал, повернуть корабль в обратный путь через океан. Произошло несчастье. Две группы моряков, отправленные Чириковым на берег (одна во главе со штурманом Дементьевым, вторая во главе с боцманом Савельевым), пропали без вести. Установить причину их исчезновения было невозможно, так как вместе с ними пропали обе шлюпки, а подойти вплотную к берегу корабль не мог. Исчезновение пятнадцати человек и потеря гребных судов сразу ухудшили положение экипажа. У моряков не оказалось никаких средств для связи с берегом, хотя бы для того, чтобы пополнить запасы пресной воды. И все же Чириков вел пакетбот и составлял карту побережья американского материка до тех пор, пока позволяли обстоятельства. Он повернул пакетбот обратно к Петропавловской гавани только из-за недостатка воды и провизии, но повел корабль иным курсом, рассчитывая встретить на пути новые земли. И этот достойный истинного исследователя поступок вполне оправдал себя. Выбор нового курса для обратного перехода через океан дал возможность участникам экспедиции открыть ряд островов Алеутской гряды (Умнак, Адах, Агатту и Атту).

Тяжелейшие испытания выпали Чирикову и его спутникам на обратном пути, однако глубокие навигационные познания и уверенность в правильности курса позволили морякам «Св. апостола Павла» успешно завершить свое историческое плавание, причем оно закончилось на месяц быстрее, нежели поход «Св. апостола Петра» от Америки до Командорских островов, находящихся в трехстах милях к северо-востоку от Камчатки. Вот

выдержки из документа, подписанного Чириковым 7 декабря 1741 года: «...Июля 15 числа, перешел от устья Авачинской губы к востоку расстоянием на румб остен-норден 2 178 минут или миль италийских, а русских верст, которых заключается в градусе по сту по четыре версты с половиною – 3 793, в северной широте в 55 гр. 36 мн. получили землю, которую признаваем без сомнения, что она часть Америки... А как она земля простирается, явствуют по журналу пеленга и плавание наше в параллель оной, а наивышнее приобщенная при сем карта... При окончании 26 числа июля дошли до ширины северной 58 градусов и 21 минута... Иво оном месте в начале 27 числа... понеже у нас при пакетботе не осталось ни одного малого судна и для надлежащего разведывания посылать на берег стало не на чем, также и получить в прибавок воды к пропитанию своему не на чем же. Того ради, согласно со *; мною, лейтенант Чихачев, штурман в ранге флота лейтенанта Плаутин, штурман Иван Елагин положили... сего числа возвратиться... Августа 21 числа, усмотря, что долго стоят ветры нам противчые, приказал я варить... два дня по одной каше, а токмо в третий день ее каши и для питья давать воду каждому человеку мерою, которою могли токмо жажду утолять... в дождливые дни служители собирали пекущую воду с парусов, которая вкусом от примешания с снастей смолы и горька... А понеже ветры противные весьма продолжались, тогда приказал я, дабы людям через день давать по одной каше... А с 14 сентября принужден был приказать варить и давать людям в неделю токмо одну кашу... пришла на многих болезнь цынготная, и с великим трудом офицеры по должности своей управление, а рядовые работы исправляли, а некоторые уже совершенно слегли и наверх не выходили... а которые и ходили, то уже через силу должное им исправляли; и с 16 числа сего месяца по возврат наш в гавань умерло шесть человек... октября умер лейтенант Иван Чихачев: тако ж октября 8 штурман в ранге флотского лейтенанта Михаила Плаутин. А за болезнями своими вахт уже не содержали до кончины своей Чихачев за три, а Плаутин за две недели. В то же время и я весьма от цынги изнемог и уже по обычаю был приготовлен к смерти, а наверх не мог выходить сентября с 21 числа и по самый наш

возврат в гавань... в управлении судном остался один штурман Иван Елагин, да и тот был весьма ж болен, но по крайней возможности преодолевал свою немощь, почти несходно был для управления наверху, которому от меня только вспоможения было, что, смотря счисления по журналу пути нашего, приказывал ему, какой иметь курс...

Октября 8 числа в 7 часу пополуночи увидели камчатскую землю, а 10 числа пополудни в 9 часу вошли в Авачинскую заливу и легли на якорь, причем уже имевшуюся пресную воду всю издержали, только остались две бочки, которую выгнали из морской воды через котлы огнем... 12 числа пришли в здешнюю святых апостол Петра и Павла гавань. А господин капитан-командор и по нижеписанное число, еще не возвратился...»

Эти выдержки, а тем более полный текст обстоятельного и содержательного рапорта, пролежавшего в течение двухсот лет под спудом в секретных архивах, дают ясное представление о том, какой ценой достался морякам пакетбота «Св. апостол Павел» успех их исторического похода. Рапорт свидетельствует о многом, достойном восхищения: о правильном расчете и отличных навигационных познаниях самого Чирикова и подчиненных ему офицеров; о качествах настоящих исследователей, которыми обладали моряки пакетбота – упорстве, терпении и дисциплине во имя долга; о мужественном преодолении экипажем неслыханных трудностей в течение ста двадцати восьми дней непрерывного плавания под парусами; о героической выдержке всех участников похода, исполнявших свои обязанности даже в условиях такого ужасного испытания, как постоянная, более полутора месяцев изо дня в день, жажда, с которой не может сравниться и голод. Все преодолел русский человек. Не слепому случаю, а замечательным качествам русских людей был обязан Алексей Ильич Чириков своим успешным походом. Именно глубокой верой его в моряков «Св. апостола Павла» объясняется то, что он с одним лишь офицером-штурманом Елагиным и сорока семью служителями (матросами) вместо семидесяти, переждав зиму в Петропавловской гавани, отважился на второй поход через океан к берегам Америки. Измученный цингой и чахоткой, он в 1742 г. снова повел свой пакетбот на восток и снова достиг Алеутской гряды (острова Атту).

Крайняя изнуренность экипажа вынудила Чирикова прервать повторное плавание и поиски Беринга. Взяв обратный курс, он повел пакетбот к Авачинской губе, прошел с юга на расстоянии видимости мимо Командорских островов, не предполагая, что на одном из них бедствуют моряки флагманского корабля, и вновь благополучно возвратился в Петропавловск-Камчатский. Честь рапортовать о выполнении задач, возложенных на экспедицию, по праву досталась тому, от кого Адмиралтейств-коллегия ждала «доброе плода»: просвещенному мореплавателю, смелому новатору, самоотверженно выполнившему до конца свой долг исследователя. Таким справедливо прослыл капитан-командор Алексей Ильич Чириков среди современников, таким вошел он в историю нашей страны.

Чириков пережил Беринга на восемь лет. Цинга, которой заболел он на обратном пути из Америки в Петропавловск-Камчатский, пагубно отразилась на его здоровье. Поэтому Чириков послал на имя императрицы Елизаветы еще из Енисейска (где некоторое время жил после окончания работ экспедиции) ходатайство об увольнении в отставку по болезни или о переводе в Петербург «к делам таким, которые бы он по слабости здоровья своего несть мог». Содержащее эти строки, официально переписывающее их постановление Адмиралтейств-коллегий, найденное историком В. Берхом среди бумаг адмирала Нагаева, школьного товарища Чирикова, документально подтверждает тот факт, что ходатайство мореплавателя было удовлетворено и он был вызван в Петербург. В постановлении, адресованном Нагаеву, было сказано: «...И сего апреля 18 дня /1746 года)... Адмиралтейств-коллегия определила: означенному Чирикову, доколе флот капитанами укомплектуется, быть здесь и определить его в присутствие в Академическую Экспедицию к смотрению над школами на месте вашем; для того вам с ним, Чириковым, учинить смену... а о том же к капитану Чирикову, и для ведома в Кронштадт указы посланы, и в Экспедицию Академии и школ сообщено...»

Назначенный вместо Нагаева начальником всех учебных заведений флота, произведенный в капитан-командоры, Чириков, однако, недолго пробыл в Петербурге. Здоровье мореплавателя

продолжало ухудшаться. Для него был не годен климат прибалтийских мест. Пытаясь спасти измученного многолетними лишениями капитан-командора, Адмиралтейств-коллегия перевела его в Москву на должность уполномоченного по делам флота. К сожалению, перемена климата уже не могла помочь иному, и в 1748 г. «на страстной неделе» он скончался «по крайней слабости здоровья своего, расстроенного чахоткою и цинготною болезнью», как сказано было в статье, посвященной Чирикову в «Ежемесячных сочинениях», выходявших тогда в Петербурге. Именем Чирикова назван ряд мест в северной части Тихого океана, мыс Чирикова у входа в Тауйскую губу на Охотском море, остров Чирикова в заливе Аляска, мыс Чирикова на острове Атту в Алеутской гряде и другие. Эти названия, сохранившиеся до наших дней, подтверждают сказанное о Чирикове участником экспедиции историографом Миллером: «Память его у всех... в забвение не придет».

Композитор Танеев – родственник капитан-командора Чирикова

Автор: Николай Фролов

Недавно в Государственном архиве Владимирской области удалось сделать поистине сенсационную находку. Впервые удалось документально доказать родство известного российского полярного исследователя и путешественника первой половины XVIII столетия Алексея Ильича Чирикова и уроженца города Владимира, выдающегося композитора Сергея Ивановича Танеева. Оказалось, что родная сестра моряка Мария Ильинична Чирикова вышла замуж за подполковника Невского пехотного полка Петра Ивановича Танеева. Их потомком в пятом поколении и стал ученик Чайковского, директор и профессор Московской консерватории Сергей Танеев. Любопытно, что дед композитора, гвардейский офицер Илья Михайлович Танеев был назван в честь своего деда – коменданта города Киева полковника и стольника Ильи Родионовича Чирикова – отца легендарного мореплавателя капитан-командора Алексея Чирикова.

...Шел 1741 год. В бескрайней водной пустыни Тихого океана курсом на северо-восток упорно шло небольшое парусное судно. Тихой ночью с. 15 на 16 июля впередсмотрящий из «вороньего гнезда» увидел долгожданную землю. Пакетбот российского военного флота «Святой Павел» под командой капитана 3-го ранга Алексея Чирикова первым в цивилизованном мире добрался до северо-западного побережья Североамериканского континента. Так была открыта Русская Америка. Причем корабль Чирикова вышел к американскому берегу даже не на Аляске, а гораздо южнее – на уровне нынешней канадской провинции Британская Колумбия. До сих пор открытые русскими той июльской ночью 267 лет назад земли являются самой южной территорией штата Аляска США. Позже в том же плавании Чириков описал и часть побережья в заливе Аляска – также впервые в мире.

Капитан Чириков, которому выпала честь стать вторым Колумбом, по праву входит в число легендарных мореплавателей XVIII столетия. Его имя неразрывно связано с другим выдающимся исследователем – капитан-командором Витусом Берингом. Датчанин на русской службе, Беринг командовал пакетботом «Святой Петр» и руководил Камчатской экспедицией. Капитан Чириков являлся фактическим заместителем Беринга и командовал вторым кораблем той же экспедиции «Святой Павел». Памятью об этих пакетботах – предтечей будущего российского Тихоокеанского флота до сих пор является город Петропавловск-Камчатский. И если фамилия Беринга увековечена в названии Берингова моря и в наименовании острова, то капитану Чирикову установлен памятник в том же Петропавловске – как основателю восточного форпоста России. Впрочем, это не единственное напоминание об отважном моряке. На современной географической карте значатся 4 (!) мыса Чирикова. Два из них на российской территории – в Анадырском заливе и на побережье Охотского моря – в 20 километрах от Магадана. А два других – на территории США – в архипелаге Александра у западного побережья Северной Америки и на острове Атту. Есть еще остров Чирикова в Аляскинском заливе (тоже территория США) и подводная гора в Тихом океане, именуемая банкой Чирикова.

Другом Чирикова был полярный исследователь вице-адмирал Дмитрий Лаптев – тот самый, в честь которого вместе с его братом Харитоном названо море Лаптевых. О роли Чирикова высоко отзывался великий Михаил Ломоносов. По мнению академика, в американской экспедиции через Камчатку Чириков «был главным и прошел дальше, что надобно для чести нашей». Кстати, адресовал Ломоносов эти слова великому Вольтеру. О плавании руководителя Камчатской экспедиции с почтением писал английский путешественник капитан Джеймс Кук (тот самый, которого съели аборигены): «Наблюдения его так точны и положение берегов означено столь правильно, что с теми математическими пособиями, какие он имел, нельзя было сделать ничего лучше. Широты и долготы его определены так верно, что подобно сему удивляться...»

Известный французский писатель Жюль Верн считал, что Берингов пролив между Азией и Северной Америкой назван в честь Беринга незаслуженно, так как по праву должен именоваться проливом Чирикова. «В то время как имя Беринга пользуется всеобщей известностью, капитан Чириков почти забыт, и его имя мало кому известно», – сетовал классик фантастического и приключенческого жанров, сам очень любивший морские путешествия.

Вероятно, в силу вечного преклонения перед Западом фигура Беринга действительно несколько заслонила капитана Чирикова, но так или иначе он навсегда останется в российской и мировой истории географических открытий.

Алексей Чириков родился в 1703 г. Его отец, Илья Родионович, в молодости служил при московском дворе, имел придворное звание стольника (что-то наподобие позднейшего камергера), а потом занимал различные должности в провинции. Один из его последних постов – киевский военный комендант. В качестве анекдота можно добавить, что в сегодняшнем «самостийном» Киеве русского дворянина Алексея Чирикова, разумеется, записали в украинцы. Как говорится, Украина – родина белых медведей...

Впервые Чириков заставил говорить о себе весь Петербург в

1721 г., когда после окончания Морской Академии на выпускных экзаменах продемонстрировал столь глубокие знания и отличные практические навыки, что лично присутствовавший при этом император Петр I пришел в восторг и повелел произвести гардемарина сразу в унтер-лейтенанты, минуя тогдашний первый офицерский чин мичмана. А через три года после этого по решению Адмиралтейств-коллегии Чириков уже сам был назначен преподавателем той же Морской Академии. Однако подобная, хотя и очень важная служба, не привлекала молодого офицера. Он стремился в дальние плавания.

С 1725 г. началась дальневосточная эпопея Чирикова. 20 лет он провел в Сибири, на Камчатке, на Аляске и в иных неведомых тогда морях и землях на краю света, не имевших даже названия. Вначале на судне «Святой Гавриил», потом на «Святом Павле» капитан Чириков совершил столько открытий, что их хватило бы на несколько человек, чтобы каждый смог обесмертить свое имя. Много раз корабли Чирикова оказывались в тяжелых ситуациях, но каждый раз мастерство и отвага капитана спасали команду от гибели.

В отличие от многих других путешественников, Чириков отличался удивительной скромностью. Сам он ни разу не присвоил свою фамилию ни одному из десятков новооткрытых островов, гор, мысов и прочих географических объектов. Например, один из двух Командорских островов называется островом Беринга – его действительно открыл Витус Беринг. Зато второй остров архипелага, который открыл Чириков, до сих пор почему-то именуется островом Медный...

Когда сестра Чирикова познакомилась с офицером Танеевым, точно неизвестно. Петр Иванович Танеев служил в Невском пехотном полку, который был образован Петром Великим в качестве полка морской пехоты для службы на боевых кораблях Балтийского флота для десантных и abordажных партий. Вероятно, офицер военного флота Алексей Чириков и «морпех» Петр Танеев подружились на службе. А уже потом, как это часто бывает, Чириков познакомил приятеля со своей младшей сестрой Марией...

В конце своей жизни, проведя два десятка лет в плаваниях и

экспедициях, которые существенно подорвали его здоровье, Алексей Чириков получил признание своих заслуг. Его лично приняла императрица Елизавета Петрова, которая к тому же очень любила награждать офицеров, служивших при ее отце Петре I. Чириков получил высокое звание капитан-командора флота, такое же, которое прежде имел Витус Беринг. Последней должностью капитан-командора Чирикова стал пост начальника Московской адмиралтейской конторы. В это время он не раз гостил в имении своей сестры Марии Танеевой в селе Цыкуль тогдашнего Владимирского уезда (позже это село перешло в Меленковский уезд, а ныне – в составе Гусь-Хрустального района, и его название почему-то пишется через «и» – Цыкуль). У местных старожилов сохранились воспоминания, что их господа очень давно катались на лодках по прежде полноводной, а ныне ставшей подобием ручья речке с мерянским названием Ючар. Возможно, именно здесь плавал последний «корабль» капитана Чирикова.

Заслуженный моряк скончался в декабре 1748 г. в Москве всего лишь на 46-м году жизни. Подполковник Петр Танеев пережил шурина на полтора десятка лет. А сестра капитан-командора Мария Ильинична Танеева в 1770 г. приняла иночество в Московском Алексеевском монастыре, где и окончила свои дни. В 1810-х гг., названный в честь своего предка Ильи Чирикова внук Марии Чириковой Илья Танеев (дед композитора) вместе с братьями выстроил в Цыкуле каменную Преображенскую церковь. Этот храм сохранился до сих пор, как зримое напоминание о связи двух знаменитых фамилий, пути которых пересеклись на древней владимирской земле.

(<http://www.vladregion.info/articles/kompozitor-taneev-rodstvennik-kapitan-komand...>)

«КОЛУМБ РОССИЙ»

Неизвестные страницы биографии командора Алексея Чирикова

В первой половине XVIII в. были организованы Первая (1725–1730) и Вторая (1733–1743) Камчатские экспедиции. Участни-

ки этих великих географических предприятий исследовали и нанесли на карту России арктическое побережье Азии, моря и земли северной части Тихого океана, вновь описали Сибирь и Дальний Восток. Венцом экспедиций стало открытие морского пути из Камчатки в Америку, изучение северо-западных берегов неизвестного дотоле русским континента, многих островов Алеутской гряды.

Одним из выдающихся руководителей этих экспедиций был замечательный мореплаватель и ученый Алексей Ильич Чириков. После смерти В. Беринга он принял руководство Второй Камчатской экспедицией и до конца довел выполнение ее грандиозных замыслов. Написанные Алексеем Чириковым незадолго до смерти «Предложения» дали мощный толчок развитию дальневосточного края и всего Тихоокеанского побережья России.

К сожалению, жизнь замечательного русского первопроходца недостаточно освещена в отечественной литературе, а иностранные историографы об открытиях Чирикова умалчивают.

Откуда пошли Чириковы

Родословное древо Чириковых корнями своими глубоко уходит в толщи родной земли. Вот что было известно: «Род Чириковых происходит от племянника царя Беркая, которому по крещению дано имя Петр. Правнук онаго, Петр Игнатьевич, служил при великом князе Дмитрие Иоанновиче в Сторожевом полку и был в сражении против Мамай. Его потомки служили Российскому престолу в боярах, наместниками, стольниками, окольниковыми и в других чинах».

Первоначально предки будущего мореплавателя селились под Новгородом. В конце XVI в. его прадеды получали за службу поместные земли под Тарусой и Алексиным, Тулой и Серпуховым. В Госархиве древних актов найдено много записей о Чириковых как о тарусских городских дворянах.

Не случайно родной дядя Алексея – Иван Родионович Чириков – в одной из челобитных 1722 г. писал, что «деревнишки» в Тарусском уезде принадлежали его отцу и дедам «истари».

Анализ документальных источников позволяет сделать вывод, что во второй половине XVII в. Чириковы из знатного и богатого рода превратились в захудалых мелкопоместных дворян. До сих пор мы не знаем точного места и даты рождения Алексея Чирикова. Последние архивные изыскания позволяют назвать Тарусский или Тульский уезды, где в начале XVIII в. братья Илья (отец Алексея) и Иван Чириковы жили в родовом поместье. Из челобитной самого Чирикова можно предположить, что родился он во второй половине 1702 г., а не в 1703-м, как это утвердилось в литературе.

Учеба и служба

Морозным январским днем 1715 г. приехали в Москву двоюродные братья Алексей и Иван Чириковы. Вскоре принесли в Московскую адмиралтейскую канцелярию челобитную, в которой пожелали зачислить их в «школу математико и навигацких наук». После проверки знаний началась учеба, а через год способных учеников перевели в Морскую академию, что была открыта в городе на Неве.

Алексей Чириков с головой окунулся в изучение астрономии и навигации, сферической тригонометрии и геодезии, «кораблеведения» и картографии. Весной 1721 г. состоялся первый выпуск учащихся Морской академии. На «досмотрении приращенных знаний» присутствовал сам Петр I. Алексей Чириков обнаружил столь блестящие знания, что его пожаловали сразу же в унтер-лейтенанты. С тех пор в адмиралтейских кругах Чирикова стали называть «ученым моряком».

После недолгой службы на корабле Балтийского флота он был назначен преподавателем в ту же Морскую академию, где обучал «разным наукам» гардемарин.

Экспедиция в места неизвестные

Еще в середине XVII в. русские землепроходцы изучали северные и дальневосточные окраины России. В 1648 г. Семен Дежнев открыл пролив между Азией и Америкой, но его донесения затерялись в сибирских приказных архивах. И потому долгое время отсутствовали научные сведения о северо-восточ-

ных окраинах России. Незадолго до смерти Петр I задумал организовать Камчатскую экспедицию с целью обследовать северные пределы и выяснить, соединяется ли Азия с Америкой.

Узнав о планируемой экспедиции под руководством датчанина Витуса Беринга, находившегося на русской службе, Алексей Чириков захотел стать ее участником. В Адмиралтействе утвердили его кандидатуру, записав при этом: «По обучению гардемарин и морских офицеров искуснее всех явился». Покидая Петербург в январе 1725 г., вряд ли думал Чириков, что с этого момента определится вся его дальнейшая судьба...

Беринг поручил ему не только снарядить экспедицию, но и переправить обоз к восточным окраинам страны. Кроме того, Алексей Чириков в пути провел кропотливую научную работу: описал реки и условия судоходства, собрал сведения о городах Сибири, определил их географическое положение, наблюдал затмение луны в Илимске и другие природные явления.

Участники экспедиции, построив судно «Св. Гавриил», в июле 1728 г. вышли с Камчатки в море и взяли курс на северо-восток. Поначалу все шло хорошо. Но чем дальше на север, тем хуже становились условия плавания. Беринг собрал консилиум. Ссылаясь на инструкцию государя и устные свидетельства местных жителей, он заявил, что «Чукотский Нос» отделяется от Америки морем и, следовательно, надо возвращаться назад. Капитана поддержал офицер флота М. Шпанберг. Чириков не согласился с ними, считая, что плавание необходимо продолжить вдоль берега до устья р. Колымы или хотя бы до появления первых льдов.

Через два дня Беринг отдал приказ повернуть на Камчатку. И вновь, проплывая узким проливом, они не увидели материк – Америку...

В 1730 г. Адмиралтейство, изучив полученные материалы – отчеты Беринга и дневники офицеров, – особое внимание обратило на путевые записи Алексея Чирикова. Они заинтересовали и Академию наук. В июне 1731 г. И. Шумахер писал своему переводчику: «Посланный при сем письме журнал морского флота лейтенанта Алексея Чирикова имеющегося пути от Санкт-Петербурга до Камчатки извольте перевести на французский язык неумедля, понеже в том немалая нужда». Копия этого

журнала хранится в Архиве Военно-морского флота в Петербурге. А вот подлинник документа, к сожалению, утерян. Есть предположение, что он находится в одном из западноевропейских архивов.

Чириков в отличие от Беринга «проявил в вояже благоразумную твердость» и был произведен в капитан-лейтенанты.

20 декабря 1731 г. «флота капитан-поручик Алексей Ильин сын Чириков» подал в Поместный приказ челобитную, в которой, в частности, писал: «В нынешнем 1731 г. женился он у прапорщика у Якова Семенова сына Шишкова на дочери его девице Прасковье». Забегая вперед, необходимо сказать, что Прасковья Яковлевна отправилась вскоре во Вторую Камчатскую экспедицию и самоотверженно разделила с мужем и детьми выпавшие на их долю испытания.

«Предприятие, никогда прежде небывалое»

В 1732 г. Чирикова срочно вызвали в столицу. Беринг, подводя итоги плавания, составил записку о хозяйственном развитии Камчатки и предложил снарядить новую экспедицию. Его предложением заинтересовались. В частности, идею снаряжения новой экспедиции поддержал обер-секретарь Сената И. К. Кирилов. При его активном участии план Беринга был существенно расширен. В апреле 1732 г. вышел указ о снаряжении Второй Камчатской экспедиции под начальством Беринга. Цель – поиск северо-западных берегов Америки, открытие морского пути в Японию, а также развитие промышленности, ремесел, земледелия в Сибири и на Дальнем Востоке.

Алексей Ильич Чириков без колебаний выразил готовность отправиться во второе путешествие. На полях специальной адмиралтейской инструкции о целях и задачах предстоящей экспедиции ее основные участники сделали свои пометы. Беринг сосредоточил внимание на административно-хозяйственных вопросах. Чириков – на наиболее удобных способах переправки снаряжения, организации исследований побережий Ледовитого океана. Что касается «неведомых земель», то он считал, что Америка «лежит не весьма далече от Чукоцкого восточного угла», между 50° и 65° с. ш. должны быть населенные и богатые есте-

ственными ресурсами острова. Впоследствии данные предположения оправдались. Таким образом, Чириков опередил иностранных географов.

Более семи с половиной лет, с февраля 1733 по октябрь 1740 г., обозы экспедиции добирались до места, где позже был заложен г. Петропавловск-Камчатский. Для Алексея Ильича это были годы тяжелых трудов по сбору и перевозке по сибирскому бездорожью десятков тысяч пудов провианта и корабельного снаряжения. Он лично руководил расчисткой дорог, устройством пристаней, строительством магазинов. Падали лошади, от неимоверных трудов и болезней умирали люди. И здесь он проявил прекрасные организаторские способности. Его умению находить общий язык с крестьянами и приказчиками, матросами и солдатами завидовали, пожалуй, многие офицеры. Но с Витусом Берингом у Алексея Чирикова установились отношения острого соперничества и даже вражды. Однако капитан Чириков настойчиво продолжал выполнять свои обязанности.

Звездный час

Итак, они добрались, наконец, до Камчатки. Летом 1740 г. в Охотске были построены и спущены на воду пакетботы «Св. Петр» под командованием Беринга и «Св. Павел» – Чирикова. А через год, 4 июня 1741 г., корабли вышли в море «для искания американских берегов и островов». Для капитана Алексея Ильича Чирикова наступил звездный час, обессмертивший его имя.

Известно частное письмо Чирикова, отправленное к Д. Лаптеву.

«Милостивый государь мой и друг Дмитрий Яковлевич!

О несчастливом нашем мореплавании доношу. Отправились мы из здешней гавани (Авачинской бухты. – В. Б.) вместе с г-ном капитаном командором (В. Берингом. – В. Б.) мая 29 числа (1741 г. – В. Б.), а 20 июня при обычных на здешнем море туманах стал великий ветер, которым нас разлучило (так навсегда разошлись корабли Беринга и Чирикова. – В. Б.) <...> И принужден был следовать в надлежащий нам путь один. И переплыв отсюда близ полтрети тысячи (2.5 тыс.) верст, получили землю, которая у себя берега имеет <...> неприступные».

К какой же части северо-западного побережья Нового Света подошло судно Чирикова? Судя по записям в вахтенном журнале, новая земля была обнаружена в районе мыса Бартоломе на юге о. Бейкер и мыса Аддингтон, что на о. Нойес. Эти небольшие острова находятся недалеко от крупного о. Принца Уэльского. Эту «часть Америки» Чириков открыл полутора сутками ранее Беринга.

Без вести пропавшие

В плавании Алексея Чирикова есть тайна, которую до сих пор никто не может разгадать – исчезновение на американской земле части экипажа «Св. Павла». Вот как описывает случившееся сам капитан в письме Лаптеву.

«И надлежало мне об обстоятельствах оной земли проведать, чего ради послан с десятью человеками Аврам Михайлович Дементьев на лангботе. Точию общим моим и его несчастьем он к нам со всеми людьми не возвратился... И мы немало об нем (Дементьеве. – В. Б.) плакали, потому что он был человек молодой, хорош собою, а притом в своей науке морской весьма искусен. И ожидая его к себе шестеро сутки, по присутствию всех офицеров, рассуждая, что не возвращается к нам за повреждением лангбота, послал на имеющейся при судне последней малой лодке мастеровых людей для починки. А для свозу их вызвался боцман Сидор Савельев. Но по несчастью и он к нам не возвратился.

А на другой день из того места, куда посланы наши суда и где раскладываван был почти беспрестанно огонь, вышли две лодки и гребли к нашему судну. Токмо к нам не приближались, но издали на судно наше посмотрели, встав на ноги, прокричали: «Агай! Агай!» и с великим поспешанием возвратились. Тогда мы рассудили, что посланные от нас, конечно, в несчастьи: побиты или задержаны. Уже настали осьмья сутки, как послан был от меня Аврам Михайлович. Однако мы еще ожидали после выезду тамошних жителей часов 18. И не дождавши, пошли в путь свой...»

О судьбе чириковцев высказывались различные предположения. Их пытались разыскать отечественные и зарубежные следопыты. Мне тоже хотелось на основе архивных и литера-

турных источников выяснить что-то новое. В ходе поиска обнаружил много интересных сведений, которые так или иначе могли касаться исчезнувших мореплавателей. Приведу здесь лишь одно из свидетельств. 28 февраля 1789 г. русский посланник в Мадриде сообщал, в частности, следующее: «Судно “Сент-Шарль” под командою капитана Горо нашло около Сент-Блаза под 48–49° с. ш. до 8 селений, в которых находилось от 16 до 20 семей, т. е. до 462 человек русских». Думается, на основании этого и других сообщений можно предполагать, что часть команды Чирикова осталась обживать американские берега.

Возвращение

Итак, судно Алексея Чирикова шло вдоль неведомой земли еще около 400 верст. Были открыты и нанесены на карту обширные пространства вдоль побережий Северо-Западной Америки от мыса Спенсера до бухты Литуя и далее. К сожалению, Чириков не называл открытые им земли. Позднее эти места посетили иностранцы, дали им наименования и присвоили открытия. Сыграло роль и то, что «Св. Павел» лишился почти четверти экипажа и обеих шлюпок, без которых нельзя было сойти на открытую землю.

Маршрут пакетбота «Св. Павел» в 1741 г.

Сост. А. Соколов с подлинной карты А. Чирикова.

Но и далее их бедствия не закончились. «От оскудения пищи и питья, – продолжает повествование Чириков, – и от всегдашнего сырого воздуха постигла всех нас жестокая цинготная болезнь, от которой многие слегли, а остальные и насилу судном управляли. И я с 20 числа сентября и по возврат в гавань за тяжкою болезнью уже не мог выходить и наверх. И был при самой смерти не токмо на море, но уже и на берегу».

Уходили из жизни товарищи по плаванию – матросы и офицеры, но Алексей Ильич переборол смерть.

Завещание

Лишь в марте 1746 г. Чириков вернулся в столицу. В мае под его руководством была составлена «Карта генеральная Россий-

ской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам с частью вновь найденных через морское плавание западных американских берегов и острова Япона». К ней он приложил записку, в которой с гордостью утверждал, что в результате работ Первой и Второй Камчатских экспедиций была исследована «немалая часть земноводного глобуса», открыты земли и острова, «о которых до упомянутого времени было ничего не известно».

После морских походов Чирикова и Беринга русские промышленники заселили открытые ими земли. Темпы освоения Алеутских о-вов и побережья Аляски были ошеломляющими. Русские мореплаватели совместно с купцами продолжали осваивать новые территории: на карту были нанесены вся северная часть Тихого океана, Аляска, Алеутские и Курильские острова. Таким образом, главные задачи, положенные в основу двух Камчатских экспедиций, – укрепление границ России на Севере и Дальнем Востоке, изучение и хозяйственное освоение Тихоокеанского побережья, нахождение неведомой для русских Америки и установление с другими странами и народами взаимовыгодных торговых отношений – с честью были выполнены русскими моряками и первопроходцами.

В июле 1746 г. Алексей Чириков написал последний труд – «Предложения», где подвел итоги научных исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Этот документ – своеобразный наказ потомкам о путях социально-экономического и культурного развития обширнейших районов Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока, а также открытых побережий Северо-Западной Америки и островов Тихого океана.

Алексей Чириков предвидел возможность посягательств иностранных государств на русские земли. Поэтому он говорит о необходимости иметь на Дальнем Востоке свои военно-морские силы. Он считал, что следует продолжать изучение восточного побережья Камчатки, «искать натуральные гавани и рейды близ берегов», строить новые корабли, сооружать крепости.

Большое стратегическое и экономическое значение Алексей Ильич придавал Курильским о-вам, открытым русскими мореходами еще в начале XVIII в. Это обеспечивало России выход в

Тихий океан, способствовало установлению торговых отношений с Японией, Китаем, Индией. Чириков предлагал более интенсивно осваивать и заселять эти острова, а также организовать на Тихоокеанском побережье систему портов.

Автор «Предложений» надеялся на инициативу и предприимчивость местных жителей. Он даже предлагал правительству придать определенный статус «русским служилым людям и тамошним народам», а местным властям активнее привлекать «охотников, служилых людей и камчадалов, кои промыслять бобров, морских котов, тюленей и китов обыкновенны».

Чириков советовал выдвигать на руководящие посты людей деловых, радеющих за интересы Российского государства. «...Чтоб в Охотске и на Камчатке командир или воевода был добросовестный, к прибыткам не лакомый и не лихоимственный человек, и радетельный к исканию интереса и общей пользе подчиненных ему природных жителей и русских людей».

Интересны пункты «Предложений», касающиеся «Новой России» – так автор мечтал назвать открытые ими земли в северной части Тихого океана. Для дальнейшего исследования американских берегов и островов необходимо снаряжать новые экспедиции. Чириков подчеркивал: «Обыскав удобное место, построить там крепость и приводить тамошних народов ласкою <...> в подданство державе Российской».

В проекте Чириков затронул проблему сохранения природной среды. Наблюдая на просторах Сибири частые пожары, приносящие огромный ущерб лесному и пушному хозяйству, он предлагал конкретные меры по их охране.

Чириков выдвинул довольно неординарное предложение об изучении естественных ресурсов Сибири с помощью местных жителей. Он подчеркивает: «Понеже Сибирь так пространством велика, что одна всей Европе равняется, то не дивно быть в ней <...> богатым рудам». Поэтому нужно привлекать к разведке имеющихся богатств «кочующие народы», чтобы они «замечали свойства земли и привозили ея образчики». «А ежели что откроется таким образом годное, то открывателей награждать», – заключал Алексей Ильич.

Не ради славы

Вскоре Алексея Чирикова назначили начальником Московской адмиралтейской конторы. Летом 1747 г. его приняла находившаяся в Москве императрица Елизавета. Во время встречи он преподнес ей карту своего плавания к берегам Америки. 7 сентября 1747 г. вышел именной указ о пожаловании Чирикова в капитан-командоры.

Увы, слава и почести так и не дошли до одного из самых выдающихся людей России первой половины XVIII в. Чирикова одолели чахотка и другие болезни, приобретенные в дальних экспедициях. Алексей Ильич умирал в расцвете творческих сил, в нищете и безвестности. Мы даже не знаем точной даты его смерти. Лишь 7 декабря 1748 г. кто-то из чиновников Адмиралтейства записал: «А понеже бывший у отправления адмиралтейских дел в Москве капитан-командор Чириков умер, приказали <...> к управлению послать князя Волконского».

Как ни прискорбно, после смерти первопроходца вдова Прасковья Яковлевна и пятеро детей влачили жалкое существование.

«В то время, как Беринг пользуется всеобщей известностью, капитан Чириков почти забыт, и его имя мало кому известно». Правдивость этих слов Жюль Верна несомненна. К сожалению, жизненный подвиг Чирикова ради отечества не оценили по достоинству его современники. Лишь позднее, в 1760 г., русский гений М. В. Ломоносов, откликаясь на «Историю российской империи при Петре Великом» Вольтера, напишет: «В американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел дальше, что надобно для чести нашей. И для того послать к сочинителю карту оных мореплаваний».

Прошли столетия. Сегодня на карте мира можно найти несколько географических названий, носящих имя великого русского первопроходца: о. Чирикова в Аляскинском заливе (США), четыре мыса Чирикова, два из которых находятся на территории России (побережье Анадырского залива и Охотского моря), а два – в США (архипелаг Александра в Тихом океане и о. Атту), подводная гора в Тихом океане.

Наконец, настала пора писать об Алексее Ильиче Чирикове книги, а его имя увековечить в названии нового населенного пункта, улицы и обязательно – корабля.

В. В. Богданов, Москва, «Природа», № 3, 2001 г.

Литература

1. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1799. Ч. 3. С. 21об.
2. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Д. 3291. Л. 178об.
3. Вестник АН СССР. 1949. № 5. С. 134–135.
4. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 59.
5. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Д. 3377. Л. 757.
6. Экспедиция Беринга: Сборник документов. М., 1941. С. 207.
7. Русский вестник. 1888. № 5. С. 430–434.
8. Морской сборник. 1862. СПб. Т. 57. № 1. С. 190–191.
9. Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1851. Ч. 9. С. 453–469.
10. Верн Ж. Завоевание Земли. М., 1916. Т. 1. С. 144.
11. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений М.; Л., 1957. Т. 10. С. 278.
(<http://ricolor.org/history/eng/expedition/bering/chirikov/>)

ЧОГЛОНОВЫ

В 1747 г. эта фамилия была зафиксирована при крещении в острожке Семлячик. В сборнике документов «Колониальная политика царизма...» (стр. 85) есть упоминание о прапорщике Чоглокове. Фамилия не получила распространения на Камчатке и угасла.

ЧУДИНОВЫ

Камчатские казаки. Возможно, семья камчатских казаков, имевшая доступ к ключевым позициям: Алексей Чудинов был камчатским приказчиком, в 1729 г. сборщиком ясака в Нижнекамчатске назначен Гавриил Чудинов. Он же – полевой при-

казчик при подавлении Харчинского бунта («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 52, 53, 60), а после следствия Мерлина-Павлуцкого бит кнутом в Нижнекамчатске, как один из виновников этого бунта камчадалов.

Фамилию Чудиновы носили и аборигены. По крайней мере, нам известен Алексей Чудинов, крещеный камчадал, участник восстания 1731 г. (но других сведений о камчадалах Чудиновых мы пока не обнаружили).

В «Описании земли Камчатки» (М-Л, 1949 г., стр. 655) С. П. Крашенинникова также есть сообщение о месте проживания служилых Чудиновых:

«Из Верхнего Камчатского острога поехали генваря 2 дня 1739 года часах в 10 поутру (рядом с Верхнекамчатским острогом. – Ред.) ...Шачалмынки речки, от речки Жупанки в 1 версте, вышла из болот и впала в Камчатку реку от вершины верстах в 3 по течению с левой стороны, она течет подле Камчатки. Приехав к ее вершине, ехали вниз по ней до ее устья; немного пониже вершины между нею и между Камчаткою над протокой есть иноземческий острожек, Уэролатын называемой, строения в нем одна юрта, 6 балаганов, да два балагана и сарай служивых Климова да Чюдинова, яшашных пять человек, в том числе собольников двое, лутчей мужик Ниничь».

Казак-мореход Иван (по другим сведениям Г. – Гавриил?) Чудинов командовал промысловым судном «Симеон и Иоанн» купцов Н. Трапезникова и И. Рыбинского в 1747–1749 гг. Казачий сын Иван Чудинов в 1747 г. направлен архимандритом Камчатским И. Хотунцевским учителем в открытый им молитвенный дом на реку Тигиль.

А затем семейные ветви казаков Чудиновых расходятся.

В 1812 г. в Нижнекамчатске часть Чудиновых остается в казаках, а другая часть служит в Камчатском гарнизонном батальоне.

Казаки, отец и сын: Чудинов (Чюдинов) Иван Петрович, сотник Нижнекамчатской казачьей команды, 51 год. Жена Параскея Абрамовна. Дочь Анна. Чудинов (Чюдинов) Григорий Иванович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 25 лет.

Жена Мария Николаевна (25). Дочь Ирина (2). Солдаты, отец и сын: Чудинов (Чюдинов) Николай Петрович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 28 лет. Жена Ирина Ивановна (29). Дочь Ирина (5). Чудинов (Чюдинов) Петр Николаевич, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 10 лет. (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Вполне вероятно, что сотник Иван Петрович и рядовой Николай Петрович Чудиновы – родные братья.

Как вполне вероятно и то, что ключевские и крестовские крестьяне Чудиновы происходят от того же нижнекамчатского казачьего корня.

Но это пока только еще версии.

Известно другое – и казаки, и крестьяне Чудиновы приняли участие в обороне Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Казак Осип Чудинов награжден Георгиевским крестом 4 ст. за охрану бобровых лежбищ на мысе Лопатка.

«Урядник Камчатской казачьей команды Петр Толстихин, казаки Павел Крупенин, Николай Селиванов, Николай Пинизин, Николай Волюнкин, Чудинов, Помазкин – отразили попытки высадки японцев на бобровые лежбища м. Лопатка». (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.) Вероятно, это Осип Ипатьевич Чудинов, который в 1893 году в 15-летнем возрасте проживал в селении Коряки в семье своего родственника отставного казака Ивана Григорьевича Пшенникова.

В составе Усть-Камчатской дружины состоял Михаил Чудинов из с. Ключи, в составе Петропавловской дружины – М. Чудинов.

Ключевской ополченец Чудинов – это, вероятно, сын вдовы Александры Степановны Чудиновой Михаил (1883 г. р.). А вот сведений, кто такой М. Чудинов, мы не обнаружили. Возможно, здесь закралась ошибка и М. Чудинов в составе Петропавловской дружины – это все тот же Осип Ипатьевич Чудинов, Георгиевский кавалер.

А может быть, это отец старшего сержанта Константина Михайловича Чудинова, 1917 г. р., призванного Петропавловским ГВК, который сражался в составе 124-й отдельной стрелковой бригады под Сталинградом и погиб 26 декабря 1942 г.

ЧУПРОВЫ

Камчатские казаки. Фамилия не сохранилась.

Первым в камчатской истории отметился казак Петр Чупров – он был кнутом в Большерецком остроге как один из виновников Харчинского бунта.

Но более известен Яков Чупров: *«Успех уже первого плавания Басова воодушевил камчатских купцов. В 1745 г. возникла новая компания во главе с А. Чебаевским и Н. Трапезниковым, на деньги которой был построен шитик “Св. Евдоким” (Евдокия). Мореходом (капитаном) “Св. Евдокима” был назначен М. Неводчиков, а передовщиком (приказчиком, ответственным за груз, сохранность судна и ведение промысла) – Я. Чупров. В середине сентября 1745 г. шитик отправился с Камчатки на восток и достиг Ближних, самых западных, Алеутских о-вов Атту, Агатгу и Семичи, которые Неводчиков нанес на карту. На о-ве Атту промышленники зазимовали. Именно тогда состоялись первые контакты с алеутами. Уже первая встреча закончилась трагически: вследствие досадного недоразумения ружейным выстрелом был ранен алеут. Такое начало оказалось симптоматичным. Несмотря на предписание Большерецкой канцелярии “ласково” обходиться с обитателями островов, столкновения имели место и в дальнейшем, при этом инициаторами и виновниками в большинстве случаев были промышленники и сам Я. Чупров, “чинившие непорядочные поступки и смертное убийство”.* Известно, что промышленники артели под началом Лариона Беляева при исследовании острова застрелили и закололи 15 алеутов. Становится поэтому понятным, почему попытки казака Шехурдина, посланного вместе с Неводчиковым, собрать ясак с жителей новооткрытых островов не увенчались успехом. В сентябре 1746 г. Неводчиков отправился назад на Камчатку, но 30 октября у ее берегов шитик разбился,

часть экипажа при этом погибла (всего из похода не вернулось 32 человека): Пушкину, правда, частично удалось спасти. Тогда-то на Камчатку вместе с остатками экипажа “Св. Евдокима” попал и первый мальчик-алеут по имени Темнак, вывезенный Неводчиковым с о-ва Атту. Находясь на Камчатке, Темнак сообщил русским, что до них на островах уже побывали некие пришельцы, чему он сам был свидетелем. По словам мальчика, эти люди приплывали на небольших одномачтовых судах, они были одеты в длинные пестрые шелковые и хлопчатобумажные одежды, а головы у них были наполовину выбриты, причем оставшиеся на затылке волосы заплетены в косы. Рассказ Темнака касался, видимо, японских купцов или рыбаков, занесенных на Алеутские о-ва мощным океанским течением, берущим свое начало у берегов Японии» (Зубкова З. Н. «Алеутские острова», М., 1948 г., стр. 16–17).

ЧУРИНЫ

Эта фамилия камчатских казаков впервые нам повстречалась среди русских жертв знаменитого Харчинского бунта (1731 г.): Чурин Алексей – его самого, его жену и сына убили участники Харчинского бунта («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр.64).

Но фамилия сохранилась среди новокрещеных камчадалов из села Еловка. Одним из участников народного ополчения в период обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. был член Усть-Камчатской дружины, еловский камчадал Афанасий Чурин.

Мы нашли о нем совсем мало сведений, но знаем, что его род на камчатской земле был продолжен:

Чурин Афанасий Васильевич, камчадал селения Еловского, 44 года, 8 апреля 1909 г. сочетался вторым браком. Невеста – дочь умершего камчадала селения Еловского Апалона Петровича Турнаева девица Евдокия, 19 лет. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1909 г., ГАКК, была дана в ответ на запрос Чурина Владимира Павловича, наверное, внука.)

ЧУРКИНЫ

Это тоже изначально фамилия камчатских казаков. Но при

крещении ее передал камчадалам священнослужитель. Дело в том, что Чуркин Василий, казачий сын, был определен в 1743 г. дьячком при Верхнекамчатской часовне, поэтому и нет ничего удивительного, что эта фамилия потом появится и приживется в селении Кирганик, относящегося к Верхнекамчатскому присуду («Труды Киевской духовной академии», Киев, 1861 г. Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей»).

Но эта же фамилия появляется и закрепляется в Козыревске, относящегося к Нижнекамчатскому присуду. Здесь возможны два варианта – первый связан с нижнекамчатскими казаками Чуркиными. Второй – с активным заселением селения Козыревского, население которого вымерло (или чрезвычайно поредело) в период двух больших камчатских эпидемий – в 1768 и в 1802 («сомовское поветрие») гг., и было заселено, с одной стороны, камчадалами (Чуркиными, Черных), с другой – крестьянами (Рыковыми, Кречетовыми).

Архивариус Елена Павловна Абрамова, работая над генеалогическим древом рода Чуркиных, пришла к выводу, что это один и тот же род. Следовательно, козыревские Чуркины происходят от Чуркиных из Кирганика.

Нами был обнаружен интересный документ о судьбе камчадала-морехода Федора Чюркина из Кирганика:

1758 г. декабря не ранее 7. Из рапорта Нижнекамчатской приказной избы в Большерецкую канцелярию о плавании П. Башмакова на судне «Св. Петр и Павел» в 1756–1758 гг. на Алеутские острова и открытия островов восточнее Ближних.

А в приобщенных при вышеописанном репорте копиях с репортов, поданных от казака Лазарева и купца Серебренникова Нижняго острога в приказную избы написано:

Прошлого де 756 году сентября 24-го дня по силе данного ему из Большерецкой канцелярии указу и Нижняго острога ис приказной избы наставления вышеписанного купца Серебренникова на судне с протчими бывшими на том судне и со определенным от компании передовщиком пермянином Петром Всевидовым с товарищи из устья реки Камчатки в морс-

кой вояж благополучно вступили и следовали, во-первых, для поиска неизвестных морских островов и на тех живущих неясных народов, к приводу их под высокосамодержавную ея и. в. руку и в ясной платеж. Но точию за поздним осенним временем, а особливо от случившихся противных ветров и презельных штормов по изысканию морских островов и неизвестных народов время не допустило и склонило теми препятствиями ко отданному по силе Правительствующаго сената указу иркуцкому купцу Емельяну Югову Командорскому морскому острову, которой состоит прямо Камчатскаго устья, на которой октября 4 дня судном благополучно прибыли и находились на оном острове чрез зиму июня до 10 числа 757 году, но токмо де на оном острове промышленниками, реченного Серебренникова судна бывшими, никаких зверей не упромышленно, кроме одного – к пропитанию человеческому коров морских, нерп, сивучей, а из кож их обуви шили.

А июня 10 дня 757 году паки с того острова судном отправились в морской вояж для поиска неведомых морских островов и народов, а при отправлении оного судна бывшия при оном вышеозначенной передовщик Всевидов с товарищи по согласию их приняли на то судно компании бывшего камчатского купца Ивана Красильникова от разбитого судна для вывозу в Камчатку двух человек русских: Федора Савельева, Емельяна Посникова со упромышленными ими на том острове земными зверьми, коих имелось 182 песца, и следовали паки в полуденную сторону, в которой обыскать нечего не могли. И те промышленники, Всевидов с товарищи, имели судном возврат в полуденную сторону и находились в мореплавании июля до 12 числа, и тамо к состоящему неизвестному морскому острову прибыли 4, и стали на якорь. И выезжал к тому острову вышеписанной Всевидов с помянутым числом людей для взятия воды. И по выезде на берег прибыли к ним того острова живущие неизвестные народы и препятствовали им своим ружьем и угрозением стрел, однако ж от них в настоящее действие не произошло, и по отбытии их с того острова с водою к судну прибыли от тамошних народов в байдарках немалое число людей, которые де и учинили своим языком разговор чрез

немалое время, а какие между ими разговоры происходили неизвестно, и между тем у того острова от немалой скорби присутствия Верхнего Камчатского острога Кирчаницкого острошка новокрещенной камчадал Федор Чюркин, по-иноземчески Гришка, умре.

Есть еще одно любопытное историческое свидетельство о мореходах-промышленниках Чуркиных: администрации Камчатки было выгодно отпускать на промыслы камчадалов – промышленники вносили за них недоимки по ясаку. Жалованье камчадалов – от 50 до 70 рублей в год. Обычно брали деньги авансом и попадали в долговую зависимость. В 1771 г. Петр Чюркин из Верхнекамчатска взял у тульского купца Романа Кондрашова 150 рублей, то есть закабалил себя на три года при условии хорошего промысла, в противном же случае он должен был идти в очередной вояж.

Есть сведения и о Чуркиных из селения Шаромы. Это может быть совершенно самостоятельный род, так как Шаромы также входили в Верхнекамчатский присуд, где мог участвовать в крещении камчадалов дьячок Василий Чюркин:

Чюркин Иван Артамонович. Камчадал Шеромского селения, 52 года, сочетался вторым браком 18 октября 1892 г. Невеста – дочь Ганальского камчадала Тимофея Елагина девица Иулитта. Поручители: по жениху – Шеромского селения камчадал Калист Иванов Атласов и Григорий Иванов Логинов; по невесте – Ганальский камчадал Фотий Афанасьев Гуторов и Шеромский камчадал Михаил Алексеев Мерлин. Свящ. Иринарх Малахов с отставным псаломщиком Александром Благовидовым. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1892 год, ГАКК.)

Но Чуркины обнаруживаются и в селении Еловка (тоже долина реки Камчатка), относящемся к Нижнекамчатскому присуду. И снова возникает мысль о нижнекамчатских казаках Чуркиных, которые оставили свою фамилию камчадалам. Поиски, в конце концов, принесли желанный результат: мы нашли в архивах сведения о нижнекамчатских казаках Чуркиных:

Чюркин (Чюркин) Петр Петрович, казак Нижнекамчатской

казачьей команды, 38 лет. Жена Анна Андреевна (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

То есть, если козыревская ветвь Чуркиных – это кирганикские камчадалы Чуркины, то машуринские и шаромские Чуркины – это, скорее всего, два самостоятельных рода аборигенов.

Среди участников обороны Камчатки в 1904–1905 гг. было трое Чуркины. Из них тезки – два Петра – были из Козыревска и Кирганика, Иннокентий – был из Козыревска.

Мы нашли информацию о козыревских героях – Иннокентии Андреевиче Чуркине, у которого после войны родились сыновья Иннокентий и Ксенофонт, потомки которых, может быть, и сегодня проживают там, и Петре Яковлевиче Чуркине, который 8 января 1906 г. в возрасте 22 лет сочетался законным браком с дочерью ключевого крестьянина Василия Андреевича Ушаковой Анной.

Двое из Чуркиных – Афанасий Константинович (1915 г. р.) и Петр Карпович (1922 г. р.) погибли на фронтах Второй мировой войны: Петр Карпович при освобождении Китая, он захоронен в Харбине, а место гибели Афанасия Константиновича неизвестно.

И еще одному фронтовику из рода кирганикских Чуркиных Георгий Германович Поротов посвятил свое стихотворение «Гоша-связист».

Памяти Г. Чуркина

Зловещею тучей закрыт горизонт.
И Гоша-связист попросился на фронт.
Пылится дорога. Мешок за спиной.
За сопками скрылся Кирганик родной.
Дорога связиста – ей нету конца.
Он просит в письме дорогого отца:
«Мне выпала длинная, папа, стезя,
Пришлите покрепче на фронт торбаса».
Он в Польше закончил свой огненный путь.

Награды легли на солдатскую грудь.
Спасенные люди далекой земли
Ему, камчадалу, цветы поднесли
И спели бойцу на родном языке
О польской красавице Висле-реке.
Был солнечный день. Небосвод голубой.
Ту песню-подарок увез он с собой.
Шли годы. О Висле забылось давно.
Девятого мая смотрел он кино.
И снова дорога, и снова бои.
В атаку кидаются парни свои.
Увидел себя он сквозь огненный вал.
Не вынесло сердце, и Гоша упал...
А где-то гремело «ура» вдалеке,
И пели связисту о Висле-реке.

Семьи Чуркиных, как и большинство камчатских семей в начале XX века, были многодетными. И мы можем на примере одной только этой фамилии увидеть, как переплетались между собой камчатские родовые фамилии: девицы Чуркины становились женами коренных камчадалов и русских старожилов (см. раздел «Камчатские имена» сайта «Камчадалы.ру») Нечаевых, Мерлиных, Брагиных, Беляевых, Бобряковых, Еланцевых, Кречетовых, Поповых, Рыковых, Ушаковых, Черных.

ШАБАЛИНЫ

Эта фамилия была зафиксирована при крещении камчадалов в 1749 г. в селении Ича. Происхождение фамилии пока не ясно. Сама камчатская фамилия не сохранилась.

ШАДРИНЫ

История появления этой фамилии среди аборигенов Камчатки во время их массового крещения: 1745 г. – Козыревск, 1748 г. – Хайрюзово, 1749 г. – Воровская, Белоголовая, 1754 г. – Воровская.

Но сохранилась фамилия только в с. Хайрюзово (ЦГА ДВ,

ф. 1011, оп. 4, д. 1; Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 год).

Семен Шадрин из Хайрюзово принимал участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.

Якутские казаки Шадрины – представители старинного русского дворянского рода, ведущего свое происхождение от якутского казака, убитого около половины XVII века в сражении против сибирских инородцев, Ивана Ш., сына которого, Петра Ивановича, Петр Великий в 1709 г. пожаловал «в дети боярские». Род внесен в I часть родословной книги. (<http://www.rulex.ru/01250272.htm>)

Остался в исторической памяти и другой якутский казак – Михаил Шадра (от тюркского слова: шадра – «рябой»), который в 1667 г. служил на реке Яне (Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океане, Л. 1952 г.).

В камчатской истории остался известен анадырский ясачный комиссар Шадрин:

«В августе 1733 г. олюторские пешие коряки из Олюторского и Култушного острожков внезапно напали на русских из Олюторского острога, которые находились на рыбных промыслах, у оленного табуна, на заготовке строительного леса и дров. Были убиты 11 служилых людей, гренадер, толмач, казачья жена и казачий сын (по другим данным, 10 или 18 чел.). Нападение произошло в разных местах, но в один день – 12 августа, что говорит о заранее спланированной акции. Как показал позднее, 3 мая 1736 г., на допросе в Нижнекамчатском остроге взятый в плен алютор Теличинского острожка Харуха Кыргяков сын, в выступлении против русских участвовали около 80 коряков, а “в ымене главными заботчиками” были тоены Олюторского острожка Ваян, Култушного – Петитка, Ильпейского – Кивка (все трое – родные братья). Причиной «измены», по его утверждению, было то, что казаки требовали у коряков продовольствие и “били их за то, что им кормовых припасов не припасали”.

Оставшиеся в Олюторском остроге около 40 казаков сели было в осаду. Однако отсутствие продовольствия и начавшийся голод заставили их прекратить сопротивление. Согласно пока-

заниям, данным в том же 1733 г. в канцелярии Охотского порта казаками Василием Макаровым и Василием Поповым, “в Олюторском остроге учинился великий голод” от того, что Иван Атласов “взятых Павлутским в походе от чюкоч оленей близ тысячи” не давал на пропитание казакам, “сказывая, будто те олени ево, Павлуцкого”. Отъезжая из Олюторска, Атласов забрал с собой и весь олений табун. Казакам осталась только мертвечина. Причем и ее пришлось покупать. Некий служилый Алексей Сукнев “продавал же им кожи оных мертвых оленей на корм же, большие по полтине, а малые по десять алтын, и как де помянутые мертвих оленей мяса и кожи они съели и одежду с себя иноземцам проели, нестерпя великаго голоду многие служилые люди из Олюторского острогу бежали”.

4 сентября казаки двумя партиями покинули острог. Семь человек во главе с В. Софронеевым (во время нападения коряков он с 4 служилыми находился в Теличинском острожке) бежали в Акланский корякский острожек (на р. Аклан), а затем в Анадырск, потеряв в пути умершими от голода двух (или четырех) человек. Двенадцать человек, в том числе подпрапорщик В. Макаров, группами перебрались на Камчатку. Олюторский острог вновь был разорен коряками. Под угрозой оказалось сухопутное сообщение с Камчаткой. В. Беринг позднее в донесении 1741 г. по поводу этого события сообщал, что “олюторские ясашные мужики изменили и острог тот отбили и казаков тамошних побили, и хотя оной острог от дороги, где путь лежит к Камчатке, и не во близости, токмо и от них имеетца опасность же, понеже они там по времени везде ходят и на дорогу приходят, ища где что урвать можно”.

Успех коряков Олюторского и Култушного острожков сподвиг присоединиться к ним жителей других олюторских острожков – Теличинского (Теличинская губа, тоен Кениткин с 11 воинами), Говенского (Говенская губа, тоен Тепеню, 18 чел.) и с Олюторского носа (тоен Тытгыля, 11 чел.). Естественно, все они перестали платить ясак. Более того, анадырский ясачный комиссар якутский сын боярский Петр Шадрин (Щедрин?), получив известие о “бунте” коряков, сам запретил ясачному сборщику Григорию Роздуеву, который собрал ясак на

Апуке и Пахаче, поездку на Олютору для ясачного сбора. Он же, Шадрин, в донесении от 18 ноября 1734 г. в Якутскую воеводскую канцелярию сообщил, что из Анадырска “к показанным алюторам за малолюдством анадырских служилых и казачьих детей за ясашным збором послать некого, понеже де при карауле служилых имелось шесть человек, а казачьих детей восемь человек и те де малолетны, а для призыву и разговору оным олюторам послать некого, понеже анадырские служилые, умеющия тамошний язык, взяты в партию и служат в партии”. Нехватка служилых объяснялась тем, что основная их часть числилась в Анадырской партии и подчинялась не анадырскому ясачному комиссару, а командиру партии.

В сентябре 1735 г. и марте 1736 г. олюторские коряки во главе с тоенами Ваяном, Кивкой и Аупетамом (из Олюторского острожка) дважды нападали на ясачных “иноземцев” р. Караги (северо-восточное побережье Камчатки), пограбив у них “кормовые запасы и платье и всякие пожитки”, убив при этом 4 человек. Для охраны карагинцев камчатским властям пришлось отправить из Нижнекамчатского острога 6 солдат и 14 служилых людей.

Сибирская губернская канцелярия, получив известие о разгроме Олюторского острога, потребовала в 1735 г. от охотских и анадырских властей провести следствие о “корякском бунте”. Начать его анадырские власти смогли только в 1737 г., когда, вероятно, олюторские коряки пришли в некоторое спокойствие. В феврале этого года ясачный комиссар Федор Тараринов и командир Анадырской партии Иван Тарабыкин (Павлуцкий еще 5 ноября 1732 г. уехал из Анадырска) послали к алюторам подьячего Степана Сорокоумова, служилого Ивана Енисейского и толмача Козьму Долгих. Вернувшись в Анадырск, “следователи” доложили, что расспросили “лучших” коряков Кивко, Давана и Эвьючина с их родичами. Последние дали свое объяснение обстоятельств “бунта”. Причиной его, по их версии, стало поведение казака Михаила Плеханова, отправленного из Олюторского острога в Анадырск с отписками. Плеханов якобы, взяв у алюторов двух человек в провожатые, дошел до Култушного острожка и собирался идти да-

лее на р. Пахачу. Однако провожатые наотрез отказались туда следовать. Тогда Плеханов избил проводников палкою и “метался на них с копьём”, говоря при этом, “что де на осень прибьют их всех коряк, а жен и детей их в полон себе поберет”. Когда эти речи дошли до Кивки, Давана и Эвьючана, они решили, что Плеханов идет в Анадырск “для призыву войска к раззорению их алюторов”. Не дожидаясь осуществления угроз Плеханова, коряки напали на Олюторский острог. При этом, правда, они заявили, что никаких претензий к служилым людям Олюторского острога не имели: “...а новопостроенного Алюторского острогу управитель Василей Софронеев со служилыми людьми никаких обид, налог и раззорения не чинили, також де и от других зборщиков никакова раззорения и обид к ним не бывало”. Вдобавок коряки твердо заверили следователей, что “ясак платили и впредь платить будут по прежнему и никакой измены вчинить не будут”, но попросили аманатов с них не брать, мотивируя это тем, что им, как “сидячим” корякам, не имеющим оленей, ездить в Анадырск “для перемены тех аманатов... не на чем”. Рассказ олюторских коряков был подтвержден показаниями коряков Култушного и Теличенского острожков.

Но если на р. Олюторе было достигнуто “умиротворение”, то кое-где в других местах коряки во второй половине 1730-х гг. вели себя достаточно агрессивно, совершая нападения не только на русских и юкагиров, но и друг на друга». (http://www.zaimka.ru/05_2002/zuev_koryak/)

Зуев А. С. Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 53–82.

ШАХУРДИНЫ (ШЕХУРДИНЫ)

В истории Камчатки известен приказчик Михаил Шехурдин, который был наказан кнутами по приговору Следственной комиссии Мерлина-Павлуцкого, занимавшейся расследо-

ванием причин Харчинского бунта 1731 г.: «В 1730 году собрал ясак на Камчатке служивой Иван Новгородов, а на 1731 год казачей пятидесятник Михайло Шехурдин, о которых надлежит упомянуть для того, что они за главную причину камчатского бунта почитаются, которой вскоре по выезде Шехурдина и последовал». «Между тем последней прикащик Шехурдин выехал с камчатскою казною благополучно; партия вся съехала на устье с Камчатки для походу к Анадырю, совсем сгрузились на судно и вышли в море; однако близ самого устья на якорь стали за нечаянно учинившимся противным ветром. А камчадалы, которые у них в подводах были, и которым велено было об отбытии партии дать ведомость бунтовщичьим тойонам, которые на ключах ожидали оной в собрании и во всякой готовности к нападению на Нижней Камчатской острог, не дождавшись совершенного их отбытия, и не чая их возвращения, июля 20 дня 1731 году устремились в батах своих вверх по Камчатке, начали казаков бить, кого ни встретят, начали пленить и жечь их летовья, жен и детей брать в холопство и в наложницы, а с ведомостью об отбытии судна, к главным своим отправили наскоре, которые того ж вечера в острог и приплыли, зажгли попов двор с тем намерением, чтоб казаков, как охотников ходить на пожары, способнее побить и безопаснее; в чем им так пощастилось, что они без всякого сопротивления почти всех бывших в остроге побили, не щадя и малых детей и женского полу, над которыми чинили до убивства всякие наругательства, и дворы все пожгли кроме церькви и крепости, в которой все имение жителей лежало в сохранении. Немногим удалось избавиться и приехать на устье с известием. Таким образом морской путь к Анадырю остановился, ибо сперва надлежало свое удержать, нежели вновь покорять немирных».

Материалы следственной комиссии, хранящиеся в Центральном Государственном Архиве древних актов, дают исчерпывающий ответ на этот вопрос.

Руководитель восстания Федор Харчин на допросе от 10 мая 1733 г. рассказывал о том, как в 1730 г. комиссар Иван Новгородов «велел с них собирать повторительной ясак», а если

«у кого ясаку не прилучилось, то брали жен и детей и били на правеже... пока нога распухнет, а после де того распорют штаны и бьют вторично на правеже по пухлой ноге. А в платеже ясаку отписей не давали». Его самого, Харчина, били «на правеже босого» и взяли два ясака на один год». Помимо двойного ясака, «Иван Новгородов брал с каждого человека сладкой травы по пуду, а кипрею по полпуда...» (ЦГАДА, портф. Миллера 527, тетр. 13, л. 9).

На допросе от 22 января 1735 г. Иван Новгородов, после того как было «дано ему десять ударов», признал все, в чем обвинял его Харчин, прибавив, что за назначение его комиссаром на Камчатку «якуцкому воеводе Полуектову дал деньгами 700 рублей».

Преемник Новгородова на посту камчатского комиссара Михаил Шехурдин, после «двадцати ударов», признал за собою те же вины, что и Новгородов, дополнив свое сообщение рассказом о том, как он в 1731 г. за предоставление права отдельным казакам ехать в острожки за сбором ясака, получил потом с них 540 соболей, лисиц и бобров и как из всего полученного 200 лисиц, 30 соболей и 4 бобра он, в свою очередь, «отдал за отпуск в камчадальские остроги комиссаром якуцкому воеводе Ивану Полуектову» (там же, л. 37).

В приговоре следственной комиссии мы читаем: «Бывшего камчадальских острогов комиссара Ивана Новгородова казнить смертью для того – будучи он в камчадальских острогах при зборе ясаку чинил ясашным иноземцам всякие обиды и разорения, а имянно: посылал от себя на разные реки за ясашным збором подъячего Екима Мухоплева да брата своего Матвея Новгородова и служилых людей, которым приказывал брать от ясашных иноземцов лихоимством своим себе сверх ясаку в чащины по три и по четыре места с каждого человека собольми и лисицами, а у которых иноземцов в соболей и лисиц нет, у тех брать жен и детей, и последние их парки и куклянки, и из тех чащин бить батожем и на правеже...» (там же, л. 44).

В именном указе от 9 мая 1733 г. говорилось, что хотя восставшие камчадалы «по правам подлежали все смертной казни, однако ж е. и. в. указала одних пущих завогчиков казнить

смертью на страх другим, а протчих от смертной казни свободить для того, что народ дикой и пушью причину к бунту имели от озлобления своих управителей, и бить челом им в такой дальности некому и может быть не знают». В отношении же «комиссаров и подчиненных их» указ предписывает «жесточае разыскивать... и пытаться, потому что большею причиною бунта их злые разорительные с таким диким народом поступки» (там же, л. 42).

Таким образом и восставшие, и местные комиссары, и следственная комиссия, и правительство совершенно согласны в оценке причин восстания. Этой причиной были «великие разорения и обиды», причиненные коренному населению со стороны местной администрации в 1730 и 1731 гг.».

В Нижнекамчатске – «учинено телесное наказание, вместо смерти биты кнутом комиссары: Михайло Шехурдин, управитель Михайло Борисов, Михайло Петров, подъячей Яким Мухоплев; ясачные зборщики: Матвей Новгородов, Гаврило Чудинов, Василей Конев, Иван Калашников, Алексей Воробьев, Петр Чижевской, Иван Карташевцов, Петр Гуторов, Евдоким Колесов...» (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», комментарии).

Эта казачья фамилия не сохранилась, но, как выяснилось, прижилась у новокрещеных камчадалов: Шахурдина Анастасия Гавриловна, вдова камчадала селения Кихчик, 65 лет (Исповедальная роспись Большерецкой церкви за 1893 г.). Более поздних сведений об этой фамилии пока не обнаружено.

ШЕВЫРИНЫ (ШАВЫРИНЫ)

Еще в 1838 г. в Нижнекамчатске в списке местных мещан и крестьян мы находим фамилию Шевыриных, но позже ее следы затерялись.

Первоначально это была фамилия нижнекамчатских казаков, которые с устранением Нижнекамчатской казачьей команды были записаны в мещане и крестьяне. По крайней мере, из истории Камчатки известно, что при подавлении Харчинского бунта и штурме захваченного камчадалами Нижнекамчатска погиб казак Никита Шевырин (Шавырин). А из истории осво-

ения Русской Америки мы узнаем о другом казаке – Силе Шевырине (Шавырине), который был мореходом на промысловом боте «Владимир» купцов Красильниковых и Н. Трапезникова (вышел в море в 1758 г.). Убит в июне 1760 г. алеутами на о. Атва (по другим сведениям на о. Адах).

ШЕЛКОВНИКОВЫ

Старинная казачья фамилия.

Землепроходец Семен Андреевич Шелковник(ов) в 1647 г. заложил Охотский острог. Вот интересная информация с форума сайта «Камчадалы.ру»:

«Вслед за Москвитиним на Охотское побережье по реке Амур в начале лета 1645 г. вышел “письменный голова” Василий Поярков. В течение всего лета он продвигался по побережью до устья реки Улья, где и зазимовал. Уходя на нартах весной 1646 г. в Якутск, он оставил в зимовье на Охотском побережье 20 человек “государевых служимых и промышленных” для сбора ясака. В тот же год по возвращении Пояркова в Якутск ленский воевода Василий Никитич Пушкин послал на Охотское побережье “на Улью и Охоту реку” во главе с десятником Семеном Шелковником отряд в 40 человек “для прииску новых земель, где бы... ясак взять”. Они шли от Якутска на нартах по зимнему пути, сплавлялись в половодье и в конце мая 1647 г. вышли на побережье к устью реки Ульи. Там они застали в живых только 17 (или 18) людей Пояркова. Шелковник, как было ему приказано, их “принял себе в полк”. Затем отряд Шелковника отправился на реку Охота, к устью которой они пришли в начале июля. Однако зайти в реку им не дали эвены, которых, как сообщал один из участников этого похода Иван Афанасьев, “было за 1000 и больше” и они “...учинили драться...” и “...в реку не пущали...”. Между ними произошло сражение, и “за большим боем Охоту взяли... и на том бою мужиков тунгусов побили, а иных испереранили...”, но и эвены русских “иных испереранили”. Пробившись в устье реки Охота, они “покаместа можно было итти судами, шли от устья версты с три, и зимовье поставили...” Это было еще одно зимовье на Охотском побережье на пути к реке Тауй. Здесь же

в качестве аманата – заложника для получения ясака был захвачен тунгус Баяшинского рода Комна (Комка), от которого у казаков было впоследствии очень много неприятностей».

Земли Хабаровского края сыграли роль опорной базы при заселении русскими Дальнего Востока. В первой половине XVII в. русские землепроходцы вышли на западное побережье Тихого океана и основали здесь населенные пункты. На побережье Охотского моря в 1639 г., пришедший сюда по р. Лене, р. Алдан и через хребет Джугджур отряд русского землепроходца И. Москвитина поставил в устье р. Улья зимовье с острожком, затем ходил морем на реку Охота. Отряд В. Пояркова в 1644 г. на лодках добрался до низовий Амура, где устроили зимовку и весной вышел в Охотское море и достиг устья Ульи, где встретил отряд Москвитина. В том же году к побережью Охотского моря из Якутска добрался отряд С. Шелковникова, который в 1647 г. в устье р. Охоты заложил острожек. Охотский порт на протяжении двух столетий являлся главным тихоокеанским портом Российского государства. На Охотских верфях строились корабли, из Охотска экспедиции следовали на Камчатку, Чукотку, Курильские и Алеутские острова, отсюда русские «рабочие» люди заселяли Аляску и колонии Росс в Калифорнии.

На Форуме, посвященном генеалогическим корням фамилии Шелковниковых (<http://www.r-g-d.org/forum/lofiversion/index.php/t18122.html>) есть только одна ссылка на Камчатку: Шелковников Александр Витальевич, 1971 г. р., г. Елизово Камчатского края, старший эксперт-криминалист ЭКЦ УВД Камчатского края.

При этом ничего не сказано о корнях этой фамилии – являются ли они камчатскими.

Первое упоминание о камчатских казаках Шелковниковых относится к 1705 г., и оно трагическое: «якутской сын боярской Василей Протопопов, да служивой Василей Шелковников в 1705 году убиты на дороге от олюторов, а с ними до десяти человек служивых». (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», стр. 477).

А 1 июля 1723 камчатским приказчиком назначен сын бояр-

ский Фёдор Шелковников, который с ясаком выехал с Камчатки летом 1724 года.

В период всеобщей христианизации Камчатки мы наблюдаем появление этой фамилии у аборигенов: 1748 г. – Кирганик, 1754 г. – Воровская. Но впоследствии следов этой фамилии среди аборигенов уже не найдено.

В 1812 г. мы обнаруживаем эту фамилию в Нижнекамчатске: в списках рядовых Камчатского гарнизонного батальона значится Шелковников Михаил Семенович, 31 год, дальнейшая судьба которого нам неизвестна, но, вполне возможно, что именно он является связывающим звеном между камчатскими казаками и камчатскими крестьянами Шелковниковыми: мы не раз уже говорили о том, что казаков забирали на военную (в том числе и морскую) службу, а потомков отставных солдат и казаков могли записать в крестьяне или в мещане.

Вполне возможно, что именно потомки рядового Шелковникова были записаны впоследствии в крестьяне и жили в селении Авача, где – «на выселках» – проживало немало потомков камчатских отставников.

Шелковникова Акилина Матвеевна. Родилась 10 июня 1906 г. Родители – крестьянин Авачинского селения Матвей Ермолаевич Шелковников и законная жена его Евпраксия Ивановна. Восприемники – крестьянин того же селения Стефан Стефанович Филиппов и жена отставного казака Андрея Давидовича Савинского Ирина Федоровна. Свящ. Николай Комаров.

Шелковникова Ирина Матвеевна. Дата рождения 27 апреля 1914 г. Родители – камчадал селения Авачи Матвей Ермолаевич Шелковников и жена его Ефимия Ивановна. Восприемники – крестьянин селения Авачи Иван Иннокентьевич Рязанцев и дочь крестьянина того же селения Авачи Мария Рязанцева. Настоятель Петропавловского собора протоиерей Даниил Шерстенников. (Выписки из метрической книги Петропавловского собора за 1906 и 1914 год, ГАКК.)

Но, помимо авачинской, существовала еще и николаевская ветвь крестьян Шелковниковых: В «Книге памяти жертв политических репрессий Камчатского края» мы находим следующие сведения:

Шелковников Евсей Никифорович. Родился в 1884 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Николаевка; русский; неграмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 8 октября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 17 февраля 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 20 марта 1938 г. Реабилитирован 13 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Нашли мы и корни этой фамилии в Николаевке:

Шелковников Никифор Илларионович, с. Николаевское, крестьянин, 1893 г., 51 год. Жена Феодосия Васильевна (36). Дети: Елена (18), Феофан (16), Устин (13), Василий (11), Евсей (7). Племянник Матвей Ер. Шелковников (18) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

Восемнадцатилетний племянник Матвей Ер. Шелковников – это как раз и есть авачинский крестьянин Матвей Ермолаевич Шелковников, отец Ирины и Акилины Шелковниковых. То есть у камчатских крестьян Шелковниковых один родовой корень.

ШЕМАЕВЫ (ШАМАЕВЫ)

Старинная камчатская казачья фамилия (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 690, 777).

О камчатских служилых Иване и Прокопии Шемаевых упоминается в документах, относящихся к началу восемнадцатого столетия.

В 1719 г. приказчик Нижнекамчатского острога Иван Уваровский упоминает казака Ивана Шемаева в связи с разборками по пушному делу Петриловского-Козыревского (см. очерк «Иван Козыревский») и посылает казака Шемаева со своим рапортом к якутскому воеводе Ельчину.

О Прокопии Шемаеве мы узнаем из допроса служилого Потапова от 21 июня 1751 г. в связи с восстанием коряков.

Есть данные о казаках Шамаевых за 1812 г.:

Шамаев Иван Амосович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 31 год. Жена Татьяна Григорьевна (29) (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

По Исповедальной росписи Тигильской церкви за 1893 г. в Тигиле проживало несколько семей Шемаевых:

Шемаев Андрей Павлович, отставной казак, 51 год. Дети: Петр (18), Владимир (8), Инна (21), Евфания (16), Анна (14), Илария (6), Агафья (3), Мария (1).

Шемаев Иван Иоввович, казак, 45 л. Дети: Екатерина (11), Евдокия (10), Павел (8).

Шемаев Лука Иоввович, казак, 43 г. Дети: Прохор (3), Сергей (1).

Два брата Шемаевых – Иван да Лука – и сын Ивана Павел были народными ополченцами и в составе Тигильской дружины защищали камчатские реки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

В Петропавловске в 1893 г. мы находим казаков Шамаевых:

Шамаев Трофим Павлович, служащий казачьего ведомства, 30 лет. Жена – Екатерина Николаевна. Дети – Екатерина (2), Трофим (4 дня) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

Вполне возможно, что петропавловские казаки Шамаевы являются выходцами из Нижнекамчатска.

ШЕРГИНЫ

Версий о происхождении этой фамилии несколько: в середине XVIII века ее дали «новокрещеным» аборигенам в честь их крестного отца – ясачного сборщика Андрея Шергина, который служил на Камчатке в период деятельности Второй Камчатской экспедиции, или приказчика тотемских купцов Григория и Петра Пановых Семена Шергина, компанейщика Степана Глотова, первооткрывателя Лисьих островов (в 1812 г. еще проживал в Нижнекамчатске 12-летний потомок зверопромышленников Шергиных – мещанин Шергин Ксенофонт Яковлевич).

О казаках Шергиных есть любопытная информация: «В 1747 г. “новокрещеные” курильцы с островов Шумшу и Парамушир, которых насчитывалось более двухсот человек через своего тоена Сторожева обратились в православную Миссию на Камчатке с прошением прислать священника “для утверждения их в новой вере”. Камчатский архимандрит не дал им священника,

“по неимению свободного”, но в мае 1749 г. он отправил к ним в качестве учителя отставного казака Шергина, изъявившего желание “быть неотлучно при обучении курильских отроков”. Шергин учредил на острове Шумшу школу, просуществовавшую до 1785 г. и в которой постоянно обучалось не менее 15 мальчиков-айнов с Шумшу и Парамушира.

Как вскоре выяснилось, первый учитель курильских туземцев не отличался особенным благочестием. И поскольку “при исполнении богоугодного дела он не пренебрегал и собственными житейскими выгодами”, то по жалобам айнов его сменили в 1752 г. казаком Бережным. Тот оказался еще ленивее Шергина, и через три года учителем на Шумшу “по желанию самих курильцев” назначили казака Рожнова» (http://pokrovkorsakov.mrezha.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=210:1&catid=60:2009-12-17-10-05-49&Itemid=112). То есть камчатский казак Шергин был первым учителем на Курильских островах.

Фамилия казаков Шергиных не сохранилась на Камчатке, но фамилию аборигенов Шергиных мы обнаруживаем в корякском селении Дранка.

В Дранкинской Иннокентьевской церкви служил в 1893 г. псаломщиком Анфим Иванович Шергин (ему было 54 года), судя по всему, это был местный уроженец: в Дранке в эти же годы проживали Иван Иванович Шергин (40 лет) и Иосиф Иванович Шергин (35 лет).

Известен Никандр Шергин – священник Ключевской Троицкой церкви в 1890-х гг., но мы не знаем о его происхождении, о том, имеет ли он какое-либо отношение к камчатским казакам или промышленникам Шергиным. Скорее всего, эта фамилия имеет прямое отношение к потомственным иркутским священникам Шергиным.

ШЕСТАКОВЫ

Очень известная на Северо-Востоке России фамилия якутских (дальневосточных, в том числе и камчатских) казаков.

Последние сведения о камчатских Шестаковых:

Шестаков Николай. Участник обороны Камчатки в период

русско-японской войны 1904–1905 гг., состоял в Петропавловской дружине. Участвовал в экспедициях в отряде Н. Горбунова. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Шестаков Николай Иванович. Петропавловский мещанин, 1893 г., 38 лет. Жена Евдокия Прокопьевна (26), дочь Евдокия (4). Шестакова Мария Николаевна (возможно, мать Николая Ивановича), по морскому ведомству вдова.

По морскому ведомству вдова, 1893 г., 63 г. (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

Возможно, на этом камчатский род Шестаковых иссяк...

В истории России казачий род Шестаковых сыграл немалую роль, как и в мировой истории, – ведь открытие Америки россиянами было сделано по приказу атамана Афанасия Шестакова руководителя экспедиции, которая долгие годы была забытой в отечественной истории (см. очерк «Забытая экспедиция»). В память о погибшем атамане река на месте его гибели была названа рекой Шестакова.

Представляем вашему вниманию некоторые материалы с форума сайта «Камчадалы.ру»:

«В 1726 г., т. е. почти через год после выезда из Петербурга личного состава Первой Камчатской экспедиции, якутский казачий голова Афанасий Федотович Шестаков привез в Петербург карту северо-восточной Сибири.

Обычно эту карту неправильно приписывают Шестакову, считающемуся “носителем старых традиций землепроходцев, безграмотному, как и прежние землепроходцы, но, как и они, проникнутому жаждой странствований и мечтами о новых завоеваниях и открытиях”. Ф. П. Врангель по этому поводу писал: “Сочинитель сей Шестаковской карты якутской дворянин Иван Львов показывал известному историографу Миллеру другую карту своего же сочинения...” Поэтому мы в дальнейшем будем называть ее картой Львова 1726 г.

Безусловно, в Сибири, особенно в Охотске и Анадырске, об этой карте знали, возможно, имелись и ее копии. Может быть, именно ее Беринг и имел в виду, говоря о “новых азиатских картах”.

Карта Львова очень схематична. Некоторые острова и мысы расположены на ней неправильно, много неверного, но она все же свидетельствует о большой изученности северо-восточных окраин Сибири еще до Первой Камчатской экспедиции.

Во-первых, на этой карте показано, что Азия и Америка разделены проливом.

Во-вторых, к востоку от нынешнего мыса Дежнева показано несколько островов (ныне острова Диомида, или Гвоздева).

В-третьих, против Анадырского залива показан остров с подписью “на этом острове против Анадыра много жителей...” (ныне остров Св. Лаврентия).

В-четвертых, против устья р. Караги показан остров с подписью “остров Кориревский...” (ныне остров Карагинский), а против устья р. Камчатки, почти на той же широте, показан остров с подписью “остров Карагинской” (возможно, судя по положению на карте, что это остров Беринга).

Считается, что острова Св. Лаврентия и Св. Диомида открыты Первой Камчатской экспедицией в 1728 г., а остров Беринга – в 1741 г. Вопреки установившемуся мнению надо считать это несправедливым. Все острова нанесены на карту Львова или по рассказам местных жителей, или, может быть, в результате плаваний неизвестных русских мореходов, совершенных до плавания Беринга.

На карте Львова 1726 г. неплохо показаны и Курильские острова, но почему-то нет Сахалина.

Одновременно с представлением карты Шестаков подал проект большой экспедиции для исследования северо-восточных окраин Сибири. Как указывает М. С. Боднарский, проектом Шестакова предполагалось: 1) покорить незамиранных еще коряков на северных берегах Охотского моря и чукчей за Анадырем; 2) обследовать западные берега Охотского моря и лежащие против них острова вплоть до китайской границы; 3) найти прямой путь из Удского острога через море к западному берегу Камчатки и Курильским островам; 4) обследовать Курильские острова; 5) пройти с западного берега Камчатки мимо мыса Лопатки к устью Анадыря и 6) разведать Большую Землю (Америку) против Чукотской земли.

Боднарский отмечает, что громадный размах проектируемой экспедиции нисколько не смущал Шестакова, “как не смущали пространства и землепроходцев старого времени”.

В Петербурге проект Шестакова был поддержан обер-секретарем Сената Иваном Кирилловичем Кириловым, были отпущены снаряжение и средства, подобран основной личный состав.

Шестакова назначили главным начальником Северо-восточного края.

В 1728 г. Шестаков во главе большого отряда прибыл в Охотск и здесь занялся постройкой для экспедиции двух ботов: “Восточный Гавриил” и “Лев”. Кроме того, в распоряжение Шестакова поступили суда Первой Камчатской экспедиции Беринга-шитик “Фортуна” и бот “Св. Гавриил”.

Экспедиция А. Ф. Шестакова протекала неудачно. Сам он в 1729 г. был убит в схватке с чукчами. Бот “Лев” во время зимовки был сожжен коряками.

Командование экспедицией перешло к капитану Дмитрию Павлуцкому, который в 1730 г. направил “Св. Гавриил” и “Восточный Гавриил” на поиски Большой Земли к востоку от Камчатки. Бот “Св. Гавриил” под командой Ивана Шестакова (племянника А. Ф. Шестакова) исследовал Удскую губу и плывал в Охотском море до Камчатки. Осенью 1730 г. И. Шестаков сдал “Св. Гавриил” штурману Якову Генсу, готовившемуся к плаванию к Северо-западной Америке. Летом 1731 г. Генс перешел в Большерецк, а в 1732 г. в Нижнекамчатск, где из-за тяжелой болезни сдал “Св. Гавриил” подштурману Ивану Федорову.

Бот “Восточный Гавриил” осенью 1730 г. разбился у юго-западных берегов Камчатки в 30 км от Большерецка.

Шитик “Фортуна” под командованием Василия Афанасьевича Шестакова (сына А. Ф. Шестакова) плывал к Курильским островам, на которых занимался сбором ясака.

Наиболее интересно по своим результатам плавание бота “Св. Гавриил”. Как уже говорилось, Я. Генс, приведший “Св. Гавриил” в устье Камчатки, сдал командование подштурману Ивану Федорову. На боте находились питомец Морской ака-

демии геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев, и мореход-промышленник Кондратий Мошков (до этого принимавший участие в плавании В. И. Беринга и А. И. Чирикова на боте “Св. Гавриил”), четыре матроса и 32 служилых.

Выйдя из устья Камчатки 23 июля 1732 г., мореплаватели 13 августа высадились недалеко от мыса Дежнева. 16 августа они прошли к острову Ратманова, откуда вернулись к мысу Дежнева. Во время посещения острова мореплаватели стали расспрашивать островитян о Большой Земле, которую они увидели, пройдя морем к южной оконечности острова.

21 августа “Св. Гавриил” подошел к Большой Земле и, следуя вдоль берега к мысу принца Уэльского и не высаживаясь из-за неблагоприятной погоды на берег, спустился несколько к югу. Здесь был открыт небольшой островок (по-видимому, Кинга), и произведена высадка на берег. От встретившегося эскимоса узнали, что на Большой Земле (в данном случае на полуострове Сьюард) живут эскимосы.

Провизии на “Св. Гаврииле” было мало, бот сильно протекал, поэтому 28 сентября 1732 г. “Св. Гавриил” вернулся в устье Камчатки. Свое донесение о плавании Федоров и Гвоздев в декабре 1732 г. послали Павлуцкому в Анадырск. В феврале 1733 г. Федоров умер. Гвоздев составил “Краткое известие о походе” и представил рапорты, а участник плавания ссыльный Скурихин – свои записки.

Адмиралтейств-коллегий, узнав о результатах плавания Федорова – Гвоздева, приказала Берингу, о смерти которого в 1741 г. в Петербурге еще не было известно, послать вторичную экспедицию в районы, посещенные “Св. Гавриилом”. В 1743 г. Адмиралтейств-коллегия еще раз отдала распоряжение о посылке намеченной экспедиции. В соответствии с этим Шпанберг вторично опросил Гвоздева.

Однако 26 сентября 1743 г. специальный указ правительства прекратил деятельность Второй Камчатской экспедиции, в связи с чем отпал вопрос и о повторении экспедиции Федорова-Гвоздева.

Необходимо подчеркнуть, что Федоров и Гвоздев впервые исполнили повеление Петра Первого об исследовании пролива

между Азией и Америкой “не только зюйд и норд, но и ост и вест”.

Первая Камчатская экспедиция прошла только “зюйд и норд”; Федоров и Гвоздев прошли “ост и вест”. Они впервые пересекли Берингов пролив, впервые положили этот пролив на карту, посетив и описав при этом оба острова, называемые сейчас островами Дионида, или Гвоздева. Они впервые увидели северо-западные берега Америки.

Сравнивая результаты Первой Камчатской экспедиции Беринга и экспедиции Федорова-Гвоздева, нетрудно видеть, что экспедиция эта при несравненно меньших затратах сделала гораздо больше, чем экспедиция Беринга. Федорова и Гвоздева, а не кого-либо другого, надо считать первооткрывателями северо-западных берегов Северной Америки».

Источник: <http://www.navy.su/puteshest/xviii/putesh22.htm>

«26 июля 1732 г. в далеком Сибирском приказе было рассмотрено и удовлетворено прошение недорослей Василия и Петра Афанасьевичей Шестаковых “о определении в Якуцк в дети боярские в первую статью по штату и о учинении им против таковых же жалованья за службы отца их, Афанасья Шестакова, который был по городу Якуцку во дворянх и на баталии убит от неприятелей”. Так русское правительство отметило служебную деятельность незаурядного и самобытного человека, оставившего заметный след в организации освоения Восточной Сибири. Голова конных и пеших казаков Якутского полка Афанасий Федотович Шестаков и его многочисленные родственники издавна несли военную службу в Сибири. Переписная книга по городу Якутску за 1720 г. отмечает живущих в одном доме братьев-близнецов Афанасия и Алексея (род. в 1677 г.), их сыновей – Василия Афанасьевича (1715 г.), Лаврентия Афанасьевича (1706 г.), Петра Алексеича (1718 г.), племянников – Петра Григорьевича (1710 г.), Ивана Григорьевича (1705 г.), и дальнего родственника Степана Герасимовича Парамонова (1707 г.). Все они в разные годы были казаками, сборщиками ясака, участниками дальних

«посылок» (Алексеев, 1970 г., с. 34). Сам же казачий голова играл не последнюю роль в аппарате управления Сибирью. В его ведении находились казаки полка (в полном комплекте до 1 500 человек), размещенные “для обережи” по различным опорным пунктам огромного края. Отсюда, из острогов и зимовий – Колымских, Алазейского, Анадырского, Охотского, Тайского, Удинского, Зашиверского и других, – отправлялись партии служилых людей в далекие походы и экспедиции» (Гольденберг Л. А. «Между двумя экспедициями Беринга», Магадан, 1984 г., стр. 8–9).

Корни у этой фамилии связаны с великими землепроходцами и мореходами земли русской.

Из челобитной царю:

«Царю и государю и великому князю Михаилу Федоровичу бьют челом государевы ленские служилые люди Мишка Стадухин, Артюшка Шестаков, Мишка Коновал, Гришка Фофанов, Семейка Дежнев, Вавилко Леонтьев, Вторко Гаврилов, Сергейка Артемьев, Артюшка Иванов, Бориско Прокофьев, Ромашка Немчин, Федька Федоров. В прошлом, государь, во 7149 году (от сотворения мира, от Рождества Христова в 1641 году. – Прим. авт.) посланы мы, холопы твои, из Ленского на твою государеву службу на Оймякон-реку к твоим ясачным людям – к якутам и мемельским тунгусам ради твоего ясачногобору. В апреле в седьмой день пришли ламунские тунгусы в ночи войною и казачьих коней побили, и якутов убили пять человек да служивого человека Третьяка Карпова, а двух человек ранили. А ныне, государь, служить твои конные службы не на чем, а в наказе твоём написано, что нам велено проводить новые земли, а на Оймяконе жити не у чего, никаких людей нет, место пустое и голодное. Вели, государь, наше бедное разоренное челобитие принять, чтобы бедность и разорение тебе были ведомы и про наше службишко было явно».

А вот и добавления из Форума от Shestakov: «И еще, в экспедициях по открытию земель на Северо-Востоке России принимал участие енисейский служивый Андрей Шестаков.

Для меня важно, когда в исторических источниках я встре-

чаю казаков Шестаковых из Енисейского или Красноярских острогов, как путь попадания Шестаковых в Нерчинский острог, а уже оттуда их расселения по приаргунским караулам».

Более подробно о родословной Шестаковых можно прочитать на форуме <http://www.predistoria.org/index.php?name=Forums&file=viewtopic&t=771&postdays=0...>

ШИБАЕВЫ

Эта фамилия отмечена в нашей картотеке всего один раз: Шибаета Евдокия Никитична, 1891 г., Петропавловск, матросская девица. Больше об этой фамилии мы ничего не знаем.

В свое время бывал на Камчатке Шибаета Иван – промышленник компании тотемского купца Федора Холодилова, который принял участие в Большерецком бунте 1771 г. и бежал с Камчатки. Добрался с товарищами до Франции, вернулся в Россию и был поселен в Иркутске.

ШИБАНОВЫ

В истории Камчатки известен казак Григорий Шибанов, участник восстания 1711 г., один из трех (Алексей Посников, Андрей Петровых) убийц «камчатского Ермака» – Владимира Атласова («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр.37, 39–41). Вполне вероятно, что у него оставались дети, потому что в 1748 и в 1749 г. эта фамилия отмечена при крещении камчадалов в селении Колпаковском.

Но она не сохранилась ни у русских старожилов, ни у аборигенов.

ШИПИЦЫНЫ

В нашей картотеке представлена династия священников Охотско-Камчатского края Шипицыных:

Шипицын Митрофан Львович. Священник Анадырской Николаевской церкви, 56 лет. Внук Георгий, 4 года. (Исповедальная роспись Анадырской Николаевской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Шипицын Федот Митрофанович, псаломщик Анадырской церкви в 1893 г.

Шипицын Агофопод Митрофанович. 1890 г. – псаломщик

на острове Беринга. 1893 г. – дьякон Петропавловского собора (24 года). Жена Матрена Ивановна (19). Сын – Иван (9 мес.) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК). После Октябрьской революции – Анадырский районный священник, место жительства – с. Марково. Собственность – три собаки. В возрасте 85 лет лишен избирательных прав (Глинчикова Е. В. «Православие и Советское государство на Камчатке». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 19).

Шипицин Александр Агафоподович. 1926 г., 30 лет, сын священника, нетрудоспособный. Лишен избирательных прав.

Шипицина Вера Агафоподовна. Дочь священника, 23 года, нетрудоспособная. Лишена избирательных прав. (Глинчикова Е. В. «Православие и Советское государство на Камчатке». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 196).

На Командорских островах жили креолы Шипицины, возможно, священнослужители Шипицины – выходцы с Командорских островов.

ШИШКИНЫ

Первое упоминание о камчатских Шишкиных относится к 1731 г. – в документах говорится о казаке Иване Шишкине. Следующее относится к 1745 г. – мы узнаем о дьячке Василии Шишкине в составе проповеднической свиты архимандрита Камчатского. Определен в миссию в Охотске в 1745 г.

Более поздние сведения о священно- и церковнослужителях Шишкиных относятся к 1812 г.: Шишкин (Шышкин) Василий Васильевич, дьячок, 49 лет, Нижнекамчатск (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4), а затем к 1828 г.: Шишкин – камчатский священник (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 9).

В 1912 г. Шишкин Федор – псаломщик Мильковской церкви.

И тогда понятно происхождение личных почетных граждан Шишкиных в Мильково – этого звания они удостоены как потомки камчатских священнослужителей: например, Шишкин Федор Спиридонович – личный почетный гражданин, с. Мильково, 1901 г., как и его брат, Иван Спиридонович.

Шишкин Спиридон Иоаннович. Родился 14 ноября 1913 г. Родители – личный почетный гражданин Иоанн Спиридонович Шишкин и законная жена его Агафия Николаевна. Восприемники – крестьянин Мильковского селения Викентий Михайлович Мальцев. Свящ. Павел Ворошилов (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1913 год, ГАКК).

Шишкин Викентий Федорович. Родился 11 ноября 1901 г. Родители – личный почетный гражданин Федор Спиридонович Шишкин и жена его Евдокия Павловна. Восприемники – Петропавловский мещанин Полиевкт Иванович Бушуев. Свящ. Иринарх Малахов (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1901 г., ГАКК).

Шишкина (Демидова) Соломония Федоровна. Родился 1 августа 1899 г. Родители – личный почетный гражданин Федор Спиридонович Шишкин и жена его Евдокия Павловна. Восприемники – камчадала Иоанна Хлыновского жена Ольга Михайловна. Свящ. Иринарх Малахов (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1901 г., ГАКК).

Была эта фамилия и у абorigенов: в 1745 г. она зафиксирована в острожке Капичурер (р. Хапица), население которого полностью погибло от оспы в 1768 г.

И в 1812 г. в Исповедальной росписи Нижнекамчатской церкви мы находим такую запись: Шишкина (Шышкина) Анна, дочь умершего камчадала Щековского селения, 17 лет. Позже жители этого селения были переведены на другие места жительства. Но фамилия камчадалов Шишкиных не сохранилась.

В Нижнекамчатске в середине XIX века жили государственные крестьяне Шишкины: Шишкин Василий Евдокимович, 52 года. Жена Александра Егоровна (47). Дочь Пелагея (1). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) Возможно, он был в родстве с потомками местного дьячка Василия Васильевича Шишкина (Шышкин) Василий Васильевич, дьячок, 49 лет, дети: Михаил (18), Леонтий (17), Евдоким (14), жена Михаила Параскева Харитоновна (18) (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4): если представить себе,

что имя и отчество Василия Евдокимовича по ошибке переставили местами, то мы находим идеальное совпадение: Евдоким Васильевич Шишкин, 52 лет, в 1852 г. или 12–14 лет в 1812 г.

Неизвестна судьба остальных сыновей Василия Васильевича – особенно старшего, который, как правило, должен был унаследовать церковную должность и потомки которого как раз и могли быть (оставшись без места при церкви) записаны в почетные граждане или в другое сословие – крестьян или мещан.

Не хватает одного-двух звеньев, чтобы разгадать династическую загадку камчатской фамилии Шишкиных, начало которой положил, вероятно, дьячок Василий Шишкин, примкнувший к миссии архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского в Охотске в 1745 г.

ШМАГИНЫ

Фамилия, которая сохранилась у аборигенов на камчатском Севере. Происхождение ее пока не ясно.

В числе участников обороны Камчатки в 1904–1905 гг. были Авксентий и Венедикт Шмагины из села Кинкиль, Иван Шмагин из с. Палана.

Позже эту фамилию мы встречаем в материалах страшного «Тигильского дела», в котором представители фамилии Шмагиных, как и других северян, будут объявлены врагами народа и японскими шпионами.

Шмагин Михаил Афанасьевич. Родился в 1890 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Палана; коряк-кочевник; малограмотный; б/п. Арестован 4 апреля 1939 г. Приговорен: Корякский окрсуд 29 мая 1939 г., обв.: по ст. 58-1а-2-8-9-10-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Дата расстрела неизвестна. Реабилитирован 24 июля 1991 г. Реабилитирован заключением прокурора Управления по надзору за исполнением закона о госбезопасности, межнациональным и международно-правовым вопросам Прокуратуры СССР.

Шмагин Демьян Артемьевич. Родился в 1871 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Палана; коряк-кочевник; малограмотный; б/п. Арестован 20 июля 1938 г. Приговорен: Облпрокурор 1 декабря 1939 г., обв.: по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР.

Приговор: на основании ст. 204-б дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 19 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Мы пока не нашли кто был русским носителем этой фамилии во времена массовой христианизации коренного населения Камчатки.

ШПАНБЕРХОВЫ

Мартын Шпанберг, участник Второй Камчатской экспедиции, принимал участие в крещении «лутших» людей на юге Камчатки и Курильских островах. Один из курильских камчадалов, проживавший на реке Озерной (западной), в 1747 г. получил фамилию Шпанберхов. Впрочем, вместе с отцом служил и сын Андрей Шпанберг, так что фамилия могла остаться на Камчатке и в память о нем. Но, к сожалению, она не сохранилась.

А вот некоторые материалы об отце и сыне на сайте «Камчадалы.ру»:

Шпанберг Мартын Петрович (ок. 1700–1761)

Мореплаватель. По происхождению датчанин. Участник 1-й и 2-й Камчатских экспедиций (1725–1730 и 1733–1743), в 1738–1739 открыл морской путь от Камчатки к Японии, исследовал всю Курильскую цепь, включая Малые Курильские о-ва.

Датчанин, неизвестно, когда поступил на морскую службу в России. По списку морских чинов видно, что в 1726 г. он был лейтенантом, в 1732 г. – капитаном 3-го ранга, а в 1736 г. – капитаном 1-го ранга. В мае 1724 г., по Высочайшему повелению, коллегия определила отправить два пакетбота в Любек для перевозки пассажиров, писем и ручной клади. Командирами этих судов были поставлены Ш. и Сомов. По возвращении из этого путешествия Ш. принимал деятельное участие в двух Камчатских экспедициях под начальством известного Беринга. В первый раз исследователи, после многих трудов и лишений, добрались до 65°30' с. ш., причем на долю Ш. выпало сложное дело постройки судов на Лене для перевозки груза и расследование водного пути от Большерецкого острога до Ниж-

некамчатска. Когда вскоре по возвращении из первой экспедиции Беринг представил императрице Анне Иоанновне записку, в которой предлагал проведать пути к Америке и Японии, для торговли с этими странами, и исследовать северный берег России между Обью и Леной, адмиралтейств-коллегия снарядила новую экспедицию, и Ш. был поставлен во главе самостоятельного отряда, посланного для осмотра берегов Японии и описи Курильских островов и реки Амура. Эта вторая экспедиция затянулась на несколько лет. Летом 1738 г. Ш. плывал вдоль западных берегов Курильской гряды, насчитал 31 неизвестный еще остров, дал им названия и нанес на карту. В следующем году он повторил путешествие, придерживаясь, однако, на этот раз восточной стороны Курильских островов. Дойдя до 39° с. ш., Ш. увидел наконец берег Японии, острова Нипона, и, следуя далее к югу до 37°, 22-го мая бросил якорь. Здесь он завел сношения с туземцами и обменивался с ними товарами. Отсюда путники направились на с.-в. до 44°; дорогой Ш. видел много островов, но ввиду того, что люди его были больны, не приставал к берегу и 14-го июля вернулся в Большерецк. Прибыв затем в Охотск, где застал Беринга, Ш. изложил ему свой дальнейший план экспедиции: он думал отправиться с большим числом спутников к вновь открытым им островам и привести жителей их в русское подданство. Беринг предложил Ш. лично отправиться в Петербург для представления своего проекта. Ш. поехал, но должен был, в силу запрещения адмиралтейств-коллегии, остановиться в Якутске, так как над ним наряжено было следствие ввиду явившегося подозрения, что он вовсе не был в Японии, а плывал вдоль берегов Кореи. Расследование показало, однако, что путешествие Ш. в Японию не было фикцией, и что лишь сведения, собранные им, не достаточно точны, а поэтому 15 апреля 1740 г. Ш. получил приказание возобновить экспедицию. Летом следующего 1741 г. он совершил свое третье путешествие к Курильским островам, отрядив предварительно дубель-шлюпку «Надежда» под командой мичмана Шельтинга с геодезистом Федоровым для описи западных берегов Охотского моря до устья Амура. Привести в исполнение свой план и на этот раз Ш. не удалось.

Он намеревался уже возобновить плавание, когда 23 сентября 1743 г., по Высочайшему указу, экспедицию велено было приостановить. Ш. оставался затем на русской морской службе и умер в 1761 г.

«Записки Имп. Географ. Общества», кн. III. – «Записки Гидрограф. Департ.», III, VIII, IX. – Берг. «Жизнеописание первых российских адмиралов». – Его же. «Первое морское путешествие Россиян». – Вахтин. «Русские труженики моря». – «Отечеств. записки» 1851 г., кн. III. – «Морской сборник», 1869 г., I и IV. – «Кронштадтский Вестник», 1876 г., № 78–127. – «Ежемесячные сочинения», 1758 г., ч. II. – «Энциклоп. словарь» Брокгауза и Ефрона. Конопасевич. {Половцов}

Шпанберг, Мартын Петрович (ум. 1761) – рус. мореплаватель. Выходец из Дании. В 1725–1730 принимал участие в Первой камчатской экспедиции; дважды совершил переход из Охотска в Большерецк (на зап. берегу Камчатки), плавал под командой В. Беринга на боте «Св. Гавриил». Участвовал в работах Второй камчатской экспедиции 1733–1743; руководил отрядом по изучению Курильских о-вов и Японии, к-рый открыл ряд островов и нанес на карту Курильские о-ва. В 1743 заменил Беринга (ум. 1741) в должности начальника всей экспедиции. Именем Ш. назван один из островов Курильской гряды. (ум. 1761) – лейтенант русской службы, спутник и ближайший помощник Беринга (см.) во время 1 камчатской экспедиции (1725–1728). В 1738, командуя бригантиной «Михаил», нанес на карту (хотя и не совсем точно) всю гряду Курильских о-вов. В следующем году во главе нескольких судов был послан для отыскания фантастической земли Гама в Японии, достиг северо-восточного берега острова Хондо и, следуя вдоль берега на юге, дошел до 38°20' с. ш. В 1742 предпринял вновь попытку достигнуть берегов Японии, но вынужден был вернуться обратно, не выполнив задачи.

Шпанберг, Мартын Петрович, 1698, деревня Эрне, Дания (по др. сведениям – 31 декабря 1696 года в г. Рибе) – 1761, Кронштадт – Капитан 1 ранга, участник 1-й и 2-й Камчатских экспедиций, исследователь северной части Тихого океана, Курильских островов и Японии по другим сведениям, Шпанберг

родился 31 декабря 1696 года в г. Риббе Датского Холстена датчанин, неизвестно, когда поступил на морскую службу в Россию. По списку морских чинов видно, что в 1726 г. он был лейтенантом, в 1732 г. – капитаном 3-го ранга, а в 1736 г. – капитаном 1-го ранга. В мае 1724 г., по Высочайшему повелению, коллегия определила отправить два пакетбота в Любек для перевозки пассажиров, писем и ручной клади. Командирами этих судов поставлены Ш. и Сомов. По возвращении из этого путешествия Ш. принимал деятельное участие в двух Камчатских экспедициях под начальством Витуса Беринга. В первый раз исследователи, после многих трудов и лишений, добрались до 65 гр. 30' с. ш., причём на долю Ш. выпало сложное дело постройки судов на Лене для перевозки груза и расследование водного пути до Нижнекамчатска. Когда вскоре по возвращении из первой экспедиции Беринг представил императрице Анне Иоанновне записку, в которой предлагал проведать пути к Америке и Японии, для торговли с этими странами, и исследовать северный берег России между Обью и Леной, адмиралтейств-коллегия снарядила новую экспедицию, и Ш. был поставлен во главе самостоятельного отряда, посланного для осмотра берегов Японии и описи Курильских островов и реки Амура. Эта вторая экспедиция затянулась на несколько лет. Летом 1738 г. Ш. плывал вдоль западных берегов Курильской гряды, насчитал 31 неизвестный ещё остров, дал им названия и нанёс на карту. В следующем году он повторил путешествие, придерживаясь, однако, на этот раз восточной стороны Курильских островов. Дойдя до 39° с. ш., Ш. увидел наконец берег Японии, острова Нипона, и, следуя далее к югу, 22-го мая бросил якорь. Здесь он завёл сношения с туземцами и обменивался с ними товарами. Отсюда путники направились на с.-в. Дорогой Ш. видел много островов, но в виду того, что люди его были больны, не приставал к берегу и 14 июля вернулся в Большерецк. Прибыв затем в Охотск, где застал Беринга, Ш. изложил ему свой дальнейший план экспедиции: он думал отправиться с большим числом спутников к вновь открытым островам и привести жителей их в русское подданство. Беринг предложил Ш. лично отправиться в Пе-

тербург для представления своего проекта. Ш. поехал, но должен был, в силу запрещения адмиралтейств-коллегии, остановиться в Якутске, так как над ним наряжено было следствие в виду подозрения, что он вовсе не был в Японии, а плывал вдоль берегов Кореи. Расследование показало, однако, что путешествие Ш. не было фикцией, и что лишь сведения, собранные им, не достаточно точны, а поэтому 15 апреля 1740 г. Ш. получил приказание возобновить экспедицию. Летом следующего 1741 г. он совершил своё третье путешествие к Курильским островам, отрядив предварительно дубель-шлюпку «Надежда» под командой мичмана Шельтинга с геодезистом Федоровым для описи западных берегов Охотского моря до устья Амура. Привести в исполнение свой план и на этот раз Ш. не удалось. Он намеревался уже возобновить плавание, когда 23 сентября 1743 г., по Высочайшему указу, экспедицию велено было приостановить. Ш. оставался затем на русской службе и умер в 1761 г. Источник: «Русский биографический словарь А. А. Половцова» 23.02.21 принят на русскую службу поручиком. В 1724, командуя пакетботом «Святой Яков», совершал первые грузопассажирские рейсы между Кронштадтом и Любеком. С 1725 состоял в 1-й Камчатской экспедиции. 15.12.27 произведен в капитан-лейтенанты. В 1728 на боте «Святой Гавриил» под командованием В. Беринга перешел из Нижнекамчатска в Чукотское море. Участвовал в описи Чукотского полуострова и открытого залива Креста, острова Святого Лаврентия, одного из островов Диомида и бухты Преображения. В 1730 через Сибирь вернулся в Санкт-Петербург. 07.09 произведен в капитаны 3 ранга. В 1732 назначен во 2-ю Камчатскую экспедицию. Его отряду поручались организация плавания «ради обсервации и изыскания пути до Японии», знакомство с ее жителями, описание островов, пристаней, природных богатств. 18.01.33 произведен в капитаны полковничьего ранга. В феврале выехал с командой из Санкт-Петербурга в Тобольск и далее в Якутск с целью подготовки транспортных судов для нужд экспедиции на Иртыше и Лене. В 1734 прибыл в Охотск, где были заложены 2 судна. 07.07.37 спустили на воду бригантину «Архангел Михаил», 19.07 – дубель-

шлюпку «Надежда». 07.07.38 суда перешли в Большерецк и 15.07 отправились на юг к Японии. Бригантиной командовал Шпанберг, дубель-шлюпкой – В. Вальтон. 24.07 суда разошлись. Шпанберг дошел до 45° северной широты (широта острова Итуруп, названного им Надеждой). На обратном пути нанес на карту 31 остров (больше, чем в действительности) и дал им русские названия. 18.8 вернулся на Камчатку. 21.05.39 Шпанберг на той же бригантине возглавил экспедицию из 4 судов. 18.6 стал на якорь у острова Хонсю, русские впервые познакомились с японцами и обменялись подарками. На обратном пути исследователи посетили северо-восточную часть острова Хоккайдо, побывали на Малой Курильской гряде, составили описание путешествия и карту плавания. В 1740 выехал с отчетом в Санкт-Петербург, но был возвращен обратно. В 1742 на пакетботе «Святой Иоанн» вместе с двумя другими судами вновь отправился в Японию, но из-за сильной течи судов возвратился в Большерецк. В 1745 самовольно прибыл в Санкт-Петербург, где был предан суду и приговорен к разжалованию в поручики на 3 месяца. В 1749, командуя кораблем «Варахаил» на Архангельском рейде, потерпел крушение. Погибло 28 человек. Шпанберг был арестован, но в декабре 1752 оправдан. 05.09.51 переименован в капитаны 1-го ранга. До 1761 служил на Балтике. Умер в Кронштадте. Именем Шпанберга названы мысы в Анадырском заливе и на острове Хоккайдо, гора на острове Сахалин, острова в Карском море, в архипелаге Александра, на Малой Курильской гряде и пролив между островом Полонского и островом Шикотан.

Источник: «Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки»

Мартын Петрович Шпанберг (ум. 1761). Выходец из Дании, капитан 1-го ранга русского флота, участник Первой и Второй Камчатских экспедиций. В 1720 г. принят в русский флот лейтенантом. В 1725–1730 гг. состоял в Первой Камчатской экспедиции Беринга-Чирикова. В 1727 г. в чине капитан-лейтенанта, командуя штиком «Фортуна», дважды совершил переход из Охотска в Большерецк (на западном берегу Камчатки), перебрасывая туда экспедицию. В 1728 г.

плавал под командой Беринга на боте «Св. Гавриил» из Нижнекамчатска (на восточном берегу полуострова) через Берингов пролив в Чукотское море и в 1729 году на этом же судне вернулся в Охотск; через Сибирь в 1730 г. проехал в Петербург; произведен в капитаны 3 ранга. В 1731–1744 гг. состоял во Второй Камчатской экспедиции. В 1732 г. назначен начальником отряда судов с заданием описать Курильские о-ва и обследовать Японию. В 1733–1737 гг. в чине капитана полковничьего ранга перебросил через Сибирь людей, припасы и материалы в Охотск и построил там морские суда. В 1738 г., командуя отрядом из трех судов (вместе с Вальтоном и Шельтингом), на бригантине «Архангел Михаил» перешел из Охотска в Большерецк (на западном берегу Камчатки), а оттуда перешел на юг вдоль Курильских о-вов до Урупа включительно. Отряд открыл ряд островов, нанес Курильские о-ва на карту, не очень правильную. Зимовал в Большерецке. В 1739 г., командуя отрядом из четырех судов, одно из которых разлучилось с ним в пути, дошел до восточного берега главного японского острова Хонсю, где неудачно пытался завязать сношения с японцами. На обратном пути подходил к восточному берегу Хоккайдо; затем через Большерецк перешел в Охотск. В 1742 г. снова ходил из Большерецка к Хонсю на двух судах (вместе с Шельтингом), но у 39° с. ш. (широта южного Хоккайдо) из-за туманов повернул обратно и перешел в Охотск. В 1743 г., как старший в чине, формально заменил умершего Беринга в должности начальника всей Второй Камчатской экспедиции. В 1745 г. за самовольное возвращение в Петербург был предан суду и приговорен к смертной казни. Приговор не был приведен в исполнение: в 1747 г. Шпанберг был помилован, но разжалован в поручики. В 1749 г. снова предан суду за крушение корабля, которым он командовал, и гибель при этом 28 человек экипажа, но оправдан. В 1751 г. произведен в капитаны 1-го ранга. Шпанберг Мартын Петрович (1698–1761) Мартын Петрович Шпанберг родился в Дании в деревне Эрне около современного города Эсбьерга. В 1721 г. он был принят на русскую службу в чине поручика. В 1724 г. Шпанберг командовал пакетботом

«Святой Яков», который совершал грузопассажирские рейсы между Кронштадтом и Любеком. В 1725 г. Шпанберг был назначен помощником начальника Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга, принимал участие в ее подготовке. В 1727 г. он был произведен в капитан-лейтенанты. В 1727 г. дважды совершил переход из Охотска в Большерецк, перевозя участников экспедиции и грузы. В 1728 г. вместе с Берингом на боте «Святой Гавриил» прошел из Нижнекамчатска в Чукотское море, участвовал в описи Чукотского полуострова, залива Креста, острова Святого Лаврентия, одного из островов Диомида и бухты Преображения. В августе 1730 г. Шпанберг вернулся в Петербург. В этом же году он был произведен в капитаны 3-го ранга. В 1732 г. Шпанберг получил назначение во Вторую Камчатскую (Великую Северную) экспедицию, вновь став помощником Беринга. Отряду под его руководством было поручено совершить плавание к берегам Японии. В феврале 1733 г. Шпанберг, произведенный в капитаны полковничьего ранга, выехал из Петербурга в Тобольск и далее в Якутск, где занимался подготовкой транспортных судов для северных отрядов экспедиции. В 1734 г. он прибыл в Охотск, где были заложены два судна для «японского отряда» – бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда». Третьим судном экспедиции стал бот «Св. Гавриил». Летом 1738 г. экспедиция вышла из Большерецка. Флагманским судном экспедиции – парусником «Архангел Михаил» – командовал сам Шпанберг. Во время этого плавания «Архангел Михаил» прошел вдоль Курильской гряды до острова Уруп, а затем вернулся в Большерецк, где участники экспедиции зазимовали. Дойти до берегов Японии отряду удалось летом 1739 г. 22 июня суда бросили якорь в бухте Тасирохама на острове Хонсю. После знакомства с местным населением и осмотра близлежащих мест отряд двинулся в обратный путь. В начале июля моряки подошли к островам Курильской гряды, исследовали и нанесли их на карту. В августе отряд вернулся на Камчатку. В 1740 г. Шпанберг выехал с отчетом в Петербург, но был возвращен обратно для подготовки нового плавания. В 1742 г. на пакетботе «Свя-

той Иоанн» вместе с двумя другими судами он вновь отправился в Японию, но из-за поломки судов смог дойти лишь до Курильских островов, а затем возвратился в Большерецк. В результате работы отряда Шпанберга был разведан путь в Японию, впервые пройдена с восточной стороны вся Курильская гряда и сделана ее опись. В 1743 г. после смерти Беринга Шпанберг был назначен начальником Второй Камчатской экспедиции. В 1745 г. он самовольно прибыл в Петербург, где был предан суду и приговорен к смертной казни, но через год по ходатайству датского посланника помилован с разжалованием в поручики. В 1749 г. судно «Варахаил», которым командовал Шпанберг, потерпело крушение на Архангельском рейде, при этом погибло 28 человек. Шпанберг был арестован, но в декабре 1752 г. оправдан. До 1761 г. Мартын Петрович Шпанберг служил на Балтийском море. Умер он в Кронштадте в 1761 г. в чине капитана 1-го ранга. Именем Шпанберга названы горы на Чукотке и Сахалине, мысы в Анадырском заливе и на острове Хоккайдо, острова в Карском море, в архипелаге Александра, на Малой Курильской гряде и пролив между островом Полонского и островом Шикотан.

Южный отряд Шпанберга (1738–1742). Согласно распоряжениям Сената и Адмиралтейств-коллегии для отыскания морских путей в Америку и Японию были снаряжены два морских отряда. Южному морскому отряду Великой Северной экспедиции предписывалось, построив в Охотске или на Камчатке три судна, плыть «ради обсервации и изыскания пути до Японии» и попутно обследовать Курильские острова. Достигнув Японии, отряд должен был ознакомиться с ее политическим строем, обследовать порты и по возможности установить мирные торговые отношения с ее жителями. Возглавил отряд помощник Беринга капитан Мартын Шпанберг. В 1735 г. Шпанберг прибыл в Охотск, где под его наблюдением были построены два судна для «японского отряда» – бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда». К концу 1737 г. подготовка судов была полностью завершена, однако не удалось закончить подвозку путевого провианта и морского снабжения. Отpravку экспедиции отложили до весны 1738 г. 18 июня 1738 г. суда экспедиции покинули

устье Охоты и вышли в море. На борту флагманского судна «Архангел Михаил», командовал которым Шпанберг, было более 60 человек экипажа, в том числе штурман Петров, пробирных дел мастер Гардеболь, лекарь, иеромонах и пр. Дубель-шлюпкой «Надежда» командовал мичман Александр Шельтинг и штурман Казимеров, ботом «Святой Гавриил» – лейтенант Вильям Вальтон и его помощник подштурман Верещагин. Из-за штормовой погоды суда вскоре потеряли друг друга, но в начале июля встретились в Большерецке на Камчатке.

15 июля 1738 г., пополнив личный состав отряда подштурманом Родичевым, геодезистом Свистуновым, переводчиками и матросами, а также загрузив запас провизии, мореплаватели направились к Курильским островам. В густом тумане суда вновь разошлись. «Надежда» вернулась в Большерецк, «Архангел Михаил» прошел вдоль Курильской гряды до острова Уруп. Подойти к островам и осмотреть их Шпанберг не рискнул, написав в отчете: «берега каменные, утесы весьма крутые, и в море великая быстрина, и колебание жестокое на якоре стоять, грунтов не имеется и очень глубоко...» В середине августа судно прибыло в Большерецк. Наибольшего успеха добился лейтенант Вальтон. Его отряд на «Св. Гаврииле» дошел до берегов острова Хоккайдо, обследовав и описав 26 островов, затем вернулся в Охотск, а в мае 1739 г. – в Большерецк.

Зиму 1738–1739 г. отряд Шпанберга посвятил подготовке к новому походу. Суда экспедиции были отремонтированы, в дополнение к ним на Камчатке построили 18-весельный шлюп «Большерецк». Командиром шлюпа стал квартирмейстер Василий Эрг.

21 мая 1739 г. отряд вышел в плавание и через четыре дня подошел к Курильским островам. Некоторое время мореплаватели потратили на поиски гипотетической земли Хуана де Гама, а затем, не обнаружив ее, направились к берегам Японии. 16 июня экспедиция достигла северо-восточного побережья острова Хонсю и продолжила движение к югу. Из-за густого тумана и сильного шторма «Св. Гавриил» отбился от эскадры. Продолжая двигаться вдоль японского берега, он вскоре стал на якорь у селения Амацумура на широте 37°42'.

Для того чтобы набрать свежей воды и осмотреть селение, Вальтон отправил на берег штурмана Казимерова, квартирмейстера Черкашина и шестерых матросов. Эти люди стали первыми русскими, вступившими на японскую землю. Японцы радушно встретили моряков, угощали их вином, фруктами и овощами. В сохранившемся отчете штурмана Казимерова о посещении деревни Амацумура написано: «Ходил я по слободе, в которой дворов, например, полторы тысячи. Строение во оной слободе деревянное и каменное, палаты устроены вдоль по берегу близ моря например версты на три, и жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, а также и лавки с товарами, в которых видел я пестряди бумажные и шелковые, а иного вскорости рассмотреть некогда было; скота имеют у себя коров и лошадей, тако ж и куриц. А хлеба, по-видимому, кроме рису и гороху у них нет; из овощей имеют виноград, померанцы, шепталу и редис».

На борт «Св. Гавриила» поднялся местный чиновник, осмотревший судно. Затем «Св. Гавриил» продолжил путь на юг и дошел до залива Симода, откуда в конце июня лег на обратный курс, а спустя месяц благополучно вернулся в Большерецк, а потом направился в Охотск.

Остальные суда экспедиции, также двигавшиеся вдоль японского берега, 22 июня бросили якорь в бухте Тасирохама у деревни Исомура.

Прибытие русских судов вызвало большой интерес у местного населения. Жители ближайших селений на лодках привозили путешественникам рыбу, крупу, овощи, фрукты, табак, обменивали их на русские товары или просто дарили. Японцы помогли морякам запастись свежей водой. Побывал на судне Шпанберга и японский чиновник, осмотревший парусник. С его помощью Шпанбергу удалось удостовериться, что он действительно находится у побережья Японии. Из-за отсутствия переводчиков, владеющих японским языком, объясняться приходилось жестами.

Спустя несколько дней суда экспедиции, снявшись с якорей, покинули японский берег, взяв направление на северо-восток. 3 июля моряки подошли к большой группе островов,

покрытых богатейшей растительностью. Эти острова, принадлежащие Курильской гряде, получили названия Зеленый, Фигурный, Трех сестер, Цитронный и т. д.

Во время дальнейшего пути путешественники прошли мимо ряда островов (Кунашир, Шикотан, Итуруп и др.), на некоторых островах высаживались для их исследования и пополнения запасов пресной воды.

В середине июля в отряде Шпанберга появились больные цингой, от которой умерло более 10 человек. Сильные ветры, штормы, частые густые туманы мешали продвижению судов, поэтому было принято решение о возвращении в Большерецк.

В августе отряд подошел к устью реки Большой, а после небольшой стоянки отправился в Охотск. На пути в Охотск во время шторма едва не погибла дубель-шлюпка «Надежда», и Шельтинг вынужден был вернуться в устье Большой и встать там на зимовку.

Летом 1740 г. «Надежда» присоединилась к остальным судам отряда в Охотске.

В Охотске Шпанберг встретился с Берингом и доложил ему об итогах экспедиции к берегам Японии. По поручению Беринга в ноябре 1739 г. Шпанберг отправил в Адмиралтейств-коллегию рапорт с описанием плавания и картами, составленными участниками похода. К рапорту были приложены вещи, привезенные из Японии, в том числе золотые монеты, полученные в обмен на русские товары.

В апреле 1740 г. Шпанберг получил приказ немедленно отправиться в Петербург, однако в пути его встретил нарочный с распоряжением возвратиться в Охотск и начать подготовку нового плавания к Курильским островам и Японии.

В течение года Шпанберг занимался подготовкой экспедиции: заготовливал снаряжение и провизию, руководил ремонтом старых и строительством новых судов. К концу лета 1741 г. все было готово к началу похода. В сентябре пакетбот «Святой Иоанн», бригантина «Архангел Михаил» и шлюп «Большерецк» из Охотска взяли курс на Большерецк, где должны были встать на зимовку. При переходе во время сильного шторма бригантина «Св. Михаил», которой командовал геодезист Сви-

стунов, потеряла управление и была отброшена к Курильским островам. Дубель-шлюпка «Надежда» под командой мичмана Шельтинга отправилась для описи западного берега Охотского моря до устья Амура, однако возле Шантарских островов на судне появилась течь, и моряки вынуждены были вернуться в Большерецк. Все суда собрались в Большерецке в начале октября 1741 г.

После окончания зимовки в мае 1742 г. суда экспедиции взяли курс на Курильские острова. Флагманским судном отряда, которым командовал Шпанберг, стал пакетбот «Св. Иоанн». Штурмана судна Петрова заменили Хмелевский и Верещагин. В качестве переводчиков с японского языка к экспедиции были прикомандированы двое учеников Академии из Петербурга.

На сей раз дойти до Японии судам не удалось. До конца июля моряки вели исследования в районе Курильских островов, где многочисленные штормы изрядно потрепали суда, а «Святой Иоанн» получил пробоину. На совете, собранном Шпанбергом, было принято решение о возвращении.

В конце июля суда прибыли в Большерецк, а оттуда дошли до Охотска. Продолжила работу лишь дубель-шлюпка «Надежда», которая в начале августа прошла проливом между Сахалином и Японией. Добравшись до устья Амура, моряки провели съемку берегов между Амуром и Удой, а затем в сентябре 1742 г. вернулись в Охотск. Участниками экспедиции были получены первые данные об Охотском море и Амурском лимане, открыт и нанесен на карту ряд островов Курильской гряды, установлено действительное положение островов Японии. Одним из важнейших итогов работы отряда стало открытие морского пути из России в Японию. В январе 2005 г. в Камогава, выросшем на месте деревни Амацумура, был поставлен памятный камень с надписью «Место первой в истории высадки русских на берега Японии».

М. В. Дукальская

Экспедиция Шпанберга к Японии и опись Курильских островов (1738–1742)

Начальником отряда Второй Камчатской экспедиции, который должен был описать Курильские острова, берега Охотского моря и изыскать пути к берегам Японии, был назначен капитан Мартын Петрович Шпанберг (выходец из Дании), участвовавший до того в Первой экспедиции Беринга. В Охотске для отряда были построены два судна: бригантина «Архангел Михаил», одномачтовая с тендерским вооружением (длина 60 футов, ширина 18 футов и осадка $7\frac{1}{2}$ футов) и дубель-шлюпка «Надежда», трехмачтовая, с гафельными парусами (длина 70 футов, ширина 17 футов и осадка 5 футов). Кроме того, для отряда был отремонтирован бот «Св. Гавриил» (длина 60 футов, ширина 20 футов, осадка $7\frac{1}{2}$ футов). Одновременно был починен старый шитик «Фортуна». Этот бот 4 октября 1737 г. был послан под командой штурмана Родичева в Большерецк за смолой. На пути ветхое судно чуть не затонуло, а 13 октября, уже в большерецком устье, волной было выброшено на берег и разбито вдребезги. Во время крушения будущий исследователь Камчатки Степан Крашениников вышел на берег «в одной рубашке».

Бригантиной «Архангел Михаил» командовал сам Шпанберг, командиром дубель-шлюпки «Надежда» был назначен лейтенант Видим Вальтон (выходец из Англии), и бота «Св. Гавриил» – лейтенант Алексей Елизарович Шельтинг (выходец из Голландии).

18 июня 1738 г. отряд Шпанберга вышел из Охотска в Большерецк. На «Архангеле Михаиле» было всего 63 человека, на «Надежде» и «Св. Гаврииле» по 44 человека. 15 июля Шпанберг из Большерецка стал спускаться к югу вдоль Курильских островов, попутно нанося их на карту и давая им новые названия. Уже 19 июля от Шпанберга отстал Шельтинг, а 24 июля – Вальтон.

Спустившись до $45^{\circ}50'$ с. ш., невидимому до острова Уруп, и 3 августа обогнув его, Шпанберг 17 августа вернулся в Большерецк. За время своего плавания он нанес на карту 31 остров, больше, чем Курильских островов на самом деле существует.

Шельтинг, на другой день после разлучения со Шпанбер-

гом, повернул в Большерецк, куда и возвратился 7 августа.

Вальтон, отделившись от Шпанберга, прошел вдоль Курильских островов до восточного выступа острова Хоккайдо (около 43°20' с. ш.) и нанес на карту 26 островов. 27 августа Вальтон тоже был в Большерецке.

В сентябре того же года в Охотск, с заготовленной в Большерецке смолой и собранным ясаком, был послан бот «Св. Гавриил» под командой подштурмана Ивана Верещагина. Вскоре бот был выкинут на берег Камчатки у устья реки Крутогоровой. Весной 1739 г. бот снова спустили на воду, и он опять поступил под команду Шельтинга.

Во время зимовки в Большерецке была построена из березы «березовка» – восемнадцативесельный шлюп «Большерецк», отданный под команду квартирмейстеру Василию Эрту. 21 мая 1739 г. все четыре судна вышли из Большерецка и 25 мая достигли первых Курильских островов. Здесь по неизвестной причине Шпанберг перевел Вальтона на «Св. Гавриил», а Шельтинга на «Надежду».

1 июля отряд Шпанберга вышел в море, на этот раз прямо на юг по меридиану Камчатки в поисках «Земли да Гамы», показанной на карте Делиля. Дойдя до 42° с. ш. и не увидев никакой земли, Шпанберг повернул к юго-западу до параллели 39° и уже отсюда лег на запад к Японии.

Вальтон 14 июня на подходе к Японии на широте 39 1/2° опять отлучился. Соколов отмечает, что Вальтон и до этого изыскивал «все способы отойти от своего начальника, так что заметивший это Шпанберг даже отдал приказание команде Вальтона – постыдное нарушение дисциплины – не слушаться его, если заметят, что он имеет намерение отделиться».

16 июня Шпанберг, Шельтинг и Эрт увидели берега Японии и 22 июня стали на якорь приблизительно на 37°5' с. ш. Здесь приобрели у японцев кой-какие продукты. 3 июля на обратном пути на 44°5' с. ш. увидели ряд островов, принадлежавших к Курильским. По-видимому, это были остров Шикотан и южная сторона острова Итуруп. На первом острове нашли хорошую гавань и налились водой. Здесь от Шпанберга отделился шлюп «Большерецк».

Дальше – к западу от этих островов Шпанберг и Шельтинг подходили к Южным Курильским островам, в частности, к острову Кунашир, от жителей которого получили много новых сведений. 24 июля на 41° с. ш. подошли к японскому острову Матсмаю (Хоккайдо), у которого видели много судов. На бригантине и дубель-шлюпке было много больных. Поэтому, не подходя к берегу, повернули к Большерецку.

31 июля отстал от Шпанберга и Шельтинг. На обратном пути Шпанберг пересек место, на котором на карте была показана мифическая «Земля Штатов».

14 августа Шпанберг пришел в Большерецк, а 29 августа – в Охотск, потеряв за время плавания 13 человек, умерших от цинги.

Вальтон после отделения от Шпанберга увидел берега Японии 16 июня на 37°42' с. ш. и, продолжая путь на юг, 18 июня стал на якорь на 34°16' с. ш. у видневшегося вдали города. Здесь на берег ездили штурман Казимеров. и семь человек команды. Встретили их японцы приветливо.

На другой день на «Св. Гавриил» приезжал какой-то, по-видимому, знатный, японец, сопровождаемый сотней мелких судов. Во избежание недоразумений Вальтон ушел дальше на юг, иногда становясь на короткое время на якорь.

23 июня на 33°28' с. ш. Вальтон стал на якорь у небольшого островка, а 24 июня пошел к Камчатке более южным путем, чем плыл со Шпанбергом; к берегам Японии. Выбирая такой путь, он, по-видимому, также питал надежду увидеть «Землю да Гамы». В дальнейшем Вальтон поднялся к северу вдоль – восточных берегов Камчатки. 12 июля, находясь на 52°5' с. ш., он повернул обратно, спустился к юго-западу, обогнул Камчатку и 25 июля пришел в Большерецк.

28 июля в Большерецк вернулся и шлюп «Большерецк», который, потеряв Шпанберга, искал его в течение нескольких дней, а затем пошел обратно. 7 августа оба судна вышли из Большерецка и 22 августа вернулись в Охотск.

Дубель-шлюпка «Надежда» под командой Шельтинга, разлучившись со Шпанбергом 31 июля, прошла на северо-восток до 51-й параллели, от которой 11 августа повернула па запад.

На восточном берегу Камчатки налились водой, затем обогнули Камчатку и, приближаясь к Большерецку, 30 августа едва не были выкинуты на берег. На другой день все же удалось войти в реку. Во время этого плавания несколько человек умерло и многие были больны. 9 сентября «Надежда» вышла из Большерецка и 18 сентября приблизилась к Охотску, но поднявшимся штормом была отброшена далеко на юг. 22 сентября, когда ветер стих, опять направились к Охотску, но 26 сентября снова были отброшены. 1 октября повторилось то же самое. Тогда совершенно измученная и больная команда буквально взмолилась. По общему совету решили возвращаться. 7 октября добрались до Большерецка и на другой день вошли в реку. Только в июле 1740 г. Шельтинг вернулся в Охотск.

К 1741 г. в Охотске для отряда Шпанберга был построен пакетбот «Св. Иоанн» длиной в 69 футов и отремонтированы бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюка «Надежда» и шлюп «Большерецк». Специально для плавания к берегам Японии из Петербурга в распоряжение Шпанберга были присланы два ученика Академии наук Шенаныгин и Фенев, обучившиеся японскому языку.

В 1741 г. из-за позднего времени плавание к берегам Японии не состоялось. Все же Шпанберг 4 сентября отправил из Охотска дубель-шлюпку «Надежду» под командой Шельтинга с геодезистом Гвоздевым, тем самым, который вместе с Федоровым совершил первое, исторически доказанное плавание русских к берегам Северной Америки. Шельтинг прошел вдоль западных берегов Охотского моря к Шантарским островам. 15 сентября он перешел к устью реки Уды и осмотрел ее до Удского острога. Река для плавания оказалась неудобной. С 22 по 28 сентября Шельтинг плывал между Шантарскими островами в поисках хорошей якорной стоянки. В это время на судне открылась течь, и Шельтинг 9 октября вернулся в Большерецк. Сам Шпанберг с судами «Св. Иоанн», «Архангел Михаил», «Большерецк» и «Св. Гавриил», взятым специально для перевозки провизии, 12 сентября вышел из Охотска и 22 сентября прибыл в Большерецк. «Архангел Михаил», которым по недостатку морских офицеров командовал геодезист Свис-

тунов, в пути потерял грот-мачту, и его занесло к Курильским островам. В Большерецк он прибыл только 10 октября.

23 мая 1742 г. пакетбот «Св. Иоанн» под командой Шпанберга, бригантин «Архангел Михаил» под командой Шельтинга, дубель-шлюпка «Надежда» под командой штурмана Василия Ртищева (участвовавшего в 1735–1736 гг. в экспедиции Ласиниуса) и шлюп «Большерецк» под командой боцманмата Казина вышли в море. Зайдя по пути на первые Курильские острова, где были взяты два переводчика из местных жителей, отряд 30 мая вышел на юго-запад. Погода стояла туманная и в тумане суда разошлись. 4 июня, когда туман рассеялся, у 47° с. ш. около «Св. Иоанна» оказался только шлюп «Большерецк». 12 июня на широте 44°5' потерялся и он. 30 июня Шпанберг находился на 39°33' с. ш. На судне открылась большая течь, и было решено возвращаться.

14 июля Шпанберг был у первых Курильских островов и здесь увидел все суда отряда. 29 июля Шпанберг со всеми судами, кроме «Надежды», отправился в Большерецк. Оттуда, считая, что суда из-за ветхости больше для плавания не годятся, он 11 августа вышел в Охотск, куда и прибыл 26 августа.

Шельтинг, назначенный командиром дубель-шлюпки «Надежда», вышел от Курильских островов к Сахалину, к которому и подошел 1 августа – на 50°10' с. ш. Отсюда он спустился на юг, приблизительно до пролива Лаперуза. 17 августа Шельтинг повернул на север и 10 сентября вернулся в Охотск. Из-за туманов и неблагоприятных ветров восточный берег Сахалина (который Шельтинг по карте Делиля считал «Землей Ездо») был осмотрен весьма поверхностно. Вальтон, до того участвовавший в походах Шпанберга, с 1740 г. оставался в Охотске, заведая экспедиционными командами. В январе 1741 г. он выполнил береговую съемку от Охотска на восток до реки Ини на расстоянии 95 верст, а в феврале на юг до реки Ульи на расстоянии 114 верст. В 1742 г. на Камчатке были произведены описи берегов: геодезистом Моисеем Ушаковым от Большерецка до Тигиля и гардемаринном Андреяном Юрловым от Лвачи до Кроноцкогомьса. Таким образом, была продолжена на се-

вер съемка берега, выполненная Елагиным от Большерецка до Авачи.

В это же время геодезист Красильников определил широты и долготы Петропавловской гавани, Большерецка, Охотска и многих пунктов внутри Сибири.

В результате плаваний 1738–1739 г. Шпанбергом и Вальтоном была составлена карта Курильских островов, являвшаяся с географической точки зрения большим шагом вперед. Попутно надо отметить, что на карте Львова 1726 г., составленной по местным известиям и, очевидно, по работам Евреинова и Лужина (1721), Курильские острова показаны гораздо вернее, чем на картах Страленберга (1720–1721), Кириллова (1734) и, в особенности, на карте Делиля, составленной для Второй Камчатской экспедиции (<http://www.polarmuseum.ru/sketches/vse/south/south.htm>).

Шпанберг Андрей Мартынович, сын Мартына (Мартина) Петровича Шпанберга

«В 1750 г. сын М. П. Шпанберга – А. М. Шпанберг – представил в Адмиралтейств-коллегию рапорт с новым проектом установления торговых отношений с Японией, но не был тогда поддержан. Тем не менее, спустя десятилетие на основании его проекта Ф. И. Соймонов представил в правительство записку “О позволении купцам собственным их иждивением открывать Курильские острова”. В 1761 г. последовал соответствующий указ Сената. На основании его Иркутский губернатор А. И. Бриль предписал главному командиру Камчатки К. М. Бему предпринять более решительные шаги к организации плаваний на Курилы. В частности, было предложено отправить секретно одно частное судно под видом промыслов вплоть до Матсмая (Хоккайдо). Первая попытка, предпринятая селенгинским купцом А. Толстых, оказалась неудачной.

С 1774 г. за дело взялись компаньоны П. С. Лебедев-Ласточкин и Г. И. Шелехов. Один за другим ими были отправлены два судна на “Св. Николай” и “Св. Наталия”. Руководителям этих экспедиций И. М. Антипину и иркутскому купцу Д. Я. Шабалину предписывалось вступить с японцами в переговоры и по-

пытаться установить торговые связи. Шабалину дважды удалось встретиться с японскими торговцами, а на северо-восточной оконечности Хоккайдо провести переговоры с представителем местной администрации. В ходе переговоров последний заявил, что для торговли есть порт Нагасаки, “где со всех сторон собираются и торги производят, куда можете ходить и вы”. Эти первые контакты были положительно оценены и самими купцами, и правительством.

П. С. Лебедев-Ласточкин писал позднее, что “двоекратно с епонцами компания наша виделась и менялись малым еще количеством, а время от времени начало бы приумножаться”. Все материалы о плаваниях к Японии он представил в правительство. Планы установления торговых связей с Японией получили высочайшее одобрение, а Лебедев-Ласточкин был награжден золотой медалью с надписью “За полезные обществу труды”.

1750 г., июня 21. – Протокол заседания Сената с обсуждением предложения инженер-прапорщика А. М. Шпанберга об организации экспедиции к берегам Японии 1750 г. июня в 21 день в собрании Правительствующий сенат, слушав поданного от инженер-прапорщика Андрея Шпанберха доношения, коим доносит, что в 1731-м году по указу Адмиралтейств-коллегии послан был отец ево, флота капитан Мартын Шпанберх, в Камчатскую экспедицию для описания лежащих от Камчатки до Японии и японских островов, где будучи и он с отцом своим употреблял себя произвольно. И в 738-м году до Японии снято и описано 32 острова, а в 739-м году по прямому от Камчатки до Японии тракту некоторую часть Японской земли сняли и, следуя обратно, нашли остров Матмай, которого часть и описали, и еще два, кои ими и проименованы: один – Зеленым, а другой – Фигурной (на котором имеетца натуральная гавань, в которой можно всяким судам от морских штурмов закрыть и в безопасности быть). И на оных множество людей видели и называютца они курильцы, которья, как можно видеть, самовластию и ни под каким владением живут, и по разговорам с ними уведомились, что и за оным их островом лежащих островов во множестве и на оных таковыя ж жители есть. И по описании вышеписанного, возвратясь в Камчатку, тем

трактам и снятым островам сочинил он карту, которая с подпискою его руки и отправлена в Адмиралтейскую коллегию. А ныне он, Шпанберх, по знанию тамошних мест и за обычайности тамошним поведенциям, к тому ж по ево наукам, имеет ревностное желание тамо еще быть и вышеписанные лежащие острова и сверх того, какия еще найтить можно, обстоятельно описать и высмотреть, и на которых островах имеются люди, желает приводить в подданство ея и. в., что можно небольшим коштом учинить, и сверх того, что еще к пользе и плоду ея и. в. найти может, снять и с обстоятельством описать имеет, а о потребных к тому надобностях, ежели Правительствующий сенат соизволит, впредь надлежащая ведомость от него представлена будет. Приказали: справитца с прежними производившимися в Сенате по Камчатской экспедиции делами: что об оной и о бывших в той экспедиции служителях, також о судах и других припасах учинено и, выписав, доложить, а вышепереченному инженер-прапорщику Шпанберху подать проэкт со изъяснением, на каком основании и принадлежащими способы в совершенное и беспрепятственное показанных от него островов осмотрение и описание учинить и тамошней народ к подданству ея и. в. предприятъ быть может, и какие к тому при нем люди и материалы и другие надобности потребны, и что на содержание всего того в год казенной суммы надобно, и о том ему, Шпанберху, призвав его в Сенат, объявить. Подлинной за подписанием Правительствующаго сената 5 день июля Регистратор Иван Баженов Помета: “Сие определение инженер-прапорщику Шпанберху в секретной экспедиции объявлено июля 6 дня 1750 году”». ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 485а, л. 26–27. Заверенная копия. Оpubл.: Сенатский архив. СПб., 1897, т. VIII, с. 113. 1739 г. марта 20. – Инструкция М. П. Шпанберга А. М. Шпанбергу об описании Авачинской бухты 1 № 84.

«Инструкция сыну нашему Андрею Шпанберху, по которой исполнение чинить нижеследующее: 1. Надлежало было мне ехать самому на реку Овачю для осмотра Оваченской морской губы, понеже надлежит быть настоящей для зимнего времени гавану, да тамо ж без нас построен мояк и для поклажи амбар, точию за многими экспедицкими исправлениями мне самому ехать ныне невоз-

можно. 2. Того ради ехать тебе на ту реку Авачю для снятия плана и тамошнего ситуацион и для осмотра Оваченской морской губы и надлежащего описания удобных и безопасных мест, где можно быть гавану, и протчих знатных мест. 3. И как будешь чинить при той губе описание, то иметь тебе верное и прилежное смотрение и радетельное старание к лутчей пользе ея и.в. высокого интереса и поступать в том положенном тебе деле, как надлежит чесному и верному к службе ея и.в. рабу, во всем твоём искусстве и то положенное на тебя дело исполнить во всем неотменно. А для вспоможения надлежащего тебе дела определены от нас салдаты Василей Спириин да Петр Копотилов, а для толмачества иноземческих речей – толмач Алексей Мутовин. Також ежели какое вспоможение востребуетца, то требовать от тамошних жителей. 4. И как оную губу осмотришь и во всем действительно опишешь, то самому тебе ехать, не умедля, возвратно в Большерецк и то описание объявить к нам при репорте. 5. Будучи в пути, також и у надлежащего твоего по данной инструкции сея исправления, тебе и определенным с тобою тамо живущим обывателям обид и разореней отнюдь никаких не чинить под опасением по указу надлежащего суда. И для проезду твоего определено от нас взять тебе от Большерецкой приказной избы одного каюра с собаками и санками». ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 98, л. 22 об-23. Запись в журнале исходящих документов.

Комментарий 1. Работы по описанию Авачинской бухты были начаты еще в 1737 г. подпоручиком И. Свистуновым и подштурманом Е. Родичевым (см. док. № 119). В 1738 г. в устье р. Авачи началось строительство маяка, казарм для команды и жилища для В.-Й. Беринга. Из-за отсутствия достаточного количества леса к марту 1739 г. на Аваче был сооружен только один маяк. Продолжение этих работ М. П. Шпанберг хотел поручить своему сыну Андрею Мартыновичу, о чем говорит публикуемая инструкция. Однако уже 16 апреля 1739 г. он составил новую инструкцию солдату П. Копотилу (ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 98, л. 30), ранее включенному в команду А. М. Шпанберга, ограничив задачи П. Копотилова лишь заготовкой леса и постройкой жилья на Аваче. О деятельности А. М. Шпанберга на Камчатке сведений обнаружить не удалось. Описание побережья Камчатки от Большерецка до Авачинской бухты продолжилось

лишь осенью 1739 г. лейтенантом И. Ф. Елагиным и мичманом В. А. Хметевским (см. док. № 119»)(<http://www.child.baikal.ru/nasledniki/rus/ist06.htm>).

ШТИЛЬНИКОВЫ

Фамилия крестьян из села Ключи.

В составе Усть-Камчатской дружины обороняли Камчатку от японцев Степан и Иван Штильниковы. Иван – это, скорее всего, Иван Алексеевич Штильников, потомки которого живут на Камчатке.

Штильникова Марфа Иоанновна. Род. 6 января 1907 г. Родители – крестьянин селения Ключевского Иоанн Алексеевич Штильников и законная жена его Евфимия Флоровна. Восприемники – сын старшего фельдшера селения Ключевского Георгия Михайловича Григорьева Михаил и жена сына того же фельдшера Александра Георгиевна Григорьева. Свящ. Михаил Ерохин с псаломщиком Ксенофонтом Михайловым (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1907 год, ГАКК).

Штильникова Екатерина Ивановна. Род. 22 ноября 1904 г. Родители – крестьянин селения Ключевского Иван Алексеевич Штильников и его законная жена Евфимия Флоровна. Восприемники – исправляющий должность псаломщика Ключевской Троицкой церкви Ксенофонт Ксенофонович Михайлов и старшего фельдшера селения Ключевского Георгия Михайловича Григорьева дочь Евстолия. Свящ. Гер. Коллегов с и. д. псаломщика Ксенофонтом Михайловым (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1904 год, ГАКК).

Штильникова Татьяна Ивановна Род. 11 января 1909 г. Родители – крестьянин селения Ключевского Иван Алексеевич Штильников и законная жена его Евфимия Флоровна. Свящ. Михаил Ерохин (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1909 год, ГАКК).

В Исповедальной росписи Ключевской церкви за 1893 г. имеются сведения о семье Ивана Алексеевича:

Отец – Алексей Акинфович Штильников (45 лет). Жена Мария Дормидонтовна (37). Дети: Иван (16), Василий (11), Акинф (3), Дарья (1 год).

Дядя – Тимофей Акинфович Штильников (39), его жена Марина Зиновна (23) и сын Зион (2 года).

ШУВЫРИНЫ (ШЕВЫРИНЫ)

В нашей картотеке есть только одна ссылка на эту фамилию: в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. принимал участие Андрей Шувурин из села Кахтана.

А фамилию свою Шувырины получили от камчатских казаков Шевыриных, самым известным из которых был казак-мореход Сила Шевурин.

В 1750 г. на промысел ушли еще два судна: «Св. Симеон и Иоанн» компании купца И. Рыбинского (оно разбилось у о-ва Медный) и «Св. Николай» компании Н. Трапезникова. Последнее судно под командой казака Силы Шевырина, уже плававшего на нем в 1749–1750 гг. к о-ву Беринга, достигло Ближних Алеутских о-вов. Здесь экипаж провел три года, занимаясь добычей пушнины. В 1753 г. «Св. Николай» возвратился на Камчатку с большим грузом мехов на 105 730 руб. и яском, собранным в казну с 15 алеутов. Гораздо более примечательным было плавание судна «Св. Владимир», которое, как и предыдущее, вышло с Камчатки в 1758 г. Оно принадлежало компании купца Красильникова. Экипаж состоял из 45 человек во главе с мореходом казаком С. Шевыриным и передовщиком С. Полевым. После зимовки на о-ве Беринга (1758/59 г.) промышленники достигли Андреяновских о-вов и остались на вторую зимовку на о-ве Амля. Алеуты сначала хорошо относились к ним и даже помогали добывать пушнину. Промышленники же для более успешного промысла разделились на три артели. Одна из них осталась на Амле, другая – во главе с С. Шевыриным – отправилась на о-в Адак, а третья – под руководством А. Дружинина – на о-в Сигуам. Весной 1760 г. артели вернулись на Амлю с хорошим промыслом, а летом вновь отправились на Адак и Сигуам. Однако вскоре стало известно, что адакские алеуты полностью уничтожили артель Шевырина и Полевого (12 русских и камчадалов). Дружинин прервал промысел и возвратился на Амлю к судну и главной артели. Тем временем алеуты осадили команду «Св. Владими-

ра». От вероятной гибели промышленников спас экипаж прибывшего к о-ву Атха (соседнего с Амлей) бота компании купца Бечевина «Св. Гавриил». Возмущение алеутов было спровоцировано грабежом и насилиями со стороны самих промышленников «Св. Владимира», что нашло отражение в доносе одного из них камчатскому начальству.

ШУТОВЫ

Об этот камчатской фамилии известно очень мало – только то, что Тит Шутов (из Петропавловска) участвовал в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. в составе Ичинской дружины.

ЭВЕРСТОВЫ

Эверстов Иван – комиссар (приказчик) камчатских островов, якутский сын боярский. «Служил прежде в придворной службе у Цесаревича Алексея Петровича и в 1718 г. был послан в Якутск на жительство, а в 1728 г. освобожден из ссылки; но остался там на службе, потому что имел хозяйство и семейство». Позже занимался скупкой пушнины в Охотске.

«В 1723 г. послан в Камчатские остроги прикащиком сын боярский Федор Шелковников. Мореходом к нему определен Иван Бутин, с которым из Якутска отправлены к снаряжению и починке судна смола, пенька, железо и холст. Шелковникову по его прошению назначен на Камчатку от якутского Спасского монастыря священник Ермолай Иванов; кроме того, 19 человек казаков из команды головы Афанасия Шестакова и с ним пятидесятник Андрей Штинников. Шелковникову дана была большая инструкция.

Вместе с Шелковниковым отправился в Камчатку поручик Сафронов для наблюдения за переписью иноземцев и их угодий, для высылки их на прежние места жительства и окончания дел камчатского наряда.

Шелковников по прибытии в Камчатские остроги велел Эверстову принять Большерецкий острог у Артемия Попова и быть в команде поручика Сафронова; Верхний поручил принять от служилого Петра Баранова Безсонову; сам отправился в Нижний, где принял острог от Нифонтьева.

Собрав ясаки, Шелковников сдал Нижнекамчатский острог Елисею Долгополову, до присылки Безсонова в Верхнем оставлен Нифонтъев; Большерецкий острог сдан от Эверстова Петру Чупрову.

В Большерецке, хотя и были получены все пять отписков из Верхнего; но закащик Кузьма Олесов не мог отвечать, не имея верного случая отправить письма; к тому же прибыл туда из Охотска новый камчатский комиссар дворянин Эверстов (служил прежде в придворной службе у Цесаревича Алексея Петровича и в 1718 г. был сослан в Якутск на жительство, а в 1728 г. освобожден из ссылки; но остался там на службе, потому что имел хозяйство и семейство. – Авт.). Судно его, “Фортуна”, 2 октября 1731 г. выбросило на р. Оклум (Облукомине) на берег, и Олесов должен был послать к нему людей навстречу для препровождения его в Большерецк (при судне Эверстов оставил морехода Треску с 12 служителями. – Авт.).

С прибытием в Камчатку комиссаром дворянина Эверстова, Генс не принимал уже участия в камчатских делах. 11 ноября 1731 г. он послал в Анадырск Павлуцкому донесение о нижнекамчатском бунте, приложив при том и допросы иноземцев о причинах измены. В допросах главнейшие бунтовщики Федька Харчин и Хантей Юрин показали: “В 1730 г. комиссар Новгородов посылал за ясаками брата своего Матвея с подчиненным Мухоплевым, которые, кроме двойного ясака, брали по пяти голов с человека в чащину соболями и лисицами, а у кого не было зверей, то кухлянками, парками, женами и холопьями; да в 1731 году комиссар Шерхудин, подъячий Иван Свешников, служилые Григорий Попов и Андрей Орлик брали по три ясака, да по пяти чащины. Сверх того, собирали неподобные сборы: сладкую траву, кипрей, сарану, уток, гусей, юколу, ушканину (зайцев); собирали ясака за умерших и били за недачу насмерть. За обором камчадалы голодуют и умирают; а по отнятии жен и детей и от смертного битья многие давились и, не стерпя таких обид, стали быть во зломыслии».

Февраля 10-го 1732 г. Павлуцкий отправил это донесение в Тобольск. 23 июля 1732 г. бот “Гавриил” с подштурманом

Федоровым и геодезистом Гвоздевым вышел в море для осмотра островов около Большой земли (Америки). В августе месяце судно подошло к о. Диомиду. Гвоздев наскоро осмотрел его и перешел к другому острову, лежащему в 1/2 мили от первого. А 12 августа бот стал на якорь у Большой земли и после непродолжительной стоянки ушел к устью р. Камчатки (бот «Гавриил» было первое русское судно, посетившее Америку. — Авт.). По имени Гвоздева долгое время назывались осмотренные им острова. Ныне эти острова называются св. Диомида, как назвал один из них Беринг за четыре года ранее Гвоздева. Почтенный А. П. Соколов справедливо заметил, что вернее было бы назвать их островами Федорова по имени командира бота “Гавриил”, потому что Беринг видел только один остров.

Эверстов жил в Большерецке до 8 декабря и оттуда прибыл в Верхний 26-го декабря. Здесь управитель острога Пашков донес ему, что на Бобровом море у Жупановской реки было восстание, и что Пашков посылал туда служилого Сапожникова, который нашел бунтовщиков в нарочно построенном на отъемной сопке остроге. Вследствие предложения Сапожникова о сдаче острога некоторые вышли из него, а другие стали стрелять по русским из луков и камнями из ремней. Тогда Сапожников приступом разгромил острог. Изменников побили, иные убежали, а многие сами передавились. Харькя с двумя товарищами взят в плен и доставлен в Верхнекамчатск, где и отдан на поруки.

Оставшийся у судна на р. Облукоминой служилый Шаратов с товарищами писал Эверстову о полученном им известии, что харьюзские и тигильские камчадалы убили посланных для проведывания до р. Сопочной 3-х челов. казаков и обещались идти по западному берегу на Большерецкий острог и на ясачных инородцев, живущих по край Пенжинского моря, а судно сжечь. Но из Верхнекамчатского острога, за рассылкою людей и совершенным голодом, некого было послать Эверстову на р. Тигиль. После таких неблагоприятных известий, Эверстов не пошел за ясаками в Нижнекамчатск, а отправил туда служилого Борисова с 12 челов. казаков. Борисов 8 января 1732 г.

вышел из Верхнего острога и по прибытию к Нижнекамчатску 30 января узнал от Киркова, что Генс до прибытия его собирал ясаки без книг против сказок. За сбором посылал на Тигиль матроса Петрова, а на Уку Александра Змиева и давал им в толмачи брата изменника Федьки Харчина Аяхаруча, который сам убил карагинского сборщика и ясаки разделил с товарищами, которые отпущены Генсом в свои селения и живут свободно. В это же время Эверстов получил известие, что харюзовские камчадалы снова восстали и под предводительством Максимки и Щербака, убив сборщика Золотовина с 2-мя казаками, отправились в числе 100 человек к пенжинскому берегу к судну “Фортуна”, которое хотели сжечь.

Эверстов требовал от Генса для похода на Авачу и на Харюзову людей, свинцу, и пороху, ибо в казне пороху и свинцу нет, а людей весьма мало. На Авачу Генс послал с пушкой Александра Змиева; но на Харюзову послать было некого.

Таким образом погашено возмущение камчадалов. Остались только неусмирными харюзовские камчадалы, которые засели на острове и укрепились в хорошем остроге. Эверстов не послал казаков на харюзовцев, потому что во всей Камчатке был крайний недостаток, как в снарядах, так и в людях, к тому же нельзя было оставить острог без значительного гарнизона, ибо разогнанные камчадалы бродили партиями по разным местам полуострова и могли при оплошности русских разорить острог. И потому окончательное усмирение камчадалов Эверстов оставил до присылки из Якутска снарядов и людей, о чем писал он при отправлении в 1731 г. “Фортуны” в Охотск.

В бытность в Камчатке походной розыскной канцелярии комиссар Эверстов занимался только сбором ясака. В 1732 г. собрано им и отправлено в Якутск с подъячим Борисовым ясаку: соболей 19 сороков и 5 соболей, лисиц красных 1 002, чернобурых 2, крестовок 3, сиводушек 10, бобров 10 и кошлаков (молодой бобр. – Ред.) 8. В 1733 году собрано: соболей 3 сороков, чащину 4 сорока 31 соболю, лисиц красных 866, чащину 27 лисиц; бобров 46, кошлаков 30, чащину 5 кошлаков и лисиц 15, да чащину 9 выдр, 1 лисица. Всего на сумму более противу сбору 1732 года. Своих же пожитков Эверстов послал

в Якутск: бобров 50, два сорока соболей и красных лисиц 60, по тамошней оценке на 1 000 руб. Да приехавший в Камчатку с Эверстовым купеческий сын Глазунов вывез 40 бобров, 9 кошлаков, 4 сорока соболей, 90 лисиц красных, 27 сиводушек. В августе месяце 1733 г., когда ясаки были доставлены в Охотск, начальник охотского порта Скорняков-Писарев, узнав, что у Эверстова и Глазунова больше бобров, чем в ясаке, приказал почти все их меха взять в казну и передать Мерлину, несмотря на то, что Эверстов писал Писареву, что пожитки эти приобретены его челединцами (всего же взято у Глазунова и Эверстова мехов на сумму 2 049 руб. 30 коп.; да кроме того от них же Писарев взял себе в жалование 4 бобра в 10 р. – Авт.).

В 1739 г. Эверстов подал в Иркутске жалобу на неправильное взыскание с него собственных пожитков. И хотя иркутская провинциальная канцелярия по рассмотрению дела наша его жалобу уважительною; но сибирский приказ отказал ему в удовлетворении убытков.

Первым постоянным командиром в Камчатку был назначен в 1732 г. иркутский дворянин Бейтон и в помощь ему капитан Княжинкин. Но Бейтон вскоре отказался от этой должности, и вместо него в октябре 1733 г. прибыл в Камчатку иркутский дворянин Добрынский, который и принял управление от Эверстова. Добрынскому от собиравшего ясашные переписи в иркутской провинции полковника Кошелева поручено было немедленно составить и прислать в Иркутске окладную перепись камчадалам. Но Добрынский составил эту перепись по старым ясашным книгам, заведенным вскоре после покорения Камчатки, в которые вписывались ежегодно новые плательщики ясака, а умершие не исключались» (Сгибнев А. С. «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1650–1855»; Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 748, 760, 765).

А вот и некоторые подробности о потомках бывшего камчатского ссыльного:

«Эверстов-Сэрбэкэ Николай Дмитриевич (1827–1915), Якутия, банкир.

Из послужного списка 1-й гильдии купца Н. Д. Эверстова: “Государь Император в 20-й день ноября 1911 года Всемиловейше соизволил присвоить купцу 1-й гильдии, коммерции советнику Николаю Дмитриевичу Эверстову звание почетного гражданина гор. Якутска, “согласно ходатайству о том местной Городской Думы, за содействие развитию промышленности в городе пожертвованием 51 тысяч рублей на учреждение городского Общественного банка”.

Николай Дмитриевич Эверстов родился в 1827 г. в Модутском наслеге Намского улуса. В 1909 г. значился в числе 12 самых богатых дельцов Якутской области, годовой торговый оборот которых составлял более 3 550 тысяч рублей. Оборот же Эверстова исчислялся 100 тысяч рублей.

С 1859 г. купец 3-й гильдии, в 1864 г. стал купцом 2-й гильдии, а в 1888 г. – 1-й гильдии. В 1911 г. якутский губернатор И. И. Крафт “исходатайствовал” ему “звание коммерц-советника” за оказание особенной заслуги в распространении торговли.

Сэрбэкэ нажил свое богатство на торговле пушниной, мануфактурой, чаем, табаком, галантереей. Товары закупал у купцов, владельцев крупных фирм. Московские купцы, считая его крупным дельцом, полностью доверяли ему и выдавали товары в кредит.

Н. Д. Эверстов имел прочные торговые связи с иркутскими и кяхтинскими купцами, которые сдавали поступившую от него пушнину и кабарговую струю в Китай. Он являлся постоянным участником Якутской ярмарки, где скупал крупными партиями меха, мамонтовую кость, отпускал в кредит мануфактуру мелким торговцам. Он одним из первых начал получать чай из Китая через Аян и Охотск.

В феврале 1911 г. по инициативе губернатора И. И. Крафта в Якутске открывается городской общественный банк с основным капиталом в 60 000 рублей, пожертвованных якутским купцом 1-й гильдии Н. Д. Эверстовым. Якутской городской думой банку присваивается наименование: “Якутский городской общественный Н. Д. Эверстова банк”. По завещанию Эверстова, полученная прибыль должна быть использована “для устрой-

ства и содержания дома призрения бедных”. Директором избирается сын купца Иван Эверстов. А за содействие открытию банка и пожертвование большой суммы на его учреждение с соизволения государя императора приказом Якутского губернатора И. И. Крафта от 13 января 1912 года Н. Д. Эверстову присваивается звание почетного гражданина г. Якутска.

Эверстов избирается гласным городской думы, состоял директором Якутского попечительного Комитета в тюрьмах. Дважды получал благословения от Правительственного Синода за пожертвования Градоякутской Предтеченской церкви. За заслуги по духовному ведомству в декабре 1881 г. Эверстов награжден серебряной медалью на станицлавской ленте. Николай Дмитриевич был блюстителем Якутской духовной семинарии, членом попечительного Совета Якутской женской прогимназии, исполнял должность якутского купеческого старосты. За неоднократные пожертвования на нужды прогимназии и улучшения содержания заключенных имел благодарности от графа Игнатьева и вице-губернатора Якутской области, награждается серебряной медалью на Анненской ленте.

Эверстов – Сэрбэкэ умер в 1915 г., 29 декабря, в возрасте 76 лет. У него было четыре сына – Дмитрий, Иван, Василий, Петр. Только один из сыновей – Иван – занимался благотворительностью как отец. Он содержал на свои средства частную школу – “Ивановскую”». (Пестерев Владимир Ильич. «История Якутии в лицах». Якутск: Бичик, 2001 г.).

ЮРЬЕВЫ

Ключевские крестьяне. Возможно, выходцы из солдат.

В 1812 г. в Нижнекамчатске среди воспитанников отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона были братья Юрьевы – Петр Васильевич (11 лет) и Семен Васильевич (16 лет). По документам, относящимся к 1806 г., проходит некто Степан Юрьев, тоже из Нижнекамчатска.

В Исповедальной росписи Ключевской церкви за 1893 г. мы находим семью Павла Николаевича Юрьева (53 года): жена Александра Семеновна (47), дочери Александра (15) и Варва-

ра (13). Своей семьей живет уже старший сын Иннокентий Павлович (28): жена Александра Михайловна (19), дочь Серафима (1 год). Рядом жил и младший брат Павла Николаевича – Степан (49) с детьми: Алексеем (25), Александром (22), Георгием (20), Николаем (11), Марией (16) и Фелицатой (6).

Двоюродные братья Александр и Иннокентий Юрьевы принимали участие в обороне Камчатки в составе Усть-Камчатской дружины. Мы знаем, что у Иннокентия Павловича был сын Иннокентий Иннокентьевич:

Юрьев Иннокентий Иннокентьевич Род. 26 июля 1904 г. Родители – крестьянин селения Ключевского Иннокентий Павлович Юрьев и жена его Александра Михайловна. Восприемники – Петропавловский мещанин Александр Алексеевич Ворошилов и жена Петропавловского мещанина Дмитрия Николаевича Черных Варвара Павловна. Свящ. Геронтий Коллегов с и. д. псаломщика Ксенофонтом Михайловым (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1904 г., ГАКК). Крестной была его родная тетя Варвара Павловна Юрьева-Черных.

ЮШИНЫ

Юшины – потомственные казаки из Тигильской крепости, Тигильской казачьей команды, Тигильского казачьего отряда и Петропавловского порта.

Самое раннее обнаруженное нами в архивах упоминание об этой фамилии относится к 1842 г.: Юшин Хрисанф, 1842 г., казак (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 255). Есть данные и о его сыне: Юшин Иван Хрисанфович (1837 г. р.), отставной казак казачьего ведомства, 1893, 56 лет. Жена – по 2-му браку Капитолина Павловна (31). Дети – Варвара (11), Елена (9) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

Как и когда казаки Юшины оказались на Камчатке, пока неизвестно, но оставили о себе добрую память в истории нашей земли.

Юшин Михаил Иванович (1832 г. р.), отставной пятидесятник, 70 лет, ветеран обороны Петропавловского порта – находился при уборке порта в зиму 1854 и 1855 гг. «...в имен-

ной «Список ветеранов Петропавловского боя, происходившего 17–24 августа 1854 г.», составленный в 1902 г., было внесено 9 человек, которым назначена ежемесячная пожизненная пенсия». (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 106).

Тигильчане Юшины – участники обороны Камчатки в 1904–1905 гг.

Юшин Павел Иосифович (1878–1941 гг.). Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Помощник командира Тигильской дружины.

Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–1905 гг. – «взятие с бою японской шхуны на р. Воямполке». (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Юшин Моисей, казак. Награжден Георгиевским крестом 4-ст. в русско-японскую войну: под выстрелами японских крейсеров вынес в 1905 г. казну уездного управления. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

В составе Тигильской дружины действовали казаки Дмитрий, Ксенофонт Юшины и кантонисты Ивли и Николай.

Но именно по казакам был нанесен сокрушительный удар во время политических репрессий.

Юшин Иван Дмитриевич. 1879 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: 3 класса церковно-приходской школы; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Тигильский р-н, с. Хайрюзово. Арест: 10.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО. Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

Юшин Пантелей Иванович. 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; камчадал; образование: низшее; член ВКП(б); заведовал факторией АКОснабторга; место проживания: Тигильский р-н, с. Палана. Арест: 19.02.1938.

Осужд. 01.12.1939. Облпрокурор. Обв. по ст. 58-1а-2-7-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Юшин Аркадий Георгиевич. 1880 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: низшее; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 08.10.1937. Осужд. 17.03.1938, тройка при УНКВД ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 20.05.1938. Реаб. 28.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

По сфабрикованному сотрудниками НКВД «Тигильскому делу» проходили:

Юшин Иван Николаевич. 1867 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: сельская школа; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 10.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Юшин Иван Дмитриевич. 1879 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: 3 класса церковно-приходской школы; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Тигильский р-н, с. Хайрюзово. Арест: 10.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

А Юшин Терентий Ксенофонтович, житель с. Тигиль, репрессирован по делу «Автономная Камчатка». 1892 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: низшее; кандидат в члены ВКП(б); работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 04.05.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП

ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

О потомках Павла Иосифовича Юшина, Георгиевского кавалера, читайте очерк «Родники».

ЯГАНОВЫ (ЕГАНОВЫ)

В 1748 г. эта фамилия была зарегистрирована в период массовой христианизации аборигенов Камчатки в селе Седанка, но сохранилась она в селе Лесная.

К миссии архимандрита Камчатского был прикомандирован солдат Яганов, который и оставил свое имя на полуострове.

В истории Камчатки жители дальнего северного села, носящие эту фамилию, практически не оставили никакого заметного следа, ведя традиционный образ жизни, какой вели их предки из столетия в столетие.

Но в годы, когда родине потребовалась помощь от Ягановых, они были вместе со всеми своими земляками – и аборигенами-камчадалами, и русскими старожилами – плечом к плечу.

Мы много раз говорили уже о том, как впоследствии рассчитались с этими людьми в годы политических репрессий. Что бы не писали впоследствии о японской угрозе и необходимой самозащите от шпионов и диверсантов, никогда не поверю, что их так много скопилось в маленьком северном корякском селе, расположенном на самой западной оконечности полуострова, и в то, что в числе шпионов и диверсантов были те Ягановы, которые в 1904–1905 гг. с оружием в руках защищали свои лососевые реки от японских «хищников». Впрочем, даже у «закаленных» в политических боях чекистов не хватало «доводов».

Впрочем, судите сами:

Яганов Григорий. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина), с. Лесная.

Яганов Григорий Яковлевич. 1889 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк-кочевник; образование: неграмотный; б/п; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 07.05.1938. Осужд.

01.12.1939. Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Кирилл. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина), с. Лесная.

Яганов Кирилл Ксенофонович. 1879 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк-кочевник; образование: неграмотный; б/п; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 02.10.1937. Осужд. 17.03.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 25.05.1938. Реаб. 22.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Яганов Спиридон. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина), с. Лесная.

Яганов Спиридон Данилович. 1885 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк-кочевник; образование: неграмотный; б/п; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 21.07.1938. Осужд. 01.12.1939. Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

В составе Паланской дружины были также Яков и Василий Ягановы из с. Лесная и Георгий Яганов из с. Напана.

А это дополнение к списку репрессированных Ягановых:

Яганов Алексей Климович. 1870 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 20.07.1938. Осужд. 01.12.1939. Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Василий Петрович. 1900 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование: неграмотный; б/п; был членом рыболовецкой артели; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 03.04.1938. Осужд. 01.12.1939. Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Даниил Данилович. 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк-кочевник; образование: малограмотный; б/п; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 13.03.1938. Осужд. 01.12.1939. Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: по ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Илья Иннокентьевич. 1890 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк-кочевник; образование: малограмотный; б/п; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 28.01.1938. Осужд. 01.12.1939. Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Михаил Герасимович. 1882 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 16.04.1938. Осужд. 01.12.1939. Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Яганов Наум Иннокентьевич. 1893 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование: малограмотный; б/п; являлся председателем сельсовета;

место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 20.07.1938. Осужд. 01.12.1939. Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-7-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-6 УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Яганова Анисья Яковлевна. 1876 г. р. Место рождения: верховья р-н, стойбища, Лесная, Тигильский р-н; корячка; образование: неграмотная; б/п; была домохозяйкой; место проживания: Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 18.02.1940. Осужд. 23.04.1940. Корякский окрсуд. Обв. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 5 лет с поражением в правах на 3 года. После освобождения из лагеря проживала в Тигильском р-не, с. Лесная. Реаб. 13.06.1990. Реабилитирована постановлением Президиума ВС РСФСР.

Краснофлотец Яганов Иван Петрович 12 апреля 1943 г. умер от ран и с военными почестями захоронен в Каспийском море.

ЯКОВЛЕВЫ

Первое упоминание об этой фамилии в нашей картотеке относится к 1865 г.: Яковлев, крестьянин Николаевского селения (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

Возможно, Яковлевы – выходцы из солдатских детей Камчатского гарнизонного батальона, оставшиеся после расформирования батальона на Камчатке. Тем более что у нас есть сведения о рядовом Яковлеве Егоре Прохоровиче, служившим в 1812 г. в Нижнекамчатске в возрасте 23 лет.

Возможно, это крестьяне-переселенцы, прибывшие на Камчатку по призыву губернатора В. С. Завойко.

В 1893 г. в селе Белоголовая отмечены камчадалы (аборигены) Яковлевы, но происхождение этой фамилии нам пока неясно.

В Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г. есть сведения о большой крестьянской семье Герасима Яковлева: Яковлева Анна Трофимовне, вдова крестьянина из селения Озерновского Герасима Яковлева, 56 лет. Дети ее: Иван (36), Павел (33), Татьяна (27), Никита (23), Анисия (22), Варвара (21), Мариана (19), Михаил (15), Пелагия (12). Павла жена

Мария Николаевна. Дети их: Федор (4), Герасим (4), Афанасий (7), позже родится Евдокия, которая в 1915 г. станет Челпановой. Анисии незаконнорожденный сын Николай (3). Марьяны сын Феодосий (3 м.).

Яковлев Афанасий Павлович. Родился в 1884 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Паратунка; русский; малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Паратунка. Арестован 24 марта 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 17 апреля 1934 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 27 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

В годы Второй мировой войны на полях сражений погибли, защищая родину, камчатцы Яковлевы:

Михаил Архипович Яковлев, красноармеец, 1915 г. р., умер от ран 2 февраля 1944 г. и захоронен под Ленинградом.

Николай Захарович Яковлев, сержант. Погиб в марте 1942 г.

Два Николая Павловича Яковлевых (1924 и 1926 г. р.). Один погиб в боях с немецкими оккупантами в ноябре 1943 г., другой – при штурме острова Шумшу 18 августа 1945 г.

Павел Никифорович Яковлев, красноармеец (1916 г. р.), погиб на фронте в марте 1943 г.

ЯТСКИЕ (ЯЦКИЕ)

Фамилия, которая сохранилась только у аборигенов Камчатки – камчадалов из западнокамчатского села Утка. Происхождение фамилии пока не ясно, хотя ясно, что она получена при крещении от крестного отца. Неизвестно, кто или представитель какого сословия был этим крестным.

В числе дружинников, оборонявших Камчатку от японцев в 1904–1905 гг., были камчадалы из Утки Евдоким и Никандр Ятские (см. очерк «Хроника забытой войны»).

По Исповедальной росписи Большерецкой церкви за 1893 г. мы отыскивали их семьи: Яцкая Мария Тимофеевна, вдова камчадала селения Уткинского Ивана Яцкого, 43 года. Дети ее: Константин (23), Иллари́й (15), Евдоким (11), Евдокия (5), Филарет (17).

Яцкий Варфоломей Алексеевич, камчадал селения Уткинского, 47 лет. Жена Гликерия Федоровна (34). Дети его от первого брака: Игнатий (26), Никандр (19), Феоктиста (17). Дети от 2-го брака: Акимена (8), Александра (5), Давид (1). Дети ее от 1-го брака от Георгия Слободчикова: Варвара (15) и Мария (12).

Во время Великой Отечественной войны Усть-Большерецким РВК был призван Николай Власович Ятский. Он погиб 14 марта 1944 г. и захоронен в д. Сергейцево Нового с/с Псковской области. Иннокентий Михеевич Яцкий погиб 28 февраля этого же года и похоронен также на Псковщине (г. Пустошка).

Иннокентий Михеевич был выходцем из семьи камчадала селения Уткинского Михея Максимовича Яцкого (1873 г. р.).

ИМЯ НА КАРТЕ

Мы уже говорили о том, что многие главы этой книги родились в результате осуществления Интернет-проекта на форуме сайта www.kamchadaly.ru – «Малая родина» и «Камчатские фамилии», который появился на свет благодаря спонсорской поддержки потомков камчадалов из селения Малка Андрея Николаевича Аббакумова и Владимира Николаевич Аббакумова (с написанием букв «б» в этой фамилии нет никакой ошибки – в истории камчатских фамилий встречаются еще и не такие казусы), родных братьев, которые хотели бы воскресить из исторического беспомыслия историю своей династии и своего села, закрытого в 1960-х годах, как неперспективного и возрожденного многочисленной семьей Аббакумовых уже в наше время.

Проект охватывает практически все камчатские селения и камчадалские роды, так как за два столетия со времени покорения камчатских народов – коряков, камчадалов (ительменов) и курильцев (айну) они переплелись родовыми связями и объединились общей камчатской историей с «пришлыми» на Камчатку русскими казаками, крестьянами, солдатами, мореходами, промышленниками, купцами и чиновниками, а также разным ссыльным народом, который также оседал на Камчатке и вращал своими корнями в эту землю, переплетаясь все новыми и новыми ветвями и корешками в общем генеалогическом древе камчадалов.

Мы сегодня не знаем, откуда появились на полуострове Аббакумовы. Не знаем, когда на месте Аханичева жилища, о котором мельком упоминает (видимо, по причине его незначительности) С. П. Крашенинников, говоря о дороге, разделяющей после острожка (укрепленного для обороны селения) Мышху (тойном – вождем в котором был камчадал Начика) на Верхнекамчатский и Большерецкий казачьи остроги (крепости).

Но мы знаем извлеченные по крупицам из памяти этого рода сведения о тех камчатских фамилиях, с которыми породнились за последние столетия камчадалы Аббакумовы. Это камчадалы Антоновы и Пановы из села Апача. Это потомки большецких крестьян Бречаловых. Это представители древних курильских (айнских) родов из сел Явино и Гольгино Лукашевские и Новограбленные, Бутины и Мерлины. Это потомки камчатских священников – русского Логинова и камчадала Коллегова (из рода ключевского тойона Лыкоча). Это и представители обрусевших американцев – Гарднеры. Русские крестьяне из Старого Острога – Заочные. Петропавловские мещане – Машихины. Казаки – Пшенниковы.

Уникальна и история самого поселения, расположенного на центральном камчатском тракте, как одного из важнейших звеньев по поддержанию так называемой «каюрной гоньбы» – транспортной связи. А транспорт, как известно, на Камчатке был в течение добрых девяти месяцев в году один – нартовые собаки. Летом пользовались лошадьми, а также сплавливались по рекам на батах (на которых вместо весел применялись шесты). В принципе, Малка было обычное, хотя и весьма зажиточное, по сравнению с другими, камчадальское селение: неказистые домишки, построенные из тополевого и березового леса (но на церковь пошла настоящая лиственница), в каждом из которых размещались две, а то и три многодетные семьи. Жизнь здесь шла в своем незамысловатом житейском режиме: охота для царя-батюшки (ясак) и для себя (пушнина, которая имела высокую стоимость и являлась предметом активного обмена на продовольствие и мануфактуру во все исторические времена, памятные для Камчатки и камчадалов, а также охота на медведей и горных баранов); рыбалка от первой весенней чавычи до зимнего подледного кижуча (рыба была и останется навсегда для камчадалов главной их затеей, которую ни заменить, ни запретить, ни променять...) И, конечно же, заготовки на зиму дикоросов (работа для женщин и ребятни) – черемши, ягод, корней сараны, грибов, лекарственных растений.

Малка была селением особенным потому, что располагалась вблизи горячих источников, кстати, на которые также

почему-то не обратил никакого внимания великий исследователь Камчатки Степан Петрович Крашенинников, что весьма не только странно, но и любопытно – ведь буквально через полвека именно об этих источниках заговорят все на Камчатке – на здешних Ключах решено будет строить и будет построена первая в истории Камчатки больница для камчадалов. И тогда в истории этого небольшого селения появятся такие звучные для Камчатки имена, как генерал-майор Павел Иванович Кошелев, начальники Камчатки, знаменитые морские офицеры Петр Иванович Рикорд, Аркадий Васильевич Голенищев, первый губернатор Камчатки вице-адмирал (он же и генерал-майор) Василий Степанович Завойко, которые были напрямую связаны со строительством и поддержкой этой больницы. При епископе Камчатском (святителе Иннокентии) планировалось строительство церкви при Малкинской больнице и даже организован притч. В 19-м столетии в Малках жили настоящие доктора, например, старшим врачом здесь более 10 лет прослужил Сновидов – потомок сосланного на Камчатку за «великодерзостые преступления», связанные с подготовкой покушения на жизнь императрицы Елизаветы Петровны Ивана Кириаковича Сновидова.

Малкинцы не прошли мимо ни одного крупного исторического события на Камчатке. В составе народного ополчения они отражали натиск англо-французов во время обороны Петропавловского порта в 1854 году. А в период русско-японской войны малкинцы входили в состав знаменитых Большерецкой и Конной дружин под командованием Сотникова и Нагорного, которые отразили высадку в устьях нерестовых рек экипажей «хищнических» японских шхун. Среди дружинников были Яков, Александр и Деомид Аббакумовы. А в 1945 году Аббакумовы, как и другие их восемнадцатилетние и двадцатилетние «родники» из сел и поселков Камчатки приняли участие в знаменитом Курильском десанте по освобождению островов, некогда родных курильцам, с которыми породнился малкинский род Аббакумовых.

Поэтому и главная задача Интернет-проекта «Камчадалы.-ру» – совместный поиск по всему миру материалов не только о

старинных камчатских династиях аборигенов, казаков, других старожилов, но и о наших современниках – их потомков, которые оставили свой след в истории нашего полуострова, России и мира.

И самое главное, этот проект рассчитан на участие всех желающих, всех кому дорог наш полуостров, кто интересуется историей Камчатки и своими историческими корнями. Каждый, кто хочет, может побывать на сайте www.kamchadaly.ru и рассказать нам камчатскую историю своей семьи или своего по-своему знаменитого предка, направив свое письмо по электронной почте info@npacific.kamchatka.ru.

А мы продолжим свой рассказ о некоторых географических названиях Камчатки, также раскрывающих нам тайны камчатских имен.

Происхождение названия Малка на камчатском материале пока не поддается расшифровке. Правда, как мы уже говорили, аналогичное название имеется на курортах Ставропольского края и связано оно также с выходами термальных и минеральных вод. В свое время весь петербургский и московский «бомонд» проводил летнее время на курортах в Минеральных Водах и Пятигорске, и имя, вероятно, просто было перенесено на Камчатку из Ставрополя. Мы подозреваем, что сделал это Павел Иванович Кошелев, командир Камчатки и Камчатского гарнизонного батальона, генерал-майор, военная карьера которого была связана с именем Михаила Илларионовича Кутузова и русско-турецкими войнами.

А вот небольшое село Начики, расположенное рядом с Малкой, доносит до нас зашифрованную в его названии историческую информацию – прежде село (точнее укрепленный часток от набегов врагов небольшой острожек) называлось Мышку, тойоном которого и был камчадал Начика. Название многих камчатских сел (часто уже не существующих) и других топонимов (географических названий): Ганалы, Апача, Тарья, Камаки, Тигиль, Налачева (река), Шипунский (полуостров), Карымый, Карымчина, Брюмка, Колпаково (Компаково), Облуковина (Оглукомина), Оманино, Шапино, Тилички, Хойлюля, Русаково – сохраняют имена вождей, «лут-

ших мужиков», лучших воинов, которых выделили и запомнили казаки – первопроходцы. Кстати, я сам всегда думал, что название Щеки в долине реки Камчатки является чисто географическим термином – русло реки зажато с двух сторон сопками Срединного хребта, как и наш рот – нашими же щеками. Но оказалось, что на самом деле и в этом названии зашифрована для нас история Камчатки – на входе в Щеки тоже был небольшой камчадалский острожек, тойоном которого был камчадал Щечка.

Позволю себе небольшое отступление от темы. Одну из крупных рек западного побережья полуострова казаки назвали Воровской рекой. Так она зовется и по сей день, вызывая, естественно, обостренный интерес к происхождению такого названия. Студент С. П. Крашенинников, будучи человеком не только очень любознательным, но еще и в силу своих служебных обязанностей, также задал этот вопрос тем, кто мог на него ответить, и записал потом в дневнике: «Гыг река прозвана от казаков Воровскою, для того, что камчадалы, которые при той реке имеют жилища, весьма часто бунтовали и лестью побивали ясашных зборщиков».

Эту историю я вспомнил не случайно. О весьма трагических событиях в истории Камчатки напоминает нам и название другой реки – Пиначево (или Пиничево). Здесь в свое время также стоял острожек, тойоном которого был некто Пиничь. И вот происхождение имени этого тойона весьма и весьма тесно связано с происходившими здесь событиями и весьма любопытно для истории. Дело в том, что в ительменских диалектах словами «брюмчь» и «пиничь» обозначается «огонь». Например, название вулкана Кихпиничь переводится как «огненная река». Но вот, что важно – оказывается, существовали у камчадалов и такие личные имена, – Пиничь, Брюмчь – которые давались новорожденным в память о сгоревшем родственнике. Не знаю, с какой историей связано происхождение имени тойона Брюмчи (Брюмки), в честь которого был назван острог, а потом и река Брюмка, но что касается истории родников Пинича, то она подробно записана камчатским летописцем Степаном Петровичем Крашенинниковым: «...в 1712 году в фев-

рале месяце (Даниил Анциферов – казачий атаман, организатор убийств трех камчатских приказчиков, в том числе и камчатского Ермака – Владимира Владимировича Атласова. – С. В.) и сам убит от авачинских изменников обманом, ибо как он в 25 человеках на Авачу поехал, а иноземцы о том сведали, то зделали они крепкой и пространной балаган с потайными подъемными дверьми для его принятия. С приезде приняли его честно, отвели в помянутой балаган, дарили щедрою рукою, довольствовали, богатый ясак платить обещались без прекословия, и дали несколько человек в аманаты из людей лучших, но следующей ночи сожгли их в помянутом балагане купно со своими аманатами. Злобу, какову имели камчадалы на служивых людей, можно видеть по речам помянутых аманатов их: ибо сказывают, что при зажжении балагана камчадалы кричали им поднимай двери чтоб, как можно, вон выбросились, но аманаты ответствовали, что они скованы и приказывали жечь балаган не щадя себя, токмо бы служивые сгорели. Таким образом бунтовщицей атаман Анциферов с некоторыми смертноубийцами предупредил казнь свою, доказав смертию своею истину пословицы, которые бунтовщики обыкновенно употребляли: что на Камчатке можно прожить семь лет, что ни зделаешь, а семь де лет прожить, кому бог велит. И правда что до проведения пути Пенжинским морем, за дальним расстоянием, и трудным проездом чрез земли немирных коряк, в пересылке репортов в Якутск, и в получении указов проходило много времени, что бездельникам оным подавало немалый повод к наглостям».

О том, что Степан Петрович, безусловно, прав в этой своей оценке «о наглостях», рассказывают нам и другие географические имена – например, село Харчино, Харчинский хребет, озеро Харчинское и... Сероглазка.

Имя Федора Харчина, крещеного камчадала, организатора в 1731 году знаменитого Харчинского бунта, за что его называли камчатским Разиным, достаточно широко известно не только в нашем крае – Харчинским бунтом в свое время интересовался даже Александр Сергеевич Пушкин, оставив нам в литературном наследии свои записки. Но селение и хребет,

скорее всего, назвали все-таки не в его честь – после ареста и казни Федора Харчина тайно был назначен его брат Степан Харчин, также крещеный камчадал и участник бунта, который, по судя по документам, брата своего предал, потому был прощен и возведен в тойоны. И еще одна любопытная деталь – Харчины были крещеными, но вот, что интересно, на первых порах крещеные камчадалы в своих фамилиях сохраняли имя своего родного отца – отсюда такая необычная (для последующих русских заимствований) фамилия у братьев Харчиных. Другой новокрещеный камчадал – сын авачинского тойона Тарьи – стал именоваться Михаилом Тарейным.

Вообще, у камчатских тойонов существовали и простые, и сложные имена. Имя, состоящее из двух слов, указывало на особую значимость тойона и его рода. Так, например, тойоном крупнейшего на Камчатке острога Кунупочичь был Начика Машурин (с той поры это селение русские и прозвали Машурой). Кстати, Начика Машурин (после крещения Егор Васильевич Мерлин) не примкнул к Харчинскому бунту. Его сын был обучен грамоте политическим ссыльным Петром Ивашкиным. Позже молодой Мерлин был назначен учителем в Большерецкий острог, женился на казачке и впоследствии жил в селении Шаромы, продолжая род Мерлиных, получивших эту фамилию от подполковника Якутского полка Василия Федоровича Мерлина, проводившего вместе с майором того же полка, будущим якутским воеводой Дмитрием Ивановичем Павлуцким (на племяннице которого женится наш Степан Петрович Крашенинников) следствие по Харчинскому бунту (подробнее об этом в очерке «Мерлины»).

Приговор следственной группы по Харчинскому бунту был достаточно жестким. Хотя и было доказано, что виновниками, спровоцировавшими этот бунт, были камчатские казаки, тем не менее, девять камчадалов, наиболее активных участников бунта, были приговорены к смертной казни, в том числе Федор Харчин и дядя его тойон Ключевского острожка Голгоч (род Голгоча за участие в бунте будет сослан на реку Коль – Козыревку). Десятки участников бунта, кто не погиб в сражениях с казаками и членами экипажа «Святой Гавриил», были

биты кнутами и батогами. В этом списке мы находим и имя авачинского тойона Апауча Шараглаза, имя которого, как в свое время и имя камчадала Ниаки в названии Ниакинской бухты – Гавани, сохранилось в названии бухты Сероглазка. Вероятно, именно здесь и существовал в старину острожек авачинского тойона Апауча Шараглаза, разоренный казаками, как и Старый Острог (современный г. Елизово). В 1853 году имя Сероглазка возродилось в названии казачьего поселения, когда сюда, на берег бухты Сероглазки, были переселены казаки из Гижигинской сотни. Кстати, в числе прочих возвратились на Камчатку и поселились в Сероглазке возможные потомки якутского казачьего рода Атласовых, идущих от фартового казака, любителя косовороток из атласа, выходца из устюжских крестьян, по прозвищу Отлас.

А вот что касается фамилии камчадалов Атласовых, то на Камчатке она представлена не одной династией. В свое время, при крещении, практически в каждом камчадальском острожке западной Камчатки появился свой Атласов. Позже, уже в середине XVIII века и начале XIX веков, началось массовое переселение западнокамчатских камчадалов в центральную часть полуострова для поддержания «каюрной гоньбы» – дело в том, что эпидемии оспы и «черной горячки», обрушившиеся на полуостров в 1768 году и в 1800-годы, уничтожили многочисленные и достаточно крупные поселения, начиная с Начикинской развилки и уходящие вглубь полуострова, далее, к Нижнекамчатскому острогу. В 1768 году исчез полностью второй по значимости после Машуринского (Машуры) крупный острог Камчатки – Капичурер, о котором сегодня напоминает только название крупного притока реки Камчатка – Хапицы, в устье которой и располагался этот крупный и богатый острог (его тойон Лемшинка, после крещения Федор Михайлов, как отмечал С. П. Крашенинников, был единственным в то время из всех тойонов, построившим себе, по примеру русских казаков, собственное деревянное зимовье, чтобы не жить вместе со всеми в земляной юрте). Думаю, что именно по причине переселения западнокамчатские крещеные камчадалы Атласовы оказались в Шаромах и породнились потом с малкинскими Абба-

кумовыми. И сегодняшние камчадалы Атласовы из Шаром и Ганал – прапраправнуки этих переселенцев. А вот сероглазкинские потомки Атласовых, вероятно, имеют прямое отношение к потомкам Владимира Атласова (тем более что его сын Иван, как пишет Б. П. Полевой, долгие годы прослужил на Камчатке). Но об этом мы уже рассказывали.

И еще два примера, которые также являются расшифровкой большой камчатской (весьма непростой, а достаточно сложной и трагичной) истории покорения этой земли. Родники Пинича и Шараглаза сражались с казаками за былую вольность. Поэтому только после усмирения бунта 1731 года жители южной Камчатки были окончательно сломлены и покорены – стали «ясашными плательщиками – собольниками, лисишниками и бобровниками». И поэтому они достаточно спокойно уже отнеслись к массовому крещению, которое в 1740-х годах проводил на полуострове архимандрит Камчатский Иоасаф Хотунцевский. Именно представителями этой проповеднической свиты камчадалы щедро наделялись фамилиями камчатских священнослужителей и крестных своих родителей-восприемников – казаков, солдат, матросов, их командиров (и даже в память об этих командирах, как, например, в память об атамане Атласове), промышленников, купцов и так далее.

Но в 1746 году уже против не только казаков, но и против проповеднической свиты поднялась на бунт северная Камчатка, во главе которого встал Алексей Лазуков (толмач с пакета бота «Святой Петр» Витуса Беринга) и корякские вожди Умьевушка и Ивашка.

Бунт был, конечно, подавлен. Алексей Лазуков казнен (см. очерк «Тойон со “Святого Петра”»). Тойон Ивашка приговорен к политической смерти: «положа на плаху и сняв со оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывести с Камчатки из их жилищ в город Якуцк и написать тамо в ясак». Но его имя сохранилось в топонимах Ивашки – в названии реки и села.

Как и Дранка: Умьевушка был дран кнутом и получил с той поры прозвище Дранка (хотя есть и версия о том, что тойон был дран медведем, но это вряд ли такая уже редкость на

Камчатке, чтобы стать вторым и даже историческим именем тойона). Умьевушка – Дранка (Колегов Стефан Никитов) был крещен и стал родоначальником коряков Колеговых на восточной Камчатке, получив свою фамилию от нижнекамчатского казака Евдокима Колегова (Кольгова). Примерно в это же время архимандрит Иоасаф Хотунцевский приблизит к себе сына камчадалского тойона Лыкоча, который станет родоначальником династии камчатских священников Коллеговых.

Потомки Лыкоча также (и во многих поколениях) породнятся с жителями села Малка. Как и потомки западнокамчатских камчадалов, переселенных в эти места по специальным указам начальников Камчатки или областного правления, – например, Лукашевские. Процесс этот будет продолжаться до 1922 года, пока Советская власть не отменит все ограничения по свободному переселению на полуострове, и династии камчадалов (и аборигенов, и казаков, и старожилов) не перемешаются с хлынувшим на полуостров потоком завербованных на Камчатку специалистов и разнорабочих всякой масти, и теперь старинные камчатские фамилии уже редкими островками мелькают в людском камчатском море, сохраняя в себе зашифрованную историческую соль этой земли.

Продолжая наш разговор о камчатских именах и фамилиях на карте полуострова, которые фокусируют в себе определенные и очень важные этапы истории его покорения и освоения мы, конечно же, должны вспомнить и о том, что само название Камчатки является отражением той эпохи великих географических открытий, когда имена первопроходцев навечно оставались в исторической памяти, хотя не все об этом знают и помнят. Впрочем, существуют и другие версии происхождения названия полуострова, но нам самим ближе всех и понятнее (в сравнении с другими существующими версиями и камчатскими топонимическими закономерностями) идея, высказанная известным ученым Борисом Петровичем Полевым.

Казак Иван Иванович Камчатой (как и Отлас, получивший прозвище по полюбившейся ему или его предкам, ткани), вероятно, не был той исторической фигурой или действовал в несколько иных исторических обстоятельствах по сравнению с

Владимиром Атласовым, почему факт его пребывания на Камчатке по сей день является основой для дискуссий по вопросу о происхождении названия нашего полуострова и названия коренного его народа – камчадалов (к слову напомнить, что фамилия Камчатой была коренной в Русском Устье на Индигирке и одна из местных рек называлась Камчадалкой). Хотя, в принципе, это может быть и совершенно разные темы для дискуссий – по крайней мере, Степан Петрович Крашенинников не связывал их между собой: он вообще не слышал от камчатских казаков об Иване Камчатом. А сами камчадалы говорили ему о каком-то славном воине Кончате, но по поводу этой версии Степан Петрович сомневался, так как, во-первых, камчадалы никогда сами не называли свои реки в честь славных своих соплеменников, а, во-вторых, главная река полуострова, имя которой легло в название всей этой далекой земли, самим камчадалам исстари была известна как Уйкоаль – то есть Большая река. Название совершенно незамысловатое и конкретное. Точно так же называли сами казаки вторую крупнейшую реку полуострова, которую сами аборигены называли Кыкша, – Большая.

А вот казаки, и мы с вами имели уже поводы в этом убедиться, очень часто связывали образование новых географических имен именно с конкретными историческими лицами, которые оставили на тех (или рядом с ними) географических объектах реальные следы своего пребывания (или проживания).

Историки знают, что задолго до Владимира Атласова на Камчатке уже побывали первопроходцы и оставили свои сообщения об этой земле. Более того – еще до официального открытия Камчатки они пишут в своих сообщениях о... Камчатке. И получается интересная вещь – земли этой, вроде как, еще не существовало в географическом мире, а название у нее уже было – Камчатка. В истории отмечен даже известный «камчатский бунт» в Якутске, который произошел за много лет до похода Атласова. Более подробно об этом можно прочитать в очерке «Иван Голыгин».

И было реальное историческое лицо – казак Иван Камчатой. И по архивным материалам выдающийся историк про-

шлого столетия Борис Петрович Полевой отследил его путешествия (именно так – во множественном числе) по нашей земле. В том числе и пребывание на реке Уйкоаль. Естественно, что сам Камчатой в своих сообщениях не мог писать о Камчатке – имя появилось, по понятным причинам, несколько позже, уже в память о его посещении полуострова. Сам Камчатой погиб, вероятно, не оставив прямых наследников, потому что никто до Б. П. Полевого не вспомнил или не напомнил о заслугах этого землепроходца перед отечеством и не запросил, как это было в практике тех лет, материального за то поощрения семье (потомкам) землепроходца, чтобы этот запрос остался в архивах на века, как документ, подтверждающий факт пребывания этого человека на нашей земле, чтобы и мы с вами могли гордиться Иваном Камчатым за его землепроходческие подвиги. И мы его не помним. Мы создаем все новые и новые, все более красивые и увлекательные версии о земле Камчааккытан – стране огнедышащих (куращихся) гор, не понимая главного – ведь эти сведения об огнедышащих горах и обо всем прочем кто-то должен был принести в Россию первым.

И, вероятно, Иван Камчатой и был именно первым.

Не первым, из русских кто побывал на Камчатке. Но первым, кто сообщил о ней, если не якутскому воеводе, то казачеству. Именно поэтому не официально, а сначала в народной памяти было увековечено его имя, и поэтому сегодня нужно доказывать, что было так, а не иначе, пробиваясь через десятки романтических легенд и мифов о происхождении названия нашей Камчатки.

С другими подобными ситуациями на Камчатке дело обстоит проще только по одной причине – факт (или легенда о происхождении) нового географического названия был зафиксирован камчатским летописцем С. П. Крашенинниковым или другими историческими лицами и потому просто принимаются на веру, хотя тот же Степан Петрович был очень скрупулезен в оценке таких «легенд».

Речь идет о реках Никулке (Федотовой), Морошечной, Русаковой, Голыгиной и других камчатских названиях, в ко-

торых, как мы уже говорили, зашифрованы целые исторические эпохи.

Сегодня историки уже пришли к определенному (хотя и относительному – споры не прекращаются!) выводу, что в середине XVII века на Камчатке побывал главный руководитель морской экспедиции, которую мы знаем как дежневскую (Семен Дежнев был определен при этой экспедиции как сборщик ясака, то есть как официальное лицо, представляющее государство, которое и сохранилось в большой истории), промышленник Федот Алексеевич Попов (Холмогорец). Глава экспедиции. Фигура легендарная.

Читаем в «Описании земли Камчатки»: «Что касается рек, то Камчатская земля ими весьма изобильна, однако таких нет, по которым бы можно было ходить хотя мелкими судами, каковы например большие лодки или заисанки, которые в верхиртышских крепостях употребляются. Одна Камчатка река судовою почестья может: ибо она от устья в верх на двести верст или более столь глубока, что морское судно называемое кочь, на котором по объявлению тамошних жителей занесены были в те места погодою российские люди еще прежде камчатского покорения, проведено было для зимованья до устья реки Никула, которая ныне по имени бывшего на объявленном коче начальника Федота, Федотовщиною называется».

В части четвертой этой бессмертной книги, которая называется «О покорении Камчатки...» Степан Петрович пишет: «Но кто первой из российских людей был на Камчатке, о том не имею достоверного свидетельства; а по словесным известиям приписывается сие некакому торговому человеку Федоту Алексееву, по которому имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиною называется: будто он пошел из устья реки Ковымы (в рукописи зачеркнуто: Анадыря. – Ред.) Ледовитым морем в семи кочах, будто погодою отнесен от других кочей (в рукописи зачеркнуто: обошел вокруг Чукотского носу из Анадыря. – Ред.) и занесен на Камчатку, где он и зимовал со своим кочем, а на другое лето обшед Курильскую лопатку дошел Пенжинским морем до реки Тигиля, и от тамошних ко-

ряк убит зимою со всеми товарищи, к которому убивству аки бы они причину сами подали, когда один из них другого зарезал; ибо коряки, которые по огненному их оружию выше смертных почитали, видя, что и они умирать могут, не пожелали иметь у себя гостей толь страшных».

Конечно, очень сомнительно, чтобы на морском коче ради зимовки поднимались бы опытные российские промышленники и мореходы по реке Камчатке до ее верховий, когда можно было прекрасно перезимовать и в нижнем течении этой реки – от устья реки Камчатки (достаточно населенного еще и при С. П. Крашенинникове) до реки Хапицы (где был расположен в то время один из крупнейших камчадалских острогов того времени Капичурер). И сам Степан Петрович очень сомневался в этой, скажем так, версии: «Но в рассуждении бытности его на Камчатке, и что Никул речка Федотовщиною по имени его называется, несколько сумнительно...» (даже он сообщает, что в отписке Дежнева были сведения о том, что в 1762 году от сотворения мира Федот Алексеев по сообщению его гражданской жены – корячки – умер от цинги, а остальные его люди были, на всякий случай, чтобы от них не было никаких неприятностей в дальнейшем, побиты аборигенами).

А вот и вывод: «Но как бы то ни было, однако сей поход и невольный был и не великой важности; для того что не последовало от него никакой пользы, не токмо в рассуждении государственного интереса, но ниже в рассуждении надежнейшего известия о земле Камчатке; ибо, как выше показано, никого из объявленного походу не явилось выходцов...»

Вот так – жестко, но справедливо: нет свидетелей – нет и факта. Пусть потомки потрудятся.

Бывали, правда, и свидетели «доисторического», то есть доатласовского прихода россиян на Камчатку. Но, как выясняется, тоже не очень достоверные. Вот, например, что записал Степан Петрович о корякском острожке Русаково (в котором тойон Кымгу, он же Русак): «...тойоны, которые владеют тамошним острожком, происходят от российского поколения, чего ради и река по ним называется Русаковою, а кто таков был, от кого род сей имеет начало, про то заподлинно неизве-

стно, токмо сказывают, что россиане, которые в тех местах жили, спустя несколько лет после Федота кочевщика туда прибыли».

Другая версия С. П. Крашенинникова: «Оная река Русаковою для того называется, что в прежние годы после Федота кочевщика из русских, бывших тогда на Камчатке, один прижил у иноземческой девки сына, от которого колена по сие ведется и называются русаками, на устье ее живет русак с родом».

Вот и вся информация. Кто это был, что за романтическая история лежит в истории этого названия, мы, быть может, уже никогда не узнаем. Какова была государственная польза от тех русаков, что исчезли в небытии – кто это были: казаки-землепроходцы, мореходы или беглые?

Больше повезло другим. Например, Луке Старицыну Морозке и Ивану Осиповичу Гольгину, которые были непосредственными предшественниками и, самое ГЛАВНОЕ – непосредственными участниками похода камчатского Ермака – Владимира Владимировича Атласова.

Вот несколько цитат из труда «Описание земли Камчатки»: «В 18 верстах от ... острожка (Мыжолг, в нижнем течении реки Тигиль. – Ред.) есть урочище, называемое Кохча, где бывал прежде сего знатной коряцкой острожек того имени, которой погромлен и разорен до основания камчатским прикащиком Кобелевым, за то что жители оного убили казака Луку Морозку во время первого Атласова похода на Камчатку».

«Оной Атласов в 7203 году прислан был из Якутска прикащиком в Анадырский острог, и велено ему было, так как прочим прикащикам, ясак збирать с присудных к Анадырску коряк и юкагирей, и стараться о прииске вновь людей, и о приведении их под самодержавную государеву руку. В 7204 году посылан от него был к апутским корякам Лука Морозко в 16 человеках за ясашным збором, которой по возвращении своем объявил, что он не только был у оных коряк, но и до Камчатки не доходил токмо за 4 дня, и в том походе взял он камчатской острожек, а на погроме получил неведомо какие письма, которые объявил Атласову».

Вот еще интересная информация: «По Федоте кочевщике

проведал о Камчатке анадырский служивой Морозко Старицын, будучи в походе против коряк, а доходил он только до впадающей в Пенжинское море Морошечной реки, и, пришед из походу, объявил о том в Анадырском остроге бывшему тогда прикащиком Володимеру Отласову...»

«Другой по Федоте приходил на Камчатку за промыслом зверей Морозко Старицын, которой по завоевании Камчатки от Володимера Атласова оставлен закащиком в Нижнем остроге, а от тигильских иноземцов убит.

Третьей по Федоте приходил на Камчатку из Анадырского острогу сухим путем, Володимер Атласов, с вольницею, в том числе был с ним в вожжах помянутой Морозко, которой, построивши на впадающей в Камчатку Еловке речке от устья ее верстах в 50 два зимовья, жил во оных зимовьях полтора года, а между тем приводил на камчадалов в покорение, и в ясашный платеж, не без войны, в которых сперва иноземцов в ясак привел неизвестно, понеже только бывших при оном Атласове, людей ныне здесь не имеется, и собрав несколько ясаку, вышел он чрез Анадырский острог в Якуцк, а оттуда в Москву, а на Камчатке поручил он команду вышеозначенному Морозке Старицыну, которой, как выше объявлено, от живущих на Тигиле реке иноземцов убит».

И понятно теперь почему река, до которой дошел Лука Морозка Старицын в доатласовском походе, носит с той поры в память о нем это название – Морошечная.

О роли Ивана Осиповича Голыгина в освоении и покорении Камчатки у Степана Петровича вообще нет сведений: «Казачи прозвали ее (реку Нынгучу. – С. В.) Голыгиной, потому что во время первого в те места российского похода пропал там безвестно казак Голыгин».

А ведь между прочим именно Иван Осипович был участником «камчатского бунта» за добрый десяток лет до похода камчатского Ермака и даже пострадал – был сослан со всей своей семьей в дальние дали, потом оправдан или прощен и служил в Анадыре в команде Атласова.

Его единственного, наверное, в связи с гибелью, не коснулись споры о том, кто был преемником Атласова на посту первого камчатского приказчика. Судя по цитированным выше высказываниям С. П. Крашенинникова, этим преемником был назначен Лука Старицын Морозка. Но он погиб. Команду принял Потап Серюков, но и его не миновала злая участь – не дождавшись возвращения Атласова, он решился на самостоятельный поход, но погиб вместе со всем отрядом.

А вот в том, кто же все-таки был на Камчатке первым официальным представителем Российской империи, нет ясности и по сей день...

Но подробнее об этом в следующих главах нашей книги...

ПОКОРИТЕЛИ ВЕЛИКОГО ОКЕАНА

СВЯТЫНИ РУССКОЙ АМЕРИКИ

11 декабря 1842 года епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий Вениаминов прибыл в Нижнекамчатск. И в этом не было ничего удивительного – с 19 августа 1842 по 9 февраля 1843 года, 174 дня, епископ Иннокентий путешествовал по вверенной ему епархии.

Удивительное начнется позже, что вообще, наверное, очень характерно для нашей отечественной истории. При жизни камчатский епископ станет митрополитом Московским и Коломенским. После смерти – апостолом Сибири и Аляски. Точнее – Аляски, потому что Сибири и самой Камчатке не позволено было иметь святых, и мы совсем недавно только начали осознавать значимость этого великого человека, его святость.

Но самое удивительное, что даже сегодня святыми для нас становятся не только его деяния, слова и мысли, но и многое другое, с чем некогда была связана его жизнь.

Об этом и будет мой рассказ.

На следующий день после приезда в Нижнекамчатск епископ сделал в своем путевом журнале следующую запись:

«Церковь деревянная, прочная, собранная из двух церквей, существовавших здесь до 1827 года, проповеднической Успенской и приходской Николаевской. Престол в ней один в честь и память Успения пресвятой богородицы. Колокольня начата строиться, пока не dokonчена за неимением средств. Утвари, ризницы и образов в серебряных ризах очень много, так что всего серебра и утвари до пяти пудов; и в этом отношении она есть первая из всех Камчатских и прочих в Камчатской епархии находящихся церквей; но вкладами ныне очень не богата по малости и бедности прихожан.

Нижнекамчатская церковь по времени существования есть первая из всех церквей Камчатской епархии. В 1742 году определенный в Камчатку для проповеди слова Божия архимандрит Иоасаф Хотунцевский в Нижнекамчатске имел свое пребывание при Успенской, которая с того времени и до 1823 года называлась проповеднической, а священники и причетники проповедническую духовною Свитою».

Таким образом, епископ Иннокентий одним из первых в России подчеркнул значение Нижнекамчатской церкви Успения Богородицы в истории русского православия на Дальнем Востоке Российской империи и в Русской Америке.

В последующих трудах Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, мы обнаруживаем и то, что он – опять же первым! – пытался определить и истинную дату начала летоисчисления русского православия в Русской Америке. И определил ее гораздо точнее, нежели это сделали историки после него – те ошиблись на полстолетия.

«...Казак Андреян Толстых, около 1743 года открывший острова, известные под именем Андреяновских, вероятно, первый начал крестить тамошних жителей. Мещанин Иван Глотов, открывший острова, известные под именем Лисьих, в 1759 году первый окрестил малолетнего сына одного из родовых начальников лисьевских алеутов, которого он вывез с собою в Камчатку, где этот первенец Уналашкинской церкви прожил несколько лет и, выучившись русскому языку и грамоте, возвратился на свою родину с властью главного тоена (начальника), данною ему от Управлявшего Камчаткою, и очень много примером своим содействовал распространению Христианства... На Кадьяке христианская вера явилась уже во время пребывания г. Шелихова, основателя нынешней Американской Компании и первого ктитора Американских церквей».

Иными словами, утверждал митрополит Иннокентий, история русского православия Русской Америки связана с самым начальным периодом ее освоения – задолго до создания Российско-Американской компании. А освоение Алеутских островов и Аляски началось именно с Нижнекамчатска. Как из Нижнекамчатска же пришло сюда православие – через полномоч-

ных представителей Успенской проповеднической церкви – казаков, промышленников, мореходов.

Сам русский народ нес православие в Русскую Америку.

С какого же года это все началось? Вероятно, с 1747 года, когда мореход Михаил Неводчиков вывез с открытых им Ближних Алеутских островов алеута Темнака (Томиака).

Стало быть, митрополит Иннокентий был абсолютно прав – история русского православия в Русской Америке начинается с 40-х годов XVIII столетия. Но словно вырваны кем-то специально эти страницы из истории. Несмотря на это, святой Иннокентий спустя век все же вносит свои поправки в историческую правду. Мы же обязаны добиться, чтобы эти поправки были внесены и в официальную историю русского православия в Северо-Западной Америке и изменить очередную дату церковного юбилея на Аляске – не 200 лет в 1994 году, а 250 лет в 1997!

Это одно из удивительных вмешательств святого Иннокентия в нашу сегодняшнюю жизнь.

А вот и другое. Вспомните первую цитату (из путевого журнала) об Успенской церкви.

Так вот, первая из церквей Камчатской епархии каким-то чудом сохранилась. Первая и последняя из камчатских церквей. Единственная. Не сохранился сам Нижнекамчатск – бывшая столица Камчатки, первый ее город. Все снес ветер времени. А Успенскую церковь пощадил.

Конечно, не осталось здесь ни риз, ни богатых окладов, ни икон – все расхищено и осквернено. Власти, закрыв церковь в 20-х годах, пытались приспособить ее то под ясли, то под клуб, то под гараж. Затем и вовсе бросили – за ненадобностью.

Выпилена часть стены, взломан пол – кто-то искал клад, срублены кресты, пробита крыша. Но сруб остался. Еще крепко. Цепки замки бревен. Плотно лежит многослойная береста... То есть церковь можно восстановить. Сохранить святыню – колыбель русского православия. Отдать ее верующим и открыть в церковь широкий доступ людей. Ветер перемен коснулся сегодня многих из нас, начался процесс национального возрождения, и мы, наконец, почувствовали себя сыновьями

РОССИИ. Нам небезразличны стали наши святые, их деяния и судьба, ближе общечеловеческие идеалы и заповеди православия, дороже исторические события и факты из жизни россиян (из вступления к первому изданию книги «Покорители Великого океана», 1993 г.).

...12 августа 1993 года церковь Успения Пресвятой Богородицы в Нижнекамчатске была восстановлена и заново освящена. В тот год Россия и США совместно отметили 250-летие с начала промыслового освоения россиянами Русской Америки.

ИВАН ГОЛЫГИН

Океан Великий

Путь к океану лежал неблизкий. Сначала по суше – начатый Ермаком Тимофеевичем в 1581 году и завершённый Иваном Юрьевичем Москвитиным на берегу моря Ламского (будущего Охотского) в 1639-м. Затем Амур-батюшка вынес сюда и суденышки Пояркова, Василия Даниловича, якутского письменного головы. И тогда, в 1645-м, предпринята первая попытка русских людей покорить море-океан, раскрыть его тайны и пройти по морским дорогам к неизвестной ещё земле в той стороне, где восходит над морской волной солнце красное... Но не смогли поярковцы оторваться от берегов моря Ламского и пробились лишь на север, к зимовью, заложенному на морском берегу ещё Иваном Москвитиным.

В это же время далеко на Севере, в Нижнеколымском остроге, замышляет поход на восток для поиска богатой соболями реки Погычи приказчик московского купца Усова Федот Алексеев Холмогорец. К нему для сбора ясака прикомандирован и казак Семен Иванов сын Дежнев.

20 июня 1648 года начат был тот поход на семи кочах. И хоть раскидало и суда, и людей, и судьбы по студеным волнам, но были это уже волны Великого Тихого океана. И непокорный, он был покорен ими, живыми и погибшими, обретшими бессмертие и неизвестными по сей день потомкам, великими мореходами и сыновьями российскими...

Наследник морехода

Отец Ивана, Осип Гольгин, тоже оставил имя свое в истории как казак-мореход. Известно, что в 1662 году шел он с Андреем Горелым на коче – поморской кочмаре, трехмачтовом плоскодонном судне с двойной обшивкой – на Индигирку, но их «замороз взял в Омолоевской губе», то есть не пропустили морские льды... Так что и Ивану Осиповичу с самого детства море знакомо было, и под парусами, стало быть, ходил не раз, и не только рассказы о мореходах славных слушал с жадностью, но и сам знал многих.

Осип Гольгин или в море погиб, или зацепила его в тундре стрела недобрая, а может, просто сдал казак на старости лет, но в 1670 году поверстан на его место казачье сын Иван. 20 июня сошлись в круг по старинному, с Запорожья и Дона принесенному обычаю казаки якутские и подписали эту бумагу:

«Се аз Якутцкого острогу дети боярские Петр Андреев сын Ярышкин, Григорий Федоров Пуцин, Леонтей Трифонов, сотник казачей Третьяк Васильев сын Смирнягин, атаман казачей Семен Дежнев... поручилися семи в Якутском остроге по казачье сыне по Ивана Осипове сыне Гольгине... быти... Ивану... за нашею порукою в Якутском остроге великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича... в казачьей службе.

И будучи за нашею порукою зерню и карты не играть и за пьянством не ходить, и не каким воровством не воровать, и великого государя службы не збежать, и великого государя денежное и хлебное, и соляное жалование не снести. А буде они Иван... за нашею порукою, будучи великого государя в службе, учнут каким воровством воровать, зерню и карты играть или учнут за пьянством ходить, или великого государя денежное и хлебное, и соляное жалование снесут – и на нас, на поручиков великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... пеня, а пеню, что великий государь укажет».

«Пенжинский прикащик»

Камчатка, как известно, открыта и присоединена к России анадырским приказчиком, казачьим пятидесятником Владими-

ром Атласовым в 1697–1698 годах. Но под атласовской Камчаткой подразумевается в данном случае только сам полуостров – земли ительменов и курилов. Материковая же его часть – корякские земли – была освоена русскими гораздо раньше. Так, в 1679 году на реке Аклан (Оклан), притоке реки Пенжины, был основан Акланский острог (Пенжинское зимовье) для сбора ясака (налога пушниной) с местного населения, и сюда ежегодно отправлялись из Якутска казачьи отряды во главе с приказчиком.

В начале восьмидесятых годов приказчиком Пенжинского зимовья был назначен казачий десятник Иван Осипович Голыгин. Путь сюда от Якутска лежал долгий: морской дорогой, проторенной еще Семеном Дежневым «*со товарищи*», пользовались редко, точнее, совсем не пользовались – опасно, да и лед очень часто забивал летом этот проход в Великий океан. Шли пешком или ехали по зимнику – сбитому морозами снежному насту – на собаках или на оленях. Так вот добирались до Анадырского острога, оттуда через водораздельный хребет переваливали в верховья Пенжины, к «*ясашному*» зимовью – рубленому дому о двух половинах: в одной – жилье казачье, в другой – казенка, где коротали свой век корякские заложники-аманаты. Рядом с домом – амбар холодный, здесь и хранился ясак – «*мягкая рухлядь*», пушнина для государевой казны.

В 1683 году возвращается пенжинский приказчик Иван Голыгин в Анадырь. И вот тут-то начинается тайна...

Река Голыгина

В Анадырском остроге-крепости, как по тем временам и положено, держит ответ пенжинский приказчик перед анадырским комендантом за свой поход и ясачный сбор. И вот что интересно – до нас дошел список сданного им здесь имущества, где, кроме всего прочего, перечислены судовые снасти и якорь. Зачем они были ему нужны там, на Пенжине, ведь не «просто так» тащил он многопудовый груз за тысячи верст через хребет и тундру?

А может быть для того, чтобы строить суда и сплавать к устью Пенжины-реки и «*взывать ясак*» с тамошних понизовых жителей? А может быть для похода не только на низовья Пенжины готовил он снасти и строил суда – на реке-то можно было и

без снастей обойтись – она, хоть и широкая (и в наши дни судоходная), но не настолько же опасная, чтобы к плаванию по ней сыну морехода как к «*воязу морскому*» готовиться следовало?

А может быть, другие цели и планы были у Голыгина, и готовился он к непростому плаванию – по морю Ламскому? И только ли готовился? Может был и сам поход тот морской? Не потому ли у южной оконечности Западной Камчатки, где заворачивают стремительные течения через Курильские «переливы» в океан Великий, одна из небольших речушек и по сей день зовется рекой... Голыгина? Может быть...

Возможно ли это?

Вроде бы известно сегодня каждому, что Охотское море русские моряки смогли покорить только в 1716 году, когда был пройден на лодии «Восток» морской путь от Охотска до Большерецкого острога. А тут – в 1683 году? Сказки какие-то...

Но в сборнике документов «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», который вышел в 1952 году, есть такое вот примечание составителя М. И. Белова:

«...в 1648 г. Матвей Коткин на коче в караване с другими торговыми людьми отправился с Лены на Колыму... Одним из его порученников являлся Тарас Васильевич Стадухин, пенжанин, брат Михаила Стадухина. Тарас прослужил на Колыме до 70-х годов XVII века и в воеводстве князя Ивана Барятинского (1666–1670 гг.) совершил оттуда плавание вдоль берегов Чукотского полуострова на реку Пенжину».

Выходит, возможно.

А вот и некоторые подробности того, самого первого, вояжа вокруг Камчатки: «*Ходил Стадухин в девяносто человеках*», – значит, не менее, чем на трех кочах (на шести по Белову. – п/ж). Но знаменитый Нос (Большой каменный нос, Чукотский нос, мыс Дежнева. – п/ж) ему не довелось обогнуть, и Стадухин возвратился обратно. Он перешел «*через Нос на другую сторону*», возможно, преодолев перешеек между Колочинской бухтой и заливом Креста.

Там, «*на другом море*», путники построили кочи, всего вероятнее, из выкидного аляскинского леса, и двинулись к ус-

тью Пенжины, для чего им надо было обойти Камчатский полуостров. У немирных «иноземцев» Тарас Стадухин взял в полон «одну бабу», и она рассказала об острове против пенжинского устья. На острове жили бородатые люди в долгом платье. Русских они звали своими братьями. (Марков С. «Земной круг». – М., 1978. С. 509.)

Значит, все-таки возможно!

Еще одна тайна

1 марта 1683 года Голыгин вышел из Анадыря и в октябре этого же года прибыл на реку Колыму – к месту своего нового назначения. Любопытно, что дорога с Анадыря на Колыму в это время была полностью перекрыта воинственными ходынцами. Именно Голыгин эту дорогу освободил, но на обратном пути с Колымы, пойдя походом на ходынцев, засевших на Анюйском хребте. Спрашивается, а как, каким образом сам-то Голыгин попал на Колыму, если со своими людьми – их было 5–6 человек – десятник никак бы не смог пройти, пробиться через ходынские земли?

Чуда не было, если, конечно, не считать чудом то, что Голыгин осмелился пройти из Анадырского острога в Нижнеколымский вокруг Чукотского носа, дорогой, которую пробил голыгинский «порутчик», якутский казачий атаман Семен Дежнев, но уже позабытую. И шел он по Ледовитому океану на кочах, построенных из пенжинского строевого леса и выдержавших шторм моря Ламского и моря Восточного.

А вот и доказательство: по спискам того же 1683 года в собственности Голыгина Ивана Осиповича числились «*коч да карбас морской, да лодка набойница, для кочевых всяких припасов...*» Это – из работ М. И. Белова. И он же отмечал: поездка Голыгина была столь важна, что «*о том писано к великому государю к Москве*». «Отписка» эта, к сожалению, пока так и не найдена.

И потому тайна и по сей день еще остается тайной...

Камчатский бунт, год 1690-й...

Да-да, ошибки здесь нет никакой: именно в 1690 году, за семь лет до похода Владимира Атласова, в Якутске произошел

«камчатский» бунт... А в числе его участников был Иван Осипович Голыгин. Вот документ о событиях тех лет:

«...198-го году (это от сотворения мира, а от рождения Христа – 1690-го. – С. В.) июля в 14 день. По указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев, слушав распросных и пыточных речей и сыску, и всего подлинного дела, и выписки великих государей из указа и из Соборного Уложения, и из грамот великих государей и из Новоуставных статей, приговорил воров и бунтовщиков, которые с воры и з бунтовщики с Филькой Щербаковым, с Ивашкою Паламишиным с пытки говорили и винулись, хотели в Якутиком великих государей пороховую и свинцовую казну пограбить и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева и градских жителей побить досмерти и животы их, а на гостине двое торговых и промышленных людей животы ж их пограбить и бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реки – сына боярского Мишку Онтипина казнить смертью, а товарищей его, Мишкиных же, десятника Ивашка Голыгина, рядовых казаков: Софонка Ильина, Ивашка Ондронова, Микитку Гребенищикова, Игнашка Шишева, посацкого человека Офоньку Балушкина, которые в воровстве и в быту с пытки говорили и винулись, вместо смертной казни бить на козле кнутом и в проводку нещадно и сослать их в ссылку с женами и з детьми в Нерчинский острог...»

Итак, казаки собирались бежать не близко – не далеко, а на самую что ни есть Камчатку.

Путь вокруг Носа до Анадыря морем, да и прямой, по тундре, пеший был известен достаточно хорошо. Значит, не только слышали бунтари якутские, что есть она на белом свете, но и ведома была им эта земля, своими глазами видели они пушные богатства тех мест, а иначе стоило ли им своей головой рисковать, да «порутчиков» своих под кнуты и «правило» подводить? Да и дело очень уж серьезный оборот приняло – вплоть до готовности пойти на убийство и грабеж. Значит, на карту успеха немало было поставлено.

Кто же убедил их идти на смертельный риск? Уж не Голыгин ли?!

Настораживает в этой истории и еще одна, очень важная,

на мой взгляд, деталь: виновных в заговоре и бунте воевода Петр Зиновьев отправляет как можно дальше от той окраинной земли – Камчатки, лежащей на полдень от Анадырь-реки, – в *«Ыркуцкий острог... на усть Яны к морю... на заморские реки в Омоленское зимовье...»* – от той, заметьте, земли, которая известна и самому воеводе, и тому, к кому обращен этот документ – «отписка».

Обратите внимание, что здесь не дается никакого комментария этому, вроде бы, доселе незнакомому гидрониму «Камчатка», и сам тон повествования очень даже спокойный: хотят идти за Нос, на Анадырь и на Камчатку реки... Даже ведь не на Погычу (Пахачу), весть о которой сорвала с Колымы в 1648 году отряд промышленных людей, и куда не попали ни они сами, ни кто-то другой – по крайней мере до этого, 1690 года сведений о посещении легендарной соболиной Погычи русскими землепроходцами и мореходами не было... И все-таки эти якутские бунтари собирались на, казалось бы, совсем никому не известную Камчатку...

...Приговор же тем временем приведен в исполнение:

«А десятник Ивашко Голыгин да рядовые казаки Ивашко Ондронов, Софонко Ильин, Микитка Гребеничиков, Игнашка Шишев, да посадкой Офонька Балушкин биты на козле кнутом и в проводку нещадно и сосланы в ссылку». Подчеркнем, что сосланы были даже жены и дети тех, кто не выдержал пыток на дыбе, вымогательств правды «подноготной» – *«чтоб на то смотря впредь так воровать и бунтовать и градицких жителей побивать и грабить иным всяческих чинов людям было неповадно».*

Явно запугать хотел кого-то воевода. И потому десятник *«Ивашко Голыгин з женою с Оринкою да з дочерьми с Офимичею, да с Матрешкою, да с Настькою»* отправился в далекий Нерчинский острог...

Две версии

И все же десятнику Ивану Осиповичу Голыгину повезло – он был прощен и возвращен на службу. Более того, служба его продолжалась там, куда он и стремился с товарищами своими – за Носом Чукотским, вместе с анадырским приказчиком Владимиром Владимировичем Атласовым.

Нет, в походе камчатском Иван Осипович не был: исторические источники утверждают, что именно в это время он погиб на Чукотке. Но сама идея похода и, главное, маршрут движения атласовского отряда, а именно – выход на равнинное западное побережье Камчатки и продвижение на юг вплоть до того места, откуда можно будет увидеть в море острова неизвестные, до Носа, где Камчатка смыкает свои берега, и дорога снова поворачивает на север, – могли быть предложены им. И вот тогда уже совсем не случайно самая дальняя река, до которой дошел Атласов и откуда он, якобы, увидел и Нос Камчатский, и вулкан Алаид, сегодняшний остров Атласова, и Шумшу, совсем не случайно носит имя Голыгина...

Сразу скажем, что есть и иная, более распространенная версия на этот счет.

С Атласовым служил и племянник Ивана Осиповича – Иван Васильевич Голыгин. Ходил он в доатласовские камчатские походы с Лукой Морозкой Старициным (по другим сведениям это был также Иван Осипович), открыл после остров Каргинский, а потом, предполагают, погиб на южно-камчатской реке Нынгачу, которая потому и переименована в реку Голыгина... Но это только предполагают – никаких подтверждений тому до сего дня не имеется. Так что, может быть, и не был здесь, никогда этот Иван Васильевич.

А если река все же названа в честь Ивана Осиповича Голыгина, то, думается, есть для этого веские основания, и тогда это единственный и вечный памятник одному из несправедливо забытых русских мореходов-первооткрывателей.

АРХАНГЕЛОГОРОДСКИЕ МОРЕХОДЫ

Путь в Камчатку

Петр I высоко оценил свершение Атласова – присоединение далекой Камчатки к России. Тот край, дивный и богатый, был просто необходим сейчас царю. Богатства ему как раз и не хватало, чтобы пробить стены шведских и турецких крепостей, стоящих на пути России к берегам Балтийского и Черного морей. Нужно было воевать те берега, а для войны – попол-

нить казну. И от этого сейчас зависело будущее государства Российского – предстояло ему либо стать в ряд великих держав мира, либо остаться дремучим медвежьим углом, страной варваров, и отсыпаться себе на задворках истории. Так думал царь.

Сибирская пушнина в те годы имела исключительное по важности значение. Потому что давала верные деньги. А они были нужны, чтобы строить заводы и лить чугун, создавать верфи и спускать на воду корабли, формировать новую армию и флот, вооружать полки и оснащать суда. Немалые деньги...

Выбивать их из народа, вытягивать их из бояр, давить торговой пошлиной посадский люд и купцов? Все это уже было сделано по указу Петра: и за вековые бороды налоги собрали, и колокола церковные перелили на пушки...

А Камчатка виделась несметным кладом: водились здесь дивные соболя, лисицы-огнёвки и чернобурки, морские бобры с мехом красоты невиданной и речные выдры – чёрное и красное золото в сороках и вязках...

Но труден был путь государева ясака с Камчатки: где пешком, где на собачьих нартах, оленьих оргизах или верхом на лошадях двигались казачьи отряды из Якутска и в Анадырский острог, а уж оттуда через горные хребты и болотистые низины спускались в остроги Камчатки. Годами шли. Места были опасные. И не только тысячными своими верстами, снежными и морозными зимой, с комаром и гнусом летом, жили в тех местах племена воинственных чукчей и коряков, и потому не один казак похоронен был в вечной мерзлоте северной тундры или брошен на съедение полярным волкам, песцам да воironам.

Но жизни казачьи в те времена и на полполушки не тянули... Царь, всем сердцем болея за великую Россию, не считался с великими людскими жертвами. Мучило его лишь то, что эти северные народы, разгромив казачьи отряды, грабили и царский ясак – не доходила в итоге пушнина до Сибирского приказа в Москве, не превращалась в звонкие золотые червонцы, а затем в чёрный порох, медные пушки, солдатскую амуницию да корабельные паруса.

И повелел потому царь Петр искать путь морской в Камчатку, чтобы сохранить в целости драгоценный ясак для России.

Камчатские казаки и без указа понимали, что нужно искать морской путь: те места, что для царского ясака таили угрозу, их собственным потом и кровью были политы щедро.

Поначалу решено было ходить на байдарках от устья реки Камчатки до Олюторы-реки, а уж оттуда через Олюторский острог добираться до крепости на Анадырь-реке.

В 1712 году десятник Василий Щепетной построил здесь зимовье, оградив его земляным валом, а в 1715 году было закончено и строительство крепости на Олюторе, которую коряки с той поры так и прозвали Уйвулен – Крепость, а затем переделали в Вуйвен – Вывенку. Но жизнь ее оказалась недолгой – коряки из самого крупного и воинственного племени олюторов напали на крепость, сожгли ее, а гарнизон полностью уничтожили, так что ясак снова до царя не дошел.

Пытались пробиться на север и по западному побережью Камчатки от устья реки Тигиль до реки Пенжины, а оттуда на Анадырь пешком через Акланский острог. Но и тот острог не долго простоял на воинственной коряжской земле, раздираемой ожесточенными междуусобицами. И потому Петр запретил пользоваться вообще этой северной дорогой и велел искать морскую дорогу на Камчатку из Охотска.

Уже в марте 1710 года сибирский губернатор князь Гагарин требовал от якутского воеводы Траурнихта: *«...с Ламы проведывать путь через море на Камчатку»*.

Отсюда и должны были двинуть мореходы через грозное море «в Камчатку», проторить дорогу морскую в землю, столь нужную в этот нелегкий час государству Российскому. У охотских приказчиков к тому же были и свои планы, связанные с расширением собственных вотчин-присудов на Севере. Те места у Тайгоносского носа считались гибельными: непроходимые скалы-непропуски, воинственные, враждующие между собой племена местных коряков, тысячи верст пути до ближайших русских острогов и зимовий... Да, трудно было разогнуть в прямой и короткий путь эту чертову кочергу северной дороги: Якутск – Анадырская крепость – Камчатка.

Первую попытку выполнить царский указ предпринял в 1712 году охотский приказчик Петр Гуторов, который одновременно попытался привести в российское подданство и «немирных» тайгоносских коряков.

Замысел приказчика был чрезвычайно прост: он хотел на батах-однодревках (то есть выдолбленных из одного тополевого ствола) пройти вдоль побережья моря Ламского (Охотского) и в итоге выйти к камчатскому побережью. Теоретически этот замысел выглядел вполне реальным: лет за шестьдесят до того прошел этой же морской северной дорогой, только в обратном направлении, мореход Михаил Васильевич Стадухин. Спустился он от устья реки Пенжины до устья реки Охоты, откуда и начал Гуторов свой поход. Практически же идея эта была более чем утопической: на вертких батах опасно и по рекам сплавляться, а не по такому сердитому, щедрому на шторма морю ходить.

Но они все же пошли, достигли устья реки Игликан (ныне Сиглан), добрались до большого коряцкого поселения. Однако дальше двинуться уже не смогли – тунгусы-проводники отказались сопровождать казаков, понимая, что те идут на верную смерть. Пришлось возвращаться в Охотск...

Так что первому блину, действительно, выпадало быть комом... И все-таки было пройдено 500 первых морских верст по Охотскому морю. А это вселяло надежду на успех.

По именному указу

Видя, что без опытных людей морской путь на Камчатку вряд ли отыщется, Петр I именовым указом отправляет в 1714 году в Сибирь архангелогородских мореходов Никифора Тряску, Кондратия Мошкова, Якова Невейцына и Ивана Бутина.

Прибыв в Тобольск, получили те жалование от сибирского губернатора князя Гагарина по 40 рублей в год и по пять рублей кормовых. Здесь же по приказу Гагарина к ним присоединился голландец Генрих Буш, знающий толк в морском деле. Недавно он еще служил рейтаром у шведского короля Карла XII и был взят в плен под Выборгом. Теперь же, приняв его на русскую службу, сибирский губернатор положил Бушу жалование 15

рублей в год, усилил им отряд архангелогородцев, перед которыми ставились большие задачи. Кроме мореходов (хотя каждый из них был и кораблестроителем – «лодейщиком») в него вошли также и плотники Кирилл Плотницкий, Иван Каргополов, Варфоломей Федоров, Михаил Карамакулов.

В Якутске был сформирован еще один отряд – теперь к мореходам присоединились казаки во главе с пятидесятником Кузьмой Соколовым. В наказной памяти пятидесятника было записано:

«У Ламского моря усмотря к морскому ходу для строения лесных угодий, построить теми присланными плотниками морские суда... с теми мореходы и плотники и с служилыми людьми итти через Ламское море на Камчатский нос без всякого содержания... из Камчатских острогов итти тем же путем на Ламу».

В этот охотский отряд вошли Яков Невейцын и Никифор Тряска. А Бутин и Мошков должны были заняться «поиском неизвестных земель» противу устьев рек в Восточно-Сибирском море. В Якутске архангелогородцы расстались.

23 мая 1714 года отряд прибыл в Охотск и сразу же приступил к подготовке к походу: в верховьях реки Кутхуй, верстах в 75 от устья Охоты, нашли подходящее место и заложили судно. Через два года, в мае 1716-го, работу закончили и спустили его на воду. Это была лодия «наподобие архангелогородских соем, шитая вичами». Назвали ее «Восток» (по другим источникам – «Святое Ламское море», «Охота»).

Морской историк Ф. Веселаго занес эту лодию в свой «Список русских морских судов с 1668 по 1860 год»: *«Лодья без названия, размерами 8 1/2 x 3 x 3 1/2 сажени; заложена в мае 1714 года и спущена в мае 1716 года. Место строительства – Охотск, строитель Плотницкий».*

16 июля 1716 года лодия вышла в море. Вел ее Никифор Моисеевич Тряска. Сначала он повел ее на север по маршруту Петра Гуророва, но затем шторм оторвал суденышко от берега и унес в открытое море. Однако они приблизились к Камчатке – увидели землю где-то в районе Утхолокского мыса. И... снова ветер изменился на противный и погнал лодию на

запад, назад, почти к тому же месту, откуда она и начала свое плавание.

Отстоявшись у берега, переждав шторм и приведя судно в порядок, снова пошли к Камчатке. На этот раз встреча с ней произошла где-то в районе реки Тигиль. Отсюда пошли на юг, вдоль побережья. Нужно было изучить этот берег, отыскать удобные бухточки и заливы, осмотреть устья, чтобы можно было в дальнейшем при случае заходить сюда и укрываться от штормов.

Так и шли до реки Крутогоровой, а здесь, на берегу, встретились с первыми камчадалами, которые свели их с казаками – ясачными сборщиками. Дальше шли уже с ними, торопились поспеть в Большерецк. Но не успели – осень все же обогнала их, начались шторма – свирепые, долгие. Пришлось поставить лодию на зимовку в устье реки Колпаковой. Мореходы с командой остались при судне, а казаки, с Кузьмой Соколовым во главе, отправились в Нижнекамчатский острог, где находился приказчик Камчатки пятидесятник Алексей Петриловский.

Здесь Соколова ожидали отнюдь не мореходные занятия: приказчик Петриловский натворил столько злого на Камчатке, что пришлось Соколову сажать того под караул и принимать дела, ведать ясачным сбором, а уж по весне, с грузом государевой пушнины, возвращаться назад, к лодии, чтобы выполнить вторую часть наказа – вернуться в Охотск.

17 мая 1717 года мореплаватели пересекают Охотское море и выходят к Тауйской губе. Вот-вот появится уже Охотск. Но... судно попадает в ледовый плен и дрейфует совсем недалеко от берега. Близок локоток, да не укусишь. Лишь 8 июля расступаются льды, и Тряска приводит, наконец, лодию в Охотск. Дорога была проторена. И еще одиннадцать лет водил судно лодию «Восток» – «Святое Ламское море» – «Охота» – к камчатским берегам мореход Никифор Тряска.

В 1725 году у тех берегов лодия попала в сильный шторм и была выброшена на берег в районе реки Ичи. Тряска подвел под днище городки (катки) и лодию оттащили подальше от хищных вод. Но ветер достал ее и здесь и бросил на камни. Всю зиму чинил судно Тряска, и весной 1726 года привел «Во-

сток» в Большерецк. Однако приказчик все же посчитал судно непригодным к плаванию и только в 1727 году вернулось оно в Охотск. Это было последнее плавание – по приказу Витуса Беринга лодию, к тому времени, действительно, уже очень ветхую, сожгли, чтобы взять с нее все железо для нового корабля.

Железо в Охотске было на вес золота. И нужно полагать, что все оно, взятое с «Востока», нашло применение при постройке первого на Тихом океане русского военного судна, знаменитого бота «Святой архангел Гавриил». На нем было совершено немало славных плаваний с участием и этих архангелогородских мореходов.

Большой Камчатский наряд

Едва вернулся Никифор Тряска из первого камчатского похода в 1717 году, как из Якутска прибыли в Охотск Иван Бутин и Кондратий Мошков. А с ними и срочная бумага от якутского воеводы Ельчина – готовиться к новому походу.

Земляки рассказали Тряске с Невейцыным и последние новости: недавно воевода Яков Агеевич Ельчин вернулся от царя. Государь интересовался новыми землями в Восточном море противу устьев северных рек, а воевода, якобы, только в смущении руками разводил: я, мол, только четыре года назад принял сей обширный край и до окраин еще не добрался. А царь: отправляйся тогда на окраины и опиши все, что своими глазами увидишь – и Курильские острова, и Шантарские, и на восток и на полдень от Охотска и Камчатки. Людей дам, денег получишь, мореходов бери архангелогородских и подробно потом расскажи царю своему обо всем...

Кланяясь, покинул воевода царские покои. Вслед ему указ Петра: встать во главе Большого Камчатского наряда – экспедиции, стало быть, – пройти сушей и морем земли русские на востоке, описать новые, неизвестные, что, по слухам, имеются противу устьев рек Лены и Колымы, Камчатки и Охоты, Пенжины и Анадыря. Денег на то не жалеть, людей брать по надобности. Мореходами назначить тех архангелогородцев, что были отправлены на море Ламское еще в семьсот четырнадцатом...

Но только-только закрутил Ельчин все «экспедиционные» дела в Сибири, отправил первые партии казаков-землепроходцев к устьям северных рек кочи рубить и шитики китовым усом вязать, готовя суденышки эти морские для вояжа дальнего, послал первые морские отряды из Охотска к Шантарским островам и из Большерецка на Курилы, как повязали воеводу по злему доносу. Свезли в Москву в канцелярию тайную, и сгиб он где-то там во время пыток по государеву «слову и делу».

И остановилось колесо, так лихо им раскрученное... Только мореходы архангелогородские по-прежнему делали свое нужное дело, точно не касались их никакие исторические ветры и шторма, – торили дороги в море Ламском-Охотском и пробивали первые тропки через Курильские переливы в море Восточное...

Тайная воля Петра

Давно уже была открыта архангелогородцами морская дорога на Камчатку. Еще раньше – разведан Иваном Козыревским путь к полуденным островам и получены первые сведения об «Апонском» государстве...

И теперь архангелогородцам предписано было проложить маршрут на полдень.

В 1719 году по личному указу Петра Великого посланы на Северо-Восток геодезисты Федор Лужин и Иван Евреинов.

Зачем? Выяснить *«сошлась ли Америка с Азией, что надлежит сделать не только Зюйд, но и Ост и Вест и все на карте исправно поставить»*.

Это на бумаге. Но известно, что кроме письменных указаний были получены геодезистами и устные инструкции. Вот потому и направились они на Курилы на лодии «Восток» с мореходом Кондратием Мошковым.

Первоначальный маршрут был тот же, что и у Тряски с Невейцыным в 1716 году – на Западную Камчатку, до устья реки Ичи. Здесь в 1720 году геодезисты высадились на берег и положили на карту западнокамчатские реки, затем побывали в долине реки Камчатки, провели и здесь глазомерную съемку местности, а потом сделали это же и на восточном побережье полуострова.

А 22 мая 1721 года вывел Кондратий Мошков лодию из Большерецка, чтобы выполнить вторую часть плана, и повел «Восток» на полдень, минуя один за другим четырнадцать островов Курильской гряды.

И здесь геодезисты продолжали ту же работу, что делали на Камчатке, – вели глазомерную съемку островов.

Наконец стали на якорь у острова Шумшу. Можно было теперь и отдохнуть – ведь проделана огромная по объему и значимости работа, пройден немалый путь среди многочисленных островов совсем еще неизвестного русским мореходам архипелага.

Но и здесь судьбе было вольно распорядиться по-иному: налетевший шторм оборвал оба якорных каната и бросил суденышко на откуп волнам. Лодия лишилась управления, и спасение могло принести уже не столько искусство морехода Мошкова, сколько воля рока и мужество всей команды.

Семь дней гоняло «Восток» по волнам, грозя разбить о подводные скалы и остроконечные кекуры, выбросить на каменистые острова или расщепить свинцовыми кувалдами волн... Их унесло в неизвестность, к острову Хоккайдо, то есть непосредственно к самой Японии, и они сами уже считали себя погибшими.

Но вот упал ветер, улеглась волна, и разлилось по океану жидкое желтое солнце. Привязав вместо якорей пушку и наковальню, отстоялись у какого-то острова и привели в порядок паруса, превращенные ветром в лохмотья, а потом пошли на норд вдоль островов. Скоро они были уже в Большерецке. Здесь Мошков обзавелся якорем, но только деревянным: не было на Камчатке железного. Для тяжести и крепости оковали ему этот якорь... сковородами. Что делать? Здесь, на окраине России, все еще только-только зарождалось, и до железа ли было.

12 июля 1721 года Мошков благополучно доставил геодезистов в Охотск, а 30 ноября 1722 года в Казани Евреинов докладывал царю о выполнении его тайного приказа об установлении русских границ на Тихом океане. И Петр, говорят, был весьма доволен своими людьми.

Первая Камчатская

И снова суждено было архангелогородцам идти дорогой, указанной для них Петром Великим. На этот раз они должны были определить границу своего государства на крайнем Северо-востоке, между Азиатским и Американским материками. Руководителем этой экспедиции был назначен лично Петром капитан-командор Витус Беринг. По его же, Петра, приказу в 1725 году было построено в Охотске небольшое судно для экспедиции «Фортуна», которое в 1727 году, к приезду Беринга в Охотский порт, было спущено на воду.

Правда, несмотря на название, «Фортуне» не суждено было совершить то историческое плавание по Берингову морю: задачи ее были гораздо скромнее – доставить членов экспедиции со всем имуществом в Большерецк.

На Камчатке, в урочище Ушки, в долине реки Камчатки (между нынешним городом Ключи и рабочим поселком Козыревском) был заложен 4 апреля 1728 года и спущен на воду в июне того же года уже упоминавшийся бот «Святой архангел Гавриил», вписавший немало страниц в историю тихоокеанского флота.

13 июля 1728 года в вахтенном журнале бота появляется первая запись:

«В половине 2-го часа сотворя молитву отвалили от берега и поплыли вниз по реке Камчатке. В половине 3-го часа приплыли к устью реки Камчатки и легли на якорь за противным ветром».

14 июля вышли в открытое море. В числе 39 членов экипажа «Гавриила» были архангелогородские поморы Кондратий Мошков и Иван Бутин.

В конце июля бот прошел мимо устья реки Анадырь, идя на север. Пройдена губа Святого Креста, Чукотский Нос, открыт остров Святого Лаврентия...

13 августа бот вошел в пролив, который позже будет назван проливом Беринга в честь капитана бота «Св. Гавриил».

Стоял туман, «великий туман с мокротою». Корабль находился за 65 градусами северной широты, то есть уже в Северном Ледовитом океане. Но члены экипажа этого не знали, блуждая в туманах. Тогда Беринг предложил своим помощникам

изложить собственное мнение о возможности продолжения этого плавания. Шпанберг предложил вернуться. Чириков – идти дальше, вплоть до устья реки Колымы (при этом он даже не подозревал, что пролив был пройден задолго до них Семеном Дежневым и Иваном Голыгиным).

Беринг поддержал Шпанберга – возвращаться. Возвращаться, хотя фактически так и не был получен руководителем экспедиции ответ на поставленный Петром Первым вопрос о границе двух материков, а соответственно, и о северо-восточной границе России. И потому команду «возвращаться» можно было бы предполагать только в следующей редакции: *«Чтобы повторить плавание на следующий год и разобратся, точно в существовании пролива между Америкой и Азией»*.

Но на следующий год Беринг не стал повторять этот поход. Узнав от камчадалов о некоей большой земле, лежащей противу устья реки Камчатки, он попытался найти ее, но безуспешно, и ушел в Охотск, не подозревая, что ему снова приказано будет продолжить это плавание в Великом океане, и тот не найденный им сейчас остров станет последним пристанищем командора. Это и будет остров Беринга.

По-разному, как мы знаем, отнеслись и относятся историки к итогам Первой Камчатской экспедиции. Ломоносов признавал, что *«Беринг не напрасно думал, что он по данной себе инструкции исполнил»*, то есть дошел до той крайней точки в северных широтах, где уже ясно было, что далее Азия с Америкой сойтись не могут. Но он и упрекал командора: *«Однако жаль, что идучи обратно, следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом, конечно бы, мог заметить берега Северо-Западной Америки»*.

И это суждено было сделать другим. Но опять же – нашим архангелогородским мореходам.

Земля Кыымылыг, или Алякса (Аляска)

Итак, Беринг не поставил точки над «i» в этой географической загадке – сошлись ли, нет ли между собой материка – и не увидел берегов Большой земли, как называли в те времена Аляску.

И снова бот «Св. Гавриил» бороздил просторы Берингова моря. Подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев вели его к американским берегам. Лоцманом на «Св. Гавриил» был назначен Кондратий Мошков.

И вот из рапорта Михаила Гвоздева:

«Августа 21 дня пополудни (1732 г.) в 3-м часу стал быть ветер, подняли якорь, паруса распустили и пошли к большой земле и пришли к оной земле, стали на якорь и против того на земле жилищ никаких не значилось, и подштурман Иван Федоров приказал поднять якорь. И пошли подле земли к южному концу. У южного конца к западной стороне видели юрты жилые версты на полторы и к оному жилью за противным ветром в близость подойти не возможно и пошли подле земли на южную сторону и стало быть мелко и дошли до семи и до шести сажень и от того места возвратились назад и пошли в бейдевен, чтобы не отдалять от оной земли и стал быть ветер приземной крепкой... и подштурман велел кури держать... и таким крепким ветром отошли от берега и пришли к четвертому острову августа 22 дня и за великою погодою у оного острова на якорь стать было невозможно и когда стали подходить ко оному четвертому острову, парусы подобрали и без парусов от того четвертого острова отнесли... и тогда же пришли ко мне служилые Ефим Пермяков, Лаврентий Поляков, Федор Паранчин, Алексей Мальшиев с товарищи и просили о возврате, чтоб возвратиться на Камчатку, понеже де кормов у их малое число, также де и не могут из судна воду уливать...»

Поддержал тогда служивых и мореход Мошков. Ведь дело было сделано – путь к этой самой Америке найден, а приближались осенние шторма, и измученные плаванием люди, и потрепанный волнами бот могли не выдержать новых испытаний.

28 сентября 1732 года «Св. Гавриил» подошел к устью реки Камчатки. Увиденную с судна землю Гвоздев назвал Кыбымылаг, или землей эскимосов. Название не прижилось, и долго еще в обиходе звучало: Большая земля, а потом Алякса, пока не устоялось название Аляска...

Да и о самом этом мореходном подвиге русских людей мир узнает нескоро. Подштурман Федоров умрет в 1733 году. Геодезист Гвоздев по государеву «слову и делу» – доносу – будет брошен в тобольскую тюрьму и выйдет он оттуда лишь в 1738 году, когда в Охотске вовсю уже шла работа по подготовке Второй Камчатской экспедиции. В тот год и узнают в Охотске об открытии Большой земли, составят на основании судового журнала Федорова карту обследованного на «Св. Гаврииле» района.

А двумя годами раньше историк Миллер найдет в якутском архиве «отписки» Семена Дежнева о походе с устья Колымы на Чукотский нос, то есть из Северного Ледовитого океана в Тихий.

Так что теперь было совершенно ясно – между Азией и Америкой существует пролив.

И начат был новый поход – теперь уже к берегам Русской Америки.

И еще одно открытие

Вот уже известно россиянам: там, на восходе солнца, лежит в океане не только большая земля, но и тянется к ней драгоценное ожерелье из многочисленных островов, богатых голубыми песцами и бесценными морскими бобрами. Потянулись к ним с Камчатки тончайшие нити промысловых экспедиций российских аргонавтов, отправившихся из Суздаля и Великого Устюга, Соликамска и Тотьмы и из того же Архангельска на край земли в поисках удачи и счастливой доли.

Шли непрерывным потоком на восток поморы, закаленные в штормах Великого Студеного океана, шли покорять Великий, или Тихий океан.

Но первыми опять же были архангелогородцы. Именно они, русские мореходы, выросшие на берегах Ледовитого океана и Северной Двины, с детства выучившиеся мореходному искусству, первыми проложили морские дороги здесь, на краю русской земли, первыми вышли к берегам неведомой Америки и «Апонского» государства. Именно они – Никифор Тряска, Яков Невейцын, Кондратий Мошков и Иван Бутин.

Шел уже 1751 год. То есть прошло уже около сорока лет с тех пор, как по указу Петра Первого отправились архангелогородские мореходы и кораблестроители в дальний путь, в окраинные земли, где один год жизни двум, а то и трем годам равен был. И выносливости этих людей просто поражаешься. В 1728 году, когда Беринг взял в свою команду Кондратия Мошкова и Ивана Бутина, те вынуждены были обратиться к командору с просьбой выплатить им жалование «для расплаты долгов и для покупки платья». Что же заставило их превратиться из бравых моряков в просителей?

«Служили мы... мореходами для перевозки через море от Камчацкой земли до Охотского острогу ясаиной казны, а в прошлом 1727 году взяты мы из Охотского острогу сюда на Камчацкую землю на судах для перевозки команды вашего благородия служителей и протчих вещей, а денежного жалованья... не получали Кондратий Мошков с 726 году, Иван Бутин с 723 году и по ныне. А об оном жаловании просить было некогда, понеже, когда прибудем отсюда в Охотский острог с казною... то паки подчиненные комиссары нас возвратно на Камчатку и за такими отлучками вошли в великие долги».

А в 1751 году, вероятно, уже получив пенсион и будучи в преклонном возрасте, ведет Иван Бутин промысловое судно знаменитого камчатского купца Никифора Трапезникова «Борис и Глеб» к Алеутским островам осваивать новые русские земли.

И этот его вояж остался известен в истории – Бутину и купцу Трапезникову, который также пошел в плавание со старым мореходом, выпало стать первооткрывателями острова Атха в группе Андреяновских островов Алеутской гряды...

Так, выполняя волю царя, жизнь свою клали русские мореходы на алтарь Отечества, не почитая никаких иных благ, кроме служения России.

ИВАН КОЗЫРЕВСКИЙ

1. Проклятие рода Козыревских

Во время войны между Россией и Польшей, в 1654 году, под Смоленском попал в русский плен Федор Иоаннович Козы-

ревский и был сослан в Сибирь, на Лену. Здесь он, не дождав-шись прощения, женился в 1667 году, а к 1674-му имел уже троих сыновей – Петра, Семена и Дмитрия. В этот год вызва-ли Федора Иоанновича в Москву и объявили, что ссылка его кончилась и он может возвращаться на свою родину, в Литву. Но годы, проведенные в России, уже сделали свое дело, и Фе-дор Иоаннович не помышлял уже ни о каком другом крае – Сибирь стала родиной для него самого и его детей. И потому бил челом Федор Иоаннович перед царем Алексеем Михай-ловичем с просьбою оставить его в Сибири и взять на госуда-реву службу. Царь по достоинству оценил этот поступок и поверстал Козыревского в казаки в чине сына боярского – то есть поставил его выше сотника. И с этой поры началась у Федора Иоанновича и его семьи беспокойная перекочевка от зимовья к зимовью, из острога в острог, с волока на волок – туда, куда назначали его якутские воеводы приказчиком – ответственным за сбор ясака в казну царя Алексея Михайло-вича. Жили они то на Вилюе и Алдане, то на Олекме, пока не был назначен Федор Иоаннович в верховья Лены на Чечуйс-кий волок.

Вот здесь-то и обрушились на род Козыревских первые удары судьбы, и повисло проклятие над ними, переходя из поколе-ния в поколение, пока не низверглась вся лавина этих несчаст-тий, приписанных всему роду на столетия, на одного Ивана, внука Федора Иоанновича...

А началось все с того, что постоянная нехватка денег в семье подтолкнула Федора Иоанновича к мысли заняться кое-какой торговлей, в первую очередь казенным вином. И... проторговал-ся казак – долг за ним скопился огромный по тем временам – 50 рублей – пятилетнее жалованье. Заплатить его было нечем. Над семьей нависла угроза долговой расправы. А тут еще и дети, вы-росшие при кабаке, пристрастились к чарке с хмельным. Особен-но старший, Петр. Федор Иоаннович, в надежде, что семья об-лагоразумит сына, женил Петра. В 1690 году родился Иван... Но Петр не только не бросил пить сам, он пристрастил к вину и жену Анну. Через год родился у них еще один сын – но и он не внес особых перемен в жизнь своих родителей.

И тогда Федор Иоаннович решился на последнее средство – он бил челом якутскому воеводе, чтобы тот отпустил его по старости в монастырь, а на его место взял бы сына Петра. Бессилен оказался Федор Иоаннович перед пороком сына и теперь надеялся лишь на то, что суровая казачья служба исцелит Петра, вернет его к трезвой жизни...

Воевода внял просьбе Федора Козыревского и приказчиком Чечуйского волока стал Петр Федорович, а отец его постригся в монахи и стал теперь иноком Авраамием. Но это было все, что смог сделать Козыревский-старший, – остальное осталось по-прежнему. И продолжалось до 1695 года, пока на богомолье, в заимке Киренского Троицкого монастыря, в пьяной драке не убил Петр Федорович жену свою Анну и не бежал с малолетними детьми от суда и следствия в глухую тайгу верховий Лены...

Наступило страшное время для них всех – семья влачила жалкое, полуголодное существование. Петр был лишен чинов и исключен из казачьих списков – клеймо «убийца» было выжжено теперь на его имени, чести и совести... Вот тогда и началось прозрение Петра. Позднее, тяжелое, страшное...

А тем временем уже и до Москвы докатилась эта весть о грехопадении сына боярского Петра Федоровича. Из Сибирского приказа писали: «Буде явится, что он без причины ее убил и в том повинится, и за то его казнить самово смертью, велеть повесить в той же монастырской заимке, а буде по розыску явится, что он убил жену за какое воровство и его смертию не казнить, бить нещадно, что он, не бив челом, самовольно жену свою убил...»

Не выдержав таежного заточения, Козыревский пришел в Якутск с повинной. 2 июля 1700 года воевода Траурнихт начал производить расследование этого убийства, и свидетели единодушно показали, что во всем виновата была сама Анна, ее пьяное буйство и неистовство.

Третьего июля пытали Петра. А на следующий день был вынесен приговор – бить Петра Федоровича кнутом на торговой площади Якутска, а затем отпустить на свободу под ручательство казаков.

Что ожидало его теперь? Трудно сказать. Возможно, что он и сам этого не знал. А тут и подвернулся сотник Тимофей Кобелев, назначенный приказчиком Камчатки на смену Потапу Серюкову. Козыревские, известные грамотеи, были в чести у казаков, и потому с согласия Кобелева 28 июля 1700 года рождается под пером опального Петра Федоровича эта челобитная царю Петру, сыну покойного Алексея Михайловича.

«Великому государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя Руси самодержцу бьет челом холоп твой, наवरстанный казак Петрушка Козыревский. Милосердный великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя России самодержец, пожалей меня, холопа своего, вели, государь, меня в Якуцком поверстать в казачью службу на убылое место и послать меня послужить тебе, великому государю, на новую Камчатку реку. Великий государь царь, смилуйся».

Пока челобитная шла в Москву и возвращался ответ в Якутск, воевода Траурнихт на свой страх и риск принимает решение – не послать, а сослать Козыревских на Камчатку. Без всяких средств к существованию, ибо положенный казаку для похода аванс был конфискован у Петра воеводой для погашения старого долга Федора Иоанновича...

В сентябре 1700 года отряд сотника Тимофея Кобелева вышел в дальний путь на край земли, и лишь летом 1701 года пришли камчатские казаки в долину древней реки Уйкоаль, которая звалась теперь Камчаткою и где заложил в 1698 году атласовский казак Потап Серюков первое русское поселение на полуострове – Верхнекамчадальский, или Верхнекамчатский, острог.

Петру Федоровичу выпала немалая честь – он возводил укрепления второго острога – Нижнекамчатского, откуда шли казаки собирать ясак для царя по окрестным рекам и восточному побережью Камчатки. Он первым вышел и на реку Коль, которую затем сын Иван назовет в честь отца Козыревкой. И большая жизнь суждена была в будущем Нижнекамчатску. Но не узнал об этом Петр Федорович – в 1704 году он отправился сопровождать с приказчиком Зиновьевым государев ясак в

Якутск, а на обратном пути «в Камчатку» вместе с новым приказчиком Федором Верхотуровым-Протопоповым, выйдя уже на восточное побережье Камчатки, узнали от местных коряков о небольших морских островах, богатых моржовыми корками – лежбищами, и пошли в море открывать для России новые земли, и... не вернулись назад Верхотуров и Козыревский с товарищами. А острова те так с той поры и зовут на Камчатке Верхотуровыми...

2. Камчатский бунт

После смерти Петра Козыревского камчатским приказчиком Василием Колесовым поверстан на «убылое» место пятнадцатилетний Иван, и в тот же год большой отряд казаков во главе с пятидесятником Ламаевым был послан приказчиком на юг Камчатки, в «Курильскую землицу». «Землица» эта занимала огромную часть полуострова – почти до реки Большой на западе и Авачинской губы на востоке. Населяли ее воинственные племена курилов – потомков двух народов: айнов и ительменов. Сами себя они называли «кура» – человек. В 1706 году одна из групп ламаевского отряда под командованием казака Михаила Наседкина вышла на Камчатский Нос – мыс Лопатку, – и отсюда увидели русские землепроходцы, что и дальше в море, на полдень от Носа, через «перелив» лежит неведомая земля.

Мы пока не знаем, но, может быть, был среди этих казаков и юный Иван Козыревский... Тогда многое можно было бы понять в его последующих поступках, даже то, что и по сей день еще не объяснено.

А в 1707 году приказчиком Камчатки становится Владимир Владимирович Атласов. Почти десять лет, со времени своего знаменитого похода, не был он больше на этой земле, присоединение которой к России обессмертило его имя и осыпало самого Атласова царскими милостями. Ему был жалован чин главного приказчика Камчатки и немалая по тем временам награда – набрать товаров на сто рублей. Сумма большая – если помните, то лишь половина ее превратила в кошмар жизнь целого семейства Козыревских на Чечуйском волоке. Столь

же роковыми оказались эти деньги и для самого Атласова – он всласть погулял на них, возвращаясь в Якутск, пограбил со своей вольной ватажкой дощаники – баржи купеческие, так что после этого в Якутске не почести ожидали разбойного атамана, а суд да тюремные нары.

Спасло Владимира Владимировича лишь то, что привез он тогда с Камчатки в Москву настолько богатый ясак, что ни один из последующих камчатских приказчиков не в силах был перекрыть этих его «сороков»... А царь ждал от Камчатки многого – ведь шла Северная война, врался в невские болота Санкт-Петербург, гремели пушки, и шли открывать для России ворота в Балтийское море русские полки... Царю необходимы были эти драгоценные меха, чтобы покупать, создавать, копить силушку немалую, богатырскую. А их давала только Сибирь. А потому так много надежд возлагал государь на Камчатку. Это-то и спасло Атласова от тюрьмы – ему велено было возвращаться «в Камчатку» и вину свою перед царем искупить службой верной, ясаком богатым, землями новыми... Но все это предоставлялось ему на самых жестких условиях. Вот читаем у Крашенинникова:

«...В помянутом же 1706 году Атласов освобожден из-под караулу и отправлен из Якутска на Камчатку приказчиком с теми же преимуществами, которые даны ему были в 1701 году, чтоб иметь ему полную власть над служилыми, и винных, смотря по делу, батогами и кнутом наказывать; а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить, и в приискивании вновь земель и неясашных людей оказать крайнюю ревность, обид и налогов никому не чинить, и против иноземцев не употреблять строгости, когда можно будет обойтись ласкою, в противном случае и смертная казнь ему предписана».

И в 1707 году появляется Атласов на Камчатке, чтобы в точности исполнить царский указ и заслужить прежнюю милость царя.

Но сделать это было непросто. Из первого камчатского похода Атласов действительно привез немало. Но ведь он и был первым – ему не налог платили, а дарили ительмены и курилы – коренные жители полуострова – шкурки соболей, лисиц, мор-

ских бобров в знак уважения и дружбы, доверия и мира. Местные жители до прихода Атласова никогда и не добывали пушных зверей – потому что этот мех не представлял здесь никакой практической ценности – и дарили щедро, отдавая, может быть, все, что было запасено у них для украшений или что специально добыли для своего белого друга и его собратьев. Атласов прошел немало камчатских верст, и везде его встречали гостеприимно, с открытым сердцем и одаряли тоже от всей души... И возвращался с Камчатки Атласов, не отражая по пути нападений воинственных северных племен, и ни одна шкурка не была похищена или отбита у него в тундре коряками или чукчами...

Но теперь времена были совсем не те, хоть и прошло с тех пор всего лишь каких-то десять лет.

Северная дорога была почти полностью перекрыта. Коряки, истребив отряд сына боярского Верхотурова-Протопопова в 1706 году, напали вслед за этим на отряд служилого Шелковникова, осадили Акланский острог и держали его в плотном кольце до следующего года, пока к чуть живым от голода акланцам не пришли на выручку казаки из Анадырской крепости.

Не была уже спокойной и сама Камчатка. Центральная ее часть – долина реки Камчатки, где Атласов и заключил в свое время договор о дружбе и вечном союзе с Россией с верховным вождем-гойоном Камчатки Иваром Азидамом, – была по-прежнему мирной. Но совсем другая картина была на побережьях полуострова и на юге.

Авачинские камчадалы не признавали ничьей власти – ни Азидама с Уйкоаль-реки, ни Петра... Курилы были то в дружбе с русскими, то нападали на отряды сборщиков ясака... На Западной Камчатке также один год не был похож на другой – если на Гыг-реке (с той поры и по сей день она зовется Воровской) жил разбойный, непокорный, бунтарский люд и казаки в здешних местах не столько о сборе ясака радели, сколько о сохранении «живота» своего, то на других реках казаков встречали где с почетом, где со страхом, но везде с миром...

Так что ситуация была очень даже не простая уже сама по

себе, а тут еще царская воля! Поэтому приказчик нервничал, да и тюрьма якутская озлобила Атласова против людей достаточно. И потому, не разбираясь особо в тонкой политике камчатских казаков о замирении с воинственными Курилами (а сам Атласов утверждал в свое время, что это самое воинственное племя Сибири) и проторении дороги к Носу для плавания к «неизвестной» земле за «переливами» и «приводу под высокую державную руку новых ясашных плательщиков», пошел Атласов на юг военным походом, чтобы напомнить курилам о былом и заставить подчиниться если не воле своей, то силе... Да, он перестал быть стратегом и дипломатом, думал лишь о том, как вернуть прежнее расположение к себе царя Петра и думного дьяка Винниуса из Сибирского приказа, а Камчатка не была уже прежней, и думать нужно было прежде всего об этом...

И закатилась в том походе былая слава Атласова-атамана. Не принес ничего хорошего ни русским, ни курилам тот поход – столкнулись между собой две силы, и четыре года не было больше между ними мира. И о каких новых землях могла пойти речь, когда русские не способны оказались удержаться даже на реке Большой – дважды за эти годы укреплялись они в Большерецком остроге и дважды сравнивали острог с землей курильские воины.

Так что не только прибавки ясачной не получил на Камчатке приказчик Атласов, но и «смуту великую» здесь посеял и настроил против себя не только камчадалов, но и казаков камчатских.

И не остановился на достигнутом – дело дошло до того, что казак Данила Беляев всенародно обвинил Атласова в присвоении им черно-бурой лисицы, которая по царскому указу принадлежала казне, – приказчик, рассвирепев, зарубил палашом казака.

Не в бровь, а в глаз было то обвинение – за 1707 год «скопил» Атласов 1 200 соболей, 400 красных лисиц, 74 морских бобра...

Возненавидели на Камчатке Атласова крепко. Он отвечал всем тем же. А особенно почему-то невзлюбил молодого Ивана Козыревского – не раз в «смыках» (кандалах) его в казенке

под караулом держал, порол до крови в непонятной звериной злобе своей. Что же хотел выбить-вытравить из непокорного отрока Атласов? Не мечту ли заветную о походе за «переливы», ту самую, что таил в себе и Атласов, надеясь заплатить царю открытием новых земель за все свои злодеяния и преступления, совершенные теперь уже на Камчатке.

Но неужели столь уж опасен был для Атласова какой-то мальчишка? Вполне возможно, даже очень опасен – ведь Козыревский был обучен грамоте. Может быть, это был единственный грамотный на весь полуостров, и через него, стало быть, проходили все бумаги, а значит, он мог знать и о царском указе и мог бы при случае разжечь казаков на смуту и поход... Атласов же придерживал острова про запас. Потому, видно, и прятал он в казенке от казаков несносного мальчишку-грамотея.

В конце 1707 года казаки, возмущенные правлением Атласова, сместили его с приказа, арестовали и посадили в тюрьму, но, обманув всех, тот бежит из Верхнекамчатского острога, где была приказная изба, в Нижнекамчатский и, затаившись, живет теперь здесь без власти и уважения. Приказчиком же был избран пятидесятник Ламаев, тот самый, который водил казаков в поход на курильские земли.

Но теперь путь на Камчатский Нос закрыт – курилы настроены были враждебно. Да и казаков не разжечь на этот поход – слишком уж рискованная затея. Нужно было ждать своего часа...

В 1710 году на Камчатку один за другим прибывают еще два приказчика. И себе же на погибель они, как и Атласов, были алчными, жестокими, творящими произвол и беззаконие. Что-то неопишное происходило в это время на Камчатке – приказчики друг друга не признавали и ненавидели, каждый из них стремился набить свои собственные дорожные мешки дорогой пушниной и всячески помешать сделать то же самое другому, стравливали между собой камчатских оседлых (кто уже здесь и семьями обзавелся) и пришлых из Якутска казаков – для оседлых весь этот разбой приказчиков мог обернуться метью камчадалов, а пришлым терять было нечего – урвали

побольше да ушли себе обратно в Якутск... Но в конце концов всеми этими сварами, стычками да науськиваниями подписали приказчики сами себе смертный приговор. В январе 1711 года верхнекамчатские казаки снова поднялись на бунт, приговорив всех троих ненавистных им приказчиков к смертной казни. Справив кровавую тризну в Верхнем остроге, они отправились в Нижний – за Атласовым.

И вот на этом их пути и встретился возвращающийся из Нижнекамчатска и ничего не знающий еще о бунте Иван Козыревский. Он тут же был арестован, ограблен, хорошенько избит за сопротивление и насильно захвачен бунтовщиками с собой в Нижний острог.

Тут-то ненависть Козыревского к Атласову перевесила на чаше весов, и обиды на верхнекамчатцев за грабеж и побои показались мелочью по сравнению с тем, что он может теперь сполна отомстить Атласову за все его прошлые злодеяния. Так Иван Козыревский примыкает к бунту, против своей воли подчиняясь неистовой силе того неподвластного ему рока, который управлял уже его судьбой и толкал на такие поступки, изменить которые никто уже был не в силе. И более того – нижнекамчатские события будут теперь разворачиваться по его, Козыревского плану: бунтовщики войдут в дом к Атласову с лжечелобитной, написанной Иваном, и, когда Владимир Владимирович возьмет ее в руки, чтобы прочесть, это и послужит сигналом для выбранного заранее палача...

Теперь никто не стоял уже на пути Ивана к его тайным замыслам. Обеспечена была и дальнейшая поддержка казаков: обагрив свои руки кровью, бунтари задумывались теперь о том, что их ждет за все это и ни последует ли указ царя о смертной казни для них самих за учиненный в Камчатке разбой. Тяжелые были эти мысли, и нетрудно было подсыпать на эти угли пороху. И потому все, кто был причастен к бунту, точно за соломинку, ухватились за этот давно вынашиваемый избранным ими есаулом Козыревским план замирения с Курилами и похода за «переливы» к «незнаемым» землям.

Тогда же царю была сочинена и послана челобитная, в которой казаки уверяли, что приказчики камчатские убиты за то,

что не позволяли казакам выполнить указ Петра об открытии новых земель за Камчатским Носом, и клялись, что не пожалеют сами живота своего и присоединят к владениям России эти острова.

3. Курильские острова

1711 год. 26 сентября. «Державнейший царь, государь милостивейший! В нынешнем 711 году, в Верхнем и в Нижнем в Камчадальских острогах, прежде бывшие прикащики от нас, рабов твоих, побиты, а за что они, прикащики; побиты, и в той своей страдничьей вине подали тебе, великому государю, за руками две челобитные в Верхнем Камчадальском остроге прикащику служилому человеку Алексею Александровых апреля в 12 день. И за такую свою страдничью вину пошли мы, раби твои, вышеписанного месяца из камчадальских острогов служить тебе, великому государю, на Большую реку, умирать изменников, которые в прошлом 707 и 710 годах тебе, великому государю, изменили и ясачное зимовье и острог на Большой реке сожгли, а твою, великого государя, сборную ясачную казну разграбили и прикащика со служилыми людьми побили...

...А в прошлом, государь, в 706 году, будучи в Камчадальских острогах, прикащик Василий Колесов посылал в поход служилых людей в Курильскую землю для умирительства на немирных иноземцев. И будучи служилые люди в Курильской земле, от Курильского острогу видели за переливами землю по Пенженскому морю, на той земле не были, и, какие люди тамо прибывают и какую битву имеют и какими они промыслы промышленяют, про то они в достаток, служилые люди, сказывать не знали. А в нынешнем, государь, в 711 году мы, раби твои, с Большой реки, августа с 1 числа, в ту курильскую землю край Камчадальского Носу ходили, а где прежде служили люди у Курильского острогу были, и от того их места до самого краю Камчадальского Носа 2 дни ходу, и с того Носу мы, раби твои, в мелких судах и байдаром за переливами на море на островах были и до той земли доходили, где велено нам, рабам твоим, по твоему, великого государя, указу, прове-

дать и дать той земле особый чертеж. И будучи мы, раби твои, за первым переливом на первом берегу, на усть Кудтугана реки, те курильские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крупной. И к бою ратному тамошние курильские мужики досужи, и из всех иноземцев бойчивее, которые живут от Анадырского по Камчатскому Носу. И божиею помощью, у них, курильских мужиков, 10 человек побили, а иных многих исперранили и 3 карбаса морских у них отбили. И на том их острову соболей и лисиц не живет и бобрового промысла и привалу не бывает, и промышляют они нерпу, а одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьего перья».

Но этого показалось мало, и в «отписку» лихо присочинили – проверь-ка, дескать:

«А за другим переливом на другом острову, на Ясовилке реке, живут иноземцы езовитяне, и собралось их многое число, а бою с нами они не дали, а чрез толмач под твою высокосамодержавную руку ласкою и приветом призывали. А они, иноземцы, нам, рабам твоим, сказали, что мы здесь живучи ясаку платить никому не знаем, и прежде до сего с нас ясаку никто не бирывал, соболей и лисиц не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего прихода бобры, и те бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные ткани пестрые и ныне де у нас дать ясаку нечего, а впредь ясак тебе, великому государю, платить хотят ли, про то нам, рабам твоим, не сказали. И стояли против нас своим великим войском изоружены, на битву с нами были готовы. И мы, раби твои, стояли на той их земле дvoi сутки, а дать бою с ними за своим малолюдством и за скудостию пороховую не посмели и себе от них опасли. И с той их земли мы, раби твои, в новопостроенный земленой острог на Большую реку пришли сентября в 18 числе и тому, государь, учинили за руками чертеж. И ныне мы, раби твои, против твоего, великого государя, указу, каков был дан указ прежде бывшим прикащиком и проведении в Курилской земле в Камчадальскому Носу на море за переливами землю проведали. А

которых прошлого 710 году, мы, раби твои, Апонского государства жителей у немирных иноземцам на Жупановской реке по бобровому берегу отбили, и они сказывают, что де от вышеупомянутой дальней земли, которую землю в полуденной стороне видите на море близь де Матмайского города и Апонского государства, и об том Матмайском и Апонском государстве радетьельное свое тщание к службе твоей, великого государя, мы, раби твои, приложим и чрез дальнюю видимую землю проведать впредь обещаемся.

...Вашего величества нижайшии раби служилые люди: Данило Яковлев сын Анцифоров, Иван Петров сын Козыревской...»

Но грехи земные цеплялись уже за Козыревского, точно колючие семена череды: на допросе одного из бунтарей-первопроходцев, Григория Переломова, появилась эта вот, тоже впоследствии роковая для Ивана Петровича, запись: «...де он, Григорей, с убойцами своими со служилыми людьми написали великому государю в челобитной своей и в чертеже, что были на другом морском острове, и то де они, Григорей с товарищи, написали в челобитной и в чертеже своем ложно» («Памятники Сибирской истории». Т. 2. С. 536).

Не были они на Парамушире – и весь сказ. Думали, что канет выдумка в Лету, но не получилось. Хотелось повторить поход летом 1712 года, покорить недоступные острова и дойти до «Апонского» государства, как царю своему в том клялись, но пошел зимой 712-го Данила Яковлевич Анцифоров с большим отрядом большеецких казаков в поход на авачинских камчадалов, чтобы привести и этих непокорных «иноземцев» под «высокую руку» Петра, да заманили его с товарищами хитростью авачинцы и погубили всех до единого... Так что не с кем было Козыревскому идти на Курилы – большеецкому гарнизону самому бы удержаться здесь, на границе с «Курильской землицей».

А тут и приказчик Колесов прибыл на Камчатку из Якутска с наказом провести со всей строгостью следствие по камчатскому бунту и казнить «смертию» всех повинных в убийстве приказчиков. И открылась тогда вся правда о курильском по-

ходе. Но оценил по достоинству значимость этого землепроходческого подвига Василий Колесов. Сам он только что вернулся из Москвы, где был царем за службу верную, за ясак богатый, доставленный самолично Колесовым в столицу, за вести добрые о землях «незнаемых», лежащих в полуденной стороне от Камчатского Носа, жалован во дворяне по «московскому списку» и награжден щедро. А тут, на Камчатке, – пожалуйста! – курилы, от которых сам Колесов получил в 1706 году богатый ясак только после похода Ламаева, сейчас сами платят исправно. Чья заслуга? Есаула Козыревского «со товарищи». И острова те морские ими же и открыты, чертеж «учинен». Так что не казнить, а миловать нужно, награждать и продолжать начатое дело – дойти походом до «Апонского» государства, как то Козыревский и предлагает. А что до «смертоубийства», то приказчики покойные своекорыстия ради забыли о долге своем перед истекающей кровью и потом земле Русской, радея о своем богатстве, а не о казне государевой. И нахапали изрядно – при разделе их имущества каждому из 75 бунтовщиков выпало из той добычи по 60 соболей, 20 красных лисиц и по два бобра. Потому Колесов суд свой вершил так – приказал выдать ему для казни лишь тех, кто исполнял приговор и чьи руки потому были обагрены кровью. Тех он и казнил. А остальных, частью поротых, частью клейменных и штрафованных, послал с оштрафованным же Козыревским в новый поход на Курилы.

Тринадцатого апреля 1713 года на небольшом морском судне отряд из 55 служилых, 11 камчадалов и японца Сана, судно которого в 1710 году заброшено было штормом на Камчатку, отправился в море. Вот теперь и был покорен Парамушир, Онекотан, собраны первые сведения о других островах гряды, о Японии, составлен чертеж островов и привезен Василию Колесову подробный «доезд» (корабельный журнал), которым потом пользовались Миллер, Евреинов, Шестаков, Беринг, Крашенинников, Кириллов, Страленберг...

«Ученые не только проявили огромный интерес к материалам Козыревского, но и полностью доверяли им» (Дивин В. А. «Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке». М.,

1971. С. 29). То есть Иван Петрович исправил допущенные им ошибки и более уже не повторял их.

Это было огромное открытие тех лет, и потому не было нужды преувеличивать его значимость – да и дело по бунту закончилось почти для каждого из них благополучно.

Но не знал, не догадывался, не подозревал и не предполагал Козыревский, что все еще для него только начинается и пойдут теперь годы, помеченные в календаре его великой судьбы черными метками того родового проклятия.

4. Духовный приказчик

Жадность камчатских приказчиков была известна. И потому есть все основания сомневаться в том, что лейтмотивом камчатской трагедии была эта самая ненасытная жадность приказных людей. В те годы, как мы знаем, сибирская пушнина определяла во многом могущество Государства Российского, потому не мудрено, что именно она же, мягкая рухлядь, определяла в самой Сибири имущественные дела не только властвующих, но и всех остальных, живущих здесь. Поэтому мнение историка Окуня, который считает, что одной из причин камчатского бунта был протест казаков не против самого факта накопительства приказчиками мехов, а против несправедливого раздела этих «трофеев» между всеми, достаточно верное. Но тогда мотивы бунта видятся уже совсем под другим углом зрения. И нужно признать, что совсем не малую роль в этих событиях сыграли и эти «неизвестные» острова – то есть возможность списать самый тяжкий грех открытием и присоединением к России новых земель.

Мы не знаем, как сложились на Камчатке личные дела следующих после казненных приказчиков – Василия Севастьянова и Василия Колесова. Один был страшно перепуган бунтом и поспешил убраться с Камчатки подобру-поздорову, а второй был занят следственными делами, так как одновременно с делом Козыревского с товарищами он рассматривал еще одно – о самовольном захвате власти в Верхнекамчатске казаком Константином Киргизовым (кстати, смягчающих обстоятельств в деле Киргизова Колесов не обнаружил и приказал его казнить)...

Но на смену Колесову пришел Иван Енисейский, а он-то всего за год правления собрал для себя здесь преогромную дань: 6 000 соболей (150 сороков), 1 070 лисиц и 200 бобров. Чтобы представить все это, давайте сравним «трофеи» Енисейского с ясаком, доставленным в Москву Василием Колесовым, – тот привез Петру 88 сороков и 14 соболей (3 534 штуки), 5 черно-бурых лисиц, около 900 сиводушек и простых лисиц, 93 морских бобра. Так что куда там царю Петру до Ивана Енисейского! И куда там подавно Владимиру Атласову, убитому якобы за припрятанную чернобурку и награбленные 30 сороков соболей, четыре сотни лисиц и 74 морских бобра!.. Но ведь Енисейский ушел с Камчатки не только живым, но и в паре с «правдоискателем» Колесовым, который год еще жил на Камчатке, дожидаясь Енисейского, не рискуя пробиваться одним своим отрядом через опасную корякскую тундру. К слову сказать, я не думаю, что Енисейский любил делиться – что-то непохоже.

И совсем уж, казалось бы, нестерпимым был приказчик Алексей Петриловский, пришедший на Камчатку в 1715 году. Но и здесь до нового «смертоубийства» дело тоже не дошло. Почему? Наверное, потому, что грехи теперь покрывать было уже нечем. Так что, безусловно, Курильские острова сыграли в той печальной истории далеко не последнюю роль, особенно, конечно, в решении самого Ивана Петровича Козыревского о присоединении к отряду Анциферова. И потому это вот новое время на полуострове, без мятежей и бунтов, по-новому высвечивает и эту связь двух великих исторических фигур – Атласова и Козыревского, и то, что гордиев узел их противоречий был завязан все же на этих вот островах, и узел этот можно было только разрубить – иной развязки, по-видимому, не видел ни тот, ни другой. Впрочем, это уже другой сюжет.

Вернемся к приказчику Петриловскому. Он «процарствовал» два года, и каждый день его правления был подчинен одной только цели – скопить как можно больше пушнины. Петриловский не стеснялся в средствах: узнав, что отряд Колесова – Енисейского разгромлен в Аклане коряками, он выменивает у них часть отбитого ими у казаков ясака и присваи-

вает его. В руках приказчика была и камчатская торговля. Цены он сразу вздул такие, что народ волком взвыл. За фунт табака, например, требовал 60 соболей – и попробуй откажись, не купи, когда есть указ царский...

Но и этого ему было мало – в своих мечтах он прибирал к рукам и мягкую рухлядь, накопленную на Камчатке старожилками казаками. Нужен был только повод. Но тот, кто ищет его, всегда найдет. – и в числе самых первых жертв Петриловского оказался Козыревский. Петриловский обвиняет его в смерти трех камчатских приказчиков и начинает новое следствие по этому делу. И тщетно пытается доказать бывший есаул, что за участие в убийстве Атласова разбирался уже по его делу приказчик Колесов и снял вину за мореходческий подвиг, совершенный во славу России. Но Колесов был мертв. Да и наплевать было Петриловскому на то, оправдан или нет Козыревский, убивал тот или не убивал приказчиков. И на дыбе, и на правиле, и прижигая тело казака каленым железом, и срывая щипцами ногти с пальцев, он требовал только одного признания:

– Укажи, где твои потайные амбары с пушниной... После Енисейского ты оставался за приказчика, и, как нам известно, занимался ты здесь грабежом. ...Знаем, что привез ты и с тех полуденных островов...

И вслушивался, не слетит ли с запекшихся губ его жертвы желанное слово. Дождался-таки Петриловский – открыл Козыревский часть своих тайников. Но Петриловский и в мыслях не имел отпустить на свободу своего узника – знал незаурядные его способности разжигать людские сердца гневным и страстным словом своим. Боялся Петриловский, что и его может постичь участь тех, следствием по убийству которых он якобы занимался.

Но где-то дал промашку приказчик и не успел довести до конца задуманное – Козыревский дал обет постричься в монахи, и пришлось выпускать его на волю.

Так стал Иван Козыревский иноком Игнатием.

А Петриловский разорял уже других и скоро имел в своей собственности 5 669 соболей, 1 545 красных и 161 сиводушных

лисиц, 169 выдр, 207 морских бобров и, кроме того, огромное количество меховых лоскутов и меховой одежды.

И главную долю всех этих богатств он «вымучил» из казаков, применяя кнуты, батоги, пытки, заковывая в кандалы и забивая в колодки, сажая в тюрьму...

Так что чувствовал себя Петриловский на Камчатке как рыба в воде и не очень-то боялся «охочих до бунтов» казаков-камчатцев. Это-то и странно... А впрочем – еще раз вспомним, что Курильские острова уже были открыты...

Но возмездие все же пришло. Правда, со стороны. В 1716 году на лодии «Восток» казачий пятидесятник Кузьма Соколов и мореход Никифор Тряска проторили дорогу из Охотска в Большерецкий острог по Охотскому морю. Узнав на Камчатке о всех злоупотреблениях пятидесятника Петриловского, Соколов сместил его с должности, посадил под караул, а имущество конфисковал в казну. На следующий год бывшего приказчика на лодии доставили в Охотск, а оттуда отправили на суд в Якутск.

Вероятно, не последнюю роль в этом смещении ненавистного Петриловского сыграл и инок Игнатий. Не случайно же, что в 1717 году он прибирает к своим рукам духовную власть над всей Камчаткой, собирает своих друзей по несчастью – насильно, как и он, постриженных в монахи, разоренных и доведенных до отчаяния Петриловским – и строит недалеко от Нижнекамчатска, на реке Ключевой у Горелой Сопки, Успенскую пустынь. Здесь монахи выращивают ячмень и рожь, в устье реки Камчатки, на островах, была устроена у них заимка и солеварня. Сам Козыревский в 1718 году получает от якутского архимандрита клубук и рясу, то есть утверждается духовным приказчиком Камчатки.

И потому он снова в центре всех событий, происходящих на полуострове.

А здесь многое изменилось с тех пор, как была открыта морская дорога на Камчатку. Во-первых, ясак теперь беспрепятственно поступал в казну. Во-вторых, наладилась регулярная доставка на Камчатку продовольствия и боеприпасов. В-третьих, приказчики менялись аккуратно в срок – с очередным приходом казенного судна из Охотска.

Казалось бы, все это должно было способствовать тому, чтобы поступление ясака из Большерецкого порта в Охотск год от года возрастало. Напротив, количество его резко упало. Оно и понятно – пушной зверь на Камчатке был уже основательно повыбит. Но якутскому воеводе до этого не было дела, и он слал на Камчатку приказчиков со все новыми и новыми инструкциями, полагая, что ясак уменьшается только из-за казачьего нерадения и воровства, а также из-за нежелания камчадалов платить царю пушной налог по «причине природной склонности к бунтам и разбоям». Потому-то в этих инструктивных наставлениях рекомендовалось проводить в отношении «инородцев» политику «кнута и пряника» – защищать от обид и разорения казачьего, с одной стороны, а с другой – «сыскивать в ясак захребетчиков и подростков».

То есть политика эта прежде всего была направлена против «домовитого», выражаясь языком Дона, камчатского казачества, против старожиллов, против тех, кто породнился уже с местным населением. И эта политика, естественно, породила свои плоды.

В 1718 году приказчиком одного из казачьих острогов был назначен Василий Качанов. Первое, что тот сделал, – выпустил на волю заложников-аманатов Купку и Киврю с реки Воровской, и они тотчас подняли и возглавили бунт... Затея стоила немалых жертв с обеих сторон, и потому приказчик был отстранен казаками от должности, сам посажен в аманатскую казенку и «мучен вилами».

Прибывший на место Качалова сотник Максим Лукашевский доносил в 1720 году в Якутск, что он живет «в великом сомнении для того, что они возмутители и «мятежники в указе великого государя не берегут», что казаки на Камчатке и прежде убивали прикащиков, мучили и арестовали Алексея Петриловского, мучили в 1719 году сына боярского Василия Качалова и едва не заморили его в аманатской казенке и что если возмутителей не переселить из Камчатки, то и впредь они будут отказывать прикащикам в повиновении и будет в службе великого государя всякое непоспешание...» (Андриевич В. К. «История Сибири». Ч. 2. СПб., 1889. С. 113).

Как видите, очередная зацепочка за убийство Атласова. И читаем там же далее: «Лукашевский указывал на монаха Игнатия Козыревского как на ловкого коновода всех возмущений камчатских казаков. По его извету Козыревский был допрошен в 1720 году сотником Иваном Уваровским и отправлен затем в Якутск».

Академик Берг в своем труде «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» акцентирует внимание на причине очередного ареста Козыревского и нового следствия по забытому уже делу: «...в 1720 году мы его застаем в Большерецке... Здесь Игнатий, будучи на постоялом дворе, повздорил с одним служилым человеком, укорявшим его, что от него де и прежние приказчики на Камчатке убиты. На это монах Игнатий говорил такие возмутительные и похвальные (т. е. наглые) речи: “Которые де люди и царевийцы, и те живут приставлены у государевых дел, а не великое дело, что на Камчатке прикащиков убивать”. Отправляя за эти слова Игнатия за караулом в Якутск, закащик Камчатского наряду (так назывались управители, назначавшиеся по острогам приказчиками) Максим Лукашевский в своей отписке якутскому ландрату Ивану Ракитину прибавлял! “А от него монаха Игнатия на Камчатке в народе великое возмущение. Да и преж сего в убойстве прежних прикащиков Володимера Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липинд он монах Игнатий был первым, да и в отказе Алексея Петриловского и Василия Качалова от приказов возмутителем был он же, монах Игнатий Козыревский”».

Добавим только, что и этот сотник Лукашевский за злоупотребления своей властью на Камчатке позже будет отдан под суд. Так что враги у Козыревского на Камчатке пока одни и те же.

5. Якутск и Москва

Следствие было закончено в пользу Козыревского. Более того, в награду за курильский поход он получил 10 рублей – годовое казачье жалованье – и был определен строителем Покровского монастыря около Якутска (Слюнин Н. В. «Охотско-Камчатский край». Т. 1. С. 27). Одно время Козыревский

даже замещал архимандрита Феофана в монастыре – то есть был в чести.

Но в 1724 году вследствие ревизии сибирских дел, вызванной преступлениями Гагарина (бывшего губернатора Сибири. – С. В.), всплывает опять дело о камчатском восстании 1711 года. Козыревский был посажен под стражу, но бежал и подал якутской воеводской канцелярии челобитную, что он знает пути до Японского государства и просит отправить его по тому делу в Москву. В 1726 году в бытность Беринга в Якутске к нему явился монах Игнатий с чертежами и развил ему свои планы насчет Японии, но Беринг нашел их несостоятельными и даже отказал Козыревскому в его просьбе быть принятым в экспедицию. Затем предприимчивому монаху удалось в следующем году устроиться в партию казачьего головы Афанасия Шестакова, отправлявшегося на северо-восток Азии «для изыскания новых земель и призыву в подданство немирных иноземцев». Козыревскому было поручено плыть вниз по Лене и выйти в море для открытия земель против устья этой реки. В Якутске Игнатий построил за свой счет судно «Эверс» и на нем в августе 1728 года отправился вниз по Лене... Козыревский дошел на «Эверсе» до Сиктаха на Лене и здесь зазимовал. «Раньше историки ошибочно считали, что в 1728 году Козыревский до океана не дошел и зимовал в Сиктахе на Лене. Из новых свидетельств явствует, что до зимовки в Сиктахе “Эверс” побывал «на Северном море окиане». В январе 1729 года Игнатий вернулся в Якутск, и весной судно его изломало льдом», – так описывает этот период в жизни Козыревского академик Берг.

Период очень тяжелый, когда тень Атласова снова заслонила ему путь в полуденные страны, к «Апонскому» государству. И «Эверс», как указывают многие исследователи, снаряжался Козыревским для плавания через Северный Ледовитый океан в Тихий – на Камчатку, Курилы и в Японию... Но судно было отобрано у Козыревского и приписано к экспедиции как казенное. Тут еще незавершенное следствие, которое тоже неизвестно чем для него может кончиться... Так что период этот был очень даже тяжелый. И когда Игнатию стало окончательно ясно, что пути на Камчатку из Сибири у него нет, что си-

бирские власти не забудут и не простят ему камчатских бунтов, он отправляется в Москву, к императрице Анне Иоанновне, за поддержкой.

Его встретили с почетом – в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется даже сообщение о первооткрывателе Курильских островов. Ему оказываются милости и даже уже поговаривают о возможности экспедиции в Японию, об организации которой и хлопочет Игнатий.

Но... «он пожаловался на тобольского митрополита за то, что тот его послал в «Учрежский монастырь на безвыходное пребывание». Синод послал запрос в Тобольск. И оттуда... тобольский митрополит Антоний сообщил...» (Полевой Б. «Первооткрыватели Курильских островов». С. 48).

Вот письмо Антония. Письмо-приговор.

«В указе ея императорского величества, каков от святейшаго правительствующаго Синода сего 1731 года июля 17 отправлен, а в Тобольску сентября 1 числа получен, ко мне нижеимянованному написано. По ея де императорского величества указу и по определению святейшаго правительствующаго Синода, велено о пришедшем в прошлом 1730 году в Москву из Камчадальской земли монахе Игнатии Козыревском в доме моем справиться, не имеется ль до него, Козыревского, каких подозрительных дел и по тем не учинено ль ему когда какого публично на теле наказания, и в Москву он отпущен ли, и буде отпущен, откуда и зачем, и пашпорта он для проезда в Москву от меня требовал ли, и ему тот пашпорт дан ли, и в котором году, месяце и числе, и какова тот Козыревский состояния человек, и где в котором году пострижен, и кем и по какому указу, и, учиня б оную справку, прислать в святейший правительствующий Синод при доношении немедленно. И за означенной ея императорского величества указ благопочтенне ответствую.

На вопрос 1.

В прошлом 1724-м году по учиненным в Москве в бывшем Преображенском приказе привезенному в тот приказ из Якутска Троицкой церкви попу Семену Климовскому в важных делах распросах он, поп Климовский (как о том из того приказу марта 11 дня оногo 1724 году в московскую синодального правле-

ния канцелярию доношением, а из той канцелярии того ж году от апреля 2 дня отправленным ко мне его блаженныя и вечно достойныя памяти императорского величества указом объявлено), во втором расспросе показал, знает де он неисправные церковные дела города Якутска Спасского монастыря за архимандритом Феофаном и за закащиком того ж монастыря монахом Игнатием Козыревским и о том де донесет он святейшему правительствующему Синоду. А в третьем распросе во оном же приказе на означенного Козыревского между других дел показывании объявил: как де он, Козыревский, был в казачьей службе и посылай был из Якутска на Камчатские остроги и в тех де острогах якутския казаки, в том числе и оной Козыревской, побили до смерти трех человек прикащиков, которые де посланы были из Якутска для сбора ясака, а имянно: Осипа Миронова (Миронова-Липина. – С. В.), Петра Чирикова, Володимера Отласова».

Удар был рассчитан точно. А чтобы Козыревский не смог отвести его, Антоний дополняет: была, дескать, челобитная от тех бунтовщиков, где они пытаются оправдаться и взвалить всю вину на убитых прикащиков, но грош цена той челобитной: “А в челобитной прочих (пришлых. – С. В.) казаков, которые в душе с оными Анциферовым и Козыревским не пошли и к бунту их не пристали, доказывается, что оне тех прикащиков убили нарядным делом и пожитки их все побрали и по себе разделили, а назывались де Анциферов атаманом, а Козыревский ясаулом. А тех убитых прикащиков оные, к бунту не приставшие, не токмо никаким неисправлением и разорением их не порекли, но и одобрили, что они в сборе в казну императорского величества ясаку и во всем деле своем были исправны и радетьельны.

Да онеж де, бунтовщики, и у них служилых, которые к бунту их не пристали, наготовленные себе в путь для отвезения собранной императорского величества ясачной казны в Якутск кормовые запасы все пограбили, а судовые припасы, паруса и снасти драли и резали. А таким де своим бунтовством оную ясачную казну на Камчатке остановили”».

И далее Антоний свидетельствует в том же духе против

Игнатия: понес ли какое наказание за тот бунт Козыревский – «неизвестно»; отпускаясь ли в Москву – нет, уехал без спросу, без соизволения митрополита, без «пашпорту»; да и вел себя монах в якутских монастырях непристойно – таинственные присяги давал читать и переписывать, «изворовал» из вечных пошлинных денег пять рублей двадцать два алтына две деньги (обратите внимание, какая скрупулезная точность!) да из казны одной монастырской «сто и больше» и из другой «рублей на триста» (а здесь что-то очень уж приблизительно – видимо, приврал святой отец).

Митрополит, правда, вроде бы и признает, что в некоторых своих «винах» Козыревский оправдывается, но: «И хотя по означенным показаниям он, Козыревской, своеручно написанным ответствием приносил некие и выправки, обаче без совершенного изледования, верить ему в том невозможно, а совершенно изледовать не допустил нижеявленный случай: понеже он, Козыревской, указом ея императорского величества от тобольской губернской канцелярии обязан в партии быть при вышепоказанном Шестакове показания ради новых земель и морских островов и народов».

Лукав был Антоний. И письмо выдает, как он вил свои лисьи петли, стежки-дорожки: то митрополит каждую мелочь несколькими свидетельскими показаниями подкрепит, то вдруг обрушивает на голову Козыревского такой валун, что хоть сразу того в петлю и на погост: «А от других слышно о нем, что он, Козыревской, с отцом своим Петром в прошлых давних годах с Москвы сослан в Якутск в ссылку, и якобы чернил и бумаги им давать не велено».

Единственно, наверное, в подписи под этим письмом не солгал Антоний: «Святейшества вашего всегдашний богомолец и слуга... недостойный митрополит Тобольский Антоний.

1731. Октября 1».

И началось пятое уже по счету расследование дела по участию Козыревского в убийстве трех камчатских приказчиков.

А потом посыпались приговоры. Синод лишил Козыревского «священства и монашества», передав после этого его дело в Юстиц-коллегию.

В январе 1732 года там было решено: «Растригу Козыревского казнить смертью». Затем внесена поправка: «...не чиня той экзекуции», передать дело в Сенат.

16 февраля 1732 года, уже в Сенате, смертный приговор подтвержден вторично.

Козыревский обращается с прошением о помиловании к императрице, в котором указывает на различные свои заслуги, в том числе и на присоединение им к России северных Курильских островов.

Ответа не поступило. Больного Козыревского содержали в подземной сырой камере бывшего Преображенского приказа в ручных и ножных кандалах как опасного государственного преступника. Все это ускорило трагическую развязку – 2 (13) декабря 1734 года Иван Петрович Козыревский умер в тюрьме...

Так ушел из жизни этот человек. Но остались на карте открытые им Курильские острова – выстраданный всей жизнью дар Ивана Козыревского Российскому государству.

МАТРОС ЛАВРЕНТИЙ СМЕТАНИН

Он был один из тех, кто, не задумываясь о бессмертии, честно выполнял свой долг. И, надо признать, шансов остаться в истории у него было гораздо меньше, чем у тихоокеанских Колумбов, так как он был всего-навсего участником событий, пусть даже событий мирового значения.

Так в чем же тогда его заслуга перед историей? Наверное, в том, что на одного рядового пришлось преизрядное количество таких событий – от открытия двух устьев Амура в 1730 году и до открытия западных берегов Северной Америки в 1732 и 1741 годах, посещения Японии в 1739-м. На долю немногих – разве что только архангелогородских мореходов – выпадало подобное.

А самое главное – его потомки до сих пор живут на Камчатке, даже не подозревая о том, что патриарх их рода был причастен к величайшим открытиям в мировой истории.

В устье Амура

Не успела завершиться экспедиция Витуса Беринга по отысканию пролива между Азией и Америкой, как последовал царский указ о назначении новой, более крупной экспедиции по исследованию русского Дальнего Востока под руководством казачьего головы А. Ф. Шестакова и драгунского капитана Д. И. Павлуцкого.

6 июня 1727 года в списке команды Афанасия Шестакова значится 10 матросов-сибиряков. Один из них – матрос первой статьи Лаврентий Сметанин, поступивший на службу с денежным окладом *«полного по полтора рубля, а за вычетом за мундир по 30 алтын, муки по полуосмине, круп по малому четверику на месяц»*.

Но только в 1729 году матрос Сметанин ступил на палубу своего первого тихоокеанского судна – бота «Св. Гавриил», который только-только вернулся из неудачного плавания.

Что же сдерживало новую экспедицию, почему теряли драгоценное время мореходы? Из-за распрей двух официальных руководителей, разбивших всех участников экспедиции на два враждебных лагеря. Надо полагать, несладко пришлось Лаврентию, если бежал он, ища защиты, от Шестакова к Павлуцкому «с великим криком», а Шестаков язвил в адрес капитана драгунского полка: *«...матросы у тебя не в команде, и сами тебя не хуже, и команды тебе никакой нет»*, и вообще послан он, капитан Тобольского драгунского полка, *«в бабки играть, а не для управления»*.

Ничего хорошего из такого руководства получиться не могло. Так оно и вышло.

В конце концов Сметанин попал на службу к племяннику казачьего головы сыну боярскому Ивану Григорьевичу Шестакову. В их задачу входило обследование Шантарских островов – нанести их на карту, составить подробное описание. Бот «Св. Гавриил» вел опытный мореход Кондратий Мошков, который ходил на нем при Беринге, но, несмотря даже на это, удачи не сопутствовали морякам: через три дня после выхода разразился жестокий осенний шторм. Время года было позднее – сентябрь. Скрипели под напором ураганного ветра мачты, тре-

щали от натуги шпангоуты, еле выдерживая удары волн: лежали вповалку в трюме непривычные к морской болезни служилые. Пять дней носило бот по морю и пригнало опять к берегам Камчатки. С облегчением вздохнули при виде земли... но какое там!

Снова завертело-закружило-понесло и умчало за двести верст от Большерецкого устья на север. Только 19 сентября вошел потрепанный морем бот в устье реки Большой и стал на зимовку в Чекавинской гавани, хотя по инструкции «Св. Гавриилу» следовало идти зимовать в Нижнекамчатск. Но об этом не могло быть и речи: бот нуждался в срочном и серьезном ремонте.

В конце июня следующего, 1730, года подошли к Шантарским островам, а затем отправились к устью Амура.

И летом 1730 года получены сведения, которые через сто двадцать с небольшим лет придется с великим трудом добыть Г. Невельскому:

«...В устье большом Амурском глубины от 15 до 20 сажен, а ширина например версты с две... И оной Амур река впала в акиан двумя устьями; а глубина другому устью от 5 до 6 сажен, а ширина версты полторы. И на тех устьях делали опробацыю: в большом устье шли ботом, а в другом – шлюпкою и в тех устьях стояли на якорях полторы сутки для выявленной меры устьев и для рыбной ловли, а в другом устье ходу нет понеже мелко».

Но не дошли до современников эти сведения. Главный руководитель экспедиции А. Ф. Шестаков погиб в тот год на Камчатке, и все его родственники вместе с Иваном Григорьевичем оказались в немилости соперника Павлуцкого. Материалы амурской экспедиции, как это водится у нас, где-то затерялись, забылись, и каким-то чудом сохранился только лишь один «донос», из которого и почерпнули мы сведения о первых исследователях устья Амура...

В августе 1730 года «Св. Гавриил» вернулся на Камчатку, откуда ушел в Охотск, а зимовать снова пришел в Чекавинскую гавань, доставив на полуостров геодезиста Михаила Гвоздева, с которым пойдет на «Св. Гаврииле» Лаврентий Сметанин к американским берегам в 1732 году. И опять же из «до-

носа» впервые узнают соотечественники и об этом плавании русских мореходов, о посещении ими «неизвестных» американских островов, первых контактах с аборигенами.

И этот вот день – 21 августа 1732 года – должен был стать по праву днем рождения Русской Америки. Ведь именно тогда *«позднудни в 3-м часу стал быть ветер пособный, и пошли к Большой земли и пришли ко оной земли и стали на якорь в верстах в четырех»*.

Долгие годы официальная история молчала о подвигах русских мореходов, совершенных на дальневосточных окраинах Российской империи, славя лишь благозвучные для европейского слуха имена. И мы по сей день ведем летоисчисление славных юбилейных дат совсем по иной шкале, нежели было определено Его Величеством Фактом, потому что узнавали факты, когда в истории все места уже распределены и награды получены. И потому имена геодезиста Михаила Гвоздева и подштурмана Ивана Федорова почти неизвестны. Что же говорить тогда о нашем матросе Сметанине...

Япония

22 мая 1739 года из устья камчатской реки Большой вышли четыре судна – бот «Св. Гавриил», бригантину «Архангел Михаил», дубель-шлюпки «Надежда» и «Большерецк». Экспедицию возглавлял Мартын Шпанберг. На «Большерецке» под руководством боцманмата Василия Эрта и морехода Ивана Бутина шел матрос первой статьи Лаврентий Сметанин. Курс русских судов был проложен к берегам Японии.

Флагманом была бригантину «Архангел Михаил». Заглянем в ее вахтенный журнал, где скупно и точно фиксировались наиболее важные события тех значительных в истории русского мореплавания дней.

«Мая 22 дня. Вышли из устья большерецкого дубель-шлюпки “Надежда” и “Большерецк”, подняли мы якорь и шли под фоком, токселем и безанем. Имеющийся сигнал мы спустили, понеже и бот “Гавриил” следуют за нами...»

«Июня 17 дня. Пришел к нам “Большерецк” и сказывал, что близко был берега и видел на берегу много людей и судов

мелких, около которые и пошли под парусами, и одно большое судно величиною с “Гавриил” бот, а одно судно шло от берега к “Большерецкому” судну, а когда он поворотился на 0, японское судно пошло к берегу».

«Июня 18 дня. Подобрали гротсель, следовали мы в путь и с нами дубель-шлюп “Большерецк” и видели в западной стороне близ земли в разных местах малых бус или судов японских под парусами и иных на якорях. А по той земле место каменное и на тех камнях лес растет великой... також в 4-х местах видели жильё и блис того жилья насеяно было видно хлеба...

В исходе 5 часа легли мы на якорь на глубине 24-х сажен, грунт – дресва, и против того места их деревни или жильё видно было много. В начале 6 часа от того жилья приезжали к нам две лотки, кормы их с перилами, веслами гребут, а на судне, в подобие как рыба хвостом правит, и те лотки их остроносые, наподобие галер, кормы тупые, а на них людей было на одной лотке человек 12, а на другой 7 человек; платья на них подобные китайскому, и не доехав нас оне сажен 40, и остановились на веслах, и мы к ним махали, чтоб оне к нам приехали, а оне махали, чтоб на берег от нас ехали, и подымали оне свои лотки дречек двоерогий и указывали им к берегу, а по каковски оне говорили, про то слышать за ветром и за дальностию нашим с нами бывшим курильским мужиком, нашим толмачем, было невозможно, и было того времени около 1/4 часа, и оне возвратились на берег, а их на берегу видеть было много також и жилья их по тщету нашему в том месте около 40 дворов, а пашня у них видно было, где хлеб растет по жеребьям, и мы от их жилья не более доброй версты были или лежала на якоре».

«Июня 22 дня. Пополуночи в 5 часу приезжали к нам японцы на своих рыболовных лотках и приставали к нашему судну, и со оных лоток помянутых японцев по несколько человек на судно пущали. А привозили оне, японцы, к нам рыбу комболу я протчих еще 4 рода рыб, которых мы ни в Европе, ни в Азии не видали, також оне, японцы, привозили к нам пшено сорочинское, табак листовой, а листы широкие и большие, реть-

ку и огурцы и прочие мелочи, все товары и отчасти торговали...»

«Июля 3 дня. Легли на якорь на глубине 32 сажень, грунт – ракуши и камень мелкой. Блис острова Фигурнова послали на нас дубель-шлюп «Большерецк» и на шлюпки за водою с 73 бочками... а на оном острове, где они пристали, воды не взяли, понеже утес и камень. И на оном острове в том месте лесу мало и все камень, и место неудобное, и блис самого острова глубоко. Туман, били в барабан. ...в исходе 7-го часа палили из 1 пушки, понеже туман. В том же часу ответствовали одной пушкою и в начале 8 часа оборотились, понеже “Большерецк” не видать было, а туман прочистился.

12 часов. ...Дубель-шлюп “Надежда” следовал за нами, а “Большерецк” не видать было». («Св. Гавриил» отстал от флагамена еще в самом начале похода. – С. В.)

Так они разминулись. Но что интересно – в Большерецк потерявшиеся дубель-шлюп и бот вернулись почти одновременно: 23 июля в устье реки Большой – пришел из Япония бот и «Св. Гавриил» – под командованием лейтенанта В. Вальтона, а 26-го «Большерецк». До 7 августа дожидались они здесь возвращения Шпанберга, но, не дождавшись, приняли решение идти в Охотск, полагая, что и «Архангел Михаил» с «Надеждой» уже там. 22 августа они вошли в реку Охоту и в тот же день доложили, что морская дорога в Японию русскими морями проторена.

Забвение

В мае 1742 года Мартын Шпанберг приобрел для экспедиции стадо оленей и оставил его «в смотренке» якутского сына боярского П. Кутузова, а тот передал рудознатцу С. Гардеболу, в помощники к которому назначили старого матроса Лаврентия Сметанина, недавно возвратившегося на гукоре «Св. Петр» с Командорского острова. Все «экспедиционные» дела были свернуты. В 1750 году умер С. Гардеболь, а о пастухе-матросе и оленьем стаде просто-напросто забыли.

И прошло еще более пятнадцати лет, прежде чем вспомнили о нем. Потребовались олени для экспедиции Креницына –

Левашева, и Сметанин смог наконец сбросить со своих плеч непосильную пастушескую обузу и тихо доживать свой век, как и сотни других безвестных мореходов-тихоокеанцев.

ЕМЕЛЬЯН БАСОВ

Неистовый Игнатий

Судьбу молодого Басова во многом определит встреча с монахом Игнатием на реке Лене.

Шли они в тот поход на казенном эверсе. И с ними отправился в тот путь бывший хозяин этого судна монах Игнатий Козыревский. Лебединой песней был для него этот вояж. Он уже видел в своих мечтах эту новую, проторенную им дорогу, морскую, дальнюю, вокруг Чукотского носа в Камчатку-страну и «Апонское» государство, жил теми пламенными грезами, горел и сгорал вместе с ними.

Но, выйдя из устья Лены, напоролись на полярные льды. Почернел тогда от лютой досады монах-мореход. Но что делать – сила силу гнет, и не таких в лепешку сминало, как ни храбрились, как ни тужились, с кровавой пеною на опаленных сердечным жаром и в ярости покусанных губах. А потом (так решил про себя по молодости Басов) спекся монах, махнул на все рукой и подался назад, в Якутск, на сытные монашьи хлеба.

Казаки же мореходы, басовцы, после того, как по весне раздавило в Сиктахе льдами эверс, построили небольшие морские суденышки, по-казачьи – шитики, и два года еще исправно, невзирая на неудачи, погоду и прочая, бились грудью о льды.

Бились в тщетной надежде проторить путь в дальнюю Камчатку вслед за славными мореходами российскими, которым удалось подчинить себе эту ледовую стихию, прорваться, несмотря ни на что, не в пример тому монаху со страшными, насквозь прожигавшими молодого командира глазами.

Эх, молодость, молодость. Она не так уж редко безрассудна в своей наивности и слепой уверенности в собственном лишь мужестве и силе. И тогда мельче и незначительнее видится чужое – душевная боль, горе, надломленность...

Но и они не прошли: покорились проклятым льдам. Пришлось, смиряя гордость, отступить, что было невероятно тяжело. Но месяцы ежедневных и ежечасных испытаний закалили душу Басова, потому он смог не сломаться. И понять Козыревского – его мужество, его силу и его трагедию.

И потому не удивился, узнав в Якутске о дальнейшей печальной судьбе Игнатия, отправившегося за поддержкой своей великой мечты к царице всея Руси и исчезнувшая навсегда где-то в подвалах тайных московских приказов, о которых и говорить-то вслух было страшно. Видно, и там испепелил кого-то взором своим...

Не удивился Емельян, но стало на душе отчего-то так горько, точно и он сам потерял вместе с этим Козыревским что-то очень для себя дорогое.

И не знал еще, что ему самому уготована такая же неистовая судьба. Не знал. Но выбрал ее сам.

Выбор пути

В 1733 году Емельян Софронович Басов назначен в казачью команду Охотского порта, произведен в сержанты и направлен для сбора ясака на Камчатку.

И здесь он узнал много нового о монахе и о мечте его заветной – заведении промыслов на открытых им островах и торговле с полуденными странами, о Козыревском-бунтаре, возмутителе и ненавистном для приказчиков правдоискателе...

Немало рассказов слышал Басов в Камчатке и о землях далеких, лежащих на восход солнца против Уйкоаль-реки (Камчатки) в море. И понимал: если это правда, то дело может быть весьма выгодным – ведь вот до прихода русских на Камчатку даже здесь, на столь огромной территории, никто из инородцев зверя не добывал, и было его в Камчатке видимо-невидимо, так что и там, в тех далеких землях, где рождается в океане-море светило, может осветить оно и для Басова всю его жизнь по-иному.

А вскоре Басова послали в Москву, в Сибирский приказ, сопровождать ясак – пушную подать русскому царю от его подданных-камчадалов. И там, увидев собственными глазами

по сколько золотых червонцев отваливают иноземные купцы за камчатскую мягкую рухлядь, решил окончательно: просить в Сибирском приказе разрешение на дальние морские вояжи для отыскания новых земель и привода в ясак инородцев. Посулил это государевым дьякам, и замысел удался – получил разрешение на те вояжи к землям незнаемым.

Несостоявшийся поход

В Иркутске, согласно казенной бумаге, Емельяну Софроновичу выдали подарки для островитян, ружья и порох для похода. Воодушевленный, с горящими от столь счастливого поворота в его жизни глазами, возвращался он домой. Но не тут-то было: Охотск только-только стряхнул со своих плеч свинцовую тяжесть всех экспедиционных приготовлений Второй Камчатской...

Сменялся и командир порта – вместо Скорнякова-Писарева, человека хоть и скандального, но умного, стал Девиер – зять знаменитого петровского вельможи, некогда всеильного князя Александра Меншикова – ссыльный зять ссыльную полувластелина. И вот он-то и поставил крест на всем, что уже жило в мечтаниях Емельяна: «Казенного судна не выделю. Хватит... Имею на то власть, и мне твой указ – не указ. Хошь – строй свой корабль и плыви хоть на все четыре стороны, а нет денег, так к рыпаться нечет – иди и служи далее. Так-то вернее, а в море и без тебя есть кому земли открывать...»

Что ж, пришлось тянуть лямку дальше... Только осенью 1742 года удалось Басову наконец снова попасть на Камчатку – как конвоиру ссыльного князя Александра Долгорукова. В Большерецком остроге Емельян Софронович встретился с одним из руководителей Второй Камчатской экспедиции Мартыном Шпанбергом, и тот, первоначально поддавшись на уговоры, а может быть, и не только уговоры, согласился отпустить Басова с его братом на казенной байдаре из Большерецка на Курильские острова. Но... с полпути Шпанберг, не объясняя причин, возвращает Басова назад и отбирает байдару. Так что пройти на полдень дальше Козыревского тоже не удалось.

Но в этом же 1742 году возвращаются на Камчатку после

тяжелой зимовки на Командорском острове члены экипажа пакетбота «Святой апостол Петр». Их рассказы о пушных богатствах острова, особенно о многотысячных стадах морских бобров, всколыхнули всю Камчатку. Рассказывали они и о далеких многочисленных островах, также лежащих в море на восходе солнца у берегов Америки.

И Басов не стал терять драгоценного времени – он тут же отправился в Нижнекамчатск и начал действовать...

Командорский остров

На этот раз дело у него пошло как по маслу. Правда, ни один камчатский купец, не успев столь же быстро оценить все возможные выгоды задуманного Басовым предприятия, затею не одобрил и не дал даже медной деньги на начинание, но в «складственную» компанию-артель вошло со своим капиталом больше двух десятков человек: казаки, промышленные и посадские люди.

Денег было только на оснастку судна, но нижнекамчатский плотник Петр Колокольников подрядился построить для них шитик, подобный тем, на которых Басов в свое время пытался покорить Великий Ледовитый океан. Называлось так суденышко потому, что за неимением гвоздей сшивались доски китовым усом. «Шил» плотник будущий «Св. Петр» в долг, так что кровь из носа теперь, а острова открой и пушнины добудь...

Мореходом был определен казак Евтихий Санников. «Вожами» – Лука Наседкин и Петр Верхотуров, первые командорцы. 1 августа 1743 года шитик «Св. Петр» отправился в дальний путь навстречу солнцу из устья древней Уйокаль – Камчатки-реки. И уже через пять дней экипаж этого первого промыслового русского судна в Тихом океане высадился на Командорском острове, и теперь каждый из басовцев мог считать себя командорцем.

Промысел же на островах превзошел все ожидания и самые сказочные мечты. А через год они делились своей промысловой радостью в Нижнекамчатске:

«Выходившего во время великой погоды из моря зверя били палками, а на песцов ставили пасти, и случалось достать в

день бобров 50, а песцов 100 и более. Питались котами, сивучами, бобрами и морскими коровами: последних было множество, но промышлять нечем в море, а на берег не выходили».

Всего было добыто 4 000 песцов и 1 200 бобров.

Хорошая погода радовала мореходов-промышленников не только бобрами – на полдень и на восток от Командорского острова видели они вдали другие земли. Басов ликовал. Высоко всходила его собственная звезда на востоке, у солнца...

Остров Медный

Во второе плавание охотников отправиться с Басовым за промысловым счастьем было уже побольше – на этот раз на шитике вышли в море 32 человека. 16 июля 1745 года «Св. Петр» был уже у берегов гористого островка, что так хорошо просматривался на юге от Командорского острова.

Басову, видимо, не очень-то пришелся по душе этот маленький островок: «вelmi опасен» (в любой, даже небольшой шторм суденышко здесь могло быть разбито о камни, а полового берега, чтобы вытащить шитик на сушу, подальше от океанской волны, здесь и днем с огнем не найдешь), неудобный какой-то (горы да острые кекуры-риффы), а самое главное – это был только лишь первый остров в серии предполагаемых и видимых ими в прошлую зимовку на востоке. Да и не позабылись еще недавние камчатские мечтания о неведомой южной земле, которую безуспешно искал Беринг и в существование которой продолжали верить и позже.

Поэтому на островке водрузили крест в честь его открытия и, не задерживаясь более, пошли дальше на полдень, к Земле да Гамы. Шли почти месяц и 6 августа подошли к острову... Командорскому! Чертыхнулись в адрес морехода-недотепы Евтихия Савинкова, но, делать нечего, зазимовали здесь, занимаясь, как и в прошлый год, промыслом.

Но тянуло к себе море, не терпелось испытать еще раз свою мореходную судьбу, и уже 26 мая 1746 года, когда только-только пробуждается от зимней спячки командорская природа и сквозь мутные туманы достигают земли ее по-настоящему теплые солнечные лучи, вышли в море, хоть и истосковались

за эту бесконечную зиму по парному теплу земли. И снова целый месяц блуждали по морю.

И снова месяц впустую, хотя, это видели многие из членов экипажа, проходили совсем рядом с островами. Как оказалось, мореход Санников вовсе не хотел, чтобы первооткрывателем той земли был его компаньон – он предал Басова, войдя в Нижнекамчатск после первого возвращения с островов в сговор с купцами, которых Емельян Софронович, помня прежние обиды, и недоверие к его предприятию, не принял в свою компанию, несмотря на их просьбы. Купцы теперь сами срочно готовили судно, чтобы послать в обгон Басова на восток и отнять открытие, самим завладеть промыслами...

7 июля, замыкая пока только лишь одному Санникову понятный круг, подошли к знакомому гористому островку. Басов хотел всё же продолжить плавание, но взбунтовалась команда: «Шабаш! Нам не новая земля – зверьё нужно. Мы за деньгами, а не за славой с тобой пошли!»

Здесь и высадились. Ушли, когда пушнину уже некуда было девать. Привезли в Нижнекамчатск 1 670 бобров, маток и кошлаков, 1 600 бобровых хвостов, 2 200 котиков и 2 240 голубых песцов... Все на «Св. Петре» были довольны. Страдал, и жестоко, только Емельян Софронович. Страдал от предательства своих компаньонов, от того, что решительно никто из них не понимал своего передовщика, стремившегося бороздить океан и открывать новые земли, когда под самым носом лежало такое вот богатство, как на том необитаемом островке.

Это непонимание переросло скоро в отчуждение, вылилось в раздоры и даже в прямое столкновение. Теперь каждый на «Св. Петре» был богачом, а это развязывало языки, солью присыпало обидные воспоминания, и начиналось на судне тихое поначалу, но чем ближе к Нижнекамчатску, тем всё более злобное перешёптывание.

В конце июля 1746 года «Св. Пётр» вернулся в Нижнекамчатск. Цель, которую ставили перед собой «компанейщики», была достигнута и, получив даже больше, чем мечталось, они не хотели уже более рисковать в столь ненадёжном, потайной уверенности многих, деле. Нижнекамчатские купцы, пользу-

ясь случаем, начали через подставных лиц и открыто скупать пай, чтобы послать в море своих людей и в конце концов свалить наземь самого Басова, главного пока ещё «компанейщика». Теперь они уже сводили счёты с Басовым, и он был не в силах им помешать.

Дело зашло слишком далеко. И, видимо, только этим объясняется тот факт, что, не желая подчиниться воле купцов-компаньонов, пробившихся в долю, он, теперь уже назло им всем, не идёт на восток, откуда в 1747 году, опередив Басова, возвратился мореход Михаил Неводчиков, открыв Ближние Алеутские острова. Конечно же, это был жестокий удар по самолюбию Басова. И, вероятно, только поэтому он и пошёл в 1747 году снова к тому самому маленькому гористому острову, с которого и начались все его беды.

На подходе к островку «Св. Пётр» потерпел крушение, и Басов вынужден был зазимовать там. И в эту зиму здешняя земля преподнесла Басову ещё один коварный сюрприз – шурин Емельяна Софроновича, новый мореход «Св. Петра» Дмитрий Наквасин отыскал самородную медь. С этой-то поры остров и стал называться Медным.

Весной 1748 года после починки повреждённого шитика Басов снова возвращается на Камчатку с большой добычей – 970 бобров, 1 520 песцов, 2 000 котиков. Привёз он с собой и 50 фунтов меди.

Медь была отправлена в Иркутск, а затем в столицу. Там её исследовал М. В. Ломоносов.

Фальшивое богатство

Ломоносов исследовал руду и написал в своём заключении следующее:

«...швецкую медь добротой превосходит и от японской добротой не разнится чувствительно, чему и дивиться нельзя, для того Япония и Камчатка лежат на одной гриве, которая разорвана только морем и признаки свои из-под воды островами показывает».

Теперь нужно было только выяснить, насколько серьёзны эти естественные залежи для промышленного их освоения:

может, горы те сплошь медные все и невиданно выгодное для государства Российского таят в недрах своих?! И Басов загорается новой идеей...

А купцы не дремлют – не нужен им Медный остров, на котором осталось совсем уже мало морского зверья, когда на востоке лежат «незнаемые» то есть ещё не тронутые острова. Купцам не нужны были грязные ржавые камни, хоть медные, хоть железные, когда мягкая рухлядь шла нарасхват за золотые червонцы... Не успев сойтись, разошлись пути Басова и промышленников. Он был отвергнут ими. Басов не мог на этот раз даже пойти в море, хотя Дмитрий Наквасин снова ведёт шитик к острову Медному на промысел.

Кое-какую поддержку он находит в Большерецкой канцелярии: попробуй откажи, когда этот полоумный Басов в любой момент может крикнуть государево «слово и дело»! И он получает право разведать запасы меди на Медном. Но казенного судна для него не нашлось. Реально оценив ситуацию, Емельян Софронович отступает от задуманного – самостоятельно провести разведку месторождения – и начинает добиваться снаряжения для этих целей правительственной экспедиции.

Дела же самого Басова к этому времени идут из рук вон плохо: в 1750 году у острова Атту (Ближние Алеутские острова) его «Св. Петр» терпит крушение...

23 марта 1753 года нерчинское горное начальство направляет на Камчатку «по горному искусству разведывания самородной меди» Петра Яковлева, который в течение лета 1754 и 1755 годов обследует остров Медный и приходит к выводу, что промышленных запасов меди на острове не имеется.

И за все напрасные денежные растраты, сопровождавшие эту экспедицию Яковлева, дорожные, кормовые и прочие расходы взысканы с Емельяна Софроновича Басова. Недавний богач стал нищим.

А может, это произошло по другой причине? Пишет же Полонский: «Выгоды, полученные от промыслов, не подняли житейского уровня Басова выше бедняков, собратьев его, населяющих Нижнекамчатск».

Но позвольте: промысловые экспедиции Басова принесли в

1744 году 64 тысячи рублей, в 1746-м – 112 220, в 1748-м – 50 020, в 1750-м – 39 376...

Басов, кроме того, что был главным компанейщиком, получил еще два пая как передовщик. Свалить его могла разве что такая вот безуспешная экспедиция, в которую он рискнул, как это часто водится на Руси, вложить все. Но и в нищете он остается самим собой, продолжает начатое им дело – перед Рождеством 1755 года из меди острова Медного отливает фальшивые деньги (может быть, это как раз те пожелтевшие и позеленевшие монеты с корявой надписью «Денга», которые ежегодно и по сей день щедро выбрасывает река Камчатка в районе того самого Нижнекамчатска – былой столицы полуострова?).

Цель? Окупить затраты новой экспедиции? Обеспечить безбедную старость?

Чтобы понять Басова, нужно вспомнить Козыревского – человека, вслед за которым всю свою жизнь шел Басов и который не совершил в своей жизни, может быть, ни одного хорошего или дурного поступка, направленного на себя лично, на безбедную жизнь, для собственной корысти и выгоды...

Фальшивомонетчик Басов был арестован и выслан в Иркутск на пытки – для следствия и суда. Но только через семь лет был объявлен приговор: 4 сентября 1762 года «учинено на публичном месте, при барабанном бое, позорное наказание», а затем он был отправлен по этапу на Нерчинские рудники – навечно. И смерть свою он встретил так же, как и расстрига Иван Козыревский.

МИХАИЛ НЕВОДЧИКОВ

Минюя Командоры

Ох, непрост, очень даже непрост был мореход Евтихий Санников, тот самый, что повел к Командорскому острову первое промысловое судно россиян – шитик «Св. Петр» компании Емельяна Басова. Вернулся он оттуда человеком богатым, но голову и чутья не потерял – понял, что все самое хорошее для него только еще начинается. И прав был Евтихий: тут же его

облепили со всех сторон купцы, лаская, каждый, как мог, предлагая дружбу свою, заигрывая, как с красной девицей.

Ударили по рукам – не прошел больше на восток Емельян Софронович. Вот ведь как тоже история делается – подлостью товарищу своему...

А в Нижнекамчатске в это время завершилось строительство шитика «Святой Евдоким».

«Идти тебе мимо острова Командорского к землям незнаемым, виденным в окияне-море Евтихием Санниковым со товарищи», – напутствовали морехода «Св. Евдокима» Михаила Неводчикова купцы-компаньоны Никифор Трапезников и Афанасий Чебаевский.

19 сентября 1745 года шитик вышел из устья реки Камчатки.

Рисовальщик карт

Никогда прежде Неводчиков не водил суда. И родом он был не с поморских берегов, как многие другие аргонавты российских, где с детства человек закален в борьбе со стихией и с молоком матери вбирает в себя судоходную науку: находить дорогу в море по звездам и использовать ветры в парусах – так же запросто, как используют камчадалы собак в нарте... Нет, родина Михаила Васильевича – Тобольск, столица сибирского края. Был он гравером – чернил по серебру. И за это свое искусство привлечен, как рисовальщик будущих карт, во Вторую Камчатскую экспедицию Витуса Беринга, в отряд Мартына Шпанберга для похода вдоль Курильской гряды к берегам Японии и наложения «сих берегов» на карту.

По некоторым сведениям Неводчиков был в отряде Шпанберга в 1739 году. Но вот передо мной поименный список «морским и адмиралтейским служителям и протчим чинам людям, имевшимся в команде от флота капитана Шпанберга» ноября того же года, и фамилии Неводчикова здесь не имеется.

Значит, в поход к берегам Японии он пошел только в 1742 году на «Святом Иоанне». И здесь показал неплохое рисовальное искусство в творении чертежей и карт, почему и был

привлечен в 1745 году к купеческой промысловой экспедиции. Нет, не мореходное искусство требовалось от него, а умение другого рода – обследовать и нанести на карту те земли, которые должны были войти теперь во владения Российской империи...

Ближние Алеутские острова

«Нашел три острова, называемые первый Ат, второй Агат, третий Чечичь, на которых имеется неизвестной народ, неясашные люди, у которых де людей толмачи, кои имелись на чюкотском и корячком языке с нами на судне, разговору их языка никто никак признать не могли, а без знания де их языка в подданстве под высокосамодержавную ея императорского величества руку и в платежь ясака привести невозможно. Того де ради для подлинного знания и вероятности ис тамошних людей и для обучения российского языка вывезен один человек в Большерецк, который тогда уже несколько научился говорить по-русски».

Так вот сухо сообщается в «сказке» об открытии 24 октября (29 – по другим данным) 1745 года Ближних Алеутских островов – Атту, Агатту, Семичи – и установлении первых сношений с коренным населением этих островов – алеутами.

Якорь был брошен у Агатту. Здесь же и произошла первая встреча с алеутами. Другой народ. Непонятный язык. Иные обычаи, традиции, самые, казалось бы, заурядные манеры. Непонимание и настороженность привели к столкновению. Русские вынуждены были искать пристанище на Атту.

Но и здесь не было спокойствия и мира, словно отвернулась удача от экспедиции, снаряженной тайно и подло, за спиной, в обгон и обход других, быть может, более достойных.

И они будут наказаны. 14 сентября 1746 года шитик «Св. Евдоким» снялся с якоря и взял курс на Камчатку, а в океане догнал его шторм...

Карагинцы

Полтора месяца носило скорлупку по океану, пока не вышвырнуло на камни острова Карагинского и не размолотило в щепу. Люди, к счастью, успели высадиться.

Шел конец октября 1746 года.

Приютивший их берег был безлюден, пустынен, гол. Холодный пронизывающий ветер терзал несчастных. Они оказались отрезанными от всего мира – сзади волна уносила останки разбитого судна, впереди вздымался горный хребет.

Они были бы обречены, если бы не встретились с жителями этого острова – карагинскими коряками.

А это были уже свои – нашелся общий язык, понимание, интересы и заботы. И даже – общие испытания, когда карагинцы и русские должны были не просто позаботиться друг о друге в трудную голодную зиму, а взять в руки оружие и быть готовыми пожертвовать собственной жизнью ради товарищей.

Так встали они, плечом к плечу, когда на остров напал отряд олюторов – северных воинственных коряков, и отбили это нападение, как и привычку разбойников появляться незваными в здешних местах. Не один соплеменник Михаила Неводчикова сложил в том бою свою буйную голову. И это было высоко оценено коряками: в знак особого уважения они отдали русским братьям две своих лучших морских байдары, на которых сами выходили летом на промысел моржей, тюленей, и промышленники снова смогли продолжить прерванное морское путешествие.

27 июня 1747 года Неводчиков и его товарищи вышли в море. Целый месяц добирались они на байдарках до Нижнекамчатска, где давно уже их тепели в Николаевской церкви.

Купцы были вне себя от гнева: какое им дело, что экипаж погибшего «Св. Евдокима» потерял за эти два года большую часть людей. Бобровых шкур, того, что удалось спасти, вынести из трюма разваливающегося судна, было ничтожно, разорительно, непростительно мало – всего лишь 320, когда все тот же ненавистный Басов только в сорок шестом привез со своего островка шкур на сто с лишним тысяч рублей...

Но чудом, конечно, нужно считать все же не то, что, несмотря на тяжелейшие испытания, привезли промысловики с собой три сотни, пусть даже баснословно дорогих, шкур, а то, что сохранил и привез Неводчиков драгоценные свои записи и чертежи, которые он положил на карту и 4 мая 1751 года от-

правил секретной почтой в Сенат, первую карту Ближних Алеутских островов...

Судьба подштурмана

Это было первое и последнее значительное плавание подштурмана Михаила Васильевича Неводчикова. В 1752 году он переведен в Охотский порт и исполнял здесь рядовую службу всех моряков-тихоокеанцев, проводя суда по известным, а потому вроде бы и не героическим уже маршрутам, подобным тому, который он проложил для других и сам – десятки судов шли теперь через Ближние Алеутские острова к Крысьим, Лисьим, Андреяновским и Шумагинским островам, к берегам Большой земли – Аляски – и обратно на Камчатку и в Охотск...

Вновь имя Неводчикова всплывает в истории только в связи с Секретной правительственной экспедицией Креницына-Левашова.

Об этом мы найдем интересный материал у И. В. Глушанкова в его книге «Секретная экспедиция»:

«Немалую помощь оказывал экспедиции старый беринговец и открыватель Ближних островов Михаил Неводчиков. По личной просьбе еще в Охотске приняли его в состав экспедиции, назначив подштурманом на бот “Святой Гавриил” к Дудину-большему, и вместе с ним он пришел в Большерецк. Как только Дудин-большой доложил, что 7 июля 1767 года отремонтированный бот спущен на воду (бот пострадал при заходе в устье реки Большой. – С. В.), Креницын приказал передать его под командование Неводчикова, поручив ему заготовку продовольствия для экспедиции...»

Выполняя это поручение, Неводчиков в короткий срок совершил несколько плаваний в Охотск и различные остроги Камчатки для закупки и доставки муки, из которой камчатские жители делали сухари для экспедиции. Старый подштурман помогал экспедиции всем, чем мог, но сказывались годы (ему уже шел 62-й), все чаще он болел и потому вынужден был просить Креницына о назначении ему пенсии по болезни и старости.

В рапорте он указывал: после *«изыскания мною означен-*

ных островов» в настоящее время уже «многие острова купцами обысканы и с промыслов платят в казну десятого зверя и читится немалое приращение и распространение», а теперь, – продолжает Неводчиков, – «получаемым мною в здешних са- монужнейших местах в службе жалованье, содержать мне себя уже стало не можно и в великом недостатке с терпением крайним нахожусь к пропитанию своему харчевых припасов, и на одежду на покупку у купецких людей, заимывая денег и товару, впался в неоткупные долги, коих платить от несостояния уже нечем. И отроду мне шездесят один год, в штрафах и наказаниях никогда не бывал и по довольности лет стал быть всем корпусом слаб и дряхл и глазами почти мало вижу».

Зная и уважая большие заслуги морехода, Креницын сочувственно отнесся к судьбе Неводчикова и в 1768 году его перевели на работу в контору Охотского порта, он помогал братьям Шмалевым в составлении карт и обучал школьников штурманскому делу.

И шли новые мореходы – теперь уже ученики Михаила Васильевича – открывать неизвестные земли на восточных окраинах государства.

АНДРЕЯН ТОЛСТЫХ

Расправа

Давайте попробуем представить тот разговор в зиму 1746 года в одной из полузанесенных снегом изб Нижнекамчатска, который решил судьбу Емельяна Басова.

У печи, гудящей огненной пургой и обдающей жаром, трое. Свет слабо проникает в слюдяное оконце, и потому на грубо сколоченном столе среди бела дня горят свечи, а на стенах колышутся громадные тени. И впечатление, если бы мы вошли сейчас в эту комнату, было бы жутковатое.

Кто же эти трое? Купцы Никифор Трапезников, в недавнем иркутский посадский. Еще во времена всезнающего Крашениникова заимка Трапезникова была у Большерецкого острога, а теперь вот махнул в Нижний – поманил басовский бобровый

вож на «Св. Петре». Федос Холодилов пришел из Тотьмы. Андреян Толстых – сибиряк из Селенгинска.

Все трое богаты. Никифор и Федос уже в возрасте. Толстых молод. Никифор с лальским купцом Афанасием Чебаевским уже отправил в плавание свой шитик «Святой Евдоким». А теперь вот с Федосом и Андреяном собирал еще одну компанию – в складчину покорять бобровые острова в океане.

Но сейчас речь идет не об этом. О Басове. Эти трое решают его судьбу. И потому давайте и мы с вами прислушаемся к этому тайному разговору.

Хозяин здесь Трапезников. Потому начинает он:

– Разговор у нас с вами будет короткий: надобно Емельку Басова повалить. Из грязи в князи шагнул и от купцов нос свой поворотил. Когда нищим еще был и деньги у меня на шитик свой канючил, то готов был ноги мои лизать. А теперь, как пес с цепи, – не прощу, говорит, обиды, ни одного купца ни в артель, ни на Командорский остров не пушу, и есть, дескать, у меня на то бумага из Большерецкой канцелярии. Так что Емелька сейчас нам на горло наступил – ведь на Командорском острове можно припасы морской говядины на несколько лет вперед сделать...

Обойти-то мы его теперь обойдем – есть у меня верный человек на «Петре» – Евтихий Санников, мореход, так он его меж пальцев проведет, а к другим бобровым не пустит...

Я уже послал «Евдокима» вперед, сейчас еще один шитик сошьем и туда же отправим. Но надобно нам самого Басова в подкову согнуть и «Петра» его в свои руки взять. Паи все скупим – и будет, голубь сизый, в нашей клетке, и пусть там уж эта птаха смелая и непокорная, в клеточке, грудью о прутья железные бьется. Нужен будет – отпустим, не понадобится – пусть сидит себе...

Толстых, до этого со всем вроде бы согласный, тут не утерпел:

– Это как же – смелый-то ведь и торит дорогу. Зачем же в клетку его?

Трапезников спрятал усмешку в бороду, зная, что Толстых такой же настырный, как и этот передовщик со «Св. Петра»:

– Тропинку торит, Андреяша, рисковый, кому не только себя, но и денег своих не жаль. Нам себя, может быть, тоже не жаль. Ведь человек – это что? Тьфу, и нет его. Деньги – это вот настоящее добро, вечное, вот кто «человек»-то, кого жалеть и оберегать надо...

Мы всю Сибирь-матушку прошли след в след за теми, кто реки соболями, как сейчас острова эти бобровые, искал. Как караван журавлиный: один – в голове, впереди, остальные – за ним. А уж когда дошли – вот тогда и наша сила, сбереженная, пошла в дело. И тогда уж мы сами с пути этого кого хошь своротим, если встанет на нашей дороге... Умный человек не полезет бездорожье настить – чего время даром терять, когда и подождать не грех. Поторопился – и на полпути уже выдохся. Потерпел – всех обогнал. Вот потому я Басову денег и не дал – знал, что он все равно на последней жиле, но вытянет это дело... А теперь я готов в три раза больше того, да что в три раза – в тридцать три против того, что Басов просил, положить, лишь бы его с дороги убрать. И вам советую.

Холодилов, все время угрюмо молчавший, так и не дал ни копейки. Сказал, что все деньги убухал в «компанейские дела», а про себя подумал: «Ты, Никифор, сам готов на Басова все свои деньги положить – зачем же я буду тратиться. Я тоже ждатель умею – придет и мой черед тебя, Никифор, еще со своего пути убирать, можа, и Андрияху».

А Толстых, увлеченный новой идеей, горячо заверил, что возьмет себе все паи морехода Евтихия Савинкова, который, в свою очередь, уйдет от Басова к ним на строящийся шитик. Но при этом не удержался:

– Только давай теперь в вояж пойдем к Штеллеровой земле – в Нижнекамчатске только о ней все и говорят: там якобы и зверя морского пропасть, и злата-серебра, и камней самодельных...

– Ну уж нет, – свел брови Никифор, – если Беринг ту землю не отыскал, пусть еще какой-нибудь Басов испробует. А мы пойдем в сторону матерой земли, о коей мне еще покойный Афанасий Шестаков говаривал, и где Беринг был... Ее и Пушкарев с Наседкиным, Верхотуров и толмач Алексей Лазу-

ков видели. А Штеллерову землю никто еще... так что и нужды в ней пока нет. Пусть Басовы ищут...

Толстых смолчал, стиснув зубы: не знал Трапезников, что Толстых с Санниковым и без него уже решили, что не быть Басову первым на той земле.

Земля Штеллера

Да, Беринг искал эту землю, известную в научном мире под названием Земли да Гамы, но не нашел. И по сей день нет-нет, да и промелькнет в той или иной книге упрек в адрес командора: «Не искал бы Беринг эту пресловутую Землю, послушался бы он умного совета Чирикова, и все было бы в порядке». Но нет ничего удивительного в том, что Иван Иванович, как называли Витуса Беринга на Камчатке, верил в нее – на полуострове верили в нее и через тридцать лет после гибели капитан-командора.

Да и Стеллер 22 июня 1741 года писал на пакетботе в своем дневнике:

«...видели мы очень явственные признаки близости земли: во время тихой погоды окружило судно наше множество морских растений такого рода, кои, как известно, не отдаляются от берегов на большое расстояние, а вслед за оным летели птицы, кои не любят залетать далеко в море. Нет никакого сомнения, что на юг или юго-восток от курса нашего должна была находиться земля».

И совсем уж уверовал Толстых в ту землю после того, как на остров, приютивший в океане экипаж пакетбота «Св. Петр», пришли по весне откуда-то с юга, с зимовки, неисчислимы полчища морских котов.

Откуда? Конечно же, с неизвестной южной земли, о которой было столько разговоров. С Земли, в которую он верил и в существовании ее убеждал каждого, рассказывая о походе к берегам Америки, с Земли Штеллера, как стали называть ее.

Летом 1746 года, когда Санников ушел к Толстым, Емельян Софронович Басов снова помышляет о южном направлении новых поисков неизвестной земли, но в навигацию 1747 года, как мы уже знаем, «Св. Петр» был поврежден на камнях ост-

рова Медного, а в следующий свой вояж шитик ушел без передовщика – сожрали его все-таки купцы и завладели суденышком.

А к Земле Штеллера пошел Андреян Толстых. Вел шитик «Святой Иоанн» компании купцов Холодилова, Толстых и Трапезникова мореход Евтихий Санников. Вышли они из устья реки Камчатки 20 августа 1747 года.

Нужно ли говорить, что земли они не обнаружили и вернулись в августе следующего года в Нижнекамчатск с малым количеством бобровых шкур, добытых на острове Беринга. Привезли столько же, сколько Неводчиков с Атту.

Поэтому дорога на юг ему закрыта. С 1749 по 1752 год Толстых ведет промысел на Ближних Алеутских островах, откуда привозит богатую добычу.

Андреяновские острова

Разбогатевав, Андреян Толстых с Федосом Холодиловым строят совместно новое судно – «Андреян и Наталия». В 1756 году Толстых сам ведет судно на Алеутские острова. И снова счастье не отвернулось от удачливого купца – все с тех же Ближних Алеутских островов он привозит неслыханное число бобровых шкур – 5 360, песцовых – 1 190. Деньги сами шли в руки.

В 1760 году на «Андреяне и Наталии» он уходит в новое плавание. И новая удача на этот раз не только обогатит купца, но и обессмертит его имя – он станет первооткрывателем большой группы островов, которые и будут названы в честь знаменитого купца-морехода Андреяновскими.

Это произошло 28 августа 1761 года. Открытие началось с острова Адак, где промышленники зимовали. А позже произошло знакомство с островами Канага, Большой Ситхин (Чешина), Таталак, Атка, Амля...

Три года прожил на Андреяновских островах Андреян Толстых, ведя подробные записи и об этих землях, и о жителях. К сожалению, записи погибли при кораблекрушении у устья реки Камчатки во время возвращения промысловой экспедиции домой, но память сохранила и восстановила многое из записан-

ного, и мы обязаны Толстым за самые первые сведения об этом дальнем уголке планеты. Екатерина Великая щедро наградила удачливого морехода – теперь он имел право не сдавать в казну десятую часть добычи, то есть становился одним из богатых купцов Камчатки и, несмотря на гибель «Андреяна и Наталии», мог снаряжать и посылать экспедиции куда хотел.

Он хотел открывать новые земли сам. Торопился это сделать. И больше всего влекла его к себе Штеллерова земля... Не мог он идти, как учил его Трапезников, «след в след». Он шел на такой же риск, как и уничтоженный не без его же помощи Емельян Басов, шел, не щадя ни себя, ни других. И становился опасен для компаньонов: его переставали интересоваться деньги.

Трапезников с Холодиловым не хотели иметь с ним больше дела, тем более, что после гибели нескольких судов компании главный компаньон становился фактически банкротом и был не у дел, а Холодилов, наоборот, шел в гору и не желал рисковать ничем, особенно на какой-то там Земле Штеллера, когда добыча шла прямо в руки на востоке...

Федос Холодилов выждал свой час. Чтобы Толстых не встал на его дороге, он «по дружбе» предложил Андреяна как искусного морехода Ивану Лапину из Соликамска, зная, куда поведет его промысловый бот азартный мореход.

И снова на юг

Новая промысловая компания – соликамского купца Ивана Лапина, устюжанина Василия Шилова и тульского оружейника Афанасия Орехова – была создана в 1765 году.

Они построили два судна – «Святой Петр» и «Святой Павел». Раззадоренные баснословными удачами прославленного морехода, легенды о котором ходили к тому времени уже по всей России, купцы, несколько удивленные широким жестом Холодилова, вверяют Андреяну свой бот. Таким образом, круг судьбы замыкается – с чужого «Св. Петра» начиналось и чужим же «Св. Петром» должно было завершиться.

10 сентября 1765 года бот «Св. Петр» вышел из Охотска,

зимовал в Большерецке и летом 1766 года в течение двух месяцев безуспешно бороздил океан на юге от Камчатки.

Смирившись с неудачей, Толстых взял курс на Нижнекамчатск, чтобы, покорившись судьбе, идти на Алеутские острова, но 2 октября сильный шторм захватил бот у берегов Шипунского полуострова и бросил на скалы. Из 65 членов экипажа в живых осталось лишь трое. Андреяна среди них не было.

Больше уже никто из промышленников не искал эту землю – всем хватало богатств на восточных островах, хотя и продолжали в Камчатке складывать легенды об этой земле.

И вот – то ли по стечению обстоятельств, то ли по злому предопределению судьбы – в 1771 году в Большерецком остроге ссыльному польскому конфедерату Августу Морицу Бенъевскому удастся поднять на бунт рабочих с промыслового судна «Святой Михаил» и увлечь их за собой на мятежном галиоте «Св. Петр» (снова «Петр»!) сначала в Китай, потом во Францию, а затем и на Мадагаскар... Приманкой же была Земля Штеллера.

Но самое неожиданное даже не в этом. Не в том роковая суть случившегося. А в том, что «Святой Михаил» принадлежал тотемскому купцу... Федосу Холодилову. Но рассказ об этом еще впереди.

СТЕПАН ГЛОТОВ

Гвозденник «Святой Иулиан»

Московскому посадскому Ивану Никифорову, хотя и не имевшему собственных средств для организации промысловых экспедиций за бобровым мехом на Алеутские острова, суждено было вписать очень важную страницу в летопись славных событий по покорению Великого океана: он построил на Камчатке первый промысловый бот «Святой Иулиан».

До него на промыслы выходили на шитиках, которые, как мы говорим, «шились» прутьями, китовым усом или ремнями, а Никифоров построил «гвозденник», то есть судно на гвоздях, с деревянными креплениями. Гвозденники были крупнее и надежнее, да и выходили на них в море уже не тридцать промышленников, а вдвое больше...

У Никифорова были золотые руки, но не было золотых червонцев, и потому он вынужден был сдать «Св. Иулиан» в аренду Никифору Трапезникову.

2 сентября 1758 года первый в истории Камчатки промысловый бот вышел в открытое море. Мореходом на «Св. Иулиане» был яренский посадский человек Степан Готов.

Лисьи острова

Нижнекамчатск, 1762 год. *«В прошлом 758 году сентября 2 числа... вступили... из Нижнекамчатского устья в открытое Тихое море в морской вояж для изыскания новых островов и народов под препровождением оного судна ево Глотова благополучно. Точно во время начатого того вояжирования в мореходном от осенних начавших погод занесло в девятые сутки к близь лежащему от называемого Командорского острова (к) Медному небольшому острову ж, где по благодати божией, пристав, зимовали и довольствовались себя, во-первых, пропитанием, заготовляя оное к будущему вояжу для поисков дальних неизвестных островов.*

А потом упромышленно ими бобров, маток и кошлаков 83 да песцов голубых 1263, кои все во одежды и одеяла испошиты. А понеже при мореплавании от Камчатского устья, по выкиде судна на оной Медной остров, от предписанных жестоких в море осенних волнений бывшие два якоря оторвало и унесло в море, для чего они с прочими компанейщиками со общего согласия, для спасения судна и людей, чтобы во время намеренного в море островов поиска не погибнуть безвременно, взяли с Командорского острова разбитого пакетбота бывшей Камчатской экспедиции лежащего железа полоскою и в деле яко то в буотах и крюках, по весу 15 пуд и сковали через немалой труд два якоря, которые и ныне при том судне имеются, то что у обоих их по одной лапе во время волнений же оторвало.

И при перезимовке на Медном острову и по промысле на пропитание морских коров, нерп и сивучей, мяса сушеного наготовя, в наступившее 759 году лето августа с 1 числа вступили паки в морской вояж к поиску и окончанию намеренного

пути. И с того августа 1-го числа плыли, не касаясь, ко известным морским же Алеутским островам между север и восток и в том плавании благополучными погодами продолжали времени даже сентября до 1-го числа.

А в том числе, по дарованию господню и по высокому ея императорского величества счастью, благополучным путешествием прибыли на остров, лежащий в северо-восточной стороне и, усмотря судну удобное к отстояю место, пристали между лежащее к полдням того острова камень на мягкой песок без всякого о берег судну повреждения. А тот остров называется по названию тамошних народов Умнак, который у них почитается над вторым медальным островом же главным и первым». (Это были крупнейшие острова Алеутской гряды – Умнак и Уналашка.)

«...На оных двух островах имеются звери: бобры морские, лисицы чернобурые, бурые, седые, крестовки и красные разных доброт».

(И потому впоследствии прозвали эту группу островов Лисьиими островами. промысел был удачен – 1 389 бобров и 1 648 лисиц на сумму более 130 тысяч рублей.)

«И с того отправления маяя з 26-го августа по 31-е число того 762-го году обратно к Нижнекамчатскому устью, быв в пути, имели превеликие недостатки в воде и в пище, так что и последнюю с ног обувь варили и в пищу употребляли...»

А вот каков итог этого вояжа, по мнению одного только исследования: «Плавание Глотова относится к одному из самых замечательных плаваний того времени в сторону Америки. Глотов проник дальше всех других мореходов на восток, прошел вдоль всей Алеутской гряды, сделал замечательные открытия, описал открытые земли, организовал составление карт, при этом сохраняя мирные отношения с местным населением» (Зубикова З. Н. «Алеутские острова». М, 1948. С. 24).

Бухта Бечевинская

В то время как Степан Глотов обновлял гвозденник Никифорова-Трапезникова, в Охотске иркутский купец Иван Бечевин задумал построить бот «еще пуще «Иулиана». Но пока

ладили плотники новый бот – одиннадцати сажений (23 метра) по килю, пока освещали охотские попы его и рекли «Святым Гавриилом», самого Ивана Бечевина пытал на дыбе печально известный в Сибири ревизор Крылов, вымогая припрятанные купцом деньги за тайные винокуренные дела и кабацкие сборы.

13 декабря 1759 года, не выдержав адских мучений, Иван Бечевин умер в Иркутской тюрьме.

«Св. Гавриил», готовый к плаванию, ждал команды, отставиваясь в устье реки Белоголовой. Вместо хозяйской воли пришел официальный указ: «Судно взять в казну и отправить на три года на промыслы».

Мореходом на «Св. Гавриил» был назначен Гавриил Пушкарев. Что известно о нем? Очень мало. Рядовой участник Второй Камчатской экспедиции. Неудачливый покоритель (вместе с Дмитрием Пайковым) на «Св. Владимире» Земли Штеллера в 1758 и 1759 годах. Вот, вроде бы, и все.

А жаль. Хотелось бы знать больше, чтобы больше понять. Ведь, говоря словами З.Н. Зубковой (с. 27), «судно «Гавриил» и его плавание имеют свою особую историю. Плавание «Гавриила» связано с усилением... направления в деятельности купцов (промышленников)... ставящего себе целью покорение островов вооруженной силой».

Первыми, как мы помним, в этой «деятельности» были члены экипажа шитика Михаила Неводчикова. Помним и о том, как наказала их за это судьба.

Проследим теперь за «Св. Гавриилом».

24 августа 1760 года бот пристал к берегу одного из заливов острова Атту (Ближние Алеутские острова, открытые в свое время Неводчиковым), но там не задержался и отправился дальше. 25 сентября прибыл на Атху (Андреяновские острова). Здесь Пушкарев встретился со своими старыми знакомыми – членами экипажа бота «Св. Владимир». Дмитрий Пайков уже было собирался покинуть негостеприимный остров: накануне алеуты по неизвестным причинам убили у него двенадцать человек. Приход «Св. Гавриила» изменил планы морехода. Решено было организовать «складственную компанию». Это значило, что половина людей со «Св. Владимира» переходила

на «Св. Гавриил», и наоборот. Каждое судно в дальнейшем вело независимый промысел, а добыча делилась поровну.

В 1761 году суда пошли на восток. «Св. Владимир» дошел до острова Кадыяк, где небыли еще русские. «Св. Гавриил» попал сначала на Умнак, но, встретившись здесь с Глотовым, отправился дальше, пересек Исанотский пролив и пристал к «матерому» берегу Америки – Аляске, которую принял за большой остров. Здесь также еще не бывали русские промышленники. Но ни на Кадыяке, ни на Аляске у промышленников ничего не вышло. Я цитирую З. Н. Зубкову: «Дружественные отношения с жителями в январе 1762 года сменились враждебными и снова по старой причине насилия над женщинами партии промышленников, во главе которых стоял сам Пушкарев. В результате восемь промышленников были убиты и столько же ранено. В виде мести промышленники убили семерых алеутских заложников (аманатов). Это был первый случай убийства заложников. В результате вооруженных столкновений “Гавриил” снялся с якоря и 26 мая 1762 года отправился в обратный рейс. Зайдя снова в Умнак, Пушкарев захватил не менее 20 алеутов, в большинстве девушек».

С этим грузом и отправился «Св. Гавриил» на Камчатку, но 25 сентября потерпел крушение в одной из бухт Шипунского полуострова, которая по сей день зовется Бечевинской.

Сам Пушкарев остался жив. Бежал с Кадыяка и Дмитрий Пайков. И потому все, кто шел вслед за ними, не могли рассчитывать на хороший прием аборигенов.

Кадыяк

Не успел Глотов поставить на ремонт «Св. Иулиана», как соликамский купец Иван Лапин и лальский Василий Попов вверяют ему своего «Андреяна и Наталию».

И снова море, хотя только закончились тяжелые испытания, многомесячная болтанка, голод, цинга, физическая усталость, тоска по родной земле, от которой был оторван несколько лет... Но страсть первооткрывателя переборола, и Степан Гаврилович повел «Андреяна и Наталию». Как и в первый раз, он прошел все известные доселе острова Алеутской гряды

и ушел далеко вперед. И если в первый раз он совсем немного не дошел до побережья, до Аляски, то на этот раз прошел стороной и высадился на острове Кадыак.

Аборигены встретили русских враждебно: засыпали стрелами. Пришлось отпугнуть их ружейным огнем. Они отошли, но вскоре на «Андреяне и Наталии», вытащенном на берег, обнаружили серу и сухую траву – островитяне готовились сжечь судно. Видя, что и это им не удалось, они снова напали на промышленников – в атаку ринулось более двухсот человек, прикрываясь от пуль деревянными щитами. Нападение было отбито, но через месяц, под прикрытием еще более толстых щитов, островитяне снова попытались нанести удар.

Вообще не в правилах Глотова было устанавливать отношения с местными жителями при помощи оружия, тем более, что имел он богатейший опыт в общении с воинственными племенами Умнака и Уналашки, где заслужил любовь и уважение аборигенов.

Стал искать он такого же пути в установлении контактов и с жителями Кадыака. К весне между ними завязалась уже бойкая торговля.

На Камчатку Гловот вернулся в 1766 году с большим количеством пушнины.

Секретная экспедиция

На самом закате своей жизни великий Михайло Ломоносов сделал все, что было в его силах, для подготовки исполинского предприятия.

За месяц до смерти (15 апреля 1765 г.) он подписал «примерную инструкцию морским командующим офицерам, отправляющимся к приисканию пути на восток Северным океаном». Он провел по карте земного шара линию, пересекавшую меридианы под одинаковым углом, – локсодромию. Она вела к острову Умнак. Эта кривая намечала самый прямой путь кораблям: избрав его, уже не нужно было менять курса» (Марков С. «Земной круг». М., 1978. С. 509).

И здесь, у острова Умнак, только что открытого Степаном Гловотым, должны были встретиться суда двух экспедиций:

В. Я. Чичагова, которая намеревалась пройти к острову Северным морским путем из Архангельска через Берингов пролив, и экспедиция П. К. Креницына, отправлявшаяся по маршруту Охотск – Нижнекамчатск – Умнак.

Чичагову не удалось пробиться сквозь льды Студеного моря. Но еще большие испытания выпали на долю участников экспедиции Креницына.

Поводом к ее организации, как следует из официальных документов, послужили открытия Степана Глотова и карта той промысловой экспедиции, составленная товарищами Степана Гавриловича – казаком Пономаревым и купцом Шишкиным, поступившая в Адмиралтейств-коллегию. В столице становится ясным, что период открытия новых островов на севере Тихого океана «простыми и неучеными» людьми пора завершать и начинать новый этап освоения. Нужно со всей категоричностью отметить, что в Адмиралтейств-коллегии ошибались, не признавая за промысловой деятельностью своих соотечественников на Востоке государственной, державной пользы. Первоосновой такой деятельности многих из них как раз и было именно это: обследование, описание и освоение неизвестных островов как новых российских владений, а не даровой наживы.

Именно эта цель, которую ставили в столице двадцать лет спустя после первых промысловых вояжей россиян, увлекала Емельяна Басова и стала причиной его личной трагедии, Андрея Толстых, Михаила Неводчикова и даже Гавриила Пушкирева, хотя они и были такими разными.

Но, тем не менее, в Адмиралтейств-коллегии, а тем паче в правительстве, думали совсем по-другому.

«Судя по указу 4 мая 1764 г. об организации экспедиции, правительство понимало, что открытия мореходов-промышленников во многом явились следствием экспедиции Беринга, что эти открытия есть и плоды употребленного труда и положенного немалого иждивения прошедшей Камчатской экспедиции. Совершенно логично было снарядить новую экспедицию, подобную экспедиции Беринга. Поэтому указ предлагает Адмиралтейств-коллегии “отправить немедленно, по своему рассуждению, сколько надобно офицеров и штурманов, поруча над

онными команду старшему, которого б знание в морской науке и прилежание к оной известно было”» (Зубкова З. Н. «Алеутские острова». М., 1948. С. 36).

Да, иначе получалось, что «простые и неученые» русские мореходы спасали честь экспедиций, затраты на которые многократно превышали результаты, – или полную неудачу Первой, или дубляж того, что уже сделано было в 1732 году геодезистом Михаилом Гвоздевым и подштурманом Иваном. И совсем не Беринг и не Гвоздев построили этот мост Азия – Америка. Не они вбили в него первые, столь дорогие на пустынной окраине гвозди. Только не их личный пример мог воодушевить остальных.

Беринг был бессилен поднять русский люд своим личным примером. Такие затраты, какие понес он, были разорительны. Да и что рассуждать – достаточно сравнить итоги новой экспедиции с делами тех, кто шел на острова «за свой страх и риск». И тогда не нужно будет спорить.

Командиром Секретной экспедиции был назначен капитан Петр Кузьмич Креницын. Помощником – лейтенант Михаил Левашов.

В1765 году они прибыли в Охотск и занялись строительством судов. Четыре морских судна поступило в распоряжение экспедиции: бригантина «Святая Екатерина», гукор «Святой Павел», галиот «Святой Павел» и бот «Святой Гавриил».

Кроме того, «Креницын имел в своем распоряжении... 192 человека; на снаряжение была израсходована огромная по тому времени сумма – свыше 100 тысяч рублей». (Там же, с. 37).

И что? До Камчатки целым не добралось ни одно судно.

Креницын шел на бригантине. 10 октября 1766 года флотилия покинула Охотск и через три дня суда порастерялись в Охотском море, и каждый добирался до Камчатки самостоятельно. Почти сразу же на «Св. Екатерине» открылась течь, но с этим справились и через две недели подошли к устью Большой. Здесь попали в шторм, и бригантина была выброшена на берег в 25 верстах от Большой у устья реки Утки.

«Св. Павел» Левашова выбросило на берег в 7 верстах от устья Большой. Бот «Св. Гавриил» – в самом устье.

Галиот «Св. Павел» унесло в Тихий океан, на юг, и разбило в щепы на кекурах Седьмого Курильского острова. В живых осталось 13 из 43 членов экипажа.

Из Большерецка вышли летом следующего года на гукоре «Св.Павел» и боте «Св.Гавриил». Дошли только до Нижнекамчатска: бот не годился для дальнейшего плавания. Зазимовали в Нижнекамчатске, готовя в плавание галиот «Св. Екатерина».

Креницын уже не надеялся на собственные силы и взял с собой в экспедицию «простых и неученых» первопроходцев. Среди прочих промышленников шел с ним и Степан Глотов. С Левашовым – Гавриил Пушкарев.

1 мая 1768 года Секретная экспедиция Креницына – Левашова отправилась наконец на восток. На борту «Св. Екатерины» было 72 человека. На борту «Св. Павла» – 68.

В августе суда были в Исанотском проливе и вели опись американского побережья, высаживались на Аляске.

5 сентября суда разлучились и не встретились уже больше до весны.

18 сентября Креницын завел «Св. Екатерину» в одну из бухт острова Уникам, где и зимовал. Левашов встретил зиму на Уналашке.

Алеуты приняли русских людей неприязненно, настроены были воинственно – пять лет назад здесь, на Лисьих островах, погибли уже экипажи четырех русских промысловых судов (около ста семидесяти человек). Поэтому приходилось постоянно держать караулы, быть настороже, вести обследование островов и Аляски большими, хорошо вооруженными группами, чтобы не стать жертвой алеутских и индейских воинов, постоянно высматривавших добычу в русском лагере и то и дело осыпавших моряков и промышленников тучами стрел.

Тяжело было с продовольствием.

«Недоедание скоро перешло в голодовку, – читаем у Сергея Маркова. – Началась цинга. Китовое мясо русскому человеку впрок не идет. Мореходы утверждают, что от китовины даже открывались раны». Но людям Левашова пришлось есть мясо кита, выкинутого мертвым на берег залива.

Зимовщики жили на корабле и в юрте. Однажды с моря налетел такой ветер, что кровля юрты поднялась. Ее обитатели так перемерзли, что потеряли рассудок.

Михаил Левашов, сидя в тесной каюте корабля, у светильника с китовым жиром, писал заметки.

«О жителях того острова», «Описание острова Уналашки», «О промысле российских людей на острове Уналашке разного рода лисиц» – так назывались эти научные труды, начатые русским человеком в западном полушарии. В них приводилось множество сведений о быте алеутов, об их одежде, жилищах, стремительных байдарках, об алеутских «веселостях», когда алеуты пляшут под стук бубнов, обтянутых китовой кожей.

Добавим, что многие из этих левашовских записок и по сей день не опубликованы и вряд ли были прочтены при жизни автора.

Еще большие трудности переживали члены экипажа «Св. Екатерины». И это несмотря на то, что в числе помощников у капитана был Глотов, да и другие промышленные люди, кто умел до этого ладить с местными жителями, находить с ними общий дружеский язык.

Но напуганный рассказами об алеутском бунте 1762–1763 годов на Лисьих островах (в том числе и на Унимаке), Креницын, похоже, потерял благоразумие.

В стане русских свирепствовала цинга. Люди голодали. Трудно поверить в это – ведь на солонину для экспедиции пошло целое стадо оленей матроса Сметанина – видимо, подъели все подчистую за две зимние задержки на Камчатке.

К весне 1769 года из экипажа «Св. Екатерины» осталась в живых только половина – 36 человек, из них держались на ногах лишь двенадцать. 5 мая умер Степан Гаврилович Гловтов. Славному мореходу не было и сорока лет.

Креницын и остальные были обречены на гибель – ни оснастить судно, ни столкнуть его на воду, они не имели сил. И погибли бы, если б не уналашкинские алеуты. Левашов все же сдружился с одним из вождей, – в недавнем прошлом другом Степана Гловтова, и попросил его разыскать на островах Креницына.

И вот тут-то Гавриилу Пушкареву, неудачливому лоцману со «Св. Павла», покорителю Аляски и личному врагу многих умнакцев, дали урок высочайшей нравственности те, кого он считал недостойными своей жалости и уважения дикарями. Урок верности данному слову и крепости дружбы: на ста байдарках вышел в море алеутский отряд, пробиваясь с боями через морские владения воинственных соседей. До Креницына добрались лишь двое. Вождь передал Креницыну пакет и тотчас отправился с ответным письмом назад, невзирая на новые опасности, чтобы сообщить Левашову радостную (для экипажа «Св. Екатерины») весть.

Благодаря отважным алеутам смогли встретиться вновь в безбрежном океанском просторе два русских судна, и «Св. Екатерина» избежала трагической участи.

Но, тем не менее, цена этой экспедиции была слишком высока, чтобы нашлись бескорыстные ее последователи.

А промысловая волна набегала на матерый американский берег все с новой и новой силой.

ОТЧАЯННЫЕ ЛЮДИ

Тайный умысел Федоса

Обвиняется Федос (Федот) Холодилов. Отчество – неизвестно. Год рождения – также неизвестен. Место рождения – видимо, Тотьма. Тотемский купец.

Предъявленное обвинение – организация бунта алеутов на Лисьих островах, приведшего к гибели более ста семидесяти русских мореходов и промышленников с промысловых купеческих судов «Святой Николай», «Святая живоначалная Троица», «Захарий и Елисавета», «Святой Иоанн».

Причины, побудившие Федоса пойти на такое преступление? Желание погубить своих конкурентов и завладеть монопольным правом промысла на северных тихоокеанских островах.

В 1746 году, как мы знаем, судьба свела на Камчатке трех купцов – Никифора Трапезникова, Андреяна Толстых и Федоса Холодилова. И первым итогом этого союза стало падение Басова и снаряжение промыслового судна «Св. Иоанн».

Но Никифор Трапезников действовал и помимо этих своих «компанейщиков» – в 1747 году он посылал в море не только «Св. Иоанна», но и «Симеона и Иоанна» (в компании с московским купцом Иваном Рыбинским). «Св. Иоанн», который повел известный нам Евтихий Санников, принес компаньонам 23 тысячи рублей. «Симеон и Иоанн» – 52 с половиной.

В 1749 году Трапезников (опять же с другими купцами) снаряжает «Св. Николая», затем «Бориса и Глеба». К радости завистливого Федоса оба этих шитика принесли Никифору с его компанией всего три с небольшим тысячами...

Но главный доход давали Никифору басовский «Св. Петр» и «Св. Иоанн» – в 1752 году Толстых привез на нем пушнины стоимостью 96 тысяч рублей.

В 1750 году «Св. Петр» терпит крушение. Холодилов тихо злорадуется.

Но фортуна еще благоволила Трапезникову. Вернувшись из очередного вояжа, «Св. Николай» и «Симеон и Иоанн» привозят купцу мехов более чем на сто тысяч рублей. Правда, «Борис и Глеб» огорчал Холодилова – сначала двенадцать тысяч, а потом и вовсе три с небольшим.

Но «Св. Николай» прямо-таки добил – 187 тысяч рублей!

Между Трапезниковым и Холод иловым прошла не только незримая, но и явная межа: потеря в 1755 году «Св. Иоанна» приведет к тому, что Федос с Андреяном построят «на свой кошт» промысловое судно «Андреян и Наталия», который принесет им через три года 318 тысяч рублей.

Эти деньги ставили их теперь в равное положение с Никифором, не знавшим доселе подобных себе.

Равенство это было устойчивым. В 1758 году «Св. Иулиан» принес 78 тысяч рублей. В это же время «Св. Николай» доставил с Ближних островов пушнины на 58 тысяч...

Это была последняя удача Никифора. В зиму с 1762 на 1763 год купец Никифор Трапезников в результате алеутского бунта потерял на Лисьих островах – Умнаке, Унимаке и Уналашке – «Св. Николая» и «Святую живоначальную Троицу».

И поэтому мы приступаем к исследованию фактов обвинения.

– Свидетель Глотов, расскажите, как вас встретили алеуты с Лисьих островов и были ли причины для последующего бунта?

«По прибытии ж на предписанный первый остров тамошней народ с первое их на оной прибытия вступили к ним навстречу со своими стрелами, которые так же, как и алеутский народ, имея в шестиках укрепленные кости и камень острые, мечут из досок, и учиня приступ, усилились было всех перебить и ранили Пономарева (сборщика ясака, казака. – С. В.) в правое плечо, Глотова в грудь да в левое плечо, камчедала Игнатя Уваровского в правую ногу, Стефана Уваровского убили до смерти, а протчих при том господь спас, токмо отбили у них байдару с кормы, с платьей и протчим шкапертом да 2 топора, от которых, едва защищаясь зделанными на судне ис платья и протчаго оставшегося шкаперту и досок щитами, спаслись.

И с тем оной народ разбежался. А потом оные, не видя от них отмщения против их нападения, кроме ласковости, пришли к ним к судну вторично без всякой уже ссоры и нападения и встретили обыкновенно и с собою принесли к пропитанию мяса и рыбы сушеной трески. Напротиво чего и они Пономарев и Глотов с товарищи что при ком отыскаться могло из мелочей, то есть, от игол, шильцев и протчего, дарили.

И при том своем приходе возымели с ними дружеское обхождение они к ним ласку и привет. И возвратили они отбитую ими байдару со всем, что во оной было. И через оную их ласку и привет при таком дружеском их с нами обхождении на означенных двух отысканных островах приведено ими со всеми компанейщиками... в подданство и платеж ясака тамошних народов.

А при отправлении с тех островов по добровольному оных народов к подданству склонение, а через Пономарева и Глотова с товарищи к ним ласку и привет, оные желание возымели и впредь быть в подданстве и чтоб к ним российские люди всегда на судах ходили».

– Были ли тотемцы на «Св. Иулиане»?

– Да, двое. Тотемский купец Петр Шишкин (он вернется на

острова на «Св. Николае» и погибнет вместе со всеми) и тотемский посадский М. Холодилов.

– На каком из островов был начат бунт?

– На Унимаке, где стоял «Св. Николай» (версия С. Маркова). На Уналашке, где зимовал «Захарий и Елисавета» (версия В. Берха).

– Были ли тотемцы на «Захарии и Елисавете»?

Прежде, чем свидетель Василий Берх, историограф российского флота, изложит нам свою версию, попросим суд обратить внимание на некоторые детали:

1. Да, на «Захарии и Елисавете» были тотемцы. Это Степан Корелин, Дмитрий Брагин и Григорий Шавырин.

2. Все трое могли видеться с М. Холодиловым в сентябре 1762 года на Умнаке перед возвращением «Св. Иулиана» в Охотск.

3. Из всех погибших в тот год на островах – примерно 170 человек – в живых осталось 12; 6 камчадалов и 6 русских. Среди русских – все наши тотемцы: Корелин, Брагин, Шавырин.

4. Именно эти тотемцы вместе с мореходом Дружининым ни с того ни с сего построили на одном из островов крепость – первую за всю двадцатилетнюю историю освоения Алеутских островов.

А теперь просим предоставить слово свидетелю В. Берху:

«Дружинин, предполагая найти более выгод на малом острове Иналаке, перебрался туда с своим отделом, и хотя от живших там тридцати алеут и не заметил никаких неприятностей, однако же построил из предосторожности крепостицу, и содержал в ней непрерывный караул.

В один день отправил Дружинин пять человек осмотреть разставленные клепцы и по уходе их разсудил с остальными, Степаном Корелиным, Дмитрием Брагиным, Григорием Шавыриным, Иваном Коковиным и еще одним промышленником, коего имя неизвестно, посетить жилища островитян.

Побыв там несколько времени, начали они уже собираться домой; вдруг один алеут ударил Дружинина дубиною по голове, а остальные, кинувшись на него, зарезали его ножами. После

сего напали они на Шавырина, но он, имея при себе топор, оборонялся оным, и убежал в свое зимовье. Коковин, находившийся в сие время вне шалаша, был также окружен, повергнут на землю, и уже островитяне начали колоть его коственными ножами, как вдруг прибежал к нему на помощь Корелин, и разогнав сих неистовых алеутов, спас своего товарища.

Дикие обитатели острова Уналашки действовали и заодно, по продуманному плану, ибо около сего же времени напали они на остальные две артели, и убили всех без исключения. Ни одному из несчастных россиян сих не удалось избежать смерти.

Давыдов говорит в записках своих (имеется в виду «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное последним». – С. В.), слышанное им, вероятно, во время пребывания на острове Кадьяке: что когда сии алеуты условились напасть на россиян, в разных местах в одно время, то разделили между собою по некоторому количеству лучинок. Лучинки сии условились они кидать ежедневно в огонь по одной, с тем, что когда последняя повержена будет в оный, напасть на русских и лишить их всех жизни».

План удался – большинство промышленников навсегда остались на Лисьих островах. И никогда больше в истории Русской Америки не оказывали алеуты столь организованного и кровавого сопротивления.

Протасов и Куликов (Кульков?) с «Захария и Елисаветы» оказались банкротами. Рухнул Трапезников. Но в силе, как это ни странно, оказался совсем другой, на которого и вовсе не ставил Холодилов, – купец Иван Лапин, потерявший на Лисьих островах «Св. Иоанна».

Иван Саввич Лапин за это время построил со своими компаньонами два судна – «Св. Петр» и «Св. Павел». Печальную судьбу «Св. Петра» мы знаем, и здесь Федос сыграл не последнюю роль. Что же касается «Св. Павла», то, на свою беду, как потом выяснится, купец послал его вслед за «Св. Иоанном».

А Холодилов не стал торопиться со сборами нового промыслового судна – решил подождать. И вот судно – «Св.

Михаил» – уже построено, но купец медлит, дожидаясь чего-то. Три года стоит «Св. Михаил» в Охотске, команда все эти годы неотлучно при нем – и не спускает Федос бот на воду. И вдруг – в самую зиму с 1770 на 1771 год – посылает промышленников в море, на Алеутские острова. Уж не тронулся ли умом тотемский купец?

Тронешься тут: летом 1770 года прибыл в Охотск лапинский «Св. Павел» с грузом пушнины на 68 тысяч рублей и тут же, уже в сентябре, ушел снова на промыслы.

Холодилов понял, что проиграл. Но проигравшим он быть не желал. И потому использует свой последний шанс – «Св. Михаила», чтобы опередить Лапина.

Невезение штурмана Чурина

Карьера его начиналась совсем не так, как у многих, таких же, как он, военных моряков. Петербург рассылал своих питомцев по боевым эскадрам, противостоящим флотам недружественных стран, а его с таким же неудачником – Должантовым – вызвали в 1761 году в Москву, в Сибирский приказ и послали в несусветную глушь, на край земли, в Охотский порт...

Было от чего пригорюниться, проклиная судьбу, ниспославшую эту длинную тысячеверстную дорогу на перекладных, казенный дом в устье реки Охоты, холодный, сырой, нежилой, да галиот «Св. Екатерина», совершающий, как тот ящик на сибирском тракте, один и тот же скучный, длинный, совсем не героический вояж на Камчатку, до устья реки Большой и обратно, перевоза купеческое барахло, пьяниц-чиновников да мягкую рухлядь из государева камчатского ясака...

Тяжко на душе, мерзко, противно, впору спиться, сойти с ума или повеситься...

В 1764 году лейтенант Иван Синдт получил предписание идти на галиоте «Св. Павел» Должантова на север от Камчатки, искать все ту же, будь она трижды неладная, американскую землю, к которой дважды ходили Беринг, Гвоздев с Федоровым и вот уже двадцать лет топчется, набивая дорогу, промысловый люд. Ладно, главное, что не самого с этим выскочкой Синдтом послали... И вот тебе на, вылетел «Св. Павел»,

как нарочно, на мель в устье реки Хайрюзовой, неудачно перебираясь через бар: ударило его набежавшей волной по хлипким бортам, покорежило, открылась течь...

Синдт – в Большерецк. Оттуда приказ – готовить Чурину в поход «Св. Екатерину».

Выступать в поход не торопились: с ремонтом тянули, волынили, не спешили. Вышли лишь осенью 1765 года и дошли только до реки Уки на Восточной Камчатке. Там зимовали.

Дожили кое-как до весны, чуть не одурев от скуки. До 26 июля готовили рыбные припасы да варили соль. Потом пошли. 21 сентября уже вернулись и залегли на зимовку в Нижнекамчатске – пьяном, богатом, драчливым и тоскливым, как запой. Потомки так толком и не поняли, что это был за вояж.

Сергей Марков, например, писал следующее: «Иван Синдт, флота лейтенант, командир “Святой Екатерины” и один из самых непонятных путешественников того времени, в маршрутах которого правда переплелась с фантастикой, в 1766 году перезимовал на устье реки Уки на севере Камчатки. Оттуда он ходил “до северо-восточных берегов”. Вполне возможно, что это Аляска. Даже Г. И. Шелихов впоследствии называл Америку Северо-Восточной, а не Северо-Западной, считая, что так будет правильнее, раз Аляска лежит к востоку от сибирских берегов.

...В наше время считается доказанным, что Синдт открыл, во всяком случае, остров Святого Матфея в Беринговом море. Остров этот впоследствии был Джеймсом Куком назван в честь англичанина Гора. Этот клочок суши, затерянный в море за 60 градусов северной широты, был покрыт унылыми растениями тундры.

Имея под рукой Святцы, легко установить, что Синдт осмотрел остров Святого Матфея 9 августа».

Отзимовав в Камчатке, собирались уж было в обратный путь, домой, как все планы долой – по новому приказу камчатского начальника галиот «Св. Екатерина» со всем экипажем поступал в распоряжение капитана Петра Креницына, начальника Секретной правительственной экспедиции. Чурин выматерился, но – что же делать. Посочувствовал только своему штур-

манскому ученику Дмитрию Бочарову – тот недавно женился, и начали готовиться к очередному вояжу.

В составе экспедиции, кроме галиота «Св. Екатерина», был еще и гукор «Св. Павел».

Они вместе дошли до берегов Америки, но здесь в тумане разлучились. Экипаж «Св. Екатерины» зимовал на Унимаке, там, где погиб трапезниковский «Св. Николай». Креницын, боясь нападения алеутов, приказал держать круговую оборону. Странный, по мнению Чурина, приказ. Ведь в числе членов экипажа галиота был и Степан Глотов, известный на Алеутских островах не столько даже как искусный мореход – согласимся, что аборигенам до этого не было никакого дела, – а искусный дипломат.

Креницын никого не слушал. Как только появлялся хоть один алеут, караульные открывали огонь.

В тихую и ясную погоду моряки, геодезисты, промышленники на байдарках отправлялись на американский берег. Но и там приходилось быть очень осторожными: промышленник Гавриил Пушкарев уже сумел настроить против русских береговых индейцев. Поэтому, проведя необходимые работы, возвращались на негостеприимный Унимак незванными гостями и снова держали круговую оборону у галиота. Не в этом ли главная причина постоянных столкновений между командирами – Максимом Чуриным и Петром Креницыным и обещание отдать по возвращении под суд несносного командира галиота?

Поэтому не радовался возвращению, когда отыскал их Левашов, штурман «Св. Екатерины». Но глядя на Дмитрия Бочарова, своего товарища по многим несчастьям, ему становилось легче – авось пронесет нелегкая. И вроде пронесло. Креницын, вернувшись на полуостров, утонул в реке Камчатке.

Но в Охотск все-таки доползли слухи, что бумаги Креницына пошли в Сенат. И вот тогда – это было летом 1770 года – Максим Чурин, командир нового галиота «Св. Петр», примкнул в Охотском порту к заговору ссыльного польского конфедерата Августа Морица Беньевского и ссыльных же русских офицеров. Целью заговора был захват в море галиота и бегство на нем в Японию или Китай.

Увы, разразившийся в Охотском море шторм повредил галиот, и пришлось идти в пункт назначения – Чекавинскую гавань в устье реки Большой и доставлять незадачливых компаньонов в место их ссылки – Большерецкий острог.

И быть им здесь вечно, как велено было в указе, если бы не Федос Холодилов.

Камчатка – Кантон

Бот «Св. Михаил», принадлежащий Федосу Холодилову, потерпел крушение у берегов южной Камчатки. Промышленники вытащили судно на берег и, бросив его на произвол судьбы, пошли в Большерецк пешком.

Федос был здесь, и как только получил известие о крушении, приказал своему приказчику Алексею Чулошникову идти обратно и готовить судно в вояж. Но его опередил Беньевский – он уже пообещал промышленникам, что укажет путь к Земле Штеллера, втайне мечтая лишь о том, чтобы завладеть судном и осуществить на нем то, что было задумано еще в Охотске.

Федос проиграл – от всего пережитого его хватил удар. Промышленники, все как один, решились искать Землю Штеллера. После бесед с велеречивым поляком они уже только и жили грезами о сказочных богатствах таинственного южного острова. Штурман Чурин отправился осматривать судно. Его возвращение снова расстроило все планы – за три года ожидания «Св. Михаил» основательно подгнил и не годился для такого серьезного плавания.

Тогда Беньевский возвращается к старому плану – захватить казенный галиот «Св. Петр». Понимая, что тогда у промышленников не будет возможности вернуться на родину, он предлагает им бежать в испанские владения, где всех их будет ожидать сытная, счастливая, беззаботная жизнь и работа на плантациях – нетрудная и денежная. Ему верят и за ним идут. Поднимают в камчатской столице бунт. Свергают и убивают командира Камчатки. Захватывают галиот. Вырубают лед в устье реки Большой до чистой воды и выводят оснащенный галиот в море.

12 мая 1771 года штурман Максим Чурин повел «Св. Петра» вдоль Курильских и Японских островов в Китай. В истории отечественного мореплавания это был первый такой переход.

Помощником Чурина на галиоте был, как и прежде, штурманский ученик Дмитрий Бочаров, который также примкнул к заговорщикам. Кроме него на борту были еще два штурманских ученика, взятых заложниками, Герасим Измайлов и Филипп Зябликов. Последние организовали заговор: во время стоянки галиота в одном из удобных для этого заливов острова Симушир почти все члены экипажа сошли на берег, и можно было незаметно пробраться на судно, обрубить якорные канаты, поднять паруса и увести судно на Камчатку, чтобы потом вернуться оттуда с казаками и солдатами за бунтовщиками.

Вдвоем такую задачу выполнить было не по плечу, поэтому пришлось вовлекать в заговор и матросов с промышленниками. Один из них донес Беньевскому. Измайлов, как руководитель, был брошен на необитаемом острове, а Филипп Зябликов бит кошками. Только через год Измайлову, которому за это время пришлось испытать побольше, чем Робинзону Крузо за это же время, удалось вернуться на Камчатку. Здесь он был тут же заключен под стражу и отправлен в Иркутск, где велось следствие по Большерецкому бунту.

Галиот тем временем добрался до Кантона. Бочаров за время перехода составил подробную карту похода и вместе с канцеляристом Иваном Рюминым и секретарем командира Камчатки Спиридоном Судейкиным – подробное описание этого путешествия. Кстати, с такими подробностями, многие из которых не были знакомы европейцам. Но европейцам и не суждено было в то время прочесть эти записки, хотя из Кантона беглецы направились во Францию.

Дело в том, что в Кантоне Беньевский тайно продал галиот, чтобы окончательно подчинить себе обманутых им людей. Ни о Земле Штеллера, ни об испанских владениях он уже не вел больше никаких разговоров. В его голове вызревал план новых авантюр – предложить королю Франции проект захвата

острова Формоза. Русским в своем плане он отводил роль колонизаторов.

Тяготы путешествия, предательство командира сломили многих из членов экипажа мятежного галиота. Навсегда остались в той чужой земле штурман Максим Чурин, штурманский ученик Филипп Зябликов, жена Дмитрия Бочарова. Остальные отправились с Бенъевским в Европу.

Здесь беглецы разделились на две партии. Семнадцать человек (среди них Дмитрий Бочаров) пешком пошли из порта, куда их доставил корабль, в Париж – это четыреста верст – просить русского посланника о ходатайстве перед императрицей Екатериной о возвращении в родное отечество. Они были прощены и вернулись в Россию.

Остальные отправились с Бенъевским захватывать для короля Франции Мадагаскар (Формоза, посчитал король, слишком далека от метрополии).

Хотя наши беглецы и вернулись в Россию, это вовсе даже не значит, что россияне смогли тут же ознакомиться с содержанием упоминавшихся записок, с картой Дмитрия Бочарова. Участники большерецкого бунта должны были хранить все в глубокой тайне и жить как можно дальше от российских центров. Только через полвека, когда в Кантоне уже побывали русские корабли, узнали соотечественники о первопроходцах. Как это у нас водится.

Дмитрий Бочаров просил матушку-императрицу отправить его в Охотск для продолжения службы. Та усомнилась – и отправила его в Иркутск, где и поселился отставной штурманский ученик в октябре 1773 года. Здесь он встретил 31 марта следующего года выпущенного из-под караула бывшего подследственного Герасима Измайлова.

Свободу за свою верность Отечеству (как и прощение за измену) Бочаров получит одновременно с отставкой по службе.

Земля Российского владения

Иван Саввич Лапин, тот самый, некогда молодой и преуспевающий, еще четверть века будет держать славу одного из самых удачливых купцов-тихоокеанцев. В 1776 году он при-

гласит Герасима Измайлова стать мореходом на его знамени-
том «Св. Павле». И опять же не зря – в 1781 году Измайлов
приведет в Охотск бот с богатым грузом на 172 тысячи руб-
лей. А на Уналашке Измайлову и самому выпадет большая
удача – он встретится здесь с Джеймсом Куком, и тот очень
высоко отзовется о русском мореходе в своем «Путешествии...»

Всходила звезда морехода Измайлова, но гасла звезда его
покровителя – купца Ивана Лапина.

В феврале 1775 года рыльский купец Григорий Шелихов и
якутский купец Павел Лебедев-Ласточкин договариваются с
командиром Камчатки Магнуссом фон Бемом о плавании к
южным Курильским островам – о создании Курилороссии.

Вернувшись с Камчатки в Иркутск, Шелихов женится на
внучке иркутского купца Никифора Трапезникова – богатой
вдове. И в том же 1775 году Григорий Иванович в компании с
камчатскими купцами Лукой Алиным и Петром Сидоровым
отправляет первое судно свое к Алеутским островам. Поведет
промысловый бот «Петр и Павел» мореход Дмитрий Бочаров.
Это стало началом новой эры в истории Русской Америки.

А в 1783 году, когда Шелихов отправился на остров Кадьяк,
чтобы основать здесь первое постоянное русское поселение,
флагман его экспедиции – галиот «Три Святителя» – поведет
мореход Герасим Алексеевич Измайлов. Другой галиот – «Св.
Михаил» – Дмитрий Иванович Бочаров.

На всем побережье, где побывали русские первопроходцы,
они зарывали в землю медные доски с российским гербом и
надписью: «Земля Российского владения».

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1.

Перо корябалю бумагу. Буквы и строки нервно разлетались вкривь и вкось. Камчатский командир генерал-майор Кошелев сообщал в Иркутск губернатору Трескину: *«...ваше превосходительство, чтобы избавиться от всех главнейших негодяев и пьяниц в Иркутске, или по каким-либо другим неизвестным для меня причинам, прислали их сюда членами областного правления, и потом требуете, чтобы я присутствовал и советовался с этой грязною компаниею свиней. Но если бы я и решился на эту меру, то этим стеснял бы только вас, ибо тогда бы ни Пестелю, ни вам не писать таких диких предписаний областному правлению, какие пишутся теперь».*

Это была отнюдь не дерзость молодого генерала – а вызов сильным мира сего, чья власть распространялась на всю Восточную Сибирь и Русскую Америку. Видимо, забыл в минуту ярости генерал, что находится он сейчас не в посольской свите в Яссах, и что давно он уже не адъютант суворовского любимца и измайловского героя графа М. И. Голенищева-Кутузова. Миновало уже десять лет с той поры, как подписан Ясский мирный договор с Турцией, завершивший кровопролитную многовековую борьбу России за выход к берегам Черного моря. И теперь вместо солнечного Причерноморья – промозглая сырость тихоокеанского побережья. Вместо почетной должности адъютанта его превосходительства – почетная ссылка в должности правителя Камчатки, где он с первых же дней столкнулся со

всевозможными злоупотреблениями, пьянством, воровством и развратом со стороны гражданских и военных чиновников, купцов и местного духовенства.

«При рассмотрении бумаг, – сообщал историк А. С. Сгибнев в своем “Историческом очерке главнейших событий в Камчатке”, – оказалось, что причитающийся нижним чинам провиант вытисывался в расход и продавался частным лицам через посредство приказчиков Российско-Американской Компании; все книги были с фальшивыми расписками; казенный порох служил большой доходной статьей чиновникам. На казенных судах ...перевозятся преимущественно грузы Р.-А. компании, а провиант, не имея в Камчатке конкурентов, продает... по самым высоким ценам: напр. пуд масла 60 р., а флягу водки около 3 ведер, от 700 до 1 000 р.».

Далекая окраина, оторванная от российских центров, обворывалась всеми, кто имел здесь хоть какую-то власть. «До царя далеко, до Бога высоко», – насмешничали местные начальники, гражданские и военные. А купцы Российско-Американской компании, приобретя монополию во всем Охотско-Камчатском крае и Русской Америке, вообще были вне всяких законов.

Кошелев объявил им всем открытую и беспощадную войну.

2.

«ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕМУ, ДЕРЖАВНЕЙШЕМУ, ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ, ИМПЕРАТОРУ САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ»

«Историческая записка о Камчатке, о всех переменах в управлении ее и о настоящем ее состоянии со времени нахождения там батальона на ландмилицком положении» (этот документ был найден в Центральном государственном историческом архиве СССР (фонд 1152, опись 1, дело 29). Автор его известен. Но имя этого человека мы назовем позже).

Открытие и прежнее состояние Камчатки

«К полуострову Камчатке издавна лежал уничтоженный ныне острожек Анадырск, где русские поставили первую так сказать ногу. Тут находились прежде так называемые служилые люди, для удержания в подданстве окрестных народов, сбирания с них в казну ясака и для открытия других мест сего полуострова, бывших тогда в неизвестности. По осмотру одного из сих служилых Камчатка сделалась известна, а в 1703-м году козачьим пятидесятником Владимиром Атласовым завоевана и построен Большеерецкий острог, который был главным местом в Камчатке для русских до 1731-го года.

С покорением главных мест Камчатки, начались ежегодные командировки козаков, для приведения в большее подданство жителей ее и для сбора ясака. Наглость и жестокость сих козаков и алчность их к прибыткам вскоре истребили ту приязнь Камчадал, с какою приняли они первого из русских посетителей Камчатки козака Старицына.

Камчадалы до сего не видевшие над собою никакой посторонней власти, постепенно лишаемы были русскими природной их свободы и, наконец, доведены были до того, что сделавшись совершенными неприятелями русских, с умножением и усилением коих в Камчатке, усиливался и дух мщения у Камчадал так, что в 1706-м году Большеерецкий острог разорен был ими до основания, дома выжжены и козаки все побиты. Со времени сих мятежей, до открытия из Охотска в Камчатку морского пути, то есть до 1715-го года, из числа проезжавших в Камчатку сухим путем из Анадырска, убито русских более 200 человек. Несмотря однако ж на то, ежегодно посылались в Камчатку козаки для покорения Камчадал и определяемы были переменные начальники, а в 1725-м или 1726-м прибыла туда и морская Экспедиция, под командою Капитана Беринга, для описания островов и берегов Камчатки.

В 1731-м году Камчатка причислена к Охотской области, состоявшей под начальством генерал-майора Скорнякова-Писарева, от коего зависели и частные начальники из козаков и детей Боярских, находившиеся в Большеерецком, Верхнекамчатском и Нижнекамчатском острожках.

Для сбирания ясака посылались тогда уже особые Комиссары из козаков же и детей Боярских, кои состояли в ведении учрежденной в Большерецке канцелярии, которая заведывала и военными тамошними командами, состоящими из козаков.

Как чрезвычайные притеснения от козаков и сборщиков ясака всегда раздражали Камчадал: то всякое прибавление в тот край русских служило новою победительною для Камчадал причиною к новым возмущениям.

В 1731-м году июля 20-го числа Камчадалы произвели чрезвычайный бунт. Они в большом числе пришли к построенному в 90 верстах от устья реки Камчатки острогу, зажгли его, напали на русских врасплох, и всех, сколько тут было, перебили, кроме одного козака Вклеткова, который успел скрыться и дать знать находившейся тогда вблизи при берегах Камчатки морской Экспедиции, от коей послана была команда матросов, которые и усмирили Камчадал.

По случаю сего бунта послан был в Камчатку для розыску Подполковник Мерлин с капральством солдат и из Анадырска Майор Павлуцкий с неизвестным числом воинской команды...

Но сим не окончились командировки русских. В 1731-м году, при определении Г. Генерал-Майора Скорнякова-Писарева, Охотским и Камчатским Начальником, велено ему взять из Якутских для Тамошнего края до 300 человек служилых. Ему в инструкции от Сибирского Приказа предписано было, в Камчатке и Охотске завести хлебопашество. На сей конец послано и поселено было в Камчатке несколько семей крестьян русских.

Между тем, как прибавлялось в Камчатке русских, число природных тамошних жителей уменьшалось. Русские вместе с жестокостью, развращенностью и беспорядками, опустошавшими Камчатку, занесли туда болезни, жителям Камчатки неизвестные. Все предвещало Камчадалам совершенное истребление их. Наконец оспа, завезенная туда русскими ж – которую до того времени Камчадалы не знали – и свирепствовавшая в 1760-м году, истребила большую часть Камчадал. Хотя после такого опустошения сего несчастного полуострова, должно б было принять другие меры к восстановлению жителей,

но бедствия их не доходили видно до сведения Правительства и Управление было еще хуже. Отдаленность Охотского порта, от Начальников коих зависело Управление и Камчаткою, – неудобства сего Управления – чрезвычайные злоупотребления или лучше сказать Грабительства частных начальников по острожкам довершали совершенное разорение Камчатки».

3.

Генерал-майор Кошелев не был первым, кто уже объявлял подобную войну.

Как не был он и первым из числа тех, кто эту войну уже проигрывал.

11 сентября 1784 года здесь же, в Нижнекамчатске, вступил в должность капитан-исправника Нижнекамчатского округа Иоганн-Готфрид Штейнгель.

Немец, сын министра Аншпах-Байрейтского маркграфства в Баварии, полагал, как и его двоюродный брат – Фаддей Федорович – сделать блестящую карьеру в России. Фаддей Федорович впоследствии стал генерал-губернатором Финляндии, генералом от инфантерии, графом, кавалером ордена святого Александра Невского и породнился со знаменитым в России родом Энгельгардтов.

Иоганну выпала совсем другая судьба. В 1771 году он предстал пред светлые очи кагульского героя Петра Александровича Румянцева с рекомендательным письмом австрийского фельд-маршала Франца-Морица Ласси, пойдя наперекор воле отца, который мечтал о другой, нежели военная, карьере сына.

И в России Иоганн-Готфрид поступил подобным же образом – наперекор пожеланию Румянцева стал служить в Астраханском карабинерном полку под командованием графа Салтыкова, с которым у Петра Александровича сложились неприязненные отношения. И хотя молодой подпоручик Штейнгель служил с отличием и храбростью в полку, где собрались в основном иностранные офицеры, и был рекомендован в реляции императрице к награде, никакой награды за десять лет службы он не получил и не продвинулся по табелю о рангах ни на одну ступеньку.

В поисках справедливости подпоручик отправляется в Санкт-Петербург.

«Как иностранец, он не знал, что без случая и без денег, в то время, как, может быть, и во всякое другое, мудрено было дожидаться заслуженной одною честью справедливости», – оценит впоследствии этот поступок его сын.

Справедливости в столице Штейнгель не нашел, но познакомился с интересным человеком – поэтом (и министром) Александром Петровичем Сумароковым, который ввел его в дом генерал-поручика Е. П. Кашкина, отправлявшегося в Пермь открывать новую российскую губернию. Подпоручик пригласился генералу и в скором времени – уже поручик! – Штейнгель отправляется в места весьма отдаленные от Баварии.

«Сие самое удаление, вопреки отцовской воле, навлекло на него не только гнев, но и само проклятие отца; старик не хотел более о нем слышать, неже признавать за своего сына. При смерти только своей он снял эту клятву с головы его; но опыт доказал, что это уже было поздно. Отец мой испил всю чашу зол за непослушание родителю своему и суетное последование гласу честолюбия».

12 декабря 1781 года при открытии Пермского наместничества Иоганн-Готфрид Штейнгель был церемониймейстером. Поселился он в доме купца Разумова и по уши влюбился в дочь хозяина – Варвару Марковну, вскоре ставшую его женой.

И в этом своем поступке барон фон Штейнгель также отступал от традиций своего рода, получившего дворянский титул еще в десятом веке при императоре Оттоне I Великом.

Все было и здесь не просто – дуэль с соперником, похищение «своей любезной», венчание в православной церкви (хотя он был лютеранином)...

С образованием семьи рушилась военная карьера – Штейнгель вышел в отставку и получает должность капитан-исправника в городе Обва Пермского наместничества. Здесь 13 апреля 1783 года у Штейнгелей родился первенец – Владимир.

Губернатор Пермского наместничества И. В. Ламб хорошо относился к Штейнгелю-старшему, и когда Ламбу была предложена должность губернатора во вновь открываемом Иркутском

наместничестве, он предложил Иоганну-Готфриду чин коллежского асессора и должность в Иркутске.

«Сей чин, а паче расположение губернатора, известного со стороны благородного образа мыслей и правил, льстили, конечно, его честолюбию и обещали ему много; но увы! отец мой не мыслил о нравоучении, которое находим мы в священном писании: “Не надейся на князи и на сыны человеческие, в них бо несть спасение”».

Но у Штейнгеля-старшего, надо признать, и не было другого выхода. Отец проклял его и тем самым навсегда отрезал спасительный путь на Запад – в Баварию. Брачный союз с купчихой исключал возможность «блистательных знакомств и связей в российских столицах». И если говорить о реальных возможностях удовлетворения честолюбия барона, то для этого, действительно, нужна была какая-нибудь глухомань.

И потому он и совершает очередную, но на этот раз уже трагическую, ошибку.

В составе Иркутского наместничества открывалась также Охотская область и Нижнекамчатский округ. Ламб, желая иметь объективные сведения об этих отдаленных местах, и честно исполнителя там своей воли, предложил Штейнгелю должность капитан-исправника Нижнекамчатского округа. И тот дает согласие. Не смотря даже на то, что на его руках грудной ребенок.

«По охотской дороге, по коей надобно было проехать 1 014 верст, меня везла матушка около себя в берестяном коробе, обыкновенно там тунтаем именуемом, который в таком случае привязывается сбоку к седлу, и на нем делается сверху лучка для прикрытия покрывалом от овода и мошек, коих там бездна. В сем-то экипаже отец ваш, милые мои дети, по первому году от рождения путешествовал по одной из самых трудных дорог, какие только есть в свете».

В мае 1784 года началось это путешествие. 1 августа Штейнгели прибыли в Охотск, а 11 сентября – в Большерецкий острог, на Камчатку, в бывшую столицу полуострова, где – последние уже дни – справлял еще должность командира Камчатки надворный советник Франц Францевич Рейнеке.

4.

Вступив в должность капитан-исправника, Штейнгель лицом к лицу столкнулся с теми, кто должен был претворять на Камчатке в жизнь указы ея императорского величества и наставления губернатора Ламба на основе законов Российской империи.

Кто же окружал его в чиновничьем мире новоиспеченного города Нижнекамчатска – отставные камер-лакеи, почтальоны, курьеры... – отбросы имперского аппарата власти Иркутского наместничества. Так что глухомань преподносила свои неожиданности.

«Из сего изображения людей, коих отец мой имел несчастье сделаться сослуживцем, можете сами легко себе представить, какую роль досталось ему играть. Он не имел ничего с ними общего: по природе благородный германец, по воспитанию вежливый, просвещенный муж, по религии лютеранин, по языку немец, по душе честный человек, по сердцу пылкий, не в меру чувствительный и храбрый воин, мог ли он нравиться толпе безнравственных невежд, приехавших в Камчатку с единственною целью обогатиться и пожить за счет безгласных и угнетенных ее жителей. Вскоре увидели, что по правоте своей он встал на сторону беззащитных камчадал и отказался от их общества и правил. Ссора с первым Орленковым не замедлила возникнуть. Он, как городничий, сделался начальником всех отдельных казачьих команд, рассеянных по разным местечкам, и под сим предлогом выдавал себя за настоящего начальника Камчатки и вселял в камчадал, чтоб его одного слушали, и почитали, и боялись. Началась переписка. Отец мой, как иностранец, не знавший русского языка, должен был положиться на тамошних же писарей полуграмотных, кои были, вероятно, по духу его противников; а когда сам писал, то не обинуясь называл их ворами, грабителями и подлецами. Вот уже и преступление как против закона, так и против правил общежития».

Запомним эти слова Штейнгеля-младшего.

5.

В 1787 году на Камчатку для осмотра своих владений прибыл начальник Охотско-Камчатского края полковник Гр. А. Козлов-Угренин.

Конфликт Штейнгеля с нижекамчатскими чиновниками был в самом разгаре. Но Козлов-Угренин ехал сюда не для того, чтобы вершить справедливость.

Вот как характеризует его автор документа в исторической записке на имя царя Александра I:

«Козлов-Угренин по определении его туда предпринял – по мнимому долгу начальника – объехать всю Камчатку. Для сего предварительно заставлены были камчадалы расчищать дороги и вырубать лес. Вместо того, что там всегда употребляются для проездов обыкновенные нарты, в которых нельзя более поместиться, как одному пассажиру и другому ямщику – Козлов-Угренин имел превеликий возок, в который камчадалы должны были запрягать от 50-ти до 60-ти, да под прочих великую Свиту его составлявших от 200 до 250-ти собак. Для сего числа собак камчадалы не могли иметь достаточного корму – и потому все почти они подошли. Летом ехал Козлов-Угренин в верх по реке Камчатке в нарочно построенном судне, которое камчадалы тащили от зори до зори по пушечному выстрелу с того судна».

Представьте себе коротышку «с большими выкатившимися глазами, на коих коварство и злоба положили печать свою, с язвительною улыбкою на лице, скороговорящего, вспыльчивого, часто пьяного, дерзкого до безумия, следовательно, и высокомерного до нестерпимости» – это и есть Козлов-Угренин.

22 января 1787 года возок полковника, в котором была устроена железная печка для обогрева начальника и его любовницы – жены унтер-офицера Секерина, двинулся из Гижиги на Камчатку. Его сопровождал конвой из пятидесяти казаков и десяти человек прислуги – это и была свита, которую везли 250 собак. Впереди этого каравана ехали городничий и исправник Гижигинского округа и выгоняли жителей окрестных мест на вырубку ольховника и кедрача, мешавшему проезду угренинс-

кого каравана. В каждом селении, где останавливался начальник, ему подносили чашины – подарки – по шкурке соболя или лисицы с каждого инородца. Свита в это время вела оживленную торговлю – не смея перечить большим начальникам, коряки и камчадалы отдавали драгоценные меха за пушье безделицы.

На Камчатке Козлова-Угренина сопровождали уже Орленков и комендант Тигильской крепости В. И. Шмалев. Исправник Штейнгель сразу после приезда Козлова-Угренина в Нижнекамчатск был отрешен от должности как человек «вредный и беспорядочный». Одновременно было начато следствие по фактам злоупотребления капитан-исправника своей должностью, благо жалоб, написанных на него по наущению тех же нижнекамчатских чиновников, скопилось уже немало. Даже Александр Степанович Сгибнев, который завершая свой «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке» такими словами: «Кончая свой обзор событий в Камчатке, мы не делаем никаких выводов и заключений из приведенных нами фактов, потому что задача наша заключалась только в подготовке материалов для будущего историка», – тем не менее, опираясь на архивные разборы этих самых злоупотреблений, делает решительный вывод: «По инструкции, данной Штенгелю, ему предоставлены были отдельные права над округом, с тем только, чтоб он содействовал городничьему в делах управления. Обстоятельство это было причиною, что и Штенгель считал себя независимым командиром. Служащие, нередко получая от них противоречащие приказания, не знали кому и повиноваться, а с туземцев собирали чащин земскими чиновниками для двух начальников».

Пока продолжалось следствие Штейнгели переселились в камчадалский острожек Машуру, расположенный в трехстах с лишним верстах от ненавистного Нижнекамчатска, купив дом у туземного старшины – тойона Мерлина.

Угренин же в это время продолжал свое путешествие по реке Камчатке. Орленков собрал камчадалов со всех окрестных острожков, чтобы они, как бурлаки на Волге, тянули в верховья против течения это «нарочно построенное судно» – большой плот, который был установлен на нескольких батах – тополе-

вых долбленных лодках. На плоту было две рубки. Одна с двумя каютами – для Угренина с Секериной, а другая для кухни. Впереди стояла пушка, а над рубкой был поднят флаг. Еще два таких же плота были построены для секретаря Козлова-Угренина, Воронова и прислуги. За плотами двигался речной караван из пятидесяти батов с конвоем, продовольствием и различным походным инвентарем...

«Во всех селениях, – читаем мы у А. С. Сгибнева, – встречали Угренина по распоряжению исправника (теперь уже Василия Ивановича Шмалева. – С. В.) с хлебом-солью и соболями».

6.

Иоганну-Готфриду Штейнгелю нечего было рассчитывать на какие-то изменения к лучшему в своей административной судьбе – Угренин перехлестнул всех камчатских чиновников в единоличном и жестоком разбое.

Вновь надежды на какие-то перемены возникли у Штейнгеля в связи с приходом в Петропавловскую гавань судов Лаперуза 25 августа 1787 года. Но и здесь Штейнгеля, как переводчика, обошли – заменили ссыльным Ивашкиным, владевшим французским, и не допустили опального бывшего исправника до иностранных гостей. Лаперуз оставил на Камчатке своего спутника, сына французского посланника в России, Лессепса, чтобы тот добрался по суше до Парижа и сообщил там о судьбе экспедиции королю Франции.

«Сын французского посланника и сын баварского министра встретились в Машуре. Лессепс... обласкал его и уверил в истинном своем участии, и после бросил несколько ласкательных слов об отце моем в своем сочинении. Но когда отец мой, положась на его ласковость, писал к нему после и, вероятно, жаловался на Козлова, то он отвечал ему прямо... <:> “Господин барон, осмеливаюсь воспользоваться как ручательством вашей ко мне дружбой, что вы не откажетесь не упоминать в нашей будущей переписке имя господина Козлова и все подробности ваших на него жалоб. Это только способствует озлоблению, я же принимаю меры к вашему спокойствию”».

Результатом же этих «мер» стала высылка Штейнгелей из Машуры в Тигиль.

И могло ли быть по-другому, если Лессепс и Козлов-Угренин стали закадычными друзьями (и полковнику позже по ходатайству Наполеона за заботу об экспедиции Лаперуза и, в частности, за помощь, оказанную лично Лессепсу, жалован был пожизненный пенсион), и они устраивали совместные оргии во всех селениях Камчатки. Угренин даже умудрился потерять где-то в одном из глухих селений свою любовницу с двумя ее детьми.

Понимая, что Владимир Иванович Штейнгель может быть субъективен в своих автобиографических «Записках...» в отношении камчатского командира и его французского приятеля, обратимся к объективному Сгибневу:

«По прибытии Угренина в Большерецк, он прожил там более трех месяцев в ожидании зимнего пути, проводя время с молодым Лессепсом и Шмалевым в кутеже и разврате. Почти ежедневно, в квартиру его, сзывались жены и дочери жителей Большерецка на вечерки, и горе той женщине, которая вздумала бы противиться желаниям кого либо из кутящей компании. В особенности же своим нахальством и дерзостью, в отношении женщин, отличался Лессепс. Все нравственные люди избегали даже встречи с этой разгульною компаниею».

Пока Козлов пьянствовал, его подчиненные сгоняли в Большерецк камчадалов с собаками, готовясь отправиться в обратный путь в Охотск. Пятьдесят собак планировалось для возка Угренина, 40 – для Лессепса. 300 собак должны были тянуть нарты с награбленным добром...

Это совместное с Лессепсом путешествие Козлова-Угренина вошло в историю Камчатки как «собачья оспа» – половина собак погибла по дороге до Пусторецка, не выдержав тяжести пути и груза. Пришлось бросить часть нарт. В Пусторецке (само название острожка говорит о пустой – не лососевой, не рыбной – реке) остальные собаки погибли от бескормицы. Шмалев привел новую партию собак – на них Угренин отправил в Охотск Лессепса, а сам стал ждать собак и конвой из Гижиги, опасаясь с малыми силами и дорогим грузом идти через корякские зем-

ли. Оставшиеся без собак, камчадалы возвращались домой пешком – а это за сотни верст...

Последствия поездки Угренина на Камчатку «...не замедлили там обнаружиться. Весною 1788 г. камчадалы до того нуждались в продовольствии, что ели байдары (обтянутые шкурами морских зверей лодки. – С. В.), падали и древесную кору. Камчадалы, чтобы положить конец своим бедствиям, решились послать в Иркутск депутацию, из двух почетных старшин, которым поручили рассказать иркутскому начальству о собачьей оспе и других притеснениях имевших губительные для них последствия. Депутация прибыла в Иркутск в феврале 1790 г., где передала все сказанное выше и, кроме того, просила о трех предметах: 1) сложить с камчадалов недоимку в ясаке, накопившуюся после 1775 г. и происшедшую от проезда чиновников и других независимых от них причин; 2) избавить край от множества чиновников, их разоряющих и отвлекающих от занятий, своими беспрестанными разъездами и 3) собирать с них ясак по наличному числу камчадалов, т.е. с 1325 душ (мужского населения – охотников. – С. В.), а не по той неизвестной для них переписи, по которой он собирается. Камчадалам было обещано покровительство и исполнение их просьбы, и они отправились обратно в Камчатку. Недоимка с высочайшего разрешения была им прощена на другой же год; но остальные две просьбы оставлены без всяких последствий».

7.

Штейнгель не поехал в Тигиль, полагая, что легче всего будет выехать с Камчатки через Петропавловскую Гавань (так в те годы называли будущий Петропавловск-Камчатский).

И это была еще одна его ошибка. Он как будто специально выбирал в жизни самый худший вариант – и все оборачивалось в итоге против него же самого и его семьи. Хронический неудачник – и эту свою неизлечимую болезнь вместе с генами передал он своему сыну.

«Жизнь и злоключения барона Штейнгеля продолжались, собственно говоря, 129 лет, – писала известная журналистка

и большевичка, комиссар Главного морского штаба, жена автора знаменитого “Письма Сталину” Федора Раскольниково Лариса Рейснер. – Неправильно отделять их друг от друга, 53 года отца и 76 сына. Они сливаются вместе и лежат перед нами, пересекая историю целого века печальной чертой, похожей на великий сибирский тракт. Жизнь поразительная и печальная, какой не было никогда до этих пор. Отрывки ее записаны в некоторых сочинениях самого Штейнгеля – “О кнуте”, – например, или об устройстве мещанского сословия в России. Но большая часть рассеялась по судебным книгам захолустных судов, утонула в неразобранных делах правительствующего сената, обратилась в прах вместе со всею бумажной рухлядью того времени. Давно гинули имена крючкотворов, чрез руки коих проходили безнадежные тяжбы Штейнгеля, несправедливые против него приговоры и никого не достигавшие жалобы».

Все, что происходило, начиная с Машуры, было уже на памяти начинающего себя осознавать Владимира Ивановича.

Петропавловская Гавань в лице частного командира Хабарова принесла новые унижения и тяготы судьбы.

Штейнгелей травили, как собак, доводя Иоганна-Готфрида до бешенства и безрассудных поступков, вменяя затем эти поступки и бешенство ему же в вину.

Изводить немцев доставляло удовольствие – чем же еще могли развлечься в этой глуши отупевшие от пьянства и безделья служилые.

Один из актов петропавловского спектакля чуть было не закончился трагически – Штейнгель намеревался заколоть шпагой Хабарова, за что был до полусмерти избит казаками.

Жили они в нечеловеческих условиях, лишённые жалованья и других средств к существованию. Среди зимы Хабаров выгнал их и из казенного дома, где они жили.

«Я помню, как это случилось. Ночью, когда все спали, услышали крик: “пожар” и “спасайтесь”. Кто что мог накинуть, бежали вон и бросали из окошка вещи; между тем ворвавшиеся в дом люди сломали все печи, так что оставаться в сем доме было невозможно. Итак, перебрались в самую тесную

избушку к одному камчадалу на так называемую кошку, т. е. на самый берег залива».

В семье Штейнгелей в то время было уже двое детей – 5 июня 1788 года родился брат Владимира – Петр. *«Матушка внушала ему, что он русский и что немцем быть не желает, и даже он говаривал отцу: “ты – немец, собака!”»*

8.

В течение всего 1789 года выехать из Петропавловской Гавани в Охотск так и не удалось. Поэтому все свои новые надежды Штейнгели возлагали на прибывший в Авачинскую бухту фрегат «Слава России» Биллингса и на самого руководителя правительственной экспедиции. *«С прибытием их возродилась некоторая надежда быть, по крайней мере, под защитой людей благородных».*

Увы, и на этот раз благородство было мишурой.

«Он как наемник не столько думал о выполнении воли монаршей и о пользах отечества, сколько о своеугодливости. ...С прибытием экспедиции в Камчатку началось явное бабничанье: вечеринки, попойки, зверские представления и пр. Денег они убили пропасть, а пользы на грош не наделали. Перед отбытием их из Охотска получено было повеление об остановке экспедиции, но Кох (охотский командир. – С. В.) взялся услужить в этом случае (и сообщил Биллингсу о секретном предписании, а тот тотчас ушел в море, как будто бы ничего не ведая о приказе. – С. В.). ...Если бы экспедиция была обращена, то, во-первых, труден был бы отчет в передержанных суммах и не получили бы по два чина... Известно, как щедро наградила императрица английского мичмана Биллингса. Он кончил жизнь русским барином в Крыму и бригадиром. А все его достоинство состояло в том, что он был в вояже с Куком, но Кук возил с собой и свиней...»

Мне этот Биллингс особенно как-то гнусен. Я и маленький смотрел на него с отвращением».

Может быть, потому, что «благородный» Биллингс предложил Варваре Марковне сделку: он заступается и выгораживает

ее мужа перед императрицей, а Варвара Марковна дарит ему за это свою любовь.

«С омерзением и горькими слезами, о! я помню эту минуту, мать моя отвергла сие гнусное предложение».

Надеяться теперь стало совсем не на кого – и Штейнгели поехали в Тигиль, чтобы уже отсюда, с оказией, возвратиться – по суше ли, по морю – в Охотск.

«Тут в ожидании лета отдали меня учиться читать часослов и псалтырь к безграмотному дьячку, который казался мне тогда великим мудрецом».

Этот дьячок был один из братьев Логиновых – вероятнее всего, Алексей Петрович, так как другой – священник отец Иван – в ту зиму, прячась от своей паствы, отращивал бороду, половину которой ему сбрили, специально упоив попа на вечеринке, вступивший в должность капитан-исправника Василий Шмалев с сержантом Червениковым. Когда же брат – Алексей – попытался заступиться, то получил от Шмалева пощечину и «угрозу испытать плетей».

Василий Иванович, надо сказать, был фигурой достаточно колоритной. И хотя мнение Штейнгеля о нем может быть истолковано как субъективное (порой оно так и толкуется), тем не менее, факты – вещь упрямая и говорят сами за себя. Случай со священником Логиновым описан Александром Кирилловым в семнадцатом номере «Иркутских епархиальных ведомостей» за 1880 год. А. С. Сгибнев приводит другой случай, когда после ссоры с протоиереем Никифором Никифоровым Шмалев «выдернул ему клоч бороды».

В контексте этих случаев так ли удивителен будет еще один, описанный уже Штейнгелем неизвестно с чьих слов, в бытность Василия Ивановича комендантом Тигильской крепости *«...о невежестве коего можете судить из того, что он решился в Тигильской крепости сжечь одну камчадалку-старуху в срубе живую за колдовство, в коем ее подозревали. В мою бытность в Камчатке я еще находил людей, кои помнили сию историю и рассказывали за чудо, что при сем случае вытолзали из пламени разные гады и страшилища (вероятно, сам Шмалев с сообщниками сделал столь сумасбродное разглашение легковверным*

и напуганным чародейством жителей – Примечания В. Штейнгеля) и что в тот год, по предсказанию волшебницы, был от безрыбщины великий голод. Сей достойный варварских времен поступок, совершенный в царствование премудрой и человеколюбивой императрицы, сошел Шмалеву с рук даром».

Это характеристика камчатских нравов. Нам еще предстоит в этом убедиться дополнительно. Так что вряд ли Штейнгель преувеличивает из чувства мести к своим обидчикам. Независимо от его мнения и Шмалев, и Орленков, и Козлов-Угренин, и Хабаров впоследствии будут отданы под суд за свои злоупотребления властью на Камчатке. А что касается братьев Шмалевых – Тимофея и Василия, то брат брату – рознь.

И в этом мы можем убедиться еще на одном примере все из той же нескончаемой серии злоключений несчастной семьи Штейнгелей.

«Наконец настало лето. Из Тигиля отправлялось судно, принадлежавшее известному покорителю Кадьяка, купцу Шелихову. Должно было решиться на нем ехать в Охотск, ибо другого не было. Судно сие было под зависимостью родного брата Шелихова, Василия. Каков он был, можете судить из того, что за несколько лет пред тем старший брат вешал его на нок (конец) реи и сек публично линьками за участие в намерении отравить его ядом. Это было в Охотске в правление Коха».

Но букет неприятностей и злоключений семьи Штейнгелей был бы не полон, если бы на галиоте не оказалось кого-нибудь из их прежних врагов. Да, здесь был Орленков. Что-то не поделили они с Угрениным, и тот сместил городничего с его поста и велел судить в Охотске, куда теперь тот и отправлялся.

Орленков быстро сошелся с Шелиховым, найдя с ним общий язык, и занял единственную каюту. Бывший исправник с женой и двумя малолетними детьми разместились «под палубой на балласте».

«Я помню, что во время самого плавания часто доходило до ужасного с обеих сторон ожесточения и брани. Наши и матушкины слезы едва могли удерживать батюшку. Впрочем, злодеи, смеясь над его бессилием, нарочно его дразнили».

Дело дошло до того, что Штейнгели не выдержали этих издевательств – высадились в сорока верстах от Охотска и закончили свое путешествие пешком.

В Охотске снова начальствовал Кох (по одной из бытующих легенд – именно он отравил в 1789 году Тимофея Ивановича Шмалева, присланного на место Коха комендантом Охотского порта) – против Козлова-Угренина было начато следствие, и он был переведен поближе к Иркутску – в Якутскую область. Так что здесь врагов вроде бы не успели еще нажить и можно было спокойно продолжать дальнейший путь. Без приключений добрались до Якутска.

Беда нагрянула, когда ее совсем не ждали – от оспы, хотя только накануне ему сделали прививку, умер Петр. Он был похоронен на Синей станции у часовенки.

И новые беды несчастной этой семьи только еще, оказывается, начинались...

9.

В Иркутске Иоганн-Готфрид Штейнгель должен был предстать перед судом. Он этого не боялся, так как считал себя правым. Семья жила в доме богатого купца Сибирякова (осужденного впоследствии сибирским генерал-губернатором Пестелем). Иоганн-Готфрид близко сошелся с советником Е. Е. Дитмаром, профессором Э. Г. Лаксманом, близко знавших ссыльного А. Н. Радищева. Владимир поступил в губернскую школу. Казалось, наступила новая жизнь...

Но все изменилось со смертью губернатора М. М. Арсеньева и назначением нового – генерал-майора Л. Т. Нагеля, прибывшего из Кяхты, где он, вместе с надворным советником П. Д. Ванифатьевым, директором таможни – будущим тестем Владимира Штейнгеля, заключал с китайцами договор о торговле.

Вновь подвела безрассудность – Иоганн-Готфрид, *«наскучив медленностью, с какой приступали к его делу, решил... послать просьбу в Сенат»*, чем, естественно, вызвал гнев местных властителей. Надеясь все же получить поддержку в столице и не имея официального разрешения на эту поездку, Штейн-

гель-старший *«предпринял гибельное намерение уехать из Иркутска самовольно, для чего и решился составить фальшивую подорожную»*. Зимой 1793 года он был арестован в Нижнеудинске и возвращен под караулом в Иркутск.

«...без всякого снисхождения и уважения к благородному рождению его и к чину начали содержать его на главной гауптвахте, где позволяли делать с ним всякого рода наглости, а когда он выходил из терпения и приходил в отчаянное бешенство, тогда, называя его сумасшедшим, обременяли цепями и допускали солдат бить его, кому как и сколько вздумалось».

Завершение этой истории не менее печальное: *«По десяти обвинительным пунктам отец мой законами приговорен по лишению всех чинов и дворянства к смертной казни... Рука моя трепещет, начертывая сей бесчеловечный приговор низких и гнусных исполнителей воли самовластных владык тамошнего отдаленного края, готовых для угождения начальства на всякую мерзость, на всякое неистовство... О! я весьма хорошо знал их и потому не могу не ожесточиться, что невинность в лице моего отца облечена была сими порочными тварями во вретисще порока, которое самим им более было приличным»*.

Не помогли в беде ни бывший Пермский и Иркутский губернатор, а теперь вице-президент военной коллегии Ламб, ни дворяродные братья – Фаддей Федорович Штейнгель, в то время уже генерал-майор, Андрей Львович Николаи, библиотекарь императорской библиотеки, впоследствии (с 1798 года) президент Российской Академии наук, ни Иван Федорович Штейнгель – капитан-командор.

Лишь диагноз местных врачей о невменяемости обвиненного – хоть и не соответствующий истине – спас Иоганна-Готфрида, бывшего барона фон Штейнгеля, от смертной казни. А пересмотр уголовных дел сразу после убийства Павла I возвратил и чины и дворянство. Но это случилось уже в 1802 году, когда мичман Владимир Штейнгель после окончания Морского кадетского корпуса проезжал через Иркутск к месту своей службы – в Охотский порт.

...Минула целая жизнь. А впрочем, минула ли? Ведь из тех 129, что выпало на их долю, испита разве что половина. Так что

оставалось еще столько же бед и несчастий, но уже на долю только одного из них – Владимира – в 1804 году Иоганна-Готфрида не стало.

10.

Владимир Иванович Штейнгель, мичман бота «Св. Иоанн Богослов», и Павел Иванович Кошелев, генерал-майор, шеф Камчатского гарнизонного полка, прибыли в Охотск почти одновременно – летом 1802 года.

Минувшие годы внесли много нового в многострадальную историю края.

Только чиновничий аппарат при доходе всей Камчатки в 18–20 тысяч рублей «съедал» ежегодно 42 722 рубля, как подсчитали скрупулезные исследователи.

И мы вновь обратимся к пока еще анонимному для нас документу – «Исторической записке» на имя Александра I.

«Заведение присутственных мест и, наконец, Областного правления

С открытием губерний получила и Камчатка такой же точно образ управления, как внутренние российские Провинции. Хотя все и везде было пусто, по истреблению большей части камчадал; но остроги Ижигинск, Акланск и Нижнекамчатск превращены в уездные города. В них учреждены были все Присутственные места, какие должны токмо быть по учреждению о Губерниях; главное ж управление Камчаткою зависело от Иркутского Губернского Начальства. Сей образ управления существовал до 1804-го года, в котором по Высочайшему повелению Камчатка переименована в область, уездные города Ижигинск и Акланск уничтожены и открыто в Нижнекамчатске Областное Правление, составленное из Областного Судьи, двух Заседателей, Секретаря, Стряпчего и Земского Исправника, под председательством Камчатского Комменданта, которому для придания большей важности, позволено именоваться Правителем Камчатской Области и Камчатским Коммендантом.

Все присутственные места в Камчатке с самого учреждения их оставались бы без действия, есть ли бы не взаимные вражды, ссоры и ябеды самих судей и прочих чиновников, отборных распутнейших людей – и нарочно туда засланных, составляли предмет занятия. Можно сделать весьма верное сравнение между козаками, завоевавшими Камчатку и между Судьями и Приказными чиновниками или подьячими: первые истребив большую часть жителей огнем и мечом, оставили в память и в наследство последней части свои болезни и пороки; а другие распространили болезни, утончили и усовершили пороки своею собственною развращенностью и довершили бедствия камчадал. Со времени учреждения в Камчатке Судебных мест и нашествия сего рода новых людей дух вражды и ябеды распространился по всему полуострову несравненно скорее, нежели страх от меча первых завоевателей. Чтоб доставить себе дело или, лучше сказать, пищу, надобно было им прежде учить Камчадал, непривыкших к общественной жизни, тем беспорядкам и изобретать всякие случаи, кои по законам подвергают виновных суждению. До учреждения мест сих камчадалы нигде и никем более не разбирались в своих делах, как своими тоенами или старшинами, но с учреждением мест оных ничего не значащий случай местные чиновники старались обращать в дело, поощряли камчадал к жалобам и доносам – заводили следствия – и таким образом водя бессмысленных жителей сих по своему желанию, разоряли их до основания. Но когда и сей способ промышленности чиновников стал слабо удовлетворять алчность их, потому что камчадалы год от году делались беднее и число их беспрерывно уменьшалось от притеснений и болезней: то чиновники сии должны были искать дела в самих себе, или в своей развращенности. Они друг на друга делали доносы, производили бесконечные следствия – и наконец будучи отрешаемы и предаваемы Суду, скитались без всякого дела, умножали беспорядки, сообщали пороки свои камчадалам и разливали разврат.

Таким образом Камчатка находясь под скипетром России более ста лет, получила во всем чрезвычайную перемену. Начальное покорение ее – продолжавшиеся внутренние возмущения камчадал, происходившие притеснения от завоевателей, то

есть козаков – занесенные сими последними болезни жителям тамошним до того времени неизвестные – а напаче оспа и венерическая болезнь – истребили большую часть Камчадал. К тому частые перемены начальников – учреждение Судебных мест – распутство, притеснения и грабительства насланных туда чиновников – развратили и разорили последних Камчадал.

Сформирование полка для Камчатки и расположение оного там

После всех сих, одно за другим следовавших бедствий для Камчатки – Высочайшим приказом 798-го года Октября 3-го дня велено сформировать из батальона Полковника Сомова полк и расположить на непременных квартирах: – шефскую роту оного в Нижнекамчатске, по одной роте при Штаб – офицерах: в Петропавловской Гавани, в Охотске и в Удском Остроге. По назначению Государственной Военной Коллегией каждая рота должна состоять из 60-ти человек рядовых и половинного числа Унтер-офицеров; недостающее ж число в комплект пополнить из Сибирских регулярных воинских чинов, коих считалось 342 человека.

Сформирование сего полка и поход его в Камчатку сопряжены были величайшими несчастиями и убытками.

В Иркутской округе для сего полка закуплено было одной муки 61,500 пудов, да крупы до 5 000 пудов, которые с доставкою до Якутска стоили казне: мука 20,295 рублей, крупа до 3 000 рублей; отправление оной из Якутска в Охотск требовало еще больших издержек казны; ибо под отправляемую в Охотск муку потребно было 3 232 пары кожаных сыромятных сум, полагая каждую пару по 2 рубля 75 копеек каждая на 1 708 рублей 50 копеек; на перевозку за каждую лошадь, на кою вьючат якуты не более 5 1/2 пуд, заплачено в Охотске по 14 рублей, 39,938 рублей, в Удском остроге под муку сыромятных кож 576 пар на 1 582 рубля, под крупу товарных сум 60 пар на 306 рублей, на перевозку за каждую лошадь по 17-ти рублей, 10 812 рублей. Следовательно провиант сей, с отправлением части оного в Охотск и Удское стоил казне 86 529 рублей 50 копеек. Сверх сих величайших единовременных издержек за-

купка вдруг столь знатного количества Провианта, при случившемся тогда слабом урожае, возвысила цены на хлеб во всей губернии до такой степени, что Начальство, в предупреждение совершенного голоду, принуждено было прекратить винокурение в казенных заводах.

Государственная Адмиралтейств – Коллегия три раза отправляла в Охотск морских служителей и чиновников, из коих первая командировка была для перевозу Камчатского полка и нужного на оный продовольствия чрез море в Камчатку; вторая для построения сверх состоявших в Охотске налицо пяти судов – еще четырех бригантин, пяти галиотов и двух пакет – ботов, и для употребления служителей на тех судах. В сию командировку было послано 78 человек и велено еще прибавить нужное число из козаков ведомства Иркутского; Третья командировка была из 170-ти человек на укомплектование Охотского порта и его Транспорта. Сия последняя стоила казне 40 000 рублей.

Сформирование означенного полка, доставление его до Камчатки, укомплектование оружейными вещами, аммунициею совершенно тамошнему месту и климату не свойственною – и прочим со стороны Комиссариатского Департамента, по численнию Иркутского Комиссариатского Комиссионера, стоило казне 65 879-ть рублей с копейками.

Но сии единовременные расходы не могут сравниться с теми убытками казны и несчастиями Камчатки, какие произошли от прихода туда полка и содержания его там.

Приход полка в Камчатку и губительная зараза

На том самом судне, на котором Шеф оногo полка, полковник Сомов, отправился с ротой солдат из Охотска в Камчатку – один рядовой сделался болен горячкою. Вскоре болезнь сия заразила людей на судне так, что некому было исполнять матросской должности; за болезнью судового командира, нельзя было надлежащим образом управлять судном; отчего долгое плавание, сильные штормы и теснота на судне превратили означенную болезнь в людях, не привыкших к морю, в свирепую заразу, от коей многие померли на судне. По сим причи-

нам Г. Сомов, вместо Нижнекамчатска, занесен был бурей после долговременного плавания в Петропавловскую Гавань. К большому несчастью не было и тут принято от заразы никаких предосторожностей. Она вдруг распространилась по всему Камчатскому полуострову – и в первую следовавшую зиму опустошила не только дома, но и целые селения; не находилось даже людей, чтоб класть в землю тела умерших. Камчадалы, не имеющие понятия о предохранении и пользовании себя от заразы, старались утолять производимый ею жар холодною водою и от того еще более померло их. Таким образом одних ясаиных померло в первый год вступления в Камчатку полка около трех тысяч человек и часть солдат. Дома, оставшиеся после умерших семейств, употребили солдаты на дрова. Сей губительный удар, предшествовавшие ему оспенное поветрие и истребление собак полковником Козловым-Угрениным, коего Камчадалы называют Собачьею оспою – остались в вечной памяти несчастных Камчадал.

Отягощение Камчадалов по приходе в Камчатку полка

За сими бедствиями следовали новые отягощения и разорения остальной части Камчадал.

Первое: Из них было перевозка провианта по Камчатке из места в место по случаю неприбытия транспортных судов с солдатами в те пристани, куда были назначены. Перевозка сия стоила казне чрезвычайных издержек.

Второе: Как судно то, на котором Шеф полка Г. Сомов намерен был с ротою солдат прибыть из Охотска прямо в Нижнекамчатск занесено было бурей в Петропавловскую Гавань: то Г. Сомов по прозимовании там решился завезенных туда солдат перевести в Нижнекамчатск сухим путем. Сей поход открылся с начала весны и с наступлением единственного в году времени, в которое все вообще жители Камчатки ловят и запасают для пропитания себя и для корму собак рыбу. Камчадалы, принужденные доставлять солдатам в пути все пособия и быв сим отвлечены от собственных упражнений и удалены от жилищ своих, упустили сие единственное время и целую зиму терпели голод, вместе со своими собаками, коих от сего много подохло.

По прибытии сей роты в Нижнекамчатск Г. Сомов расположил полк свой, как назначено было вышеприведенным Высочайшим приказом 798-го года Октября 3-го дня – и с сего времени началось новое разорение Камчадал. Солдаты пустились в разъезды по Камчатке для торговли. Робкий дух камчадал доставил солдатам способы присвоить себе домашние их заведения, как то: санки, собак, одежду и прочее – и они, не зная права солдата, не смеют и не будут сметь жаловаться начальству. Вместе с сим открылись частые почты, эстафеты и беспрестанные объезды чиновников и солдат – как например: с наступлением зимы отправляется комиссар для осмотра округи – потом Священник или Протопоп для осмотра церквей – Провиантский комиссионер для поверки Магазинов – Козачий старшина для осмотра своей команды – наконец Правитель Области со многими офицерами, для коих и для него нужно не менее 60-ти собак несмотря на то, что в ином острожке или станции осталось уже не более пяти человек жителей, но кроме того, что каждому проезжему Камчадалы должны давать собак и проводников, когда дороги заметены бывают снегами: то они обязаны прокладывать их впереди проезжающего – колыми паче чиновника или солдата – идти на лыжах и проминать дорогу. Множество таких отяготительных и незаконных повинностей отняли у Камчадал время необходимое для промысла не только зверей, но даже и рыбы, которая есть единственная их пища, отчего большая часть собак их от голоду подохла. Сии ж самые тягостные и частые разъезды были причиною, что Камчадалам запрещается отходить далеко от острожков или селений своих для промыслу зверей, от чего некоторые принуждены бывают покупать оных у купцов для взносу ясака».

11.

С провиантом же было чрезвычайно трудно. Камчадалы те вообще голодали. Солдатский паек был урезан на три четверти против нормы и выдавался наполовину порсою – толченой сухой рыбой. Из-за трудностей в доставке груза большая часть его терялась где-то в пути. Где? – не найдешь: может, на Якутско-

Охотском тракте, в морском порту при загрузке, или на выгрузке здесь, на Камчатке.

И вот тогда родился проект, сравняться с которым по замыслу смог разве что проект графа Аракчеева о военных поселениях.

13 августа 1801 года военный губернатор Иркутска Б. Б. Леццано, исходя из предложения продовольственного комиссионера генерал-майора Новицкого, изложил этот проект в высших инстанциях:

«С одной стороны, по великим издержкам казны на доставку полку Сомова провианта и амуниции, по изнурению якутов, а нередко гибельной перевозке провианта чрез море, на транспортных судах, а с другой, по удобству камчатского климата к размножению хлебопашества и скотоводства, весьма полезно было бы обратить гарнизонный Сомова полк, по примеру бывших ландмилицких полков, от чего впоследствии вознаградились бы все издержки казны и не только одно войско тамошнего края вкушало бы хлеб от своего земледелия, но и все жители безбедно могли бы оным довольствоваться».

Две трети солдат Камчатского батальона Леццано предложил занять хлебопашеством, а треть использовать по очереди на службе, чтобы любой из солдат не терял боевого духа и был всегда готов к отражению неприятеля. Ежегодно, с 1 по 21 июня, должны были проходить военные сборы – всеобщее «фронтное образование».

Леццано все очень грамотно растолковал начальству: трехгодичная доставка провианта для полка обходится в 224 572 рубля 40 копеек, а единовременный вклад в хлебопашество – 41 000 рублей, то есть выгода в пять раз, если урожай будет хотя бы сам-пять, а если больше – то вообще... Дух захватывало от перспектив.

29 декабря 1801 года бред Леццано был высочайше утвержден – и возможно не последнюю роль в этом сыграл будущий плагиатор идеи военных поселений в России граф Аракчеев.

«Для исполнения монаршей воли Сомов в мае 1802 года провел передислокацию своих – теперь уже земледельческих – войск, максимально приближая их к “полю боя”: *“две роты, предназначенные в Петропавловскую Гавань, поселил в Верхнекамчат-*

ском остроге, а из двух Нижнекамчатских рот, одну поселил близ Ключевского селения, а другую в 350 верстах от Нижнекамчатска, близ острога Машура»». Далее он решил так: «Большерецкий гарнизон перевести к устью р. Камчатки, для содержания там караулов. По сему расположению уповаю я, что здешние войска останутся в полном довольствии и гарнизон будет в исправности и готовности к отражению неприятельского нападения».

Для всех этих мероприятий Сомов затребовал 44 348 рублей 78 с половиной копейки. Кроме того, 33 333 рубля 21 копейку для покупки «инструментов, семенного хлеба и скота, а также на доставку хлеба и скота в Камчатку».

Это была откровенная авантюра. Для солдат-поселян планировалось доставить из разных губерний России их семьи.

И началось...

Сомов же, Андрей Андреевич, заварив всю эту кашу, и главное, отдавая себе полный отчет о последствиях затеянного, «подал прошение о выезде из Камчатки, по слабости здоровья».

И расхлебывать эту кашу выпало именно Павлу Ивановичу Кошелеву.

12.

Причины же столь поспешного отъезда Сомова с Камчатки были самые романтические. Вот что рассказывает в своих «Воспоминаниях об Иркутске» дочь правителя одной из контор Российско-Американской компании и сестра известного писателя – К. А. Полевая-Авдеева («Отечественные записки», 1848 год, № 8):

«Из числа достопамятных военных, помню в детстве моем двух человек, бывших впоследствии героями войн Александра. Это были генералы А. А. Сомов и Казачковский. Жизнь и характер первого из коих очень любопытны и вовсе неизвестны, почему я и скажу, что знаю о нем верно из рассказов моего отца, который был искренним его другом. Андрей Андреевич Сомов, по обычаю дворов в царствование Екатерины, был записан в военную службу с самых молодых лет, имел уже чин капитана, но вовсе не занимался службою, и весело проводил

свое время в Москве. Он был привлекателен наружностью, обхождением и талантлив. Особенно замечателен был его талант в музыке: он имел прекрасный голос и мастерски играл на мандолине, инструменте совершенно забытом в наше время, да и в старину не очень употребительном. Это род гитары, и на нем-то Сомов любил аккомпанировать своему приятному голосу. Иногда он много часов, один в своей комнате, проводил в музыкальных занятиях, и как будто забывал в это время целый мир. Вообще он имел голову романтическую, задумчивое лицо и чрезвычайно нравился женщинам. Находясь в светском кругу, он переходил от одного успеха к другому, но наконец в сердце его вспыхнула истинная страсть к одной богатой и знатной девице. Он был любим ею взаимно, и когда высказал ей намерение свое просить ее руки – она решительно отвечала ему, что не пойдет за него, покуда он не будет в генеральских эполетах. Может быть, и эта девица была также романтическая голова, и потому желала, чтоб он, как рыцарь, доказал ей свою любовь и заслужил ее руки военными подвигами. Напрасно Сомов говорил ей, что может надолго и даже навсегда отсрочить их счастье, что чины и почести иногда зависят от случайностей, которые не всегда встречаются, словом, он сказал все, что может сказать страстно-влюбленный, у которого из рук улетает счастье, – своенравная красавица его была неумолима и так умела подстрекнуть его воображение, что он поклялся явиться перед нею не иначе, как генералом, но взял и с нее клятву, что она до тех пор не будет принадлежать никому другому.

Немедленно приехал он в Петербург и вступил в действительную службу. Это было в самом начале царствования императора Павла. Случай, который мог иметь самые неприятные последствия, сделался началом блестящего поприща Сомова. В то время офицеры, бывшие часто в светском кругу, худо соблюдали правила дисциплины, которую начал вводить во всей должной точности новый император. Сомов, однажды зимою, ехал в санях, в офицерской форме, но в медвежьей шубе, что было запрещено. Неожиданно навстречу саням его подъехал сам император. Сомов сбросил шубу и стал в санях. Экипаж императора остановился, и, по данному знаку, Сомов должен

был подойти к нему. Вопросы императора сначала были строги, но искренность, откровенность ответов, и, может быть, умная, приятная наружность виновного смягчили высокую душу Павла. Он приказал записать имя Сомова, и через несколько времени произвел его в следующий чин. Не знаю подробностей, но знаю только, что император обратил на него особенное внимание, и вскоре назначил его исполнять важное поручение – устроить и собрать в Иркутске батальон и перевести его в Камчатку. Сомов был тогда уже в чине полковника. Он отправился в Иркутск, занялся данным ему поручением деятельно, и с успехом окончил. Возвратившись из Камчатки, он, кажется, еще в Иркутске, где оставался несколько месяцев для каких-то распоряжений – получил чин генерал-майора. Во все это время он жил в доме моего отца, и радовался сколько неожиданному своему счастью по службе, столько и тому, что может повергнуть к стопам возлюбленной любовь свою, с правом на ее руку. Между тем прошло уже несколько лет после их взаимной клятвы. По приезду в Москву, Сомов спешил в дом милой сердцу его – и узнал, что она уже замужем!.. Можно представить себе тоску и грусть человека истинно чувствительного... Никогда не мог он утешиться в этом разрушении всех планов своего счастья и едва не впал в меланхолию. К счастью, военная служба и успехи в ней развлекли его. Сомов сделался впоследствии отличнейшим генералом. Имя его встречаем в истории войн 1806, 1807, 1808 и 1809 годов. До начала войны 1812 года он вышел в отставку, и расстроенное здоровье помешало ему участвовать в отечественной войне. В отставке он женился и кончил свои дни в неизвестности. Только знавшие его сохраняют о нем память, как о человеке образованном, приятном, истинно-благородном».

Вот такая история.

13.

На Камчатке же он оставил о себе другую память – «сомовское поветрие» – одну из самых мрачных страниц истории отдаленной российской земли.

А остальное оставил на долю своего преемника.

В той «Исторической записке», которую мы цитировали до сей поры как образцовый пример объективной оценки ситуации, сложившейся на Камчатке за годы русского владычества, есть достаточно жесткая оценка деятельности Павла Ивановича Кошелева.

В чем же обвиняет его неназванный нами еще до сих пор автор?

Читаем:

«И как обыкновенно редки истинные Патриоты, предпочитающие общественную пользу своей собственной: то Управление Камчаткой будет всегда целью для начальников, или выиграть что-нибудь за отдаленное служение свое, которое могут они украсить донесениями своими, или приобрести себе разными способами богатство и сделаться в Камчатке совершенным деспотом, в той надежде, что отдаленность не допустит до слуха Вышнего Начальства и самих противозаконных поступков. Лучшим примером сему служит бывший пред сим Комендантом Г. Генерал-Майор Кошелев.

При нем солдаты вместо упражнения в хлебопашестве, беспрепятственно переводимы были из одного места в другое и разоряли до окончания камчадал. Большая часть офицеров содержаны были по несколько лет под караулом по известному делу. Нижние служители оставались без должного над ними надзора и предавшись совершенно разврату, совсем не думали заниматься хлебопашеством».

И вот ситуация, в которой оказался Павел Иванович, исходя из той же «Исторической записки».

Убытки от заведения хлебопашества

Как скоро последовала Высочайшая апробация означенного предположения, то и начались новые расходы казны. Солдатским женкам выдавались прогонные деньги на проезд в Камчатку к мужьям своим; покупались земледельческие инструменты и семенной хлеб. Все сие отправлялось с великою поспешностью в Камчатку и семенной хлеб достиг туда прежде, нежели солдаты на показанных им местах успели начать строиться, и когда

не только не приготовлена еще была земля, но даже неизвестно было, есть ли еще и сколько именно удобной к хлебопашеству земли; — почему хлеб тот остался без посева — и наконец начал портиться. Сие заставило перемолоть весь семенной хлеб и употребить в выдачу солдатам. Вместе с первым отправлением в Камчатку семенного хлеба собран был требуемый туда скот, отправлен по назначению в Тигильскую крепость и сделаны предписания о заготовлении сена в Ямске, Ижиге и Тигиле; но как исполнители были худые, то большая часть скота подохла от голоду — много побито и употреблено в пищу — а самая малая часть дошла до Тигиля спустя несколько годов. После сего неприятного случая сделано пожертвование скота Среднековымскими жителями; но и из оною часть подохла дорогою, а некоторое только число дошло до Ижиги в 1807-м году.

Между тем — как начальство занималось распоряжениями в доставлении в Камчатку хлеба, инструментов, скота и прочего, для разведения хлебопашества, и как казна употребляла на сие чрезвычайные расходы — в течение двух лет 1803-го и 1804-го не было сделано еще и порядочного начала к земледелию, и во все сие время выстроено только солдатами три дома. Солдаты переведены были на места, назначенные к поселению. Сие требовало новых расходов: надобно было перевозить туда провиант из приморских мест, и за перевозку сию из Большерецка до Нижнекамчатска солдаты получили от казны по 5-ти рублей с суммы, из прочих мест платилась им же соразмерная сему цена. Но как недовоз до тех мест провианта начал угрожать солдатам голодом: то перевели их из Верхнекамчатска и Машуры в Петропавловскую Гавань, а из Ключевского селения в Нижнекамчатск, куда отправили обратно и военно-сиротское отделение, которое в 1805-м году переведено было в Верхнекамчатск и умножило там число не хлебопашцев, а хлебоедов. Таким образом уверение Лециано и Сомова, — что Камчатка в 1803-м году покажет опыты земледелия — и что она не только своих жителей, но и Охотск будет довольствоваться хлебом — не исполнились. Испрошенная Г. Сомовым, на семенной хлеб, земледельческие орудия и прочее, сумма 44 349-ть рублей — почти вся уже издержана; но ни

малейшего успеха в хлебопашестве по сие время нет и ожидать никогда нельзя, по следующим причинам:

1-е. Солдаты упражняясь зимою в разъездах, в мелочной торговле по острожкам, в переходах из места в место и перевозке для себя провианта, получая еще за то от казны плату, а летом в ловле рыбы и прочих домашних своих упражнениях доведены до того, что они не сделавшись крестьянами, забыли вовсе службу, даже и самая одежда воинская кажется им необыкновенною, потому что носят платье, употребляемое камчадалами и прочими жителями той страны, как-то: парки, кухлянки, камлейки, торбаса и прочее – ибо амуниция солдатская тамошнему климату ни мало не соответственна.

2-е. Солдат получает жалованье, провиант, полную амуницию, квартиру и прочее, так, что во всем содержании своем совершенно обеспечен, как питомец. Сверх сего за то, что привезет к квартире своей собственно для себя провиант из приморского места, получает от казны ж большую плату. Одним словом солдат в Камчатке есть совершенный господин, который не знает никаких обязанностей к обществу, не несет ни службы, ни повинностей какой-либо; работает для себя собственно; обеспечен со стороны содержания казною – и которому, кроме его Начальника, все прочее повинуется и раболепно служит. При всех таковых выгодах сим – господам – солдатам нет никакой нужды прилежать к обрабатыванию земли и доставать не нужный для них хлеб в поте лица, подобно добрым земледельцам, а особливо тем из них, кои находясь с молодых лет в службе, или еще поступив в оную из солдатских детей, не умеют взять в руки сохи.

...4-е. Одно доставление в Камчатку семенного хлеба, сопряженное с чрезвычайными затруднениями, представляет большое неудобство и не подает никакой надежды, чтоб можно было распространить землепашество по предположению и уверению Лециано и Сомова. В 1807-м году, по требованию генерал-майора Кошелева, куплено было в Иркутске разного семенного хлеба 500 пуд, который с доставкой в Якутск обошелся казне, каждый пуд по 1 рублю 40 копеек, из Якутска отправлен оный в июле месяце в Охотск в 198-ми ящиках, нарочито сделанных,

обтянутых кожей, пазы коих обклеены холстом и сверх того засмолены, куплена была нарочито палатка, чтоб под нею в ненастное время иметь ящики сии; под своз одного нанято было 99 лошадей – и таким образом хлеб сей обошелся казне в 5509 рублей, а в Охотск доставлено одного вместо 198-ми только восемь ящиков; прочие ж сложены на дороге Охотской, по чрезвычайной распутице, от которой якуты лишились множества лошадей. В каком же состоянии доставлены из Охотска в Камчатку оные 8 ящиков с хлебом сим – теперь еще неизвестно. Хотя по сделанному распоряжению, сложенный на дороге хлеб доставится в Охотск нынешним летом; но доставление его из Охотска в Камчатку и оттуда до селений ландмилицких не может ранее последовать, как в конце сего года, ибо все тягости развозятся по Камчатке зимою и потому посев его может быть не ранее, как уже в 1810-м году. Следовательно семенной хлеб, пробывший в пути с лишком три года, и коего при всех описанных способах сохранения никак нельзя сберечь от действия сырого морского воздуха во время перевоза его чрез море, не только в Камчатке, на необработанной еще земле и в столь сыром климате; но и в самом хлебородном месте на удобренной земле едва ли может дать хороший урожай.

5-е. Из всех проектов и представлений о заведении в Камчатке хлебопашества не видно никаких доказательств, чтобы земледелие могло доведено быть до такой степени, что Камчатка может со временем довольствоваться хлебом и Охотск. Известно, что климат в Камчатке, а особливо в приморских местах, суровый, сырой и более вредный для произрастания хлеба. Снега обыкновенно выпадают там весьма рано, а сходят очень поздно, так что нет времени созреть хлебу совершенно. В то время, когда хлеб должен колоситься, в ущелинах гор лежат еще снега – и слабый даже ветер из ущелин сих весьма сильно вредит хлебу. В июне и июле бывают нередко сильные инеи, от которых хлеб совершенно позыбает.

Сверх сих убедительных доказательств, опыты многих лет доказали, что в Камчатке хлеб весьма худо рождается, кроме того, что в самые лучшие теплые и умеренно дождливые годы бывает урожай то одного токмо ячменя.

6-е, в доказательство совершенной безнадежности, чтобы в Камчатке можно было распространить по всем вышеприведенным проектам земледелие и ожидать когда-либо и какой-нибудь пользы от тамошней ландмилиции – может служить последнее донесение ко мне в прошедшем июне месяце здесь полученное от нынешнего камчатского командира генерал-майора Петровского, который по личном обозрении Камчатки во всех частях и со своей стороны все сие подтверждает».

То есть, если судить объективно, вовсе даже не Кошелев был виновником земледельческих неудач Камчатского ландмилицкого батальона.

14.

Теперь о второй части обвинения.

«Кошелев, приняв должность коменданта, открыл, что Сомов и большая часть его офицеров занимались казнокрадством и грабили солдат и обывателей. Принадлежавший нижним чинам провиант выписывался в расход и продавался частным лицам, чрез посредство прикащиков Российско-Американской К<омпании>. Все книги и счета были с фальшивыми росписками. Продавали казенный порох компании, которая сбывала его туземцам по баснословно высоким ценам. Кошелев конфисковал у компании весь порох и записал его на приход в казну, арестовав прикащика компании Хлебникова за его мошенничество».

Понимая, что говоря о Кирилле Тимофеевиче Хлебникове, человеке, безусловно, очень авторитетном и достаточно известном в России, А. С. Сгибнев – автор предыдущих строк – уточняет: *«г. Тихменев говорит, что будто бы Кошелев стеснял торговлю компании, арестовав Хлебникова за то, что он не хотел понизить цены на товары. Мы имеем возможность проверить этот факт и потому считаем обязанностью восстановить истину».*

Эта истина нужна сегодня многим, чтобы понять кое-что из истории собственного Отечества и этой отдаленной российской земли – Камчатки.

Ведь существует масса различных, нередко прямо противоположных мнений об одних и тех же людях. Мы это могли бы увидеть на примере Сомова.

Но характеристику ему дает дама на основании воспоминаний детства, когда восприятие окрашено в романтические цвета – а тут еще такая любовь!

Характеристику же Кошелеву дает не только наш анонимный автор «исторической записки» на имя самодержца Всероссийского. Вот характеристика, данная Кошелеву Владимиром Штейнгелем, от которой он не отказывался на протяжении всей своей достаточно долгой жизни: *«...намеренный гонитель тогдашних агентов Российско-Американской компании, считавшей 4-й год своего существования».*

А вот что оставил в Иркутском архиве по делу Кошелева кунгурский купец и один из первых исследователей истории Российско-Американской компании К. Т. Хлебников и другие камчатские купцы. В 1806 году в общественном присутствии Нижнекамчатска они, несмотря на некоторые обстоятельства, как подчеркивалось в документе, считали, что Кошелев *«действительно здесь должен почитаться беспримерны ...<на> добрые его качества обратили бы многие внимание».*

Вряд ли, стал бы по-купечески лукавить Кирилл Тимофеевич, помня прошлую обиду. Да и к тому же участь Кошелева в 1806 году была практически решена – в ноябре его отрешили от должности и отдали под суд.

Но в том же общем присутствии областного правления казаки Кочетов, Суздалов, Паншин, Ощепков, Сысоев, Чудинов, пятидесятники Мухоплев, Низовцев, сотники Прудецкой, Вологдин, Мохнаткин, Расторгуев заявили: *«Готовы с ним умереть.»*

Нижнекамчатцы Михайла Казаринов, Иван Портнягин, Иван Калашников, Василий Протопопов, Иван Барнашев, Иван Петров, Егор Казаринов, Степан Юрьев, Дмитрий Дягилев, Андрей Попов, Яков Панов, Василий Абросимов, Василий Гусев, Михаил Попов, Василий Санников заявляли следующее: *«...обращая власть свою командование без пристрастия и без корысти; имеет добрую и простую душу; справедлив без лицемерия; и старается всегда в пользу общую делать всякое*

добро, каковых его примеров множество, и потому совершенно имя его останется нам навсегда поминовением, что такого начальника не бывало и не будет, ежели он когда уедет в Россию».

Прекрасные мнения о прекрасном человеке.

Но есть и противоположные.

Одно из них принадлежит перу Александра Кириллова, того самого, что поведал нам о бороде священника Ивана Логинова. Кстати, этот священник также был сейчас в Нижнекамчатске и участвовал во всех событиях.

«Расстроив управление и порядок во всех частях, Кошелев возбудил такое неудовольствие и ненависть во всех жителях Камчатки, что для собственной защиты потребовались одобренные подписки последних. Акт отбирания этих подписок был последним актом той комедии, которую разыграло областное правление во все время управления Кошелева Камчаткою, постоянно чувствуя и действуя в унисон со своим начальником. Дело же велось так, что правление, собрав представителей всех сословий Камчатки и вообще кого можно было, одних устрашивало подписывать наперед заготовленные подписки, других принуждало силою, если не действовала просьба, подписываться за отсутствующих. При такой манере действий областного правления, как и следовало ожидать, все рекомендательные подписки, представляли Кошелева образцовым, и, пожалуй, беспримерным начальником Камчатки. По одному документу содержание их было следующим: “все единодушно говорили что желают, чтобы Кошелев всегда был начальником Камчатки; готовы с ним умереть, потому что он начальник беспримерно справедливый, защитник невинности, восстановитель тишины и спокойствия, истребитель злоупотреблений и варварства, и без него здесь были только безначалие и безбожие”».

В Петровском каземате 28 апреля 1834 года в письме, которое было опубликовано в герценовском «Колоколе» и стало известной статьей «Сибирские сатрапы», Владимир Иванович Штейнгель впервые дал публичную характеристику Павлу Ивановичу Кошелеву: «Говоря о гонениях (со стороны сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля и иркутского губерна-

тора Н. И. Трескина. – С. В.), я с намерением умолчал о смене и арестовании Камчатского коменданта Кошелева и Охотского начальника Бухарина, ибо это сделано было истинно ко благу тех отдаленных стран. Оба эти начальника просто неистовствовали в вверенных им областях, а последний к тому грабил без затруднения совести».

Позже он повторит эту свою оценку в «Записках».

Глава вторая

1.

В 1805 году с Владимиром Штейнгелем произошла одна очень неприятная для него история. Будучи назначен командиром нового транспорта «Охотск», он прибыл в Петропавловскую Гавань с продовольствием для экипажа корвета «Надежда», возвращающегося из Японии, на котором совершил первое в истории русских мореплавателей кругосветное путешествие его друг по Морскому корпусу Фаддей Беллинсгаузен. И друг рассказал ему о том, каким «смешным и ничтожным» оказался на их судне посланник России в Японию и представитель Российско-Американской компании, камергер двора его императорского величества, граф Николай Петрович Резанов, зять и наследник всех богатств покойного «коломба русского» Григория Ивановича Шелихова.

Чтобы понять, насколько дорого было для мичмана Штейнгеля все, что было связано с именем знаменитого купца, создателя РАК, нужно вспомнить одну весьма памятную для семьи Штейнгелей историю:

«Скучное и многими неприятностями исполненное отправление должности исправника отцом моим продолжалось до 1786 года. В сем году он, по крайней мере, имел то удовольствие, что принимал англичан, прибывших в Петропавловскую Гавань на корабле “Ларк” с капитаном Петерсом, который доставил ему письмо от Кантонской компании с предложением торговли с Камчаткой. Относительно этого были сделаны чрез отца моего

взаимные переговоры с известным Шелеховым. Отец мой утешался сим случаем немало. Он надеялся быть орудием к улучшению бедного положения того края и к доставлению отечеству новой торговой отрасли, и тем отличить себя. Все вышло пусто».

Позже, уже будучи под следствием, Иоганн Штейнгель напишет обширный проект развития торговли на Камчатке, но он, видимо, даже не будет прочитан чиновниками.

И, тем не менее, встреча с Петерсом в Петропавловской Гавани имела историческое значение для России.

Одной из целей первой русской кругосветной экспедиции как раз и было установление торговых отношений с Ост-Индской компанией в Кантоне.

Вероятно, все-таки Иоганну-Готфриду Штейнгелю принадлежит пальма первенства в идее завязать торговые отношения с Кантоном, которую тотчас же подхватил предприимчивый Григорий Шелихов, только-только вернувшийся с острова Кадьяк у берегов Аляски, где он основал первое русское поселение.

Позже в Кантоне побывал русский морской офицер И. Ф. Крузенштерн, проходивший морскую практику на иностранных судах. Он изучит здесь меховую торговлю и, по возвращении в Россию, подаст вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Н. С. Мордвинову 1 января 1802 года проект кругосветного плавания.

Последнее – факт общеизвестный. Но задумывались ли мы над другим – как это так вышло, что не успели еще высохнуть чернила в проекте, написанном будущим адмиралом российского флота, а уже 7 августа того же года в его распоряжении не одно, а два судна для кругосветной экспедиции, с запасами продовольствия и обмундирования на несколько лет плавания.

Как в сказке. И тем более в условиях России, не имеющей в то время своего флота для таких вот – кругосветных – плаваний.

Ларчик открывался просто – проект Крузенштерна не был первым. И в этом нет ничего удивительного – ведь об этой торговле мечтал даже камчатский капитан-исправник Штейнгель.

И что мы знаем сегодня о человеке, который не только задумал, но и, главное, осуществил это проект, завещанный ему Григорием Ивановичем Шелиховым.

И речь пойдет о «смешном и ничтожном» – о Николае Петровиче Резанове. В «Отечественных записках» (май 1822 года, № 25) в первый, да и, наверное, в последний раз было опубликовано «Первое путешествие россиян около света, описанное Н. Рязановым, чрезвычайным посланником ко двору японскому и проч.», в котором Николай Петрович рассказывает о многом, сегодня совершенно забытом.

Первая встреча с Григорием Ивановичем произошла у него, как и у Иоганна-Готфрида, по возвращении того с Кадьяка на родину и воодушевленного новыми проектами и планами освоения Русской Америки.

«Он подал императрице Екатерине II проект о просвещении тамошнего края христианской верою, о заведении кораблестроения, хлебопашества, скотоводства и приведении всех торгующих в одно тело. Проект сей, обещавший Отечеству твердую в Америке ногу, а торговле новые отрасли, удостоен был особенного внимания! Ему даны были на собственные его с Голиковым (компаньоном. – С. В.) содержание духовная миссия, из архимандрита и шести братьев состоящая, тридцать семей поселян из ссыльных и несколько штурманов, предоставляя будущему времени исполнение прочих предметов от него упомянутых, а дабы во всем том сделано ему было немедленное пособие, то назначен был от двора нарочный с повелениями к иркутскому генерал-губернатору с тем, чтоб сей же посланный привез и обстоятельное о исполнении донесение.

Почтение мое к делам Шелихова, которого лично знать не имел, заставило меня искать сей лестной для меня экспедиции. Наконец она удалась мне, и я отправился в Иркутск с повелениями и духовною миссиею».

Так подполковник Смоленского драгунского полка из свиты светлейшего князя Платона Александровича Зубова, впоследствии обер-прокурор 1-го департамента Сената, кавалер двора, граф, баловень судьбы, человек высокообразованный, камергер, в свое время правитель канцелярии и близкий друг министра и поэта Гавриила Романовича Державина, оказался в Иркутске.

Он был обласкан Шелиховым. Влюбился в его старшую дочь Анну и женился на ней.

Все это и стало поворотным в его судьбе.

«В первый год супружества моего умер тесть мой, и тогда кроме семейных обязанностей и самое исполнение важных планов его пало в жребий моей неопытности».

Шелихов не оставил в наследство большого богатства – все его деньги были вложены в созданную в 1794 году вместе с купцом Голиковым Северную компанию. А американская пушнина, завезенная компаньонами в Иркутск, портилась на складах по причине прекращения торговли с Китаем в Кяхте.

Григорий Иванович оставил в наследство зятю груз своих забот, планов и соображений, которыми охотно делился с Николаем Петровичем и при жизни. Нужно помнить, что при жизни Шелихова не было еще тогда и в помине никакой Российско-Американской компании, не было и многого, многого другого, что мы связываем сегодня в истории Русской Америки с именем Шелихова, а на самом деле все это было уже сотворено руками и хлопотами его зятя – Николая Петровича Резанова, который и воплотил в жизнь идеи и замыслы человека, которого он боготворил.

На Кадьяке же в это самое время дела были просто никудышные – новый – после Деларова – правитель острова Александр Андреевич Баранов сообщал в 1795 году, что промышленники якутского купца П. Лебедева-Ласточкина (некогда компаньона и лучшего друга, а теперь лютого врага) *«заняли все ...выгодные места, надобно было лезть на ссору, а мы бессильны, кормовые там места все обрезаны...»*

2.

Смерть Шелихова развязала руки иркутским купцам, также надеявшимся теперь получить самостоятельные привилегии на монопольное владение богатствами Русской Америки. Во главе их встал купец первой гильдии Николай Мыльников, который через сибирского генерал-губернатора Людвиг Нагеля обратился лично к царю.

Но рядом с Павлом был Резанов, и потому царь велел *«сделать на сей предмет такое утверждение, которое не могло*

вредить устроенной уже компании первого приобретателя Шелихова...»

То есть у Н. П. Мыльников не оставалось никакого другого пути, кроме объединения с компанией наследников Шелихова.

Скрепя сердцем, Мыльников пошел на этот шаг – 20 июня 1797 года была образована Соединенная Американская купцов Шелиховых, Голикова и Мыльникова компания.

Цель Мыльникова была понятна – фиктивное объединение, чтобы разорить компанию Шелиховых и присвоить все их права и привилегии. Подкупленный Мыльниковым, Голиков согласился ему в этом помочь.

Но дело очень скоро приняло неожиданный для заговорщиков оборот. России не нужна была в Америке слабомощная купеческая компания – ей была нужна такая организация, такое объединение множества сил, которое было бы способно проводить под контролем правительства политику России на американском континенте и успешно бы конкурировало со всеми другими державами, желающими утвердиться на тихоокеанском побережье не только Северной Америки, но и Юго-Восточной Азии.

Поэтому коммерц-коллегия ставила вопрос о еще более мощном, нежели Соединенная Американская компания, объединении купцов. А это было выгодно только компании Шелиховых, имеющих в деле капитал, равный капиталу шести таких компаний, как мыльниковская – и основная часть акций нового объединения оставалась бы в их руках, превращая таким образом все задумки заговорщиков в белый дым утраченных надежд.

Мыльников пребывал в угрюмой задумчивости – в случае нового, более мощного, объединения он с компаньонами отходил от главенствующих позиций на второстепенные места.

Лебедев-Ласточкин тоже был настроен весьма категорически против нового объединения – и он жаждал единоличного утверждения на американских берегах.

Снова началась борьба. Голиков раскрыл свои карты и открыто встал на сторону Мыльникова – через подкуп чиновников они вышли на генерал-прокурора Сената П. В. Лопухина – отца фаворитки императора Павла.

Николай Петрович Резанов, обер-прокурор 1-го департамента Сената, все свои проекты и прошения наследников Шелихова направлял царю через самого влиятельного царедворца того времени – военного губернатора столицы графа П. А. Палена, с которым у них были достаточно близкие отношения.

То есть расклад сил был примерно одинаков. Впрочем, не совсем. В июне 1799 года Резанов в одном из частных писем сообщал: *«Малиновый цвет лияет»*. Чуть позже, в начале июля: *«малиновый цвет у нас не в моде, но иногда, однако, надевают»*.

Малиновый цвет – любимый цвет фаворитки. Даже Михайловский замок был окрашен в малиновый цвет. В столице приверженцы партии Лопухиных окрашивали в малиновый цвет свои дома.

7 июля 1799 года генерал-прокурор Сената П. В. Лопухин отстранен от должности.

8 июля 1799 года дарованы высокие привилегии и императорское покровительство вновь образуемой Российско-Американской компании.

Николай Петрович был назначен корреспондентом РАК (соответствующего должности протектора правительства).

Из четырех директоров, назначаемых правительством, двое были из числа наследников Шелихова – «первенствующий» М. М. Булдаков (свояк Резанова, женатый на дочери Шелихова Авдотье) и брат Григория Ивановича – Иван Иванович.

Два директора были от компании Мыльниковова – он сам и купец Старцев.

Так что борьба на этом не заканчивалась, наоборот, – разгоралась с новой, еще более яростной силой.

Дело в том, что первоначально главное правление компании было учреждено в Иркутске, где, естественно, основная сила была на стороне партии Мыльниковова. Булдаков был отстранен от должности и вынужден был уехать в Петербург.

Видя, что правление компании более занимается жалобами и доносами, нежели увеличением капиталов акционеров, купцы-компаньоны начали разбирать свои капиталы, избавляясь от акций. Сам Мыльников в Москве тоже начал продавать свои

акции, по-прежнему желая разорить главных компаньонов и выйти к абсолютной власти.

Нужно было предпринимать самые решительные шаги, чтобы спасти еще неоперившуюся Российско-Американскую компанию.

19 октября 1800 года решен вопрос о переносе главного правления РАК в столицу. Таким образом рушились все планы Мыльникова и его приверженцев. Иркутский купец выходил из игры и должен был сложить свои полномочия.

«Перевод главного правления скорее ознакомил соотичей с пользами его предприятий и во дни Александра I-го общество сие совсем уже другой вид приняло. Новый покровитель ее и вся императорская фамилия благоволила звание акционеров украсить высочайшими их именами. Сему последовали знатнейшие особы дворянства и купечества, и в начале 1802 года в самое короткое время из 17 членов, всю Компанию составлявших, возросло число более 400 членов.

Таковое монаршее государя о распространении торговли попечение было счастливою для Компании эпохою. Она, не упущенная временем, возобновила у престола подаваемые мною неоднократно от ее имени представления о затруднительном доставлении из Якутска в Охотск тягостей, о дороговизне провозных цен, год от году возрастающих, и о средствах, к удобнейшему доставлению оных в Америку из европейских портов. Как ходатай Компании вызван я был из Выборга, где тогда по высочайшим поручениям находился и нашел уже проект сей в руках министра коммерции, который уважа столь смелое предприятие, восхищался случаем, дающим ему столь полезно звание службы его соединить с обязанностями истинного Россиянина. Граф Н. П. Румянцев немедленно доложил императору, представление апробовано, способы облегчены, Компания в том же году определила купить два судна для вояжа сего; а бывший тогда министром морских сил, адмирал Мордвинов, с равной деятельностью приступил к назначению офицеров. Капитан-лейтенант Крузеништерн, подававший некогда сходный с представлением Компании проект, о удобности торго в Кантоне, был назначен начальствующим морской частью, а капи-

тан-лейтенант Лисянский на другом судне командиром. Оба сии офицера были из числа посланных от короны в Индию на судах английских.

В том же 1802 году посланы от главного правления, для покупки судов и заготовления запасов, в Гамбург директор Шелехов, капитан-лейтенант Лисянский и корабельный подмастерье Разумов; но два последние, не одобряя в Гамбурге судов, отправились в Лондон и купили Леандра и Темзу. Первое о 16 пушках и грузом в 430 тонов, переименовано акционерами Надеждою, а второе, о 12 пушках грузом в 270 тонов, Невою».

То есть существовало, как минимум, два проекта русской кругосветки. Но если Резанов пишет об этом легко и просто, то у Крузенштерна мы не найдем ни строчки.

Оно и понятно – «Мысль, что для отечественной торговли откроется нам поле, сделается тем совершеннее, что вместе с сим Россия под вашим руководством принесла бы и свою дань во всеобщее богатство человеческих познаний, я заранее утешаюсь за вас тем, что имя ваше пойдет на ряду с именами отличных мореплавателей», – напутствовал Крузенштерна 13 июля 1803 года министр российской коммерции граф Румянцев.

Кого не воодушевит такое напутствие. И он ни с кем не желал делиться своей будущей славой.

3.

Но еще более серьезные инструкции и всю полноту власти над экспедицией получает от императора всероссийского Николай Петрович Резанов, назначаемый к тому же полномочным посланником России в Японию.

И вот мысль о том, что власть – а значит и будущую славу! – придется с кем-то делить, доводила Ивана Федоровича Крузенштерна до таких поступков, о которых потом он старался и не вспоминать в своем объемном сочинении о великом – поистине! – подвиге русских мореплавателей.

Капитан первого ранга А. С. Сгибнев, моряк-тихоокеанец, в своей статье «Резанов и Крузенштерн», опубликованной во втором номере журнала «Древняя и Новая Россия» за 1877 год,

проводит самое тщательное расследование некоторых неизвестных эпизодов первой русской кругосветки, касаясь взаимоотношений первых руководителей, и делает следующее заключение: *«Крузенштерн с начала плавания стал в неприязненные отношения к Резанову и постоянно искал повода к ссоре с ним».*

Крузенштерн был *«крайне недоволен присутствием на его отряде лица, не только ему не подчиненного, но даже имевшего над ним власть».*

«Умный, образованный и деликатный Резанов с поразительным терпением выносил наносимые ему Крузенштерном оскорбления и подчинился всем строгостям суровой дисциплины и даже капризам своего противника, пока постоянная внутренняя борьба не отразилась на его слабом здоровье – Резанов занемог расстройством всей нервной системы и в такой степени, что на переходе от Нукагивы до Сандвичевых островов он был близок к смерти или, по крайней мере, к умопомешательству».

Что, впрочем, не помешало Крузенштерну продолжать свои издевательства и додуматься до того, чтобы предать Резанова корабельному суду.

1 мая 1804 года, как сообщает Сгибнев, корабли экспедиции подошли к островам Мендозины, где начался оживленный обмен между членами экипажа и туземцами. Островитяне меняли кокосовые орехи и хлебные плоды на обломки железных обручей. Когда же попытался и Резанов выменять что-нибудь у туземцев для коллекции редкостей, Крузенштерн всячески ему в этом препятствовал. Тогда Резанов дал команду приказчику РАК на «Надежде» Ф. Шемелину произвести обмен на компанейские товары, коли уж капитан запрещает использовать обломки обручей, принадлежащие корабельной команде. Но... товар был отобран.

На следующий день, узнав обо всем этом, Резанов, увидя на шканцах Крузенштерна, сказал ему прямо:

– Не стыдно ли вам так ребячиться и утешаться тем, что не давать мне способов к исполнению на меня возложенного.

– Как вы смели мне сказать, что я ребячусь, – закричал, расвирепев от того, что замечание Резанова слышат все, в том числе и нижние чины, Крузенштерн.

– Так, государь мой, весьма смею, как начальник ваш.

– Вы – начальник! Может ли это быть? Знаете ли, что я поступлю с вами, как не ожидаете?

– Не думаете ли вы, – отвечал Резанов, едва сдерживаясь, чтобы сохранить видимость спокойствия на лице, – и меня на баке держать как живописца Курляндцева? Матросы вас не послушают. Я сказываю вам, что ежели коснетесь только меня, то чинов лишены будете. Вы забыли законы и уважение, которые вы и одному чину моему уже обязаны. – Резко повернувшись, Резанов ушел в свою каюту, чтобы не продолжать этот неприятный для него разговор.

Через несколько минут в каюту ворвался взбешенный Крузенштерн.

– Как вы смели сказать, что я ребячусь? Знаете ли, что есть шканцы? Увидите, что я с вами сделаю.

И, хлопнув дверью, выбежал прочь из каюты. Еще через какое-то время Резанов услышал шум – это спускали шлюпку. Как выяснилось, Крузенштерн отправился на «Неву» к Лисянскому.

Резанов прилег отдохнуть, чтобы скинуть с плеч нервную усталость этого дня. Но уснуть не удалось. Вскоре вернулся Крузенштерн, крича:

– Вот я его проучу!..

Потом прибыла депутация с «Невы» – командир ее, капитан-лейтенант Ю. Ф. Лисянский и мичман – будущий историограф российского флота и промысловых экспедиций россиян в Тихом океане – В. Н. Берх.

Крузенштерн собрал на палубе всех офицеров и объявил:

– Резанов – самозванец, а не начальник экспедиции!

Вслед за ним точно такое же мнение высказали и почти все присутствующие, некоторые высказывались настолько оскорбительно и грубо, что у Резанова, слышавшего все это, защемило сердце, и он застонал от обиды и боли.

Вот тогда кто-то из офицеров и предложил вытащить Резанова на шканцы и представить на офицерский суд.

Лейтенант Ромберг, исполняя приказ Крузенштерна, пришел за Николаем Петровичем.

– Извольте идти на шканцы, – бесцеремонно распорядился лейтенант, для которого все это было веселым спектаклем, не более. – Офицеры обоих кораблей вас ожидают.

– У меня нет для этого сил, – устало ответил Резанов.

– Ага! Как браниться, так вы здоровы, а как к разделке, так вы больны!

– Прекратите эти грубости. Они не делают вам чести. К тому же ответить за них вам все равно рано или поздно придется.

Ромберг удалился, иронично улыбаясь. Через несколько секунд в каюту прибежал Крузенштерн.

– Извольте идти и нести свои инструкции, – закричал он прямо с порога. – Оба корабля в неизвестности о начальстве, и я не знаю, что делать.

– Мне довольно и ваших собственных ругательств. Указов же государевых я нести не обязан. Они более вас лично касаются, нежели ваших офицеров. Поэтому прошу оставить меня в покое.

Крузенштерн вышел.

Резанов прикрыл глаза, но нервы были на пределе – какой уж тут сон.

А за дверью кричали.

– Что трусить? Мы уже его!

Резанов поднялся, оделся, достал бумаги и вышел на палубу.

Приказав всем обнажить головы, зачитал вслух указы Александра о назначении его руководителем экспедиции и подчинении ему начальника морской части Крузенштерна.

В ответ же он услышал дружный издевательский смех.

– Кто писал? – смеясь, спрашивали они.

– Государь ваш Александр.

– Да кто писал, а не подписывал?

– Не знаю...

– То-то – не знаю, – закричал Лисянский, – а мы хотим знать, кто писал, а не кто подписывал. Подписать-то, мы знаем, – он все подпишет.

После этого каждый из присутствующих на «Надежде» офицеров, подошел к Резанову, точно совершая обряд, и сказал одни и те же слова:

– Я бы с вами не пошел...

Не сделал этого только лейтенант Головачев (позже, когда Резанов уже покинет «Надежду», лейтенант Головачев покончит жизнь самоубийством).

Завершив издевательскую церемонию, офицеры отпустили Резанова:

– Ступайте, ступайте с вашими указами, нет у нас начальника кроме Крузенштерна.

Кто-то, уже в след, дурашливо процитировал указ:

– Да он, видишь, еще и хозяйствующее лицо компании...

– Как же, – поддакнул Лисянский, – у меня есть полухозяин – приказчик Коробицын...

Лейтенант Ратманов, матерно ругаясь, завершил эту мысль:

– Он будет у нас хозяином в своей койке. Еще он прокурор, а не знает законов, что где объявлять указы... Его, скота, заколотить в каюту.

Но Резанов и сам уже не имел ни сил, ни тем более желания, видеться с кем-нибудь из членов экипажа, выносить новые издевательства и терпеть, терпеть, терпеть, понимая, что ответить ему нечем, и любое его слово, жест, само появление только еще более настроят против него и без того уже враждебно настроенных и подогреваемых капитанской ненавистью людей.

У него был, по-видимому, очередной нервный припадок, но доктор ни разу не навестил его, хотя о состоянии Резанова все, безусловно, знали – и в этом тоже выражалась злая воля единоличного командира «Надежды». Николай Петрович был изгоем на собственном корабле, и любой, кто нарушал обет офицеров против него, тоже становился изгоем, как и случилось с лейтенантом Головачевым, не пожелавшим играть постыдную роль в этом издевательском и бесчеловечном спектакле.

4.

Невольный арестант вышел из тесной и душной своей камеры только когда «Надежда» пришла в Петропавловскую Гавань.

Он сошел с судна, поселился в доме коменданта Петропавловской Гавани и больше не вмешивался ни в какие дела экспе-

диции. Даже когда Крузенштерн выбросил на берег весь груз, принадлежащий компании, и запретил своей команде, даже за самую высокую плату, переносить этот груз в компанейские магазины.

Резанов ждал правителя Камчатки генерал-майора Кошелева, которого он вызвал со специальным курьером.

«Имею я крайнюю нужду видеться с вашим превосходством, – писал Резанов, – и по высочайше вверенным мне от государя императора поручениям получить нужное от вас, как начальника края сего, пособие. У меня на корабле взбунтовались в пути морские офицеры. Вы не можете себе представить, сколь много я вытерпел огорчений и на силу мог с буйными умами дойти до отечества. Сколь не прискорбно мне, совершая столь многотрудный путь, остановить экспедицию, но при всем моем усердии, не могу я исполнить японского посольства, и особливо когда одне наглости офицеров могут произвести неудачу и расстроить навсегда государственные виды. Я решился отправиться к государю и ожидаю только вас, чтобы сдать вам, как начальствующему краем, всю вверенную мне экспедицию».

Письмо было отправлено 15 июля. Недели через три прибыл Кошелев с ротой солдат и двумя офицерами.

Началось следствие по делу. Кошелев нашел Крузенштерна виновным по всем предъявленным ему обвинениям. Под тяжестью доказательств Крузенштерн вынужден был признать себя виновным.

Возможный приговор был ясен всем – отрешение от должности, суд, высылка под караулом в Санкт-Петербург, лишение чинов и наград... Одним словом – позор.

Крузенштерн умолял Кошелева посодествовать в примирении. Просили за него, его и собственную честь, офицеры с «Надежды» («Нева» ушла в Русскую Америку). Павла Ивановича не нужно было уговаривать – он и сам понимал, что личный позор Крузенштерна сейчас – это в конечном счете позор России, позор на весь мир.

И он обратился с личной просьбой к Резанову.

И этот – «смешной и ничтожный» – человек отвечал Павлу

Ивановичу: *«...польза Отечества, на которую посвятил уже я жизнь свою, ставит меня выше личных мне оскорблений, лишь бы успел я только достичь моей цели, то весьма охотно все случившееся предаю забвению и покорнейше прошу вас оставить бумаги мои без действия».*

Незадолго до отплытия офицеры с «Надежды» – Крузенштерн, Ратманов, Ромберг, Левенштерн, Беллинсгаузен, Каменщиков, Сполохов, Головачев явились на квартиру Николая Петровича в полной форме и извинились перед ним.

Увы, эти извинения не были искренними...

И когда мичман Штейнгель 2 сентября следующего, 1805, года прибыл в Петропавловскую Гавань, доставив на «Надежду» первую награду (из будущего созвездия) Крузенштерна – орден святой Анны 2-й степени за первую осуществленную русскую кругосветку, он, наслушавшись корабельных историй о Резанове от Фаддея Беллинсгаузена, сел за командирский стол на своем «Охотске» и тут же сочинил письмо обо всем этом другому своему приятелю – капитан-лейтенанту Бухарину (да-да, тому самому, о котором он потом вспоминает в «Сибирских сатрапах») – и «очень свободно передал ему все, что слышал насчет Резанова».

Штейнгель на Камчатке вынужден был зазимовать – сел на мель недалеко от Большерецкого устья. За время его отсутствия Бухарин был назначен командиром Охотского порта, и порвал все отношения с бывшими приятелями – теперь же просто подчиненными.

По возвращении в Охотск Штейнгель, мягко говоря, поругался с Бухариным и вынужден был ехать в Иркутск по начальству. Вслед же за ним ушло из Охотска письмо в министерство, в котором Бухарин просил предать Штейнгеля суду за своевольную зимовку на Камчатке и введении тем казну в убыток.

Петербург среагировал – царь приказал Штейнгеля «арестовать на месяц с внесением в послужной список».

Но было что похуже...

«Застав в Якутске Резанова, я подстрекаемый любопытством видеть человека, аккредитованного важными поручениями, которого мне представляли более смешным и ничтожным, нежели уважения достойным, поспешил к нему явиться. К удив-

лению своему, я встретил ласковый прием с уверением, что много наслышан обо мне и рад познакомиться.

Удивление превратилось в полное замешательство, когда Резанов подал мне мое собственное письмо, писанное к Бухарину, полное сарказмами. Это был разительный урок! Я едва был в состоянии разговаривать: «Ваше превосходительство не должны ни удивляться, ни сетовать на меня, я не имел чести вас знать и передал то, что мне говорили люди, которым не мог не верить». «Очень знаю, – прервал Резанов, – нарочно взял это письмо из рук вашего недоброжелателя, чтобы лишить его возможности вам вредить. Я дал ему слово доставить его министру, и вот оно в руках ваших. Надеюсь, что вы перемените обо мне мысли». Таким благородным и столь обязательным для меня поступком он совершенно обворожил меня. Взаимно Резанов до того меня полюбил, что в Иркутске представил меня почти всякий день бывать у себя; удостоил меня полной своей доверенности по отчетам правительству и открыл мне все, что писал в так называемой им Синей книге. С тем вместе он ввел меня к генерал-губернатору, ходатайствовал у него о моей защите и дал совет подать генерал-губернатору просьбу, что я и сделал. Этого мало, он написал в главное правление Российско-Американской компании, чтобы выпросили меня у министра в свою службу. Он дал мне слово, что возьмет меня с собою в Нью-Йорк для сопутствования ему через Орегон в Калифорнию, в порт Сан-Франциско, где намерен был жениться на дочери коменданта. Провидение распорядилось иначе – он умер в Красноярске».

В своих «Записках» Владимир Иванович подтверждает рассказ Сгибнева о роли Кошелева в этой непростой истории.

Кстати, в «Путешествии вокруг света» И. Ф. Крузенштерн дает очень высокую оценку деятельности А. И. Кошелева. Особенно по установлению им мирных отношений с чукчами. Подробности тех событий Крузенштерн, по-видимому, узнал от младшего брата Павла Ивановича, адъютанта правителя Камчатки, поручика Кошелева, который был прикомандирован вместе с капитаном Федоровым к посольской свите Н. П. Резанова вместо поручика гвардии графа Федора Толстого (Толстого – Аме-

риканца), сыгравшего не последнюю роль в конфликте на «Надежде» и списанного за это с судна. Это о нем говорит Репетиллов в «Горе от ума» А. С. Грибоедова:

...Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку нечист...

Конечно, Крузенштерн был очень многим обязан Кошелеву. Потому и такой восторг, и сказка о чудесном укрощении чукчей. Перечитайте 4-ю главу второй части «Путешествия...» и, думаю, вы согласитесь со мной.

В честь Кошелева Крузенштерн назвал и один из южных камчатских вулканов – вулкан Кошелева.

Но один из безымянных вулканов Авачинской группы он назвал в честь смертельного врага Кошелева – командира Петропавловской роты майора Козельского.

Все непросто в жизни...

5.

Впрочем, и о Резанове есть мнение прямо противоположное мнению Владимира Ивановича.

Его изложил в «Морском сборнике» (№ 3 за 1864 год) капитан первого ранга Д. Афанасьев в своей рецензии на известное сочинение П. Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании». Вот оно:

«...сей г. Резанов был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову более способную созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания... Рассчитывая, что частные купцы, доставляя свои товары в Охотск и в Камчатку сухим путем через Сибирь не могли продавать их так дешево, как товары, привезенные от компании морем, он назначил всем вещам в Камчатке очень низкие цены, даже в убыток компании, с тем намерением, чтобы уронив частных купцов, захватить в пользу компании монополию; но компанейский комиссар в Петропавловс-

ке (запомним его фамилию – Выходцев. – С. В.), зная, что компания не в силах всякий год присылать суда с товарами из Европы, согласился с некоторыми другими купцами, взял на себя большое количество разных товаров из Компанейской лавки, которую сам управлял, и, оставя службу в компании, стал продавать свои товары по прежним высоким ценам и даже самому новому комиссионеру компании (Хлебникову. – С. В.) на ее счет... После этого первого опыта своего первого искусства в торговых оборотах и после пробы дипломатической тонкости его в Японии (опять неудачной), г. Резанов составил план для другого великого предприятия: он вздумал основать торговлю в Калифорнии, но, отправившись на компанейском судне в Сан-Франциско, он получил там ответ, что о торговле этой должно говорить в Испании, а не здесь. Но и сии три неудачные покушения не ослабили изобретательного духа г. Резанова; он объявил войну Японии и послал два компанейские судна грабить и жечь японские селения, пока правительство их не согласится торговать с нами; а пленных японцев предлагал селить в Америке и употреблять на компанейские работы... Смерть прекратила дальнейшие его планы, которым, вероятно, он не переставал бы служить компании».

6.

Брошено четыре серьезнейших обвинения, которые и по сей день остаются основными в различного рода обвинениях Резанова.

Итак, первое – о ценах.

Выслушав мнение Кошелева и других камчатских лиц о деятельности своих комиссионеров, рассказ о том, что правитель Камчатки три месяца продержал приказчика Хлебникова на гауптвахте с требованием снизить цены на товары, но тот, не получив разрешения правителя Охотской конторы РАК Полевого, так и не сделал этого; а также о других злоупотреблениях Компании на Камчатке и в Охотске, Резанов приказал Выходцеву прибить на стене торговой компанейской лавки следующее объявление. Приводим текст дословно:

«Высочайше покровительствуемая Его Императорского Величества Российско-Американская Компания, сопрягая пользы торговли с пользами своих соотичей, извещает всех жителей Камчатской области, что к удовольствию их открыла она продажу привезенных на корабле “Надежда” товаров по нижеследующим ценам, с тем, что водка, спирт и прочие вещи и товары продаются без малейшей примеси, обмера и обвеса. Компания предоставляет каждому из покупающих право сличать товар с засвидетельствованными пробами доброт, проверять вес и меру, и просить всех быть уверенными, что никакие злоупотребления в частной торговле доселе существовавшие в Компании, терпимы быть не могут, так что ежели б, против всякого чаяния, кто либо из находящихся в службе ее преступил ее правила, таковой подвергнет себя суду, яко нарушитель общего доверия, которое долженствует быть главным в торговле основанием».

Так что первое обвинение Афанасьева – это обвинение Резанова в благородстве, порядочности и любви к своему детищу – Российско-Американской компании.

Что же касается цен, то они, действительно, были уменьшены в три-четыре, а то и более раз: сахар, например, – в два, табак – в четыре, мыло – в пять раз. Ткани – в полтора-два раза.

Добавим к этому, что прибыв в первый свой приезд на Камчатку, в Петропавловскую Гавань, Резанов, видя нужду Камчатского батальона, выдал для нужд его безвозмездно 200 пудов железа, 2 пуда укладу, 2 000 аршин тонкого холста, 5 пудов сахара рафинада, 5 пудов мыла, 12 пудов пенькового прядева на рыболовные сети, 2 бочки табаку амерфортского, 2 ящика белых немецких стекол, 200 аршин выбойки и 100 кусков китайской бумажной ткани (дабу).

Об этом Афанасьев и не упоминает.

7.

Следующее обвинение – неудачная дипломатическая миссия в Японию.

Да, миссия эта не удалась. Если Адаму Лаксману (сыну Эриха Густавовича, старого знакомого Штейнгелей по Иркутску), доставившему на родину японца Дайкокуя Кодая из Исэ (еще одного знакомого по Нижнекамчатску, где он жил несколько лет, заброшенный на полуостров свирепым тихоокеанским штормом), удалось в 1792 году добиться разрешения японцев о приходе одного торгового судна из России в год, то Резанову вовсе было отказано в возможности установления каких-либо торговых отношений между Россией и Японией.

Стоит вспомнить при этом, что одним из инициаторов поездки Адама Лаксмана в Японию был как сам Эрих Густавович, так и старый его друг Григорий Иванович Шелихов.

Они задумывали и второе плавание. Добились и разрешения, по которому Лаксману определялась научная часть, Шелихову – торговая... но в июле 1795 года умер Григорий Иванович, а в январе следующего – Эрих Густавович.

Так что посольство в Японию имело для Резанова не просто какое-то значение – оно было завещано ему вместе с Российско-Американской компанией.

Неудачу посольства командир «Надежды» И. Ф. Крузенштерн позже объяснял тем, что Резанов больше заботился в Японии об интересах компании, нежели об интересах России.

Мы, кажется, уже поняли, что интересы России и интересы компании были для Николая Петровича едины, и он шел даже против интересов компании, там, где это служило интересам России.

Вряд ли Крузенштерн объективен – но здесь хоть причины известны.

А какие причины заставили наших историков напрочь забыть о Николае Петровиче? Почему даже биографии подробной не прочтешь нигде? Широкому кругу он вообще известен только лишь как герой «Юноны» и «Авось» Андрея Вознесенского.

Только в энциклопедическом словаре русского библиографического института Гранат (Москва, 1932 год) удалось найти кое-какую информацию. Годы жизни: 1764–1807. То есть прожил он на белом свете всего сорок три года. Государственный деятель и ученый. Получив домашнее воспитание, поступил в

1778 году на военную службу, которую вскоре оставил и перешел в службу «статскую», занимая различные должности при суде, сенате, адмиралтействе. Резанов был правителем канцелярии Г. Р. Державина, затем – обер-секретарем Сената, глубоко изучал вопросы экономики и торговли.

Гаврила Романович нес гроб с телом дочери Шелихова – Анны, умершей в 1802 году. Он же вместе с Иваном Ивановичем Дмитриевым (с которым позже близко сойдется в Москве и Владимир Штейнгель – вот как тесна матушка-Россия!) посвящал Григорию Ивановичу строки, выбитые в 1800 году на его надгробии:

Колумб здесь Росский погребен!
Преплыл моря, открыл страны безвестны,
И зря, что все на свете тлен,
Направил парус свой
Во океан небесный,
Искать сокровищ горних, не земных,
Сокровище благих!
Его ты душу, Боже, упокой!

Гавриил Державин

Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелехов, без войск, без громоносных сил,
Притек в Америку чрез бурные пучины,
И нову область ей и Богу покорил.
Не забывай, потомок,
Что Росс твой предок был и на Востоке громок.

Действ. Стат. Советн. Ив. Дмитриев

И, конечно же, Резанов осознавал значимость ему порученного. Имеются и свидетельства. Они в старых, непрочитанных книгах и документах.

Есть малоизвестное, но подробнейшее описание неудавшегося посольства – это «Журнал первого путешествия Россиян в круг земного шара, сочиненный под высочайшим его импера-

торского величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером московским купцом Федором Шемелиным».

Федор Иванович Шемелин еще в 1786 году по поручению Г. И. Шелихова снял в Игольном ряду в Москве торговое помещение для торговли американской пушниной, а затем навещал в Петербурге английского купца Шмидта, жившего на Малой Морской, выполняя просьбу главы Американской компании по налаживанию связей с английской «Индийской компанией». То есть Федор Иванович одним из первых начинал организацию внешнеэкономической деятельности будущей Российско-Американской компании. В своем журнале Шемелин приводит собственноручные инструкции Резанова, в которых последний ставит конкретные задачи деятельности Шемелина в Японии, определяет сферу интересов. К слову быть сказанному, первую часть этого журнала 6 сентября 1805 года Шемелин передаст для отправки в столицу лично командиру транспорта «Охотск» Владимиру Ивановичу Штейнгелю.

А теперь заглянем в «Журнал»:

«Имея высочайшее от его императорского величества поручение ходатайствовать у японского престола о прочном установлении российской с японцами торговли, беру я в соображение все в таковую связь входящие обстоятельства и нахожу нужным вам, как доверенному от Российско-Американской компании в торговых ее производствах сообщить предварительно мои замечания, с таковым при том с моей стороны вам предписанием, чтоб вы совершая со мной сие путешествие, обратили возможное ваше внимание к приобретению вернейших сведений по всем тем предметам, которые от меня вам здесь на вид поставлены будут; между тем, как об отдаленной державе сей по не обращению ее ни с кем, кроме голландцев, ни каких достоверных сведений нет, исключая путешествие Кемпфера, которому более ста лет протекло, а в 1776 году путешествие Гумберга есть ни что иное, как список с первого, то и должно теперь руководствоваться тем, что есть, доколе мы на месте сами себя в сем деле не усовершенствуем».

В этом месте я должен внести уточнение – было еще одно

описание Японии, выполненное большерецким канцеляристом Иваном Рюминым, бежавшим в 1771 году вместе с Бенъевским. Кстати, по возвращении из Японии Николай Петрович побывает на месте этих событий – в Большерецком остроге и оставит любопытное свидетельство о Большерецком бунте на основе бытующих в Камчатке легенд. Но «Записок канцеляриста Рюмина» он не прочтет – они благодаря архивным раскопкам известного нам уже Василия Николаевича Берха будут впервые опубликованы только в 1821 году. А жаль – тогда бы он понял, что успех экспедиции Лаксмана на «Святой Екатерине» во многом определяется тем, что Бенъевский – Бенгоро (как прочли его фамилию в Японии) – очень сильно перепугал нашего южного соседа угрозой с севера, а к моменту дипломатической миссии Резанова такой угрозы вроде как уже не существовало.

А теперь продолжим чтение инструкции, которая могла бы подтвердить, что интересы компании Резанов ставил выше интересов Отечества.

«В рассуждении вывоза из Японии товаров могущих дать очевидную прибыль, считаю я полезным следующие:

Медь, ее два сорта, первый и лучший в прутьях длиною в четверть, а толщиною в палец... Я полагаю, что в Америке, Охотске, Якутске и далее, может она понизить существующую там на сей металл от провозов из Пермской губернии дороговизну, а казне даст способ завести всюду артиллерию. Другой сорт меди продается в плоских кружках, но она хуже.

Пшено, Япония им изобилует, и род оного сам по себе превосходный, я не распространяюсь о пользе сего товара, как бы хлебопашество в Камчатке не усовершенствовалось, никогда изобильный ввоз пшена не доставит убытку...

Камфора, бесспорно, что японская во сто раз хуже борнейской, которую к ним возят голландцы, но они же вывозят ежегодно и японской по несколько тысяч ящичков, и перечищая привозят им, может быть, ее же за борнейскую. Камфоры борнейской или чистой в Петербурге пуд 250 рублей, можно бы и нам перечищать ее в Охотске и доставлять во всю Россию сходнейшими ценами.

Бумажные ткани и дабу весьма полезны для нашей торгов-

ли, а особливо в Америке могут составить дешевую одежду для тамошних жителей, которые входят уже во вкус русского одеяния.

Сахарный песок и леденец, последний заменил бы в Америке и Камчатке сахар, а ежели б можно было достаточно вывозить первого, то легко бы тогда делать в Камчатке ром, и возить оный и к японцам, которые к крепким напиткам пристрастны.

Фарфор, он в Японии дешев, голландцы вывозят его в Европу, можно бы нам снабжать прекрасными и дешевыми сервизами Сибирь, которая по усилившейся там роскоши, от одной палевой посуды становится уже неизменною данницею англичан».

Что же предлагает Резанов ввозить в Японию?

«Китовый, тюлений и рыбы жиры. Известно, что курильцы доставляют в Матмай (Хоккайдо. – С. В.) в островах у себя добываемый, сей промысел должен еще быть устроен и выгоды покажут к тому средства.

Рыба соленая (он на целое столетие опережал время – промысел был начат в 1896 году и является основой современных российско-японских отношений на Дальнем Востоке. – С. В.), промысел сей так же требует прочного основания, он должен быть прост. Суда в Курилах для сего должны быть строены так, чтоб без бочек в них прямо и солить в сделанные ящики (это предложение сухого посола, который и определил развитие рыбной промышленности с конца XIX по середину XX вев. – С. В.).

Моржовый зуб.

Оленьи и лосиные кожи; они в великом у японцев употреблении; из путешествия Мандслело в начале XVII века видно, что и тогда к ним из Сиамы в год более 100 000 кож доставляли, ровдуга наша из Гижиги могла бы по обилию там оленей всю Японию удовлетворять.

Юфть, важный товар для них, ее можно бы доставлять из Иркутска, где ныне довольно хорошо оную выделывают.

Поташ, ставлю я вам на примечание, для того, что Япония не весьма лесом избыточна...»

И так далее – о железе, о холстах, материях, стеклянной посуде...

То есть, как видим из этого только документа, намерения Резанова, камергера, действительного статского советника, полномочного министра, царского посланника и корреспондента РАК, не были противоречивыми, ибо он исходил только из того, чтобы завязать торговые и прочие отношения между Россией и Японией.

Не получилось. Как не получилось ни у одного посланника любой другой, кроме Голландии, европейской державы. Япония закрылась от всего мира, приоткрыв лишь малюсенькую щелочку между створками раковины.

Но семя сомнения в добропорядочности Резанова было посеяно на «Надежде» давно и надежно. И урожай выдался на редкость богатый. Не желая более продолжать совместное с Крузенштерном плавание, Резанов после возвращения из Японии уходит в Америку на компанейском судне «Мария Магдалина». Вместе с ним отправляются в Америку – уже во второй раз – принятые на службу в компанию морские офицеры – лейтенант Хвостов и еще один сокурсник и друг Владимира Штейнгеля, мичман Давыдов – будущие командиры «Юноны» и «Авось».

Гавриил Иванович Давыдов к тому же еще и автор «Двухкратного путешествия в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним».

8.

Но мы обратимся сейчас к творчеству другого из них – лейтенанта Н. Хвостова, чтобы его глазами взглянуть на некоторые события в Америке, о которых столь нелестно высказался капитан первого ранга Афанасьев.

«Вот человек, которому нельзя не удивляться, – писал о Резанове Н. Хвостов в июле 1805 года. – Скажу справедливо, что я и Давыдов им разобижены: до сих пор мы сами себе удивлялись, как люди, пользующиеся столь лестным знакомством в столице, имея добрую дорогу, решились скитаться по местам диким, бесплодным, пустым или лучше сказать страш-

ным для самых предприимчивых людей. Признаюсь, я не говорил и не думал и не приписывал одному патриотизму и в душе своей гордился; вот была единственная моя награда! Теперь мы должны лишиться и той, встретившись с человеком, который соревнует всем в трудах... Все наши доказательства, что судно течет и вовсе ненадежно, не в силах были остановить его предприимчивого духа. Мы сами хотели возвратиться на фрегате в Россию, но гордость, особливо когда сравнили чины, почести, ум, состояние, то в ту же минуту сказали себе: идем, хотя бы то стоило жизни, и ничто в свете не остановит нас...

...Я не могу надивиться, когда он спит! С первого дня нашей встречи, я и Давыдов всегда при нем, и ни один из нас, не видал его без дела. Но что удивительнее: по большей части, люди в его звании бывают горды; а он совсем напротив, и мы, имея кой-какие поручения, делаем свои суждения, которые по необыкновенным своим милостям принимает...»

А эта запись произведена уже в Русской Америке на острове Кадьяк: «Я никому так не удивляюсь, как Николаю Петровичу, — однако и его терпение начинает останавливаться. До сих пор он был удивительно терпелив, но нынче, начиная чувствовать припадки цынготной болезни, и боясь последовать образу наших промышленников, которые ежедневно отправляются в Елисейские поля (то есть на тот свет. — С. В.), намерился, спасая несчастную кучку людей, отправиться в Калифорнию, уповая достать хлеб от испанцев» (вот он главный движущий мотив — или, другими словами, «не до жиру — быть бы живу», не о торговле с испанцами болела голова у Резанова, а о спасении «кучки» русских людей, заботу о которых он принял вместе с должностью. — С. В.)...

А теперь поясним — прибыв в Русскую Америку, Резанов застаёт промышленников и главного правителя в самом удрученном состоянии. Магазин на острове Уналашка заполнен товарами, но их никто не берет и брать не будет — все та же Охотская контора, возглавлял которую Алексей Евсеевич Полевой, по самой высокой цене сбывала сюда самые никудышные и дурные товары.

«Нужда в колониях, — писал П. Тихменев, — во всем необхо-

дымом доходила до того, что на 200 человек выдавалось хлеба, не более фунта на неделю на каждого, и то только до 1-го октября. Рыба перестала ловиться. Сушеная юкола, сивучина и изредка нерты, составляли единственную пищу новоархангельцев. Нужда заставила не пренебрегать ничем: ели орлов, ворон, каракатиц и вообще всякую всячину. Только больным скорбутом (цингой. – С. В.), царствовавшим, можно сказать, в заселении, давали пшено с патокою и пиво, сваренное из еловых шишек».

Как должен был поступить в этой ситуации Николай Петрович, будучи, повторяю, руководителем компании?

Идти в Калифорнию, где, несмотря на официальный запрет на торговлю с иностранцами, через миссионеров-контрабандистов можно было обменять меха на что угодно, в том числе и продукты.

И Резанов приобретает за 54 637 1/2 испанских пиастров у американца Вульфа 206-тонный обшитый медью корабль с товарами. Это и была «Юнона».

«Мысль хороша, – писал об этом решении идти в Калифорнию командир “Юноны” лейтенант Хвостов, – но не очень приятна. Сегодня вряд ли и не снимемся с якоря, забывая, что равноденствие на дворе, а нам надо идти к тропикам, где около этого времени стоят крепкие ветры».

Еще бы – на дворе же был февраль. Но «Юнона» все же пошла в Сан-Франциско, дошла и, несмотря на запрет испанцев, умудрилась зайти в бухту. У Резанова не было другого выхода. И он рисковал всем – в том числе и собственной жизнью – ради спасения русских американцев.

Губернатор Калифорнии – дон Арильяго – прибыл ради этого случая из столицы – Монтерея – в крепость Сан-Франциско, где, благодаря щедрым и дорогим подаркам камергера двора русского императора, симпатии обывателей, в том числе и сына коменданта (исполнявшего в отсутствие отца его обязанности) дона Луиса де Аргуэльйо были на стороне русского правителя американских областей.

Особенно же большую роль в судьбе русских американцев сыграла, как известно, сестра дона Луиса – донья Консепсия,

первая красавица Калифорнии, покоренная манерами и благородством дона Николаса.

Отношения же с Испанией – накануне Россия разорвала дипломатические связи с Францией, союзницей Испании, – были чрезвычайно сложными и напряженными.

И вот в этой обстановке, накаленной, нервной, взрывной, исповедывающий православие Николай Резанов обручается с католичкой Концепсией и становится членом семьи коменданта Сан-Франциско. И хотя вокруг ширились слухи о возможной войне с Россией, Резанов загружает «Юнону» продовольствием, не забывая давать ежедневные балы для местной знати, гася всякую неприязнь и недружелюбие к своей державе.

4 600 пудов пшеницы, муки, ячменя, гороха, бобов, соли и сушеного мяса доставил Николай Петрович – этот «говорун и писака» – в июне этого же 1806 года в Ново-Архангельск.

Цинга свирепствовала в то время не только в Ситхе, но и на Кадьяке. Привезенные продукты опять же, как и на Камчатке, пошли по самой низкой цене: пшеница по 3, бобы и горох по 4, масло по 8, сало говяжье по 6 рублей ассигнациями за пуд, в то время как четверть хлеба (7 пудов 10 фунтов) до прихода «Юноны» стоила 34–35 рублей, а крупа – до 60 рублей.

Так что, как мне кажется, не выдерживает критики и обвинения Резанова о безрассудстве его вояжа в Калифорнию.

9.

И остается последнее, самое серьезное из обвинений – о военной экспедиции «Юноны» и «Авось» к берегам Японии.

Замышлял ли Резанов военное нападение на японцев?

Да, замышлял.

Вот что он сам писал царю: *«Усиля американские заведения и выстроя суда можем и японцев принудить к открытию торгового, которого народ весьма сильно желает у них. Я не думаю, чтоб Ваше Величество вменили мне в преступление, когда имев теперь достойных сотрудников, каковы Хвостов и Давыдов, с помощью которых выстроя суда, пушусь на будущий год к берегам японским разорить на Матсмае селение их, вытеснить*

их из Сахалина и разнести по берегам страх, дабы отняв между тем рыбные промыслы, и лиша до 20 000 человек пропитания, тем скорее принудить их к открытию с нами торгова, к которому они обязаны будут. А между тем услышал я, что они и на Урупте осмелились уже учредить факторию. Воля Ваша, Всемилостивейший Государь, со мною, накажите меня как преступника, что не сождав повеления приступаю я к делу; но меня еще совесть более упрекать будет ежели пропущу я понапрасну время и не пожертвую славе Твоей, а особливо когда вижу, что могу споспешествовать исполнению великих Вашего Императорского Величества намерений».

План Резанова был прост – усиление России на границе с Японией, чтобы микадо и его ближайшие советники осознали необходимость установления дипломатических, в том числе и торговых, отношений с Россией.

Для этого Резанов предполагал создать русскую колонию на Сахалине. Колонию с крепостями, вооруженными артиллерией, прямо напротив Матсмая – Хоккайдо.

Кроме того, с помощью компанейских судов Резанов хотел парализовать торговую связь между островами, захватив в плен неповоротливые купеческие суденышки японцев, не способных отдаляться от берегов более чем на 3–4 мили. Все это должно было, по мнению Николая Петровича, вызвать ропот в народе и заставить согласиться самых упорных из министров на союз с Россией.

А вот теперь самое главное. В 1856 году в «Морском сборнике» (№ 12, ч. IV) были опубликованы «Замечания старого моряка» Тридечного (мало кто подозревал, что под этим псевдонимом скрывается декабрист Владимир Штейнгель), в которых автор, ссылаясь на сведения, полученные от Гавриила Давыдова, пытался определить степень вины каждого из участников тех событий.

Давыдов и Хвостов были людьми отважными и горячими. В предисловии к «Двухкратному путешествию...» вице-адмирал Шишков рассказывал, что Николай Александрович Хвостов, будучи еще гардемаринном, уже участвовал в сражении против шведов и в четырнадцать лет был отмечен золотой медалью.

Впоследствии Хвостов проходил службу на судах английской эскадры и участвовал в сражении против голландцев. Предложение о службе на судах Российско-Американской компании он получил лично от Резанова и пригласил с собою молодого – ему было тогда 18 лет – мичмана Давыдова, отправившись через Сибирь в Америку, о чем и рассказал впоследствии Гавриил Иванович в своей книге.

И вот они во второй раз отправляются в Америку вместе с Резановым. 29 августа 1805 года в Ново-Архангельске, Резанов пишет официальное письмо о своем намерении снарядить экспедицию к берегам Японии.

«Первый шаг ваш в Америку доставил мне удовольствие узнать вас лично с стороны решительной предприимчивости (мнение же офицеров о нем, в первую очередь старшего из них – Хвостова – мы уже знаем. – С. В.), успешное возвращение ваше в Европу показало опыт искусства вашего, а вторичное путешествие в край сей удостоверило, сколь глубоко лежат в сердцах ваших благородные чувствования истинной любви к Отечеству. Наконец свершил и я несколько с вами плаваний, оставивших мне навсегда приятное впечатление, что великий дух пользу общую свыше всего поставляет. В правителе здешних областей тот же пример ревности и усердия, каковому некогда потомки более нас будут удивляться. Пользуясь столь щастливою встречею нескольких умов к единой цели стремящихся решил я на будущий год произвести Экспедицию, которая может быть проложит путь новой торговле, даст необходимые силы краю сему и отвратит его недостатки. Для сего нужно иметь два военные судна, бриг и тендер; они могут быть здесь построены, и я дал уже о сем господину правителю мое предписание. Теперь остается мне, милостивые государи мои, сказать вам, что первые суда сии в первую Экспедицию назначаемые должны иметь и первых офицеров. Не быв морским чиновником могу я только свидетельствовать о трудах ваших, деятельности и успехах. Не распространяясь в глубокость сей чуждой для меня науки могу лишь поверхностно судить одними сравнениями, приобретаемыми опытностью, и наперед уверен, что журналы ваши оправдают мнение мое; но

не перестану чувствовать истинного почтения к тем великим и благородным порывам, которые в глазах каждого любящего Отечество дают вам право быть в числе первых офицеров. Я прошу вас теперь, как друзей моих, готовых жертвовать собою на пользу общую, для которой столь охотно мы себя посвящаем, быть готовыми к принятию начальства над судами предполагаемыми, разделя их по старшинству вашему, и для того ныне же приступить к рассмотрению чертежей, которые господа корабельные подмастерья представят, и по апробации оных участвовать присмотром вашим в успешном их построении, так чтоб в конце апреля были они готовы и в первых числах мая мы уже под паруса вступили. Знаю, что многие встречаются недостатки, но когда же великий подвиг не имел своих трудностей? Оные не устрашают нас и лишь более дадут славы. Я не нахожу еще нужным распространяться о предмете Экспедиции сей, о которой в свое время получите от меня полное наставление. В постройке добрых судов, усердие строителей дает мне надежду, в плавании опытность и труды ваши обещают успехи. Я признаюсь, что с моей стороны нетерпеливо жду времени подвигов ваших и так приступим общими силами к совершению великого дела и покажем свету, что в щастливое наше столетие горсть предприимчивых Россиян бросит весь свой (пыл) в те огромные дела, в которых миллионы чуждых народов веками участвуют.

С совершенным почтением имею честь быть вам.

*Покорнейший слуга
Николай Резанов».*

Построенному в Ново-Архангельске второму судну «дали сходное с покушением на Экспедицию название «Авось». Командование «Авось» было поручено Давыдову.

27 июля 1806 года суда отправились в военную экспедицию, первоначально которую возглавил сам Резанов.

Но вскоре последовали первые коррективы: при прохождении Курильских островов Резанов отдал новые распоряжения – «Авось» отправляло на Сахалин, где в заливе Анива должно было дожидаться «Юноны», которая уходила в Охотск.

В Охотске Николай Петрович, уже перед самым отходом «Юноны», снова изменил инструкцию, и теперь уже коренным образом:

«...оказавшийся перелом в фок мачте, противные ветра плаванию вашему препятствовавшие и самое позднее осеннее время обязывают вас теперь поспешить в Америку. Время назначенное к соединению вашему с тендером в губе “Анива” пропущено. Желаемых успехов, по окончании уже там рыбной ловли, ныне быть не может, и притом, сообразуясь со всеми обстоятельствами, нахожу лучше всего прежде предписанное оставя, следовать вам в Америку к подкреплению людьми порта Новоархангельска. Тендер “Авось” по предписанию и без того возвратиться должен. Но ежели ветры без потери времени допустят вас зайти еще в губу Анива, то старайтесь облазгать сахалинцев подарками и медалями и взглянете в каком состоянии водворение на нем японцев находится. Довольно исполнение сего сделает вам чести, а более всего возвращение ваше в Америку, существенную пользу приносящее, должно быть главным и первым предметом вашего усердия. И так, подобным наставлением снабдите вы и тендер, буде с ним встретитесь. Впрочем, в плавании вашем могущие быть непредвиденные обстоятельства соглашать вы будете с пользами компании искусство ваше и опытность конечно извлекут лучшее к достижению исполнением сего предписания. Я с моей стороны крайне жалею, что здешний порт не способен к перемене вам мачты и что стечение обстоятельств обязало меня к перемене плана».

Тихменев, считающийся официальным летописцем Российско-Американской компании, полагал, что все это произошло по одной причине: у Резанова появилась мысль: *«Не будет ли экспедиция преждевременна и не лучше ли обождать решения правительства».* И не желая прямо говорить об этом людям, всей душой своей поверивших в историческую необходимость для России этого военного конфликта, Резанов поступил более дипломатично и тонко.

Но людям прямым, искренним, горячим, головы которых были перевозбуждены от мыслей о своей исторической миссии, было,

естественно, не до дипломатичности и тонкости. Оно и понятно.

Получив новую инструкцию, Хвостов тотчас возвращается в Охотск, чтобы объяснить с Резановым. Николай Петрович продумал и этот ход и, чтобы сжечь за собой все мосты и не дать себя уговорить, уезжает из Охотска накануне отправки новой инструкции на «Юнону».

– Как ему судить о безнадежности мачты? Я докажу, что и без мачты бы умел все выполнить. И как мне идти в Камчатку, когда «Авось» у японских берегов ждет меня?– таковы были рассуждения Хвостова (согласно пересказу Давыдова Штейнгелю).

И Хвостов, разумеется, отправляется на Сахалин. Здесь, обсудив с Давыдовым ситуацию, офицеры пришли к выводу, что новая инструкция не дает им основания не начинать военных действий против Японии, ибо есть еще и другой документ – письмо Резанова Александру I, с которым каждый из них, разумеется, был ознакомлен Резановым.

В 1806 году Хвостов и Давыдов разорили селение японцев в заливе Анива, реквизировали 1 200 пудов крупы и увезли с собой на Камчатку четверых пленных.

В 1807 году они напали на японское поселение на Итурупе и с одним из пленных передали письмо японскому правительству, в котором раскрывали причины военных действий. С Курильских островов они снова пошли в залив Анива, где уничтожили четыре японских судна, и ушли в Охотск.

Командир Охотского порта капитан 2-го ранга Бухарин попытался арестовать офицеров за их самовольные действия, но те бежали из-под ареста и, прибыв в Иркутск, «адресовались под защиту генерал-губернатора». Пестель... разрешил им ехать в Санкт-Петербург.

Из столицы обоих откомандировали в Финляндию, где они командовали канонерскими лодками и участвовали в военных действиях. За проявленную храбрость в боях они были представлены к боевым орденам – святого Владимира (Давыдов) и святого Георгия (Хвостов) 4-й степени, но царь наложил на реляции главнокомандующего графа Буксгевдена следующую резолюцию: «Не получение награждения в Финляндии послу-

жит сим офицерам в наказание за своевольства против японцев».

Все-таки своевольства... Но почему тогда столь мягкое наказание (за вынужденную зимовку на Камчатке Штейнгелю – месяц ареста с внесением в послужной список, а здесь...) Тем более, что лейтенанта Хвостова терпеть не мог морской министр П. В. Чичагов?!

У меня есть только два объяснения на этот счет.

Или Николай Петрович успел взять всю ответственность за произошедшие события на Дальнем Востоке на себя. Или Александр Первый одобрял проект Резанова об открытии военных действий против Японии с целью заключения торгового договора, понимая все его выгоды для развития российской окраины.

К сожалению, Гавриил Давыдов успел написать только первую часть «Двухкратного путешествия...» и не ответил на многие непростые вопросы. 4 октября 1809 года Хвостов и Давыдов были в гостях у старого своего друга – личного врача Резанова Григория Ивановича Лангсдорфа на Васильевском острове. Доктор, он же известный ученый, натуралист, а позже и российский дипломат, принимал еще одного дорогого гостя из Америки – бывшего хозяина «Юноны» мистера Вульфа. На следующий день тот уезжал в Кронштадт для возвращения на родину. Потому за разговорами и воспоминаниями подзадержались. Возвращались поздно...

Уж ночь осенняя спустила
На землю мрачный свой покров,
И тихая луна сокрыла
Свой бледный свет среди облаков,
Лишь ветер печально завывая
Глубокой тишине мешал,
И черны тучи надвигая
Ночные мраки умножал.
В сон сладкий твари погрузились,
Умолкли смертных голоса,
Унылы звоны повторились,
На башнях било два часа.

В сии минуты, что покою
Природа отдала на часть,
Невинным, строгою судьбою,
Сплеталась лютая напасть.
Сбирался гром над головами
России верных двух сынов,
Идут поспешными стопами
К реке Давыдов и Хвостов.
Тут рок мгновенно разделяет
Мост Невский на двое для них:
Отважный дух препятств не знает:
Могло ли утратить то их?
Моря, пучины преплывая,
Ни пуль, ни ядер не боясь,
Опасность, бедства презирая,
Неустрасимостью гордясь,
Идут... и обрета препону
Нечаянну в своем пути,
Внимая храбрости закону,
Стремятся далее идти.
Сокрытым роком не смущаясь
Хотят препятства отвратить
Руками крепко соединяясь,
Пространства мнят перескочить.
Но что? о бедствие ужасно!
Могу ль его изобразить?
Стремленье было их напрасно,
Нельзя предела применить:
Обманутые темнотою
И крепостию сил своих,
Под Невской погреблись волною.
Увы! не стало в свете их.
Нева! о гроб друзей несчастных!
Их жизни сделав злой конец,
Причина слез и мук всечасных,
О них тоскующих сердец,
Отдай скорей остаток бранный,

Что скрыт в пучинах вод твоих;
Отдай родителям священный
Предмет всеместной скорби их.
А вы! судьбы завистной жертвы!
Герои храбрые в боях!
Хотя бесчувственны и мертвы,
Но живы в мыслях и сердцах;
Утехи, бедствия делили,
Вы меж собой во всякий час,
В сей жизни неразлучны были,
И смерть не разлучила вас.

Анна Волкова

10.

Таких вот совпадений, роковых случайностей и неожиданностей в нашем повествовании будет немало. Мы их не выдумываем – в этой книге, как вы уже, наверное, поняли, все будет построено на достоверных фактах. Сама жизнь преподносит нам эти неожиданности. Она гораздо богаче самой изощренной фантазии, самой невероятной выдумки.

Судите сами. Два примера из жизни наших героев. Оба случая описаны Кириллом Тимофеевичем Хлебниковым во «Взгляде на полвека моей жизни» («Сын Отечества», 1838 год, т. 4):

«Живучи в Камчатской Петропавловской Гавани, я имел привычку спать после обеда. Так было и 5 ноября 1811 года. Вдруг во сне я стал спрашивать у бывших тут: пришли ли люди от судна, которое недалеко отсюда разбилось? Над этим засмеялись, и когда я проснулся, пересказали мне о вопросе. Тут я вспомнил, что видел во сне нечто ужасное, но не мог привести виденного в соображение.

К вечеру того же дня входит ко мне незнакомый человек. Увидев его, я узнал одно из лиц, виденных во сне, и вздрогнул от удивления. Тут он уведомил меня, что корабль “Юнона” потерпел крушение при устье речки Вилюя во время сильного

шторма, и при этом погибли командир судна и весь экипаж, кроме его и еще двух матросов, спасшихся неожиданно, и что они нашли бывших там за ловлею рыбы наших людей, и ими сюда доставлены».

А 9 мая 1807 года Кирилл Тимофеевич вышел в море на боте «Ростислав», командиром которого был... Джон де Вульф – да-да! бывший хозяин «Юноны». А пассажиром – Григорий Лангсдорф. Последние, кто видел живыми Давыдова и Хвостова.

Шли они в Охотск. И, конечно же, не без приключений.

«14-го числа по утру при N. W. свежем ветре, мы шли по шести миль в час. В то время, сидя в маленькой своей каюте за чаем, по обыкновению шутили, как вдруг почувствовали жестокий удар, произведший сотрясение всего судна. Капитан, выскочив наверх, приказал рубить найтовы и спустить на воду маленький ялик, чтоб, если судно вдруг будет погружаться, спастись тем, кто может. Мы выскочили вслед за капитаном: паруса лежали на стенах, судно колебалось, как бы осаживаясь на глубину. Изумленные, мы не знали еще, чего ожидать, примечали все движения и взгляды опытного капитана; но ботсман, озиравший за бортом, увидел кита. Сие чудовище, величиною едва ли не вдвое больше нашего корабля, покоилось, колеблясь на волнах Океана. Часовые его не усмотрели, и мы набежали на сонного, потревожили его ударом, и взаимно получили такой же с сильным сотрясением. После сего приветствия, огромное животное, всплыв на поверхность, с тяжелым и громким стоном изрыгнуло из широких жабр фонтан вонючей, окровавленной жидкости, которая покрыла поверхность моря и произвела несносное зловоние. Капитан приказал сморить воду в судне, и как не оказалось пробоины, то и были мы успокоены. В Охотском порте, при осмотре нашлось, что фальшкиль был сбит от сего удара».

Глава третья

1.

Я уже писал, что за всю свою последующую жизнь Владимир Иванович Штейнгель так и не изменил своего мнения о

правителе Камчатской области Павле Ивановиче Кошелеве.

Что же произошло в Нижнекамчатске и почему мичман Штейнгель оказался среди врагов честного и глубоко порядочного человека, который вслед за Иоганном-Готфридом Штейнгелем, продолжил эту борьбу с казнокрадами, пьяницами и развратниками?

А был заговор. И готовилось убийство камчатского командира.

Нижнекамчатский заговор возглавлял подполковник Сибиряков.

Ситуация на Камчатке, когда Кошелев принял Камчатский полк и область, была, как мы уже знаем, благодаря анонимному автору, сложной – и поэтому первые годы камчатской службы генерал-майора Кошелева ушли на решение самых злободневных проблем – обустройство четырехсот с лишним солдат, решение проблем доставки провианта, обмундирования, заведения хлебопашества и прочая, прочая, прочая, что в далеком Иркутске придумывали для «облегчения» жизни на Камчатке.

Помимо этого перед Кошелевым стоял и «неблагополучный» чукотский вопрос, о благополучном разрешении которого так живописал Крузенштерн. Но, как говорится, истина дороже – он не был решен еще с полвека и после Кошелева.

Поэтому в этой ситуации часть неотложных дел Кошелев доверил своему помощнику майору (позже подполковнику по ходатайству Кошелева) Сибирякову. Он возлагает на него все свои обязанности по Камчатскому батальону, чтобы самому вплотную заняться проблемами края, которых, как мы тоже уже знаем, хватало с избытком даже при таком мизерном населении. Это потом уже узнает Кошелев всю подноготную правду о своем военном помощнике, начинавшем карьеру казачком-денщиком у Биллингса и заработавшим на этом достаточно большой – но не благородный! – чин сотника, благополучно «обмененный» им при высоком попустительстве на благородный чин прапорщика Иркутского полка, чтобы через девять лет вырасти до майора и направиться на Камчатку, где, и не так еще давно, его не раз бивали пьяного в кабаках.

Теперь же он был здесь власть – и поизголялся над старыми

своими обидчиками всласть – благо и прикрытие было самое благородное – романтик генерал-майор Сомов.

Теперь же, когда Кошелев принялся за расследование камчатских дел, Сибиряков должен был во что бы то ни стало остановить этот поток разоблачений. Во-первых, нельзя было допустить рассмотрения злоупотреблений бывшего шефа Камчатского полка Сомова и старших офицеров, ибо все нити вели к нему самому – Сибирякову. Во-вторых, он обязан был прикрыть все злоупотребления и мошенничества со стороны агентов Российско-Американской компании, ибо правителем главного правления РАК был тесть господина Сибирякова – Зеленин, и снова все нити тянулись к подполковнику. В-третьих, в случае устранения Кошелева Сибиряков становился хотя бы и на короткий срок единоличным властелином края. А уж он бы своего не упустил даже и за очень короткий срок.

Положение у Сибирякова было не из приятных: сегодня – в полном доверии у Кошелева, завтра – сокрушительное для карьеры разоблачение.

И вот тогда, пользуясь своим положением, Сибиряков пытается организовать офицерский заговор против Кошелева, но офицеры, разбросанные по разным гарнизонам, за сотни верст друг от друга, и привыкшие красть порознь, еще не осознали необходимости объединения своих сил против Кошелева – да и он их пока не трогал.

Начало кое-что доходить до некоторых лишь когда полетели первые головы – отстранен от службы за злоупотребления командир петропавловской роты майор Козельский.

Исполняя монарший указ о заведении солеварения в Петропавловской Гавани, Козельский написал ложный рапорт и за особые заслуги в отечественном солеварении был жалован алмазным перстнем. Солью же этой он на самом деле бессовестным образом спекулировал, продавая Компании по тридцать рублей за пуд и хорошо на этом наживаясь, а Камчатский батальон оставил вовсе без соли. Этого показалось мало и совместно с купцом Месниковым сочинили они на имя царя еще одну бумагу о некоем долге петропавловской роты – потерпевшей, дескать, и голод, и холод – перед этим купцом, пришедшим на

помощь в труднейшую минуту, и так далее в том же духе, чтобы только выманить у царя деньжат побольше и полученный «долг» разделить поровну с купцом Месниковым, чтобы «оним воспользоваться самим», как расследовал Кошелев.

Кроме того, читаем в материалах начатого по злоупотреблениям Козельского следствия следующее: «...*грабил вверенную ему в Петропавловской гавани роту, делал ей притеснения, тиранство; разорил бывший храм, употребляя из оной лес на постройку у себя скотских стай и в прочие неприличные места; брал от подчиненных взятки; делал многих лихоимство... обыгрывал в карты, и как проигрывали ему не совместную состояния их сумму и не имея чем заплатить устрашивал их и вынудительно требовал непременно отдачи... <был> предан <раньше> законному суждению*».

Кошелев все это расследовал, принял самые суровые меры и... растревожил улей. Враги, до того жившие сами по себе, стали группироваться, повели тайную переписку друг с другом.

Первыми объединились Козельский и квартирмейстер Шелашников. Характеристика последнего: «*титularный советник, из солдатских детей, пьяница, без воспитания и состояния, растратил казну в его назначении бывшую, подписал себе вместо генерал-майора Сомова ордер, крал у солдат рубашки холста, вывел фальшивый расход, отпущенные нижним чином в Иркутске для Камчатского батальона “на порцию” 3 000 рублей растратил и был предан суду*».

Обо всех этих открывшихся злоупотреблениях офицеров Кошелев донес царю. Петля затягивалась на шее и Козельского, и Шелашникова. Чтобы выжить, необходимо было избавиться от Кошелева. Тогда-то впервые и возникла мысль о его убийстве.

Нашелся и исполнитель – поручик Ермолинский: «*пьяница, развратник, дерзок, слабого ума, без воспитания, без чувств, без совести*».

Козельский с Шелашниковым, как впрочем и Сибиряков, хотели убрать Кошелева чужими руками, чтобы в случае чего было на кого спереть и переложить ответственность. Все это происходило в 1804 году.

Ермолинский попытался сблизиться с Кошелевым, и ему удалось войти в круг ближних офицеров. Но Ермолинский неожиданно струсил – и ни с того вдруг, ни с сего открылся во всем Кошелеву. Тот, – еще одна благородная черта – не поверил, но Ермолинского больше к себе не приближал.

Новый заговор против Кошелева родился зимой того же года. Помимо Козельского и Шелашникова в нем приняли участие и новые лица.

Подпоручик штабной городской команды Расторгуев: низко состояния, пьяница, льстец, ханжа развратного поведения, «питает всегда тайную злобу», бывший уже под следствием.

Аудитор Савинский: *«предан пьянству, зараженный обидами и был уже разжалован из аудиторов без выслуги в рядовые, производил непозволительную в Камчатке торговлю, делал многие злоупотребления, ханжа, всегда старающийся управлять чужими умами и жить на счет себе ближнего и развращать».*

Рыльский купец, комиссионер РАК Выходцев: *«был много раз за мошенничество и злоупотребления под судом, приговорен к лишению купеческого звания и исключению из числа добрых людей, к тюремному заключению и неоднократно приговорен к публичному бесчестному наказанию, дурного поведения и подлого характера, всегда уклоняющийся к мошенничеству, делал в торговле всегда злоупотребления».*

Нижнекамчатский мещанин Барнашев: «такого же точно поведения и состояния, бывший неоднократно под судом и освобожденный от кнута. Мерзавец и мошенник». Этот-то и подтвердил на следствии задуманное убийство.

«...доказано многими следствиями и собственным признанием мещанина Барнашева, который подтвердил оное еще и вторично с увещанием двух членов Камчатского духовного правления протоиерея и священника (Никифорова и Логинова. – С. В.) при собрании купечества и мещанских старшин, что точно в ту ночь намеревались майор Козельский, квартирмейстер Шелашников, мичман барон Штейнгель, подпоручик Расторгуев, аудитор Савинский и купец Выходцев итти из дому Выходцева после бывшей у него означенной вечеринки по полуночи и в исходе второго часу и непременно его господина гене-

рал-майора убить, но были все пьяны и сделавшись в то время жестокая пурга, также намерение их разрушила» (ГА ВМФ СССР, ф. 166, оп. 1, д. 4653, л.13-об.).

Так что рухнул и этот план. Тогда двое из заговорщиков – фамилии неизвестны – но, наверное, самые мелкие сошки – пытались подкараулить Кошелева в зарослях тальника у его дома и застрелить из пистолетов, *«но удерживались тем во первых есть ли не удася по месту выстрелить тогда им жизнь свою не спасти, а во вторых опасались преданных ему верных солдат, которые после вышеуказанных двух происшествий явно говорили, что буде зделается что с генерал-майором Кошелевым тогда не оставят они живыми и прочих»*.

Кошелев арестовал Козельского и Савинского, выслал в Верхнекамчатск Шелашникова, а Ермолинского – в приустьевое село Приморское (будущий Усть-Камчатск).

В Верхнекамчатске Шелашников вышел на поручика Соломку (молодой и малоопытный, «зол, своенравен, упрямец, гордец и подл»). Тот связал квартирмейстера с командиром роты верхнекамчатских «землепашцев» майором Манаковым (*«из солдатских детей низкого состояния, развратного поведения, преданный всем страстям слабого рассудка, зол, гордец, без воспитания и без понятия, грабил, притеснял и делал различные пакости, как в вверенной ему роте, так равно и с камчадалами, во время следования с командою из Тигиля в Петропавловскую гавань и в Ключевском селении крестьян, во время нахождения его тут с ротою; сильничал женщин, презрел божий храм, священство и божью службу против чего оказал различные поступки»*).

Постепенно в новый заговор были втянуты и капитан Батюшков, поручик Хитрово, прапорщик Хомяков... всего тридцать семь человек, включая нижнекамчатских священнослужителей – протоиерея и дьякона Никифоровых и священника Ивана Логинова – того самого, которому Василий Шмалев сбрил по пьянке полбороды.

Слухи об этом новом заговоре быстро распространились по всей Камчатке, и нижние чины, нижнекамчатское мещанство, казаки, торговый люд и камчадалы откровенно и вслух выска-

зывались о том, что в случае, если что-нибудь произойдет с Павлом Ивановичем, ответят своими головами те, кто это затеял.

Поэтому заговорщики на время приутихли, собираясь с мыслями и духом, накапливая силы. Не было в это время на Камчатке и Сибирякова – он был командирован Кошелевым с отчетом в Иркутск и Санкт-Петербург к сибирскому генерал-губернатору Пестелю. Правитель Камчатки еще и не подозревал, какую змею пригрел он на своей груди. В Охотске Сибиряков заручился поддержкой еще одного недруга Кошелева – командира Охотского порта Бухарина – и тот обещал сообщать ему через Расторгуева все, что будет поступать с Камчатки – любая, и официальная, и личная, почта и эстафета. В Иркутске – поддержкой иркутского губернатора Н. И. Трескина, имеющего личную неприязнь к своенравному камчатскому правителю. В Петербурге – поддержкой Пестеля и главного правления РАК, находящейся под покровительством главных вершителей судеб в России, благодаря стараниям Николая Петровича Резанова.

Вернувшись на Камчатку, Сибиряков уже сам принимается за дело, открыв тем самым карты, и не оставляя уже ни для себя, ни для других никакого другого выхода, кроме убийства Кошелева, ибо только живой он еще представлял опасность, а смерть коменданта можно было бы объяснить запросто, сославшись на случай.

Понимал это и сам Кошелев. В своем рапорте на имя товарища морского министра, вице-адмирала Чичагова от 3 декабря 1806 года он писал: *«...при подлых душах их и мерзких делах не решаются сделать себя убийцами, имея может надежду, что можно будет свалить на другие причины, о коих не будет и сведомо, а ежели и откроется, что они сие сделали, тогда могут воспользоваться теми же способами, как Аладар Беневский, который збунтовал здесь промышленных и разного состояния людей, убил начальника Камчатки капитана Нилова и ушел в море, и они так же могут уйти после такого же дела в Америку или куда инде и шататься до тех пор пока возможно».*

Первое, что попытался сделать по приезде Сибиряков, – ней-

трализовать Кошелева. Для этого он распустил слух, *«что имеет у себя секретный высочайший рескрипт с коим нарочно будто бы сюда прислан для исследования и изведения здешних дел после чего буду я (Кошелев. – С. В.) им сменен от командования, а с получением первой почты будет и правителем области; нижним чинам пуцал слухи, что по смене им меня будут они гонены сквозь строй по 10-ти и по 20-ти человек вдруг за большую приверженность их ко мне и верность»*.

Чтобы нейтрализовать и солдат, Сибиряков отдал приказ забрать у них все боевые патроны и лично запер их в батальонный «цейхоуз».

Кошелева на этот раз предполагалось убить как императора Павла – задушить. Но 4 апреля 1807 года заговор вновь был раскрыт. Попытавшись втянуть в него поручика Стрешенцова, Ермолинский и Хомяков явно перестарались. Поняв, что они могут быть раскрыты, заговорщики попытались расправиться со Стрешенцовым, но были, видимо, в изрядном, как обычно, подпитии, и тому удалось вырваться и через дежурного офицера сообщить обо всем Кошелеву. Тот арестовал всех заговорщиков. Козельский, Шелашников, Ермолинский, Расторгуев, Савинский, Выходцев были по его приказу закованы в кандалы.

Уголовное дело по участию мичмана Штейнгеля в заговоре офицеров не было возбуждено только по причине его личного отсутствия. Но в общем обвинительном заключении, сделанном общественным присутствием областного правления, в шестнадцатом пункте, вместе с капитан-лейтенантом Бухариным, канцеляристом Курбатовым, охотским почтальоном Бродниковым стоит и имя мичмана барона Штейнгеля как участника заговора против Кошелева.

Следственное дело Кошелев отправил в Иркутск в сопровождении преданного ему поручика Клевецкого, которому дает официальное предписание: *«Так как начальник Охотского порта Бухарин имеет привычку задерживать и распечатывать почты и эстафеты, то вам предписывается не давать ему прилагаемых конвертов, а если он, или кто-нибудь другой, будет требовать их силою, то ничего не боясь, бить того чем попало, до смерти, как бесчестного человека»*.

Но, минуя одного врага, письма шли прямехонько в руки других врагов Павла Ивановича...

2.

А теперь настало время открыть имя автора «Исторической записки», адресованной императору Александру I, в которой дана столь объективная картина действительного положения вещей на Камчатке, связанных со злоупотреблениями, воровством и распутством власть имущих.

Написал ее тайный советник, сенатор и сибирский генерал-губернатор Пестель.

Иван Борисович Пестель... Его предок – Вольфганг Пестель, выходец из Саксонии, основал в России почту и стал родоначальником «почтовой династии» Пестелей. Сын Вольфганга, Борис, был почт-директором Московского, а потом Санкт-Петербургского почтамтов. Иван Борисович родился в Москве 6 февраля 1765 года. В 1780 году он начал службу ротмистром, но через два года определен в Московский почтамт, к отцу, помощником почт-директора. Ротмистр Пестель стал коллежским ассессором, а через пять лет статской службы заработал и свой первый орден – Владимира 4-ой степени. В 1789 году Пестель-старший переведен почт-директором в северную столицу, а на его место в Москве определен Иван Борисович.

Вместе с новым служебным портфелем получил Иван Борисович и одно особое – довольно щекотливое поручение – перлюстрировать – то есть вскрывать и изучать письма тех или иных лиц. И он читал личные письма масона Н. Новикова, революционера А. Радищева и других. В круг же близких друзей и знакомых Пестеля входили князь А. Вяземский, историк Н. Карамзин – люди высокого долга служения Отчизне. Женился Иван Борисович на дочери известной писательницы того времени А. Крок – Елизавете Ивановне, а тестем его был уже известный нам капитан-командор И. Биллингс.

Через шесть лет после женитьбы, в 1798 году, император Павел перевел Пестеля почт-директором в Санкт-Петербург и назначил его президентом главного почтового правления. В эти

годы чины и награды сыплются на Ивана Борисовича в изобилии – орден святой Анны, чин действительного статского советника (равный по табелю о рангах чину генерал-майора), бриллиантовая звезда...

И вдруг...

Князь Ростопчин, министр иностранных дел, фаворит Павла, «в шутку» написал письмо Павлу о существующем против него заговоре и сделал в конце небольшую приписку: «Не удивляйтесь, что пишу вам по почте. Наш директор почты тоже с нами».

Пестель не оценил шутки. И сжег письмо.

Шутку оценил Павел. И уволил Ивана Борисовича со службы.

Александр I, отцеубийца, взойдя на трон, простил и приблизил к себе всех, кто пострадал от его отца.

По совету главного палача в заговоре против Павла I военного губернатора столицы графа Палена, Пестель возвращается в Санкт-Петербург с намерением вернуть свою должность. Ему 36 лет, и он извлек уже главные уроки жизни – верное, до самопожертвования, служение российскому трону.

Но он опаздывает – к его приезду Пален был уже сам не в милости и потому приходится уезжать обратно не солоно хлебавши.

Тогда Пестель пишет прошение на имя Александра – авось, что будет.

Неожиданно Александр производит Пестеля в тайные советники и сенаторы, определяет в 6-й департамент Сената в Москве по месту жительства с пожизненной пенсией 3 000 рублей. Последнее было особенно кстати – ведь на руках отставного почт-директора было уже трое малолетних сыновей.

В этом же году Александр прибыл в Москву для коронации и посетил общее собрание Сената.

Как раз в этот день рассматривалось дело по иску отставного прапорщика, помещика Смоленской губернии, к влиятельному московскому вельможе, генерал-аншефу и Андреевскому кавалеру. Большинство сенаторов было на стороне вельможи. Для его поддержки в Москву прибыли министры и даже сам канц-

лер – граф Воронцов. За ходом расследования с интересом следил и царь.

Пестель, как младший сенатор, должен был первым высказать свое мнение по делу.

«Я побледнел и вздрогнул, но встал и говорил с достоинством и силою. Часто был я приводим в смятение чрез разнообразные чувства, выражающиеся на лицах присутствующих особ, однако же благополучно окончил свой разбор процесса и заключил речь свою мнением, что несчастный дворянин был обижен знаменитым своим противником и должен выиграть тяжбу. Пока я говорил, Государь беспрестанно смотрел на меня и несколько раз приказывал говорить громче. Когда стали собирать голоса, то ни один сенатор не был моего мнения. Государь первый вышел из Собрания. Проходя мимо меня, Его Величество особенно приветливо поклонился мне, и я не сомневался более, что ему понравился мой разбор сего дела. Впоследствии оно было поднесено Государю и мое мнение удостоилось высочайшего утверждения. Слабый преодолел сильного».

Пестель в итоге удостоился высочайшего доверия и был направлен в Вятскую, а вслед за тем в Казанскую губернии для проведения следствия о злоупотреблениях.

В награду за блестящее исполнение порученного Александр жалует Пестеля 3 000 рублями столовых денег помимо жалованья сенатора.

В 1806 году министр внутренних дел граф Кочубей письменно уведомил Пестеля о желании царя назначить Ивана Борисовича генерал-губернатором Сибири.

Пестель отдавал себе полный отчет в том, что это назначение никоим образом не исходило, как водится, от самого Кочубея, давнего противника Пестеля, а было только волею самого монарха.

Отдавал он себе отчет и в том, что в таком случае ждет его на поприще генерал-губернатора: *«...с самого введения наместнического образа правления в царствование Екатерины II, ни один генерал-губернатор Иркутской губернии не кончил иначе, как лишившись своего места и пробыв много лет под судом; например, генерал-лейтенант Якоби находился 13 лет под су-*

дом в Сенате, пока был наконец оправдан; а также ныне еще живущий генерал-аншеф Леццано, после 50-летней военной и статской службы, был 8 лет под судом и также оправдан. Ту же участь должен был я ожидать, потому что причины оной не исчезли, а напротив того, так как гнусные доносчики оставались всегда без наказания, то они возымели еще более от-важности к новым доносам».

Поэтому Пестель поначалу попытался отказаться от новой должности, ссылаясь на большую семью (пять сыновей), долги, слабое здоровье...

Александр повелел выдать ему для расплаты с долгами 40 тысяч рублей на 10 лет без процентов, заверил, что в случае смерти Ивана Борисовича возьмет на себя попечение о его сыновьях, и 3 марта 1806 года утвердил его в должности генерал-губернатора Сибири.

Первая служебная заковыка, о которую споткнулся генерал-губернатор, еще не выезжая из столицы, – была его собственная должностная инструкция, сочиненная графом Кочубеем и его помощником – тайным советником Сперанским для сибирского генерал-губернатора Селифонтьева, по которой Пестель попадал в кабалу министерств и фактически лишался власти, отвечая при этом за все, что случалось и происходило в вверенном ему крае. Среди министров у него не было друзей (разве что за исключением министра юстиции графа Лопухина, бывшего московского губернатора).

Пестель попытался было добиться изменения инструкции, но столкнулся с яростным сопротивлением Кочубея. Еще бы – генерал-губернатор Сибири не знал еще тогда, кому он обязан сим творением, и не понимал, что Кочубею, прежде чем изменить инструкцию, придется сначала объяснить царю, почему эта инструкция перестала кого-то устраивать и тогда выяснится вся нелепость законотворчества в недрах МВД.

Кочубей был категоричен. Пришлось смириться и прыгать в сибирскую прорубь с камнем на шее.

Еще в Петербурге Пестель собрал сведения о своих первых помощниках на местах – губернаторах Тобольской, Томской и Иркутской губерний. Сведения были малоутешительные – с

такими помощниками пускаться в плавание по бурному сибирскому морю он не желал – слишком опасно. Но чтобы сменить их, Пестель должен был снова обращаться к Кочубею, министру внутренних дел России. Так что круг сибирских проблем сразу же замыкался, хотя сибирский генерал-губернатор еще не покидал столицы империи. Прения же с Кочубеем закончились тем, что томский губернатор был оставлен на месте, тобольский переведен в Пермь, а иркутский переведен в Тобольск.

Но и это было уже неплохо. *«Иркутская губерния мне более всего причиняла забот: эта губерния всем моим предшественникам, так сказать, шею сломала. С этой стороны я должен был более всего обезопасить себя, и потому мне нужно было избрать туда губернатором человека совершенно надежного».*

И был у него такой человек – Николай Иванович Трескин. 1 июня 1806 года они выехали в Сибирь.

С чего начал свою деятельность новый генерал-губернатор, подведомственная территория которого простиралась от Уральских гор до Тихого океана. С того, что начал наводить порядок в стольном граде Иркутске, где в вечернее время редко кто рисковал выйти на улицу – *«не только ссыльные преступники, но даже самые гарнизонные солдаты беспокоили и грабили прохожих, а иногда вламывались ночью в дома».*

Наведя порядок, Пестель взялся за цены на продукты, которые, по его мнению, были баснословно высоки, – в три раза понизил он цену на муку (доведя ее до рубля), в два с половиной – три раза на говядину (до 4 копеек за фунт отличной говядины и 2,5 копейки – за низший сорт).

Результат не замедлил сказаться: это вызвало неудовольствие тех, *«которые обратили торговлю мукою и говядиною в монополию для себя и, получая от того большие выгоды, делились с чиновниками, обязанными наблюдать за тем, чтобы не было монополии».*

А так как в Иркутске еще не было случая, чтобы губернатор продержался более трех лет, не попав под суд и не лишившись места, то *«величайшие плуты в губернии начали искать средства избавиться от меня и от Трескина таким же образом, как они освободились от прежних начальников».*

И таким образом с приездом Пестеля в Иркутск сразу же против него был составлен заговор, который возглавили самые могущественные люди Иркутска – купцы Мыльников и Сибиряков. У них уже был богатейший опыт войны с начальством – три губернатора и два генерал-губернатора уже проиграли купцам бой за обладание сферами своего влияния и были с позором изгнаны из сибирских купеческих вотчин.

Писарем же при заговорщиках был недавний якутский исправник, затем губернский прокурор, председатель гражданской и уголовной палат Степан Антонович Горновский, тот самый, который упоминается в «Записках» Штейнгеля в связи с тестем Ивана Борисовича – Биллингсом.

«Должно упомянуть здесь о самом Биллинге ... Он еще в Якутск привез с собою какую-то любовницу, матросскую жену, истратил на нее пропасть и по ее рекомендации раздавал якутским князькам медали. Эта матросская жена вышла тогда же, набогатившись, за бывшего в Якутске чиновника Горновского, родного брата того, который был при Потемкине, и много помогла ему по Иркутской губернии выйти в люди».

Теперь Горновский был одним из самых ярых (хотя и тайных) врагов зятя Биллингса, поставив свою судьбу на карту сибирских купцов-воротил.

Ему терять было нечего – уже четырежды представал он перед уголовным судом, и купеческие деньги творили невозможное – выходил сухим из воды. Снят был с должности именованным указом – и возвращен в чине коллежского асессора. Все знали, что есть такое – Горновский, и никто не мог этого доказать.

С купцами же было полегче – они наследили уже так, что царь, прочитав донесение сибирского генерал-губернатора, приказал ему сослать обоих куда подальше. Сибиряков отправился в Нерчинск, «где он имел главную торговлю». Мыльников – в Баргузин, на минеральные источники, лечить свой застарелый радикулит.

Такого в Иркутске еще не ведали – впервые за всю историю послеермаковской Сибири был нанесен удар по местным толстосумам, которым не могли помочь даже их высокие покровители в Санкт-Петербурге.

Но это было только еще начало – тринадцатилетняя не знающая компромиссов беспощадная война закончилась все-таки полным разгромом Пестеля и Трескина.

Действия генерал-губернатора Сибири, благодаря существующей должностной инструкции, сразу же были заблокированы в столичных министерствах. Оставалось одно-единственное оружие, прослужившее Пестелю больше десяти лет, – личное доверие императора. Очень ненадежное, но обладающее самой сокрушительной для того времени силой, оружие. Только оно и выручало в самых, казалось бы, безнадежных случаях. Пока не отказало.

Пестель снял с должности и отдал под суд губернаторов Томской и Тобольской губерний (по представлению преемника Пестеля Сперанского оба были потом восстановлены в должностях, став тайными советниками и сенаторами, в 1822 году, с выплатой жалованья за все годы отставки).

Затем Пестель занялся делом начальника Тобольского провиантского депо генерал-майора Куткина, жена которого была любовницей снятого Пестелем губернатора, с помощью которого Куткин наворовал на полмиллиона.

Чтобы обезопасить Куткина, его столичные покровители в высоких инстанциях сделали генерал-майора членом генерал-провиантской экспедиции в военной коллегии, которая и рассматривала его же собственное дело о злоупотреблениях. Только личное вмешательство Александра позволило разорвать замкнувшийся было круг.

Но и только... Когда следствие было закончено и все факты злоупотребления Куткиным своим служебным положением были установлены и подтверждены, дело поступило в аудиторат (военный суд) и пролежало там без какого-либо движения 12 лет, пока Куткин не умер в Тобольске естественной смертью по старости лет...

«...каких непримиримых врагов это дело возбудило против меня! Обличая воров и плутов, я как будто раздражил целый рой ос. В светском отношении я конечно несчастлив и много, очень много претерпел огорчений, обид и оскорблений всякого рода; но чистой совести и надежды на будущую жизнь – этого не может никакая власть у меня отнять, также как и незапят-

нанной чести, с которой я некогда, с Божией помощью, спокойно сойду в гроб».

А впереди было еще дело Передовщикова, вскрытое графом Ю. А. Головкиным во время его посольской миссии в Китай.

Передовщиков – великий сибирский авантюрист начала XIX века – «бедный мещанин, с большим умом и предприимчивым духом».

За какие-то немалые прегрешения во времена Екатерины II сослан он был на железные заводы в Туруханский край. Отсюда, при Павле, написал слезное прошение, подписав его «именитый гражданин». Павел пожалел несчастного, обиженного Екатериной, и даровал «именитому гражданину», каковым тот никогда не являлся, прощение. А так как никому и в голову не могла прийти даже мысль об обжаловании царского указа на предмет «именитого гражданина», то этот купеческий чин, соответствующий статскому чину коммерции советника и позволяющий получить первую гильдию, достался Передовщикову даром.

Через несколько лет в руках коммерции советника Передовщикова было все провиантское снабжение войск, рассредоточенных по всей необъятной Сибири, винный откуп в Иркутской губернии и другое – всего на сумму в несколько миллионов рублей.

Высокие покровители Передовщикова были везде – в сенате, в министерствах, при дворе. Министрам он давал обеды и устраивал для них празднества. Пестель сам неоднократно встречал его у министров и знал, что со всеми он на равных, со всеми дружен.

И вот...

Выяснилось, что Передовщиков разворовал и казну – на 600 тысяч рублей. В водку добавлял купорос, что стало причиной смерти, как выяснило следствие, многих людей. По приговору иркутской уголовной палаты Передовщиков лишился всех своих прав и ссылался на 20 лет в Нерчинск на каторжные работы.

В 1809 году дело это было пересмотрено на специальном заседании Сената. Все сенаторы были против приговора иркутской уголовной палаты. В том числе и сенатор Сперанский – будущий преемник Пестеля.

По Санкт-Петербургу поползли самые невероятные слухи о злоупотреблении властью сибирского генерал-губернатора и его иркутского наместника, об ужасной судьбе сибиряков, о тирании и гонениях, взяточничестве и казнокрадстве приспешников Пестеля и Трескина.

«Когда б я не был христианином (в этом звании соединяю я все обязанности чести и совести), то взял бы с Куткина и Передовщикова (последний и предлагал полмиллиона. – С. В.) по несколько сотен тысяч, участвовал бы в выгодах (изгнанных губернаторов. – С. В.), был бы миллионером, приобрел бы значительных покровителей, имел бы во всех канцеляриях помощников и соучастников; а ежели бы подпал под ответственность, то сильные мои защитники меня бы выручили: я был бы осыпан почестями и богатством и плутом жил бы беззаботно. Что же теперь вышло? Я обнищал. Враги мои, значительнейшие люди в государстве, бесчисленны и я страдаю физически и морально, без всяких видов в будущем для меня и после меня для моей бедной жены и для моей несчастной дочери, которой даже не могу доставить никаких учителей. Что же мне остается? Все, что делает истинно счастливым, все чего у меня никакая власть отнять не может: чистая совесть и убеждение, что могу однажды предстать перед судилищем Всемогущего, пред которым мы все, от Монарха до поденщика, равные права имеем, и осмелюсь сказать: “Я поступил, Всеведущий, согласно твоим законам; приемли меня с милосердием, прости меня, ежели я ошибся, я действовал по совести!” Вот в чем состоит мое спокойствие и мое счастье».

Несколько раз слушалось в сенате дело Передовщикова. Большинство сенаторов высказывалось категорически против осуждения коммерции советника. Несколько лет продолжалась эта тяжба. Проигрыш Пестеля не вызывал сомнения ни у кого. Но царь снова встал на его сторону и утвердил приговор иркутской уголовной палаты. По словам Пестеля, быть может, очень и очень справедливым, это был первый пример в истории нашего Отечества, когда человек, нанесший казне ущерб на 600 000 рублей, был так строго наказан.

«Как справедлива немецкая пословица: “За малое воровство

вешают, а за большое выпускают”. ... Кто в России живет и ее знает, тот конечно в этом не усумнится. Я люблю мое Отечество, и мне больно, что я должен это сказать, но истина этого требует. Этот пример навлек на меня преследование общей ненависти, так как я был для многих препятствием в их нечистых и корыстолюбивых намерениях».

В декабре 1808 года Пестель прибыл в Петербург и уже больше не покидал столицы, доверив власть на местах губернаторам.

Александр I дал ему исключительные даже для того времени полномочия: *«Требую от вас, чтобы вы ни с кем не имели бы дела на счет вашего управления в Сибири, кроме со мною, без всякого посредничества».*

Пестель был обласкан монархом, зван на придворные обеды, куда допускались лишь избранные, ему оказывалось особое, нескрываемое ни от кого, доверие Александра.

«Но все это не вскружило мне голову, ибо я знал истинную цену этих вещей и непостоянство людей, а тем более государей, а также все происки и опасности, которым подвержена жизнь при Дворе».

Проблемы же оставались прежние – безденежье. Подрастали сыновья. Первенец – Павел-Михаил – закончил гимназию в Дрездене. По окончании Пажеского корпуса имя старшего сына золотыми буквами заносится на почетную мраморную доску. Золотым оружием отмечена его храбрость на Бородинском поле.

«Я был тронут до слез, – писал Иван Борисович в госпиталь Павлу, – когда граф Аракчеев мне рассказал, что главнокомандующий князь Кутузов наградил тебя золотой шпагой за храбрость. Этой награды ты удостоен за свои заслуги, а не по чьей-то милости или протекции. Именно так, друг мой, вся наша фамилия, все мы служим России, нашему Отечеству. Ты только лишь начал самостоятельную жизнь, а уже имел счастье пролить кровь в защиту своей родины».

В 1816 году И. Б. Пестель становится членом Государственного Совета (М. М. Сперанский в те годы был освобожден от должности государственного секретаря и сослан губернатором в Пензу). Казалось, ничто не угрожает дальнейшему росту его карьеры и доверия к нему императора, как вдруг нелепый случай

в Туруханском крае показал насколько все зыбко в самодержавном российском мире. При невыясненных обстоятельствах в Сибири погибло восемнадцать туземцев. Расследовать это дело – в обход генерал-губернатора – царь поручил генерал-лейтенанту Глазенапу, командующему сибирскими войсками, чтобы выяснить не повинно ли в этой трагедии гражданское местное начальство.

Для Глазенапа не было лучшего случая, чтобы выместить Пестелю за всех своих поделщиков. А мертвые срама не имут.

Глазенап *«описал никогда небывалые происшествия»*.

Цель была достигнута: *«Монарх выразил графу Аракчееву очень немилостиво на счет меня и моего управления»*.

Пестель хотел объясниться.

2 апреля 1817 года Аракчеев передал ему, что устного объяснения не надо, пишите. Хотя о чем? Вы ведь столько лет не были в Сибири и все сведения о положении дел в крае имеете только от заинтересованных людей?

В этом же месяце Аракчеев предупреждает Пестеля, что в связи с утратой монаршего доверия, готовится его замена на Глазенапа.

Пестель был оскорблен и не скрывал этого: *«...прошу рассудить, справедливо ли и достойно ли это нашего Государя, по одному только донесению моего врага Глазенапа, о котором сам Государь мне часто говорил, что имеет невыгодное о нем мнение на счет его правил честности, и что управление вверенного ему корпуса находится в совершенном беспорядке, справедливо ли, говорю я, по одному только одностороннему обвинению подобного человека, – меня, который всегда служил с честью и бескорыстием, оставить с таким унижительным объявлением самого Монарха, не выслушав меня даже прежде и лишив меня таким образом всех средств к оправданию»*.

Аракчееву стало неудобно:

– Я еще не велел внести повеление Монарха в журнал Комитета и представлю Государю ваше объяснение.

Объяснение было дано, и оно было утверждено царем. Тучи вроде бы разошлись. Но Пестель теперь уже сам попросил отставки.

– Что вы!?! – возразил Аракчеев. – Государь имеет о вас

такое выгодное мнение, какое бы я желал, чтобы он имел обо мне самом.

– У меня нет доказательств такому мнению. Взять хотя бы и последний случай. И вообще я не вернусь в Сибирь, если не будет изменена должностная инструкция.

– Не помышляйте о возвращении туда. Государь имеет совсем другие намерения на ваш счет. Он хочет вас сделать министром полиции.

– Какой я могу быть министр полиции! Когда я теперь, будучи генерал-губернатором, не могу защитить трех губерний против моих врагов, то как же я могу защитить пятьдесят две?

– Тогда все будет для вас иначе, нежели теперь, – многозначительно возразил ему Аракчеев.

И в этом граф не покривил душой – все было иначе: 22 марта 1819 года генерал-губернатором Сибири назначен М. М. Сперанский с повелением произвести строжайшее следствие о злоупотреблениях Пестеля и сибирских губернаторов.

Для Сперанского это следствие могло стать началом возвышения, прощения, возвращения под высокую руку.

Основанием для следствия стал очередной донос неизвестного Горновского. Раскрыть дело и обосновать факты злоупотребления не представляло большого труда – тем более, что таких фактов было немало – ведь тринадцать лет продолжалась война не на жизнь, а на смерть, и война проходит как по виновным, так и по неповинным, не щадя никого. Вспомним Кошелева, чтобы не углубляться в ход следственного разбора. И все встанет на свои места.

26 января 1822 года последовала отставка и в Государственном Совете.

Летом следующего года Пестель с женой, Елизаветой Ивановной, и дочерью Софьей, выехали в Смоленскую губернию, в имение Васильево. *«От дороги мне осталось только 75 руб. ассигн., с которыми и начал я свое хозяйство в деревне».*

И долг 20 000 рублей, которые он выплачивал всю оставшуюся жизнь и закончил только за месяц до смерти – в апреле 1843 года, лишь на год пережив своего любимца – Н. И. Трескина.

«Отдавая должную справедливость достоинствам Пестеля, – писал советник губернского правления в Тобольске, прибывший туда в 1811 году и лично знавший генерал-губернатора, – нельзя скрыть, что он был властолюбив, восприимчив и желчен; отсюда проистекали все порывы самовластия его. По ложному расчету он хотел управлять более страхом. Будучи сам деятелен и честен, он не любил в службе ленивых и взяточников: первых называл трутнями и удалял от дела, а последних пиявицами и преследовал их до могилы. ...но при сем том я убежден, что он не был злонамеренным начальником. Другие дела и другие люди – он управлял бы справедливее и умереннее, потому что был умен, деятелен и бескорыстен, в чем отдают ему справедливость самые враги его; даже бывший министр юстиции И. И. Дмитриев».

3.

Следственные материалы по делу о заговоре и помышлении на убийство генерал-майора Кошелева благополучно прибыли в Иркутск. Ответ не заставил себя ждать. Кошелеву предписывалось немедленно освободить всех арестованных офицеров и ждать дальнейших распоряжений. Каких – можно было понять из приписки Пестеля о том, что с вступлением Кошелева в должность коменданта, Камчатка превратилась в острог.

Ответная реакция Кошелева была незамедлительной:

«...подобного рода несправедливое решение могло произойти только от того, что Пестель зять Биллингса, у которого <под>полковник Сибиряков был вестовым и писарем, а потом возвышен в чинах за содействие Биллингсу красть и грабить всех в Камчатке. Поэтому вам не хочется обличить Сибирякова, имеющего к тому же протекцию у всемогущей Российской-Американской К<омпании>, будучи зятем правителя дел главного ее правления Зеленина. Я, как человек честный, не боюсь вашего гнева и говорю вам правду, что вы самовольный властелин и пристрастен к моим противникам».

14 ноября 1806 года Павел Иванович был отрешен от должности и на его место назначен генерал-майор Петровский, кото-

рый должен был провести расследование всех «злоупотреблений» генерала Кошелева.

В течение двух лет Кошелев должен был оставаться в стане своих распоясавшихся врагов. Впрочем, он перестал быть им опасен. Сюжет нам уже известен – по истории несчастного Иоганна-Готфрида. Кошелеву, может быть, было даже легче – он был один, без семьи, недавно похоронив младшего брата – молоденького поручика и своего адъютанта.

30 марта 1808 года Пестель получил уведомление графа Аракчеева, что император Александр I повелел следующее: *«генерал-майора Кошелева, по прибытии в Иркутск, арестовать и препроводить в Петербург под присмотром, а всех арестованных в Камчатке офицеров освободить, не внося им в формуляр бытность их под судом».*

Александр тогда безоговорочно доверял Пестелю – и судьба Кошелева практически была решена уже в самой верхней инстанции российской власти.

Только 12 ноября 1809 года прибыл Павел Иванович в Иркутск, где с него сорвали эполеты и под караулом отправили в столицу, чтобы предстать перед судом, приговор которого теперь уже зависел от свидетельских показаний «гонимых и обиженных» Сибиряковых, Козельских, Ермолинских, Хомяковых, Логиновых, Выходцевых и их высоких покровителей – Пестелей, Зелениных, Трескиных, Петровских...

Нет, не все благополучно было в Российской империи...

4.

В то время как Павел Иванович Кошелев в полную силу испытывал на себе ненависть «сибирских сатрапов», Владимир Иванович Штейнгель был у них в большой милости.

Трескин даже поручил Штейнгелю разработку проекта снятия Бухарина в Охотске.

«Я ничего не ожидал, но чрез два месяца губернатор потребовал меня к себе и сказал: “Ну я хотел было тебя самого отправить сменить Бухарина, Ив<ан> Борис<ович> справедливо заметил, что у вас взаимная вражда, а как назначенный

сменить его должен быть и презусом (председателем военного суда) следственной над ним комиссии, то правительству нельзя будет дать веры его действиям; поэтому велел оставить тебя на месте Бабаева начальником здешнего адмиралтейства, а его послать в Охотск»».

Так Штейнгель стал «байкальским адмиралом».

Судьба к нему в этот период была весьма благосклонной. По исследованию злоупотреблений Бухарина со Штейнгеля было снято нахождение его под месячным арестом за непреднамеренную зимовку транспорта «Охотск» на Камчатке в тот злополучный год. В Кяхте Владимир познакомился с чудесными дочерьми директора таможни, снискал любовь одной из них – Полинки, и, что было особенно трудно, – благосклонность будущего тестя.

«...статский советник Петр Дмитриевич Вонифатьев, – писал о нем современник (“Записки Ф. Ф. Вигеля”, М., 1891, стр. 175), – который более пятнадцати лет управлял Кяхтинскою таможеню. Такого хитрого и смелого плута еще свет, или, по крайней мере, Россия не производила; он успел русским внушить страх и повинование к себе и приобрести совершенную доверенность китайцев. Таким образом господствовал он по всей границе: ничто не делалось без его спроса; его воля была закон, вся китайская торговля на нем, как на оси вертелась. Нужно ли сказать, что он исполнен был ума и твердости. Будучи низкого происхождения и занимал дотоле одни лишь низкие места в Отчизне своей, он, кажется, не слишком ее любил и почитал Отечеством своим то место, где владычествовал. Говорили о несметном его богатстве; но время показало, что оно совсем не было так огромно, как полагали; следуя обычаю, он пользовался выгодами, которые получали тогда все таможенные чиновники, но корыстолюбие всегда уступало у него место властолюбию. В Петербурге имел он большие связи с Коммерц-коллегией и пользовался особым покровительством министра графа Румянцева, личного неприятеля Нарышкиных и зятя их Головкина».

Этот-то Головкин, будучи проездом через Кяхту в Китай, куда он был направлен послом, тоже обратил внимание на мо-

лоденьких дочерей директора таможни и, желая вырвать их из рук отца-деспота, как пишет Вигель, предложил следующее:

– Пасматрите, Петер Митрич, у меня молотцоф, што сако-лоф.

А тот посмотрел на них пристально и очень холодно отвечал: «Нет, ваше сиятельство, ни один из них не годится мне в зятя», – оставив всех в недоумении: гордость ли или скромность внушила ему сей ответ.

Скоро произошел сговор. Со стороны жениха выступал... Василий Николаевич Берх, возвращавшийся из Русской Америки через Сибирь, как Лессепс когда-то. Да, на самом деле тесна матушка-Русь!

Здесь я хотел бы задержать внимание читателя и сфокусировать его на прежних и будущих симпатиях, связях, знакомствах и дружественных отношениях Владимира Ивановича, чтобы нам было легче понять характер сына немецкого барона и русской купчихи – директор Кяхтинской таможни, имеющей исключительное значение для существования Русской Америки Вонифатьев, один из первых руководителей Российско-Американской компании Резанов, комиссионер РАК и историк Хлебников, историк российского флота и освоения россиянами Америки Берх, министр коммерции Румянцев, правитель дел Российско-Американской компании Рылеев...

Коммерция, загнанная в угол российской историей, – вот основа связей и, наоборот, противостояний. Та великая надежда, что питала Иоганна-Готфрида на Камчатке и связанная с именем человека, открывшего торговый простор для России на тихоокеанской окраине империи, досталась в наследство сыну вместе с несчастной семейной судьбой. И эта надежда освещала душу пылкой самобытной натуры, способной в борьбе с властьюмущими замахнуться и на самые высшие иерархии. И потому участие Штейнгеля в заговоре против Кошелева совершенно не случайно. Трагедия в том, что вопреки сложившимся российским закономерностям, Кошелев совмещал в одном лице и власть, и честь.

Да, исключением из этого правила были немногие. Но они были. Тот же Пестель.

Или Ванифатьев.

В оценках того же Вигеля – человека из свиты его сиятельства – Петр Дмитриевич был не более чем «смелым и хитрым плутом». И далее: *«Можно себе представить, как не взлюбил его великий барин (Головкин. – С. В.) , начальник его, президент Коммерц-коллегии. Но он был под крылом самого министра коммерции и вел себя так осторожно, что не было возможности к нему придраться. В обращении с послом был он молчалив, угрюм и почтителен; ненавистью же своею предупредил его. Ему посольство не нравилось; он знал, что оно будет бесполезно и опасался даже, чтоб оно не произвело у нас разрыв с Китаем. Нет сомнения, что у китайцев он тайно старался вредить Головкину, однако ж так, чтобы неудовольствия отнеслись к лицу его, а не к правительству, его употребившему».*

Трудно из этой достаточно небрежной оценки извлечь какой-то позитив. Поэтому мы прибегаем еще к одному свидетельству: *«Разрывы с китайцами были часты, так с 1744 года по 1792, в течение 48 лет, кяхтинская торговля девять раз была прекращаема, по причинам совершенно вздорным, чтоб не сказать более, и если счесть время бесторжения, оно составит 15 лет и 7 месяцев с днями. С Нагелем, в последнем соглашении с китайцами участвовал чиновник коммерц-коллегии, Ванифатьев, который и остался директором кяхтинской таможни. С того времени ворота кяхтинские уже не запирались. Ванифатьев пробыл директором 24 года; умер в Москве, оставив по себе двенадцать рублей с полтиной: вещи сами собой объясняются. Ванифатьев был мой тесть: я промолчал бы, если бы истина не позволяла сказать того, что служит к его чести».*

Это я цитирую письмо В. И. Штейнгеля генералу А. П. Ермолову, написанное 28 апреля 1834 года в Петровском каземате (то самое, что опубликовано в «Колоколе» под названием «Сибирские сатрапы»).

В этом же письме Владимир Иванович дает характеристики Н. И. Трескину и И. Б. Пестелю, которые, надо сказать, весьма существенно отличались от официальных, по которым оба «сатрапа» были взяточниками и казнокрадами.

Николай Иванович Трескин – правая рука Пестеля, основной вершитель всех сибирских дел, так как сам генерал-губернатор жил в Сибири только в самом начале своего губернаторства.

Трескин был сыном священника, кстати, как и снявший его в 1819 году, М. М. Сперанский. В 1789 году Трескин взят был Пестелем из Рязанской семинарии и определен на службу при московском почтамте. В 1806 году он был вице-губернатором в Смоленске, откуда Пестель забрал его гражданским губернатором в Сибирь.

«Я его, так сказать, образовал к службе, – говорил о Трескине сам Пестель, – и знал его правила, его строгую честность и искреннее благочестие. Нельзя было найти человека надежнейшего, который бы был мне более предан и даже, из благодарности, более привязан».

А теперь послушаем мнение Штейнгеля об этих людях, «известных взяточничеством и злоупотреблением властью»:

«Пестель и Трескин строго держались истины: “Кто не за нас, тот против нас”, а кто против, того надобно душиить... и душили, как говорится, в гроб (как случилось, например, с тобольским вице-губернатором Штейнгелем – дядей Владимира Ивановича. – С. В.). Все, что с одной стороны можно сказать в их извинение, так разве одно то, что в них было некоторого рода предубеждение, на благонамеренности основанное: они боялись, что без сильных мер и без введения во все места людей преданных и, как говорится, надежных, не успеют ничего сделать путного для Сибири (и потому губернатором Тобольска Пестель назначает свояка – фон Бриана. – С. В.). По крайней мере, я неоднократно слышал подобное суждение из уст Трескина. Ни Пестеля, ни Трескина нельзя назвать злыми людьми. Они, кажется, по совести думали, что душат негодяев, злодеев, ябедников – “для блага целого края”. Еще более можно было бы им в этом поверить, если бы люди, ими избираемые и покровительствуемые, были строго честные и благонамеренные; или, если бы в противном случае они и их равно не щадили. Но вот беда, что в этом отношении приходится Крылова вспоминать:

*Все знаю я сама,
Да эта крыса – мне кума!*

...Вообще я старался говорить, как мертвец, смотрящий с того света на дела людей, без всякого лицепрятия, – и, в этом отношении, не без насилия для себя. Признаюсь: люблю, даже уважаю Трескина. Пестель мне всегда менее нравился. В нем я всегда видел что-то фальшивое, хитрое, уклончивое. ...За всем, когда меня не однажды даже здесь спрашивали: брал ли Пестель взятки? Нет, отвечаю решительно. – Нет! Пестель, с этой стороны был чистый, честный человек. Подозрительные (где их нет?) думали, что Трескин делится с Пестелем. Неправда; не те были отношения. Трескин очень знал, что должен был в глазах Пестеля играть роль человека бескорыстного и этим языком только он мог с ним говорить смело. Как бывший член Российско-Американской компании, я видел письмо Пестеля к директорам, самое унижительное: об отсрочке только долга 10 тысяч рублей. Этого, кажется, довольно для убеждения».

Да, это прослеживается и по камчатской истории: расправившись с непокорным Кошелевым, вслед за ним Трескин отдает по очереди под суд всех проходящих по делу, от успешного провороваться генерал-майора Петровского до прапорщика Хомякова. Капитан Бухарин лишен дворянства и состояния. Даже горький пьяница Логинов не ушел от возмездия – он был разжалован в дьячки и, по всей видимости, сослан в Петропавловскую Гавань.

Исключение составил лишь Штейнгель.

Переведенный на Балтику, он искал случая возвратиться в Кяхту и сыграть свадьбу, но случая такого все не представлялось. Тогда он обратился за помощью к Трескину. Тот, в свою очередь, написал письмо Пестелю.

«Пестель принял меня сухо; но когда прочел письмо, подошел ко мне с веселым лицом и сказал:

– Вы согласитесь, я вас не знал. Николай Иванович пишет так много хорошего о вас, что я совершенно в ваших повелениях; что вам угодно, чтобы я для вас сделал – я сделаю.

И сделал: выпросил меня к себе по особым поручениям и отправил в Иркутск».

Пройдет много лет и в одном из своих писем Гавриилу Степановичу Батенькову, некогда помощнику Сперанского в расследовании сибирских злоупотреблений Пестеля-Трескина, Владимир Иванович после прочтения книги М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» напишет 25 декабря 1861 года: «...крайне больно мне, что в этом обвинении Трескина фигурирует твое имя».

Настолько дорог был Штейнгелю этот человек с трагической судьбой – когда на глазах Трескина была истерзана колесами экипажа жена, «он тут же лишился рассудка; вскоре пришел в бешенство и в цепях привезен в Иркутск, где вдолге и умер».

5.

После смерти Владимира Ивановича Штейнгеля к Гавриилу Степановичу Батенькову обратился известный исследователь декабристского движения, редактор-издатель журнала «Русская старина» М. М. Семевский с просьбой рассказать о их взаимоотношениях. 29 сентября 1862 года Батеньков кратко сообщил следующее: «Еще в начале столетия я стал знать дядю покойного, Ивана Федоровича, с ним же самым началась моя приязнь в 1822 году, и мы видались только из года в год, когда я приезжал в Москву. Вторую половину 1826 и первую 1827 мы прожили вместе в Свартгольме, в общем бедствии, истинно как родные. Разлученные потом, ничего не знали друг о друге до 846 года, и тогда по прибытии моем в Томск первое полученное мною письмо было от Владимира Ивановича из Тары, после чего мы переписывались постоянно через власти. Тысяча верст была между нами. Встреча в Тобольске в 1856 продолжалась истинно один час. Он сидел в повозке, отъезжая, а я приехал. Наконец, в П<етер>бурге виделись дважды.

Изволите видеть, что очень мало и отрывочно мы жили вместе».

Но ни к кому больше во всей России не обращался Штейнгель с этими словами: друг-брат.

Из всех декабристов только они двое были сибиряками. Батеньков на десять лет был помоложе. Детство его прошло в Тобольске, где служил вице-губернатором дядя Владимира Ивановича, смещенный с должности и доведенный Пестелем до могилы. Кстати, сам Гавриил Степанович, в 1819 году писал о собственной сибирской службе: *«...все и вся восстало на меня... Я почувствовал всю силу целей и узнал, каково жить в отдаленных колониях...» «...1819 г. ужасный для меня, я лишился всего – нет уже моей матери, и Сибирь, с которою прервались, таким образом все сердечные связи, сделалась для меня ужасною пустынею, темницею, совершенным адом... Служба состояла в неравной борьбе, лютой и продолжительной».*

Это было написано в марте.

А вот это – в июне того же года: *«Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова. У нас уже новый властелин, вельможа доброй, сильной, и сильной только для добра. Я говорю о ген.-губерн. Мих. Мих. Сперанском».*

В сентябре: *«С приездом в Сибирь Сперанского я потрянул с себя все хлопоты и беспокойства. В Тобольске было первое наше свидание, и там уже уверился я, что конец моим гонениям уже наступил. Все дела приняли неожиданный и невероятный оборот. Из угнетаемого вдруг сделался я близким вельможе, домашним его человеком, и приглашен в спутники его и товарищи для обозрения Сибири...»*

19 ноября: *«Расположение Сперанского возросло до значительной степени, он привык ежедневно быть со мною. Редкость людей в нашем крае доставила мне большое удобство совершенно обнаружить ему мое сердце – и он нашел его достойным некоторой преданности».*

Г. С. Батеньков сопровождал генерал-губернатора в его поездке. Они вместе побывали в Кяхте, Иркутске, а затем вместе возвратились в Санкт-Петербург.

Осенью 1821 года Батеньков поселился в столичном доме генерал-губернатора Сибири, но служить определен по совету (или точнее протекции) Сперанского в Сибирский комитет, который возглавлял сам Аракчеев. В ведении именно этого комитета были и знаменитые военные поселения, членом Совета ко-

торых и стал Гавриил Степанович. Из столицы он переехал в Новгородскую губернию в печально известное для русской истории Грузино.

Перу Батенькова принадлежит любопытная характеристика своего шефа по Сибирскому комитету: *«Об Аракчееве думают, что он был необыкновенно как предан Александру, – никто теперь и не поверит, ежели сказать, что он ненавидел Александра, а он именно его ненавидел... Павлу он был действительно предан, а Александра он ненавидел от всей души и сблизился с ним из честолюбия».*

А по каким причинам сблизился с Аракчеевым сам Гавриил Степанович? Почему и ради чего Сперанский пожертвовал своим, может быть, самым близким и преданным человеком? Не потому ли, что только через Аракчеева лежал самый близкий путь к сердцу Александра для опального реформатора и бывшего конституционалиста Сперанского, а теперь самого верного слуги самодержавия, что и требовалось еще доказать Аракчееву, а через него и царю. Ради этого Сперанский не брезговал ничем – в Пензе, чтобы подняться и возвыситься, он писал Аракчееву льстивые письма о своем преклонении перед Священным Союзом и военными поселениями. И заслужил свое – в 1825 году он сидел в числе судей и выносил смертные приговоры декабристам.

Вот насколько сложно нам сегодня разобраться в том, кто же был все-таки прав, а кто виноват? Кто преступник, а кто судия? Кто злодей, а кто благодетель?

И это становится возможным, когда мы определим высшую цель, высшие идеалы поступков наших героев. И тогда станет ясно, почему для Пестеля отречение от сына, помышлявшего о цареубийстве, то есть посягнувшего на основы основ российского самодержавия – дело чести; и почему Сперанский предает друга, который и не был никогда членом тайного общества, и чтобы скрыть собственную причастность к заговору, который при ином исходе обещал для него лично большие государственные перспективы, потребует для Батенькова смертной казни...

6.

Но мы несколько нарушили хронологию.

Между тем надвигались события, которые вновь соединили судьбы наших героев, – началась Отечественная война 1812 года.

Павел Иванович Кошелев, освобожденный из-под ареста по личному ходатайству князя Михаила Илларионовича Кутузова, принимает командование 4-й дружиной Санкт-Петербургского ополчения. Владимир Иванович, по настоянию тестя вышедший было в отставку и получивший уже рекомендации для новой службы от генерал-губернатора Финляндии графа Штейнгеля, своего родного дяди, тотчас «явился в ряды защитников отечества». Его направили дежурным офицером... 4-й дружины Санкт-Петербургского ополчения генерал-майора Кошелева.

«По прежним нашим отношениям я не мог быть приятен Кошелеву и претерпел немало неудовольствия. Нельзя было уничтожить, так сбыли с рук похвалами...»

Но судьба не только сводила их. Она и испытывала каждого, одновременно, чтобы не оставить сомнения для нас, потомков, что оба они – и Кошелев, и Штейнгель – были истинными сынами своего Отечества. А если, что и разделяло, или даже противопоставляло их, – это высшие идеалы, которыми руководствовался каждый из них, и в свете которых видели разное будущее для своей родины. Но каждый, это мы обязаны признать, следовал своим идеалам отважно и честно.

Судите сами по рапортам с поля боя.

16 октября 1812 года. Сражение под м. Чашниками.

«Начальник 2-й дивизии, 2-й бригады и оной (4-й. – С. В.) дружины генерал-майор Кошелев. Генерал-лейтенант кн. Яшивиль рекомендует, что они, быв в сражении с 4-й дружиной при Могилевском полку, присутствием своим удерживали оную во всем устройстве храбростию и неустранимостью давали случай оной дружине к отличному действию противу неприятеля».

«Флота капитан-лейтенант барон Штейнгель. – С отличною храбростию действовали со стрелками противу неприятельских и заставили оных отретироваться».

16 ноября 1812 года. Сражение Санкт-Петербургского и

Новгородского ополчений при дер. Студенке и при р. Березине.

«Начальник 2-й дивизии ополчения генерал-майор Кошелев, ордена св. Владимира 3-й степени кавалер. – Генерал-майор Кошелев, начальствуя вверенной ему дивизией, под сильным неприятельским огнем везде сам распоряжался и устраивал с большим благоразумием, неустрашимостью и храбростью, чем много способствовал к поражению неприятеля».

«15 дружины. Командующий дружиною флота капитан-лейтенант барон Штейнгель. – За отсутствием дружинного начальника был прикомандирован дивизионным генералом к одной дружине с кою сражался храбро, и показывая неоднократно пример мужества своим подчиненным».

Но, тем не менее, личные отношения между Кошелевым и Штейнгелем так и не сложились. К тому же Владимира Ивановича незаслуженно обходили наградами – вместо чина подполковника дали второй орден св. Владимира 4-й степени; за события под Данцигом был предоставлен к прусскому ордену – не получил. Во всем этом, естественно, он видел не штабную неразбериху и кутерьму, а происки врагов и личную месть.

«...сбыли с рук похвалами» – это очень характерная особенность судьбы Штейнгеля того периода. Его звезда стремительно восходила на небосводе империи.

В 1814 году царь назначает нового главнокомандующего Москвы вместо печально известного Ф. В. Ростопчина – Александра Петровича Тормасова.

4 октября он прибывает в столицу – на пепелище – вместе со своим адъютантом – капитаном флота В. И. Штейнгелем. Еще недавно император Франции Наполеон вместе с бывшим французским посланником в России, а в войну – комиссаром по торговле и продовольствию Жаном-Батистом Лессепсом – обсуждали забавный случай – почетный пенсионер Франции, столь любезно оказавший содействие экспедиции Лаперуза и королевскому курьеру, полковник Козлов-Угренин, несмотря на свой дряхлый возраст, плюнул на императорский пенсион и вступил в Московское ополчение, чтобы отомстить врагам за поругание древней столицы Руси (кстати, Сергей Марков в своей книге «Вечные следы», М.,

1973, стр. 170, называет Лессепа генерал-полицмейстером Москвы, то есть виновником уничтожения города).

А Владимиру Штейнгелю как раз и выпало по своей должности заниматься восстановлением столицы. Это он привлек к работе архитекторов О. И. Бове и Ф. К. Соколова. В первую очередь были восстановлены Александровский сад, Манеж... Архитектор Соколов, руководивший реставрацией кремлевских соборов, писал впоследствии: *«...сколько сделано бароном Штейнгелем по сохранению и обновлению нашей столицы, сколько сберег он древности, преследуемый дерзостными, насмешливыми, обуюнными злом людьми, не чтущими того, что сохранить надобно для отечества».*

В начале августа 1816 года в Москву прибыл Александр. Он приехал ночью, инкогнито, так что его встречали на Красном крыльце Кремля только Торماسов и Штейнгель. Не было даже ни одного полицейского.

Осмотрев Москву, Александр был изумлен, – так быстро поднималась она из руин. Потому и столь щедрыми были награды. Торماسов возведен в графское достоинство. Генерал-полицмейстеру Москвы – будущему смертельному врагу Штейнгеля – вручена бриллиантовая звезда святой Анны. Владимира Ивановича наконец-то догнал чин подполковника.

Был и еще один сюрприз новой службы в канцелярии Тормасова – при разборе архива Штейнгель обнаружил «разбросанные копии с писем некоторых известных в последние годы царствования Екатерины II масонов и мартинистов из-за границы и из внутренних губерний, которые были списываемы в Московском почтамте и представляемы почт-директором Пестелем ... главнокомандующему князю Прозоровскому. Эти-то самые копии послужили Прозоровскому к возбуждению подозрения в императрице, и она указала арестовать Новикова с прочими и произвести расследование».

7.

Карьера адъютанта главнокомандующего Москвы открывала широчайшие перспективы, тем более что Тормасов безоговорочно доверял своему любимцу.

Многие высокопоставленные особы искали теперь встречи с подполковником, пытаясь через его благосклонность решить какие-то свои, в том числе и темные, дела. Отказ от благосклонности в таких случаях всегда был чреват какими-то последствиями. Но у Штейнгеля была такая «планида» – унаследованная судьба – поэтому его отношения со светом становились все более напряженными.

Началом же конца стало появление в Москве нового генерал-полицмейстера – в недавнем адъютанта великого князя Константина, генерал-майора А. С. Шульгина.

Именно Шульгин, согласно своему служебному положению, «нечаянно» обронил – во многих местах Москвы – эту вот фразу: *«...не Тормасов в Москве генерал-губернатор, а барон Штейнгель, который сел на него верхом и делает черт знает что!»* Те, кому это было выгодно, эту фразу тотчас распространили по обеим столицам.

Вездесущий правдоискатель и правдолюбец, отказавшийся недавно вступить в московскую масонскую ложу, ибо знал, что основные ее члены – отъявленные московские негодяи и подонки, мешал генералу Шульгину, как мешал Кошелев своре сибиряковых и козельских. И потому, естественно, должно было наступить время расчета Владимира Ивановича за свою генетическую принадлежность к порядочным людям России.

«Как не верить в переселение душ? – изумлялась большевичка, а значит воинствующий атеист, Лариса Рейснер. – После смерти Иоганна-Фридриха дух его целиком переселился в сына. Новый выдумщик вступил на жизненное поприще. Провидение определило его в морской кадетский корпус как бы для того, чтобы еще лучше показать необходимость всяких перемен. Первый пласт жизненного опыта у Штейнгеля: сибирские кап-ралы, отец, прыгающий по снегу, а за ним стражники, мальчишки и любопытные. Второй пласт: кадеты, оборванные и босые (но с восторгом принимающие сенатора Василия Суворова. – С. В.). Взявши их за ноги и за руки, двое дюжих барабанищиков растягивают учеников на скамейке и со стороны так бьют розгами, что тело раздирается в куски. Училищный повар Михалыч и краденые белые булки. Учитель Балаболкин с веч-

ной каплей на носу, пьяный и развратный в наказаниях. Пятая книга Евклида, зазубренная наизусть без смысла и понимания. Побои, унижительная служба у старших гардемарин, по ночам поручения с записочками. Короче – первая школа, как служба наживиться, кривить душой и грабить, из которой мальчики выходили невеждами, без жалости к младшим, с низостью перед вышестоящими. Так Иоганн-Фридрих, он же Владимир Иванович, прибавил к прежнему опыту мерзость российских школ. Этот честный немец родился Агасфером. Он блуждает по разным ступеням различных ведомств, меняет службу, переодевает мундиры. Какой-то неутомимый следователь путешествует по России, собирая огромный обвинительный материал против всего ее государственного строя. Он видел окраины – Сибирь и Астрахань, – прожил там долгие годы под видом старика Штейнгеля, вместе с колодниками и ворами прошел весь крестный путь ее неправых судов и грязных острогов...»

Мудрено ли, что круг дружеских знакомств Штейнгеля в московском обществе был ограничен – Иван Иванович Дмитриев, поэт и министр юстиции, Павел Юрьевич Львов – бывший адъютант князя Потемкина-Таврического, сенатор, писатель и переводчик (вспомним, что и у Штейнгеля-старшего столичные знакомства ограничивались А. П. Сумароковым) и несколько других лиц.

Окружающее большинство искало этой дружбы и оскорблялось, не получив ее, превращаясь во многочисленных врагов. Круг их быстро расширялся. Общественное мнение в высших кругах начало склоняться не в пользу Штейнгеля. И вот он уже с сожалением отмечает некоторые перемены в отношении к себе Торماسова.

«Заметив перемену, я тотчас же просил увольнения ...и получил его немедленно».

Вот и все. Если не считать того, что испытал себя в высших эшелонах государственного управления, Штейнгель был обречен теперь стремиться повторить это восхождение, ибо был создан для этой – государственной – роли.

«Он должен был додумать до конца свои мысли. Голова его

была устроена как чудные часы, которые можно завести только один раз. Заведены, ключ вынут, и часы идут, пока не кончится весь завод. Ни остановить, ни вернуть стрелки обратно – нельзя». Таково мнение комиссара Ларисы Рейснер, опубликованное в февральской книжке «Красной нови» за 1926 год об обреченности Штейнгеля на борьбу за самого себя.

Один за другим в его голове рождались проекты: «Рассуждение о наказаниях», «О наказаниях вообще», «Приспособление английских институций к России», «О законах, касающихся до гражданственности в России».

19 октября 1819 года Владимир Иванович в ответ на свои проекты получил записку от самого влиятельного вельможи александровской России. Того самого, которого отхлестал публично А. С. Пушкин:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель,
И Совета он учитель,
А царю он – друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести
грошевой солдат.

В записке было буквально следующее: *«Граф Аракчеев благодарит барона Штейнгеля за доставленные ему бумаги, которые при сем возвращает по ненадобности в оных».*

Штейнгель попытался было обратиться лично к Александру I сначала через министра финансов графа Гурьева, затем через министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына, которые очень хорошо относились к Владимиру Ивановичу, но ничего из этого не вышло. Князь Голицын сказал, вернувшись от царя: *«Крайне жаль, но должен вам сказать, что вы так очернены в мнении государя, что мой вам совет о службе и не помышлять.»*

И не было уже у Штейнгеля выбора – высшее лицо империи лишало Владимира Ивановича России...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

1.

Для того чтобы продолжить нашу историю, необходимо снова вернуться на Камчатку и познакомиться с человеком, которого очень хорошо знали и отец, и сын Штейнгели.

«В Камчатке в то время было интересное лицо, любимое всеми камчадалами, под именем Матвеевича; это Ивашкин, крестник Петра Великого. Офицер гвардии Анны Иоанновны, которого она благословляла на брак и которого потом, при восшествии на престол Елизаветы, высекли кнутом с ужасным вырезанием ноздрей. Лет 20 он прожил в Якутске и 40 в Камчатке. Я вскоре познакомился с этим интересным мучеником. Грешно было бы пройти молчанием анекдот, им рассказанный. Во время коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора пришла в Грановитую палату, которой внутренность старец описал с удивительной точностью, и поместилась на троне, вся свита установилась на свои места, то вдруг государыня встала и с важностью сошла со ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого указано не было. Она прямо подошла к князю Василию Лукичу Долгорукову, взяла его за нос, — “нос был большой, батюшка”, — пояснял старец — и повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды, обведя кругом и остановилась против портрета Грозного, она спросила:

- Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?*
- Знаю, матушка государыня!*
- Чей он?*
- Царя Ивана Васильевича, матушка.*
- Ну, так знай же и то, что хотя баба, да такая же буду, как он: вас семеро дураков сбиралось водить меня за нос, я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло!*

Старец знал и последствия.

Этого Матвеевича в следующем году предписано мне было взять и доставить в Охотск. Он был прощен с возвращением чина и с дозволением выехать в Россию. Но ему было уже 96 лет, он ослеп и не захотел расставаться с Камчаткою; через год его уже не существовало».

Почему я вспомнил об этой старой истории. И вспомнил только сейчас?

Потому что именно в годы отлучения Владимира Ивановича от службы Отечеству приходят в его голову мысли одна опаснее другой.

Если в 1818 году в одном из писем только еще прорывается: *«Ныне от многого, коли пристально помотришь, ум за разум зайдет»*. То в 1823 он уже даже не скрывает от друзей, и один из них заносит в свой дневник эти вот строки о Штейнгеле: *«...хочет... уничтожить тиран<ию> и преобразовать государство»*.

Но восстановленная редакторами фраза, мне кажется, не точна, ибо в эти годы Штейнгель – и до последнего декабрьского дня – хотел уничтожить не тиранию – тирана! – И совершить очередной дворцовый переворот в России, возведя на престол жену покойного императора Александра – Елизавету Алексеевну.

2.

И, таким образом, для нас открывается большая и почему-то весьма слабо изученная тема дворцовых заговоров в России, завершить которую и выпало на долю нашего героя Владимира Ивановича Штейнгеля – последнего из могикан – целой плеяды тех, кто пытался изменить управление государством, не потрясая основ самодержавия, а постепенно, через ограничение самодержавной власти перейти к конституционной монархии, а уж потом к демократическому – республиканскому – правлению.

А все началось с Петра Первого. Император в 1722 году издал указ о новых условиях российского престолонаследия – по завещанию царствующей особы, отменяя наследственный, переходящий от старшего к младшему, и выборный – соборное избрание – принцип, благодаря которому оказались на российс-

ком престоле сами Романовы. Теперь же – по желанию «царствующей особы» на российском троне мог оказаться «черт те кто».

Впрочем, и без желания этой особы тоже – Петр умер внезапно и не оставил завещания, чем внес смуту в сердца и мысли самых близких своих родственников и компаньонов-властителей.

И началась борьба за обретение высшей государственной власти между «безродными» – привлеченными покойным императором к управлению государством, и «родовитыми», чей послужной список у российского трона начинался со времен княжения Рюрика, или вообще даже велся, как и у Романовых, от одного из колен Рюриковичей.

Безродные временщики (партия светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, сына пирожника) объявили царицей жену Петра Первого – Екатерину, ибо Мавра Скавронская (именно такое имя получила русская императрица при рождении) тоже была из той же касты правителей – без роду и без племени, подобранная на поле брани, то ли солдатская жена, то ли вовсе обозная потаскушка.

На стороне безродных была гвардия – и это перевесило их успех.

И хотя правление Екатерины I было довольно коротким, все же первый дворцовый заговор был раскрыт еще при ней. Государственный переворот замышлял генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга Антон Эммануилович Девиер – он же свояк светлейшего князя Александра Даниловича, он же бывший денщик великого реформатора, обласканный и вознесенный покойным императором на вершину российского Олимпа. Всесильный Меншиков ненавидел Девиера, породнившегося со светлейшим, вопреки его воли, но по воле и желанию императора. И вот теперь Александр Данилович жестоко мстил мужу своей сестры Анны.

24 апреля 1727 года Девиер был взят под стражу «за предерзостные речи и угрозы». С него срывают ордена, требуют шпагу. Девиер в бешенстве выхватывает ее и пытается нанести удар Меншикову, который присутствует при этом, наслаждаясь видом поверженного врага своего. Нрав же невоспитанного португальца хорошо известен его сиятельству – и этот удар, как, впрочем, и другие, вовремя упрежден.

Вслед за Девиером был арестован обер-прокурор Сената, в недавнем директор Морской академии, кораблестроитель, создатель Ладожского и Лиговского каналов, и такой же «птенец гнезда Петрова», как и Девиер, Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев.

А потом пошли повальные аресты всех тех, кто так или иначе был прежде связан с нынешним «полувластелином» – или смертным приговором царевичу Алексею и потому боявшихся прихода к власти мстителей из его родни по материнской линии, или возведением на престол Мавры Скавронской вместо царевича Петра, имеющего на это гораздо больше наследственных прав, нежели какая-то шлюха.

В числе арестованных были Петр Алексеевич Толстой, Иван Иванович Бутурлин, Александр Львович Нарышкин, князь Иван Долгорукий и другие.

Почему же бывшие компаньоны Меншикова оказались в стане его врагов? Да только потому, что Александр Данилович, понимая, что дни зараженной от императора (а может и наоборот) сифилисом Екатерины сочтены, решает для усиления собственной персоны выдать замуж свою дочь за царевича Петра и править самому страной до совершеннолетия будущего императора, то есть из полувластелина превратиться в полного властелина России. Поэтому его врагами становились враги царевича и все те из российских властителей, кто боялся усиления личной власти Меншикова, отдавая себе полный отчет, насколько опасным станет князь для любого из них. И он опережал своих будущих врагов.

Раскрыв заговор (фактический или мнимый – было неважно), Меншиков ссылает всех, кто мог бы помешать ему, и обручает свою дочь с царевичем Петром.

Девиер и Скорняков-Писарев были сосланы в Сибирь, впоследствии оба они – сначала Григорий Григорьевич, а потом Антон Эммануилович служили командирами Охотского порта. Скорняков строил пакетботы «Святой Петр» и «Святой Павел», а Девиер отправлял из Охотска Вторую Камчатскую экспедицию Витуса Беринга.

Оба они были прощены только при Елизавете Петровне.

Дальнейшая после ссылки судьба их коротка – возвращение чинов, наград, почестей и уход в небытие в 1745 году.

3.

Царю Петру II поцарствовать почти не пришлось. Дочери Меншикова – не пришлось вообще, так как одиннадцатилетний император успел поломать блистательную карьеру Александра Даниловича.

Петр попал под влияние князей Долгоруких и обручение с княжной Меншиковой было расторгнуто, а сам Александр Данилович, у которого отобрали 90 тысяч душ крестьян, 13 миллионов рублей и более 200 пудов золотой и серебряной посуды, был сослан в Сибирь, в Березов, где уже и остался навсегда.

Петр же был обручен с княжной Долгорукой, но свадьбе также не суждено было состояться – в ночь перед этим торжеством – 19 января 1730 года – царь неожиданно умер. Таким образом мужская линия Романовых прерывалась.

Выбор правящего Верховного Тайного Совета, возникшего еще во времена правления Екатерины по инициативе Меншикова для ограничения верховной власти самодержицы в интересах светлейшего и его партии, который на этот раз возглавлял очередной несостоявшийся тесть – князь Василий Лукич Долгорукий, пал на Анну Иоанновну – вдовую и бездетную герцогиню Курляндскую, племянницу императора Петра Великого и дочь его брата – царя Ивана – Иоанна V. Молва – и, вероятно, тайные же службы – доносили Тайному Совету, что Анна Иоанновна – женщина тихая, послушная, так что в случае прихода герцогини к власти не представит никакого труда добиться ограничения ее самодержавия в пользу Верховного Тайного Совета.

Герцогиня дала свое согласие и на то, и на другое.

Но конституционно-аристократическая монархия просуществовала всего несколько дней, и то в воображении самих «верховников», а затем Анна Иоанновна поводила за нос Василия Лукича по дворцовым палатами, сослала его вместе с семьей в Сибирь, а незадолго до своей смерти – приказала и вовсе разлучить Долгоруких, разослав по разным глухим местам.

Князь Александр Васильевич был отправлен на Камчатку, где, возможно, судьба свела его еще с одним несчастным – прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка Алексеем Яковлевичем Шубиным. Впрочем, имена свои ссыльные обязаны были держать в строгом секрете – ибо тайна эта была государственной, и за разглашение можно было поплатиться головой.

4.

В чем же виноват перед Анной Иоанновной был прапорщик Шубин (один из 20 тысяч сосланных ею за десять лет правления государством, и один из пятнадцати тысяч, чьи следы все-таки отыскивались впоследствии). В том, что этот человек «чрезвычайно красивой наружности, ловкий, проворный, расторопный, решительный и энергический», овладел сердцем царевны Елизаветы, дочери Петра I и Мавры Скавронской.

Любовь была настолько сильна, что Елизавета подумывала о тайном браке с Шубиным и даже стала писать стихи, став, таким образом, первой русской поэтессой, хотя и сохранилось всего три ее стихотворения.

Всякий рассуждает, как в свете б жить,
А недоумеает, как с роком бы быть:
Что така тоска и жизнь не мила,
Когда друг не зрится, лучше б жизнь лишиться
Вся-то красота.
Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем я болею, да чем пособить,
Что всегда разлучно и без тебя скучно,
Легче б ты не знати, нежелъ так страдати
Всегда по тебе.

О нещастие злое, долго ль мя мучить,
О чем я страдаю, то не дашь зрить;
Или я тебе отдана,
Что мене мучити – тем ся веселити
И жизни лишити.

Куда красные дни тогда бывали,
Когда мои очи ты видали,
Ах! не была в скуке и ни в какой муке,
Как цвет процветали.

Возможность тайного брака была не такой уж и нереальностью для тех лет – родная сестра императрицы Анны, царевна Прасковья, была тайно обвенчана с Иваном Ильичем Дмитриевым-Мамоновым (родственником известного нам Николая Петровича Резанова). Не пережив ранней смерти своего мужа, Прасковья Иоанновна умерла в 1731 году.

Возможно, Анна Иоанновна надеялась на такой же финал и в любовной истории Елизаветы, когда разлучала их с Шубиным, сослав того на Камчатку и насильно женив на камчадалке.

Анну Иоанновну беспокоила не только любовь к Елизавете Шубина, больше – ее тревожила – и не напрасно! – все возрастающая любовь к царевне русской гвардии, посредником между которыми и был прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка и любовник Елизаветы красавец Алексей Шубин. Поэтому императрица и поспешила оборвать эту связь. А чтобы окончательно лишить Елизавету иллюзий об обладании российской короной, Анна Иоанновна, выполняя волю своего дяди – покойного императора Петра Великого, – оставляет завещание о наследнике русского престола после своей смерти. Своим преемником на российском троне императрица объявляла Иоанна Антоновича – сына своей удочеренной племянницы Анны Леопольдовны (дочери Екатерины Иоанновны и Карла-Леопольда, герцога Мекленбургского, отцом которого, в свою очередь, был Антон-Ульрих, принц Брауншвейг-Вольфенбительский, племянник Шарлотты-Христины, жены казенного царевича Алексея Петровича). Никто больше из царствующего дома Романовых не имел столько наследственных прав на российский престол, как этот, сегодня мало кому известный наследник российского трона по праву крови и по праву закона, подписанного еще Петром Великим, Иоанн Антонович.

Еще раз перечислим их.

Во-первых, он прямой потомок старшей царствующей ветви

Романовых, идущей от старшего брата Петра I Иоанна V, будучи его правнуком.

Во-вторых, Иоанн Антонович – дважды родственник императора Петра Великого, на которого так любили ссылаться все при очередном дворцовом перевороте, – как по прадеду Ивану, так и по дяде – царевичу Алексею.

В-третьих, внучатый племянник самой императрицы Анны Иоанновны.

И наконец, – российский трон завещан ему согласно действующего в России законодательства.

Но новоиспеченному императору России Иоанну VI было от роду всего ничего – родился он 12 августа 1740 года, а Анна Иоанновна умерла 17 октября следующего. Регентом – правителем был объявлен небезызвестный Бирон, фаворит умершей императрицы. То есть в очередной раз в истории Российского государства был разыгран подлый фарс дележа власти среди сильных мира сего.

Но и у Бирона, как в свое время у князя Василия Лукича, не вышло – фельдмаршал Миних и его адъютант – подполковник Манштейн, с восьмьюдесятью гренадерами поздней ночью восьмого ноября этого же 1741 года арестовали Бирона и объявили правительницею России до совершеннолетия Иоанна VI его мать – Анну Леопольдовну. Антон-Ульрих был жалован чином генералиссимуса русских войск. Миних – ради чего и затевался переворот – стал первым министром двора и получил в награду за свои «труды» – двести тысяч рублей серебром.

И если еще при Анне Иоанновне, как писал историк В. К. Ключевский: *«Немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, облепили дверь, обсели престол, забрались во все доходные места в управлении»*, то теперь правительство России становилось поголовно немецким, начиная с малолетнего императора и продолжая главою русского правительства с его многочисленную свитой.

«Злоба на немцев расшевелила национальные чувства», – такими словами один из историков определил причину новых дворцовых заговоров и следующего государственного переворота.

Это случилось в ноябре следующего года (Боже, как нам «везет» на октябри-ноябри!) в ночь с 24 на 25. Власть в стране захватила дочь Петра – Елизавета. Вроде бы, тоже законно – дочь. Увы, дочь-то дочь, но незаконная, прижитая до брака.

И вот в этом-то и суть всех происходящих в дальнейшем событий, связанных с именем императора Иоанна VI.

В своем манифесте о дальнейшей судьбе Иоанна Елизавета писала следующее: *«Хотя Анна Леопольдовна и ее сын Иоанн Антонович не имеют ни малейшей претензии и права к наследию всероссийского престола, но из особливой к ним нашей императорской милости, не желая им причинять никаких огорчений, с надлежащей им честью и достойным удовольствием, предав все их предосудительные поступки по отношению к нам забвению, всемилостивейше повелеваем отправить их в отечество».*

Отечеством их был Брауншвейг.

Но сюда они не вернуться, хотя проездные документы им были действительно оформлены на Нарву – Ригу – Кенигсберг...

9 января 1743 года их задерживают в Риге. Почти на год. После этого доставляют в крепость Дюнаминда. Затем Иоанна отправляют в Раненбург. В сентябре 1744 года его охране выдается предписание следовать в Соловецкий монастырь, но потом на 12 лет задержат в Холмогорах. То есть прятали следы уехавшего вроде бы благополучно на родину бывшего императора. А в 1756 году заточат в Шлиссельбургской крепости. Уже до самой смерти.

Елизавета знала, что тайное всегда становится явным. И она, как и окружающий ее великосветский двор, это учитывали и в своей политике, и в своих интригах. Поэтому любая кривизна – зигзаг в дорожном маршруте, судьбе императора-арестанта должны были быть оправданы в общественном мнении.

И потому сопливого трехлетнего мальчишку нужно было представить как смертельно опасного для всего российского государства – то есть объявить его государственным преступником.

И уже в июле 1742 года в столице Российской империи был раскрыт дворцовый заговор в пользу Иоанна Антоновича, и в

этом заговоре оказались замешанными камер-лакей Анны Леопольдовны Александр Турчанинов, прапорщик Преображенского полка (рассказ которого о коронации Анны Иоанновны мы и приводили) Петр Ивашкин и сержант лейб-гвардии Измайловского полка Иван Сновидов.

В поисках следственного материала по этому делу я исколесил страну, пока не добрался, наконец, до Центрального государственного архива древних актов в Москве. Оригинала следственного дела не нашлось даже там. Только копии некоторых отрывочных извлечений более позднего периода, когда решался вопрос о возможности прощения Петра Матвеевича Ивашкина, пробывшего в ссылке уже более полувека. Это был сырой материал, на основе которого даже нельзя выстроить хотя бы приблизительную версию заговора. Но там же, в деле, нахожу цинично-раболепное заключение, датированное 23-м декабря 1801 года (через девять месяцев после убийства императора Павла Первого!): *«...по вложенной здесь выписке докладываю комиссии для пересмотра ...преступление Ивашкина столь велико и столь важно, что он не токмо помилования, но даже и никакого облегчения во участи своей не заслуживает, однако ж взирая на него, яко на человека, претерпевшего в наказание своем самое жесточайшее мучение ...пытку в застенке, потом нещадное биение кнутом и вырезание ноздрей ...сверх толикого мучения под бременем ссылки пятьдесят лет в самом отдаленном месте...»*

В деле же нет ничего конкретного. Высокий чиновник читал те же, что и я, копии с каких-то выписок. Впрочем, я предлагаю вам это сделать самостоятельно.

И обратить внимание еще на один факт – в другой правительственной комиссии, которая через 24 года после убийства императора Павла будет расследовать дела декабристов и выносить им смертные приговоры, будет заседать и один из царевичей. И стоит ли тогда удивляться, что Ивашкина ни за что, ни про что не прощали около шестидесяти лет.

«Ивашкин по возшествии на престол Елизаветы Петровны имел намерение, чтоб собрав партию ночью временем притти ко дворцу и захватя караул войти в покои и ее Государыню

и его высочество умертвить, лейбкомпанию заарестовать, кто будет противиться колоть до смерти, к чему приглашал и Гурчанина (так в тексте дела о государственных преступниках – Гурчанин вместо Гурчанинов. – С. В.). А сей Гурчанин слыша сие злодейское предприятие, по долгу своему и присяге не только о том не доносил, но и сам с ним, Ивашкиным, к тому злему намерению согласился и имел о том с ним советы и хотел оное и кроме Ивашкина другими сим самым замыслом делом исполнить для того, чтоб принцу Иоанну быть императором, а принцессе Анне правительницею, к тому склонял он двух гвардии унтер-офицеров (кои были на них доносителями), чтоб и они партию собрали, рассуждая при том, что принц Иоанн законный наследник и по наследству царя Иоанна Алексеевича императора Петра Первого брата подлежить быть ему императором. Его де еще императрица Анна Иоанновна при жизни своей назначила короновать, а государыня Елизавета Петровна не наследница она и цесаревна Анна Петровна первым императором с государынею Екатериною Алексеевною прижиты до венца. И потому не подлежит быть ей императрицею, а сделали де ее государынею наследницею лейб-компания за винную чарку да и государыне Екатерине Алексеевне на царстве быть не подлежало, а следовало в то время быть второму императору, и то сделал генерал Ушаков, которого министры устрашась, интригу ей учинили; он же Гурченинов (путаница написания фамилии в тексте. – С. В.) вымышленно от себя произносил напечатанные манифесты, что швед возымел войну якобы от того, что принц Иоанн ...не законный наследник, а наследница государыня Елизавета Петровна...

Сновидов в вышеозначенном злодейском умысле явился сообщником, пообещался к тому сыскать себе друзей и партию, а притом многие склонные к тому злодейскому намерению слова говорил, и тем Гурченинова поощрял, по принцессе Анне и муже ее, по сыне их принце Иоанне сожалительные слова говорил же» (ЦГАДА, ф. 6, ед. хр. 409, л. 68).

Такую вот выписку из дела – надо полагать из обвинительного заключения – в связи с запросом правительства сделали архивариусы. Ивашкин же до конца дней своих говорил, что стра-

дает он без вины, по оговору, за пьяную кабацкую болтовню с друзьями, подслушанную доносителями, и не знает за собой ничего злодейственного.

И в исторической литературе мне не удалось найти какого-то внятного описания цели и мотивов этого заговора. Поэтому поневоле приходится согласиться с теми историками, кто поверил Ивашкину. Очень уж похоже, что этот заговор был всего лишь инсценировкой, политическим фарсом в пользу Елизаветы Петровны, действительно поправшей закон в той его части, о которой справедливо говорится в обвинительном заключении, а также указ о престолонаследии, подписанный ее собственным отцом.

Именно поэтому и только поэтому Елизавете I, а вслед за ней и Екатерине II, одинаково выгодно было стучать краски в отношении Иоанна, то пугая заговорами, то объявляя его идиотом, чтобы упрятать понадежнее.

Для этого и понадобился политический спектакль. И вот – пожалуйста, как приказать изволили, ваше императорское высочество: капрал Иван Шидинов доносит, что в таком-то трактире трое подвыпивших молодых человека благородного звания – один из них из свиты Анны Леопольдовны, двое других из гвардии – позволили себе усомниться в законности владения престолом «Петровой дщери». Особенно витийствовал о «бабьем царстве» камер-лакей Турчанинов.

И вот за эти «виноречивые», а по официальной трактовке «великоважные и злодейственные вины» приказано учинить всем троим публичное наказание кнутами, вырвав у всех ноздри, а у Турчанинова – за то, что он его очень сильно распускал – и язык, а потом сослать всех на самый край земли, в вечную ссылку.

Так вот и оказались Иван Кириакович Сновидов, Петр Матвеевич Ивашкин, Александр Дмитриевич Турчанинов в камчатских острогах. И ни один, кроме Ивашкина, не был прощен. Остальные и не дожили до такой глубокой старости.

5.

Но эти трое не были последними из колодников, кто отправлялся в Сибирь и в Камчатку «без вины виноватыми».

В июле 1743 года в столице раскрыт заговор, который возглавил подполковник Лопухин. Среди тринадцати его сообщников был даже австрийский министр, посол, маркиз де Ботта... Он же был любовником матери подполковника, жены генерал-крей-комиссара...

Она-то и была, как выясняется, виновницей нового елизаветинского спектакля – сестра графа Михаила Гавриловича Головкина, вице-канцлера при Анне Леопольдовне, сосланного Елизаветой Петровной, и жена брата государственного канцлера Бестужева-Рюмина, – она, распуская в свете слухи о том, что Елизавета сослала ее брата несправедливо, была недостижима для прямой расправы – слишком пострадала бы тогда сама императрица в общественном мнении. И Елизавета Петровна выместила все зло на сыне Лопухиной. Он был разжалован и сослан матросом на Камчатку. При этом четверым его «сообщникам» – как Турчанинову – вырвали язык, чтобы не задавали вслух вопросов о своей вине, и отправили в Сибирь. Еще четверых высекли кнутами и плетьюми, а затем тоже сослали в Сибирь. Трех из гвардии перевели в пехоту. Одного выслали в деревню.

А сюжет один и тот же – Иоанн VI. Раскрыт новый дворцовый заговор!

Поэтому задержка в Риге, Холмогорах, где в 1746 году в возрасте 28 лет умирает Анна Леопольдовна.

Она стала первой, но не последней жертвой этой ссылки. Из 137 человек конвоя в Холмогорах за двенадцать лет умерло 62 человека. Можно представить себе, каковы были условия содержания узника, если мерли как мухи, полицейские. Но узник выдержал, на свою беду, и это уготованное ему испытание и не умер. И тогда не осталось ничего другого – он становился взрослым – и его заточили в одной из одиночных камер Шлиссельбургской крепости. Теперь он навечно должен был остаться секретным узником.

6.

«Вступив на престол, Елизавета Петровна вспомнила о своем любимце, сосланном за нее в дальнюю Камчатку. С вели-

ким трудом отыскивали его не ранее 1742 года в одном камчатском селении. Посланный объездил всю Камчатку, спрашивал везде, нет ли где Шубина, но не смог ничего разузнать. Когда его ссылали, то не объявили его имени, а самому ему было запрещено называть себя кому бы то ни было под страхом смертной казни. В одной юрте посланный отыскивать ссыльного спрашивал несколько бывших тут арестантов, не слышали ли они чего-нибудь про Шубина; никто не дал положительного ответа. Потом, разговорясь с арестантами, посланный упомянул имя императрицы Елизаветы Петровны. “Разве Елизавета царствует?” – спросил тогда один из ссыльных. “Да вот уже другой год, как Елизавета Петровна восприяла родительский престол”, – отвечал посольный. “Но чем вы удостоверите в истине?” – спросил ссыльный. Офицер показал ему дорожную и другие бумаги, в которых было написано имя императрицы Елизаветы. “В таком случае Шубин, которого вы отыскиваете, перед вами”, – отвечал арестант. Его привезли в Петербург, где 2 марта 1743 года он был произведен “за невинное претерпение” прямо в генерал-майоры и лейб-гвардии Семеновского полка в майоры и получил Александровскую ленту. Императрица пожаловала ему богатые вотчины, в том числе село Работки на Волге, что в нынешнем Макарьевском уезде Нижегородской губернии» (А. Печерский «Княжна Тараканова»).

Но Шубин недолго оставался при Елизавете Петровне – здоровье его было изрядно расстроено, а главное – занято было уже его место у сердца, и при троне – процветал придворный певчий, сын малороссийского казака Григория Розума Алексей Разумовский. Сначала он стал управляющим поместьями царевны, а с 25 ноября 1741 года – действительным камергером ея величества, затем – обер-егермейстером, а в день коронации – 25 апреля 1742 года – Андреевским кавалером. В 1744 году Алексей Григорьевич объявлен графом Римским, еще через два месяца – Российским.

А 15 июня этого же года в церкви Воскресения в Барашах императрица Елизавета Петровна и граф Алексей Григорьевич были тайно обвенчаны. Генерал-поручик Шубин подал в от-

ставку. Отставка была удовлетворена, и генерал поселился в подаренном ему селении Работки, где он вскоре и умер.

А граф Разумовский в это время, не будучи ни в одном военном походе и ни дня не прослужив в армии, произведен в генерал-фельдмаршалы.

И это вознесение фаворита погубило не одного Шубина.

В Луцком драгунском полку служил безвестный прапорщик, сын поручика московской полицмейстерской канцелярии, окончивший в 1740 году Шляхетский корпус (где учились вместе с ним будущие государственные деятели А. Н. Сумароков, А. В. Олсуфьев, М. Н. Волконский...).

Это был Иоасаф Андреевич Батурин, которого в XIX веке один из русских журналов назовет даже агитатором будущей бури, подразумевая бурей, конечно же, революцию, народный бунт.

Семь лет прослужил честолюбивый Батурин, воспитывавшийся в привилегированном учебном заведении, без какого-либо продвижения по служебной лестнице.

Вот это-то и привело к конфликту сначала с командиром полка, а позже – и с императрицей. Дело «О подпоручике Иоасафе Батурине, замышлявшим лишить престола императрицу Елизавету в пользу великого князя Петра Федоровича» мне также удалось обнаружить в Центральном государственном архиве древних актов – ЦГАДА, фонд 6, опись 1, единица хранения 377.

В феврале 1748 года случилось так, что десятая рота, в которой служил Батурин, осталась без обер-офицера, и Батурин, недолго думая, по собственной инициативе принимает на себя командование, полагая, что он вполне этого достоин. Но не тут-то было – полковник Элнин уже назначил нового командира роты, и вовсе это был не Батурин. Обидевшись, Батурин принял того в штыки, а полковому командиру заявил примерно следующее: «Напрасно де, господин полковник, изволишь меня обижать. Я де хороший командир и беспорядков у меня не видывали». И, к слову, добавил, что ежели его не назначат командиром, он будет просить у генерал-инспектора, когда тот прибудет в полк, аудиенции, пригрозив, что покажет генерал-

инспектору все непорядки в полку и расскажет ему все драгунские обиды. Полковник в бешенстве заорал: «Арестовать! Сковать! В «Тихомировку его!» «Тихомировка» – полковая тюрьма, где в нарушение устава полковник Элнин уже однажды держал такого же, как Батурин, прапорщика Тихомирова. И ничего – сошло.

– Я такого не заслужил, чтобы меня ковать и в тюрьму сажать, – резко ответил Батурин и отказался сдать свою шпагу полковнику.

Тогда его посадили, согласно военным «регулам», под домашний арест. Батурин поначалу было смирился, но на следующий день пришел в полковую канцелярию и в присутствии всех обер-офицеров заявил, что знает о полковнике Элнине государево «Слово и Дело», то есть имеет факты совершения полковником преступления против трона.

Но, как выяснило следствие, донос оказался ложным (хотя, я думаю, при Анне Иоанновне все бы сработало, просто Батурин не учел фактор времени – политической конъюнктурности) – единственный свидетель – прапорщик Федор Козловский – отказался подтвердить обвинение Батурина в том, что фон Элнин оскорбил «блаженныя памяти вечно достойныя» покойную императрицу Анну Иоанновну. Которая, по известным – то бишь амурным – причинам, не жалела ничего для некоего герцога Курляндского – то есть своего фаворита – Бирона.

Эти «известные причины» полковник Элнин, по словам Батурина, опохабил одним откровенным жестом, за что его стоило сослать в Сибирь.

Но... *«за те его непорядочные поступки велено лиша его Батурина прапорщицья чина и патента послать в казенные работы на три года, а по прошествии определить по-прежнему в полк до выслуги в драгуны».*

Ждали только решения императрицы. Оно затягивалось. Батурина даже освободили из-под стражи и передали на поруки. В это же время – в соответствии с «регулом» и выслугой лет пришел ему и новый чин – подпоручика. Казалось бы, все меняется к лучшему, но – опять двадцать пять: как праздношатающегося Батурина снова взяли под караул.

И этот новый арест имел для Батурина роковые последствия – тут же в тайную канцелярию явились прапорщик Выборгского полка Тимофей Ржевский и вахмистр Пермского драгунского полка Александр Урнежевский и чистосердечно покаялись в том, что Батурин подбивал их, заручившись поддержкой и денежной помощью великого князя Петра Федоровича, поднять фабричный московский люд и «находящихся в Москве преобразенских батальонов лейб-компанию», а там, дескать, «заарестуем весь дворец – ...Алексея Григорьевича Разумовского где не найдем и его единомышленников – всех в мелкие части изрубим за то что де от него Алексея Григорьевича долго коронации нет его императорскому высочеству, а государыню де императрицу до тех пор из дворца не выпускать пока его высочество коронован не будет».

Что же имел против Елизаветы прапорщик Луцкого драгунского полка Батурин? Ничего! Он даже был согласен, «чтоб Ея императорское величество была при своей полной власти как ныне есть, а его б высочество с повеления Ея императорского величества имел только одно государственное правление и содержал бы армию в лучшем порядке, не так как она ныне имеетца и ежели де не бунтом итти, то де его высочеству коронации никогда не бывать для того что де до той коронации Алексей Григорьевич Разумовский не допустит и того де ради хотя малую партию а зберу и наредя их в маски поехав верхами и улуча Алексея Григорьевича на охоте одного или при малой свите что протчие де псари ездят по кустам и с тою мелкою свитою изрубим или другим каким-нибудь манером смерти его имат буду только де мне один он и надобен (выделено мной. – С. В.) причем он Батурин того Ржевского уверял, что он во всем том был ему согласен за что де мы от его высочества **В НАГРАЖДЕНИЕ И ПО ГОЛУБОЙ ЛЕНТЕ ПОЛУЧИТЬ МОЖЕМ** (выделено также мной. – С. В.)».

То есть, как видим, Батурина нужен был на троне тот человек, который бы двинул вперед его, батуринскую, военную карьеру, потому что де годы шли, а самостоятельно де эта карьера что-то не двигалась, как у других...

«...ежели б армия была, – говорил на допросе сам Иоасаф

Андреевич, – под предводительством его императорского высочества, то б всякий солдат, видя его высочество при той армии, всякой самого себя храбрости предал и уповал бы всяк, что его монарх присутствует при войне и больше б храбрых оказий и поступок против своих неприятелей делали, а в государственном бы правлении мог его высочество **ВСЯКОМУ БЕДНОМУ ПРОТИВУ СИЛЬНЫХ ЛИЦ ЗАЩИЩЕНИЕ УЧИНИТЬ** (вот это и было лейтмотивом, а не предыдущий бред о храбрости воинства. – С. В.)»

Но в главном Батуриин в общем-то, нужно это признать, прав – не таланты и доблесть, не отвага и честь являлись, как мы видим из многочисленных примеров, основой для движения людей вверх по служебной военной или гражданской лестнице в России времен правления Екатерина I, Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны... Все эти благородные качества становились угодными трону лишь в условиях, говоря современным языком, экстремальных, но таковых условий не было, ибо после реформ Петра Великого наступило для России время глухого затишья, какое сравнимо разве что с тишиной мрачных сырых подземелий... Вверху жили, веселились, любили, торжествовали и властвовали... А внизу – внизу жила вся остальная Россия, в том числе и батурины, которые, так же, как и те, что наверху, чего-то хотели от жизни.

Чего-то и для кого-то – вот основная суть любого государственного переворота, любого преобразования, любой гражданской или сугубо индивидуалистской позиции.

Но, как видим, против Елизаветы Петровны Батуриин в принципе ничего не имел против и ни на что, кроме армии, не посягал. А вот против Разумовского он был настроен категорически.

Что же его так раздражало? То, что он – сын простого казака, певчий императорского хора – оказался у кормила власти, будучи бесталанным государственным деятелем, но фаворитом императрицы?! Допустим. Но что именно – зависть от успехов любовника-счастливчика или справедливое чувство негодования по поводу всех этих фаворитов-лизоблюдов, приближенных к трону, которое во все времена и при всех правящих режимах испытывали истинные дети своего Отечества!!? О России ли

думал он, о застое, духовном и экономическом, который после Петра переживала страна, пока то одна, то другая императрица тешилась в любви, потеряв голову от своего крохотного, в ущерб стране, а потому низменного и ничтожного, счастья, растрачивая миллионы на любовные утехы и всякую службу во имя и благо России переводя в разряд заурядного камер-лакейства...

А вот и ответ самого Батурина: «...злоумышленное де убийство на Алексея Григорьевича начал он Батурин иметь и имел с такого случая, что в июле месяце после Троицкого похода приходил он к его сиятельству во дворец с таким намерением, что его сиятельству объявить дабы его сиятельство приказал с ним Батуриным послать кого верного и наведатца ходя с ним Батуриным в подлом нехорошем платье в Москве по всем местам, что о его сиятельстве в народе говорят для того что де в разные де времена бывал он Батурин в кабаках и в других местах где де бывшие лейб-компании гренадеры, а имен и прозвищ их не знает и в лицо признать их не может, и другие разных чинов люди и всякая подлость бранивали его сиятельство всякою скверною бранью и лейб-компании де гренадеры говаривали, что де его сиятельство посылает их в Кизляр за напрасно и обижены де все гренадеры от его сиятельства от награждения Ея императорского величества деревнями и тем де хотел он Батурин **оказать его сиятельству услугу** (выделено мной. – С. В.), но только он до его сиятельства не допущен и придворным лакеем его сиятельства выслан с нечестью и думал он Батурин что так его нечестиво выслать приказал его сиятельство...»

Вот так – а приласкал бы, приголубил и никаких тебе кровавых заговоров, пустили б как ищейку по вонючим кабакам и подвалам – вообще счастлив был бы, а заложил, выследил, предал кого – так бы и руки лизал хозяину за ленточку голубую или муаровую, надетую вместо ошейника...

А заговор же его против трона оказался на проверку вообще ерундой – «тьфу!». Фабричных людей в заговоре было... один человек – суконщик Кенжин. По-настоящему несчастный человек, доверившийся благородному барину – заступнику. Дело в том, что незадолго до встречи Кенжина с Батуриным московс-

ких суконщиков ограбили фабриканты, недодав часть заработанных денег. Те возмутились и пошли с челобитной к Разумовскому. Тот же встал на сторону фабрикантов и челобитчиков велел наказать кнутами. Промышленный люд был, конечно же, недоволен решением Разумовского, и об этом узнал Батурин. Кенжину он сказал, что разговаривает с ним от имени Петра Федоровича и тот готов компенсировать фабричным их потери и восстановить справедливость, казнив всех – через отсечение головы – фабрикантов, если работные помогут ему взойти на российский престол и убьют Разумовского.

Кенжин пообещал поднять недовольных работных на бунт.

И вот итог: Батурин и Кенжин – как самые опасные в этом заговоре – шли по одной статье о наказаниях. По экстракту (после расследования) *«предложено ...Батурину и Кенжину вместо смертной казни – учинить жестокое наказание бить обоих кнутом нещадно и урезать у них язык послать в Селенбурх и велеть их тамо порознь закласть в городовую стену оставя им по одному самому небольшому окошку и до смерти их давать им хлеб да воду».*

Шестнадцатилетнего подмастерья Кенжина Михаила Иванова только за то, что он оказался невольным свидетелем и слышал весь разговор, приказано было бить кнутом и сослать в Оренбург. Туда же были сосланы и ткачихи, кто в тот день работал у суконщика вместе с его женой.

Наказаны были еще трое из лейб-компанейцев, двое пикеров из свиты Петра Федоровича, с которыми был знаком Батурин, и потому попытался было через них выйти на связь с великим князем, чтобы предложить последнему свои услуги и сообщить, что к бунту готовы уже... тридцать тысяч человек и еще 20 тысяч можно будет поднять, что Батурин не один в этом своем стремлении возвести на престол Петра III и за его спиной граф Бестужев, а также генерал и кавалер Степан Апраксин...

Одного из гренадеров – Тыртова – отправили на казенные заводы в Сибирь. Двух других – Худышкина и Кетова – в Оренбург, «в работы вечно». Пикера Григорьева – в Сибирь. Васильева – в Оренбург.

О Ржевском в экстракте не говорится ничего. А вот вах-

мистр Урнежевский повышен в чине и... сослан в Архангелогородский гарнизон.

Четыре года после подписания экстракта просидел Батурин в подземелье тайной канцелярии под крепким караулом, ожидая конфирмации – решения императрицы – но ее не последовало, и в 1753 году он был переведен в Шлиссельбургскую крепость, в одиночную камеру на вечное содержание, как ему и определили судьи. Елизавета Петровна не пожелала смягчить их приговор.

Почему? Ведь ясно из дела, что заговор – выдумка, фальшь, вздор.

Но нет – приговор взыправдашний, суровый, жестокий.

И почти одновременно – ужесточен режим содержания Иоанна.

Случайно? Может быть...

Почти одновременно они становятся секретными узниками Шлиссельбургской крепости – самой жуткой тюрьмы Российской империи.

О дальнейшей судьбе Иоанна поведал нам Данилевский в знаменитом «Мировиче».

Батурин через пятнадцать лет одиночного заключения, наконец, впервые мог заговорить с живым человеком – молодым солдатиком Федором Сорокиным, обомлевшего от слов Батурина о том, что он де полковник и страждет по государеву делу.

Сорокин, правда, сначала не поверил: «Да государь наш в одночасье как помер».

– Ложь! Это враги распустили слухи. Он жив – за границей, обещал черед два года вернуться.

То есть, как видим, и годы заключения не исправили подпоручика.

Солдат, деревня – деревней, первого года службы, обалдел от этих слов. Все в его сознании съехало куда-то на сторону.

– Передай письмо, – хрипло шептал полковник, – одно императрице, другое – ему... И будет тебе большая награда! Он ведь не знает, что я здесь...

– Да как же я его найду?!

– Найди... Передай с кем-нибудь...

Вернувшись в казарму, Сорокин рассказал обо всем своему названному брату Федору Ушакову.

– Дак помер царь-то...

– Живой... Полковник сказывал... Скоро вернется. А письма пусть у тебя пока побудут. Может придумаешь что...

– А может и не царю письма эти? Давай прочтем?

– Боязно...

– Да что там – где наша не пропадала (разговор с Батуриным и чтение письма обойдутся Сорокину вечной службой солдатом без права на отставку в Тобольском гарнизоне, а Ушаков, хоть формально и будет освобожден от наказания за то, что передаст эти письма начальству, но так как «знает ложь и вымыслы Батурина», поступит приказ отправить его на службу в Архангелогородский гарнизон «и не отлучать оттуда».

– Всероссийский отец великий государь император Петр Федорович, – по складам прочел Ушаков, и оба солдата испуганно переглянулись. – Один от верных и первых рабов ваших, который не пощадя живота своего за ваше величество и корону вашу, по любви природной от младу и чести к великому Петру, а по нему и к вашему величеству ревную по истинному наследству вашему о чем ваше величество довольно знать соизволите.

Я до ныне обретаюсь в Шлюшенбурхе под крепким караулом в ручных и ножных железах в несносном заключении восемнадцать лет как за ваше величество и корону вашу терплю и уповаю. Ежели бы мне не помогали наука которую в светлые ночи великую приносите радости... Смотрел на планету вашу, горесть свою забывал и в животе вашем дражайшем быть несомненно полагал о чем все караульные засвидетельствовать могут.

– Это точно, – засвидетельствовал Сорокин. (Интересно, что бы писал Батурин, если бы он знал о том, как поступил Петр Федорович, когда ему в 1762 году доложили о Батурине, и император решил не переводить подпоручика на Нерчинские рудники, как было предложено генерал-прокурором, а оставить в той же одиночке навечно, только переведя с «хлебы и вода» на более калорийный рацион.)

– *Зачем бедного забыли,* – продолжал читать Ушаков. –

*Возьми, возьми – здесь два раза «возьми» – великий монарх меня пред себя как можно скорее, не дай мне пасть в отчаяние. Дай мне себя дражайший мой великий монарх увидеть и с вос-
кресением ваше величество поздравить, не дай возрадоваться врагам своим кои меня верного раба твоему чтобы заодно в темнице уморили. Возьмите меня скорее пред лицо свое да потребятся враги ваши рукою моею, когда же оставите меня, кому бог вас оставит, желал бы от бога всем мира, тишины и благополучия. Вверьте мне свое здоровье опробованному рабу, а не другим. А не время за вас умереть и кровь пролить, уповаю, что вы при себе такова ныне не имеете. Словами все скажут, что положат живот свой за ваше величество, а на деле в практике никто себя так не скажет как я бедный. Оставил жену, сына и двух дочерей во младенчестве сиротами, уморил от печали жену свою, на веки плачи матери своей и сестры ругательства терплю. С бедными от фамилии моей, которые от меня отрекаются, колико претерпел голоду, холоду, все сие для короны вашего величества. Верь, верь, Монарх мой великий. Нет тебе меня вернее. Да любите меня столько бог скажет. Я вас люблю, когда вы оставите меня, бог мне за любовь не оставит и аршин 15. Несть любви чай боле да кто за друга положит душу свою.*

1768 февраля дне

*вашего величества **раб первый верный** (выделено мной. – С. В.) полковник Шлюпенбурх обер кабинета курьер Иоасаф Батурин милосердие ожидает.*

Солдаты в который уже раз переглянулись и зябко передернули плечами. Листки мелко-мелко дрожали в руках Ушакова. Сорокин смотрел на них боязливо и покорно, а сердце колотилось так, точно это и не сердце, а живая птица билась и никак не могла вылететь из груди. Он хотел было что-то сказать Ушакову, но не смог разлепить слипшихся и помертвелых губ.

– Надо отдать письмо прапорщику, – решил Ушаков, и сразу стало обоим легче – точно камень с души упал – появилась ясность и цель.

Екатерина II, прочитав письмо Батурина, расвирепела. Как посмели ей напомнить о том, кто столько лет приходился ей мужем и с кем было покончено раз и навсегда, чьи останки уже сгнили, как должна была сгнить и сама память, но ползут и ползут чьи-то лживые слухи о том, что он жив и – на тебе! – явится... Миссия!.. Даже из казематов Шлиссельбурга, из одиночки этого сумасшедшего, назвавшегося полковником и оберкабинет-курьером, доносится потустороннее зловоние Карла-Ульриха... О, майн готт! Куда же еще его запрятать?!

17 мая 1769 года обер-прокурор Вяземский положил перед Екатериной проект указа о дальнейшей судьбе Батурина.

«...заслуживает он Батурин по законам тяжкое наказание; но поелику сие ныне учиненое им преступление от него произошло как уже от человека, доведшего себя по своим преступлениям до самого отчаяния, то кажется теперь и никакое тяжкое наказание наполненного злом его нрава поправить не может; и сего ради а тем более из единого Ея Императорского величества милосердия наказание ему Батурину не чинить, а дабы от него впредь таких вредных и ложных разглашений поблизости столицы ...не происходило ...и чтоб он Батурин сколько ни есть пришел о содеянных им злодеяниях хотя при конце жизни своей в раскаяние, послать его в Большерецкий острог вечно и пропитание же ему тамо иметь работою своею, а притом накрепко за ним смотреть, чтоб он оттуда уйтить не мог; однако же и тамо ни каким его доносам, а не меньше и разглашениям никому не верить».

«Быть по сему», – начертала Екатерина и поставила точку еще на одной человеческой судьбе, только за то, что этот несчастный осмелился напомнить ей о том, кого она хотела, но не могла забыть. И снова была игра – игра очередной императрицы в милосердие – когда отправляли в Камчатку на голодную смерть старика, все преступления которого заключались в том, что он хотел быть верным рабом и это у него никак не получалось, ни в 1748, ни двадцать лет спустя... А он готов был ради этого на все. И не в Камчатку его бы, а приласкать чуть-чуть, а уж он «разстарался бы за ради» и, глядишь, действительно бы опередил бы некоего Шервуда, выдавшего Павла Пестеля, в

получении высочайшей приставки «Верный» к своей фамилии за предательство. Но слишком много таких вот своих было у трона, чтобы брать еще и кого-то со стороны.

7.

И было с чего так рассердиться Екатерине – ведь ей вновь посмели напомнить о том, кого она сама приказала уничтожить, чтобы взойти на российский престол.

Наследником Елизаветы Петровны стал сын Анны Петровны и герцога Голштинского Карла-Фридриха Карл-Ульрих, женатый на немецкой принцессе Ангальт-Цербстской Софии-Августе.

Карл-Ульрих был одновременно претендентом на русский и на шведский трон, так как он был родственником не только русского императора Петра I, но и шведского короля Карла XII. Получив, на свою беду, русскую корону, Карл-Ульрих стал Петром III, Софья-Августа – Екатериной Алексеевной.

28 июня 1762 года с помощью все той же дворянской гвардии, преданной императрицам, Екатерина совершила дворцовый переворот, свергла своего мужа с российского престола и добила от него официального отречения.

Таким образом, в эти последние июньские дни 1762 года в России оказалось сразу три здравствующих императора – заточенный в Шлиссельбургской крепости Иоанн VI, сосланный в Ропшу под надзор брата фаворита – Алексея Орлова – Петр III и Екатерина II.

Только поэтому и умирает в Ропше от внезапного «геморройного припадка и пружестоккой рези в кишках», задушенный Орловым, Петр, а затем угроза расправы нависает и над несчастным узником. Следующими жертвами задуманного новой императрицей спектакля с трагическим финалом стали сначала братья Хрущовы и Гурьевы, а после них – Минович.

Любопытно, что в следственных материалах дела Хрущовых – Гурьевых очень много сходного с делом Батурина. И здесь, и там очевидна попытка выдать желаемое за действительное: увеличить число заговорщиков с пяти человек до нескольких ты-

сяч, намекнуть, что якобы среди заговорщиков и князь Никита Трубецкой, и Иван Иванович Шувалов, и Иван Федорович Голицын, и еще иже с ними 70 «больших людей»... На следствии все и раскрылось. Семен Гурьев, один из главных инициаторов заговора, рассказал все чистосердечно. Петр Хрущов отказывался было от разоблачающих его показаний Гурьева и вину вину только под батогами. Но он мало что мог добавить – за заговорщиками не стояло никаких реальных сил. Да, в народе ходили слухи о незаконном воцарении Екатерины, об убийстве Петра III, о заточении Иоанна VI, но это бродило совсем еще молодое вино, не способное ударить в голову так, чтобы свалить с ног... Нет, таких сил еще не было. За спиной Екатерины стояла гвардия во главе с братьями Орловыми – и всякая попытка к сопротивлению была обречена...

Но Екатерина была все же в затруднительном положении, придумывая наказание для заговорщиков. Нужно было, безусловно, использовать имеющийся материал в своих интересах, но для этого следовало раздуть мыльный пузырь следственного дела до громкого государственного преступления.

Это с одной стороны. А с другой – нужно было подчеркнуть милосердие матушки-государыни.

24 октября 1762 года Екатерина подписывает приговор:

«Божиею милостью мы Екатерина Вторая императрица и самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

Всем верно нам подданным объявляем:

Каждый ведает разумный и благонамеренный сын отечества, что власть над ним предержащая, для его же добра установлена от Бога, которой он повиноваться должен для своего и ближнего своего благоденствия, почему и оскорбители оные яко противляющиеся Богу и яко нарушители общего покоя суть такие преступники, которых слово Божие и закон гражданский осуждает быть не токмо извергами своего отечества, но и в роде человеческого нетерпимыми, мы можем не похвалившись пред Богом целому свету сказать, что от руки Божией приняли всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном нашем Отечестве. К сему

достохвальному намерению мы приступили не словом, но истинным делом и о добре общем ежедневно печемся едино полагая то в намерение чтоб радостью, удовольствием и порядком наших подданных принимая себе оныя воздаянием видеть внутреннюю тишину и благосостояние нашей империи, таковым средством мы желаем прославить Бога и таковым путем мы ищем достигнуть вечного себе от него воздаяния, но при сих наших чистосердечных намерениях и чувствительно нашему сожалению нашлись в самом нашем здешнем столичном городе такие беспокойные люди, которые возненавидя свое и общее блаженство и будто бы не токмо прилежные изобретатели своего заключения, но и живота своего отчаянные злодеи презрев страх Божий и не помышляя о потере временного и вечного своего живота покусились и дерзнули делать умысел к испровержению Божия о нас промысла и к оскорблению нашего величества, и тем безумно вознамерились похитить Богом врученную нам народа общее блаженство, о котором мы беспреестанно трудимся с матерним попечением.

...хотя по всем государственным законам за то богомерзское и злодейственное дело надлежит Петра Хрущова и Семена Гурьева яко главных в том деле зачинщиков четвертовать и потом отсечь голову, а Ивану и Петру Гурьевым отсечь головы же, но в рассуждении нашея правила о наблюдении монаршего милосердия Сенат обще с собранными президентами согласно присуждает а именно, помянутых преступников лиша всех чинов и исключая из дворянского достоинства, Петру Хрущову и Семену Гурьеву вместо мучительной смерти, отсечь головы, Ивану и Петру Гурьевым политическую смерть, то есть положить на плаху, а потом не чиня экзекуции послать вечно в каторжную работу, движимое и недвижимое их имение оставить детям их и их наследникам. Алексея Хрущова, лиша всех чинов сослать в Сибирь на вечное житье. По сем не оставалось бы нам более как конфирмовать Сената нашею сентенцию, но чувствительно наше сердце не может и тут допустить действия гнева и жестокости, а убеждает преступников оставить раскаянию в жизни сей и предать их суду Божию, чего ради повелеваем меч, данный нам от Бога и по слову

его не без ума носимый удержать от отнятия живота осужденных, а вместо казни смертной Петра Хруцова и Семена Гурьева, лиша чинов, исключая из звания их фамилии а из чина благородных людей обоих Петра и Семена бывших Хруцова и Гурьева ошельмовать публично, а потом послать их в Камчатку в Большерецкий острог на вечное житие, и имени их отдать ближним в родстве. Ивана и Петра Гурьевых, отняв жены, послать их в Якутск навечно. Алексея Хруцова, лишив его всех чинов, жить в своих деревнях не выезжая в наши столицы».

28 октября 1762 года, в понедельник, на Красной площади в Москве Хруцова и Гурьева ошельмовали – ввели на эшафот, палачи приказали им положить головы на плахи и скрестили над их головами шпаги, потом бросили эти шпаги под ноги осужденным, свели с эшафота и отправили на Камчатку.

Политической казнью первых в царствование Екатерина Второй бунтарей руководил сенатор, генерал-поручик, майор лейб-гвардии Василий Иванович Суворов.

Его сыну – полковнику Александру Васильевичу Суворову – придется усмирять следующих. Но это будет уже крестьянская война, которую возглавит самозванный царь Петр III – Емельян Пугачев.

8.

В ночь с 4 на 5 июля 1764 года Иоанн VI, последний из законных соперников Екатерины II, был убит при попытке его освобождения Мировичем. Впрочем, существует предположение, что сама эта «попытка» была санкционирована императрицей, чтобы надзиратели выполнили секретную инструкцию об уничтожении Иоанна при первой же попытке его освобождения.

Я уже писал, что в жизни очень много удивительных совпадений, и вот мы снова сталкиваемся с этим.

«Наконец настало и роковое 14 декабря – число замечательное: оно было вычеканено на медалях, с какими распущены депутаты народного собрания для составления законов в 1767

году при Екатерине II», – такими вот словами начал В. И. Штейнгель в своих «Записках» описание того «сумрачного декабрьского петербургского утра» восстания на Сенатской площади.

Увы, кое для кого участие в народном собрании – Комиссии об уложении – закончилось столь же плачевно, как и для Штейнгеля участие в декабрьском восстании. За сопротивление наказу, написанному Екатериной для депутатов, и резкое столкновение – вероятно, по этому же поводу – с Григорием Орловым были сосланы на Камчатку отставной ротмистр, депутат от дворянства Верейского уезда, помещик Московской губернии Ипполит Семенович Степанов и его молодой коллега – поручик гвардии Василий Алексеевич Панов.

Чего же потребовали депутаты, что Екатерина, смертельно перепугавшись и пользуясь началом очередной войны с Турцией, поспешно распустила Комиссию и более уже никогда не рисковала их собрать заново, а самых радикальных выслала как можно дальше.

Депутаты потребовали ограничения самодержавия за счет полной свободы дворянства.

В том же ЦГАДА мне попался удивительный документ, написанный Ипполитом Семеновичем уже на Камчатке (фонд 6, опись 1, ед. хранения 409):

«Новые законы сочинять депутаты хотя и собраны, с тем, чтобы пояснять об тягощениях обществу, и полагать свои мнения. А как собрались, тогда дали наказ и обряды. И всего посмотрите: какое депутаты имеют право на себя законы полагать, когда не далее велят трактовать, как то единое, что в Наказе написано, следственно не сами они на себя полагают закон, и велят повиноваться тому, что пристрастию угодно, требуют, что дела продолжают, и чрез того отягощение чувствуют, а Наказ повелевает оные неторопно решить. Народ от того не получает правосудия. Что апелляций много и к до государя доступу не имеют: а Наказ еще больше прибавляет судебных мест, а полномостие не мало ни ограничивается».

Вот чего захотел депутат от Верейского уезда – а это похуже государственного переворота...

«А в России начальники единое только имеют право делать людям несчастье...»

«...должно с сожалением сказать, сколь несчастлив народ российский... не получает облегчения, а всего больше усиливается начальник, а не закон».

«Народ российский терпит единое тиранство».

«Понеже в России не только крестьяне, но и дворянства малейшая часть обучается наукам ... Вот причина рабства, что богатый человек имеет случай угнетать бедных людей. Ежели он и мало знает законов, то судьбы ему за деньги помогают растолковать сему бедному народу в пользу богатого Указы, а богачи их исходатайствуют от Сената в свою пользу».

Самодержавие по Степанову – это вотчина фаворитов, от любезности или нелюбезности которых зависит состояние державы. И что закон – когда любой из них может быть подменен или изменен именованным Указом Государя или Государыни. А «Государь, – кощунствовал Ипполит Семенович, – есть – человек, а особливо такой, каков был Борис Годунов...»

А вот и главное, что мучило Степанова и сталкивало его чуть ли не в кулачном бою с Орловым в депутатской комиссии: *«...теперь, когда дворянство мало просвещено, не имеет сил и не позволено пешися (печься, заботиться, думать, волноваться, переживать, страдать. – С. В.) о своем Отечестве, а каждый старается только в том сделать подлым образом от начальника милость и чин. А получа оный быть вредом народным, понеже в сем чине жалованье само беднейшее, кто вышней у нижнего отнять властен и отрешить от должности».* Это писал не революционер Радищев, а безвестный Степанов, засланный за свои мысли на самый край земли. И это был единственный из всех камчатских ссыльных (может быть, отчасти, еще и Панов), кто искал не своего места у трона, а боролся за благо для своего Отечества, коему был истинным сыном.

И он обвиняет:

«Грабя народ и из общественной казны богатящиеся, из-за неправосудия наказания не получающие, оканчивают жизнь благоденственно ...невзирая, что Отечеству вредно».

Скорбит.

«...всякий знает, что в России за истинную заслугу Отечеству ни о ком еще народу неизвестно. И кто награжден был, кроме как Шуваловы проекты об гнании вина и соли... Да за убийство государей своих и нарушение присяги ныне прославлены. И из таких людей, которые не только делом, но мыслями Отечеству не доказали полезного и к высоким делам допущены...»

Клеймит позором.

«Есть самым доказательством Камчатская земля: какое попечение имеет правительство о народе. Народ данной натуральную склонность имел к добру, и никаких обманов между ним не было, а еже <ныне> непорядочные законы и самовластие начальников не только к злым обычаям вредным интересам приучены. Поморены оспою в 768 году. Понеже о сех болезнях они никаких понятий не имели, а правительство не предуведомлено, ни лекарей никаких в таком отдаленном месте не заведено, и о том им не растолковано. Когда не сохранять их, то зачем же тратить государственные интересы, но и более терять национальных <русских> людей для сыскания и завладения дикого народу, а оставить лучше с их обычаями...»

То есть, утверждал Степанов, всем: и дворянам, и крестьянам, и купцам, и инородцам – плохо живется в этой стране, которой правит не государственный разум, не забота об Отечестве и народах, живущих в нем, а фавориты – любезные сердцу чувственной особы, власть которых не ограничена ничем и никем, кроме, разве, прихотей самого Самодержца или Самоей...

Так что Радищев был не одинок, да и не был он первым, кто взывал к разуму россиян. Только вот финалы были у них разными – и сослан Степанов, как Первый, подальше; и никто из современников Ипполита Степановича, за исключением императрицы и нескольких доверенных лиц, не прочел этого его «Объявления», в котором, помимо прочего, Степанов открыто обвинил Екатерину в убийстве законного русского царя Петра III...

А это, разумеется, могло быть только государственной тайной.

Глава вторая

1.

Да, Ипполит Степанович был особым ссыльным среди своих камчатских коллег.

Те хотели совершенно иного. Их не устраивала существующая жизнь только тем, что они были в самом низу ее, а не наверху, под солнышком.

Это были те же Орловы. Точнее, орлята – неоперившиеся и злые.

Первую партию заговорщиков, как вы помните, доставили на Камчатку еще в сороковых годах.

Ивана Сновидова отправили в Нижнекамчатский острог, где он подвизался к руководителю партии миссионеров архимандриту Камчатскому – Иоасафу Хотунцевскому, основал в устье реки Камчатки солеваренный заводик, снабжал солью, которая на Камчатке была на вес золота, миссионеров и приторговывал – выгодно сбывая соль промышленникам, отправлявшимся на Алеутские острова. В результате двое сыновей Ивана Кириаковича, рожденных женой-камчадалкой, вышли в люди: один – Александр – пошел по духовной части, другой – Захар – по коммерческой.

Ивашкин был оставлен сначала в Якутске, где близко сошелся с будущим командиром Камчатки Василием Чередовым и, вероятно, уже вместе с ним прибыл на Камчатку в 1754 году.

О, этот не был несчастным узником. Василий Чередов беспрекословно подчинялся крестнику Петра Великого. В Большерецке они посадили сына Чередова – Федора – сержанта, и тот командовал большерецкими жителями вместе с мачехой – молодой, вздорной и злющей бабенкой. А Чередов с Ивашкиным разъезжали по Камчатке, устраивали пьяные оргии, назначали на купеческие товары свои цены, силой навязывая их, как царь реформатор русским боярам, продавали камчадалам табак и брали за пуд до шестидесяти шкур морских бобров, не говоря уже о соболях и лисицах – тех, не считая брали ворохами...

В каждом селении Чередову с Ивашкиным подносили чащины – то есть опять же меха, подарки...

Непослушных, своевольных, чем-то рассердивших обоих царьков, пороли кнутами, ссылали в дальние камчатские остроги, разлучали с семьями. Говорят, что и в Якутии Ивашкин прославился подобной же жестокостью по отношению к инородцам – был мстителен и беспощаден.

Пожаловаться на них было некому – охотское и якутское начальство покровительствовало Чередовым, потому что они щедро золотили ручки своему «верхнему начальству». Когда же на молодого Чередова после целого ряда бесчинств подали все же жалобу большеерецкие жители – Федора Васильевича перевели в Якутск, пожаловали в титулярные советники со службой при воеводстве.

И никто больше не осмеливался противиться злой воле камчатских сатрапов. Казалось, не будет от них избавления – пока, наконец, робкая жалоба отца Пахомия, главы камчатских миссионеров после отъезда архимандрита Хотунцевского, о бесчинствах Чередова и его преследования священнослужителей не возымели ответного действия через Иркутск – и Чередова возвратили в Якутск. На покой. Ибо суд, как это было принято в сибирской юриспруденции, тянулся годами.

Пострадал только Ивашкин – он лишился своего всесильного покровителя, подельника и друга, был сослан в самую глушь – Верхнекамчатский острог, где надолго затерялись его следы.

После Чередова были еще два командира Камчатки, подобные ему. *«Времена Чередова, Кошкарева и Недозрелова, – писал А. С. Сгибнев, – назвали тремя смертными грехами и предание о их злодействах сохранились на Камчатке и поныне».*

18 октября 1764 года по именному Указу императрицы на Камчатку прибыл новый главный командир – капитан-лейтенант Иван Извеков, морской офицер, балтиец, выпускник морской академии, и... «три смертных греха» вмиг померкли перед этим новым исчадием ада.

«Набрав шайку пьяниц, во главе которых стоял ссыльный Турчанинов, Извеков с этой компанией ходил ночью по семейным домам, отнимал жен и дочерей, и сопротивлявшихся зако-

вывал в кандалы. Большую же часть дня проводил со своей свитой в прогулках по городу, летом в одном белье, туфлях и ермолке, а зимою в полушубке и всегда при кортике или сабле. Во время этих прогулок жители Большерецка не смели показываться на улицу, потому что малейшее невнимание к его личности или просто невеселый вид приводили его в бешенство, и тогда, не разбирая ни пола, ни возраста, он бросался на свою жертву и чем попало бил ее до изнеможения. Побоям и увечьям не было и счету. Например, одному казаку он перерубил нос кортиком, а другому саблею наделал глубокие раны на голове. Наказание кошками и линьками считались самыми домашними и производились каждый день.

Казенным имуществом и деньгами Извеков распоряжался как собственными. За 5 лет водки, провианта и прочего взял на 68 259 рубл. 84 коп...

Секретарь Извекова Портнягин взятками составил себе состояние... Буйство Извекова было столь велико, что даже Портнягин, несмотря на близкие свои отношения с Извековым, никогда не решался входить к нему с докладом о делах Большерецкой канцелярии без заряженного пистолета и сабли».

Как видите, первые наши «орлята» – Ивашкин, Сновидов и Турчанинов – устраивались в новой своей жизни в полном соответствии с табелем о рангах российской империи – под крылышком у властимущего...

И жить бы им так, поживать в довольстве, благодаря судьбу, если бы не находились даже здесь, на богом забытой окраине, настоящие бунтари.

2.

Его никто не ссылал на Камчатку. Он выбрал ее сам и отправился за тридевять земель учить детей камчадалских «алфавету, часослову и цифири».

В 1735 году он поступил в московскую Славяно-греко-латинскую академию, где в это время учился Михайло Ломоносов. Они были почти земляками – оба с Русского Севера, Михаил Васильевич – с Поморья, а Петр Михайлович Логинов – с

родины русских поморов – из-под Господина Великого Новгорода – здесь в Богородско-Казанской церкви Илаго погоста служил его отец, священник Михаил Романов, впоследствии иеромонах Мефодий, когда он на старости лет удалился от мирской суеты в Иверский монастырь на Валдае.

В 1742 году, когда Иоасаф Хотунцевский набирал желающих отправиться с ним на Камчатку, Петр Логинов учился в классе «Синтакима». Призыв архимандрита о том, чтобы посеять разумное, доброе, вечное в душах нехристей, нашел отклик в сердце московского студента. У Хотунцевского были свои соображения – Камчатка должна была принести ему сан епископа, а то, глядишь, – и митрополита. И ради этого не зазорно было заливатьсЯ соловьем. Но мы должны быть благодарны ему за то, что он сманил Логинова на Камчатку.

А там было все, – чего не увидишь и в самом страшном сне – начиная с насильственного поголовного крещения всех подряд, без разбору и без разбирательств – кому крест на шею, а кому и петлю для испуга... А уж потом открывались школы для приятия православия, для просвещения душ...

Пятнадцать лет дьяк Петр Логинов обучал большеецких пацанят в школе, открытой при Успенской церкви. И он многое повидал в камчатской столице. На его глазах стоял по приказу Чередова на коленях в снегу отец Пахомий на большеецкой площади под окнами начальника Камчатки и отмаливал чередовские грехи – так Пахомий расплачивался за свое заступничество о камчадалах.

Позже Логинов, как и все, терпел бесчинства пьяных гульбищ Кошкарева и Недозрелова.

Но, странное дело, когда пришло разрешение Синода о возвращении камчатских миссионеров домой, в Россию, дьяк Логинов решает остаться в Камчатке и был рукоположен в сан священника. Можно сегодня предполагать что угодно по поводу этого решения Логинова, но у нас есть факты, которые сводят любые предположения к одному и очень конкретному выводу.

«Священник Логинов, – пишет автор *“Исторического очерка главнейших событий в Камчатке”*, – своими поучениями в церкви вздумал было **ОСТАНОВИТЬ РАЗГУЛ** (выделено

мной. – С. В.) компании Извекова. Но благое это намерение подало только повод Извекову к новым безрассудным поступкам. Не говоря уже о разного рода оскорблениях и притеснениях, которым подвергался за это Логинов, Извеков, между прочим, отдал приказ, чтобы Логинова никто из жителей Большерецка не смел пускать к себе в дом, под каким бы то ни было предлогом как вредного человека; а другим приказом разрешил им не ходить в церковь и держать постов».

Вот так – не больше и не меньше.

А что ему – Извеков был назначен командиром Камчатки в обход всех нижестоящих инстанций в лице командира Охотско-Камчатского края, иркутского губернатора и сибирского генерал-губернатора именным Указом Сената. И потому снять его с этого поста мог лишь только Сенат или сама императрица.

Вот Извеков и куражился со своими дружками, не подчиняясь никому и ничему. Когда командир Охотско-Камчатского края полковник Плениснер побывал в Большерецке, то они с Извековым общались... записочками, дико при этом бранясь. Но сделать он ничего с Извековым не мог.

Не выдержали сами жители Большерецка и с благословения своего духовного пастыря 2 мая 1769 года захватили власть в остроге в свои руки. Перепуганный Извеков сдался на милость победителей, не успев даже на пьяную голову сообразить, что к чему.

Но, протрезвев, сообразил – и «19 мая в 5 часов утра, вооружив своих приверженцев саблями и ружьями, Извеков окружил большерецкую канцелярию, выгнал часовых, выпустил из тюрьмы арестантов и, поставив к дверям канцелярии три пушки, заперся в ней, как в крепости, предавшись со своими друзьями кутежу».

И тогда призывно загудели церковные колокола, собирая народ, как в древнем Новгороде, – на вече. И объединенные общей целью и общим замыслом, пошли на приступ большерецкой канцелярии казаки и камчадалы, чиновники и промышленный люд, купцы и матросы с казенного галиота «Святой Павел»... Пошли грудью на пушки – и орудийная прислуга в страхе бежала, не сделав ни одного выстрела, навалились на двери

канцелярии, сорвали ее с тяжелых петель и ворвались внутрь помещения... Но там обошлось *«без всяких впрочем кровопролитий, потому что большая часть приверженцев Извекова была так пьяна, что не в состоянии была сопротивляться»*.

В тот же день Извеков на «Святом Павле» был отправлен под караулом в Охотск и отдан под суд. Не спас и именной Указ – был разжалован по окончании следствия в матросы.

Так что Турчанинов, как и Ивашкин, тоже лишился своего высокого покровителя, и теперь нужно было как-то жить дальше.

А Большерецк торжествовал победу. Пока не прибыл новый начальник Камчатки. Его знали – служил до этого в Гижиге. И приуныли – потому что капитан Григорий Нилов был такой же горький пьяница, как все предыдущие... вместе взятые.

3.

Ипполит Степанов и Василий Панов отправлялись на Камчатку в вечную ссылку не вдвоем – впятером. Третьим был уже известный нам Батурин-Верный. Двое остальных – Август Беневский и Адольф Винбланд – участники католически-дворянского движения в Польше – Барской конфедерации – против ставленника русской императрицы польского короля Станислава Понятовского и русских войск, введенных в Польшу по приказу Екатерины для защиты короны на голове ее польского фаворита.

Адольф Винбланд был обыкновенный шведский наемник.

Что касается Беневского, то он так постарался запутать своих биографов, что те и по сей день путают, как же в действительности пишется его фамилия – Бенейх, Беневский (Беневский, Бениовский), Бейпоск, де Бенев, Бенгоро...

Он «спутал» даже год собственного рождения в своих мемуарах, чтобы приукрасить биографию военными подвигами и морскими приключениями. И тогда получилось, что появившись на свет в 1741 году в селении Вербове в Австро-Венгрии в знатном не то венгерском, не то словацком роду баронов или графов Бенейх, он учится в Вене и, получив прекрасное образова-

ние, в 14 лет начинает службу в чине поручика. В 1756 году он сражается в австрийской армии против прусских войск при Любовице, затем – под Прагой, в 1758 году – у Домштадта, а затем, надо полагать, участвует в Куперсдорфском сражении, где объединенные русско-австрийские войска начали сокрушительный разгром прусской армии, которую спасла от позорной капитуляции только очередная смена власти в Санкт-Петербурге – императором России после смерти Елизаветы Петровны был провозглашен Петр III, а он боготворил короля Пруссии и прекратил против него военные действия.

Но все это – кроме короля Пруссии и самой войны – обыкновенные враки барона Мюнхгаузена-Беньевского, ибо, как выяснил английский издатель мемуаров последнего Гасфильд Оливер, Август Мориц родился в 1746 году – и не мог участвовать ни в одном из этих сражений по самой элементарной причине – он еще под стол пешком ходил в это время.

Как не участвовал он и ни в одном морском плавании, о чем живописует в своих «воспоминаниях о пережитом» в эти самые годы – 1763–1768 – капитан Беньевский был на самом деле капитаном, но... гусар в Калишском кавалерийском полку.

Именно капитаном, а не генералом, как утверждал сам Беньевский и ввел тем самым в заблуждение первого своего российского биографа – честнейшего Василия Николаевича Берха, который писал в «Сыне Отечества» в 1821 году, что Беньевский был принят в конфедераты сразу полковником, а за отличную храбрость получил 6 июня 1768 года чин генерала и командование всей артиллерией конфедератов, а потом попал в русский плен, был выпущен под честное благородное слово, но снова ринулся в бой и снова попал в плен к русским, которые сослали его вместе с другим военнопленным – шведом Винбландом – в Казань, откуда оба бежали, были пойманы уже в столице и сосланы навечно в Камчатку.

Что здесь правда, а что выдумка, мы разбирать не будем – нам это для нашего повествования и не важно.

Главные события начинаются в Охотском порту, куда все пятеро прибыли летом 1770 года, где их расконвоировали и отпустили на волю – до той поры, пока не будет снаряжен в

дорогу галиот «Святой Петр», совершающий регулярные казенные переходы из Охотского порта в Большерецк на Камчатку. Никто не обращал в Охотске ровно никакого внимания на ссыльных – их здесь, кроме этих пятерых, было столько, что и упоминать обывателям всех было невозможно. Только на «Святом Петре» было трое матросов «из присыльных арестантов» – Алексей Андреев, Степан Львов, Василий Ляпин.

Да и сам командир галиота – Максим Чурин – поговаривали в Охотске, гулял последние деньки на свободе, готовясь предстать перед судом.

Охотская свобода смущала ссыльных, как, наверное, и любого, кто знает, что впереди его ждет неволя, а надежд на свободу с каждой новой верстой, что ведет вглубь Сибири, остается все меньше и меньше. Тысячи верст тайги и тундры – попробуй, проделай обратный путь...

Но был ведь и другой, не использованный еще никем из ссыльных, – морем. До Японии, где вели торговлю голландские купцы, или до Китая – португальского порта Макао или порта Кантон, куда заходили английские и французские суда. И нужно-то всего ничего – захватить тот же казенный галиот, который повезет на Камчатку ссыльных, и увести его в Японию или Китай.

Поэтому Бенъевский с товарищами, обдумав этот вариант, попытались поближе сойтись с членами экипажа, правда, предварительно договорились и о том, чтобы ни в коем случае не посвящать в заговор Батурина. Было две причины для этого – во-первых, существовало право арестанта и ссыльного в случае выдачи своих товарищей, готовящих заговор, получить желанную свободу; во-вторых, Батурин не попадал на «Святой Петр» и должен был идти на Камчатку на другом судне.

Удалось сговориться с ссыльными матросами Алексеем Андреевым и Василием Ляпиным. К заговору примкнул также матрос Григорий Волынкин.

Но главное – удалось подобрать ключики к самому командиру галиота – штурману Максиму Чурину.

Василий Берх объяснял это тем, что: *«Чиновник сей имел особенные причины согласиться на предложения бунтовщиков: он находился на судне капитан-лейтенанта Левашева, совер-*

шившего путешествие с Креницыным (Чурин был командиром галиота “Святая Екатерина”, на котором пошел в Секретную правительственную экспедицию Креницын. – С. В.) и был предан им суду за неповиновение. Сверх сего был Чурин по развратной своей жизни тем много должен в Охотске, что по стечению сих причин не желал туда возвратиться».

Василий Николаевич, наверное, наиболее точно из всех историков определил главную причину его участия в этом заговоре – противопоставление руководителям Секретной правительственной экспедиции Креницына-Левашева.

Чурин появляется в Охотске в 1761 году – был направлен Адмиралтейств-коллегией в распоряжение Сибирского приказа и принял галиот «Святая Екатерина».

В 1765 году галиот был отдан в распоряжение Ивана Синдта для экспедиции в северной части Тихого океана. Тогда они открыли остров святого Матфея. По возвращении в Нижнекамчатск галиот поступает в распоряжение Креницына, руководителя Секретной правительственной экспедиции по описи Алеутских островов и матерой земли – Аляски. На борту галиота было 72 члена экипажа, когда вышли из Нижнекамчатска и 36 (по другим данным 12), когда вернулись назад. Одна из главных причин трагедии – боязнь алеутов самим Креницыным, постоянные караулы, адское перенапряжение, цинга. Среди умерших – опытные камчатские промышленники и охотские матросы. Чурин и Креницын не смогли поладить в такой вот обстановке. По возвращении на полуостров Креницын утонул в реке Камчатке, но все бумаги против Чурина остались у его заместителя – Левашева. А неповиновение старшему по чину – могло намотать немалый срок.

И Чурин решил бежать. Это было серьезное решение. В тот вояж он и Андреянов взяли с собой и своих жен – то есть рвали с Охотском основательно.

Добрые люди, а, может, и не добрые вовсе, а алчные, готовые за золото и мать родную продать, – снабдили заговорщиков оружием. Известны и имена – охотский сержант Иван Данилов и подштурман Алексей Пушкарев. К моменту выхода галиота в море, 12 сентября 1770 года, каждый из заговорщиков имел по

два-три пистолета, порох и пули в достаточном количестве для непродолжительного боя.

План захвата галиота был чрезвычайно прост: дожидаться шторма и, как только пассажиры укроются в трюме, задрать люк и уйти на Курильские острова, где высадить всех, кто не пожелает идти с ними в Японию или Китай.

Шторм разыгрался у самых берегов Камчатки. И такой, что галиот только чудом уцелел. К устью реки Большой подходили без мачты, изрядно помятые, с течью в корпусе. Продолжать плавание на галиоте в таком его состоянии было бессмысленно, и Чурин повел его в Чекавинскую гавань больше-рецкого устья. Настроение у него было мрачное – ведь это было крушение всех надежд. Если Бенъевский с остальными ссыльными не теряли оптимизма, недопонимая трагичности своего нового положения, и наивно полагали, что после ремонта галиота можно повторить попытку, то Чурин и матросы знали точно – это конец: от Чекавинской гавани, где встанет на зимовку галиот, до Большерецкого острога сорок верст бездорожья, болот, кочкарников, непролазных зарослей ольшаника... Из Большерецка незамеченным не уйдешь – сорок дворов – каждый новый человек на виду. И даже если удалось все же добраться до Чекавки – попробуй-ка снаряди судно в вояж, не одна неделя уйдет – и провиант надо запасти, и паруса поставить, и про балласт не забыть. Уж лучше не терзаться напрасными надеждами и выкинуть из головы всякую мысль о новом захвате галиота...

4.

В Большерецком остроге Август Бенъевский наиболее близко сошелся с двумя людьми.

С капитаном Григорием Ниловым, главным командиром Камчатки, горьким пьяницей, души не чаявшим в ссыльном генерале.

И с Петром Хрущовым, который провел в камчатской ссылке уже долгих восемь лет, и разработавшего за эти годы оригинальный проект бегства с Камчатки в Японию через Курильс-

кие «переливы», в который он и посвятил Беньевского в первые же дни, как тот поселился у Хруцова.

Беньевский сразу же вник в суть:

– Сотник Черных, говоришь, только в прошлом году вернулся с Матмая. А его морская байдара, на которой он прошел весь путь, осталась лежать на мысе Лопатка?! А как же нам попасть на Лопатку-то?

Хруцов: один из священников камчатских может отправиться на острова эти, выпросив байдару, для крещения инородцев – мохнатых курильцев, живущих совсем рядом с Японией.

Беньевский: Так-так-так... А мы тайно уходим на Лопатку, садимся со священником в байдару и греем до Японии. Так что ли?

Хруцов: Не так. Островов там поболее двух десятков будет – так что тут быстро не догребешь, а казаки вдруг хватятся – и вдогонку на судне. Тут по-другому надобно. Командир Камчатки сейчас озабочен заведением хлебопашества. Имеется такая инструкция. Вызовемся организовать заимку у Курильского озера – а там до Лопатки рукой подать, займемся для виду заготовкой рыбы на зиму... Тогда уже точно долго не хватятся, а мы за лето успеем далеко уйти, а там осень, шторма, зима... Это здесь зима, а там, у японцев круглый год лето. Здесь в море не выйдешь – а там греби себе на здоровье. И успеем тогда... Уйдем!..

Беньевский: Ну, Нилова мы, допустим, убедим с хлебопашеством – у него это дело не идет – сам жаловался, а из Иркутска каждый год отчет требуют.

А сколько же всего людей набирается – нас пятеро, штурман Чурин и матрос Андреянов с женами – те, правда, местные, грести могут...

Хруцов: Гурьева Семена можно привлечь, хоть он и не очень надежен – жена и дети маленькие... А Батурич ваш?

Беньевский: Немного не в себе, но руки здоровые, работать сможет.

Хруцов: Магнус Мейдер – он лекарь...

Беньевский: А за что же сослан – поди отравил кого?

Хруцов: Нет. Отказался присягать цареубийце... Есть еще Турчанинов – это тот, что без языка... Сколько набирается всего?

Беньевский: Тринадцать... Тьфу, пся крев, чертова дюжина... Еще кого-нибудь нужно.

Хрущов: В Верхнекамчатске еще один наш есть – Ивашкин. Он с Турчаниновым по одному делу проходил, часто бывает здесь, тоже учительствует, как мы.

Беньевский: Все это хорошо – а вот где мы священника-то возьмем?

Хрущов: Можно было бы и без священника – но вот байдару как отремонтируешь?.. А священник есть. Даже не один. В Большерецке – отец Петр, Петр Михайлович Логинов. В Иче, это севернее, верст должно триста от Большерецка, – отец Алексей, Алексей Васильевич Устюжанинов.

Беньевский: То, что священники в этом краю водятся – понятно. Не понятно только, как мы их на свою сторону привлечем?

Хрущов: Логинов – человек просвещенный. Из Московской Академии. Два года назад поднял местный люд на бунт – свергли командира.

Беньевский: Вон оно даже как... А семья большая?

Хрущов: Большая! Это да! Устюжанинов – вдовый. У него только сын лет двенадцати. Большой уже. Приехал на Камчатку года два назад и видимо с души воротит – часто здесь бывает у Нилова, водочку с ним хлещут... Что-то гложет – печаль-кручина...

Беньевский: А впрочем, нам ведь и необязательно вовсе, чтобы он с нами в Японию шел... Лишь бы байдару починили ему и до ближайшего острова только дойти, а там остался бы сам, потом сказал, что напали, захватили байдару, а его вывезли и бросили, чтобы тревогу на Камчатке не поднял...

Хрущов: Устюжанинов духом послабее. И тоска же... Сын... Друг Нилова к тому же...

Беньевский: Но «Poeta semper tiro».

Хрущов: Латынь?

Беньевский: Да. «Поэт всегда простак».

Хрущов: Если вы об отце Петре – то он не поэт. Он скорее трибун, бунтарь, мне иногда кажется, что он даже и безбожник. Вы бы послушали два года назад его проповеди – у меня самого кровь вскипала, и я готов был живот положить на алтарь добра и справедливости... – смеется. – И это вместо – «Бог терпел и нам

велел!» Нет, полагаю, что у нас с ним разные дороги и никогда они не сойдутся. Он защищает интересы черни, всякого подлого люда, а нам нужен человек, который хотел бы подумать только о самом себе или о наироднейшем – а сыну Устюжанинова, я полагаю, не помешало бы европейское образование, недаром Нилов просил меня, чтобы мы взялись обучать его сына и Устюжанинова отрока не только грамоте и цифири, как всех, но и латыни, и немецкому языку... Он радуется о сыне – и сын для него все в этом мире. А потому ему и не страшно будет бросить Камчатку ко всем чертям и отправиться вместе с нами в Европу.

Беньевский: Вероятно, вы правы, Петр Алексеевич...

И он, действительно, был прав. 9 марта 1771 года Беньевский получил письмо от Устюжанинова, который писал ему уже с дороги, направляясь в Нижнекамчатский острог, чтобы получить благословение протоиерея Никифорова для крещения мохнатых курильцев. Нилов к тому времени уже дал свое согласие и священнику, и будущим «хлеборобам».

«Любезный мой государь и друг Август Карлович. Желаю вам моему искреннему другу от Бога всех желаемых благ получить.

Я не приминул и за должность почел к Вам моему государю должное мое почтение засвидетельствовать не пропуская okazji; по отбытии моем с вами так же из Верхнего все благополучно свой путь оканчиваю, уже только до моего жилища осталось, то есть до Нижнего 44 версты в Камавском (Камаковском. – С. В.) остроге, и завтрашнего числа еще бог не умертвит к обеду буду в свое жилище, пособи бог кончить свой вояж истинно наскучило и спина болит и слаб здоровьем; а что братец любезный истинный друг, что вы ко мне писали, в том будьте уверены, еще бог меня не умертвит, все исправлю, что вы мне приказывали; более писать до вас не имею, спина болит, брюхо урчит, кости хрустят, колени болят, силы слабеют, лекарством скудость, что делать.

Ваш моего государя покорный ко услугам священник Алексей Устюжанинов.

Сыну Ивану Алексеевичу благословение, любезным друзьям Адольфу Лаврентьевичу, Ипполиту Семеновичу, Василию Алексеевичу мой большой поклон».

Эта переписка отца Алексея с ссыльным Бейпоском, как называли Бенъевского на Камчатке, насторожила камчатского протоиерея, и он задержал Устюжанинова в Нижнекамчатске, догадываясь, что дело с крещением мохнатых курильцев нечистое – приход Курильский относился к Успенской Большерецкой церкви, а не к Ичинской, и нехристей для отца Алексея вполне хватало в северной корякской тундре, если так уж потянуло его к миссионерской деятельности. Нет, явно что-то темнил святой отец и прибыл сюда, в Нижнекамчатск, не по Божьему помыслу, а по дьявольскому наущению...

Так что и этот план бегства не удался.

Глава третья

1.

Чтобы понять и объяснить все последующие события, нам нужно вернуться назад и рассказать о двух кровных врагах, без которых история Большерецкого бунта, вряд ли, получила бы продолжение.

Федот Попов, московский купец, руководитель промысловой экспедиции, в составе которой был казак Семен Дежнев, прошел Берингов пролив еще в 1648 году, но сколько минуло еще лет, прежде чем Иван Федоров, Михаил Гвоздев и Кондратий Мошков привели в августе 1732 года бот «Святой Гавриил» к американским берегам...

И еще бы десятилетия покоя в освоении окраинных земель, если бы на историческую арену не вышли бы эти двое, и не сцепились между собой не на жизнь, а на смерть.

Один из них родился под Тобольском – в деревне Ярковой. Второй был из Иркутска. То есть оба они были сибиряками. И, по видимости, оба – из поморов. По крайней мере закваска, что у одного, что у другого – старорусская, северная.

Тобольчанин Емельян Софронович Басов – выходец из крестьян. В 1726 году (в возрасте примерно двадцати лет) поверстан в казаки.

Первая встреча его с иркутским посадским Никифором Мо-

киевичем Трапезниковым могла произойти в Якутске, Охотске или Большерецке, где один проходил службу, а другой вел торговлю камчатской пушшиной.

О судьбе Емельяна Басова известно несколько больше, чем о судьбе Никифора Трапезникова. Только в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова мы встречаем за период с 1737 по 1740 год единственную запись о том, что недалеко от Большерецкого острога располагалась его заимка. Вот и вся информация на сегодняшний день о деятельности будущего купца до начала его промысловой деятельности в Восточном море. Оно и понятно: держал лавку да вел торговлю с камчадалами, а потом вывозил вырученную пушнину в Охотск, Якутск, Иркутск и снова торговал. Ну, может быть, еще тайно сплавливал пушнину через Кяхту в Китай, нарушая царскую монополию на торговлю особо ценными мехами. И так из года в год одно и то же.

У Басова же все было поярче, побогаче, покруче, позаковыристей...

Начнем с того, что служба его в Якутске сразу же пошла несколько необычно. Вместо того, чтобы отправить молодого казака в отряде какого-нибудь десятника, пятидесятника или сына боярского в дальний острог для сбора в казну ясака с инородцев, ни с того, вроде бы, ни с сего «в числе тридцати человек, в качестве головы, его послали по р. Лена к морю для проведывания пути в Камчатку» (Зубкова З. Н. «Алеутские острова», М., 1948, с. 11).

Совершенно невероятная информация с точки зрения нормальной логики: молодой казак – глава ответственной экспедиции... Но для биографии самого Басова, как выясняется, – самая типичная. И в этом вы скоро убедитесь сами.

Дело в том, что в Якутске Басов попадает на службу к казачьему голове Афанасию Шестакову – главному командиру северо-восточного края России, руководителю крупнейшей для тех лет экспедиции по изысканию новых земель «противу» устьев рек Колымы, Анадыря, Камчатки, Пенжины, Охоты, Амура – то есть в двух океанах – Северном и Восточном.

В состав экспедиции Шестакова были переданы суда Первой Камчатской экспедиции «Фортуна», «Святой Гавриил», а так-

же были построены в Охотске два новых бота – «Лев» и «Восточный Гавриил».

Пятым судном экспедиции был эверс, построенный на собственные средства монахом Игнатием Козыревским. Именно на этом эверсе и должен был Басов со своими товарищами дойти до берегов Камчатки, Курильских островов и Японии, следуя по маршруту, проложенному еще во времена Семена Дежнева.

Эта – грандиозная по замыслу – экспедиция Шестакова нынче почти забыта. И забыта несправедливо. Хотя, нужно признать, что поначалу шестаковцев преследовали одни сплошные неудачи.

В сентябре 1729 года в устье р. Ямы сожжен коряками «Лев». 14 марта 1730 года на р. Эгач в бою с чукчами погибает сам руководитель экспедиции казачий голова Афанасий Шестаков. 2 октября 1730 года потерпел крушение у берегов западной Камчатки «Восточный Гавриил». «Фортуне» не удастся пройти далее Пятого Курильского острова из-за различных препятствий, чинимых местным сборщиком ясака Матвеем Новограбленовым, признавшего в руководителях судном своих ревизоров. Бот «Гавриил» в это же время безуспешно бороздил Охотское море – постоянные шторма рушили всякие надежды на успешное завершение экспедиции 1730 года.

Столь же неудачно складывались дела на р. Лене. Эверс был раздавлен льдами на р. Сикток. Построив три шитика, казаки в течение еще двух навигаций боролись со льдами, пытаясь выяснить хотя бы уже не для себя, а для будущих навигаторов – *«откуда – куда возможно впредь морскими судами иметь плавание»*.

И все же неудачный 1730 год завершился для шестаковцев открытием мирового значения. Эта удача выпала на долю членов экипажа бота «Святой Гавриил», которым все же удалось преодолеть сопротивление Охотского моря, выйти к Шантарским островам, описать их и спуститься на юг к устью реки Амур (Гольденберг Л. А. «Между двумя экспедициями Беринга», Магадан, 1984, стр. 69):

«...в устье большом Амурском глубины от 15 до 20 сажен, а ширины например версты с две... А оной Амур река впала в акиан двумя устьями; а глубина другому устью от 5 до 6

сажен, а ширина версты полторы. И на тех устьях делали опробацью: в большом устье шли ботом, а в другом – шлюпкою. И в тех устьях стояли на якорях полторы сутки для вышеявленной меры устьев и для рыбной ловли», а «в другом устье ходу нет понеж мелко».

Но не дошли до современников результаты этой экспедиции. И потому, когда через семьдесят с лишним лет Крузенштерн, исследуя устье Амура, совершил грубейшую ошибку, посчитав это устье несудоходным, после него еще более полувека эта ошибка первого адмирала российского флота довлела над мореплавателями, пока Невельской с риском для собственной карьеры не доказал то, что было известно русским мореходам с 1730 года, – устьев у Амура два!

До нас же эти сведения дошли только благодаря очень оригинальной форме российской информатики – из доноса.

Как из доноса же – кстати, одного и того же человека – Скурихина – помянем же его добрым словом – узнали впоследствии современники и о другом великом географическом открытии членов экипажа «Святого Гавриила»: о том, что 21 августа 1732 года (по старому, разумеется, стилю) «...пополудни в 3-м часу стал быть ветр пособный, и пошли к Большой земле и пришли ко оной земли и стали на якорь в верстах четырех». Так и была открыта, наконец, Северо-Западная – та самая, Русская, – Америка.

Но вернемся к нашему герою. После неудач на Лене Емельян Софронович в 1733 году был назначен в Охотскую казачью команду, произведен в сержанты и поступил в распоряжение начальника Охотского порта – ссыльного «птенца гнезда Петрова» Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева.

Именно в том же году – 1733 – в Охотскую канцелярию пришли бумаги от командира бота «Святой Гавриил» Михаила Гвоздева об открытии Большой Земли – Аляски, и вместе с письменным сообщением был отправлен командиру порта и вахтенный журнал бота. Охотск молча проглотил и пережевал информацию. Нужно сказать, что вообще очень уж много неясностей с информацией по поводу русских исследований и открытий в Тихом океане. В России об этих открытиях и не подозре-

вали, а Европа пользовалась. Кому-то было очень выгодно, чтобы исторические документы внезапно терялись и обнаруживались через десятилетия забвения, а сами открытия приписывались потом совсем другим.

Знал ли Басов об открытии Гвоздевым северо-западных берегов Америки? В этом не может быть никакого сомнения. Сама география служебных походов Басова в период 1733–1740 годов исключает какие-либо сомнения. Мало того, что он был в личном подчинении командира Охотского порта и, следовательно, был свидетелем всего, что происходило в Охотской канцелярии, и слышал все, о чем здесь говорилось, обсуждалось, решалось. Более того – он был отправлен на Камчатку руководить сбором ясака, затем – в Якутск для наблюдения о поставках в Охотск провианта, и, наконец, – в Москву, в Сибирский приказ, с дорогими собольими и лисьими сороками мехов государственной казны.

Чем же занимается Басов в Москве? Выбивает в Сибирском приказе документы, предоставляющие ему право приводить в подданство России жителей «незнаемых» островов Восточного моря.

Куда же собирался в поход казак-мореход? Какие «незнаемые» острова манили его. И не имеет ли он вместе с командиром Охотского порта какого-либо отношения к исчезновению из Охотской канцелярии документов, присланных Михаилом Гвоздевым? Тем паче, что Емельян Софронович даже на старости лет был склонен к поступкам весьма решительным.

Да и последующие события в Охотске как-то очень уж подозрительно раскручивались. Судите сами: в Иркутске на основе бумаг Сибирского приказа Басов получает подарки для будущих подданных России, ружья и порох для пушного промысла на «незнаемых» островах. В Охотске в это время сменилось начальство: вместо Скорнякова-Писарева восседал товарищ его по «гнезду», заговору и сибирской ссылке бывший генерал-полцимейстер и свояк князя Александра Даниловича, из-за которого и хватили «поделельники» по длинному сибирскому сроку, Антон Эммануилович Девиер, который, в отличие от бывшего президента Морской академии, корабела и строителя каналов,

способен был похвастаться разве лишь тем, что прекрасно вычищал сапоги и мундиры Петра Великого.

К тому же Антон Эммануилович только-только спровадил на Камчатку Витуса Беринга со всей его экспедицией, и снова – как снег на голову – еще одна бумага из Москвы – готовь новую, промысловую.

«Никаких экспедиций! – грохнул кулачищем по столу бывший генерал-полицмейстер. – Казенных денег нет. Хочешь – строй судно и снаряжай его сам, на свой кошт».

Это одно – может быть, даже вовсе и не вызывающее подозрений, напротив – все логично: нет денег – какие там экспедиции.

Странность в другом – в это самое время (уж не на основе ли требования Басова?!) – а прошло ни много, ни мало, а восемь лет (!!!), ни с того вдруг, ни с сего ссыльный канцелярист Илья Скурихин вспоминает вдруг (да не в летаргическом ли сне он был все эти годы?!), что летом 1732 года участвовал в плавании на боте «Святой Гавриил» и своими собственными глазами видел Америку и живых американцев.

Девьер находит и допрашивает Гвоздева – тот, естественно, ничего не скрывая, подробно докладывает о маршруте бота «Святой Гавриил» в навигацию 1732 года.

И что же дальше? А ничего – до октября месяца Девьер не выносит информацию из стен Охотской канцелярии.

11 июля 1741 года Басов получает разрешение отправиться на Камчатку и готовить свой поход к «незваемым» землям. За свой, разумеется, счет.

Тогда сержант подражается конвоировать на Камчатку ссыльного князя Александра Долгорукого, сосланного по известному делу Анной Иоанновной.

В Большерецке Басов договорился было с Мартыном Шпанбергом – третьим руководителем Второй Камчатской экспедиции – о походе на Курильские острова на морской байдаре вместе со своим братом. Ушли в экспедицию – но с полпути были возвращены по приказу того же Шпанберга.

Зиму 1741/42 года Басов проводит в Большерецке, изыскивая любую возможность для организации своего предприятия.

И может быть первый, к кому обратился Емельян Софронович и был иркутский посадский Никифор Мокиевич Трапезников. И он же был первый, кто отказался участвовать в столь сомнительном мероприятии. И, увы, не последний.

Но продолжим о наших подозрениях (точнее, о подозрениях моего друга, автора романа «Ясак и пашня» Николая Бушнева, который и обратил первым внимание на подозрительную возню Девиера и Шпанберга). В октябре 1741 года Девиер наконец-то сообщает в Иркутскую провинциальную канцелярию о походе «Святого Гавриила» и результатах этого похода, предлагая, чтобы Витус Беринг после возвращения из Второй Камчатской экспедиции построил в Анадыре из местного леса шитики и обследовал Большую Землю.

А не происходило ли еще каких-либо событий в промежутке между апрелем и октябрем 1741 года? Естественно, происходило – ни с того, ни с сего, в нарушение инструкций Шпанберг собирает весь флот экспедиции (за исключением пакетботов «Святой Петр» и «Святой Павел», ушедших искать мифическую землю да Гамы и открывать Америку) в устье реки Большой и оставляет их экипажи здесь на зимовку, хотя весь запас провианта для них находился, как было известно, в Охотском порту, обрекая тем самым матросов и офицеров на полуголодное существование.

Чего же ждал и, увы, не дождался Шпанберг? Великой миссии первооткрывателя – вернуться ни с чем пакетботы, а тут он уже готов к новому плаванью и – раз! два!! три!!! – пошел напрямую открывать Америку.

Но его ждало разочарование – в Петропавловскую Гавань вернулся пакетбот Алексея Чирикова «Святой Павел» с вестью об открытии Америки. Шпанберг был посрамлен – ему нечем было крыть – остался без всех козырей! – нечем было оправдывать незаконную зимовку и вынужденную голодовку в Большерецке. Не будешь же говорить, что, зная от Девиера об открытии Гвоздева и координатах нахождения Большой Земли, готовился ранним летом 1742 года бросить туда свой флот и навечно застолбить свое имя в истории.

Не получилось. А впрочем не больше повезло и Чирикову.

Как не повезло вовсе Гвоздеву – о нем попросту не знают, кроме, разве уж, узких специалистов. Как не повезло и нашему герою – о нем вообще мало кто знает. Всех их затмил Витус Беринг. Самый удачливый неудачник, какого только можно было бы еще отыскать в истории. Но это не тема нашего повествования.

26 августа 1742 года в Петропавловскую Гавань вошел гукор «Святой Петр», построенный из остатков потерпевшего крушение пакетбота. На гукоре вернулись назад на Камчатку оставшиеся в живых члены экипажа. Они вернулись не пустые – с грузом драгоценнейшей пушнины – привезли семьсот шкур морских бобров, добытых во время зимовки на Командорском (Беринга) острове.

Теперь у Басова были (правда, пока еще не в его собственных руках) доказательства того, что эти «неизвестные» острова, на открытие и освоение которых у него было разрешение Сибирского приказа, хранят пушные сокровища.

Именно в Нижнекамчатском остроге, многие из жителей которого были участниками экспедиций Беринга и вояжа Гвоздева, Басову, наконец, удалось найти пятерых единомышленников и образовать первую в истории Русской Америки «складственную артель». В нее помимо Басова вошел казак Евтихий Санников, промышленники Попов и Холщевников, посадские Данило Сосин и Паншин. Нижнекамчатский казак Петр Колокольников, несколько лет назад срубивший первую камчатскую церковь Успения пресвятой Богородицы, поддавшись на уговоры, согласился построить для компаньонов шитик. В долг под будущие трофеи. Участники Второй Камчатской экспедиции, нижнекамчатские же казаки Лука Наседкин и Петр Верхотуров, дали свое согласие быть в том походе «встречь солнцу» вожатыми. Кроме того, вызывались идти на морские промыслы к «неизвестным» островам еще двенадцать зверобоев.

1 (12) августа 1743 года шитик «Святой Петр» вышел из устья реки Камчатки и взял курс на Командорский остров.

6 августа первые российские аргонавты-тихоокеанцы высадились на берег необитаемого острова и начали устраиваться на зимовку, готовиться к промыслам.

«Выходившего во время великой погоды из моря зверя, – рассказывали они потом на Камчатке, – били палками, а на песцов ставили пасти, и случалось достать в день бобров 50, а песцов 100 и более. Питались котами, сивучами, бобрами и морскими коровами; последних было множество, но промыслять нечем в море, а на берег не выходили».

13 августа 1744 года Басов с товарищами возвратился в Нижнекамчатск. И понеслась-полетела по России-матушке весть о пушных закромах Восточного моря, о том, что шесть компаньонов и полтора десятка зверобоев за одну только зиму добыли тысячу двести бобровых шкур, коим цена баснословная, и четыре тысячи – сто сороков – песцовых... Было от чего прийти в волнение людской молве, во все времена жадной и завистливой. Да и у кого не екнет тревожно-радостно сердце при мысли: «А ведь что... Дак и я мог бы...»

Одним из первых кто понял, что ему нужно делать, был иркутский посадский Никифор Трапезников. Даже не представляя, какова была бы история Русской Америки, и была бы ли таковая история, если бы не столкнулись между собой эти два сибиряка-богатыря.

Что было бы, например, если бы Басов унял гордыню и взял в долю иркутянина, и они вместе повели бы дело.

Для России это было бы крахом – ибо сплотившись, они сломали бы хребет любому, кто попытался бы посягнуть на их промысловую монополию, и, вычистив от пушного зверя острова, захирели бы и отошли от дел, для которых, скорее всего, не нашлось бы уже продолжателя. Пример тому есть – захиревшая и брошенная на произвол судьбы Русская Америка, которую источил изнутри, как червь, монополизм Российско-Американской компании.

И слава Богу, ибо это было во славу Отчизне, что в 1744 году Басов и Трапезников снова не нашли общего языка, когда Трапезников попросился в долю. Расстались они врагами. Врагами на всю жизнь, ибо Трапезников поклялся свалить Басова. Тот в ответ на это только пренебрежительно сплюнул. Свалить его, действительно, было невозможно, ибо только в его руках – у единственного – было разрешение Сибирского приказа. Толь-

ко у него был промысловый шитик. В карманах водились большие денежки. А от желающих отправиться с ним в очередной вояж отбою не было – все как с ума посходили.

Но Басов слишком плохо знал характер сибирских купцов.

2.

Слишком поздно почувствовал Басов что-то неладное. В море с ним во второй вояж отправилось уже тридцать два человека. Плавание началось очень удачно – 16 июля 1745 года Басов открыл небольшой гористый островок (который еще сыграет свою трагическую роль в его типично русской судьбе). Не найдя подходящей для захода судна бухты, остановились лишь только для того, чтобы водрузить на острове крест и пошли дальше. Басов приказал мореходу Евтихию Санникову идти строго на полдень – на юг в поисках «чаемой земли да Гамы – Штеллера». Месяц шли на юг и вышли... к Командорскому острову, который всегда был на севере. Это была какая-то чертовщина. «Заплутался малость», – простил передовщик своего непутевого морехода и отдал команду готовиться к зимовке. Промысел же снова был удачным, поэтому 26 мая 1746 года «Святой Петр» был спущен на воду, и зверобои отправились на восток в поисках новых островов, богатых пушным зверьем.

Снова месяц рыскал шитик по океану, держа курс на восходящее солнце. Многие промышленники видели в разрывах тумана землю на горизонте, но Санников молча и зло поворачивал кормило, уводя шитик в сплошной туман, в океан.

Это открылось не сразу. 7 июля вышли наконец к необитаемому гористому островку и увидели на скалах крест, срубленный и поставленный их собственными руками.

Басов хотел продолжить плавание, но взбунтовался экипаж – сыты по горло. Даешь промысел. Но трюмы и без того были уже забиты пушниной – поэтому не столько охотились, сколько отдыхали от многодневной океанской качки. 31 июля вернулись в Нижнекамчатск.

Здесь все раскрылось.

После встречи с Басовым в Большерецкой канцелярии, где

тот докладывал командиру Камчатки об итогах плавания и промысла на островах, Трапезников развил бурную деятельность. Чтобы свалить Басова у него было два пути – завладеть «Святым Петром» или построить свой собственный шитик и опередить Басова, снарядив собственную промысловую экспедицию на те острова, которые «в великую погоду» Басов с товарищами видели на востоке от Командорского острова.

Слабых мест хватало и в том, и в другом планах промыслового «переворота». Чтобы стать главным компанейщиком на «Святом Петре», нужно было скупить больше половины промысловых паев, а цены кусались – теперь многие на Камчатке хотели бы вложить свои деньги в столь прибыльное предприятие.

Строить свой шитик? Но для этого нужно еще выхлопотать разрешение! И где гарантия, что Басов не опередит и не застолбит новые бровые острова?!!!

Как бы там ни было, Трапезников решает действовать одновременно в двух направлениях. Заметим, что это вообще очень характерно для деятельности Трапезникова. Только один еще человек будет действовать столь же решительно и разносторонне – промысловый наследник Никифора Мокиевича Григорий Иванович Шелихов.

И очень это все ловко у Никифора вышло.

Во-первых, Трапезников, сразу же обзавелся союзниками. Это было как раз не трудно – Басов отваживал от себя купцов, затаив на них обиду за прошлое и не желая иметь каких-либо дел в будущем, поэтому злы на него были сейчас многие из толстосумов.

Особенно молодой селенгинский купец Андреян Толстых, которому не терпелось испытать свою промысловую удачу, готовый даже кулаком прошибить упрямство несговорчивого передовщика с «Петра». Лютой ненавистью пылал и тотемский купец Федот Холодилов, жадный и хитрый, сразу почувявший, какие большие богатства можно извлечь из промыслов. В тайне от всех Трапезников договорился с этими двумя о создании новой «складственной» компании сразу после того, как будет свержен Басов – но для этого купцы должны перекупить пай, не жалея на то денег.

Одновременно Трапезников вступает в долю с купцом Чеба-

евским и строит шитик «Святой Евдоким», готовя собственную промысловую экспедицию на восток.

Но все это было очень и очень зыбко. Да и паи не были выкуплены – Холодилов не рискнул капиталом, а Толстых купил всего два пая. Так что если Басов пойдет на восток – вообще все планы могут рухнуть, и Басов поднимется так высоко, что не дотянешься.

Оставался единственный путь – переманить – любой ценой!!! – подкупить, ошельмовать, спойть, обольстить, опойть дурман-морехода Евтихия Санникова.

Вы уже поняли, что и подкупили, и переманили – за это предательство Санникову обещали доверить на очень хороших условиях новое судно компании Трапезникова-Холодилова-Толстых. Что касается его паев на «Петре» – компаньоны дали слово, что выкупят их по самой высокой цене.

От Санникова требовалось только одно – воспрепятствовать Басову в открытии новых земель.

Не знаю, в курсе ли событий были Холодилов и Толстых, когда Трапезников с Чебаевским, получив от Большерецкой канцелярии 25 февраля 1745 года разрешение «плавать около Камчатского и Кроноцкого мысов», отправили свое судно совсем в другую сторону. 19 сентября 1745 года «Святой Евдоким», вел который опытный мореход Михаил Неводчиков, минуя Командорский остров и не заблудившись в тумане, пошел прямо к «незнаемым» – Ближним Алеутским – островам и 24 сентября открыл первую страницу в летописи, собственно, Русской Америки и вписал в нее свое собственное имя. Навечно.

Но это станет известно еще только через несколько лет. Пока же все главные события происходили на суше.

Купцы-заговорщики сдержали свое обещание. Два пая Санникова покупает Толстых. Трапезников становится владельцем девяти. Но Басов еще крепок и снова не удастся его повалить. Более того – Басов добивается от Большерецкой канцелярии запрета плавания для всех, кроме него самого, на Командорский остров, где хранятся казенные вещи Второй Камчатской экспедиции и отказывается взять с собой на промысел теперь уже главного своего компаньона Никифора Трапезникова.

Можно представить себе душевное состояние купца... А тут сваливается на голову еще большая неудача – 20 июля 1747 года возвращается Неводчиков. Без шитика – тот погиб, разбившись о скалы острова Карагинского. Без пушнины – стинула в океане вместе с шитиком. Без доброй половины экипажа – погибли в стычке с алеутами, умерли от цинги и голода, утонули, замерзли в пургу после кораблекрушения, были убиты при нападении на карагинских коряков их северных соседей – олюторов.

Трофеи – алеутский мальчишка Темнак, которого в том же – 1747 – году окрестили в церкви Успения Божьей Матери и тем самым открыли эпоху продвижения русского православия в Америку; 320 шкур морского бобра с Ближних Алеутских островов; и наброски карты, сделавшей имя Неводчикова известным всему миру. Но это мало радовало Трапезникова.

Правда, и печалиться было некогда – в конце августа 1747 года уходило в море первое собственное судно Трапезникова – «Святой Иоанн». Его вел мореход Евтихий Санников. Компаниями – совладельцами судна и будущих драгоценных мехов – были тотемский купец Федот Холодилов и селенгинский купец Андреян Толстых.

Ни один из промысловых шитиков в тот год не прошел дальше Командорских островов. Басов разбил свой «Петр» на кекурах открытого им безымянного островка и занимался ремонтом судна. В следующем году он вернулся в Нижнекамчатск и вместе с пушниной привез с острова, с той поры и получившего название Медный, 50 фунтов самородной меди отличного качества. Промысел же был не ахти – 970 бобровых шкур и 1 520 – голубого песка. Поэтому, чтобы не возвращаться полупустыми, промышленники забили – на пробу! – две тысячи морских котиков, которые в огромном числе пришли весной на остров для продолжения рода.

У Андреяна Толстых, который пошел передовщиком на «Иоанне», и Евтихия Санникова, зимовавших на острове Командорском – Беринга, были иные планы – они хотели пойти на юг и отыскать ту самую землю, которую уже искали Беринг и Басов – Землю да Гамы (на Камчатке ее называли землей Штеллера, заразившись убежденностью ученого в том, что эта земля

существует на самом деле, и искали ее в течение многих лет).

Я же хочу обратить внимание читателей на другое – уже известно, что на востоке от Камчатки находится огромный архипелаг, богатый пушным зверьем. Эти острова видели члены экипажа пакетбота «Святой Петр». Эти острова видели промышленники Басова. Эти острова уже «пощупали» зверобой со «Святого Евдокима». И в это же время промышленники с «Иоанна», вышедшие в море для добычи зверя и приличного заработка, вместо того, чтобы идти «встречь солнцу», идут на полдень...

Не связано ли это с тем, что люди морехода Михаила Неводчикова, спеша обойти Басова, должны были «наследить» (что «успешно» и претворил в жизнь передовщик Яков Чупров, отданный потом под суд за свои злодеяния на Ближних Алеутских островах), чтобы туземцы встретили потом «в штыки» Басова с компаньонами. Толстых же должен был опередить Басова на юге.

Таковы были условия борьбы – и потому компаньоны, рискуя получить вместо бобров «кота в мешке», готовы были пожертвовать сегодня даже возможной добычей ради будущего торжества на Восточном море-океане.

Да и ситуация начала меняться – и все в пользу Трапезникова. «Святой Петр» переходил в его руки, становился собственностью компаньонов. Басов был отстранен от руководства экспедициями. Теперь никто не мешал Трапезникову идти хоть в какую сторону. Никто не стоял на его пути. И никто не смел встать. Он был хозяином Восточного океана. Единоличным. Настоящим. Крепко стоящим на ногах. Мужающим на глазах у всех. Уничтожающим врагов своих.

А Басов? Басов похоже... не очень-то и переживал свое поражение, увлеченный новой идеей – разведкой месторождения меди на острове Медном. И мы не можем укорить его за это, коли сам Михайло Ломоносов ошибался, исследуя командорскую медь: «...швецкую медь добротой превосходит и от японской добротой не разнится чувствительно, чему и дивиться нельзя, для того, что Япония и Камчатка лежат на одной гриве, которая разорвана только морем и признаки свои из-под воды островами показывает».

Басов тоже думал, что целыми островами лежат несметные богатства для России – залежи самородной меди. И не только думал, он, как всегда, стремительно действовал и по его требованию 23 марта 1753 года Нерчинское горное начальство направляет на Камчатку «по горному искусству разведывания самородной меди» мастера Петра Яковлева, который, по результатам обследования острова в 1754 и 1755 годах, делает отрицательный вывод о наличии промышленных запасов.

Напрасно затраченные казенные средства велено получить с того, кто ввел правительство в заблуждение, с того, кто все это и затеял. Знакомо?!

А вот и итог. Типичный, закоренелый в истории России, итог сыновнего служения нашему Отечеству. Дальнейшая судьба Басова такова: «*“Выгоды, полученные от промыслов, – пишет Полонский, – не подняли житейского уровня Басова выше бедняков, братьев его, населявших Нижнекамчатск”*. Басов жил с женой и детьми “постоянно в нищете и убожестве”. Перед Рождеством 1755 г. он отлил из меди (ни с острова ли Медного и не для снаряжения ли новой горной экспедиции?! – С. В.) и олова фальшивые деньги. Дело скоро обнаружилось. Басова арестовали, отправили в Иркутск, а оттуда, уже в 1763 г. в Нерчинск, на каторгу. По определению Иркутской канцелярии от 4 сентября 1762 г. Басову было “учинено на публичном месте, при барабанном бое, позорное наказание”. Изувеченный тяжким наказанием, 70-летний Басов не мог затем долго прожить. Дата его смерти (как и рождения) неизвестна» (Зубкова З. Н. «Алеутские острова». Стр. 14–15).

3.

На годы падения Емельяна Софроновича приходится расцвет деятельности Никифора Мокиевича. В течение двух десятилетий не было ему равных в Восточном море-океане. Ежегодно строились новые суда и снаряжались новые промысловые экспедиции, которые с богатым грузом возвращались в первую столицу Русской Америки – Нижнекамчатск.

Вот промысловая статистика за тридцать лет, взятая из книги Р. В. Макаровой «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века» (М., 1968, стр. 182)

Год	Название судна и фамилия морехода	Компания	Место промысла	Промысел в руб.
1743–1744	«Петр» – Санников	Е. Басов	о. Беринга	64 000
1745–1746	«Петр» – Санников	Е. Басов и Н. Трапезников	о. Беринга, о. Медный	112 220
1745–1747	«Евдоким» – М. Неводчиков	А. Чебаевский, Н. Трапезников	Ближние	19 200
1747–1748	«Петр» – Дм. Наквасин	Е. Басов, Н. Трапезников, А. Толстых	о. Медный	50 020
1747–1749	«Симеон и Иоанн» – Г. Чудинов	И. Рыбинский, Н. Трапезников	о. Беринга	52 590
1749–1750	«Петр» – Дм. Наквасин	Н. Трапезников, Е. Басов	о. Медный	39 376
1749–1750	«Николай» – С. Шевырин	Н. Трапезников	о. Беринга	3 127
1749	«Борис и Глеб» – И. Бутин	Н. Трапезников	о. Беринга, Ближние	105 769
1749–1752	«Иоанн»	Ф. Холодидлов, Н. Трапезников	Ближние	95 690
1750–1752	«Симеон и Иоанн» – А. Воробьев	И. Рыбинский, Н. Трапезников	Ближние	61 520
1750–1753	«Николай» – С. Шевырин	Н. Трапезников	Ближние	105 730
1751–1752	«Борис и Глеб» – И. Бутин	Н. Трапезников	нет. св.	11 650
1752–1757	«Борис и Глеб» – А. Дружинин	Н. Трапезников	о. Беринга	3,473
1753–1757	«Иоанн» – В. Обухов, Ф. Жуков	Ф. Холодидлов, Н. Трапезников	о. Беринга, о. Атту	109 355
1754–1757	«Николай» – Р. Дурнев	Н. Трапезников	о. Атту	187 268
1754–1758	«Петр»	И. Красильников, Н. Трапезников	Командор. острова	14 438
1756–1759	«Андреян и Наталья» – Ф. Жуков	Ф. Холодидлов	Ближние	317 541
1758–1762	«Иулиан» – С. Глотов	Никифоров, Снегирев, Н. Трапезников	Унимак	78 309
1758–1763	«Николай» – Л. Наседкин	Н. Трапезников	Ближние, о. Кыска	58 170
1759–1762	«Захарий и Елизавета» – Ст. Черепанов	Ф. и В. Куликовы	Ближние	101 430
1760–1764	«Андреян и Наталья» – А. Толстых	Ф. Холодидлов	Андреяновские	120 000
1761–1763	«Иоанн» – Д. Медведев	И. Протасов, И. Лапин	Умнак	+
1761–1763	«Захарий и Елизавета» – П. Дружинин	Ф. и В. Куликовы	Уналашка	+
1762–1763	«Троица» – И. Коровин	Н. Трапезников	Уналашка	+
1762–1766	«Андреян и Наталья» – С. Глотов	И. Лапин, Попов	о. Кадьяк, Лисьи	68 000
1763	«Николай» – Л. Наседкин	Н. Трапезников	Унимак	+
1764–1768	«Петр и Павел» – В. Софьян	Н. Трапезников	Командор. о-ва	32 547
1766–1770	«Павел» – А. Очередин	Орехов, И. Лапин, Шилов	Лисьи	68 520
1767–1772	«Андреян и Наталья»	Попов, И. Лапин	Лисьи	109 943
1770–1775	«Павел» – И. Соловьев	Орехов, И. Лапин, Шилов	Лисьи	137 455

Таким образом, Никифор Трапезников за эти годы участвует в снаряжении двадцати двух промысловых экспедиций, будучи главным (или в числе главных) компаньоном. «Упромышлено» за эти годы на Алеутских островах пушных зверей на сумму один миллион 163 тысячи 467 рублей. Построено и снаряжено для плавания в океане восемь промысловых судов: «Евдоким», «Иоанн», «Симеон и Иоанн», «Николай», «Борис и Глеб», «Петр», «Троица», «Петр и Павел».

«Любопытно будет спросить, с каким богатством отстал Трапезников от сей промышленности? – задавал вопрос историкограф российского купечества в Восточном океане Василий Николаевич Берх, расспрашивая людей лично знавших Никифора Мокиевича. – Иван Саввич Латин рассказывал мне: что потеря значительного капитала в трех... судах, и банкротство нескольких должников сделали его вдруг из богача бедным человеком. Старость свою провел он в крайних недостатках, и едва оставил столько, что могли похоронить его пристойным образом».

4.

А ведь сам все начал. Не только строить, снаряжать, одевать-обувать, покупать-продавать, но и интриговать, шельмовать, сманивать, перекупать, стравливать...

Андреян Толстых не оправдал надежд. Став мореходом, он, как и Басов, потерял голову и перестал заботиться о приращении капиталов. Да и выпустил его Никифор из рук своих: тихий Холодиллов перехватил инициативу и после гибели их общего «Иоанна», сколотили они отдельно от него свою складственную компанию, самостоятельно выстроив и оснастив «Андреяна и Наталью». Не заботясь о промысловых делах, занялся Толстых описанием новой земли и народов, ее населяющих. Но удача его не покидала при этом – в 1759 году он привез Холодиллову пушнины на 317 тысяч рублей.

Но даже тогда не могла прийти в голову Никифора мысль, что Федот плетет паутину против него самого, что это настолько злобный, жестокий и коварный конкурент, каких свет не

видывал. Как можно было заподозрить Федота – свой же человек, компаньон. А потом было уже слишком поздно...

В 1758 году московский посадский Иван Никифоров построил на Камчатке первый промысловый бот – «гвозденник», который в отличие от шитиков, шитых ремнями из шкур морского зверя, сшивался настоящими гвоздями, – и не имея более собственных средств на снаряжение промысловой экспедиции, сдал его в аренду компании иркутского купца Никифора Трапезникова.

2 сентября 1758 года бот «Святой Иулиан», мореходом на котором шел яренский посадский Степан Гаврилович Глотов, вышел в море и прошел далее всех русских промысловых судов на восток и открыл острова невиданно богатые лисицами – чернобурыми, бурыми, седыми, красными «разных доброт» и крестовками, почему эти острова и получили название Лисьи.

Здесь он провел две зимы и в 1762 году доставил в Нижнекамчатск пушнины на 130 тысяч рублей (1 389 шкур морских бобров и 1 618 – лисьих).

И вот после этого посещения Лисьих островов в 1763–1764 годах на Лисьих островах произошла трагедия, каких никогда не знала ни раньше, ни позже Русская Америка – восставшими алеутами были уничтожены экипажи четырех промысловых судов – более ста шестидесяти человек.

Как же сложились отношения с островитянами у самого Глотова? Не спровоцировал ли он их на будущее выступление? Читаем его собственное свидетельство («Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках», М.-Л., 1944, стр. 23):

«...в том числе (1 сентября 1759 года – С. В.), по дарованию господню и по высокому ея императорского величества счастью, благополучным путешествием прибыли на остров, лежащий в северо-восточной стороне и, усмотря судну удобное к отстою место, пристали между лежащее к полдням того острова камень на мяхкий песок без всякого о берег судну повреждения. А тот остров называется по названию тамошних народов Умнак, который у них почитается над вторым недалёным островом же главным и первым. Оной их первой ост-

ров имеет в себе жительствоющих народов около сот четырех человек, начальников лутчих двух мужиков, подобно как и здешние камчадалы, тоенов: первого именем Шашук, у него детей 3, второго Акитакуль, оной имеет у себя 5 детей. От того острова не далее в расстоянии примером верстах 15 тот второй остров, обширностию больше первого, называемой Уналашки. На оном острове имеется ис тех же народов жителей около трехсот человек, и точно исчислить и показать за странностию того острова, к тому ж и те люди с острова на острова переезжают часто, никак было невозможно...

...по прибытии ж на предписанной первой остров тамошней незнаемой народ с первого их на оной прибытия вступили к ним навстречу со своими стрелами, которое так же, как и алеутский народ, имея в шестиках укрепленные кости и каменье острие, мечут из досок, и, учиня приступ, усилились было всех прибить и ранили Пономарева (нижнекамчатского казака – официальное лицо при промышленниках по обращению инородцев в русское подданство и сбору ясака на вновь открытых островах. – С. В.) в правое плечо, камчадала Игнатъя Уваровского в правую ногу, Стефана Уваровского убили до смерти, а протчих при том господь спас, токмо отбили у них байдару с кормы, с платьем и протчим шкарпетом да 2 топора, от которых, едва защищаясь зделанными на судне ис платья и протчаго оставшего шкарпету и досок щитами, спаслись. И с тем оной народ разбежался. А потом оные, не видя от них отмщения против их нападения, кроме ласковости, пришли к ним к судну вторично без всякой уже ссоры и нападения и встретили обыкновенно и с собою принесли к пропитанию их мяса и рыбы сушеной трески. Напротиво чего и они Пономарев и Глотов с товарищи что при ком отыскаться могло из мелочей, то есть, от игол, шильев и протчего, дарили. И по том своем приходе возымели с ними дружеское обхождение они к ним ласку и привет. И возвратили они отбитую ими байдару с всем, что во оной было. И чрез оную их ласку и привет при таком дружеском их с ними обхождении на означенных двух отысканных островах приведено ими со всеми компанейщиками ... в подданство и платеж ясака тамошних народов, а именно, на

первом большем, называемом Умнак ... оба предписанные два тоена: первой Шашук да сын ево Угольлак, второй Акитакуль с сыном же, имянем Алихшухух, командующих 11, того 15. На втором острове Уналашки тоены ж: первой Узулях, двое его сыновей: Алузгучах, Чикилжак, второй Седак, третий Умакуш, командующие их 8, в том числе живущей при том втором острову, в бухте, называемой Икалтинской, один, а всех на обоих двух островах и с тоенами 28 человек...

...А при отправлении с тех островов (3 мая 1762 года. – С. В.) по добровольному оных народов к подданству склонению, а чрез их Пономарева и Глотова с товарищи ласку и привет, оные желание возымели и впредь быть в подданстве и чтоб к ним российские люди всегда на судах ходили. И что они ясак будут платить бездоимочно, дали добровольно в аманаты (заложники. – С. В.) первого острова тоена Шушака, малолетнего парня, именем Лушкаля, которого они назвали Иваном, возрастом, например, около 12 или 13 лет (об этом алеуте – Иване Глодове, – крещенном в Нижнекамчатской церкви Успения Божьей Матери, будет потом писать святой Иннокентий, как о главном тоене Лисьих островов. – С. В.); при нем вывезено из тамошняго мамира одна парка, изю птичьих кож шитая, одна шапка.

То есть, делаем вывод: оснований, судя по сообщению Глотова, для столкновений русских с алеутами на Лисьих островах в тот год не было – наоборот, их ждали как друзей.

5.

А произошло же страшное...

И удивительное – на Лисьих островах, где до 1759 года не ступала нога русского человека, а известие об открытии пришло на Камчатку только 31 августа 1762 года, по осени 1763 года собрались экипажи сразу четырех (из пяти годных в тот год к плаванию) промысловых судов трех компаний – «Захарий и Елизавета» вологодских купцов Федора и Василия Кульковых, «Иоанн» соликамского и тюменского купцов Ивана Лапина и Ивана Протасова, «Николай» и «Троица» иркутского купца Никифора Трепезникова.

Но прежде чем выстраивать какие-либо версии, чтобы понять что-либо в этой трагедии, хотелось бы проследить связи земляков Холодилова – тотемцев – на тех пяти имеющихся в наличии в тот год промысловых судах – «Иулиане», «Захарии и Елизавете», «Николае», «Троице» и «Иоанне». На борту «Иулиана» вместе с Глотовым – в числе первооткрывателей – было два тотемца – посадский А. Холодилов, племянник и будущий наследник Федота Холодилова, и купец Петр Шишкин. Что касается Шишкина, который составил обширную карту Лисьих островов, то известно, что в 1763 году в Нижнекамчатске он пересел с «Иулиана» на «Николай» компании Никифора Трапезникова, и повел его вместе с известным мореходом, нижнекамчатским казаком, человеком спокойным и мирным, по многочисленным оценкам историков, Лукой Наседкиным к Лисьим островам – на третий большой остров архипелага – Унимак.

По версии Сергея Маркова алеутский бунт был начат именно на Унимаке, где и зимовал «Николай» (Марков С. «Избранные сочинения в 2-х томах», М., 1990, стр. 436).

«Голмач и какая-то “девка с Атхи” оклеветали островитян Унимака, сказав, что они хотят перебить русских. Произошла стычка, а вслед за ней началась кровопролитная война русских с унимаками. Много русских пало в битвах у берегов Большой Земли, остальные умерли от цинги. Брошенное судно чернело на льду пролива. На корабле был порох. Алеуты подожгли его. Раздался взрыв, и неистовое пламя осветило скалы Аляски».

6.

Но существует и другая версия. Она принадлежит Василию Берху. Но прежде чем о ней говорить, хотелось бы уточнить, каким образом узнали о существовании Лисьих островов экипажи остальных трех судов?

Начнем с «Захария и Елизаветы» вологодских купцов Кульковых, мореходом на котором был курский купец Алексей Дружинин. Бот вышел из Охотска 6 сентября 1761 года, зимовал в

Петропавловской гавани на Камчатке, а в сентябре 1762 года прибыл на Умнак. Берх сообщает, что здесь Дружинин встретился с Гловым и остался после этого зимовать – но мы знаем, что Глов уже 2 мая убыл с Лисьих островов и поэтому встретиться там с Дружининым никак не мог.

О заходе Дружинина в Нижнекамчатск сведений нет – да и какая ему в том нужда. Из Петропавловской гавани бот «Захарий и Елизавета» вышел 24 июня – то есть, опять же, до того, как было получено на Камчатке известие о существовании этих островов. В экипаже этого бота было трое тотемцев – Степан Корелин, Дмитрий Брагин и Григорий Шавырин. Из всех уцелевших в тот год (всего было сто семьдесят пять человек) в живых осталось только шесть камчадалов и столько же русских – в их числе Корелин, Брагин и Шавырин.

Почему? Потому что они оказались – по неизвестным причинам – самыми предусмотрительными из всех русских зверобоев за всю предыдущую историю освоения Алеутских островов, из всех не только ста шестидесяти трех навечно оставшихся на Лисьих островах, но и тех, кто побывал до них уже на Ближних, Крысьих, Андреяновских...

Каким же образом? Читаем у Берха: когда Дружинин прибыл на Уналашку «дали ему тойоны или старшины аманатов, и оказывали всевозможные ласки. Сие приятное положение диких побудило Дружинина, для успешного промысла зверей, разделить экипаж свой на три артели, и послать оные в разные места.

Дружинин, предполагая найти более выгод на малом острове Иналаке, перебрался туда с своим отделом, и хотя от живших там тридцати Алеут и не приметил там никаких неприятностей, однако же построил из предосторожности (!!! – С. В.) крепостцу (первую, я это подчеркиваю, за всю двадцатилетнюю историю русского присутствия на Алеутских островах. – С. В.) и содержал в ней непрерывный (!!! – С. В.) караул. В один день отправил Дружинин пять человек осмотреть оставленные клепцы, и по уходе их разсудил с остальными, Степаном Корелиным, Дмитрием Брагиным, Григорием Шавыриным, Иваном Коковинным и еще одним промышленным, коего имя неизвестно, посетить жилища островитян. Побыв там несколько времени,

начали уже они (все это со слов единственных свидетелей – тотемцев – С. В.) собираться домой; вдруг один Алеут ударил Дружинина дубиною по голове, а остальные, кинувшись на него, зарезали его ножами. После сего напали они на Шавырина; но он, имея при себе топор, оборонился оным, и убежал в свое зимовье. Коковин, находившийся в сие время вне шалаша, был также окружен, повергнут на землю, и уже островитяне начали колоть его костяными ножами своими, как вдруг прибежал к нему на помощь Корелин и, разогнав сих неистовых Алеутов, спас своего товарища. Дикие обитатели острова Уналашки действовали заодно, по обдуманному (!!! – С. В.) плану, ибо около сего же времени напали они на остальные две артели, и убили всех без исключения. Ни одному из несчастных россиян не удалось избежать смерти» (Берх В. «Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества». СПб., 1823, стр. 60).

Ту, особо выделенную мною мысль о том, что сценарий убийства россиян был заранее обдуман и расписан не только в каждом его действии, но и в каждом отдельном акте, понимал не только Василий Николаевич.

«Давыдов говорит в записках своих слышанное им вероятно во время пребывания на острове Кадьяке, что когда сии Алеуты условились напасть на Россиян, в разных местах в одно время, то разделили между собою по некоторому количеству лучинок. Лучинки сии условились они кидать ежедневно в огонь по одной, с тем, что когда последняя повержена будет в оный, напасть на Россиян, и лишить их всех жизни».

7.

О судьбе двух других промысловых судов мы узнаем из рапорта оставшегося в живых (в числе тех шестерых) морехода и передовщика судна «Святая Живоначальная Троица» Ивана Коровина («Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке», М., 1948, стр. 120–141).

8 октября 1762 года экипаж трапезниковской «Троицы» (из новостроя) высадился на острове Медном для зимовки. В этот

же день сюда же на зимовку пришел «Иоанн» компании Протова-Лапина, мореходом на котором был Денис Медведев, штурманский ученик. «Иоанн» ушел в море еще в 1761 году, но промысел складывался для его экипажа неудачно. Коровин же не только знал об открытии Лисьих островов: Никифор Трапезников специально послал с ним тобольского крестьянина Кузьму Бурнашева, который только что вернулся вместе с Глотовым с Лисьих островов и, неполный месяц отдохнув-погуляв в нижнекамчатских кабаках, ушел снова в море – 29 сентября «Троица» снялась с якоря.

Коровин предложил Медведеву объединиться в одну компанию, обменяться людьми и идти на Лисьи острова. Ударили по рукам. Семь промышленников с «Иоанна» перешли на «Троицу». Десять человек с «Троицы» – на «Иоанн». Упромышленное должно было делиться поровну.

1 августа 1763 года они вышли в море. Коровин высадился на Уналашке. Медведев – на Умнаке. Таким образом, они были последними, кто прибыл в тот роковой год на Лисьи острова. Первыми же, судя по всему, были люди с «Захария и Елизаветы». Они провели здесь уже год.

Ничто, как свидетельствует Коровин, не предвещало опасности. Алеуты не проявляли никакой агрессивности. Стичек вообще не было, потому что Бурнашева узнали сразу, и тойоны безо всякого сопротивления отдали в аманаты своих детей, полностью доверяя русским. И больше того – доверяя им, как покажут дальнейшие события, даже в период столкновений, что еще более удивительно.

Далее же мы можем проследить разворачивающиеся события на островах в хронологическом порядке.

17 августа промышленники перенесли всю пушнину (добытую на острове Медном) с судна в зимовье – барабору, а «Троицу» завели на зимовку в реку.

18 августа на свидание со своими детьми прибыли все три тойона, пробыли в русском лагере часа три, затем уплыли на байдарках на соседний остров Умнак и больше не возвращались.

15 сентября на двух байдарках – по десять человек в каждой (байдарщики – Коровин и Бурнашев), взяв с собой аманата

Алексея, старшего среди детей и понимающего по-русски, отправились обследовать удобные для промысла места. На их пути встретилось три юрты – три поселения. У третьей юрты пристали к берегу, взяли в аманаты тринадцатилетнего сына тойона, которого назвали Степанкой. Алеуты предъявили ясачные квитанции Пономарева. Затем снова отправились в путь, повстречавшись с толмачом Глотова Кашмаком и взяв еще четырех аманатов. Все было спокойно.

В конце сентября вернулись назад, построили юрту для зимовки. 22 промышленника вместе с Козьмой Бурнашевым отправились на промыслы на восточное побережье острова, 16 человек вместе с Коровиным остались в гавани у судна.

8 декабря к вечеру неожиданно пришли к Коровину три камчадала с «Захария и Елизаветы» и *«объявили нам, что де компании купцов Кулкова с товарищи, как русские, так и камчадалы алеутами побиты, и судно ими же разломано»*. (Вспомним при этом, что тойоны еще в августе уехали на Умнак – то есть, по всей вероятности, первый удар по русским был нанесен там. – С. В.)

10 декабря алеуты напали на коровинский лагерь. Отбивались от них четыре дня. Двое промышленников от полученных в бою ран скончались. На пятый день алеуты засели в каменной пещере и месяц держали русских в осаде. Бросив юрту, промышленники перешли жить на «Троицу». Быстро уменьшался запас продуктов – основные запасы остались спрятанными у юрты. Начинаясь цинга. Томительно тянулись дни.

5 марта вывели судно в море и встали на якорь. Алеуты, видя, что русские стали недосыгаемыми для их стрел, оставили, ставшую бессмысленной, осаду. Промышленники, пользуясь моментом, вырыли бочки с жиром и запасы питания и перевезли все это на судно, а затем снова вышли в море. Стояли, благо позволяла погода, до 26 апреля. Не дождавшись теплых весенних дней, умер от скорбута посадский из Енисейска Прокопий Большаков.

Большой неожиданностью и радостью стал приход братьев аманата Алексея. Они пришли к «Троице» на байдарках и предупредили о готовящемся нападении на русских со стороны моря

на байдарах. Кстати, это было второе предупреждение – накануне приходила свидеться с сыном мать Алексея и тоже предупредила о возможном нападении.

Была объявлена тревога. Каждый член экипажа занял свое место, образуя круговую оборону для того случая, когда алеуты обрушатся на «Троицу» со всех сторон.

Если бы не предупреждение алеутов, русские попались бы на удочку: байдарщики с приветливыми лицами лукаво изображали самые мирные намерения, желая, якобы, торговать с русскими. 40 байдар попытались было окружить судно и подойти вплотную. Байдарщиков отпугнули, и они начали метать свои стрелы. Русские открыли огонь из ружей. Алеуты отступили, и тут русские увидели, как они окружили братьев Алексея, не успевших скрыться, и убили их прямо на глазах младшего. Такой вот ценой удалось коровинцам остаться в живых.

Ночью к «Троице» подошла одна байдара. Отец Алексея забрал своего – единственного теперь сына – Алексея Глотова.

Трудно было понять, что происходит. Откуда, от кого исходит опасность?! Кто и почему убивает русских?

30 марта (то есть через три с половиной месяца после начала кровавых событий на Уналашке) на «Троицу» прибыли еще четыре человека с «Захария и Елизаветы». Это были уже знакомые нам тотемцы Степан Корелин, Дмитрий Брагин, Григорий Шавырин и устюжский крестьянин Иван Коковин.

Вот что происходило в течение этого времени, как выяснил Берх (на основании их собственных свидетельских показаний): *«Вскоре после сего (убийства Дружинина. – С. В.) островитяне напали на зимовье покойного Дружинина, и хотя промышленники, в оном засевише, стреляли в них из ружей; но видя, что они продолжают свое нападение, решились по четырехдневной осаде сделать вылазку. Отважные Россияне, Шавырин и Коковин, кинулись первые на диких, и последующие товарищами своими, положили на месте троих, ранили многих, а остальных разогнали. Во время осады показывали им дикие с торжеством одежду и оружие тех промышленников, кои, быв посланы осматривать клепцы, учинились их жертвою.*

Сохраня отважностью и смелостью жизнь свою, спустили

Россияне немедленно байдару, и решились плыть к селению Калактак, где находилась вторая артель. Достигши до места сего, удостоверились они скоро, что и сии товарищи их более не существуют, а посему и положили плыть в гавань, где стояло их судно. Зрелище, которое им здесь представилось, поразило их еще более. Судно нашли они разломанным, а взморье покрытым трупами их товарищей. Несчастные промышленники сии, претерпев еще множество разных нападений и бедствий, достигли уже в Марте следующего года до корабля Ивана Коровина, в таком изнурении, что Шавырин испустил дух свой...»

Ничуть не бывало – Шавырин был в здравии и выдержал морскую болтанку и в марте, и в апреле. А 20 апреля шторм сорвал «Троицу» с якоря. Восемь дней носило бот по океану – и не выдержал не Шавырин, не земляк его – тотемский крестьянин Иван Мясников.

28 апреля бот вышвырнуло на берег. Успели вынести почти все – ружья, порох, свинец, туши лахтаков, убитых накануне, паруса. Опоздали только с мехами – начался прилив и к боту невозможно было уже подойти. Плюнули на меха – жизнь дороже.

Но и ее уже на всех не хватало: утонул лалетянин Харитон Ощепков, умер вологодский посадский Михайло Музгирев.

Ночью, тайком, убежали восемь мальчишек-аманатов. Значит уже завтра можно было ожидать нападения. Заняли круговую оборону. С морской стороны сладили барабору, положив байдару и прикрыв ее тушами лахтаков, а со стороны тундры оборонились лахтаками же; расставили порожные бочки и поверх их натянули парусину – здесь, под символической крышей, разместились все оставшиеся в живых – девятнадцать человек. На караул выставили двух самых здоровых, чтобы смогли выдержать бессонную ночь.

Алеуты не заставили себя ждать. Они пришли на рассвете. Шли берегом, чтобы шум прибоя заглушал шаги. Подойдя к бараборе сажень за 10, начали метать стрелы, которые пробивали насквозь туши лахтаков, кожаную байдару и парусину. Все, без исключения русские были ранены. Наповал сражен иркутский посадский Алексей Орешников, смертельно ранен суздалец

Яким Корноухов с «Иоанна» Лапина-Протасова. Были убиты и трое оставшихся с русскими подростка-аманата.

С копьями наперевес бросились на алеутов разъяренные Степан Корелин, Дмитрий Брагин, Иван Коровин, Иван Коковин и Данило Мусорин. Двое из алеутов были убиты наповал, многие ранены. Ряды нападавших смешались, и они бежали. Бежал вместе с ними и бывший до этого все время с русскими толмач Кашмак. Промышленники еле держались на ногах от усталости, с ужасом осознавая, что второго такого боя им не выдержать.

Ночью поднялся шторм и разнес «Троицу» вдребезги. Погибла вся пушнина. А главное погибла надежда выбраться из этого ада.

Алеуты снова пошли в атаку. Море, словно в насмешку, выкинуло к их ногам бочки с жиром, остававшиеся на «Троице». Алеуты, смеясь, расколотили эти бочки и вылили жир в море, точно в благодарность за совершенное. Тогда море вышвырнуло к их ногам сумы с продовольствием. Алеуты рассыпали еду по песку. Затем порубили оставшиеся на берегу снасти. Русский лагерь угрюмо молчал – отбивать все это было здесь некому.

Странно, но алеуты почему-то не стали добивать обреченных и ушли. Дали передышку до 30 апреля. Удалось подобрать кое-что из еды, подкрепиться. Но ряды их редели – от полученных ран и цинги скончался тотемский посадский Иван Батов.

30 апреля алеуты снова напали на русских. На этот раз бой начался не с метания стрел, как обычно. Нет, алеут стрелял из захваченного у русских ружья – пуля прошла над головами.

Сменили они и тактику боя, решив выжечь русских со своей земли – зажгли сухую траву вокруг и пустили огненный пал на них. Но, отстреливаясь из ружей, те смогли залить огонь водой, благо воды было много.

Тогда полторы сотни воинов, не ведающих жалости, не боящихся ран и не знающих страха, встали против горстки русских промышленников – слабых, голодных, израненных, жалких... Постояли – и вдруг... ушли.

С 30 апреля по 21 июля жили оставшиеся в живых зверобои

в своей лачуге, и ни одна стрела не пронзила ее стены. За это время построили 4-х саженную по килю кожаную байдару, в которую загрузили все, что у них осталось с «Троицы», и сели в нее сами. Было их двенадцать человек – шестеро камчадалов, шестеро русских, из которых трое были тотемцами, а четверо – из крепости на острове Иналак.

21 июля 1764 года погребли к Умнаку. Здесь нашли обугленные остатки «Иоанна» – от него сохранился лишь обрубок мачты. Среди разрушенного и разбитого зимовья разыскали юрту и баню. В бане – Дениса Медведева и двадцать его товарищей. Их задушили (вероятно, сонными) – на шее остались следы. Убитых погребли на берегу гавани. Где были остальные – неведомо.

Решили строить юрту и дожидаться помощи. Но она пришла буквально через несколько дней – в августе их отыскал здесь Степан Глотов, возвращавшийся с открытого им острова Кадьяк. Он забрал зверобоев и позже доставил их на Камчатку на судне купца Ивана Саввича Лапина, чья промысловая звезда в эти трагичные дни, неожиданно для всех и его самого, становилась звездой первой величины на Восточном океане.

И не знал, не ведал Федот Холодилов, что промысловая удача Никифора Трапезникова, рухнув, похоронила под своими обломками... самого тотемца Федота Холодилова.

8.

Срабатывал закон: не рой другому яму – сам в нее попадешь. Правда, сработал он только через семь лет после всего случившегося, но откровенно и полно, раскрыв все тайные помыслы и подлости Федота Холодилова.

Построив в Охотске после гибели своего «Андреяна и Натальи» новый бот «Святой Михаил», Холодилов держит его в полной готовности – снаряженным для дальнего плавания к Алеутским островам – в Охотске, не выпуская судно в море. И так... несколько лет.

А потом вдруг – среди зимы!!! В феврале 1771 года – отдает неожиданный для всех приказ – срочно выходить в море и идти

на Лисьи острова. И это в период самых свирепых штормов, когда ни одно из тихоокеанских судов не рискует покинуть портового убежища.

Что же произошло?

Единственное – Холодилов задолго до возвращения Глотова знал о том, что на Лисьих островах беспокойно (скажем так!). И ждал известий. Только поэтому он держал «Михаила» – иначе бот мог пойти на Командорские, Ближние, Крысьи, Андреяновские острова и спокойно вести промысел. Нет, ставка купца – это очевидно – была сделана на другое – на Лисьи острова, сказочно богатые зверьем.

Тот, кто разрабатывал операцию по уничтожению своего конкурента, знал о том, что Трапезников пошлет на Лисьи острова основные свои суда (к этому времени он уже потерял «Петра», «Евдокима», «Иоанна», «Симеона и Иоанна», «Бориса и Глеба»). У него оставалось только три судна – «Николай», «Троица» и «Петр и Павел».

То, что «Захарий и Елизавета» уже в сентябре 1762 года был на Уналашке, только подтверждает тот факт, что его экипаж знал о местонахождении Лисьих островов. Строительство крепости тотемцами тоже многое проясняет на сей счет.

Но удар, как выяснилось, пришелся не только по Трапезникову, но – вот это было совершенно неожиданно – по второму конкуренту, который как раз в эти годы не вызывал никаких опасений, а на самом деле оказался вскоре одним из самых удачливых российских аргонавтов.

Это был соликамский купец Иван Саввич Лапин, судно которого и повел на Лисьи острова Денис Медведев.

Иван Саввич появился на Камчатке в самый расцвет промысловой деятельности – когда завершилась эпоха шитиков и начиналось строительство больших и надежных ботов – «гвозденников».

«Иоанн» было первое судно, которое отправил Лапин вместе со своим компаньоном тюменским купцом Иваном Протасовым (по другим сведениям – лальским Яковом). В память о трагедии на Лисьих островах, бухта, где погиб «Иоанн», назвали позже Протасовской бухтой.

Не подозревая о трагических событиях, Иван Саввич в 1762 году совместно с лальским купцом Василием Поповым отправляет в море бот «Андреян и Наталья», который повел известный мореход Степан Глотов. И именно Степан Гаврилович привезет через четыре года в Нижнекамчатск страшную весть о лисьевской трагедии.

Но это будет в 1766 году, а в 1765 Лапин, объединившись в промысловую компанию с устюжским купцом Василием Шиловым и тульским оружейником Афанасием Ореховым, строят два промысловых бота – «Святой Петр» и «Святой Павел».

«Святой Петр» взялся повести в море купец-мореход Андреян Толстых. Это было его последнее плавание – после безуспешных поисков Земли Штеллера бот был разбит о скалы Шипунского полуострова на Камчатке, когда Толстых повел свой бот на Алеутские острова.

1 августа 1766 года ушел в море и «Святой Павел», взяв курс на... Лисьи острова. А буквально через несколько дней в Нижнекамчатск вернулся Глотов. Что мог он рассказать утешительного? Впрочем, Василий Николаевич Берх слышал эту историю из уст самого Ивана Саввича, с которым был хорошо знаком – они были земляками.

«Глотов, вышед из устья реки Камчатки 1 октября с экипажем 46 человек, направил путь свой к Медному острову и остался на оном зимовать. Июля 26 1763 вышел он опять в море и 24 августа пришел на вид острова Умнака. Предприимчивый мореплавател сей, не останавливаясь здесь, поплыл прямо к востоку, и, миновав несколько малых островов, увидел большой величины гористый остров, до коего не достигал ни один из прежних мореплавателей. Отыскав удобное якорное место, расположился он здесь зимовать. Глотов, желая для безопасности своей получить аманатов, требовал оных чрез находившего у него алеутского толмача; но как жители сего острова имели особенное наречие, и по видимому не очень радовались приходу Россиян, то и должен он был решиться проводить зиму на корабле, держа бессменный караул. Предосторожность Глотова оказалась весьма благоразумною; ибо спустя несколько дней после сего, островитяне, при наступлении ут-

ренной зари подкрались так тихо к кораблю, что неожиданно посыпались на оный стрелы. Караул, встревоженный сим нечаянным приступом, принялся немедленно за ружья.

Звук огнестрельного оружия с коим сии дети природы не были еще знакомы, привел их в такой страх, что они кинулись мгновенно бежать. По отступлении их, нашли Россияне лестницы, серу, сухую траву и бересту. Открытие сие заставило Глотова усилить караулы, и показало ему, с каким отважным народом имеет он дело.

Храбрые жители этого острова, который называется ныне Кадьяком, учинили на Россиян вторичное нападение 4 октября в числе 200 человек. Дабы предохранить себя от действия тех пуль, кои при первом приступе поразили слух их свистом своим, несли они перед собою деревянные щиты, и метали из за оных стрелы. Сильная ружейная пальба с корабля скоро умерила бодрость их, и они опять пустились в бегство.

Природная храбрость Кадьякских жителей не позволила им быть в покое во время пребывания там Россиян. 26 октября приступили они в третий раз к судну. С корабля заметили скоро семь движущихся щитов, из коих за каждым укрывалось от 30 до 40 человек островитян, вооруженных копьями. Глов стал было убеждать их словами остановить сии немиротворительные действия; но как они, вместо ответа, пустили в него стрелы, то и приказал он палить из ружей. Толщина щитов предохранила оные от действия пуль; дикие, увидев сие, начали приближаться поспешными шагами к судну. Глов, опасаясь худых последствий, ссадил людей на берег и жарким приступом скоро погнал своего неприятеля.

Как пребывание на корабле в сие зимнее время могло быть вредно для экипажа, то и приказал Глов построить на берегу шалаш, в который и перебрались его служители. Однако же мера сия не возымела настоящего действия, цынготная болезнь водворилась между корабельным экипажем, и к апрелю десятеро из оного сделались ее жертвою. От сего времени дикие стали гораздо ласковее, и променивали даже меха свои на пронизки и бисер.

Мая 24 Глов снялся с якоря, и прошед мимо полуострова Аляксы (это не ошибка, так писали тогда. – С. В.), пристал 3

июня к острову Умнаку. Проведя здесь прежде две зимы в согласии с жителями, и почитая их своими приятелями, послал он тотчас байдару с десятью человеками на берег. Люди сии пошли прямо в прежнее зимовье свое, но как были они удивлены усмотрев, что за печкою сидит заколотый Россиянин, и что пол избы сей выломан и облит кровью! Приведенные в страх сим ужасным зрелищем, кинулись они немедленно к байдаре своей, и хотя в них пущено было из за камня множество стрел, добрались благополучно до судна.

Глов, проведя зиму несчастным образом на Кадьяке, не имел никакого груза, а посему и должен он был решиться жить здесь, дабы вознаградить потерянное время, и приобрести хотя несколько пушного товару. Островитяне противились было очень сильно выходу Россиян на берег, но как отважные мореходы сии отразили их военною рукою, то они не токмо что оставили их в покое, но даже удалились сами с этого острова.

С наступлением весны дикие опять возвратились, и один из них рассказал Глову, каким несчастным образом убиты здесь экипажи двух судов, и что часть Россиян находится и поднесь на другой стороне острова...»

Вот это все выслушивает Иван Саввич и принимает решение, которое поставило в тупик многих, прежде всего Федота Холодилова – он отправляет на помощь экипажу «Святого Павла» второе свое судно – «Андреяна и Наталью», которое повел в 1767 году мореход Л. Вторушин.

И теперь понятно, чего так долго ждал Холодиллов – известия о плачевной судьбе своего второго – и последнего – конкурента, ибо тогда Холодиллов – единственный серьезный промышленник с серьезным капиталом в Восточном океане.

Обстановка на Лисьих островах оставалась сложной. Вторушин находит экипаж «Святого Павла» в Протасовской бухте в тяжелом положении – от недоедания и цинги, от ран, полученных в непрестанных стычках с воинственными алеутами, умерли шесть человек. Экипажи ботов объединили свои силы для обороны и промысла.

В 1768 году на Лисьи острова прибыли еще два судна – галиот «Святая Екатерина» и гукор «Святой Павел» – Секретная

правительственная экспедиция под руководством морских офицеров П. Креницына и М. Левашева, в числе участников которой был и командир галиота штурман Максим Чурин.

В 1769 году, когда члены этой экспедиции возвратились на Камчатку, Лапин узнал много печального о судьбе своих людей. Михаил Левашев, зимовавший на Уналашке, встречался с Афанасием Очерединым, мореходом с «Павла», и узнал, что к шестерым умершим до прихода «Андреяна и Натальи», прибавились еще пятнадцать, зверски убитых алеутами на Кувалге и Акутане.

Сам Левашев ничем не мог помочь лапинцам. Более того – на «Екатерине» вместе с первым руководителем Секретной экспедиции Петром Креницыным находился и сам первооткрыватель Лисьих островов Степан Гаврилович Глотов и другие опытные мореходы и зверобои, которых привлекли к участию в правительственной экспедиции по описанию Алеутских островов и матерой Аляски для определения границ Российской империи. Стоит еще выяснить, как сложились взаимоотношения у мореходов с Креницыным, но обстановка на Унимаке, где зимовала «Екатерина», заблудившаяся в тумане и потерявшая из виду левашевский «Павел», была попросту невозможной для многих из них. По мнению Александра Степановича Сгибнева, Креницын был «предубежден» против алеутов и при первом же их появлении приказывал открывать огонь из ружей и даже пушки, что, конечно же, не могло привести к мирному исходу и облегчить каким-то образом существование самих членов экипажа. Не имея возможности добыть морского зверя, обходились солониной. Уже в декабре появились первые больные цингой. В январе уже у двадцати двух моряков и промышленников шатались зубы, кровоточили десны, опухали руки и ноги. К апрелю из семидесяти двух членов экипажа здоровыми были только двенадцать человек. Тридцать шесть человек не дождались спасительной весны и навсегда остались на Унимаке. Среди них был и яренский посадский, первооткрыватель Лисьих островов и Кадьяка, российский аргонавт Степан Гаврилович Глотов. Ему было всего только лишь сорок лет.

Можно представить себе, что чувствовал Лапин, слушая эти рассказы Михаила Левашева, Максима Чурина и тех промыш-

ленников, кто вернулся живым в Нижнекамчатск. Какая участь ожидала после их ухода с островов Очередины и Вторушина с товарищами?!

Поэтому, затаив дыхание, терпеливо ждал Холодилов роковой развязки, сдерживая в Охотске готовых уже взбунтоваться азартных своих промышленников во главе с их приказчиком – сотоварищем Андреяна Толстых по открытию Андреяновских островов тотемским посадским Алексеем Чулошниковым.

Упорно ждал Федот. Но рухнуло все в одночасье, обрушилось небо со всеми своими большими и малыми, золотыми и серебряными звездами удачи – в августе 1770 года возвратился в Охотск бот «Святой Павел» Ивана Лапина с богатой добычей и уже через месяц новый мореход – Иван Соловьев, – сменив экипаж, повел его снова на Лисьи острова.

Глава четвертая

1.

Федота Холодилова не было в это время в Охотске – иначе вообще необъяснимо, почему он отправляет свой бот «Михаил» после стольких лет ожиданий в самую неблагоприятную для вояжей пору – во время затяжных охотоморских штормов.

Видимо, весть о возвращении лапинского «Павла» застала его где-нибудь в дали – в Иркутске, а может быть, и вообще в Тотьме, ломает все купеческие планы, и он срывается в Охотск, мчится, чтобы опередить тех, кто ушел в море еще в сентябре и, по всей очевидности, должен был зимовать на одном из Командорских островов, пережидая пору штормов. Холодилов же приказывал идти сразу на Лисьи острова.

Более того – Федот сам идет на «Михаиле» вместе с промышленниками – вот как много он поставил на тот вояж. Вот как долго он вынашивал мысль, что она достигла размеров навязчивой идеи. А, может быть, попросту не мог уговорить своих промышленников выходить в столь опасное время?

И они были правы – у берегов юго-западной Камчатки промышленники попали в жесточайший шторм, и бот, потеряв уп-

равление, был выброшен на морской берег недалеко от острожка курильцев Явино. До Большерецка тридцать три промышленника со своим хозяином добирались пешком по прибойке, заваленной глыбами синего льда, проваливаясь по грудь в снег, и пришли в Большерецкий острог злые, как сто тысяч чертей. Каждый из тридцати трех против одного Холодилова, разумеется, считал, что согласно контракту, заключенному с купцом в Охотской канцелярии, гибель «Михаила» освобождает его от всяких, в том числе и долговых, обязательств перед Федотом и делает свободным человеком, вольным наняться на другое промысловое судно, тем более что в Большерецке зимовал в тот год экипаж последнего трапезниковского судна «Петр и Павел», мореходом на котором был небезызвестный уже нам Иван Коровин. А членами экипажа – непотопляемая холодиловская гвардия – Брагин, Корелин и Шавырин.

Холодилов же считал совсем по-другому: судно нуждается в ремонте и годно для следования на Алеутские острова. Поэтому он взял у командира Камчатки капитана Григория Нилова пять тысяч казенных денег – ссуду на ремонт бота – и приказал передовщику с «Михаила», своему приказчику, Алексею Чулошникову, готовить судно к новому вояжу.

Чулошников же встал на сторону экипажа, понимая, как опытный мореход, всю безрассудность затеи своего хозяина. Теперь уже бывшего хозяина.

Холодилов смещает Чулошникова и ставит на его место одного из своих приказчиков с трапезниковского «Петра и Павла» – Торговкина (на «Петре и Павле» остается другой его приказчик Арсентий Кузнецов). Экипаж «Михаила» отказывается подчиняться Торговкину. Тогда Холодилов обращается за помощью к командиру Камчатки – речь идет о бунте экипажа. Нилов, недолго думая, арестовал кое-кого из зачинщиков (известно, к сожалению, только имя камчадала Сидора Красильникова). Но и это не помогло – народ полностью вышел из повиновения. Вот тогда-то Федота Холодилова, тотемского купца, не состоявшегося полновластного хозяина пушных промыслов Великого океана, хватил удар.

Беньевский с азартом следил за тем, как развиваются собы-

тия, и умело подливал масло в огонь, потому что у него самого появились вместе с этими бунтарями новые надежды на бегство из ссылки – теперь уже не на морской байдаре, а на промысловом боте «Святой Михаил», если только удастся его отремонтировать.

Но как убедить пойти в вояж на полуразбитом боте людей, которые и бунтуют-то из-за того, чтобы не идти на нем в плавание?

Беньевский знал средство. Позже, побывав на Камчатке, Василия Берх узнает о нем от очевидцев – жителей Большерецка.

«Время уже объяснить средство, которое употребил Беньевский и Хрущев склонить в свою пользу такое большое число людей. Они уверили всех, что недалеко от Камчатки лежит остров, изобилующий золотом до такой степени, что легко нагрузить оным весь корабль. «Мы, говорили они, прибудем туда в короткое плавание, наполним галиот наш золотом, и тех, кои не пожелают следовать с нами в Европу, высадим опять на Камчатские берега». Золото – пагубный, но необходимый металл, соблазнивший в разные времена миллионы людей – произвело и при сем случае настоящее действие. Все поклялись хранить тайну и плыть вместе с Беньевским за золотом».

Если слово «золото» заменить на «пушнина», то все встанет на свои места, и мы поймем, о чем идет речь – конечно же, о Земле Штеллера. И кого нужно было уговаривать, если все промышленные с холодиловского «Михаила» потому и прибыли сюда из Тотьмы и Суздаля, Вологды и Архангельска, чтобы составить здесь себе состояние именно на промыслах, и готовы были идти хоть к черту на кулички, лишь бы только не впускую, а тут – к Земле Штеллера, слухи о которой пьянили и не такие головы...

И еще одна выдержка из очерков В. Берха (из «Хронологической истории...», стр. 38):

«Почтенный, именитый гражданин города Соликамска Иван Саввич Лапин, коему читал я тетради сии, и обязан за многие материалы и пополнения, рассказывал мне следующее. Гаврило Пушкарев, умный козак, плававший в 1741 году с Берингом и

зимовавший по разбитии судна на Беринговом острове, утверждал, что к югу от него должен непременно находиться остров. Бобры и коты, продолжал он, проведя лето при Беринговом и близ него лежащих островах, удаляются на зиму к югу; известно, что они не пристают ни к Камчатке, ни же к Курильским островам; и так где они проводят зимнее время? Пушкарев твердил многократно Лапину и Трапезникову: велите прежде отыскать те острова, где зимуют коты и бобры, тогда будет у вас успешный лов».

«Но, – как пишет уже А. Сгибнев о Большерецком бунте, – по осмотре этого судна (холодиловского “Михаила”. – С. В.) штурманом Чуриным, оно оказалось ненадежным для дальнейшего плавания, от долгого стояния на берегу, и требовало капитальных исправлений...» (Его исправили и в следующем 1772 году бот «Святой Михаил» повел к берегам Америки, кто бы вы думали, – тотемский крестьянин Дмитрий Брагин.)

Так что рушилась новая надежда, и мысли снова возвращались к плану бегства на морской байдаре. Но в заговор уже втянуто столько людей – какая байдара выдержит. А стоит одному обиженному проговориться...

2.

Дело зашло уже слишком далеко, чтобы отступить. От Алексея Устюжанинова из Нижнекамчатска не было никаких обнадеживающих (да и не обнадеживающих тоже) вестей. Нужно было на что-то решаться, тем более что слухи о заговоре ссыльных начали расплзаться по острогу, и только беспробудное пьянство Нилова и его компании спасало заговорщиков от ареста.

И оставался единственный выход – захватить казенное судно, оснастить его и уйти в море...

Но захват галиота – это уже не самовольный поход к Земле Штеллера (когда победителя не судят!), а государственное преступление, караемое по первому разряду – четвертованием. И уже не уверишь промышленников, что затеянное принесет им состояние, ради которого они и отправлялись из родных мест на

край земли. Не уверишь, потому что с потерей родины, теряется и смысл этого самого богатства... Ведь только у Чулошников в Тотьме оставалось восемь детей!

Каким же образом Беньевскому и его единомышленникам удастся все же поднять этих людей на бунт и заставить решиться на разрыв с Родиной?

И ответ на этот вопрос, я полагаю, является главным для понимания сущности, исторического значения Большерецкого бунта, той политической основы, которая оказалась определяющей для формирования экипажа мятежного галиота.

Вы никогда не задумывались, почему это в середине XVIII века срывались вдруг с Русского Севера купцы, набирали артели из посадского люда и крестьян (благо на Севере не было крепостного права) за тысячи верст от Камчатки и добирались – хотя это и стоило невероятного труда и немалых денег – до побережья Охотского моря, строили суденьшки, и теперь уже на них преодолевали немыслимые просторы самого свирепого в мире – и как в насмешку названного Тихим – Великого океана и добирались до Алеутских островов и берегов Америки. А ведь совсем рядом – Белое море, не так давно отвоеванная Балтика – по которым испокон веков ходили новгородцы и их потомки – поморы для торговли с заморскими странами – «из варяг в греки», а тут вдруг Камчатка, Тихий океан, Америка... А дело простое – Петр Великий в угоду развития порта Санкт-Петербурга именным указом велел прекратить всякую торговлю через Архангельск Белым морем и разорил цвет русского купечества в Поморье, на исконных русских торговых путях, перекрестке всех частей света. И не от хорошей жизни устремлялись за «золотым руном» русские люди куда-то на край земли.

А что сулило возвращение домой тем же холодиловским промышленникам, если за три года, что держал Федот в Охотске свой бот, произдержались люди и впали в неоплатные долги тому же Холодилову, который снабжал их провиантом и одеждой под будущую пушнину.

«Тридцать три человека, – читаем мы в “Объявлении”, написанном Ипполитом Степановым, – можно сказать, цвет людей промышленных погибли, имели законные претензии возмечь

их контракт и дела: их найдете во всех законах правыми, но по силе компанейщика три года принуждены работать на него без платы».

И все законы Российской империи оборачиваются против них. Потребовали свое – бунт! Не подчинились – арест!! Отказались от долгов – повесили на шею еще и ссуду в пять тысяч к тем двум, что Холодилов брал в Охотске – якобы на их содержание. И тут еще последняя напасть – Холодилов дуба дал.

Вот и получается, что у промышленников с «Михаила» положение было самое аховое – безвыходное. Ни один промышленник с «Петра и Павла» не пристал ведь к бунтарям – потому что у них-то был выбор.

И вот в такой ситуации, когда настроение самое мрачное, к промышленникам приходят ссыльные Беньевский, Степанов, Панов, Хрущов и объясняют им, что все происходящее с промышленниками – следствие незаконного правления немки Екатерины, убившей своего мужа законного императора Петра III и разделившей супружеское ложе и трон с убийцами, что плевать она хотела на русский народ и его беды и обиды, его горе и нищету, что она заступница только за тех, кто имеет власть и деньги.

Все это есть в «Объявлении» Исполнителя Степанова. И полагаю, что именно он был главным идеологом Большерецкого бунта – об этом говорит и составленный им документ, под которым поставили подписи все (за исключением только одного) бунтари.

Это одна сторона медали.

А вот и другая – раскрывающая главный движущий мотив бунта – то, ради чего собственно и прочищались мозги промышленников. А тут первую скрипку вел, безо всяких сомнений, сам Беньевский – великий авантюрист Бейпоск.

В 1865 году в «Русском архиве» появилась «Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге», написанная неким К. Победоносцевым (не тем ли самым, что позже раскинул «два своих крыла» над Россией в годы реакции, как писал А. Блок). И вот что писал Победоносцев:

«Простым людям они (ссыльные. – С. В.) внушали, что Бениовский и привезенные с ним арестанты страждут невин-

но за в.к. Павла Петровича. Бениовский в особенности показывал какой то зеленый бархатный конверт, будто бы за печатью его высочества с письмом к императору Римскому о желании вступить в брак с его дочерью и утверждал, что будучи сослан за сие тайное посольство, он однако ж умел сохранить у себя столь драгоценный залог высочайшей к нему доверенности, который и должен непременно доставить по назначению».

И далее (это уже Сгибнев): «Главные зачинщики бунта несколько не стеснялись в своих разговорах присутствием лиц, не участвовавших в заговоре. Купец Казаринов, боцман Серогородский, сержант Данилов и казак Черных на следствии показали, что Винблан, Батурин, Степанов и Панов рассуждали на палубе о том, каким бы образом освободить жителей Камчатки от грабительства и жестокостей местного начальства. Винблан говорил, что в испанских колониях встречается крайний недостаток в рабочих руках и что им следует озаботиться присылкою оттуда в Камчатку одного большого фрегата с бригам, могущим входить во все камчатские гавани, затем забрать всех жителей и доставить их на принадлежащие Испании острова, где они будут пользоваться полною свободой и всеми удобствами в жизни. По его же словам, фрегат мог бы остановиться, в ожидании переселенцев, в Петропавловской гавани и получить с судна “Св. Петр” самые подробные карты заливов и бухт камчатского побережья. Рассказы эти, как мы увидим ниже, сильно встревожили сибирское начальство».

3.

И не без основания. Ибо на Камчатке были наслышаны уже об одном из таких островов Справедливости.

Возможно, мы бы с вами и не коснулись этой истории – так как она несколько выпадает из темы нашего повествования, но среди экипажа промыслового бота «Святой Михаил» был камчадал Яков Кузнецов, и только его присутствие, на мой взгляд, может объяснить, почему среди экипажа мятежного галиота оказались камчадалы и коряки, которые, кстати, шли в море не

зарабатывать, а подневольно, по договоренности купца с тойоном – в замен ясака, и для которых все эти рассуждения о престолонаследии и царях были настолько далеки, что вряд ли мне удалось бы доказать вам, что и камчадал Кузнецов, и коряк Брехов были одинаково озадачены мыслью свергнуть незаконное правительство Екатерины и возвести на престол Павла Петровича. Не было им никакого дела до абстрактной Екатерины и столь же нереального Павла, но вот острова Справедливости...

...Яков Кузнецов был из Камаковского острожка. Других совпадений быть не может – тойон (вождь) Пеучева острога (или Шванолом) Камак был крещен Иоасафом Хотунцевским и по крещении получил новое христианское имя от своего крестного отца-казака – стал Степаном Алексеевичем Кузнецовым.

Имя вождя Камака в последний раз прогремело на Камчатке в 1746 году, когда отважный абориген примкнул к заговору против насильников-миссионеров, объединившему коряков, камчадалов и чукчей.

Заговор инородцев был раскрыт и бунт подавлен, не успев разгореться, но имя расстрелянного вождя-бунтаря навсегда осталось в названии его родового острога Камаки, откуда был родом и наш Яков Кузнецов.

Двух таких совпадений быть не может.

Заговор же был раскрыт по двум причинам. Во-первых, нашелся осведомитель среди самих заговорщиков – камчадал Орлик, и он сообщил архимандриту Камчатскому – Иоасафу Хотунцевскому, возглавлявшего миссию, и нижекамчатскому приказчику Осипу Расторгуеву планы бунтовщиков по захвату Нижнекамчатского острога и расправе с духовным и гражданским начальством. А во-вторых, в Нижнекамчатск пришли с повинной... руководители восстания – камчадалы, родные братья, Алексей и Иван Лазуковы.

Никто еще из историков не задумывался серьезно о причинах, побудивших Лазуковых выйти из боя и подставить под удар других – ведь расправа с заговорщиками была жестокой. На этом фоне предательства странным и даже кощунственным предстает уже последующий поступок одного из братьев – Алексея, – который пытается взять всю вину на одного себя – холо-

стого и бездетного, чтобы спасти брата, у которого была семья. Станным и кощунственным в сравнении с тем, что недавно еще ими обоими были брошены на произвол судьбы сотни семей их товарищей, а тут борьба за одну, потому что это касается родного брата.

И не сходились здесь концы с концами: трусость, как это оценено всеми и по сей день, предательство и мужество, благородство в одном и том же лице.

Зная при этом, что камчадалы относятся к смерти очень спокойно, согласно своей религии, и всегда предпочитают ее принять в открытом бою, а не отдать свое тело для физического истязания, что равносильно для них бесчестию, я еще больше усомнился в предательстве Алексея Лазукова и попытался найти ответ в документах тех лет. Увы, они ничего мне не подсказали: полные и точные ответы Лазукова на поставленные следствием вопросы, абсолютное признание своей собственной вины, вины своих товарищей, убивших сборщиков ясака, названы все имена руководителей заговора, в том числе и Камака, раскрыт план предполагаемых действий заговорщиков...

Что это – искреннее осознание своей вины. Перед кем – насильником Хотунцевским, который вбивал православие в непокорных кнутами, пытал железом за идолопоклонничество, вздиргал за отказ изменить старой отцовской вере... Нет, как лед и пламень, несовместимы трусость и благородство, мужество и предательство... Они отторгаются друг от друга, как живая плоть от мертвой...

Нет, видно не судьба, думал я, проникнуть в тайну, которой четверть тысячелетия. Но позже нашлись документы, подтверждающие, что я был все-таки прав в своих сомнениях. Так родился художественный очерк «Толмач со «Святаго Петра»», который вошел в мою книгу «Потомки остроклювого Бога (Камчадалы)».

Алексей Лазуков был не камчадалом – «камчугой», то есть его мать была из другого племени, скорее всего, чукчанкой, почему Алексей в совершенстве владел чукотским языком. В свое время Лазуков помогал в работе будущему российскому академику Степану Петровичу Крашенинникову и тот весьма похвально о нем отзывался. Но это к слову.

А вот и главное – Алексей Лазуков был толмачом на пакетботе «Святой Петр» Витуса Беринга и ходил с ним к берегам Америки, переживал вместе со всеми все тяготы того морского похода. Более того – и Георг Стеллер, и Свен Ваксель, оставшийся за руководителя после смерти Беринга (и особенно много последний), писали впоследствии об огромном мужестве и высочайшем благородстве своего толмача, который приходил на помощь своим товарищам по несчастью и поддерживал в минуты слабости даже русских морских офицеров. Только трое или четверо членов экипажа – Алексей Лазуков и камчатские казаки – были в состоянии держаться на ногах, когда мореплавателей принял на зимовку этот нелюдимый необитаемый остров, вобравший в себя прах капитана-командора, – и они спасли остальных.

А потом здесь, на необитаемом тихоокеанском острове, был принят закон Командорского братства – чтобы выжить в суровых условиях, выстоять, победить и вернуться живыми, решено было жить единой семьей – отказавшись от чинов, сословий и привилегий. И они жили здесь, пусть и короткое время, как родные братья.

И вот только тогда все встает на свои места: Лазуков, ослепленный яростью за надругательства над верой своего народа и бесчинства камчатских казаков и русского начальства, возглавляет бунт и начинает боевые действия против русских отрядов по сбору ясака, а потом вдруг идет в Нижнекамчатск – жертвуя самым дорогим, что только у него есть – родным братом, ради того, чтобы остановить кровопролитие, ибо для него, Алексея Лазукова, братья были с обеих враждующих сторон, и он оказался не в состоянии выбрать между ними.

Рассказ же Лазукова об острове Справедливости был, конечно же, хорошо известен его другу – тойону острожка Шванолом Камаку, а через него и сыну вождя – Якову Кузнецову.

4.

Но был еще один остров Справедливости, о котором могли знать заговорщики. Нигде в исторической литературе я не на-

шел подтверждения этой версии, но, тем не менее, она имеет право на существование и существует уже как художественный вымысел в книге Н. Смирнова «Государство Солнце».

Да-да, Государство Солнце, выдуманное великим социалистом-утопистом Томмазо Кампанелла, но расположенное им на реально существующем острове Тапробана, как в старину называли Цейлон.

Могли ли русские в 1771 году слышать что-нибудь об этом острове, если книга Кампанеллы – «Город Солнца» – на русском языке впервые была опубликована только в 1906 году? Могли – потому что еще в 1623 году во Франкфурте она вышла на латинском языке, а в 1637 – в Париже, на французском... К 1771 году были изданы книги на английском и немецком языках.

То есть русская аристократия могла что-либо знать, слышать или даже читать Кампанеллу или Томаса Мора – его «Утопию», – где, кстати, тоже упоминается о Тапробане. Тот же Степанов или Панов, тот же Хрущов, у которого, по утверждению многих историков, была на Камчатке прекрасная библиотека.

По крайней мере, есть твердая уверенность, что Беньевский знал эту книгу, и кое-что из нее было даже использовано впоследствии его преемником на королевском престоле острова Мадагаскар королем Андрианампуйнимерина (1787–1810), создателем трудовых общин – фукунулан, и единого государства, в основе которого также лежал этот принцип общины.

Так что Беньевский мог знать о Тапробане и до Камчатки. Мог иметь и саму книгу – ведь, как выяснилось на следствии, Беньевского прекрасно встречали в самых богатых домах Сибири и с ним вели светские и прочие беседы самые высокие особы генерал-губернаторства, люди нередко высокообразованные и не всегда, как принято думать, консервативные (стоит вспомнить, например, генерал-губернатора Сибири в 1757–1763 годах, известного государственного деятеля России и ученого – историка, географа, экономиста – Федора Ивановича Соймонова).

Мог, конечно, Беньевский этой книги и не иметь – в этом-то как раз ничего удивительного бы и не было. Он сам прекрасно владел русским языком и мог пересказать, достаточно живописно и подробно, с учетом психологии своих слушателей, эту пер-

вую сказку о коммунизме. А остров ничего не стоило показать – у Хрущева была великолепно иллюстрированная книга путешествий лорда Ансона, где были и карты...

И все-таки книга могла быть. Именно на латыни.

Тогда для меня становится понятным поступок сына священника, примкнувшего к заговору. Нет, речь идет не о подростке – несмышленье Иване Устюжанинове, который пошел за Беневским уж если не как за отцом, арестованном в Нижнекамчатске протоиереем Никифоровым, то как за старшим братом. Речь идет об Иване Логинове, юнге с мятежного галиота «Святой Петр».

Что мы знаем об этом молодом человеке, сыне Петра Михайловича Логинова, родившегося в Большерецком остроге после 1749 года, так как в тот год у священника появился первенец – Герасим. Единственное, что он пошел на промысел морского зверя в артели купца Федота Холодилова на «Святом Михаиле».

Дети камчатских священников, как правило, продолжали дело своих отцов – и Логиновы, как мы увидим в дальнейшем, в этом не были исключением. При одном, правда, условии – при наличии вакансий. То есть и Иван мог стать священнослужителем, а мог им и не стать.

Ну, а промыслы-то к чему? Опасный вояж, тяжелые условия промысловой жизни, скорбунт, голод – морская корова, которая так хорошо выручала зверобоев в прежние вояжи, была уже съедена, как не пытался ее защитить горный мастер Петр Яковлев, тот самый, что искал басовскую медь... А то еще нападение воинственных алеутов, конягов, индейцев...

Вот как сами бунтари оценивали тяготы промысловой деятельности в своем «Объявлении»:

«Каково есть российское купечество, помышляет что о не своих интересах, а об обществе понятия не имеют. Они вошли в сии промыслы, заманивают в России народ, дают им деньги для делания судов, и за то берут половину промысла. А за другую половину промысла задают на одежду и на обувь их товаров, полагая против обыкновенного двойную цену. И подписывают бобрами по самой низкой цене и по той притчине

реткой промышленной, сходя один раз в вояж возвратится может в Отечество свое, а все принуждены ходить раза по три, а каждый вояж не меньше пяти лет, но большая часть и в Камчатку не выходят...»

Так зачем все это нужно было сыну священника?

Именно потому, что он был Логиновым. Отец, который наиболее полно раскрылся в бунте против Извекова, готовил его к жизни, основываясь на своих собственных принципах и суждениях, воспитывая способность принимать близко к сердцу боли и страдания людей, пройти через трудности, как и он сам в своей жизни, и сохранить уважение к мужеству и стойкости, силе духа и душевной доброте простых людей, с кем придется делить поровну радости и горе, беды и нужду...

А может быть, и не был Иван Логинов сыном Петра Михайловича? Тем более мы знаем уже одного из его сыновей – и тоже Ивана по событиям в Тигиле и Нижнекамчатске.

Нужно признаться, что и для меня самого это не до конца решенный вопрос. И не потому, что получается два Ивана в семье. Были случаи, что и по трое Иванов было среди родных братьев – и ничего не поделаешь, если так много святых Иоаннов, приходящихся на дни рождения. И Василиев порой было несколько в одной семье, так что тут как раз нет ничего удивительного.

Удивительное в другом – ни в одном архивном документе я не нашел записи о местожительстве промышленника Ивана Логинова. У всех есть – а у него нет.

Весьма странно. Только в книге Н. Смирнова «Государство Солнца» мы встречаем, что Логинов – «большерецкий житель». Правда, в книге действуют два брата Логиновых, что противоречит фактам. Но в остальном, надо признать, кроме главного – вымышленного – героя, Смирнов не выдумывал – писал на основе мемуаров Бенъевского, а также каких-то исторических документов, многие из которых подтверждаются параллельными историческими исследованиями. Иных же Логиновых, кроме семьи Петра Михайловича, в Большерецке не было.

Есть ли у нас еще какие-либо доказательства?

На судне было несколько юнг – Иван Устюжанинов, Иван

Логинов, Иван Попов и алеут Захар Попов – самые молодые члены экипажа. Историю Ивана Устюжанинова мы знаем. Причина появления малолетнего алеута на промысловом судне – тоже достаточно объяснима. Что касается Ивана Попова, то это – «однодворец» и «подушный плательщик» («Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге», «Русский архив», М., 1865, стр.658) из Большерецкого острога, а не промышленник со «Святого Михаила» – то есть это мальчишка из камчатской крестьянской семьи, примкнувший к бунтарям уже после того, как была захвачена Большерецкая канцелярия. И, может быть, примкнувший к бунтарям не без помощи того же Логинова, с которым они могли и расти вместе: почему нет – с 1741 по 1753 год, то есть в течение 12 лет, несколько семей камчатских крестьян, государственных крепостных из Илимского края, переселенных насильно, безуспешно занимались хлебопашеством в окрестностях Большерецкого острога, потом часть их переселили в долину реки Камчатки, а остальных оставили в покое – живите, как хотите.

Так что одним из доказательств камчатского происхождения Логинова может служить его молодость. Тысячи верст разделяли полуостров и Русский Север, откуда черпали купцы главные свои промысловые силы для освоения тихоокеанских островов и американских берегов. И такой путь, понятно, был не по силам безусым юнцам, а только людям закаленным, выносливым, опытным... Да и какой купец рискнул бы взять на такое серьезное и трудное дело мальчишек.

И последнее – но почему тогда в истории Камчатки не сохранилось никаких сведений о том, что сын Петра Михайловича бежал с Камчатки вместе с Беньевским (в то время, как о сыне Устюжанинове самые подробные сведения вплоть до его возвращения в Россию)?

Действительно?

Ответ может быть такой – воспользовавшись тем, что Логинов проходит по бумагам как промышленник, удастся скрыть его действительное происхождение и не поставить под удар семью, которая самым жесточайшим образом пострадала уже от Беньевского:

«В Большерецке 11 апреля сего (1771. – С. В.) года умер священник Петр Логинов и для погребения его Нилов, по внушению Бениовского, потребовал из Нижнекамчатска именно Устюжанинова. (В семейном предании Логиновых остается мысль, что смерть заболевшего священника Логинова была ускорена Бениовским чрез дачу какого-то порошка. Она нужна была Бениовскому для того, чтоб иметь предлог вызвать в Большерецк для отпевания Логинова священника Устюжанинова.)».

А может быть, Петра Михайловича тоже пытались привлечь к бунту и он слишком много знал?

По крайней мере, прочесть и перевести на русский с латыни «Город Солнца» мог в Большерецке, кроме самого Беньевского, только один человек – бывший студент Славяно-греко-латинской академии Петр Михайловича Логинов.

А уж вера его-то слову в Большерецке была побольше, чем у десятерых баронов. И мог ли конфедерат попытаться привлечь к бунту отца Петра? Мне кажется, что это было бы даже весьма естественным при том раскладе сил, когда ссыльные заговорщики уже прекрасно отдают себе отчет в том, что без захвата власти в Большерецке бегство с Камчатки попросту невозможно, и не знают еще как обработать простоватых зверобоев, чтобы они не усомнились в своих поступках и не повернули свое оружие против тех, кто их вооружил.

Поэтому Логинов мог знать кое-что. По крайней мере, мог читать «Город Солнца» и сказать, что есть такой остров Тапробана и там немало интересного, чему и нам поучиться не вредно. Например:

«Первосвященник у них сам Солнце, а из должностных лиц священниками являются только высшие; на их обязанности лежит очищать совесть граждан, а весь Город на тайной исповеди, которая принята и у нас, открывает свои прегрешения властям, которые одновременно очищают души, и узнают, каким грехам наиболее подвержен народ. Затем сами священноначальники исповедуют трем верховным правителям и собственные и чужие грехи, обобщая их и никого при этом не называя по имени (чего вероятнее всего и домогался от Логинова в свое время Извеков. – С. В.), а указывая, главным образом на наиболее тяжкие и вред-

ные для государства. Наконец, трое правителей исповедуют эти же грехи вместе со своими собственными самому Солнце, который узнает отсюда, какого рода прегрешениям наиболее подвержен Город, и заботится об искоренении их надлежащими средствами. Он приносит Богу жертвы и молитвы, и прежде всего всенародно исповедует перед Богом грехи всех граждан во храме перед алтарем каждый раз, когда это необходимо для очищения, не называя однако, по имени никого из согрешивших.

<...>

Человек должен быть всецело предан религии и всегда почитать своего Творца. Но это невозможно исполнить подобающим образом и без затруднений никому, кроме того, кто исследует и постигает творения Бога, соблюдает его заповеди и, будучи правильно умудрен в своих действиях помнит: Чего не хочешь самому себе, не делай этого другому, и что вы хотите, чтобы делали люди вам, делайте и вы им. Отсюда следует, что как мы от сыновей и от людей, к которым сами не щедры, требуем уважения и добра, так мы сами гораздо больше должны Богу, от которого все получаем, которому обязаны всем нашим существованием и всюду пребываем в нем».

Все это могло и должно было найти прямой отклик в душе священника-бунтаря.

А если не нашло, то объяснение может быть самое простое – Логинов знал, что сие сочинение – утопия, сказка, выдумка... Что делало его еще более опасным для Беньевского и его товарищей.

И поэтому очень внимательно прочитаем письмо самого Беньевского, написанное им Устюжанинову на следующий день после смерти Петра Михайловича.

*«Священный отец Иерей,
Батюшка Алексей.*

Ваше ко мне письмо с отменною радостью принял только не много увеселения с оногo почувствовал, не находящи писанного будете ли в скорости к нам; мы нетерпеливо ожидаем,

чтобы компания наша весела стала. В прочем себя вашей дружбе уверяю пребуду.

*Милостивейшего приятеля
моего покорнейший слуга и друг
барон Аладар*

12 апреля 1771

Ивашкин не простився с нами уехал, по причине таковой, что Семен Гурьев от меня 3 числа бит за многие его коварства.

Отец Петр оставивший суету на оной свете переставил-ся. Пожалуй, батюшка старайся скорее сюда притти».

Устюжанинову не нужно было ломать голову, чтобы понять все, что стояло за строками письма: Семен Гурьев отказался участвовать в заговоре, если не больше – пытался донести о нем и был бит, а может и предупрежден при этом, что донос отразится на семье – а у Гурьева две малолетние дочери. Не случайно Ивашкин столь поспешно покидает Большерецк после разговора с Гурьевым и уезжает от греха подальше в свой Верхнекамчатск, а может быть, уже пишет свой донос...

И случайна ли в контексте этого постскриптума приписка об отце Петре – как еще об одном устраненном свидетеле – «оставивший суету»?

Но что бы мог предпринять отец Петр, когда он не только духовный отец, но и кровный – а в числе заговорщиков его собственный сын. Донести – и обречь на гибель десятки в общем-то ни в чем не повинных людей. Скрыть...

«Если нельзя вырвать с корнем ложные мнения, если не в силах ты по убеждению души своей излечить давно укоренившиеся пороки, то все-таки не надо из-за этого покидать государство, подобно тому как в бурю не надобно оставлять корабль, хотя и не в силах ты унять ветер».

Нет, это не завещание Петра Михайловича. Это Томас Мор. Его бессмертная «Утопия».

«И не надо никому вдалбливать непривычное и необычное

рассуждение, которое, сам знаешь, не будет иметь никакого веса у тех, кто думает обратное. Но следует тебе пытаться идти окольным путем и стараться по мере сил выполнить все удачно. То же, что не в силах ты обернуть на благо, сделай по крайней мере наименьшим злом. Ибо нельзя устроить, чтобы все было хорошо, раз не все люди хороши; не жду я и того, что это произойдет в течение нескольких лет».

И это «Утопия».

И это:

«Ведь Бог отнял у человека право убивать не только других, но и себя».

И уж не принял ли Петр Михайлович яд из... собственных рук?!

А кому-то, – может быть, даже из собственной семьи – выгодно было представить все это по-другому.

Как знать? Много вопросов. Много неясностей. Ничего здесь нельзя утверждать наверняка.

5.

Как и о книге «Государство Солнца». Но обратите внимание насколько близки суждения этой книги и тех выдержек, что мы приводили из бунтарского «Объявления».

«...крайняя нищета делает людей негодьями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство – надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д.»...

«Должностные лица сменяются по воле народа».

«У них столько же должностных лиц, сколько мы насчитываем добродетелей».

«Все сверстники называют друг друга братьями».

«Самым гнусным пороком считают они гордость и надменные поступки подвергаются жесточайшему презрению».

«Всего у них в изобилии, потому что каждый стремится быть первым в работе, которая и невелика и плодотворна, а сами они очень способны. Тот, кто главенствует над другими

в каком-нибудь... занятии, называется у них царем; и они говорят, что это наименование присуще именно таким людям, а не невеждам».

Связь чувствуется. Тапробана играла какую-то свою роль в этой сложной большевецкой истории.

Но вот если сам Бенъевский и играл на вере людей в остров Справедливости и извлекал из этой веры ощутимый доход в сугубо личных и сугубо корыстных целях, то Ипполит Степанов верил в этот, или какой-то другой реальный остров реального человеческого счастья для этих людей, верил искренне и глубоко. У нас еще будет возможность в этом убедиться.

А пока предоставим слово первому русскому писателю в Сибири, участнику Большевецкого бунта, «шельмованному» камчатскому казаку, канцеляристу Ивану Рюмину, оставившего дневниковые записи того удивительного вояжа, которые были впервые обнаружены и опубликованы неутомимым Василием Николаевичем Берхом в «Северном архиве» за 1822 год, а затем были изданы отдельной книгой в типографии Н. Греча, который в то время еще был в приятельских отношениях с двумя друзьями – Кондратием Рылеевым и Владимиром Штейнгелем.

О чем эти записи? Рюмин поясняет:

«Описание о разбитии Российского города, состоящего в Камчатской земле, называемого Большевецк, и о убитии тамошнего Камчатского главного Командира и о взятии находящейся тамо Канцелярии и в ней Государственной денежной и ясашной казны, мягкой рухляди, также артиллерии с ее припасы, пороху, пушек и прочих воинских снарядов и других материалов. И о забрании в то время в полон нескольких разных чинов людей, находившимся тогда в Большевецке с присланными в ссылку на житье, Польскими мятежниками и бродягами: Венгерцом Бейпоском и Шведом Винландом, також и Российскими бывшими Капитанами, Ипполитом Степановым и Васильем Пановым, да бывшим же Полковником Асафом Бутурлиным, и бывшим же Петром Хрущевым, крестьянином Григорьем Кузнецовым, и прочими их согласниками: Охотского порта штурманом Максимом Чуриным, да бывшего купца Федора Холодилова нанятого к следованию в морской вояж на его суд-

не на Алеутские острова, для ловли зверей работными людьми и их прикащиком, Тотемским посадским Алексеем Чулошниковым. И по учинении того отбытия сих всех злодеев из Большерецка на поромах, по Большой реке, к состоящей близ моря, так называемой Ченявинской (опечатка – Чекавинской. – С. В.) гавани, и о взятии состоящего тамо, а прибывшего из Охотского порта, казенного судна галиота, именуемого “С. Петр”. И о отправлении ж на том со всеми людьми в море, и по выходе в море о бывших на разных островах и в разных городах и Европе, и что тамо происходило, також и какие на островах люди жительство имеют, и чем изобилствуют, и где сколько времени судном стояли и что видели, и о прочем происхождении, даже до прибытия до острова Португальского Маккао, а оттоль о следовании ж на французских фрегатах Дофине и ДелаВерди до французских городов, Мориции и Иллуриана, и о прочем; сочинено с собственных записок Ивана Рюмина в городе французского владения, в порт Луи, что в малой Британии. В 1773 году февраля 14 дня».

6.

Беньевский прекрасно понимал, что все его выдумки об острове Справедливости могут в один прекрасный день лопнуть, как мыльный пузырь. Поэтому необходимо было воспользоваться ситуацией, когда эмоциональный накал бунта будоражит сознание и до отрезвления, через горькое и жуткое похмелье, еще далеко.

И он делает все возможное, чтобы поставить всех этих людей, связанных с ним общей идеей заговора, вне закона.

И вот уже казалось бы все позади – в ночь с 26 на 27 апреля бунтари захватили Большерецкую канцелярию, убили командира Камчатки капитана Нилова, а всех, кто оказал какое-либо сопротивление, арестовали... То есть было совершено государственное преступление...

Но этого Беньевскому мало – он подозревает, что в душах россиян еще найдется местечко для покаянных мыслей. И тогда 28 апреля 1771 года он велит «отворить в церкви царские воро-

та, вынести из алтаря крест и Евангелие и привести к присяге своих соучастников на верность государю Павлу Петровичу» (Стибнев). Вот зачем так нужен был Беньевскому священник.

Необходима была клятва. И ее дают все... за исключением одного человека.

11 мая перед самым выходом в море было зачитано и отправлено Екатерине написанное Ипполитом Степановым «Объявление», которое также подписали все... кроме одного человека. Беньевский сжигал за спинами своих товарищей все мосты для возможного возвращения на родину, ибо у него на их счет были большие планы впереди.

Но кто же был этот человек, противопоставивший себя всем остальным, и не принявший присяги, не подписавший «Объявление». Петр Хрущов, самый близкий и доверенный человек Беньевского, который, в отличие от остальных, знал все – всю правду и неправду. И потому он не давал липовой клятвы Павлу Петровичу и не подписывал степановского «Объявления».

Мало того – он насильно увез с Камчатки, якобы за долги, двух рабов – камчадалов Паранчиных, мужа и жену. Беньевский признал право Хрущова на этих людей, хотя они и уверяли, что ничего не должны Хрущову, а тот не привел в доказательство никаких свидетельств своих прав... Да и сам факт вопиющ – в борьбе за всеобщее счастье камчадалов, те же камчадалы вывозятся как рабы?! То есть у Хрущова было подчеркнуто привилегированное положение среди бунтарей, и те не посмели возразить ему. По крайней мере, никто из экипажа мятежного галиота не сказал ни слова против.

Правда, Паранчины – и не исключение. На галиоте, среди членов экипажа, были и такие, которые попали на судно как заложники, а потом их силой заставили присягать Павлу Петровичу и подписать вместе со всеми «Объявление» императрице о беззакониях в России – это был канцелярский секретарь Нилова Спиридон Судейкин и, возможно автор «Записок» – шельмованный казак Иван Рюмин.

Но основная часть экипажа искренне верила Бейпоску. Верили ему и остальные ссыльные, даже швед Винбланд. Верил ему и Ипполит Степанов.

«...мы выбрали себе в предводительство достойного человека барона Морица, который отечеству нашему заслугу показать имеет, и как он, так и желающие законному нашему Государю его императорскому величеству Павлу Петровичу присягу учинили и отправиться намерены, куда предводителю нашему разсудится, взяв судно казенное, денег, провину, поружейных припасов, которые заплачены быть имеют...

...все мы единственно и на всякое время усердны нашему Отечеству и законному нашему Государю, его императорскому величеству Павлу Петровичу и покажем ему единому свою подданнейшую должность и вернейшую заслугу, а Бог всемогущий, он единый правду хранит, и защищает сына его всевышнего мать... Виват и слава Павлу Первому, россиян обладателю. Ему прямо люди усердны и в отдаленных местах, а не беззаконному владению, равно и против его Величества нашего всемилостивейшего Государя, ухищренных замыслы которых нам известны. Всевышнего рукой изринут будет да защитит его своей милостью, и не подвергнет в рабство иноверным наше Отечество. Спасая Бог его спасает и подданных невидимым промыслом, а мы желаем соотечественникам нашим всякого добра, а сказать может прямо, что подлинно у беспорядка народ удручен, и чрез то ...имеючи случаи узнаючи прямую волюность ...своего спасения, и не пропустить. Понеже служащие люди ...содержатся в начальников нежели на каторге».

Первой под «Объявлением» стоит подпись Ипполита Степанова.

Глава пятая

1.

Среди участников Большерецкого бунта историки называют и небезызвестного нам уже Ивана Саввича Лапина, путая его фамилию с фамилией ссыльного матроса со «Святого Петра» Василия Ляпина.

У Лапина была другая судьба, хотя в той драматической ситуации, начавшейся с момента гибели «Иоанна» и «Святого

Петра», а также походом на Лисьи острова остальных его судов, Ивану Саввичу хоть в прорубь головой.

Но уже с 1764 года фортуна выбрала именно его в свои любимчики. В тот год из стольного Петербурга в «стольный» же Охотск пришло срочное распоряжение о «присылке» одного из купцов с докладом императрице о промысловой деятельности россиян в Восточном море. К собственному счастью и счастьем своих компаньонов, в Охотске в это время находился только великоустюжский купец Василий Иванович Шилов. Он-то и отбыл к императрице, которая была «весьма довольна ответами» купца, хотя тот сам лично не принимал участие ни в одном плавании и островов этих и в глаза не видывал. Но Шилов представил карту Алеутских островов, выполненную охотскими и нижнекамчатскими умельцами, на которой с тщательностью «великой» были выписаны острова от Беринга до Амли включительно.

Отмечая заслуги русских купцов в освоении Алеутских островов, 12 апреля 1767 года Екатерина издает указ:

«Великоустюжского купца Василия Иванова сына Шилова, да Соликамского купца Ивана Липина за усердие их и ревность о взыскании за Камчаткою новых островов, Всемилостивейше увольняем Мы от гражданских служб».

И при этом пишет еще записку управляющему Кабинетом Олсуфьеву (с которым в свое учился в Пажеском корпусе «обер-курьер кабинета Петра III» Иоасаф Батурин):

«Адам Васильевич!

Дайте из Кабинета Великоустюжскому купцу Василью Иванову сыну Шиллову, да Соликамскому купцу Ивану Липину, за усердие их о взыскании за Камчаткою новых островов, каждому по золотой медали ...а как Липина здесь нет, то для отдачи ему, отдайте оную Шиллову».

Василий Николаевич Берх видел эту медаль: «величины оной обыкновенная; но вокруг сделана серебряная осьть, которая имеет издали вид бриллиантов. Носить велено было оныя на груди с бантом из Андреевской ленты».

Иван Саввич получил свою медаль даже раньше, чем Никифор Трапезников – тот, в числе других «отличнейших Американских компаньонов» получил ее в тот год, когда уже был

полностью разорен, и когда над Великим океаном и Русской Америкой восходила новая звезда невиданной еще величины – звезда Григория Шелихова.

2.

Мы уже говорили о том, что в 1772 году холодиловский «Святой Михаил» все же уйдет на Алеутские острова. И поведет его Дмитрий Брагин, тотемский крестьянин, который окажется в Большерецком остроге в ту злополучную весну 1771 года. В Большерецке были в тот год и другие участники событий на Лисьих островах .

Случайно?

Вовсе даже нет – после гибели «Троицы» и возвращения на Камчатку Иван Коровин ушел передовщиком на судне тотемских купцов Пановых (по другой версии – это последнее судно Трапезникова) «Петре и Павле», с ним пошли и тотемцы Дмитрий Брагин и Степан Корелин, а также устюжанин Иван Кокорин.

Нет, они не пошли на Лисьи острова – в июле 1768 года на острове Атту взяли толмача, а затем пошли дальше на восток и 3 августа пристали к острову Аях.

Здесь, на неизвестных еще русским промышленникам островах Сагаугах, Алгахах, Кавалга, Укачалга, Иляка (Оляк), Аматыгнах, поддерживая самые дружеские отношения с местными жителями и, скорее всего, не помышляя о строительстве новой крепости, вели промысел до апреля 1770 года и в августе этого же года доставили в Охотск богатый груз пушнины – только бобровых шкур было на судне 4 524...

А зимой 1771 года экипаж «Петра и Павла» оказался в Большерецке. И не потому ли так «гнал лошадей» Федот Холодилов, что спешил прийти туда не только раньше лапинского «Павла», но и раньше «Петра и Павла», который вдруг, ни с того, ни с сего, зазимовал не на ближайших промысловых островах – Курильских или Командорских, как обычно это делали промышленники, чтобы не терять промысловое время, а в Большерецке. Возможно. Ведь были и здесь у него свои люди.

На следствии по делу о Большерецком бунте выяснилась одна весьма любопытная деталь: 26 апреля 1771 года на судно «Петр и Павел» пришел будущий юнга Бенъевского алеут Захар Попов. Промышленники с «Михаила» передавали через него приказчикам Холодилова на «Петре и Павле» Арсентию Кузнецову и Степану Торговкину, а также передовщику Ивану Коровину, что их всех троих прирежут, и при этом, как передавал словоохотливый алеут, грозили ножами.

У каждого из троих екнуло сердце – они знали, что угрозы эти были нешуточными. Видно было за что. Быстро одевшись и захватив с собой мальчишку-алеута, побежали к командиру Камчатки капитану Григорию Нилову искать защиты. Тот выслушал, – и не внял, чего же собственно от него хотят и за что собираются прирезать – кстати, и в следственных материалах причина угроз промышленников с «Михаила» объяснена столь невнятно (видно, не все можно было говорить вслух), что я нисколько не удивляюсь, почему полупьяный Нилов не смог разобраться, в чем тут дело, и приказал подать ему письменное доношение...

Роль Арсентия Кузнецова, а особенно Степана Торговкина, приказчиков ненавистного Холодилова, в большерецкой истории ясна – им попросту отводилась роль громоотвода, когда другой приказчик – Алексей Чулошников – восстал против своего хозяина.

А причем здесь Иван Коровин? Передовщик с другого судна. Какое он-то мог иметь отношение к заговорщикам и вызывать столь единодушную и горячую ненависть.

Не знаю. В архиве об этом – ни гу-гу. Сам Коровин ничего толком следствию не пояснил. Но, когда в поисках реальной защиты, эта троица после встречи с Ниловым пришла в дом священника Логинова, то надежнее всех спрятали именно Коровина – в... печи! Ни Торговкина – олицетворение зла после смерти хозяина. Ни Кузнецова – второго приказчика. А Коровина!?

27 апреля – это день начала бунта. И промышленники с «Михаила» собирались разделаться с троицей по-настоящему. Они узнали, что Торговкин, Кузнецов и Коровин прячутся в

доме Логинова, но зайти туда без разрешения хозяйки не решились и ушли, оставив караул.

Из печи Коровин перебрался в подполье к остальным, и здесь они просидели до ночи, а потом, их вывели к речке и увезли на батах от греха подальше – верховья реки Большой, где они и отсиживались, пока промышленники не ушли с Бенъевским на мятежном галиоте.

Странная история. И не является ли ее логическим завершением тот факт, что передовщиком, то есть организатором промыслов, на «Михаиле» идет в 1772 году Дмитрий Брагин, а компанию возглавляет племянник Федота А. Холодилов.

В тот же год уходит в очередное плавание «Петр и Павел». Но меркнет, меркнет звезда Холодилова...

А «счастливейший из сибирских аргонавтов» встречал свои суда. В 1772 году на «Андреяне и Наталии» возвращается Вторушин (он привез пушнины на 110 тысяч рублей). В тот же год пришел в Охотск и Иван Соловьев на «Павле» (у того было пушнины на 140 тысяч).

«По возвращении сего судна, пожелали Орехов и Лапин отвезти в дар Великой Екатерине 300 лучших черных лисиц. Зимой 1776 года отправились они оба в путь, и по прибытии в Санкт-Петербург имели счастье быть представлены Ея Величеству. Великая Монархиня приняла их очень милостиво, благодарила за гостинец, и спрашивала о всех самомаleastших подробностях того края.

Во время сего разговора спросила у них государыня, не должны ли они казне. На ответ, что они получили заимообразно 21 500 рублей, она промолчала; но вскоре после сего прислала к ним имянное повеление на имя Иркутского губернатора, чтоб денег сих с них не взыскивать.

После сего приказала она Обер-Гофмаршалу угостить их завтраком, и показать им Эрмитаж».

В 1776 году «Павел» поведет в очередной вояж Герасим Измайлов, невольный участник Большерецкого бунта, пленник Бенъевского. В 1781 году он вернется с богатейшим грузом из драгоценных шкур на сумму 172 тысячи рублей (2 726 шкур морских бобров, 1 340 бобровых же хвостов, 12 000 морских

котиков, 976 сиводушек и 577 черно-бурых лисиц, 86 выдр и 327 голубых песцов).

Но подлинным триумфом станет возвращение «Владимира» в 1779 году – он привезет пушнины на 300 тысяч.

А завершит эту счастливейшую эпоху в жизни российского аргонавта соликамского купца Ивана Саввича Лапина «Александр Невский», который уйдет в плавание в 1781 году. В 1783 году экипажем «Александра Невского» во главе с Потапом Зайковым открыт Чугацкий залив. Трюмы бота по его возвращению в Охотск были также забиты пушниной до отказа – на 240 тысяч рублей.

В этот же – 1783 – год Орехов, Лапин и Шилов продают свой «Павел» якутскому купцу Павлу Сергеевичу Лебедеву-Ласточкину, бывшему другу и компаньону, а теперь наилютейшему врагу Григория Ивановича Шелихова.

3.

Многие из наших героев прокладывали Григорию Ивановичу дорогу в Русскую Америку. Тот же Лапин – ведь это экипаж его «Андреяна и Наталии» во главе со Степаном Готовым открыл остров Кадьяк, где Григорий Иванович позже основал первое русское поселение в Русской Америке.

Но лучшими из всех были эти двое – славные мореходы – тихоокеанцы Дмитрий Иванович Бочаров и Герасим Алексеевич Измайлов, судьбы которых неотделимы от Большерецкого бунта.

Первое упоминание о Бочарове в официальных документах датируется 1768 годом: ему поручается командовать судном «Иоанн Предтеча», но, увы, молодой мореход не выдержал этого испытания и «Иоанн» был выброшен на камчатский берег где-то у Кроноцкого мыса и поврежден. Купцы Егор Пелопонисов и Иван Попов пригласили другого морехода, а Дмитрий Бочаров поступил под начало штурмана Максима Чурина на галиот «Святая Екатерина», который в тот год вошел в состав экспедиции Креницына – Левашева и отправлялся на Лисьи острова. Здесь он вместе со всеми пережил ужасы той зимовки под руко-

водством Креницына. Если бы не Левашев, который сумел найти общий язык с алеутами на Уналашке, и те отыскали экипаж «Святой Екатерины» и привели сюда гукор «Святой Павел», то могил бы на Умнаке могло быть и в два раза больше.

В 1769 году по возвращении в Охотск Чурин принимает галиот «Святой Петр», а «Святую Екатерину» передает Бочарову, новому командиру. Помощником Дмитрия Ивановича назначался штурманский же, как и Бочаров, ученик Герасим Измайлов.

Историки по-разному говорят об участии Бочарова в заговоре: одни, – что он уже в Охотске знал обо всем, другие – что он не по собственной воле совершил то, что совершил. Нужно сказать, что вообще в исторической литературе по поводу Больше-рецкого бунта страшная путаница, особенно с именами участников и с реальными сроками того, когда они примкнули или были насильно втянуты в заговор.

Это особенно касается членов экипажа галиота «Святой Петр», которые служили на нем до того как галиот стал мятежным.

Архивные документы позволяют нам выяснить это с большой (если не абсолютной) точностью. Вот список экипажа галиота «Святой Петр» до бунта (ЦГАДА, ф. 6, л. 256, д. 409):

1. Штурман Максим Чурин.
2. За подштурмана Василий Софьин.
3. Штурманский ученик Филипп Зябликов.
4. Боцманмат Алексей Серогородский.

За матросов казаки:

5. Потап Беляев.
6. Дмитрий Третьяков.
7. Иван Клепиков.
8. Матвей Смирнов.
9. Иван Данилов.
10. Иван Бормотов.
11. Григорий Волынкин.
12. Василий Погадиев.
13. Григорий Портнягин.
14. Петр Тубин.

15. Прохор Лобашков.
16. Егор Шелудяков.
17. Федор Бурнатов.

«Вновь приарестованные казаки» (из арестантов):

18. Василий Ляпин (из-за фамилии которого такая путаница сегодня с участием в бунте бедного Ивана Саввича Лапина).

19. Алексей Андреянов.
20. Степан Львов.

Если вычесть из этого списка всех тех, кто бежал с Беньевским, то не так уж и много получается: Чурин, Вольткин, Ляпин и Андреянов.

С Беньевским остался и штурманский ученик Филипп Зябликов, но об этом особый разговор, так как у нас есть свидетель, который дал по этому поводу самые подробные пояснения.

Итак, слово Герасиму Измайлову.

– Впервые я увидел пятерых арестантов – Бейпоска, Батурина, Винблада, Степанова и Панова – в Охотском порту. Они спокойно разгуливали по улицам, и никакого караула за ними не было. Затем четверо из них были отправлены в Камчатку на «Святом Петре», а мы повезли Батурина на «Екатерине».

Ни о каком заговоре я и слышать не слышал. До 26 апреля 1771 года. В тот день Зябликов проговорился мне, что казак Третьяков со «Святого Петра» был на квартире у Чурина и случайно узнал от промышленника с холодильовского «Михаила», что Бейпоск собирается вместе с Чуриным убить командира Камчатки Нилова. Третьяков рассказал обо всем Зябликову с боцманматом Серогородским, а тот – мне.

Тогда мы с Филиппом решили сообщить обо всем караульным. Оделись и пошли в Большерецкую канцелярию. Было уже часов около восьми вечера. В канцелярии был «за ефрейтора солдат» Ерланов, копейист Баженов, казаки Шарыпов и Горлов.

– Ерланов, – говорю, – срочно сообщи Нилову о том, что ссыльные готовят заговор и убийство.

Тот махнул на меня рукой:

– Пустое говорить изволите. Стоит из-за такой напраслины беспокоить командира.

– Ерланов, – говорю опять. – Пусти меня к Нилову, я сам ему все объясню.

– Иди проспись, Измайлов. Выпили, что ли, лишку?

Я понял, что нужно идти к канцеляристу Судейкину – помощнику командира. Пошли, но его не оказалось дома. Тогда мы снова вернулись в канцелярию.

– Ерланов, ты доложил командиру?

– Идите с богом отсюда, пока я не осерчал и не посадил вас на гауптвахту.

Тогда мы решили зайти в канцелярию с заднего крыльца, где, в черной избе, должны были быть вестовые Нилова, чтобы через них уже достучаться до Нилова. На наш стук даже никто не выглянул.

Около часа ночи мы снова вернулись в канцелярию.

– Ерланов, поднимай караульных, нечего им спать, потом уж проснутся, да поздно будет.

Он не внял:

– Идите сами проспитесь, а потом других учить будете.

Мы и вправду до этого выпили по жбану браги. Стоим, что дальше делать, не знаем. Снова начинаем увещевать Ерланова – он и разговаривать с нами больше не хочет. Так мы препирались с ним еще с час. Вдруг за окном послышался какой-то шум, и раздался крик часового: «Караул!» Затем дверь распахнулась и в канцелярские сени ворвались Бейпоск с ссыльными и Чурин с промышленными купца Холодилова. Мы с Зябликовым закрыли было дверь в канцелярию, заложили засов, но бунтовщики выдавили напроць скобу и ввалились в канцелярию. Все они были с ружьями, пистолетами, ножами. Мы с Зябликовым успели спрятаться в маленькой казенке у самых дверей – они ее даже не заметили. Поэтому я слышал все, что происходило в канцелярии. Бейпоск приказал посадить на гауптвахту подштурмана Софьина. Затем допросил солдата Волкова, адъютанта Нилова, и выведал у него, где хранился порох. Послали людей – они принесли две фляги с порохом, и, взяв, сколько надо, пошли к дому сотника Ивана Черных, который отстреливался от бунтовщиков.

В канцелярии остались только караульные.

Мы с Зябликовым неслышно вышли из казенки и попыта-

лись выйти незамеченными из канцелярии. Но неудачно – Зябликов был тотчас арестован и отправлен на гауптвахту. А я вышел через задние сени, перелез через разломанную стену и вышел на заимку. Из разговора караульных я понял, что Нилов убит. Возле дома Черных, где все еще продолжалась перестрелка, я был замечен и по мне дважды стреляли из ружей, но смазали. Я прибежал к посадскому Авдееву и рассказал всем, кто был в доме и жил рядом, – сотнику Шабалину, солдату Пивоварову, казаку Богомолу, плотнику Губцову, Анисимову, посадскому Гулину и боцманмату Серогородскому о бунте. Решили всем вооружиться ружьями и копьями и собраться у посадского Щепкина. Настроены были дать настоящий бой бунтовщикам.

Собрались у Щепкина. Предлагаю каждому высказать свое мнение о предполагаемых действиях. Мнений ...никаких! Тогда решили послать солдата Пивоварова к капралу, что ныне сержант, Ушарову.

Пивоваров быстренько сбегал. Ушаров сказался больным и сам не пришел. Что делать, тоже не сказал. Решили идти к канцеляристу Судейкину.

Тот был дома. У него сидели купцы Проскуряков и Воробьев. Я говорю Судейкину:

– Надо собрать ружья по острогу. Поднять людей на бунтовщиков.

А они все в ответ замахали руками: пустое де говоришь. Куда лезть – у их вон силища какая. И руками в окно тычут. А там Винблад с Хрущовым – при шпагах оба, в окружении холодиловских промышленников, а те с ружьями, пистолетами, саблями, ходят по дворам и собирают у жителей ружья и припасы к ним.

– Да что делать-то будем? – спрашиваю. Судейкин, ни слова не говоря, шубу на плечи накинул и вышел из покоев во двор, подошел к Хрущову. О чем они говорили, не знаю, но только, воротясь, он выговорил мне, что зря это я народ взбаламутил: Нилов убит, канцелярия в руках бунтовщиков, сил против них нет, так зачем тогда к напрасному кровопролитию людей приуждать. И сам пошел в канцелярию.

– Ну, ладно, – говорю. – Тогда дайте мне ружье, я сейчас из него по Адольфу пальну.

– Ты пальнешь, а у нас у каждого семья здесь... Убьют – кто детей наших растить будет? – с тем собрались и ушли. Аники-воины.

Остались мы с боцманматом Серогородским вдвоем. Пошли снова к Щепкину. Там был и Бочаров. Он получил от Бейпоска письменное указание собрать у канцелярии весь экипаж *«Святой Екатерины»*, а если *«того не учинит, то де и поступлено с ним будет вооруженною рукою»*. Пришлось идти. У канцелярии нас окружили бунтовщики и приказали присягать Павлу Петровичу. Здесь же был и Филипп Зябликов. Мы с ним присягать не стали, остальные подчинились. Нас с Филиппом связали и посадили в башню канцелярии. Там мы пробыли два дня. 29 апреля нас перевели на гауптвахту. Здесь уже сидели казаки Потапов, Портнягин, сотник Черных, подштурман Софьин, сержант Данилов. Одни были связаны, другие – в кандалах.

Затем нас всех перевезли в Чекавинскую гавань, где стояли галиоты. «Святой Петр» готовили к плаванию, а нас держали взаперти в трюме «Екатерины». Когда «Святой Петр» был оснащен, а в реке Большой до самого устья прорублен лед, чтобы вывести в море галиот, нас с Зябликовым и Судейкина забрали на «Святой Петр» заложниками, а остальных отпустили в Большерецкий острог. Перед самым уже выходом в море Зябликов договорился с матросом Львовым, что тот поможет им бежать. Ничего не получилось – Львова отпустили. Он один на лодке уплыл с галиота. Мы с Филиппом хотели броситься за ним вплавь, но по Большой шла шуга – не доплыли бы...

4.

2 мая 1771 года галиот «Святой Петр» вышел в Охотское море. Каждый член экипажа занял на судне то место, которое определил ему его капитан – теперь уже генерал-поручик (?), кавалер (??) и тайный советник (???) Август Бенъевский:

Иоасаф Батурин – комендант и полковник (наконец-то он дождался своего счастья!).

Адольф Винбланд – подполковник (так как прежде был майором).

Василий Панов – майор.

Ипполит Степанов – корабельный комиссар (как по-современному звучит его должность!).

Петр Хрущов – аудитор (то есть следователь, судья и прокурор в одном лице!).

Магнус Мейдер – лекарь.

Александр Турчанинов – подлекарь.

Спиридон Судейкин – корабельный секретарь.

Алексей Чулошников – корабельный советник.

Иван Рюмин – вице-секретарь.

Максим Чурин – поручик (хотя он-то и был фактическим капитаном на судне).

Дмитрий Бочаров – штурман офицерского ранга.

Петр Софронов (матрос со «Святой Екатерины») – шкипер.

Герасим Измайлов – мичман.

Филипп Зябликов – штурман простой.

Юнгами при особе его высокопревосходительства были Иван Устюжанинов, алеут Захар Попов и большеерецкий малолетний «одноворец» Иван Попов.

Кроме того, была еще одна высокая персона – генеральный адъютант, которую занял и бессменно нес, как в свое время Девиер при Петре Великом, «беспородный» промышленник Григорий Кузнецов, которому, как и Девиеру же, будет суждено навеки войти в историю.

Остальным поручались различные роли от квартирмейстеров, баталеров, барабанщиков и пушкарей до матросов...

Всего по архивным спискам на борту галиота «Святой Петр» было семьдесят человек, из них – семь женщин: жены Рюмина, Андреянова, Бочарова, Паранчина, жена и две работницы Чурина.

12 мая 1771 года стало началом трагической развязки в судьбе многих из этих людей, вышедших в море на поиски лучшей доли и бросивших прямой вызов русскому самодержавию.

И уже через две недели после выхода в море на галиоте был раскрыт заговор... против самих мятежников.

Рассказ об этом мы также взяли из следственного дела Герасима Измайлова.

– В день отхода перед экипажем была поставлена задача – идти вдоль Курильских островов до Восемнадцатого острова. Здесь взять курильца – толмача и следовать до Двадцать четвертого острова (Хоккайдо), где стоит город Матмай – здесь иметь зимовку, а прозимовав *«во оном, простирающа между лежащими Лангронскими островами к двум, состоящим к зюйд-осту в ширине северной 15 градусов 30 минут, а в длине 247 градусов островам Ктсинану, а паче в Гуам, которые де владения Гишпанского, и на оных имеется губернатор и бывають из Гишпании на те острова корабли, на коих де уже и в самое Гишпанское государство плавание возымеют»*.

Мы с Зябликовым тоже должны были стоять вахты. Судейкина назначили поваром.

19 мая пришли на Шестнадцатый остров и стали на якорь. На байдаре прошли вдоль прибойки и нашли гавань для входа. Вошли туда. Остров был необитаем. Правда, в бараборе на берегу, оставленной промышленниками якутского купца Протодьяконова, стояли две бочки с китовым жиром и письмо к курильцам, чтобы они этот жир не трогали – он предназначен для приманки зверю. Бейпоск этим письмом встревожился и на следующий день послал 20 вооруженных промышленников на поиски курильцев. Но на острове людей не оказалось.

Тогда Бейпоск решил пожить здесь с неделю – залить все бочки пресной водой, засушить сухарей, починить ружья.

Меня он послал вместе с промышленниками Пятчениным, Серебренниковым, описывать на ялботе найденную нами гавань. Вот тогда и родился у меня план захвата галиота. Все были сейчас на берегу, занимались подготовкой к дальнейшему вояжу. Можно было легко подойти на ялботе к «Петру», обрезать якоря и уйти в Камчатку за казаками. Бунтовщикам здесь деваться некуда – вокруг вода. Но одному такое не по силам. Поделился мыслями с Зябликовым – тот тотчас загорелся. Затем поговорил с матросом Софроновым – и он был не прочь вернуться домой с повинной. Камчадалы Паранчины, муж с женой, которых Хрущов забрал с собой за долги, тоже сразу

согласились. Потом еще отыскивали – из тех, кто понял уже, что он натворил, – и всего было два промышленных, имен я уже не помню, четыре казака, три камчадала и мы с Софроновым и Зябликовым – всего двенадцать человек.

А вот чертова дюжина нас и подвела – промышленный Рудаков хотел было привлечь к нашему делу матроса из арестантов Алексея Андреянова, а он тут же донес обо всем Бейпоску.

Тот приказал нас расстрелять, но потом передумал и решил устроить публичное наказание кошками.

Били меня, Софронова, Рудакова, Паранчина и еще одного промышленного, имя запамятовал, – каждому выпало по тридцать ударов. Остальные, испугавшись наказания, просили у Бейпоска прощения. Просили прощения и промышленные с матросом Софроновым, только мы с Паранчиным отказались и просили только об одном – оставить нас на этом необитаемом острове. Если суждено нам умереть – умрем здесь, но дальше с бунтовщиками не пойдем, хоть стреляйте. Наша родина здесь – и лучше смерть на необитаемом острове, но дома, чем среди людей, но на чужбине. За нас вступился экипаж и просьбу уважили, оставив меня и Паранчина с женой на этом острове. Зябликов выкрал для нас карту Курильских островов. А Бочаров предупредил, чтобы мы спрятались и не показывались на берегу, пока галиот не уйдет в море, – так как Бейпоск был намерен тайно покончить с нами.

29 мая в 9 часов вечера «Петр» ушел в море. Нам оставили три сумы провианта, «винтовантное» ружье со сломанным ложе, фунта полтора пороха и свинца, топор, фунтов десять прядева, рубашки – три дабяных, одну холщовую, два полотенца, одеяло, собачью парку, камлею, фуфайку со штанами.

2 августа на остров прибыли промышленные купца Никонова. Я просил купца срочно доставить меня в Большерецк, но Никонов отказался и ушел с промышленниками на Восемнадцатый остров, забрав с собой Паранчиных. Потом приплыли промышленные купца Протодряконова, бочки с китовым жиром которых были в бараборе. Часть оставленной мне одежды променял я им на продукты, но их конечно не хватило. Питался ракушками, морской капустой, пока летом следующего года

Никонов не доставил меня в Гольгинский острог, откуда солдат Мальцов привез меня в Большерецк. Здесь взяли меня под стражу и отправили в Иркутск на следствие по бунту и продержали под караулом до 31 мая 177... 4 года. В этот день из Петербурга пришло высочайшее повеление нас с Паранчиным освободить.

То есть три года оставался Герасим Измайлов в заложниках – сначала у Бейпоска, а потом у российского самодержавия. Без вины виноватый, как это принято на Руси.

Иван Рюмин в своих «Записках» писал о расправе с заговорщиками: *«Ученик Измайлов и Камчадал с женою кричали и плакали, что к немалому сожалению и слезам всякому совестливому человеку представить надобно, чего над варварами сделать не можно...»*

Но сделали и над варварами. Это уже было, когда прошли Японские острова и вышли к Прекрасному острову – Формозе (нынешнему Тайваню). Именно здесь разыгрался очередной акт чудовищного спектакля. Жители острова приняли русских за морских пиратов, которые часто появлялись в здешних местах на торговых путях голландцев, нападая и на островитян – вывозя рабов на португальские и испанские плантации. Они, конечно, ошиблись, приняв экипаж мятежного галиота за пиратов. Но ошиблись в малом – истинная суть Беньевского, как и его дальнейшие замыслы в использовании русских, наиболее откровенно и полно впервые приоткрылись именно здесь, на Формозе.

«Тогож 17-го числа (августа 1771 года. – С. В.), – писал Иван Рюмин, – по полудни в 2 часа посылан был ялбот на берег, для взятия и привоза воды на судно; потом послан и вторично с другими переменными людьми; и как оный ялбот прибыл обратно, тогда посланные на том люди предводителю рапортовали, что жителями того острова Индейцами из наших людей убиты капитан Василий Панов, Иван Попов, Иван Логинов, да ранены стрелами легкими ранами Василий Лапин (Ляпин. – С. В.), Андрей Казаков, Иван Кудрин; при чем и раненые привезены, и в тот же самый час шла Индейская лодка мимо судна, в которой было Индейцев семь человек, по кото-

рым из ружей с судна стреляли, и пять человек разстрелили, а двое из них, вышедшие на берег, посланными с судна ялботом людьми изрублены, а лодки изломаны, и после того посланы были в ялботе ж люди на берег к тому месту, где наши побиты, которые возвратясь привезли на судно одного еще живого Ивана Логинова, который по привозе от жестоких ран, чрез полчаса на судне и умре; 18-го числа послан же был ялбот с людьми на другую сторону, где Индейцев побили, и как люди вышли на берег, то увидели двух изрубленных Индейцев, что они еще живы, которых тогда ж и придали смерти и оставили на берегу. Того ж 18-го числа предводитель приказал итти судном к тому месту, где наши люди побиты; и как пришли судном и стали на якорь, тогда по приказу ж предводителя отправлены были с судна люди в ялботе и одной взятой у Индейцев лодке для погребения побитых тел, кои по приходе на берег, собрав и погребли, а потом во многих местах лес и траву зажгли и весьма много выгорело.

Потом 19-го числа наливали в имеющиеся в судне бочки пресную воду.

20-го числа по налитии воды приказал предводитель судном следовать паки к месту, куда по приходе и стали на якорь, то приказал же предводитель людям 30-ти человекам... взяв ружья и мушкатоны, следовать на берег и учинить на Индейцев нападение, коих тогда на берегу было многое число; и как отправленная партия вышла на берег, то во первых, лежащие на берегу Индейские лодки все изрубили, а потом пошед островом и дошед почти до самого морского берега, где начатую строить Индейцами вновь большую лодку ж, тотчас зажгли, которого весьма много ж выгорело; а потом пошли к их Индейскому жилищу, где не допуская до того Индейцы имели сражение, на котором убито из индейцев один, да много ранено, а с нашей стороны не один не убит и не ранен...

По учинению сражения Индейцы обратились в бегство, а наши вошли в их жилище, которые все сожгли, а с судна производилась чрез гору в то жилище из пушек ядрами пальба...»

Под видом мести Беньевский учинил форменный погром на Формозе, еще раз повязав экипаж галиота круговой порукой,

теперь уже порукой бесчинств, порукой новых убийств. Узел завязывался все крепче и крепче, но никто еще не понял на галиоте, что этот узел завязывается на шее каждого из них. Они просто верили своему предводителю. А, впрочем, другого выхода у них уже не было.

5.

Но наследил Бенъевский не только на Формозе. Еще большую память о себе он оставил в Японии, и тень Бенъевского на долгие годы легла на русско-японские отношения.

О том, что происходило в Японии, у нас есть подробные записи канцеляриста Ивана Рюмина.

«7-го числа июля завидели в море в правой руке землю или остров большой, к которому и подошли около вечера, и подобрали парусы, стали на якорь и увидели на берегу на разных местах раскладенные огни. А по утру, то есть 8-го числа июля, увидели на берегу стоящих людей, которые махали руками, дая знать, чтоб на тот остров не приставать, указывая для отходу от того в море; однакож означенный предводитель венгерец Бейспоск приказал спустить с судна ялбот, на котором от него и отправлены швед Винбланд и Ипполит Степанов и с ними пристойное число людей, которых хотя на берег и не допускали, но однакож они к берегу пристали и выжили из ялбота на берег, где тогда было в собрании множество тамошнего народу, которые все были японцы. И тот остров японский, и как наши люди у тех японцев в жилище ходили, тогда те японцы подчивали их вином и пшеном сорочинским; а потом они японцы, взяв в свою лодку Винбланда и Степанова, а наши люди сев в ялбот, и возвратились обратно, прибыли к судну, о чем оные и рапортовали, и те прибывшие японцы приняты честно, и обдаря отпущены обратно на берег; но притом спрашивано у них, за незнанием их языка, чрез знаки, не имеется ли где способной гавани или бухты для пристания судном и для взятия пресной воды; и показали нам в северной стороне от их места, на том же острове пристойную ко входу и стоянию судна бухту. И так, того ж 8-го числа пошли к оной, и не

доходя оной встретили нас во-первых, две лодки, из которых с одной пришел на судно один главный японец с командующими, а потом пришли еще три лодки, и по приказу того их главного, судно наше введено в тое бухту буксирами, и как скоро вошли в бухту, то подобрав парусы стали на якорь. Оная бухта окружена с приходу с правой стороны горами и лесом, а между тем на той же стороне, как видно было с судна, состоит японское жилище, наподобие как в нашей российской деревни, в котором строение видно было деревянное и каменное по их манеру, не очень изрядное, также и около того жилища сделана невысокая каменная стена наподобие крепостцы, и одне для входу ворота, а с левой стороны окружена превысокими горами и лесом.

И как судном стали на якорь, те тогда же спустя с судна ялбот, с пристойным числом людей отправили было на берег для взятия пресной воды; и как ялбот лишь только к берегу прибыл, то тогда стоящие на берегу японцы махали руками, чтоб на берег не ходили, и маячили, что если де они пустят нас на берег, то де им всем головы срубят. И с тем наши возвратились к судну обратно, а потом и японцы к нам на судно пришли, и к вечеру привезли к нам несколько воды и пшена, а около судна к ночи поставили свой караул в двух лодках на якорях с зажженными бумажными фонарями, которой караул у них был всегда днем и ночью, даже до нашего в море выходу, чтоб нас не допустить на землю, или для чего иного не известно; в ночи ж на берегах стояли такие ж фонари с огнями и на другой день, то есть 9-го числа на том же ялботе пошел означенный предводитель Бейпоск с людьми на берег; но встретившие их караульные японские лодки до берегу не допустили...

...А когда оные японцы к нам приходили на судно, тогда им объявлено было, что мы голландцы и идем в Нангазаки, так называемый японский город, который стоит на острове ж, от большого острова, где мы стояли, верстах в 50-ти или более, в котором имеют с ними коммерцию одни голландцы, при чем мы их дарили соболями и другими вещами, и потчивали российской водкой, а они, напротив того, привозили к нам пшена, воды

и их японского вина. И так мы стояли судном даже до 12-го июля, а до отбытия нашего еще за день, то есть 11-го числа, те японцы налили нам все имеющиеся в судне бочки пресною водою (по-японски вода – мизю) и насыпали одну бочку пшена и привезли мешок соли, а прежде того писал командир или предводитель Бейпоск в Нангазаки к голландцам письмо уведомительное, и отдал японцам для пересылки, кое отослано или удержано ими японцами неизвестно».

Теперь известно. В книге японского историка Синтаро Накамура «Японцы и русские (из истории контактов)» говорится о том, что всего Бенъевским было отправлено в адрес директора голландской фактории в Нагасаки семь писем, хотя сам Бенъевский приводит в своих мемуарах текст только одного из них, вот этого:

«Желаю здоровья уважаемым господам фактории Восточно-Индийской Голландской компании!

Господа! я хочу поставить вас в известность о следующем. Часто мореплавателей преследуют случаи, вынуждающие их искать безопасное убежище для себя и запрашивать разрешение на стоянку, где угодно. Подплыв к японскому берегу, я попал в затруднительное положение, которое невозможно описать. В связи с этим обращаюсь к вам и считаю уместным попросить, чтобы вы прислали переводчика и помогли нам зайти в ваш порт. Мой корабль является корветом, на нем около ста человек.

Жду Вашего любезного ответа.

Ваш покорный слуга

Мориц Август Бенъевский

Р. С. Чтобы у вас не было предвзятого мнения или каких-либо подозрений насчет меня, сообщаю, что в недавнем прошлом являлся главой польского патриотического союза, но был арестован русскими, и властелинша сослала меня на Камчатку. Проявив отвагу и мужество, я совершил оттуда побег вместе с группой в 96 человек. В результате этого по пути в Европу я прибыл к японскому побережью».

В Нагасаки голландцами был сделан перевод всех писем Беньевского и направлен правительству бакуфу в Эдо. В одном из этих писем содержалась следующая информация, которая во многом повлияла на развитие последующих российско-японских отношений:

«Государство Рюсю (Россия) на Камчатке и на Куруришису (Курилы) строит крепости, сосредотачивает вооружение. В следующем году они собираются дойти до близлежащих к Мацумаэ островов и направить туда корабли. Поэтому Япония тоже должна послать туда корабли, чтобы не допустить их посягательства».

Синтаро Накамура сомневается в подлинности такого предостережения со стороны Беньевского и считает это проделкой голландской стороны – переводчиков и служащих фактории, которые использовали приход «Святого Петра» в своих интересах, чтобы взбудоражить общественное мнение Японии в отношении угрозы со стороны северного соседа – России. Он так и пишет в своей книге: «Многие исследователи не сомневаются в том, что голландцы, начиная примерно с 1772 г., специально распространяли слухи об опасности продвижения России на юг и что эти письма вымышленные. Автор тоже так считает.

«Есть в письмах вымысел или нет, это вопрос особый. Но предостережение стало предметом обсуждения общественности примерно с 1774 г. Следовательно, заходы фон Бенгоро (так японцы называли Беньевского. – С. В.) в порты Японии сыграли важную роль в антирусской политике...»

Но вернемся к дневнику Ивана Рюмина.

«12-го числа приказал означенный предводитель Бейпоск, подняв якорь и распустя парусы следовать из бухты в море, и как лишь только начали якорь вынимать, то они японцы с начальником просили предводителя, чтоб еще ночевать; но как их в том не послушали, то при вынимании якоря случившиеся близь судна на лодках, тако ж и караульные японцы, подошед к якорному канату, и ухватя оный руками, из чего примечено было, что те японцы хотели нас полонить или убить до смерти, как то они есть идолопоклонники и крестоненавистники,

как о том из истории японской видно, почему и рассудилось, что они конечно об нас дали знать в город Меако, где была прежняя японская столица, в которой живет их японской дайро (духовная большая власть) и хранится великое государственное из древних лет сокровище, а от того места, где мы стояли, оный город Меака состоит не далее на том же матером острове; но как предводитель, видя их насильство, то приказал из пушек вытальить, и тогда все в лодках японцы попадали от страху, а прочие угребли к берегам. И так мы, подняв якорь и распустя парусы, пошли в море, и есть ли бы по их Японской просьбе, еще ночевали мы одну ночь (в которую может быть ожидали они из Меако повеления), тоб они нас живых конечно не выпустили; ибо мы по прибытии в Макао тамошними жителями уверены, что они до прибытия нашего к ним два судна гишпанских совсем сожгли, и людей тирански замучили до смерти, а третье судно едва ушло».

6.

12 сентября, ровно через четыре месяца с начала плавания, русский галиот, впервые в истории отечественного мореплавания, пришел с Камчатки в португальский порт Макао в Китае. Чурин с Бочаровым положили этот маршрут на карту, которая до сих пор хранится в ЦГАДА, так и не увиденная другими российскими мореплавателями.

В Макао, на удивление, их хорошо встретил сам португальский губернатор. Беньевский так вообще скоро съехал с общей их квартиры и поселился в доме губернатора. Секрет успеха, правда, раскрылся очень даже скоро – за спиной у экипажа была заключена выгодная сделка, и губернатору по сходной цене доставался галиот «Святой Петр» со всем снаряжением.

И далее – историки здесь единодушны – события развивались следующим образом: против Беньевского восстала теперь уже вся команда бывшего российского галиота «Святой Петр» во главе с Ипполитом Степановым, который, по сообщению В. Берха, попытался через голландских агентов в Кантоне (города Кантон и Макао располагались рядом друг с другом) просить

китайское правительство (которое в то время поддерживало дипломатические отношения с Россией) захватить Беньевского как беглеца, вывезшего ОБМАНОМ людей с Камчатки.

«...люди, сведав о том (продаже галиота. – С. В.), – читаем мы в другом документе той поры, – стали роптать и негодовать. Бениовский же, узнав о таком их неудовольствии, писал им письма под литерами А. Б., стараясь их оными успокоить. Но как положили они не отдавать ему своего журнала, то он отнял у них оный сильной рукою, и, грозя поморить всех в тюрьме, тем устрашал их; почему склонились они с ним ехать в Европу в надежде, что легче представится им тамо случай возвратиться в Отечество».

И еще, очень важное, из этого же документа:

«...очень они усумнились (в Беньевском. – С. В.) только в дороге по последовавшему в Макао несогласию между Бениоским и называемом Ипполитом Степановым, который им тогда рассказал, что все обман...»

А вот и подробности:

«По претерпении столь дальнего и труднейшего вояжа, какого мы не воображали, нам сказали, что близко, а вместо того находились в превеликой опасности, но приехав в Макао называвшейся барон в губернаторе усилился, зачал нас бить, офицеров бранить, не велел молиться образам и по нашему креститься, велел называться унграми, – мы все терпели; наконец стал государя (Павла Петровича. – С. В.) поносить, а сказывал про какого-то принца Альберта, что он ваш государь, а туде присягу ни во что ни считаю. Мы не знали, что делать, но из русских присланных – назывался капитан Степанов – ему всегда противоречил, а наконец объявил нам, что все то, видно, обман: в Гишпанию хотел ехать, а ныне отменил; едет с французами, а французы иметь будут войну с англичанами, и потому французам люди надобны, а притом отдаст журнал (вахтенный журнал галиота с подробным маршрутом плавания. – С. В.), то-де вред нанесут нашему Отечеству, да и с приятелями драться своего Отечества дурно, а вы неумышленно из Камчатки бежали и обмануты, в чем государыня, как она великодушна и рассудительна, конечно, простит, а когда против

Отечества станете воевать, то можно ли надеяться о милости, и показать глаз будет нельзя, а вы люди вольные – властны с ним ехать и властны не ехать.

После оного он (Беньевский. – С. В.) товарища своего, который назывался майор фон Винблат разругал и посадил под караул, а между тем изнасиловал девку, камчадалку – работницу Чурина, то люди за насилие стали роптать, а майор объявил капитану (Степанову. – С. В.), а капитан нам, что он его знатным человеком не знал, а знал его капитаном гусарским и по своим обманам он-де и его довел до несчастья; он от императора и посылан вовсе не был, а одна выдумка, чтоб избавиться и вас уверял и эту компанию хочет поселить в Венгрии на порожие. Тут все просили майора, чтоб он нас от его рук избавил. Он хотя чужестранец, но, видно, честный человек, обещался так, как он клялся, стараться о нашей вольности и о возврате в Отечество и объяснился он о том англичанам, а называемый майор хотел взять журнал, то мы не дали, и капитан сказал, что не отдавать до тех пор, покуда из Сената Макао кто будет для того, чтоб всем о таком насилии было известно, и потому-де губернатор принужден будет отослать всех к королю в Португалию, а там переводчика сыщем и сможем объяснить сделанный обман.

А вместо того решилось тем, соперник наш восклепал на нас, что мы хотим городом завладеть, то собрался весь город брать нас под караул, в том числе и капитана с майором взял с собой епископ, а на другой день пришел называемый барон в квартиру, сказал нам, что всех в тюрьме поморю и перепытаю, ежели не дадите подписки, что вы идете под защиту императора римского, а капитана и майора сошлю в ссылку. Мы видели, что его губернатор слушает, мы, испугавшись, дали подписку, какую он хотел, то всех из-под караула выпустил и губернатор отдал нас ему в команду, а майора содержал два месяца под караулом, а капитан заупрямился, с ним не поехал и остался в Макао и потому насильно принужден живот свой мучить...»

Документ был составлен на основе свидетельских показаний тех, кто добрался до Парижа, русским посланником во Фран-

ции Н. Хотинским. И он многое проясняет в нашей истории по отношению к Ипполиту Степанову.

Но Беньевскому и на этот раз удалось подчинить своей воле мятежный экипаж.

Да и не так много оставалось уже людей в этом экипаже. Пятнадцать человек, среди которых Максим Чурин, Филипп Зябликов, Александр Турчанинов, умерли в тот год в Макао. Дмитрий Бочаров потерял жену – Прасковью Михайловну. У остальных выбор был невелик: продолжать дальнейший путь с Беньевским в неизвестность или сидеть в португальской тюрьме в Китае. Дольше всех упорствовали самые ближние – майор Винбланд и Ипполит Степанов. Вот что пишет об этом сам Беньевский: «В этот день (10 декабря 1771 года, когда он добился у русских согласия продолжить с ним плавание на французских фрегатах. – С. В.), уступая извинениям и просьбам месье Винбланда я склонен был освободить его. Но так как я больше не мог доверять месье Степанову, который нарушил свое обещание и опять задумал возвращение, я заплатил ему 4 тысячи пиастров и предоставил ему идти, куда заблагорассудится. Он отправился в голландскую компанию, директор которой М. Лере, надеясь получить от него сведения о нашем плавании, принял его и отправил в Батавию».

О собственном ли возвращении на родину так помышлял Степанов, что пошел из-за этого на полный разрыв с Беньевским?

Нет, он не вернулся в Россию даже тогда, когда русский посол в Англии Мусин-Пушкин привез в Лондон указ Екатерины о прощении Ипполита Степанова и разрешении ему вернуться домой.

Не о себе заботился Ипполит Семенович – и не случайно у русских, прибывших с Беньевским во Францию, был в руках конверт с письмом Степанова, о котором позже сообщалось так: «Во оном изволит ваше сиятельство усмотреть, что тот Степанов всю вину на себя снимает».

Так что Степанов искренне верил в благородную цель Большерецкого бунта и потому не смог простить Беньевскому предательства, считая себя особенно виноватым перед обманутыми и незащищенными им людьми за то, что он сам зажег в них эту –

неосуществимую на деле – мечту об острове Справедливости.

То есть в отличие от других ссыльных – Хруцова, Турчанинова, Батурина, Бенъевского – Степанов боролся не за себя. Как не за себя боролся он против Наказа Екатерины, за что и был сослан.

Как жаль, что имя этого человека совершенно неизвестно россиянам...

(Хотя следы Степанова затерялись, но в России, как писал Валентин Пикуль в миниатюре «Последний франк короля», у него оставались родственники – в частности, внук – П. А. Степанов, друг Глинки и Брюллова, карикатуриста-искровца, женатого на сестре композитора А. С. Даргомыжского...)

7.

Путь во Францию был долог.

Сначала был заключен тайный договор о перевозке русских, который подписали представитель французско-индийской компании де Робием с Бенъевским при посредничестве капитана Сент-Илера. Цена сделки исчислялась 11 500 турецких ливров.

22 января 1772 года погрузились на французские суда «Ле Дофин» и «Ле Ляверди», а 7 июля прибыли в Порт-Луи.

В дороге умер Иоасаф Батурин, оставлен на острове Святого Маврикия больной камчадал Яков Кузнецов, сын тойона Камака...

На французскую землю сошло чуть больше тридцати бывших членов экипажа мятежного галиота и их жен.

И здесь им, наконец, открылась истинная причина, почему Бенъевский не хотел расставаться с русскими и не бросил их в Макао. Они были его главными козырями в Европе, и, пользуясь вниманием общественности и высшего света, Бенъевский, бывший республиканец, как он сам себя везде представлял, решил теперь раболепно положить к стопам французского короля ни много ни мало, а Прекрасный остров – Формозу. Тот самый, на котором навсегда остались Василий Панов и юнги Иван Попов и Иван Логинов. Колонизаторами, по замыслу Бенъевского, и должны были стать... русские со «Святого Петра».

Но здесь он несколько просчитался.

Не в колонизации – король охотно согласился с предложением Бенъевского, только заменил далекую Формозу на ближний Мадагаскар.

С людьми – с Бенъевским осталось только половина из тех, кто добрался до Франции, считая Ваню Устюжанинова и жену покойного Максима Чурина.

Остальные – семнадцать человек – пешком пошли из Порт-Луи в Париж (450 верст пути) к русскому посланнику Николаю Константиновичу Хотинскому просить о возвращении на родину и 16 апреля 1773 года передали ему рукопись, известную нам сегодня как «Записки канцеляриста Рюмина о заключениях его с Бениовским» с приложением подробной карты плавания «из Камчатки в Кантон», составленной Дмитрием Бочаровым.

Екатерина поспешила простить этих людей, чтобы они побыстрее убралась из охочей до политических сплетен и интриг Европы и исчезли бы где-нибудь в сибирской глуши, чтобы Россия и слухом, и духом не ведала бы ничего о Большерецком бунте.

2 октября 1773 года царица писала генерал-прокурору Вяземскому (еще одному, по всей видимости, коллеге Батурина по Пажескому корпусу):

«Семнадцать человек из тех, кои бездельником Бениовским были обмануты и увезены, по моему соизволению ныне сюда возвратились и им от меня прощение обещано, которое им и дать надлежит: ибо довольно за свои грехи наказаны были, претерпев долгое время и получив свой живот на море и на сухом пути; но видно, что русак любит свою Русь, а надежда их на меня и милосердие мое не может сердцу моему не быть чувствительна. И так, чтоб судьбину их решить наискорее и доставить им спокойное житье, не мешкая, извольте их требовать от графа Панина, ибо они теперь в ведомстве иностранной коллегии, которая им нанимает квартиру. Приведите их вновь к присяге верности и спросите у каждого из них, куда они желают впредь свое пребывание иметь, кроме двух столиц и отобрав у них желание, отправьте каждого в то место, куда сам изберет. Если б же все желали ехать паки на Камчатку, тем бы

и лучше, ибо их судьба была такова, что прочих удержит от подобных предприятий. Что же им денег и кормовых на дороге издержите, то сие возьмите из суммы тайной экспедиции».

Где же пожелали поселиться возвратившиеся на родину беглецы?

Судейкин – в Тобольске. Бочаров – в Охотске, на морской службе. Рюмин – «желает быть в штатской службе там, где позволит правительство». Василий Ляпин, Серафим Береснев, Петр Софронов – «желали служить в матросах в Охотском порту», как и камчадал Прокопий Попов. Промышленники Кондратий Пятчинин – в Тобольске, Яков Серебренников – в Иркутске, Егор Лоскутов – в городе Тире, Алексей Мухин и Иван Шibaев – в Иркутске, Иван Казаков, Иван Облупин, Иван Масколев – в Устьеге, коряк Егор Брехов – в Охотске.

Скорректировав желания, определено было следующее: Судейкин и Рюмин с женой отправлялись в Тобольск; Бочаров – в Иркутск с увольнением от службы; матросы Ляпин и Береснев в Охотск, на прежнюю службу; матрос Софронов – в Охотск или Камчатку по выбору с отставкой по службе; все восемь промышленников отправлялись в Иркутск, где их приписали к купеческому сословию.

Екатерина не хотела, чтобы в России когда-нибудь узнали об этом бунте. А Иван Рюмин уже не мог молчать – желание рассказать о необычайном путешествии «через три океана» было настолько сильно, что он не в силах был ему противостоять. И хотя Екатерина изъяла и похоронила в тайных архивах написанный им журнал путешествия, обнаруженный и опубликованный Василием Берхом только в первой четверти следующего века, Рюмин оставил после себя первый литературный памятник россиян в Сибири – стихи, обнаруженные в Государственной библиотеке России Л. А. Ситниковым (смотрите его книгу «Книжные сокровища Сибири», Новосибирск, 1985 г.).

...Наипаче в славном городе Париже,
Иже состоит к России ближе,
Град весьма величайший и многолюдный,
Устроен прекрасно и во всем пространный.

Тамошний народ всегда в веселии пребывает,
О смерти же едва редко кто помышляет.
Все вдали в великия забавы и страсти
На вся телесныя похоти и страсти.
Вся жизнь токмо в том и состоит,
Мало кто о вечном блаженстве говорит.
На всякий день, а особливо в ночи
Комедии, музыки, игры дальше полночи.
Разезды по трактирам и по театрам частыя,
Все то чинят знатныя и люди простыя:
По знатным проминажам и по многим домам,
По изрядным гульбищам, аллеям и всем садам,
Мужеска и женска полу весьма довольно,
Гулять всю ночь всякому довольно...
...Велие зло нам, правоверным с ними пребывати,
Со иноверными общество имети,
Вскоре от благочестия могут отвратить,
Любострастного человека к тому же преклонить...

Нет, не понравилась Ивану Рюмину заграница. Но и родина, как считает Л. А. Ситников, встретила его неласково: *«...устойчивый интерес к литературе и к книгам вообще проявляется постоянно в тех случаях, когда есть возможность встречи и общения с людьми, близкими по взглядам и интересам. Если бы после своего возвращения из Франции Рюмин поселился в Петербурге, то, безусловно, людей простых, небогатых и, в то же время интересовавшихся литературой он нашел бы достаточно – о них известно и литературоведам и историкам. А мог ли найти таких «книжников» в Тобольске? Конечно, жившие здесь дворяне и чиновники, занимавшие крупные посты в сибирской администрации, выходцы из центральной части страны – были образованными людьми, говорили и читали по-французски, имели библиотеки. Однако маловероятно, чтобы Рюмин был вхож в их дома. И уж не от тоски ли и одиночества принял бывший казак и канцелярист за стихи?»*

8.

...Оставшиеся с Бенъевским стали ядром корпуса волонтеров, формирование которого было поручено предводителю Болышерецкого бунта. Его помощником по военной части был утвержден майор Винбланд. Правда, его хватило ненадолго – скоро разбил паралич – старику, оказывается, шел 79-й год.

Хрущов получил чин капитана. Кузнецов – бывший промышленник, адъютант Бенъевского, – чин подпоручика (по другим источникам – поручика). Мейдер назначался корпусным хирургом.

В 1773 году волонтеры ушли на Мадагаскар. Среди них был тотемец Алексей Чулошников, бывший матрос Алексей Андреев с женой и несколько промышленников, замешанных в убийстве командира Камчатки и не надеявшихся потому на монаршую милость Екатерины.

У Бенъевского тогда ничего толком не получилось, хоть он и высадился на Мадагаскаре. Начались интриги чиновников из Иль-де-Франса, посыпались доносы (вполне возможно, и не безосновательные) в Париж, прибыли королевские ревизоры, которых доставил на остров капитан Жан Франсуа Лаперуз.

14 декабря 1776 года Бенъевский оставляет Мадагаскар и возвращается в Европу, чтобы через десять лет вернуться назад, объявить себя королем Мадагаскара и обнажить свое оружие против Франции в борьбе за независимость королевства Мадагаскар.

Кто был с ним в том последнем бою из экипажа мятежного галиота? По всей видимости, только Иван Устюжанинов, который в 1789 году вернется в Россию и будет служить на Нерчинских горных заводах.

О судьбе остальных мадагаскарских волонтеров мне было известно очень мало – только то, что проходило в наших отечественных источниках. Но в конце 1991 года в двенадцатом номере журнала «Вокруг света» была опубликована статья польского историка Эдварда Кайданьского, как отклик на мой исторический очерк «Экипаж мятежного галиота», опубликованном в том же журнале ранее («Вокруг света», № 2–3 за 1990 год), в

которой автор, ссылаясь на материалы французских архивов, рассказал о дальнейшей судьбе некоторых из наших героев.

«12 апреля (1773 года. – С. В.) Бениовский оформляет первую группу волонтеров, которые поплывут вместе с ним на Иль-де-Франс на судне “Маркиза де Мерфиб”. В списке числятся подпоручик Григорий Кузнецов – Ковач, хирург-майор Магнус Медер и 9 рядовых волонтеров с Камчатки: Леонтий Попов, Василий Рыбников, Степан Новожилов, Никита Козинцев, Иван Кудрин, Алексей Андреянов, Василий Потолов, Алексей Чулошников и некто Жен Жозеф – по всей вероятности, 14-летний сын священника Иван Устюжанинов...

Судно, на котором находятся Бениовский, Кузнецов и другие, прибудет на Иль-де-Франс... через пять месяцев – 22 сентября 1773 года. А тем временем во Франции происходит интересное событие. Командир 2-го и 3-го корпуса капитан Хрустовский (Хрущов. – С. В.) подает заявление, в котором просит разрешения перед отправкой на Мадагаскар жениться. Его избранницей окажется, как это вытекает из документов, некая “мадам де Рик, вдова одного из русских офицеров, сосланных на Камчатку и умерших во время путешествия”. ...Среди трех женщин, прибывших с Бениовским во Францию, одна была женой Рюмина, уехавшей уже в Россию, вторая – женой Андреянова, находящейся в это время в пути на Мадагаскар на “Маркизе де Мерфиб”, а третья... это Ульяна Захаровна Чурина, потерявшая мужа, штурмана или капитана Максима Чурина в Макао.

28 апреля 1773 года князь Даквилон обращается к министру морских дел и колоний де Бойнэ с предложением выдать “мадам Крумстовски” специальное денежное пособие по случаю ее повторного выхода замуж. Свадьба состоится через несколько дней, и поставленный в известность об этом событии король даст личное согласие на выплату молодоженам 2 000 ливров из королевской казны.

Вторая группа волонтеров отправляется на Иль-де-Франс тремя месяцами позже на корабле “Лаверди”, на том самом, на котором мятежники прибыли из Макао в Лорьян. Кроме четы Хрущевых на нем поплывут Андрей Казаков, Тимофей Семя-

ченков, Андрей Оборин, промышленник Москалев, камчадал Яков Кузнецов (он, оказывается, вернется со Святого Маврикия и догонит остальных. – С. В.)...

Г-н Вахрин пишет, что Хрущев вернулся в 1774 году в Россию, дождавшись прощения Екатерины II. Скорее всего, вернулась Чурина-Хрущева, овдовевшая вторично 16 марта 1774 года согласно французским документам. Хрущев умер от мадагаскарской желтой лихорадки через три месяца после своего приезда на остров.

...В 1776 году Бениовский с женой и адъютантом Григорием Кузнецовым вновь прибывают в Париж.

В Париже Бениовский встретил своего товарища по оружию Казимежа Пулаского, который как раз готовился к отъезду в Америку, чтобы во главе своего легиона принять участие в борьбе за независимость Соединенных Штатов. Североамериканцы нуждались в опытных офицерах, которых на территории Франции вербовал известный политический деятель, дипломат и ученый Бенджамин Франклин, в то время дипломатический представитель Соединенных Штатов во Франции. Григорий Кузнецов, только что получивший чин капитана французской армии, просит Бениовского отпустить его служить в легионе Пулаского. Франклин, подружившийся с Бениовским и нашедший в нем прекрасного партнера для шахматной игры, порекомендовал Грегора Ковача Джорджу Вашингтону, и Ковач впоследствии занимал ряд ответственных постов в легионе Пулаского. В письме от 9 января 1778 года Пулаский пишет Вашингтону, что «полковник Ковач является человеком с очень большими достоинствами», и предлагает продвинуть его по службе. Григорий Кузнецов погибает в стычке у города Чарлстон 12 мая 1779 года».

О других мадагаскарских волонтерах французские архивы пока молчат.

И еще один маленький штрих в этой истории – в своих мемуарах о Большерецком бунте Беньевский придумал и путешествие в Америку вслед за русскими промышленниками – на Аляску. И судьба через многие-многие годы, через несколько поколений – забрасывает в бывшую Русскую Америку, в Анко-

ридж, крупнейший город штата Аляска США, правнучку предводителя мятежного галиота.

9.

Сообщение французских агентов о том, что Беньевский с русскими беглецами готовится к какой-то морской экспедиции, не могло не встревожить императрицу Екатерину.

Мысль о возможном возвращении Беньевского на Камчатку была высказана еще во время первого следствия о Большерецком бунте полковником Зубрицким.

Приняв управление Охотским портом, он 10 октября 1772 г. сообщал в Иркутск, *«что Беньевский может возвратиться с несколькими судами и потому необходимо иметь здесь всякую осторожность, хотя я и послал в Камчатку предписание прислать из острогов требования о порохе, свинце и проч.; но не скоро получитя ответ. А судя по охотским пушкам, которые все старого манера и с раковинами, надо полагать, что такого же качества пушки и в Камчатке. Да и половина всей команды без ружей и шпаг; а у кого и есть ружья, то негодные. А потому не угодно ли будет прислать пушек, по три на острог, всего 24-ре с снарядами, небольшого фасону, ибо их трудно перевозить из Якутска в Охотск. Потребно ружей 1 000, свинцу 200 пуд, пороху 100 пуд., артиллеристов 24 и солдат 200, а ежели можно, то и более, потому что в людях крайний недостаток. Офицеров всего 15, да и то из них 7 пьяниц и никуда не годных...»*

26 марта 1774 года Вяземский по поручению царицы пишет письмо новому командиру Камчатки, личному ставленнику Екатерины, премьер-майору Магнусу фон Бему:

«Ныне же, по дошедшим известиям ко двору, явился он (Беньевский. – С. В.) во Францию, где и нашел себе покровительство, как у державы, Российской империи недоброхотствующей. Хотя же от двора нашего и объявлено было, через газеты чужестранные, о характере и действиях сего отчаянного, но не взирая на то, двор французский не токмо дал об нем, такими же газетами, во всем противное понятие, называя его бароном

и защищая всю об нем истинную историю, но получено ныне известие, что тот же французский двор, вооружа для него фрегат и малую флотилию, отправляет его с 1 500 человек войска, якобы в Ост-Индию, для завоевания там нового у варваров селения, в самом же деле, по примечаниям, прямое намерение его экспедиции укрывается.

Все сие хотя еще кажется невероятно, но когда началось безумие в даче ему пристанища и защищение его перед публикою уже сделано, то и прочие догадки о которых ниже упоминается, казаться должны не без основания. И так, данное отчаянному оружие в руки, сколько не кажется смеха и презрения достойным, благоразумие однако ж заставляет и против безумного стремления остерегаться тем паче, когда оно отчаянною головою в действие производится, которою, так как побуждаемую мщением, французы, не сожалея об ней, пользоваться, может быть, захотят. Но как при том, Бенъевского, во время заарестования в Петербурге сам я видел человеком, которому жить или умереть – все едино, то из сего не без основания и подозревать можно, что он, зная свободный проезд до Камчатки, и имея о берегах и жителях ее сведения, не покусился бы иногда сделать и на нее какие-либо поиски.

...А как известно, что Камчатка ни с какими чужестранными землями и на чужих землях никакого торгу не производит, то неминуемо и должно вам быть явным доказательством тайного или явного неприятельского покушения всякого чужестранного судна приближение... Имейте всегда за главное правило предупреждать все злодейские ухищрения добрыми распоряжениями, а силу отражать мужественным сопротивлением. Причины сей ко всем предприемлемым вами осторожностям не надлежит никому объявлять, но содержать в крайнем секрете, дабы пустою иногда опасностью не встревожить тамошних жителей».

18 апреля 1779 года в Большерецкую канцелярию поступает сообщение о прибытии в Петропавловскую гавань двух иностранных судов. Нет, это были не французы – англичане, участники 3-й экспедиции Джеймса Кука. Сам Кук не был в Авачинской бухте, но он встречался с русскими промышленниками на

Алеутских островах, в полное восхищение привел великого английского мореплавателя его русский коллега мореход Герасим Измайлов, который совершал труднейшие плавания, не имея никаких необходимых для этого навигационных приборов.

Бем с достоинством правителя Камчатки принял англичан, прислал на суда двадцать быков для экипажа, отдельно еще две дойные коровы специально для больного руководителя экспедиции капитана Чарльза Кларка, нуждавшегося в свежем молоке, и 250 пудов ржаной муки из небогатых камчатских припасов.

Но молоко Кларку не помогло – 24 августа корабли вернулись в Петропавловскую гавань. Бема на Камчатке уже не было – он сдал управление краем капитану Тимофею Шмалеву, который оказался в чрезвычайно затруднительном положении. Дело в том, что у Бема все переговоры с иностранцами вел его собственный камердинер Иоганн Порт, но теперь на Камчатке был только один человек, владеющий иностранным языком, – тайный государственный преступник Петр Ивашкин. Шмалев вынужден был принять на себя чрезвычайную ответственность – но деваться-то некуда.

29 августа, согласно завещанию Кларка, тело его было предано земле в Петропавловской Гавани. А имя переводчика – ссыльного Ивашкина – стало известно во всем мире.

Да, он не был прощен – видимо, все-таки не написал донос, хотя в литературе есть сообщения об этом. Семена Гурьева, за то, что он пострадал от бунтовщиков, и даже братьев Гурьева тоже простили, дочерям его, родившимся на Камчатке от дочери ссыльного же Сикерина, возвращено было дворянство...

Об Ивашкине же вспомнили только в 1787 году. И снова в связи с приходом иностранных судов.

Нет, приходили они и раньше – после захода судов экспедиции Кука в Кантон там узнали о прекрасных северных мехах и вскоре капитан-исправник Штейнгель с купцом Григорием Шелиховым принимали первого гонца.

Но к 1787 году Штейнгель был отрешен от должности, на Камчатке зверствовал Козлов-Угренин... И вот – читаем в «Русской старине» за 1876 год очередной исторический очерк А. С. Сгибнева:

«В бытность Угренина на Камчатке он навел там такой страх, что ... появление Беньевского, которого не переставали все-таки ожидать, не напугало бы ... так, как напугал Угренин. В это-то тяжелое для всех камчадалов время распространился по полуострову слух, что в Петропавловскую гавань пришли два хорошо вооруженные французские фрегата. На этот раз суда принадлежали той нации, которая сильно покровительствовала Беньевскому, а потому никто не сомневался в том, что они пришли с неприязненною целью. Угренин в это время находился в Нижнекамчатске и, получив об этом известие, не знал, что предпринять. В Петропавловской гавани весь гарнизон состоял из 25-ти казаков, при одном офицере, а на укрепления, построенные там Рейнике, надежда была плохая: они заключались в одной земляной батарее о трех маленьких пушках. Наконец прибывший к Угренину курьер привез отрадное известие, что суда эти принадлежат к ученой экспедиции Лаперуза».

И еще пройдут годы, но мысль о возможной высадке французского десанта на Камчатке (имеющего подробные карты побережий, вывезенных Беньевским) продолжала тревожить русское правительство.

И вот кульминация:

«В 1799 году объявлена была война Испании (союзнице Франции. – С. В.). Родилась мысль о беззащитности наших восточных берегов. Послали из Иркутска Сомова полк для занятия Камчатки, Охотска, Гижиги и Удского острога. Из Санкт-Петербурга отправлен капитан Бухарин в Охотский острог для приустройства транспортов. Сомов привез в Камчатку тифозную горячку, которая уменьшила малое население ее на половину. ... Для защиты восточных берегов с моря предписано было вооружить оставшийся от Биллингсовой экспедиции корвет «Слава России», если еще годится. Для этого потребовались разного рода мастеровые и художники. Адмиралтейство отправило их с капитаном Л. Башуцким. Я был к нему прикомандирован и от Москвы вел передовую партию». Это снова «Записки» Владимира Штейнгеля.

10.

В 1773 году в Иркутске, служа у богатого земляка, курского купца Ивана Ларионовича Голикова, Григорий Шелихов знакомится с молодым купцом из Якутска Павлом Лебедевым-Ласточкиным, таким же, как и сам, приказчиком, и решают объединить имеющийся у обоих капитал и рискнуть, как и многие, послав свое собственное судно на Алеутские или Курильские острова.

Им баснословно повезло в тот год – вот, что значит судьба! – воспользовавшись ссорой главных компаньонов бота «Николай», не поделивших добычу, они скупили за бесценок основную часть паев и стали хозяевами промыслового судна.

В 1774 году Шелихов в Охотске.

В том же году вернулся на море и Дмитрий Бочаров. На «Святом Прокопии» устюжского купца Федора Шубина (затем купцов Журавлева и Криворотова, перекупивших «Прокопия») ходил он в тот год к берегам Америки.

В феврале 1775 года Шелихов и Лебедев-Ласточкин договариваются с командиром Камчатки Магнусом фон Бемом о плавании к Южным Курильским островам и даже в Японию.

Вернувшись в Иркутск, Шелихов женится на молодой вдове богатого купца.

Кто была эта женщина? Каково ее происхождение? На сегодняшний день мне известны две существующие версии. Одна из них принадлежит американскому писателю (русскому эмигранту) Виктору Порфирьевичу Петрову, о которой он рассказал мне при встрече в Москве летом 1991 года, когда с другим крупным американским специалистом по Русской Америке, таким же энтузиастом, как и Виктор Порфирьевич, возрождавшими самую южную русскую колонию в Америке – Форт Росс – Николаем Ивановичем Рокитянским – приехали на родину основателя этой крепости Ивана Кускова в Тотьму и совершали путешествие по Сухоне, организованное Московским историко-просветительским обществом «Русская Америка». Позже Виктор Порфирьевич прислал мне свою трилогию о Русской Америке – где я вновь встретился с этой версией писателя, что

Шелихов был женат на Наталье Алексеевне Голиковой, дочери одного из многочисленных родственников своего компаньона.

А у другого русского писателя, россиянина, Юрия Ивановича Федорова в его книге «Державы для...» говорится о том, что Наталья Алексеевна была внучкой Никифора Мокиевича Трапезникова.

В это время Никифор Мокиевич еще был жив – в 1773 году он принимает участие в снаряжении «Евпла», правда, участие самое что ни на есть рядовое.

И уж не Никифор ли Мокиевич дал совет Григорию Ивановичу, которого он и придерживался всю свою оставшуюся жизнь, что ежели хочется истинно разбогатеть, то стоит вкладывать деньги не в одно – два судна, а в десяток – другой. Тогда обязательно придет настоящая удача. Чтобы выиграть, дело надо расширять. Не бояться риска и идти ва-банк. Иначе – будешь как все.

Можно было и пренебречь советом – никто еще так, как сам Никифор Трапезников, не пострадал от промысловых неудач. Но кто еще, кроме этого старого купца, имел такой богатый опыт, который был подороже всякого капитала. Я не знаю, когда умер Никифор Мокиевич (по Берху он в 1776 году получил золотую медаль от Екатерины за промысловую деятельность), но, кажется, в 1775 году Шелихову как раз и удастся объединить несколько капиталов: свою предприимчивость и ум, трезвый холодный расчет и мудрость старого Трапезникова и золото богатой невесты.

В короткое время Шелихов стал совладельцем «Петра и Павла», «Андрея Первозванного», «Варфоломея и Варнавы», «Натальи», «Иоанна Предтечи», «Иоанна Рыльского», «Святого Георгия» и «Святого Павла».

В это же время – в 1776 году – Герасим Измайлов ведет на Алеутские острова бот «Святой Павел» Ивана Саввича Лапина с компаньонами. Но если Бочаров, уволенный со службы, имел теперь право свободного найма, то в отношении «Павла» и Измайлова (вероятно, в благодарность за подаренные императрице чернобурки) последовал

«Указ ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской...»

Первое. В сходность имеющихся в здешней канцелярии повелениев, состоящее в готовности ...компанейщиков Орехова, Лапина и Шилова судно Св.Павел от порту Охотского в открытое море в вояж на известные и неизвестные острова, из гавани портовой уволить и на то судно просимого и отданного для мореплавания Штурманского ученика Герасима Измайлова отдать ...с произведением ему по окладу денежного жалования. ...впредь доколе он на судне будет довольствоваться имеет, как денежным, так и провиантом против окладу его ...двойным, а не одиноким окладом...

...Четвертое. Когда ж от тамошних народов, живущих на островах сих случаев и злого намерения предвидено иногда не будет и они со всеконечностию твердостию мыслием и без зла с ласкою обходиться будут; то в таком случае передовщику Луканину, а паче ж ученику Измайлову и по должности своей и знанию науки от тех островных народов изведать ласкою из следующего, как то: 1. О великости и числе близости островов, многолюдствии народов. 2. Какую они веру содержат и какой обычай имеют? 3. Сколь склонны и приятны в обхождениях промеж собою и тверды обнадеживаниям давших? 4. Какое имеют пропитание и какое носят платье; от своих ли рукоделий или отколь что получают? 5. Не имеют ли с кем и на что каковых торгов, и на что более склонны? 6. Какое оружие при себе имеют, и отколь оное получают, или сами делают из своего железа или ж из привозного отколь? 7. Не имеют ли с кем войны и нет ли других народов близь тех им известных? 8. У кого они сами, и те живущие на неизвестных островах им в подданстве и владении состоят, и платят ли какую и чем когда подать? 9. От какого колена они рождены, и давно ль размножились? 10. Каков им Российский народ приятен кажется, и желают ли впредь с ним видеться, и обхождение и торг иметь? 11. Есть ли у них морские какие суда в заведении, и куда плавание совершают, и имеют ли каковыи ни есть карты и лес на строение судов; со своих ли островов или отколь из другого места получают? И всему тому журнальную записку учинить чрез то стараясь объяснить нетокмо видимую самим землю, но и невидимые, а уверяемые в словах теми наро-

дами острова изъяснить для положения впредь на карту не румбами, но на четверть компаса и под которыми градусами и минутами какой остров или земля состоит».

В 1781 году «Павел» возвращается с богатой добычей, но компания в 1783 году распалась и «счастливейшие из сибирских аргонавтов» решают его продать.

У Лапина оставался еще «Александр Невский», и он ушел к американским берегам на долгих десять лет. Тогда-то и был открыт Чугацкий (Чугатский) залив – то есть начинается изучение матерой уже земли – Аляски. Что очень важно – это открытие было сделано Потапом Зайковым и его людьми совместно с экипажами еще двух промысловых судов, которые сопровождали в том походе «Александра Невского».

Первое – бот «Святой Михаил» тотемского купца Алексея Холодилова (значит, недооценил возможности бота штурман Чурин, если на нем и через десять-пятнадцать и более лет еще совершались великие географические открытия).

Второе – «Святой Алексей» тотемских же купцов Пановых.

То есть пришло новое время, которое и подразумевал всегда Никифор Трапезников, – чтобы получать прибыль от мехов на американском побережье вблизи поселений воинственных индейцев, нужно купцам объединять свои усилия и посылать в море не одиночные артели, а целые экспедиции.

И тут же встал вопрос: с кем? вокруг кого? объединяться. Самыми крупными среди всех были по-прежнему эти двое – Павел Сергеевич Лебедев-Ласточкин и Григорий Иванович Шелихов.

Когда-то компаньоны, теперь – яростные конкуренты. Ничего удивительного – вспомните Никифора Трапезникова и Федота Холодилова. История повторяется.

Иван Саввич сделал ставку на первого. И у него, надо сказать, было совсем мало шансов проиграть.

«Надобно сожалеть, – писал Василий Николаевич Берх в своей “Хронологической истории”, – что почтенный Лебедев-Ласточкин не имел нужных связей, дабы удержать при учреждении Российско-Американской компании все занятые им мес-

та. Планы сего умного якутского гражданина были очень обширны, и ежели бы он присутствовал бы сам при исполнении оных, то компания его, вероятно взяла бы верх над Голиковскою и Шелиховскою. Главная причина совершенного разстройства оной состояла в том, что передовщики трех судов были в несогласии и чрезвычайном соперничестве. Бывший кадъкский архимандрит Иоасаф говорил в письме своем к гг. Шелехову и Голикову, что передовщики его Колошин, Балушин и Коновалов, вооружали даже друг против друга промышленников. Дикие, видя сии непристойные раздоры, воспользовались оными и, истребив впоследствии селения их, побили и многих людей.

Знаменитый Правитель Америки Александр Андреевич Баранов, рассказывал мне, что ежели бы он имел таких отважных и расторопных людей, каковых находилось в компании Лебедева до 200 или бы был начальником оной, то покорил бы все Американские племена вплоть до Калифорнии».

В 1799 году Американская компания Лебедева-Ласточкина прекратила свое существование в связи с образованием Российско-Американской компании под высочайшим покровительством.

11.

Но Григория Ивановича не было уже в живых. Он умер в 1795 году. По одной из существующих версий – о возможности разорения – кончил жизнь самоубийством.

Последнее, скорее всего, достоверно – в 1786 году торговля с Китаем в Кяхте прервалась на несколько лет и все вывезенные из Америки меха гнили на складах, не имея сбыта.

Но так уже и было не раз – купцы терпеливо ждали, зная, что и китайцы терпят большие убытки, и без барыша в кармане не оставались. Но на этот раз при восстановлении торгов выяснилось, что кто-то сбивает цену на китайском рынке. И очень значительно. Кто же?

Оказалось – иностранцы, торгующие пушниной, скупленной ими у жителей северо-западного побережья Америки, в... Кантоне.

Кантон... Когда-то именно он был путеводной звездой често-

любивых замыслов. А теперь – перечеркивал всю его удачу и саму жизнь?

Но есть и другая версия о причинах столь ранней смерти Шелихова. О ней пишет В. И. Штейнгель в «Записках»:

«Я слышал сей анекдот (во времена Штейнгеля это слов имело другое значение – короткий рассказ, а не невероятный и смешной случай, как понимаем сегодня мы. – С. В.) в бытность мою после в Охотске от самовидца Евстр. Деларова, который был директором Американской компании, и от некоторых других особ. Вот что мне рассказывали: Шелихов, отправясь в Америку в 80-х годах, оставил свою жену в Охотске. Тут она не замедлила вступить в связь с одним из чиновников (забыл его фамилию) и так как между тем рассеяли, может быть, они же сами по Охотску верные слухи, что Шелихов, вышед из Америки в Камчатку, умер, то жена его и готовилась выйти за того чиновника замуж, чему и брат Василий способствовал. Но вдруг, вовсе некстати, получено письмо, что Шелихов жив и вслед за оным едет из Камчатки в Охотск. В семто критическом положении жена решилась по приезде его отравить. Но предупреденный Шелихов едва приехал, как все искусно разыскал, обличил их обоих, жену и брата, чрез своих рабочих публично наказал. Сего не довольно, он хотел, по выезде в Иркутск, предать жену уголовному суду и настоять, чтоб ее высекли кнутом. Но в сем случае Баранов, известный потом правитель Америки, бывший тогда его приказчиком, убедил его пощадить свое имя и простить виновницу. Может быть, сие происшествие, которое не могло укрыться от иркутской публики, было причиною, что внезапная смерть Шелихова, последовавшая в Иркутске в 1795 году, была многими приписываема искусству жены его, которая потом, ознаменовав себя распутством, кончила жизнь несчастным образом, будучи доведена до крайности одним своим обожателем. Таков всегда бывает конец порока. Если богатство и случай прикрывают его пред людьми, то пред Провидением ничего укрыться не может».

12.

А конкурентом Кяхты – центра русской торговли с Китаем становился Кантон, куда вели морские дороги из Европы и из Америки. Эти дороги были покороче и полегче сибирских трактов. А главное – не принадлежали никакому конкретному государству.

Кто же первый начал торговать в Кантоне северной пушной?

Бейпоск – именно он приказал загрузить вместе с пушками, ядрами и порохом мягкую рухлядь – только собольих шкурок увез «Святой Петр» около двух тысяч штук. Их он и продал португальскому губернатору Сальданыи вместе с галиотом, а тот уже перепродавал далее, в Китай.

Следующими были участники Третьей экспедиции Кука, вернувшиеся от берегов Америки со шкурами морских бобров – каланов.

А в 1785 году из Кантона вышел первый из тех, кто потом грабил русские тихоокеанские владения в Русской Америке еще не один десяток лет. Это был Жаммес Ханна. Его бриг был назван «Морской бобр» и пошел туда, куда советовали ему идти спутники Кука – в Нутку. Здесь Ханна, действительно без большого труда, приобрел 560 шкур морского бобра и заработал на этом в Кантоне, по возвращении, 20.600 пиастров.

Шелихов узнал об этом от Вильяма Питерса в Петропавловской гавани в 1786 году. И не только это – он узнал, что вслед за «Морским бобром» Ост-Индская компания снаряжает еще три судна. Да и сам Ханна снова отправился в Нутку, правда, на этот раз неудачно – привез всего сто шкур и продал их за пять тысяч пиастров. Но две шхуны компании, вышедшие в 1786 году из Бомбея, привезли 600 бобровых шкур и продали их «гуртом» за 24 тысячи пиастров. Третья шхуна, также выйдя из Бомбея, одна привезла 357 шкур, но продавались эти шкуры поштучно по очень высокой цене – от 50 до 90 пиастров. По два пиастра шли бобровые хвосты. Командир этой шхуны лейтенант Мирс собирал бобровые шкуры – такого высокого качества! – на побережье Чугатского залива, где промышленяли рус-

ские зверобой компании Ивана Лапина, Алексея Холодилова и купцов Пановых.

Успех первых экспедиций вскружил голову. В конце восьмидесятых годов начали снаряжаться промысловые и торговые суда для похода в Русскую Америку во Фландрии, Франции и Англии.

Василий Николаевич Берх, из работы которого – «Известие о меховой торговле, производимой Россиянами при островах Курильских, Алеутских и северо-западном берегу Америки» – я и взял эти факты, собрал уникальный материал о тех, кто пытался – и безуспешно – составить конкуренцию Григорию Ивановичу Шелихову – разорить его, и тем самым отместить всякую мысль о каких-либо русских владениях в Америке.

В 1787 году в Кантон прибыл Жан Батист Лаперуз (ла Перуз). И его научную экспедицию также захлестнула пушная лихорадка – он привез для продажи 600 бобровых шкур, правда, очень низкого качества, которые пошли только за десять тысяч пиастров.

В тот же год капитан Берклей, вышедший два года назад из Остенда, привез в Кантон 800 бобровых шкур и продал их за тридцать тысяч пиастров.

Вслед за ним из Калифорнии торговцы привезли сразу тысячу бобровых шкур, но они пошли за... тридцать две тысячи пиастров. Цены начали резко падать.

Но на это не обращали внимания – и буквально через год кантонский рынок был забит бобровыми шкурами. В 1788 году капитаны Портлок и Диксон продавали бобровые шкуры по двадцать пиастров за штуку. Спутник же Кука капитан Кинг продавал их в свое время по восемьсот пиастров за шкуру.

Но об этом времени стоило уже забыть – в 1788 году в Кантоне скопилось уже 6 643 шкуры морского бобра. Число «Язонов» сразу заметно поубавилось. Но только тех, кто шел за «золотым руном» из Европы. В Америке пушная северная лихорадка только-только разгоралась.

В 1805 году, когда в Кантон прибыла из Русской Америки «Нева», на борту которой были бобровые шкуры отличнейшего качества, приказчики РАК полагали получить за них никак не

менее тридцати пиастров за штуку. Получили... половину – незадолго до прибытия «Невы» американскими купцами из Бостона было доставлено в Кантон четырнадцать тысяч таких же шкур. На борту «Невы» было еще 130 тысяч шкур морских котиков, которые приказчики прикидывали продать хотя бы по пиастру за шкуру. Не вышло и это – бостонцы тоже привезли 90 тысяч шкур морских котиков...

Угроза разорения нависала теперь уже и над Российско-Американской компанией, почему необходимо было закрыть ее владения от иностранцев.

И нужно было идти в Калифорнию – в самые богатейшие бобровые места и закрепляться здесь, вытесняя конкурентов.

Потому тысячу раз был прав Николай Петрович Резанов, отправляясь на «Юноне» в калифорнийский порт Сан-Франциско.

И в 1812 году здесь – неподалеку – будет заложен тотемцем Иваном Кусковым самый южный форпост Русской Америки – Форт Росс...

ХРОНИКА НЕОКОНЧЕННОЙ ВОЙНЫ

1897–1903 гг.

В 1903 году, накануне русско-японской войны, камчатский окружной врач Владимир Николаевич Тюшов, выпускник Дерптского университета, автор известной книги «По западному берегу Камчатки», человек разносторонних знаний и дарований, написал еще одну исследовательскую работу, оставшуюся неизвестной для широкого круга не только простых читателей, но и специалистов. Этот уникальный документ хранится в г. Томске.

«В 1896 г. впервые появились на Камчатском полуострове японцы, завезенные Русским Товариществом котиковых промыслов в устье р. Камчатки для лова чавычи.

Специальный засольщик, крестьянин Зубков, нанятый названным Товариществом для засола уловленной японцами и купленной у местных жителей рыбы, оказался недостаточно знаком со своей специальностью, вследствие чего уже в следующем году Товарищество, потерпев убытки, хотя и продолжало неудачные опыты с засолом чавычи, параллельно с этим начало солить другие виды лососей японским способом.

Для этого весной 1897 года было взято на восточном побережье несколько рыболовных участков, на которых и занялись ловом рыбы японские рыбаки.

Нет ни малейшего сомнения в том, что вернувшиеся обратно на родину японцы еще осенью 1896 года, как люди в отношении рыболовства опытные, сообщили о рыбных богатствах Камчатки и о прибыльности занятия в этой стране рыболовством, тем более, что полная безопасность в отношении лова не только в море, но и в самих реках полуострова была для всякого японца более чем очевидна, потому что побережье страны как в те времена, так и теперь (в 1903 г. – С. В.) было и продолжает быть без всякой действительной охраны, если не считать та-

ковой одно русское военное судно, крейсирующее каждое лето только у Командорских островов и вовсе не охраняющее камчатских берегов. Единственный раз за все время крейсирования в этих водах транспорт “Якут” прошел в Охотское море в 1901 году, но и то без всякого результата. Поэтому немудрено, что японцы, совершенно ознакомившись с действительным беззащитным положением Камчатки в смысле охраны ее богатств от хищников, несмотря на весь риск плавания в этих водах, в 1898 году появились как на западном, так и на восточном берегу Камчатки в таком значительном множестве, что суда Русского Товарищества, несмотря на дальность расстояния их прохождения от камчатских берегов, то и дело имели случай видеть хищнические японские шхуны.

В 1898 же году было учреждено при Приамурском генерал-губернаторе особое управление государственными имуществами, в ведение коего вошла и рыбная промышленность.

Еще в 1897 году, летом, было предложено по поручению генерал-губернатора С. М. Духовского д. ст. с. В. П. Маргаритовым окружному начальнику высказаться ввиду появившегося на Камчатке рыбного промысла и дальнейшего его развития, желательно или нет присутствие в стране особого лица, которому принадлежали бы надзор и изучение промысловой деятельности. Ответ был отрицательный.

Быв одно время назначен заведующим рыбными промыслами, в Хабаровске, я лично, зная рыбные богатства камчатского побережья и полную беззащитность его от хищничества и более чем очевидное стремление японцев воспользоваться тем и другим, просил управляющего государственными имуществами д. ст. с. М. С. Веденского о назначении меня на то же место заведующего в Камчатку, но просьба моя не была уважена по словам г. Веденского потому, что Камчатке нельзя было ожидать развития рыбопромышленности.

Время меня оправдало гораздо даже скорее, чем я ожидал.

Летом же 1898 года вышеупомянутый Зубков, уволенный с места засольщика Товариществом, хлопочет об отдаче ему для рыбной ловли почти всего восточного побережья Камчатки. В то же время японцы обращаются с прошением об отдаче им в

арендное пользование рыболовных участков, как по восточному, так и по западному побережью для постройки рыбообделочных заводов с обязательством даже устройства рыбозаводных садков. Получив отказ от управления государственными имуществами как не имеющие вовсе права занятия промыслом по смыслу временных правил о промышленности, японцы, пользуясь подставленными лицами, как Зубков, Крупенин, Новограбленов и др., начинают хищнический промысел во многих речках Камчатки. Под предлогом скупа рыбы у местных жителей японцы заходят в Камчатку и др. реки, где и производят улов своими рабочими.

С 1899 г. начался хищнический промысел рыбы японцами по всему побережью Камчатки, и население ее начинает справедливо уже жаловаться на оскудение рек рыбою вследствие перегораживания их в устьях японскими сетями.

Количество рыболовных участков, выбранных на чье-либо русское имя, значительно возрастает, причем и численность на этих участках японцев достигает до двух тысяч человек.

Имея в виду, что японцы сходят на берег с ружьями, понятно то опасение, явившееся как у жителей, так и администрации, что Камчатка при малейшем поводе окажется фактически занятой вооруженной японской силой.

В 1900 году в Камчатку пришла шхуна “Сторож” с заведующим промыслами г. Домашневым. Несмотря на то, что только небольшая часть восточного побережья Камчатки была посещена “Сторожем”, что “Сторож” был не весь сезон рыбного промысла, г. Домашнев заметил и остановил незаконный, чисто хищнический, промысел рыбы в нескольких местах; между прочим, и в реке Камчатке, где имеет свое местопребывание Усть-Камчатский частный командир, лицо административное, г. Домашневым были заарестованы две хищнические японские шхуны, не прикрывавшиеся вовсе никаким подставленным именем.

Этот опыт “Сторожа”, казалось, был совершенно достаточно и вполне убедителен в настоятельной необходимости и в крайней своевременности иметь здесь сторожевое быстроходное судно и особую промысловую администрацию, тем не ме-

нее, и на этот раз Камчатка осталась предоставленной на полное разграбление ее хищниками, японцами, которые в следующем 1901 году появились у берегов в такой численности, что по свидетельству судового экипажа парохода “Котик”, на котором в тот раз находился для осмотра западного побережья и Окружной начальник г. Ошкурков, море на расстоянии мили от берега носило множество тел уснувшей горбуши, выкинутой японцами из сетей в море за ненадобностью.

Горбуша самый низкий сорт лососей, всегда выбрасывается (японцами), если есть в изобилии какой-либо другой лосось.

Желая остановить хищнический промысел двух японских шхун, замеченных в реке Облуковиной, окружной начальник хотел было конфисковать как уловленную и засоленную рыбу, так и сами шхуны, но капитаны шхун, напоив и вооружив своих рабочих и команды, не только отказались исполнять требование начальника, но и грозились убить двух русских из Петропавловска, которые в качестве японских же приказчиков оставались на берегу среди японцев и которые спаслись на “Котике” в одном белье, оставив во власти японцев и заработанные деньги, и все свои вещи.

Этот факт открытого сопротивления русским властям и на русской территории, факт нашего, обидного для России, бессилия, был занесен в шканечную книгу “Котика” и передан мне, как таковой, капитан этого судна г. Щербининьм. (Этот факт отмечен и в донесении русского консула в Хакодате своему начальству, причем г. Геденштром заявляет, со слов японцев, проникших и в японскую печать, что в ст. сов. Ошкуркова японцы стреляли.)

Впрочем, о нем знал и “Якут” (военный транспорт. – С. В.), но никто и ничего не предпринимал, а японцы, погрузивши ценную добычу, благополучно и не спеша вышли из р. Облуковиной с полным грузом.

К сожалению, не в одной только Облуковиной происходил и происходит безданный и беспощадный лов рыбы хищниками, но и во многих других реках и речках полуострова, как о том замечено выше.

После сказанного обидного инцидента с начальником для меня не было никакого сомнения в том, что в Японии весть о

столь явном перевесе японцев над русским в Камчатке возымеет свое действие, а не пройдет молчанием, как у нас, и что в следующем же году японские шхуны появятся еще в большем числе, чем прежде, если наше Правительство не примет безотлагательно каких-либо решительных мер к обеспечению камчатских побережий. Мое ожидание рациональной постановки дела охраны, не исполнилось ни в 902, ни в текущем 903 году. Камчатка по-прежнему остается без всякой деятельной охраны, брошенная на беспощадное разграбления ея богатств японцами с несчастным населением, обреченным тем самым на быстрое вымирание.

Вред от какого положения вещей на Камчатском полуострове для России мне представляется слишком очевидным, чтобы нужно было говорить об этом подробно. Уже и теперь от прежнего “неисчерпаемого” богатства Камчатки рыбою остаются воспоминания: каждый год оказывается недостаток то в той, то в другой реке. Убеденный в том, что рыба, в большинстве случаев, возвращается в ту реку, в которой вывелась, что она поднимается из моря по достижении ею половой зрелости, т.е. приблизительно через три-четыре года, я не имею надобности быть пророком, чтобы сказать, что в недалеком будущем и камчадалам, подобно айнам Сахалина, придется ловить рыбу для собственного пропитания в открытом море. В прямой зависимости от обеднения рек рыбою находится и обеднение данной местности зверем, как-то: медведем, лисицею, волком, росамахою и даже, по всей вероятности, сободем, так как все эти животные питаются в летнее время, отчасти и зимою, главным образом, рыбою, добываемую ими в верховьях рек.

Зверь в настоящее время, по выражению местных жителей, “уходит”. Так, зверь ушел с р. Жупановой, когда начался в ее устье рыбный промысел Русским Товариществом, а затем японцами, считавшейся до того одной из самых “звериных” рек полуострова.

Известно также, что засоленная рыба, оставленная по той или иной причине на берегу до следующей навигации, является отравой для зверей, пожирающих ее в осеннее и зимнее время года.

Так, жители селений по низовью Камчатки неоднократно находили палых медведей, лисиц и волков возле бунтов соленой рыбы на устье реки Камчатки и в бухте Столбовой, где рыба оставалась не взятой Русским Товариществом по причине штормовой погоды в течение двух зим.

То же явление падежа зверей от употребления соленой рыбы замечено и на западном берегу полуострова, в некоторых местностях которого, будто бы, вывелись лисицы. Рыба оставалась японцами за невозможностью погрузить на шхуны всего добытого количества.

Одновременно с уничтожением зверя, которое ведет к обеднению камчатского населения, громадный вред наносится японцами ввозом и бесконтрольным сбытом населению дешевого спирта в плату за упрямую промышленную жителями же для японцев рыбу.

Уследить за тайною продажей спирта также нет никакой возможности, как и уничтожить хищнический промысел рыбы, и таким образом население обречено на спаивание и на обеднение вследствие расхищения рыбы и уничтожения пушиного зверя.

Еще немного лет, и Россия будет иметь в Камчатке, вместо страны, одаренной щедро естественными богатствами, – пять тысяч голодного населения, если еще до этого не удастся японцам вполне овладеть Камчаткою, приобщив ее к своим владениям.

Что японцы питают эту мысль, мне кажется, доказывает не только их современное положение, заставляющее волей-неволей искать места, куда бы удалить избыток островного населения, не только их прогрессирующая в Камчатке рыбопромышленность, но и те факты их систематического изучения Камчатки, которые известны местной администрации.

За короткое, сравнительно, время их появления на полуострове из среды рабочих-рыбаков начали оставаться отдельные личности то в том, то в другом береговом селении Камчатки, мотивируя свое желание остаться здесь, не ехать обратно в Японию первоначально тем, что в Камчатке лучше.

В числе оставшихся было немало интеллигентных японцев, присутствие которых среди и в качестве чернорабочих уже одно само по себе наводит на некоторые размышления.

Один из японцев, числившийся чернорабочим при постройке консервного жиротукового завода в Гарьинской бухте Камчатским торгово-промышленным обществом оказался прекрасно знающим дело инженером, поехавшим на Камчатку, будто бы, с целью практического ознакомления с ведением некоторых работ. Между прочим, японец этот занимался, как и многие другие из числа рабочих, фотографированием окрестностей Петропавловска.

Одним из матросов на шхуне “Бобрик”, зимовавшей в 902\903 году в устье реки Камчатки, оказался по словам капитана шхуны г. Яновского, лейтенантом японского флота, из известной в Японии древней аристократической фамилии. В Петропавловске летом 1900 года жили два молодых японца, правительственные таможенники, как говорили, чиновники, которые помимо ведения своих записей, много занимались фотографированием.

Ныне зимой, 902\903 г., проживал какой-то японец из числа плотников при постройке больничного дома, называл себя доктором, и с открытием навигации куда-то бесследно исчез.

По западному берегу также оставались японцы в некоторых селениях. Так, в Большеерецке прожил зиму какой-то японец, называвший себя доктором, и уехал обратно на шхуне в Японию, о которой, не зная, что это за личность, действительно ли доктор или военный агент, так хлопотал окружной начальник Ошкурков, как о полезном для Камчатки деятеле.

По частным слухам из Нагасак (от японцев): все эти гг. доктора, инженеры и т. п. – военные агенты, командированные сюда для съемки планов и т. д.

Что капитаны японских судов, посещающих Камчатку, производят съемку и промеры глубины, – факт общеизвестный. Я лично знал японца, лейтенанта флота, участвовавшего в японско-китайской войне, который, служа на пароходе “Сетсуйо-мару”, зафрахтованном Русским Товариществом котиковых промыслов, первый (года за два до Гека) посетил на названном судне Моржовую бухту и произвел съемку и промер. Знаю это потому, что я сам был в то время на пароходе.

Что японцы за пребывание свое у берегов Камчатки дела-

ют дело, доказывает и то, что морские карты Камчатки у них гораздо точнее имеющихся у русских и что последние нередко при плавании в этих водах руководствуются, к стыду своему, японскими картами.

Одним словом, японцы начинают проникаться сознанием своей силы в Камчатке и чувствуют себя здесь хозяевами настолько, что какой-нибудь японец-матрос, подвыпивши, не задумывается кинуться с ножом на капитана-русского, не в потере сознания, но напротив, мотивируя свое нападение тем, что теперь уже должна быть война России с Японией, и поэтому японцам следует убивать всякого русского. Такой случай был в Петропавловске в ночь с 18 на 19 июня н. г. на шхуне “Бобрин”.

Только тем, что японцы сознают свое превосходство, и можно, мне кажется, объяснить такое явление, как заход шхун в камчатские реки для лова рыбы без каких бы то ни было разрешительных документов, даже в устье Камчатки, пункт, в котором находится несколько человек казаков камчатской команды.

России не должно быть безвестным, что на ближайшем к Камчатке острове Шумшу японцы имеют, приблизительно с 95 года, военно-морской пост под командою лейтенанта флота, посещаемый ежемесячно крейсером. Говорят (слух из Нагасаки), что на Шумшу и на Парамушире имеется по батарее и что названный лейтенант провел целую зиму на Камчатке под видом доктора.

...Все вышесказанное, правда, далеко не полное, по моему крайнему разумению, приводит к одному заключению, что наступило уже время, настало давно, чтобы решить, оставить ли Камчатку с Россией или передать ее Японии, кто здесь хозяева – русские или японцы, или эта страна до сих пор не принадлежит никому, и как те, так и другие являются в ней только хищниками. Прожив десять лет в Камчатке, большую часть времени в разъездах и в непосредственном соприкосновении с населением, изучив его, смею думать, сколько возможно, смело заявляю, что камчатское население чувствует себя здесь теперь как брошенный на произвол судьбы ребенок, потерявший всякую надежду на свое спасение. Оно не знает, есть ли у него

родные и кто они, русские или японцы, и к кому обращаться в своих нуждах.

За 200-летнее владение Камчаткою мы, русские, научили аборигенов этой страны только бояться нас – культуртрегеров, как хищников. В самом деле, что мы сделали для Камчатки за этот весьма значительный период, вполне достаточный, чтобы судить о результатах нашего управления страной?

Мы ее обезлюдили, занеся оспу, сифилис и пр., мы уничтожили, как только умели, пушного зверя, силою отбирая его у населения. Где морские бобры и кошлаки, и кто теперь знает о них, которых добывалось по всей Авачинской бухте, в острожке Шипунском, Кроноцком и мн. др., где соболи, которые на памяти еще немногих, считались не штуками, а сороками?

Хищничали все, кто мог, не исключая и представителей русской администрации, на долю которой перепала всегда львиная часть. Население было беспомощно и безответно.

...За последнее время русские хищники, инстинктивно чувствуя приближение конца хищения, напрягают все усилия извлечь от страны и населения все возможное, давно забыв о существовании на свете справедливости, попирая все законы и нимало не заботясь о губельных последствиях своих антирусских разбойничьих усилий.

Слишком узкие эгоисты, чтобы заботиться об интересах государственных, хищники к позору своему и стыду России, как предатели, прикрываясь своим русским именем, ведут за собою в Камчатку целые флотилии японских судов для открытого разграбления этой страны, дожившей да несомненно, хотя и неясного, кризиса.

...Изложенное, полагаю, заслуживает серьезного внимания, если, конечно, вопрос о фактическом владении Камчаткою, а следовательно, Охотским и Гижигинским краем, для Российского государства не безразличен.

12 июля 1903. ТЮШОВ».

(ЦГА ДВ РСФСР, ф. 1005, оп. 1, д. 8, л. 34–43).

Эти материалы были переданы новому начальнику Петропавловского уезда, прибывшему на место умершего в январе 1903

года Ошуркова, коллежскому асессору А. П. Сильницкому. Но прежде чем перейти к рассказу о защите Камчатки и ее природных богатств, я хотел бы дополнить эту работу доктора Тюшова.

Его коллега, доктор Н. В. Слюнин, в книге «Охотско-Камчатский край» сообщает интересные подробности начала этой войны за владение промысловыми богатствами полуострова: «Когда в июне 1897 года прибывшие в устье реки Камчатки японцы закинули свой большой невод, то оказалось, что 50 человек не могли его вытащить: он набит был рыбой, и, чтобы спасти рыболовную снасть, японцы отпустили один конец, чтобы отпустить рыбу, и только тогда могли подтащить ее к берегу, но и при таких условиях они поймали около 6 тыс. экземпляров – количество, буквально поразившее рыбаков» (СПб. Т. 1, с. 547).

Тот год – 1897 – был историческим. Во-первых, Россия отмечала 200-летие присоединения Камчатки к империи. Специально по этому случаю на полуостров были отправлены винтовки нового образца – берданы, и камчатская казачья команда под присмотром специально присланного старшего унтер-офицера Максима Ивановича Сотникова начала обучаться обращению с ними. Во-вторых, – как покажет время, и первое, и второе события неотделимы друг от друга – Русское Товарищество котиковых промыслов именно в этот год отказалось от своей первоначальной задумки – посолки чавычи по методу посолки архангельской семги (бочковой посол) и перешло на японский способ бара (сухой посол). В 1902 году дальневосточный журналист Антон Петрович Сильницкий в своей книге «Поездки в северные округа Приморской области» (Камчатка как округ входила в Приморскую область Приамурского генерал-губернаторства) подробно описал это технологическое новшество: *«Способ этот состоит в том, что рыбу, только что пойманную, потрошат, пластуют, складывают рядами на циновку, обильно пересыпают каждый ряд сухой солью, а затем покрывают известное количество рядов такой рыбы простой циновкой и оставляют затем рыбу на произвол судьбы до того времени, когда ее можно будет везти в Японию. Рыба не портится и охотно покупается на японских рынках, и даже по высокой цене».*

Если в 1896 году Русское Товарищество заготовило в устье

реки Камчатки 87 бочек чавычи общим весом 1 218 пудов, то на следующий год Товарищество продало в Японии уже 8 тысяч пудов и получило ощутимую прибыль от нового вида деятельности. В результате этого Русское Товарищество котиковых промыслов в 1897 году преобразуется в Камчатское торгово-промышленное общество.

В 1898 году общество продает в Японию 30 831 пуд соленой лососины. В 1899 году вывезено уже 114 684 пуда.

В 1900 году, если сравнивать с 1896 годом, уловы возросли уже в 150 раз. Окрыленные успехом, предприниматели – Гринвальд, Савич, Прозоров, Лепешкин – приступают в 1899 году к строительству в бухте Тарья Авачинской губы рыбоконсервного завода мощностью 40 тысяч банок в сутки и тукового завода.

Зашевелились и частые предприниматели. Но, увы, здесь совершенно прав Тюшов – в той войне за рыбные промыслы, что началась в 1896 году, эти русские подданные выступали на стороне врагов России. А. П. Сильницкий в своей книге разделяет самые худшие опасения Тюшова: «Все предприниматели, как оказалось впоследствии, не имели ровно никаких капиталов, и всякий из них рассчитывал извлечь выгоду из своего русского имени».

Каким же образом?

Откроем отчет за 1900 год заведующего рыбными промыслами Приморской области Н. Домашнева:

«В настоящем году рыбным промыслом на Камчатке занимались следующие лица: Русское Товарищество котиковых промыслов, владивостокский купец Бринер, крестьянин Вологодской губернии Зубков и шкипер дальнего плавания Кахтин.

...в большинстве случаев и само дело ведется на японские капиталы: как мне передавали в Хакодате, под именем Бринера действует обширная компания, которая называется, кажется, в переводе на русский язык, – “Северное рыболовное общество”, и одним из главных участников которой состоит г. Саито, ранее с успехом оперировавший в Николаевске, мне самому случалось видеть в Хакодате вывеску: “Бринер, Саито и К^о”.

Рыбопромышленник Зубков сам передавал мне, что он, не располагая большим капиталом, мог оборудовать лишь неболь-

шое количество промысловых участков, но когда он, получив весной прошлого года разрешение производить промысел иностранными рабочими, прибыл в Хакодате, то японцы сами открыли ему кредит на весьма выгодных условиях для оборудования возможно большего числа промысловых участков. Насколько я мог понять, компания капиталистов, предложившая свои услуги Зубкову, выговорила себе около половины чистой прибыли».

Обеспокоенные ситуацией, сложившейся на Камчатке (в 1900 г. здесь работало уже 1 500 японских рыбаков, в 1901 г. на 27 рыбалках Камчатского торгово-промышленного общества было 600 японцев, а одним из приказчиков – Сечи Гундзи, о котором у нас большой разговор впереди; на 14 рыбалках Зубкова насчитывалось 462 японских рыбака...), правительство вводит «Временные правила для производства в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства морского промысла». Эти правила предусматривали штраф в размере 100 рублей за каждого иностранного рабочего. Правила категорически запрещали японцам (ранее это было в отдельных случаях разрешено) промысел рыбы в русских дальневосточных водах.

Это был сокрушительный удар по... русской рыбной промышленности. В итоге в 1903 году было арендовано на Камчатке всего 8 промысловых участков. Закрылись Тарьинские рыбоконсервный и туковый заводы.

А как отреагировали на Временные правила японцы?

Экспорт соленой лососины из камчатских территориальных вод достиг в эти годы 430 000 пудов и сравнялся с экспортом наиболее развитого в это время Николаевского (на Амуре) промыслового района.

Ежегодный браконьерский вылов возрастает впоследствии до 100 000 центнеров. Промысел в камчатских водах в 1900 году ведут 16 паровых и 30 парусных японских шхун, в последующие годы их численность увеличивается в 2–3 раза.

В 1903 году Приамурское управление государственными имуществами вводит на Камчатке должность надзирателя за рыболовными промыслами. Им стал Максим Иванович Сотников – один на все западнокамчатское побережье.

В тот же год канонерская лодка «Манджур», крейсировав-

шая вдоль восточного побережья, задержала браконьерскую японскую шхуну «Явата-мару» в Авачинской бухте – у Красно-го Яра, то есть в непосредственной близости от Петропавловска-Камчатского. Таким образом, японцы уведомили, что война прекращала быть тайной и становилась явной. Нашим же героям – Владимиру Николаевичу Тюшеву, Антону Петровичу Сильницкому, Максиму Ивановичу Сотникову – предстоит сыграть в этих событиях не последнюю роль.

Тюшов в эти годы будет по-прежнему окружным врачом, Сильницкий – редактор «Приамурских ведомостей» – будет назначен начальником Петропавловского уезда. А тобольчанин Максим Иванович Сотников, старший унтер-офицер 2-й роты 10-го Восточно-Сибирского линейного батальон, а будет, как вы помните, командирован на Камчатку для обучения казаков обращению с винтовками Бердана. Здесь он выйдет в отставку, женится на дочери мельковского священника Александре Ирнарховне Малаховой и станет надзирателем за рыболовными промыслами. Ему и выпадет по должности начать боевые действия задолго до того, как официальная бумага об объявлении войны дойдет до Камчатки.

22 июня 1903 г., с. Усть-Камчатск

АКТ

«...прибыв сего числа с тремя казаками на вошедшую сегодня же в реку Камчатку японскую шхуну “Кинсей-мару” осмотрели судовые документы, между которыми нашли удостоверения о зафрахтовании этой шхуны, одной из них данное крестьянином А. Т. Зубковым для отвоза в Усть-Камчатск: соли, товаров и рыболовных принадлежностей и обратно соленой рыбы, а другое, выданное крестьянином Томской губернии Федором и переводчиком японцем Мизутане подана декларация грузов, в коей объяснено, что кроме показанных в декларации товаров спиртных напитков на шхуне не имеется... Найдено закрытых шесть банок спирта, и в четырех ящиках 48 бутылок коньяку; затем – сверху, на палубе, мною, Сотниковым, открыто помещение водяной

цистерны, в которой в самом отверстии сверху стояло ведро с водою, по вынутии ведра в цистерне оказалось: пять концов невода – 69 саж., а внизу, под неводом – 5 банок спирта...»

23 июня, с. Усть-Камчатск

АКТ

«Являсь сего числа в 9 час. утра в мою квартиру, крестьянин Александр Тихонов Зубков, в присутствии Усть-Камчатского частного командира Савинского, Главного Доверенного Камчатского торгово-промышленного общества Брюггена и двух казаков Ив. Савинского и Белоногова, подойдя ко мне к столу во время служебных обязанностей с криком и настойчиво требовал от меня на каком основании я конфисковал на японской шхуне “Кинсей-Мару” 11 бан. спирта, 4 ящика коньяку и невода, я при тех же лицах попросил Зубкова внимательно выслушать содержание акта, составленного мною вместе с Усть-Камчатским частным командиром Савинским 22-го числа сего июня по поводу конфискованных вышепоименованных предметов, после чего Зубков, наколачивая свою грудь, в комнате громко кричал “ты не имеешь право конфисковать мой спирт и невода”, причем выругал меня самой площадной бранью “сволочь, дурак, грабитель японцев, которых не имеешь права обирать”. На неоднократные мои предложения Зубкову оставить ругань, причем заметил ему, что об этом оскорблении мною будет донесено г. Петропавловскому Уездному Начальнику».

Зубков не отреагировал на предостережения Сотникова. Он плевать хотел и на надзирателя, и на начальника – за его собственной спиной были силы посолиднее камчатских администраторов. И еще через три года, уже после окончания русско-японской войны, Сотников снова напишет в своем рапорте: *«...оскорбления, которые я от Зубкова терплю при моей обязанности 3-й год, а если бы где-либо попадая ему в компании японцев на их шхунах, то я вполне уверен, мог бы быть избитым и выброшен за борт».*

Бессилен был помочь Сотникову и новый начальник Петро-

павловского уезда. Впрочем, судите сами. Вот его собственная исповедь:

*15 декабря 1904 г. Петропавловский уездный начальник
Сильницкий – военному губернатору
Приморской области*

РАПОРТ

«...Класс камчатских торгующих, осмеливаюсь заметить, в течение более двухвековой истории Камчатки, имел в этой стране настолько важное значение, что представителям Правительственной власти в этой стране всегда представлялась полная необходимость: или войти с ними в соглашение, или рисковать не только нажать множество неприятностей, но и непосредственно попасть в сумасшедший дом, как это и имело место на Камчатке неоднократно и было предпринято в отношении меня, что, при наличии некоторых обстоятельств... не представляло особых затруднений.

Ввиду того, что подробное изложение всех обстоятельств объявления меня Петропавловским Уездным Врачом Тюшовым – сумасшедшим, выходя из рамок рапорта, составит материал для дачи мною указанных законом объяснений по тем моим деяниям, которые Вашим Превосходительством могут быть признаны не вполне закономерными, и за которые я ныне, как освидетельствованный Иркутскими властями в отношении моей психики и признанный безусловно здоровым, уже имею право ответствовать, по усмотрению Вашего Превосходительства, или в административном порядке, или в порядке уголовном, я ограничусь в настоящем моем донесении отметкой тех реальных фактов, которые имеют непосредственное отношение к объявлению меня сумасшедшим, присовокупляя, что Петропавловские, собственно, обыватели явились простыми пешками в руках Камчатского Торгового Промышленного Общества, за русскою фирмою которого скрываются иностранцы.

Направление моей деятельности, изложенное в Секретном

моем письме Вашему Превосходительству, от 3-го июля 1903 года, переписанном рукою Охотского Уездного Начальника Попова, было сначала принято Камчатским Торгово-Промышленным Обществом за простое мое желание изменить несколько формы камчатского обихода, не касаясь его существа, чем и объясняется та охота, с какою Главный Представитель Камчатского Торгово-Промышленного Общества, барон Брюгген, выставивши против меня, на всякий случай, г. Роберта... своего рода "оппозиции", подписал приговор о закрытии в Петропавловске питейных заведений, причем это подписание, происшедшее среди бела дня и на глазах командира морской канонерской лодки "Манджур", когда я не согласился отменить свой приказ казакам о безусловном закрытии питейных заведений впредь до разрешения Вашим Превосходительством упомянутого приговора, был представлен, в жалобах на меня вино торговцев, как акт насилия над ними.

Кабатчики подписали этот приговор потому, что, как свидетельствует г. Роберт, в своей жалобе на меня Вашему Превосходительству, от 26 июля м.г. за № 52, я грозил их расстрелять.

Вполне доказательные и совершенно конкретные мотивы желания Камчатского Торгового Промышленного Общества, во что бы то ни стало, убрать меня из Камчатки, могут явствовать из следующих моих действий по службе, имеющих за собою не только точную букву закона, но и существо дела:

1. Донесением моим Вашему Превосходительству за № 998, я возбудил вопрос о совершенной невозможности мириться с таким фактом, как полная безписьменность (? – С. В.) главного доверенного сказанного общества, некоего Адольфа Кантора, именующего себя американским гражданином, но, в действительности, бродяги, русского происхождения, не помнящего родства, в чем к сказанному своему донесению и приложены соответствующие документальные доказательства.

2. 23 октября прошлого года барон Брюгген письменно просил меня принять меры, чтобы один из приказчиков общества, Хрыпов, только что смененный с острова Медного, "не увез неправильно приобретенных им" на сказанном острове бобров и

морских котлов. Обыск Хрыпова, произведенный в присутствии барона Брюггена, свидетелей, установил наличие у него и бобров и котиков, причем барон Брюгген на протоколе обыска, на мой вопрос, своею рукою написал, что найденные у приказчика Хрыпова бобры и котики приобретены незаконно, а затем, когда этот факт был безповоротно и неопровержимо установлен, барон Брюгген, ссылаясь на свои права по Торговому Уставу, пожелал это дело прекратить, о чем и учинил на своем заявлении соответствующую надпись, что он “с благодарностью принимает это распоряжение хозяина” (другими словами – за бесчестье формального обыска – искать не будет).

Не имея документальных данных доказать – какие именно разговоры произошли по учинении упомянутых надписей между мной и бароном Брюггеном, а доложу лишь Вашему Превосходительству, что наличие в моих руках сказанных документов, если и не изменят, по каким либо причинам, статистику промыслового дела на Командорских островах, то, во всяком случае, неопровержимо докажет, что Главный Уполномоченный Камчатского Общества, эксплуатирующего бобровые и котиковые лежбища, а равно и Командорских голубых песцов, смотрит на себя, как на хозяина сих промысловых богатств, совершенно упуская из вида, что это монопольное, для Командорских островов, Общество, является лишь контрагентом казны и, рассчитываясь с казною по числу добытых котиков, а с алеутами – по числу добытых бобров, это Общество не может ни миловать – ни жаловать своих служащих, раз дело идет о промысловом звере.

25 октября, когда пароход “Котик” снимался с якоря и увозил барона Брюггена, я получил от одного своего приятеля известие, что барон Брюгген “покаялся”, что я, раннею весною 1904 года, буду убран с должности Петропавловского Уездного Начальника.

Обстоятельства сложились в пользу камчатского Торгового Промышленного Общества: в конце августа 1903 года, на пароходе “Сунгари”, Петропавловский Уездный Врач, Надворный Советник Тюшов, получил предписание от своего Врачебного Инспектора, где не только порицалась врачебная деятель-

ность сего Врача, но ему предлагалось, в уважение к таким то обстоятельствам, подать прошение об отставке. Это предписание Врачебного Начальства было принято г. Тюшовым с понятным недоумением, тем более, что г. Тюшов, после ревизии медицинской части Охотско-Камчатского края статским советником Блонским, состоявшейся в навигацию 1902 года, по докладу Его Высочайшего, получил благодарность за свою врачебную деятельность от предшественника Вашего Превосходительства, генерала Чичагова, основанную на докладе г. Блонского, имея это в виду, а также и в виду некоторых других обстоятельств врач Тюшов вошел к Вашему Превосходительству с особым рапортом, представленным Вам лично покойным Командиром “Манджура”, Капитаном 2-го ранга Кроуном, причем г. Тюшов, в ответ на сей свой рапорт, зимнею почтою получил от статского советника Блонского вторую бумагу, каковую он, Тюшов, принял за разрешение упомянутого рапорта Вашему Превосходительству, представленного Вам, как выше замечено, Кроуном; в последней бумаге врач Тюшов поставлялся Врачебным Инспектором в известность, что предписание подать в отставку вызвано доносами уездного начальника Сильницкого, тогда как мои отношения с Тюшовым были не только дружественными, но Тюшов даже работал со мною плечо в плечо по различным камчатским вопросам, каковые его работы я ценил высоко, о чем и неоднократно доносил Вашему Превосходительству, ибо Тюшов, по моему мнению, есть лучший и совершенно добросовестный знаток Камчатки. Я позволил себе сказать последнее, потому что, по свидетельству Слюнина, царящая на Камчатке атмосфера наживы омрачила память даже таких светлых имен, как Беринг и Биллингс (стр. 6, “Опис. Ох.-Камч.”), а я, на основании неопровержимого документа, добавлю, — омрачила эта атмосфера “наживы” и славу цитированного автора, но пока, как я полагаю, не омрачила Тюшова.

И Тюшов, осведомленный своим Врачебным Начальством о том, что я, Уездный начальник, пишу на него доносы, обсудивши многоразличные проявления моего к нему дружелюбия и сопоставивши таковыя с гнусным фактом доноса, пришел к заключению, что я действую двойственно, а это де отличает психичес-

ки больных людей, о чем есть соответствующие указания в книге Крафта Эбинга, каковая книга и была цитирована г. Тюшовым на собрании служащих в Петропавловске, созванном им 9-го Апреля 1903 года.

В виду того, что мое психическое расстройство, констатируемое Врачом, легко и свободно распутывало весь сложный узел камчатских бытовых и экономических вопросов, в моем освещении таковых, собранные г. Тюшовым, лица, кроме Векентьева, Городского старосты Корякина и и. д. Начальника Камчатской казачьей команды Коренева, к слову сказать, не согласившихся с диагнозом Тюшова, пошли дальше и постановили устранить меня от должности, так как я, в качестве сумасшедшего, мог учинить насилия, до повешения, напр., горного инженера Симонова включительно.

Принимая во внимание, что объявлению меня сумасшедшим не предшествовали формальности, указанные в таких случаях законом, принимая во внимание, что самое сборище в городской больнице, созванное 9 апреля, Тюшовым, носило какой-то странный и даже невероятный характер, при полном при том отсутствии конкретных поводов опасаться кому бы то ни было не только за свою жизнь, как это требовалось на собрании 9 апреля, даже при условии моего сумасшествия, ибо я всегда был спокоен при своих действиях по службе, не говоря уже об обычных добрососедских отношениях, а также и имея множество оснований принять это собрание за исполнение бароном Брюггеном той “клятвы”, о которой я доложил выше, я, конечно, не мог сложить с себя обязанности Петропавловского Уездного Начальника, а потому и руководствуясь законом, я на другой день, запретил сборища, предназначенные для обсуждения тех или иных общественных вопросов, без моего на то разрешения, а затем и приступил к расследованию ближайших поводов и мотивов сказанного сборища.

Мое требование – не собираться – встретило, в конце концов, открытое сопротивление со стороны Горного Инженера Симонова, собравшего в здание больницы своих рабочих, для чего таковыя, в ночь с 13-го на 14 апреля, были экстренно сняты с работы, производившихся в 35 верстах от Петропавлов-

ска, и вооружены винтовками, а Тюшов, Благодичинный Комаров и Священник Гулаев выехали из Петропавловска и приступили к непосредственному возбуждению населения.

Вся история окончилась тем, что я арестовал при Управлении Тюшова, с составлением по сему случаю постановления, в котором подробно изложил поводы к сему моему действию, с подведением таковых под соответствующие статьи закона. Арест Тюшова продолжался около двух часов, причем Тюшов оставил мне особое собственноручное заявление, где признал себя виновным и дает мне ряд обещаний отстать от клиники.

Был арестован мною Смотритель маяка Косачев, с револьвером в руках, желавший прорвать выставленный мною вооруженный пост, предназначенный отрезать сообщение больницы с городом и тем не допустить г. Симонова пополнить его рабочих, собранных в здании больницы, петропавловской гольфтьбой, готовой при обстановке мирного времени, за бутылку водки, решительно на все. Г. Косачев пробыл арестованным около тридцати часов. Его арестованию и освобождению предшествовали письменные акты, в таких случаях законом указанные.

Что касается вышеупомянутой агитации, то таковая имела совершенно обратный результат: от селений Камчатки я стал получать письма, в форме приговоров, за подписями общественников и печатями сельских старост, в которых население страны, в весьма трогательных и крайне характерных выражениях, просило меня не верить, что я, Уездный Начальник, Сильницкий, сошел с ума; население уверяло меня, что оно не только меня не боится, но считает “место отца”, потому и “на каюрах купцы не ездили и цена соболя пошла такая, что мы одели рубашку”.

Огромные расстояния, личность моего и Векентьева безвыездного... время пребывания в Петропавловске, не говоря уже о самой редакции вышеупомянутых писем, устраняют всякую мысль о каком бы то ни было моем или Векентьева воздействии на составление сих приговоров и их присыл мне, в некоторых случаях, полетучками.

Все население страны; казаки, запасные нижние чины, про-

живавшие на Камчатке, как один человек, остались на моей стороне и впоследствии, через месяц с небольшим, когда потребовалось, по первому моему слову, пошли в бой со врагом, даже вооруженном пушками.

Ошибись в расчетах на массу населения страны, камчатская клика задумала лихое дело, с успехом практиковавшееся в 18 веке: из Петропавловского Собора в квартиру г. Роберта (по одним вариантам – крещеный еврей, по другим – родившийся от еврея, уже принявшего православие; семетическое его происхождение не оставляет никаких сомнений при первом же на него взгляде) были вынесены церковные святыни (антиминс и пр.), в чем не было никакой необходимости во имя чего бы там ни было. В набожное камчадалское племя была пущена молва, что я осквернил св. храм стрельбою по иконам. Вся камчатская клика, с духовенством, кроме диакона Ворошилова, остававшегося доброжелателем и моим сторонником всегда, готовилась выехать на маяк и, таким образом Петропавловску, а за ним и всей стране угрожал интердикт. Я принял меры не допускать этот демонстративный выезд, а потому выставил на улице часового, с приказанием не допускать сборищ таких-то лиц, причем я лично приказал часовому, казаку Николаю Пинязину, выстрелить в воздух, о чем мною и составлен надлежащий акт, когда г. Роберт, принимавший самое страстное участие во всей истории, бежал навстречу матушке Гуляевой, возвращавшейся из Паратунских Ключей, куда она отвозила какие-то церковные вещи и какое-то воззвание, не послушал меня и, несмотря на мои категорические требования, шел к матушке навстречу. Выстрел был сделан в воздух, устрашения ради г. Роберта и прочих, в шагах в 300 от него, и полностью достиг своей цели, так как г. Роберт, тотчас после выстрела, бегом побежал в свою квартиру, что и требовалось.

Арестованием Тюшова на 2 часа, Косачева на 30 часов, выстрелом в воздух и арестованием Симонова, о чем тоже составлено особое постановление, исчерпываются все мои активные меры для подавления беспорядка в Петропавловске, вызванного непременно желанием камчатской клики так или иначе добиться устранения меня о должности Уездного На-

чальника, причем я до сих пор убежден, что никто кроме Тюшова, не сомневался в совершенной моей нормальности, чему и явились соответствующие доказательства тотчас же по получении мною телеграммы Вашего Превосходительства об объявлении Россией войны с Японией, что случилось в ночь с 21 на 22 апреля».

1904–1905 гг. Русско-японская война

Прервем повествование Сильницкого. Начавшаяся русско-японская война на какое-то время примирила враждующие стороны. Петропавловский собор был открыт. 23 апреля в 8 часов утра в уездном правлении собрались все, от кого теперь зависела судьба Камчатки. «Все умрем, а японца не допустим», – решило это собрание, предоставив Сильницкому, как начальнику уезда, полное право распоряжаться судьбой каждого из них во имя России. Помня о клятве Брюггена, Сильницкий пошел на хитрость: он предложил обсуждать все его распоряжения, но только обязательно письменно, в новой, специально заведенной для этого книге, пронумерованной, прошнурованной и опечатанной всеми имеющимися в Петропавловске печатями.

Затем были призваны на военную службу все запасники. Начальником обороны Камчатки был назначен заместитель Сильницкого штабс-капитан Векентьев. На мысе Сигнальном, у входа в Авачинскую бухту, был выставлен караул, чтобы заблаговременно, как в период обороны Петропавловска от англо-французов полвека назад, предупредить горожан о появлении неприятельского флота.

Груз с берданами, патронами, ополченческими крестами был отправлен во внутренние районы Камчатки. Каюры везли с собою приказ-обращение Сильницкого о создании народного ополчения – добровольных дружин для защиты Камчатки. Начальником обороны Западной Камчатки был назначен М. И. Сотников.

Сегодня мы впервые публикуем полный список народного ополчения Камчатки – родина должна поименно знать и помнить своих героев.

Большереецкая дружина: Антон Николаев – Утка, Федор Кинтякин – Крутогорово, Иван Спешнев – Воровское, Поликарп Климовский – Облуковино, Петр Логинов – Большереецк, Павел Логинов – Большереецк, Иннокентий Гарднер – Малки, Диомид Абакумов – Малки, Степан Черных – Апача, Александр Селиванов – Большереецк, Александр Мишланов – Малки, Александр Селиванов – Большереецк, Николай Селиванов – Большереецк, Степан Черных – Апача, Михаил Коллегов – Большереецк, Иван Ворошилов – Большереецк, Ларион Бречалов – Большереецк, Егор Бречалов – Большереецк, Власий Кравченко – Большереецк, Петр Кравченко – Большереецк, Иван Игнатъев – Большереецк, Иван Сторожев – Утка, Евдоким Яцкий – Утка, Иван Бутин – Гольгино, Степан Конев – Гольгино, Федор Конев – Явино, Егор Мерлин – Гольгино, Павел Мерлин – Гольгино, Петр Притчин – Гольгино, Николай Мерлин – Гольгино, Иван Мерлин – Гольгино, Алексей Мерлин – Гольгино, Иван Астафьев – Гольгино, Дмитрий Игнатъев – Явино, Сергей Игнатъев – Явино, Василий Бутин – Явино, Михаил Бутин – Явино, Максим Бутин – Явино, Василий Дектярев – Явино, Петр Бутин – Явино, Иван Панов – Апача, Данило Антонов – Апача, Яков Панов – Апача, Василий Антонов – Апача, Аверкий Антонов – Апача, Федор Антонов – Апача, Захар Уваровский – Апача, Кузьма Тезкин – Апача, Григорий Бурнашев – Начики, Николай Уваровский – Начики, Федор Бурнашев – Начики, Петр Костинский – Коль, Никандр Яцкий – Утка, Алексей Кравченко – Большереецк, Данило Попов – Апача, Илья Тезкин – Апача, Алексей Антонов – Апача, Иван Селиванов – Большереецк, Петр Ал. Бречалов – Петропавловск, Василий Стрелков – Большереецк, Василий Кузьмин – Облуковино, Алексей Загаин (Загайнов) – Апача, Игнатий Дуринин – Ганалы, Егор Лукашевский – Ганалы, Филипп Осьминин – Ганалы, Яков Абакумов – Малка, Александр Абакумов – Малка, Захар Волков – Малка, Николай Пермьяков – Малка, Проконий Панов – Малка, Семен Уксусников – Кихчик, Илья Кривогорницын – Кихчик, Илларион Кривогорницын – Кихчик, Феофан Спешнев – Воровское, Николай Спешнев – Воровское, Каллистрат Трапезников – Воровское, Степан Спеш-

нев – Воровское, Александр Спешнев – Воровское, Григорий Наседкин – Колпаково, Петр Волков – Колпаково, Василий Слободчиков – Колпаково, Константин Толстихин – Колпаково, Мартиян Ворошилов – Крутогорово, Феодосий Колтакин – Крутогорово, Евграф Попов – Крутогорово, Василий Борисов – Крутогорово, Ким (Клим?) Петров – Облуковино, Петр Петров – Облуковино, Никандр Соболев – Облуковино, Иван Климовский – Облуковино, Василий Петров – Ича.

Конная дружина Михаила Нагорного: Крутогорово – Федор Калтякин, Воровское – Иван Спешнев, Тигиль – Евстафий Копылов, Облуковина – Поликарп Климовский, Мильково – Исай Демидов, Алексей Плотников, Николай Бобряков, Андрей Плотников, Павел Корелин, Большеерецк – Петр Логинов, Павел Логинов, Тигиль – Иоил Беломоев, Иван Григорьев, Павел Миронов, Павел Шемаев, Малка – Иннокентий Гарднер, Деомид Абакумов.

Петропавловская дружина: Павел Мешаев, Николай Конев, Моисей Юшин, Давид Савинский, Вениамин Копылов, Иван Черных, Николай Пинизин, Прохор Копылов, Андрей Савинский, Иван Савинский, Василий Попов, Иннокентий Попов, Алексей Корюкин (Корякин), Иван Мутовин, Николай Кишинда (Кашинда), Алексей Ворошилов, Николай Иванов, Иван Иванов, Константин Тюрсуков, Яков Иванов, Михаил Иванов, Василий Флетчер, Амвросий Сметанин, Иннокентий Григорьев, Иннокентий Гарднер, Федор Кашинда, Иван Косыгин, Константин Лабберт, Василий Миронов, Михаил Корякин, Степан Шапишов, Максим Кириянский, Алексей Кашинда, Никифор Соловьев.

Ичинская дружина: с. Ича – Василий Стрелков; с. Мильково – Александр Карпов, Поликарп Плотников, Григорий, Иван, Александр, Павел, Евстигней, ИллариЙ Потаповы, Полиевкт и Мартигиан Мальцевы, Семен Михайлов, Илья и Афанасий Петровы, Николай Краснояров, Македон Бобряков, Дмитрий Подкорытов, Ефим Попов, Иван Ворошилов, Михаил Толман, Константин Решетников; с. Машура – Василий Пермяков, Василий Красильников, Иннокентий Потапов, Савва Докучаев, с. Кирганик – Арсений Пермяков, Петр Чуркин, Гу-

рий Мерлин; с. Шапино – Федор Беляев, Федот Красноярров, Василий Мерлин, с. Сопочное – Григорий Павлуцкий, Василий Волков, Никита Жирков, Павел Слободчиков, г. Петропавловск – Тит Шутов, с. Утка – Антон Николаев.

Облуковинская дружина: с. Верхнекамчатск – Зимин Николай, Зимин Михаил, Коршунов Алек., Машихин Федор; с. Шаромы – Василий Панов, Иван Атласов; с. Пущино – Андрей Елагин; с. Облуковино – Клим Петров, Галактион Соболев, Никандр Соболев, Иван Климовский, Петр Петров, Михаил Снафидов; с. Крутогородо – Мартимьян Ворошилов, Василий Борисов, Федот Кальтакин, Евграф Попов; с. Колпаково – Григорий Наседкин, Василий Слободчиков, Петр Волков, Константин Толстихин; с. Воровское – Александр, Степан, Феофан, Николай Спешневы, Калист Трапезников; с. Кихчик – Илья, Ларивон Кривогорницын, Семен Укусников; с. Ганалы – Егор Лукашевский, Игнатий Дурынин, Филипп Осьминин; с. Малка – Волков, Николай Пермяков, Федор Волков, Александр Абакумов, Яков Абакумов.

Моршечная дружина: с. Утхолок – Николай Ласточкин, Евстроп Заев, Прокопий Суздалов, Иван Слободчиков, с. Ковран – Степан Притчин, Александр, Андрей и Руфь Слободчиковы, с. Хайрюзово – Степан Данилов, Алексей, Илья и Петр Трапезниковы, Егор Красноярров, Тарас и Илья Заевы, Семен Шадрин, Лев Бобровский, Иван Красноярров, с. Белоголовое – Герасим Заев и Ипполит Слободчиков, с. Моршечное – Тимофей Запороцкий, Прокопий, Иннокентий, Афанасий и Григорий Дьяконовы, с. Ича – Федор Тескин, Егор Уваровский, Андрей Сновидов.

Усть-Камчатская дружина (командир – Савинский), устькамчатские казаки – Савинский Александр, Белоногов Феодосий, Онохов Петр, Попов Ерминингельд, Петров Дормидонт, Савинский Иван, Помаскин Константин, Поляковы Дмитрий и Петр; кантонисты – Попов Дмитрий, Николай и Михаил Савинские, Николай Помаскин, Егор Попов, Федор Миронов, Василий Томский, Николай Савинский. С. Нижнекамчатск – Тарабыкин Платон, Сновидов Александр, Портнягин Иннокентий, Петров Петр, Коллегов Иван, Сновидов Иона, Попов Феодо-

сий, Портягин Константин, Карпов Василий. С. Ключи – Ушаков Платон, Юрьев Иннокентий, Кречетов Христофор, Михайлов Иннокентий, Ушаков Петр, Удачин Алексей, Ушаковы Трифон, Иван и Николай, Штильников Иван, Ушаков Тарас и Петр Евгеньевич, Удачин Никифор, Тюменцев Степан, Юрьев Александр, Григорьев Иннокентий, Курдюмский Гавриил, Чудинов Михаил, Штильников Степан, Коллегов Алексей, Ушаков Дей, Попов Егор, Ушаков Яков, Бобряков Андрей, Ушаков Александр. С. Кресты – Кречетовы Григорий и Тимофей, Рыков Лукиан, Ушаковы Леонтий и Иван. С. Харчино – Сновидов Иван, Клочев Семен; с. Камаки – Расторгуевы Петр, Семен и Игнатий; с. Еловка – Чурин Афанасий, Турнаев Николай, с. Ушки – Тюменцев Матвей, Клочев Александр, Ощепков Илья, Жировиков Егор и Степан, с. Козыревск – Чуркин Петр, Сысоев Федор, с. Ключи – Ушаков Василий, Брагин Дмитрий, Бобряков Иван, Ушаковы Иннокентий и Иван П.; с. Козыревск – Чуркин Иннокентий, Кречетов Гавриил, Рыков Александр; с. Толбачик – Слободчиков Егор и Александр, Метевский Иван; с. Ключи – Брагин Алексей, Григорьев Семен; с. Камаки – Гавриил Кузнецов; с. Ключи – Удачин Илья, Тюменцев Василий, с. Камаки – Расторгуев Алексей; с. Ключи – Ушаков Павел; с. Нижнекамчатск – Помаскин Андреян, с. Усть-Камчатск – Онохов Иван, с. Ключи – Ушаков Христофор, с. Камаки – Расторгуев Петр.

Дружинники из Верхнекамчатска: Агей Машихин, Федор Машихин, Михаил Коршунов, Николай Зимин, Парфентий Зимин.

Дружинники из Сероглазки: Крупенины Петр и Егор, Томский Иван, Попов Степан, Коренев Петр, Манаков Николай, Третьяков Илья, Черных Петр и Николай.

Тигильская дружина. Командир – пятидесятник Гавриил Крыжановский, помощник – Павел Юшин. Казаки: с. Тигиль – Попов Виктор, Миронов Афанасий, Юшин Ксенофонт, Попов Алексей, Копылов Михаил, Косыгин Михаил, Крыжановский Маркел, Попов Василий, Пинизин Николай, Крыжановский Прокопий, Шемаевы Иван и Лука, Пинизин Николай, Юшин Дмитрий. Кантонисты – Юшин Иван, Мухин Андрей, Юшин

Николай, Косыгин Александр, Шемаев Павел, Миронов Василий, Поповы Лазарь и Петр, Шемаев Павел, Чертовский Маркар, Толстихины Афанасий и Василий, Миронов Павел, Попов Флор, Миронов Александр, Сысоевы Григорий, Леонтий и Никандр, Попов, Пинизины Епифаний, Трофим, Иван, Космин, Емельян, Мироновы Михаил и Митрофан, Баженовы Василий и Прокопий, Сапанальников. Псаломщик Тигильской церкви Алексей Лонгинов, Петропавловск мещанин Степан Толман. Из с. Аманино – Наянов Валерьян; с. Седанка – Федотов Стратилат, Запороцкий Гавриил, Бекеровы Михаил и Феофан, Пономаров Павел; с. Напана – Ягановы Георгий и Николай, Протунцевский, Наседкин Никифор и Наседкин Дмитрий.

Паланская дружина: с. Лесная – Кондрат Суздалов, Василий Яганов, Григорий, Спиридон, Яков, Кирилл и Николай Белоусовы, Елесей и Иван Нестеровы, с. Кинкиль – Леонтий, Василий и Андрей Наяновы, Шмагины Авксентий и Венедикт, с. Кахтана – Баранников Иннокентий, Мохнаткин Роман, Жиляков Самуил, Бекеров Прокопий, Мохнаткины Тарас и Никифор, Жуковы Иван и Никифор, Шувьирин Андрей, Мохнаткин Иван, с. Палана – Мохнаткины Аристарх, Константин, Трофим, Григорий, Иван, Андриан и Федор, Никифоров Антон, Шмагин Иван, с. Воямполка – Баранников Трофим, Панкарин Иннокентий, Баранников Петр, Панкарин Георгий, Лазуков Гордей.

13 мая 1904 г., р. Большая

В этот день был дан первый бой – в устье реки Большой с о. Шумшу прибыла японская шхуна, чтобы забрать рыбу, которую японцы не успели вывезти в 1903 году и спрятали в песке на морских косах.

«13 мая большевецкая застава, – сообщал Сильницкий, – уже имела дело с японцами, причем 13 японцев было убито, а шхуна сожжена. Интересно, между прочим, что большевецкая застава пошла в атаку шхуны, под начальством отставного пятидесятилетнего казака, Александра Селиванова, по старому волжскому способу: “сарынь на кичку”, и при том на простых батах».

Но это было 13 мая. А 2 мая Сильницкому как гражданину России пришлось немало пережить. В этот день на пароходе «Родондо» из Америки прибыл барон Брюгген. Он сообщил, что тихоокеанская эскадра России разгромлена, а на суше генерал Куропаткин терпит одно поражение за другим. Все великие державы в этой войне стоят на стороне Японии. Русское правительство готово подписать Порт-Артурский трактат и согласно отдать Японии Сахалин и Камчатку.

Это была катастрофа. Сопrotивление становилось бессмысленным. Камчатка была обречена.

И все же Сильницкий не поверил барону и предложил ему завтра, 3 мая, прийти в уездное правление и официально подтвердить все сказанное, оформив все это протоколом. Брюгген, по понятным причинам, от официальной встречи уклонился. Но пришли Роберт и Тюшов. Оба они заявили о провокационных антипатриотических слухах, разносимых по городу Брюггеном. Роберт даже потребовал арестовать и Брюггена, и «Родондо», якобы подосланным японцами с «коварными целями».

Но коварство Брюггена в этом как раз и заключалось – он во что бы то ни стало хотел спровоцировать Сильницкого на какие-то активные действия, направленные как против Брюггена, так и против команды «Родондо», являвшихся, как иностранцы, неприкосновенными лицами. Цель? Арестовать Сильницкого как сумасшедшего и завладеть казенными соболями, создав видимость покупки, заплатив за них вместо аукционной цены порядка – ста-ста тридцати рублей, цену символическую – рублей по двадцать. В казне было четыре тысячи шкурок, так что игра стоила свеч.

Сильницкий разгадал замысел и не дал Брюггену никакого повода воспользоваться возможностями экипажа «Родондо». Напротив, он сделал все возможное, чтобы американский пароход ушел в море на несколько дней раньше, чем планировал Брюгген. Пушнина обошлась торгово-промышленному обществу по своей цене. Так что и на этот раз Брюгген промахнулся.

Но спешка дорого обошлась самому Сильницкому. Подготовленная второпях почта, переданная русскому консулу в Сан-

Франциско, была в столь сыром виде, что послужила основанием для врагов Антона Петровича вернуться к версии о его су-масшестве. Тем более что Сильницкий со своим патриотизмом слишком сильно мешал тем, кто уже заранее решил судьбу Камчатки с ее природными богатствами.

Вспомним одного из приказчиков Камчатского торгово-промышленного общества – Сечи Гундзи. Вот одна из его характеристик: *«Лейтенант военно-морского флота С. Гундзи до 1903 года служил приказчиком Камчатского торгово-промышленного общества, занимаясь в основном шпионской деятельностью. В конце сентября 1903 года Сечи Гундзи уже в мундире японского флотского офицера проехал вдоль западного побережья Камчатки, когда русское охранное судно ушло от Камчатских берегов, и побывал в селениях Явино, Гольгино и Колтаково. Гундзи был хорошо знаком с Камчаткой, знал полную беззащитность этой страны и полагал, что не встретит здесь никакого сопротивления».*

Эта характеристика приказчика русского общества. А вот другая: *«Гундзи прибыл на Камчатку и высадился во главе вооруженного даже пушками отряда не только с ведома японского правительства, но даже и с затратами на это дело капиталов, как правительственных, так и национальных. Капиталов первой категории Гундзи получил 500 000 иен и капиталов второй категории 1 000 000 иен».* Еще в 1895 году он выбрал и подготовил свое логово на острове Шумшу – отсюда ежегодно отправлялись к камчатским берегам шхуны браконьеров, здесь готовился к высадке на Камчатку военный десант из резервистов.

30 мая 1904 года отряд из 150 человек, вооруженных скорострельными винтовками и двумя легкими полевыми пушками, высадился в устье реки Озерной. А еще через несколько дней, захватив село Явино (15 километров к северу от р. Озерной), Гундзи обнародовал свои планы, прибыв в этом селе к столбу доску со следующей надписью: *«Смысло на этой тын писаних слов: именно это земля уже принадлежит Японии, поэтому кто кого трогай будут убиты. Командир японской войска Сечи Гундзи».*

Он не ждал сопротивления от местных жителей. А напрасно. Вот, например, как обошлись японцам встречи только с Сотниковым: «28 июня 1904 г. на р. Апала имел дело с Японской шхуной, которую сжег, команда, оказавшая сопротивление – уничтожена в числе 20 человек; 15 июля взял в плен организатора захвата Камчатки Японского Лейтенанта Гундзю и доктора Ода-Наотаро, высадившихся с вооруженною командою на р. Озерной, 17 июля сделал наступление на передний табор Гундзи, где уничтожил 17 японцев; 9-го августа на р. Воровской имел дело с Японской шхуной, шхуну и команду уничтожил; 13 августа захватил в море 3 японцев, шедших на остров Шумшу в шлюпке, шлюпку и команду японцев уничтожил.

В течение лета 1904 года на протяжении от р. Озерной до р. Сопочной, в районе его заведывания обороной, уничтожено 11-ть японских шхун».

Но Гудзи был слишком уверен в своих силах, чтобы думать о каком-то там сопротивлении со стороны камчадалов. Он даже подготовил для них специальную речь, с которой намерен был выступить перед жителями селения Явино 15 июля 1904 года: «Ах полезные, милосердный господа! Я вам должен стал сказать о русская японском война и это вам будет не приятно, но если вы хорошенько поняли то причину, тогда вы узнаете и уверяйтесь, что Бог сделал так. Вы почествовавший русский император действительно милость и всегда говорит надо мирить. Это не только японцы в каждом государстве знают и почествуют но в России есть только для себя пользуются такие главные чиновники не слушают императора, по этому в конце концу такой большой война начался это очень жалко к добрым русским подданным. Это причина войны: именно Главнокомандующий Алексеев сделал. Он не понял японцев, и он думал, что японцы очень слабо и не может войвать с русскими по этому он сделал только для Русскому очень хорошо, но это для Японии Китай и Кореи очень не хорошо и он это зная смел для себя пользу поймать и для других государству тоже не хорошо. Но он это не смотря только думал для Русскова пользоваться все он так сделал польза только себе по этому японцы долго терпеть не могли и в конце концу началась война, а я

думаю Милостивый Русский Император уже знает, что японцы говорят то честно...» (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 11).

1 июля 1904 г.

Донесение

(гражданина Североамериканских Штатов Петра Христинона, оказавшегося по воле случая в с. Явино).

«...2 июня сельский старшина получил официально полетучей сведение, что Россия заявила войну Японии в феврале и говорил жителям, что велено не волноваться, а жить так, как раньше жили, и точно делать что раньше делали, потому что об нас печется Великий наш государь Император и Его наместник в Востоке.

...3 июня мы увидели 3 японца идут с юга в селение, они были вооружены, в селении только было 2 жителя, которые могли стрелять, а все остальные были на охоте, за медведями, мы увидели, что эти три японца остановились близ селения и заложили в свои ружья патроны, тогда испугались жители и побежали в лес, но в тот же день обратно приходили доить коров, а к ночи в лес опять, на завтра утром мы обратно шли в селение и увидели, что подходят опять в две партии, и мы остановились в закрытом месте, откуда я пошел домой, а жители остались караулить, я подходил к Карлсон дом (торговца. – С. В.) и тут я увидел, что японцы собирают скота в одно стадо и потом сделали на них 3 выстрела, я постоял и смотрю, что будет дальше, повернувши голову на другую сторону, я увидел, что староста маячит мне воротиться, я отошел от этого места и спрятался в кедровник, тогда увидел, что трое японских солдат подходят к г-ну Карлсон дом из коих 2 зашли в дом, а третий остановился на дворе с ружьем в одной руке, и в другой бинокль, караулить, я тогда думал, что мне лучше пора идти и не стрелять на них, потому что они может нас догнать, так как у жителей были малые дети и скоро нам скрыться от японцев неважно. Я находился от Карлсона дома в расстоянии 50 сажень, караул вернулся за дом и я

думал, что в избе зашел, я приподнялся немножко посмотреть свою местоположения, вдруг выстрел на меня, другой третий, я тогда пополз сквозь кедровник к низменной логотине и оттуда вернулся обратно к явинским жителям, единственно вред я получил от ихнеа выстрелов, был одна пуля сварила кожа поверхность левой руки. Тогда мы все вместе 43 души двинулись от селения и весь наша провизия только хватило нам на один день. Одежда была только то, что каждый на себе носил. По трактовой дороге мы опасались итти, так как староста опасался, что японцы могут нас выследить и достичь, поэтому мы шли через хребты в колена снег местами, и каждый день почти шел снег и дождь. Это все ничего было если бы было у нас провиант, но у нас соли нет, чай нет, и об куске хлеба или сахара нечего говорить. Вот мы шли 100 верст 17 суток, а это время только были мы сухие одеты 3 дня, реки были все время в полной прилив снежная вода, и нам приходилось переезжать некоторые реки по пояс в воде (мы переезжали всего 8 речек). Я никогда не забуду, как этих бедных жителей страдали, если бы собирать все тех слезы что они проливали, то можно было наполнить большую бочку, именно я думал несколько раз, зачем они страдают, неужели им никакого протекция от своего начальства, или, может быть, что их совсем позабыли, так как они находятся в стороне далеко от пути сообщения. Я могу сказать, когда я обратно вернусь в Америку (если Бог меня хранить будет), что все мои путешествия по разным странам мира, я первый раз видел такой стойкой народ в голоде и холоде и всегда готов разделить свой последний кусок провианта с иностранным человеком, только он бы вместе с ним шел, и не предался голодной смерти. Мы убили 5 медведей в походе, но один только хватал на обед и ужин, и приходилось несколько раз кушать их совсем сырыми, а кожа тот же день разделили по ногам на подошвы торбасов. Последнее время других из жителей больше ходить сами не могли, и приходилось таковые таскать на себе. Малые дети 5–7-летние тоже носили котомки на спине. Я уверен, что жители потерпели громадные убытки и разорились на веки».

12 июля 1904 г., 12 часов дня,

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Крестьянин селения Паратунских ключей Петропавловского уезда Егор Яковлевич Ивойловский, состоящий под судом по уголовному делу по убийству односельчанина, мещанина Алексея Корнилова, заявил на мой вопрос следующее:

«Я, Егор Ивойловский, считаю себя виновным в убийстве соседа Алексея Корнилова, теперь в виду войны России с Японией я узнал от Вас г. Сотников и других жителей, что на Озерной стоят японские шхуны и пришедшие на них японцы разграбили у явинских жителей все имущество, скота и проч., угнали жителей в лес с ружейными выстрелами, на Ваше предложение гг. Сотников, Карлсон, Ал. Селиванов и явинский староста Игнатъев узнать неизвестную силу врага на Озерной я искренне и охотно. ...свое желание идти на Озерную и может, Господь Бог, поможет мне узнать силу оружия и личность врага и вернуться к Вам. Ибо я теперь жалею погубившего мною собрата, так равно жалею, если кого из Вас невинно убьют японцы, почему прошу указать мне место Озерной.

А потому согласно заявления Ивойловского постановил такое принять за единственный случай узнать силу врага. Личным побыванием желающего Ивойловского в таборе расположения японцев, так как устье Озерной неприступное, открытое место для военных действий с какими-то ни было отрядом, да к тому же, если у них как слышно есть пушки или две, то приглашаю Вас поименованные выше братцы дать Ваши мне свое мнение, которое очень важно, и я искренно принимаю, если будут таковые по местным условиям, а потом видно что нам делать».

Явинский староста Игнатъев вызвался идти на разведку вместе с Ивойловским. 13 июля в 5 часов пополудни разведчики возвратились, побывав во вражеском стане.

14 июля 1904 г.,
7 час. 55 минут пополудни

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

«Местечко вершины р. Итудиски. Прилагая при сем два письма японского командира Гундзи, расположившегося войском при устье реки Озерной с 3-мя шхунами, представленные мне крестьянином Егором Ивойловским, как пожелавший, посланный согласно нашего постановления, от 12 июля с\г для того, чтобы ясней узнать силу врага, посмотрев прилагаемые при сем письма и постановили решить следующее:

1. Я, старший унтер-офицер Сотников, инструкцией господина штабс-капитана Векентьева от 24 мая с\г назначен заведывать обороной западного берега Камчатки от вторжения японских хищников заявляю Вам, братцы, мое мнение: на устье реки Озерной стоят три шхуны, вооруженные ружьями и пушками, полагаю, что на шхунах не менее 70-ти человек, а может и больше японцев, вооруженных врагов, я по долгу своей службы, готов сию минуту стать с ружьем в руках и итти против врага, даже мне стыдно будет сказать, чтобы я дал повод трусости, но так как я назначен защищать нашу жизнь и наше хозяйство исключительно с местными жителями, как с людьми мало к этому опытными, т.е. с Вами, братцы, а потому приглашаю Вас гг. старосты, которые в моем отряде и г. г. Ал. Мак. Селиванова, и С. Карлсон, и других опытных лиц заключить свое мнение, согласны ли итти завтра на врага или обождать завтра еще день, так как я вижу из писем Гундзи, что он уверен в покорении жителей Явина, и он намерен притти в селение, а если пойдет, то нами будет взят в плен. Приглашаю Вас, братцы, это хранить тайно. А там будет видно, что нам будет делать».

Старосты-камчадалы – Дмитрий Игнатьев, Иван Бутин, Дормидонт Антонов, отставной казак Александр Селиванов, торговец Северин Карлсон решили выждать еще один день, чтобы попытаться взять в плен Гундзи, который был настолько уверен в своей личной безопасности, что отправился в Явино на встречу с местными жителями в сопровождении двух солдат и доктора.

16 июля 1904 г., 7 часов пополудни

ПРИКАЗ

«По команде, сформированной для защиты селения Явино на р. Озерной. Вчера, т. е. 15 сего июля, враг попутал и в 10 час. утра Бог помог нам взять в плен командира вражеского японского стана, называвший себя лейтенантом Гундзи, расположившегося с японским войском на р. Озерной, который разграбил, расхитил и разорил вскоре жителей сел. Явино, находящегося в нем святыню, часовню во имя Св. и. Чудотворца Николая, словом обезобразил все селение, до того, что наверно вам братцы, каждому смотреть на эту картину неприятно. Попытав узнать, спросил пленного командира Гундзю, что он думал, когда граничил нашу Русскую землю, называя ее принадлежащей уже японской империи в селении Явинском на часовне выкинул японский флаг, то он, Гундзи, сказал, что он сие место покорил и на своем месте, сделав укрепление, промышляет рыбу.

Нет, не дадим, братцы, заокружим японцам, чтобы их мерзкая нога стала на нашу Русскую землю и чтобы флаг развивался на нашей святыне; хотя наше вооружение и несравненно слабже, но пойдем, братцы, прикажем им сложить оружие, а нет, то отомстим хищникам японцам. В 11-м часу сегодня двинемся на Озерную возьмем с собою двух пленных японских переводчиков, пусть скажут нам, если они сложат оружие, то возьмем всех в плен, а если не сложат, то ударим с оружием в руках. Команду я разделяю на два взвода, каждый взвод на два отделения; первым взводом будет командовать у. оф. Кузьмин, а вторым казак Ал. Мак. Селиванов. Я, с 1-м взводом пойду к табору японцев, отпущу к ним переводчика, с тем, чтобы японцы сложили оружие и сдались живыми, если что будет замечено в противоположную сторону, то открою огонь, Ал. Мак. Селиванов займет передовую линию дабы не пропустить японцев в главный их отряд, где установлена батарея, рядовые Заганнов и Мишланов с своими отделениями должны остаться в заднем карауле, по кошке их строго должны караулить, чтобы не пробежали японцы, в случае побега останавливать, а не повинующихся стрелять. Братцы, подходя к табору, долж-

на быть тишина и спокойствие, трусить и теряться не надо, да и уже тогда поздно.

Храбрецами, братцы, Бог владеет».

Японцы не приняли условий капитуляции и открыли огонь. Тогда ополченцы обрушились на них со всех сторон. Оккупанты были смяты и весь отряд – семнадцать человек – уничтожен. Со стороны русских было несколько легкораненых и погиб один человек – крестьянин Ксаверий Бируля.

Теперь нужно было решать, как поступить с основным отрядом японцев, расположенных в устье реки Озерной под защитой пушек.

22 июля 1904 г., с. Явино

ПРОТОКОЛ

«Я, заведующий обороной Западного берега, от вторжения японских хищников старший унтер-офицер Сотников с нижеподписавшимися составил настоящий протокол в следующем:

Сего числа вызвал из среды команды самых опытных людей всего 18 человек в 10 часов утра отправился с ними на Озерную для разведочной цели после дня нападения на них, т.е. 17 сего июля расположившегося там неприятеля хищников японцев, пользуясь туманом и сильно дождливой погодой, подошел с командою на расстояние 2 1\2 верст до места расположения японцев по времени на несколько минут горизонт от тумана открывало, укрывшись сделал наблюдение, у неприятеля видно: 2 шхуны стоят в реке, а третья из реки вышла совершенно простая и стоит недалеко от устья – верстах в 4-х в море, на берегу та же, что стояла раньше. В палатках, около них много шляющихся японцев, на берегу около палаток навязаны собаки, на мысе у мачты, кроме той которую видели явинский староста Игнатьев и Ивойловский, устроена новая батарея. В... во время наблюдения с юго-запада показалась 2-х мачтовая шхуна, которая подошла к реке Озерной, на шхуну выехала шлюпка, по сигналу, поданному со шхуны, и тотчас же отвалила на

берег, а шхуна, не бросив якоря, повернулась и отправилась по тому же направлению. На шхуне, которая стоит на море, против устья выкинут красный флаг. Рассмотрев расположение хищников японцев, в 2 часа дня, пользуясь той же дождливой и туманной погодой вернулись обратно в с. Явино, рассчитывая, что посланные со шлюпкой искать шхуну “Мария” (отправленную для Сотникова с людьми из Петропавловска, двухмачтовую, которую они видели. – С. В.) уже вернулись и если будет запас хлебом, то постановили идти на хищников вторично, а если же шхуна “Мария”, на которую была надежда, ушла, и уже с 19-го нет сухарей, довольствие наше рис и рыба, тогда против такого превосходства оружия японцев, нам невольно придется отступить и оставить Озерную без вторичного нападения, к тому же перед самым выходом на вышеописанную разведку мной получено донесение Нагорного и Колпаковского старосты, что на рр. Ича и Колпаковой стоит 9-ть хищнических шхун, я решил, подобрав оставшееся в целостности имущество жителей для перевозки в Голыгино, оставить селение Явино и направиться для защиты северных селений Ича и Колпаковой, от вторжения японских хищников во внутрь селений».

Не только Сечи Гундзи, но и многие другие из его единомышленников в Японии, Америке и России ведать не ведали о происходящих на Камчатке событиях. Да и кто мог поверить, что Камчатка в самые короткие сроки оказалась способной выставить около пятисот отличных стрелков, способных противостоять не только высадке японских браконьеров, но и военного десанта. Поэтому пока единомышленникам пленного Гундзи мешал только один человек – неподкупный Сильницкий, и нужно было как можно быстрее избавиться от него, чтобы он не помешал решить все те вопросы, которые появятся при безусловной победе Японии.

18 июля 1904 года в Петропавловскую бухту – Ковш – вошел американский пароход «Минеола», на борту которого находился бессменный на протяжении 28 лет начальник Командорских островов статский советник Гребницкий, прибывший на Камчатку

в такое тревожное для страны и полуострова время для разбора «всех камчатских дрязг» на основании особой инструкции, подписанной министром внутренних дел России Плеве, предоставляющий предьявителю особые полномочия.

«Петропавловский уездной начальник, т. е. Вы, г. Сильницкий, сошли с ума; находясь в совершенно бессознательном состоянии, Вы позволили себе учинить над жителями ряд насилий и даже стреляли в отца Благочинного. Помощник Ваш, Векентьев, будучи нервно расстроен, помогает Вам во всем. В стране паника. Такое положение вещей не может быть терпимо ни одной минуты, вследствие чего и на основании данных мне г. Министром Внутренних Дел полномочий я, с сего момента, устраняю г. Сильницкого, как сумасшедшего, от должности, и Петропавловским уездным начальником отныне является коллежский советник Павский».

Спешил господин Гребницкий.

А вот еще: *«...г. Гребницкий поступал в отношении порученного ему Высшим Начальством дел как-то особенно, между прочим, уверен, что он уговорил меня ехать в Никольск-Амурский через Сан-Франциско, где для меня было уготовано уже помещение в доме умалишенных, поместить куда меня было так легко и свободно при наличии изложенного заключения о моей психике русского консула в Сан-Франциско и американских законов, до душевно больных относящихся».*

Но не вышло. *«Г. Гребницкий отбыл, 8-го августа, на “Миноле” в Охотск, предполагал зайти в селение Явино, где взять, между прочим, на борт сказанного парохода Сечи Гундзи, плененного Сотниковым, а так как сказанный пароход постигла у Тигиля авария, то все, кто находился в момент аварии на “Миноле”, были приняты на борт английского судна “Альджеройн”».*

А на Камчатке продолжают идти бои. Сотни дружинников, забросив рыбные промыслы, то есть фактически обрекая свои семьи на голод, охраняли камчатское побережье.

10 ноября 1904 г.

Сотников – командующему обороной Камчатки Векентьеву:
«12 сентября с.г. я из командировки с западного берега Камчатки в Петропавловск вернулся, где 13-го в 9 часов утра явился к И. Д. Петропавловского уездного начальника г. Павскому, который не выслушав установленным порядком мой словесный рапорт, сидя за столом, закричал на меня “за что ты убивал японцев, они ведь мирные”. Я доложил г. Павскому, что первые японцы пришли в Камчатку, начали грабить мирных жителей до употребления в дело оружия и как не повинующие согласно приказов г. начальника уезда и инструкции г. штабс-капитана Векентьева после возможности были отражаемы не доводя до дальнейших грабежей жителей и издевательств над нашей святыней, за которую должны стоять и нерушимо охранять. На это г. Павский громко говорил, наколачивая по столу, “начальник был сумасшедший и приказы его дурацкие, а Векентьева и тебя повесят, за то что исполнял его приказы, а правительство понесет убытки за уничтоженные вами шхуны” и сказал “можешь идти”.

Представленные мною с Ичи 2 пленных японца, находясь в Петропавловске, пользуясь полнейшей свободой, подготовив еще 2 японцев... в начале августа бежали шлопкой, которых заметили на Лопатке, что они прошли на Шумшу. Преследование бежавших г. Павским не найдено нужным».

15 июля 1905 г., г. Петропавловск

«Дорогой Антон Петрович!

В Петропавловск прибыл я 12 мая. Из Охотска нас выехало трое: я, Лех и Жаба. Все себе представить не можете, что это было за путешествие. От Гижиги до Ямска форменный голод. Прибыли в село Иредь, не доезжая Тактояны и наткнулись на ужасную картину голода. У людей решительно ничего нет и первое что заявили они это: мы хотим есть, дайте нам есть.

За день до нашего приезда сюда, они добыли одну куропатку и

делили ее на четыре семьи (около 20 человек). Мы снабдили их – сколько смогли – сухарями, чаем и сахаром. Это не люди, а какие-то живые мощи с единственным признаком жизни – движение. От Гижиги странствование уже пошло по корякам, ни слова не говорящим по-русски. Это тоже своего рода испытание.

Эти грязные юрты с их обитателями, зашитыми в шкуры оленя, эти разные маняла (любимое кушанье из оленьих кишок со всем содержимым, еще не остывшее и для большего вкуса помазанное толченой клюквой или брусникой) и т.п. прелести долго не изгладятся из памяти. Со временем я выпущу в печать все, испытанное мною в этом трудном пути; материалов у меня более чем достаточно. Снято до 100 фотографий, почти весь путь, а это вряд ли у кого найдется.

С приездом в Карагу я уже почувствовал, что попал в Бого-спасаемую Камчатку. Кончились юрты и начались чистенькие камчадалские домики, увешанные внутри картинами Подпругинского торго.

Вы себе представить не можете, как рады были камчадалы моему приезду. Мне даже неловко было перед Лехом, что камчадалы с таким триумфом и неподдельною радостью приветствовали именно меня, а не его, как нового уездного начальника.

Везде и всюду только слышишь: слава тебе, Господи, один из наших начальников прибыл, а то мы и голову потеряли. Везде и всюду спрашивают про Вас, благословляют Вас и благодарят за добро. Верите ли, дорогой Антон Петрович, что все это видеть и слышать мне было более чем приятно.

В Ключах я и Лех были на сходе, где крестьяне поголовно заявили Леху, что лучшего начальника, как был Сильницкий, им и не надо и что все они благодарят Бога за это и помнят все Ваши заботы о них. Лех спросил у них, может ли он все это написать губернатору, они заявили, что просят даже. Не знаю, писал ли он это. По остальным селениям, вплоть до Петропавловска, совершенно то же самое.

Во многих юртах существуют надписи такого содержания: “Господи, убери Павского и пошли нам Сильницкого или Векентьева”, или просто: “Господи, пошли нам скорее Сильницкого или Векентьева” и т. п. По всей Камчатке только и слышны

жалобы на Павского. Да, дорогой Антон Петрович, вы сделали камчатским народным любимцем, а благодаря Вам и на мою долю выпало это счастье.

Камчадалы говорят, что у них благодаря Вам и рубашка новая и на черный день записано.

В наше отсутствие соболя пал до 12 рублей.

Обыкновенная его цена понизилась до 20–25 руб.

Дороже 40 руб. и цены не было за соболя головку.

Ваши соболя до сего времени еще не проданы, а ясак, собранный при Павском, продан, в среднем соболя пошел по 40–45 рублей.

В конце мая прибыл пароход “Австралия” и на нем Гребницкий, который объявил казенные цены на соболя, насколько помню, цены эти – 50 руб., 35 и – кажется – 30. Перед Гребницким был барон Брюгген, этот фон-фарон совершенно изменился, ходит как опущенный в воду.

Гребницкий говорил, что барон последний год дослуживает в Компании. На место Кантора теперь Клопшотс, он человек как будто и ничего, но балда какая-то. Контор получил какое-то другое назначение – доверенного по снабжению портов Охотского моря. Я думаю, что он будет главным доверенным. Берг так и не остался служить в Компании, как и говорил он. У него умерла жена Паничка. У Карякина Михаила тоже умерла жена. Берг теперь служит при городском управлении и у нас при штабе обороны, и получает и там и там.

Жаль его беднягу, мы ошиблись в его поступках, он честный человек. Тюшов женился на Ольге Русановой.

Единственное безобразное явление, отравляющий всякое существование, – это Павский. Боже, что это за гадина, это свинья какая-то, а не человек.

Чупятов теперь начальник Петропавловской дружины... Кузьмин – начальник облуквинского отряда – георгиевский кавалер, Нагорный – начальник конного отряда, тоже георгиевский кавалер 3 степ.; ст. унтер-оф. Чертов – начальник Большерецкого отряда, георгиевский кавалер 3 ст., Жаба заведовал обороной Западного берега, кавалер Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, и Ваш покорный слуга, начальник обороны, кавалер Св. Станислава 2 ст. с мечами и бантом. И все, доро-

гой Антон Петрович, благодаря Вам. Искренно сожалею, что Вы отсутствуете, да и не я один. Семья моя в Охотске. Если удастся, проберусь за ней на пароходе. Ведь за это не судят, тем более что все уже сделано. Пока у нас все благополучно. Обнимаю Вас крепко, любящий Вас В. Векентьев.

Гребницкий что-то политикует – мягко стелет.

Лех тоже что-то в политику ударился. С Лехом я живу в ладах, пока живу у них и столуюсь. Семья его приехала через Америку. Все боятся японцев».

И для этого были веские причины.

28 ноября 1904 г.

Павский – военному губернатору Приморской области:

«Я не беру на себя смелость говорить Вашему Превосходительству о необходимости какой бы то ни было награды начальникам отрядов, не усматривая из всего дела ни одного акта храбрости достойного награды, кроме актов полного бесчеловечия по отношению к хищникам, проявленного с нашей стороны совершенно невооруженным или недостаточно вооруженным, и акта трусости по отношению к хищникам, о которых знали, как о более или менее вооруженных, как было на Озерной откуда хищники и не были прогнаны. Как бы то ни было, расправа с хищниками совершилась, расправа во всяком случае жестокая, не имевшая достаточных оснований. Вряд ли можно сомневаться, что и в нынешнее лето побережье Камчатки будет наваждено японцами, ожесточенными расправой и жаждущими мести, если только на защиту полуострова не будет послано какого-нибудь военного судна. На этот раз японцы по всей вероятности, далеко не удовольствуются ловлей рыбы, но займутся грабежом, а может быть, убийством жителей прибрежных селений и в настоящее лето действительно необходимо будет вооруженной силой встать всему камчатскому населению на защиту своих жизней и достояний...»

И получилось по Павскому, что в угрозе предстоящих военных действий на полуострове повинны были сами же камчатцы.

В этом его заявлении звучала неприкрытая угроза: *«Имея ввиду, что в Японии известно о взятии Гундзи, об уничтожении 12 рыболовных шхун и гибели более 150 человек японцев, как непосредственно от японцев, ушедших на спасшихся шхунах в Японию, так и через английское судно и американский пароход, можно думать, что Петропавловск в нынешнее лето подвергнется также нападению со стороны японских хищников ради отпущения за взятых в плен и убитых японцев».*

Как в воду глядел господин Павский.

*4 сентября 1905 г., Хабаровск
Генерал-губернатору*

Директор первого департамента министерства иностранных дел Гартвиг:

«Гребницкий из Сан-Франциско телеграфирует и просит передать: адмиралы Катого Идзуми и Суми бомбардировали Петропавловск 31-го сего августа, думая сделать его базой крейсерства своей эскадры; разрушены маячные здания, уездное управление, разграблены пороховые склады, убито много обывательского скота, у обывателей отобрано все огнестрельное оружие, раненных и убитых нет; окружной начальник Лех, взяв кассу, женщин и детей ушел с дружиной внутрь страны. Американское судно “Австралия”, зафрахтованное Камчатским обществом захвачено в порте с Брюггеном и со мною».

И как же поступили японцы со своими врагами, попавшими в плен?

«Брюгген отправлен в Шанхай, а я (Гребницкий. – С. В.) настоял на отправлении сюда...», то есть в Сан-Франциско. И не потому ли японская эскадра – по дороге в Америку – заглянула еще и на Командорские острова, местное население которых также не допустило сюда японцев, и расстреляло населенные пункты островов, как и Петропавловск, из корабельной артиллерии.

11 сентября 1905 г.
Приамурский генерал-губернатор –
надворному советнику Сильницкому, г. Хабаровск

«Предлагаю Вашему Высокоблагородию, немедленно с получением сего, отправиться в Петропавловск.

...В Петропавловске предлагаю выяснить с возможною подробностью все обстоятельства захода туда японских судов и бомбардировки японцами города в августе сего года, а также собрать сведения, не заходили ли японские военные и частные суда в текущую и прошлую навигацию в Петропавловск и другие камчатские порты и не занимались ли хищническими промыслами и грабежом населения».

1 декабря 1905 г.
Приамурский генерал-губернатор –
Главнокомандующему всеми сухопутными
и морскими вооруженными силами, действующими
против Японии, г. Хабаровск

«Надворный советник Сильницкий вышел из Владивостока 18 сентября на транспорте “Аргунь”, принявший на борт, для доставления в Петропавловск, 26 237 пудов продовольственных запасов. 28 сентября “Аргунь” подошла к Петропавловскому рейду и к 12 октября весь доставленный на транспорте груз сдан...

...Что касается японских хищников, то по собранным надворным советником Сильницким сведениям нападения их в навигацию текущего года успешно отражались дружинниками на восточном и западном берегах Камчатки. Всего сожжено дружинниками четыре хищнических шхун и убито 17 японцев. Трое раненых лечатся в Тигильской сельской амбулатории. С нашей стороны потерь нет.

...21 октября “Аргунь” покинула Командорские острова. 26-го заходила на остров Уруп...

...27 октября на “Аргуни” скончался от водянки помощник

Петропавловского уездного начальника коллежский советник Павский, выехавший по распоряжению Военного Губернатора Приморской области из Петропавловска во Владивосток.

2-го ноября “Аргунь” благополучно возвратилась во Владивосток».

«ТОТ ФАКТ, ЧТО КАМЧАТКА ПО ПОРТСМУТСКОМУ ДОГОВОРУ ОСТАЛАСЬ ЗА РОССИЕЙ, ЯВЛЯЕТСЯ ОГРОМНОЙ ЗАСЛУГОЙ САМОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА, КОТОРОЕ В ГРОЗНЫЙ ЧАС ВОЙНЫ ВЗЯЛОСЬ ЗА ОРУЖИЕ», – делает вывод современный историк, подводя итоги русско-японской войны.

Но с заключением в Портсмуте, нейтральном американском городе, мира между Японией и Россией война на Камчатке не закончилась...

25 августа 1906 г.

*Военному губернатору,
г. Петропавловск Приморской области*

«18 июля с. г. в 1 1\2 верстах от устья реки Воровской убиты японцами с хищнических рыболовных ихун, стоявших в реке Воровской, командированные... для наблюдения за рыбными промыслами подпоручик запаса Сотников и с ним петропавловский мещанин Македон Александрович Ворошилов; крестьянин Приморской области Южно-Уссурийского уезда Борисовской волости Никита Максимович Нечепурной и камчадалы селения Воровского: Александр Григорьевич Спешнев, Анкудин Михайлович Спешнев, Феофан Степанович Спешнев, Сергей Степанович Спешнев, Иван Васильевич Спешнев, Гавриил Степанович Спешнев, а также спасаясь от преследования японцев утонули в реке Воровской камчадалы Василий Петрович Спешнев и Гаврило Прокопьевич Спешнев. Ранены и спаслись камчадалы того же селения Каллист Иннокентьевич Трапезников и Степан Николаевич Спешнев. Оба находятся на излечении в Петропавловске.

...16 июля с. г. Сотников прибыл к амбару Камчатского

торгово-промышленного общества, расположенного на левом берегу р. Воровской, в расстоянии 1 1\2 версты от устья реки и в самой реке застал японские хищнические рыболовные шхуны, а именно: “Футами-мару”, “Тендомин-мару”, “Хоси-мару”, четвертую, название которой следствием не установлено, и пятую “Хигаси-мару”, стоявшую в море.

Шхуны, стоявшие в реке, ловили неводом рыбу.

Японцы расположились лагерем на другом берегу реки, на косе, примыкающей к морю, выстроили там для себя сарай, а также сложили соль, муку и засоленную японским способом рыбу, примерно около 16 000 штук, пойманную в р. Воровской.

В виду того, что лов рыбы производился японцами без разрешения и хищническим способом... Сотников, руководствуясь параграфом 30 Временных правил для производства морского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства, конфисковал у японцев с 16 по 18 июля с. г. два невода, шлюпочный парус, 150 кулей муки, 10 кулей рису и, кроме того, требовал представления 1 000 руб. штрафа в пользу казны за незаконный лов рыбы. Это требование было предъявлено японцам гласно в присутствии Воровского сельского старосты Бориса Спешнева и германского подданного Владимира Стовас.

18 июля означенные деньги были переданы Сотникову с условием разрешения шхунам выйти из реки в море, но несмотря на это Сотников не только не дал разрешения на выход шхун (чувствуете, как следовательно – коллежский асессор Садовников – пытается оправдать японцев! – С. В.), но узнав, что на косе у японцев осталось еще 13 мешков рису (то есть поняв, что японцы его, мягко говоря, надувают и намереваются вернуться назад, как только Сотников отправится дальше. – С. В.), отправил за ними к японцам на двух батах Воровского селения старосту Бориса Спешнева с камчадалами Степаном, Александром, Анкудином, Гавришлом, Феофаном Спешневыми и Каллистом Трапезниковым, а сам с прочими остался у амбара. Было около 3-х часов пополудни. На том берегу, что находился Сотников, собрались человек 12 японцев, среди которых нахо-

дился японский врач Саки, участвовавший в минувшую войну и бывший в плену во Владивостоке. Саки хорошо говорил по-русски. Подойдя к Сотникову и обращаясь к нему, Саки сказал: “Ну что же, Ваше Высокоблагородие, выпустите Вы наши ихуны?” и, получив ответ, что они, может быть, будут еще арестованы, Саки выхватил из бывшей у него в руках камышовый трости кинжал и насквозь проткнул им Сотникова...

Одновременно с этим по сигналу Саки на другом берегу реки и на косе, где были камчадалы, поехавшие за рисом, началось избиение камчадал... веслами были убиты находившиеся в батах люди за исключением сельского старосты Бориса Спешнева, отделавшегося ушибами, Каллиста Трапезникова и Степана Спешнева, притворившихся мертвыми. Недалеко от Сотникова были убиты Ворошилов и Нечепурной. Последний был убит кинжалом того же доктора Саки... Ворошилов выстрелами из винчестера убил двух японцев...»

Приказчика Камчатского торгово-промышленного общества Владимира Стоваса, как в свое время и Брюггена с Гребницким, японцы не тронули. Правда, сам он на следствии утверждал, что японцы похитили из амбара общества чемодан с деньгами на сумму 3 780 рублей, а также 5 соболей, 40 шкур выдр и росомах.

Но это маленькое дополнение, главное же в том, что японцы по-прежнему шли на любое преступление, чтобы устранить со своего пути к камчатским лососевым богатствам все препятствия.

15 июля 1907 г.

Россия согласно Портсмутскому мирному договору подписала русско-японскую рыболовную конвенцию, согласно которой японским рыбакам было предоставлено теперь уже законное право «ловить, собирать, обрабатывать всякого рода рыбу и продукты моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль побережья морей Японского, Охотского и Берингова, за исключением рек и бухт».

В тот же год на камчатских побережьях было сдано в аренду

74 морских рыболовных участка, в 1909 – 169, в 1911 – 205 (добыто и вывезено в Японию 4 306 000 пудов лосося)...

Но война не прекращалась.

«Японские шхуны, – писал командир канонерской лодки “Манджур” капитан 1-го ранга барон Роден, – на отведенных им участках выгружают невод или вытаскивают на берег кунгас, чтобы казалось, что они действительно там ловят рыбу, но лишь только крейсер проходит дальше, они, зная, что он появится лишь через несколько дней, начинают ловить рыбу в устьях рек или ставят постоянные невода, что еще хуже, против устьев и опять, увидев дым на горизонте, все снова убирают.

Я пока предупреждал всех, что если уличу их в этом, то конфискую, но сам сознаю, что поймать их почти невозможно...»

Для более надежного прикрытия японцы, как и все прежние годы, использовали тех русских, которые охотно «торговали своим русским именем». В официальном отчете барон Роден делится своими впечатлениями от встречи с одним из таких «земляков»:

«Относительно мещанина Бондаренко доказано, что он является подставным лицом крупного японского рыбопромышленника Тасиро Санкичи из Ниигата... На участке Бондаренко на р. Ича (на западном берегу Камчатки) работало 9 японских шхун и около 200 человек японцев, русских же было завезено на участок до 30 человек, которые проживали на промысле для виду и к участию в работе не допускались».

1907–1944 гг.

В декабре 1908 года Приамурский генерал-губернатор Унтербергер с большой тревогой сообщал правительству:

«Особенного внимания заслуживает... то обстоятельство, что в настоящем году в Японии образовалось “Общество Морских промыслов Приморской области”, к которому примкнули почти все японские рыбопромышленники и которое, несомненно, объединит их сплоченную организацию, придаст их деятельности более планомерности и силы и усугубит их вредное для нас влияние».

Он был абсолютно прав: в 1914 году это общество переросло в еще более крупное монополистическое объединение по добыче и обработке в русских конвенционных водах – «Ничиро Гио Гио Кабусики Кайша». К 1917 году это объединение добывало 85–90 процентов всей рыбы русского Дальнего Востока.

Но война не завершается.

«По рассказам русских и самих японских рыбопромышленников в вице-консульстве, спиртом... немилосердно спаивалось прибрежное население и, вместе с тем, им пользовались для незаконной ловли рыбы. Опоенные и одурманенные жители, в отсутствие рыболовного надзора, не только охотно разрешают японским судам производить ловлю рыбы в реках, но даже содействуют им, а также за бесценку продают японцам наловленную ими самими рыбу, зачастую оставаясь без запасов на зиму».

В 1908 году «Манджур» снял за различные нарушения с промысла японские шхуны «Чайе-мару», «Зенни-мару», «Дайси-Кофу-ку-мару», «Асаки-мару», «Кейзю-мару», «Мизухо-мару», «Кайнуно-мару», «Мейцу-мару». Тогда для помощи и содействия своим рыбопромышленникам японское правительство направляет к берегам Камчатки в 1908 году крейсер «Конго», а в 1909 году – «Хией».

Накануне первой мировой войны число японских рыбаков на морских участках составляло уже 10 тысяч человек, то есть превышало уже фактическую численность коренного населения полуострова. Добыча рыбы за период с 1908 по 1917 гг. увеличилась в пять раз и достигла 450 тысяч коку (коку – япон. – около полутора центнеров). По собственным подсчетам японцев камчатская рыба и краб приносили им ежегодно прибыль в 40 миллионов йен.

В 1921 году Япония уже декларирует свободный лов в русских территориальных водах. В ноте от 18 января 1921 года правительство Дальневосточной республики выразило решительный протест *«...против насильственного захвата японским правительством русских рыболовных промыслов, являющегося нарушением прав русского народа».*

В ответ на это 19 апреля 1921 года японское правительство вручило Приморскому областному управлению ДВР меморан-

дум, где, в частности, оповещало: *«...японское правительство опубликовало оповещение о разрешении русским и японским рыбопромышленникам заняться рыбным промыслом в текущем сезоне на Камчатке»*. Это «разрешение» было дополнено следующим: *«...постановлено не чинить препятствий русским промышленникам»*.

В 1922 году из 526 рыболовных участков Охотско-Камчатского края 490 были в руках японцев. Их добыча в тот год составила 6,6 миллионов пудов рыбы.

Осенью 1922 года был создан синдикат, объединивший все японские рыбоконсервные заводы Камчатки. Из 23 действующих здесь заводов только один был русским.

На Шумшу и Парамушире было построено 14 крабоконсервных заводов, сырец для которых поставляли с Западной Камчатки.

Из 289 000 ящиков консервов из краба 229 000 ящиков были изготовлены на японских плавучих заводах, браконьерски орудующих в русских территориальных водах вблизи западно-камчатских берегов.

1926 год. И. Гапанович, автор книги «Камчатка», Владивосток: *«В хорошем районе японская рыбалка попадается через каждые две версты, около каждого селения стоит японский пароход, число жителей в рыболовный сезон увеличивается вдвое за счет японских рабочих; словом во время хода рыбы побережье Камчатки становится участком Японии»*.

До 25 тысяч рабочих работало в эти годы на камчатских побережьях. И не случайно политики оценивали ситуацию, сложившуюся на Камчатке, примерно так: Камчатка юридически принадлежит России, но фактически она принадлежит Японии.

Так что война продолжалась.

В 1928 году советское правительство подписало с Японией советско-японскую рыболовную конвенцию. Основные принципы этой конвенции не отличались от предыдущей, заключенной в 1912 году с царским правительством, проигравшим русско-японскую войну. Но в деталях были существенные различия. Так, например, японцы уже не имели права нанимать для добычи и обработки рыбы местных жителей: Стране Советов катаст-

рофически не хватало рабочей силы для подъема экономики полуострова. Но самое главное – японцам запрещалось вести промысел лососей в реках, – только на морских участках.

То есть они не получили доступ к самым богатым рекам Камчатки – реке Камчатке, реке Озерной и реке Большой, воспроизводящим деликатесную для японского рынка рыбу – нерку (красную, или красницу, как называют ее за ярко-красный цвет, проявляющийся в брачный период).

Но японские рыбопромышленники, организованные в единую корпорацию Ничиро Гио Гио Кабусики Кайша, а также компании Огинуно Соота-ро, Сано Сукедзи и другие, не были ущемлены. Суммарный объем вылова дальневосточных лососей японской стороной превышал объемы вылова советских рыбаков и достигал более ста тысяч тонн.

В тридцатые годы японцы ежегодно выставляли на Камчатке двести семьдесят морских ставных неводов. Они построили около сотни сезонных поселков, куда по весне завозили рабочих для добычи и переработки камчатского лосося. Японцы обустроивались серьезно и надолго – в этих поселках были десятки строений, обеспечивающих жизненный и рабочий цикл. Все строения капитальные, построенные на годы: оборудование на заводах высокотехнологичное, заводы обеспечены всем необходимым – дизельными электростанциями, котельными, вспомогательным флотом для работы на неводах, кунгасами, банкотарой для консервного производства и так далее.

Кроме того, Япония, владея Курильскими проливами, через которые западно-камчатский лосось проходил на нерест, и здесь откусывала от дальневосточного рыбного пирога значительный кусок. Как отмечали специалисты, в период с 1932 по 1945 год японцы в водах северных Курильских островов вылавливали за один промысловый сезон в среднем шестьсот шестьдесят четыре тысячи центнеров лососей. А всего в предвоенное десятилетие японцы отлавливали из камчатского стада лососей в среднем по 1 566 тысяч центнеров лососей за промысловый сезон – против 692 тысяч, добывавшихся советскими предприятиями.

В 1939 году только лосося японцы поймали на Камчатке более 130 тысяч тонн. Добыча краба в 1942 году составила около

двух с половиной тысяч тонн. В 1944 году на полуострове японцы имели 32 рыбоконсервных завода на 79 линий, 74 рыбообрабатывающих базы, 5 холодильников, 42 рефрижератора, 2 утильзавода, 183 буксирных катера, 52 моторных кавасаки...

Но и этого им показалось мало, и японцы, в нарушение Конвенции, обеспечивающей им возможность добывать лососей в территориальных водах Советского Союза, начали хищнический лов нерки дрефтерными сетями, выставляя их с внешней стороны государственной границы СССР, напротив устья реки Камчатки. Пионерами в этой области явились японские рыбопромышленные компании, которые научились облавливать разреженные скопления лососей в океане путем соединения сетей в дрейфующие порядки длиной в десятки километров.

Перед Второй мировой войной японцы имели на морском лове лососей до восьми плавучих баз с тремя сотнями промысловых судов. Среднегодовой вылов лососей этим флотом достигал двадцати двух – двадцати восьми тысяч тонн.

В 1930-х годах известный экономист, автор книги «Народное хозяйство Камчатского края» М. А. Сергеев забил тревогу, отмечая первые последствия японского (еще не крупномасштабного) морского дрефтерного промысла нерки, относящейся к бассейну реки Камчатки. Но, к сожалению, он услышан не был. По его данным, за пять лет (1930–1934) наш улов составил чуть более сорока процентов улова за предыдущее пятилетие, причем на морских участках он упал более чем на половину, а добыча на реке Камчатке упала более чем в три раза. И вот какой вывод делает ученый в 1936 году: **«Самой собой очевидно, что дальнейшее применение морского лова японцами приведет к окончательному истреблению красной в этом районе».**

В это время Японию беспокоил тот факт, что Советский Союз стремительно наращивал собственные береговые рыбодобывающие мощности, не только становясь конкурентом Японии на мировом рынке камчатского лосося, но и вытесняя ее (по крайней мере, в секторе производства высококачественных консервов из нерки).

Перед Великой Отечественной войной на полуострове было построено шестнадцать рыбоконсервных заводов с общей производственной мощностью в пятьдесят две линии. Эти заводы были оборудованы по последнему слову техники. Производительность одной консервной линии – семьдесят пять банок в минуту, а это шесть тысяч ящиков по тридцать два килограмма за восьмичасовой рабочий день.

На безлюдном побережье, как грибы, вырастали рабочие поселки. Масштабы развития берега советской Камчатки не могут не поражать нас даже сегодня, спустя многие десятилетия.

Благодаря архивариусу Е. П. Абрамовой найдены материалы народнохозяйственного учета Госплана СССР за 1934 год. В них отражены все эти новые поселки при рыбоконсервных заводах и рыбоперерабатывающих базах, а также количество проживающего в них населения и количество хозяйств (это вообще очень интересная цифра, так как отражает количество оседлого, семейного населения в этих рабочих поселках). Два примера. Ичинский поселковый совет (два завода, сельхозферма, три лесозаготовительные базы) – 1 410 человек, 90 жилых строений, 659 хозяйств. Усть-Большерецкий поселковый совет из восьми рабочих поселков при рыбокомбинатах – 4 326 человек, 385 жилых строений, 1 848 хозяйств.

Простая арифметика: в 1934 году на побережье Камчатки в рабочих поселках проживало более пятнадцати тысяч человек, добывая и перерабатывая лосось, производя экспортную рыбоконсервную продукцию, а также соленую рыбу для внутреннего потребления.

Зачем мы приводим эти цифры? Затем, чтобы представить истинные масштабы трагедии камчатского берега в 1950-е годы, когда японские дрейфтерные сети перекрыли все пути-дороги лососю к родным берегам.

Советская власть ставила перед второй мировой войной грандиозную задачу – постепенно вытеснить, используя экономические методы, Японию из дальневосточных, в том числе и камчатских, рыбопромысловых районов.

Но Советская власть ставила перед собой и политическую

задачу – вытеснить Японию из жизни местного населения Камчатки, которое, начиная с 1907 года, вынуждено было жить по новым законам Российской империи, то есть считаться с господством японских рыбопромышленников на камчатской земле, считаться с их экономическими устремлениями и батрачить на японцев в период лососевой путины.

Советская власть, подписав новую рыболовную конвенцию с Японией, ...начала политическую войну против местного населения. Сначала было так называемое «Тигильское дело» о массовой измене Родине в пользу Японии рыбаков Тигильского района, по которому было расстреляно десятки коренных жителей полуострова. А потом на южную часть полуострова обрушилось дело «Автономная Камчатка» (о мнимой попытке отделения Камчатки от России в пользу Японии), по которому была подвергнута политическим репрессиям практически вся местная элита.

Если сравнивать два списка – список участников обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. и список коренного и местного населения Камчатки – жертв политических репрессий 1930-х годов, то они почти совпадут. Политический каток прокатился по судьбам людей, которые по-сыновьяму были преданы Камчатке и готовы были отдать за нее свою жизнь. Эту жизнь и взяли, но только в угоду совсем другой идеи – сфальсифицированной идеи массового предательства камчадалами интересов советского государства.

1931 г. «Тигильское дело»

Из аналитической справки МГБ «Политико-экономическая характеристика Усть-Большерецкого района Камчатской области за 1948 год»: *«Русские стали вступать в браки с корячками и ительменками, и образовалась новая национальность, которую долго именовали “камчадалы”. Вплоть до Октябрьской Социалистической революции население района находилось в экономической зависимости от японских промышленников и купцов. На всем протяжении побережья Охотского моря японцы имели свои рыбоконсервные заводы и рыбоперерабатывающие базы, большую часть рабочих на сезон работы завозили из*

Японии, а часть нанимали из местного населения. Особенно большое влияние японцы имели среди местного населения – “камчадал” и старожил – сибирских казаков-переселенцев. ...Наряду с экономическими, японцы усиленно старались насадить среди населения и политическое влияние. В 1918–1922 годах японцы через свою агентуру усиленно обрабатывали местное население и старожилов района на создание так называемого “Автономного Камчатского государства” под протекторатом Японии и организацию вооруженной борьбы с Советской властью. С этой целью японцы специально возили ряд старожилов из числа кулацкой верхушки в Японию, где “наглядно” показывали жизнь в японских городах и свои порядки. Под влиянием японской агентуры в 1919 году было написано жителями района и отправлено письмо японскому императору с просьбой принять их в подданство Японии».

Напомним, что на календаре был уже 1948 год, милитаристская Япония была разгромлена, японские заводы на территории Камчатки были уже конфискованы и переданы в специально для этого созданный Камчатрыбпром, поэтому чекисты-гэбэшники просто отдыхали и сочиняли мифы о прошлом «веселом» времени боевых действий на Камчатке их старших товарищей, редкий из которых уцелел в той политической бойне, вошедшей в историю полуострова как дело «Автономная Камчатка». Но ему предшествовало «Тигильское дело»...

Вот, что писал по этому поводу камчатский писатель Валентин Пустовит в газете «Новая Камчатская правда» в 2003 году: «Весной 1931 г. Камчатский окротдел ОГПУ раскрыл “контрреволюционную, шпионско-вредительскую и повстанческую организацию”, которая “основной своей целью ставила насильственное отторжение от Союза ССР полуострова Камчатки, упразднение органов Советской власти и установление там независимого камчадальского правительства под протекторатом Японского правительства”. По утверждению чекистов, вооруженное восстание должно было начаться в Тигильском районе 1 мая, а в Усть-Большерецком – 4 мая 1931 г. “Захват власти намечался своими вооруженными силами и в случае неустойки предполагалось получение помощи” в виде “десант-

ной операции в пунктах требуемой повстанцами поддержки» с японских военных кораблей».

Было арестовано 69 жителей восьми селений.

«В обвинительном заключении подчеркивалась характерная особенность контрреволюционной организации: “состав ее, строго ограниченный этническими рамками... преимущественно камчадалы и частично другие туземные народности (коряки, ламуты). Во главе... стояли камчадалы, являвшиеся японскими агентами”, в руководство привлекались “исключительно лица, чуждые советской власти, бывшие люди, бывшие купцы, торговцы, кулаки”. На повстанческие намерения арестованных указывало, по мнению ОГПУ, изъятое у них оружие в количестве 77 единиц – винчестеры, дробовики, берданки...»

«На допросе 12.09.31 один из обвиняемых хайрюзовский рыбак Дмитрий Филиппович Орлов заявил, что органы ОГПУ, на основе ложных показаний, привлекают совершенно безвинных людей. 15.08.31 другой обвиняемый, житель с. Ича Павлуцкий показал: “При допросе Шумилиным, он, тогда, когда я говорю, что не знаю этого, говорит, что он это знает и записывает, а поэтому, получается, вроде как будто бы насильно. Мы – люди темные, ну, сердцу загрустится и подписываешь”. Арестовывавшийся по этому делу И. М. Ласточкин вспоминал, спустя 28 лет: “На допрос меня вызывали всего один раз, следовательно закричал на меня и ткнул кулаком в затылок. Я очень перепугался и тут же скорей подписал то место, где он указывал”».

«В 1959 году, при проверке “Тигильского дела”, бывший сотрудник ОГПУ А. Д. Емельянов, поясняя методы его ведения, заметил, что ему известно о применявшихся к арестованным мерах “психического воздействия” и “прямого физического насилия”. Довольно грубо обращались с арестованными чекисты Ермолин и Стрекалов. “Особенно отличался этим Ермолин, который мог пойти на любые действия, чтобы получить нужные ему показания”. По словам Емельянова, на подобные методы “не обращалось внимания, и они, по существу, даже не осуждались”. В документах проверки есть и такое свидетельство: “Ласточкин (видимо, Василий Яковлевич, один из пяти основных обвиняемых. – Автор) рассказывал и сам плакал, что,

будто, его Лапин со Стрекаловым заставляли говорить под угрозой наганов»».

«...В апреле 1932 г. зампрокурора Дальневосточного края Бородин вынес заключение об отсутствии в материалах дела “организационных основ, свидетельствующих о наличии контрреволюционной, шпионско-вредительской и повстанческой организации” на западном побережье Камчатки, и предложил прекратить уголовное дело в отношении 41 человека. Тем не менее, большинство было осуждено тройкой ПП ОГМУ по ДВК 7 сентября того же года».

«Пятерых она приговорила к расстрелу: работавших в своем хозяйстве Заева Николая Федоровича (передавал, якобы, японцам сведения политико-экономического состояния Тигильского района), Ласточкина Василия Яковлевича (как организатора травли скота), Косыгина Василия Васильевича (осуществлял “разработку плана вооруженного восстания и шпионаж в пользу Японии”), Запороцкого Григория Егоровича (руководителя “повстанческой ячейки” в Морошечном) и колхозника Суздалова Прокопия Егоровича (“японского шпиона”»).

«...Не спасла Суздалова, Ласточкина и Косыгина принадлежность, согласно материалам дела, к тигильским партизанам времен гражданской войны; впрочем, в специально составленных списках таковых они отсутствуют. Не посмотрели при вынесении приговора на то, что Суздалов – не только бедняк по происхождению, но еще и кандидат в члены Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)».

Другие получили от трех месяцев до трех лет лишения свободы. Трех выслали на три года с Камчатки. Шестерым зачли предварительное заключение. Некоторых освободили еще в ходе следствия.

Дела в отношении жителей Тигильского района Жиркова Дмитрия Сафроновича, Заева Алексея Егоровича и Притчина Александра Никитича были прекращены за их смертью до заседания тройки ПП ОГПУ по ДВК от 7 сентября 1932 г. Заев умер 10 апреля, Притчин – 18-го, а Жирков до 24 марта, так как именно эта дата стоит в документе о прекращении его уголовного преследования.

О судьбе выпущенного на свободу в 1931 г. Константина Ивановича Запороцкого поведал К. Т. Дьяконов, которого чекисты продержали всего 10 дней: «Пришел он весь больной, был сильно опухший и, находясь под следствием, сошел с ума. Вскоре он умер».

«Жена Алексея Заева Мария Ивановна Ласточкина работала на скотном дворе в Утхолоке. Ее и заведующую Агафью Егоровну Дьяконову тоже отпустили по домам, не приняв по ним никакого решения. Их обеих арестовали снова 14 сентября 1937 и с обвинением шестилетней давности расстреляли 28 января следующего года. Притчины из Коврана – Агафья Николаевна, Анна Абрамовна и Агафья Никифоровна в других политических делах не фигурируют; в 1932 г. Агафье Никифоровне был определен срок в три года концлагеря условно».

Хотя вся вина этих людей заключалась лишь в том, что после поражения царской России в русско-японской войне эти люди не отдали Японии Камчатку и вынуждены были после позорного Портсмутского мира выживать в условиях фактической оккупации и полной экономической зависимости от японцев.

Но на этом чекисты не успокоились. Масштаб Тигильского дела был для них слишком мал – руки были всего лишь по локоть в крови, а хотелось умыться кровью...

1933 г. Дело «Автономная Камчатка»

Полковник Федеральной службы безопасности, редактор газеты «Пограничник Северо-Востока» Владимир Слабука в 2008 году в своей газете опубликовал статью с таким вот названием: «“Автономная Камчатка” – суровая реальность или грандиозная мистификация?», в которой пытается взглянуть на события, связанные с политическими репрессиями 1930-х годов, современным чекистским взором.

«Знали в ОГПУ и о том, что японская разведка с 1918 по 1922 годы успела создать эффективную и разветвленную агентурную сеть. Минимизировать контакты местных жителей с иностранцами было сложно. Ежегодно на период лососевой путины на полуостров завозилось от 20 до 25 тысяч сезонных японских

рабочих. И это при том, что на 1 января 1931 года постоянное население Камчатки не превышало 35 тысяч человек. Под прикрытием сезонных рабочих действовали кадровые сотрудники как разведки, так и жандармерии Японии. Выявить их контакты при таком наплыве иностранцев, да еще с учетом активного вовлечения местного населения в экономическое взаимодействие с зарубежными гостями, представлялось задачей невыполнимой».

И поэтому ОГПУ принимает самое простое и эффективное в данном конкретном случае решение – выкосить под корень все активное население Камчатки, которое могло быть ПОТЕНЦИАЛЬНЫМ врагом Советской власти в условиях активного влияния на экономику полуострова рыбной промышленности Японии.

А вот и мотив: *«Японцы в 1918–1922 годах откровенно заигрывали с населением, подчеркнуто благосклонно относились к тем его представителям, которые пользовались авторитетом среди местных жителей. ...Японцы старательно формировали у местного населения положительный имидж Страны восходящего солнца, примеривая Камчатку в качестве очередного территориального приращения к империи. И они бы не остановились перед аннексией полуострова без всякого камуфляжа автономизации, но другой тихоокеанский хищник того периода – Соединенные Штаты – любое усиление Японии с полным основанием рассматривали как попытку вытеснить США с доминирующих позиций в регионе ... Поэтому Токио и не решился на откровенный захват полуострова, но попытался создать на его территории нечто вроде марионеточного государства, во всем зависимого от Страны восходящего солнца, о чем рассказано выше. Японцы делали многое, чтобы завоевать симпатии местного населения. Время от времени они устраивали для камчадалов экскурсии в метрополию, раздавали бесплатно продукты питания и товары первой необходимости».*

Стоит обратить внимание на доказательную базу полковника о том, как из камчадалов японцы формировали потенциальных врагов Советской России: *«Японцы продолжали “одаривать” аборигенов и после установления советской власти на полуострове. Через многочисленные рыбалки, базы и заводы они в*

1923–1932 годах раздавали камчадалам, корякам, эвенам рис, белую муку, мануфактуру, спирт и даже кухонную посуду. ...Не думаю, что подданные микадо раздачу продуктов и товаров производили, повинуюсь альтруистическим побуждениям. Ими двигали другие интересы. И в фарватер их протекционистской политики вполне укладываются создание и поддержка японцами на полуострове организации, объективно действующей в интересах Токио».

Полковник не подумал об элементарном объяснении этой феноменальной японской щедрости – и камчадалы, и русские старожилы получали продукты, а также все остальное и прочее не бесплатно, а под будущую рыбу, которая скупалась не только японцами, но и русскими капиталистами, продолжавшими существовать на полуострове после установления советской власти на Камчатке. Позже истребили и их.

А вот как умело полковник подводит идеологическую базу под то, кто мог бы быть вождем в борьбе за Автономную Камчатку: *«Новограбленов стал первым камчадалом, которому удалось получить высшее образование. Он родился в Петропавловске-Камчатском в 1892 году. В пятнадцать лет начинает работать матросом на шхуне “Котик”. В 21 год окончил учительские курсы при Петропавловском городском училище. Образование продолжил в Томском учительском институте. На Камчатку Новограбленов вернулся в 1918 году и тут же оказался в гуще политической жизни полуострова. Его избирают в городскую думу, гласным которой он состоял вплоть до ноября 1922 года. Трудно сказать, что Прокопия Трифоновича подвигло заняться политикой. Возможно, причиной тому оказались честолюбивые планы молодого человека, сумевшего подняться из социальных низов и получить высшее образование, а может статься, злую шутку сыграла и неуемная тяга к знаниям и впечатлениям, свойственная Новограбленову. Он интересовался геологией, ботаникой, агрономией, зоологией, археологией, этнографией... Много путешествовал по Камчатке, организовал несколько экспедиций по малоизученным районам полуострова. С 1918 года и вплоть до ареста он возглавлял краеведческий музей, к середине двадцатых годов начинает*

работать научным сотрудником НИСа АКО. Прокопий Трифонович знал несколько языков, охотно общался с иностранцами, был, что называется, своим человеком в японском консульстве».

То есть его расстреляли за то, что он больше всех, выше и глубже всех знал и любил свой край, свою родину, свою Камчатку.

Но сначала его сломали.

«Главным организатором шпионской деятельности на полуострове чекисты не без оснований считали японское консульство в Петропавловске. В ходе следствия по “Автономной Камчатке” предпринимались попытки установить существование связей между дипломатической миссией и так называемой “шпионской контрреволюционной повстанческой организацией”. Но поскольку предположения и выводы чекистов строились не на основе доказательств, а в соответствии с практикой того времени – на признании арестованных, то полученные материалы с позиций современных критериев приходится считать малоубедительными».

Это пишет современный чекист – *«полученные материалы с позиций современных критериев ПРИХОДИТСЯ (!!! – С. В.) считать малоубедительными».*

Еще бы – ведь теперь широкой общественности известны методы получения таких материалов.

13 января 1933 года в арестном помещении местного пограничного отряда вспыхнул пожар. В поджоге обвинили работника радиостанции Калинду.

Это был первый камчадал, арестованный по делу, которому потом дали название «Автономная Камчатка».

«От него ниточка потянулась к Василию Флетчеру, родственнику Пантелеймона Флетчера, которого годом ранее как резидента японской разведки приговорили к высшей мере социальной защиты».

19 января – пожар в Усть-Большерецке, который удалось быстро потушить пограничникам (опять же!) морского КПП. Оказалось, что пожар был организован *«по заданию кладовщика местного совхоза Селиванова, как сказано в материалах*

следственного дела, “бывшего попа, скрывавшего свое соцпрошлое”».

«Кто первым назвал имя Прокопия Трифоновича Новограбленова, мне установить не удалось. Но оно прозвучало, и судьба этого неординарного человека оказалась предрешенной».

Почему ПРЕДРЕШЕННОЙ? А потому что для патриотов своей земли большевики-чекисты не оставляли выбора по принципу «жизнь – или смерть». Патриоты Камчатки, ее элита была обречена по ОПРЕДЕЛЕНИЮ.

И не Прокопий Трифонович сдавал своих земляков, как пишет полковник, а органы просеивали через свое политическое сито лучших людей полуострова, беспощадно их истребляя.

«И именно Новограбленов, который имел давние и тесные контакты с японским консульством в Петропавловске, по версии следствия, возглавил “Автономную Камчатку”. Интенсивные допросы Прокопия Трифоновича начались сразу же после его ареста. Новограбленов начал называть фамилии членов так называемой “шпионской контрреволюционной повстанческой организации”. В двадцатых числах марта лавина арестов прокатилась по Петропавловску и его ближайшим окрестностям. ...Аресты прошли и по всем селениям, расположенным от Мильково до Петропавловска. “Изъятие” проводилось по списку, составленному Новограбленовым. К 15 июня 1933 года арестовали 186 человек.

...Надо сказать, что с чисто технических позиций операция была проведена виртуозно. Благодаря оперативности и согласованности действий чекистам удалось не допустить преждевременного распространения информации об арестах».

Честно говоря, трудно понять, чему восхищается полковник, какой чекистской виртуозности: устроить облаву и арестовать ни в чем не повинных людей, которые спокойно жили на своей земле и занимались своим повседневным делом – как раз закончилась охота и началась подготовка к важнейшей страде полуострова – заготовке рыбы на зиму.

«От Новограбленова требовали все новых и новых фамилий членов контрреволюционной организации. На допросах он назвал 280 человек, якобы входивших в организацию “Авто-

номная Камчатка». За каждой фамилией следовал список вредительских дел, рассказывалось о месте и обстоятельствах вербовки в «АК». Весьма сомнительно, чтобы один человек помнил столько фамилий, точные даты и подробности встреч с ними. Не исключаю, что некоторые имена подсказывал... (следователь. – С. В.) ...основываясь на оперативных данных камчатских коллег на лиц, не проявлявших лояльности по отношению к советской власти».

Даже современный чекист ошеломлен тем объемом фальсификации, который был вывален ОГПУ на голову вождя антисоветского прояпонского заговора. Пытаясь что-то понять, выстроит хоть какую-то причинно-следственную связь и установить хоть какую-то логику он невнятно мямлит: *«Любопытно, что Михаила Николаевича Коршунова, который, по версии следствия, был в «Автономной Камчатке» человеком № 2, возглавляя боевую дружину Петропавловска-Камчатского, Новограбленов назвал только 122-м».*

Чего тут любопытного – просто эту версию придумали гораздо позже, и она не вписалась в общий сценарий.

А какой же был общий сценарий? Вот, что пишет об этом полковник: *«Что же инкриминировали Новограбленову и возглавляемой им организации «Автономная Камчатка»? Обвинения по тем временам звучали достаточно стандартно – шпионаж в пользу Японии, вредительство, организация террористических актов, подготовка вооруженного свержения советской власти на полуострове. В отношении диверсионной деятельности и организации восстания обвинения следствия выглядят достаточно голословными. Доказательств серьезных нет. Все зиждется на признаниях арестованных, их перекрестных показаниях и очных ставках. В наше время такие следственные материалы не принял бы ни один самый пристрастный суд, но в тридцатых годах их вполне хватало. Советская юриспруденция того периода, вооружившись постулатом о значении признания подсудимым вины как ведущего доказательства, создала правовую основу для массовых репрессий и нарушений законности. Следовательно требовалось только заставить арестованного сознаться, после чего можно*

было спокойно передавать дело в суд или на рассмотрение пресловутых троек».

Явно запутался наш полковник в своих логических построениях. Так был ли заговор камчадалов в пользу Страны восходящего солнца? Были ли они на самом деле врагами народами и предателями? Были ли они японскими шпионами? И к чему тогда вот эти реплики автора: *«Кстати, Новограбленов признал все выдвинутые против него обвинения, кроме организации диверсий».* Не хочет ли этим самым сказать товарищ полковник, что если бы он вел следствие по делу «Автономная Камчатка» современными методами, то результат был бы гораздо выше, чем у его предшественников, и он бы обязательно доказал, что П. Т. Новограбленов был еще и организатором диверсий?

«В ходе обысков на квартирах арестованных не удалось найти списков боевых дружин», – сожалеет полковник. Нужно было воспользоваться списками дружин за 1904–1905 гг. – они практически полностью бы совпали со списками арестованных камчадалов. *«В материалах следствия много говорится об оружии повстанческой организации – сотнях винтовок, десятках пулеметов. ...Но в уголовных делах нет протоколов изъятия оружия из тайников. Только мельком говорится о том, что члены боевых дружин с началом массовых арестов приняли решение затопить винтовки и пулеметы в Авачинском заливе и реке Камчатке».*

А как же быть тогда, господин полковник, с чекисткой виртуозностью массовых арестов, проведенных втайне и быстро? Не срастается опять...

Или вот очередной чекистский опус: *«Я не исключаю, что часть жителей полуострова присоединилась бы к экспедиции (антисоветской, разумеется. – С. В.), найди белая эмиграция деньги на ее организацию, но сомневаюсь, что к восстанию на Камчатке велась планомерная подготовка, в том числе по линии создания боевых отрядов, как это пыталось представить следствие. Иное дело шпионаж и пассивное вредительство. Вот тут я могу прийти к однозначному заключению».*

И вот какое заключение делает полковник-чекист в отношении уничтоженных его соратниками людей, которые в настоя-

щее время ПОЛНОСТЬЮ РЕАБИЛИТИРОВАННЫ: *«Доказательствам массовой японской агентуры, что называется, нет числа, а потому от общего вернемся к частному».*

Как вам это нравится? Они виновны, потому что все-таки виновны. Даже если не виновны.

Это как же?! А вот так: *«есть... косвенное подтверждение связей “АК” с токийскими спецслужбами».*

А ведь это уже не смешно, так как говорит о многом – прежде всего о том, что как работали спецслужбы в 1930-х, попирая нормы закона и права, так они работают и поныне, не стесняясь переводить гробы и переписывать историю.

«В 1933 году следствие ограничилось тем, что констатировало связи П. Т. Новограбленова и некоторых других арестованных с представителями японской разведки и консульства в Петропавловске-Камчатском. Мне кажется, что, продолжив сотрудники ОГПУ работу в этом направлении, они могли бы получить конкретные доказательства вины, но не сотен людей, а крайне ограниченного круга, в лучшем случае десяти-двадцати человек».

Видимо полковник сожалеет, что не он повел следствие по делу «Автономной Камчатки», а как чешутся руки по таким делам...

А свою систему доказательств причастности десяти-двадцати человек к шпионской деятельности полковник строит на показаниях... П. Т. Новограбленова – человека, который уже никогда не сможет за себя заступиться сам. А в этих показаниях фигурируют имена других камчадалов – Г. Г. и И. Г. Подпругиных, П. А. и Г. А. Машихиных, Н. В. Флетчер, Корякина, П. А. Крупенина, Василия и Егора Крупениных, Ивана Попова.

В показаниях, действительно, речь идет о подрывной деятельности членов организации «Автономная Камчатка», которая коснулась всех сфер жизнедеятельности полуострова и его экономики, особенно в деятельности АКО (Акционерного Камчатского общества).

«Подобные показания изложены на десятках страниц самим

П. Т. Новограбленовым и на сотнях – другими арестованными. Чтобы все это выдумать, нужно кому-то, или следователю, или подследственным, обладать даром хорошего романиста».

И на этой основе полковник делает очередной свой вывод: *«что касается, во всяком случае, части граждан, арестованных по делу “Автономной Камчатки”, то я бы не взял на себя смелости отрицать их контакты с японскими спецслужбами».*

Но при этом полковник не только взял на себя смелость, но даже и не постеснялся огульно осрамить прах людей, которые уже положили на плаху истории свои безвинные головы.

«На рассмотрение Тройки Полномочного Представительства ОГПУ по Дальневосточному краю следователи вынесли обвинительное заключение на 150 человек, записанных в члены “диверсионно-повстанческой и шпионско-вредительской контрреволюционной организации “Автономная Камчатка”. Расстрельных приговоров вынесли много. Аресты по “АК” продолжались до середины 1934 года, хотя и без прежнего размаха».

Чекисты выдохлись. Но на смену им поднимались другие. В 1937 году кровавый меч обрушился уже и на головы камчатских палачей. А потом и следующее поколение чекистов сметет с лица земли новый кровавый смерч, чтобы утопить в крови следы своих собственных злодеяний.

«Жестокий век, жестокие сердца...» – этими жалостливыми словами завершает финальную сцену полковник – чекист нового поколения, который знает, как сегодня нужно бороться с иностранными шпионами и диверсантами, защищая интересы своего государства от внешних и внутренних врагов. И в этом нам еще предстоит убедиться.

18 августа 1945 г. Курильский десант

И вновь камчадалам, теперь уже не отцам, а внукам ополченцев, пришлось заплатить своей кровью жизнь за позор поражения Российской империи в русско-японской войне 1904–1905 гг., когда внуки ополченцев в составе десанта освобождали от японских милитаристов Курильские острова.

Восемнадцатилетних мальчишек, недавних школьников, не

умеющих не только воевать, но и плавать, вышвырнули с транспортных судов, как слепых щенят, в море, боясь подойти к берегу, извергающему смертоносный огонь из береговых орудий укрепрайона острова Шумшу. Сотни этих солдат (в том числе и камчатских ребят 1926–1927 года рождения) не доплыли до берега. Сотни других, доплыв, были уничтожены из орудий и пулеметов или разорваны на части минами. На глазах моего отца, полкового разведчика, погиб его одноклассник Иван Макушин, с которым они долгие годы учебы сидели за одной партой. Отец так и не научился плавать и до конца дней своих не помнил и не понимал, как ему удалось вырваться из холодной морской пучины, из страшных курильских «переливов». Но ему досталось на берегу – осколки снаряда впились в руку и спину. Но он выжил. И не мог без слез вспоминать тот единственный и последний в его жизни бой. А для многих, очень многих камчатских мальчишек, тот бой стал вообще последним, что они увидели и испытали в жизни.

Говорят, что трупы солдат со станинами пулеметов на плечах стояли на дне Первого Курильского пролива многие годы спустя. Скорее всего, это выдумка. Но выдумка со смыслом. С горьким смыслом о том, что человеческая жизнь в нашей стране во имя высоких политических, государственных, военных целей не стоит и ломаного гроша. И стоила ли такой смертоносной цены та Курильская победа, которую можно было (?) столь же успешно, но не спеша, достичь малой кровью?

Или – срубив голову, по волосам не плачут? Приказы на войне не обсуждаются...

Но Камчатке еще и не раз и не два аукнется эта курильская победа, которую постараются разыграть, как козырную карту, советские (а вслед за ними российские) и японские политики.

Но тогда, спрашивается, за что отдали свои жизни наши камчатские мальчишки, потомки уничтоженных в годы политических репрессий народных героев, которые с оружием в руках противостояли Японии в период русско-японской войны 1904–1905 гг., несмотря на общее поражение России в этой войне, и отстояли родную Камчатку с ее несметными рыбными богатствами, и сохранили ее для России?

Я перелистываю «Книгу памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны» и вновь и вновь наталкиваюсь на знакомые фамилии ополченцев, их детей и внуков – участников Курильского десанта:

Абакумов Борис Павлович
Антонов Григорий Алексеевич
Белокопытов Василий Павлович
Винокуров Леонид Иванович
Григорьев Алексей Кириллович
Данилов Григорий Данилович
Данилов Иван Степанович
Данилов Петр Иосифович
Евстафьев Иван Владимирович
Заочный Павел Гаврилович
Конев Михаил Илларионович
Коршунов Калистрат Михайлович
Косьгин Иван Константинович
Красильников Георгий Максимович
Логинов Михаил Денисович
Мерлин Михаил Сергеевич
Миронов Иван Васильевич
Осьминин Василий Павлович
Пермяков Павел Григорьевич
Пермяков Павел Павлович
Плотников Аркадий Феофанович
Пономарев Михаил Александрович
Попов Михаил Никифорович
Попов Николай Павлович
Потапов Анатолий Гаврилович
Сафрыгин Василий Дмитриевич
Сахаров Леонид Васильевич
Слободчиков Петр Николаевич
Сновидов Алексей Владимирович
Софрыгин Василий Дмитриевич
Спешнев Василий Январович
Спешнев Николай Николаевич
Тюменцев Василий Васильевич

Черепанов Виталий Семенович
Яковлев Николай Павлович

Но это далеко не полный список – в Книге памяти очень много камчатских фамилий с лаконичной надписью: «Погиб». Неизвестно где и когда. Но вполне возможно, что адрес и дата одни и те же – остров Шумшу, 18 августа 1945 года, ведь данные о действительных «невозвратных» потерях на острове Шумшу долго и тщательно скрывали. Точные цифры, наверное, не назовет никто.

Участниками Камчатско-курильских экспедиций Е. М. Верецага и И. В. Витер в Центральном архиве министерства обороны (ф. 1279, оп. 2, д. 6) удалось выявить новые документы, и мы смогли пополнить этот список еще несколькими именами, которых нет в Книге памяти:

Косыгин Павел В. (отчество неразборчиво, 1927 г. р., Усть-Камчатск).

Винокуров Прокопий Федорович (1918 г. р., с. Елизово).

Зимин Федор Дмитриевич (1925 г. р., с. Шаромы).

Тюменцев Николай Николаевич (1924 г. р., с. Паратунка).

Но, уверены, это еще далеко не полный список...

1945–1956 гг.

Признаем, что не от хорошей жизни после окончания войны, а от нищеты и голода в начале 1950-х годов Япония начала стремительно наращивать свой дрейфтерный флот для промысла тихоокеанского лосося. В этот период она действительно была и оставалась самой великой рыбной державой мира – ярчайшим примером для подражания со стороны Советского Союза. Мы шли след в след. И тоже самым ярчайшим (в смысле негативном) образом проявили себя именно в чужих водах, на ничейных в то время рыбных пастбищах...

Но у тихоокеанских лососей, в отличие от другой морской рыбы, в то время хозяева уже были: Соединенные Штаты Америки и Канада с одной стороны и Советский Союз – с другой.

К 1952 году Япония на промысле у берегов США имела уже

три плавбазы и пятьдесят семь промысловых судов. США и Канада, желая предотвратить начавшуюся конкуренцию со стороны японцев на своих рыбных рынках, вынудили Японию 9 мая 1952 года подписать тройственную американо-канадо-японскую рыболовную конвенцию, по которой Япония должна была воздерживаться от промысла лососей, палтуса и сельди в северной части Тихого океана к востоку от 175-го градуса западной долготы.

И японцы обрушились на дальневосточное стадо тихоокеанских лососей. По некоторым данным, ежегодный суммарный вылов тихоокеанских лососей азиатского стада японскими дрейфтероловами превышал сто тысяч тонн (а в 1970-х достиг 280-ти тысяч тонн), что в три раза превышало вылов лососей всего советского Дальнего Востока.

Камчатский берег еще не знал, что до начала лососевой трагедии осталось буквально несколько лет. Берег вообще практически ничего не знал о японском дрейфтерном промысле, кроме разве того, что в уловах появлялось все больше и больше обьячеенной раненой рыбы. Официально наша страна по этому поводу хранила полное молчание. Только в материалах для служебного пользования или под грифами «секретно» и «совершенно секретно» шли тревожные сообщения, из которых мы сегодня извлекаем информацию.

В деловых отчетах рыбокомбинаты вынуждены были самостоятельно оправдываться за срыв государственных планов. Для примера приведем результаты деятельности Озерновского рыбокомбината за 1955 год: 55-й завод выполнил план на 50 процентов; 56-й – на 27; 57-й – на 35; 58-й – на 15; 59-й – на 13 и 60-й – на 19 процентов. В результате пришлось некоторые заводы объединить, а некоторые и вовсе закрыть. Причина: «Исключительно слабый, небывалый за последние годы подход лососевых, в особенности ведущих в условиях комбината пород – красной и горбуши». И далее: «Причины столь резкого снижения уловов красной и в особенности горбуши (для которой нечетные годы до сих пор характеризовались повышенной уловистостью) комбинату не ясны. Требуется, по-видимому, соответствующие обследования по линии научно-исследовательских организаций...

Снижение подхода лососевых за последние годы и прогрессирующее из года в год усиление активного морского лова изменили производственный профиль комбината, принимающего теперь разнорыбицу и, главным образом, сельдь. Береговое хозяйство комбината уже не соответствует новому направлению его работы...»

Но Правительству Советского Союза причины резкого снижения подходов лососей к дальневосточным берегам были более чем ясны: о них докладывали в специальной служебной записке «Запасы тихоокеанских лососей в водах Камчатки и влияние на них японского промысла» специалисты Камчатского отделения ТИНРО и Камчатрыбвода:

«Начавшись в 1952 г., японский активный лов лососей в Тихом океане быстро усиливался и достиг особенно крупных масштабов в 1955 г. В этом году японцы не ограничились ловом лососей в океане, а с целью увеличения улова горбуши направили в июне две флотилии в составе 2 маток и 58 дрейфтеров в Охотское море к западному побережью Камчатки.

Каждым японским дрейфтером в 1955 г. выставлялось ежедневно 300–350 сетей. Длина такого порядка сетей достигала 10–12 км. Всеми дрейфтерами выставлялось 100–120 тыс. сетей. Вся эта масса сетей сплывала по течению навстречу движения лососей.

Наибольшее количество рыб... добыто японцами... в прикамчатских водах. Все эти рыбы, как, впрочем, и подавляющее большинство пойманных японцами к югу от Алеутской гряды, родились в камчатских реках и в ряде других рек бассейна Охотского моря и направлялись в эти реки для нереста.

Добыча лососей в таких размерах, в каких она производилась японцами в 1954 и 1955 гг., совершенно нетерпима, ибо она намного превышает норму вылова, допустимую при современном уровне запасов этих рыб. Такой вылов лососей неминуемо приведет к катастрофическому падению их численности. Вылов японцами... уже нанес лососевому хозяйству Камчатки трудно поправимый ущерб».

А береговая Камчатка еще не знала, что ей вынесен смертный приговор.

После победы над Японией все японские заводы с сезонными поселками были переданы в распоряжение Акционерного Камчатского общества (АКО), позже реорганизованного в государственную структуру – Камчатрыбпром. И эти заводы сразу же были запущены в дело. Из разных мест Советского Союза, в первую очередь из голодных районов (так, например, родители моей матери перебрались на Камчатку в 1948 году из Пензенской области), потянулись на камчатское побережье на бывшие японские заводы и базы переселенцы («вербованные», как называли их тогда).

Ко времени начала дрифтерной лососевой войны прибрежная рыбная промышленность Камчатской области для переработки тихоокеанских лососей располагала сорока рыбокомбинатами, включающими в себя сорок пять рыбоконсервных заводов (порядка ста тридцати линий) и более шести десятков рыбозаводов, производящих засолку и заморозку рыбы.

Рекордным для рыболовецких колхозов стал 1951 год. В 1953 году был небывалый подход горбуши на Западной Камчатке – добыто 100 841 тонна.

1956 г. Хрущевская авантюра

Никите Сергеевичу Хрущеву очень хотелось «вытянуть» Японию из-под влияния Соединенных Штатов Америки и сделать союзником Советского Союза.

Именно политические амбиции лишили его разума, и он пообещал Японии вернуть ей Южные Курильские острова. Мы все знаем, во что это обошлось и обходится сегодня России – международным политическим позором.

Но мы не знаем другого. Мы не знаем того, что разменной монетой в этой политической игре стал российский лосось, которым Россия (тогда в лице Советского Союза, а теперь напрямую) в который уже раз расплачивается за свое политическое поражение на Дальнем Востоке, за предательство своих национальных лидеров – царей, генеральных секретарей и президентов.

В 1958 году на Дальнем Востоке России разразилась дриф-

терная лососевая катастрофа. Считается, что одно рабочее место в береговой рыбной промышленности сопутствует созданию от семи до одиннадцати рабочих мест в сфере обслуживания, образования, здравоохранения, культуры, торговли, связи... То есть судьба десятков тысяч людей, проживавших в те годы на камчатском побережье, была на волоске от того социально-экономического и экологического взрыва, который потряс полуостров. Но никто этого не подозревал. Хозяева рапортовали о выполнении плановых заданий. Исполкомы удовлетворяли ходатайства жителей о присвоении безымянным поселкам при заводах и базах побережья собственных имен.

Но вскоре начался обратный процесс: многие села и поселки прекратили свое существование. Только в Соболевском районе с 1957 по 1970 год исчезло пять сел и четыре поселка.

Не подозревала о масштабах будущей трагедии не только Камчатка, но и сама страна. Первоначально в Правительстве приняли кардинальные меры. Восьмого февраля 1956 года Совет Министров СССР принял постановление, по которому запрещался японцам лов лососей без разрешения органов рыбоохраны СССР в районе, ограниченном с востока и юга линией, проходящей от мыса Олюторского на севере и до точки 48 градусов северной широты и 170 градусов восточной долготы на юге, а затем на запад – до острова Анучина.

Согласно постановлению, действие ограничений должно было начаться с 15 мая 1956 года. Тихоокеанский флот получил приказ выдвинуться к линии, получившей впоследствии название «линии Булганина» по имени Председателя Правительства Н. А. Булганина. То есть Советский Союз был на грани объявления Японии «лососевой» войны.

Но 14 мая 1956 года, буквально за день до возможного начала событий, в Москве была подписана советско-японская рыболовная конвенция, ограничивающая объемы изъятия тихоокеанских лососей японскими дрейфтероловами, и «линия Булганина» была отменена.

О причинах столь резкой смены курса советским правительством в решении этого важного вопроса нигде и ничего не говорилось до последнего времени. И лишь в 2006 году в журнале

«Рыба и морепродукты» была опубликована небольшая статья Игоря Разумовского, которая раскрывала некоторые детали тех переговоров:

«Еще одной уступки японцы добились летом 1956 года в Москве, в ходе переговоров по рыболовству. Карьера некоторых японских политиков сильно зависела от поддержки рыбного лобби. Вообще на протяжении многих лет проблема рыболовства была для японцев гораздо важнее, чем территориальная. А посему бороться за отмену “линии Булганина”, которая существенно ограничивала их право на добычу лососевых в Охотском и Беринговом морях, в советскую столицу прибыла солидная делегация в составе министра сельского и лесного хозяйства Итиро Коно и влиятельных рыбопромышленников. В результате переговоров Москва согласилась подписать соглашение об отмене “линии Булганина”, не дожидаясь официальной нормализации отношений между двумя странами.

...Министр рыбной промышленности СССР Александр Ишков предложил пойти на уступки. Решили посоветоваться с министром иностранных дел Вячеславом Молотовым, однако той ночью дозвониться до него не удалось. Всю ответственность Ишков взял на себя...

В начале встречи произошел трагикомичный случай – Коно опрокинул на стол стакан с горячим чаем. Японец очень долго извинялся, а гостеприимные хозяева его успокаивали, объясняя, что по русской традиции это на счастье. Так вот во время беседы японец посоветовал советским руководителям оказать давление на правительство Страны восходящего солнца, чтобы оно проявило больший интерес к нормализации отношений с СССР. К удивлению Булганина, гость предложил внести в будущее рыболовное соглашение пункт о том, что документ вступит в силу только в случае, если Япония возобновит переговоры о нормализации отношений не позднее какой-то определенной даты. Советская сторона воспользовалась данным советом. В соглашение была включена фраза “не позднее 31 июля”. Переговоры о нормализации отношений возобновились именно 31 июля 1956 года.

Но вот мирным договором они так и не увенчались».

Министр А. А. Ишков получил выговор. А камчатскому берегу был вынесен смертный приговор.

Александр Акимович Ишков был из сталинских наркомов. Поэтому информация, опубликованная И. Разумовским, скорее всего, наводит «тень на плетень» – «рыбный маршал» Ишков не мог без приказа свыше пойти на такой шаг.

Дело было в другом – Никите Сергеевичу Хрущеву нужно было срочно отойти от вопроса о передаче Японии группы южных Курильских островов, которые он пообещал, будучи в эйфории от возможного альянса с Японией против Соединенных Штатов Америки. Альянс не состоялся, а слова о передаче островов уже вырвались на свободу, и пошли гулять по свету, будоража воспаленное воображение японцев. Поэтому за свои слова нужно было расплачиваться. Вот и рассчитались... дрейфтерным лососем, которого в 1970-х годах японцы вылавливали уже не 120 (как в 1950-е), а 280 тысяч тонн, на корню уничтожая дальневосточный лососевый промысел и переработку. Уже и Никиту Сергеевича давно выгнали со всех постов, а запущенный им дрейфтерный процесс было уже не остановить, так как за ним стояла БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА – вопрос о передаче южных Курильских островов.

(Совсем по-другому рассказывает о «чашке чая», опрокинутой Итиро Коно Вячеслав Константинович Зиланов в своей книге «Тайны рыболовной дипломатии», выпедшей совсем недавно и подаренной мне, – «на счастье» японского министра обернулось нашей стране новым позором: встречу вел не министр Ишков, а Николай Булганин, председатель Совета Министров СССР: *«Японский министр Коно по-актерски, якобы нечаянно, уронил на пол, разбив, чашку с чаем. Увидев это, Николай Булганин решил успокоить «расстроенного» министра Коно, сказав, что это по-русскому обычаю, «к счастью». На что Коно быстро отреагировал, что для полного счастья надо бы увеличить для японских рыбаков квоту на 15 тыс. против обещанных А. Ишковым квот в 50 тыс. т на вылов лососей дрейфтерными сетями. В свою очередь, Н. Булганин тут же дал указание А. Ишкову добавить для «счастья» японским рыбакам эту величину».*)

Первые признаки приближающейся лососевой катастрофы были очевидны уже в 1958 году – вылов горбуши на Западной Камчатке сократился почти в сто (!) раз по сравнению с тем, что добывали рыбаки здесь еще пять лет назад. Сразу в три раза сократилось производство консервов «рыбных натуральных», направляемых на экспорт. Первоклассные заводы стали один за другим останавливаться и превращаться в руины, а японцы все больше и больше «жирели» на нашей рыбе.

Береговая экономика Дальнего Востока, ориентированная на добычу лосося, рухнула. На Камчатке в 1950–1960-х годах были законсервированы двадцать три рыбокомбината, двадцать пять рыбоконсервных заводов, восемнадцать холодильников, тридцать шесть рыбоперерабатывающих береговых баз, семь моторно-рыболовных станций. Они так и не были уже никогда восстановлены – сгнили и превратились в прах. И помнят о них только те, кто когда-то работал здесь или кто родился на побережье.

Остались без работы и средств к существованию члены тридцати рыболовецких артелей, представлявших в своем большинстве коренное и старожильческое население полуострова. С карты Камчатки за период с 1957 по 1970 год исчезли названия сорока восьми населенных пунктов, в том числе и тех, которые существовали на Камчатке веками. Хотя на самом деле таких закрытых поселков было значительно больше – просто они угасли позже, уже в семидесятые, и идеологически «вписались» в общесоветскую политику академика Заславской по укрупнению сельских деревень и поселков.

Вот во что «вылилась» нам эта «ошибка», за которую министру рыбного хозяйства объявили выговор.

Рыбная отрасль Камчатки была переориентирована на активный океанический промысел. А береговая рыбная промышленность неуклонно продолжала сокращаться. К 1966 году флот Камчатрыбпрома производил сорок процентов товарной рыбопродукции области, а к середине 1980-х – уже семьдесят процентов. За эти годы флот Камчатрыбпрома нарастил объем производства по товарной продукции почти в восемь раз, а берег – только в два раза (и то благодаря увеличению подходов лосо-

сей после выдворения японцев из исключительной экономической зоны СССР в конце 1970-х годов). Производство консервов флот увеличил в шестьдесят шесть раз, а берег лишь в три раза.

Запасы камчатского лосося начали восстанавливаться только после 1978 года, когда Советский Союз ввел в Тихом океане исключительную экономическую зону на двести миль от камчатского берега, закрывшую доступ иностранцев в советские воды.

И японцам с лососевого «огорода», где нагуливается на океанских пастбищах дальневосточная рыба, пришлось отодвинуться дальше в океан, где они продолжали промысел под контролем государственных органов рыбоохраны СССР, постепенно сокращая объемы вылова и число судов-ловцов. Была определена и окончательная дата полного закрытия крупномасштабного дрейфтерного промысла тихоокеанского лосося – 1995 год.

1991 г. и по настоящее время. Очередное предательство

И вот очевидные результаты вывода японцев из исключительной экономической зоны СССР. В 1981 году впервые за много лет на Восточной Камчатке было выловлено более сорока тысяч тонн горбуши. В 1983 году на нерест в реки Западной Камчатки пришло такое количество горбуши, что реки были переполнены рыбой, а рыбопереработчики и на берегу, и в море не могли справиться с этим валом рыбы. Начали резко увеличиваться и подходы других промысловых видов лососей – нерки, кеты, кижуча, чавычи.

К этому времени изменилось отношение к дрейфтерному промыслу и в мире. В 1991 году Генеральная Ассамблея ООН вынесла резолюцию, требующую полного запрета крупномасштабного дрейфтерного промысла в открытых международных водах и рекомендующую государствам мира прекратить крупномасштабный дрейфтерный промысел в собственных ИЭЗ, так как этот промысел, не будучи селективным (избирательным), уничтожает все живое, что попадает в растянувшиеся на десятки кило-

метров (до 50 км) порядки дрефтерных сетей в океане, в том числе и морских зверей, и птиц, и рыб.

В 1992 году Соединенные Штаты Америки, Канада, Российская Федерация и Япония подписали четырехстороннюю Конвенцию о сохранении запасов анадромных видов (анадромные виды рыб – это те, которые для икрометания мигрируют из морей в реки.) в северной части Тихого океана и в соответствии со статьей III пунктом 1 Конвенции специализированный (то есть дрефтерный) промысел лососей в открытой части Тихого океана (в Северной Пацифике) был запрещен.

Россия могла, наконец, вздохнуть свободно. Увы... Снова поднялся вопрос о Курильских островах, который инициировал, вероятно, после изрядного похмелья, первый президент демократической России Борис Ельцин. Более того, японцы предложили российским чиновникам столько средств в легко конвертируемой валюте под видом компенсационных отчислений за возможный ущерб от дрефтерного промысла, что они не смогли устоять, и крупномасштабный японский дрефтерный промысел тихоокеанских лососей снова переместился, но теперь в... исключительную экономическую зону Российской Федерации. То есть – все вернулось на круги своя.

В 1997 году перед рыбопромышленниками бассейна реки Озерной реально встал вопрос о второй дрефтерной лососевой катастрофе. Руководитель Контрольного управления при президенте Российской Федерации В. В. Путин доложил президенту, что японцы дрефтерным способом (рекомендованным к запрещению, как мы помним, Генеральной Ассамблеей ООН с 1991 года) выловили шесть с половиной тысяч тонн нерки, а наши суда, работавшие по научным программам, еще три тысячи. Произошел перелов озерновской нерки, что фактически вновь поставило на грань банкротства береговые предприятия Камчатской области.

Но коренным образом повлиять на ситуацию в той политической обстановке, как выяснилось, не мог даже президент Б. Н. Ельцин (он ведь тоже пообещал Японии вернуть им острова и теперь срочно «отрабатывал» обратно). Единственное, что смогли, – изменили границы промысловых районов, чтобы

хоть часть озерновской нерки смогла заходить на нерест в родную реку. Результат не замедлил сказаться на уловах: если в 1996 году вылов составил 1,6 тысячи тонн, то в начале 2000-х годов он поднялся до двадцати одной тысячи тонн и продолжает расти. А ведь только чуть-чуть изменили границы районов!

В целом же крупномасштабный дрейфтерный промысел сохранился, и теперь его основной пресс лег на нерку Восточной Камчатки, опустошая нерестилища одной из самых богатых в мире лососевых рек – реки Камчатки. Мотивировка? Это научный промысел, изучающий состояние в Беринговом море японской кеты, воспроизводящейся на рыбоводных заводах острова Хоккайдо. Правда, ловят японцы почему-то исключительно нашу российскую нерку естественного происхождения, которая стоит не в пример японской кете дороже (говорят, что в отдельные годы ее цена поднимается до ста долларов за килограмм в розницу).

Под научный промысел, заболев дрейфтерной болезнью, и российские рыбопромышленники пролоббировали отечественный дрейфтерный лов. Начали в 1992 году этот научный промысел двумя судами и увеличили их количество в итоге до шестнадцати. В 1997 году объем вылова был три с половиной тысячи тонн, в 2008-м – четырнадцать тысяч тонн, сейчас – двадцать тысяч. Процент вылова нерки в общем объеме дрейфтерного промысла достигал девяноста процентов, точно в море больше никакой другой рыбы и не водилось – только чистая нерка. И исключительно первого сорта! Процент вылова горбуши (запасы которой и должны были определять «научные» суда и которая является самым массовым видом лососей и ловится в море вместе с неркой) – десятые доли процента. У японцев то же самое. Потому что и горбуша, и кета, и чавыча, и второсортная нерка просто выбрасываются за борт в объемах, измеряемых десятками тысяч тонн (в среднем до 60 тысяч тонн за путину, как считают специалисты)...

Как видите, в нашей стране ничего не меняется, как это было в царской России, как это было при Советской власти, так же точно происходит и в демократической России. Рыбные чиновники громогласно заявляют о перспективности морского промысла лососей, а также политической значимости японского

дрифтерного промысла. То есть, как были отечественные чиновники и представители российского бизнеса продажными по отношению к своей стране и ее рыбным ресурсам, о чем мы писали выше, рассказывая о дореволюционных событиях на Камчатке, такими они и остались в эпоху реставрации капитализма в России. И поэтому продолжается, не затихая, ресурсная война, и, увы, – не в нашу пользу.

В 2009 году Правительство Российской Федерации в угоду рыбопромысловому лобби, ориентированному на Страну Восходящего Солнца, вводит вместо ЛЖЕнаучного полноценный промышленный дрифтерный промысел для отечественного рыболовства и устраивает аукцион по продаже лососевых квот. Аукцион, на весь мир «прославившийся» объемами взяток, которые были выплачены за эти квоты. Это значит, что российскому прибрежному рыболовству, зачинателями которого были аборигены и русские старожилы Камчатки, и которые с оружием в руках отстаивали лососевые богатства в русско-японскую войну 1904–1905 гг. и в составе военного десанта освобождали Курильские острова в 1945 году, скоро наступит конец в результате очередной дрифтерной лососевой катастрофы, которая неминуема, если экономической страны командует политика предательства...

Последствия ее не стоит забывать – история мстит, когда ее уроки забывают.

Поэтому напомним: «...19 апреля 1921 года японское правительство вручило Приморскому областному управлению ДВР меморандум, где, в частности, оповещало: “...Японское правительство опубликовало оповещение о разрешении русским и японским рыбопромышленникам заняться рыбным промыслом в текущем сезоне на Камчатке”». Это «разрешение» было дополнено следующим: «...постановлено не чинить препятствий русским промышленникам»...

Комментарии, наверное, излишни...

ПОТОМКИ ОСТРОКЛЮОВОГО БОГА (Камчадалы)

ИСТОКИ

1.

Корни отчие!.. Узловатые, жилистые, вросшие в века, как в земные глубины...

...Схоронила сибирская тайга тайну этого беглого. Никто не знал его настоящего имени. А прозвище?.. Оно было выбито на спине его несмываемым фиолетовым росчерком рубцов... Со всем холопьем старанием – Поротов! А поверстали гулящего в казаки – записали фамилией. Таких, как он, здесь сотни были – кто ж по доброй воле в даль такую дикую с места тронется; кто запросто так отмахает путь, где смерть – постоянная и самая что ни на есть верная спутница; кто решится пренебречь сладкой жизнью за трухлявый сухарь, коль не давит на плечи грех смертный...

И не потому ли из всех поротых, драных и шельмованных выделился Поротов, что мороз по коже продирает у любого при виде росписи той батожем по живому телу?.. Надо думать, насмерть забивали холопа... И, зная, не зря укрывался он в тайге сибирской, дремучей, разбойной...

Таких, как этот, уважали сибирские казаки: жилистых, крепких, готовых и головой рискнуть и живота зазря не потерять... Не случайно в начале восемнадцатого века казак Иван Поротов в Охотске уже приказчиком был. Такие посылались и на Камчатку. И в числе самых первых. Открой том «Памятников Сибирской истории XVIII века» – казак Алексей Поротов пришел в Камчатку из Анадырского острога в самом начале века нового, то ли с Кобелевым, то ли с Колесовым... А был ли он

первым из Поротовых здесь – неведомо. Но, ясно, – не последним... Уже в 1718 году заказчиком, то есть командиром одного из трех камчатских острогов, был назначен Иван Поротов. И прибыл он сюда не по старой дороге с Анадырь-реки, какой хаживали в Камчатку еще Владимир Атласов да Алексей Поротов, а по новой, через Пенжинское море, на лодии морехода российского Тряски.

Иван Поротов принял или Большерецкий или Верхнекамчатский острог (историки говорят по-разному). Если он поселился в долине реки Камчатки, то жилось ему достаточно привольно. И мехов он набирал «за чашину» (в подарок) немало – сам верховный тойон реки Уйкоаль Ивар Азидам скрепил навечно дружественный союз с Володимером Атласовым и присягнул на верность огненному царю. Польстился он на железные ножи русских, щедрые подарки, да и ошеломлен был мощью казаков сибирских, чьи кольчатые рубахи не рвались под ительменскими стрелами.

Да, здесь было спокойно. До 1731 года. Пока ительмен Федор Харчин не поднял знаменитый свой бунт.

А вот Большерецкий острог был опасным местом. Несколько раз он горел уже вместе со всем гарнизоном. И потому Поротов должен был чувствовать себя здесь как на пороховой бочке, даже за крепостными стенами, под защитой привезенных с собою из Охотска медных пушек.

И присуд был у него не из лучших. Авачинские камчадалы не так давно сожгли в балагане атамана казачьего Данилу Анцыферова «со товарищи». Коварные курильцы в землях на полдень от Большерецка у Носа Камчадальского и на Первых Курильских островах, не признавая над собой ни силы, ни власти, встречали служивых ядовитыми стрелами. На побережье моря Ламского, особенно на Гыг-реке, прозванной за то казаками Воровскою, разбойники из камчадальского рода Купкина били «ясашных» сборщиков и грабили пушную казну государеву...

Большерецк стоял на распутье нескольких дорог, но каждая сулила одно – голову потерять. И выбор у приказчика был невелик. Потому-то, не мудря и не лукавствуя, строго ясак взымал, чинил суд да расправу, казнил и миловал, защищая интересы государевы и собственные...

Завязывались на память в земле той узелки. Потому узловатыми стали корни... И думал, гадал ли сын боярский Иван Поротов, что с родников своих будущих дерет он в Камчатке три шкуры, как драли с предков его на Руси боярские отпрыски...

Да и в собственной казачьей руке по-холопыи взыграл господский кнут, когда гнали, как скот, в Камчатку пашенных крестьян с Лены на вечное поселение. Хлеба ждали от них на этих землях. Коров и лошадей – на тучных камчатских пастбищах. Огородную зелень – в летнюю пору. А потому поселили их в нескольких верстах от казачьих укреплений. И гулял еще казачий кнут по сутулым спинам крестьянским, когда съедал на корню посева морозец мильковский или ключевской. Целый век мучались люди, то бросая бессмысленную эту затею и отступая, то, подчиняясь слепой воле приказа, снова поднимали сохою или лопатую пласты жирного чернозема, разбрасывали из лукошка казенные хлебные зерна и выискивали после редкие колоски в осклизлой гнили убитых туманами злаков... А рядом подпирали небо пустоствольные неистовые в росте шеломайники и медвежьи корни, разбрасывала широченные листья сладкая пучка, наливалась соком розовым малина, оведал ароматом веселых соцветий аралуч...

Но не распрямлял кнут ни изломанных туманами растений, ни плеч, согнутых от непосильного и бессмысленного труда, и не мог он заставить этих людей бросить хоть горсточку жизни из бушующего вокруг зеленого океана в эту черную обескровленную гнилую рану земли...

И завязывались новые узелки на память... Жестче становились корни, переплетаясь в любви и злобе человеческой... Все глубже и глубже в землю эту вращали корни отчие. И забывались потомками обиды, нанесенные казаками инородцам и пашенным крестьянам русским. Ведь все они, слившись, как ручейки, в большую реку, стали неотделимы один от другого.

И питают корни... Чем глубже уходят они в века, тем чище становятся соки, точно процеживаются через годы и столетия, через боль их, родников, через их радость, горе и нужду, сквозь сердца, такие же огненные, как и у земли нашей...

Потому и возвращаешься к истокам, потому и пьянят кровь чистые соки из глубин родной земли, и клокочет в песне твое собственное сердце, поэт...

В небе дикие лебеди стонут,
Проплывая над старым гнездом.
Крики в зареве тонут и тонут,
Гаснет эхо за редким леском.
Скоро, скоро ударят морозы,
Ледяное дыханье дохнет...
Черный холмик у желтой березы,
Подними меня снова в полет.
Я покой твой, отец, не нарушу.
Я пришел к тебе нынче седым.
Освежу доброй памятью душу.
Поклонюсь. И уйду молодым!

2.

Земля родная!.. Когда-то бушевал здесь океан. Пенился острым ядреным рассолом, и не было больше ничего. Вздумалось жене бога Кутхи спуститься с небес. Сына ждала Гелькхум – вот и капризничала. Спрыгнула – и в пучину морскую. От страха и разрешилась. И сын ее превратился в землю. Хотел он мать из беды вызволить. Так и появилась Камчатка наша – из сыновьей любви.

И не потому ли боги так любили эту землю. Завина зоревым цветом небо по утрам и вечерам раскрашивала. Билюкай снежным вихрем проносился по тундре в нарточке, запряженной белыми куропатками. Пурги, дожди, громы и молнии – это все дела Билюкая. А в тайге прижились лесные боги – умахчу и карлики – пихлачи. В жерлах горелых сопок – гамулы...

Пируют гамулы,
Пылает костер.
От бубенных гулов
Качает шатер.
А кто их осудит?

От пляски чумной
Проснулись и люди,
И пихлач лесной...
Веселый Шивелуч
Играет огнем,
Долину шевелит
И ночью и днем.
Игра великана.
Раскатистый гул!
Я в жерло вулкана
Перо обмакнул!...

Морской же стихией повелевал Митг. Он посылал каждое лето в реки камчатские рыбу красную, чтобы та тополей для бата принесла богу морскому... И начинался пир по берегам тех рек, что в море впадали, у зверя дикого, у птицы остроклювой и у каждого жителя земли камчатской. Ведь даже календарь ительменский рыбными месяцами вычислен. И рыба здесь – начало всех начал... Вот, пожалуйста...

«Говорят старики, что в старину шел голодный казак из ительменского острожка Кырганика в казачью крепость Верхний острог. Устал. Присел отдохнуть у веселой речки. Смотрит: вода в ней от рыбы кипит. Наварил, наелся досыта, поклонился и в память окрестил ту речушку Милкой...» Вот, даже село родное имя свое в честь рыбы получило... И еще, конечно, потому, что нет дороже тех мест, где родина твоя: милых сердцу мест в окрестностях Мильково. Закроешь глаза – саранка росистая звенит колокольчиком на зорьке утренней, пижма в пуговичках-желтоглазках жмурится, кипей фонтанчиком фиолетовым брызжет, а вон шеломайник, как петухадира с белым всклокоченным хохолком-гребешком, березка, стройная и тоненькая, как девчонка, дорожка солнечная на парной реке, созвездия одуванчиков на лужайке, а там, вдали, хребты сиреневые в молочных туманах...

Травинки
В моей крови...
В гранитные храмы

Мой путь бесконечный.
Горные цепи,
Цепи мои,
Прикован я вами
К Камчатке навечно.

3.

Друзья мои!.. Есть обычай в северной тундре дарить песню
хорошим людям, друзьям своим. Так споем!
Только снова заалееет зорька на востоке,
Раздаются крики уток на речной протоке:
Ахама, хама, хама,
Ик, ик, ик...

* * *

Кэнакэтой! Так говорят у нас на Севере. Помни!
– О-о!
Бубен гремит.
– Дзинь-дзинь! –
Варган поет.
– Ик-ик! –
Кине кричит.
– Ток-ток! –
Вторит народ.

Корякская пляска задора полна...

* * *

Корякская пляска –
Веселья сестра,
Я мог любоваться
Тобой до утра.
Из песен чудесных,
Сплетенных в узор,
Я видел и слышал,
Присев у дверей, –

Безмолвие тундры,
Крик птиц
И повадки зверей...

По крупяцам, по щепотке собиралось. Рождалось трудно. Быть может, отсохли уже ветви от живого дерева, и какой теперь толк от всего этого, чего хворост-то собирать?! А собрал, высек огонь и в пламени того костра родился... «Мэнго». И чайки из небытия закричали радостно. Медведь повел плечом тяжелым и сделал первый свой шаг на сцене. Рокот бубна прокатился по залу, и началась знаменитая сегодня на весь мир корякская пляска...

...Пути-дороги!.. Где-то здесь должны были произойти новые встречи, заполниться очередные страницы ненаписанных еще книг, ведь творческий секрет Георгия Германовича Порова был до смешного прост:

В дали шел, не просыпал рассветы,
Пел в пути и с песнею седел...

ТОЛМАЧ СО «СВЯТАГО ПЕТРА»

I. НОЧЬ ПЕРЕД ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ 1746 год, апрель, острожек Юмтин (Дранка)

Спят в камчадальской земляной юрте люди. Ворочаются, храпят, вскрикивают что-то во сне. Но Лазуков не слышит их. Его обступила гулкая тишина. Слышно, как бьется сердце. Рвется из груди. Трепещет, как птаха на ладони. Смелая от страха...

Нет, он не боялся. Все было решено. Все теперь было уже ясно. Как и то, что не поймут и не простят. И даже если простят, когда годы или смерть сотрут сегодняшней день в человеческой памяти, не поймут его те, кто спит рядом, готовясь к утреннему походу на Нижний острог.

Алексей давно уже лежал с открытыми глазами и не ощу-

щал этого – такая темень была в юрте. Лишь уголья погасшего огня рассыпались жаркою брусникою в костровище.

Одиночество было уже невыносимо и он толкнул в плечо спящего рядом Ивашки – корякского вождя с реки Панкариной. Тот зашевелился в меховом мешке-кукуле и, протяжно со вкусом зевнув, приподнял голову.

– Что, уже? – и дернулся, чтобы освободить свое сильное тело морского охотника от теплых пут оленьего кукуля и поднять остальных.

– Нет, Ивашка... – голос Лазукова задрожал от волнения, но он быстро справился с собой, – я хочу поговорить с тобой. Как вождь с вождем. Я отменяю этот поход...

– Почему? Ты думаешь – в Нижнем что-нибудь пронюхали?... Ну и пусть... Лучше нас перестреляют у стен острога, как куропаток, чем лишат всех наших богов и повесят на шею крест! Мы готовы умереть, Талач, – назвал он Лазукова прежним ительменским именем. – И я не пойму, почему ты перестал верить в нас?

– Нет, я верю вам. Я не перестал. Я не хочу больше проливать кровь своих братьев.

– Но мы, твои братья, готовы на это и клянемся тебе Кутхой в том. Вот только богиня утра, Завина, раскрасит небо, и мы все, как один, умрем подле тебя.

– Я знаю, Ивашка. Но ты не понял меня. Я не хочу проливать не только вашу кровь...

– А чью же, Талач... – голос Ивашки дрогнул, метнулся под своды юрты, точно корякский вождь отпрянул от Лазукова, а потом этот его голос ударил в самое сердце ительмена своим пониманием и болью:

– Ты не хочешь проливать русскую кровь, Лазуков?!

– Да, Ивашка...

2. ДОПРОС

1746 год, май, Нижнекамчатский острог

Архимандрит Хотунцевский смотрел на Лазукова в упор. Но тот, неожиданно для священника, бестрепетно, но и без

вызова, выдержал этот взгляд и не отвел глаз в сторону, не потупил взора, не моргнул.

А вот у самого отца Иоасафа от напряжения защекотало под веком, и чтобы, не дай бог, не выкатилась слеза, он резко отвернулся к писарю.

– Ну-ка, прочти вот это, – и ткнул длинным сухим перстом в лист.

Писарь затараторил, старательно разбирая собственный замысловатый почерк.

– Во оной измене от тоена Умьевушки и родников его и олюторов первым тоеном был и ясашных сборщиков Стефана Шапкина со товарищи я с Умьевушкой и прочими кололи, а имянно: я, Лазуков, служилого Семена Минюхина да новокрещена Демьяна; карагинский тоен Эчка служилого Якова Лазарева; Умьевушкин племянник Хале да олюторский мужик Апле Стефана Шапкина...

– К черту, кто и кого колол, – перебил его Хотунцевский. – Читай главное – за что?!

– ...А кололи де мы их без всякого резона и обиды на дворе по приезде их в острог к Умьевушке, когда стали собак выпрягать...

И снова глянул Иоасаф на Лазукова – точно ударил по очам его дьявольскими своими черными молниями.

– Вот сколько христианской крови на тебе, Лазуков... И, думаешь, простится?

Но по-прежнему спокойным оставался бунтарь под сверлящим свирепым взглядом попа.

– Читай, – вкрадчиво-мягко, не отрывая своих глаз от лица Лазукова, словно боясь упустить что-то очень и очень важное для себя, велел Иоасаф писарю. И от этого голоса мурашки побежали под кафтаном канцеляриста. – О том читай, как предает Лазуков своего корякского друга Ивашку и выдает все планы бунтарские...

– ...хотел взять, – почему-то дрожащим голосом начал читать писарь, словно о его собственных грехах шла речь, – с Аратуги реки с горы с северной страны с заднего бастиона на утреней заре, когда наши русские, – тут писарь точно поперх-

нулся ехидным смешком, – ишь ты, «наши русские» у камчуги, – пожелал он обратить на себя внимание архимандрита, но гробовое молчание было ему ответом.

– ...когда наши русские, – смешавшись, продолжал писарь, глотая, не прожеывая, слова, – крепко спят и хотели, не доезжая до острога вверх по Аратуге реке за восемь верст до острога оставить собак для утаения собачьего крику, а сами хотели итти пешком на лыжах, которому нашему совету согласовывал Панкары реки тоен Ивашко...

– А знаешь ли ты, Лазуков, – обманчиво-утомленным голосом, снова не выдержав спокойного и открытого взгляда ительмена, спросил Иоасаф, – что теперь, благодаря, – он ткнул перстом в сторону Алексея, – тебе, твой Умьевушка будет дранкнутом так, чтобы все его ребра наружу повылазили, и острог в назидание всем Дранкой прикажу звать – и всем надолго запомнится твое предательство, – а Ивашка за измену на виселицу пойдет... А вот тебя мы не тронем – наоборот, приласкаем, грехи отмолим и отпустим... И иди объясняй своим дикарям – почему ты побоялся идти на русских и за сколько серебрянников продал друзей своих...

А могло ведь быть и по-другому. Как это вы там хотели? – теперь открыто издевался поп, снова вперив черные свои маслянистые глаза в чистые и бездонные, как горные озера, глаза ительменского вождя. – Истребив веру христианскую и слуг Христовых, жить в их домах припеваючи, самим господами стать и своим языческим богам служить...

– А вот это не видел? – скрутил он перед лицом Лазукова кукиш. – И знали мы все: Орлик поперед тебя успел донести. Так что помешало тебе, Лазуков?.. Скажи без дыбы, без пыток правду нам... Все равно же узнаем! Ведь жить тебе захотелось, Лазуков!? Жить! Говори! Велю! – Хотунцевский любил покопаться в человеческих слабостях и пороках – это доставляло ему какое-то дьявольское наслаждение и, как чаша доброго вина, приносило радость. Потому он и стал в свое время священником. А потом и миссионером, чтобы если не выпытать любовно через таинство исповеди, то заставить выказать вот так, через пытку унижением, а не получится – через

дыбу и правило, каленые клещи и сорванные с пальцев ногти...

Но опять же ничего не изменилось на непроницаемом смуглом лице Талача. Оно было словно отлито из бронзы. И только глаза, лучистые, теплые оживляли его. Черные длинные волосы, связанные на затылке, прятались в малахае, опущенном на плечи. И две бисеринки пота на чистом чеканном лбу.

Это спокойствие покоряло и раздражало, располагало и злило. Он словно знал нечто большее, доступное только ему и никому другому. Вот уже который день подряд задавался ему один и тот же вопрос. И один и тот же ответ вызывал откровенную ярость всех: вождя и друга Ивашки, Умьевушки – тойона Имтина острожка, где совершилось убийство ясашных сборщиков, архимандрита Хотунцевского – главы камчатской миссионерской партии, нижекамчатского приказчика Осипа Расторгуева, и даже этого тощего трусоватого писаря с блудливыми глазенками.

– Я не хотел больше проливать кровь своих братьев... – И он не вздрагивал, не отшатывался, не вскрикивал, а был по-прежнему спокоен и величав, горд и бесстрастен, когда Хотунцевский и Расторгуев кричали ему в лицо, брызгая слюной:

– И для этого ты притащил с собой и братца... Да мы его и этих всех твоих и тебя самого, всех подряд, плетью, чтобы кровью захаркали, кровью с.... За каждого, кого вы зарезали тайно... За то, что бунтовать вздумали... Душу из вас всех прочь... И как один христианскому богу молиться будете, хоть пусть для этого придется через одного вас на тополях и осинах вздергивать... И семя языческое своими собственными руками, с корнем, с потрохами... Для бога это, и он в обиде не будет! Кто творит во имя веры – свят будет...

Но спокоен и горд оставался Лазуков. Лучились глаза. Торжественная строгость бронзовела в лице. И невысокий, как все ительмены, он словно стоял сейчас на постаменте и возвышался над черным монахом с лицом хищной птицы и узкоглазым широкоскулым с русской окладистой бородой нижекамчатским приказчиком.

3. В АМЕРИКУ

1741 год, январь, Петропавловская гавань

– А кто таков этот толмач? – спросил Беринг у нижнекамчатского приказчика Расторгуева, просматривая списки казаков, которые должны были последовать вместе с ним на пакетботе к берегам неведомой Америки.

– Из камчадалов, – почтительно склонил голову приказчик. – Сын вождя. Знает корякский и чукотский язык. Грамотен. Служил студенту Степану Петрову сыну Крашенинникову, и тот похвально отзывался о его трудах. Православного вероисповедования. До крещения звался Талач. Это – Морской Кот по-ихнему...

– Так, стало быть, ручаешься за инородца, Расторгуев? – просто, чтобы закончить разговор, спросил Беринг.

Глаза приказчика вдруг забежали и весь он как бы скукожился, стал меньше росточком, нос приобрел какой-то лиловатый запойный оттенок, а неприкрытые густой бородой части лица посерели.

Ручаться за кого-либо на Камчатке было делом опасным. Инородческий характер таков – сегодня в дружбе, а завтра – стрела в хребтине, наконечник которой окроплен отнюдь не живой водой, а злым ядом... Самое страшное оскорбление для инородца – это ударить его по лицу. Русскому – что: вытерся, сплюнул и пошел, крестя про себя, молча, в бога, душу, мать. А для этих нет. Смерть от врага и друга он примет также спокойно, как и от собственной руки. А вот ударить – это значит нанести оскорбление, равных которому нет и быть не может, надругаться, обесчестить. А он, приказчик Расторгуев, не так давно проехался плетью и по лицу и по спине Лазукова за его строптивость, а теперь стремился на всякий случай сбегать камчадала подальше, втайне опасаясь мести, хотя Лазуков с детства рос среди русских и многое у них перенял, а свое позабыл... Но характер есть характер – слухи ходили, что отец Лазукова, камчадальский вождь, хоть и не примкнул к харчинскому бунту в семьсот тридцать первом году, но недовольство свое казаками открыто высказывал, в глаза, и чело-

веком, как и сын, был характера строптивного, неуживчивого, хотя и пользовался у всех окрестных племен и родников своих великим уважением, почему и сын его столь много языков освоил и многих русских в своих знаниях превзошел – был первым толмачом в Камчатке...

– Чего молчишь, Расторгуев, иль язык проглотил, – с немецкой бесцеремонностью оборвал мысли приказчика капитан-командор, – а может, ты поручиться боишься...

– Что вы, что вы, ваше высокоблагородие... Ни в коем разе... Мы завсегда, – с ужасом осознавая, что не знает, что ему говорить, лопотал Расторгуев, – мы завсегда... Толмач он превосходный... И по-корякски может... и по-чукотски умеет... Никто так шибко, как он, у нас больше не способен... И понимает, опять же, его... и слушают... И почитается он везде – у коряков на Панкаре и Паллане, и у камчадалов Нижнего и Верхнего присудов...

– Ну, все ясно, Расторгуев. Значит, за толмача ты головой отвечаешь? – будучи далек в своих мыслях от Расторгуева и Лазукова, заключил Беринг и махнул, выпроваживая, рукой...

У Расторгуева в коленях словно надломилось что, а дыхание и вовсе прервалось... И уже не соображая, что говорит, что делает, и в пользу или во вред ему самому будут его же собственные слова, затараторил:

– Не, ваше высокоблагородие, гордыня в нем великая... Гордыня! Не смиришь и плетями. Слыхал я, что у вас с этим в море просто. Так с этого следует и начать, чтоб знал свое место и не ерепенился...

На удивление, Беринг очень внимательно выслушал Расторгуева и даже что-то отметил в списке. Только-только накануне он отправил часть своих матросов наказать кое-кого из авачинских камчадалов, которые ни с того ни с сего вздумали вдруг бунтовать. В причины капитан-командор не вникал, хотя протест камчадалов был справедлив: во-первых, казаки решили брать ясак не только с этих камчадалов, но и с их давно умерших родников, обдирая, естественно, при этом живых, и, во-вторых, камчадалы сопротивлялись привлечению их на строительство Петропавловска как летом, в период заготовки рыбы,

так и зимой, когда все мужское население Камчатки было занято охотой: рыба кормила, пушнина одевала и обувала...

– Гордыня, говоришь...

– Бунтарского племени, – словно чувствуя, о чем думает сейчас командор, чеканил, махнув на все рукой, приказчик, – его отец с разбойником Харчиным якшался...

Но, к удивлению Осипа Расторгуева, Беринг отозвался на это, самое страшное сообщение как-то странно: лицо его вдруг приняло какое-то виноватое выражение, ну, если не виноватое – тут приказчик не ручался – то, по крайней мере, сконфуженное. Он закашлялся, точно поперхнулся, и снова, теперь уже нетерпеливо, махнул рукой – ступай, мол, прочь.

Не знал Расторгуев, что вина за харчинский бунт 1731 года тяжелым камнем лежала на сердце старого мореплавателя. В 1727 году он, руководитель Первой Камчатской экспедиции, оторвал, не задумываясь о последствиях, местных жителей от промыслов. Не рискнул он тогда по осени идти на маленькой «Фортуне» из Большерецка в Нижнекамчатск через бешеные Курильские переливы и приказал все экспедиционные грузы доставить по суше. И с осени до лета 1727 года, на собаках и батах, перевозили камчадалы грузы с западного побережья Камчатки в долину древней реки Уйкоаль к подножию Горелой или Крестовой сопки, где стоял тогда Нижнекамчатск. Он пообещал камчадалам, что эта их работа зачтется им за ясак за два года. Клялся данной ему властью. И ушел в море, а затем возвратился в Охотск. Приказчики же, такие вот как Расторгуев, распорядились по-своему и собрали с камчадалов весь накопившийся пушной долг за эти два года и с живых, и с умерших. Сам Харчин, как выяснилось, в тот год отдал приказчикам тридцать соболей и лисиц... А Беринг знал Харчина – крещеного камчадала, вождя с реки Еловки... И мучительно грызла командора вина перед ним, хотя – что он тогда мог уже изменить – был в столице, отчитывался за неудачную экспедицию, выслушивал упреки, подумывал об отставке, и, конечно, не было ему тогда дела до собственных обещаний и заверений, данных этим самым камчадалам, Харчиным и Лазуковым... Может и отца этого толмача он тоже знал... Со многими воз-

дями был знаком ведь тогда, и кабы не они, может и вообще никогда бы не смог он пойти к Северному океану и пройти тем проливом меж двух великих материков... Эти самые харчины и лазуковы несли на своих плечах будущие шпангоуты и маты его «Гавриила», который они же помогали строить на берегу Ушковского озера, что выше Нижнекамчатского острога, а здесь вскоре все полыхнуло огнем того бунта – сгорит острог, погибнут казаки, взойдут на эшафот бунтари харчины и приказчики-воры... И ничего не исправишь, не добавишь, не убавишь – это уже история, прошлое, отжилое, хоть винись, хоть наплюй – все едино теперь для потомков...

Нет, не наплюй – что-то здесь не так, не то...., по крайней мере для самого Беринга сейчас... Не склонный к чувствованиям, угрюмоватый и флегматичный, разбитый, усталый не столько уже от дел, сколько от прожитых лет, он все-таки почувствовал какое-то волнение в душе, нечто вроде слабых сердечных спазм, но без щемящей боли, которая нехотя покалывает и нехотя отпускает, чтобы снова кольнуть и отпустить, заставляя все время помнить о себе и ждать, утомительно и обреченно. Нет, это было волнение другого рода – и он с удивлением понял сейчас, что ему совсем не безразличен этот неизвестный пока еще толмач, и испытывает он к нему что-то вроде симпатии, что-то вроде какого-то душевного расположения, даже душевной близости.

Нет, это была, наверно, просто старость. Жизнь уже подводила свои итоги. И хотелось уйти из нее без долгов, со спокойной совестью отойти в мир иной, ну что же...

...Так он и лежал потом, засыпанный по грудь песком на необитаемом острове в Великом океане, который он пересек из края в край одним из первых в мире. Теперь он спал. Спал вечным сном. Но те, кто чудом остался в живых и не был истощен, как старый шкаф жуком-древоточцем, не сошел с ума, не был выброшен за борт зашитым в парусину, не был изувечен и смят штормами, изнурительной работой с парусами, промозглым океанским холодом и склеивающим желудки голодом, те боролись теперь за жизнь.

4. КОМАНДОРСКОЕ БРАТСТВО

1741 год, декабрь, Командорский остров (о. Беринга)

– А мне его как – Моржовичем или Китовичем величать прикажешь?..

– Отчим именем. Если у родного его отца оно, может, и было языческим, то у крестного – христианским, языка вам не обожжет, – голос Стеллера висел на такой высокой ноте, что готов был вот-вот сорваться. Лазуков хотел было отойти от землянки, но тут его точно обдало жаром – говорили о нем.

– Твоего камчугу все Беринг приваживал, а он – как зверушка: только зубы в ответ скалил. Эх, не я на его месте – покрошил бы их... Дикарь, а спесив, что твой лорд аглицкий... Холоп – а ты ему – Алексей. Поганый сын. ...Тьфу! – Хитрово грязно выругался. В глазах Лазукова зажегся дикий звериный огонек, и он закаменел лицом, как все ительмены каменеют лицами перед боем или большим испытанием их мужества: в такую пору они несокрушимы, хоть калеными щипцами пытай его тело, рви его на кусочки, убивай на глазах жену, детей, мать с отцом. Только хищно напряжились ноздри, и сам Лазуков чуть подался вперед на этот голос из-под скрытой под снегом тонкой парусины.

– А ну-ка вспомни, Хитрово, один из Шумагинских островов, куда ты, по собственной дури, погнал шлюпку, чтобы проверить, что это там за огонек горел ночью... Вспомнил? Так вспомни, как из-за тебя, гордыни и спеси твоей, чуть не погибли шестеро – это ты загнал шлюпку в прибойную волну, где ее перевернуло и выкинуло вместе с вами на берег, только чудом не утопив. Шестеро вас было... Ветер противный, в нос, самим не выбраться... А пакетбот паруса поднял и ушел... И не знал ты, что ушел он прятаться от ветра за остров... Думал – совсем! И плакал ты, землю ел на том острове. И люди твои, глядя на тебя, тоже волками были. И кто вас, русских людей, к мужеству в тот час призывал? Кто твердил, что не бросят вас, что на корабле честные и смелые люди, и они обязательно вернуться... знать, надо так, что уходят сей-час... что не надо бояться чужой земли – с голоду на морском

берегу никто еще не умирал. Матросы успокоились, спать у костра легли. Лишь двое вас у костра оставалось до утра – ты слезы лил, а Лазуков дрова по берегу собирал и огонь для вас в костре поддерживал... – Стеллер говорил медленно, но чувствовалось, что он задыхается от злости, и порой он срывался – тогда голос его метался по землянке, как прапор в шторм.

– Должно быть, ложь? – принужденно-равнодушно спросил внизу помощник Беринга Ваксель, и, по тону его не было понятно, к кому обращен был этот вопрос.

– Ложь!? – взвизгнул Стеллер. – А ты... а ты, Свен... – Стеллер не находил слов: злость била в голову и растворяла в себе память, как царская водка медные пятаки, – ты, Свен, не лучше... Такая же грязная паршивая свинья... И не смей меня перебивать! Там же, на Шумагинских, когда уже мы с тобой, матросами и Лазуковым пошли на шлюпке к американцам, ведь именно ты чуть было не погубил его. Мы пошли потому, что сами американцы пригласили нас в гости. Жаль, конечно, что была большая волна и берег в острых камнях, не высадишься. И все-таки мы умудрились переправить на берег Лазукова и двух матросов. Ты видел, Свен, как их приняли те американцы!? Сколько было радости – они отдавали нашим последнее: несли куски китового жира, выкапывали и дарили какие-то коренья. А что сделал ты, Свен, когда один из них, может быть, самый старый и уважаемый, потому что держался он с большим достоинством, подплыл на своей байдаре к нам... Ты сделал подлость, Свен, – ты преподнес ему чарку водки, и он, следуя твоему примеру, влил ее в рот и тут же выплюнул, заорав от страха... А ты? Ты сунул ему в рот свою трубку, и он чуть было не задохнулся дымом... Что если бы тебе, лейтенант Ваксель, преподнесли камчадалы свою любимую похлебку из тухлой рыбы с ивовой корой?! Ты, поди, изрыгался бы до кишок от такого лакомства и перестрелял бы всех этих кулинов! И американцы правильно решили, что ты злой человек, и не захотели отдать тебе Лазукова... Правильно – ведь это ты потом хотел переловить их всех на острове, как диких зверей, и привезти в Россию, но Беринг не позволил... Лишь залпом из мушкетов в воздух тебе удалось отогнать американцев и

освободить толмача. Но ты бы и бросил его спокойно, если бы хоть какая-то опасность угрожала лично тебе, Свен Ваксель..

– Ты, Георг, сейчас пользуешься тем, что мы оба с Хитрово прикованы болезнью к своему так называемому ложу, если им можно назвать этот сырой песок, и зависим от тебя, здорового человека... Поэтому мы бы не хотели ссориться, – просительно-жалобно, и опять же притворно ответил на все высказанное новый, после Беринга, командир, – сейчас мы такие же, как все, несчастные жертвы этого острова, а вас всего-то четверо, кто еще способен стоять на ногах – ты, Лазуков да два камчатских казака – на кого вся наша надежда, и на кого мы молимся, как на Господа бога...

– Так ты не только молишь на него, но и почитай, как Бога... Он тебе сейчас и бог и судья!

– Не кощунствуй, Стеллер, – слабо пискнул Хитрово, злой всегда, как воробышек, взъерошенный и мокрый, зыркающий, когда вот так же злой, по сторонам своими круглыми птичьими глазами.

– Что? – это был даже не крик и не визг, а что-то раздирающее душу на части, но Лазуков не вздрогнул, оставаясь спокоен и недвижим. – А вы думали, господа, что вы и сейчас, здесь, на необитаемом острове, будете вершить его судьбу, судьбу казаков, матросов и солдат – всей этой безродной черни?! Это там, на пакетботе, в океане, вы были облачены высшим доверием и властью... Теперь же это все – фикция... Вы сами так решили, там, в каюте у Беринга, на Совете... Вы трусили и хотели ухватиться за любой кусок земли, чтобы выжить, и когда денщик Беринга Овцын, разжалованный лейтенант российского флота, сказал вам, что это земля вовсе даже не Камчатка, вы выгнали его вон и убедили остальных, что это Камчатка, и вам поверили... Теперь вы тоже хотите выжить, потому вам нужен здоровый холоп, чтобы таскал дрова, бил бобров, топил снег, сохранял землянке тепло... А иначе вы подохнете...

– Но ведь ты, Стеллер, был на том Совете и молчал... Значит, и ты причастен...

– А вот этого не хотите! Я молчал, зная, что это не Камчат-

ка. Я хотел побывать здесь. Не для того отправлялся я в плавание к Америке, чтобы иметь там лишь шесть часов для собирания материалов, которые столь любезно предоставили вы мне вместе с Берингом. Я мечтал побывать здесь – но люди мечтали о возвращении на Камчатку. И я молчал. Любая земля, где бы мы не высадились – это жизнь. И я имел свое право молчать.

Вы же цеплялись за этот берег только из-за трусости и готовы были погубить любого, кто встал бы на вашем пути... И сейчас вы тоже хотите сесть на чью-нибудь шею и таким способом существовать и здесь... Не выйдет!

– Хорошо, Стеллер, что вы хотите от нас? – слабым голосом спросил его Ваксель.

– Я требую от вас, как от официального начальника, отказа от чинов и привилегий, абсолютного равенства всех и во всем без исключения, полного равноправия в распределении провианта, обязанностях по обслуживанию лагеря, охоте, заготовке дров и во всем прочем, уважительного отношения к нижним чинам, казакам, инородцам, величанию их по имени-отчеству, принятию коллегиальных решений по наиболее важным вопросам нашей жизни, член коллегии – каждый член экипажа пакетбота...

– Хорошо. Я согласен с вами, – недовольно согласился Ваксель, – а вы, Софрон Федорович?

Тот лишь заскрежетал в ответ зубами.

Лазуков отошел от землянки, волоча по снегу морского бобра, которого он добыл и принес сюда по приказу Вакселя, и зашагал к крайней, также крытой парусиной яме в сыпучем песке, где вперемешку с мертвыми, которых еще не хватало сил предать земле, лежали больные цингой матросы. Он сам бы впился сейчас зубами в нежное кровавое мясо, одна мысль о котором острой болью пронзала ссохшийся от голода желудок, но неведомая сила сдерживала это желание и вела его сюда, к крайней землянке...

– И все это из-за какого-то там дикаря?!

– Мне странно, Хитрово, – ответил на это Стеллер уже спокойно, – что тебе, русскому человеку, мне – иностранцу –

нужно давать ответ на этот вопрос. Вы прошли всю Сибирь, а знаешь ли – почему? Да потому, что в отличие от других наций, вас, а не таких вот, как ты, интересовали не столько меха и золото, рыбий зуб и мамонтова кость, сколько живущие здесь народы... Именно любопытство затащило вас столь далеко. А любопытный – он доверчив. Очень доверчив. И его легко погубить. А еще легче полюбить. И ваш народ оказался таким, что он не просто шел по этой земле – он вращался в эти народы, рождался, сливался, становился своим, щедро делясь всем, что имел сам... Лазуков бы сказал: становились родниками... И в этом ваша главная сила, ваша великая сила, и я преклоняюсь перед ней... И этой силе покоряются охотно, потому что ей не отдаются на милость, поступаясь своим, а вверяют себя, свою судьбу, свою жизнь, свое будущее, сначала как сын доверяет своему отцу, а потом как брат брату...

...И они действительно выжили в тот год на необитаемом острове, который называли Командорским.

Оказались сильнее цинги и голода, холода и гнетущей тоски по родине. Они встали на ноги и плечом к плечу из развалин бывшего пакетбота «Святой Петр» построили маленький гукор и вернулись на нем в Петропавловскую гавань.

И Ваксель напишет потом в своей книге, что выжили они только благодаря командорскому братству, в котором все были равны, несмотря на былые чины и звания...

5. КРЕЩЕНИЕ

1745 год, сентябрь, острожек Минякуна (Воямпольский)

Воямполка – река серьезная. С быстрым течением, хищным нравом. С заламами и уловами. С ощерившимися острыми сучьями корчей...

Хотунцевский опасливо подошел к реке, заглянул с обрыва, поморщился и плюнул в реку – и тут плевков крутануло на стремнине и сбило с речной пеной, а река, казалось, с еще большей силой навалилась на берег, намереваясь смыть этот кусок земли, на котором стоял святой отец.

– Что за река? – спросил он у толмача.

– Воямполка. Река Утопленников, – перевел Лазуков.

Хотунцевский дико взглянул на него, перекрестился и быстро пошел прочь от реки.

А через час все уже было готово к крещению: нашли подходящее место на кривуне, где течение упиралось в противоположный берег, образуя небольшую заводь – здесь при желании можно было свободно разместить все население коряжского острожка.

По сигналу архимандрита казаки погнали будущих своих крестных детей в воду. Те, с обезумевшими от страха глазами, пытались вырваться, но уже свистели плети, щедро раздавались зуботычины, кого-то просто втаскивали и бросали в воду у ног архимандрита – Хотунцевский обычно не церемонился со своей будущей паствой на крещении и проводил его столь стремительно, что даже отъявленные безбожники – камчатские казаки – только диву давались.

Так и сейчас – пошвыряв, как и в самое первое крещение на Руси, будущих сынов божьих в воду, архимандрит, не обращая никакого внимания на своих помощников, ставших в боевую стойку у воды, сжав в руках пищали с дымящимися фитилями, чтоб в случае чего и припугнуть, начал превращать язычников в христиан. Те дрожали от холода и страха, не понимая чего от них хотят и готовясь уже к тому, что их просто-напросто перетопят сейчас всех, как щенят.

Лазуков переводил. Он сам не понимал церковно-славянского бормотания архимандрита и поэтому не столько переводил, сколько просто объяснял перепуганным корякам то, что думал по поводу русского бога сам.

– Наш бог Кутха – ворон. Он плохой бог. Глупый и жадный. Питается всякой падалью. Поэтому что от него можно ждать хорошего?

А Иисус Христос – человек. Добрый человек. Он сильнее всех духов: и добрых, и злых. Ему не нужно мазать губы кровью и класть в подарок внутренности и кости. Только повесишь в юрте доску с жирником и все. Кланяйся себе и проси о чем хочешь – и будет.

И еще. Все мы теперь будем братьями. И равны перед богом

будем все. И друг перед другом. Любить и жалеть будем друг друга.

Хотунцевский в это время махнул кадиллом кому-то из инородцев прямо в лицо. Тот отпрянул в толпу, началась паника.

Самый крайний к течению коряк, стоявший по грудь в воде, вдруг взмахнул руками и забарахтался в воде. Течение тут же ухватило его. Но еще можно было протянуть кому-нибудь руку и помочь ему. Никто не сделал этого: по коряжским понятиям водяной бог забирал свою жертву, потому что ему нужна была чья-то жизнь, и нельзя было мешать в этом богу. Спасешь утопающего – значит, отдашь ему свою жизнь, и тебя самого поглотит река Утопленников – Воямполка...

Ближний казак, отбросив в сторону пицаль, бросился на помощь, крик его заглушил и перебил Хотунцевского:

– Держись, братка, сейчас я... Руку давай... Руку...

Он был уже совсем рядом. Коряк протянул было руку, и казак потянулся к ней, готовый сам сорваться уже следом в злые водовороты, но спасти утопающего, как вдруг коряк отдернул руку и ушел с головой под воду.

– Эк, бедолага, – крикнул дюжий кареглазый казачина с таким же, как у Лазукова, скуластым бронзовым лицом, – не захотел мне свою смерть отдавать, – и сумрачный, махнув рукой, тяжело побрел назад, к берегу.

Хотунцевский завершил таинство крещения, словно ничего не произошло, раздал корякам фамилии их крестных – Баранникова, Прокопьева, Лазукова и прочих, а потом подошел к казаку и, ударив его кадиллом по лицу, осквернился:

– В колодки забить... Пятьдесят плетей... Ах ты, б... – таинство крещения нарушать?!..

6. БУНТ

1746 год, февраль, острожек Харчинский

– Русские попы говорят, что мы будем хорошо жить только после своей смерти. Кто плохо живет сейчас, тому будет хорошо там, в загробном мире, на том свете. Но сами строят себе хоромы и обжираются сейчас, не торопясь к верхним людям за

лучшей жизнью. Значит, они лгут! Нам должно быть хорошо потом, а им – сейчас... Нет! Пусть будет по справедливости: все живем – всем хорошо, а кому не нравится это – пусть убирается к верхним людям... Они врут – и там, у верхних людей, есть свои приказчики, свои попы. Вот и не торопятся: вдруг не попадут на хорошие места. Пусть убираются с этого света и отвечают там, на небе, за свои грехи, а нам бояться нечего – и мы будем жить здесь. Тогда всем будет поровну, всем хорошо... Возьмем один грех на свою душу – и в этом тоже сравнимся с ними, отчего бы нет...

Слушая Лазукова, решимостью горели лица тойона Ивашки с реки Панкары, Умьевушки и его родника Начика, ительмена Камака из острожка Шванолом с Камчатки-реки, тойона с Водопада-Паллана и брата казненного десять лет назад Федора Харчина – Степана...

– Наши родники готовы идти за тобой, вождь!

...А потом была та бессонная ночь в острожке Юмтином, названном впоследствии Дранкой.

УДАЧИНЫ

1.

Никогда Камчатка не знала такого оживления – со всех вольных краев Руси-матушки собирались здесь бывшие крестьяне и посадские, чиновники и купцы; становясь мореходами, они на утлых шитиках отправлялись в самое свирепое в мире море за бесценными морскими бобрами... Они обрекали себя на голод, цингу, смертельный риск, без которых не обходился ни один вояж, но все новые и новые партии промышленных людей добирались сюда, на край земли русской, и уходили за горизонт, к берегам будущей Русской Америки...

Нижнекамчатск – столица камчатских мореходов – кипел этой жизнью. Плотники рубили из трехсотлетних лиственниц шитики и вязали им борта гибким китовым усом, ремнями из лахтачьих или моржовых шкур, ивовой лозой. Мореходы справляли паруса. В кузнях звенели молоты, выковывая из миль-

ковского железа якоря. Девки и бабы по домам сучили нитки из крапивы, стирая пальцы до крови, для сетей на морских бобров. Сушились сухари из привозного и ключевского ячменя и ржи. Вялилась юкола – пласты несоленой лосося. В березовых кадках просаливались для дальнего вояжа медвежати́на и оленина. Трюмы забивались пустыми бочками для морской говядины из командорских коров Стеллера. Сюда же грузили тяжелые мешки с солью из варниц ссыльного нижнекамчатца Сновидова, поставившего небольшой завод в устье реки Камчатки.

Тут, как видим, шли приготовления к походу в море-акия́н. А в двух трактирах, выросших в Нижнем после первых же удачных вояжей, словно грибы после дождя, гуляли те, кто вернулся с промысла богачами... И многие из них, богачей, за те дни, пока шитики готовились к новым походам, спускали здесь все до последних портков и снова шли в море, не успев вволю глотнуть жаркого нижнекамчатского солнышка, шли в сырые командорские и алеутские туманы, чтобы расплатиться с долгами и ...влезть по уши в них снова...

Счастье, оно ж такое – одного обласкает, другому подморгнет и обманет, а третьему вообще ноль внимания и фунт презрения... Но каждый из тех, кто шел в море, надеялся на свою удачу и грезил дивными сокровищами, умирая от голода и цинги на далеких и диких островах, очень часто возвращался назад таким же нищим, как и был...

И снова шли в море камчатские мореходы, навстречу холодному утреннему солнцу, восходящему над океаном.

Шли искать то, что не надеялись найти в России...

2.

Нижнекамчатский казак Никифор Колегов, низкорослый, с юркими пронзительно-черными глазами, широкоскулый, с реденькой седой бородашкой рядом со своим зятем Алексеем Удачным, вологодским богатырем, ясноглазым, белокурым великаном с косо́й саженью в плечах и пудовыми кулачищами, выглядел совсем мальчонкой. Старику было уже под семьде-

сят, и он был из первых казачат, рожденных ительменскими мамками от якутских казаков в самую начальную пору заселения Камчатки русскими, когда стоял в долине Уйкоаль-реки один на всю эту землю Верхнекамчатский острог, срубленный атласовским «сотоварищем» Потапом Серюковым. Отец Никифора рубил Нижнекамчатское зимовье на Еловке вместе с Петром Козыревским, а затем возводил смотровые башни и конопатил стены Нижнекамчатского острога, построенного у подножия Горелой сопки. Злые были времена: отцы подсылали казачат подслушивать и вынюхивать – не готовят ли где ительмены измены, не подговариваются ли к войне с казаками, не таят ли где они драгоценные меха морских бобров, соболей, лисиц красных, чернобурых и сиводушчатых... Никифора учили – ты не камчуга, а русский, в тебе казачья кровь и тебе в будущем повелевать здешними племенами. С этой мыслью он вырос. Заматерел. Был поверстан в казаки. И не мыслил даже, что может быть как-то по-другому. И ему, казаку, несли чащины – подарки – соболями и лисицами. Он собирал ясак со своих дядьев, собирал так, что и лоскутка мехового потом не сыскать во всем острожке – и с умерших, и с сирот, и с калек... И его ненавидели и презирали за жадность. А он ненавидел и презирал всех их за то, что в его жилах кипела такая же дикарская кровь, как и в их.

И лишь только дочь вождя соседнего ключевского острожка любил он на этой земле.

Каганагч звали ее, что значит Золотистый Рододендрон. И правда, красивей Каганагч трудно было сыскать по всей долине древней Уйкоаль. И она, его жена Каганагч, спасла Никифора в тот день, когда вождь с реки Еловки Федор Харчин и его дядя Голгоч, ключевской тойон, подняли свой знаменитый бунт и спалили Нижнекамчатск, перебив весь его гарнизон. Там погиб и отец Никифора – один из тех казаков, что пришли на Камчатку еще во времена Атласова. Такая же участь ожидала и сына – многие из ительменских воинов искали его в отвесах пламени, чтоб пустить меткую стрелу, но Каганагч, узнав от матери о готовящемся ительменском бунте, обманом увела мужа к Горелой сопке, а когда все же бросились в пого-

ню за ними воины, она увлекла Никифора к горячим источникам-ключам, где по ительменским поверьям живут духи гор, и ни один воин не осмелился приблизиться к ним и пустить свою окропленную лютиковым ядом стрелу или метнуть дротик с острым обсидиановым наконечником...

Но и это не уберегло Никифора от справедливого возмездия – следственная комиссия, присланная из Якутска, чтоб расследовать причины бунта, признала и его вместе с приказчиками виновным в разорении камчадалов. Казак Колегов был приговорен к смертной казни через повешение. И уже не любовь красавицы Каганагчь спасла его, а искристый мех припрятанных на черный день в таежных тайниках соболей и морских бобров, до которых оказались охочи и страшные судьи... Так что Голгоча с Харчиным он пережил, откупившись за все прошлое, сняв с души все старые грехи, чтоб они не мешали творить новых...

И вот он сегодня учил зятя, уходящего передовщиком в вояж на восход солнца к американским берегам на отобранном в казну у иркутского купца Ивана Бичевина лучшем во всем этом крае боте «Гавриил»:

– Ты, Олеха, помни главное – там народ еще не знает истинной цены меха и отдаст даром, ты только обхитри его, а не получится – припугни... Сила силу ломит... И отбери – ты человек и перед дикой природой отступать не смей! Отступишь – пиши пропало... Ты передовщик – главный промысловик – тебе и счет мехам вести. Я вот как бы сделал. По старинке. Пришел, заложников-аманатов взял – лучше детей ихнего вождя какого-нибудь – и пусть отработывают мехами, складывают кучами в рост дитяти...

Когда казаки на Камчатку пришли – здесь народы вообще зверя не били и цены ему не знали, поэтому когда Атласов силушкой громыхнул – ительмены охапками меха к его ногам ложили... Вот и тебе также советую – громыхни там силушкой – вот ведь она у тебя какая, – любовно провел рукой старик по могучему плечу зятя. Тот довольно хохотнул:

– Ниче, папаня... Скрутим в бараний рог, если поперек дороги нашей встанут! Вытрясем мы из них меха, а откажут –

так вместе с душой тряхнем... Вот так! – ударил точно молотом его молодецкий бас. И от всей этой богатырской фигуры повеяло такой грозной силой, что и Никифор струхнул...

...Ночью Алексей с женой, Любушкой, не спали – уходил промышленник в чужие края не на один год, и никто не знал, вернется ли он назад...

Ночь была светлая, звездная. Рдела огнем вершина Горелой сопки.

– Вот и я тебя, Олеша, люблю так же, как Любушка своего Ипльха, – прижалась жена к Алексею.

– А кто это?

– Ты не знаешь? ...Когда-то в старину, давно-давно, жили в Ключевском острожке муж с женой. Его звали Кыен, так как он был из рода Медведя, а ее Атхлах – Венера, – она родилась в тот час, когда на небе зажигается эта звезда. И это были гордые и смелые ительмены. И они очень любили друг друга.

Но так случилось, что Кыен пошел против воли тойона (вождя) Ашха. Так бывает всегда – смелый ведь не видит опасности, а когда видит, то не обходит, а идет ей навстречу. Ашх был богатым – он первым из ительменов научился торговать пушминой с русскими купцами и был своим среди русских казаков. И не было потому ни в чем нужды у тойона. А Кыен был беден – все, что он добыл в тот год на охоте, ушло в ясак: казаки припомнили старые долги его отца и деда, хотя дед его умер еще до того, как авачх – рыжебородый – Отлас стал братом верховного вождя Ивара Азидама. Но Кыен надеялся, что поправит свои дела следующей зимой. Среди зимы же вдруг пошел дождь, а потом ударил лютой мороз с пронзительным северным ветром, и все в тайге заковало в толстую корку льда. Звери ушли из тех мест, где охотился Кыен, и ему пришлось искать новые охотничьи места. Но неудача изо дня в день преследовала Кыена, и наконец он не выдержал – пошел туда, где запрещал охотиться тойон, пугая всех злыми духами, живущими в горячем озере, но все знали, что своих сыновей он посылал именно в те места, и они всегда возвращались с богатой добычей.

И правда, – здесь лежал мягкий снег и он был испещрен

множеством следов: соболь гулял здесь, лисица, разбойница-росомаха...

Кыен не стал спешить с охотой – первым делом он поставил здесь юрту. И нашел такое место, где она стояла бы долго-долго и служила бы не одному поколению охотников. Не один день потратил Кыен, и юрта получилась на славу – не пропускала воду, не продувалась ветром, было в ней тепло и уютно. И охота была тоже удачной – вернулся домой Кыен с богатой добычей. Узнав, где он промышлял соболей, тойон в гневе заскрипел зубами и затопал ногами, голос его угрожающе зарокотал, предрекая скорую беду.

– Там же я видел твоих сыновей. Я обогнал их, – засмеялся в лицо тойону смелый Кыен. И гордостью за мужа светилось лицо Атхлах.

Затаил злобу Ашх.

И вот жарким летним днем, когда Кыен ловил жирных лососей для юколы, в бок ему впился дротик. Без стопа упал рыбак на зеленую траву, которая тотчас побурела от крови. С криком выбежала Атхлах, бросилась к мужу. Не добежала она двух шагов и рухнула на траву со стрелой в сердце.

Они лежали рядом – кровь их соединилась. Сыновья беспощадно выполнили волю отца. Только не смогли уничтожить они охотничью юрту Кыена. Для людей она была сотворена, и ничто не могло разрушить ее. Даже огонь гас, как от воды.

Но никто из охотников не появлялся больше в этих местах – боялись злого тойона, и по сей день те места у горячих ключей считаются запретными...

Там же, в острожке у Ключей, у старого и бедного охотника Лемшинги рос сын Иплх, а в казачьем остроге у приказчика – дочь. Ее тоже, как и меня, звали Любушкой. Красивее Любушки не было девушки во всей Камчатке. Как новорожденный месяц была красива Любушка. Черные, словно смородины, глаза пугливо озирали снег. Искристые, как иней на ели, зубы выглядывали в улыбке. А брови были черные, будто ночь. Многие из сыновей вождей по долине Уйкоаль, с Курильского озера, Карагинского острова и с Олюторы-реки сватались, обещая приказчику горы мягкой

рухляди. Но глух и нем был он к мольбам молодых зверобоев, рыбаков и оленеводов. Сыновья самых знатных камчатских казаков хотели породниться с приказчиком, но никому не дал он своего согласия играть свадьбу. Говорят, собрался везти Любушку отец в Якутск-град и там отдать ее за воеводина сына...

Но сердце – вольная птица, ему не прикажешь, его не заставишь любить. А уж если полюбит – пойдешь поймай и верни назад эту любовь. Полюбила же Любушка Ипльха. Ведь нет дела любви до того, русский или ительмен, коряк или алеут твой любимый.

Не знаю, был ли он красив, да разве за пригожее лицо любят. Не знаю, был ли он богатырем, да разве за силу любят. Знаю, что был он беден, но ведь именно в бедности как страдают, так и любят богаче, чем те, кто от собственного богатства что нищий – ни мыслью понять, ни сердцем ответно отзываться...

Алексей с изумлением слушал свою жену, весь отдавшись ее рассказу, напряженно ловил каждое слово, позабыв обо всем на свете.

– Полюбили они друг друга. На всю жизнь полюбили. Но приказчик выкинул Ипльха из избы своей прочь, лишь тот о чувствах своих заикнулся. Любушка вступилась за своего любимого – и была бита отцом, который души в ней не чаял.

И решили тогда влюбленные бежать из родного дома и жить в тайге, вдали от людей, только вдвоем.

Ночью сели они на нарты, взяли с собой самое необходимое и помчались прочь от тех людей, которые пытались заставить их отказаться от своего счастья, от любви. А разве можно заставить, Олеша, не любить?!

И целый день мчали их собаки по тундре, по тайге. Вдруг, переезжая через горную речушку, нарты провалились под лед. Ипльх успел оттолкнуть Любушку от полыньи, а сам провалился по грудь в ледяную воду. Собаки, нарты, все содержимое стремительное течение утянуло под лед.

С большим трудом самому Ипльху удалось выбраться из воды, и тут же мороз сковал одежду в ледяной панцирь. Он

замерзал – мороз был такой, что сороки и вороны на лету превращались в мертвую ледышку и падали на землю. И тут Любушка увидела вдали что-то внешне похожее на жилище. Да, это была та самая юрта, которую построил когда-то Кыен.

Любушка уложила любимого на ветхие шкуры и развела огонь. Она хотела согреть Ипльха. Но ему помощь и тепло были уже не нужны. Беспощадный мороз сделал свое страшное дело. Обезумевшая от горя Любушка все надеялась, что огонь оживит ее любимого, и вот уже огромный костер пылал в жилище. При каждой новой охалке дров стена огня поднималась все выше. Но Любушка не замечала этого. Ее занимал только сам огонь – тепло жизни, которое девушка хотела пробудить в любимом.

И вот теперь на этом месте и дымит наша Горелая или Ключевская сопка. Дым от костра Любушки, не переставая, поднимается к небу и напоминает нам, что костер не потух, что любовь вечна. Иногда отчаяние охватывает Любушку. И тогда начинается извержение ее скорби. Она мстит за смерть своего Ипльха... И вновь полыхает этот костер любви...

Алексей слушал, завороченный, а потом обнял и крепко прижал к себе жену:

– Любушка моя дорогая... Зорюшка ясная....

– Ипльх мой, друг сердечный, не бойся за меня в пути – я с тобой, я и наш сын... Только ты обязательно возвращайся...

3.

В тот год «Гавриил» достиг Америки и впервые русские промышленники высадились на угрюмых чужих берегах. Их встретило тревожное безмолвие, и стук собственных сердец эхом отражался от холодных неприступных скал.

А когда застучали топоры и рухнули на землю вековые ели для зимовья, точно кто ударил в огромный бубен, подавая сигнал, и просвистели, предупреждая о хозяевах, меткие стрелы. В ответ громыхнули ружья, и черный дым оповестил всех живущих здесь о новой грозной силе, пришедшей с моря покорить сей край.

Так велось испокон веков, и промышленники с «Гавриила» жаждали легкой победы и немалой добычи.

Тогда к ним вышел индейский вождь... Если бы Удачину сейчас сказали, что он спит и вовсе даже не находится в Америке, а на Камчатке, он бы даже не удивился, потому что сейчас перед ним стоял... его собственный тесть Никифор Колегов. Если исключить Никифорову бороду, то сходство было бы абсолютным. Когда вождь заговорил – это был тот же колеговский голос, с той же камчадальской хрипотой и свистом, клекотом и шипением... Но это был все-таки другой человек, из иного, неведомого мира, и говорил он на чужом языке. Никто его не понимал.

– Бледнолицые, – говорил индеец, – я не знаю, пришли ли вы с миром или войной. Если вы пришли с миром – будьте нам братьями. Если пришли с войной – то лучше уходите с миром, иначе вы навсегда останетесь в нашей земле, которая пропитана кровью воинов многих племен – и тех, что живут в вечных льдах и строят себе жилища из снега, и тех, что носят рыбу одежду, и тех, что охотятся в здешних лесах... Мы знаем бледнолицых, которые живут там, в глубине нашей земли, и которые пришли так же, как вы, на больших лодках из тех мест, куда опускается на ночь солнце... Они братья... И вы будете ими! А иначе мы будем биться с вами...

Но никто из русских не понял его гортанную взволнованную речь.

– Ты останешься теперь с нами, – грозно сказал индейскому вождю Удачин. – Будешь аманатом! – и поднял угрожающе свое ружье.

И тут на русский лагерь обрушилась туча стрел. И так не было им покоя всю зиму. Аляску они даже не разведали и думали, что это большой остров. Весной, при первой же возможности, бежали от индейцев на Умнак, но и там не задержались – напуганные промышленники потребовали возвращения домой. 25 сентября 1762 года их вынесло штормом к Шипунскому полуострову на восточном побережье Камчатки и разбило бот о камни в бухте, которая и по сей день зовется Бичевинской в память первого хозяина «Гавриила».

И проклял Алексей этот свой поход. Но весной 1768 года Удачин вновь идет к берегам Америки. Теперь в составе Секретной правительственной экспедиции П. Креницына на галиоте «Святая Екатерина». И не знал он, что за спиной его, точно грозовая туча перед бурей, собирается большая беда: на Камчатке в тот год вспыхнула эпидемия черной оспы – гнилой горячки – и болезнь унесла в могилу многих из тех, кого любил Удачин.

Беда ждала его и впереди. Там, где он сам оставил о русских недобрую память. Зима 1768-1769 года на острове Уника под самым боком у Аляски стала для многих из экипажа «Святой Екатерины» последней. Тридцать шесть могил появилось в ту зиму рядом с русским лагерем. Люди погибали от лютого холода, голода, от цинги. Помощи ждать было неоткуда – второе судно экспедиции пропало без вести в океане, а на Унимаке, напуганные рассказами промышленников о коварном нраве алеутов и американцев, моряки с «Екатерины» спали с оружием в руках и держали по ночам крепкие караулы, особенно на Аляске, куда неоднократно приходилось выезжать для описи американского побережья. Так что, чем ближе было до весны, тем меньше оставалось на Унимаке русских. Они сгорали, как тоненькие восковые свечи за полкопейки. Здесь же, на маленьком островке у огромного континента, остался навечно и Алексей Иванович Удачин.

Но те же самые дикари, которых он так сильно опасался, пришли на помощь его товарищам. На острове Уналашка, где зимовал экипаж второго корабля экспедиции «Святого Павла», русские моряки обратились с просьбой к алеутам отыскать потерявшуюся «Екатерину» – и отряд в сто байдар по два человека в каждой пошел к Уникаму, с боями пробиваясь через владения соседей. Из ста байдар до Уникама дошли только две и тотчас с ответным письмом ушли назад, чтобы привести сюда «Павла». Так были спасены остальные члены экипажа «Святой Екатерины» и смогли вернуться назад, благодаря этой помощи воинственных и свирепых туземцев.

Вот так становились братьями американцы и русские будущей Русской Америки.

4.

В тот год не стало и Любушки: черная оспа унесла тысячи жизней камчадалов и русских. Но остался сын. И почти через столетие после этих событий мы находим удивительную запись в дневнике чиновника по особым поручениям при губернаторе Камчатки, неутомимого путешественника Карла фон Дитмара:

«...особенно интересно было для меня знакомство с одним очень старым жителем Ключей, более чем 90-летним крестьянином Удачным...», который переселился сюда из Нижнекамчатска.

Видимо, не от хорошей доли переселился он сюда – мать с отцом большого богатства не скопили, – тогда промышленники с Аляски привезли всего-навсего 900 бобров, не окупив даже всех затрат казны на этот вояж.

И выбора у Удачина-младшего не было – он переселяется в основанную русскими крестьянами на месте сожженного Харчиным Нижнекамчатского острога деревню – правительство предоставляло переселенцам-хлебопашцам льготы. Так сын вологодского промышленника стал камчатским крестьянином и осел в Ключах, накрепко вращая уже в камчатскую землю, множа династию камчадалов, рондьясь с местными жителями полуострова.

И по сей день многие из Удачных так и живут здесь, у подножия самого высокого в Евразии Ключевского вулкана, сотворенного любовью казачки Любушки к ительмену Ипльху. Сегодня в городе Ключи вы можете встретиться с самыми разными Удачными – рыбаками и охотниками из госпромхоза, овощеводами и животноводами в совхозе, лесорубами в леспромхозе или рабочими лесоперерабатывающего комбината. Многие из Удачных и их родников стали здесь учителями и инженерами, строителями и механизаторами, избраны депутатами, назначены руководителями... Ведь эта фамилия – Удачины – самая распространенная в городе. А в родственниках у Удачных чуть ли не каждый третий. Вот такая она, эта фамилия, вологодская, памятная...

ЗЕМЛЯ КАМЧАТСКАЯ

Еще Владимир Атласов обратил внимание на то, как буйно поднимаются по весне камчатские травы. Не успеют еще отзвенеть торопливые ручейки, как начинают раскручиваться на залитых солнцем лужайках тугие пружинки жизни – и вот уже шеломайник поднялся выше человеческого роста и трясет белой челкой, морковник широко и пышно раскинул свои листья, крапива встала стеной, кукольник-чемерица поднялся точно матрешка; борщевик, так тот вообще солнце скрыл... По осени так и вовсе в лес не войдешь: в траве заблудишься. А продерешься – ягоды в лесу том таежном, что виноград – крупные, сладкие – и жимолость, и голубика. Кисло-сладкая рябина – объедење, княженика – от одного аромата голова кружится, морошка желтоватым аппетитным бочком дразнится, клюква – точно алая капелька на тонком стебельке-травинке... Брусника, шикша-водяника, малина, черемуха, боярка, смородина – дикая и пьяная, настоящая на солнце и аромате трав... А грибы! Ножка точеная, шляпка набекрень... Да в такую землю палку сунь – яблоня вырастет! А если хлебное зерно...

Хлеб – всему голова. Так говорит русский человек. Нет хлеба – и жизнь не мила. А положил краюху за пазуху – и никакая беда не страшит.

На Камчатке не было своего хлеба. Привозили его издали – из Илимского края. Везли не один год. С телег на сани перекладывали. С саней – на нарты. С нарт – в трюмы морских суденышек сгружали. Из трюмов их уже по батам-лодкам раскладывали и по камчатским острогам развозили. То, что доходило до здешних служилых, уже не хлебом – трухой хлебной было. Но и это толкли вперемешку с юколой и как дар божий принимали здесь русские люди... Потому что немислима наша, русских людей, жизнь без хлеба...

Редьку и репу на Камчатке уже первые казаки выращивали, привозили с собой семена из Якутска – и репа с добрую голову урождалась в камчатской земле. При Беринге посадили морковь, капусту, свеклу и даже огурцы.

А что же хлеб? В Успенской пустыни – монастыре у Горе-

лой (Ключевской) сопки в 1724 году посеяно 18 пудов ржи и получен первый камчатский урожай, который был, как сообщают историки, настолько хорош, что превзошел все ожидания.

И потому 13 марта 1727 года Верховный тайный совет постановил завести в Камчатке хлебопашество, поселив здесь русских крестьян.

Первую партию поселенцев набрали в Братском остроге. Набирали насильно. А народ не желал срываться с насиженных уже мест и идти куда-то на самый край земли. Но никто о желании этого народа и не спрашивал – это были государственные крепостные, принадлежащие казне... И потому ни один из братских крестьян не дошел даже до Охотского порта: кто в дороге своей смертью помер, а кто бежал в тайгу на вольное житье...

В 1731 году в Илимском уезде командир Охотского порта, ссыльный, а когда-то сподвижник Петра I, бывший президент Морской академии и бывший же прокурор Сената Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев распорядился набрать новую партию крестьян и под караулом, выполняя правительственный приказ под страхом самого сурового наказания, доставить их в Охотск.

Но дело затянулось – в Якутске Беринг перехватил партию переселенцев и велел им заниматься работами по снаряжению Второй Камчатской экспедиции. Восемь долгих лет провели бывшие илимские крестьяне в столице северо-восточной окраины империи. В 1740 году 34 семьи все же прибыли в Охотск и 24 из них в 1741 году были, наконец, доставлены на Камчатку и расселены вблизи трех казачьих острогов: у Большерецкого – в устье реки Быстрой при Трапезниковой заимке, выше по Быстрой у Карымаевского ительменского острожка, а также при самом Большерецком остроге; у Верхнекамчатского – на реке Шигачик и Милковой; и на месте прежнего Нижнекамчатского острога, который до 1731 года располагался у Горелой сопки рядом с Успенской пустынью.

И начались... годы мучений. Особенно туго приходилось тем крестьянам, которых поселили у Большерецкого острога

вблизи Охотского моря, – в течение двенадцати лет подряд хлеб у них «вызябал» и, в конце концов, они забросили все свои опыты и их в 1758 году перевели на реку Милкову, где, хоть и не часто, не каждый год, но получали, иногда даже очень неплохие, урожаи ячменя и ржи, если только не убивало – а это было часто – посевы туманами ранних камчатских заморозков.

А переселение крестьян на Камчатку продолжалось – небольшие заимки по две-три семьи появились на реках Аваче, Тигиле, севернее устья реки Камчатки. Крестьяне прикладывали немало усилий, чтобы превратить Камчатку в сельскохозяйственный край, но суровая природа не спешила поддаваться им и сводила на нет все их попытки утвердиться на этой земле.

И исчезали заимки. Администрация переводила неудачливых хлеборобов в наиболее благополучные сельскохозяйственные районы полуострова – в долину реки Камчатки. Но и здесь, несмотря на то, что к крестьянам были приставлены даже специальные смотрители из военных чинов, дела шли, мягко говоря, не ахти. Хлеба или не вызревали, или вымачивали и выбивали их дожди, гноили на корню, а если и выстаивали они до августа – убивали своим страшным дыханием заморозки...

И потому камчатские крестьяне привыкли за годы постоянных неудач оценивать свою работу как нечто несерьезное в жизни, как обузу. А главным стали для них здесь, как было это для местных жителей испокон веков, – рыбалка (заготовление еды для семьи и корма для собак, без которых на Камчатке зимой и шагу не ступишь) и, конечно, охота, то есть заработок на жизнь, основная статья дохода камчадалов. Так и повелось... И настолько тесно слились эти бывшие русские крестьяне с ительменами долины реки Камчатки, что не только по образу своей жизни, но и по языку, внешнему виду, обычаям не отличались они друг от друга. Разве только что в русских селах был выборный староста, а в ительменских острожках – тойон...

Но сельскохозяйственные опыты все же продолжались, хотя никто на Камчатке не видел в них ни толку, ни проку – зерно по-прежнему везли сюда издалека и по-прежнему на полуострове

толкли юколу пополам с хлебной трухой. Рады были и этому: пуд хлеба, купленный за рубль в Иркутске, на Камчатке стоил уже четырнадцать рублей.

В 1812 году Петропавловск становится главным русским портом в северной части Тихого океана. В 1816 году командиром Камчатки был назначен Петр Иванович Рикорд, который сделал много хорошего для жителей Камчатки. И он тоже не оставлял мысли, что полуостров может производить собственные сельскохозяйственные продукты. При нем были построены в Петропавловске даже теплицы и снят первый урожай огурцов – 320 штук.

Он завез на Камчатку и коров (правда, первая пара была завезена сюда еще в 1733 году, но развития животноводство тогда не получило) – и при Рикорде коровы были уже в 50 камчатских селениях.

При нем же начало развиваться на Камчатке и огородничество: в 1821 году Петр Иванович был избран членом-корреспондентом Московского общества сельского хозяйства. С помощью общества и директора Ботанического сада Ф. Б. Фишера он получил различные семена и раздавал их камчадалам, устраивая ежегодно выставки овощей. При Рикорде огородничество сдвинулось практически с мертвой точки: были получены урожаи не только свеклы, картофеля (он на Камчатку завезен еще в 1773 году командиром Камчатки Магнусом фон Бемом), репы, редьки, огурцов, капусты белокочанной, а также красной и кольраби.

В 1822 году срок службы Рикорда на Камчатке закончился, но его все же не оставляет мысль о будущем сельского хозяйства края, и он решает взять с собой в Москву двух камчатских недорослей Ефима Лазарева и Егора Черных, чтоб отдать их в Земледельческую школу при Московском обществе сельского хозяйства.

В 1829 году Е. Черных и Е. Лазарев закончили эту школу и, совершив кругосветное плавание, вернулись на Камчатку агрономами.

Здесь в эти годы условия благоприятствовали обоим для самой творческой работы – в 1828 году на должность начальника Камчатки вступил большой любитель сельского хозяйства

капитан 1-го ранга Голенищев-Кутузов. Он даже учредил камчатскую сельскохозяйственную компанию на акциях, которая в 1831 году была утверждена правительством.

Но компания – конечно, громко сказано. Денег вместе со взносами акционеров, правительственной дотацией и пожертвованиями Московского общества сельского хозяйства хватило лишь на то, чтобы заложить опытное хозяйство на реке Аваче, где был построен Хутор компании.

Весной 1831 года проведены первые посевы. Но лето, как назло, выдалось холодным, дождливым, а осенью ударили заморозки и от этих посевов почти ничего не осталось.

В 1832 году чиновник по части сельского хозяйства коллежский регистратор Е. Черных посадил на трех десятинах двадцать восемь пудов ячменя. Весна была ранняя, но всходы были все-таки поздними. В первых числах августа ячмень заколосился, а 12 августа его побил иней.

Кроме ячменя были посажены в небольших количествах овес, полба, ярица. С осени 1831 года посеяны рожь ваза, озимая русская пшеница, «калифорнийская». В огороде, при доме, – ячмень обыкновенный и гималайский, овес, полба.

Полба даже не взошла. Овес начал колоситься, но побит инеем, ярица также погибла от ранних заморозков, как и озимые, и рожь ваза.

Тепла не хватало – растения росли очень медленно и потому не доживали до той поры, когда вызревало семя.

Но опыты продолжались. На третий год всходы были уже гораздо лучше, но урожая снова не было...

В 1834 году Е. Черных переходит на службу в Российско-Американскую компанию. В 1840 году распадается камчатская земледельческая компания...

А что же Ефим Лазарев?

Прибыв с Е. Черных на Камчатку, он «обнаружил отличные познания и в течение ряда лет занимался опытным хлебопашеством и огородничеством то около Петропавловска и Большерецка, то на западном берегу Камчатки, и одновременно давал инструкции и наставления другим земледельцам».

Но и у него с хлебом ничего не получилось. Тогда Лазарев

пошел по другому пути: он занялся разведением огородных культур и достиг на этом поприще несомненных успехов – при нем огородничеством начали заниматься уже по всему западному побережью от Большерецка до Тигиля. А картофель теперь выращивали не только на самой Камчатке, но и на Курильских островах. В 1845 году, получив семена из Германии, Лазарев добивается сногшибательного результата – урожаем «камчатского хлеба» – картофеля – составил сам-70 и даже сам-100, то есть от пуда семян 70, а то и 100 пудов урожая. И это в те годы, когда по Поволжью, Приуралью и северу Восточной Сибири гуляли во всю «картофельные бунты». В 1847 году картофель выращивали уже во всех острожках Камчатки вплоть до Дранки на востоке и Лесной на западе.

Но все эти успехи ни в малой степени не отразились на судьбе камчатского агронома: если Черных вовремя поменял службу, то Лазареву через десять лет его безупречной службы предлагают отставку, так как хлеба он все-таки не вырастил...

Но опять же эта, столь живучая в правительственных центрах, мысль о камчатском хлебопашестве вносит свои коррективы в судьбу первого камчатского агронома. Министр государственных имуществ Киселев распорядился: «...по случаю определения в Камчатку агронома Кегеля (для продолжения этой хлебной эпопеи. – С. В.) для окончания опытов по сельскому хозяйству я нахожу неудобным уволить ныне чиновника Лазарева, потому что он может быть с большой пользою употреблен в дело, порученное Кегелю, по приобретенной им опытности и знанию края, а потому полагал бы предоставить его в распоряжение агронома Кегеля в качестве помощника».

И еще семь лет продолжались бессмысленные опыты, пока Кегель в том же 1847 году, когда Камчатка была полностью «картофелелизирована», не был отозван с полуострова.

Но и после его отъезда вопрос о камчатском хлебе оставался открытым. К сожалению, мы ничего не знаем о дальнейшей судьбе первых камчатских агрономов – Е. Черных и Е. Лазарева, но в 1853 году по проекту царя Николая I предлагалось новое переселение крестьян на полуостров. Теперь, по проекту, здесь должно было осесть сразу 1000 семей крестьян. Осесть

и дружно наладить дело, которое не удалось на протяжении более чем столетия. Проект не был реализован – завезли на Камчатку всего 25 семей крестьян, которые недалеко от Хутора основали новое камчатское село под символическим названием Николаевка. Вот и все – и так же, как ключевские или мельковские крестьяне в долине реки Камчатки, николаевские тоже очень скоро стали охотниками и рыбаками, напрочь отбросив все крестьянские хлопоты и заботы.

Перед революцией была предпринята еще одна попытка возрождения сельского хозяйства – рядом с Петропавловском была организована сельскохозяйственная ферма, где наряду с опытами по разведению камчатского племенного стада крупного рогатого скота шли и земледельческие опыты, которые проводил Иван Федорович Голованов, бывший член II-ой Государственной Думы, осужденный на каторгу за принадлежность к социал-демократической фракции, а затем сосланный на Камчатку. Здесь он после установления Советской власти стал членом ВКП(б) и много лет занимался подъемом сельского хозяйства на полуострове.

Так что до революции так ничего и не вышло с получением на Камчатке сельскохозяйственной продукции в промышленных масштабах.

Но задел все же был сделан. В 1929 году на Хуторе бывшей земледельческой компании был организован демобилизованными пограничниками первый камчатский колхоз имени 16 партсъезда. Здесь же, на Хуторе, появляется в 1930 году первый камчатский трактор «Фордзон», купленный в подарок первому колхозу полуострова моряками с камчатского парохода «Орочон» в Америке. В 1932 году на Хуторе создается первая камчатская моторно-тракторная станция, а затем, уже на базе нескольких колхозов, создается один из крупнейших в области совхоз «Пограничный».

В те же годы наконец удалось укротить и строптивый нрав камчатской природы – в долине реки Камчатки, посыпая весной поля золой, увеличили на целый месяц сельскохозяйственный сезон и получили хорошие урожаи сначала ячменя, а потом и других «камчадалов» – злаковых – ржи и пшеницы. На

Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве камчатский хлеб в тридцатых годах был отмечен золотыми медалями. По утверждению корреспондента «Правды» Харитановского в начале шестидесятых годов камчатским хлебом обеспечивалось и соседнее с нами побережье Охотского моря.

Но урожаи хлеба на полуострове все-таки никогда не были стабильными – таков уж климат Камчатки, а она сама – зона, быть может, чрезвычайно рискованного земледелия. И потому надежнее и выгоднее сегодня покупать хлеб для полуострова у соседей – в Канаде и Австралии, а на Камчатке взять ориентацию на животноводство и овощеводство – то, о чем заботился Рикорд, и для чего он решил завести на Камчатке собственных агрономов.

И снова мы можем пройти с вами дорогами первых камчатских ученых-землепроходцев.

В 1929 году был организован первый на полуострове совхоз – «Камчатский пионер имени И. В. Сталина». Совхоз был создан на базе опытной фермы, практически полностью разоренной белогвардейцами в 1922 году, и ориентирован на животноводство и овощеводство. В этом современном крупном пригородном совхозе – «Петропавловском» – все начиналось со 107 голов крупного рогатого скота, 156 лошадей, 386 овец и свиней, 266 кур. Все это было привезено с материка. Тракторный парк совхоза «обладал» 700 лошадиными силами...

Большереец... Здесь в следующем, 1930 году создается совхоз имени В. К. Блюхера – сегодняшний совхоз «Большереецкий»...

Да, не пришлось первым камчатским агрономам праздновать свою профессиональную победу, хотя и были у них большие удачи. Их официально снова и снова заставляли переориентироваться все на то же хлебопашество, и опыты, конечно, были обречены на неудачу, как и вся хлебопашеская практика дореволюционной Камчатки, и никто из администрации так и не пожелал думать, что главный камчатский хлеб – это картофель, который щедро родит камчатская земля, животноводство – на камчатском разнотравье и кормовых культурах, овощеводство – как на открытом грунте, так и в теплицах... До будущего не было здесь дела никому! И потому ученые агроно-

мы, получая семена из Иркутска и Москвы, сажали в землю ярицу и полбу, выполняя инструкции и, не веря ни в какой успех, пропагандировали, учили, заставляли своих земляков поднимать камчатскую целину и выращивать капусту и репу, морковь и картофель...

БУТИНЫ

В КАМЧАТКУ

Петр зло топорщил усы, слушая дьяка Сибирского приказа Андрея Винниуса – казна скудела, а о камчатском ясаке снова, уже который год, не было никаких вестей: то ли застрял он где в пути, то ли вовсе пропал в дикой тундре...

– Нет, – твердо решил государь, – тот северный путь из Камчатки негоден. Длиннен и опасен. Нужно пробивать новую дорогу. Морем Ламским. Через Охотский острог. И нужны тут мне верные люди. Настоящие мореходы. Россияне. Поморы. Эти выдюжат. Так что пиши указ...

Сказано – сделано. И в 1714 году через всю страну тысячеверстную пошли из Архангельска к морю Ламскому русские мореходы Никифор Тряска, Кондратий Мошков, Яков Невейцын и Иван Бутин. В Тобольске сибирский губернатор князь Гагарин положил им жалованье 40 рублей в год и по 5 рублей кормовых. В Якутске их разделили на две партии – Тряске с Невейцыным надлежало искать морскую дорогу на Камчатку, а Бутин с Мошковым должны были открывать новые земли в Восточно-Сибирском море.

Но через три года их снова свела всех вместе Петрова воля – царь приказал якутскому воеводе Якову Ельчину стать во главе большой экспедиции, пройти сушей и морем земли русские на востоке, описать новые, неизвестные, что – по слухам – имеются противу устьев рек Лены и Колымы, Камчатки и Охоты, Пенжины, Анадыря и Амура... Денег на то приказано не жалеть, людей брать по надобности, мореходами назначать тех архангельских мужиков, что отправлены в Якутск еще в семьсот четырнадцать лет...

Но только закрутил Ельчин все «экспедиционные» дела в Сибири, вышли первые партии казаков-землепроходцев к устьям северных рек кочи рубить и шитики китовым усом вязать для морского плавания, и отправить первые суденышки из Охотска к Шантарским островам и из Большерецка на Курилы, как повязали воеводу по злому доносу-наушничеству, свезли в Москву, в канцелярию тайную, и сгиб он где-то там во время пыток по государеву «Слову и Делу».

И остановилось колесо, так лихо им раскрученное. Но только не для мореходов-архангельцев – те по-прежнему несли государеву службу и торили дороги в море Ламском, били первые тропки через Курильские переливы в море Восточное, к острогу Нижнекамчатдадьскому.

И не только нрав моря-океана познавали они. Много открывалось им и жизненной горькой правды. И не одно испытание выпало на их собственную долю в камчатской земле.

Так, в 1725 году Никифор Тряска, первопроходец, открыватель пути из Охотска в Большерецк, доставил на Камчатку нового приказчика Трифонова. Правда, на этот раз до Большерецка им дойти не удалось: штормом лодию выбросило на берег в устье р. Ичи. Трифонов добрался до Большерецка пешком, а Тряска по весне уже привел в Чекавинскую гавань отремонтированное судно. Спешил мореход – судно обязано было вернуться в Охотск в срок. Но у приказчика к этому времени созрели уже иные планы – он вовсе не собирался упускать столь прекрасную возможность задержаться на Камчатке еще с годик и добавить за зиму сотню-другую дорогих шкурок к тем, что уже успел скопить за год владычества – раз лодия течет, то пускаться на ней в обратное плавание никак нельзя. Нужна была одна мелочишка – документ. А его мог подписать только мореход. И тут как раз в Большерецке оказался Иван Бутин. Трифонов с ним хитрить не стал, да и чего хитрить, когда каждому ясно – так, дескать, и так: пиши бумагу, отблагодарю, как полагается... А Бутин напрямую – лодия хороша, Тряска мореход искусный, никакой шторм тебе, Трифонов, не страшен... Возвращайся спокойно...

Аж взвился Трифонов от злости...

– Ты что это? Забыл, где находишься? Да я ж тебя... с живого шкуру чулком сниму! Запорю-ю!.. В порошок прикажу растереть и по ветру развею... Пиши акт!

Но не тут-то было. Характер у архангельца – только огонь кресалом высекать. Посадил его Трифонов в казенку – все без толку. Страшал морехода – сгноить здесь вместе с камчадальскими заложниками-аманатами обещался. И, действительно, нагладелся здесь Бутин страданий человеческих: годами сидят аманаты с Авачи-реки и с Воровской, с Курильских островов и с Бобрового моря в тюрьме этой – солнце в окошке видят, некоторые за буйный характер кандалами скованы, иные, словно собаки, цепями к стенам привязаны – это те, кто бежать пытался из неволи. Многие заложники – дети камчадальских или курильских вождей; под угрозой их смерти родники безропотно платят ежегодную дань пушниной. Вот они – законы камчатские! Кого хочешь в подкову согнут... или сломают. Но только не помора Бутина – тонка кишка у приказчика...

Трифонов и сам это понял. Тогда он решил с другого бока подладиться. Выпустил Бутина из казенки, обласкал, повинился за грубость и резкость, пригласил по-товарищески, запросто в гости и, как это водится по всей Руси великой, «вусмерть» упоил бравого морехода. Усладил слух его, в любви и дружбе поклялся, и скрепили они эту дружбу фальшивую фальшивым же актом о непригодности лодии Тряски к плаванию по Охотскому морю. А поутру поздно было уже что-либо исправлять, стыдно земляку в глаза смотреть. И запомнил теперь на всю жизнь, как действуют камчатские казаки – где силой звериною, а где – ласкою змеиною...

ЗА ПЕРЕЛИВЫ

Гирлянда островов, один другого меньше, убегала в океан от мыса Лопатки на полдень. Нога первого русского человека ступила на эту землю в 1711 году, когда взбунтовались на Камчатке казаки, перебили приказчиков – кое-кого и просто живьем в прорубь головой сунули – за лихоимство и жадность до мягкой рухляди, жестокость и насилие над людьми. А за

грех свой перед царем – убийство государевых слуг – решили казаки положить к ногам царским земли новые. Так и пригодилась пригоршня островов скалистых – сняла один грех с души казацкой и открыла дорожку к новым.

Стали эти острова вскоре вотчиной сына боярского Матвея Новограбленного. Ухватился он за Курилы крепко. Жил здесь вольно. Ясак ему такой же, как и царю, платили. Да к тому ж подарками-чащинами сын боярский тоже не брезговал. Били для него курильцы гусей и уток, рыбу впрок заготовливали, крепкие байдары строили, сладкую траву под вино пудами квасили...

Должники холопами становились – зверя для хозяина били, пушниной богатство его увеличивали, жен и дочерей для прихотей господских готовили, а он, в свою очередь, непокорным и гордым слугам своим батожьем спины расписывал.

И не знал меры Матвей. Спускал казаков своих, как собак с цепи, не только на инородцев, но и на любых непрошенных гостей, даже если они царским указом путь себе сюда прокладывали. Как Соловей-разбойник встречал их на своей земле Новограбленный. И удивительно ли, что перехлестнулись их пути-дороги с Бутиным, и не разошлись казак с мореходом, а столкнулись они лицом к лицу, как в кулачном бою. Сохранился о тех давних временах один любопытный архивный документ. Давайте и мы заглянем через него в прошлое.

«...731 году апреля 12 дня, как прибыли к нам курильские ясачные иноземцы с байдарами, и я прослышал от лутчего князца курильского Ломчи, жалобу на служилого человека Лариона Волынкина, который был послан от ясашного сборщика Матвея Новограбленного для приуготовления кормов и байдар, что де он, Волынкин, чинил им многие обиды...

Апреля 13 дня прибыли мы с байдарами, не дошед Озерной реки, например, версты за две за противным сильным ветром, стали на берег и означенный сборщик Новограбленной, схватив копьё, учал бить толмача моего, помянутого Еремеева, копьём обранил у него правую руку, токмо не душевредно, в ладонь, и говорил: по какому де ты, росткая мать, указу спрашиваешь ясачных иноземцев про мои обиды, якобы он про его

императорского величества указа не известен и чинит такую противность, понеже в указе блаженные и вечно достойной памяти его императорского величества написано: велено посланной партии в отдаленных от Якутца краях о обидах и разорениях ясачным иноземцам следовать, а по исследствии, ежели кому от прикащиков, подъячих, толмачей и служилых людей были какие обиды, то обидимым обидимое возвращать, а кто обидел, тем чинить наказание. А означенный Новограбленной, знатно, что ведая над собою некакие неиправы перед иноземцами, кажет вид, якобы над собою большинства и суда не имеет...

Да он же, Новограбленной, похвалялся, что я де вам байдары не дам, а к нам байдару привел означенный князец Ломча... Да он же, Новограбленной, говорил мореходу Ивану Бутину: я де тебя и толмача вашего на острова не возьму, а им от партии по данной мне инструкции велено быть при мне, и для того я их не оставлю...»

Да, схлестнулся уже где-то мореход-правдоискатель с сыном боярским. Проходил он Первым и Вторым переливами, огибая Лопатку, прокладывая дорогу из Большерецкого острова в Нижний. Бывал и на островах Курильских на зимовках. Не раз спускался и на юг вдоль гряды в поисках спокойного тихого перелива. И насмотрелся обид и слез инородческих вдоволь. Настродался от чужой боли. И потому был здесь, на островах, свидетелем весьма опасным.

Чутье не подвело Матвея – пришлось ему ответ держать за все свои преступления. Но выдюжит – не в пример брату Василию, запоротому до смерти – отлежится, как медведь в берлоге Матвей, откупится курильскими бобрами и лисицами и вывернется из рук правосудия, как скользкий речной вьюн: сохранят за ним те же судьбы и прежнее место ясачного сборщика на Курильских островах.

И снова не побрезгует сын боярский чащинами кунными...

КРЕСТНИКИ

Белые барашки курчавились на зеленоватых волнах. Огромное желтое солнце полыхало над морем, чужое и наряд-

ное. На него и смотреть было не больно... Красиво. Но при этом наваливалось на душу что-то тяжелое.

Навстречу шла буря. Крепчал уже ветер, ударяя в борта байдары, прошитые китовым усом, обтянутые кожей морского зверя, словно пробуя их прочность.

Курильцы гребли свободно и ровно. Тойон Ломча правил байдарой с помощью длинного кормового весла. Встречный ветер не позволял поставить парус, но байдара шла довольно быстро.

Курильцы были необыкновенно красивы сейчас: бронзовели их лица, бисеринки пота выступали на широких полосах выбритых от уха до уха голов, яркими жемчужинами сверкали россыпи брызг на косах и больших, по грудь, бородах.

Особенно красив был тот, что веслил рядом с Бутиным: молодой, сильный, с агатовым блеском чуть выпуклых глаз. Видно было, как перекачивались его мускулы под рубахой из шкурок гагары, как могуче дышала грудь.

А волны вздымались все круче. Насвистывал ветер, ударяя своими могучими крыльями по гребешкам волн. Мокрыми концами он мазнул по лицу священника из Большерецка. Тот суетливо закрестился, отплевываясь и испуганно поглядывая на Ивана: уж не погибель ли наша!? Потом что-то быстро начал говорить тойону Ломче. Тот отрицательно покачал головой. Борода священника дернулась угрожающе, и он ухватился одной рукой за тяжеленный серебряный крест на массивной цепи, другой, что так и побелела на косточках, за борт.

Тойон опять покачал головой и достал какую-то деревянную чурку и швырнул в волны.

– Ту-ту-ту! – закричал он пронзительно.

– Вот чертовы язычники, – выругался про себя Бутин, – везут на остров попа, чтоб всем веру христианскую принять, а сами божков этих своих, инау, в море швыряют, жертву богу моря приносят. Вот и перевоспитаи нехристей...

Ближе к острову стало тише. Ветер успокоился и улетел. Упала волна. Вмиг стихло – только там, в проливе, вставали между морем и землей радужные мосты, бушевали, сталкиваясь и расшибаясь в огненные брызги, волны.

Скоро они догнали еще две байдары. Те, видимо, возвращались с охоты – были загружены нерпичьими тушами. Эти байдары были побольше – одних весел торчало на каждой штук двадцать. И гребцы другие – головы не бриты и промысловики сплошь безбородые. «Молодняк, что ли, – подумал Бутин. – Постой-постой, да это никак ихние бабы!..»

А те гребли мастерски: их байдары, хотя и глубоко сидели в воде, шли в кильватер, почти не отставая.

А вот уже показались и балаганы – летние шалаши, поднятые высоко над землей, в защите от наводнений и комаров.

Острожек курильский ничем не отличался от камчадальского: те же балаганы на длинных ногах-столбах, те же врытые в землю юрты без окон и дверей с единственным отверстием в крыше для дыма и для людей.

На берегу Бутин кликнул молодого гребца со своей байдары:

– Как звать-то тебя, мореход?

– Атуйка.

– Это что? Море, по-вашему! Морской значит!? Хорошее имя. А тебя? – спросил он стоящую рядом с Атуйкой молодую женщину.

– Казукчь.

– Это как же?

– Плачушая, – ответил за жену Атуйка. – Она родилась в тот год, когда на Кыкше, которую вы Большой рекой зовете, ее родники из Каначева острога были казаками перебиты за сожжение Большерецкой крепости. Подобрали ее мои родники и на Шумшу привезли.

Бутин потемнел лицом. Крякнул сердито. Потом попытался перевести разговор на другое.

– А что это у вас остров так зовется? У остальных имена все на «шир» или на «котан», может этот тоже Шумшир правильно?

– А это камчадалы прозвали. Шумшу – это значит остров Черемши.

– А вас почто курильцами кличут? Наверно от того, что сопки горелые вокруг курятся дымом. Вот и Курильские острова, потому и вы – курильцы?

– Нет, куру по-нашему – это человек...

...Пока Бутин расспрашивал инородцев о том о сем, поп подготовил все для крещения. Для этого и пересекли сегодня Первый Курильский перелив на чипеме-байдаре, хоть и грозился Новограбленный их пикой заколоть за то, саблей на куточки порубить, из фузеи головы подырывать... Как же – он же здесь для них и за святителя. «Нет уж, – решил Бутин, – крестим сами, как в Киеве когда-то – река им всем сразу купелью будет, но не позволим Матвею и на вере святой барыш сбивать. Это надо же – по два-три года ему за крещение крестники отработывают. Вот уж действительно научился Матвей по-новому народец этот грабить...»

Высоко поднял рыжебородый поп свой крест, отполированный рясой над тугим брюшком до блеска зеркального. Лучилось в нем солнце, впивались в глаза огненные змейки-молнии, юркие, шустрые, неугомонные, и казалось простоватому мореходу, что великое таинство снисходит на этих людей с неба, чудо божественное...

А рыжебородый, блаженно жмурясь, подсчитывал прибыль церковную от крещения и не благодать уже отпускал недавним грешникам, а заталкивал в кожаные мешки шкурки собольи да лисьи, бровровые и нерпичьи. Хихикал про себя от радости, что всех надул, и торопился побыстрее все закончить.

Бутин принимал из купели новообращенных в православие – Атуйку, Казукчь, Татала, Чекаву... «Сколько же их, Бутиных, теперь на этом курильском острове с камчадальским именем», – спросил вдруг вслух.

– Иван, – точно позвал кто в ответ.

А это бывший Атуйка, а теперь тоже Ванюшка Бутин, подсчитал – шесть растопыренных пальцев показывает. Вон оно как: по-курильски «иван» – это шесть значит... Чудно! Иван Иванов Бутиных – шесть Иванов... Потеха!

А на обратном пути байдару у Камчатки снова прихватила буря. Суетливо крестился испуганный поп, цепко держась незанятой рукой за мешки с пушниной. И вдохнул с тайным облегчением, когда полетел в волну деревянный божок и прокричали дружно с байдары курильцы, заклиная уже бывшего своего бога.

– Ту-ту-ту.... Бери-бери-бери...

И мчалась байдара сквозь шторм, и спокойно и мощно работали веслами ее гребцы – мореходы Бутины...

«СВЯТОЙ ГАВРИИЛ»

– Нет, не показался мне Беринг еще в первую экспедицию... Ходил я с ним уже к неизвестным землям, – рассказывал мореход Бутин охотским казакам, когда зашел между ними разговор о назначении капитана-командора Витуса Беринга начальником Второй Камчатской экспедиции.

– Да как пошто не показался-то? Ведь сам Петр Алексеевич, государь наш, его на ту должность определил. А тот дураков не любил, лентяев – слышал – самолично сек, а тех, кто указы его не выполнял, в каторге гноил... А этого он ведь из всех своих офицеров морских выбрал...

– Выбрал! Говорил мне Скорняков-Писарев, а он ведь прежде, до ссылки в Охотск, при царе-батюшке близко состоял; так вот, он говорил, что ни шиша хорошего у этого Беринга на службе и не было. Так себе был. Неприметный. Звезд с неба не хватал. Таких, как он, немцев этих всяких, полно и по сегодня во флоте российском. И Беринг тот, сказывал мне Григорий Григорьевич, обиделся, что его по службе за просто так не двигают, и написал рапорт об отставке... Он-то, видать, думал, что теперь-то его заметят, выделят... Ан нет – ему возьми и дай полный пенсион... Схватился было за голову капитан, а корабль-то уже от причала отвалил, не допрыгнешь. Пишет он тогда новый рапорт – не могу, дескать, без моря, примите меня назад, не за чинами, мол, гонюсь, а по великому делу во славу России душа горит. Просто кошель уже совсем прохудился, а где еще, кроме нас, его еще так золотом набить можно. Дали ему корабль, но в чине прежнем так и оставили. И ничего – стерпел, промолчал, в себе обиду затаил, как гвоздь внутрь вбил. И не видно, вроде, а вот покальывает...

– Да брось ты, Иван, наговаривать. Ведь другому же не доверили?! Ведь целую экспедицию... Это же сколько тыщ стоит?! Значит, знал царь за ним что-то такое и доверил... Наверно, охочих тоже хватало – дело-то богатое!

– Э, служилые... Все проще оказывается, если хоть немного в мореходном деле разумеешь. Еще по молодости, юнгою, бывал Беринг в заморских дальних странах, там, где другие моряки, что у нас служили, никогда не были... Вот почему царь Беринга и выбрал. А иностранцев, которые на службе нашенской не состояли, он пригласить не мог – дело-то секретное. Нужен был свой, а Беринг хоть и не очень в службе радел, но во флоте русском уже не один год служил, так что, считай, свой и был...

– А пошто он тебе-то, Иван, к душе не пришелся? Вроде ты не привередлив... Или это совесть опять у тебя затронули? Так рассказывай, не томи душу домыслами и росказнями чужими... Чего тебя самому в Камчатке не понравились?

– С самого что ни на есть начала все дело наше там наперекосьяк пошло. Прибыли в Чекавку – в устье Большой реки – отказался Беринг идти Курильскими переливами в Нижний острог на реку Камчатку. Шторма, говорит, не могу экспедиционными грузами рисковать. А чего не идти – прошли бы. Хаживали уже – знаем. И слушать не захотел. Но мы – что, промолчали, послушались. Перечить начальству не стали, да и что говорить, коли он со старыми здешними мореходами совета не держит. Обидно стало. Позже поняли мы с Мошковым – он тоже к этой экспедиции был прикрепленным, – что обижаться глупо было, надо было настоять на разумном, а то через обиду нашу пришла в Камчатку беда большая. Приказал Беринг камчадалам – все, что сгрузили в устье Большой, перевезти на батах, пока река не встала, в верховье, а потом – нартами по зимнику в верх реки Камчатки и по ней весной снова на батах в Нижний острог, где мы в это время «Гавриил» строили... И слезьми кровавыми заплакала та земля. Ни с чем не посчитались – сорвали камчадалам промыслы кеты и кижуча по осени, а это главный корм и для людей, и для собак. И всю голодную зиму – вместо охоты – занимались они каюрной гоньбой, перевозили грузы. Поморили собак. Остались без пушнины. Беринг пообещал, что снимет с них ясак за эту зиму. Куда там – казаки с них вдвое и втрое против прежнего взяли, а Беринга в ту пору уже на Камчатке и не было.

А пока мы «Гавриил» выстроили – камчадалы стоном изошли. И так худо людишки живут: зимой в земляных юртах по сотне, а то и по две – набыются, отогреваются, давятся. Кормятся рыбою да травой разной... А долгов у них ... – и за то, что юколы нужное число вовремя не сдали, и за иван-чай, и за сладкую траву для вина, за рыбу свежую, за имя христианское... – за все расплачиваться пушшиной надобно. А кто не успеет долг заплатить, так все – холоп, и дети, и жена, в собственность казаков переходят... А тут – мы промыслы все сорвали – попробуй заставить казака долг свой перенести. Ему ж и в радость, что инородец теперь в жисть не откупится, а значит, зверя бить теперь будет только для него, а сам вещью станет: его теперь и отдать, и продать, и в зернь проиграть можно, не совестно... А казаки, конечно же, как мухи после нас налетели...

– Ну, это и не Беринга вина... Так по всей Сибири испокон веков деется. Кто ясак собирает, тот и владычествует. А Беринг при чем – он свое дело делал, приказ царский сполнял...

– Ладно, приказ так приказ. Ушли мы с Камчатки именно за тем, чтобы, как ты говоришь, царский приказ исполнять. И исполнили бы, черт возьми, да все тот гвоздик в Беринге. Что им со Шпанбергом, таким же немцем, интересы российские? Это не Тряска с Мошковым, которые, выполняя волю Петра Алексеевича, просолились здесь насквозь, дороги морские прокладывая... А Беринг ткнулся носом в туман и побоялся далее на норд идти... Вроде бы приказ выполнил – в море-то ведь он вышел! А кому послужило то добром? За что, скажите, камчадалы те страдали в своей земле? Чем покрыли мы те страдания и сняли грех с наших душ?!

Чириков – молодец! Он настаивал на том, чтобы шли мы дальше. Ведь русский был, и сердце у него за дело болью исходило, как и у нас с Мошковым... Но решили немцы... А чего рисковать? Какая им с того выгода? Нет впереди ничего – и все. А не веришь – пойди проверь. Ага, проверишь, думали – лет через тыщу Россия еще такое плавание осилит... Так что руки чисты. Отряхнул он их только от морской водицы, прошелся на следующий год гоголем у устья реки Камчатки –

остров искал, о котором камчадалы сказывали – не нашел – и упорхнул в Санкт-Петербург докладывать о подвигах.

А в Камчатке инородцы, доведенные уже до отчаяния расплатой за долги, спалили Нижний острог и собирались остальные также поглотить. Вел их Федька Харчин, знал я его по Нижнему, грамотный, тойон ихний, крещеный... Не щадили русских они: веры к ним не было. Огнем горела земля. И огнем горела душа камчадалов – и все это заливали кровью...

Был вот в Нижнем недавно – на новом месте его отстроили – вешали там бунтовщиков... Смотреть больно было...

Казаков-супостатов тоже за бунт тот не миловали: кого повесили за лихоимство, кто под батогами богу душу отдал...

А Беринг вроде как и ни при чем... Но кто ему за ту экспедицию спасибо скажет...

– Ну, теперь вторая вот собирается... Ошибки и исправятся...

– Ошибки прошлые исправлять будем, – мрачно отозвался Бутин. – Какой же теперь ценой нам подвиги его станут...

– Ты, Иван, не в лавке, где славою за копейку торгуют, – оборвал его писарь. – Царице Анне Иоанновне видней. Россия сама потом слово свое скажет. Мы – народ маленький, подневольный, не все и понять можем...

– Может оно и так, – устало согласился Бутин, – но ведь не доживешь до той поры, когда это слово сказано будет. А мне сейчас правду крикнуть хочется... Ведь снова все бедой обернуться может...

СИЛА КУПЕЧЕСКАЯ **(рассказ старого промышленника)**

Никифор Трапезников... Да-а, тот уже в годах был. Высокий. Костистый. Широкий в плечах. И с силою великою в руках – монеты может и не гнул, но тыщами лихо ворочал. Такого богатства с Камчатки и всех островов Алеутских, что тогда были известны российским мореходам, никто больше его не вывез.

В конце тридцатых годов, сказывали, когда сержант нижекамчатский Емельян Басов просил его дать денег на морс-

кую промысловую экспедицию на Курилы, отмахнулся купец от него, как от комара надоедливого, дескать, здесь и без тебя как-нибудь обойдемся: Новограбленный не только мехами обеспечит вволю, но и уступит в цене достаточно, ибо награбленное всегда перед упромышленным в цене ниже, так зачем, стало быть, и поднимать ее.

А вот когда Басов в Нижнекамчатске сколотил все же «складственную компанию» и пошел на промыслы, а главное, когда следующим летом он привез оттуда на своем шитике тыщу с лишком шкур морских бобров и четыре тысячи песцовых шкур, то Трапезников чуть не умер от зависти – побелел весь, зубами заскрежетал и тотчас из своего Большерецка в Нижний махнул. Успел-таки – отхватил у Басова часть паев. Хотел Никифор и в море с ним пойти, хозяйским глазом окинуть островные те богатства на Командорском острове да на открытом Басовым – Медном, но передовщик заартачился и не взял купца. Видно, старая обида глаза застилала. А зря – у купца силы в руках поболее было. Перекупил он все пай и шитик его стал. Басова – в шею. Да тот, правда, уже и сам от промыслов отошел и вроде как тронулся немного: все про медь самородную с острова Медного твердил, камушки собирал там какие-то все цветные, красивые и других заставлял собирать. Видано ли, тут промышлять надо, а он, как дитя несмышленное... Ну, это от богатства: он тогда на бобрах хорошие деньги сшиб и мог запросто сам новую компанию организовать и первым среди купцов стать – все при нем было. Но тот остров Медный, что он сам открыл, и погубил беднягу. Вызвал он сюда из самой столицы ученых людей всяких. Поискали они, поискали – ерунда, говорят, а не медь на том острове. Им ерунда, а с него, сердешного, за прогон тот все до последней копейки по суду вынули. Но не согнули казака беды черные, а может он тогда уже и вовсе того – тронулся умом – или это мечта так крепко была в него вколочена, только он ради всего этого острова Медного из меди той завезенной налил денег фальшивых... Тогда уpekли милосердного в Иркутскую канцелярию, а оттуда уже путь один – на Нерчинскую каторгу колодником... Там и помер, говорят...

А Никифор Трапезников с той поры крепко ручищей своей

за острова дальние ухватился. Пятнадцать, не совру, плаваний на свой кошт снарядил. И никто его не перекрыл. Куда там...

В семьсот сорок девятом, помню, оснастил он «Бориса и Глеба». Сам передовщиком на нем пошел, но дальше Командорского идти забоялся, упросил морехода Бутина. Тот как раз пенсион стал получать – чего ж не сходить, говорят – еще с покойным Берингом ходил в здешних местах. Так и пошли они с Трапезниковым – и прямо к Атхе вышли. Ну, опять озолотился Трапезников – остров-то еще никем прибран не был, зверь непуган, народ алеутский никто из наших не задирал... А Трапезникову как передовщику – два пая, да хозяйская доля – половина всего, остальное уж нам, промышленным... Да что там – иной раз хоть и с богатой добычей в трюмах, но с пустыми карманами возвращались – по долговым запискам всяким еще и должны оставались: за все втридорога драли с нашего брата купцы камчатские. И счастлив ли был, не знаю, тот, кто живым назад приходил. Путь же от устья реки Камчатки до Атхи, Уналашки и Аляски костями русских мужиков выложен, и компас в тех краях не надобен: чайки белые – души мореходов – выведут точно на курс. А на дне океанском – кладбище православное, так что умирать легко, если уж шторм сломит тебя, перевернет шитик, разобьет его о волну крутую. Как в битве. Оттого смерть нашу грешную, попами неотпетую, и предпочитает мореход русский встретить среди волн великих, звезд, рассыпанных, как горох, по небу, соленого ветра, ядерного, как брага, и крика чаячьего, такого же тоскливого, как плач любимой...

И по сей день омывают волны косточки мореходов русских. И люди это были великие. Духом своим отчаянным. И деньги эти трапезниковские для них брэнчанием кабацким были – из одного кармана купеческого в другой же его карман и пересыпались... Деньги-то свое отбрэнчали, а слава тех мореходов по всем землям разошлась. И кто из русских людей не помянет добрым словом святые для нас имена мореходов Евтихия Санникова, Дмитрия Наквасина, Родиона Дурнева, Степана Глотова, Луки Наседкина, Ивана Бутина...

Да, великая сила была в руках этого купца иркутского...

РОССИЯНЕ

Командир Охотского порта полковник Плениснер, в подчинении которого была Камчатка, летом 1764 года прибыл в Большерецк.

Чиновники большерецкой канцелярии встретили его с большим любопытством: все уже знали, что командир Камчатки – капитан-поручик Извеков – не желает признавать власти Охотска, будучи поставлен на эту должность по именному указу.

Не признавал Извеков за начальника и Плениснера. Потянулась скандальная история, долгая и нудная, как и вся жизнь в том Большерецке. Дело дошло до того, что по долгу службы уже не разговаривали, а переписывались между собою офицеры, и при этом успевали строчить не только друг другу злобные записочки, но и друг на друга – в Иркутскую канцелярию и Сенат.

Плениснеру было о чем писать: замордованное Извековым население Большерецка боялось даже выходить из домов, когда командир Камчатки с пьяной компанией проходил по заросшей луговой ромашкой единственной улице камчатской столицы – он мог без всякой причины избить до бесчувствия любого, невзирая на возраст, пол и чин. Особо неполюбившихся приказывал наказывать по морской традиции – он был морским офицером – линьками. Священник Большерецкой Успенской церкви Петр Логинов, попытавшийся было сказать свое слово против насилия на проповеди в церкви, был посажен под домашний арест – прихожанам запрещалось как приходиться к Логинову домой, так и принимать его у себя. Извеков даже отдал специальный приказ, по которому христианам разрешалось церковь не посещать и постов не соблюдать. Купцам-грабителям за крупные взятки Извеков предоставил бесконтрольную власть на полуострове. В нарушение всех высочайших циркуляров он даже единственную камчадальскую привилегию – выбирать себе вождей – отменил, и теперь за собольи шкурки можно было сместить любого вождя, сослать, разлучить с семьей, выпороть, засадить в казенку, где лет тридцать, а то и сорок назад сидели последние аманаты.

Плениснер не нашел поддержки ни в Иркутске, ни в Санкт-Петербурге. Сам же он, будучи начальником, отрешить Извекова от должности не мог – нужно было отменять указ Сената. Единственное, что удалось добиться полковнику – это восстановить утраченную было камчадалскую привилегию – назначение вождей вновь было предоставлено верховному тойону – по царскому указу это право принадлежало теперь тойону Бутину, и никто не имел права вмешиваться в его распоряжения. В подтверждение силы его полномочий Бутин был записан в сибирские дворяне.

Но Извекову, получившему негласную поддержку Сената, было теперь на все наплевать – он отказывается от рукоприкладства и переходит строго на линьки и кошки. Каждый день в Большерецке кого-то пороли – лишь тойона Бутина и священника Логинова не трогал командир, но смотрел на них зверем. Безропотный было большерецкий люд в конце концов потерял всякий страх – это была уже пороховая бочка, к которой стоило поднести лишь спичку. Дело оставалось за малым, и в Большерецке вспыхнул бунт, объединивший и камчадалов с казаками, и священника с отшатнувшейся паствой, и матросов с казенного судна, и простолюдина с чиновниками...

К удивлению всех, Извеков сдал власть миром. Но через несколько дней, когда все поуспокоилось, с компанией своих приверженцев напал на Большерецкую канцелярию, сверг нового начальника, расставил караулы, навел на площадь пушки и устроил пиршество, знаменуя победу.

В Большерецке набатом загремели церковные колокола. И снова по воле верховного тойона камчадалы стали в одни ряды с казаками и солдатами. Свергнутый начальник Камчатки поручик Рахвалов отдал приказ, и ринулись в едином порыве на штурм извековской канцелярии бунтари-россияне...

Разбежались караульные, как мыши по норам, молчали наведенные на толпу пушки... Грянули наземь выломанные дружным натиском двери канцелярии и испуганный Извеков «со товарищи» сдался на милость победителей и тотчас был отправлен на казенном судне в Охотск под караулом на следствие и суд...

Но недолгим было торжество в Большерецке. За год до бунта казак Тарабыкин завез на Камчатку черную оспу – она унесла здесь тысячи жизней русских и камчадалов. В 1769 году из-за недохода рыбы обрушился голод. Через несколько лет беда похуже: прибыл из Охотска начальник края полковник Козлов-Угренин для знакомства с владениями (на самом деле для грабежа и пьянства) и этой своей поездкой довел камчадалов до полной нищеты – один только его возок могли тащить от острога до острога не меньше двухсот собак. После него солдаты генерал-майора Сомова снова завезли на Камчатку оспу...

Запустела земля дальняя, некогда славная непокорными гордыми племенами камчадалскими и курильскими, обезлюдела. Встряхнулась еще окраина, напомнила миру о былой славе, когда вместе с солдатами, матросами и казаками сбрасывали камчадалы в Авачинскую бухту англо-французский десант.

Но прошли и те времена. И годами равнодушия и забвения обрушились на Камчатку оставшиеся полстолетия XIX века – сложенными воедино бедами всех прочих лет. Хлынули сюда со всех сторон купцы самых разных национальностей и гильдий, рыбопромышленники, китобойцы, золотоискатели, авантюристы всех мастей, все, кто желал воспользоваться возможностью безнаказанно пограбить заброшенную российскую окраину...

И не было дела правительству царскому ни до дикой и забытой Камчатки, ни до всей великой России-матушки...

ОПОЛЧЕНЦЫ

Лейтенант военно-морских сил Японии Гундзи знал, что делал. Свои мысли он высказывал достаточно откровенно, и они ни на йоту не расходились с имперскими замыслами Страны Восходящего Солнца – на многих официальных японских картах Камчатка была раскрашена точно в тот же цвет, что и острова благословенного микадо.

Гундзи желал войны. Осев в 1895 году на Шумшу и превратив остров сначала в пиратский центр, откуда каждую весну

лавина шхун и пароходов обрушивалась на камчатские побережья, чтоб перекрыть путь на нерест драгоценному лососю, а затем и в центр предстоящей военной агрессии на северо-востоке. Здесь рождались планы оккупации и отторжения полуострова от России, здесь Камчатка рассматривалась как военный трофей назревающей войны: кто же возразит против, если на материке и на океане Россия безнадежно слаба и понесет абсолютное и несомненное поражение.

Был ли повод для высадки военного десанта на безоружной Камчатке? Чего проще! Допустим, вот такой – на Камчатке в Явино и Голыгино живут подданные великого императора – курильцы, которых хитростью выманили с Симусю русские. Вот и хорошо, что они поселились на Камчатке. В таком случае высадка десанта – не что иное, как военная помощь своим соотечественникам.

Но согласятся ли сами курильцы признать отечеством Японию, а не Россию?

В ответ на это Гундзи всегда одинаково усмехался – криво и презрительно:

– Кто их об этом будет спрашивать... Мне глубоко безразлично, что думают об этом они сами. Главное, что об этом думают у нас, в Японии. И этого вполне достаточно.

...Разведчики проползли кочковатую, мокрую от дождя тундру и затаились среди зарослей шеломайника на ближней к устью реки Озерной сопочке. Вязкий туман чуть рассеялся, и они увидели впереди японский лагерь, расположенный рядом с рекой. Поодаль, на косе, ближе к разведчикам, стояли две пушки, возле них виднелись часовые. Две шхуны стояли в реке, третья – в море, недалеко от берега. В лагере было оживленно: там, видимо, встревожились из-за долгого отсутствия их командира Сечу Гундзи...

Иван Бутин, голыгинский староста, злорадно усмехнулся, вспомнив, как сцапали ополченцы япошку. Тот перебрел через речушку Итудиску и не заметил, что из шеломайника за ним наблюдают, стерегут каждый его шаг. И пискнуть не успел, как обняли бережно, прижали к земле и повязали камчатальские ополченцы своего «освободителя».

Перед командиром Максимом Ивановичем Сотниковым предстал он достаточно помятый, но бравый еще, с форсом. По-русски заговорил без переводчика:

– Я японский командир... буду вас сильно убивать и мучить... Мои солдаты будут всех стрелять...

Сотников его успокоил:

– Сначала мы их постреляем. Вот тебя искать пойдут, разделятся, мы и вдарим кому-нибудь из них в лоб. А ты вот лучше так же Bravo отвечай-ка на мои вопросы. Это ты, что-ли, в Явино написал и вывесил на столбе доску: «Смысло на этой тынь писанных слов: именно эта земля уже принадлежит Японии, поэтому кто того трогает этот тынь будет убиты. Командир японской войска Сечу Гундзи»?

Японец кивнул утвердительно.

– Ну, так тронь вон его, – Сотников указал на явинского Бутина, – это он его из земли выкорчевал.

– Я покорил эту землю, буду промышлять рыбу и управлять айну, – хлестнул Гундзи злобным взглядом по явинцу. Тот пренебрежительно сплюнул в ответ и врезал кулаком прямо посереде глаз японца.

Бутина оттащили, но он долго еще возбужденно выкрикивал:

– Дети наси безали из Явиной из-за них... Семнадцать дней в сопках бедовали... голодали... церес рецки перебирались... Цуть не погибли из-за иродов... Убить надо... Дайте приконцу его...

Явинский староста Дмитрий Игнатьев уговаривал родника:

– Ницего... Он узе беззубый, не укусит. А патроны береги, Бутин, скоро большая охота будет... Мы им всем за грабез в Явиной пулей заплатим...

Гундзи, который хорошо знал русский язык, прослужив несколько лет на Камчатке приказчиком, и бешенстве зашипел:

– Вы подданные японского императора и бежали с Симусю незаконно. Мы водворим вас всех назад и заставим работать на Японию.

Сотников на этот раз прикрикнул на Гундзи менее миролюбиво:

– Прищепи язычок, пока тебе его не отдавили. И слушай сюда, чтоб внести полную ясность в твою самурайскую голову, поясню официально. Все курильцы, живущие на Камчатке – подданные России, согласно договору 1875 года по размену Курильских островов и Южного Сахалина. Так что ты вриври, да не завирайся. Согласно договору, переселение с островов всех желающих – всех! – должно было происходить в течение трех лет, но они уже в 1875 году с Шумцу и Парамушира перебрались на Камчатку на байдарах. Остальных через два года доставил клипер «Абрек». Все курильцы поселены в Голыгино и Явиной. Так что они как были подданными государства российского и веры православной, так тому и верны остались.

И сейчас, самурай, они родину свою защищают, и никогда ты их «тыном» своим не покоришь... лучше, вон, юшку под носом вытри...

...Разведчики у Озерной увидели, как из японского лагеря вышел отряд. Сотников был прав – японцы разделились на две группы: одна оставалась на старом месте, другая – двинула к Итудиске. Теперь можно и самим уходить в верховья Итудиски, в сопки, где был ополченский штаб. Здесь сейчас ждали от них вестей голыгинские, большеерецкие, явинские камчадалы, русские рыбопромышленники и отставные младшие офицеры. Вскоре к ним присоединились и мильковские дружинники, пришедшие из долины реки Камчатки.

С объявлением войны между Россией и Японией сами жители Камчатки – на полуострове не было никаких воинских частей – создали народное ополчение – дружины, чтобы отразить ожидаемое нашествие давних своих врагов – японских хищников. И здесь, в верховьях этой маленькой речушки, обдумывали сейчас план боя курильцы, камчадалы и русские – все, для кого эта земля была неотъемлемой частью родины.

Сотников настаивал на том, чтобы решение о бое было общим. В протоколе записали: «Хотя наше вооружение и несравненно слабее, но пойдем, братцы, прикажем им сложить оружие, а нет – отомстим хищникам-японцам... Храбрым, братцы, бог владеет».

Семнадцатого июля 1904 года они спустились с верховий Итудиски и подошли к передовому японскому лагерю. Сначала отправили туда пленных японских солдат, которых поймали вместе с Гундзи, с ультиматумом о сдаче. Но японцы в ответ открыли огонь. Тогда ополченцы навалились на них со всех сторон, и к четырем часам утра японский отряд был полностью разгромлен. Пятеро ополченцев были ранены в бою, один – русский крестьянин Ксаверий Бируля – смертельно.

И это не был последний бой в тот год в районе Озерная – Большерецк. Продолжались они и в 1905 году. Все попытки японцев высадиться на камчатском побережье были отбиты: это была единственная победа в русско-японской войне.

Наиболее отличавшиеся в боях дружинники были награждены крестами и медалями. Георгиевскими кавалерами стали и курильцы – явинский и голыгинский старосты Дмитрий Игнатьев и Иван Бутин.

И о них, камчатских ополченцах, эти слова историка И. И. Огрызко: «Тот факт, что Камчатка по Портсмутскому договору осталась за Россией, является огромной заслугой самого населения полуострова, которое в грозный час войны взялось за оружие...»

ПОРАЖЕНИЕ

О том, чтобы завладеть богатствами Камчатки, японцы мечтали давно. И основания у них для того, вроде бы, были – ослабевало влияние России в тихоокеанском бассейне: проданы в 1867 году Соединенным Штатам Америки за 7 миллионов 200 тысяч долларов Аляска и Алеутские острова, сданы на двадцать лет в аренду американскому торговому дому «Гутчинсон Кооль и К» Командоры с котиковыми и бобровыми лежбищами... А в 1875 году произошел размен с Японией Южного Сахалина на Курильские острова. Теперь жадные руки самураев тянулись к Камчатке.

В 1906 году, после того, как народные ополченцы отстаивали полуостров, была подписана русско-японская рыболовная конвенция сроком на 12 лет. Японцы теперь получили право на

промысел камчатского лосося. В 1907 году они арендовали уже 74 участка на камчатском побережье, в 1918 году – 320, а в 1922 – 490...

Через подставных русских промышленников они проникали и в устья нерестовых камчатских рек, облавливая их так, что голод обрушивался на камчадалские поселения.

Уже в 1908 году японцы, промысляющие у берегов Камчатки, объединяются в союз «Рорио Суйсан Кумий». В 1914 году образовалось новое, более мощное, акционерное общество «Ничиро Гио Гио Кабусики Кайша», которое к 1921 году поглотило все более мелкие общества и союзы, монополизировав всю японскую рыбную промышленность на Камчатке. В этом же году учреждено и специальное отделение общества «Ничиро» – «Хокай Сейкай Сооко Кабусики Кайша», которое занималось производством консервов из камчатского лосося. В 1923 году на полуострове было уже 23 рыбоконсервных завода, 22 из которых принадлежали японцам или их ставленникам.

В 1919 году японцы, чувствуя себя полными хозяевами на полуострове, заключают торговую сделку с американской фирмой «Робинзон Фишерайс и К» на поставку камчатской трески и за короткий срок, начиная уже с 1920 года, приступили к эксплуатации 40 тресковых участков, не считая известной Явинской тресковой банки, где с 1860 года вели браконьерский промысел сами американцы.

На юге полуострова, на траверзе Явино и севернее, действовали краболовы. На островах Шумшу и Парамушир работало 14 крабоконсервных заводов. По данным самих японцев, восемьдесят процентов всех консервов из камчатского краба изготавливались ими на плавучих заводах, которых, в свою очередь, снабжали краболовы, ведущие хищнический промысел у самого побережья западной Камчатки, в русских территориальных водах.

Помешать им камчадалы были не в силах. В стране шла гражданская война, и японцы пользовались этим, как могли, навлекая для острастки на камчадалские берега стволы дальноточных морских орудий со своих крейсеров. А чтобы иметь

оперативную связь между берегом и своим военно-морским флотом, в наиболее важных промысловых районах установили японские радиостанции – в Усть-Камчатске, Мономахове, Усть-Большерецке, Явино...

Над жителями Камчатки нависла реальная угроза голодной смерти...

ПОБЕДА

Весть о том, что где-то на какой-то Камчатке можно за одно лето заработать огромные деньги в невиданные для дореволюционной России сроки, достигла запорожских краев. Почесали в затылке селяне:

– А дэ ж така?

– Нэ бачив... Кто ж ее знает...

Но подумали обществом-громадою и решили послать в те края на общественные деньги грамотного и пронырливого Алексея Потужного.

Через год пришла в Запорожье весточка: «Собирайтесь, мужики, озолотитесь. Приезжайте насовсем. Не пожалееете. Устроитесь у промышленника Грушецкого. Не прогадаете. Будем рыбу ловить. Ее здесь столько, что реки из берегов выходят. Ей-богу, не вру...»

Еще раз собрались обществом мужики. Снова заскорюзлыми пальцами чесали затылки, дергали вислые усы; тяжело, точно корчюя пни, выворачивали из себя слова. «И что думать – может, хрен редьки не слаще и за тысячу верст, так что сиди уж лучше дома, да перебивайся, как прежде, на заработках у мироедов-кулаков...» «А может, правду все-таки люди о той Камчатке говорят...»

Людская молва – она, как огонь в выстоявшейся ржи: чуть искра – и пламя уже небо буровит. А тут, видно, и вовсе добрая головня попалась – собрались все же мужики запорожские и через всю страну на край земли оттопали, на самый этот Дальний Восток, а летом 1910 года привезли их на пропахшем рыбой пароходике в устье западнокамчатской реки Озерной, и до глубокой осени ловили рыбу, солили сухим японским посо-

лом, штабелями под самое небо выкладывали. Тут же, на правом берегу реки, рыли землянки, готовились к зиме. Куда теперь отсюда рыпаться: запорожские халупы попродавать пришлось, чтоб до земли этой далекой хватило силушки добраться. Так и поселились на берегу реки Озерной семь первых украинских семей – Костенко, Бровченко, Шараяева, Могильного и три семьи Потужных.

Зима ударила по-камчатски обыкновенная. Для них же – страшная. Охотское море разгулялось не на шутку: того и гляди вспененные космы шторма накроют землянки. Ледяные ветры сковали голую землю. Тяжелые туманы вымораживали промозглой сыростью. А вскоре и пурги запели свою тоскливую до жути песню.

Но это полбеды – сопки были сплошь в кедраче, так что огня и тепла держать в землянках можно было вдосталь. Капало, правда, точно в дождь, но это мелочи...

Беда пришла, когда начали кончатся продукты. И если б не камчадалы из Явино, то вместо тех землянок осталось бы в Озерной семь семейных могилочек. Спасли явинцы запорожцев. А потом и промыслу дикого зверя обучили, как шкуру снимать, чтобы мездру не попортить, жир удалить, капкан поставить, медведя из берлоги поднять, рыбу в море поймать...

И к 1912 году, когда Камчатка, впервые за 200 лет, была открыта для свободного поселения, запорожцы стали уже опытными рыбаками и охотниками, сами стали камчадалами. А рядом, по рекам, появились новые русские села. Здесь же, на левой стороне реки Озерной, промышленник Грушецкий завод построил, вокруг него тоже свой поселок образовался – дали ему имя Унтербергеро в честь генерал-губернатора Приамурского края, которому Камчатка в те годы подчинялась.

Промышленники раззадорились на рыбу даровую – понаехало их сюда великое множество, большинство, конечно, на японские деньги орудовали – и рыбаков нанимали, японские снасти им выдавали, а соленую рыбу в Японию вывозили. Запорожцы отдавали свой улов на рыбоконсервный завод Грушецкого. А другие солили рыбу сухим посолом прямо на берегу моря, чтоб потом грузить на пароходы. Рядом с Озерной

три таких участка имел промышленник Люри. В Опале заводил промыслами Миронов. А в Кошегочике – Чюрюкин... Так что хозяев, как на Украине, скоро стало через край. На них все лето и надрывались без продыху. Ведь за рыбу и мауфактурой обеспечивали, и продуктами...

Ловили в реках. Море японцы занимали. Туда и не совались – и не умели, как они, и не на чем было в море выходить.

А тут революция в России, власть Советская, и побежало время с такой скоростью, что просто диву давались – и пяти лет не прошло, как последний белый убрался отсюда, а уж в устье реки Озерной отгрохали в 1928 году государственный рыбоконсервный завод. Поселок Унтербергерровский переименовали в Озерновский, а свое село Озерное запорожцы попросили переименовать в Запорожье. Их просьбу уважили.

По традиции, сложившейся в то, давнее уж, голодное время, ловили в Озерной рыбу для нового завода запорожцы и явинцы вместе. А в 1930 году создали совместный рыболовецкий колхоз «Красный труженик» и совсем породнились: центральная усадьба в Запорожье, отделение – в Явино, откуда постепенно начали переселяться в Запорожье, родниться кровью...

Росло и крепло Запорожье. С организацией колхоза появилась возможность и для выхода на промысел в море. Сначала с берега – японцы, согласно конвенции 1928 года, обязаны были обучить камчадалских рыбаков постановке морских неводов.

Невода эти в те годы, понятно, дрянь были – труха, а не невода. Вместо якорей привязывались мешки с песком. А те на Камчатке – драгоценность: ведь мешковина на одежду, порты и юбки шла. Дели на починку неводов – не сыскать. И тогда наконец вспомнили, как камчадалы в древности из крапивы нитки сучили, веревки вили и сети из них вязали – вот таким образом из безвыходного, казалось, положения выходили и готовились к путине. Но и это оказалось напрасным – ты колхозом двухкилометровый невод осилишь, а японцы перед ним свой в два раза длиннее выставят, перекроют рыбе ход и лишь только прорвавшаяся в реку рыбка в колхозные сети попадалась, а невода русские часто поначалу стояли пустые. Японцы

же гребли рыбу и посмеивались над тем, как по усам нашим течет наше же богатство, а попадает в чужой рот...

Умудрялись, конечно, и на неводах кое-что ловить, но море плохо еще кормило, да и, по правде говоря, сами еще не научились как следует ложку держать и потому мимо рта проносили.

Ничего, научились. А как разбогател колхоз – так начали и от берега отрываться, появились здесь и первые кавасаки – японские суденышки, их еще «деревяшками» называли, которые японцы согласно рыболовной конвенции на Камчатку за лосось доставляли. Старшиной одной из таких «деревяшек» был Николай Михайлович Бутин. Знатный колхозный мореход, впоследствии капитан одного из самых первых колхозных МРС-80 Камчатки – тех самых, что перегоняли в начале пятидесятых Северным морским путем. Но это было позже. Николай Михайлович славу свою уже в сороковых заработал: на ставном неводе в рунный ход лосося, а в остальное время – на треске. Ловили тогда на крючки и удача с ним не расставалась. Море он чувствовал как никто другой. Рыбу сквозь глубины видел. Брал там, где никто и никогда до него не брал. Проходил туда, где никто до него не был. Сдавал столько, сколько другие вместе.

И этот Бутин тоже был первопроходцем – одним из первых камчатских промысловиков, кем активный тихоокеанский промысел начат был, кто первые тропинки к знаменитым рыболовным банкам на тихоходах-кавасачках протаптывал.

А в соседнем колхозе, в селе Отрадном, подрастал в это время еще один капитан Бутин, Виталий Васильевич, внук того Ивана Бутина, который Камчатку в русско-японскую войну защищал.

Когда пришли в «Красный труженик» первые малые рыболовные сейнеры, про капитана Николая Михайловича Бутина легенды начали складывать. По гвалту чайческому, пятну сельдяному, запаху одному ему ведомому и по сотне других каких-то примет безошибочно, в любую погоду находил Бутин косяк и черпал селедку уловистым кошельком так ловко, точно сызмальства только этим и занимался. Рассказывают, шел на Ге-

роя. Сам Сагайдачный, земляк из Запорожья, будущий Герой Труда, от него отставал. Бутин тогда рекорды ставил. И сам же их побивал...

А погиб нелепо, но как и сотни мореходов – в море, при заходе в устье Озерной, опрокинуло их в шторм.

Виталий Васильевич, встав за штурвал малого рыболовного сейнера, продолжил их морскую династию и ходил в море еще много лет. До сих пор хранятся в семье грамоты тех лет – память о былых рыбацких победах. Работал он в Отрадном, а потом, когда слился их колхоз с «Красным тружеником» – в Запорожье, и их укрупненный колхоз все крепче и крепче становился на ноги, разрастался, накапливая силу для больших дел.

Теперь здесь уже сосредоточен целый флот малых рыболовных сейнеров. Детально изучен промысловый район. Озерновский рыбоконсервный завод ежегодно получает тысячи тонн лосося, сельди, камбалы, палтуса, трески, минтая...

И не нарушается старая традиция – все так же ходят в море Бутины – теперь уже Бутины-рыбаки – это сын Николая Михайловича Юра Бутин и племянник Володя.

ЭКИПАЖ МЯТЕЖНОГО ГАЛИОТА

...Зверобои роптали. Вот уже три года, как бот «Святой Михаил» стоял на берегу, а хозяин – тотемский купец Федос Холодилов – все чего-то медлил, все чего-то ждал. Промышленники, прибывшие в Охотский порт из Великого Устюга и Соликамска, Тобольска и Томска, задолжали купцу уже немало (и прогонные тут, и за пропитание немалые деньги скопились, за одежду-обувку...). Такие деньги и за три года на промысле морского бобра не скопишь.

Роптали не только прибывшие издалека – камчадалы тоже были недовольны: вернулись из одного вояжа, оставшись должниками, и вот – на тебе! – попались на удочку Холодилову, подписали бумагу, тот заплатил за них в Охотской канцелярии государев ясак, переписал на себя их долг и вот – жди теперь дожидайся, когда же Федос соблаговолит отправить их в Восточное море на Алеутские острова.

Ломали голову промышленники – что же держит в Охотске купца, когда за эти три года можно было привезти уже мехов на многие тысячи рублей, но так ни до чего и не додумались.

Только приказчик купеческий, Алексей Чулошников, тоже тотемец, обнажал в злой улыбке свои зубы, которыми он на спор перекусывал медные пятаки, крепкие и крупные, что лошадиные, и прорывалось затаенное:

– Ну, ужо попомнишь, Федос, Лисьи-то острова... Душегуб проклятый...

Поморы и сибиряки ничего не понимали из этих слов. Камчадалы догадывались – в начале шестидесятых годов, в зиму с 1762 на 1763 год, на Лисьих островах случилась беда – погибли экипажи четырех промысловых судов, около ста пятидесяти промышленников. Был слух, что в этой беде какое-то участие приняли и тотемцы. Верный слух или нет – сказать трудно. Из живых осталось всего тринадцать человек. Но самое странное было в том, что купец Федос Холодилов, один из самых удачливых во всем Охотско-Камчатском крае, состоявший в компании со знаменитым мореходом Андреем Толстым (он открыл Средние Алеутские или, как сейчас называют их, Андреяновские острова), вдруг после того бунта на Лисьих островах затаился, прекратил заниматься промыслами. Не совсем, правда, забросил, как выяснилось, – чего-то ждал, а лет через пять построил бот «Святой Михаил», но вот уже 1770 год завершается, а он все ждет и ждет чего-то... Уж не того ли, чтоб перерезали алеуты всех русских и остался бы он, Федос, единственным купцом на все эти бобровые острова?! И такое бывало здесь. Тот же Федос вместе с Андреем Толстым и патриархом здешних купцов Никифором Трапезниковым сумели втроем разорить первого камчатского промышленника, которому удалось поднять купцов со всей Руси на вояжи в Восточное море-океан для промыслов морского бобра, – Емельяна Софроновича Басова. Довели бедного до того, что он фальшивые деньги чеканить стал и за то на Нерчинскую каторгу угодил. А потом и Трапезникову «помог» Федос, если есть правда в том, что беда та на Лисьих островах не обошлась без Холодилова. Оно и понятно – здесь в тот год

было два трапезниковских судна и одно – соликамского купца Ивана Саввича Лапина, который бойко в те годы в гору шел. Трапезников разорился... А вот с Лапиным не все было ясно – на свою беду, не зная еще ничего о трагедии на тех островах, он послал туда еще два своих судна и вот до сей поры нет о них никаких вестей, и никто не знает – богат Иван Саввич или, может, уже нищ, как Басов и Трапезников... Вот и ждал Федос, чем же все это кончится... Лапин в конце концов не выдержал и ушел на казенном галиоте «Святой Петр» на Камчатку, чтобы там узнать хоть что-нибудь о судьбе своих людей и судов. Холодилов ходил довольный, но когда его промышленники спрашивали:

– Хозяин, ну сколько нам еще без дела быть?.. – Федос свирепо тарачил круглые свои, похожие на те пятаки, которые разгрызал Чулошников, глаза:

– Может, кто из вас в казенку захотел...

К зиме народ поуспокоился – ясно было, что теперь ждать уже до новой весны, когда прекратятся шторма да разобьет лед в Охотском море. Но не тут-то было – сразу после Рождества Христова Холодилова как вдарило – готовь бот к вояжу морскому.

А дело было просто: по самой осени пришел в Охотск, наконец, один из ботов лапинских с богатой добычей. Холодилова в тот момент не было – отлучился по делам в Якутск. Лапинцы же разгрузились, набрали продуктов и снова в море подались. Вот и примчал Холодилов, прознав про все это, и загомонил: собирайся, собирайся, собирайся...

Рты пораскрыли от изумления, но споро взялись за дело: намаялись от скуки-то. К концу января бот был оснащен и спущен на воду.

Жители Охотска в недоумении разводили руками: «Вы что – в своем ли уме или нет – кто же в это время выходит в море на верную смерть?..»

Чулошников мрачно щерил свои лошадиные зубы:

– Ну, Федос, душегуб, ждут тебя в преисподней с чертовой сковородкой...

Только камчадалы спокойно воспринимали происходящее –

они повидали уже всякого в вояжах морских, тонули, голодали, отбивали нападение алеутов – смерти не боялись. Да и не в обычаях это у камчадалов – бояться смерти.

Но поморы встревожились и зароптали. К ним присоединились и сибиряки, хотя они и не представляли всей опасности зимнего вояжа по Охотскому морю. Ропот промышленников не прекратился даже тогда, когда сам Холодилов рывкнул на зверобоев:

– Кто рот не закроет – того в казенку и за бунт – на Нерчинские рудники...

Но Охотское море, которое бушевало под боком, было сейчас пострашнее Нерчинской каторги, и потомки свободных новгородцев позволили себе сейчас пройти по ненавистному Федосу. Тот, видя, что его окрики не действуют, молча ждал, когда они образумятся. Он выискивал своими глазищами зачинщиков. Но говорили все – возбужденно, яростно, гневно:

– Ты бы сам шел с нами, – бросил, наконец, кто-то должное.

Холодилов сверкнул глазами. Все затихли, ожидая – что он на это скажет.

– Все. Кончили. Иду с вами.

После этого сказать было уже нечего. Стали молча готовиться к плаванию. И «Михаил» справился со штормом: скрипел, дрожал, грозя рассыпаться, кряхтел, трещал, стонал, даже визжал, как живое существо, но до Камчатки дошел. Беда, а может быть, счастье, – тогда толком никто не понял – случилась уже у реки Явиной – на юге Камчатки, когда шли вдоль ее западного берега и готовились бороться со страшными Курильскими переливами. Внезапно налетел снежный вихрь, вздыбил море, точно горячего жеребца: он и махнул своей огромной гривой с запутавшейся махонькой букашечкой – «Михаилом», и вышвырнул бот на камчатский берег в доброй сотне верст от камчатской столицы – Большерецкого острога, где можно было устроиться на зимовку. Мела пурга, злобно завывая, как голодный волк, ветер драл остатки парусины, в которую завернулись было промышленники, чтобы, отойдя от «Михаила» в безопасное место, переждать непогоду. А она

снова обезумела: и день выла, и второй – хлестала снегом, и третий – снег смешался с дождем. Иззябшие, до костей промокшие люди готовы были от отчаянья покончить с собой в своих снежных норах. Если бы не камчадалы. В своих камлейках из сивучиных кишок, непромокаемых и непродуваемых ветром, они раскопали где-то под снегом плавник – дрова, больше похожие на кости неведомых зверей, нежели на поленья: так они были обкатаны, затерты морем и просолены. Развели огонь. Потом камчадалы сходили на «Михаил» и принесли юколы – сухой несоленой лососины. Затем они вытащили из нор обессиленных промышленников – тех, кто уже не мог самостоятельно доползти до живительного тепла. И хотя по-прежнему выла пурга, настроение у людей было уже совсем другое.

Чулошников вдруг дико захохотал. Все испуганно оглянулись на него:

– Не спятил, не бойтесь, – хохотал тот, – знаешь, Федос, а ведь ты нам больше не хозяин. «Михаил» разбит штормом и по договору мы тебе ничего больше не должны, и ты нас больше знать – не знаешь. Куда хотим – туда идем. Хотим – домой. Нет – к другому купцу в наем...

– Ну, уж на – выкуси, – завернул Холодилов Чулошникову здоровенную фигу. – И вы все – тоже выкусите, – помахал он фигурой перед носом промышленников, которые с интересом обсуждали услышанное. – «Михаил» не разбит. Его чуть только подремонтировать и можно дальше идти. Так что с завтрашнего дня и начинайте. Нечего прохлаждаться...

– Ты нам фиги под нос не суй, – перебил его Чулошников, – завтра, если погода будет, а пурга – по всему видать – на убыль пошла, уйдем берегом в Большерецкий острог. По договору мы тебе больше не работники. В Большерецкой канцелярии и разочтемся. С нас долги по закону спишут. Вот только с камчадалами разберешься за ясак. Таковы условия, Федос, и тебе придется их выполнять.

Холодилов угрюмо оглядел промышленников. Те зло глядели ему прямо в глаза, не боясь, не опуская своих глаз, прожигая насквозь своей ненавистью... Такие и убить могут...

– Ну, хорошо... Пойдем в Большерецк. Там разберемся...

Наутро кое-как закрепили «Михаил», чтобы не стащило волной и пошли по прибойной полосе, по ледяным глыбам, которые в солнечных лучах – сейчас солнце заливало все окрест и океан блаженно жмурился – горели ослепительными синими огнями; по колено, а то и по пояс, в снегу, покрытом сверху толстой, но слабой корочкой льда, которая проваливалась под ногами, рвала обувь и лопотинку – одежду, так что пришли в устье реки Большой в Чекавинскую гавань, где стояли на зимовке казенные галиоты «Святой Петр» и «Святая Екатерина», а также промысловый бот «Петр и Павел», на котором находились холодиловские приказчики Арсений Кузнецов и Степан Торговкин, разутые и полураздетые.

В Большерецке еще встреча – с тотемцами Дмитрием Брагиным, Степаном Корелиным и Григорием Шавыриным, теми самыми, что живыми вырвались с Лисьих островов в 1763 году. Передовщиком на «Петре и Павле» был Иван Коровин – лучший друг Торговкина и Кузнецова. Так что Холодилов снова обретал силу. Да и власть: командир Камчатки Григорий Нилов безо всякого дал ему в долг пять тысяч рублей казенных денег на ремонт бота. Когда же промышленники во главе с Чулошниковым возроптали на несправедливость и нарушение условий договора, Нилов посадил зачинщиков в казенку, а Холодилов прогнал Чулошникова из приказчиков, назначил на его место Степана Торговкина.

Промышленники были озадачены таким поворотом событий. Холодилов не без умысла набрал на «Михаила» в свое время только тех, кто шел на Алеутские острова (не считая камчадалов и приказчика) впервые. По собственному опыту он знал, что такие обычно поглупее и пожаднее. Это уж потом, когда жизнь там, на дальних островах, отхлещет их за эту свою глупость и жадность, они станут другими, а первое время – только помани деньгами и пойдут хоть на край света. Но, видать, передержал своих промышленников в Охотске купец – они начали показывать свои зубы. Хотел, как свору собак, спустить их на Алеутские богатства, чтобы привезли назад столько, сколько другие и во сне не видели, а эта-то «свора» теперь на него самого и «лает»...

Но ничего, сейчас, когда у власти Торговкин, они хвост свой прижмут и пойдут – куда велено было. Камчадалы – мореходы опытные, те не взропщут: они куплены своим долгом со всеми их потрохами... Чулошников – он хоть от Андреяна Толстых всяких вольностей и глупостей набрался и о долге с совестью заговорил, как и Андреян, когда его угрызения совести за Басова стали мучать, пойдет все же простым промышленником – уж больно он толковый передовщик, а Торговкин сам посмотрит, как его лучше будет использовать на промыслах.

Вот так примерно рассуждал Холодилов, чувствуя, что синица уже у него в руке. Но, увы, он не знал главного.

А главным было то, что в 1770 году галиот «Святой Петр» доставил на Камчатку группу ссыльных, среди которых был и польский конфедерат Август Мориц Беньевский или Бейпоск, как его называли в Большерецком остроге. И к тому времени, когда Холодилов с промышленниками прибыл в острог, Беньевский возглавил заговор, целью которого было бегство с Камчатки части русских политических ссыльных и моряков с казенных галиотов. Они думали бежать на морской байдаре через Курильские острова в Японию, где вели торговлю голландские купцы, а оттуда уже, с помощью этих купцов, попасть в Европу... И вот тут-то с приходом в Большерецк промышленников с «Михаила» Беньевскому приходит в голову мысль бежать на промысловом боте.

Беньевский тут же познакомился с промышленниками, стал на их сторону, завоевав симпатии простых бесхитростных людей, и затянул их в свой заговор, предлагая пойти на «Михаиле» на поиски Земли Штеллера, расположенной где-то на юго-востоке от Камчатки, о которой на полуострове ходили самые невероятные слухи: представлялись просто сказочные богатства, так как, по мнению Георга Стеллера – Штеллера, сюда на зимовку собирались все пушные звери Восточного океана.

От промышленников в ответ на это предложение требовалось немного – на обратном пути от Земли Штеллера завезти Бейпоска с товарищами в Японию или Китай, где, кстати, и сами промышленники могут весьма выгодно продать свою пушнину и вернуться домой богачами.

Бейпоск ставил на ту же карту, что и Холодилов – глупость и жадность. И выиграл – ведь Бейпоску промышленники еще ничего не были должны и потому он казался им менее опасным (а потому и более своим), нежели Федос.

А тут еще одна беда. Камчадал Сидор Красильников заявил Холодилову, что и он поддерживает промышленников и считает, что тоже ничего не должен купцу, так как «Михаил» разбило не по его, Красильникова, воле, а потому, что так было угодно господу богу. Вот с господа бога он, Федос Холодилов, пусть и спрашивает долг за него, камчадала Сидора Красильникова.

Холодилов, выпучившись как рыба, поглотал-поглотал воздух, а потом глаза его налились кровью и, схватившись рукой за горло, повалился купец навзничь. Федоса хватил удар. Не ожидал он такого сопротивления от бессловесных камчадалов, безропотных и покорных, которые трудились на промысле за двоих, а то и за троих русских промышленников, получая за все свои труды полпая – половинный заработок самого непутевого зверобоя.

Сидора – тут же в казенку. А остальным промышленникам приказчик Торговкин заявил следующее:

– Теперь вы все пойдете под суд как убийцы... И гнить вам на каторге, кандальники...

После этого терять и тем более было нечего – так в море пойдешь под долги неоткупные, а с Бейпоском – самому богатым стать...

Но скоро снова пришлось приунуть: штурман Максим Чурин, офицер флота и командир галиота «Святой Петр», осмотрел по просьбе Бенъевского бот и пришел к выводу, что он не выдержит долгого плавания. Следовательно, этот вариант побега отпадал.

Оставалось, в таком случае, единственное – захватить один из казенных галиотов и бежать на нем. Но это, понятно, уже не промысловый вояж к Земле Штеллера, а дело политическое – захват казенного судна и бегство в заморские страны. Тут уже не каторгой все обернется в случае неудачи, а плахой. И вот тогда, чтобы обмануть промышленников, окончательно

заморочить им голову и заставить поверить в новую сказку, Бенъевский выставляет себя в роли страдальца за дело царевича Павла Петровича, мать которого, императрица Екатерина Вторая, незаконно заняв царский престол, правит страной, а сын, человек благородный и радеющий душой за свой народ, лишен ею власти. Он хочет жениться на дочери великого римского (австрийского) императора, жениться тайно, и вот письмо к ней (тут Бенъевский показывал всем запечатанный бархатный конверт, каких, естественно, никто из этих мужиков-промышленников никогда не видел) вез Бейпоск, за что был арестован и выслан на Камчатку.

– Виват императору Павлу, – кричал он, вытягиваясь при этом по стойке «смирно», и промышленники все дружнее и дружнее (оболванивание шло не один день) отзывались на этот клич, припоминая при этом все новые и новые свои обиды от этой правящей страной немки и ее фаворитов. Что, в общем-то, и требовалось Бейпоску.

И, когда за императора Павла были уже все из сибиряков и поморов, он и раскрыл им свои карты – захватить галиот и уйти на нем в море, на поиски Земли Штеллера.

Воодушевленные своей сопричастностью к делу государственной важности, промышленники были согласны на все.

Но тут-то, при распределении обязанностей, выяснилось, что опытных мореходов среди них почти не было, кроме разве Алексея Чулошникова, который начинал ходить в море еще с Андреем Толстым полтора десятка лет назад.

Опытными мореходами на «Михаиле» были только иностранцы-камчадалы – Яков Кузнецов, Ефрем Трапезников, Сидор Красильников, Прокопий Попов, Мартын Воронов и козяк Егор Брехов.

Но никто из них не помышлял бежать с Камчатки. Царевич Павел со своей матерью Екатериной были для них столь же нереальны и непонятны, как и Господь Бог. Земля Штеллера не представляла никакой ценности, ибо в море камчадалы ходили не по своей воле, желанию или прихоти – шли батрачить, отрабатывать долги, их посылали насильно, отрывая от семьи, по приказу камчатских начальников, которые получа-

ли за эту даровую рабочую силу крупные взятки от купцов – людей свободных на Камчатке было мало, промышленников собирали по всей Сибири и Северной, свободной от крепостного права, России за тысячи верст до Восточного океана и за большие деньги, а камчадал шел вполнены, хотя мореходами они были отменными, имея врожденное чутье для морских походов...

Поэтому нужно было чем-то привлечь этих людей к заговору, и вот тут-то Беньевского и осенило – а что, если рассказать камчадалам о существовании островов Справедливости, где живет легко и счастливо всем, где не властвуют над человеком дикие законы и не владычествуют отцы-командиры – пьяницы и изверги, не грабят купцы, не обворовывают канцеляристы, не притесняют казаки, не злобствуют свои же собственные вожди-тойоны, а царят и правят всем мир и справедливость... Это Беньевскому было легко сочинять – в свое время он читал «Город Солнца» Томмазо Кампанелла, а город этот великий утопист расположил на реально существующем острове Тапробане, как в старину называли Цейлон. Камчадалы слушали, затаив дыхание. И когда Беньевский закончил свой рассказ, камчадал Яков Кузнецов сказал:

– Однако, правду говорит Бейпоск. Мой отец – вождь Камак – рассказывал мне об острове, на котором побывал Алексей Лазуков. Наверное, это тот самый остров. Там люди живут как братья – одной семьей. Давайте найдем этот остров в море и перевезем туда всех наших родников, затуторим (спрячем) их там и будем жить сами по себе.

– А есть еще испанские колонии, – добавил Бейпоск, – там можно будет взять большой фрегат и вернуться за остальными. На галиоте подойдем к берегу, возьмем тех, кто захочет отправиться с нами, и погрузим всех на фрегат. Но прежде нужно отыскать эти острова. Пойдете их искать? – осторожно спросил Беньевский.

– Пойдем! – решительно ответили камчадалы, и Бейпоск вздохнул с облегчением.

Дело оставалось в малом – захватить власть в Большерецком остроге, оснастить галиот и уйти в море.

Оружие заговорщики привезли с собой еще из Охотска. Большерецкие казаки в это время все были в разъездах по Камчатке. Маленький гарнизон Большерецка не представлял серьезной силы. Командир Камчатки пил беспробудно. И потому заговорщики в одну ночь захватили Большерецк, убили Нилова, разоружили жителей. Чудом спаслись от расправы Торговкин, Кузнецов и Коровин. Это произошло 27 апреля 1771 года.

А 11 мая, прорубив во льду проход для галиота к устью реки Большой до чистой воды, галиот «Святой Петр» был выведен в море.

Но к этому дню надежды многих из членов экипажа мятежного галиота померкли. О какой справедливости можно было теперь говорить, если на борту галиота было два раба: ссыльный Петр Хрущев – первый помощник Бейпоска – вывозил, якобы за долги, семью камчадалов Паранчиных, Алексея и Лукерью. Но Бенъевский знал свое дело – чтобы отрезать все пути к отступлению, он заблаговременно приказал всем бунтовщикам сначала присягнуть царевичу Павлу, а потом подписать «Объявление» – политическое обвинение Екатерине. Так что отступать теперь было некуда.

И ушли в тот год с Камчатки на поиски островов Справедливости для своих земляков камчадалы Яков Кузнецов, Ефрем Трапезников, Мартын Воронов, Сидор Красильников, Прокопий Попов, коряк Егор Брехов. Юнгами пошли на «Святом Петре» недоросли Иван Попов – из камчатских крестьян, Иван Логинов – сын большерецкого священника, алеут Захар Попов. Некоторые из членов мятежного галиота покидали Камчатку вместе с женами: с бывшим матросом из ссыльных Алексеем Андреяновым в дальний путь отправилась камчадалка Агафья Егоровна, с казаком Иваном Рюминым – «корякской породы» Любовь Саввична.

Насильно увозили на чужбину Паранчиных...

На Симушире, где остановились, чтобы засушить сухарей на дорогу, штурманские ученики Герасим Измайлов и Филипп Зябликов, взятые на судно заложниками, организовали вместе с Паранчиным заговор против Бенъевского. К ним примкнуло

еще десять человек – промышленники, моряки и камчадалы. Цель была проста: воспользовавшись тем, что основная часть экипажа занята на берегу выпечкой хлеба и сушкой сухарей, тайно проникнуть на галиот (благо, что караула никто не ставил), обрубить якорные канаты и увести судно назад на Камчатку, откуда вернуться уже с казаками и захватить всех беглецов. Матрос Андреянов узнал о заговоре и донес Бейпоску. Тот распорядился высечь зачинщиков кошками и оставить Измайлова с Паранчиным на необитаемом острове. Остальные заговорщики винулись перед предводителем и были оставлены на галиоте. Но это не было концом разыгравшейся трагедии – только лишь первым из ее актов...

...Позади оставались Курильские и Японские острова. Подходили к прекрасному острову Формозе, как в те времена называли остров Тайвань. Островитяне приняли русских за морских пиратов и обстреляли их из луков. Погибли трое – в их числе Иван Логинов и Иван Попов – юнги-камчадалы. Так и не нашли они счастливых земель для своих земляков. Бенъевский приказал обстрелять поселение островитян из корабельной артиллерии и спалить его дотла. Приказ был выполнен.

А в Макао, португальском порту в Китае, Бейпоск продал губернатору галиот со всем его снаряжением – он больше не хотел рисковать и идти дальше на маленьком галиоте, а зафрахтовал два французских фрегата, которые должны были доставить в Европу как самого Бенъевского, так и всю его команду, на которую там, в Европе, был у него особый расчет. Тогда взбунтовался весь экипаж бывшего уже мятежного галиота – ведь теперь становилось ясно, что и вояж, и бунт, и убийство Нилова, и захват судна, и суд над Паранчиным и Измайловым, и судилище на Формозе были бессмысленными в их поиске справедливости на этой земле, поиска мира и счастья. Не было пути и назад – ведь Бейпоск продал галиот.

Но Бенъевский быстро привел в чувство бунтовщиков и, совершенствуя методику купца Холодилова, посадил их всех в тюрьму, сообщив губернатору, что его команда готовится ограбить Макао.

И снова смирился мятежный экипаж. Правда, не все – но

тех уже нельзя было ни напугать, ни уговорить, ни купить – они умерли в Макао от тоски и горя, от тягот плавания и крушения надежд. Среди них были Мартын Воронов и Захар Попов.

В начале 1772 года на двух французских судах русские отравились в Европу. Они не знали, зачем еще понадобились Бейпоску, который мог просто-напросто их бросить в Китае. Но знали, что зря он их не повез бы – что-то задумал. Томила тоска по дому и неизвестность. Люди таяли, как восковые свечи. На острове Иль де Франс (Маврикий) в «Мориции» были оставлены в госпитале тяжелобольные Яков Кузнецов и Сидор Красильников.

Ефрем Трапезников умер уже во Франции в Лурианском госпитале.

В живых из наших героев осталось четверо – коряк Егор Брехов, камчадал Прокопий Попов и жены Рюмина и Андреянова.

Во Франции Бенъевский раскрыл свои замыслы: он намеревался предложить королю Франции план захвата для него Формозы и превратить остров во французскую колонию. Колонизаторами же, по замыслу Бенъевского, должны были стать русские, которым терять теперь было уже нечего. Вот каким боком выходили им теперь те острова Справедливости и Счастья, за которыми отправлялись в тот путь. Вот что понимал под всем этим в действительности их предводитель – бывший ссыльный конфедерат, некогда сражавшийся за Польскую Республику, а сейчас с тем же энтузиазмом готовый служить французской короне.

Семнадцать русских категорически отвергли предложенные им бывшим предводителем «рай и счастье» колонизаторов и пошли пешком в Париж, чтобы просить русского посланника во Франции Н. Хотинского о возвращении в Россию. Среди этих семнадцати было и трое наших героев. Лишь жена Алексея Андреянова отправилась вместе с мужем вслед за Бенъевским превращать во французскую колонию не далекий остров Формозу, а более ближний Мадагаскар. Вместе с Бенъевским отправились на Мадагаскар и те из русских, кто не надеялся

на прощение императрицы – оставшиеся в живых бывшие ссыльные и промышленники, участвовавшие в убийстве командира Камчатки. Их было примерно поровну – тех, кто возвращался домой, и тех, кто навсегда простался с родиной.

Екатерина разрешила беглецам вернуться в Россию – это было в ее интересах: как можно меньше оставить свидетелей Большерецкого бунта за границей, где о Беньевском и камчатских событиях и так много писали газеты самых разных стран. Все, кто вернулся, скоро снова были за Уралом – в Тобольске, Иркутске, Охотске, Большерецке – подальше от российских центров – с клятвой сохранить при жизни подробности бунта, а особенно – «Объявления».

Поэтому-то и узнали в нашей стране о Большерецком бунте и бегстве с Камчатки только из французских, английских, немецких изданий, мемуаров самого Беньевского, который насочинял в своем «Вояже» таких приключений и расписал в тех книгах такие подвиги, что слава о нем и по сей день еще широко гуляет по всему миру.

Лишь через пятьдесят лет, в 1822 году, в России – в журнале «Северный архив» – были опубликованы «Записки канцеляриста Рюмина». Только тогда широкая публика смогла, хотя бы в общих чертах, сравнить эти два произведения и сделать выводы. Но было поздно: слава нашла «своего героя» и существовала уже как бы сама по себе. О подвигах Беньевского создавали романы, поэмы, пьесы... Его боготворили и боготворят, любили и любят, гордились и гордятся, а потому легко прощали и прощают ему все – даже загубленные человеческие судьбы, ценой которых он приобрел для себя свободу и славу, которые стали фундаментом его пьедестала.

Его мы прощаем. И в угоду сложившемуся в нашем сознании стереотипу даже не задумываемся о том, какие великие силы сострадания к бедам своего народа, какие глубокие чувства любви и сыновней преданности были во многих из тех бунтарей, кто шел вслед за Беньевским, чтобы найти для своих закабаленных и униженных братьев и сестер Острова человеческой справедливости и человеческого же счастья...

...Я не знаю, из каких камчадальских острожков были

Красильников, Трапезников, Попов. Но эти фамилии на Камчатке достаточно распространенные – очень много Трапезниковых живет на западной Камчатке. Вот хотя бы Георгий Каллистович – один из самых первых советских «купцов» – доверенный «Интегралсоюза», когда только-только создавалась на полуострове потребительская кооперация. Позже он возглавит колхоз «Пионер Запада». Тоже символическое название – первый колхоз на западной Камчатке, в сегодняшнем Соболево.

У истоков новой жизни, в роли преобразователя камчатской глубинки, был и другой родник бунтарей-камчадалов, Максим Красильников – один из реально существовавших героев романа камчатского писателя Георгия Германовича Поротова «На околице Руси» – первый коммунист-ительмен в долине реки Камчатки.

Много интересного можно рассказать и о Поповых, тем более, что в экипаже галиота «Святой Петр» был крестьянин Иван Попов – из числа тех, кого насильно пригнали на Камчатку, чтобы выращивать здесь свой хлеб; камчадал Прокопий Попов и алеут Захар Попов. Поповых на Камчатке много, а в 1825 году были поселены алеуты на Командорских островах. Так и на острове Медном появились Поповы. Не важно – родственники или однофамильцы были они с Захаром.

Через сто с лишним лет отправилась с острова Медного искать свой остров счастья и алеутка Дуся Попова. Служила кухаркой и нянькой в богатой семье какого-то служащего Петропавловского порта на Камчатке. А когда на полуострове была установлена Советская власть, комсомолка Евдокия Попова вернулась на Командоры. Они и стали ее островами счастья. Комсомольская, партийная работа... заведующая школой-интернатом... председатель Алеутского райисполкома. Позже она заведует народным музеем.

О Якове Кузнецове известно, что он был из Камак – маленького поселка в долине реки Камчатки, от которого осталось сегодня разве что только название, полученное в старину в память о вожде Камаке, таком же бунтаре, как и Яков.

Многие из камаковских Кузнецовых и сейчас живут в Усть-Камчатске, Ключах, Козыревске, Петропавловске... Последни-

ми жителями Камак были смотритель телефонной линии Василий Терентьевич Медведев и его жена Галина Константиновна, девичья фамилия которой тоже была Кузнецова. У Василия Терентьевича была самая рядовая профессия – линейщик. Ни песен о ней не поют, ни стихов не слагают... А он отдал этой линии всю свою жизнь. Строил он ее, таскал на плечах бревна, так как на крутых склонах сопок, которые в знаменитых Щеках вплотную притиснуты в реке Камчатке, ни с какой техникой не подлезешь, да никакой техники и не было. А после он обслуживал эту линию. Не один десяток лет. Камаки и Медведев были неразрывны между собой. И люди, уже после смерти старого линейщика, дали его имя речному мысу, с которого открываются Камаки судам, спускающимся вниз по течению – к океану. И Медведев по-прежнему встречает гостей в течение всей навигации. Из года в год. Потому что он по-прежнему нужен людям. Потому что и в прошлой, и в сегодняшней нашей жизни главное богатство – это человек.

ПРОСВЕТИТЕЛИ

1.

Выбор Петр Логинов сделал уже в первый день своего появления в Славяно-греко-латинской Академии. Именно в тот день здесь и столкнула его судьба с человеком, который остался в памяти навсегда.

Петруша поднимался тогда по лестнице, дивясь на благолепие Академии – он ничего больше не видел вокруг, оглохший и ослепший разом от такой божественной красоты, и... влетел головой в живот какого-то верзила, спускавшегося по лестнице ему навстречу. Тот ахнул, судорожно схватил посинелыми губами несколько глотков воздуха и выпученными от напряжения и боли глазами уставился, готовый испепелить, на перепуганного мальчонку. Кто был этот верзила, мы не знаем, но знаем, что он мог быть Ломоносовым. Мог быть, и тогда понятно – почему, так многое в жизни Логинова – Логинова-юнца и Логинова-старца – было связано с просветительскими

принципами, которые проповедовал в России именно Ломоносов и проповедовал тогда, когда наш герой был уже на Камчатке, на дальней окраине, оторванной от научной, культурной и просветительской мысли. Хотя, конечно, мог встретиться Петруше в тот день и кто-то другой. Мы на этом не настаиваем. Но не очень погрешим против истины, если позволим сейчас Петруше познакомиться с великим сыном России.

– Ты чего это дерешься?– сурово спросил верзила, переводя дыхание. Но увидев, как и без того уже перепуган мальчуган, улыбнулся, – Что, шибко лоб набил? То-то перепугался, воробей... Учиться, что ли, здесь будешь?

– Да, – еле шевеля губами от страха, прошептал Логинов, все еще ожидая трепки.

– А чей таков?

– Священника Михаила Романова Логинова, Новгородского уезда Илаго погоста, Богородско-Казанской церкви, отрок, – отбарабанил Петруша на одном дыхании.

– Тоже небось попом хочешь стать?

Логинов кивнул головой, почему-то конфузясь от насмешливого взгляда сверху.

– А зачем?

И снова в ответ заученная барабанная дробь:

– Чтоб слово Божие проповедовать... Очищать души от скверны... Истину перед людьми открывать...

– Истину!? Эк ты хватил! Это уже, брат, не поповская забава. Вот когда книжки умные выучишься читать, то вспомни про дядю Спинозу. Цель философии есть только истина – говорил сей великий муж. Философии, ты слышишь!? А вера – только повиновение и благочестие.

И запомни, на носу заруби: все несчастья на Руси от невежества поповского... И ты не только душу человеческую очищай, когда подрастешь, но и про голову тоже не забудь, а в ней вся соль, Петр Михайлов сын Логинов...

Лишь просвещая темный люд, можно и душу его облагородить. А в темноте и невежестве не только у человека, но даже у великого государства будущего доброго быть не может – кнуты и застенки вместо великих подвигов, всероссийской и

мировой славы... Потому не бойся, – снова улыбнулся он Логинову, – учись, отрок. А молитвами ты до нее никогда не доберешься. И не шучу я – ты уж мне поверь! И голову свою береги, отрок, не шибко рот разевай. Ну, прощевай!

И он ушел. Больше они не виделись. Если это действительно был Ломоносов, то и не удивительно – в тот год его перевели в Петербургскую Академию, а потом послали учиться за границу к известным ученым. Разминулись и не сошлись больше пути их, но слова те случайные запали в душу с тех пор так крепко, как молитва матери, которую она читала над его младенческой колыбелью.

И сейчас, слушая архимандрита Иоасафа Хотунцевского, который со страстным призывом идти за ним в Камчатку обратился к студентам старших классов Академии, Логинов – выпускник класса «Синтаксисы» – понял, что этот свой сегодняшней выбор он сделал уже тогда, когда случайная встреча, случайное знакомство оказались поворотными в его судьбе.

– Дикостью обуюнное племя камчадальское зло творит на земле той! Вожди присягу на верность принесли государю-императору еще в поход Володимера Отласова в Камчатку в одна тысяча шестьсот девяносто седьмом году от рождения Христова, а уже через десять лет после этого сожгли гарнизон Большерецкого острога прямо в крепости. Дотла спалили. Не успели отстроить новый, как и его предали огню инородцы. И безвинно льется в Камчатке кровь русская. Лютая вражда посеяна меж тех народов: бьются они не на живот, а насмерть меж собою, бьются беспричинно и жестоко. И давая клятву верности, выдавая аманатов-заложников, темной ночью вырезают казачьи отряды или сжигают казаков заживо в собственных жилищах...

И все потому, что слово Божие не доходит до тех инородцев: толковали его прежде грубые люди – и отступились от них даже те, кто поверил и внял им поначалу... Архимандрит Мартиниан заставлял ново крещеных на себя работать, превратил в холопьев своих, за что они его сами и смерти предали... Монах Игнатий, в миру известный душегуб Иван Козыревский, убийца приказчика Отласова и других, грабитель и

вор, на ком и монашья ряса от крови не просыхала, хоть и основал у Нижнего острога Успенскую пустынь, но к божьей проповеди склонности и дара сердешного не имел, за что и был расстрижен и приговорен к казни...

Иеромонах Иоасаф Лазарев смог простить инородцам смерть сына своего и отпустить грехи убийце его Федьке Харчину перед виселицей, но потерял сам в отеческом горе великом силу свою и в дряхлости древней век свой доживает у могилки чада любимого... А в Камчатке отвернулись от веры Христовой даже ново крещенные камчадалы – кровью мажут идолищам своим губы, бросают в жертву языческим божкам кости и кишки звериные, сеют вражду между родами своими с русскими казаками и идут на сговор с не крещеными коряками и чукчами, готовя новый бунт... И жаждут они снова русской крови в дикости своей, в безудержности и страсти греховной...

И нужно остановить этих безумцев от гибели! Но только душа чистая, светлая, ласковая может просветить ум инородческий и просветить помыслы его... А самые лучшие, самые чистые из вас призваны будут господом нашим послужить ему в той далекой и дикой стране – в Камчатке!

2.

Хотунцевский лгал. Он создавал себе ореол мученика в вере, чтобы получить потом со всего этого все до последнего гроша – епископство, а то и поболее – митрополию... Иллюзий на этот счет он не питал – знал, что пойдет на все, чтобы в два-три года крестить поголовно всех камчадалов... И их мнимое злодейство было надежным щитом, чтобы прикрыть впоследствии все то, на что готов был пойти архимандрит ради своей, пока далекой, но очень желанной цели. Совесть его тоже не мучила – авторитетов по злодейству во имя веры было предостаточно – митрополит Ион в свое время огнем и мечом крестил вятичей, митрополит Филофей Лещинский благословлял на сей подвиг сибирских миссионеров, а из них более всех преуспел нынешний иркутский архиепископ Сафроний, благословивший, в свою очередь, архимандрита Иоасафа Хотунцевского...

Но с ним отправлялись в Камчатку и люди с чистой, свет-

лой и ласковой душой... Они шли за ним на край земли открывать школы. И среди них был Петр Логинов, молодой человек в возрасте двадцати трех с половиной лет, который 25 августа 1745 года открыл при Успенской Большерецкой церкви первую камчатскую школу.

3.

И вот пятнадцать лет уже минуло с тех пор, как Логинов начал учить камчатских детей алфавиту и часослову. Всего он повидал здесь за эти годы – и добра, и лютой ненависти. Давно уже получил заветное Хотунцевский, в один присест перекрестив всю Камчадалию и убравшись отсюда подобру-поздорову. Теперь миссию возглавил отец Пахомий – уставший от жизни и собственных годов, тихий, с ясными ангельскими глазами, с седой, в пояс, бородой, ласковый и кроткий.

Логинов по-своему любил этого старика, хотя его всепрощение нередко выводило дьяка из себя.

На Камчатке властвовал в эти годы печально известный Чередов – человек злобный, коварный, злопамятный, мстительный, жадный до мехов и чужих денег.

Пахомий как-то попытался было вразумить командира Камчатки – так тот за это приказал старику встать на колени прямо в снег на большерецкой площади и отмаливать в течение нескольких часов все его командирские грехи, пока Чередов не удосужился простить миссионера, проявившего заботу о пастве.

Пахомий покорился.

Логинов негодовал. Пахомий в ответ на это разводил печально руками:

– Бог вразумит его. А людям он не покорен. Так что через наши страдания Бог увидит, какое зло творит здесь командир. Мы же должны терпеть...

Но все же благодаря настояниям дьяка Пахомий написал жалобу в иркутскую духовную канцелярию. Чередов был отдан под суд.

А тут как раз пришло из Синода разрешение миссионерам (и священникам, и дьякам) вернуться с Камчатки домой. Пахомий засобирался. А Логинов был в раздумье. Росли дети.

Взрослыми стали уже его первые ученики. Хотя это, может быть, и не главное. Не это останавливало и удерживало его – чувствовал Логинов, что он еще нужен здесь. Камчатка – край дикий. И не потому, что здесь жили воинственные дикари. Вовсе даже не потому. Камчатка – окраина империи! Сюда посылали служить лишь в наказание: тех, кто про штрафился, проворовался, пропился, проигрался в пух и прах... Так что здесь накапливалась административная нечисть – казнокрады и плуты, взяточники и жулики – люди бездушные, а потому страшные в этой стране, где до справедливости еще дальше, чем до господ Бога.

И вот теперь перед Петром стоял выбор: вернуться домой, к отцу, который от одиночества подался в Иверский монастырь на Валдае и звался теперь Мефодием, или просить благословения у Пахомия, ехать в Иркутск к Сафронию и быть рукоположенным в сан священника, чтоб встать здесь, в Камчатке, между двумя мирами – господ и рабов – посредником: мирить, утешать, заступаться и проращивать в душах своих прихожан ростки доброты и любви друг к другу. И в этом он видел свое призвание.

В 1761 году священник Логинов принял Успенскую Большерецкую церковь... Но очень даже скоро понял Петр Михайлович, что быть посредником между этими двумя мирами невозможно. Нужно было делать выбор и принимать чью-то сторону. Но дело усугублялось тем, что сан священника не предоставлял ему теперь выбора: для того он и был рукоположен в этот сан, чтобы защищать официальную власть и служить ей, невзирая ни на что, – даже на то, с чем не могла примириться его добрая и благородная душа. Учителем он был свободен, священником – закабален. Это открылось очень рано и... слишком поздно. И он был уже не в силах что-нибудь изменить в своей судьбе. Трагически поздно. Он понял теперь и Пахомия – тот сделал свой выбор: покорился власти и ей же раболепно служил. Это же предстояло сделать Логинову – призывать свою паству быть покорной, блюсти законы и почитать тех, кто был облечен властью – их благородий, превосходительств, высочеств, сиятельств, величеств...

Мы помним по «Истории», какой выбор сделал священник Логинов – он призвал народ к бунту против командира-ирода и тот был выслан из Большерецка в Охотск и отдан под суд.

Справедливость восторжествовала. Надолго ли вот только – ведь новый командир Камчатки капитан Нилов лишь тем был лучше Извекова, что пил горькую, не отличая дня от ночи, но если бывшему командиру – капитан-лейтенанту Извекову водка разжигала душу, толкая на подвиги, и по жилам растекалась вместе с алкоголем густая злоба, то Нилов благодушно почивал, сморенный с похмелья первой же выпитой натоцкак рюмкой.

Но снова в Большерецке готовится бунт. И первой его жертвой оказывается... отец Петр.

Большерецкий бунт 1768 года, когда был низвергнут капитан-лейтенант Извеков, известен сегодня разве что специалистам. Бунт 1771 года вошел в сокровищницу мировых событий, хотя в первом случае люди боролись за справедливость и победили, а во втором – были самым бессовестным образом обмануты авантюристом Бейпоском и потерпели фиаско. Но уж так, видно, устроено в истории, что хорошее часто выветривается из памяти, а вот плохое помнится долго и во всех подробностях, привлекая к себе внимание на протяжении не одного столетия. И с этим, заведенным не нами, порядком не поспоришь...

Но что же произошло с Петром Михайловичем? В чем причина столь трагической развязки?

И почему бытует легенда, что Логинова отравил именно Беньевский-Бейпоск?

Сначала давайте изучим эту легенду.

Беньевский хотел во что бы то ни стало бежать из камчатской ссылки. Он согласен был даже плыть на морской байдаре, лишь бы только добраться на ней до Японии, где вели торговлю европейцы – голландские купцы. Нужен был только повод, чтобы уйти незамеченным из Большерецка на мыс Лопатку – то есть за добрую сотню верст. Повод нашелся – крещение инородцев-курилов. Нужен был теперь священник – миссионер, которого бы «взялись» сопровождать на Курильские ост-

рова камчатские ссыльные. И нужен был не просто священник, а такой, которому можно было бы раскрыть свои замыслы и заручиться поддержкой на будущее. На ком мог остановить свой выбор Бейпоск, если в Большерецке был один-единственный священник – другой же имел свой приход в трехстах верстах к северу? Не знаю, состоялся ли откровенный разговор между Беньевским и Логиновым, но знаю, что Петр Михайлович не принимал участия в большерецком заговоре.

Участие в нем принял другой – ближайший – священник Алексей Устюжанинов, приход которого был в Иче. Он не только дал свое согласие отправиться на Курилы, но даже поехал в Нижнекамчатск к протоиерею Никифорову, чтобы убедить свое духовное начальство в необходимости организации миссионерской партии. Но разрешения он не получил. Более того – попал под домашний арест протоиерея, так как по Камчатке поползли уже слухи о тайных затеях ичинского попа и большерецких ссыльных. Беньевский, как мы знаем, времени зря не терял и готовил захват судна. Но в этой ситуации ему тем более позарез нужен был священник: во-первых, тогда было бы значительно легче внушать любые мысли обманутым им промышленникам и местным жителям; во-вторых, самое главное, связать всех бунтарей клятвой верности, присягой на Евангелии – католик Беньевский не стеснялся никаких средств для достижения своих целей. Но с Логиновым разговор не получался. Нужен был Устюжанинов. Единственное, что могло вернуть его в самое ближайшее время назад – скоропостижная смерть настоятеля Успенской церкви отца Петра: ведь в Большерецке некому было его отпеть.

И вот 11 апреля 1771 года священник Логинов, в возрасте 54 лет, неожиданно для всех умирает.

Но еще неожиданней для нашего рассказа будет другое – членом экипажа мятежного галиота «Святой Петр», юнгой при Беньевском, был Иван Логинов.

Ключик к Логинову-старшему Беньевскому подобрать не удалось, тогда он, видимо, решил действовать через младшего. Ничто не могло прельстить святого отца в сказках конфедерата. Но именно сказки о Земле Справедливости способны

были воодушевить юного романтика-правдолюбца. Петр Михайлович был просветителем – в этом видел свое призвание. А просветитель должен быть с народом – не с какой-то его частью, а со всей массой. Сеять разумное, доброе, вечное. И вступать за них в борьбу даже с самим господом Богом, с его заповедями о смирении, всепрощении и прочем, что убивает в человеке Человека и превращает его в раба. То есть безбожником, если судить по делам и поступкам, оказывался отец Петр в своей бескорыстной любви к людям, в ощущении их боли, их страданий, горя и нужды, сознании своей обреченности жить в этом времени – и он потому не способен развеять свои земные идеалы и поверить в мифы.

А сын был по молодости утопистом и верил в них. И они стали его идеалом, его мечтой – найти остров Справедливости в океане, найти свою Тапробану и привезти сюда несчастных земляков-камчадалов, которым и от самых искренних и честных проповедей отца не живется лучше, и даже, когда уходит один плохой начальник, на его смену приходит еще более худший...

Да, не нашлось точек соприкосновения для общего понимания между авантюристом Беньевским и просветителем Логиновым. И уж не роль ли заложника (аманата, как было в старину у камчатских казаков) отводил младшему Логинову в своих беспринципных планах Беньевский? Логинов-младший был не способен отступить от задуманного, ибо он брал на себя роль Мессии для своих родников-камчадалов. Логинов-старший оставался верен своим принципам, но мог ли он принести в жертву этим принципам своего родного сына, обреченного взойти на эшафот в случае раскрытия большевецкого заговора?!

И потому, мне кажется, Беньевский убил Логинова руками самого Петра Михайловича...

А Иван так и не добрался до Тапробаны – вечное свое пристанище он нашел на Формозе – Прекрасном острове (это современный Тайвань). Местные жители приняли экипаж «Петра» за морских пиратов, и как только русские сошли на берег, пустили в них свои стрелы...

4.

Прошло двенадцать лет после описанных нами выше событий, и в маленьком городке Пермского наместничества Обва родился человек, судьба которого самым удивительным образом оказалась связанной с судьбой героев этого рассказа.

11 сентября 1784 года он оказался на Камчатке, преодолев в зыбке путь в несколько тысяч верст через Урал и Сибирь, чтобы пережить здесь вместе со своими родителями, может быть, самые горькие годы в своей совсем несладкой жизни.

Это был будущий декабрист Владимир Иванович Штейнгель, отец которого – Иоганн Готфрид – был назначен капитан-исправником Нижнекамчатской округи.

Мы уже знаем, каких чиновников присылали служить на Камчатку. Иоганн Штейнгель оказался среди них исключением и потому уже только не пришелся по душе ни командиру Камчатки надворному советнику Рейнеке, ни нижнекамчатскому городничему Орленкову и прочим чиновникам «из отставных камер-лакеев, почтальонов, курьеров и тому подобных людей», как характеризовал их позже сам Владимир Иванович в «Автобиографических записках», которые он посвящал своим детям и внукам.

А так как это посвящение имеет самое прямое отношение и к нашим героям, то мы еще раз обратимся к «Запискам».

«Из сего изображения людей, коих отец мой имел несчастье сделаться сослуживцем, можете сами легко себе представить, какую роль досталось ему играть. Он не имел ничего общего с ними: по природе благородный германец, по воспитанию вежливый просвещенный муж, по религии лютеранин, по языку немец, по душе честный человек, по сердцу пылкий, не в меру чувствительный и храбрый воин – мог ли он нравиться толпе безнравственных невежд, приехавших в Камчатку с единственною целию обогатиться и пожить за счет безгласных и угнетенных ее жителей. Вскоре увидели, что по правоте своей он встал на сторону беззащитных камчадал и отказался от их общества и правил. Ссора с первым Орленковым не замедлила возникнуть. Он, как городничий, сделался начальником всех отдельных казачьих команд, рассеянных по разным местеч-

кам, и под сим предлогам выдавал себя за настоящего начальника Камчатки и вселял в камчадал, чтоб его одного слушали, и почитали, и боялись. Началась переписка. Отец мой, как иностранец, не знавший русского языка, должен был положиться на тамошних же писарей полуграмотных, кои были, вероятно, по духу его противников, а когда сам писал, то не обинуясь называл их ворами, грабителями и подлецами».

Все это, как водится, должно было закончиться и закончилось следствием и судом. Но не стоит нам обольщаться с примером Извекова и думать, что в те времена столь уж легко было добиться справедливости – то было, все-таки, не правило, а исключение. Следствие и суд состоялись над Иоганном Штейнгелем. Но прежде были еще несколько камчатских лет повседневных унижений и оскорблений. Правда, был и луч света, озаривший всю последующую жизнь Штейнгелей – отца и сына... Луч надежды...

25 августа 1786 года на борту английского торгового судна, прибывшего из торгового города Кантона, капитан Вильям Петерс, русский купец Григорий Шелихов и нижнекамчатский капитан-исправник, он же и переводчик, барон Иоганн Штейнгель, совершили первую в истории Камчатки торговую сделку, открывающую начало новой эпохи.

«Отец мой утешался сим случаем немало. Он надеялся быть орудием к улучшению бедного положения того края и к доставлению отечеству новой торговой отрасли».

Но Иоганну Готфриду не удалось уже больше ничем помочь нищей российской окраине – через несколько лет он был выслан с Камчатки и по прибытии в Иркутск отдан под суд, объявлен сумасшедшим, лишен чинов и дворянства. 21 ноября 1797 года Павел I небрежно черкнул на приговоре несчастного правдолюбца: «Быть по сему».

Только 21 августа 1802 года дело Штейнгеля было наконец пересмотрено и вынесен оправдательный приговор. Владимир Иванович, в то время уже выпускник Морского кадетского корпуса, мичман, прибыл в Охотский порт для прохождения службы на судах Охотской флотилии.

Так что мы можем представить себе, какие чувства испыты-

вал Владимир к камчатским властителям и какие надежды питал в отношении молодой Российско-Американской компании, с которой не только он, – лучшие умы России связывали свои надежды о свободной торговле, способной привести страну к отмене крепостного рабства, к Конституции и Республике. В Российско-Американской компании видели прообраз Великого торгового Новгорода с его системой демократического правления.

Юный мичман свято чтит столь высокие идеалы и потому, когда новый командир Камчатки генерал-майор Павел Иванович Кошелев, как в свое время и Иоганн Готфрид Штейнгель, встал на сторону камчадалов против приказчиков РАК, монополизировавших всю торговлю на Камчатке, а потому баснословно вздувших цены на все, что пользовалось спросом; против грабителей чиновников, гражданских и военных; против церковников, столь же лихо, как и торговцы с чиновниками, обиравших своих прихожан, – Владимир Иванович принял сторону противников Кошелева. Как и нижнекамчатский священник Логинов. Вот где и как впервые свела их судьба.

Кошелев в свое время был адъютантом М. И. Кутузова и его любимцем. Это-то и спасло его в конечном итоге. На Камчатке Кошелев был отдан, как и Иоганн Штейнгель, под суд и пробыл в ордонанс-гаузе вплоть до начала Отечественной войны 1812 года. По настоянию Михаила Илларионовича он был выпущен и записан в Санкт-Петербургское ополчение командиром 4-й дружины, куда штаб-офицером поступил и Владимир Иванович Штейнгель. До конца дней своих он так и сохранит самое неприязненное отношение к Павлу Ивановичу. Вот как бывает в жизни! А ведь когда купцы, чиновники и церковники составили свой заговор против Кошелева – камчадалы поклялись, что если хоть волос упадет с головы их заступника, они не оставят в живых ни одного из его обидчиков.

Но с позиций юного Штейнгеля все более-менее ясно, и он не предавал идеалов своего отца, идя против принципов: в этом случае мы видим явный переизбыток чувств над мыслями и дальнейшими выводами о правоте камчатского командира – «намеренного гонителя» приказчиков РАК. Но вот – как ока-

зался в стане врагов Кошелева-командира, о каком мечтал всю свою жизнь Петр Михайлович Логинов, сын или внук большецкого просветителя!? Хотя, впрочем, и здесь все более-менее ясно: с темой явного предательства идеалов своего отца мы еще столкнемся в нашем рассказе.

А сейчас нам все же важнее понять: как и почему будущий декабрист и потомок камчатского просветителя оказались в одном заговоре с людьми, которых и Петр Логинов, и Иоганн Штейнгель, и Павел Кошелев характеризовали примерно одинаково – подлецы, свиньи, негодяи, воры.

У нижекамчатского священника Логинова, как рассказывают документы, была своя корысть в этом деле – своей жизненной позицией он избрал раболопное служение тем, в чьих руках богатства и власть. Мичман Штейнгель был бескорыстен в своих искренних заблуждениях – заблуждениях на всю жизнь, считал, что честность, порядочность, принципиальность и непримиримость Кошелева (мичман имел возможности в этом убедиться) являются серьезным препятствием на пути к прогрессу (дальнейшему развитию Российско-Американской компании) и потому не имеют права на существование, должны быть сметены с этого пути. Горькое, юношеское, искреннее и восторженное заблуждение, которое, хоть и временно, но вводило и его в стан врагов своего отца, в стан друзей нижекамчатского священника Логинова, предавшего и растоптавшего идеалы своего отца или деда.

РАКу Владимир Иванович остался верен навсегда. И именно это, в конечном итоге, привело его к декабристам. В тайное общество Штейнгеля принимали Кондратий Рылеев, Иван Пущин, Александр Бестужев-Марлинский. И хотя Штейнгель, в отличие от многих декабристов, не был сторонником восстания и предлагал путь последовательных политических реформ – от конституционной монархии до буржуазной республики через «дворцовую революцию», то есть переворот, используя тот момент, что царевичи Константин и Николай отказываются от российского престола, посадить на трон вдову царя Александра I Елизавету Алексеевну. Соблазн такого переворота был велик: Рылеев три дня обдумывал предложение Штейнгеля,

который утверждал, что Елизавета безразлична к верховной власти, а ее доверенный – секретарь Н. М. Логинов – человек конституционных взглядов. Правда, Владимир Иванович напомнил и об истории с Анной Иоанновной – та тоже казалась безразличной к власти, а потом устроила России бироновщину. Нет уж, решил руководитель Северного общества, лучше не рисковать единственным выпавшим на их долю шансом освобождения России от тирании Романовых. И Штейнгель, осознавая, что восстание на Сенатской площади обречено на поражение, готовил по заданию Рылеева Манифест, а потом, когда пришло известие о том, что большая часть армии уже присягнула Николаю, он вышел вместе со всеми на площадь, чтобы донести потомкам память о том трагическом для России дне.

Он был приговорен по 3-му разряду – к вечной каторге. А ведь Штейнгель был самым старшим среди декабристов и имел восемь детей. Единственное, что могло принести хоть какое-то спокойствие за судьбу детей – это была записка от старого друга, переданная арестанту седьмого каземата Никольской куртины Петропавловской крепости в самое тяжелое для него время: от декабристов отказывались даже их родственники. Старый друг его, Петр Иванович Рикорд, товарищ по Морскому корпусу, несмотря ни на что писал, зная, что каждое слово может отразиться на его собственной судьбе и карьере: «Любезный друг, не беспокойся о детях, я буду наблюдать их».

Это был тот самый Петр Иванович Рикорд, командир Камчатки, который впоследствии удочерил одну из дочерей Ивана Петровича Логинову – Ксению, о судьбе которой мы расскажем в следующем очерке «Ты меня никогда не забудешь». Судьба Логиновых и Штейнгелей оказалась неразлучной навсегда – дочь Ксении Логиновой – Людмила Анжу – выйдет замуж за Вячеслава Владимировича Штейнгеля, будущего генерала.

5.

Минует век с той поры, как в Большерецке Петр Михайлович откроет первую камчатскую школу. И точно не было ни этого события, ни этого столетия – в сороковых годах XIX

века единственную на Камчатке школу, к тому же частную, откроет правнук Петра Михайловича и брат Ксении Ивановны, петропавловский священник отец Георгий.

Глубокой признательностью и благодарностью русского человека зазвучат эти вот строки из дневника великого сибиряка, ученого с мировым именем, будущего митрополита Московского и Коломенского, а в те годы – епископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия Вениаминова (Попова): «...из священников особенной похвалы заслуживают... Камчатского собора священник Георгий Логинов, который по закрытии в Камчатке духовного училища открыл у себя домашнее училище, которое ныне состоит у него из 11 человек разного звания, обучающихся, кроме чтения и письма, русской грамматике, священной истории и катехизису. На бывшем при мне экзамене, в присутствии начальника и других лиц, ученики по всем предметам отвечали весьма удовлетворительно... священник Логинов обучает детей их безвозмездно».

Так что Георгий Логинов тоже шел дорогой своего прадеда, по избранному Петром Михайловичем пути духовного обогащения и нравственного совершенствования людей. Он так же, как и его прадед, был просветителем. И, думается, у него тоже была не легкая судьба.

Когда же в Авачинской бухте в конце лета 1854 года загрохотали орудийные залпы англо-французской эскадры, священник Логинов был на самом переднем крае и награжден за мужество и отвагу высшей наградой дореволюционной России – орденом святого Георгия.

Когда же после легендарной обороны Петропавловского порта обезлюдевшая и брошенная на произвол судьбы Камчатка (порт переведен в Николаевск-на-Амуре) была обречена на историческое забвение, в Большерецке, Петропавловске, Тигиле, Палане продолжали обучать камчатских детей священники Логиновы и их северная ветвь, которая с легкой руки епископа Вениаминова с середины прошлого века стала писаться Лонгиновыми.

В русско-японскую войну, когда Камчатка, казалось бы, уже была обречена на захват ее японцами, и японские хищни-

ческие шхуны обрушились на лососевые реки края, спеша застолбить наиболее богатые места для будущей рыбалки, а на юге полуострова высадился с курильского острова Шумшу японский десант, камчадалы организовали народное ополчение и с оружием в руках встретили непрошенных гостей, отразив в очередной раз нашествие врага, и отстояли полуостров. В рядах народных дружинников на Севере Камчатки сражался паланский псаломщик Алексей Лонгинов, на юге – больше-рецкие Логиновы – Петр и Павел...

В 1906 году снова появляются на Камчатке учителя, приехавшие с материка. В 1911 году в Петропавловске открыто Высшее начальное училище для подготовки учителей для камчатских школ из местных жителей. В числе выпускников этого училища были и дети другого паланского псаломщика – Василия Лонгинова – Иван и Пантелеймон.

Иван Васильевич позже станет одним из авторов первого корякского букваря. Его заслуги по просвещению жителей Камчатки будут отмечены высшей наградой того времени – орденом Ленина и почетным званием заслуженного учителя РСФСР.

Удивительная судьба выпадает и на долю его брата – Пантелеймона Васильевича, ему суждено будет завершить гражданскую войну на Дальнем Востоке страны – об этом мы расскажем отдельно, в очерке «Маршрут бессмертия».

После окончания гражданской войны Пантелеймон Васильевич вместе с тигильчанкой Еленой Алексеевной Логиновой создавал первые школы в корякской тундре – об этом очерк «Клехлвол – учитель».

Вместе с ним придет в тундру и Филарет Иннокентьевич Лонгинов – один из первых советских руководителей Корякии – о нем рассказывается в очерке «Северная песня».

В Великую Отечественную войну боевое крещение приняли Борис, Георгий, Александр, Петр Лонгиновы.

Ленинград, город декабристов, защищал капитан-лейтенант Краснознаменного Балтийского флота, кавалер семи правительственных наград, тигильчанин, брат Елены Алексеевны Логиновой – Константин.

Но удивительное не в этом. Примеров верного служения Отчизне, своему народу мы можем привести сколько угодно – именно через это наиболее полно всегда раскрывается истинный характер русского человека.

Удивительное в другом – в фантастическом повороте судеб, втянутых ветром жизни в самое горнило истории, в выборе своей судьбы каждым, о ком мы здесь рассказывали...

ОПОЛЧЕНЦЫ

Слухи о возможном нападении на Петропавловский порт пришли на Камчатку весной 1854 года. Старый друг русских мореплавателей король Сандвичевых (Гавайских) островов Камегамеа III передал с американскими китобоями письмо для губернатора Завойко, в котором сообщал о готовности англо-французской эскадры, зимующей у гавайских берегов, идти на север.

Потом пришли новые сообщения из Гонолулу, а вскоре и генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев подтвердил эти опасения о необходимости в самом срочном порядке подготовить к обороне порт.

Окраинная русская земля, восточный форпост России в Тихом океане, отдаленный от генерал-губернатора тысячами верст, должен был в самые короткие сроки осуществить то, что надлежало сделать не одному поколению камчатских командиров еще с 1771 года, со времен Большерецкого бунта, когда впервые возникла реальная угроза возвращения Бенъевского из Франции на Камчатку и захвата дальневосточных рубежей империи. С того далекого времени началась подготовка к обороне и, как выяснилось через восемьдесят с лишним лет, мы так и не были готовы здесь к отражению неприятеля.

Не было необходимого количества обученных военному делу людей. Да и просто людей тоже не было в этих безлюдных краях. Не было артиллерии, способной противостоять корабельным пушкам врага. Да и та, что была завезена сюда когда-то, не имела в достаточном количестве ядер и пороха. Стрелковое оружие было из рук вон плохое, как бы бережно к нему

не относились здесь. Не было медикаментов. Очень плохо было с продовольствием – оборона ведь могла затянуться надолго, если вообще не превратиться в блокаду порта с моря и суши: единственная дорога, связывающая центр губернии с остальными населенными пунктами проходила по косе – по берегу Авачинской бухты – и могла простреливаться, а то и полностью контролироваться неприятелем.

Единственно на кого можно было еще рассчитывать в это напряженное время – на помощь местных жителей, охотников-камчадалов.

И потому Василий Степанович Завойко, получив последние письма Муравьева-Амурского, сел писать приказ.

«В тяжелые годы нашествия весь народ, как один человек, выступал в защиту своей Родины... Вот почему Россия еще никогда не теряла ни одной пяди земли... Сюда, на край родной земли, заброшена горсть нашего народа. У нас мало войск, нет хлеба и пока не от кого ждать помощи. Но мы должны помнить, что мы русские люди и Родина требует от нас выполнить долг...»

«Если вы встретите врага, – обращался он к местным жителям, призывая их защищать Отчизну, – то не иначе как с винтовкой в руках. Неприятеля в 1812 году не только что мужики, бабы били, чем попало...»

Я, пребывая в твердой решимости, как бы ни многочисленен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови, убежден, что флаг Петропавловского порта во всяком случае будет свидетелем подвигов чести и русской доблести... Если между нами найдутся малодушные, то пусть они тотчас выступят за черту города, а мы заметем их след...»

Во всех населенных пунктах Камчатки был оглашен этот приказ. И сразу же стали прибывать в Петропавловский порт первые народные ополченцы.

В июле прибыла и помощь – пришел из Кронштадта фрегат «Аврора», а вслед за ним из Де-Кастри – военный транспорт «Двина» с 300 солдатами. Город готовили к бою.

29 августа (по новому стилю) у ворот Авачинской бухты

появились вражеские суда – фрегаты «Президент», «Пайк», «Форт», «Евридика», бриг «Облигадо», пароход «Вираго». Командовал англо-французской эскадрой английский контр-адмирал Дэвид Прайс. Его заместителем был французский контр-адмирал Фебрие де Паунт.

30 августа англо-французская эскадра вошла в бухту и к пяти часам пополудни подошла к Петропавловскому порту на дистанцию, достаточную для полета пушечного ядра. И грянули первые залпы. Стреляла Перешеечная батарея лейтенанта МаксUTOва, впоследствии получившая новое наименование – «Смертельная». Скоро к ней присоединились пушки батарей мыса Сигнального и Кладбищенской, фрегата «Аврора» и транспорта «Двина», укрывшихся в Петропавловской гавани.

Так начался первый день героической обороны Петропавловска.

А закончился он тем, что англо-французы захватили в плен мирное судно – портовый бот, груженный кирпичами. Шел он с противоположной от порта стороны Авачинской бухты – из Тарьи, где стоял кирпичный завод. На боте было шесть безоружных матросов под командой унтер-офицера Василия Усова, а также его жена-камчадалка – с двумя детьми (с которыми она недавно пришла к мужу в гости из Озерной – севернее Усть-Камчатска). На боте не подозревали об опасности. Эскадру англо-французов моряки приняли за тихоокеанскую эскадру вице-адмирала Путятина, которую все ожидали в Петропавловске со дня на день, а оружейную пальбу – за праздничный салют в честь дорогих гостей.

Подойдя ближе, русские распознали неприятельские флаги и поворотили прочь. Но не тут-то было: за маленьким ботом бросились вдогонку, стараясь перерезать ему путь к отступлению, гребные суда.

«Хотя жаль людей, – писал в своем дневнике мичман Фесун, участник обороны Петропавловска, – попавших в плен, но нельзя было удержаться от смеха перед представившейся картиной. Семь катеров, держась в кильватер друг другу, вели на буксире бот. По бортам держались по катеру и, наконец, все шествие замыкалось вооруженным баркасом. На корме

каждой шлюпки развевался флаг... Один из наших сослуживцев вполне справедливо заметил, что вся эта процессия походит на то, как мыши кота хоронили...»

Надо сказать, что это была единственная победа со стороны англо-французов в период обороны Петропавловска. Да и то не полная...

Дело в том, что на следующий день командующий объединенной эскадрой контр-адмирал Прайс неожиданно покончил с собой и командование принял де Пуант, который-то, благодаря камчадалке Усовой, и сделал эту маленькую и единственную победу неполной.

«Усова рассказывала, – писала позже жена губернатора Юлия Завойко в своих воспоминаниях, – что адмирал – старик, что он ласкал ее маленьких смуглых ребятишек, давал им конфет и говорил матери, или она это уже себе так истолковала, что у него во Франции остались такие маленькие дети. Камчадалка любила это рассказывать. Во время сражения их держали внизу; они говорили, что видели раненых на фрегате. 21 августа (по старому стилю. – С. В.) адмирал сказал, что отошлет женщину с детьми, но та с отчаянием ухватилась за мужа и объявила, что не оставит его. Адмирал не мог противостоять слезам и рыданиям женщины. Впрочем, Усов на вид невзрачный, черненький, хиленький старичок. Не подозревал адмирал, какие меткие стрелки наши камчадалы... Выпросив мужа, камчадалка выпросила и брата, на вид почти юношу (матроса Киселева. – С. В.)».

2 сентября с берега увидели, как от «Форта» отошел бот и взял направление на порт. Это был русский бот, захваченный накануне врагами. На берегу с бота высадилось все семейство Усовых. Унтер-офицер передал Завойко письмо от контр-адмирала.

«Господин губернатор! Благодаря случайности войны в мои руки попала русская семья. Имею честь ее вернуть Вам. Примите, господин губернатор, мои заверения в моем высоком почтении. Адмирал Ф. Де-Пуант».

Усов и Киселев снова встали в строй.

Мы не знаем, в каких боях приняли они участие, но нужно

сказать, что нижние чины и унтер-офицеры Петропавловского военного гарнизона и Камчатской флотилии были, как правило, из уроженцев Камчатки. Сколько их участвовало в боях за порт – никто не считал, сколько погибло – тоже.

Время раскрывает перед нами эти имена. Одним из таких вот камчадалов был Василий Карандашов – казачий урядник.

Когда англо-французская эскадра вошла в Авачинскую гавань, урядник был назначен артиллеристом на противодесантную батарею № 6 «Озерную», которая защищала вход в город с северо-запада. Это была одна из самых слабых батарей Петропавловска – на ее вооружении было шесть шестифунтовых и четыре восемнадцатифунтовых орудия. Прислуги было тоже немного – 34 нестроевых казака и матроса, писаря, – народные ополченцы. Командовал батареей поручик Карл Гезехус.

Артиллеристам шестой батареи пришлось принять последний удар врага, а пока – 1 сентября – корабельные пушки английских и французских кораблей обрушили свои ядра на батареи мыса Сигнального (они называли его мысом Шахова, по имени одного из командиров Камчатки) и Кладбищенской батареи Красного Яра, закрывающих проход вражеским кораблям в Ковш – Петропавловскую гавань, чтобы подавить эти огневые точки и высадить десант в районе Красного Яра.

Завойко, разгадав замысел врага, приказал взять людей с третьей, седьмой и шестой батареей и занять оборону в районе батареи № 2, расположенной на Кошке и закрывающей вход в порт вражеским судам. Сам Завойко прибыл сюда же с отрядом ополченцев поручика Кошелева. С «Авроры» Изыльметьев направил на Кошку отряд матросов под командованием поручика Фесуна. И, вероятно, первый свой бой урядник Карандашов принял здесь.

Англо-французский десант осаждал батарею № 4 – Кладбищенскую, подступы к которой никем не защищались. Заклепав орудия и спрятав порох, артиллеристы вынуждены были под натиском превосходящих сил противника отступить на Кошку, где, слившись со стрелковыми частями, пошли в атаку на англо-французов, празднующих было победу. Десант был смят, но, тем не менее, и англо-французы выполнили первую часть

своего плана по захвату порта – подавили батареи №№ 1 и 4. Теперь вход в порт преграждала только внутренняя Кошечная батарея № 2.

Более чем из восьмидесяти стволов ударили по ней «Форт», «Президент», «Вираго». Бой длился не один час. На месте убитых русских бомбардиров вставали те, кто учился искусству артиллерийской стрельбы в этом, первом в своей жизни, бою. Вместе со взрослыми в том бою сражались и кантонисты – дети камчатских моряков, которые подавали кокоры к пушкам. Батарея продолжала сражаться и тогда, когда из всех пушек остались целыми лишь три: один только «Форт» выпустил по Кошке 869 ядер, гранат и бомб.

Поняв, что этот «орешек» им не по зубам, командующий эскадрой де Пуант резко меняет первоначальный план и, пользуясь тем, что русские сконцентрировали на Кошке значительные силы, решает высадить десант в районе Перешейка, где располагалась батарея № 3 Александра МаксUTOва. Но и здесь ничего у них не вышло: артиллеристы-максUTOвцы сорвали коварный замысел де Пуанта.

Но адмирал не успокаивается – в следующие дни он решает центром главного удара определить Никольскую сопку и озеро Култучное. Здесь предполагает он высадить крупный десант, предварительно уничтожив батареи №№ 3, 7, 6, преграждающие путь на город.

Что из этого получилось – известно. Не случайно батарею № 3 с той поры стали называть «Смертельной». Насмерть стояли и бомбардиры батареи № 7 капитан-лейтенанта Василия Коралова.

Но, тем не менее, эти батареи были уничтожены. Англо-французский десант высадился на берегу у подножия Никольской сопки. Английский, самый многочисленный десант под командованием капитана Бурриджа вышел у Култучного озера на городскую дорогу. Путь на город этому отряду в 750 штыков преграждала только маломощная шестая батарея. В книге «Петропавловский бой» Г. И. Щедрин так писал о ней: «На батарее № 6 шестифунтовые пушки были настолько старые, что неизвестно кому они были более опасны: тем, по кому стреляют, или тем, кто из них стреляет. Картечи нашлось все-

го на два заряда. Все пушки этой батареи были поставлены прямо на землю – бруствера соорудить не успели. Вместо него сложили в несколько рядов мешки с мукой, выгруженные с брига “Нобуль”».

Не принимая всерьез эту батарею, Бурридж повел своих солдат прямо на пушки. Но уже первые залпы – ядрами и картечью – внесли некую расстроенность в ряды англичан. Затем в ход, вместо картечи, пошли ржавые гвозди. Когда кончились боеприпасы, отстреливались уже из ружей и сдерживали вражеский напор вплоть до подхода «авроровцев», которые смяли десантников.

Но через некоторое время Бурридж предпринимает новую попытку захвата шестой батареи. Вот тут-то и отличился урядник Карандашов. Шальная пуля попала в глаз одной из лошадей, и она понесла пушку в ров. Как раз в это время десантники пошли в очередную атаку. Карандашов, «страшный силач: он, бывало, кулаком камни разбивал и вколачивал рукою гвоздь в дерево», тяжело раненный в руку, все же поднял опрокинутую пушку, навел ее и «вывел из строя целую шеренгу солдат». Атака захлебнулась, и англичане отступили к морю.

Вместе с мужем в этом бою была и Агафья Карандашова. «...Агафья Ивановна, – читаем мы у А. П. Сильницкого, – не пожелала вместе с прочими женщинами спастись в горы, но пошла на батарею и во время горячего артиллерийского боя... была на батарее, подавала заряды, поправляла лопатой подстроенные земляные закрытия батареи. Ее муж, раненый... осколком снаряда, за неимением перевязочного пункта, лежал тут же, в тылу батареи, и Агафья Ивановна, помимо активного участия собственно в обороне, исполняла роль сестры милосердия и в отношении к своему мужу, уряднику Карандашову, и в отношении к другим героям бессмертной обороны Петропавловска».

Этот свой подвиг Агафья Ивановна совершила раньше, чем знаменитая Даша Севастопольская – сестра милосердия в Севастополе в Крымскую кампанию 1854–1855 – и сестры милосердия Крестовоздвиженской общины, созданной Н. И. Пировым во время обороны Севастополя, а также раньше англи-

чанки Флоренс Найтингейл, которая считается символом Международного милосердия.

Но подвиг Агафьи Ивановны был забыт, как забыто многое из истории Камчатки, и только через 48 лет после Петропавловской обороны «награда нашла героя» – она была награждена медалью «За усердие», влача полунищенское существование в селе Авача. Только экипажи судов Тихоокеанской эскадры, приходящих в Петропавловск, не забывали народную героиню и поддерживали ее чем могли.

Но память возвращается – 19 декабря 1987 года сто сорок старшеклассников города Петропавловска-Камчатского, члены клуба «Юный медик», решили присвоить своему клубу имя Агафьи Ивановны Карандашовой.

Хотя и не восстановлены еще и по сей день имена других участников обороны Петропавловского порта – а среди них было 167 ополченцев – камчадалов-охотников и горожан. Из них были сформированы три отряда, одним из которых командовал мичман Дмитрий Михайлов с фрегата «Аврора», другим – поручик Иван Кошелев, третьим, в котором были камчатские снайперы-охотники, – поручик Михаил Губарев, полицмейстер Петропавловского порта.

Камчадалы заняли склоны и вершину Никольской сопки: Завойко опасался вражеского десанта, который мог бы ударить в тыл русским со стороны Култушного озера, вдоль берега которого и пролегла единственная дорога, связывающая порт с остальной Камчаткой. Поэтому 1-го сентября, когда вражеский десант действительно высадился, но не здесь, а на противоположной стороне Ковша – Петропавловской гавани, камчадалы могли только наблюдать с сопки, как их товарищи по оружию отражают это нападение.

Но 5 сентября французский десант высадился на перешейке, соединяющем Сигнальную и Никольскую сопки, предварительно уничтожив Смертельную батарею Александра Максимова. А со стороны Култушного озера, отброшенные от дороги огнем шестой батареи, полезли на вершину Никольской сопки английские десантники, чтобы, соединившись здесь с французским отрядом, ударить по порту.

Около тысячи десантников пытались сломить заслон из ста восьмидесяти человек, но меткий огонь ополченцев отбросил врага назад. Воспользовавшись этим, моряки с «Авроры» и «Двины» пошли в штыковую и враг был сброшен в море.

Об одном из тех, кто ковал эту трудную победу на Никольской сопке, мы найдем добрые слова в книге «Петропавловский бой» Г. И. Щедрина: «Искусство меткой стрельбы сослужило хорошую службу охотникам и волонтерам. Били они отступавших на выбор и без промаха. Среди них находился и Дуриндин (Дурынин. – С. В.). После каждого его выстрела одним десантником становилось меньше. Рука патриота не дрогнула, пока шальная штуцерная пуля не оборвала его жизнь. Старый охотник-следопыт умер солдатской смертью».

8 сентября 1854 года объединенная англо-французская эскадра бесславно покинула Авачинскую бухту, чтобы вернуться сюда в следующем году. Но они опоздают – в апреле 1855 года гарнизон города вместе со многими жителями будет переведен в новый тихоокеанский порт – Николаевск-на-Амуре.

Обескураженный и раздосадованный де Пуант прикажет открыть огонь по безлюдному городу, чтобы снести его с лица земли. А для того, чтобы отомстить еще более зло, было приказано вести огонь по Петропавловску русским пленным, захваченным в августе 1854 года вместе с Усовым. Комендором был назначен матрос Семен Удалов, остальные – орудийной прислужкой.

Позже матрос Ехланов и Зыбин расскажут Василию Степановичу Завойко этот новый эпизод в обороне Петропавловска:

«Семен... не пошел к своей пушке, а стал у грот-мачты и сказал нам:

– Ребята! Грех на своих руки поднимать. Уж лучше смерть.

Сказав эти слова, скрестил руки на груди и во весь голос закричал:

– Слышите?! У русских руки не поднимаются на своих. Я к вашей пушке не иду!

Старшему лейтенанту слово в слово перевели, и он затопал ногами:

– Если не пойдешь к пушке, то сейчас же повешу!

И приказал гордень готовить. А Удалов на него сердито:
– Врешь, такой-сякой француз! Ты меня не повесишь, а к пушке я не пойду!

Бросился он по снастям вверх на мачту и, поднявшись, перепрыгнул с них на ванты, и оттуда нам говорит:

– Ребята! Не поднимайте руки на своих, не делайте сраму. Я принимаю смерть. Прощайте!

И с этими словами – бултых в воду. Он утонул, а на своих руку не поднял».

И снова пришлось уйти де Пуанту, как говорится, не солоно хлебавши. Опозорен был теперь адмирал на весь белый свет. И единственные, кто вспомнил его добрым словом, были, наверное, Усовы. Кто знает, как бы сложилась их дальнейшая судьба, если бы де Пуант не прослезился, глядя на двух смуглых камчадалят, елозящих на его коленях и столь же темпераментно тормозящих «дедушку», как и его собственные внуки.

Одним из этих «внуков» адмирала был пра- (точнее прапра) дедушка моих собственных сыновей.

Род петропавловских казаков Усовых, которые поселились здесь для охраны казенных грузов Второй Камчатской экспедиции еще в начале сороковых годов восемнадцатого века, не закончился в 1854 году, когда жители Петропавловска были, в основном, вывезены в Николаевск-на-Амуре и там продолжали свой камчатский род. Нет, Усовы оставались в Петропавловске и позже, до начала нынешнего века. Что случилось потом, неизвестно, – память не сохранила – но казачку-сироту Анну Васильевну Усову забрала к себе тетка, которая вышла замуж за ительмена из села Воровское Анкудина Михайловича Спешнева. По фамилии в Воровском никогда никого не звали, так как здесь была на все село одна фамилия – Спешневы, поэтому тетку все кликали по прежней ее девичьей фамилии Черных – Черниха.

Но скоро и в Воровском осиротели.

В русско-японскую войну Анкудин Михайлович, как и все камчадалы, был в народном ополчении и участвовал в боях – 9 августа 1904 года вместе с Максимом Ивановичем Сотниковым – заведующим обороной западного побережья Камчатки –

ительмены из Воровского разгромили экипаж хищнической японской шхуны, высадившийся в устье реки Воровской для промысла лосося. Вместе со всеми нес он караульную службу на устье реки и летом следующего, 1905 года, когда реальной оставалась угроза высадки военного десанта японцев, как это было в устье западнокамчатской реки Озерной в июле 1904 года. И народные ополченцы во всех уголках Камчатки готовы были в любой момент этот десант отразить.

У японцев тогда ничего не вышло: камчадалы отстояли свою землю и сохранили ее за Россией. Но в целом русско-японская война была проиграна царским правительством, которое вынуждено было просить о перемирии и было согласно на подписание русско-японской рыболовной конвенции.

Воспользовавшись этим, японцы вновь обрушились на камчатское побережье – им нужен был лосось и они не хотели упускать сроки, пока готовится эта конвенция. Кроме того, они спешили застолбить наиболее уловистые рыболовные участки на будущее, когда будет получено официальное разрешение на арендное пользование камчатскими побережьями и право на беспошлинный провоз в Японию камчатской рыбы. Добравшись до Камчатки, японцы предпринимали самый хищнический из всех видов промысла – перегораживали своими сетями устье реки и вылавливали всю рыбу, которая шла в реки на нерест.

Этого ни в коем случае нельзя было допустить, как ни морщилось недовольное камчатское начальство, боясь, что новые возможные столкновения с японцами вызовут отрицательную реакцию наверху, где шли Портсмутские переговоры о подписании мира и фактической сдаче в аренду Японии обоих камчатских побережий.

16 июня 1906 года в устье реки Воровской хищнический промысел вели сразу пять японских шхун – «Футами-мару», «Тендомин-мару», «Хоси-мару», «Хигаси-мару» и еще одна, название которой осталось неизвестным.

Максим Иванович Сотников, который в штатской своей жизни был надзирателем за рыбными промыслами, вместе с жителями села Воровского отправились к устью, где и аресто-

вали шхуны. Экипажи приняли это известие спокойно и не возражали против подписания протокола о браконьерстве и задержании.

На морском берегу, рядом с устьем, они разбили лагерь, построили несколько сараев для посолки рыбы, выставили сети и поймали уже шестнадцать тысяч рыбин.

Когда Сотников объявил японцам, что согласно закону он конфискует шхуны, те, пользуясь численным превосходством, напали на Сотникова и камчадалов.

В тот день – 18 августа 1906 года – погибли вместе с Максимом Ивановичем восемь Спешневых – Анкудин Михайлович, Александр Григорьевич, Василий Петрович, Гавриил Прокофьевич, Гавриил Степанович, Иван Васильевич, Сергей Степанович, Феофан Степанович...

А незадолго до революции в Воровском (в то время село уже переименовали в честь камчатского губернатора в Мономахово) появился ссыльный с Урала Степан Матвеевич Копьев. Он был в партии рабочих, которые тянули вдоль западного побережья Камчатки телефонно-телеграфную линию. Приглянулись друг другу Степан Матвеевич и Анна Васильевна, поженились они, решили жить своим домом. Но в Мономахово русским селиться в то время было не положено. Это было ительменское поселение, жители которого платили ясак русскому царю, поэтому свободное поселение русских было запрещено и разрешалось только по особому распоряжению высокого начальства.

Тогда Степан Матвеевич срубил себе избу на реке Удова. Затем здесь поставил свой дом местный учитель Попов, которому тоже надоело слоняться по чужим углам. Потом появился еще дом, еще, а 7 февраля 1921 года в Камчатском областном народно-революционном комитете в протоколе под параграфом № 3 появилась эта вот историческая запись:

«СЛУШАЛИ: Ходатайство жителей Мономаховской (Соболевской) волости С. М. Копьева, С. А. Марченко, И. Г. Засыпкина, М. П. Сараева, П. И. Панчу, М. И. Попова и других граждан этой волости, поселившихся на реке Удова, о разрешении наименовать образованный ими поселок – “Русь” с заклю-

чением по означенному вопросу Соболевского волостного нарревкома от 16 января 1921 года за № 5.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить название поселку “Русь”».

И когда вновь постучалась беда в двери каждого дома – началась Великая Отечественная война – многие из камчадалов пошли на фронт. Кто на запад – сражаться с фашистами, кто на юг – освобождать от японцев Курильские острова, открытые Иваном Козыревским и впервые пройденные вплоть до Хоккайдо русским же землепроходцем – большеерецким казачьим сотником Иваном Черных.

Василий Степанович Копьев, артиллерист, сержант попал в самое пекло Великой Отечественной войны – он был убит подо Ржевом – и был в числе тех, кому посвятил свои стихи великий русский поэт Александр Трифонович Твардовский:

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дна, ни покрывки.
И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.
Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;
Я – где крик петушиный
На заре по росе;
Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;
Где травинку к травинке
Речка травы прядет, –

Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.
Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?
Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.
Неужели до осени
Был за ним уже Дон
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?
Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому – как?
И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она – спасена.
Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.
Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам – все это, живые.
Нам – отрада одна:
Что недаром боролись
Мы за родину-мать.

Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать.
Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.
Это грозное право
Нам навеки дано, —
И за нами оно —
Это горькое право.
Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.
Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.
И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.
Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.
Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.
Та черта глубины,
За которой вставало

Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.
И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?
И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!
Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! –
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.
Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!
Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, –
О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.
В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.
Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек

Этот голос ваш мыслимый.
Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, –
Были мы наравне.
И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,
Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.
Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?
В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?
Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жизнь завещаю, –
Что я больше могу?
Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.
Горевать – горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать – не хвастливо
В час победы самой.
И беречь ее свято,
Братья, счастье свое –
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

ПОТОМОК ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Он родился почти с новым веком: восьмого сентября тысяча девятьсот первого года. В семье казака. И после смерти отца сам стал, как это было положено, казаком Камчатской команды. Казаком потомственным, чей род пустил корень в этой дальней земле лет, может, двести назад, возможно даже с тех пор, как привел сотник Тимофей Кобелев первый отряд поселенцев на Камчатку, которые, отстроив здесь крепости-остроги, осели в здешней земле, собирая ясак в казну государеву и собственную с непокорных ительменских родов.

А через двести лет инородцы-камчадалы сами ясак платили исправно и вовремя, без роптаний несли повинности, и властительными чиновниками жестоко эксплуатировалось теперь небольшое число оставшихся на полуострове казаков, рожденных от ительменских мамок: и с почтой они маялись, сопровождая на батах или собачьих нартах ее из Петропавловска в казачьи села – Усть-Камчатск, Тигиль, Ново-Маринский пост (Анадырь), Якутск и обратно – за тысячи верст. Охраняя ясак, выезжали за море-океан, в порту несли охрану казенных складов, на мысе Лопатка – бобровых лежбищ, а то и просто в денщиках прислуживали у начальства окружного или губернаторского, всюду терпеливо снося муштровку, зуботычины и холодный карцер. И все – за «шинелку» с погонами, паек и штаны с лампасами.

И несли свою службу каторжную, не подозревая даже о золотых денечках патриархов их старинных казачьих родов, и вставали на смену отцам, верные присяге своей и долгу перед царем-батюшкой...

Но вот свергли царя-батюшку, и шестнадцатилетний Сергей Селиванов попал в водоворот таких событий, о которых сегодня трудно говорить объективно. Поэтому мы продолжаем этот и последующий свой рассказ о гражданской войне и Советской Камчатке на основе того, что говорили о себе в восьмидесятых годах, когда и были написаны эти очерки, сами герои: в газетных ли статьях, при встрече с автором или говорили и оценивали моих героев и их поступки самые близкие для них люди. А история потом разберется: кто был или не был прав...

* * *

Восемнадцатый год... Камчаткой управляет колчаковский ставленник Червлянский. Коммунисты в глубоком подполье. Их здесь не так уж и много – ведь главные события гражданской войны решаются сейчас на материке.

Белякам здесь бояться особо-то и некого. Червлянский и иже с ним спокойны. Камчадалское население за эти два века приручено, по их мнению, к такому покорству, что вряд ли в чью инородческую голову придет мыслишка о свергнутых большевистских Советах. А придет – хватит здесь штыков, чтоб ее, каналью, оттуда ковырнуть. А еще где зашевелится – своими же руками и продырявят камчадалы эту голову: для того и создается в Петропавловске Камчатская военная команда из инородцев. Скорее же всего никого дела этой команде на Камчатке не найдется – так что отправим-ка этих камчадалов помогать адмиралу Колчаку в Сибири. Здесь же и милиции своей хватит: вооружены до зубов, военное дело и солдаты, и казаки знают, а то, что числом их не так много, так ведь и людишек в Петропавловске – раз-два и обчелся. Глубинка камчадалская не в счет – она за горами, за долами, за болотами, в тайге дремучей и тундре... Люди там тоже дремучие: нет им никакого дела до той революции в России, до Ленина и Колчака... Власть для них – кто дерет больше (другой не знают), так что здесь, на Камчатке, можно переждать всю эту революцию и войну гражданскую, как у бога за пазухой...

...Коммунистов в Петропавловске было только двое: Маловечкин и Воловников. И еще один кандидат – Фролов. А задача ставилась серьезная: нужно было сорвать формирование военной команды и завоевать доверие петропавловских милиционеров. Цель везде преследовалась одна – свержение колчаковской власти и установление Советской. А без вооруженных отрядов сделать это было попросту невозможно. Так что другого пути у них не было. И действовать нужно было без проигрыша...

«А как? – рассуждали они, собравшись на конспиративной квартире. На кого опереться? И есть ли она, эта опора, здесь?»

Камчадал? Оторванный от всего происходящего в стране? Не понимающий, а то и просто не подозревающий, что и где происходит?

Казак? Человек той социальной касты, что вымуштрован веками верноподданнической службы на благо его императорского величества, будь то Дон или Забайкалье, Кубань или эта самая Камчатка?..

Иль, может, на сынков купцов Машихиных, Подпругиных или Ворошиловых понадеяться? Так они своих сыновей сами, добровольно позаписывали в эту самую команду.

И все-таки, – соглашались между собой подпольщики, – опора должна быть. Ведь кто такой камчадал? Обездоленный, обворованный, замордованный инородец. По рукам и ногам связанный своим вечным долгом – ясаком. Зависящий от промысла рыбы или зверя, как та же чавыча от воды, и нет силы такой, чтобы оторвать его от реки или тайги. Разве лишь смерть. Может ли он стать по эту сторону баррикады? Если очень поверит в то будущее, в которое верим мы, коммунисты.

А казак? Это ведь тот же камчадал, но с дополнительной повинностью: то ли воинской, то ли полицейской, сразу и не поймешь. Недаром же он сам себя каторжником называет – значит и его эта власть допекла. И он подневольный. Так что, если поверит нам, коммунистам, будет с нами.

Кроме них там, в команде милиции, есть еще и русские: демобилизованные солдаты, бывшие сезонники с рыбных промыслов, то есть своя, пролетарская косточка, которые не по доброй воле пошли на службу...

А что касается сынков купеческих и папаш ихних – поговорим с ними позже. Придет время. А теперь давайте-ка распределим силы. Мы с Маловечкиным займемся военной командой. А ты, Фролов, давай записывайся в милицию. С завтрашнего дня – 1 августа. Иди, Фролов, действуй...

А во вторую годовщину февральской революции на общем собрании граждан Петропавловска по поручению подпольного комитета решено было дать слово Маловечкину. Чтобы привлечь на свою сторону население, коммунисты решают действовать открыто и идут на смертельный риск: Маловечкин гневно обличает на собрании зверства палачей-колчаковцев в Сибири и Приморье, говорит о самых насущных проблемах

Камчатки – о снабжении ее продовольствием и о кооперации. После его выступления равнодушных не было.

Взбешенный начальник милиции Закржевский подскочил к своим милиционерам.

– Арестовать! – махнул он рукой в сторону окруженного говорливой толпой Маловечкина.

– За что? Он сказал правду, – глядя прямо в глаза колчаковца, спросил старший милиционер Фролов.

Закржевский резко повернулся к стоящим рядом милиционерам Косыгину, Варнавину и Сергею Селиванову.

– Он говорил правду. Его не за что арестовывать...

Закржевский побежал в казарму. Но и оттуда он выскочил один.

...В ночь с 9 на 10 января 1920 года мела пурга. Ветер сбивал с ног. Сухая снежная крупа царапала лица, обжигала холодом руки, сжимающие винчестер или винтовку.

Город точно вымер в эту ночь – даже собаки молчали, хотя – Сергей это знал точно – по всем трем улицам Петропавловска – Большой, Таможенной и Третьей – двигались вооруженные отряды.

К утру все колчаковцы были арестованы. В двенадцать часов дня состоялось общее собрание. Пришла, как и в 1917-м, новая власть...

* * *

Осень двадцать первого... Из Читы поступило сообщение о военной экспедиции белых на Камчатку. На военных транспортах двигался отряд генерала Полякова и уполномоченного правительства – камчатского рыбопромышленника Бирича.

Облнарревком принял решение о создании партизанского отряда, командиром которого был назначен начальник петропавловской милиции Н. П. Фролов. С ним готовились уйти в сопки и все его сотрудники.

В конце октября в Авачинскую бухту вошли японские суда: крейсер «Ивами», миноносец и транспорт с военным десантом, а еще через несколько дней – русские военные пароходы – «Свирь», «Кишинев», «Батарей».

Партизаны отошли за город, где у них были заранее подготовлены базы. Отряд был небольшой – двадцать один человек – и противостоять белому гарнизону, конечно, не мог. Поэтому было принято решение об отходе в с. Кольгирь, за сто километров от города, чтоб поднять на борьбу с белогвардейцами охотников и рыбаков всех окрестных сел – Жупаново, Налычево, Шемлячика... После того, как отряд вырос, партизаны снова подошли к городу и перекрыли дорогу в центр Камчатки на с. Завойко, намертво блокировав белых в городе. Холода стояли жестокие, но посты на дорогах не снимались круглые сутки. А скоро был дан и первый бой...

Командир разведки В. М. Чекмарев сообщил в штаб, что из Петропавловска вышла группа белогвардейцев, человек тридцать. Главный у них – подполковник Лукомский. Цель: пробиться на западное побережье Камчатки.

Тревога. Краткий приказ. И вот уже партизанская засада на дорожном перевале зарылась в снег – белые камлейки хорошо скрадывали бойцов.

Показались нарты. Следом, на лыжах, двигался отряд. Солдаты не ожидали никакого нападения – видимо, думали, что слухи о партизанском отряде – обыкновенная выдумка. Но дружный залп из винчестеров убедил их в обратном, смешал ряды. Кто-то, правда, попытался было отстреливаться, но камчадалы-снайперы быстро находили в снегу серую мишень. Белые спешно повернули назад. Сам Лукомский соскочил с нарт и бросился в лес. Но его уже держал на прицеле партизан Тимофей Трухин.

А на другой день против партизан выступил с отрядом в 80 человек сам генерал Поляков. Он хотел одним ударом уничтожить малочисленный партизанский отряд. Бой длился больше часа. И он тоже оказался проигрышным для белых, несмотря на изрядный перевес в силе. Потеряв убитыми шесть человек, белые вынуждены были отойти в город. Блокаду прорвать им не удалось.

* * *

Весна двадцать второго... Сергей Селиванов служил в партизанской разведке. Лучшие лыжники отряда собрались здесь.

И недаром прозвали их красными орлами, и группу – летучей: словно на крыльях перемахивали сопки, чтоб за Мишенной у Сероглазки в дупле ветвистого тополя или березы найти сообщение жены своего командира, которое тайно приносила сюда шестнадцатилетняя связная Вера Панова. Или через Петровскую и Красную сопки по берегу Богородского озера выходили к колонии прокаженных в Раковой бухте, где встречались с другим связным – фельдшером Беляевым.

Но чаще всего Сергей пробирался тайком в город, домой. Отчим, Константин Александрович Штрандман, тоже был партизанским связным.

...На этот раз Сережа пришел пораньше – по сопкам только-только разливались сиреневые сумерки.

Бил тело сухой колючий кашель. Горло драло внутри, точно кто его веткой шиповника прочистил. Жар опалял лицо, сушил губы...

В отряде разрешили остаться дома до утра. Немного отогреться, но с рассветом, получив разведанные, обязательно уйти.

Ночью разбудили громкие удары в дверь. Били чем-то тяжелым. Скорее всего – прикладом.

Только успел скользнуть в подпол, как тяжелая крышка захлопнулась. На колени упало что-то мягкое и обступила тень... А наверху раздавались чьи-то голоса. Спрашивали о нем. Видимо кто-то заметил и сообщил. Или просто проверка – на всякий случай, дом-то на подозрении.

А кашель подступал все ближе и ближе. И уже не было сил сдерживаться, когда рука снова коснулась мягкого, что бросила ему сюда в последний момент мать: подушка! И Сергей ткнулся в нее лицом, содрогаясь всем телом в кашле... Белые ничего не услышали. Обессиленный, прямо на картошке и уснул. Его укутали потеплее, а будить не стали – все не под кустом в лесу, не в обледенелой землянке.

Утром, с донесением Штрандмана, минуя посты белых, прошмыгнул за город. Идти было тяжело: лыжи шаркали по оплывшему заледенелому снегу, как по наждаку. Сергей снял их и пошел пешком. Был уже крепкий наст, и он даже не про-

валивался. Значит, весна скоро, – радостно отметил он про себя. – Настоящая весна – с ручьями, теплом, солнцем. Сергей огляделся. Ого! Почки вон уже как понабухли – клейкие, тугие, нажми – сок брызнет. Да, скоро уже земля откроется, обдаст парным теплом. А там, глядишь, и белым конец. Недаром дядя Костя говорит – лютуют они в городе. И лиса в капкане скалится. А потом лапу отгрызет и – в тайгу. Нет, этих зажали крепко. Только за японскими пушками на крейсерах и спасаются. Но в Камчатку не прорвутся. Разве только на пароходах уйдут. Ну и пускай дают деру...

А денек разгорается славный: солнышко хворь как рукой снимет. И приятно сознавать, что ты сдюжил, сдержал свое слово, клятву свою, данную еще в двадцать первом, когда коммунисты отряда приняли тебя вместе с Василием Зориным в комсомол...

Он навсегда останется в памяти, тот день, та клятва: «Клянись, что жизнь свою посвящу борьбе за освобождение и счастье трудового народа... не испугаюсь трудностей... выдержу все испытания... и если потребуется, отдам свою жизнь для строительства новой жизни на земле...»

Нет, никто не скажет, что подвел Серега, не сдержал своего слова, сдрейфил. Он готов продолжать борьбу. А вот беляки зашевелились: дядя Костя говорит, что скоро прибудет в Петропавловск какой-то батальон смерти... Да, нужно будет сразу целый батальон покойниками делать, чтобы это их название оправдать... Так что надо спешить в отряд, время не ждет, еще не время на солнышке греться... Но придет оно, наше время!..

* * *

Лето 1922 года... Начальник штаба партизанских отрядов (возле Петропавловска дислоцировалось уже четыре партизанских отряда) Фролов прочел экстренное сообщение связного из города. Нахмурился. Приказал собрать разведчиков.

– Вот что, ребята. Нынешний комендант города, капитан Поярков, приказал никого не выпускать из города. А кто попытается пройти в город или уйти – арестовывать и пытаться, как партизанских связных. Короче, прекратив торговлю, он

хочет оставить население уезда без продуктов и настроить народ против партизан: дескать, это они перекрыли дорогу. А в результате попытаются использовать это недовольство для массированного удара по нам – там, глядишь, и завойкинцы в спину ударят – кулачье. Пора, орлы, кончать с этим выродком – достаточно уже он нашей кровушки попил. Есть план. Мне сообщили, что в последнее время комендант постоянно ночует в одном из домишек на Третьей улице. Что если мы зайдем к нему в гости с Петровской сопки и попотчем горячим ужином? А? Ну, тогда готовьтесь в ночь. Погодка сегодня в самый раз...

...Смеркалось быстро. Когда поднялись на вершину Петровской сопки, лишь Авачинская бухта чуть светилась внизу, да кое-где в подслеповатых окнах городских домишек бился изнутри дрожащий огонек жирников или свечей, а все остальное поглотила тьма – густая, как растопленный вар для про-smолки шлюпок.

Спускались осторожно, друг за другом. Фролов, Метальников, Трухин, Пересвет-Солтан, Старцев, Селиванов.

– Т-с-с... Ложись. Кажись, пришли.

Две тени метнулись к ограде и растаяли в темноте. Дождь скрадывал шаги. И только врожденное чутье подсказывало, где сейчас Метальников и Трухин.

Вот они пересекли двор. Пробрались к окну.

– Пошли, – толкнул Сергея в бок сосед, – нас зовут...

Трухин уже пристроил у окна небольшой бочонок, влез на него, прижался щекой к прикладу винчестера. Польшнул из ствола огонь. Грохнул выстрел. И зазвенели осколки стекла, разбрызгивая свет...

* * *

С открытием навигации 1922 года в Петропавловск из Владивостока прибыл батальон смерти. Командир батальона Ильин был назначен новым комендантом Петропавловска и сразу же приступил к разработке плана уничтожения партизанских отрядов, дислоцирующихся в районе сел Халатырка, Паратунка и Авача.

Вечером 31 июля паратунским партизанам из отряда Г. Елизова сообщили, что пароход «Свирь» подошел к берегу и высадил десант в бухте Тарья – не менее тридцати человек. К ночи они могут быть уже в Паратунке. Жители спешно покинули село. Остались лишь несколько парней, которым доверили в паре с партизанами занять посты, и семь партизан – остальные в это время были в разъездах...

Никто не спал в эту ночь. Под рукой было оружие. А время тянулось медленно, как унылый вязкий дождь на дворе. Конечно, можно было отступить – силы были слишком не равны. Но важнее отстоять село – ведь людям нужно будет куда-то возвращаться. И они верят в партизан. А потому необходимо принять бой.

И об этом бое Сергей Афанасьевич Селиванов будет вспоминать потом:

«Была глубокая ночь. Хотелось спать. Командир уже было принял решение – снять часового с наблюдательного пункта у церкви, как вдруг раздался неистовый лай собак. Дверь избышки открылась, и мы услышали крик часового:

– Нас окружают белые!

Мы немедленно бросились на улицу и услышали властный голос своего командира: «Товарищи! К бою приготовьтесь!». Одновременно незнакомый голос где-то подал команду в темноте «Пли!». И ночную тьму прорезали огненные языки из нескольких десятков винчестеров. Не успев даже выстрелить, упал смертельно раненый командир, наш товарищ Елизов. Укрываясь за линией огня, мы яростно сопротивлялись. Расстояние между нами – горсткой партизан и во много раз превосходящим нас белым отрядом – составляло не более 10–15 метров. Отстреливаясь, мы вынуждены были шаг за шагом отступать, унося на руках раненого командира. В это время пошел проливной дождь. За нами еще слышался треск винчестеров, но белые, видимо, не ожидавшие такого яростного отпора, побоялись преследовать нас в темноте. Постреляв еще немного, белобандиты оставили село. И когда на другой день в него прибыл весь наш партизанский отряд, от белых не осталось и следа».

Елизова похоронили здесь же, на месте его последнего боя.

* * *

В августе Ильин разработал план нападения на главный партизанский отряд, штаб которого размещался около села Авача.

«Мы начали готовиться к бою, – вспоминал Н. П. Фролов, – все мелкие партизанские отряды собрали вместе, усилили разведку, а в ночь на 15 августа, когда из города должны были выйти белогвардейцы, мы заняли самые важные укрытия на подступах к Аваче, а один отряд послали контролировать дорогу на Завойко.

Рано утром показались белогвардейцы. Впереди шла разведка. Мы ее пропустили, а как только основная часть белогвардейцев вышла на открытое место, дали залп. Белые бросились с дороги по направлению к Авачинской бухте и стали отстреливаться. Крутой берег на время скрыл их. Но партизаны обошли берег и с двух сторон снова открыли огонь. Белогвардейцам пришлось спуститься по крутому берегу к Авачинской бухте и по берегу уйти в город. Так бесславно закончилась авантюра, на которую возлагали столько надежды Поляков и Бирич. В этом бою мы не потеряли ни одного человека... героически сражались все партизаны, и особенно отличились Метальников, Глухарев, Мандебуро, Старцев, Пересвет-Солтан, Чекмарев, Ивашкин, Селиванов и другие...»

* * *

Осень 1922 года завершилась. Подходила к концу и гражданская война на Дальнем Востоке.

10 ноября партизанские отряды вошли в Петропавловск. В городе установлена Советская власть. Милиционеры-фроловцы вернулись к прежней службе, не менее сложной и опасной, чем в партизанском отряде. Они были и чекистами, и таможенниками, и сторожами, и следователями. На службе, во время обыска у оружейника Киселева, встретился Сергей со своей Наташей.

В городе с 1923 года действовала инициативная группа – Виктор Соловьев, Алексей Шишкин, Борис Григорьев, – подготавливая первый отряд камчатской молодежи для вступле-

ния в комсомол и создания комсомольской организации Камчатки.

Собрание состоялось 8 июля 1923 года.

В областной газете «Полярная Звезда» 22 июля этого же года был опубликован список тех, кто получил билеты с первыми камчатскими номерами – восемнадцать действительных членов РКСМ, девять кандидатов с трехмесячным стажем и четыре кандидата с шестимесячным стажем.

Но были уже и свои ветераны комсомола – секретарь горрайкома Виктор Соловьев, красные партизаны Василий Зорин и Сергей Селиванов, оперативные работники органов ГПУ Александр Домман, Алексей Чмыхалов, Леонид Суворов, Петр Могутин, Николай Одляницкий...

После отъезда с Камчатки Соловьева секретарем горрайкома избран Сергей Селиванов. В тот же год он подал заявление о вступлении в партию и стал коммунистом ленинского призыва...

* * *

Он был в самой гуще событий и дел. Его ставили на самые ответственные участки, и он брался за новое дело уверенно, напористо, азартно. И никто не знал, что он уже болен, неизлечимо по тем временам...

Член губбюро РКСМ, коммунист Селиванов в 1925 году направлен в Усть-Камчатск, где начинается строительство первого советской рыбной промышленности на Камчатке – рыбоконсервного завода на восемь линий.

В 1928 году начинается подготовка к коллективизации. Сергея избирают секретарем сельсовета в Елизово. И здесь, в Хуторе, демобилизованные камчатские пограничники создают первый на полуострове колхоз.

В 1932 году Сергея Афанасьевича командировывают в таежное село Ключи. Теперь он плановик-экономист на Ключевском деревообрабатывающем комбинате – первом лесоперерабатывающем предприятии Камчатки, пущенном в этом самом, 1932-м году...

Все было новым по тем годам. А у него было церковно-

приходское образование и несколько классов духовного училища, из которого он был изгнан за непослушание... Основу новых знаний положила учеба на рабфаке во Владивостоке. Это было в 25-м. Потом уже и знания, и силы брались из бессонных ночей и постоянной сжигающей его работы.

В 1941 году пошел на фронт. Не допускал мысли, что имеет право на бронь, что может быть негодным по состоянию своего здоровья. И добился своего – ушел добровольцем... А через девять месяцев привезли его обратно. И жена Наташа, Наталья Трофимовна, не узнала мужа своего, Сережу, в этом старике с седой, по пояс, бородой.

А он невыносимо страдал. И страдал не столько от боли, сколько от собственной беспомощности. И сжигал себя уже этим. Сжигал дотла...

* * *

И дети пошли в него.

Шестнадцатилетний Интерн в войну устроился на пароход юнгой. Потом выучился на моториста. Работал в морском торговом порту. По комсомольской путевке после окончания войны Интерн Сергеевич был направлен на Южный Сахалин, освобожденный от японцев. И тут раскрылся отцовский характер: простудился в море во время работы и умер совсем молодым.

Затем в самостоятельную жизнь вступил Анатолий. Его приняли учеником радиста. Тоже в шестнадцать лет. Азбуку Морзе он освоил в первую же ночь. В первую свою бессонную ночь. Такой уж тоже был характер. Отцовский. Литой.

Уже опытным специалистом, мастером послали его на соревнования в Москву. И Селиванов был в первой десятке лучших радистов страны, представляя далекую Камчатку.

Он увлек своим делом и младшего брата, Сашу, теперь уже Александра Сергеевича. Выучил его радиотелеграфному делу. И Саша получил трудовую книжку одновременно с паспортом. По-селивановски, они не боялись никакой работы, выполняя ее честно, как это сделал бы отец. Как делал он это всю свою жизнь.

МАРШРУТ БЕССМЕРТИЯ

Февраль стоял злой. Мороз дыхание перехватывал. А то – пурга срывалась. Сухая, обжигающая, лютая. Будто другой погоды здесь и не бывало. И год голодный – после недохода рыбы в 1922-м. Да и мужики – все, кто рыбными делами должны были заниматься, охраняли все лето побережье от белых. А закон камчатской природы таков: лето пробедовал – зимой погорюешь, повоеешь от голода, как вон те собаки, что дерутся сейчас из-за куска кислой рыбы.

Над Паланой – деревушкой северной – дымы молочные, упругие, стоймя стоят. Иней, как свежий снежок – по щиколоть. Блестит. Переливается. Скрипит под торбасами. Ветки тальника ледяными хрусталиками, как бисером, так тесно унизаны, что издали кажется – в заячью шкурку кто-то завернул, и мех – густой, толстый...

...Тигильчане пили в избе черный чай. Блестели лбы в росинках пота. Цокали, рассказывая, как подловили летом белых на Тигиль-реке, как добирались нынче в Палану, чтобы двинуть отсюда на север, к белой Гижиге; о том, что подходят сюда красноармейские отряды из Петропавловска добывать супостатов. Они уже где-то совсем рядом. В пути должны соединиться. Два отряда идут: один – по западному, другой – по восточному берегу. По десять человек в каждом. Тигильский – третий. И здесь десять человек. С недельку отдохнут в Палане, пока отряд командира Чубарова подтянется. И вперед. До Каменского – там уж все вместе соберутся.

Их слушали внимательно. Переспрашивали о тигильских родниках – о событиях летних и об отрядах красноармейских были понаслышаны – Палана, наверно, волостной центр!

Потом паланский командир партизанского отряда Сарафанников повернулся к Пантелею Лонгинову:

– А ты, однако, парень, собирайся. Без толмача там не обойтись. Семьи у тебя нет – так что охотой, как другие, сейчас не связан... Поможешь, если что: стрелок ты хороший...

И вот дорога. Снег. На все четыре стороны. Сухие былин-

ки-травинки. Солнце, далекое и холодное, как будто сквозь слезу видится.

Ночевка в Кинкиле. Брат Пантелея, Иван Лонгинов, учитель здешний, не ожидал гостей. Проговорили до утра. Трепыхался огонек жирника. Причудливые тени, как мыши летучие, налетали со стен на свет. Потрескивали дрова. Сквозь дыры и щели печи золотом и пурпуром играл огонь, излучая желанное с холоду тепло.

Утром поднялись, чуть забрезжил рассвет. Таяла, голубела ночная синева. Выцветали звезды на зеленоватом спросонья небе. И вспыхнуло все, едва выкатился из-за сугробов малиновый слепящий диск. Соком раздавленной брусники брызнуло в снег и ударило по глазам звенящей небесной голубизной – словно ребенок открыл свои лучистые глазенки.

А там, за горизонтом, Кинкиль, Кахтана, Лесная... Бегут нарты между сопок высоких и снежных к перевалу через Карагинский хребет. И уже были почти у цели, когда дохнуло с вершин в их сторону «камчаткой» – ветром – и лишь только успели спрятаться в дорожной юрточке, как разгулялась непогода, обложив со всех сторон. Дорогу впереди перекрыло так, что хоть возвращайся теперь, разворачивай...

Тут их и догнал Григорий Чубаров. Познакомились. В дымной низкой юрте, под свист иззобленного ветра. Высокий. Крепкий. Белозубый. Ясноглазый. За таким можно и на край света идти.

А пока вернулись в Лесную. Расположились втроем у земляка Пантелея – учителя Володи Сновидова: Чубаров, Андрей Лукьянович Мухин – командир тигильчан и Лонгинов – переводчик, толмач. Остальные – у многочисленных лесновских Ягановых и Нестеровых. Нужно было переждать непогоду и дожждаться посланного на восточный берег, в отряд Зенкова, красноармейца Высоцкого. И за две недели, проведенные в Лесной, крепко подружились Пантелеи с адъютантом Чубарова – Парамоном Козловым. Дружба эта пройдет через всю их жизнь.

И снова дорога. Распогодилось. Потеплело. Занастило снег. И погнались собак напрямую, через Подкагерную, на Каменс-

кое. Рекинникские коряки дали оленей: теперь можно было не беспокоиться о корме – олень в тундре сам себя накормит.

По Рекинникскому долу ехали уже с осторожностью: коряки предупредили о движущемся навстречу белогвардейском отряде.

Чубаров дал приказ готовиться к бою. Нужно было видеть, как посветлели лица красноармейцев, когда они взяли в руки свои трехлинейки, заклацали затворами. Парамон вогнал обойму:

– Вот теперь настроение боевое.

Пантелей положил рядом с собой в аргизу винчестер. В его задачу входило вовремя предупредить каюров-коряков в отряде белых, чтобы они не пострадали в возможной перестрелке.

И вот два отряда стремительно приближаются. Аргиза, другая, третья... пятнадцатая... двадцать восьмая... И не подозревают белые ничего. И думать не думают, что каким-то образом может оказаться отряд красных, которые только в ноябре вступили в Петропавловск, в этом забытом идолами и богами, выстуженном морозами крае.

– Встать! Руки вверх! – бьет, как выстрел. И точно в цель – поднимаются с аргиз растерянные, испуганные; обомлев, они тянут вверх руки. Но вот гремит первый выстрел – это военком Чернов «поднял» не подчинившегося приказу капитана Грундульса, старшего... И снова выстрелы, выстрелы, выстрелы на пути к Каменскому... И расстрелы... Вот они-то вспоминались и через семьдесят лет тяжело. Особенно запомнился молоденький прапорщик. Совсем юный. Он умолял не убивать...

А там, после того, как к ним присоединился отряд Василия Зенкова, дорога стала «чиста» на много верст окрест.

До Гижиги и Няяхана оставалось несколько дней пути.

Пригревало солнце. Дышалось легко, в полную грудь. На привалах, перед чаевкой, мерялись силами, боролись, бегали, разгоняя кровь. И никто из молодежи не думал о смерти. О бое – каждый. Азартно. Хотя и обжигала порою мысль: «А их там ведь побольше сотни..». И снова молодость брала свое.

Вот только тяжело было смотреть, как ительмен Федотов тосковал о детях. У него их было двое. Желу похоронил недавно. Он думал о них всю дорогу, тоскливо и одиноко. По-

рой, на привале, даже с нарт (до Гижиги ехали снова на собаках) не слезал. Пытались развеселить – улыбался виновато... Словно предчувствовал, что не понесут его обратно быстроногие гижигинские собаки и рекинникские тонконогие олени, не крикнет он привычно на своих охотничьих лаек, не пригласит жесткие волосенки черноглазых своих ребятишек...

В Гижиге Бочкарева не было. В этот день утром он отправился в Наяхан, где была радиостанция, чтобы связаться с американцами и выяснить время прихода судна, на котором можно будет бежать из «совроссии». А здесь оставалось человек пятнадцать солдат, которые беспечно отмечали пасху. Тогда вместо пасхальных яиц им подбросили в окно казармы несколько «лимонок». Потом еще. Вскоре из разбитого окна показался штык винтовки с белой грязной тряпкой на острие. Так что этот бой выиграли без потерь. Только ночью в красноармейца Высоцкого кто-то выстрелил. Пуля обожгла ногу, но Даниил, падая, успел приколоть стрелявшего штыком.

Этой же ночью в Наяхан отправилась разведгруппа Зенкова, в которую вошли также партизаны Наседкин, Федотов, Черемпей. На рассвете выступила и группа Чубарова. Пантелея с остальными партизанами оставили в Гижиге – в засаде: в любой момент в спину красноармейцам могли ударить и другие отряды белых, которых немало кружило по тундре.

13 апреля 1923 года с трех часов утра и до позднего вечера продолжался в Наяхане последний бой гражданской войны на Дальнем Востоке. Парамон потом рассказывал другу: белые закрепились в двух зданиях. В одном – там находилась радиостанция – солдаты. В соседнем – офицеры во главе с Бочкаревым. За белыми в этой ситуации сохранялась сила – численное превосходство. За красными – натиск. Но бой затягивался и силы таяли. Убиты Зенков, политрук Гаврилов, красноармеец Кузнецов, не стало Федотова, умирал раненый боец Строт, выбыли из строя Сувейзда, Береницын...

Когда же подошли отряды, отправленные вслед чубаровцам с Камчатки и материка, в Наяхане и Гижиге была уже новая власть.

... Когда вернулся в Палану, здесь уже зеленело все. Таль-

ник выбросил узкие листочки. Цвела тундра. Палана-река кипела от серебряного лосося.

А в селе тишина. Все на рыбалке. Летний день – весь год кормит. Так уж веками заведено и не изменишь, наверно, даже новой властью.

Ан нет. Уже на следующий год при устье реки появилась фактория Охотско-Камчатского акционерного рыболовного общества (ОКАРО) и все излишки от промысла можно было за деньги сдавать туда, как на завод Эккермана, что стоял на устье прежде. Только цена теперь рыбе другая, так что рыба не только кормить, но и как охота одевать-обувать камчадала стала. И на черный день теперь можно было что-то отложить – на случай недохода рыбы. Так что рыбачили артелями весело.

А осенью, когда закончили с рыбалкой, а время охоты еще не подошло, повстречался Пантелей с Николаем Федоровым, коммунистом с фактории.

– Собираем молодежь, чтобы комсомольскую ячейку создать. Как ты? Пойдешь?

– А что делать-то там нужно будет?

– Вот приходи вечером и поговорим.

А вечером Федоров рассказал о Российском Коммунистическом Союзе Молодежи. О Петропавловской городской организации. О губбюро РКСМ. В нем, оказывается, был и однокашник Пантелея по училищу – Сергей Селиванов.

– Пиши Логиновых в комсомол... Пантелея Васильевича, Сусанну Васильевну... Африкана Петровича, Владимира Петровича... Марию Алексеевну... Филарета Иннокентьевича...

– Мохнаткиных пиши... Тойля, Савву, Семена, Улиту...

– Шмагина Михаила.

– Захара Бречалова!

– Сновидовых пиши...

...Федоров оторвал глаза от списка, поднялся из-за стола:

– Ну что ж, теперь вы комсомольцы, а это значит – во всем должны быть первыми. Но для этого учиться надо. Обязательно. А кто уже более-менее грамотен, тот других учить должен. Закон теперь у нас знаете какой? Один – за всех, все – за одного! Ясно?!

И еще. Село наше волостное, центральное. А вокруг, куда руку ни кинь, неграмотность сплошная. И среди ительменов, и среди коряков. И потому нужно направить туда своих ребят, самых лучших, чтобы представляли они в тех селах власть советскую, открывали людям глаза, помогали жизнь строить там новую...

...Секретаря комсомольской организации Владимира Сновинова решено было направить учителем в Кахтану.

Через год, уже в 1925-м, направляют комсомольцы Паланы учителем в Кинкиль Пантелея Лонгинова.

И он заново повторяет тот боевой маршрут: Кинкиль, Кахтана, Лесная – маршрут Советской власти. Только оружие в его руках было сейчас самое мирное – знания.

...Но недолго это продолжалось. Пришли другие времена – и был осужден, сослан в Иркутскую область и только через сорок лет вернулся на родину. А в 1972-м пришла печальная весть о смерти друга – Парамона Козлова, который самолично расстрелял убийцу Сергея Лазо – Бочкарева... И больше не осталось в живых уже никого из бывлых товарищей по оружию, вот только, может быть, жив еще Филипп Сыроежкин – он где-то в Средней Азии, но потерялся след... А письма по-прежнему приходят из самых разных мест – теперь уже от сыновей боевых товарищей. Пишут Валентин Григорьевич Чубаров, Иван Петрович Черемпей.

И уже с ними Пантелей Васильевич заново проходит тем легендарным маршрутом гражданской войны. Маршрутом бессмертия...

БРАТЯ СЫЧЕВЫ

Сычевы. Это была большая семья.

Шестеро братьев не вернулись с войны, последний из них, Игорь, погиб в Берлине 9 мая 1945 года. Уверен, что о каждом из тринадцати родных и сводных братьев и сестер Сычевых можно написать целые книги.

Этот же рассказ о старших – Евгении и Георгии. О тех, кто начинал строить на полуострове свою новую жизнь.

Китобои

Никогда Камчатка не была хозяйкой собственных богатств – на суше, на море.

Пушнина расходилась за бесценок по рукам своих и чужих купцов Косыгиных, Брагиных, Свенсонов, Гибардов, Филиппеусов, Уолшей, Му Ин Данов...

Тресковая печень одной только Явинской рыболовной банки на западном побережье Камчатки за путину троекратно покрывала все расходы на промысел американских тресколовов Фришенов и Фалкенбергов.

Одна только лишь команда брига «Пай» во главе с капитаном. Потом уничтожила за один набег 1 500 моржей на Семеновской косе острова Карагинского. Американцы вырубали моржовые клыки и бросили туши на берегу. Звери ушли из этих мест и не появились до сего дня.

В результате постоянных набегов японских и американских браконьеров не стало на Командорских островах многих котиковых лежбищ. Почти полностью были истреблены морские выдры – каланы. Выбиты практически все киты в богатейшем промысловом районе – у Шантарских островов.

От камчатского лосося «жирели» Демби, Биричи, Эккерманы, Менарды и целая свора японских рыбопромышленников под вывесками «Хокце Гио Гио Кабусики Кайша», «Хокай Сейкай Соокой Кабусики Кайша»...

В апреле 1917 года Нестор, епископ Камчатский, писал: «...я очевидец голода и нужд населения, за свое десятилетнее служение в Камчатской области подтверждаю, что население неотложно нуждается в помощи». Вот такие последствия были у этого открытого грабежа камчатских природных богатств.

Но даже после установления на полуострове Советской власти в 1922 году остановить браконьеров было чрезвычайно сложно: на два тысячеверстных побережья было практически одно сторожевое судно «Красный вымпел».

Чтобы как-то противостоять хотя бы хищническому истреблению в наших водах китов, Советское правительство подписало в 1923 году концессионный договор сроком на 15 лет с

представителями норвежского акционерного общества «Вега» о монопольном праве общества на промысел китов в камчатских и чукотских водах. «Вега» же, со своей стороны, обязалась выплачивать СССР пять процентов с каждого заработанного ею рубля. Но главное – она должна была подготовить советских мастеров-китобоев: гарпунеров, разделщиков-крючников и жиротопов.

В первых числах июня 1925 года капитан китобойной базы «Командорен-I» Отто Пауст принял на борт шестерых камчатских парней, среди которых был и Евгений Сычев. Пятерых определили на разделку и жиротопку, а одного, Ивана Акимова (Игрушечкина), сделали подручным гарпунера. Расстановку производили уже в море: капитан спешил на промысел. И работа обрушилась на всех, как шторм, мгновенно и во всю силу уже в бухте Моржовой у Петропавловска. Четыре китобойца безостановочно подводили к базе все новые и новые туши. Разделявали их прямо на плаву – слипа на «Командорене» не было. Китов же доставляли много, поэтому снимали только верхний жир, а все остальное бросали, нередко даже китовый ус... Капитан торопился. И были у него на это основания и особые причины.

Русские работали наравне со всеми – норвежцами, шведами, канадцами, филиппинцами, китайцами, американцами, немцами, всех было около тысячи пятисот человек, говорящих на такой ужасной смеси наречий, что даже камчадалы понимали их. Когда же дело касалось принципиальных вопросов, переходили на английский. За переводчиков были Дмитриев и Акимов.

С первых же дней шестерку русских возмутила промысловая политика капитана. Она была явно направлена против интересов советской страны. Заявили об этом. Пауст грубо оборвал и отчитал молодых полпредов: «Договор подписан, и не вам его уточнять. Ваше государство заинтересовано в нашей прибыли – именно с нее и вы получаете определенный процент. Прибыль же складывается: во-первых, из штук китов, во-вторых, из килограммов жира. Мы можем взять на борт сорок тысяч бочек жира, вот и нужно спешить взять то, что нам положено. А расчет с вами идет от бочек, а не от китов. Вот бочки и считайте – их много! – и радуйтесь. И не суйтесь ко

мне больше со своими дурацкими вопросами. Здесь хозяева, слава Богу, не вы, а мы. А мы не коммунисты, мы деловые люди».

И снова чуть не сутками, без отдыха разделявали они туши, срезая жир и бросая все остальное. А жиротопные камеры равнодушно поглощали все новые и новые порции. Разогнуться было некогда, не то, что вникнуть в премудрости технологии разделки китов или перетопки жира. Пауста, по-видимому, это очень даже устраивало. Но не русских.

– Мы вынуждены протестовать. Во-первых, вы нарушаете в наших водах закон о нормированном рабочем дне. Во-вторых, вы желаете получить от нас, как от рабочих, сполна, но при этом не желаете расплачиваться с нами так, как положено. Поэтому мы требуем сокращения рабочего дня и обучения нас всему, что предусмотрено договором. В противном случае мы отказываемся работать на таких условиях и вынуждены будем обратиться к своему правительству.

Пауст побелел от злости.

– На «Командорене» нет университетов. Единственный университет – ваша собственная работа. Для ее освоения я предоставляю вам все двадцать четыре часа в сутки. Это раз. На моем судне не было и никогда не будет профсоюзов, как и Советской власти с ее законами, – это два. И потому я не принимаю ни одного из ваших требований, можете не работать. Но расчет с вами я буду производить по тем законам, что положены на норвежском судне, где капитан Отто Пауст.

Но через несколько дней к группе обработчиков и жиротопов были прикреплены опытные мастера.

Флотилия вслед за китами вышла из бухты Моржовой и пошла на север в бухту Глубокую. Здесь, с базы наблюдали моряки, как целым стойбищем, на вельботах и байдарах, окружив кита, метали чукчи в него гарпун с воздушным мешком на конце длинного линя и долго преследовали животное, пока выдохшийся гигант не выбрасывался сам на берег или не погибал от пуль охотников-промысловиков. И тогда на берегу начинался праздник китобоев.

А на «Командорене» все повторялось заново. Сновали, как челноки, китобойцы. Покачивались туши у бортов базы. Ки-

пела работа. И горы китового мяса ненасытно поглощал океан, как жиротопки – свои порции-куски...

Сжимались от бессилия кулаки русских парней. Самодовольно, надменно поглядывал на них с капитанского мостика Отто Пауст. Равнодушны были мастера. Усталые рабочие безропотно покорны. Кое-кто уже подсчитывал в уме прибыль. Добыто 286 китов. Финвалов. Горбачей. Калифорнийских серых. Кашалотов. Синих. И это все за пять месяцев. Тут озолотишься. Получено полтора миллиона килограммов жира. Это не меньше 400 тысяч рублей золотом. Стоит ли жалеть о каких-то китах?! Странные эти русские...

В октябре затяжелевшая матка с четырьмя китобойцами вошла в Авачинскую бухту. Вот и снова дома. Тепло распрощались с теми, кто был рядом все эти дни. Сухо – с капитаном: только несколько общих слов.

Через несколько дней после возвращения они отчитывались на губбюро РКСМ. Николай Дмитриев подготовил доклад об орудиях и средствах охоты на китов, Булатов – об обработке китов и приготовлении жира. Остальные дополняли. Доклады понравились даже тем, кто мало что понял. Было в них главное – уверенность в своих знаниях. Это-то и радовало всех – ведь решался вопрос о создании своей дальневосточной китобойной флотилии.

А потом посыпались вопросы. И посуровели лица, погасли улыбки, злые желваки забегали на скулах... Плыли и плыли перед глазами огромные окровавленные туши и медленно погружались в океан, разлагались, выброшенные на берег: обжирались и чумели от них лисицы и песцы...

Нет, это не должно повториться – необходим жесточайший контроль за деятельностью этой самой «Веги». Или разорвать, к чертям, договор. Убереглись, называется, от хищников. Как же! Это от Норвегии далеко: там не аукнется, не отзовется бедой. А здесь... – не в свой же колодец плюешь...

В июне 1926 года «Командорен» снова вошел в Авачинскую бухту. Теперь он взял на борт десять русских. Второй раз пошли в море обработчик Николай Дмитриев и гарпунер Иван Акимов, остальные были новенькие. Перед выходом в море

капитан Отто Пауст и председатель Камчатского окружного бюро профсоюзов Соколов подписали договор. Теперь рабочий день у русских не мог быть больше 10 часов. Зарплата выплачивалась в иностранной валюте. За переработку – двадцать процентов доплаты.

И снова совершен круг в океане вслед за китами. Основным промысловым районом были избраны Командорские острова. Из 284 добытых китов 110 были загарпунены здесь. И здесь же, в бухте Лисинской, их разделали и бросили. Рядом с котиковыми лежбищами. Здесь же, на месте преступления, застало их охранное судно «Брюханов» под командованием капитана А. И. Дудника.

В ноябре этого же года Совет Народных Комиссаров принял решение о расторжении договора с акционерным обществом «Вега». Нарушения договорных условий были очевидны. И смысл этих нарушений, направленных против интересов страны Советов, также.

Необходимо было создавать свой китобойный флот, свою – советскую – китобойную промышленность. Речь об этом шла уже давно.

Но не сразу все это решилось. Прошло несколько лет, пока в июне 1933 года китобойный промысел в Беринговом море открыла первая советская китобойная флотилия «Алеут». В числе ее специалистов были и товарищи Евгения Сычева – Николай Дмитриев и Иван Акимов.

На Уэлен и Диксон

Имя радиста Георгия Сычева хорошо известно на Севере. Это он принимал радиogramмы с легендарного «Челюскина» и через него вся страна следила за подвигом челюскинцев в Арктике.

Здесь, в Уэлене, с учителем Петром Скориком и секретарем Чукотского райревкома Михаилом Аристовым организуют они первую чукотскую ячейку РКСМ.

Отсюда начинается его дорога по Севморпути, которая улицей имени Георгия Сычева ляжет на Диксоне, навечно останется в памяти полярников Тикси.

Кроме того, он будет еще и камчатцем. Вот об этом он и расскажет нам сам.

* * *

«Специальность моя – радио. Ему я отдал полвека. Из них 27 лет – Арктике, 15 лет – Петропавловску-Камчатскому, четыре года – на Великой Отечественной войне, остальные – в Москве. Отец и мать в поисках хлеба насущного попали из Петербурга на Камчатку, а отсюда – на Командорские острова, на остров Беринга, в село Никольское, где я и родился 27 апреля 1903 года. Отец тогда работал в торговой компании, снабжавшей Камчатку, Чукотку и Командорские острова всем необходимым... потом жили в Тигиле... Петропавловске...

Среда, 24-е августа 1927 года. Как член горсовета я был на расширенном заседании президиума. Впервые за много лет существования города избранники народа обсуждали вопрос о постройке городской электростанции. Установку двигателей предложено сделать в нынешнем году. Все необходимое выписывается из Америки. Столбы по всем улицам (Ленинской, Таможенной, Нагорной) уже установлены. Предположительно киловатт-час электроэнергии будет обходиться гражданам 50 коп., правительственным учреждениям – 1 руб.

Суббота, 17-е сентября. Вечером собрались в гости к одним знакомым. Чудные это были сборы: у меня нет ботинок, рубаха и брюки рваные. У Коли Медведицына (он живет у нас несколько лет и считается нами как родной) тоже брюки рваные, нет приличной рубашки. Кое-как собираем и то, и другое. Лучше всех нас выглядит брат Женя – у него “тройка”, но зато отстали подметки у ботинок. Смеху было много! Больше всех хохотал Коля. Оденешь одно – дырявое, оденешь другое – не в тон. У третьего короткие рукава!..

Понедельник, 3-е октября. Делал доклад на окрбюро ВЛКСМ о “Радиолюбительстве и его перспективах на Камчатке”. Меня назначили организатором этого движения. В 17 часов военные занятия. Утвержден командиром отделения. С занятий возвращались с песнями.

Вторник, 4-е октября. Мама нервничает, плачет. Трудно с

деньгами. Бьемся как рыба об лед. Живем без отца. Семья 9 человек. Работаем вдвоем с братом. Ребята учатся. Всех надо одеть, обуть и накормить. Дома – форменный потоп. Кругом льет, крыша протекает точно решето. Воздух дома влажный, спертый, тяжелый. Тут же в комнате и кухня – обстановка кошмарная. Живем в частном доме. Хозяин ремонта не делает.

Суббота, 8-е октября. Утром учусь в ремесленном, с обеда работаю на рации. В 18 часов заседание стражкассы. Я председатель. Вечером в народном доме живой журнал “Красный Север”. Ставим веселую пьеску.

Вторник. 11 октября. В 16 часов состоялось первое орг. собрание радиокружка юных пионеров. Председателем избрали брата Алешу... Отряд ю. п. решил просить денег на покупку радиоаппаратуры и запчастей.

Пятница. 14 октября. Днем ходил в окрбюро ВЛКСМ насчет денег для радиокружка ю. п. Составили ориентировочную смету в 212 рублей на приобретение радиодеталей. Но средств нет. Если их не найдут, то все труды по организации радиолюбительского движения могут оказаться напрасными.

Воскресенье. 16-е октября. Писал статью в местную газету “Полярная Звезда”, “К организации радиолюбительских кружков”. Составил план работ радиолюбительского кружка.

Вторник. 18-е октября. Ходил в окрбюро ВЛКСМ насчет выписки радиодеталей. Сказали: денег нет ни копейки, даже на пионерский кружок. Занимался с ребяташками. Утверждали план работы радиокружка. Познакомил пионеров со структурой ОДР (общества друзей радио) и правилами радиолюбительства.

Вторник. 25-е октября. Вызывали в окрбюро ВЛКСМ. Секретарь Сережа Вдовин предлагает вступить в партию.

Среда. 26 октября. Получка, но она не радует: много долгов у китайцев, у которых мы берем продукты. У меня рвутся последние рубашки и износились ботинки...

Днем ходил на собрание музыкального кружка. Избрали председателем его.

Пятница. 28-е октября. Работаю в ремесленном. Пилю дранку по 3 коп. за штуку. Поддежуриваю на рации.

Среда, 2-е ноября. Получил сверхурочные – 59 руб. Отложил на радиодетали 35 рублей, остальные отдал маме. Понимаю, что ей трудно, но кружок не может существовать без деталей: ребят становится все меньше и меньше.

В 13 часов заседание редколлегии стенгазеты “Связник”. Я член коллегии.

Понедельник. 7-е ноября. Дежурю на рации.

Суббота. 12-е ноября. С утра хлопочу насчет радиодеталей. Пока безрезультатно. Занимаюсь радио, строим детекторный приемник. Хотим попытаться поймать на него Хабаровскую вещательную станцию. С нетерпением ждем вечера. Мне помогает брат Леша – пионер. Наконец, время настает. Включаем приемник – ни звука. Полное разочарование. Вещалки не слышно. Значит, на детекторном приемнике здесь Хабаровск нечего и слушать.

Среда. 16-е ноября. Сегодня на радиокружке отряда ю. п. демонстрировал ребятам коротковолновый детекторный приемник. Ребята очень заинтересовались. В кружок записалось сразу 16 человек, теперь их 41. Большим тормозом в работе является отсутствие радиодеталей и помещения. Нас гоняют из одной школы в другую, не дают света. Это, конечно, расхолаживает ребят.

Днем из Владивостока в Петропавловск вышел пароход “Астрахань”. Там радистом мой друг Макс Смольский. Заказал ему радиодетали. Может быть, что-нибудь удастся достать.

Вторник. 22-е ноября. Дежурю. Смольский сообщил, что заказ на радиодетали выполнил. Обойдутся рублей в 40.

Пятница. 25 ноября. Из 143 рублей домой принес только 90. И еще остался должен. Пожалуй, снова останусь без тужурки и сапог.

После обеда поддежуриваю на рации.

Понедельник. 28-е ноября. Днем пришел пароход “Астрахань”. Смольский привез мне радиодетали. Ну, все – радиокружок наш не рассыплется. Очень рад деталям.

Вторник. 29 ноября. Дома сыро. Кругом течет. Настроение у всех плохое. Денег нет. От полочки не осталось ни ко-

пейки – даже все долги не удалось покрыть. Ношу дядины сапоги, а он сидит из-за этого дома.

Суббота. 10-е декабря. В 17 часов занятия радиокружка ю. п. Ребят пришло очень много. Все интересуются радио. Начали монтировать коротковолновый ламповый приемник по схеме Андреева. После занятий общегородское собрание ВЛКСМ. Доклад об оппозиции.

Среда. 28-е декабря. Со вчерашней получки наконец выкроил на тужурку. На ботинки денег не хватило. Но сестренке ботинки взяли. Свои сбережения от сверхурочных и работы в ремесленном отдал брату Жене на тужурку, которой у него тоже не было. Сам хочу занять денег у товарища по работе Миши Левина на сапоги и брюки. Предполагается в скором времени получка сверхурочных. Из них ему выплачу долг.

Понедельник. 2-е января 1928 года. Брат Женя переведен на рации в мотористы. До сегодня он работал здесь уборщиком и одновременно учился на моториста. Дежурит он в одной смене с Колей Медведицыным. Еле успеваем принимать все по рации. Особенно много поступает информации РОСТА. В день от 5 000 до 7 000 слов и более. Прием от Хабаровска доходит до 8 500 слов в день. Владивосток дает без перерыва подряд 4 часа. Вся эта масса информации обрабатывается на слух. Слышимость очень плохая. Мы почти все время пропадаем на рации. Переутомление страшное. Очень болит голова и раковины ушей. После 6-ти часов дежурства домой идешь, как пьяный. В ушах звон, в голове шум. Срывается учеба в ремесленном – так могу и не стать краснодеревщиком вдобавку к имеющимся специальностям радиста и учителя (после окончания Высшего начального училища). Радиокружок уже два раза не занимался. Нет ни минуты свободной.

Суббота. 21-е января. Как сейчас помню этот день – первую телеграмму в Петропавловске о смерти В. И. Ленина в 1924 году в 2 часа ночи по местному времени пришлось принимать мне, тогда еще молодому радисту-комсомольцу. От волнения рука отказывалась писать. Никто еще, кроме меня, не знал этой трагической вести. За здоровьем Ильича следила вся Россия, в том числе и Камчатка, очень внимательно. Интересовались каж-

дым сообщением... Поэтому можно понять, какое тягостное впечатление произвело сообщение о смерти В. И. Ленина.

Сегодня, впервые за все время существования Петропавловска, в городе зажглась «лампочка Ильича». Пустили новую электростанцию на постоянном токе.

Вторник. 24-е января. В окружке комсомола не считаются, что работаю и учусь. И вообще на комсомольцев-учащихся нагружают столько, что они не могут нести нагрузки без ущерба для учебы. Поэтому учатся все гораздо хуже, нежели беспартийные. Последние же смеются над нами за неуспеваемость, козыряют своими успехами. И что плохо – ведут агитацию против вступления молодежи в комсомол. Приходится ухо держать востро и давать отпор таким наскокам.

Понедельник. 5-е марта. Сегодня секретарь ячейки ВКП(б) спрашивал насчет вступления в партию. Над этим вопросом давно думаю. Как-то совестно. Ведь у меня нет никаких революционных заслуг.

Среда. 21-е марта. Сегодня брата Женю принимали в партию. Он – красный партизан, воевал с белобандитами на западном берегу Камчатки в районе с. Тигиль и др. местах.

Суббота. 26-е мая. Вчера на бюро комсомольской ячейки рассматривалось мое заявление с просьбой дать рекомендацию для вступления в партию. Решили дать!

Суббота. 23-е июня. Днем получил свидетельство об окончании ремесленного.

Понедельник. 25-е июня. Начальник областной конторы связи т. Ерахтин предложил ехать начальником рации в село Тилички Олюторского района. Пока отказался. Есть вторая вакансия в село Уэллен Чукотского района. Остановился на нем. Домашние не возражают.

Понедельник. 17-е сентября. (Борт парохода “Астрахань”). Получил радиограмму от брата Жени и Коли Медведицына о том, что меня приняли кандидатом в члены ВКП(б)...

* * *

Воскресенье, 14 октября “Астрахань” потеряла лопасть винта около мыса Дежнева.

Понедельник, 15 октября – авральная выгрузка. На моторном вельботе пошли в бухту Лаврентия.

Вторник, 16 октября. В состав нашей экспедиции входят пять эскимосов и семь русских (из них одна девушка учительница), предс. РИКа Пономарев Павел, от Союззолота – Терегулов, завшколой б. Лаврентия (Культбазы) Семушкин Тихон Захарович, учитель этой школы Николаев Женя, Суховилова Аня и я.

...Мешает крепкий молодой лед. Его приходится разбивать веслами, топорами. В 13 час. дошли до первого чукотского жилья – Янракеното. Здесь вышли на берег. В 14 час. 10 мин. по чистой воде пошли далее. Через два часа увидели другое маленькое поселение. Далее путь преградили тяжелые полярные льды.

...В кукуль (спальный мешок) я залез вместе с Семушкиным Т. З., так как ему негде было спать. Он ничего не захватил. А я, наученный горьким опытом, взял из Петропавловска свой медвежий.

Среда, 17-е октября. На шлюпке остались Семушкин и Суховилова Аня. А мы все пошли пешком, таща шлюпку на буксире, как бурлаки, против встречного ветра и дождя со снегом. Идти пришлось по гальке, которая разъезжалась под ногами, чем страшно затрудняла движение, изматывала силы. Один Семушкин Т. З. оказался нечестным человеком по отношению к товарищам, оказавшимся в беде! Он не слез с вельбота и ничем не помог нам. Ссылался на то, что у него теплые чукотские брюки спадают и идти он не может. Ничего не скажешь – убедительный аргумент! Каждый из нас предлагал ему второй свой ремень. Не тут-то было. Семушкин расположился на шлюпке, как “барон”, и мы должны были, как батраки, везти его, т. е. лишних 70 кило. До этого он хвалился, что сможет пройти пешком 200 километров! Он даже не постеснялся пожилых Пономарева, двух чукчей! Аня Суховилова тоже сидела на шлюпке. Но к ней претензий никаких не было. По молодости и неопытности ехала в туфельках. Никакой другой обуви у ней не было. Все мы честно «бурлачили», подменяя друг друга. Сначала подмены были редки, потом стали все

чаще и чаще. Выдыхались. Спина мокрая. Рубашку хоть выжимай, а жилья не видно! Особенно устали чукчи и эскимосы, которые раньше нас впряглись в бурлацкие лямки. Как мы не стыдили Семушкина, как ни уговаривали – ничего не помогло. Он развалился в шлюпке и даже пробовал над нами насмехаться. Большую часть времени спал. Что нас особенно возмущало. С толстой красной рожей, в длинном ватном пальто, в шапке-ушанке он очень походил на китайского мандарина, путешествующего с молодой женой по Ян-Цзы! На одном из привалов все, даже чукчи и эскимосы, навалились на него. Стали стыдить, но он нагло заявил, что тащить шлюпку все равно не будет, не может! Так познаются друзья в несчастье!! Опять впряглись в лямки, но силы быстро исчезали. Начали спотыкаться на каждом шагу, падать. Короткий день кончился, темнота усугубляла наши мытарства: спотыкались о камни, оступались в ямках. От места высадки с эскимосского вельбота вышли в 15 час. и только в 19 час. 35 мин. добрались, именно добрались, до чукотского селения – Нухчьиген! Измучились ужасно.

(После отдыха) ...На Семушкина противно было смотреть! Трудности отошли. Ребята затянули песни. Я чувствовал себя скверно: лихорадило, озноб чередовался с жаром, рубашку хоть выжми. Не помогла и мадера с чаем. В 21 час легли спать. Как не противен мне был Семушкин, снова пришлось положить его в свой спальный мешок. Чувство товарищества обзывало меня к этому, иначе он не смог бы спать от холода. Первый день трудностей и невзгод показал характер и лицо каждого участника. На счастье, из 11 чел. только один оказался мерзавцем – Семушкин Т. З. – завшколой Культбазы б. Лаврентия. Что хорошего он сможет дать чукчам и школьникам??! “Бурлацким” способом прошли более 30 километров, общее мнение: Семушкин хитрый, бессовестный, наглый человек. Попросту скотина».

Это писал радист Сычев. А вот что читаем мы в повести «Чукотка» известного советского писателя, автора знаменитой книги «Алитет уходит в горы», которой зачитывалось не одно поколение романтиков, очно и заочно влюбленных в Север,

Тихона Захаровича Семушкина. Это сравнение – небольшой штрих к прошлой истории, такой понятной и непонятной, в которой слились в одном потоке идеология и человечность, нравственность и безнравственность. Мы знаем, что оба они, и Георгий Петрович Сычев, и Тихон Захарович Семушкин – были людьми известными и почтенными. Только вот пути их к славе были, вероятно, разными. Хотя кто знает. Мы располагаем только лишь одним сравнением. И то только потому, что оно позволяет нам глубже раскрыть своего героя – молодого, искреннего, горячего...

Как же видел те же события писатель Семушкин?

«Мы с грустью расстались с вельботом и теперь одни, без эскимосов, идем вдоль берега по морской гальке. Она шуршит, и ее круглые, обкатанные морскими волнами камешки все время ощущаются подошвами ног. Мы бредем устало, сгорбившись, ссутулившись. На пути никаких признаков жизни. Кажется, и конца-краю не будет этой безжизненности.

...Я всматриваюсь в лица моих спутников, стараюсь проникнуть в их душевное состояние...»

СЕВЕРНАЯ ПЕСНЯ

Бледнело небо. На его фоне постепенно стали выступать острые гребни сопок, обрисовалась изогнутая линия берегов Авачинской бухты, прописались силуэты судов вражеской эскадры. Там шло подозрительное оживление: слышались резкие звуки сигналов, солдаты погружались в десантные шлюпки и боты, дымили трубы парохода, готовились сняться с якорей и парусные суда.

Камчатский губернатор Завойко вместе со священником Георгием Логиновым прибыл на батарею № 1 в половине восьмого. Здесь уже все было готово к бою. Понимали – центром англо-французского удара будет именно Сигнальный мыс, и вряд ли удастся досчитаться всех защитников на первой батарее после боя. Но лица были спокойные. Спокоен и суров был Завойко и его спутник.

Начался молебен о даровании всемогущим Богом победы.

Читал Евангелие святой отец. Далеко вокруг слышался его голос. Густой, сильный. И было что-то еще в этом голосе, от чего напрягалось все внутри, как стальная пружина взведенного курка, и рождалось ощущение силы у каждого, кто должен был через считанные минуты вступить, может быть, в последний в своей жизни день. День, который еще не разгорелся, – только-только лучился синим августовским небом. Трепетал тополевым листом. Обжигал крепкой йодистой настойкой океана-моря.

Голос креп, суровый и мужественный. И слова, такие привычные, преображались. Как в песне. Но там – сливаясь с музыкой. Здесь – с душой. И в душу же человеческую вливалась. И хоть шла речь о Боге – кто мог быть сейчас выше человека...

С моря открыли огонь. Рвались бомбы и ядра, вгрызаясь в землю и швыряя осколки в людей.

Но креп голос Логинова в грохоте разрывов. Гас страх в глазах необстрелянных. Спокойней делались лица. И вскипала кровь.

...Вражеский пароход, взяв на буксир с одного борта фрегат «Президент», с другого – «Форт» и с кормы – «Пик», повел суда на Сигнальный мыс...

И начался бой...

* * *

– ...Да, церковь паланская, однако, совсем не та: где колокола? Нету. Где кресты? Нету. Все касамольцы снимали...

Внутри тоже все переиначили: иконы повывесли, на стенах бумаги понаколотили, а на ней чего только не понаписано и не понарисовано, а все это называется – стенгазеты... И амвон перестроили – сценой теперь зовут. И певчий хор сейчас в божием доме том касамольский.

Да, как добились в Наяхане последних беляков, так в Палане каждый год что-то новенькое.

Вот собрал в октябре двадцать четвертого всех паланских озорников коммунист с окардовской фактории Николай Федорович Федоров и начал с мальчишками забавляться, игру ка-

кую-то новую для них придумал – касамол называется. И учителя туда же. Вообще-то это их дело – с детьми возиться, учить уму-разуму. Но и здоровые парни поперли к ним – во, напасть! Учителя Володьку Сновидова атаманом выбрали. И посмешались переростки с голозадыми сопляками, все в одной куче: Пантюшки Юшин да Лонгинов – тех женить давно пора, Пашки Шмагин и Маленберг, Бречалов один, Мохнаткины и Филарет Лонгинов туда же – сын псаломщика Иннокентия и внук священника Василия Алексеевича, или, обожди, Василий Алексеевич тоже псаломщиком был, а священником у них был в Гавани кто-то, да вот еще дед двоюродный Филаретки – Николай Алексеевич, который за что-то обиделся на Василия с Иннокентием, и когда захотели пацаненка этого, только народившегося, в честь деда Василием назвать, воспротивился: вы не дворяне – коего святого день, в того честь и нареку. И нарек, выбрал же имечко! – Филаретом. Не выговоришь. А мальчонка ничего – шустрый, смысленый... Да там все у них такие. Но поиграли, поиграли в касамол и присмирили. Посу-рьезнели. Народ грамоте обучать стали. Собрания проводят. Спектакли показывают. В ноябре, на праздник, «Красные побеги» были. Вот Филарет в ней геройствовал. Народу было – думали, стены в церкви повалятся. Некоторые даже осерчали на касамольцев, что быстро у них все кончилось – так и не успели протолкаться и посмотреть.

Но они потом еще показали. А потом еще. Частушки, вон, как выдадут, да так кой-кого продерут, что вся Палана три дня хохочет, а то песни поют с амвона под балалайку и гармошку, или рассказы складные сказывают. По вечерам ликбез. Кто постарше, из грамотных, те по селам разъехались окрест детвору местную учить и касамол там свой создавать. А за старшего в Палане – Филарет. Смех один – за стол сядет, а ноги до пола не достают... А тоже – начальник....

А поют хорошо. За душу берет. Подтянуть хочется. Вот слов только не знаю. Новые они песни поют. Нужно у учителя, Ивана Лонгинова, вызнать: в хоре он у касамольцев за главного. Тож по-новому учит их петь – по закорючкам каким-то на бумаге, нотам, говорит...

Хорошо поют, чертяки такие... Вся душа им навстречу раскрывается!

* * *

Прекрасен ты, Север моей Родины. Во все времена года, в любую погоду. Спокоен, суров ты в своей красоте. А потому еще более величав.

Казалось и недавно расстались, а уж сколько времени пролетело. Взрослым уж стал – на календаре уже тридцатый – за плечами двадцатый. Образование получил: закончил педтехникум. Мир увидел – учился в Хабаровске. Понял многое и самое главное – лучше родины нет ничего на свете. Дома любой приказ по сердцу – едешь хоть в Каменское, хоть домой, в Палану, куда пошлют. И сердце горит тогда отчаянней, любит крепче, что и себе уже признаться не боишься в своей любви. И всегда рядом она, эта молоденькая светловолосая учительница Машенька, Маруша, как называют ее гижигинские или микинские коряки. Всегда она с тобой – в бесконечных дорожных разъездах по стойбищам огромного Пенжинского района по различным финотдельским или райисполкомовским делам, на отдыхе ли где, в беде ли...

...Катерок пыжился, тянул за собой на длинном буксире по волнующемуся Пенжинскому заливу кунгас с пассажирами. Шли на Гижигу. И с каждым часом все злее и злее становились волны. Кунгас бросало то вверх, то вниз, ударяло и дергало так, что люди, укачавшись, лежали пластом, и уже не обрывалось от страха все там внутри, когда летели в очередной провал, в бездну, или подбрасывало на такую высоту, куда и чайки в хорошую-то погоду добирались с трудом. Филарет находил в себе еще силы шутить, – а что ему еще оставалось: ведь плавать камчадалы никогда не умели...

Вдруг кунгас дернуло так, что его даже крутануло на волне.

– Буксир, – понял Филарет. – Оборвало канат. Иначе бы не крутило...

Филарет выглянул было из трюма. И тут же захлопнул люк. Следом обрушилась волна – глухой удар потряс кунгас.

Второй. Третий. Кунгас скрипел, трещал, содрогаясь от ударов, но держался. А волны играли им, как камчатские дельфины пойманной рыбой, подбрасывая ее носом над волной, лоя на лету и унося в глубину, а затем снова выбрасывая наверх. Один день. Второй. Третий.

В носовом кубрике накрыло людей волной. Погибло несколько человек. В том числе совсем молодая женщина с ребенком. Здесь, в трюме, пока держались. Только один не выдержал – сошел с ума и...

Лишь к утру четвертого дня подбило кунгас к берегу. Шторм стих. Мощный отлив обнажил серую прибойку в какой-то сотне метров от кунгаса. Совсем рядом... И Филарет решил: в конце концов, не все едино, где погибнешь. Здесь же хоть надежда какая, да и просто счастливый случай. Должно же после всего этого повезти человеку или нет?! Только не нужно спешить. Прежде все продумай. Эти сто метров по воздуху не пролетишь. Помощи ждать неоткуда: двое других пассажиров плыть боялись. Пусть боятся. Случай такой, что не до агитации. Увидят, что доберусь – сами в воду полезут.

Итак, прежде всего кукуль. Он вместо кухтыля будет – воздушного пузыря. Положим туда еще сухой одежды, еды... Спички бы не забыть, но их лучше всего под малахай, в волосы, спрятать. Так, теперь поплотнее кукуль перетянем, чтоб ни вода не попала, ни воздух не вышел... Ну, а теперь – вперед!

Только на берегу, когда волна лениво толкнула его в песок, понял Филарет, что шансов у него, действительно, было ничтожно мало... Быстро переоделся в сухое, залез в кукуль – ни капли воды туда не попало – согрелся и задремал.

Разбудил крик:

– Филаре-е-е-т!

Значит, кто-то из его спутников все-таки тоже рискнул. Точно: подплывает к берегу на деревянном щите – крышке люка. Додумался же!

К вечеру перебрался на берег и другой. Отогрелись у костра. Перекусили. Обсудили положение. Куда идти? Неизвестно. Но идти надо. Как и надо верить, что ничего с тобой больше не случится...

И снова дни, до краев заполненные неизвестностью. Много дней. По первому снегу. Уже без еды. И только у Рекинник – вот куда загнал их шторм – встретившись с пастухом-коряком, понял Филарет, как трудно это – быть настоящим человеком на севере: не только выдержать самому все испытания, что выпали лично на твою долю, но помочь еще тем, кто рядом и более слаб, чем ты.

...И тогда же понял, почему это северные люди называют себя настоящими людьми. И еще, тоже очень важное: как трудно было бы ему это выдержать без Маруси.

Возвращались из Рекинник на оленях. Каюрил старый коряк. И всю дорогу пел он длинную песню без слов.

– И так всю жизнь поешь, сам не зная что? – усмехнулся Филарет.

– Почему не знаю. Наверно, знаю. Думаешь, потерял я слова, разбежались они от меня, как олени в пургу? Однако, нет. Потому что сам я – слова своей песни. А вот песня у меня одна. Как жизнь.

Дед пел ее, отец пел ее, теперь я пою. Умирать буду – сыну отдам. А слова... они со мной всегда. Как олени со мной, как дети мои...

Слушай, тумгытум, мою песню...

И он запел, как бежит ровная дорога тундры, испещренная следами косоного милюта, как сейчас в берлоге спит старый кайнын, о том, как едет с ним, пастухом, русский начальник, молодой, безусый, красивый. И – не утаишь этого в тундре – ждет его в Мыкынны (Микино) светловолосая учительница Маруша. И хоть бегут сейчас олени в Вайкэну (Каменское) – обязательно сойдутся дороги молодых. Так говорят об этом в тундре.

* * *

В тридцатых годах на севере началась коллективизация среди оленеводов – организовывались первичные товарищества по совместному выпасу оленей. В 1934 году Филарет Иннокентьевич Лонгинов был переведен из Каменского в Тиличики, соседний Олюторский район, и, как уполномоченный райкома

комсомола, принял самое активное участие в предстоящей кампании.

Трудно было. Чего, вроде бы, яснее: совместная работа лучше, чем в одиночку. Но коряки, практически, в одиночку и не пасли никогда оленей. Свой десяток-другой оленей загоняли в большое хозяйское стадо и получалось, вроде, как общее стадо богача и батрака. Так что этот вопрос, по которому ехал в тундру Лонгинов, о товариществе был для коряков не так уж и прост, как казалось на поверхностный взгляд. И они цепко держались за старое, которое было проверено веками и потому казалось не только надежным, но и единственно правильным.

Вот, как сейчас. В яранге дымно. Чадит жирник. Угарно от костра. Многолюдно. Душно. Старый коряк допил чай и только после этого ответил Филарету:

– В этом табуне очень много оленей. Но моих – двадцать. Его, – он ткнул пальцем в пожилого коряка с красными трахомными глазами, – восемь. А вон у того – одиннадцать. Откочуем мы втроем от хозяина – что есть будем? В большом стаде одного-двух оленей и не видно. А в малом – и луна не успеет родиться, как я уже без оленей останусь. Потом – другие... Зачем нам ваше товарищество? Чтобы без оленей остаться? Нет, тумгыгум, ты напрасно пришел к нам с этим...

– Отец, но ведь хозяин твой не сможет без вас пасти свое большое стадо. И ему выгоднее будет продать часть оленей товариществу. А я, как заведующий райфинотделом, обещаю, что дам вам взаймы деньги, помогу значит, а вы долг будете отдавать не сразу, а по частям и когда на ноги уже крепко встанете. И дорого хозяин с вас за оленей не возьмет – деваться ему некуда, да и твердые государственные цены существуют... Так что, если подумать, вы можете иметь свое, и не маленькое, стадо.

В яранге зашумели, обсуждая слова Лонгинова.

А Филарет продолжал:

– Многие ваши олени погибают от копытки и других болезней. И вы ничего не можете с этим поделать. А болезнь ведь не смотрит, чьи это олени – бедняцкие или хозяйские. Но сегодня

ня в тундру приехали люди, которые умеют лечить олени болезни – олени шаманы. А вы, разве, не слышали о них – называются доктора или ветеринары? Так вот – доктора оленей в первую очередь будут обслуживать товарищества, то есть ваших оленей. И болезни перестанут им грозить.

Коряки снова заговорили между собой. Филарет пил обжигающий губы до черноты настоенный чай. Он сказал главное. И теперь не вмешивался в разговор.

...А Филарета снова ждала дорога, закопченные яранги, грязные больные ребятишки, пастухи, по-собачьи преданные хозяину, безучастные ко всему женщины... Ведь это было...

Но просыпалась северная земля. Рождалась новая жизнь. И новые песни дарила она людям. Разные песни. И радостные, и тоскливые. Как наша жизнь. Ведь и она, как и песня, тоже у коряка одна.

* * *

Талант сродни вулкану. Он может долго копить внутри себя силы, огромные силы, чтобы потом враз щедро выплеснуть их огненными потоками в жизнь, взорвать привычное, осветить новое и проложить к нему огненные дороги...

Талант сродни реке, начинающейся с маленького ручейка и вбирающей на пути своем воды все новых и новых речушек, чтобы стать полноводной, неиссякаемой, могучей...

И все-таки этого мало. Каким бы драгоценным не был самый драгоценнейший из земных камней, таковым он становится лишь в человеческих руках. Перелистай календарь собственной жизни. Загляни в дневник: кто был рядом, чья рука согревала твое плечо, кто по-дружески подталкивал в спину, кто желал тебе удачи и кто спорил до сипоты, пока не делал ты этого, своего открытия... Было, все было...

Но другие выпали законы. И способности, совершенно ненужные когда-то ни отцу его, ни деду, ни прадеду, оказались государственно значимыми, и шестнадцатилетний камчадаленок становился государственным человеком – одним из командиров огромного национального округа – заместителем председателя окрисполкома.

Хорошо, когда есть способности... Но гранят их человеческие руки...

...Они с женой Марией Федоровной, пока был еще жив Филарет Иннокентьевич, всю родословную перекопали – кто же из родников пел так, как сын Женька сейчас... Отец Марии – фельдшер Федор Холостов? Тут ничего не скажешь, его наследственность просто прет из внуков и правнуков: трое Лонгиновых врачи уже со стажем, правнучка закончила Второй медицинский в Москве.

И пел дед хорошо, говорят. Но и у Лонгиновых в роду пели хорошо... И по сану положено было. Так что природа накопила силу нескольких родов, не одного поколения, и создала удивительный по красоте голос Евгения Филаретовича.

И полноводно, широко, могуче зазвучал он со сцены актового зала четвертой школы Петропавловска, а потом Хабаровского мединститута, концертных залов многих городов страны, Кремлевского дворца съездов, Дворцов искусств Португалии, Америки, Франции...

Голос потомка камчадалов, голос лауреата премии Камчатского комсомола, заслуженного работника культуры РСФСР.

За границей неизменно узнавали, что поет русский. Даже когда пел на чужом языке. И не по акценту. А по той неизменной силе его песен, что подчиняла себе слушателей. По тому вулканическому фейерверку внутреннего огня, что вырывался из недр возможного и обрушивался на зал.

И в чьей родословной исток этой силы?..

ВЕРСТЫ

Василий Януарьевич Спешнев родился и вырос здесь, в Соболево. Столько лет уже прошло и словно во сне то – давнее, полузабытое. А ведь оно было...

Маленькое село – тогда еще Воровское – с домами-лачугами, где в окнах вместо стекол – рыбаья кожа или высушенные медвежьи кишки. Частные лавочки и хозяйские богатые дома вдоль реки Воровской...

И размеренная веками жизнь: от промысла к промыслу, от

лета к зиме. По старинке. Без каких бы там происшествий. Разве что приезд губернатора Мономахова? Тогда в честь этого даже в первый раз село переименовали. Событие!?

Нет, настоящие события начались позже. На его глазах. И он сам принял в них участие. Соболевский мальчишка Васька Спешнев.

Аристов

...Остов то чуть касался железным острием наста-первопутка, то вгрызался в него на спусках и стремительных поворотах, и веер белой крупы вырывался из-под нарта. Аристов приглядывался к работе каюра – впервые в жизни он мчался по заснеженной тундре на таком вот транспорте.

А собаки шли хорошо. Точно пружины сжимались и вытягивались на снегу их мускулистые тела, перехваченные на груди и животе ременной перевязью алыков. И потяг, точно струна, – казалось, вот-вот зазвенит.

На очередной Половинке-реке чаевали, отдыхали, и снова бежали по тундре нарты. Цеплялись верста за версту и сливались одна в другую, точно небо и земля в синей линии горизонта.

Однообразие, честно говоря, тяготило: и открытое искрящееся на солнце снежное пространство, незатейливо ровное, в редких островках ольховника, и маленькие деревушки – одна-две на сто верст пути – нищие и грязные.

И опять бежит дорога без колеи и без конца. Летят в лицо крупницы сбитого морозами снега. Позади остаются Утка, Кихчик, Немтик – разве что только названием и отличающиеся друг от друга...

И в который уже раз вспоминает Аристов все тот же случай в госбанке, когда управляющий выдал Мише его «миллиончик»: мешки серебряных советских рублей и полтинников. Хотел он было ухарски подкинуть на плечо один такой мешочек, да с земли только чуть-чуть приподнял и сдвинул в сторону немного. И сейчас в трех нартах – в каждой по двенадцати собак – везут они советские деньги для обмена у населения на доллары и иены – ведь с таким залежалым денежным «ассор-

ти» не развернешь на полуострове советскую кооперацию: денежный курс один быть обязан – государственный.

Вот и трудятся собачки, хватают на ходу снег: который уже день в пути этот караван и не одни деньги на нартах – и пожитки, и припасы, и корм, ведь и запуржить может здесь так, что не одни сутки под снегом сидеть придется... И когда еще повернут они назад, домой?..

...В обратный путь они отправятся через год. Многие успеет сделать за это время Аристов. И не удивительно – наконец-то и здесь, на окраине земли, появилось будущее. Каждый год наполнился теперь особым смыслом. И потому в них умещались целые века. Писались новые биографии.

Года еще не прошло, как сам Михаил стал комсомольцем: день его вступления в Российский Коммунистический Союз Молодежи совпал и с днем рождения комсомола Камчатки – 8 июля 1923 года. Потому наравне с порученными ему финансовыми делами в Соболевской волости он очень много – в каждом селе – занимался с местной молодежью – создавал первые ячейки РКСМ.

Врезались эти дни в память соболевского мальчишки Василия Спешнева. Старшие ребята и девчата о чем-то перешептывались или, наоборот, собирались группками, громко возбужденно спорили. Стоило появиться невысокому худощавому Михаилу, как вдруг рядом собирались и старые, и малые. Аристов рассказывал о России, о Дальнем Востоке, где сам партизанил еще шестнадцатилетнем мальчонкой, о преобразованиях на Камчатке, кооперации...

И точно сказку какую обещал: будут на побережье Камчатки свои рыбоконсервные заводы, пароходы станут ходить регулярно, и не будет больше никаких проблем добраться до Гавани – как по старинке называли Петропавловск-Камчатский, – а там и самолеты появятся... Смеялись – кто насмешливо, дурашливо, а кто смущаясь за Михаила – во дает! В сказки мало кто верил.

Но в Мишу поверили. И потому даже в Осоавиахим записались. Мачту в центре села поставили, а на ее вершине – полутора аршинную модель самолета: записывайся каждый,

кто хочет летать на таком. Острословы тотчас это событие – в частушку.

Самолет ты, самолет,
Голубая крышка.
Тебя делал Ванька Перин
И Аристов Мишка!

По вечерам Аристов собирал молодежь у себя, и они все вместе расписывали роли в маленьких пьесках, разучивали их, репетировали...

В жизнь входило все новое и новое. Создали комитет бедноты. Организовали общество Красного Креста... Можно было и еще кое-что создать, но нечем было платить взносы – у ребят какие-то копейки, да и те родительские.

Тогда кто-то предложил устроиться на работу к японцам: сторожить законсервированные на зиму заводы, засольные базы, рыбалки японских арендаторов.

С этим делом получилось. Аванс – 12 тысяч йен – от фирмы «Ничиро Гио Гио Кабусики Кайша» был первым коллективным заработком молодежи. «...Эх, знали бы япошки, на что пойдут их денюжки!» Этот первый опыт соболевчан, получив письмо Аристова, высоко оценит председатель Камчатского облисполкома И. Е. Ларин – как первый практический шаг к коллективизации.

Заводилами же во всех этих делах были друзья Михаила – те же соболевские Спешневы и Трапезниковы, но чуть постарше, чем Василий.

Первый взнос

Василию Спешневу было двенадцать лет, когда соболевская молодежь получила свой первый коллективный заработок. Это был первый, еще робкий, шаг к коллективизации. Следующими шагами было создание Товарищества по совместной обработке земли и рыболовецких артелей.

Спешневу исполнилось восемнадцать, когда в 1930 году на

западном побережье полуострова был создан соболевчанами первый рыболовецкий колхоз, который потому так и назвали – «Пионер Запада».

Так уж получилось, что пора коллективизации совпала у Василия Январевича (так «перекроили» трудное Январевич в колхозе) с периодом собственной гражданской зрелости. Правда, внешне последнее выразилось только в обращении: стали звать по имени-отчеству. Но для Соболево это было не в диковинку: когда в селе одна половина жителей Трапезниковы, а другие – Спешневы, то поневоле, чтобы не запутаться, будешь отчество использовать даже и не с восемнадцати лет. Женщин, так тех вообще только по мужьям отличали – Мария-Петручиха или Харлучиха, или вот Ульяна-Январиха...

Настоящая зрелость пришла здесь, в колхозе, где он работал со дня основания. Пришла с опытом. Рыбацким опытом.

Никогда камчадалы не выходили на промысел в море. Рыбу ловили в реке или лимане. Морского зверя били на берегу. На пропитание хватало – и ладно. А в море – к чему давно привыкли и с чем уже смирились – хозяевами были японцы. С первого дня начала путины и до самого ее конца японские пароходы и шхуны сменяли друг друга, уходя с грузом в Японию, а на берегу, у времянок-бараков и шалашей, там, где прямо в накат волны прибой уходил крепкий канат с наплавами и кухтылями – морской невод, – штабелями чуть ли не в двухэтажный дом высотой громоздилась продукция: лосось сухого – японского – посола, главным образом, горбуша, которая валила в невода, поставленные через каждые полтора-два километра западнокамчатского, в том числе и соболевского, морского берега.

С образованием колхоза рыбаки начали присматриваться к японскому промыслу. Спорили между собой.

И было о чем: на вертком «тополовном» бате в море не выйдешь, чтобы поставить там невод. Значит, нужны более устойчивые суденышки. Потом – где рук рабочих столько набрать, чтобы засолить всю эту прорву? Вон, гляди: чуть ли не в каждой ячее рыбаина, а сколько ее в садке? Соль, опять же, завезут или нет из Гавани? Подойдет ли потом пароход, чтобы забрать всю эту соленую рыбу? А если больше засолим – что с ней?

Все было новым в этом деле, непривычным, но интересном – ведь только-только пробовали свои силы. И пробовал их вместе со всеми Василий Януарьевич.

В море вышли сначала на маленьких шлюпках. Ничего – получилось. Когда невод проверили – рыбы было не меньше, чем у японцев. Даже показалось, что больше. И ясно стало – сможем и мы ловить не хуже. Нашлись и рабочие руки – на засолку выходили всем селом. А вскоре в устье реки Воровской построили государственный рыбоконсервный завод, так что колхоз мог теперь специализироваться только на промысле, а освободившиеся руки засольщиков и засольщиц использовать на другом, не менее важном участке – овощеводстве и животноводстве. Построили молочнотоварную ферму, стали выращивать и продавать рыбокомбинату имени С. М. Кирова картофель и капусту. И пошли дела в гору у их первенца-пионера.

Василий Януарьевич трудился на морском ставном неводе – там, где решались все направления в жизни их колхоза, от оплаты трудодней до создания крепкой материально-технической базы.

Рос колхоз. На рыбалках, где во время первых колхозных опытов с японским ставным неводом стояли шалаши, теперь выросли теплые бараки со столовыми. Ставных неводов в колхозе было уже три. Появились крепкие морские шлюпки, кунгасы...

В 1934 году Василий Спешнев закончил в Усть-Большерецке курсы бригадиров морских неводов и в следующем году открыл первую свою самостоятельную путину...

А «Пионер Запада» был первым теперь уже не только по своему рождению. По трудовым достижениям он стал тоже первым – первым колхозом-миллионером.

По путевке комсомола

В 1934 году во время учебы в Усть-Большерецке на курсах бригадиров морских неводов Василия пригласили в райком комсомола (в то время Соболево входило в один большой район с центром в Усть-Большерецке). Здесь ему сообщили, что

он командирован соболевской организацией в Петропавловск на комсомольскую стройку – строительство первого на полуострове аэродрома. Сюда же были направлены, кроме него, на все лето еще четыреста комсомольцев со всех районов Хабаровского края, в состав которого входила в те годы Камчатская область.

Приказ есть приказ и по окончании курсов Спешнев выехал в город. Дорога предстояла длинная – более двухсот верст нужно было трястись в телеге.

...Солнце припекало уже вовсю. И чем дальше отъезжали от побережья, тем крепче. Менялась и сама местность. Все чаще и чаще стали встречаться березы – каменные, застывшие в причудливых позах – точно исполняли они корякский танец и так и застыли, – задумчивые белоствольные красавицы. Как на дрожжах лезли из земли шеломайник, сладкая трава, морковник. Цвела рябина. Воздух был наполнен таким густым ароматом, что кружилась голова – это не пегие кочки Усть-Большерецка. А дорога все петляла по лесу, поднималась к хребтовым перевалам. И чем ближе подъезжали к Елизово – а оттуда рукой подать до Петропавловска, – тем веселее, без понуканий шла их лошадка, чувствуя под копытом все более и более крепкую, набитую тропу, а за Елизово и вообще благодать – там настоящая дорога, надежная, с крепкими мостами...

Три месяца прожил Василий Януарьевич в Халактырке, где строили новый аэродром. Даже город толком не посмотрел – некогда было, торопились успеть: корчевали кустарник, ровняли летную площадку – тонны грунта перетаскали на подсыпку, бетонировали, строили ангары, летный городок. Сроки были невероятно сжаты – Камчатка.

А когда аэродром был уже готов к приему самолетов, которые летели сюда из Хабаровска вдоль побережья Охотского моря, сначала с юга на север, а потом – наоборот, Василий сразу отправился домой. Снова добрался на лошадях до районного центра по разбитой осенними дождями дороге, засыпанной желтой листвой, а оттуда двинул домой пешком. Шел по прибойке, прямо по зыбуну-песку. Море дышало в лицо йодом и солью; волны-лизуны, точно утюги, разглаживали

песок, и он был как снежный наст ранней весной: крепкий, почти не оставляющий следов. Впереди, до Соболево, было не меньше двух недель ходьбы, но Василий не расстраивался – чуть ли не через каждые десять-пятнадцать километров стояли теперь на побережье поселки: засольные базы, рыбоконсервные заводы, рыбалки, где всегда находились знакомые, а значит было где переночевать и что перекусить. Так что можно было идти вдоль моря и год.

А оно лоснилось в лучах сентябрьского солнца, словно кто вылил в море не одну бочку рыбьего жира. Таращились из воды круглые глаза нерп – спутников долгого пути. Кричали над головой чайки.

Василий, глядя на них, представлял себе самолет. Воображения не хватало, и он мысленно заковывал в железо серых морских чаек, что, раскинув крылья, кружат бесконечно долго и без единого взмаха в высоком голубом небе.

Менялась погода. Взбухало море, подготавливая себя к осенним штормам. Набрякшее небо серыми лохмотьями цеплялось за землю. Прочищал глотку ветер. И все пустынной становился берег: закрывались сезонные базы, снимались невода, и уходили в серую пелену дождя последние пароходы.

Нужно было спешить. Эх, самолет бы сейчас, – вспоминались рассказы хабаровчан о быстрокрылых железных птицах, – давно бы дома был...

Звание – ветеран

Я беру в руки районную газету «Камчатский рыбак» за 7 ноября 1977 года. На весь разворот подборка статей о соболеванцах. Фотография Василия Януарьевича. А вот и о нем – рабочий Соболевского госпромхоза. Рыбак и охотник. А рабочему – 65 лет. Вот и подсчитайте теперь рабочий стаж лучшего охотника и рыбака Соболева.

Каждый ительмен был и охотником, и рыбаком. Одно, за век, стало неотделимо от другого. И потому, завершив путину, колхозники брали в руки ружье. Так было в тридцатых, а тем более в сороковых годах, когда на страну обрушилась война.

Время было тяжелое. И не только на фронте. Мужчин в колхозе осталось мало: кто был призван, кто ушел добровольцем. А ему приказано было остаться здесь: тут ваш фронт.

Василию Януарьевичу дали комсомольско-молодежную бригаду, а в бригаде этой одни пацаны того самого возраста, с которого начинал и сам – мальчишки, которым тоже пришлось быстро повзрослеть. И можно было представить, какая она была – эта военная путина.

А по осени выезжали на охоту. И до весны. Сплетались камчатская вековая наука промысла с собственным опытом и мастерством, смекалкой, выдумкой и тонким расчетом. И потому было очень трудно стать лучшим. А он – стал. Свидетельство тому – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

И с тех пор прошло еще три десятка лет, а он по-прежнему оставался в строю – старый рабочий, ветеран.

На его глазах преображалось село. В тридцатых годах он вместе со всеми односельчанами и жителями окрестных сел и поселков строил здесь начальную школу.

Строил и первую маленькую больницу.

Кого теперь удивишь на Камчатке типовой средней школой и ЦРБ? Кого удивишь колхозом-миллионером, неводами и тралами, супертраулерами и плавзаводами? Или – стремительными «Яками» и «Чебурашками» – Л-410?

Но удивителен сам человек, пятьдесят с лишним лет назад начавший свой путь в сегодня. Тот, кто создал это сегодня. Кто был в числе первых.

Он был такой же, как все здесь: ительмен, один из шестнадцати детей Януария и Ульяны Спешневых и один из шести, кто не умер младенцем...

КЛЕХЛВОЛ-УЧИТЕЛЬ

Карие, в рыжинках солнца, глаза ительмена Никифора Наседкина возбужденно блестили.

– Ты пойми, девочка, цто напанцам учитель во как нузен, – прочертил он краем ладони по горлу. – Цто, мы хузе других?

Прослой зимой Колю Юсина из райкома комсомола у твоего брата Кости вытребовал, так в этом – забрали... А кто же наших детей учить будет?

Мне Цубаров в походе так говорил: разобьем беляков и будете сами жизнь строить на Камчатке новую, детей грамоте выучите, большими людьми они у вас будут... А почему тогда вы в Напану ехать не хотите? Что, в Напане плохо? Нам учитель нужен, понятно?! Чтоб свой потом учитель, напанский, был, чтоб свой доктор напанский, чтоб и нацальник тозе свой, напанский, был... Цубаров говорил, что так будет. А вы не едете в Напану, не даете нам учителя... Поехали, Алексеевна, к нам, очень тебя просу.

И вообще – ты комсомол или нет: в прошлом году на окружном съезде Советов говорили, что поголовно всем дать начальное образование в нашем Тигильском районе, а напанцы – что, на луне живут, да!? Нет, они тозе тигильские, так что поехали, Логинова, в Напану. Я районо узе уговорил. И отец твой, Лександрыц, тозе согласен. Так что поехали, девочка...

* * *

В 1931 году на Культбазе (в Каменском) собрались делегаты северной Камчатки для проведения 1-го окружного съезда Советов. Среди делегатов был и молодой работник Тигильского исполкома Константин Логинов. В перерыве кто-то спросил его:

– Как ты думаешь, Костя, если вашу Тигильскую школу-семилетку мы сделаем кузней молодых учительских кадров. Ты сам слушал в выступлениях, что необходимо начать работу в округе по переходу на всеобщее начальное образование, а вот с кадрами туго. Ваша семилетка единственная у нас, так что все надежды на тигильчан. А?

– Честно говоря, не знаю. Знания в школе дают хорошие. Но ведь одно дело учиться и совсем другое – учить кого-то...

– Это на сегодня не самое главное. Организуем курсы, поучите вы основы всего, что в этом деле необходимо. Я говорю о принципе: годны ли ваши тигильчане по своим внутренним качествам к этому – поднять образование до сегодняшних вер-

шин, сделав его всеобщим начальным. А это ведь задача чрезвычайная: работать придется и в стойбищах, и среди недоброжелателей. Ты не улыбайся – по молодости мир всегда только прекрасен. Нет, трудностей выпадет им немало. Справятся ли? Выдюжат? Вот это больше всего нас волнует. Как думаешь?

– В ребятах уверен. Не белоручки. Трудностей никто у нас не боится – где их на Камчатке не хватает.

* * *

Наконец-то Елена вздохнула полной грудью – семилетка за плечами. На календаре – ноябрь 1932 года. За окном – зима в рассыпчатых, прокаленных морозами, снегах. А в самых ближайших планах – не замерзнуть на нартах, пока доберутся они с каюром до Лесной. И светлые, радостные были ее дорожные мысли. Школа в Лесной располагалась далеко от села: километра полтора нужно было бежать сюда ребятам. Строили ее еще до революции и, наверное, с желанием лишь бы отвязаться от начальства. Вот и получилось – на дальней окраине.

В школе работали вдвоем – Пантелей Васильевич Лонгинов из Паланы и она, Елена Алексеевна Логинова, тигильчанка – дальняя и кровная родня. Пантелей Васильевич был заведующим школой-интернатом, а Елена Алексеевна... трудно и сказать толком... Лучше уж по порядку перечислить все. Всеобуч – он и есть всеобуч. Учить нужно всех, без исключения: и старых, и малых. И домоседов – оседлых коряков, и кочевников. Тех, кто жил в Лесной, учить труда большого не составляло: утром – до обеда – занимались дети, а после – взрослые. А вот с оленеводами-кочевниками – так просто беда! О взрослых вообще никто пока серьезного разговора не заводил. Для детей же в Лесной и был организован интернат – первый на севере, – в котором Елена стала хозяйкой. Подопечных и два десятка не наберется, а хлопот с ними с утра и до поздней ночи. Ребятишки дичатся, всего боятся, чуть что не так, не по ним – летят, как оленята-каюю, в табуны свои, домой, хоть до этого дома по целине снежной не один десяток километров. Умываться они не приучены, зубы чистить боят-

ся, на постелях под одеялами изворачаются – не уснут, хоть суй их снова в кукуль, супы-каши едят плохо: все бы им только мясо; рубашки и брюки в первый день вообще поверх кухлянок и меховых штанов-канайте понатаюли. И смех и слезы.

Понавозишься с ними, сказку на ночь про Кутху расскажешь, кучу белья перестираешь, а там уже сквозь ледяную корку на оконных стеклах растекается по комнате малиновое утро, пора поднимать ребятишек и идти на занятия в школу, нередко занимаясь и со своими, интернатовскими, и с лесновскими вместе. А Пантелею Васильевичу в это время приходилось мчаться на собаках в табуны за беглецами-каюю. Коряки не понимали его – зачем детям жить в казенном доме в Уемлене, если дома лучше. Зачем учиться? Олешкам буквы эти не нужны. Нет, не понимали его оленеводы. Но и не сопротивлялись.

Но верили ли они им, учителям? Или просто полагали, что детям в Лесной будет не хуже, толку же от них в табуне никакого – так что пусть катаются, хоть забава какая. А потом подрастут, выбросят из головы все ненужное, лишнее – и постели эти, и умывание по утрам, и одежду матерчатую, и грамоту. А пока пусть забавляются...

Вот так и прошел первый год. Следующий был уже в Напане. Здесь прозвенел, как весенний ручеек, – напанцы жили весело, тянулись, как шеломайник к солнцу, ко всему новому. От Бога они отказались в числе чуть ли не самых первых камчатских безбожников: церковь отдали под школу – своей школы здесь не было никогда. Смастерили настоящие парты. Вечером собирались в школе всем селом, пели песни, слушали стихи или занимались с неграмотными. Жили же в Напане сплошные Наседкины. Как одна дружная большая семья. И интересовались здесь всем на свете, вопросов Елене задавали множество. И скоро ясно стало учительнице, что знаний после семилетки явно не хватает, что не поспекает она за своими любопытными учениками. И летом 1934 года Елена Логинова направлена на учебу в Ленинград, на подготовительное отделение Института народов Севера. Это была необыкновенная поездка – каждый день, да что там день – час, минута – от-

крытие, чудо, волшебство, сказка. Пароходы, поезда, автомобили, трамваи – все это она видела первый раз в своей жизни. Как и обыкновенных воробьев, зеленых лягушек, юрких ящериц, гибких змей, шустрых ласточек, не говоря уже о величественных зданиях с колоннами, знаменитой реке в гранитных берегах, арках, разводных мостах бывшей столицы Российской империи.

В 1936-м она вернулась домой. И снова замелькало: Палана-Кочевая, Воямполка-Кочевая... Да, теперь уже школы открывались и в стойбищах кочевников. Здесь тоже ликвидировалась безграмотность, создавались предпосылки для перехода на оседлость. Вот тут-то и столкнулась Елена Алексеевна с противостоянием. Дважды сжигали здание школы в Воямполке-Кочевой. Но учительница не сбежала, выстояла. Тогда начали изводить ее страхом: ночью она, зажав кулачками рот, чтобы не закричать, забивалась в угол и горько, навзрыд, плакала. А назавтра снова шла в школу, на уроки. Но классы встречали ее тревожной пустотой – кто-то пустил слух, что придут из леса травяные люди и напустят мор на каждого, кто не желает жить так, как завещали им предки... И родители, в испуге, не пускали ребятню в школу. Нужно было убеждать теперь уже взрослых. Взрослых, которые по-детски верили в сказки.

И снова Ленинград. Здесь уже были многие ее земляки. Таня Слободчикова (она станет знаменитым хореографом Лукашкиной), Иван Жуков, Павел Ласточкин, Корнелий Ноянов; ее друг, первый корякский писатель Кецай Кеккетын из Воямполки... ительмены, коряки, чукчи. И снова бурная институтская жизнь поглотила ее. Лекции тех, чье имя сегодня знает весь мир. Встречи с теми, кого мир уже знал и полюбил. И друг с другом. Они открывали здесь себя самих и остальных. Вспыхивали, как в весенней тундре первые цветы. Незатейливые, скромные. Но с живым семенем. В Ленинграде Кецай написал маленькую повесть о своем отце, бывшем батраке. И стал в двадцать лет основоположником корякской литературы. И так, молодым, ушел в историю – началась война, и вместе со многими земляками стал ополченцем и не вернулся с

ленинградского фронта. Но по-прежнему по весне расцветает его тундра, вспыхивает огоньками все новых и новых соцветий.

А Елена Алексеевна, не закончив из-за войны учебу, вернулась на Камчатку. К своей работе. Снова на Север: Верх-Парень, Тигиль... Еще на тридцать лет.

А сколько людей, сколько судеб прошло через всю их династию просветителей-педагогов – ведь в 1995 году исполнится 250 лет, четверть тысячелетия с той поры, как несут они жителям Камчатки свет знаний.

РОДНИКИ

Память... Она в каждом из нас. Как сердце. Неощутима, пока не приходит боль.

...Корень юшинский уходит в далекое прошлое. По приказу Петра Великого были направлены архангельские поморы на Камчатку, чтобы приблизить дальний, богатый мехами и всякими диковинами, полуостров к земле Сибирской, а то в обход Охотского моря слишком долгим и опасным был путь казачков-ясачников, хотя в те времена жизни людские дорого не ценились: главное, пушнина пропадала. А она ведь шла в государеву казну!

Какую роль играл в те времена Юшин – неведомо. Был, правда, в экспедиции Беринга подштурман Харлаам Юшин, но родник ли он или просто однофамилец – пока неясно. Как неясно еще многое. Был бы в целости архив дяди – историка – кое-что прояснилось бы: так много было материала по камчатской старине. Но пропал архив бесследно после смерти Роберта Павловича. И отец, видимо, этого тоже боялся – завещал весь свой архив, как наследство, ему – Павлу.

...За окнами ярким бисером звезд расшито ночное небо. Так же, как и сотни лет назад над маленькой крепостью, затерявшейся в необжитой еще земле...

Уже пожелтели газетные страницы – всего за несколько лет до смерти опубликовал Николай Павлович свои воспоминания в тигильской районной газете. Бежит время, бьют его род-

ники, ручьями растекаются по земле, и вот уже новое поколение Юшиных растет.

Вчитывался Павел в скупые вырезки и пытался понять отца – для чего все это? Мало ли историков, краеведов, музейных работников, для кого все это – работа: изучают, пишут, и не так кратко и сухо... Стоит ли вот ему, Павлу, взяться за описание собственной жизни? Вроде, нечего – учился, служил, потом вуз окончил, женился, работал... Обычная жизнь – схема какая-то... Не то, что у деда...

Тому было 26 лет – на шесть лет, стало быть, помоложе собственного внука был – когда началась русско-японская война. По приказу начальника Петропавловского уезда Сильницкого на Камчатке были организованы многочисленные дружины народного ополчения. Павел Иосифович Юшин возглавил Тигильскую. И командовал неплохо: за события в устье реки Воямполка был награжден Георгиевским крестом.

События же разворачивались в тот год стремительно. На материке шла война. Зная, что на Камчатке русских войск нет, японские шхуны смело подходили к ее берегам, чувствуя себя по-хозяйски, уверенно и нагло. Действовали в открытую, знали – скоро здешние рыбные промыслы будут в их руках. Потому уже сейчас выбирали, отыскивая для себя самые рыбные реки, чтобы потом, выиграв войну, успеть и на Камчатке урвать кусок пожирнее, а то, глядишь, американцы перехватят – руки у тех длинные, а ссориться с ними не хочется: только в дружбе с американцами можно было противостоять поверженной России и навязывать ей свою волю на Тихом океане... И спешили быть первыми, рыскали у камчатских берегов, заходили в устья богатых лососем рек: дружба – дружбой, а будущий барыш ни с кем делить не хотелось.

И вот одна такая шхуна встала в устье реки Воямполки. Под видом мирных рыбаков японцы изучали местность, прикидывали будущее расположение рыбалок, консервных заводов, подсчитывали реальную прибыль от богатств этой северной реки. И не заметили, как подошел ополченский отряд Юшина, предупрежденный о появлении японцев своими секретями, как, пользуясь предрассветным туманом и ранними

часами, когда сон притупляет бдительность, легкие камчадалские баты скользнули к бортам шхуны. Бой был коротким, но яростным. И казаки его выиграли.

...Павел вновь и вновь перечитывал страницы этого рассказа о бое на Воямполке в 1904 году. Во что верили ополченцы, пытаясь своими, пусть и решительными, но малыми силами противостоять тем, от кого несла поражение сейчас Россия? Безрассудство? Слепое подчинение приказу?.. Нет, не были наивными эти люди, привыкшие выходить один на один с медведем, ни тем более безрассудными. Значит, была вера: защищали они свое Отечество, своих детей.

И не их вина, а горе это людское, что проиграли войну царские генералы, и летом 1906 года в соответствии с XI-й и XII-й статьями Портсмутского договора в Петербурге начались русско-японские переговоры по вопросам торговли и рыболовства. Японский уполномоченный Ичиро Мотоно представил проект конвенции, по которой по всему морскому побережью Дальнего Востока, за исключением устьев рек, некоторых бухт и заливов, японские рыбаки наравне с русскими могли получать с торгов рыболовные участки, на которых работали бы японские рабочие и куда можно было беспрошленно привозить все необходимое. Договор был подписан сроком на 12 лет.

Вот так! Смысл победы был в бое. Даже самой маленькой победы. Но при абсолютном поражении и большая победа превращается в мизер, в ноль, в ничто. Камчатские дружинники не были вне России, и не решала горстка людей на Камчатке своей судьбы отдельно от всех судеб страны, да и была ли их судьба вне истории, а историю решали за них сановные вельможи и цари-батюшки... И что – кресты... На груди ли... На могиле... Один сплошной обман на земле...

...Однажды, еще мальчонкой, Павел Иосифович приехал с дядей, частным командиром Тигильской крепости, взявшим на воспитание бойкого паренька из многодетной и бедной семьи брата, в корякское стойбище. Подвыпивший коряк хвастал Юшину:

– Смотри, командир, я теперь бокатый стал, – говорил он пошатываясь, – я хитрый, командир: все сополя продал, а мне

японец Мотузики деньки тавал. Я теперь бокатый стал... – и он показал изумленному Ивану Михайловичу... пачку этикеток с консервных банок.

А когда Павлуша спросил дядю, почему он не догнал торговца и не вернул пушнину хозяину, тот лишь рукой махнул: «Многие пытались бороться с купцами, как нашими, так и иноземными, и никогда это добром не кончалось...»

Да, на Камчатке жилось не сладко. У Павла теперь достаточно оснований так считать. Вот хотя бы эти выписки из архива: на жалованье, столовое и прочее содержание от казны казакам полагалось по 9–10 рублей в месяц, и потому не вылезали они из долгов. Служили же они честно – опять же долг перед Отечеством.

А вообще, это были обыкновенные сторожа-пограничники, охотники и рыболовы, как и все на Камчатке, оторванные, казалось бы, от всего, что происходит в самой России, далекие от всего этого, как и сама Камчатка. Вроде бы, там были свои беды, а здесь – свои. А оказалось, нет – общие. Общая нужда и общее горе.

Потому-то и сдружились в Тигиле казак Юшин, политические Рябиков и Девеев. И не ждали, как в красивой сказке доброго конца, ничего хорошего от русского царя: так немудрено будет разделить участь Русской Америки – с потрохами продадут...

И кто бы поверил тогда, что уже юшинский внук будет студентом энергетического института, работать на крупном заводе, иметь в подчинении людей с высшим образованием. Да и только ли внук: сыновья Павла Иосифовича, тот же Николай Павлович...

А ведь чего-то хотели и тогда, были же какие-то мечты, когда совершилась революция, и ее волна, что цунами, захлестнула Камчатку, когда избирали тигильчане Павла Иосифовича первым председателем волостного народно-революционного комитета, направляли делегатом на 1-й Чрезвычайный уездный съезд Советов в Петропавловск.

И он вез оттуда землякам очень важное – то, о чем мечтались: «Теперь мы сами будем распоряжаться богатствами своей земли...»

...Давно уже стали историей эти дни. Целые тома написаны, но остаются еще белые пятна.

Все имеет свои масштабы и познается в сравнении. Так и здесь: на юге и на севере полуострова власть была в руках белогвардейцев, а в Тигильской волости красные партизаны установили Советскую власть. И эту новую страницу истории создавали земляки Павла и, прежде всего, – дед.

Он старался для потомков, и потому внук дополняет сейчас эти разрозненные временем страницы, чтобы воссоединить прошлое с настоящим.

«...Последнюю свою ставку белогвардейский полковник Бочкарев, засевший в Гижиге, сделал на тигильчан. В селе была хорошая телеграфная связь с Петропавловском. Кроме того, с западного побережья решено было перебрасывать войска Северного экспедиционного отряда.

На что же рассчитывал здесь белогвардеец? На то, что из века в век несли тигильские казаки верную службу своему Отечеству? Что это формировало характер, суждения, взгляды, определяло позицию. А позиция солдата – это приказ его командира?!

Видимо, потому Бочкарев приказал превратить Тигиль в административно-пропускной белогвардейский пункт. И сам поверил в этот свой приказ.

Но выстрел в сердце Камчатки не получился. Вышла осечка. Когда же белогвардейцы попытались применить силу, – им же и переломили хребет красные партизаны из отряда Павла Иосифовича Юшина и установили Советскую власть по всей волости, а позже, влившись в отряд Григория Чубарова, тигильчане вместе с красноармейцами довершили разгром бочкаревцев на севере полуострова.

Нет, камчадалы уже не связывали будущее Камчатки со старой властью. Ее они уже всласть нахлебались, как и горяшка. И потому взялись за оружие, чтобы утвердить право, обещанное Советской властью – быть настоящим хозяином этой земли. Впереди еще было немало боев. Теперь уже с японцами, которым Советское правительство пока еще было вынуждено дать разрешение на аренду рыболовных участков. Но все уве-

реннее становилась на ноги собственная рыбная промышленность, набирала силы, вытесняла иностранцев, контроль за промыслом которых на территории Тигильского района вел начальник районной милиции Павел Иосифович Юшин».

Так что продолжалась служба потомственного казака – он снова охранял свою, подлинно свою, землю, берег ее для своих детей, боролся против всего, что было направлено против интересов его родины. Подрастали и сыновья. И продолжалась биография...

А время было очень беспокойное. У самого устья реки Тигиль, рядом с русскими рыбалками располагались и японские. Японцы тоже ловили лосось. Только не в реке, а в море – ставными неводами, которые двух и трехкилометровой преградой вставляли на пути тигильской рыбы. А что оставалось делать? Как было поднять Камчатку и создать здесь настоящую советскую рыбную промышленность, не подписав этого договора с Японией? Во-первых, японские браконьеры и так, безо всякого спроса, хищнически промыслили камчатскую рыбу, – где только могли. А могли практически везде: попробуй усмотри и догони. Проконтролируй эту армаду шхун и пароходов, когда с великим трудом находили во Владивостоке паровую «калошу», чтобы доставить с материка в Тигиль хотя бы продовольствие. Вот и грабят. И не защитишься, не имея силенок. А по договору они хоть за эту рыбу золотом платят. А, во-вторых, согласно рыболовной конвенции японцы берут на себя и обеспечение Камчатки продовольствием и различным промысловым оборудованием рождающуюся рыбную промышленность. И придет время, когда не захотят, а потеснятся, а потом и вовсе уберутся из наших вод.

Пока же терпеть надо, сжимать зубы до боли, копить силушку, чтобы при случае посчитаться... И есть за что.

В последнее время тигильские рыбаки очень часто встречали на рыбалке начальника милиции пьяным прищуром, смехом, каким-то полувиноватым, полуподленьким. Сын, Коля, это ощущал просто физически: словно кто водил ему по коже чем-то горячим. Отец каменел лицом, шаги его делались тяжелыми, точно ноги не сгибались в коленях, глаза темнели, за-

полняясь до краев злой слезой, как тигильское устье в лютый осенний шторм.

– Так! – бросал он, как камень. И лица, виноватясь, прятались в толпе, втягивались, сжимались, кривились. А бывало – кто-то хихикал, ухмылялся, юродничал. И клокотало все в Коле, будто плескал кипяток из своей души отец не только в эти пьяные лица, но и на раскаленные камни в душе сына. А чем помочь отцу, он не знал. Да и сам отец – Коля видел – сидел на бревнышке у реки – глаза задумчивые, грустные, губы вздрагивают: видно, разговаривает сам с собой, а о чем, отсюда, из-за кустов, и не расслышишь. Наверное, япошек ругает. Конечно, это они спирт привезли, на рыбу его у наших рыбаков меняют. Вот бы выследить. Отец уже столько времени ищет этот тайник, где японцы спирт прячут, и все бесполезно. Вот бы отыскать! Опасно, правда, – рассказывают, что японцы и убить могут: много темных дел за ними числится. Вон, по пьянке уже сколько людей утопло, а поди разбери: то ли он на самом деле пьяный был, то ли подстроил кто... В отца сколько раз уже стреляли ночью, а кому еще, кроме японцев, он насолил – держит их за горло, не дает нашей рыбой, как своей, распоряжаться...

Долго еще кареглазый мальчик смотрел из-за кустов на отца. Жалел его и не понимал еще, что рождалось в это время в собственной душе, и почему так охотно подчиняется он этой внутренней силе и даже не страшно вовсе, так, посасывает только немного под ложечкой...

...Все произошло случайно, как бы само собой. Они с ребятами ходили по грибы и, отдыхая, развалились в траве на полянке, закрытой со всех сторон густыми зарослями шеломайника. Вдруг мимо прошли японцы. Несколько человек. Переговариваясь на ходу чуть ли не шепотом и все время оглядываясь по сторонам. Ребят они не заметили. А те, обмирая от страха, ползком скользнули за ними. Шеломайник надежно прикрывал разведчиков широкими листьями, только потревоженное травяное комарье жалило немилосердно, кусала крапива, палила руку горячая пучка, за которую Коля схватился сгоряча, схоронившись от японцев буквально в нескольких

шагах от них. Те остановились и, подчиняясь приказу старшего – синдо, подвернули дерновину у кустов. Открылся лаз. От волнения у Коли вспотели ладошки. Он оглянулся. Сзади – то здесь, то там – горели возбужденные глаза товарищей. Сердчишки трепыхались у всех, да так громко, что беспокойно дернулся несколько раз, испуганно оглядываясь, синдо. Один раз Коля даже встретился с ним глазами. Юркие, как мышки, они не зацепились на его лице. Но дыхание у Коли перехватило так, что он чуть не задохнулся.

Из отверстия, откуда несло холодной сыростью, японцы вытащили несколько железных банок. Снова приложили к земле дерновину – и все исчезло, точно и не было здесь ничего и никого. Распрямилась примятая трава – никаких тебе следов. Но ребята и не рискнули рассматривать: пятясь задками, они углубились в лес, а оттуда – что есть духу к Павлу Иосифовичу.

Вы бы видели, как посветлело лицо отца, залучились глаза, как, скупой к ласкам, опустил он тяжелую жесткую ладонь на голову сына:

– Вот и у тебя, Николай, произошло боевое крещение.

...К японцам отправились большой группой. Синдо вежливо раскланивался, расплываясь в ядовитой улыбке. А глаза обеспокоенно перепрыгивали с одного лица на другое, ну совсем как мыши из норки в норку. Павел Иосифович сделал официальное заявление. Синдо притворился непонимающим:

– Сакэ нэ быро... русска групости говорит... я заставру отвещать...

Но за отцом пошел сразу. Там, у тайника, составили акт об обнаружении более ста литров спирта. А на следующий год в устье Тигиля уже не было японских рыбалок. Бой был дан по всем правилам.

Не предполагалось тогда, что в жизни у Николая будет еще много боев. В 1932 году Юшин закончил семилетку и был избран в только еще образовавшийся райком комсомола руководителем районной пионерии, а затем поехал учить грамоте камчадалят в Напане. Затем Ленинград, институт народов Севера. Николай Павлович готовился стать учителем. Но преж-

де ему пришлось стать солдатом: началась Великая Отечественная война.

«Ну вот, дорогой отец, – писал на Камчатку Николай, – настало время и мне служить верой и правдой своему Отечеству. Я призываюсь в Красную Армию. Этим я очень горжусь, ибо защита Родины есть священный долг каждого гражданина СССР... Я хотел стать учителем, а теперь буду солдатом. Сама жизнь указывает дорогу нашему поколению. Уходя в армию, я приложу все силы, чтобы быть достойным дисциплинированным бойцом...»

И шли письма на Камчатку, рассказывая о солдатской службе, о сложном международном положении в Европе. 22 июня 1941 года – вот как случается в жизни! – Павел Иосифович получил от сына последнюю мирную весточку: «...Никто не может гарантировать, что война не вспыхнет и на Тихом океане. И, может быть, еще раз вам придется потряхнуть стариной. И плечом к плечу мы с вами, отец, встанем в ряды защитников страны».

А на западе уже гремели бои. И сражался сын с фашистской нечистью. А внук, Павел, собрал сегодня воедино рассыпанные в памяти пожелтевшие от времени страницы той легендарной летописи священной для нас войны.

ВОЙНА. Бежали по земле тени «юнкерсов», летели бомбы, дыбилась земля, надсадно выли мины. Этот вой остался в памяти сильнее прочих примет войны.

В боях у Днестра противник потеснил дивизию. Ему удалось отрезать один из полков, в котором оказался и взвод Николая Юшина. До самого последнего момента взвод сохранял связь между подразделениями. До самого последнего... Пока не сомкнулось вражеское кольцо. Но нужно было вырваться из окружения, вывести не только людей, но и сохранить боевую технику. План был дерзкий: на трехконных двуколках и трех парных телегах, как только стемнеет, без шума, без выстрелов поехать дорогой, занятой немцами, миновать захваченные ими села и соединиться со своими частями.

...Снят часовой на мосту. Связисты въехали в село, занятое немцами. Они ехали мимо танков, орудий, горящих костров,

слышали чужую речь, пьяные песни. И нахлестывали лошадей.

Первое село миновали благополучно. А на окраине второго – нарвались на огонь. Фашисты стреляли на звук стука колес и цоконья копыт. В ответ полетели гранаты, залпом ударили винтовки. С боем прорвались, только два бойца были ранены и один убит.

Рассвет застал их у нашей передовой. Спустя три часа они были у своих.

За мужество и находчивость командующий Южным фронтом наградил Н. П. Юшина орденом Красной Звезды. Ему было присвоено звание младшего лейтенанта.

БОИ НА ЭЛЬТИГЕНЕ

Глухой ночью 1 ноября десантники подошли к крымским берегам. Сильная волна заливала десантные баржи. Резче и холодней становился ветер. Штормовые волны. На палубе и надстройках появилась ледяная корка...

Отец вспоминал:

«Под ураганным огнем бросаемся в воду, выбираемся на берег, преодолеваем колючую проволоку, забрасываем ее бушлатами и шинелями. Прорвались. А тут – на тебе! – минное поле. Сколько там полегло наших!..

А на рассвете против нас были брошены части двух немецких пехотных дивизий с танками. В первый день мы отбили до двадцати контратак врага. Добиться успеха, несмотря на большой перевес, гитлеровцам не удалось. Тогда они решили взять нас измором. Лишили снабжения, перекрыли возможность эвакуации раненых. Но, несмотря ни на что, десантники продолжали сражаться. Но вот уже и боеприпасы на исходе, жажда мучает, нечего есть, много тяжелораненых... Получили приказ прорываться к основному десанту. А фашисты стремились столкнуть нас в воду Керченского пролива, раздавить гусеницами танков, уничтожить артиллерией, забросать бомбами с самолетов...

Темной декабрьской ночью десантники внезапным ударом

прорвали кольцо окружения. И начался стремительный рейд по тылу врага. На Керченских высотах захватили немецкие доты и дзоты, но выбраться из них не могли – сверху насели немцы. Пришлось вызвать огонь на себя наших дальнобойных батарей, расположенных на Таманском полуострове, и выбираться под их прикрытием...»

А потом беспамятство, и друг, Петр Рожков, несколько километров нес на себе раненого командира.

НА БЕРЛИН

Победная весна 1945 года. Ласково греет апрельское солнце. В редкие минуты между ожесточенными схватками с отчаянно сопротивляющимися гитлеровцами в предместьях вражеской столицы вздохнет полной грудью боец, и радостной птицей мелькнет мысль: «Скоро конец войны, скоро к родным, домой!»

Части 13-й гвардейской армии генерала Н. П. Пухова вышли к окраинам Берлина.

А перед самой победой, на участке, где действовали связисты-гвардейцы, произошло следующее: матерые гитлеровцы, сражающиеся с яростью обреченных, и юнцы-фанатики из «гитлер-югенд», вооруженные фауст-патронами, потеснили одно из наших подразделений, состоявшее в основном из малообстрелянных бойцов недавно прибывшего пополнения. И в этот момент прозвучал голос Юшина:

– Гвардейцы! За мной! Даешь Берлин!

Решительные и умные действия солдат-ветеранов помогли новобранцам прийти в себя, оправиться от временного замешательства, и вот уже гремит, нарастая, победный клич:

– Ура-а! Даешь Берлин!

И советские воины вступают на улицы Берлина. Яростно вспыхивают ожесточенные схватки. И здесь, на окраине вражеского логова, воин-камчадал был сражен осколком разорвавшегося фауст-патрона.

Здесь, в немецком городе Дебрене, и встретили раненные фронтовики день Великой Победы...

«Настал радостный долгожданный день Победы над Герма-

нией. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена, – говорилось в памятке, выданной гвардии старшему лейтенанту Н. П. Юшину командованием и Военным Советом 13-й армии. – В ходе войны воины Красной Армии и Вы в том числе отдали все силы делу защиты Отечества, пережили неисчислимые лишения и страдания. Кровь, пролитая на полях сражений, не пропала даром. Наше правое дело увенчалось полной победой.

Военный Совет 13-й армии поздравляет Вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны и объявляет благодарность за самоотверженное служение Родине в составе войск 13-й армии...»

ИЗ РОДА ВОЖДЕЙ

1. Мерлин

Еловское восстание задыхалось. Не успел сгореть казачий Нижнекамчатск, как погибли в огне нового, отстроенного ительменами острога у подножия Горелой Сопки не пожелавшие сдаться в плен повстанцы. А там вскоре и сам руководитель – Федор Харчин – стал пленником. Казачьи отряды рыскали по реке Еловке, отыскивая бунтарей, и расправлялись с ними. Верный Харчину Тигил со своими товарищами не пожелали сдаться и, убив, по старинному обычаю, жен и детей своих, покончили и с собственной жизнью с присущим ительменам хладнокровием.

Дядя Харчина, ключевской тойон Голгоч, когда основные силы еловских ительменов были разбиты, двинул со своим малочисленным отрядом вверх по реке Камчатке к тойону самого крупного в долине древней Уйкоаль (Камчатки) острожка Кунутпочичь – Начике Машурина, чтобы, объединившись, выступить опять против казаков.

Но Начика не принял бунта. Да и поздно уже было, если бы он даже и выставил всех своих воинов: с устья реки Камчатки неожиданно для всех повстанцев двинулся крупный воинский отряд, который не убыл накануне бунта, как предполагалось,

в Анадырский острог на боте «Святой Гавриил», а случайно, благодаря «противному» ветру вернулся назад в устье, где команду ожидала весть о захвате камчадалами Нижнекамчатского острога и гибели его гарнизона.

Шли казаки к Еловке и из Верхнекамчатского острога. Так что было поздно. Но и раньше, в более благоприятной обстановке, не присоединился к Харчину Начика Машурин, потому что, видимо, не хотел рушить мир, скрепленный дружбой «огненного человека» – авачха Владимира Атласова и родника своего – верховного тойона долины древней Уйкоаль – Ивара Азидама. Не захотел, несмотря на обиды и притеснения казаков. Закаленный в боях воин, потомок Божоша, – о подвигах которого слагались на Камчатке легенды...

Значит, были у Начики основания не принять бунт и отказать Голгочу в помощи. Тот в ответ, гневно сверкнув глазами и скрипнув зубами, выплюнул: «Трус!» На лице тойона Начики не дрогнул ни один мускул. Он ждал этих слов. Знал, что Голгоч не сможет понять его. А сам хорошо понимал тойона-бунтаря. Не будет ему прощения от казаков. Он обречен. Как обречено все это восстание. И не только в долине древней Уйкоаль. По всей Камчатке – от мыса Лопатки и до Парапольского дола, где только еще занимались от искр еловского пожарища новые костры.

Начика видел уже конец этого бунта – залитые кровью острожки, пепелища... В нем самом в тот момент боролись двое – воин и вождь. Победил вождь. Потому он молча смотрел на удалявшегося Голгоча, уходившего в бессмертие.

Бунт инородцев «в Камчатке» не прошел бесследно: он встретил царицу Анну. В 1733 году на Камчатку из Якутска прибыла специальная следственная комиссия для выявления причин бунта и наказания виновных. Во главе ее был подполковник Василий Мерлин. Из Анадырской крепости прибыл к нему помощник майор Дмитрий Павлуцкий. Несколько лет кропотливо работала комиссия на Камчатке. Но уже 27 сентября 1731 года вождь острога Кунутпочичь Начика Машурин честно заявил и толмачи ительмен Чистяк и казак Иван Щитин перевели для писарей эту его «скаску» о причинах бунта.

«Чинятца нам обиды, – не щадил никого Начика Машурин, веря в справедливость и на нее уповая, – а именно от заказчиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут с нас неокладные тягосные поборы ради своей корысти – сараны по пуду, кипрею по пуду да по баты, а ежели не кипрею и сараны нету, то берут лисицами и собольми, за бат по шти соболей и лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако же берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики в остроге Тополином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де и кунным на Шапиной и по Козыревской реках.

Да сего ж 731 году был за юкольным сбором служилый человек Никита Дурынин с товарищи при сборщике Андреяне Рюмине и брали юколы с каждого человека по три вязки, а кормами у нас сего против старого весьма недоход, не ведаем, как и зима нам будет прожить и ясак ея императорского величества добыть. А ежели и впредь будут такие поборы изличиша, то нам притти будет во всеконечную нищету...»

Так вот камчатские казаки приноровились решать на полуострове свои продовольственные проблемы, вводя натуральный оброк для ительменов, требуя сараны, корни которой шли в пищу, кипрея, сладкой травы для вина, рыбы свежей и вяленой, мяса медведей, уток, гусей, ягоды...

Подполковник Мерлин жестоко наказал и русских приказчиков, виновных в бунте, и ительменов-повстанцев: повешены были для острастки и те и другие – ительменские вожди и камчатские приказчики, а потом еще под этими виселицами в каждом из трех казачьих острогов пороли кнутом правых и виноватых, усмиряя нравы.

Но казня одних, с другими Мерлин пытался обойтись ласково. Он понимал: если хочешь жить мирно в этой дикой воин-

ственной стране, безбедно и безбоязненно, завоюй доброе расположение ительменской верхушки – тойонов, приблизь их к себе и отдали от народа – пусть властвуют сами, подчиняясь только лишь русскому приказчику. Потому-то Василий Мерлин с миром отпускает и назначает тойоном вместо Федора Харчина его брата Степана, тоже участника этого бунта. И по той же причине подполковник Мерлин становится крестным отцом одного из сильнейших вождей Камчатки тойона Начики Машурина – теперь христианина Егора Васильевича Мерлина.

Так зарождалась новая камчатская династия.

2. ИВАШКИН

«Мерлины принадлежат к очень старому камчадальскому роду, который ведет свое начало от одного древнего народного героя... Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадальских легенд; далее один из Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего всю страну».

Карл Дитмар, «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.»

Когда появился на свет отпрыск старинного дворянского рода Петр Ивашкин, то где-то на востоке, там, где восходит солнце, вспыхнула в небе яркая звезда. Крестил чадо царь Петр Великий. Благословляла на брак гвардейца-преображенца царица Анна Иоанновна. Любила отрока правительница Анна Леопольдовна... Целое созвездие благозвучных царских имен...

И все рухнуло, как это бывает лишь в кошмарном сне. Донос. Приговор за измену Елизавете Петровне. Кровавые полосы ран от кнотов на спине. Рваные ноздри. Сибирь. Верхнекамчатск – острог, который вместит в себя всю остальную его жизнь. Без остатка. До прощения, в котором уже не было здравого смысла: он, как соль в воде, растворился в шестидесяти годах ссылки. И нужен ли был едкий этот раствор девятиностошестилетнему прапорщику Петру Матвеевичу Ивашкину? И стоило ли пытаться снова, как в молодости, вернуться в

Россию, в свет? Чтобы умереть в дороге? Чтобы убедить кого-то, что и не был никогда ни в чем виноват? Что он жертва злого доноса? Шестьдесят лет грела эта мысль о справедливости. Но справедливость пришла слишком уж поздно – лишь на чуть-чуть опередила смерть.

Жизнь же была наполнена иным. Все эти долгие, бесконечно долгие, годы. Потому что для того, чтобы жить, нужно было или все забыть или забыться. Чтобы не обрушивался и не душил кошмар этого страшного сна, протяжением в целую жизнь.

Много лет он прожил среди камчадалов – долгую, основную, часть своей жизни. Срок значительный, чтобы полюбить по-настоящему, привязаться и понять, стать своим и навсегда.

Он хотел быть полезным. Сначала просто для того, чтобы чем-то заняться: трудно было поверить, что занятия с детьми камчадалов принесут кому-нибудь какую пользу. Потом увлекли. И стало уже необходимостью. Не может по-настоящему образованный человек превращать в камень собственные знания. Слишком тяжел такой груз для души...

Сначала «аз», «буки», «веди»... А потом – рассказы о самом разном – что, казалось, безнадежно забыл в этой таежной глуши в маленькой деревушке с засыпанным рвом и гнилыми стенами стародавней казачьей крепости, с домами-развалахами и балаганами, где валялись на солнце юкола, с ямами воючей кислой рыбы и огромной разношерстной стаей камчатских ездовых собак... Кому нужны были здесь его знания?

Но сам же незаметно становился их проповедником. Он рассказал о великой стране – России. О тучных нивах. Морях золотого хлеба, вкус которого стал уже забывать. О сладких фруктах – таких крупных: с голову маленького ребенка. Росли они на деревьях, как те же шишки на кедраче или жимолость на кустах. Или об удивительных овощах, вроде того же гишпанского или французского картофеля, растущих в земле, совсем как морковь или редька, который он отведдал за границей, – тот вообще, хоть и состоит из клубеньков, ну, вроде, как сарана, вымахивает порой в добрых два, а то и три мужицких кулака.

И то, что где-то в такой же захудалой российской или французской деревеньке было известно младенцу, здесь, на Кам-

чатке, превращалось в сказку. Может быть, его больше всего и любили за эти волшебные сказки. Ибо только истинная мудрость, как считали здесь старики, способна создавать такие необыкновенные истории.

Его любили. Как и он полюбил этот закабаленный, униженный, но благородный по чистоте чувств и помыслов народ с открытой детской душой.

В тесной полутемной комнате, куда солнце с трудом пробивалось сквозь желтоватые высушенные и сшитые полоски медвежьих кишок, учил Ивашкин кареглазых мальчишек – как отпрысков знатных тойонов и есаулов, так и камчадальской рыбацкой и охотничьей черни – читать, писать, мыслить. И все последующие поколения камчадалов, внуки и правнуки учеников Матвеича, сохранили благодарность к седобородому старцу из Верхнекамчатска. Даже не подозревая при этом, что был он крестником царя Петра, того самого, чье желание создать великую Россию открыло русским дорогу в Камчатку и разорило ее народ. Его благословляла Анна Иоанновна, в царствование которой повешены камчатские бунтари. Он был любимцем матери царя Иоанна VI и жил в том мире, где от любви до ненависти всего один шаг. Они были наивны, как дети, – эти ительмены. Но их любовь нужно было заслужить. Он заслужил ее навечно.

Но истинная слава учителя в его учениках. В том же Мерлине (сыне тойона), которого начальник Камчатки Магнус фон Бем послал учителем в Большерецк. И в жены себе учитель-ительмен взял казачью дочь.

Здесь же, в Большерецке, тот же Бем в 1773 году впервые посадил в камчатскую землю гишпанский катрофель, завезенный им из Прибалтики...

Так сказки Ивашкина становились былью и для его учеников, и их детей и внуков.

Сын большерецкого учителя Мерлина был назначен тойоном в Шаромы или, как сами жители называли село по обилию в округе кипрея (иван-чая), Дунаг.

В начале нашего века будущий президент Академии наук СССР В. Л. Комаров обнаружил интересную особенность в

промысловом быте этого маленького ительменского поселения в верховьях реки Камчатки: оказывается, здесь издавна существовала... рыболовная артель. Только здесь и в соседнем селе Пушино. И более нигде на Камчатке.

«Из беседы с жителями Шаромы выяснилось, – писал ученый, – что они ставят запоры (приспособления для ловли лососей. – С. В.) только на двух «реках» (протоках) Камчатки из трех, оставляя третью свободной для обеспечения рыбой пуштинцев.

...Паев на девять шаромских хозяев установлено четырнадцать, и та семья, которая по очереди солит рыбу, в этот день получает отборную, вне очереди, т. е. делится на пай лишь рыба, не годная для солки, а годная поступает ежедневно в собственность одной лишь семьи. Обычай этот позволяет всяма быстро справиться с засолкой...»

Откуда он взялся, сей обычай в глухой деревушке, осталось невыясненным...

Но в остальном это была обыкновенная камчадалская деревня, столь же нищая и столь же темная, как и остальные камчадалские поселения в этой таежной глухомани, где веками все оставалось как было прежде и где самым большим изменением в жизни считалось приказание окружного начальника Сильницкого брать за проезд через Малую и Большую Ключевенные речки налог в 30 копеек за лошадь и 50 – за груженую нарту. Тойон Мерлин получал деньги с большой торжественностью и удовольствием, словно это был самый большой праздник для него: почувствовать себя хоть на миг хозяином...

3. Копытин

«Шаромы... 9 домов этого поселения и небольшая часовня лежат у самого берега главной реки и вместе с тем у устья одноименной речки».

К. Дитмар, 1851–1855 гг.

«9 шаромских хозяйств... низкие домики с маленькой, почерневшей от времени часовней».

В. Л. Комаров, 1909 г.

Мир потрясли революции. По стране огненным вихрем пронеслась гражданская. Березовым соком заполнялись корявые отросточки, острожки дальней окраины республики Советов, и забурлила в них новая жизнь.

А Шаромы – точно отломанная ветвь. Вокруг того же Милькова, старинного русского села – совсем рядышком, как улово, все кипит, а здесь – заводь тихая.

Потому и тихо, что делать, вроде как, нечего – ни богатеев в Шаромах, ни подкулачников каких – все голь перекатная. И потому будто и не коснулась их новая жизнь. Как обвал в горах: где-то лавины льда и камня перемещались, обрушиваясь с вершины, а тут – только эхом обдало, да и то в полсилы, и затихло все. Надолго ли? Неведомо это шаромским жителям, да и не время им гадать-рассуждать, когда с одного бока рыбалка подпирает, а с другого – охота... Идут золотые камчатские денечки, и не зевай, чтобы с юколой успеть к сроку, заложить хайко в кислые ямы, заготовить в охотничьих шайбах на зиму рыбы и медвежатины, поменять по распоряжению начальства гнилые столбы на телеграфной линии, починить мосты, поправить обществом дорогу... Не оторвешься от дел, не переделаешь и враз, чтобы вот так, запросто, сесть и порассуждать о том о сем... Хватало и всего того, что с амвона их часовенки мильковской поп обрушивал на Советы...

И вот наступил 1927 год.

...Александр Михайлович Копытин только в Шаромах, куда его распределил Петропавловский горрайон, почувствовал, что земля под ногами твердая: после их пароходика «Нева» все казалось, что вздымается он на тихоокеанской волне или катится с нее неудержимо. Что там – считанные дни прошли, как выгрузились в порту, пожали руки однокурсникам из Хабаровского педучилища Тихону Семушкину, Петру Скорику, Анне Суховиловой, которые отправились дальше, на Чукотку; вот уже и распределились сами: он – сюда, в Шаромы, а жена – в Верхнекамчатск, по соседству. Потому и земля еще до сих пор под ногами качается, да и дорога сюда, в долину реки Камчатки, не лучше, чем океан в шторм. А скоро ли вообще она, земля камчатская, окрепнет под ногами? Неизвестно. Что-то

не очень-то здесь привечают русского учителя. А вообще, кого они видели-то прежде здесь из русских? Купца, который приезжал за рухлядью – мягкой пушшиной? Почто и верить им, каждому приезжему? Почто с душой открытой встречать? Сам покажись да откройся. И будет по заслугам твоим честь. Окрепнет земля под ногами.

Нужен ли ты им, Саша? Увидят ли они в тебе товарища и друга? Что ты им принес суда, в Шаромы? Ведь этого ничтожно мало – научить их только читать и писать. Слишком мало, если не видят люди в этом никакого смысла. Большого человеческого смысла. Когда знания – что тот самый гибкий шест, с помощью которого можно направить даже против течения по горной стремительной реке верткий тополовый бат. Когда они – глаза следопыта, изучающего тропы жизни на белых снегах книжных станиц и постигающего законы этой жизни. И когда поймет охотник и рыбак смысл этих знаний, то пойдет сам уже навстречу им – гордо, открыто, свободно, а не как сейчас – пугливо сторонясь: «однако, на сто нам грамотеска? Книской медведя не добудес, рыбку не поймаес, картоску – и ту не выкопаес... Уцили нас узе – по пять-сэсмь лет в одном классе, а все-равно позабыли всю грамотеску ту...»

Все же договорились – дети от семи до пятнадцати лет пусть ходят в школу. А старшие нужны в хозяйстве. Кто хочет – пусть по вечерам учится, коли желание такое появится.

Желание могло появиться у них только при одном условии – если увлечь чем-то молодых ребят. Чем – давно было уже ясно для Копытина – человеку становится по-настоящему интересно только тогда, когда он соперничает это с кем-то, не глушит в самом себе, а выплескивает наружу, делится с другими, и вот тогда он получает настоящую радость...

И скоро Александр Копытин был уже не один – подружился с Афанасием Зиминим, Николаем Докучаевым и Алексеем Мерлиным. Это было ядро – снежный ком, пущенный с высокой сопки по сырому снегу прямо на Шаромы. И пошел он на лету расти-обрастать... В школе теперь не поместиться ни днем, ни вечером: взрослые тоже потянулись на «огонек». И пошло-поехало! До того дело дошло, что школьники своим родителям

консультации стали давать по важнейшим вопросам жизни. Так, например, в стране проводился заем на индустриализацию. В Шаромах слово и выговорить никто толком не мог, а о том, чтобы знать, что под ним кроется и вовсе не ведали. И об индустриализации в Шаромах узнавали от пионеров-пацанят. Как и о многом другом. А потом и вовсе грех на душу приняли – отдали свою заброшенную часовенку – мильковского попа за агитацию против Советской власти посадили – под комсомольский клуб. Отдали – и струхнули. Вместе с самими комсомольцами: вдруг бог все же возьмет и накажет. На крышу – сшибать крест – пришлось лезть самому Копытину. И только тогда, когда на земле убедились, что Бог его милует (а может, и взаправду нет его там, на небе!) полезли дружно помогать. И начала наяривать пила хрусткую песню. А там и вонзился крест черным от времени острием в землю. Охнуло эхо пугливо. Замерло сердце у стариков. Но было тихо вокруг. Только ворона кричала то ли сердито, то ли радостно – разве ее поймешь? – на голой еще тополине. И крест валялся себе, сорвав дерновину и обнажив жирную, парную по весне, шаромскую землю...

Весна же здесь... – где еще такую красивую на всей земле сыщешь!? Днем снег прямо на глазах, как свинец на огне, плавится, ночью – морозом в наст, ледяную корку, запекается. И лишь только обнажилась земля, хоть чуть-чуть! – тут же пошла зелень в рост: сегодня лишь кое-где с иголку еловую, а назавтра уже как щетка стоит муравушка и не разберешь, где какая травина прет; через неделю – зонтичные под самое солнышко упираются – им лишь бы повыше; полынь, как курицанаседка, кустится, а одуванчики – цыплята по обочинам дорожным разлетаются.

И денечки не только от солнца такие горячие стоят. Подходит самая первая рыба – чавыча, и теперь шаромцы от воды – никуда. Одна-две хозяйки, может, и ковыряются в огороде, но и то только до рунного хода рыбы. Лишь поперет нерка или хайко (кета) – все село, до самого древнего его жителя, на реке. Работа кипит в руках. Слаженная – любо-дорого поглядеть. Вот они – естественные основы для коллективного труда. Но пока только лишь основы. Трудно убедить людей, как ни

стараешься, что по-другому уже пора хозяйствовать: на рыбалке держать только самых опытных – чего всем-то здесь делать, ведь управятся и так, а другие в это время могли бы заняться общественным огородом, скотину выкармливать на лугах и молоко, мясо в тот же Петропавловск продавать, куда народу сейчас для организации Акционерного Камчатского общества понаехало, – вон ведь какие земли здесь вокруг богатые, покосы – человека в траве не видать, хоть даже на коня его посади...

Нет, что ни говори, а будущее у этой земли видится и не в одной только рыбе и охоте оно... К земле шаромцев надо привязывать, учить землю эту любить по-настоящему, по-крестьянски, чтобы они, как те же русские переселенцы на Амур-батюшке, пробудили эту таежную глухомань к новой жизни...

Но попробуй переубеди стариков! Ну, ладно, их не переспоришь – главное, что молодежь все-таки хочет это понять, хотя и не представляет себе еще, как это они, особенно парни, в земле навозной будут возиться или коров пасти – смешно им. Стыдятся и думать: не мужская, дескать, работа. Но это пока до дела не дошло. А когда организуем здесь настоящий колхоз – появятся бригады рыбаков и охотников, полеводов и животноводов, тогда и выберет каждый себе работу по душе – ту, где именно он больше всех и нужен. И время само разъяснит тогда, кто прав был в этом споре.

А союзники в новом деле у него уже есть – те же супруги, активисты сельские, Иван Михайлович и Варвара Карповна Мерлины.

...И подняли же они все-таки это дело. Правда, без него уже, без Копытина. Пока он у ламутов школу-интернат в новом селе Эссо открывал, в Шаромах уже колхоз организовали. И назвали его очень даже хорошо – «Новая деревня». Правильно назвали. В самую точку.

Многое по-новому тогда в селе стало. Это уже когда он заведующим горрайоно был и увидел, будучи здесь в командировках. И за полеводство, и за животноводство в Шаромах серьезно взялись. Сама Варвара Карповна возглавила дело, а она женщина серьезная. Себя не жалела и другим не спускала. И хозяйство шаромское, хоть и небольшое, но достаточно креп-

кое было. Эх, сюда бы тракторов... специалистов настоящих... Да где взять... Сам, вон, хотя и путевка была в Московский пединститут – без малого семнадцать лет не мог вырваться на материк и взяться за учебу. Ничего, будут, обязательно будут, новые Шаромы, коли об этом сам народ думает...

4. Мерлины

«...Шаромы: десятка полтора ветхих домишек, как попало разбросанных у реки. Рядом – небольшой скотник, простенький, без механизации, конечно; огород, рыбалка. Главная тяговая сила – лошадь, главная техника – старенький трактор с сенокосилкой. Да и с этим еле-еле управлялись 12 трудоспособных колхозников».

«Камчатская правда», 1960 год.

12 апреля 1960 года. Последнее колхозное собрание в Шаромах. За столом, по случаю накрытому красным сукном, сидят трое. Председатель колхоза Захар Иванович Мерлин. Бригадир животноводства Варвара Карповна Мерлина, мать Захара. И еще один, кого сейчас все с интересом разглядывают, новый директор будущего совхоза, который решено было организовать в Шаромах.

Захар Иванович встал, откашлялся. Зачем-то постукал карандашом по графину с водой, хотя была абсолютная тишина. Точно смущаясь, еще раз откашлялся в кулак, а какое смущение, когда были здесь все свои, а среди них – восемь кровных братьев, сестра, мать... Нет, не от смущения происходило это все с Захаром Ивановичем...

Валентин Мерлин, будущий летописец Шаром, записывал тогда в блокнот эту речь старшего брата.

– Товарищи! – начал Захар Иванович. – Наш колхоз был организован в 1933 году. На первом собрании председателем был избран мой отец. Прошло двадцать семь лет. Мне выпало проводить последнее колхозное собрание. Немного грустно. Были у нас большие трудности, но были и радости. Мы всегда жили одной дружной семьей – Мерлины, Зимины, Пановы, Атласовы, Докучаевы, Заочные, Чирковы, Возмищевы...

Но маломощный колхоз не в состоянии добиться быстрого развития сельского хозяйства на родной земле. Нам надо принять решение о ликвидации колхоза и передаче хозяйства новому совхозу...

Голосовали единогласно – вопрос этот давно уже был для каждого решенным.

Новый директор совхоза – Павел Антонович Дерий – был немногословен:

– Решение правильное. Сегодня речь должна идти о крупном специализированном хозяйстве, и со строительства нашего совхоза начнется освоение целинных и залежных земель Камчатки.

Что толку, что вы варились в собственном соку. Картошки выращивали с гулькин нос. Да и куда ее везти по бездорожью? К вам с Мильково за шестьдесят километров и то не проедешь – вон, трактора оттуда даже зерно не смогли завезти, бросили его на базе дорожников в шестнадцати километрах от села и теперь до зимы уже: сможем вывезти зерно только на собаках... А молока от ваших двадцати двух с половиной коровенок? И куда его? Если только самим выпить? И то лишнее: у каждого дома своя коровенка имеется. И к чему же мы, граждане дорогие, приходим? К тому, что и было у вас всегда – исстари – охоте да рыбалке. Как кормились промыслами и с промыслов, так при них и остались...

А почему? Ну, война, понятно, – она карты нам всем здорово смешала. А вообще?!

А вообще, дорогие товарищи, дорога нам позарез нужна – и на Мильково, и на Петропавловск... Тогда ни картофель, ни молоко, ни сливки, ни масло, ни мясо у нас не залежатся.

Вон, как в Елизовском районе, где дорог полно – благодать. Сам в совхозе «Камчатском» партгоргом был – видел и знаю. И людей нам надо, чтобы было кому новое дело ворочать – одним нам с вами здесь не управиться... Строить будем... Скот купим... Технику приобретем... Дворцов вам здесь понастроим, – раздухарился директор...

– Школа нам нужна, – тихо сказал кто-то и с переднего ряда поднялся невысокий черноволосый паренек со строгими внима-

тельными глазами. В отличие от всех, одетых хотя и чисто, но по рабочему, он был в костюме и при галстукe, с комсомольским значком на лацкане пиджака. Это и был Валентин Мерлин – первый шаромский учитель из уроженцев села. – Затеяно большое дело. Будет создаваться совхоз. Но ведь любое хозяйство начинается со школы. Приедут сюда с детьми, а у нас только четыре класса. В мильковский интернат не каждый своего ребенка отдаст, и уедут люди обратно. Дело затеяно большое, и ошибиться здесь нельзя. Это будет не по-государственному. А останутся, детей поднимут – какая же птица от своего гнезда улетает...

– Будет тебе белка, будет и свисток, – отшутился директор. – А пока приедут такие же, как и ты – с пухом вместо усов, им где-то жить надо будет, а не детей учить... Скота прибавится – где размещать... Технику пригоним – куда ее деть прикажешь?.. Так что, ты уж повремени со школой, учитель. Все у нас будет – дай только срок!

А теперь предлагаю назвать наш будущий совхоз в честь старинного казачьего острога в здешних местах, с которого и начинала строиться русская Камчатка, «Верхнекамчатским».

И закутилось колесо. Работы было невпроворот. Но такие уж они, шаромцы, особенно из этой, мерлинской, ветви, что не боятся никакой работы – главное для них то, что это все для людей делается, и тогда не считаются они с собой и со временем. И стучал своим топориком от зари до зари плотник Карп Мерлин, и к 1961 году в совхозе уже было построено 15 жилых домов, электростанция, столовая, пекарня...

Купили скот – стало уже три группы коров, новую группу приняла молодая доярка Вера Мерлина.

За первой техникой – получили ХТЗ-7 – отправились в Петропавловск Виктор Мерлин и один из первых, кто откликнулся на комсомольский призыв строить новый совхоз, Анатолий Киселев. Полмесяца гнали они трактора по набитой лошадыми тропе. В тот же год приступили и к первой пахоте, поднимая целинные земли, пока еще не тревожа тайгу-матушку: на многочисленных небольших полянках-пяточках, готовя землю под картофель, морковь и кормовые культуры – всего четырнадцать гектаров...

Следующую партию тракторов и машин гнали уже в Шаромы зимой чуть не целый месяц, в последнюю неделю – без единой крошки хлеба во рту, теряя сознание от голода; последний день – пешком, бросив технику в верховьях реки Камчатки – кончилось топливо – по сорокаградусному морозу, практически без сил – новые трактора принимали шаромские трактористы Борис, Геннадий и Владимир Мерлины.

В ту же зиму рядом с селом заложили аэродром, и прибыли на «аннушках» первые из числа тех, кто откликнулся на призыв комсомола строить новый совхоз в глуши далекого полуострова. Принимал новое пополнение инспектор по кадрам Захар Иванович Мерлин. Скоро в его сейфе хранилось уже более пятидесяти трудовых книжек.

Летом из соседнего Елизовского района пригнали телят – это в хозяйство мастера по выпасу и откорму скота Рюрика Мерлина.

Совхоз уже не только брал от государства, но и начал отдавать: в 1961 году было продано 58 тонн картофеля, 40 тонн овощей, 40 тонн мяса...

Но основное направление развития совхоза к тому времени еще не определилось и потому главным становилось то одно, то другое, то третье. Дороги по-прежнему не было, а от возможности своевременно вывезти и реализовать продукцию зависело практически все.

Не знали, строить ли новые животноводческие фермы: коровы теснились на старом, еще колхозном, коровнике... Никто не мог сказать определенно, будут ли нужны откормочные площадки – и телята, которых с таким трудом перегнали через Срединный хребет и ганальскую топь, жили во времянке, крытой соломой, которую они же и съедали за долгую и голодную шаромскую зиму... Кормов много не заготовливали, и их еле хватало до весны, точнее до той поры, когда снег только-только оголит вершины сопочек, и телят, тощих, мосластых в навозной коросте, выгоняли на пастбища по логотинкам. Но там уже бродили голодные, только поднявшиеся из берлог, медведи и гоняли этих самых телят так, что пастухи только и успевали подсчитывать потери: в одну весну погибло сразу 23 те-

ленка... Ни о каких привесах речь даже и не шла – зимой и весной боролись только за то, чтобы спасти молодняк.

Кадры в таком совхозе не держались. Да и кто будет задерживаться в селе, где тебе ни детей не выучить в завалюхешколе, крытой корьем, да и самому ни заработков, ни определенности, ни благодарности за этот каторжный труд что в поле, что на ферме, где ни механизации, ни чего другого – только лишь твои собственные мозолистые натруженные, ноющие по ночам, руки...

К тому времени, когда, наконец, это направление развития совхоза начало определяться и формироваться, вернулся в Шаромы после окончания Уссурийского сельскохозяйственного института первый инженер-механик из уроженцев Шаром Виктор Иванович Мерлин, назначенный инженером по трудоемким процессам. Толковый был инженер – с него и начинается эра механизации в совхозе: как раз к этому времени закончили строительство новых животноводческих ферм. Здесь был полностью ликвидирован ручной труд – поставили кормовые и навозоуборочные транспортеры, раздаточные линии, автопоилки...

В те же годы шаромцы избирают своего учителя Валентина Ивановича Мерлина председателем поселкового совета.

Девять лет уже прошло с той поры, когда учитель Мерлин впервые поставил вопрос о строительстве новой школы. Все понимали, что нужна новая школа, но руки до ее строительства так и не дошли. А Мерлин был прав – ведь из тех, кто прибыл в совхоз по велению своего комсомольского сердца, почему совхоз в феврале 1962 года и получил свое новое имя «Комсомольский», – остались в Шаромах лишь Анатолий Киселев, Анна Костенко, Александр Бусаров, Анатолий Головная, Василий Куцевич – вопрос о школе был вопросом о существовании самого совхоза – именно так, по-гамлетовски: быть или не быть.

Мэр Мерлин умел зажигать и организовывать людей – провели несколько комсомольских субботников, и в селе появилась своя восьмилетка, переоборудованная из старого общежития. Затем построили сельский клуб, комбинат бытового

обслуживания – Мерлин умел доказывать и обосновывать необходимость того, что нужно людям в его родном селе. Скоро появился и первый двухэтажный жилой дом со всеми коммунальными удобствами. И словно второе дыхание открылось у совхоза – потянулись сюда люди из самых разных мест. Пробили и дорогу.

В ноябре 1970 года Валентин Иванович Мерлин, председатель поселкового совета из камчатской таежной глубинки представлял Камчатку на Втором Всесоюзном совещании председателей исполкомов сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся, которое проходило в Большом Кремлевском дворце Съездов.

В 1971 году за свой большой труд по преобразованию родного села Валентин Иванович был награжден орденом «Знак Почета».

В 1973 году он возвращается в школу – теперь уже директором восьмилетней школы. Он возвращается, потому что считал прежде и так считает теперь, когда со строительством дороги, связавшей Шаромы с районным и областным центрами, открылись перед поселком большие перспективы, что сердце хозяйства именно здесь, в школе, где создается будущее.

И он снова был прав: вон, сколько его бывших учеников работает сегодня в совхозе – слесарь Евгений Возмищев, воспитатель детского сада Евгения Толстихина, повар Людмила Лапшина, шофер Андрей Егоров, рабочий Николай Панов... Закончил лесотехнический техникум и работает рядом, в лесхозе, Николай Сасин. Заслуженным киномехаником РСФСР стала старший киномеханик СДК Раиса Собко.

А совхоз в эти годы, действительно, стремительно пошел вперед. В 1972 году в «Комсомольском» собрали просто неслыханный урожай картофеля и моркови. Рекорд – 148 центнеров с гектара картофеля и 209 – моркови – не побит здесь и по сей день. Бригадир овощеводческой бригады М. Н. Лелеков был награжден орденом Трудового Красного Знамени, звеньевой картофельного звена Владимир Мерлин (ему тогда было 26 лет) – орденом Ленина.

В те годы совхоз «Комсомольский» – это 6 055 гектаров

пашни (вспомните те 14 гектаров и 5 – колхозных в 1961 году!). В 1962 году, когда совхоз получил свое сегодняшнее имя, было поднято уже более 150 гектаров пашни. поголовье крупного рогатого скота с 1962 по 1985 года увеличилось с 444 голов до 4587, мяса совхоз стал сдавать государству в 20 с лишним раз больше. Было тогда 12 тракторов и 7 машин – стало 56 и 42, плюс три автобуса. В 1962 году в совхозе работало 57 человек, стало – 504. Основные фонды совхоза увеличились с 548,3 тысяч рублей до 31 миллиона 527 тысяч.

И в эти же годы писал шаромский поэт Валентин Мерлин:

Шаромы – село молодое
В долине синеющих гор.
Дома, этажами сверкая,
Глядят на зеленый простор.
Дорога широкою лентой
Сквозь лес, мимо горных вершин
Зимой несется и летом
Навстречу колоннам машин.
Земля велика, и прекрасны
Края там, где розы цветут,
Но ближе, дороже и краше
Тот край, где возрастает твой труд.

ЗАБЫТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Всех героев этого очерка, и оставшихся навсегда в истории великих географических открытий, и оставшихся в камчатских именах (топонимах) и фамилиях, объединил человек, которому удалось по тем временам просто невозможное – он был по монаршей милости произведен в высшее должностное лицо всей Северо-Восточной, еще неизведанной, части Российской империи, убедив петербургских чиновников в том, что ему известны пути-дороги в «неизвестные» земли, продемонстрировав в столице карту, какую здесь еще не видели. В 1725 г. (между 18 и 20 июля) якутский казачий голова Афанасий Федотович Шестаков прибыл к главному командиру Кронштадта вице-адмиралу П. И. Сиверсу, рассказал о Сибири, Камчатке и Японских островах и показал карту северо-восточной Сибири, составленную по его указанию на основании рассказов местного населения и описи, сделанной И. М. Евреиновым и Ф. Ф. Лужиным. П. И. Сиверс рекомендовал А. Ф. Шестакова А. Д. Меншикову (ЦГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 534, л. 4), второму по значимости лицу в государстве.

И в 1727 году якутский казачий голова Афанасий Шестаков, хотя это были уже другие исторические (после смерти императора Петра) времена, начал свой поход.

Для него самого этот поход был очень коротким – уже 14 марта 1730 года он его закончил на реке Эгач, которая с той поры зовется рекой Шестакова, ибо сложил Афанасий Федотович свою буйную голову именно на ее берегах, будучи «на голову» разбитым чукотскими воинами.

Но дело, замышленное им и поддержанное государственными вельможами, продолжалось и принесло несомненный успех... если бы... Впрочем, об этом-то и пойдет у нас речь.

Перед Шестаковым были поставлены не только очень серьезные государственные задачи по продвижению россиян

«встречь солнцу» и изысканию для государства новых земель, но и другие не менее серьезные, а может быть, судя по дальнейшей обстановке, и более значительные задачи по приведению «немирных» инородцев под высокую государеву руку. Для решения этих задач ему были предоставлены все необходимые для этого средства. Но кто же мог предполагать, что Шестаков столкнется с силой, которой не сможет противопоставить ни лучший по тем временам тихоокеанский флот России, ни огнестрельное оружие, ни обученные солдаты из Тобольского драгунского полка, ни закаленные в дальних походах казаки, собранные в его команду со всех сибирских острогов. И этой силой были как раз те самые инородцы, которых практически беспрепятственно покоряли до этого россияне, стремительно продвигаясь от Уральского камня до берегов Великого океана. И хотя географические результаты экспедиции Шестакова будут ошеломляющими по своим успехам (открытие Америки; успешные промеры судоходного устья Амура задолго до посещения этих мест первыми русскими кругосветными экспедициями, не нашедшими этого устья; описание побережья Охотского и Берингова морей), о них станет известно только тогда, когда этими путями-дорогами давно уже пройдут другие. Экспедиция окажется забытой и современниками, и потомками. И забудут, наверное, потому, что ее след в истории окажется настолько кровавым, что эта кровь затмит и память – современники предпочтут забыть об этой экспедиции, а потомки по разным причинам не захотят об этом вспоминать.

И большинство из наших героев этого очерка, совершив то, что почитается отечественной историей за подвиг первооткрывателей, примут смерть (либо мученическую, либо в бою) или долгие годы проведут за решетками царских «казенок» – приказов и тюрем, будучи под следствием «по государеву слову и делу».

Конечно, было бы просто объяснить этот факт тем, что Россия посылала на восток всякое отребье, которое или гибло в бою, захватывая чужие земли, или заканчивало жизнь на каторге за то, что преступало законы государства Российского – грабило, убивало, насиловало...

История покорения Сибирского царства полна примеров, которыми мы могли бы легко доказать, что такое объяснение вполне заслуживает нашего внимания. Но не все так просто – жизнь гораздо сложнее привычных повседневных формул. И нам на страницах этой книги еще придется убедиться в этом не раз.

А пока представим героев этого очерка.

Афанасий Шестаков – якутский казачий голова, руководитель экспедиции, командир всего Северо-Востока России, патриарх рода якутских и камчатских казаков Шестаковых.

Его первый помощник по сухопутной части экспедиции – капитан Тобольского драгунского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий, также оставивший свое имя на Камчатке. Из ссыльных поляков, как и Иван Петрович Козыревский, монах Игнатий, первооткрыватель Курильских островов, по собственной воле примкнувший к экспедиции и начавший один из первых неудачных походов этой экспедиции – из устья Лены Северным морским путем на хлипком эверсе, раздавленном льдами. Отец Ивана Петровича Козыревского – Петр Федорович был сборщиком ясака на реке Коль (притоке реки Камчатке), которую Иван Петрович самолично переименовал в Козыревку.

Помощники по морской части – штурман Якоб (Яков) Генс, голландец на русской службе, подштурман Иван Федоров, геодезист Михаил Гвоздев, ботовых дел подмастерье (инженер-судостроитель) Иван Г. (Григорьевич?) Спешнев, который присоединился к партии в Казани (6 сентября 1727 года). Нужно сразу подчеркнуть, что это были люди, которые входили в морскую элиту России и были совсем даже не простыми людьми по своему происхождению. Геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев, хотя и был «из солдатских детей», но его отец служил в лейб-гвардии его императорского величества Семеновском полку, и потому Михаила направили сначала в Московскую математико-навигационную школу, а потом в Морскую академию в Санкт-Петербург. Стоит вспомнить, как император Петр Первый «ковал кадры», посылая лучших боярских недорослей учиться различным наукам за границу – и в первую очередь учиться строительству морских судов. Тогда же были заложены и основы отечественной морской науки.

Следующий в нашем списке Иван Спешнев, в честь которого в 1756 году дали фамилию одному из новокрещеных камчадалов из острожка на реке Воровской, который и стал патриархом одной из крупнейших династий камчадалов Камчатки. Иван Спешнев также был не из захудалого рода. Откроем самую высокоразрядную для дворянской элиты той поры «Бархатную книгу» и узнаем, что Спешневы – дворянский род, восходящий к началу XVI в.: Семен Григорьевич Спешнев был стрелецким головой, убит под Астраханью в 1591 году. Многие из Спешневых были воеводами – Иван Спешнев был, например, воеводой в Новодевичьем монастыре (1616), Михайло Иванович Спешнев в 1617–1639 служил воеводою в Данкове, Козлове, Коломне и Великом Устюге, Фрол-Чегодай Васильевич Спешнев – в Новосили (1632–1633) и у Воцкой Засеки (1639), Осип Иванович Спешнев был воеводой в Луху и Кокшайске (1655–1657), Григорий Силич – на Короче, в Усмани и Ефремове (1663–1680). В XVII в. многие Спешневы служили стольниками и стряпчими при царском дворе, а это очень высокие государственные должности того времени.

Из элитной боярской семьи был и Иван Федоров, который учился в навигацкой школе вместе с другим хорошо известным на Камчатке мореплавателем, Дмитрием Овцыным, помощником Витуса Беринга (и его фамилию также носили новокрещеные камчадалы).

То есть, повторяю, это была морская элита России, которую олицетворяют такие имена сокурсников Федорова – Гвоздева, как Федор Лужин, Степан Малыгин и последующие поколения мореплавателей и морских офицеров, обучавшихся в навигацкой школе, Морской академии, морском кадетском корпусе, подвигами которых гордится весь мир, так как они были первопроходцами, открывая России и миру морские пути на восток.

Что же касается Якова Генса, то и в этом случае выясняется, что на морскую службу в Россию приглашались отнюдь не худшие иностранные моряки, – вспомнить Витуса Беринга, Свена Вакселя, Мартына Шпанберга...

У Павлуцкого под ружьем было 400 солдат и казаков.

В распоряжение Шестакова для морских вояжей были предоставлены два построенных судна – «Фортуна» и знаменитый «Святой Гавриил», на котором Витус Беринг совершил свой первый поход. И два судна для экспедиции должен был построить Иван Спешнев (и он их построил в 1729 году – малый бот «Лев» и большой бот «Восточный Гавриил», но судьба у них была короткой – «Лев» был сожжен восставшими ямскими коряками, а «Восточный Гавриил» разбился у камчатских берегов). Все четыре судна были полностью укомплектованы экипажами, в том числе и опытными матросами-мореходами, такими как Лаврентий Сметанин (потомки которого и по сей день живут на Камчатке) и Лаврентий Петров (хотя тот был поначалу при Шестакове больше по хозяйской части).

То есть для этой экспедиции были подобраны незаурядные личности, но это-то как раз и стало в скором времени камнем преткновения для решения общих задач, – каждый мнил себя главным, руководствуясь собственными инструкциями, а не общими интересами.

Сначала, естественно, разошлись в разные стороны (и характером, и судьбой) командиры – Афанасий Шестаков и Дмитрий Павлущий. Шестаков на «Восточном Гаврииле» пошел через северную часть Охотского моря в земли пенжинских коряков, чтобы, устроив остроги на реках Пенжине и Олюторке, примирить воинственных ясашных инородцев, а потом дойти до Анадырской крепости, чтобы здесь вплотную «заняться немирными» чукчами – и погиб в первом же бою, не дойдя и до реки Пенжины. Осталось лишь имя на карте. Правда, 11 марта, за три дня до трагической гибели, Шестаков успел дать последнее, как выяснилось, историческое распоряжение для морской части экспедиции – идти к Большой Земле, как в то время называли северо-западную, еще неоткрытую часть Америки.

Команда была дана. Но посеянная первыми руководителями вражда уже имела во многом необратимые последствия: Афанасий Шестаков приблизил к себе, одарив властью, матросов (например, Лаврентий Петров вообще был наделен пра-

вами первого и непосредственного его помощника, который после смерти Шестакова объявил себя главным начальником Тауйского острога, где зимовал по приказу Шестакова, допустив множество злоупотреблений властью, а потом, боясь ответственности, пытался бежать из острога, и будучи пойманным наделал еще много дел, в результате которых позже и выяснилась исключительная роль этой экспедиции в открытии Аляски), а на стороне Павлуцкого находились Я. Генс и И. Спешнев (Гвоздев же вообще оказался в непосредственном подчинении Дмитрия Ивановича).

Потом рассорились между собой руководители сухопутной и морской частей экспедиции – Дмитрий Павлуцкий и Яков Генс. Штурман Генс отправился на Камчатку на «Восточном Гаврииле» и разбил судно. Капитан Павлуцкий повел свой отряд на Чукотку – и безнадежно застрял там на долгие годы (с небольшим перерывом, когда он состоял в Следственном комитете по изучению причин Харчинского бунта, о котором речь впереди) вплоть до своей героической гибели у горы, которую чукчи называли потом Майорской – по чину, который имел к 1747 году, к дате своей смерти, драгунский офицер Павлуцкий.

Яков Генс в 1731 году готовит к морскому походу в будущее Берингово (а тогда Анадырское) море «Святой Гавриил», который и совершит в конце концов все те открытия, которые обессмертят имена всех, без исключения, членов экспедиции Шестакова, но ему самому не удастся совершить великое географическое открытие – не успеет бот выйти из устья реки Камчатки, как вернется из-за «противного ветра», а тут будет уже ждать известие от казаков о камчадалах, которые подняли знаменитый свой бунт, писать о котором намеревался даже великий А. С. Пушкин.

Афанасий Шестаков стремился к абсолютной власти – и в противовес решению якутского воеводы о назначении камчатских приказчиков назначил правителем полуострова своего сына Василия, который своей ставкой сделал Нижнекамчатский острог. *«Кроме того, – писал А. С. Сгибнев в своих очерках, – осенью 1729 г. на боте “Гавриил” прибыл в Большерецк пле-*

мянник головы Шестакова – Иван Шестаков, который также считал себя начальником». Но помимо Шестаковых на Камчатке в этот же период посменно (практически год через год) командовали приказами братья Петровы, Иван Новгородов с «пищиком» Мухоплевым и служилым Максимом Лукашевским, Михаил Шехурдин, Василий Пашков и Кузьма Олесов, при каждом из которых был отряд «ясашных зборщиков».

Вот, что писал об этом «передовом» отряде Александр Степанович Сгибнев, делавший свои выводы на основе архивных материалов: «С самого начала появления русских в Камчатке камчадалы познакомились с наглостью и безнравственностью ясачных сборщиков и казаков, которые для своих выгод не щадили никаких средств. Правительство наше, осведомясь об огромных поборах, делаемых русскими в Камчатке, издало указ, которым повелевалось всем комиссарам при ясачном сборе не брать никаких взяток, под смертную казнию, а ежели ясачные принесут в почесть волею какую-нибудь мягкую рухлядь, то принимать ее в казну. Коммисарам же и другим лицам прежде ясачного сбора никакими товарами не торговать. Но коммисары не справлялись с указами, а брали себе чащины (камчатское название взятки. – Авт.) с каждого иноземца по два и по три места, а за место считался бобр, соболь и лисица. Кроме того, казаки брали чащину для артели, а кто не платил, того били батогами до полусмерти».

«В особенности же отличались взяточничеством и жестокостью коммисары Новгородов и Шехурдин и подьячии их Мухоплев и Свешиников. Они брали с каждого камчадала в один год по два и даже по три ясака и для себя по 3 и 4 лисицы или соболя, а у кого не оказывалось требуемого, брали в холопство жен и детей. Кроме того, летом собирали с каждого человека по три и по четыре вязки юколы и по 1 1/2 пуда сладкой травы, кипрею и сараны, по 50 уток и несколько штук гусей и зайцев. По неимению же этих предметов, по лисице с души. Служилые, посылаемые за этими поборами, брали еще и для себя по лисице, кроме продовольствия. Все эти поборы камчадалы должны были доставлять в Нижнекамчатск на свой счет,

летом на батах, а зимою на собаках. Прибывших же с этими вещами камчадалов прикащики посылали в лес за дровами для себя и команды, а иногда держали их для работ по полугоду.

Поступки Новгородова и Шехурдина вывели, наконец, из терпения камчадалов, и они с уходом из Камчатки экспедиции Беринга решились уничтожить у себя владычество русских; но прибывшая в Камчатку по выезде Беринга партия служилых под командою Василия и Ивана Шестаковых удерживала камчадалов от исполнения их намерения. В 1731 году партия Василия Шестакова соединилась с служилыми, пришедшими в Нижнекамчатск на боте “Гавриил” с штурманом Генсом для того, чтобы отправиться в Анадырск по приказу Павлуцкого. Камчадалы, осведомясь об этом, сговорились по выходе бота в море одновременно на всех пунктах полуострова сделать нападение на русских.

Бот “Гавриил” 20-го июля 1731 г. снялся с якоря; но за противным ветром остановился на якоре в устье р. Камчатки. Многие казаки из Нижнекамчатского острога собрались к морю провожать знакомых; здесь же находился в это время прикащик острога сын боярский Кирков и иеромонах Иосиф, для служения на боте напутственного молебна. Камчадалы, рассчитывая, что бот уже ушел на устья реки, начали восстание убийством казаков при устье реки Козыревской и вниз по реке Камчатке до Хатиц и далее к морю. Потом вошли в Нижнекамчатский острог, где били русских, не щадя ни пола, ни возраста, и разграбили их имущество. Завладев острогом 21-го июля 1731 г., они выжгли в нем все, кроме церкви, в которую сложили имущество обывателей (в это время в остроге было 20 дворов. – Авт.), а 22-го камчадалы праздновали свою свободу. Нарядившись в лучшее платье, иные в женское и даже в священническое, они ели, пили, плясали и шаманили. Еловский тоен Федор Харчин принял на себя звание комиссара и приказал крещеному камчадалу Савину, знавшему грамоту, петь молебен. В это же время была разорена и пустынь Козыревская».

Но недолго камчадалы праздновали победу – уже 21 июля 1731 года отряд из пятидесяти двух человек, снятый с бота

«Святой Гавриил» под командованием Ивана Спешнева выступил с устья реки Камчатка. Спешневу *«велено иноземцев изменников сыскивать и уговаривать к повинению ласково, а ежели не согласятся на убеждения, то идти на них войною»*.

Но уже на следующий день Спешнев *«просил с дороги Генса послать к нему две большие пушки, пороху, свинцу, две мортиры с чинеными (начиненными порохом, разрывными. – Ред.) ядрами и, для вспоможения, еще служилых, ибо иноземцы засели в крепости и все казачьи корма забрали. Генс отправил солдата Змиева с 25 человеками и вышеозначенными припасами и велел ему быть в согласии со Спешневым»*.

Спешнев, подойдя к острогу, стал уговаривать камчадалов сдаться; но они объявили, что предпочитают смерть владычеству сборщиков и начали стрелять по русским, за что оные изменники, по взятии острога приступом, зле и погибли, многих Божиею помощью на бою побили, а которые из острогу убежали, и тех на побеге и поимке побили. Многие же, сидя в остроге, ясачную избу зажгли с порохом, и в ней сами сожглись и зажгли острог со строением».

Бунт будет жесточайшим образом подавлен. Мы расскажем только о том, что произошло на реке Воровской, где позже возродится род камчадалов Спешневых: *«На р. Воровскую и далее посланы были служилые для усмирения. Одних примирили и ясак взяли, других на бою побили; а иные сами кололись и давились. Но на р. Харюзовой построен был крепкий острог, которого русские не могли взять и воротились, не усмиривши камчадалов. После того из Большерецка послан был туда пятидесятник Штинников с служилыми Соловьевым, Герасимовым и Дурьининым; а всех в походе было русских 50, да иноземцев 30 человек. Поход начался с Воровской, потом по Облукоминской и кончился на Белоголовой. Во время этого похода перебито и переколото иноземцев без всякой причины человек 170; в плен взято жен и детей их 220; да в живых осталось человек до 100. Спротивление показали только на р. Воровской. Здесь убито с оружием в руках человек 15, а прочих невооруженных связывали и из рук кололи, хотя они не показывали русским никакого сопротивления»*.

Пленных казаки разделили между собою, на каждого служилого досталось по три, по четыре человека, а командирам по шести. Платье убитых также разделено; кроме того досталось в добычу казакам много лисиц и соболей, из которых 50 штук соболей пожертвовали в камчатскую пустынь».

Таким образом казаки «замаливали» свои грехи.

Но уже первые сведения о причинах бунта, полученные в Тобольске, были ошеломляющими: *«В допросах главнейшие бунтовщики Федька Харчин и Хантей Юрин показали: “В 1730 г. комиссар Новгородов посылал за ясаками брата своего Матвея с подчиненным Мухоплевым, которые, кроме двойного ясака, брали по пяти голов с человека в чащину соболями и лисицами, а у кого не было зверей, то кухлянками, парками, женами и холопьями; да в 1731 году комиссар Шерхундин, подъячий Иван Свешников, служилые Григорий Попов и Андрей Орлик брали по три ясака, да по пяти чащины. Сверх того, собирали неподобные сборы: сладкую траву, кипрей, сарану, уток, гусей, юколу, ушканину (зайцев); собирали ясака за умерших и били за недачу насмерть. За обором камчадалы голодуют и умирают; а по отнятии жен и детей и от смертного битья многие давились и, не стерпя таких обид, стали быть во зломыслии”».*

На Камчатку для проведения следствия была направлена походная розыскная канцелярия во главе с Якутского полка майором Василием Мерлиным (который также оставил свою фамилию камчатским крестникам-камчадалам), помощником которого был назначен майор Дмитрий Павлуцкий. Розыскная канцелярия прибыла на Камчатку в сентябре 1733 года, и следствие продолжалось до 1739 года.

А в промежуток между этими событиями и было совершено великое географическое открытие – 12 августа 1732 года бот «Святой Гавриил» стал на якорь у берегов Аляски.

Но об этом тогда знали только участники этого плавания – подштурман Иван Федоров, геодезист Михаил Гвоздев, архангелогородские мореходы Кондратий Мошков и Иван Бутин, матросы – Лаврентий Сметанин и Лаврентий Петров – и

камчатские служилые – Ефрем Пермяков, Лаврентий Поляков, Иван Портнягин и другие.

Следователи походной розыскной канцелярии не только выяснили причины бунта, но и провели расследование как, кто и где этот бунт подавлял и кто, что и сколько с этого поимел. Злоупотребления, как выяснилось, носили тотальный, крупномасштабный и изуверский характер. Об этом очень подробно написано и у Крашенинникова, и у Стеллера в их «Описаниях земли Камчатки», и в сборнике «Колониальная политика царизма...».

И «заводчики», и виновники бунта, и те, кто нагрел на самом бунте руки, были жестоко наказаны – повешены, биты кнутом, сосланы в дальние сибирские остроги (если что-то считать дальним после Камчатки).

В списках виновных известные камчатские фамилии, которые сохраняются и по сей день в династиях русских старожилов и в династиях камчадалов, получивших при крещении фамилии своих крестных отцов, породнившихся за последующие столетия и духовно, и кровно с аборигенами – Лукашевские, Усовы, Новограбленные, Черных, Шехурдины, Мухоплевы, Петровы, Борисовы, Новгородовы, Чудиновы, Коневы, Гуторовы, Колеговы, Воробьевы, Сургуцкие, Минюхины, Рюмины, Волынкины, Поповы, Вагины, Келтякины...

Но ни Спешнев, ни Гвоздев не были обвинены ни в одном из перечисленных грехов и, начиная со злополучного дня начала бунта, продолжали оставаться в Камчатке, восстанавливая из пепла на новом месте Нижнекамчатский острог и подготавливая к морскому походу бот «Святой Гавриил», с экипажа которого никто не снимал решения той задачи, которую историки позже определят, как открытие северо-западного побережья Америки.

Иван Федоров по возвращении из похода умер.

Михаил Гвоздев и Иван Спешнев были назначены сопровителями Камчатки (руководителями Камчатской партии экспедиции), но ненадолго: в отношении всех троих оставшихся

руководителей партии (в том числе и Генса) было заявлено «слово и дело», а это никогда и не для кого добром в России не кончалось. Автором доноса (навета, как позже выяснилось) были матрос Петров и казак Скурихин.

Штурман Генс, геодезист Гвоздев и судостроитель Спешнев в 1735 году были высланы с Камчатки под караулом в Иркутск. В Якутске у Гвоздева отобрали все казенные бумаги, в том числе и карту похода «Святого Гавриила» в Америку, которая впоследствии бесследно пропала.

Затем Генс и Гвоздев были отправлен в Тобольск, где Генс умер в 1737 году, будучи «на поруках», то есть оставаясь под следствием.

Иван Спешнев был оправдан только... в 1739 году. 30 октября этого года Сибирский приказ «санкционировал выдачу всех отображенных у него различных товаров, а через месяц указал сибирскому губернатору “о даче отправляющемуся в Санкт-Петербурх в Адмиралтейскую коллегия бывшему в Камчатской экспедиции ботового и шлюпочного дела подмастерью Ивану Спешневу на две ямские подводы денег” 5 рублей 31 копейку».

Что же касается Генса и Гвоздева, обвиняемых в государственных преступлениях «по первому и третьему пунктам», то матрос Лаврентий Петров признался в лжесвидетельствовании. О его судьбе сообщает Л. А. Гольденберг: *«Согласно указа 11 октября 1733 г. за ложный донос Петрова в Москве прогнали пять раз сквозь строй из 500 солдат. Для определения матроса к дальнейшей службе 20 ноября 1736 г. он был прислан в Адмиралтейств-коллегию, а оттуда 16 декабря того же года был направлен в Кронштадт».*

Но на судьбе невинного Генса это уже никак не отразилось – мы знаем, что в 1737 году он умер, будучи еще под следствием. Но отразилось на судьбе Гвоздева: Лаврентий Петров за ложный донос был заключен в Кронштадтскую крепость. Находясь там, 9 февраля 1738 г. он подал командиру Кронштадтского порта доношение о плавании вместе с М. С. Гвоздевым и И. Федоровым к берегам Америки и необыкновенном богатстве пушного зверя на открытых ими землях. Доношение

заинтересовало Адмиралтейств-коллегию и 14 февраля 1738 года на ее заседании принято решение о Генсе и Гвоздеве: *«...ежели содержатся, ис под караула освободить и, выдав подлежащее им жалованье, Генса отправить по-прежнему в Камчатскую экспедицию к капитан-командору Берингу, а геодезиста Гвоздева, где он обретаецца, в прежнюю команду при указах немедленно»*. Только через несколько лет после смерти мужа вдова штурмана Мария Генс *«для сущей ее с малолетними детьми бедности»* получила через Адмиралтейств-коллегию жалованье, причитающееся штурману за 1735 год.

Гвоздев был освобожден из-под стражи в июле 1738 года и отправлен служить в Охотск. В 1740 году, обиженный тем, что он обойден «безвинно» в жалованьях и чинах, он пишет челобитную на имя Анны Иоанновны. Ответа не последовало. Промолчала и Адмиралтейств-коллегия, куда он тоже попытался обратиться с «нижайшей» просьбой о милосердии.

Об открытии им совместно с экипажем «Святого Гавриила» Америки Гвоздев даже не заикался – разве можно о таком говорить в присутствии Беринга, Чирикова и Шпанберга, на экспедицию под руководством которых была затрачена уйма средств.

Ситуация усугублялась еще и тем, что вместе с Берингом полномочия по управлению Северо-Востоком России (Охотским портом) имел еще один весьма незаурядный и очень на всех обиженный человек – особа, действительно, некогда приближенная к императору, один из фаворитов Петра Первого Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, сосланный в Сибирь всеильным князем Александром Меншиковым, не желавшего делить власть с конкурентами. А затем эту власть получил и другой бывший фаворит императора и незадачливый зять Меншикова Девиер, у которого также были весьма сложные отношения с руководителями Второй Камчатской экспедиции.

Но неожиданно для всех (как это часто бывает в России) истина все-таки открылась – ссыльный Скурихин (тот самый, что писал ложный донос на Спешнева и за что сам же и пострадал, как и Петров) написал новый, теперь уже чистосердечный донос на Гвоздева – об открытии Америки. Это произошло в апреле 1741 года в канцелярии Охотского порта – тот есть по-

чти через девять лет (1732 г.) после похода к берегам Америки.

И сразу возник преогромный интерес к этому походу, а главное к бумагам и картам побережья Чукотки и Аляски во всех губернских и столичных инстанциях, так как Чукотка оставалась после подавления Харчинского бунта на Камчатке самым болезненным местом на Северо-Востоке России, где не прекращались боевые действия. Но в Якутске обнаружить казенные бумаги не удалось. Без пропавшего вахтенного журнала воссоздать карту Гвоздев не мог. Девиер, которому было поручено исследовать и доложить результаты того похода, увидел во всем этом от Гвоздева «и злости и с упрямством к команде противности».

По инициативе М. Шпанберга М.С. Гвоздева 14 июля 1741 года зачисляются геодезистом во Вторую Камчатскую экспедицию, готовясь, вероятно, повторить поход Федорова-Гвоздева-Мошкова к берегам Большой Земли.

Одновременно активизируется деятельность Анадырской партии, чтобы получить новые сведения о Большой Земле – Аляске.

Но в 1743 году деятельность Второй Камчатской экспедиции прекращена.

В 1750 году Михаил Спиридонович добивается многочисленными прошениями повышения в чине – становится геодезии подпоручиком. К этому времени на основании личного журнала подштурмана Федорова, все эти годы хранящегося на Камчатке (!) у рудознатца Гордеболя, совместными усилиями с другими участниками Камчатской экспедиции, воссоздана карта похода 1732 года. Но и ей суждено было пропасть. Позже материалы об этой экспедиции нашлись... во Франции.

Последующие годы Михаил Гвоздев служит геодезистом в Иркутске.

В июне 1758 года он подает челобитную на имя Елизаветы Петровны с просьбой об отставке – «из-за болезней, старости и долговременных трудов». Просьбу ветерана уважили. О последних годах его жизни пока нет никаких сведений – по всей видимости, умер в неизвестности. Как ничего неизвестно и о дальнейшей судьбе Ивана Спешнева, отбывшего в Санкт-Петербург.

КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ

История политических репрессий в России изучена довольно слабо. И в этом нет ничего удивительного – мы и историю России практически не знаем, а потому как можно разобраться в том хитро-роплетении борьбы за власть, которая была в действительности в России, если победители, будь то цари Романовы или Генеральные секретари ЦК КПСС, заново переписывали всю историю прежних столетий, излагая её в выгодном для себя свете, утверждая таким образом свои права на власть. Сегодня, когда на наших глазах рухнула великая империя – Союз Советских Социалистических Республик, мы можем позволить себе некоторые аналогии с давними историческими событиями в России, случившиеся несколько столетий назад, так как мы на собственном опыте убедились в возможности захвата (узурпации) власти в стране в результате политического предательства и расчленения огромного и ещё сильного государства на мелкие «княжества».

То есть мы сами сегодня являемся живыми свидетелями, как перелицовывается (под новый парадный кафтан) отечественная история – и даже подвиг советского народа в Великой Отечественной войне начинает меркнуть на фоне новых образов и исторических картин, создаваемых искусственно по заказу свыше...

Поэтому в начале нашего разговора я хотел бы напомнить о том, что на огромной территории нашей (даже не бывшего СССР) планеты люди разговаривают (и по сей день!) на различных диалектах и наречиях некогда единого мирового ИНДО-ЕВРОПЕЙСКОГО языка. Это аксиома лингвистики. То есть факт, который не требует доказательства.

А вот выводы, которые делают историки из этой аксиомы, весьма различны и спорны. Мы, например, согласны с теми, кто утверждает о существовании мировой ПРАимперии, или Великой империи, имевшей единый государственный язык – САНСКРИТ, территория которой простиралась от Атлантического океа-

на до Тихого и от Северного Ледовитого океана – до Индийского. Говорят, что имеются многочисленные факты, подтверждающие, что у ПРАимперии вообще не было границ. Возможно...

Нас интересует другое – государственный механизм, положенный в основу образования этой Великой империи. Мы знаем достаточно много примеров происхождения, развития, загнивания и гибели империй, которые существовали в исторически обозримом времени. Но ни одной из них не удалось стать всемирной, в которой её составляющие части не отторгаются, а тяготеют друг к другу.

Как нам видится, в основу этой праимперии было положено то, что Иван Солоневич назвал НАРОДНОЙ МОНАРХИЕЙ. К сожалению, найдётся не так много людей, которые читали его книгу «Народная монархия», но суть её заключается в том, что империя складывалась по принципу защиты человека труда, когда интересы (воля) народа и самодержавия являются едиными, а элита является инструментом исполнения этой ГОСУДАРСТВЕННОЙ воли.

Только принцип народной монархии, по мнению И. Солоневича, мог связать воедино множество разноязыких (первоначально) народов на огромной территории и создать многообразие различных культур в едином государстве. И сегодня, имея исторические аналогии с Великой империей в истории собственной страны – Союзом Советских Социалистических Республик, который частично реставрировал вненациональные государственные основы праимперии, мы понимаем, что по такому принципу могли жить и развиваться и в далёком прошлом. И в то же время такая вненациональная праимперия самым коренным образом отличается от известных нам – Римской, Германской, Британской и прочих, основной целью и смыслом существования которых был захват и порабощение территорий и народов.

А вот теперь о главном, о чём пишут люди, создающие на основе этой праимперии новую историческую хронологию. Великая империя была государством христианским. Во главе её стоял помазанник Божий ГОСУДАРЬ, САМОДЕРЖЕЦ ВСЕЯ... и прочая, прочая, прочая. Принцип народной монархии состоял в единстве самодержавия и народа и контроле за элитой, внутрен-

ней особенностью которой при всей её государственной важности всегда было, есть и будет стремление к власти, а значит, и к разрушению, противовесом которой и было народовластие (самоуправление) – народная монархия.

Центром империи был Рим. Конечно, не тот, что придуман позже и отстроен в стране, где на латинском (государственном!!!) языке, как родном, не говорил ни один подданный, начиная с самих императоров. Но главой христианской церкви Великой империи действительно был ПАПА, и потому на Руси у каждого слова «поп» был и есть его синоним – «батюшка».

Раскол в Великой империи начался именно на религиозной почве в западных провинциях. Единое христианское пространство было расколото. На смену духовному божественному началу в человеке пришло отрицание божественного во имя телесного (и прежде всего, золотого тельца). Это духовное перерождение необходимо было элите для того, чтобы утвердить свои права на власть, которую они хотели захватить в результате государственного переворота. И этот переворот был совершён.

Таким образом, Великая империя была расколота на две неравные составляющие – Восточную (Тартарию, находящуюся за Татрами, за Балканами) и Западную (Римскую), а христианство разделилось на православие и католичество (получив импульс движения (разрушения), процесс деления христианства на Западе стремительно развивался и в последующие века, приводя ко всё новым и новым переворотам и революциям, дойдя, в конечном итоге, до полного отрицания духовного, то есть божественного, начала в человеке – до атеизма).

Но тем не менее западные провинции ещё долгие годы сохраняли зависимость от метрополии, будучи фактическими вассалами ГОСУДАРЯ ВСЕЯ, что нашло отражение впоследствии и в титулах русских царей (законных представителей ГОСУДАРЕЙ из ВЕЛИКОЙ династии Великой империи).

В Тартарии говорили на двух государственных языках – русском и тюрском. Это отражено (выбито) даже на монетах. Соответственно, имена и титулы тоже были двойными (почему Чингизхан был светловолосым и голубоглазым? – Да потому, – отвечают представителит «новой хронологии», – что его второе имя

Георгий Победоносец, а Батый (Батька, Папа) – Иван Данилович Калита). И религиозная символика страны отражала эту двойственность (крест и полумесяц), которая на самом деле была единством – это потом уже «западный прорыв», который в конечном итоге приведёт Тартарию к Великой Смуте, взорвёт изнутри и эту – Восточную – империю, разделив или разорвав восточное христианство на православие и мусульманство – на «моголов» (великих, великороссов) и «тартар». И всё полетело в тартары...

Тартария – это и есть Татаро-Монголия, о которой написаны тысячи исторических книг. А татаро-монгольское иго – искажённая до неузнаваемости интерпретация истории Великого государства, выполненная по заказу московских царей Романовых (Рома – Рим, Романов – Римский), пришедших к власти в результате государственного переворота и Великой Смуты, волны которой настигли уже и нас в XX веке и долго ещё будут раскачивать отечественную историю и нашу жизнь в Отечестве.

Об этом может прочитать сегодня каждый в серии книг «Новая хронология» Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко, в которых учёные-математики скрупулёзно исследуют историю нашей – евроазиатской, татаро-монгольской – цивилизации, тщательно скрываемой от всего мира.

Наш вопрос о камчатских политических ссыльных более узок, но без этого предисловия трудно понять, что же на самом деле происходило в нашей стране в эти годы, когда политические репрессии обрушились именно на этих людей, которые интересны нам только потому, что ссылку они отбывали именно на Камчатке.

Эти люди не были первыми, как не были и последними, кто был обвинён и приговорён по политическим статьям.

Но они были частью целого – многовекового уничтожения в России народной монархии, о чём очень интересно и очень глубоко рассуждает Иван Солоневич в своих публицистических книгах.

Правда, Ивану Лукьяновичу не пришлось познакомиться с трудами академика А. Т. Фоменко и его коллег, поэтому у него остался без ответа вопрос о происхождении русской народной

монархии, которая появилась вроде как будто НИОТКУДА, в окружении враждебных ей империй ЗЛА, не имея в официальной истории аналогов империй ДОБРА.

Но И. Л. Солоневич за полвека до «Новой хронологии» делает примерно тот же вывод, что и историки-математики: «Русская историография за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения русских исторических процессов с нерусской точки зрения. Кроме того, эта историография возникла в век “диктатуры дворянства” и отражает на себе его социальный заказ – и сознательно и также бессознательно».

Но заказ на создание «российской и мировой истории» поступил гораздо раньше, чем Романовы захватили власть в стране. Этот заказ был сделан Римом для утверждения своего мнимого величия, чтобы в будущих поколениях жителей планеты не сохранилось и намёка на былую роль государств, входящих в Великую Римскую империю, – роль вассалов и предателей, изменивших своему ГОСУДАРЮ – императору Великой империи и своей христианской ВЕРЕ.

Роль летописцев новой мировой истории была поручена Скалигеру и Петавиусу. Это потом уже доморощенные русские летописцы, жившие, на рубеже XVII–XVIII веков, по примеру скалигеровых летописцев создавали «Повести временных лет» со сказками про варягов, которых наши предки на Руси упростили володеть ими, так как порядка на нашей земле как не было при них, так и нет при нас...

Вся мировая история, созданная по скалигеровскому сценарию, – это один большой миф о мировой истории, или блеф о мировом значении Древней Греции и Древнего Рима. Это подтасовка фактов и событий, это Гордиев узел, который по ниточке, по узелку распутывают наши отечественные математики, используя современные компьютерные технологии.

Зачем это потребовалось Риму?

Чтобы разрушить Карфаген – то, что было Великой империей. Уничтожить саму память о Великой народной монархии и её ГОСУДАРЯХ. Развеять как дым божественную сущность народной монархии и её САМОДЕРЖЦЕВ.

И всё это было сделано во имя власти, к которой всегда стре-

мился Рим. Конечно, не Древний, придуманный и сказочный. А обычный, средневековый, со своими средневековыми инстинктами – разделять и властвовать.

Запад боялся, а потому ненавидел Тартарию. Запад предал метрополию, а потому готовился на всё новые и новые предательства, интриги, авантюры, преступления, чтобы разрушить Карфаген. Запад понимал, что пока живо САМОДЕРЖАВИЕ, пока существует власть, дарованная Богом, пока народ исповедует принцип: «За Бога! Царя! И Отечество!» – мировая власть Рима мнима, ибо она не легитимна.

Спасая себя, Запад все свои силы посвятил расколу Тартарии на удельные государства-княжества, неся свой меч и повсеместно внедряя идеологию жизни во имя золотого тельца, отрицая в человеке его божественную сущность. Об этом рассуждал Солоневич в своей книге «Народная монархия» – как и почему постепенно отваливались от единой государственной плоти поражённые неизлечимыми язвами её, как правило, западные части – Киевская Русь, Великий (Романовский или Псковский) Новгород, Литовское княжество...

Только Иван Лукьянович не подозревал вовсе о том, что он свою собственную интерпретацию истории делает также на материале, который ему самым бессовестным образом всучили романовские историки. Но он уловил главное – суть происходящих антирусских (антивеликоросских, антитатарских) процессов: постепенное разложение ЭЛИТЫ государства, внедрение западной идеологии, подмена понятия народная монархия, где власть от Бога и наследуется по строго определённым принципам и канонам, понятием демократия (или дерьмократия, если говорить современным русским языком), которое позволяет политической или военной элите захватывать и узурпировать власть над страной и народом...

Но ошибался он только в том, что собирателем Руси, квинтэссенцией духа народной монархии была Москва, – Иван Лукьянович и представить себе не мог (как не могли этого представить и мы до «Новой хронологии»), что Господин Великий Новгород (Новый Рим), расположенный на Волге (естественно, выше, севернее Нижнего Новгорода) и был столицей Тарта-

рии, несущей идеологию собирательности и цельности народов и наций, власти и культуры. «Татаро-монгольское иго», придуманное западными, а вслед за ними и романовскими, историками, на самом деле это эпоха расцвета той части Великой империи, которая называлась Тартария. Тартарская Орда великороссов (моголов) – это были её отборнейшие казачьи войска, которые во главе с Чингизханом (Георгием Победоносцем, Юрием Долгоруким, Рюриком) и Батыем (Иваном Даниловичем Калитой) вторглись в Западную Европу, чтобы восстановить вассальную зависимость европейских государств и части тех русских удельных западных княжеств, которые в результате раскола отказались платить свою (обычную!) дань Великой Тартарии.

Новая хронология всё расставляет по своим местам. И мы видим, что расстановка сил в самой Великой Тартарии была несколько иной, нежели нам это вбивали в голову по традиционной истории. По картам, которых мы никогда не видели, но которыми пользуются и до сих пор на том же Западе (французский атлас Азии XVIII века), в составе Тартарии были территории, известные иностранцам и русским ещё в XVIII веке, как «Китайская Тартария», «Московская Тартария» (за Волгой со значительной частью Сибири), «Европейская Московия», Тартария около Тибета и Малая Тартария – Крым и юго-восток Украины, а также Государство Великих Моголов, расположенное в северной части Индии (не туда ли хотел послать казаков атамана Платова царь Павел Первый?).

И до сих пор китайцы и индийцы считают нас своими старшими братьями, потому что жили мы некогда в едином братском государстве, о чём они, в отличие от нас, ещё помнят. Как жили не так ещё и давно многие народы Евразии в едином государстве, в империи Союз Советских Социалистических Республик, объединившим шестую часть всей территории планеты.

Но Московская Тартария и Европейская Московия – это уже территории, контролируемые Москвой после Великой Смуты.

Потому что, повторяю, резиденцией русских царей (ханов, великих князей) был Великий Новгород. Не тот Великий Новгород, созданный по повелению Романовых в своей Псковской вот-

чине, а город, расположенный в золотом кольце великих русских городов, – Ярославль.

Именно отсюда правили Русской землей великие князья, а затем и цари. Именно здесь, в Великом Новгороде-Ярославле, и происходили в течение нескольких десятилетий самые страшные события Грозной эпохи Великой Смуты, которые позже Романовы, чтобы скрыть собственные преступления и незаконность венчания на царство царя Михаила Романова, олицетворили в образе царя Ивана Васильевича Грозного – самого великого и ужасного, по романовскому сюжету, в истории Российского самодержавия.

И вот тут мы подходим к началу истории, которая и приведёт нас к камчатским ссыльным.

Как выяснили представители новой хронологии, царь Иван IV Васильевич не совершал НИЧЕГО из того, что обрушивают на него историки и прошлой, и нынешней России. И не было у него семи жен. Была одна – Анастасия Захарьина, которая и дала позже шанс династии бояр Захарьиных-Романовых (отец Анастасии – Роман Захарьин) претендовать на царский трон. Был у них этот шанс – царевицы Дмитрий Иванович и Иван Иванович одной с ними, Захарьиной, крови. И они этим шансом воспользуются, искровенив Русь, столкнув её в гражданской войне.

Реконструкция Грозного времени выглядит следующим образом: Иван Васильевич правил с 1547 по 1553 год. Ему, как и положено, была принесена присяга. Царю было всего 16 лет. При нём в 1552 году была покорена Казань. В 1553 году «Иван IV занемог тяжким огненным недугом. Он бредил в жару, перестал узнавать близких людей. Кончины его ждали со дня на день. Вечером 11 марта 1553 года ближние бояре присягнули на верность наследнику престола грудному младенцу Дмитрию».

Но Иван Васильевич не умер – он стал юродивым под именем Василия Блаженного, смерть которого зафиксирована в официальных записях Разрядного приказа через четыре года, и похороны которого прошли при большом стечении народа. Покровский (Казанский) собор, олицетворяющий покорение

царём Иваном Васильевичем Казани, по сей день называется также собором Василия Блаженного.

Правление малолетнего Дмитрия Ивановича происходило в течение десяти лет с 1553 по 1563 годы. Именно при нём (а не при Иване Васильевиче, как в официальной истории) был создан регентский совет. И вот тогда-то и начинается главная интрига – регентами были назначены Юрьевы-Захарьины, но уже буквально через год ближние бояре оттесняют регентов от трона, не желая уступать им власть. Основную роль в Совете стали играть Адашев и родственники Ивана Васильевича по матери – Глинские. «Вражда между Захарьиными и Глинскими имела давние корни...»

В 1563 году царь Дмитрий Иванович в возрасте 12 лет погибает (позже эту смерть перенесут на время царствование Бориса Годунова – на 1591 год).

В 1563 году Захарьины снова у власти – бояре венчают на царство не Ивана Васильевича (во второй, точнее уже в третий раз, как в официальной истории), а его младшего сына Ивана Ивановича.

Вот с этого времени и начинается кровавая эпоха прихода к власти Романовых и развязанная ими в 1564 году опричнина. Царю Ивану было всего 10 лет и от его имени правили на Руси Захарьины. Опричниной руководил Юрьев-Захарьин.

Началась гражданская война.

И в те же годы предпринимается первая попытка написания новой истории, перечеркивающей историю Тартарии.

Именно в это время был разгромлен Господин Великий Новгород (Ярославль), а название перенесено в Псковскую вотчину Романовых-Захарьиных.

Убит законный наследник престола князь Владимир Андреевич Старицкий и уничтожены все его родственники.

Прошли массовые казни бояр.

Убит митрополит Филарет.

Собственно, в этой старой истории нас, прежде всего, интересует именно митрополит Филарет, канонизированный в эпоху Романовых, происходивший из древнего боярского (тартарского) рода Колычёвых.

Романовы уничтожили практически весь этот род. Но даже те остатки бывшего могучего (староордынского) рода, которые ещё каким-то чудом сохранились на Руси ко времени воцарения Петра Первого, продолжали быть ненавистны правящей монархии и подвергались последовательному и неукоснительному уничтожению. Одному из последних Колычёвых и выпала камчатская «судьба» – его мать была мамкой (нянькой) наследника русского престола Алексея Петровича. Иван Васильевич (который, якобы, Грозный), как выясняется, не убивал ни одного из своих сыновей и вообще был БЛАЖЕННЫМ. Пётр Алексеевич же собственноручно казнил своего сына. И не потому ли заслужил от западных историков титул Великий. Но об этом наш разговор впереди.

За что был убит митрополит Филарет? Всё становится ясным, если вспомнить, что в 1564 году произошёл Собор о белом клобуке. «Это собор рассматривал вопрос о праве московского митрополита носить белый клобук, бывший до этого привилегией лишь новгородского архиепископа. Таким образом, собор был посвящён приравниванию московского митрополита (называвшегося, кстати, «киевским») в ранге к новгородскому. Проще говоря, это возвышение Москвы и принижение Ярославля-Великого Новгорода».

В 1571 году произошёл новый перелом в гражданской войне, к власти приходят законные её наследники (по официальной истории именно в этот год «Иван Грозный» (то есть Романовы) просит убежище в Англии). Захарьинская опричнина уничтожена – следствие по этому делу ведут Малюта Скуратов и Василий Грязной. Начинается, так называемое в истории «московское дело», которое также приписывается Ивану «Грозному». Столица снова на некоторое время переносится в Ярославль (Великий Новгород), затем в Тверь (Старицу).

На царство венчан законный наследник русского престола хан Симеон Бекбулатович – царь Иван (вероятно, младший сын Ивана III, дядя Ивана Васильевича).

«Староордынцы» (по терминологии коллег академика А. Т. Фоменко: «Орда» – войска Тартарии) победили. Законная власть установлена. Вновь вместо западной коронованной узурпации провозглашена народная монархия.

Но ненадолго. Старец Симеон Бекбулатович, которому к моменту венчания на царство было не менее семидесяти лет, умер. Это был 1584 год. Этот год официально считается годом смерти Ивана Грозного, хотя его уже не было в этой жизни более тридцати лет.

Царство унаследовал Фёдор Иванович. По официальной версии – сын «Грозного». По мнению коллег А. Т. Фоменко, сын Симеона-Ивана (кстати, при венчании на царство в Тартарии мирское имя ГОСУДАРЯ нередко менялось на Иван или Василий. Романовы изменили и этой традиции).

Несколько слов о царских жёнах. Это очень важно. Считалось, что православный человек не может иметь более трёх жён. Дети, рождённые четвёртой и последующими жёнами, были в таких же «правах» как и незаконнорожденные. И это очень важно для понимания будущих событий в отечественной истории, свидетелями или прямыми участниками которых были герои этого очерка.

У царя Ивана Ивановича (в правление Захарьиных-Романовых) было три жены. Последней из них была, вероятно, именно Мария Нагая – мать Дмитрия Ивановича (второго), будущего Самозванца Дмитрия.

А Фёдор Иванович был сыном Симеона-Ивана и стал новым законным царём. А вот дальше начинаются новые «завихрения» романовской истории, с помощью которых они пытались скрыть от своих соотечественников и всего мира НЕЗАКОННОСТЬ СОБСТВЕННОГО ВОЦАРЕНИЯ В РОССИИ. И им это, на некоторое время, действительно удалось.

Корень зла и Великой Смуты представлен и в отечественной историографии (все подряд), и в художественной литературе (А. С. Пушкин), заключается он в образе неизвестно от кого и откуда появившегося царя Бориса Годунова, который «взялся за гуж...»

Борис Годунов – это действительно центральная фигура Великой Смуты. Это последний законный ГОСУДАРЬ, САМОДЕРЖЕЦ ВСЕЯ РУСИ со всем титулом, который был ЕМУ ЗАВЕЩАН ПРЕДКАМИ. К титулу мы ещё вернёмся, когда коснёмся эпохи Екатерины ВЕЛИКОЙ (лучше величайшей – в смысле маляра-штукатура отечественной истории).

Законной супругой царя Фёдора Ивановича была боярыня Ирина Годунова.

Сыном их – будущий законный царь Борис Фёдорович, который был венчан на царство. Годуновым (то есть отщепенцем) его провозгласили Романовы. Но это было гораздо позже.

Был ли при жизни царя Бориса Фёдоровича «убиенный» Дмитрий Иванович?

Дмитрий Иванович был (сын лишённого царского сана Ивана Ивановича). И он стал царём. Дважды. Под именем ЛжеДмитрия Первого и ЛжеДмитрия Второго. Чем закончилась эта история, знает сегодня каждый школьник – сокрушительным поражением приведших его к власти поляков.

Но мало кто знает, что этому предшествовало убийство Романовыми (а также Шуйским и Голицыными) царя Бориса Фёдоровича. Позже – убийство ЛжеДмитрия и его законнорожденного сына от Мнишек, как ещё одного претендента на царский трон.

И самое главное, КТО был движущей силой в конфликте царь Борис – ЛжеДмитрий – Шуйский, кто стравливал страну, кто снова разжигал гражданскую войну?

Иван Иванович, отец Дмитрия, внук Романа Захарьина, воспитывался в семье Романовых. Дмитрий, чтобы лишиться его в дальнейшем права наследования трона, был пострижен в монахи, но тем не менее кто-то открыл ему дорогу и в Польшу, и к царству? Кто, кроме Романовых, которые одновременно были и в команде Шуйского, стравливая две силы, чтобы впоследствии уничтожить претендентов на российский трон и не иметь конкурентов для собственного воцарения. Разделяй и властвуй!..

И снова на исторической арене появляются фигуры бояр Колычёвых – как на стороне Годунова и ЛжеДмитриев, так и против них. И, наверное, в этом нет ничего удивительного – ведь оба они – и Борис Фёдорович, и Дмитрий Иванович представляли ДИНАСТИЮ СТАРООДЫНСКИХ ТАРТАРСКИХ ЦАРЕЙ.

А Романовы вошли в новую историю Российской империи как ЦАРЕУБИЙЦЫ, как разрушители не только Великой империи Тартарии, но и самой памяти о величайшем в мире государстве во имя собственного тщеславия и западнического угод-

ничества, силами которого и был установлен в Московии (так теперь называлось это государство) нового МИРОВОГО порядка.

И понятно, как важно было Романовым скрыть от истории ту правду, которая открывается сегодня новым исследователям, отказавшимся от штампов, навязанных романовскими историографами.

Только после разрушения Советского Союза и представления истинных масштабов Советской империи, не только субгеографических, но и субнациональных, субрелигиозных, понимаешь, почему война за возрождение народной монархии (самодержавного государства) продолжалась в Российской империи (Великой Тартарии, в которой Российская империя была только одной из частиц) и в последующие десятилетия и привела к колоссальным политическим репрессиям, о которых мы практически ничего не знаем.

Камчатская ссылка начинается со времени воцарения Петра – только при нём Московская Тартария расширила свои границы до берегов Тихого океана. Возник конфликт на Амуре между Московией (Московской Тартарией) и Китайской Тартарией, и Амур (как нейтральная полоса между двумя государствами) был закрыт для поселения на двести лет. Но северная дорога была открыта, хотя война с чукчами продолжалась до середины XIX века. С коряками и камчадалами управились быстрее.

Историков поражает скорость продвижения русских землепроходцев по Сибири и относительно мирный характер колонизации Сибирского царства. А может быть, они шли известными уже тропами, не встречая серьёзного сопротивления от отступавших староордынцев, проигравших в этой гражданской войне и ушедших в Китайскую Тартарию или Маньчжурию?..

«Исторические источники свидетельствуют о быстрых темпах освоения Сибири в XVII веке и об увеличении численности коренного населения. По примерным данным В. К. Андреевича, в 1622 г. в Сибири было 15 050, в 1662 г. – 70 000 и в 1677 г. – 119 580 русских...»

А кто осваивал Московскую Тартарию? Оказывается – десятки тысяч ссыльных.

Вот цитата из книги В. М. Кабузана «Как заселялся Дальний Восток»: «Всего с V по X ревизию (с 1795 по 1857 г.) в Сибирь прибыло около 520 тыс. переселенцев, из которых примерно 350 тыс. приходится на долю ссыльнопоселенцев и членов их семей».

Но это было уже время утверждения Москвы.

А откуда бралось такое огромное количество людей в Московии, которая первоначально при Михаиле Романове представляла совсем «небольшую территорию бывшей Белой Руси и северной Волги», находясь в окружении других государств некогда единой Тартарии?

Это были в первую очередь военнопленные – немцы, шведы, поляки, угры, литовины, пермяки (да и пермяки, о которых мы поговорим позже, и, вероятно, вятичи), которых нанимали на службу на различные командные посты, – Московия нуждалась в ценных мехах (ясаке), добываемых в Сибири... Сибиряки Козыревские, Савинские, Павлуцкие, Мерлины, Поляковы, Пермяковы оставили свой след в истории этой земли. Козыревские, Савинские и Пермяковы, – объясчивая камчадалов и курилов, Павлуцкий, – ведя чукотские войны и проводя вместе с Мерлиным следствие по Харчинскому бунту, наказывая правых и виноватых, Поляковы, – открывая с Гвоздевым – Фёдоровым – Мошковым новые земли в Русской Америке...

Или захваченные в плен повстанцы – разинцы и болотниковцы, разбитые московским воеводой Долгоруким, запорожские и донские казаки-староордынцы, верные присяге законным царям Тартарии. Этим клеймили и ссылали на сибирские заводы «в каторжные работы» или в отдалённые острожки бывшего Сибирского царства на вечное поселение.

С. П. Крашенинников застал на Камчатке ссыльного Антона Запороцкого, который жил в Трапезниковой заимке в устье реки Большой и, по всей видимости, представлял торговые интересы иркутского «гостя», участвуя в регулярных казачьих «ясашных» сборах. Поэтому и фамилия Запороцкого при крещении камчадалов осталась практически во всех камчадальских острожках западного побережья. А фамилия, скорее всего, прочитывается просто – Запорогский, Запорожский.

Самыми знаменитыми из ссыльных запорожских казаков в

Сибири были представители династии гетмана Игнатия Многогрешного, о котором написаны десятки книг (он, кстати, позже породнился с родом ссыльных Бейтонов, один из которых был первым официальным командиром Камчатки, хотя на Камчатке так и не побывал). Племянником гетмана Многогрешного был один из первых камчатских приказчиков Михаил Зиновьев (Многогрешный, Черкашенин).

Запорожскую Сечь, как последнюю староордынскую крепость, пытались уничтожить многие Романовы, но удалось это только Екатерине Второй, также получившей от западных историков титул Великой.

Что же объединило Петра Первого и Екатерину Вторую в столь высокой оценке их деятельности со стороны Рима?

Закрепощение.

Пётр Первый ввёл в Российской империи крепостное право и закабалил народ России.

Екатерина Вторая дала вольность дворянству и, таким образом, довела крепостничество до крайности.

То есть своё «величие» оба они получили от Запада за уничтожение русского самодержавия – народной монархии.

Пётр оставляет страну на столетие без монарха и фактически без власти – русский трон занимают случайные люди, в основном женщины, окружённые фаворитами, поддерживаемые гвардией.

В стране воцаряется военная диктатура и неметчина.

Русская правящая элита разрывает связи со своим народом и предаёт его во имя идеалов Запада – дворянство даже переходит на новый государственный язык – французский.

Именно в это время – золотую эпоху для вольного дворянства – и «пишется» РУССКАЯ история, из которой выбрасываются последние пылинки памяти о Тартаро-Моголии, а само староордынское правление и народная монархия, создавшая Великую империю, интерпретируется в татаро-монгольское иго.

Первые цари Романовы, осознавая незаконность своего пребывания на московском троне, пытались сохранить традиции русского (староордынского) самодержавия.

Но столкновения интересов западной и староордынской идеологии им избежать не удалось. Восстание, известное нам как вос-

стание под руководством Степана Разина, было неудачной попыткой восстановления законной власти законных царей (называют князей Черкасских – не потому ли в Сибири потом так много было Черкашениных – то есть «людей Черкасских», а Черкасск был некогда казачьей столицей, черкасы (черкесы) – староордынскими казаками, хазарами).

Конечно же, великодержавная идеология разинского бунта была уничтожена романовскими и советскими историками – одни скрывали истинную правду, а другим нужен был политический (антисамодержавный) контекст этой КРЕСТЬЯНСКОЙ (в советской интерпретации) войны.

Был ещё один случай, относящийся к 1650-м годам, когда Романовы почувствовали угрозу со стороны законных наследников престола. Этот случай в нашей истории считается курьёзом, а личность Великопермского князя Ивана Васильевича, якобы сына царя Василия Шуйского, относится к великим авантюристам. Речь идёт о Тимошке Анкидинове (в уничижительной редакции имени, как в своё время называли и Гришку Отрепьева), которого на равных почему-то принимали короли и герцоги, ханы и гетманы (в том числе и Богдан Хмельницкий).

«Вор и самозванец» был выдан немцами – герцогом Голштинским, четвертован и предан анафеме. А для потомков была создана легенда о вологодском негодяе Тимошке Анкидинове (Анкудинове).

Следующей попыткой восстановления староордынских традиций и последовавшего за этой попыткой страшнейшего (на столетия) поражения стало воцарение Петра – самого прозападного и жестокого из Романовых, который во имя уничтожения прежней «вольницы» и прежних традиций пожертвовал даже собственным сыном Алексеем, способного, по мнению некоторых историков, реставрировать прежнюю империю и народную монархию с уникальной (сохранившейся до петровых времён и реформ) системой самоуправления, которую император Пётр Первый бюрократизировал до такой степени, что и по сей день бюрократы (чинодралы, взяточники и воры, или, по современному, коррупционеры) правят Россией.

Судя по тем историческим и художественным образам царици-

ча Алексея, которые были созданы в нашей литературе, всё-таки, на мой взгляд, трудно предполагать, чтобы он представлял для империи Петра какую-то реальную оппозицию – просто Пётр уничтожал в собственной империи всё РУССКОЕ, особенно имеющее какое-то отношение к нему самому, – прежде всего, к старому боярскому роду Лопухиных, где впервые прозвучало мнение, что Пётр «сын еретический, от антихриста зачался» (из которого и вышла жена Петра Первого Евдокия, родившая наследника Алексея) и вообще к династическому старорусскому боярству, помнившему о нецарском происхождении бояр Захарьиных.

То, что император Пётр Первый исполнял чужую злую волю по отношению к своему Отечеству, – это, наверное, уже аксиома. Иван Солоневич очень подробно анализирует петровское время в своей «Народной монархии» и делает неутешительные выводы о первопричинах «великих» деяний Петра – фактическом захвате власти в стране военщиной – гвардией – и крахе самодержавия (народной монархии).

Но вернёмся к делу царевича Алексея, которое, на мой взгляд, было феноменальной по своей жестокости и садизму ПРОВОКАЦИЕЙ против старорусского боярства, которого цари Романовы всё ещё боялись. Смерть царевича Алексея была необходима для начала тотального террора против боярства. Эта смерть открывала путь к новым зверствам, которые творил Пётр, вкусив стрелецкой крови ещё в молодые годы.

Я говорю об этом с полной уверенностью только потому, что по такому же – надуманному ПЕТРОВСКОМУ – сценарию отправлялись на Камчатку политические ссыльные при всех последующих царицах, власть которых упиралась только на петровскую гвардию, и которым нужны были политические провокации, чтобы устранять неудобных и подозрительных в своём окружении, заменяя их на собственных фаворитов и тех, кто привёл ту или иную немецкую б***, выблюдка (извините, но так сами русские говорили в те времена, называя вещи своими именами) или немецкую принцессу к власти.

Люди, приближённые к царевичу Алексею, были сосланы в Сибирь. Колычёв – на Камчатку. В Якутске был Эверстов. О Колычё-

ве дальнейших сведений у нас нет. Но вот судьба Эверстова весьма интересна. Будучи ссыльным, он не был обижен и занимал достаточно высокие посты в Якутске, позже был направлен комиссаром на Камчатку, откуда вывез пушнины для себя больше, чем государева ясака, за которым и был отправлен «в Камчатку». В Охотске его арестовали, пушнину отобрали, но потом... вернули и признали невиновным. Позже Эверстов был прощён, отказался от службы и стал заниматься торговлей пушниной. Последние, предреволюционные якутские Эверстовы были «миллионщиками» и банкирами.

Не думаю, что, если бы роль соратников царевича Петра в заговоре против отца была бы значительной (и вообще если бы она БЫЛА эта роль), они отделались бы столь легко. Удар был направлен не против них, а против других, и потому по Эверстову и последнему из Колычёвых удар пришёлся «со скользом».

Приведу другой пример, когда при восшествии на престол Елизаветы Петровны был «раскрыт заговор» Сновидова – Ивашкина – Турчанинова, посягавших (на словах!) на жизнь престолонаследницы, как незаконной царицы, они были отправлены «в вечную ссылку», и до прощения дожил только Пётр Ивашкин через семьдесят с лишним лет, в начале XIX века, но по причине преклонных лет (в 97!) пожелавший умереть на своей новой родине – на Камчатке, он не возвратился уже в Россию. Они не были прощены – потому что ИСКРЕННЕ не считали Елизавету законной наследницей российского престола. И этого не простили им и другие, столь же законные, «наследники» Романовых, правившие последующие семьдесят с лишним лет.

Пётр изменил основную государственную традицию самодержавия – издал закон о престолонаследии (он сам теперь назначал на трон по своему выбору, а не по праву рождения), но умер и наследника не объявил (видимо, так и было задумано его гвардией, точнее «птенцами гнезда Петрова», которые сами рвались к верховной власти, почуяв её сладость).

Первым удалось перехватить власть князю (бывшему торговцу пирожками) Александру Меншикову – он посадил на российский трон бывшую проститутку, немку Мавру Скавронскую, – Екатерину Первую. А в Сибирь отправились непокорные Григо-

рий Скорняков-Писарев, убийца царевича Алексея, и ненавистный зять (по сестре) Меншикова, бывший денщик (а значит, и особо приближённый) Петра, португальский еврей Антон Девьер, которые потом будут по очереди командирами Охотского порта. Но эти просто не поделили власть.

Екатерина, больная теми профессиональными болезнями, которыми болели многие её коллеги по ремеслу, и от которой, по одной из версий, скончался сам Пётр Первый, не вселяла больших надежд в Меншикова, и поэтому он решил сделать ещё одну ставку, чтобы не проиграть власть, в которой он был персонной грата: он решает выдать свою дочь замуж за малолетнего Петра Алексеевича, сына Алексея Петровича, и, таким образом, не только усилить, но и узаконить свою власть как регента при малолетнем царе.

Но его переиграли князя Долгорукие. На свою беду. Расправившись с ненавистным временщиком Меньшиковым после смерти Екатерины Первой и сослав его в Сибирь, они тоже не избежали этой же участи, так как царь Пётр Второй неожиданно умер. Долгорукие сделали новую ставку на Анну Иоанновну – законную дочь Ивана Пятого, брата Петра Первого, полагая, что есть все основания вернуться, как встарь, к «Семибоярщине», ограничив власть царицы тайным договором. Но курляндская герцогиня уже сделала свой выбор – вместо князя Долгорукого фактическим правителем Российской империи стал Бирон, глава Верховного Тайного Совета.

Камчатский ссыльный Пётр Ивашкин присутствовал при следующей исторической сцене, о которой он впоследствии рассказывал будущему декабристу, а в то время морскому офицеру Владимиру Штейнгелю: «На Камчатке в то время было интересное лицо, любимое всеми камчадалами, под именем Матвеевича; это был Ивашкин, крестник Петра Великого. Офицер гвардии Анны Иоанновны, которого она благословляла на брак и которого потом, при восшествии на престол Елизаветы, высекли кнутом с ужасным вырезанием ноздрей. Лет 20 он прожил в Якутске и 40 в Камчатке. Я вскоре познакомился с этим интересным мучеником. Грешно было бы пройти молчанием анекдот, им рассказанный. Во время

коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора пришла в Грановитую палату, которой внутренность старец описал с удивительною точностию, и поместилась на троне, вся свита установилась на свои места, то вдруг государыня встала и с важностию сошла со ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого указано не было. Она прямо подошла к князю Василию Лукичу Долгорукову, взяла его за нос, — «Нос был большой, батюшка», — пояснил старец, — и повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды. Обведя кругом и остановясь против портрета Грозного, она спросила:

— Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?

— Знаю, матушка государыня!

— Чей он?

— Царя Ивана Васильевича, матушка.

— Ну, так знай же и то, что хотя баба, да такая же буду, как он: вас семеро дураков сбиралось водить меня за нос, я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло!

Старец знал и последствия».

Василий Лукич был казнён. Его дети были сосланы в отдалённые сибирские остроги. Один из князей Долгоруких отбывал ссылку на Камчатке.

Кстати, примерно в это же время на Камчатку был сослан и незадачливый любовник незаконнорожденной царевны Елизаветы Алексей Шубин с повелением жениться на камчадалке. Незадачливый, потому что «свято место пусто не бывает» и к моменту возвращения его из ссылки после воцарения Елизаветы это место уже было занято Алексеем Разумовским, с которым Елизавета Петровна вступила в тайный брак.

А далее история вновь покрыта мраком. Анна Иоанновна завещала трон сыну своей удочерённой племянницы — Иоанну Шестому Антоновичу. Этот малолетний царь по крови был Романов. Его прадедушками были царь Иван Алексеевич и император Пётр Алексеевич. Бабушка — дочь царя Ивана, племянница императора Петра и родная сестра Анны Иоанновны. Правительницей назначалась мать Иоанна Антонови-

ча – герцогиня Брауншвейгская Анна Леопольдовна (при фактическом правителе Бироне).

Но гвардия Петра совершила дворцовый переворот, и к власти пришла Елизавета Петровна. Законный император был свергнут, сослан, а потом и убит (в результате очередной правительственной провокации).

А первыми жертвами этой провокации, когда срочно потребовались жертвы на заклятие, чтобы иметь «право» на новые политические репрессии, стали камер-лакей Анны Леопольдовны Александр Турчанинов, прапорщик Преображенского полка Пётр Ивашкин и сержант лейб-гвардии Измайловского полка Иван Сновидов.

Я уже писал в своём романе-исследовании «Встречь солнцу», что в следственном деле ссыльных, хранящемся в Центральном государственном архиве древних актов, собственно нет никакого дела. Есть только приговор. Как в 1937 году расстреливали без предъявления обвинения, так и в 1742 году за пьяную кабацкую болтовню только по милости царицы не казнили, а вырвав ноздри (у Турчанинова ещё и язык), сослали на вечное поселение – «без вины виноватые» – на самый край Отечества.

Пётр Матвеевич Ивашкин умер на Камчатке, не оставив наследников. Александр Дмитриевич Турчанинов, в конце концов, сбежал с Камчатки с Бенъевским и умер по дороге в Европу. А Сновидов оставил большое количество потомков и породнился с большинством жителей Камчатки, многие из которых, в том числе и потомки самого Ивана Кириаковича Сновидова, пережили в 1930-х годах волну новых политических репрессий и ушли из жизни не только без вины, но даже и без обвинения, по «разнарядке», будучи реабилитированными посмертно.

Императрица Елизавета Петровна, вслед за своим папой императором, вновь начинает гонения на Лопухиных. В Санкт-Петербурге раскрыт очередной заговор против трона в пользу Иоанна Антоновича. Подполковник Лопухин разжалован в матросы и сослан на Камчатку.

Тут подвернулся ещё несчастный подпоручик Луцкого драгунского полка Иоасаф Батулин, который, якобы, замышляет «лишить престола императрицу Елизавету в пользу великого князя

Петра Фёдоровича». И это дело оказалось пустышкой. Но оно вошло в историю – очень туманное, неразборчивое и непонятное, насквозь фальшивое, притянутое за уши. Но с громким приговором – смертной казнью, заменённой (опять же по милости императрицы) на более милосердное: «учинить жестокое наказание: бить... кнутом нещадно и урезать... язык, послать в Слесенбургх (то есть в Шлиссельбургскую крепость. – С. В.) и велеть тамо... закласть в городовую стену, оставя... по одному самому небольшому окошку и до смерти... давать... хлеб и воду».

И Батури́н просидит в этой одиночке вплоть до «восшествия» на престол Екатерины Второй и по своему неведению снова обратится к Петру Фёдоровичу, заради которого, вроде как, пострадал, не подозревая, что гвардия Екатерины Великой уже уничтожила очередного «законного» императора Романова и на престоле Российском очередная немецкая... принцесса.

Впрочем, и Пётр Фёдорович был далеко не русским человеком по своему происхождению и менталитету.

Он был сыном сестры Елизаветы Петровны – Анны, – рождённой «в блуде», как и Елизавета, матерью которых была небезызвестная солдатская «шлюха» (так в исторических материалах), пригретая Меншиковым и перехваченная у него Петром Первым, Мавра Скавронская – императрица Екатерина Первая. Отец Петра Фёдоровича – герцог Голштинский Карл-Фридрих. Исконное имя Петра Фёдоровича – Карл-Ульрих. А женат он был на принцессе Ангальт-Цербстской Софии-Августе. В России их перелицевали в Павла Фёдоровича и Екатерину Алексеевну (будущую Великую). Как родственника не только Петра Первого, но и шведского короля Карла Первого, Карла-Ульриха готовили и на шведский трон, но ему не повезло, и он стал Петром Третьим, будущим покойником по воле собственной жены и её фаворитов – графов Орловых и иже с ними.

И вновь, чтобы ввести политические репрессии и удержать незаконную власть, потребовались на закланье новые жертвы из старорусской знати.

На этот раз братья Гурьевы и братья Хрущовы.

А дело их представляло такой же мыльный пузырь, как и дело Ивашкина – Сновидова – Турчанинова, как дело Батурина, ко-

торый, помимо прочего, осмелился обратиться к Петру Фёдоровичу после его смерти...

Приговор суда в отношении главных «зачинщиков» – Семёна Гурьева и Петра Хруцова был жестоким – четвертовать, как в своё время четвертовали Иоанна Великопермского (Тимошку Акиндинова). Но, милостью императрицы, приговор был изменён – ошельмовать (то есть придать политической смерти) и сослать навечно в Камчатку.

Любопытная деталь – политической казнью первых в царствование Екатерины Великой государственных преступников руководил сенатор, генерал-поручик, майор лейб-гвардии Василий Иванович Суворов.

А его сын – будущий генералиссимус русской армии Александр Васильевич Суворов, тогда ещё полковник, первое своё боевое полководческое крещение примет именно против русских – против царя-самозванца Петра Фёдоровича (Емельяна Пугачёва), которого Екатерина Великая уже не помилует, как Иоасафа Батурина, сослав его навечно в Камчатку, а казнит смертью.

Представители «новой хронологии» уверены, что во главе пугачёвцев стоял законный претендент на российский трон, как и во времена Степана Разина.

Это была последняя схватка староордынцев с западниками (уже, по сути, и не имеющих никакого отношения к Романовым), захватившими российский трон.

В доказательство они приводят следующие факты:

Екатерина, вслед за Петром с его неудачным походом на Азов, начинает бесконечные войны с Турецкой империей – тюркской (или южной) частью Великой Тартарии (в которую в ту пору входило черноморское побережье и Крым – Малая Тартария). Московия начала расширять свои имперские владения на юге.

Екатерина неожиданно называет две русские деревушки новыми названиями и вводит новые субъекты империи (которые почему-то уже имелись в наличии в полном титуле русских самодержцев задолго до инициативы Екатерины Великой) – на карте империи появляется Пермское наместничество и Вятская губерния. Спрашивается – а каким тогда великим князем

нарекал себя Иоанн Васильевич Шуйский, если Великая Пермь появляется только в XVIII веке при Екатерине. И откуда в титуле Ивана Третьего, отца Ивана Четвёртого, «первого» русского царя, говорится о том, что Вятка и, соответственно, вятичи – его подданные, если Вятка ещё при Екатерине была обыкновенной деревней под совершенно другим именем? Пермская губерния (наместничество) была открыта 12 декабря 1781 года и Иоганн Штейнгель (отец декабриста) исполнял при этом «должность церемониймейстера».

Вот ответ на этот вопрос в одной из книг авторов «Новой хронологии»: **ЧТО ТАКОЕ «ВЕЛИКАЯ ПЕРМЬ» РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ.**

Зададимся простым вопросом. Действительно ли ВСЕ НАЗВАНИЯ, упоминаемые в русско-ордынском «монгольском» гербе Ивана Грозного XVI века, относились в ту эпоху именно к тем географическим областям, куда их принято относить сегодня, в рамках романовской истории? Про Болгарию и Югру мы уже сказали. Романовские историки не могут указать на карте средневековой Руси XVI века великие княжества – Болгарию и Югру. А мы указываем сразу: это Болгария и Венгрия.

Но это ещё не всё. Есть куда более яркие примеры. Оказывается, ещё два великих княжества XVI века, упоминаемые на старом русском гербе, – а именно ПЕРМЬ и ВЯТКА, – появились на карте РОМАНОВСКОЙ Российской Империи ЛИШЬ В КОНЦЕ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА. Причём в одном и том же году. А именно, в 1781 году. До этого никакой ПЕРМИ и никакой ВЯТКИ в русском Заволжье, куда их поместили романовские историки, и в помине не было.

Начнём с Перми. В русских летописях много говорится о ПЕРМСКОЙ земле. Сообщается, что это – мощное в военном отношении государство, очень богатое.

Но оказывается, название «Пермь» было присвоено простому селу лишь в XVIII веке! Даже подходящего города не смогли найти в тех краях, куда отнесли летописную Пермь.

«Город основан НА МЕСТЕ ДЕРЕВНИ ЕГОШИХИ, ВОЗНИКШЕЙ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА. В 1723 был построен медеплавильный завод, посёлок при котором в 1781 ПЕРЕИМЕ-

НОВАН В ГОРОД ПЕРМЬ И СДЕЛАН ЦЕНТРОМ ПЕРМСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА». После падения Романовых название ПЕРМЯКИ для коми не удержалось.

Местные жители не забыли своё настоящее название – коми. В Советской энциклопедии читаем: «Пермяки – УСТАРЕВШЕЕ название народности коми-пермяков».

Итак, местное население название «пермяки» не признает и называет себя КОМИ. А город Пермь «изготовлен» из деревни Егошиха лишь в конце XVIII века. Так почему же знаменитая летописная Великая Пермь отождествляется сегодня с землями коми? Скорее всего, это неправильно.

Современные коми-пермяки были «назначены» Романовыми играть роль совсем другого народа. Цель этой подмены очевидна. Скрыть – что такое была настоящая Великая Пермь в XVI веке. Которая ещё входила в то время в состав Русской Великой = «Монгольской» Империи.

Теперь мы можем сформулировать нашу гипотезу. Настоящая средневековая Великая Пермь, отразившаяся в летописях, – это, по-видимому, ЮЖНАЯ ГЕРМАНИЯ (без Пруссии), АВСТРИЯ, СЕВЕРНАЯ ИТАЛИЯ.

См. книгу «Библейская Русь».

Отождествление летописной Великой Перми со средневековой Германией полностью проясняет, например, один казавшийся до того крайне странным рассказ Карамзина. Следуя старым источникам и, видимо, уже не всегда понимая, о чём шла речь, Карамзин сообщает о монгольском (то есть о «великом» русском) завоевании следующий поразительный факт: «Монголы более и более распространяли свои завоевания, и чрез Казанскую Болгарию дошли до самой Перми, ОТКУДА МНОГИЕ ЖИТЕЛИ, ИМИ УТЕСНЁННЫЕ, БЕЖАЛИ В НОРВЕГИЮ». Даже беглого взгляда на карту достаточно, чтобы оценить всю фантастичность этой картины, если бы Великая Пермь действительно находилась там, куда её поместили романовские историки – на берегах Камы. Примерно с тем же успехом с берегов Камы можно было убежать и в Америку. А вот если Великая Пермь – это Германия, то картина становится совершенно естественной и понятной.

Взгляд на карту показывает, что беженцы в Норвегии и Швеции могли появиться именно из Германии. Для этого им достаточно было переплыть проливы Каттегат или Скагеррак.

В русском гербе XVI века после Перми идёт Вятка. При этом Югра, Пермь и Вятка – это близкие друг к другу области, согласно русским летописям. Недаром романовские историки переместили их потом примерно в одни и те же глухие леса между Волгой и Уралом, когда им нужно было всячески вытереть следы великого «монгольского» завоевания в Западной Европе. Поскольку мы отождествили Великую Пермь (летописей) с Австрией, Южной Германией и Северной Италией, то и летописная Вятка должна быть где-то недалеко. И это действительно так. Но прежде чем показать это, посмотрим – на каком основании известный нам сегодня русский город Вятка (между Волгой и Уралом) был назван этим громким именем. И когда?

Энциклопедия сообщает: «ВЯТКА... Основана новгородцами в конце XII века под названием Хлынова... В XV–XVII веках Хлынов (Вятка) играл роль значительного торгового центра. ПРИ УЧЕРЕЖДЕНИИ ВЯТСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА (1781) ХЛЫНОВ БЫЛ ПЕРЕИМЕНОВАН В ВЯТКУ». Таким образом, выясняется, что никакой Вятки тут раньше не было. Был город Хлынов. А название «Вятка» появилось здесь лишь в XVIII веке.

В книге «Библейская Русь» мы показали, что летописная Вятка – это южная Европа: Италия, Франция, Испания.

Романовские историки и картографы перетащили потом эти «монгольские» западноевропейские названия (обозначавшие в XV–XVI веках некоторые области Западной Европы, входившие в состав Великой «Монгольской» империи) в самые глухие места России, когда им потребовалось написать «правильную» историю средневековой Руси. Местные российские жители – коми – тогда, в XVII веке, были ещё неграмотны и, по-видимому, даже не заметили, как круто изменилась их роль в древней истории. Какие громкие и славные дела они оказывается совершили много-много лет тому назад. А западные европейцы, современники Романовых, с облегчением и с благодарностью отдали эти названия России. После чего названия Перми и Вятки в

гербе Российской Империи перестали резать слух как западно-европейских, так и романовских историков.

В 1775 году Екатерина ликвидирует Запорожскую Сечь и раздаёт казачьи земли помещикам из своего окружения, переводя вольных казаков в положение крепостных крестьян.

То есть величие Екатерины для римской истории – в окончательном разрушении остатков Великой империи и уничтожении любых рецидивов возрождения законной власти законных царей в Российской империи, а также любой памяти о прошлом величии Тартаро-могольской Великой империи.

Дворянам она дарует вольность, чтобы закабалить народ.

Вольное дворянство, защищая свои новые права, переписывает как свою собственную историю, историю своих родов, так и историю своего государства, обрекая это государство на выдуманное заказными историками вековечное русское рабство и раболепие, зависимость от великих европейских государств и народов, а также на вековечное «володение» нашей страной иноземными Рюриковичами.

Это же мы видим и сегодня – для того и затмеваются великие подвиги россиян в Отечественные войны, чтобы в наших затуманенных ключевскими-соловьёвыми-суворовыми головах не появилось, не дай бог, сомнения, что в НАСТОЯЩЕЙ истории всё было РОВНЫМ СЧЁТОМ наоборот – и «великие» российские императоры и императрицы уничтожали самодержавную Российскую (староордынскую, Тартаро-могольскую) монархию и преданный ей народ, чтобы Великая империя никогда уже не возродилась бы. Но это им не удалось – пусть только на семьдесят лет, но империя поднялась из исторического праха. Даже такие истинные и истовые русские монархисты, как Иван Солоневич, увидели в СССР бывшее величие былой империи. И она показала всему миру свои возможности величайшим на земле жертвенным подвигом, поразив своим копьём, как Георгий Победоносец, дракона, пожирающего человечество.

Желая подарить дворянству вольности, чтобы ужесточить крепостное право, Екатерина решает в 1767 году создать Комиссию об уложении новых законов империи и пишет Наказ для будущих депутатов.

Итог этой затеи был плачевен – Комиссия распущена, а два самых ярких и горячих ораторов за сопротивление Наказу и выступления против екатерининского фаворита Григория Орлова отставной ротмистр, депутат от Верейского уезда Московской губернии Ипполит Семёнович Степанов и поручик гвардии Василий Алексеевич Панов «откомандированы» на вечное поселение в Камчатку.

Что же так испугало императрицу и её окружение?

Депутаты потребовали ограничения самодержавия за счёт полной вольности дворянства.

Но в 1785 году дворянству будет выдана Жалованная грамота как свод сословных привилегий. То есть к тому времени императрица и российская элита смогут договориться. А в 1767 году ситуация была в корне иной. Вот как современно Степанов формулировал свои взгляды о судьбе Отечества, за которые поплатился Камчаткой: *«...теперь, когда дворянство мало просвещено, не имеет сил и не позволено пешися (печься, заботиться, думать, волноваться, переживать, страдать. – С. В.) о своём Отечестве, а каждый старается только в том сделать подлым образом от начальника милость и чин. А получа оный быть вредом народным, понеже в сем чине жалованье самое беднейшее, кто вышней у нижнего отнять властен и отрешить от должности»*.

С такими мыслями Степанов был опаснее дворцовых заговорщиков и царевичей. Те, когда им замысел удавался, пристраивались у трона. Когда не удавался – отправлялись в ссылку и дожидались, когда к власти придут их «подельники».

Ипполиту Степанову (возможно, и Василию Панову, второму депутату, но он рано ушёл из жизни) в романовской России места не было. И когда он, как участник Большерецкого бунта, возглавляемого ссыльными наёмниками-конфедератами, поляком Августом Беневским и шведом Адольфом Винбландом, бежал с Камчатки, вместе с ссыльными же Хрущовым, Батуриным и Турчаниновым, то их пути разошлись навсегда. Батурин и Турчанинов умерли в дороге. Беневский бросился в очередную авантюру – пытался захватить сначала остров Формозу, потом Мадагаскар. Хрущов последовал за ним. А Степанов остался в одиночестве – в Россию он так и не вернулся, а за границей себя не

нашёл. Опубликованы на немецком языке его дневники, было бы интересно узнать, чем и как он жил на чужбине. Есть косвенное подтверждение, что это был человек высокого духа – его племянник (Александр Петрович Степанов) с большой теплотой вспоминал о своём дяде. Александр Петрович был первым Енисейским губернатором и принял большое участие в судьбе декабристов. Конечно, сегодня декабристское движение оценивается по-разному. Для потомков Орловых – это была возможность очередного дворцового переворота. Для Павла Пестеля, отец которого долгое время был генерал-губернатором Сибири, – это была революция и возможно новая гражданская война в России. Для третьих, которых, мне кажется, было большинство, – коренные изменения в той жизни, о которой писали и Ипполит Степанов, и наш земляк, декабрист Владимир Штейнгель, отчаявшиеся найти не только справедливость, но и смысл жизни в России, поражённой метастазами коррупции и вседозволенности властимущих. Губернатор Степанов, как и его дядя, Ипполит Семёнович, был близок именно к последним, за что они и были ему очень благодарны в своих мемуарах...

Вот только маленький штрих: возвратившийся из ссылки декабрист Штейнгель пришёл на квартиру к сыну Степанова – Петру Александровичу.

«Он навестил меня, чтобы во мне благодарить моего отца», – вспоминал П. А. Степанов.

Большерецкий бунт, бегство ссыльных, угроза нападения на незащищённую в военном отношении Камчатку приостановил на какое-то время камчатскую политическую ссылку. Иностранцы, в основном поляки, – Копец, Дыбовский и другие ещё отбывали здесь ссылку, но это, наверное, потому что ссыльными поляками в то время были переполнены другие окраинные города и городишки Сибири. В конце XIX века среди ссыльных на Камчатке был отец известного художника Анненкова. В начале прошлого века сюда был сослан социал-демократ, депутат Второй Государственной Думы Иван Фёдорович Голованов, который долгие годы работал на Камчатке агрономом, потом был в правительстве области, а закончил жизнь, как и большинство бывших политических ссыльных при царском режиме, – в результате сталинских репрессий, которые уничтожали любое инакомыслие.

В годы Советской власти на Камчатку практически не ссылали, так как до 1945 года здесь работали японские рыбопромышленники и можно было (теоретически!) сбежать в Японию. Зато с Камчатки в 1930-е годы высылали по известной политической 58-й статье очень многих. Кто-то потом возвращался на Камчатку, кто-то оседал в местах, где отбывал ссылку, кто-то бесследно исчезал...

Но чаще со своими политическими врагами на Камчатке, как и в целом по стране, сталинские «орлы» не церемонились – без предъявления обвинения приговаривали к ВМН (высшей мере наказания) – расстрелу, а то и просто топили в кунгасах в море. А потом расстреливали или топили в море тех, кто расстреливал или вёл следствие – путали следы для будущих историков.

А новая власть создавала новую историю, переписывая на свой лад то, что человеческая память ещё помнила из отечественной и мировой истории о царизме. И, конечно, в этой новой истории народ всегда боролся против самодержавия, а не за него, так как монархия – это было плохо, а самодержавие – самое плохое, что можно было создать в истории человечества.

Но, в итоге, подчиняясь неведомым (или ведомым?) законам была создана всё та же Империя со своими «красными» императорами, исповедующая (до поры до времени, пока петух не клюнет...) всё те же западные ценности, отрицающие Бога, Царя и Отечество, но в случае необходимости прибегающие к нетленным ценностям, хранящимся в генетической памяти русской (генерирующей, титульной) нации.

Новые современные историки, авторы «Новой хронологии» заставляют нас посмотреть по-новому на то, что было когда-то, чтобы мы могли лучше представить себе то, что может быть с нами самими в дальнейшем. То, что может быть и в нашей сегодняшней жизни, и в будущей истории нашего Отечества – ведь корни сегодняшнего настоящего в прошлом, и они питают нас, независимо от того, какие картинки рисуют для нас по тому или иному заказу историки, пачкающие нашу национальную память. Опасность появляется тогда, когда связь поколений рушится, и мы начинаем жить по чужим историческим стандартам. Почему и оценка: «Иван не помнящий родства», – всегда была одной из самых оскорбительных для наших пращуров.

«ТЫ МЕНЯ НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕШЬ»

В память о Витусе Беринге Джеймс Кук назвал пролив, разделяющий Азию с Америкой, его именем: в благодарность за то, что капитан-командор развеял миф о соединении двух материков. Увы, великий Кук поторопился с выводами – миф этот не был развеян и после того, как не стало в живых и самого Кука, хотя его «Резольюшен» и «Дисковери» в 1778 году пробороздили Берингово море с юга на север, прошли Берингов пролив и были остановлены льдами у мыса Северного (Шмидта).

...Шел 1820 год, когда Василий Берх, один из участников первой русской кругосветки, встречал в Перми странного гостя «в синей фуфайке, лосиных панталонах, с такими же стиблетами и с котомкою за плечами», ни слова не говорящего по-русски.

Это был капитан английского флота Джон Кохрен, который шел пешком из Дьеппа (Франция) через Германию и Россию – в Америку, чтобы самолично определить координаты «Шалоцкого (Шелагского) мыса» и установить, сходятся ли все-таки Азия с Америкой.

Василий Берх постарался остудить пыл молодого путешественника. «Убеждаясь нехотя сими доказательствами, – писал Берх об этом удивительном человеке издателю “Сына отечества”, – отвечал он: “может быть и так, однако ж я пойду непременно к Шалоцкому мысу”».

А затем – на Камчатку, откуда ему непременно нужно будет попасть в Америку и добраться до широты 65-го градуса.

Не слишком ли смел был этот англичанин – в одиночку, пешком, без знания русского языка отправляясь в путешествие через два континента? Под Царским Селом его уже обобрали до нитки русские мужики, а что могло ожидать впереди? Но при этом нужно не забывать, что, во-первых, до Перми Кохрен все-таки уже добрался. Во-вторых, как выяснилось, у него была исключительная закалка для путешествий такого рода. Первый свой большой

поход он совершил во время американской войны: был послан из Квебека для защиты озера Супериор. «Туда и обратно» пешком составило 4 000 верст. Затем он пять лет странствовал по Испании и Португалии. Вернувшись в Лондон, просил направить его в Африку для обследования истоков Нигера, но разрешения не получил. Тогда родилась мысль идти в Америку через Россию. За месяц он дошел из Франции в Санкт-Петербург (в этот срок входят и те несколько дней, что он провел в Берлине). В Петербурге, получив разрешение от графа Кочубея, Кохрен тот час отправился в путь. Говорят, что от Москвы он уже не шел пешком, а ехал, но, судя по его дневнику, большую часть пути до Тобольска («Московский телеграф», 1825, № 1) он шел все-таки пешком. И еще одна немаловажная деталь, заставившая Берха поверить в то, что Джону Кохрену по плечу и не такой поход.

«Капитану Кохрену только 27 лет от рождения, он ростом не велик, но крепок телом и способен к перенесению всяких трудностей. Живши неделю у меня в доме, ел он только за обедом или один раз в 24 часа, да и то весьма умеренно. В последние дни, когда мы с ним короче познакомились, он просил меня велеть ему готовить часть свинины и бефстекс. Телятины он никогда не ест, отказываясь, что она слишком нежна для его желудка. На вопрос: долго ли он может пробыть без пищи? – отвечал г. Кохрен: “в среду (30 июня) удержал меня почетный губернатор Казани отобедать; из дому Его превосходительства поехал я с почтою к вам в Пермь. В субботу (3 июля) пришел я к вам прямо на обед. Что, вы думаете, ел я дорогою? Ничего кроме куска черного хлеба, коим я запил рюмку водки, вытнутую в Оханске (от Казани до Оханска 536 верст)”».

Берх поверил в замыслы капитана английского флота и рассказал ему о сообщении сотника Кобелева, датированном еще прошлым веком, о том, что на острове Кинговее, в долине американской реки Хеуверн, живут русские люди, которые читают русские книги, молятся иконам и носят бороды. Живут там они издавна, а как попали, никто не знает.

– Рашен? – удивленно переспросил Кохрен. – Если я их найду, то останусь у них зимовать и доставлю вам самое подробное сведение.

С тем и расстались два путешественника, два моряка, один только недавно вернувшийся из Америки, а другой только еще вступающий в Азию, способную преподнести самые неожиданные сюрпризы. И судьбы этих двух людей удивительным образом сплетутся между собой. Как и многие другие судьбы в этой нашей истории. Но об этом после. Сначала отметим, что Кохрен, несмотря на подготовку, закалку и выдержку, не достиг ни одной из поставленных целей, хотя и добрался-таки до Камчатки.

Что же помешало?

Капитан английского флота...влюбился в дочь петропавловского священника и воспитанницу камчатского командира П. И. Рикорда пятнадцатилетнюю Ксению Ивановну Логинову. Об удивительной красоте этой девушки Кохрен узнал еще в Охотске – за время путешествия по Сибири он освоил уже русский язык, по слухам, создал в своем воображении образ такой девушки, что даже изменил маршрут, ради того, чтобы хоть раз увидеть ее. Но скорее всего легенда – многие суда, прежде чем идти во владения Российско-Американской компании на Аляске, заходили в Петропавловский порт. Но факт остается фактом – капитан влюбился, была сыграна свадьба, и летом 1822 года вместе с супругами Рикорд молодая чета Кохрен отправилась в Петербург. А оттуда в Лондон. Здесь они недолго пробыли вместе: поместив Ксению в пансион, Джон уехал в Южную Америку, в Каракас, где ему был поручен надзор за добычей медной руды. Скоро он привез сюда и жену. И опять недолго они пробыли вместе – летом 1825 года Джон неожиданно умирает. Вдове, госпоже Кохрен, в тот год только-только исполнилось восемнадцать лет. И длинная-длинная дорога предстояла теперь ей. Домой. К родным. Сначала в Англию. А в 1827 году – в Кронштадт, где в то время служил командиром порта Петр Иванович Рикорд, который вместе со своей женой, Людмилой Ивановной, были Ксении вместо родителей. Здесь-то в Кронштадте, и произошла новая удивительная и в то же время закономерная встреча. Петр Федорович Анжу, морской офицер в 1828 году вернулся в Кронштадт после участия в Наваринском сражении, где за храбрость заслужил Георгиевский крест, и нанес визит командиру порта, с которым его связывала искренняя дружба. Удивляться ли после этого знакомству двух молодых людей?

В тот самый год, когда Джон Кохрен преодолевал сибирские просторы, чтобы закрыть пятна Ледовитого моря у границ с Америкой, П. Ф. Анжу возглавил экспедицию к... Земле Санникова. В течение двух лет, на собачьих нартах или в байдарках, русские моряки описывали Новосибирские острова, впервые положили их на карту, а 5 апреля 1821 года отправились на поиски земли, виденной якутом Яковом Санниковым и русским путешественником Матвеем Матвеевичем Геденштромом.

Мороз, ветер, метели, торосы, трещины, полыньи...

«Проходит час, два, день, но впереди ничего не видно, кроме льдов. Но вот с вершины высокого тороса у самой черты горизонта путешественники различают контуры неведомого острова. Еще несколько часов пути, и экспедиция вступит на загадочную таинственную землю Санникова. Чем дальше на северо-запад продвигалась экспедиция, тем яснее вырисовываются контуры неведомой суши. Ошибки не может быть. Можно различить не только горы, но даже отдельные скалы, причудливо окрашенные лучами полярного солнца. Никто не сомневается, что на долю экспедиции выпало выдающееся открытие и все дружно поздравляют друг друга с успехом. Но вот прошел еще час, другой. Солнце переместилось по горизонту. И вместе с изменением освещения, лежащий впереди остров стал увеличиваться, распространяться в стороны. Прошло еще немного времени, и экспедиция оказалась как бы в ложбине, зажатой со всех сторон горами. Но не было ни гор, ни Земли Санникова. Путешественники оказались жертвой полярного миража. Впереди ничего не видно, кроме причудливых нагромождений ледяных гор» (Пасецкий В. М. «Петр Анжу», М., 1958, стр. 20).

Но Санников дважды «видел землю», причем в разных местах. Поэтому Анжу попытался было предпринять и поиски «второй», но пройти туда не позволили океанские льды. Поэтому сибирский губернатор М. М. Сперанский приказывает П. Ф. Анжу в 1822 году повторить поиски земли. В тот год был открыт (правда, совсем в другой стороне) остров, названный Анжу в честь натуралиста, врача экспедиции Алексея Евдокимовича Фигурина. Земли Санникова обнаружить не удалось... А потому легенды об этой Земле жили еще очень долго – так хотелось надеяться, что она все-таки есть, – и эти легенды живут по сей день в

замечательной книге «Земля Санникова». В. Ф. Обручева, рождая все новых и новых «кохренов».

Так что встреча в доме Рикорда вдовы Кохрен и капитан-лейтенанта Анжу удивительна лишь для нашего рассказа. Но естественна их взаимная любовь. 24 октября 1828 года в церкви Морского корпуса в Кронштадте был совершен древний православный обряд – Петр Федорович и Ксения Ивановна стали мужем и женой.

Но удивительное на этом не закончилось. Помните Василия Берха? Того самого, что встречал в Перми Кохрена, а до этого был участником первой русской кругосветки. Возвращаясь из Америки, как уже говорилось, ему пришлось через Сибирь. В Кяхте он побывал на сговоре будущего декабриста Владимира Ивановича Штейнгеля с Поленькой Вонифатьевой. И далее они поедут в Санкт-Петербург вместе. В Твери им будет уготована встреча с принцем Ольденбургским. «...И мог ли тогда воображать, – писал позже в своих “Записках” В. И. Штейнгель, – что сын этой августейшей четы, тогда еще не бывший на свете, через 50 с лишним лет будет благоговять образом моего сына»: сына декабриста Штейнгеля и дочь вице-адмирала Анжу, внучку камчатского священника Логинова. Да-да, Людмила Петровна Анжу станет женой Вячеслава Владимировича Штейнгеля.

Сына декабриста и дочь вице-адмирала Анжу, внучку камчатского священника Логинова... Людмила Анжу станет женой Вячеслава Штейнгеля.

Сын же Петра Федоровича и Ксении Ивановны – мичман Петр Петрович Анжу – примет участие в знаменитом плавании фрегата «Паллада», и его именем будет назван один из мысов полуострова Корея.

И вот еще один штрих в нашей удивительной истории: Василий Берх первым в русской истории расскажет о Большерецком бунте 1771 года. И благодаря ему мы узнаем еще об одном камчатском Логинове, отправившемся на поиски Земли Справедливости... И совсем уже последняя деталь, скорее справка: советские исследователи называли группу островов в Восточно-Сибирском море, открытую в 1772–1773 годах Я. Санниковым и И. Ляховым, островами Анжу.

ПРОСВЕТИТЕЛЬНИЦА ИЗ МАЛОК

Вероника Вячеславовна Болдырева была родом из известной семьи сибирских просветителей. Мать – Лянге Мария Войцеховна была дочерью польского ссыльного. Отец – Вячеслав Олимпович Болдырев был сыном Олимпа Семеновича Болдырева, управляющего Егорьевскими золотыми приисками, и потомком основателя знаменитой Колыванской шлифовальной фабрики Филиппа Васильевича Стрижкова.

Вероника была старшей в семье. И судьба ее сложилась несколько иначе, чем у других братьев и сестер, кто остался с родителями в Сибири, когда она уехала на далекую Камчатку. Брат Владимир стал академиком, директором Института химии твердого тела и механохимии Сибирского отделения Российской Академии наук. Другой брат Рэм – кандидатом медицинских наук, известным врачом-педиатром. Гелий – кандидатом технических наук. Май – кандидатом геолого-минералогических наук.

Вероника Вячеславовна тоже стремилась в науку. Она окончила Томский государственный университет, стала биологом и получила назначение директором рыбоводно-биологической станции в далеком и глухом камчатском селении Малка.

Всю жизнь, пока она жила здесь, выйдя замуж за камчадала Николая Ивановича Аббакумова и вырастив семерых детей, Вероника Вячеславовна мечтала вырвать свою семью из отсталости и бескультурья, и сама не заметила, как, борясь за лучшую жизнь своей семьи и отстаивая интересы своих земляков, просвещая и повышая их культурный уровень, выросла в эту жизнь и стала одной из важнейших ее составляющих. Она признала жителей Малок, как членов одной, в том числе и ее собственной, семьи, а малкинцы признали ее своей, родной и близкой. И всю себя, без остатка, она отдавала этой своей семье, влюбленная, как девчонка, в малограмотного, но душевно пре-

красного «папу Колю», его родителей и родственников, которых было «полдеревни», своих детей и внуков, каждому движению которых она радовалась от всей души.

И не случайно через три с небольшим десятка лет она будет бороться вместе с другими за право жить в своем родном селе. И эту ее мечту потом, еще через три десятка лет, будут воплощать в быль уже ее дети, возрождая родное гнездо – Андрей, Тамара, Галина, Владимир, Валера, Нина.

О том, что и как происходило в их семье, рассказывает сама Вероника Вячеславовна, письма которой сохранили ее родственники в Сибири и передали детям Вероники Вячеславовны и Николая Ивановича.

1988 г.

Исполнилось 40 лет с тех пор, как я приехала на Камчатку. Когда я училась в университете в Томске, я хотела ехать на Камчатку, но сразу, как мы кончили, началась война и никого из нас не посылали на Дальний Восток. Это была закрытая зона. В 1948 году я пришла на пароходе «Балхаш» из Владивостока, дошедшем до Петропавловска в рекордные сроки – за 6 дней. С тех пор Камчатка со всеми своими невзгодами и радостями стала для меня родным домом. Сначала я работала на рыбоводно-мелиоративной станции Камчатрыбвода по специальности – ихтиологом. Потом из-за ребят, которым нужно было общество людей, наличие медработника перешла работать заведующей избой-читальней в пос. Малки. В то время передвигаться по Камчатке было не так просто. До Коряк иногда можно было добраться на машине, нагруженной или дровами, или чем-нибудь еще, чаще на санях, а еще надежнее – на собачьих нартах. В любую погоду собачья упряжка движется, невзирая на пургу, на мороз, на снег. Не буксует и горячего ей не надо. Только кинь по кусочку юколы да погладь, похвали за усердие.

Избой-читальней в Малках, так же, как и в Коряках, было бывшее здание церкви. Отапливалась она печуркой, сделанной из бочки железной, на полках стояло около сотни книг и брошюр, газеты и журналы, несколько скамеек, стол. Своей киноустановки в Малках не было присылали на 3–4-х нартах кино-

механика, движок, киноаппаратуру и кинобанки раз в один-два месяца из Дальнего – 25 км. Потому собирались на просмотр фильмов всей деревней, забирали с собой в избу-читальню даже маленьких ребятишек, дома оставались только те, кто не мог добраться до клуба. А ребятишки в клубе не шумели, никому не мешали. Показывали иногда по два фильма.

...До 1964 года была в Малках школа. Учащихся было 20–15 человек и один учитель на 4 класса. Потом все стали учиться в Елизовской школе-интернате. Малкинская молодежь принимала участие в работе избы-читальни – и самодеятельность, и ремонт, и снег откопать тоже молодежь. Наряду с ребятами и взрослые принимали горячее участие в самодеятельности: пели, плясали, сами придумывали и ставили небольшие пьески. У нас не было электричества, освещали и зал, и сцену керосиновыми лампами, для того, чтобы поставить спектакль, собирали по дворам одежду, всякие вещи, приглашали тех, кто играет на гармошке, гитаре, балалайке аккомпанировать, сыграть музыку для танцев. Все собрания колхозные обычно оканчивались очень весело: танцами, играми, пением. Жили колхозники очень бедно, но умели и работать, и веселиться.

Малки – колхоз имени 1 мая. Ганалы – им. Крупской, Начики – «Трудовик», Коряки – им. Второй Пятилетки. Часто ходила на поля, на скотные дворы, проводила беседы и читки, и на домах у малковчан часто читала книги, приучая людей к чтению. Часто выпускались красочные стенные газеты, боевые листки, которые отмечая лучших, беспощадно клеймили пьяниц, дебоширов, лодырей, тех, кто халатно относился к своим обязанностям...

И прочитав эти письма (а такая возможность нам еще представится), понимаешь, почему именно в этой семье выросли такие прекрасные дети, которые спустя многие годы и даже десятилетия возродили угасшее было село, возвратились к родному очагу.

«Я живу с 1948 года на Камчатке, приехала сюда работать ихтиологом. Жила и работала в пос. Малки, где и вышла замуж за местного жителя Аббакумова.

Вырастила в Малках семерых детей. Из-за них и перешла

работать зав. избой-читальней пос. Малки, где и проработала 29 лет.

Не было у меня на материке квартиры, которую я могла бы закрепить за собой, не было жилья и в городе. Были только палатки, землянки, потом домик, срубленный Аббакумовым из привезенного на нартах им самим леса.

...Но стали переселять – поставили условия, чтобы наши дома были обязательно разрушены. А мы просили, чтобы оставили нам наши домики на лето использовать как дачи, чтобы мы могли на своих участках выращивать овощи, ягоды, картофель.

Муж мой, ветеран войны и труда, умер в прошлом году, так и не дождавшись благоустроенной квартиры.

Сын отслужил во флоте, работал в Петропавловске во вневедомственной охране. Женился, теперь у него уже 3-х месячный сын. Председатель Елизовского горисполкома предложил ему переселиться в Елизово. Сын так и сделал, переехал в Елизово к знакомым, пока дадут нам квартиру. Он с семьей живет уже там 3 месяца, неудобно перед людьми, пустившими их, я в Малках.

Ордер выписали на меня, включили сына, его жену и ребенка. Ордер на двухкомнатную квартиру.

Я уже старая, с плохой нервной системой. Иногда мне хочется уединиться, отдохнуть, летом заняться полезным для себя и общества трудом, и я прошу оставить принадлежащий мне дом в Малках с огородом, прилегающим к нему.

Ордер мне не вручают, пока не будет разрушен домик в Малках, мотивируя, что нельзя иметь две квартиры, два дома».

СИБИРЬ – КАМЧАТКА

1947 год. Автобиография

Родилась в 1919 году в г. Томске. Родители до и после 1917 года – педагоги. В 1928 году поступила в школу. В 1931 году в связи с укомплектованием Кузбасса культурными кадрами родители были переброшены на работу в г. Анжеро-Судженск: мать – дошкольным инспектором, отец – заведующим центральной библиотекой, организатором тех. библиотеки, впоследствии выросшей в Дом техники. В 1934 году была принята в члены

ВЛКСМ. В 1937 году окончила 10 кл. в г. Анжеро-Судженске и поступила на биологический факультет Томского Государственного университета, который кончила в 1941 году. Еще будучи в университете окончила годичные курсы медсестер. После окончания ТГУ работала на Томском рыбзаводе. В 1941 же году была мобилизована как сестра и направлена в госпиталь 1507 в г. Томске, где работала до марта 1942 года. Затем работала инструктором-биологом на станции юных техников в Анжерке, преподавателем биологии в школах Анжеро-Судженска; лаборанткой хим. лаборатории ш. 5/7 и ш. «Физкультурник» треста Анжероуголь. Последнее время нигде не работаю (карандашом – причина?).

7.VIII.47 В. Болдырева

ПИСЬМА

1947 год

Начальнику Дальснабстроя

Я кончила Томский государственный университет, биологический факультет, со званием зоолога, со специальностью гидробиолога-ихтиолога с правом преподавания в средней школе. По своей специальности работала в Аральске и немного в Томске. Во время войны была медсестрой в госпитале 1507, затем инструктором биологического кружка ст. юных техников и натуралистов, главным образом – по сбору лекарственных трав. Затем преподавала в школах Анжерки, вела немецкий язык в 5 кл., биологию, химию и Конституцию СССР, была воспитательницей в детском саду, последней моей деятельностью была деятельность лаборантки по определению качества угля. Но, конечно, моя специальность ихтиолога и гидробиолога осталась по-прежнему самой лучшей мечтой, и лучше всего использовать свои знания ихтиолога я, конечно, смогу на Дальнем Востоке. Поэтому прошу содействовать мне в моем желании ехать на Дальний Восток. Очень много говорили у нас в Анжерке о вербовщике, набирающем кадры для ДВК, но его у нас не было,

неизвестно почему, и мои усилия найти его не увенчались успехом, но мне случайно дали адрес, по которому и посоветовали обратиться.

Немного из биографии. Мне сейчас 27 лет. Кончила ТГУ в 1941 году. Имею годовалого сына и еще совсем грудного ребенка. Если я обращаюсь не совсем по адресу, то сообщите, пожалуйста, куда обратиться.

28 июля 1947 года – письмо из Главрыбвода: «Согласно Вашей просьбе Вы можете быть приняты на работу Министерства рыбной промышленности восточных районов СССР в систему Главрыбвода в качестве ихтиолога».

14 ноября 1947 года

Простите, что молчала, так как положение мое было не выяснено, так все туманно, что не хотелось вас волновать и путать зря. Когда я приехала, то сразу же меня огорошили: «Зачем Вы приехали, надо было быть дома и оттуда бы и поехали». Поселилась у Александры Васильевны и болталась каждый день по маршруту Москва – Кратово, что не столько утомительно, сколько разорительно. Предполагали меня назначить и на Амур, и на Байкал, поскольку то место, которое мне предназначалось, уже занято, пока я получала пропуск. Возглавляет Главк тетя, и все там тети очень волновались и беспокоились, куда бы меня сунуть и как бы так обернуть дело, чтобы я не сдохла с голоду при нежелании обременять А. В. Чучину своим аппетитом. Наконец сегодня решили меня все же послать на Камчатку директором (!!!) рыбоводно-мелиоративной станции, а пока выслать во Владивосток, чтобы я получала содержание от Камчатрыбвода и болталась до парохода во Владивостоке, кто куда пошлет. Я было рот раскрыла, что не хочу быть директором, т. к. не справлюсь, но эта тетя так на меня заорала, что у меня уже есть жизненный опыт, что я все же училась и т. п., что времени для ознакомления у меня хватит и не боги горшки обжигают.

18 января 1948 года

Пока в Петропавловске. Отчаянно по вас скучаю, обо всех и о моей дочушке родной. Отчаянно располнела. Климат на пользу

пошел. Пока все еще не устроено у нас как-то, но со временем наладится.

Без даты

Пока нахожусь в стадии организационной. Полнею и читаю литературу ихтиологического порядка. Собираются услать меня куда-то в Апачу. Это 180 км от Петропавловска. Туда меня что-то не потягивает, как-нибудь попробую выкрутиться. Может быть, во ВНИРО, а если на то пойдет, то, может, даже в гороно ки-нусь, но не хочу в Апачу себя заживо хоронить. Я еще молодая, а старость уже не за горами. А здесь я возле моря все равно найду возможность, как мне заняться научно-исследовательской работой. Тем более, если бы меня интересовала бы деятельность директора рыбоводно-мелиоративной станции. Не знаю, как у меня выйдет, но все же буду откручиваться всеми силами. Все это вообще ерунда. Если и попаду в Апачу, то и это не так страшно. Только не охота в глуши жить. А вообще-то нас и Камчаткой достаточно пугали, а не так страшен черт, как его малюют. Вообще-то у меня энергии и жизнерадостности хватит на десятерых.

МАЛКА

Без даты

Пусть завидуют будущие папанинцы (братья): меня за 150 км повезут в Малки на собачках. Только половину дороги, наверное, за нартами скакать придется.

5 марта 1948 года

...там, в Малках, я у себя на станции буду самая главная среди своего штата (3-х рабочих) и всю работу, свои материалы и выводы – все самостоятельно. Не знаю, насколько хватит на это моих сил, конечно, и жилищные условия будут хуже, но к трудностям мне не привыкать, а только страшит меня одиночество, полное отсутствие культуры в глухой деревеньке, но ведь не я первая, не я последняя, и это не навек, а раз связалась с этим Рыбводом, то надо держаться.

Вообще проявляться начинают всякие наклонности предков:

разные административные (мамины) и исследовательские (папины) наклонности.

22.IV.48

Мама! Дорогие мои хорошие все. Вот и попала я, если еще не к сердцу сказочной и далекой Камчатки, то во всяком случае за 150 км от Петропавловска, в Малку, где и будет развертываться моя рыбоводно-мелиоративная работа. Здесь 21 домик. Крошечный клуб, такая же школа, медпункт с роддомом на одну койку, медведи, рыба, морошка, княженика, кедрач карликовый, даже малина и земляника есть по слухам, горячие ключи и нарзан, колба и шиповник, ольха и ветла. 50 км от города ехала на автомашине, а остальные 100 на собачках с одной остановкой в Начиках, так как днем наст раскисает и нарта проваливается. «Цаевали» по разу в дороге. Вообще этот способ передвижения мне понравился (к сведению полярников), бегать меня за нартами не заставляли, ибо, по мнению моих рабочих, директор их существо очень хрупкое, изготовленное приблизительно из фарфора.

Коля – мой рабочий, сразу же меня обул в валенки и, если замечал какой-нибудь куст, то сразу же предупреждал и поддерживал, чтобы глаза мне не выхлестнуло. Доехали без особых приключений, если не считать, что буквально перепрыгнули через реку Плотникову, под кормой нарты обрушился снег в воду, но собачки нас выдернули на берег. Не пугайтесь. В здешних речонках не утонешь. Особенно сейчас, курице по колено. А потом с косогорчика нарта перевернулась, и я перекувыркнулась через голову, но шею не свернула, а нарта с грузом через нас. Отделались 10 минутным смехом. Кормят меня медвежатиной и гольцами, которые очень жирные. А вообще, кроме подножного корма, здесь все невозможно достать. Даже с хлебом очень плохо, вообще, выдают мукой. Еще толком не устроилась.

Без даты

Буду на досуге содействовать просвещению в Малке, даже могу читать доклады и лекции. Вообще, энергия и жизнерадос-

тность меня никак не покидают, несмотря ни на что, только очень уж мне тоскливо без ваших писем. ...Меня спасает моя общительность, так при измерении температуры и пробах на мальков меня уже окружает свита из малолетних камчадалов, принимающих в этом деятельное участие. Между прочим камчадалы не любят, чтобы их считали нерусскими, говорят по-русски, но не выговаривают «ч» и многие довольно таки приобщены к культуре: выписывают газеты, имеют патефоны, пытаются проводить радио. Молодежь пытается заводить модные платья и поют современные, иногда очень модные песни.

Без даты

...Выручил мой копченый ангел хранитель – Коля, о котором я вам... Живу я здесь хорошо, под Колиным покровительством, совсем не чувствую я себя одинокой ...а в их семье, я как среди родных. Вообще никогда я не чувствовал себя так хорошо, никогда на душе не было так спокойно. Даже не отвлекает мне жизнь бурная война со всяким начальством, начиная с пред. с/сов, кончая пред. облисполкома, не считая уже своих собственных родных управленческих. Нахожусь среди простых хороших людей, у меня такой верный и замечательный друг, как Коля, у меня интересная работа с широкими перспективами. Что мне еще больше нужно? ...А война со всяким начальством это мне вроде спорта... Не могу жить без бурь!

...Уже в 16 лет Коля был основным работником в семье, и образование у него 3 кл. Я ему сказала, что я очень уважаю его, ценю и люблю, но только плохо, что он не может меня понять во всем, поскольку образование не позволяет. ...Поэтому я сказала ему, что хочу, чтобы он учился.

Я чувствую, что я со своим материковским эгоизмом и хамством должна еще поучиться у него уважать людей. Влюбиться у меня уже нет сердца, все высохло. Тут у меня разум. Пусть у него не хватает образования. Он зато так же живет станцией, как и я. Он не равнодушный безразличный человек, умеет ненавидеть и любить всей душой. И главное – он не контрик, хотя и он сам не сознает, но достаточно патриот. Прошел хорошую школу в армии. Жить с ним хорошо, спокойно и радостно.

...Мне иногда делается стыдно за свою нечуткость, грубость, именно здесь, среди камчадалов. Только я возмущаюсь часто, что они стыдятся называть себя камчадалами, позабыли родной язык (по-русски говорят не чисто, часто повторяя такие сибирские слова, как «однако», «паря», «шибко») и очень подражают материковским, не сознавая, что во многом материковские, особенно по ту сторону Урала, не годятся им даже в стельки к торбасам. ...это хорошие люди, сильные и смелые, без рисовки. Они так выросли. Они не осознают своих достоинств.

...С облисполкомом у меня скандал: захотела принять работника, который не захотел быть в колхозе, а работник он замечательный.

2 июня 1948 года

...дней на двадцать была закрыта дорога из-за распутицы, и я была с внешним миром только связана телефоном. Место, где расположилось с. Малки и в 5 км севернее – моя станция, исключительно красивое. ...Рабочих на станции у нас трое. Двое из них больны. Один добросовестный, но больной сильно, а другой такой это материковский мужичок, как раз тот тип деревенский, что я ненавижу. Как говорится, «говноед» и способен на всякий обман. Но работать можно, если прижимать его покрепче. Где же возьмешь такого, как мой третий рабочий, такие люди и такие семьи вообще, как золото в песке. Это камчадал, или как сам он говорит местный (здесь все считаются русскими и делятся на местных и материковских). Зовут его Коля Аббакумов.

...Вся семья Аббакумовых исключительно работающая, все прездоровенные, хозяйственные, и служит их дом перевалочной базой для всех почти проезжающих и пропускном для большинства деревни, так как Колиного папашу с нашим папашей вместе связать, будут два сапога пара.

...Коля исключительно сильный, выносливый, работающий, и не знаю, что он не умеет делать. И что еще, так аббакумовская честность не вызывает сомнений, а Коле я доверяю абсолютно, как самой себе, не думайте, что это я так восторгаюсь, а потом буду плакать. Я научилась и не доверяю никому, только Коле. Хотя бы потому, что для Коли я далеко не безразлична, даже

очень и всякую морщинку на моем лбу он переживает, всякое мое огорчение приносит ему больше боли, чем мне. Он очень чуткий, заботливый и понимает с полуслова. Только ему не хватает образования.

...Меня сердце влечет беспокойное бродить и все повидать, но, наверное, стационарное изучение определенного района может дать больше. Как говорит мой научный руководитель Семко: научное учреждение – это не туристское бюро. К светской жизни меня не тянет.

...мне почти 30 лет, не пора ли бросить гоняться за журавлями, не пора ли определиться. Так со своим беспокойным сердцем и буду всю жизнь искать места в жизни. Может зажать сердце...

Без даты

Опять изменения в моей жизни. И приятные, и нерадостные. Вдруг неожиданно известие о том, что меня снимают с директорства и направляют в экспедицию, а потом неизвестно куда.

...Поэтому я решила не расставаться с ним (Николаем Ивановичем), и, когда нам грозила разлука, то пошла и зарегистрировалась. ...Лучшего мужа, чем Коля, не найти. Еще мы с ним не жили, и я тогда еще думала, что счастливая будет его жена.

...Вообще, моральный облик местного населения, настоящих камчадалов выше, чем у материковых. Здесь никто не удивляется, что муж нянчится с ребятишками, носит воду, помогает жене. Нашей женщине достается больше. А я попала в семью, которая отличается и на этом фоне своим гуманизмом, дружкой, сердечностью.

Без даты

Живу с Колей и его семьей очень и очень хорошо. ...Во время экспедиции, где я пробыла всего 10 дней, заболела и, воспользовавшись этим, осталась в Малках. Как мне не хотелось сюда ехать, настолько теперь меня отсюда никуда не выживешь, кроме как в родную Сибирь. И устроилась снова на станцию только рыбоводом. ...На станции у нас другой директор, не скажешь, что идиот, а просто повезло нам на подлеца.

...Вообще, он был инспектором рыбным и до того привык всех прижимать и ставить от себя в зависимость, что я то молчала, но всех он рабочих разогнал, остались мы с Колей да еще один, а теперь не знает, на кого свалить.

Без даты

...И что вздумала Стефания Георгиевна ехать на Камчатку. Вовсе здесь далеко не золотые горы, а положение гораздо хуже, чем на материке.

Без даты

Зд. детка!

Наконец собралась написать это письмо. Письма писать вообще тяжело для меня, но я обещала тебе и должна выполнять свое обещание.

Кроме того, это письмо – упражнение по немецкому. Я должна знать немецкий и буду говорить по-немецки, если я решила. Занятиями хочу заполнить свою пустую жизнь, избавиться от пустоты жизни, от скуки, но иногда ничего не хочется делать, и этим не могу спастись.

Живу только думами о будущем.

Вспоминаю прошедшее и грущу о нем. «Воспоминания – единственный рай, из которого нас нельзя выгнать», – сказал один мудрец. Я согласна, он прав.

Пока учу деток ботанике и немецкому.

7 ноября 1949 года

Осенью Николай для сына приобрел ванночку, железную кроватку, себе тоже железную кровать. Сделала матрасик, одеялко, дали нам клееночку, кое-что пошила ему, так что есть, что на него одеть. Нет теплого одеялка, но папка нам набьет уток и чаек и сам простелет пуховое одеялко.

Без даты (примерно 1949–1950)

У нас есть хозяйство, что, конечно, до некоторой степени связывает, но с другой стороны, будто мы не люмпен-пролетариат, а солидные собственники: нарта собак (8 штук), хорошие

собаки, 2 кошки (он и она) – заедали нас крысы, корова (Верне, в будущем) летом отелится, пока мама дает молока достаточно. Корова у нас появилась случайно. Это приданное Лены, Колиной сестры. Ей 18 лет, но у нее уже дочка, муж недавно умер (тоже 18 лет) от паралича, о корове надо заботиться, готовить корм, и поэтому она отдала ее нам. Надо будет за эту телку ей хоть пальто купить. У нас-то у самих с одежкой плохо. У меня флотская шинель (наша форма), а со шмутьем особенно плохо у Коли, но все надеемся, что заведем. Телка хорошей породы. Кроме того, щенок Трезор (1 месяц), еще глупый и смешной, порода, конечно, крупная. «Бобочек» камчадалы презирают. Они только портят породу хороших собак. Уже сейчас на всех лает, а в свободное время забавляет меня, а то тоскливо. Его подарил дядя Гоша своему племяннику.

Живем мы в собственной землянке – делается она так: врыты столбы, кругом и сверху обставляется жердями, а все вокруг обкладывается дерном. Внутри благоустраивается в зависимости от возможностей и вкусов хозяев. Чтобы не было сырости, надо хорошо топить, но папа у нас не ленится возить и колоть дрова (даром они), а мама любит тепло и топит на совесть. Наша землянка была еще в прошлом году построена бывшими рабочими станции. Потом там была конюшня. Затем Коля выгреб из нее все: с полметра выкопал земли, лошадей у нас не было, и он на себе натаскал кирпичей на печку, где-то свиснул...

Без даты

...За жизнь и здоровье Андрюшки чувствую ответственность перед всеми Абакумовыми. Все его очень любят. ...Живем мы все очень дружно, хотя и очень тяжело приходится: нет транспорта, жилья, все приходится Николаю самому: и кирпичи для печи сам натаскал, землянку ремонтирует (почти снова все делает), рыбу сам запасает для себя и собак и сено и помогает в работе чисто биологической: обследование нерестилиц.

Без даты

...В Малке, правда, коллектив спаянный (все село 20 дворов), отзывчивый на все общественные мероприятия, но все

же бедно духовно они живут. Все же основные занятия молодежи после работы – карты, выпивка, «любовь» чуть не с 12 лет, похуже, чем любовь. Это здесь явление обычное. Добиваюсь перевода в Малку директором и, добившись, кроме основной работы, возьмусь за культурную. В этом отношении есть у меня уже заслуги – уважаемый редактор стенгазеты, и вообще меня там народ, скажу не хвастаясь, уважает и любит. Культурные кадры там супруги, учитель с женой фельдшерицей (прекрасный организатор, но нужно обкультурировать саму, хотя и считает себя москвичкой). Так баба ничего, не плохая, только иногда напоминает мне нашу Нину-халду в прошлом (не сердись, сестричка, ведь правда?). Буду членом общества по распространению политических и научных знаний.

Подписались за мир. Здесь граница. Хоть бы какого завалящего шпиона поймать. Да что им делать на станции. Не захотят, гады! Хоть приглашай.

Без даты

(Колин папа) ...Он очень хороший охотник, знаменитый, можно сказать. Его все знают, можно сказать, что единственный наследник богатого опыта лучших охотников за соболем и лисой. Он уже за этот месяц убил 5 соболей и 2-х лис (за первую половину XII). И так же, как наш папа, горюет, что он один из последних очевидцев прошлого Анжерки, так и Колин папа горюет, что с его смертью уйдет не переданным молодежи богатый опыт, целая наука охоты за пушниной.

Без даты

(конфликт с директором станции) Вообще, мне сейчас очень тяжело, но Колина забота и любовь и дружеская поддержка помогают мне перенести это тяжелое и материально, и моральное время. Когда видишь, что человек делает все, чтобы только было хорошо, проявляет максимальную чуткость и заботу, тогда легко перенести и недочетки, и все трудности моральные. Радует меня также и то, что в противоположность ...Коля и вся его семья отличается высокой нравственностью. Воровство вообще здесь у нас – последняя ступень падения.

Без даты

За два месяца задержали зарплату. Еще за ноябрь и декабрь не получили. Вообще наше Управление это не учреждение, которым можно гордиться, а какой-то шалман. Может быть, теперь станет лучше, так как начальником Управления сейчас назначили человека, окончившего Мосрыбвуз, по-видимому честного партийца, 10 лет работавшего директором рыбопроизводного завода в Ушках, о его жене Марии Андреевне Андреевой пишет С. Бытовой в «Камчатских встречах», между прочим, правду пишет – он на своей шкуре испытал наше существование и заинтересован в рыболовных делах. Я его лично знаю, он деловой мужик, как мне кажется.

Мы с Андрюшкой сейчас одни хозяйничаем на станции, директор с женой в городе, у них дочь едет с внучатами на материк, а Коля вот уже пятый день на озере, хочет убить баранов и попутно обследует озеро (18 км от станции). Охотятся на горных баранов высоко на самых сопках, забираются туда, даже отсюда страшно смотреть на эти вершины. Охотятся коллективом в 3–5 человек и больше, есть загонщики и есть стрелки. Это же бараны вроде альпийского «Крэга – горного барана» Сетона-Томсона. Одного барана мы уже съели. Осталась только голова, рожки да ножки. На вкус баранина, как настоящий баран.

Андрей растет всюю, только доставать все трудно. Кормлю его рыбным супом с овсянкой. Ничего, ест. Или толокном из белой муки. Грудь тянет, молоко есть. Уже почти самостоятельно сидит. Когда кричу «Трезор, Трезор», ищет его глазами. Игрушек у нас нет, и играем посудой и маминим футляром от очков. Он не толстый, но крепкий и подвижный, очень хорошенький и умный. Весь в родителей.

...над Андрюшкой трясусь, так как нет врачей и консультации, в лесу и страшновато за ребенка.

Без даты

...Воинственная очень семья подобралась ...Андрей еще себя не показал, какой он, но, наверное, пойдет по этой же дорожке. Мама тоже всех любит, а если когда и получают столк-

новения, то отнюдь не принципиального характера (принципиальные вопросы решаются мирным путем), а из-за горячего нрава папы и вредного, типа «сибирской язвы», характера мамы, с ее ядовитым язычком, который иногда она не в силах удержать. Все это не мешает нам жить очень дружно, правильно когда-то папа мне говорил, что у людей должно быть общее мировоззрение и общие интересы, пусть даже они совсем разные люди, и, главное, они должны друг друга уважать.

Вот Олимп (брат Вероники Вячеславовны), несмотря ни на что, простота, вроде моего Коли и меня тоже. Тоже дура, но меня могила только исправит. Мне только с таким чистосердечным, как Николай, и жить. Он когда врет, его сразу видно.

28 июля 1950 года

...мы их у себя посадим и введем посадку садовых цветов во всем районе. Кровь моих предков, как видите, не дает мне покоя. Словно кто шилом тычет в задницу на общественные дела. Вообще, иногда взглядывая на себя со стороны, вижу иногда папашу или мамашу. Особенно, когда начинаю кого-нибудь подъедать или доказываю вред спиртных напитков, вставляя во всех случаях замечания, что это от пьянства, то так же упорно и надоедливо, как мама. Даже таким же голосом. Совершенно произвольно, сама себя на этом ловлю.

Без даты

Могу сказать, что думаю с Камчатрыбводом порвать и переключиться на массово-просветительскую работу в Малке – ну их к черту. А по специальности все равно буду работать в порядке краеведения. ...Шибко тошно в Камчатрыбводе.

Рэму (брату) – чтобы он ничего не выдумывал, а вплотную занялся подготовкой для меня базы для кукольного театра (думаю организовать), куклами, репертуаром, советами в организации его. Кроме него и мамы мне помочь никто не сможет – в наших условиях организация кукольного театра – огромной важности дело.

Без даты

Милые вы мои родные!

Простите, что не сразу отвечаю. Меня уже сегодня по этому поводу Николай пилил. Он меня часто пилит за отсутствие системы и порядка, прямо карга, а не человек. Он, наверное, хочет, чтобы я была не жена, а ангел. Вообще мы друг у друга понемногу искореняем недостатки, только я более инертна в самоусовершенствовании.

...если бы можно было, я бы с удовольствием отдала Андрея в ясли, т. к. он меня связывает и не дает в полной мере заниматься работой, что служит поводом в некоторой только степени для переживаний. Мальчишка он хороший, спокойный. Сейчас немного капризничает, т. к. лезет 6-й зуб, но на руках бывает редко, а все ходит и фокусничает в кроватке, спать сам укладывается, предварительно перевернув то, что ему постелено в точности как «Усатый полосатый». Ну разве так спят!!! Его удивляющее всех спокойствие и самостоятельность – безусловно, заслуга его мамы, которая не может органически держать ребенка на руках. Папа его балует и с увлечением в редкие свободные минуты с ним возится. Что выйдет из этого ребеночка, просто не знаю: лазает везде, куда можно только залезть, у отца и других охотников выхватывает финку из ножен, если они близко усядутся. Вот и сейчас, пока я пишу, он мостится, т. к. хочет спать и подушка уже совсем не там, куда ее положила мама. Вообще о нем можно писать очень много...

1951 год

...17 июля 1951 года родилась дочь Галя. Все очень волновались, чтобы роды прошли благополучно. Особенно, Коля. У него забота выражается не в ласковых словах, а скорее – он строжится и кричит на меня, чтобы берегла себя. Забота у него деловая. Безусловно, это приятнее, чем слова.

...Коля мой старается из всех сил. У него замечательная черта: когда у него срочная работа, особенно за которую он ответственен, он никогда не делает ее кое-как (вообще, он ничего не делает кое-как), а когда он устремлен к определенной цели и чувствует ответственность, то никаким его спиртом не соблаз-

нишь. 6-го августа вместе с Колей тонул его непосредственный начальник почты и его племянник. Племянника Коля вытащил, а нач. отд. связи так и не нашелся. Теперь еще никого вместо него нет, а вся ответственность за заготовку корма собакам на Колиной шее. Так что его я совсем почти не вижу. Он все время на рыбалке. Если его сравнить с литературными и другими героями, то по характеру он похож больше на Харитона из «Большой жизни». С этим согласна и его родная мама. Когда мы смотрели эту картину, то я сказала ей: «А вот наш Количка. Только у Колички потверже характер»... Если видели вы кино «Алитет уходит в горы», то там в точности показано, как у нас ставят капканы (даже папа одобрил Колин) и как на собаках ездят...

Без даты

...В лесу я больше не осталась, т. к., может быть, я и сделала огромную глупость, но будучи неисправимой идеалисткой и тоскуя в лесу по людям, перешла в культпросветотдел. Работаю в Малке зав. избой-читальней. ...А чтобы здесь работать и наладить культпросветработу нужно чем-то людей заинтересовать, в корне перевернуть их привычки. Бедность, разболтанность в колхозе и во всем селе, так же и в окрестных селах, ужасающая и прогрессирует. Единственное, что вызывает интерес – это спирт (несколько утрированно, но все же – правда), надо что-то делать, в корне все ломать, чтобы у людей было желание действительно жить по-человечески.

Без даты

...какое должно быть умственное и физическое развитие двухлетнего ребенка, навыки и умения? Мне кажется, что Андрей должен больше говорить, но здесь все ребята умственно отсталые от таких же ребят наших. Меня это лично не устраивает несколько ...здесь и кино бывает раз 5 в год, радио и в помине нет.

Жду третьего ребенка числа 20 июня. Это, с одной стороны, и радость и еще больше – горе, что в тех условиях, в которых сейчас приходится жить, очень тяжело иметь ребят, не материально, а из-за того, что их девать некуда.

А вообще-то, конечно, это не горе, это под настроение написано, а вообще-то у меня частенько «ум расходится», особенно, когда тяжело.

...Сын говорит немного: папу зовет Коля или папа Коля, игрушек у него почти нет, и он играет в «ляльку», наскоро свернутую из какой-нибудь тряпки. Если, по его мнению, «ляля» хочет кушать, то задирается рубашка и дается лялке титя, Вернее ее засовывает туда. Очень любит плясать под гармошку или гитару. В присутствии папы и мамы капризничает больше, чем без них. Мужчин никого не боится, но женщин незнакомых не признает, даже некоторых почему-то боится. Удирает в каждый удобный момент на улицу, хоть привязывай.

Без даты

...Недавно на сессии с/исполкома (между прочим, я депутат) говорили о том, чтобы прекратить пьянку, и в первую очередь должны прекратить сами, но слишком часто решения у нас остаются только так. С завтрашнего дня хочу открыть травлю пьяниц в газете. Неудовлетворенность в работе, тяжелые условия существования, не имея своего угла и возможности работать из-за ребят и проч., проч., приходит мне мысль спасаться бегством, бросить все и перейти на более спокойную и во всех отношениях более выгодную работу. Но опасение оказаться дезертиром перед самой собой, летать с места на место, останавливает меня. Совесть моя не может умолчать о моей семье, о Коле и детях. Любим мы с Колей друг друга очень сильно по-прежнему, но даже на любимого человека не могу закрывать глаза. Вернее, недостатки близкого и любимого острее и больнее чувствуются, а обманывать себя я не могу. Мне легче смотреть правде в глаза. Я вполне верю тому, что когда мы сходились с Колей, у него были самые благие намерения повышать свой культурный уровень, расти и проч. И они его и сейчас эти намерения не оставляют. Но в сильном, умелом теле должна быть не мене сильная воля. Почему-то для достижения хорошего нужно всегда много усилий, а на плохое – абсолютно никаких. Если бы было наоборот, то люди, наверное, сразу бы попадали в рай. Так и моему Коленьке мешает наше общее в Малках бедствие –

спирт. А так мы с ним ни из-за чего не ругаемся, друг друга не ревнуем, не изменяем, дети нам обоим дороги по-настоящему, умный, хороший, честный работник, хороший товарищ (вот это и беда, что слишком хороший). Конечно, очень приятно, когда мужа хвалят как хорошего работника, отзывчивого товарища... Когда выпить зовут никогда не откажется.

Андрей у нас растет крепким мальчуганом. Боевой до невозможности. Лазает и все достает. Рост у него солидный. Залазит и вылазит из кровати, как он хочет сам.

1953 год

...работа меня удовлетворяет, но и то до некоторой степени, но материальные условия и бытовая обстановка, конечно, очень тяжелые. Еще Маркс говорил об идиотизме деревенской жизни. Может быть, этот идиотизм уже выветрился там где-нибудь в передовых колхозах, а у нас все очень отсталое, и он остался по-прежнему, да еще плюс к этому национальная окраина, глушь, дикость, пьянство. Конечно, в сознании людей есть сдвиги, но очень они все же туги на мозги. Когда-то папа со мной спорил, что ничего нет хорошего в тайге, если эта тайга не совмещена с культурой и техникой. А во мне играл глупый романтизм, и я с пеной у рта доказывала, что тайгу надо сохранить во всей этой первобытной прелести. Бредни кабинетных интеллигентов! Как вот этот интеллигентик корчует эту первобытную поросль в мозгах, так тяжело приходится. И мечтает о тех золотых днях, когда с первобытным обществом и с первобытной природой будет покончено. По горло первобытностью сыта. Бог с ними и с комарами, и с собачками (паровоз лучше, электровоз еще лучше)... Но интересно то, что ты тут в этой ликвидации первобытности не последний человек. Даже в районной газете хвалят.

17 апреля 1953 года

Меня приняли в кандидаты на партсобрании в Малке, будут завтра или послезавтра утверждать на бюро. Что значит – работник массовой и депутат сельсовета. С нами считаются и уважают районные работники.

1953 год

Кончается мой кандидатский стаж, подаю в партию. Готовлюсь, веду молодежный политкружок, дома – эта мелочь, своя работа и по дому для семьи, агитационная работа, эти дни в клубе почти каждый день кино – все создает большую нагрузку. Еще помогаю в колхозе, т. к. положение в наших колхозах очень тяжелое. Все они из-за своей малочисленности и небольших размеров держатся на «пердячем паре». Меня поразило, как тяжело все население нашего села, даже самые как будто отстающие люди, переживали смерть т. Сталина. Как переживала наша семья, говорить не приходится. Они малограмотные, но настоящие советские люди.

18 мая 1955 года

...Добиваюсь перевода в школу. Хуже не будет, но срывать-ся приходится с насиженного места. А в условиях Камчатки это не так просто. Но недаром поется, что кто хочет, тот добьется. Под лежачий камень вода не течет.

Дети и семья в общем хорошо. Целый день носятся, и поскользку еще у нас кругом снег и вода, то так нахлюпаются, что просто невозможно. По два или по три раза в день их сушишь. У Николая очень мало времени, он все время на работе. Дети виснут на нем, как только он появится. Семья дружная и любящая, а это очень во многом помогает.

...Андрей недавно пытался поймать бабочку, насыпав ей соли на хвост, не соображая, что это шутка. ...Андрюша рассказывал «Очки» Барто в клубе и на утреннике 1 мая.

5 сентября 1955 года

...в первую очередь на учительскую работу направляются молодые специалисты. Меня поставили на учет в облоно, но учебный год начался, а я еще работаю зав. избой-читальней и проработаю еще полтора года до отпуска, а потом приедем к вам всей семьей.

...Народ у нас растет боевой. Андрюша уже позавчера вывез на колхозном сенокосе 192 копны (выполнил 2 нормы). Вчера ему работу перебили старшие школьники.

Галя заботится и играет с Томочкой, носит маме вместе с Андрюшей дрова и иногда, когда они с Томой остаются одни, то так успешно хозяйничают, что маме приходится результаты их работ расхлебывать по полдня: они могут «выстирать» белье, уже замоченное мамой, собрать недосохшее, вылить молоко на стол, отломать хлеб и расставить по всей комнате грязную посуду. Вообще инициатива их неистощима.

1956 год

(мысли о переезде в Сибирь)

...Нам не так нужен дом, если будем работать, то без крыши над головой не останемся, как подходящее место для жительства и работа подходящая. Николая даже можно использовать в экспедиции, как рабочего, т. к. у него большой навык лазить по сопкам. Вообще он, конечно, будет работать везде, только грамота у него не очень, а работяга он хороший.

...Мы выписали радиоприемник «Заря», теперь слушаем. Папа Коля у нас главный радист. Сам установил, сам исправил, когда 2 раза силами мамы и Андрюшки радио не говорило. Толковый мужик, подучить бы его еще.

5 июля 1956 года

Здравствуйте, родные наши!

Отбываю заключение в нашем Малкинском роддоме. Все побежали к прилетевшему геогидравертолету, а меня с Володей закрыли на замок, чтобы не сбежала. Родила я 3-го июля в 3.30 дня. Чувствуем себя с сыном очень хорошо. Он парень здоровый, около 4 килограммов. Похож на Галю, которая давно уже мечтает о «ляльке», с которой будет нянчиться. Андрюша с Томой тоже очень довольны, а особенно доволен папа Коля. Доволен и прибавлением семейства, и тем, что все обошлось довольно благополучно, т.к. изрядно трусившая на этот раз мама Вероника проводила с ним разъяснительную работу: как воспитывать детей в случае «моей смерти». Папа виду не подавал, но сейчас он как будто вздохнул свободней. Как будто с него что-то свалилось. Папа у нас такой заботливый, что меня даже завтра выписывают, т. к. надеются, что мне будет обеспечен дома соответствующий надзор и уход.

Без даты (уже родились Володя, Тамара, Валера, Нина)

Живем дружно и хорошо. Все бодрЫ, здоровы, трудятся, бродятся в лужах, удят рыбу. Недавно Валера изловил двух гольцов размером до 50 см, по этому поводу в течение получаса исполнял танец диких индейцев. До этого он ловил, но маленьких, размером до пескаря. Вова – заслуженный рыбак, уже кормилец семьи. А Андрей и папа вовсе. Нина тоже ловит пескарей, а Галя – заслуженный рыбак.

Без даты

...У нас сейчас в Малках большие изменения: совхоз, а не колхоз. Коля работает плотником в совхозе. Пока для нас лично никаких особых изменений нет, но, вероятно, совхоз построит новый клуб и вообще людям будет легче жить. Наши планы в отношении поездки на материк не терпят изменений. Конечно, на Алтай и по возможности в горную часть его. Моим камчалам будет легче переносить изменения как в отношении климата, так и образа жизни.

...не все и у нас гладко бывает... тут изо всех сил стараешься не опускать семейной жизни, но вместе с этим нужно перестраивать и весь Малкинский уклад жизни, т. к. нет у нас изоляции городской семьи от семьи, а тут полдеревни своих и вся деревня как одна семья. По мне вы, наверное, заметили, что «каким был, таким остался», даже, кажется, и умнее стал ваш орел, залетевший на чужую сторонку. Только поглубже, порезче, попсиховатей. Последнее обуславливается нашей трудноватой действительностью. Тем, что сам характер, депутатская книжка и совесть коммуниста заставляет меня быть в каждой дырке затычкой, а так приходится в наших условиях единой сельской семьи. И своя семья тоже самое. Но у меня, я повторяю, другое. И мы все связаны крепким чувством друг к другу и к детям. А всякие недоразумения могут происходить из-за того, что любимый человек временами не отвечает идеалам моим, а тут я не могу примириться. Дети у нас под моим влиянием (сверху приписка: или общим влиянием). Николай меня поддерживает всегда. Сейчас я спокойнее и лучше со здоровьем, т. к. этого наследника уже вынашиваю без особых приключений уже 6-й ме-

сяц. ...Николай меня охраняет, как стеклянную, чтобы не разбилась.

Без даты (1958 год)

...Работаю в с. Коряки зав. клубом, а не зав. избой-читальней. Я сначала стала бороться за Малку, а потом решила, что не стоит. Там было, где нам жить, а здесь живем у Колиной сестры Оли. Оля очень любит племянников. Со мной живут Вова, Марина и Андрей, обучение и воспитание которого я, конечно, никому доверить не могла. С т. Олей и ее мужем живем очень дружно, т. к. единственной причиной ссоры может быть то, что они слишком балуют Вову и Марину. Своих у них нет. Папа Коля с Галиной и Томой еще в Малках. Ждем его со дня на день. Он тоже устроится здесь, и нам дадут квартиру. Марина стала полненькой и всю ходит по кроватке. Вова помогает тете Оле кормить чушку «Бомо», уток и куриц и собачку Джульбарса. У комнатной собаченки Линды щенок, и Вова его воспитывает. Тоже самое в отношении кошек. Так что работы у Вовы полон рот. Андрюша приволок еще одного щенка, так что у нас сейчас 4 собаки. Вова еще по кустам пасется, на шиповнике. Андрей рыбачит и помогает т. Оле копать картошку. Школа здесь десятилетка. По всем правилам.

1958 год

...Соболи нам сейчас не по зубам. Мы живем в Коряках, и Николаю здесь охотиться не приходится. У нас все грипповали и очень тяжело.

(Дети) ездят на папе верхом, когда он приходит домой отдохнуть ...причем отдых проходит очень динамично: койка с пружинным матрацем, и все это подскакивает с восторженными криками. Иногда даже сюда пытается включиться и старшие: но Андрею уже неприлично: парень уже носит обувь такую, как мама. Не залезешь же на отца верхом. Хотя еще иногда и называется всего 9 лет. Ходит с отцом, а иногда и один на рыбалку. Удит рыбу, правда, пока небольшую, т. к. большой нет, помогает по хозяйству: вода, дрова, магазин и пр., и пр. Учится не так, чтобы плохо, но иногда все срывает поведение, а усваи-

вает все хорошо. Галка в учебе лучше, чем Андрей ее возраста, но у него со счетом было лучше. Ведет себя безукоризненно в школе и не совсем – дома. Выдумщица. Томара уже может лепить стаканчики из папье-маше, по целым дням может рисовать. Вова играет с ней, тоже рисует, и кроме того у Вовы забот еще полон рот: Витя (бывший Буратино), без которого Вова не делает ни шагу и спит с ним, и надо Витю накормить и даже сделать ему «пуку» – клизму.

Папа наш работает сейчас на развозке хлеба по торговым точкам. Остальное время с ребятами. Пьет он совсем редко и очень мало. Он целый день находится среди бутылок с московской, но срывы, да и то незначительные, только в получку. Нам нужно рассчитаться и кое-что приобрести.

...Мне Коряки и Корякский клуб гораздо меньше нравятся, чем Малки и Малкинская изба-читальня, но об этом говорить нечего. В Малках вообще работы нет и не будет, пока там не будет строительства.

Октябрь 1959 года

...14 октября у нас родился Валерка. Не пойдем, на кого он похож. Говорят, что не на камчадалов, а на меня. Все с ним хотят нянчиться.

...Здесь у нас не совсем получилось ладно с работой: сокращают должность зав. клубом, и приходится писать прокурору и вообще хлопотать и скандалить. Но с питанием у нас хорошо: картошка, капуста, мясо, рыба, ягода и пр. подножный корм – все это свое и поэтому поправляемся.

...Коля будет охотиться. Он вчера убил медведицу. Андрей тоже собирается охотиться на горностаев и зайцев.

1960 год

...Терзаюсь за свое молчание, но очень мало времени: я завклубом, кроме того дети и хозяйство: корова, теленок, маленькая свинка и две курицы. Корова пока дает 8 литров. Ей всего 2 года. Отелилась месяц назад. Николай нигде не работает. Зимой охотился, сейчас за медведем уехал и заготовил лес на дом. Собираемся строить дом просторный для моего семейства. Если

для всех дел нанимать, то еще больше потратишь, а ему с сеном, с домом, с рыбой дел будет выше головы, и так вздохнуть не придется.

Народ у нас боевой. Маринка рисует, гуляет, говорит почти все. Валера (7 м.) ходит немного по кровати, почему-то высунув язык. Найда сидит на цепи, т. к. иначе пытается охотиться на кур. Вова лазает по всем лужам, целый день носится со своим ровесником. Тома помогает маме, а в свободное время рыбачит с Андрюшей, собирает черемшу и цветы. Андрюша и Галя учатся.

...Живем мы сейчас материально неплохо. Питание нормальное, в рационе начинает появляться молоко.

...У меня растет хороший коллектив. Много, конечно, недостатков, но они дружные, заботливые, трудовые и не жадные.

Без даты (декабрь)

..Отец тоже из-за пурги и других условий пока дома. Как будет полегче, то выедет на охоту. Охотится он неплохо. Поймал 2-х выдр, 16 соболей, 2-х лисиц, 26 горностаев, 6 зайцев. А позавчера они с Андреем ходили за лисой, а убили здорового глухаря.

...(о детях) Забот с ними хватает, но когда все вместе, то радостно. Много с детьми забот, но и очень много радости. Но и от общественной жизни ни я, ни Николай не отказываемся. Это такие характеры. Хотя друг друга временами и поругиваем за это, а сами и уважаем друг друга за то, что не равнодушные мы люди.

Без даты

...в нашей жизни несмотря ни на что, ни на всякие неприятности и трудности все же было много хорошего, полезного людям. Пусть не совсем удачно сложилась жизнь. Только думается, мало мы еще в жизни делали. Но то, что делали, то с чистой душой от всего сердца, грязь к нам не пристала, а жизнь не сломала, а закалила. До того временами закалила, что милиционеров мной пугают (это напрасно: я их не обижаю).

Без даты

...А у нас снег и на месте моего цветника видна верхушка камчатской черной боярки – хоремы. 2 метра будет, наверное. А тепло, летают разные насекомые и бабочки. У меня зудят руки заняться земледелием, но до земли еще далеко. Папа Коля ездит на работу на собаках, и Нина прокатывается по утрам.

Без даты

...Андрей не захотел в 9 кл. учиться и сейчас работает грузчиком на молокозаводе в Петропавловске, по выражению здешних пижонов, «в Питере». Парень здоровый и пусть узнает, почем и как достается хлеб с маслом и все остальное, если не захотел учиться. Работает временно. Не имеет еще паспорта. Вот эти два обстоятельства меня беспокоят. А так он собирается на следующий год поступать в Мореходное училище, там же, в Петропавловске, там есть или, вернее, будут подготовительные курсы.

Без даты

...Все у нас разъехались, и снова нас четверо. Андрюша уехал в Октябрьское профтехучилище морского и рыбацкого профиля: машинисты холодильных установок, механики, судоводители каботажного плавания. Это в Большерецке где-то, на западном берегу, на берегу Охотского моря. Там он будет жить на полном гособеспечении. Галя учится на дошкольника, дети вообще ее любят, особенно 2–4-х летки, но иногда она на старших особенно психует. Возможно, это временное явление. Пугается психологии. Ей дали талон на питание, как дочери камчадала (коренного жителя Камчатки), но одежда своя, и я ей уже заказала, и она выкупила форму (тройку) за 52 р. А как дальше будет, не знаю, может, и дальше ее будут кормить бесплатно. Тома в Коряках у тети Оли. Вова в Елизовском интернате, но ездит к тете Оле. ...Нина и Валера помогают маме и папе. Папа поставил сено. Теперь берется за заготовку дров. Достается ему здорово.

...Вашу (посылку) мы получили. Я хотела себе взять фонарик, но Андрей заявил, что нигде не написано, что фонарик маме и утащил его с собой в город и там хвастал перед Галкой.

Без даты

...Папа наш пытается убить медведя. Может, повезет, то будем с мясом. Андрей ему здорово помогал, а теперь ему все же одному тяжелей. Но надо же парню учиться. Я все по-прежнему с книгами, с библиотекой, с хозяйством. Были бы вы поближе: сколько у нас молока, творога, сметаны, варенца...

17 июня 1964 года

У нас все хорошо. Посадили мелочь, садим картошку, расширила цветник. Стиральную машину подключаем к электросети. За неимением будем подключать к папе (шутка). Свет у нас есть уже год. Очень облегчило это наш труд.

...Андрей в Ильпыре, далеко на севере (катер «Фреон»). Он на практике. Галочка готовится к экзаменам. Все у нас бодрь, здоровы и жизнерадостны. Папа тоже молодец. Пашет огороды всем. Я перевоспитываю всех и вся, а сама иногда зарываюсь.

14 марта 1965 года

Мне на 8 марта подарили мельхиоровую конфетницу и никелированный чайник, а вручили только сейчас. Дарили не всем, тем, кто давно работает.

Папе в госпромхозе (у них был слет охотников) дали премию: настольные часы, черные и отделаны под золото, и на этой же подставке авторучка. С недельным заводом. Я очень за него рада. Он достоин и большего. И мне он много помогает. И часто или терзаюсь сомнениями, всякие мысли лезут, или же зарвусь по горячке, и он часто мне несколькими словами очень, очень помогает. Вот вы уже, наверное, друг друга с папой хорошо без слов научились понимать? Мы и то за 17 лет научились. Особенно Николай. Я когда чем-нибудь терзаюсь, он сразу видит и спрашивает: «Что опять у тебя?»

А я, наверное, это от папы, вечно терзаюсь. Или переругаю кого-нибудь, или же не доругаю, или еще что-нибудь.

Папа сейчас дома, Нина с Валерой хвостят за ним.

...Иногда я думаю, что из меня тоже мог получиться медик. Во всяком случае, в госпитале я была не плохой медсестрой, так и сейчас иногда помогаю нашему фельдшеру лечить родных и знакомых. Очень приятно, когда облегчаешь человеку страдания. Профессия медика была всегда одной из самых человеческих и благородных.

Без даты

Нина ростом почти с Валеру. Вместе что-то поют. Очень у Валерки звонкий голосок и любит петь. Трогательно возит ее на саночках. Успокаивает, ласкает. Иногда дерутся.

Тома и Вова тоже пара. Часто ссорятся и все равно вместе. Тома учит Вову: они работают с конструктором (очень простенький, лучшего не было), с пластилином, с бумагой, ножницами, карандашами. Благодаря сестре Вова рассказывает стихи, немного считает, рассказывает сказки и рассказы, довольно удачно. Помогает по дому и утверждает: «Кто работает, тот долго живет». Где он это подхватил, не знаю.

Катаются на лыжах. Даже однажды с квартирантом нашим поймали петлей зайца. Ждем к Новому году из интерната старших. Галя очень скучает. Андрей, по-видимому, не очень. Уже акклиматизировался.

Без даты

Вовка напоминает Андрея. Тот тоже все умеет.

Радио у нас молчит, т. к. нет батарей (для карманных фонариков). Когда нас нет, то в Елизово есть и в городе. А как приедем, все распроданы.

Много читаем, и я, и Коля. Он сейчас увлекся Лондоном (пометка дочери: у папы было образование 3 класса!).

Андрей упорно мечтает о летном деле. Не знаю, что получится.

1966 год

Все трудятся и помогают под папиным руководством. Он их хорошо организует на всякую работу. Нина и та просится с папой за черемшой. Она уже большая, как и Валера, и, навер-

ное, будет укротительницей тигров. ...Благо поле деятельности обширное: жеребенок, щенки, теленок, кошка с котятками и пр. Когда кошка была в декрете, то папа ей сказал: сколько мяса не даю и все никак не накормлю. Нина заявила: «У нее в животике котятки, они все выхватывают у нее и поедают. Вот она не наедается». А педагоги думают, как объяснить детям деторождение. Мы не объясняем. Они с детства зоологи. Валера помогает всем и целый день забегивается, что надо ловить и кормить.

1967 год

Погода у нас нынче зимой какая-то бешеная: то пурга – снег по колено. Побольше даже. Затем дождь, который все смывает и льет как из ведра двое суток, то ветер. Живем мы сейчас втроем: Я, Нина и Валера. Папа на охоте. Скоро придут на каникулы Вова и Тома. 12 января – Галя. Андрей обещает к весне быть. На долго ли – не знаю.

Нина с Валерой много помогают: вытирают пол, моют посуду, кормили кур и гусей, когда я немного грипповала... А их страшно кормить: они галдят и все лезут, и душа в пятки усакивает. И дрова таскают. По вечерам слушают сказку по радио. Читаю им книжки. Много игрушек, которые они сами убирают. Вообще, я с ребятами не мучаюсь, пока они со мной. Все как-то само собой идет гладко. Вот когда за глазами, то приходится волноваться. Валера – фантазер. Они очень дружны с Ниной, но иногда она от него ревет. А уж реветь-то она любит.

Т. к. не надеюсь на погоду: у нас не всегда из-за пурги ходит почта, то заранее поздравляю вас с Новым годом!

Без даты

...Галя занимается баскетболом. Вова тоже лыжник. Галя очень заботится о Вовке. Андрей проявляет самостоятельность и маме не пишет. А мама волнуется за его учебу. Теперь ей кажется, что лыжи и «Фатей» доведут ее деточку до двоек.

Галя воюет с математическими дисциплинами, и ей в этом единоробстве бывает очень туго. Не всегда победа на ее стороне.

Вова в учебе пока ровно идет. Не плохо. Очень хорошо

пересказывает, осмысленно, с выражением. Но до Валеры им всем далеко. Этот рассказчик изо всех. Один во всех лицах, все очень живо.

Папа охотится в лесу на лис и зайцев. Кошка и Нина с Валерой дома на крыс. Кошка ловит, и папа тоже. Нине и Валере не везет. Наверно, нет охотничьего фарту.

Без даты

...Дошкольный вопрос: почему-то Валера и, отчасти, Нина тоже хорошо запоминают сказки и плохо – стихи. Они их перефразируют безбожно. Андрей запоминал быстро. Рассказывают они сказки хорошо, сами сочиняют. Очень любят рассказывать и слушать. Это входит в ежедневный режим наших занятий. Обычно перед сном. Но стихи они упорно перевирают. У Нины дело лучше обстоит. А Валера всякие лишние, по его мнению, слова просто выбрасывает или переставляет. А Андрей в 5 лет рассказывал «Мойдодыра», «Бармалея», «Что такое хорошо» и пр., и даже со сцены.

Без даты

...Ребята сейчас на каникулах до послезавтра, и поэтому у нас весело. У малышей мордашки загорели до невозможности, и носятся они по целым дням на улице. Солнышко пригревает во всю, но снегу очень много. Они возятся с собаками, крутятся около отца, который делает нарту, просто так играют.

...Вчера был день рождения Нины, я наварила киселя, купила печенья и конфет, и торжественно все угощались. Гости были такие, как Нина и Валера 9 ч. Потом играли в теремок (хоровод – инсценировка), каравай. Инсценировали сказку «Заяц, Лиса и Петух», предварительно ее рассказав. Не знаю почему, но мелочь все время обитает в моем доме, хотя я на них за малейшую провинность рычу. Во время именин я не рычала, наоборот, занимала всю честную компанию, попутно вытирая гостям и хозяевам носы. Но сама хозяйка поссорилась с такой же гостьей, как и она. Потом все они играли на улице.

Андрюша с Вовой рыбачат. Ловят гольцов ростом с пескаря, но много. Ждем, когда выйдут медведи из берлоги.

...Мы основу не закладываем, а они сами как-то закладывались. Видно, кое-кто без досмотра себе основы перезаложил, и вырос вот такой дубина, как Андрей (175 см). Нюнькала бы его, а не рос бы без досмотра, так такой здоровущий не вырос бы. И так же и остальные.

Без даты

...Все более и более убеждаюсь в педагогических способностях и педагогическом такте Николая. Ребята свои и чужие его очень любят и слушаются, и ему не надо так пылить и шуметь, как это иногда делает мама. Маму он частенько одергивает.

6 августа 1967 года

Николай сейчас расстался с госпромхозом, но не навсегда. Работает на рыбстанции, где мы с ним когда-то работали. Я втянулась в культпросветдеятельность, и не потягивает на рыбстанцию, тем паче, что они очень сейчас ограничены в деятельности. Рыбу видят лишь, когда она в воде. На сушу ее вытаскивать не имеют права. А я хоть незаслуженно, а заслуженная деятельница общественная. За столько-то лет жизни здесь и деятельности в каждую дырку затычка и не жалею. Все тяжелое позади. Разлетелись только ребята. Тома в Коряках, Валера с Вовой в интернате, Галя в Петропавловске, Андрей в Усть-Большерецке, сейчас в Ильпыре – на севере. Нина – верный мамин хвост и друг – со мной. Все здоровы, дружны, держат друг с другом связь, бодры и веселы.

Без даты (1966–1967)

...Как мы приехали (из отпуска), он (папа, остававшийся один в Малках и немного «расслабившийся») вместо водки пьет только воду от мытья маминых ножек и очень доволен по-видимому семейной обстановкой, что он не одинок. Чтобы только не сглазить! И Нина целыми днями произносит еще такие речи: «Никакого Пухова (видимо, напугали в отместку за пьянство) мы папой не будем звать! Он вонючий, а наш папа самый, самый лучший, такого нигде нет. Он водку совсем, совсем не будет пить. Ведь правда, папа?» Папа со свойственной ему скромнос-

тью помалкивает, посмеивается и кормит маму и Нину отварными головками рыб. Но разбирать папу будут, т. к. тетя Мотя пожаловалась в с/совет...

1977 год

...Бабушка-старушка (это я) за лето так натренировалась, что хоть сейчас куда-нибудь на разряд спортивной могла бы сдать почище братьев Знаменских. У нас все тоже бодры и здоровы. Валера 11 ноября идет служить в армию. Вова перешел на заочный, весной тоже его, наверное, призовут. Сейчас все братья отправились на охоту за 30 км от Малок. В порядочном семействе положено перед отправкой в солдаты погулять-пображничать, но каждому свое. Дед работает. Нина учится на «4» и «5».

1978 год

...корова отелилась, и воспитывать телка некому, так же некому пить молоко, есть сметану и творог. Ему (Сереже) и Руслану Андрей купил сливки. Они в городе молоко не пьют, т. к. говорят, оно невкусное, а покупают сливки. Он пьет и спрашивает: «Это деда коровку подоил?» Он совсем самостоятельный мужик. Когда мы с ним ехали в город, то он не желал садиться, а ехал в кабине всю дорогу на ногах, т. к. ему так видней обозреть окрестности. На предложение сесть бабушке на колени ответил: «Нет, я тяжелый, я большой».

1980 год

...Руслан все еще в Хабаровске с мамой и Сережей, они там у своей бабушки Тани. Папа Андрюша приезжает к нам часто. Валера работает в милиции, но сейчас после сена трудится на картошке в одном из совхозов. Нина в Палане на практике. Она вышла замуж, ей еще год учиться. Но она сказала, что все равно кончит, хотя у нее в феврале будет маленький. Очень все у нее устроено, но надеюсь, что все же все будет хорошо. Хорошо Нине Никитичне, моей соседке: у нее никого, ни мужа, ни детей, ни внуков. И забот нет никаких. А то развела я их много, и теперь одни внуки меня с ума сведут.

Андрей сейчас служит на переподготовке на каких-то катерах.

Катер этот стоит где-то возле дома, и даже Руслан побывал на нем. Валентину не взяли, чтобы не разглашала военную тайну.

От командования Валеры получили благодарность. Ивановы нас поздравили: значит, у них все нормально. Галочка сама вам напишет. Нина за строительный отряд получила путевку в Югославию, сейчас готовится к весенней сессии, и, вообще, у нее куча дел, оформляется в загранку. Вова сейчас работает тренером в «Динамо». Тренирует работников милиции. Мы с Николаем хозяйничаем у себя в Малке. Снегу у нас еще очень много. Мы ходим и проваливаемся, т. к. дорожки не держатся и все время протаивают. Представляет картина: сугробы снега, а на них кучи каких-то комаров, букашек, мошек летает. А под сугробом до полметра уже вырос ревеня. У нас сосед нечаянно откопал и срезал. С горя съел его. На проталинках начинает появляться черемша (колба)...

Декабрь 1980 года

...В отличие от тебя твоя старшая дочь, как это ни прискорбно, не в тебя совсем и смотрит на вещи реально. Я сейчас живу в Малках, оторванно ото всего, и поэтому зря не рискую и не выдрючиваюсь со своим закаливанием. Знаю, что вывезти меня в случае болезни не так просто. А дел у меня уйма: тоже цветник, только индивидуальный, вернее, Аббакумовского колхоза, огород, теплица с помидорами, с огурцами вторая, прополка, полив, все дедовским способом, как папа говорит – «пердячим паром», т. е. вручную. Заменить меня некому, т. к. основная масса Аббакумовых только периодически наезжает ко мне и навозит внуков. Так в Малках уже были Коля маленький с родителями. Дима тоже с родителями, здесь еще Руслан, который больше ошивается у геологов-буровиков, и когда они наезжают, то с папой или с дядей Вовой и д. Валерой отправляется в дупло ночевать вниз по реке. Его мама отпустила на 2 недели, а там поедет в город, чтобы снова проситься в Малку.

...Дом наш в Малках сломали, т. к. поселок ликвидировали и нам дали квартиру в Елизово. Но мы во всех сараях и стайках понастроили печек, и на летнее время у нас все «о'кей». Хотела еще забрать сюда Колю Вовино, но Вера не отпустила.

...Обо мне не беспокойся. Я сама удивляюсь до чего я разумная: не бегаю голая по улице, перехожу дорогу в положенном месте и т. д. Единственное, что я не делаю, это не даю себя заедать комарам, уничтожая последних дымокурором и ладошками. По новейшим медицинским источникам, это очень полезно, что комары заедают, но их вой действует мне на нервы. И не соблюдаю голодание, ем все, что бог пошлет и что сами добудем...

1981 год, январь

...Новый год мы с Николаем встретили только вдвоем. ...провели встречу Нового года очень хорошо и культурно. А на следующий день Николаю очень не повезло (ну и мне за одно): он вывихнул плечо. И всю ночь не спали, т. к. скорой помощи у нас нет, и даже не скорую я вызвала лишь на утро. ...дело идет на поправку. Зато отдохнул. Но при его характере этот отдых ему хуже болезни. Все бы сделал сам, а приходится терпеть, что делает бабушка-старушка, которой это все не по силам, да и сделает она, может быть, и хорошо, но все же не так, как он, старичок. И на работе без него все не так. Такой уж у нашего Николая Ивановича паршивый характер.

1982 год

Москва, редакция газеты «Сельская жизнь».

Копия: председателю Елизовского горисполкома Лобкову А. М.

Вынесено горисполкомом решение о ликвидации пос. Малки Елизовского района Камчатской области. Мы также просили благоустроенные квартиры выделить нам: Болдыревой и Чуркиным. Стали наш поселок ликвидировать весьма оригинально: первый ордер на квартиру был выдан Чуркиным Матрене Федоровне и Ивану Иннокентьевичу. Оба они пенсионеры, она ветеран труда, работала в колхозе с 1949 года, вырастили семерых детей, имеет подсобное хозяйство: огород, ягоды, всякую живность, как свинью, кроликов, кур. Их предупредили, что им выделили квартиру, предупредили о переезде, дали машину, грузчиков, чтобы помочь им. Обо всем этом позаботился тов. Неустроев М. Ф., председатель Начикинского сельского Совета. Но тут же подогнали трактор, чтобы немедленно сло-

мать дом. Против этого, чтобы дом был немедленно сломан, возражали хозяева, т. к. в таком случае и их будущий урожай, и их маленькое хозяйство оставалось бы без надзора и пропало. Они просили повременить хотя бы до осени, но им было отказано, и поэтому переезд был сорван. Но кому хуже будет, если мы, приезжая на лето в Малки, будем заниматься посильным для нас, стариков, хозяйством, так или иначе выполнять продовольственную политику партии, о чем нам твердит и радио, и телевидение?

Конечно, жить в наших обветшавших домах нам зимой очень трудно: бороться с заносами, носить воду, заготавливать дрова. А летом мы могли бы использовать это жилье. Ведь горожане обычно летом рвутся на природу. А мы – ветераны нашего пос. Малки, если снесут наши дома, не сможем выехать никуда, где смогли бы летом заняться полезным для нас и общества трудом. Людей, всю жизнь связанных с землей, оторвать сразу от земли совсем это равносильно тому, чтобы обречь их на преждевременную смерть.

Мы, жители Малок, пенсионеры, и очень бы хотели, чтобы нам пошли навстречу.

Мы всю жизнь прожили здесь, работали, растили детей. Жителям города дают дачные участки. Нам же, старикам, если и дадут такой участок, что маловероятно, начинать на новом месте будет не по силам.

Закрывайте, товарищи, пос. Малки. Мы никаких претензий не имеем. Не просим ни медпункта, ни клуба. Но дайте нам возможность летом отдохнуть в Малках, посадить огород, нянчить внучат, пока у нас есть на это силы. А зимой мы будем смотреть телевизор, где нас будут призывать заниматься выращиванием всякой живности и огородничеством.

Честное слово, мы этого заслужили!

Болдырева,

Чуркина.

Март 1984 года

...Нам дали трехкомнатную хорошую квартиру, правда, на первом этаже. Со мной живут внук Коля, Валера с женой.

Без даты

23 сентября у нас родился еще один внук Коля – Валерьевич. 3 400 гр. Теперь у вас 11 камчатских правнуков.

1984 год

...У нас все боле или мене хорошо. Валя родила мальчика. Руслан упорно хочет его называть «Сереза Колупаев». Проводилось неделю назад обсуждение предстоящего события. Руслан упорно стоял на своем. 26 января я отправилась домой, т. к. консультация у врача по поводу деда выяснила, что без врачебной помощи он может остаться без руки. Я приехала, а они с Валерой уехали. Дед в областную больницу, а Валера на место будущей работы. Выехали они 27 января, т. к. я доехать до дому не смогла, была пурга, и машины не ходили никуда из города. Деду до часу ночи в тот же день вправили плечо и всего загипсовали. Сейчас он дома, но с одной рукой.

Без даты

...внуки все бодры и здоровы, все по мере своих сил доставляют своим родителям кучу забот. Обычно каждый выходной к нам прибегает второй Коля Абакумов (Владимирович). Он уже большой (5 лет) и соответственно умный. Потом к нам приезжает Саша Зимин со своей мамой. Ездил, смотрела я квартиру, что дали Андрею: очень хорошая двухкомнатная квартира на 3-м этаже, только без балконов.

Димка Абакумов тоже вырос и поумнел: как-то в садике заигрался, описился и заявил воспитательнице: «Ничего страшного!» Залезает в стенку и усаживается там у фарфоровой или хрустальной вазы. Бабушка стала вытаскивать его и разбила себе лоб. Саша стала болтушкой и трещеткой. Очень подвижная девица.

На этом письма Вероники Вячеславовны заканчиваются. И потому мы тоже подведем некоторый итог. У В. В. Болдыревой было девять детей (двое умерли во младенчестве). Из них Аббакумовых. Из них пятеро Аббакумовых (Абакумовых). Вот какими они стали:

Аббакумов Андрей Николаевич: 1949 года рождения. Окончил училище в Усть-Большерецке. Затем энергетический техникум в г. Иваново, сейчас заместитель генерального директора камчатских ТЭЦ.

Аббакумова (Зеленкова) Галина Николаевна: 1951 год, окончила педучилище. Около тридцати лет жила и работала воспитателем детского сада в с. Усть-Хайрюзово Тигильского района. Сейчас на пенсии. Имеет дочь, сына, внука.

Аббакумова (Иванова) Тамара Николаевна: 1953 год. В восемнадцать лет вышла замуж и уехала в Якутию, п. Хандага. Начинала свою профессиональную деятельность в 1974 году учеником продавца в п. Хандага. Была кассиром, бухгалтером, в 1994 году становится главным бухгалтером строительного объединения «Якутгражданстрой». С 1996 года являлась главным специалистом УГП г. Якутска. Последним местом работы стала «Начальная школа – детский сад № 97», где она трудилась главным бухгалтером, 23 октября 1999 года ее не стало.

Абакумов Владимир Николаевич: 1956 год. Окончил Хабаровский институт физкультуры. В 70-х годах был чемпионом СССР в составе эстафетной команды с А. Завьяловым и Н. Зиятовым. Работал тренером в «Динамо», водителем начальника в пожарном управлении. Сейчас – один из ведущих рыбопромышленников Камчатки.

Аббакумов Валерий Николаевич: 1959 год. Служил в ВМФ, после службы работал милиционером во вневедомственной охране (г. Елизово), ныне пенсионер.

Аббакумова (Зеленкова) Нина Николаевна: 1961 год, окончила Камчатский педагогический институт, учитель русского языка и литературы, активно занимается общественной работой (депутат Елизовской районной Думы 1-го созыва, член правления КАМНС, член консультативного Совета при главе Елизовского муниципального образования).